

О. Е. Петрунина

ГРЕЧЕСКАЯ НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО В XVIII–XX вв.

O. E. Petrunina

**GREEK NATION
AND STATE
(18–20 c.)**

Studies in political history

УНИВЕРСИТЕТ
КНИЖНЫЙ ДОМ

Moscow

2010

О. Е. Петрунина

ГРЕЧЕСКАЯ НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО В XVIII–XX вв.

Очерки политического развития

УНИВЕРСИТЕТ
КНИЖНЫЙ ДОМ

Москва

2010

УДК [39(=14)+94(495).07]"17/19"(035.3)
ББК 63.521(=453)+63.3(4Гре)6
ПЗ1

*Для оформления обложки использована репродукция
картины итальянского художника Л. Липарини
«Митрополит Старых Патр Герман поднимает знамя революции 1821 года»*

Петрунина О. Е.

ПЗ1   Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития : [монография] = Greek Nation and State (18–20 c.): studies in political history / О. Е. Петрунина. — М. : КДУ, 2010. — 744 с. : табл., ил.

ISBN 978-5-98227-670-4

Книга представляет собой наиболее полное на сегодняшний день русскоязычное исследование политической истории греческого народа в новое и новейшее время. Основное внимание уделено ключевым процессам, явлениям и событиям, определившим облик греческой нации в этот период: развитию национального самосознания, основным этапам и направлениям государственного строительства, эволюции социальных и политических институтов и др. Исследование носит междисциплинарный характер. Использование методов и моделей политологии, истории, филологии и других смежных наук дает возможность автору по-новому взглянуть на становление греческой национальной идентичности и государственности в XVIII–XX вв.

Книга адресована историкам, политологам, культурологам, специалистам в области государственного управления, межнациональных и социальных отношений, а также может быть использована в качестве учебного пособия по новогреческой истории, истории культуры, истории государственного управления, при изучении политологических дисциплин.

УДК [39(=14)+94(495).07]"17/19"(035.3)
ББК 63.521(=453)+63.3(4Гре)6

ISBN 978-5-98227-670-4

© Петрунина О. Е., 2010
© Оформление, макет.
Издательство «КДУ», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

«Сыны Эллады» (вместо предисловия)	7
Введение	11
Часть I. От османской провинции к суверенному государству	19
Греки под властью Османов.....	20
Эпоха завоеваний	20
В новом государстве	35
Увядание империи и новый расцвет греков	50
Под властью Венеции	65
Между львом и полумесяцем.....	65
В Республике Св. Марка	79
Республика Семи Соединенных Островов.....	95
Церковь, образование, Просвещение	100
Церковь после Византии: традиции и новации	100
От книжности к Просвещению.....	119
Революция 1821 года.....	147
На пути к восстанию.....	147
Революция или война за независимость?.....	155
Гражданские войны.....	180
Первый президент.....	193
Ex ungue leonem	203
С новорожденным!	217
Часть II. Первое десятилетие независимости	223
Баварское правление.....	224
Первые шаги: регентство и протопартии	224
«Русская партия» и национальные интересы	256
Церковь и политика	269
Пророчества о грядущем возрождении Византии.....	294
Революция 1843 года.....	303
Новые искушения: Восточный кризис 1839 г. и борьба партий.....	303
«Великая идея» и эпоха романтизма	323
Революция или переворот?	334
Национальный вопрос и конституционные преобразования.....	350
Итоги первого десятилетия.....	367
Часть III. Маленькое королевство и «Великая идея»	371
Новые приобретения.....	372
Между двумя революциями.....	372
Новая монархия	387
... и новые территории.....	404
На рубеже веков.....	423
Мечты сбываются	433
Борьба за Македонию и Крит	433
Духовный климат эпохи.....	450

Звезда Венизелоса.....	469
Национальный вопрос на Афоне	480
У врат Царьграда.....	493
Катастрофа	505
Причины трагедии	516
Часть IV. После катастрофы	519
Время диктаторов	520
В поисках нового пути	520
«Третья греческая цивилизация»	527
Дорогами войны	542
«Государство философов»	558
Демократия в Греции	575
После диктатуры.....	575
Политические программы 1990-х.....	592
В окружении «великих идей»	603
Греческая мечта в конце XX в.	623
«Великая идея» в символах.....	623
Школьная история	637
Церковь и неоязычество.....	643
Ромейство — Романия — Романидис.....	655
Воскрешение «Великой идеи»	675
Заключение.....	678
Библиография	684
Архивные хранилища	684
Опубликованные документы, переписка.....	684
Периодика	685
Дневники, воспоминания.....	686
Сочинения современников, публицистика, пророчества, описания путешественников	687
Литература	692
Справочная литература	692
Исследования.....	692
Приложения.....	717
Приложение 1. Первые историки революции 1821 года.....	717
Приложение 2. Выдержка из протокола 41-го заседания Учредительного Собрания 14 января 1844 г. с речью И. Колеттиса	724
Приложение 3. Конституционная резолюция о гетерохтонах 1844 года.....	727
Приложение 4. И. Э. Персиани: 50 лет на службе России.....	728
Приложение 5. Национальный символ веры М. Херетиса.....	735
Приложение 6. Моделирование политической карты Греции в 1990-е годы с помощью статистических методов	736
Summary	739
Contents	742

«СЫНЫ ЭЛЛАДЫ»

(вместо предисловия)

С тех времен, когда древние русичи впервые вступили в контакт с соседними народами, греки занимали в их представлениях о мире особое место. Само слово «грек» было заимствовано у римлян, использовавших это название одного из древнегреческих племен для обозначения всего греческого народа. Когда славяне впервые столкнулись с греками, сами они в глазах последних были всего лишь варварами. Неграмотные и язычники, они не имели тогда большого значения для образованных греков-христиан. Несмотря на это, греки заключали соглашения с русскими князьями (911, 944). В те же годы в Киеве уже существовала небольшая греческая община. К грекам относились доброжелательно и позволили им построить в Киеве христианскую церковь еще до того, как Русь официально приняла христианство. В 988 г. князь Владимир с помощью греческих священников крестил в Днепре своих подданных. Вскоре после христианизации политической элиты на Русь прибыло еще больше греков — священников, архитекторов, иконописцев, приобщивших русских к богатейшей греческой культуре. Они привезли с собой шедевры церковной и светской литературы, научили русских иконописи и церковному пению... С тех пор мы считаем греков своими учителями. Наши предки, будучи способными учениками, легко усвоили греческую культуру и сделали ее своей собственной. Греческих святых — Иоанна Златоуста, Василия Великого — они сделали также и русскими святыми, а героев греческого народа — Александра Великого и Дигениса Акрита — своими героями. «Быть греком» тогда означало «быть образованным», а, кроме того, «изобретательным» (как Одиссей) и «хитрым». «Хитрость», по мнению русских, характеризовала сложную византийскую государственную машину. Греция же, по представлениям наших предков, располагалась где-то на Балканах и в Малой Азии — вокруг Царьграда, считавшегося центром великой христианской империи.

В нашей стране всегда отличали греков среди других народов. В мрачную эпоху монгольского ига, когда торговые и культурные связи Руси с христианским миром были затруднены, русские не забыли своего духовного и культурного родства с греками. Все неславянские народы они тогда делили на две категории: живущие к западу от Руси назывались немцами, т. е. немymi (напр., аглицкие немцы), а живущие к востоку — татарами (напр., сибирские или даже опоньские, т. е. японские, татары). Греки же стояли особняком и сохранили свое старое название. В XIV в. Русь обрела новый политический центр в лице Москвы. Туда был перенесен и центр греческой общины. В Москве мы находим греческих купцов, иконописцев, монахов. Москва поддерживала тесные связи с Константинополем: греками были многие московские митрополиты, русская интеллектуальная элита знала греческий язык, делались переводы на русский греческих книг. Русские монахи отправлялись в византийские монастыри, чтобы совершенствоваться в духовной жизни, в свою очередь греческие иерархи путешествовали по Руси, собирая пожертвования.

В XV в. положение стало меняться. Московское государство становилось все более сильным, тогда как византийское близилось к закату. После падения Константинополя в Москве нашли пристанище многие беженцы, московский князь Иван III женился на племяннице последнего византийского императора принцессе Софии и сделал

двуглавого орла российским государственным гербом. Таким образом Россия продемонстрировала Европе, что именно она является наследницей Византии. Действительно, в тот момент Россия осталась единственным независимым православным государством, поскольку остальные были захвачены турками. Для идеологической поддержки сложившейся ситуации была выработана теория «Москва — Третий Рим». Третий Рим считался столицей Святой Руси, в то же время понятие «христиане» переходит с греков на русских: к нему, как известно, восходит и слово «крестьяне».

Тем не менее, в народных представлениях столицей Святой Руси была вовсе не Москва, а Константинополь — Царьград, а в народных сказках существует некое «лукоморье» — центр мира, где находится страна всеобщего благоденствия. Как считает современный философ Ю. Ю. Петрунин, это лукоморье есть не что иное, как залив Золотой Рог в Константинополе¹. Стоит отметить и желание русских перенести к себе на родину и саму Грецию: во Владивостоке есть залив Золотой Рог, в Абхазии есть гора Афон, у подножия которой в 1875 г. был основан монастырь Новый Афон. Многие города юга России имеют греческие названия: Ставрополь, Симферополь, Севастополь, Одесса. В Москве раньше тек ручей Золотой Рожок. Традиция возводит его название к московскому митрополиту Алексию, которого во время путешествия в Константинополь (1355) застигла сильная буря. Но как только корабль вошел в Золотой Рог, море успокоилось. В честь этого события и был назван московский ручей².

В начале XIX в. в Европе зародилось движение филэллинов как результат деятельности просветителей и роста интереса европейцев к древнегреческой культуре. Это движение достигло апогея в годы греческой революции 1821 г. Активное участие в нем приняло и русское образованное общество. Филэллины восхищались героизмом восставших греков и оказывали им практическую помощь, поскольку думали, что освобождение Греции сможет возродить классическую греческую культуру. Пафос русских филэллинов прекрасно выражен в стихотворении В. Кюхельбекера:

Друзья! нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут — скорее к ним!

Но русская публика не всегда понимала, что же именно происходит в Греции, которая считалась одной из провинций Османской империи. Некоторые не видели большой разницы между турками и греками. Один из персонажей грибоедовского «Горя от ума» спрашивает о ком-то: «А этот, как его... Он турок или грек?». Образованная элита пыталась привить обществу свои представления о событиях в Греции. С этой целью лучшие и популярнейшие журналы («Сын Отечества», «Вестник Европы») регулярно освещали события в восставшей Греции, издавались записки участников греческой революции — полковника Вутье (1824), Шарля Деваля (1828). Н. Гнедич перевел на русский язык не только «Илиаду», но и «Военный гимн» Ригаса Велестинлиса и народные песни новых греков. В 1828 г. после начала русско-турецкой войны в Москве было издано пророчество о грядущем падении Османской империи. Крупнейшие русские поэты прославляли борьбу греков за независимость. Об освобождении Греции А. С. Пушкин писал:

¹ См.: Петрунин Ю. Ю. Где стоит «дуб зеленый»? // Наука и религия. 1994. № 2. С. 56–59.

² См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. М., 1992. С. 115.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

Русское правительство в то время не могло помочь греческим повстанцам, боясь навредить своим геополитическим интересам. Однако оно поддержало развернувшееся в стране широкое движение филэллинов. Особенно восторженно известие о восстании греков восприняли декабристы:

...Душа героев вылетает
Из позабытых их гробов,
И наполняет бардов струны,
И на тиранов шлет народные перуны!

(В. Кюхельбекер)

Почти 10 лет спустя об этом писал Пушкин:

Тряслися грозно Пиренеи,
Вулкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал.

Передовая Россия с удовлетворением восприняла весть об освобождении Греции. Кроме Древней Греции и ее героев теперь популярным стало все, что имело отношение к освободительной борьбе греков. Достаточно вспомнить греческие, точнее грекообразные, имена детей Манилова и тот факт, что у Собакевича дома висели гравированные во весь рост портреты героев 1821 г.: Маврокордатоса, Мьяулиса, Канариса и Бубулины. В этих портретах нашли свое отражение представления о греках тогдашнего русского общества: греческие герои были «с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу». Сама же Греция считалась идиллической страной всеобщего благоденствия.

Благодаря своей экзотичности образ грека надолго закрепился на русских театральных подмостках. Достаточно вспомнить нежинского грека Фемистокла Мильтиадовича Разорваки из прутковской «Фантазии» или грека-кондитера Харлампия Спиридоновича Дымбу из чеховской «Свадьбы». Окружающие смотрят на него с любопытством как на представителя чудесной страны, в которой «всё есть»: тигры, львы, омары, рыжики и даже коллежские регистраторы.

Представления русских о греках определялись не только известиями о борьбе и освобождении Греции, но и общением с греками, обосновавшимися в России. В качестве примера можно взять греческую общину Одессы. Как утверждает греческий историк К. Папулидис, представление о том, что Одесса — греческий город, является мифом, поскольку греки всегда составляли в ней лишь незначительное меньшинство населения¹. Но русские характеризуют Одессу как именно греческий город: одна современная песня помещает грека в Одессу, так же как еврея в Варшаву. Три грека-контрабандиста из Одессы — персонажи стихотворения Э. Багрицкого (1927). Имидж греческого города Одесса приобрела благодаря деятельности живших в ней греческих купцов-хлеботорговцев. За свое богатство они даже получили прозвище «хлебных королей». Их благотворительная деятельность выдвинула

¹ См.: Папулидис К. Просветительская и культурная деятельность греков Одессы в XIX–XX вв. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 190–192.

греческую культуру на одно из ведущих мест в городе. Еще одного грека-одессита мы находим в популярнейшем советском фильме «Свадьба в Малиновке» (1967, реж. А. Тютышкин). Любимец зрителей Папандопуло, жуликоватый и жизнерадостный член анархистской банды, он ввел в разговорную речь немало идиоматических выражений, а также нетрадиционный способ «справедливого» дележа. Грек — главный герой и фильма «Катала» (1989, реж. С. Бодров). Это профессиональный карточный шулер, но с чистой и благородной душой. Поэтому, несмотря на всю свою хитрость в картах, он проигрывает игру жизни, будучи обманутым настоящими мошенниками, среди которых оказалась и любимая им женщина.

Народное сознание создало свои представления о живущих в России греках. Эти представления отражены в народных пословицах и поговорках. Одна из них ранжирует народы в соответствии с уровнем хитрости: греки занимают в этой иерархии второе место между евреями и армянами. Другая поговорка гласит: «Грек скажет правду раз в году». С этой точки зрения грека превосходит только цыган, который «скажет правду раз в жизни, да и то раскается». Еще одна пословица говорит о бережливости греков: «Грек одну маслинку съест — и то пальчики оближет».

Грек неслучайно стал и героем известной считалки «Ехал грека через реку». Народное сознание в качестве ее героя из всех соседних народов выбрало именно грека — тип экзотический и одновременно хорошо знакомый русскому человеку. Скрытые смыслы этой считалки блестяще раскрывают современные поэты-пародисты и музыканты: О. Новиков («Ехал грека через реку»), А. и В. Богомолы («Грецкие истории»), М. Щербаков («Грек и рак»). Вариация на эту тему есть и у В. Высоцкого («По речке жизни плавал честный грека»).

После распада СССР многие греки уехали из России на свою историческую родину, но в то же время и русские получили возможность посетить Грецию и глубже познакомиться с ее народом и культурой. Но если о древних греках и византийцах написано много книг, а их историю изучают в школе, то современная Греция остается малознакомой в современной России. Данная книга попытается отчасти восполнить этот пробел.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная свою очередную работу по национальной проблематике, один из крупных современных исследователей этого феномена обратил внимание на то, что среди современных наций есть такие, которые по ряду характеристик, в частности, времени своего появления, существенно отличаются от остальных европейских наций и самим фактом своего существования как бы мешают исследователям выработать единый подход к трактовке этого непростого явления. Одной из таких наций были названы греки. Само это обстоятельство пробуждает интерес к вопросу о том, что представляет собой греческая нация, с одной стороны, и как она сама себя понимает — с другой. Другое интригующее обстоятельство заключается в том, как национальное греческое государство — детище Нового времени — построило отношения со своей нацией и как оно вписалось в сообщество европейских национальных государств.

Прежде чем обозначить подходы к собственно греческой проблематике, надо сказать несколько слов о том, что современная наука понимает под нацией и в каком состоянии находятся научные разработки в этой области. Несмотря на то, что вопросы, связанные с развитием и взаимодействием этносов, их участием в политике, и вообще все этническое и национальное представляют собой остроактуальную тему для изучения едва ли не во всех гуманитарных науках, лежащее, казалось бы, на поверхности понятие нации остается парадоксальным образом неопределенным. Как справедливо отмечал Б. Андерсон еще в то время, когда в этой области только начинался исследовательский бум, «нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать»¹.

В современном смысле (вернее, смыслах) понятие нации появилось в Европе в XVII–XVIII вв. и приобрело политическую значимость во время Великой французской революции. Ее идеологи определяли нацию как сообщество граждан и декларировали суверенность нации именно в гражданском смысле. Романтическая эпоха принесла с собой новое понимание нации и вложила в него этнокультурный смысл. Оба понимания нации благополучно сосуществуют и по сей день: например, в англоязычных странах нация является синонимом государства, а современные украинцы идентифицируют свою нацию, исходя, прежде всего, из этнических характеристик. В нашей стране в понятие нации долгое время вкладывался именно такой смысл.

Отечественные теоретические разработки в области этнологии были обобщены в ставшем хрестоматийным определении этноса, данном Ю. В. Бромлеем, понимавшим этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общим языком и культурой, а также самосознанием, зафиксированным в этнониме. Советское обществознание типологизировало этносы, руководствуясь стадийно-историческим принципом: процесс этногенеза представлялся в виде трех стадий — племени, народности и нации, — причем только последняя наделялась необходимыми для формирования собственного

---

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 28.

государства качествами. В середине 1980-х гг. эта схема была поставлена под вопрос¹, а в начавшейся чуть позже дискуссии о содержании понятия «нация» прозвучало предложение изменить смысл термина с этнического на гражданский². Некоторые авторы стали рассматривать нацию не просто как наднациональную общность, а как своего рода суперэтнос (в духе Л. Гумилева), который может объединять в себе разные этносы на гражданской основе³. Однако в результате дискуссии не было выработано единого подхода к пониманию нации: наряду с гражданским толкованием среди обществоведов и политиков осталось распространенным также и этнокультурное понимание нации⁴.

При интерпретации нации в гражданском смысле — как нации-государства — неизбежно возникает необходимость во введении некоего понятия, отражающего этническую составляющую феномена. Терминологическая лакуна была заполнена заимствованным из англоязычной литературы⁵ понятием этничности. Но данное новшество не только не прояснило ситуацию, но и внесло еще большую путаницу в терминологию. Оказалось, что дефиниций этничности едва ли не столько же, сколько исследователей и журналистов высказывались по национальному вопросу: одни трактуют этничность как форму социальной организации культурных различий⁶, другие — как синоним национального самосознания⁷, третьи — как «особую характеристику субъективности, состоящую в ощущении, переживании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей»⁸, четвертые полагают, что этничность представляет собой исключительно мыслительный конструкт, лишенный какого-либо объективного наполнения⁹. Анализируя различные точки зрения, С. В. Лурье выделяет целых пять групп проблем, связанных с интерпретацией этничности¹⁰.

Концепция этноса Ю. В. Бромлея является классическим примером примордиализма (объективизма) — одного из трех наиболее распространенных в настоящее время подходов к изучению этногенетических и вообще этнических процессов.

¹ См.: Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3.

² См. напр.: Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1; Чешко С. В. Национальное государство или демократическое общество // Вестник АН СССР. 1990. № 1.

³ См.: Драгунский Д. В. Макрополитика (Заметки о детерминантах национального поведения) // Полис. 1995. № 5. С. 34–47.

⁴ См. напр.: Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996.

⁵ В американской и вообще англоязычной политической науке и смежных с ней дисциплинах термин «этничность» достаточно активно используется по крайней мере с конца 1960-х гг. См., напр.: Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. L., 1991; Bell W., Freeman W. (eds.). Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International and Historical Perspectives. L., 1974; Ranum O. (ed.). National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe. L., 1975 etc.

⁶ См.: Садохин А. П. Этнология. М., 2000. С. 79.

⁷ См.: Драгунский Д. В. Навязанная этничность // Полис. 1993. № 5. С. 24–30.

⁸ См.: Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С. 59.

⁹ См.: Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 38.

¹⁰ См.: Лурье С. В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 106.

Примордиализм считает этнос реально существующей общностью людей, образованной в результате воздействия исторических, географических, экономических, культурных и пр. факторов. Зародившийся из отрицания примордиализма конструктивизм поставил под сомнение именно этот принцип: «Нация рождается тогда, когда небольшая группа людей решает, что ей надлежит быть»¹.

С точки зрения конструктивизма этническая общность — не объективная реальность, а социальная конструкция, искусственное образование с ярко выраженной политической окраской. Неслучайно конструктивистская концепция возникла как политологическая и уже потом была заимствована этнологами, социологами и историками. Функция национального конструирования атрибутируется интеллектуальной и культурной, а затем и политической элитами. Конструироваться может не только, а порой и не столько сама нация, сколько ее культура и традиции. Речь идет, в первую очередь, о тех традициях и элементах культуры, которые обозначают социальную и национальную общность, легитимируют социальные институты, социализируют национально значимые нормы и ценности. Иногда такие традиции и элементы культуры не нуждаются в конструировании: они уже существуют, достаточно их просто законсервировать².

Справедливости ради отметим, что не все конструктивисты считают нацию исключительно продуктом деятельности интеллигенции и политической элиты: например, в противовес Э. Геллнеру, утверждающему, что национализм «изобретает нации там, где их нет»³, М. Грох полагает безусловно необходимым для такого конструирования наличие неких объективных оснований. Он описывает определенное множество таких оснований, из которых большинство носят вариативный характер, а три позиции релевантны: это общая историческая память, совокупность языково-культурных связей и сознание гражданского равенства всех членов группы⁴.

Своего апогея конструктивизм достиг в концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона⁵, определившего нацию как «воображенное политическое сообщество»⁶. Само по себе это определение звучит довольно заманчиво: поскольку вопрос «Что такое нация?» равносильен задаче поиска философского камня или изобретения вечного двигателя, то почему бы не предположить, что нация — такой же миф, как вечный двигатель или философский камень? Однако оптимистично настроенного исследователя быстро постигает разочарование: здоровое зерно концепции Андерсона уничтожается доведенным до абсурда конструктивизмом: «На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень... (а, может быть, даже и они), — воображаемые»⁷.

¹ Ignotus P. Hungary. N. Y.; Washington, 1972. P. 44.

² См.: Hobsbaum E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. P. 9.

³ Gellner E. Thought and Change. L., 1964. P. 169.

⁴ См.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 128–129.

⁵ Один из первых в нашей стране анализов этой концепции см.: Коротеева В. В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблемы объяснения // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30.

⁷ Там же. С. 31.

Наконец, инструменталистская трактовка нации, также появившаяся на свет в политической науке, рассматривает этнические характеристики как инструмент, используемый политическими лидерами в борьбе за свои интересы. Одно из важнейших достижений конструктивистского и инструменталистского подходов состоит в том, что они уделяют большое внимание изучению вклада идеологий в этнические и этнокультурные процессы.

На наш взгляд, оптимальным подходом к изучению феномена нации является умеренный конструктивизм, выраженный позицией М. Гроха, которая, по сути, синтезирует в себе и собственно конструктивистские, и примордиалистские посылки. Убедительность этой позиции подтверждается результатами исследований в области истории национального сознания, которые показывают, что оно начало складываться значительно ранее появления самого понятия «нация»: например, А. С. Мыльников датирует зарождение этногенетической мифологемы о Грамоте Александра Македонского, удостоверяющей древность славянской общности и легитимирующей существование славянской государственности и границы ее территорий, серединой XIV в.¹

* * *

Итак, объектом исследования данной книги станут взаимосвязи между национальным и государственным у греков в XVIII–XX вв., т. е. в ту эпоху, когда происходит складывание греческой нации современного типа и греческого национального государства.

В течение многих лет работы над этой книгой нами был собран обширный материал, который ставит перед исследователем несколько групп задач. Они легко систематизируются по хронологическому принципу, в связи с чем оказался удобен проблемно-хронологический принцип изложения.

Первая группа исследовательских задач охватывает XVIII–первые десятилетия XIX в. Поскольку к концу 1820-х гг. часть греков освобождается от власти турецкого султана и создает собственное независимое государство, то представляется чрезвычайно важным выяснить, как шла идейная подготовка этих событий, в каких условиях она проходила. В частности, нас будут интересовать несколько вопросов.

- Происходили ли в этот период какие-либо изменения в политическом сознании греков, в особенности наиболее образованной их части, и если да, то какие?
- Какова была позиция Церкви и имели ли место изменения в религиозном сознании?
- Можно ли говорить о появлении нового дискурса и складывании новой культурной парадигмы в этот период?
- Каким образом греческая интеллектуальная и политическая элита представляла себе свое будущее государство: в виде возрожденной Византийской империи или национального государства западноевропейского образца?
- Каковы были взаимосвязи между новым дискурсом и общественно-политической жизнью?

---

¹ Подробную аргументацию см.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 2000. С. 45–94.

Вторая группа исследовательских задач касается первого десятилетия самостоятельного существования греческого государства. Она включает в себя следующие вопросы.

- Какие силы определяли политическое развитие греческого государства в это время?
- Каким образом на основе нового дискурса формировалась государственная идеология молодого Греческого королевства?
- В каких событиях нашел свое выражение этот процесс?
- Каково было влияние на него международной обстановки и иностранных государств?
- Что представляла собой в этот период греческая политическая система?

В поисках ответов на поставленные выше вопросы мы отчасти охватываем еще один срез греческой истории — сферу греко-российских отношений и влияния российской политики на происходившие в Греции процессы.

Постановка следующей группы задач является следствием изучения общественно-политических процессов и явлений у греков с середины XIX в. до 1920-х гг. Это время активной борьбы греческого государства прежде всего за территориальное расширение. В связи с этим представляется интересным и полезным изучение следующих проблем.

- Как создавалась внешнеполитическая доктрина греческого государства и в чем заключалась ее сущность?
- Оставалась ли она неизменной на протяжении этого периода?
- Какое развитие получили этнополитические процессы, начавшиеся в предшествующее время (в том числе у греков Османской империи)?
- Как греческое национальное государство реагировало на вызовы времени (модернизация, Первая мировая война)?
- Каковы были причины и первые последствия поражения внешнеполитической доктрины, в основе которой лежала национальная идеология?

Наконец, последняя группа исследуемых проблем охватывает период с середины 1920-х гг. до конца XX в., т. е. время, когда греки должны были приспособиться к существованию в новой геополитической ситуации, сложившейся после крушения надежд на дальнейший территориальный рост. Существование греческой нации и государства в новых условиях определяет и новый круг вопросов, ответы на которые мы искали.

- Каковы были долговременные последствия катастрофы начала 1920-х гг. для греческой нации и государства?
- Привела ли катастрофа к пересмотру внешнеполитической доктрины и государственной идеологии?
- Как греческая национальная идеология взаимодействовала с диктаторскими режимами?
- Существует ли национальная идеология в Греческой республике и если да, то в каких формах, и как она соотносится с государственной идеологией?

Изучение взаимосвязей между национальным и государственным на греческом материале ставит перед исследователем и ряд более общих вопросов, до сего дня не получивших однозначных ответов.

- Что первично — появление национальной идеологии или образование национального государства?

- Насколько широки мобилизационные возможности Православия и Церкви в национально-государственном строительстве?
- Каков конструктивный и деструктивный потенциал национальных идеологий в современном обществе?
- Как нация и государство уживаются в современных условиях?

Надо сразу оговориться, что, хотя в настоящее время существует два греческих государства — Греческая республика и Республика Кипр, преимущественное внимание будет уделено первой, поскольку, как читатель убедится в дальнейшем, именно Греция с самого начала своего существования в значительной степени определяла развитие всего греческого мира. Не будет забыта и Османская империя, под властью которой греки прожили несколько столетий. Данная книга, несмотря на довольно широкие хронологические рамки, не претендует на полное и систематическое изложение греческой истории в этот период. Нас интересуют, прежде всего, события и явления, связанные с обозначенной выше проблематикой, с точки зрения которой они и будут рассматриваться.

Для достижения поставленных целей мы будем использовать самый широкий набор источников, приемов и методов исследования. Среди источников важное место занимают дипломатические документы, как опубликованные, так и хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах. Значительная их часть прежде была незнакома исследователям. Нами был изучен масштабный пласт других нарративных источников: сочинения философов, историков, государственных и политических деятелей, мемуары, частная переписка. Для изучения определенных периодов привлекались материалы прессы, статистические данные (в некоторых случаях собранные автором), партийные и политические документы, материалы деятельности общественных организаций. Свою службу сослужили и другие типы источников: печати, архитектурные памятники, народное творчество. В качестве объекта анализа рассматривались также изменения в греческом языке, некоторые научные и идеологические конструкции.

Для анализа этого материала использовались как ставшие традиционными, так и новые методы и приемы. В частности, изучение становления идеологии молодого греческого государства проводилось с использованием анализа печатей органов государственной власти в синхронном и диахроническом срезе. Исследование становления нового дискурса в среде греческих интеллектуалов в XVIII–начале XIX в. велось в значительной степени на лингвистическом материале, в более поздний период — с использованием результатов изучения политической символики. Полученные в ходе работы результаты базируются на анализе как уже известных источников, так и впервые обнаруженных и изученных нами, а также опираются на результаты, полученные другими авторитетными учеными.

Необходимо подчеркнуть, что использование столь широкого спектра приемов и методов исследования свидетельствует о комплексном и разностороннем подходе автора к изучаемому объекту, но отнюдь не является признаком следования порожденной философией постмодерна плюралистической методологии, отрицающей единство исторического процесса. Принцип историзма и единства истории во всем ее многообразии стал краеугольным камнем этой книги.

Поиском ответов на поставленные в этой книге вопросы автор занимается уже в течение многих лет. Плодом этой работы стали публикации, посвященные отдельным

хронологическим отрезкам или проблемам¹. Данная книга сводит воедино отдельные выводы и представляет концепцию автора в целом.

¹ К их числу можно отнести следующие: Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997; «Восстань, о Греция, восстань!»: рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998; Политическая система современной Греции. М., 1999; Константин Икономос и его литературная деятельность в Одессе и С.-Петербурге в 1821–1832 гг. // Украина — Греция: історія та сучасність. Тези II міжнародної наукової конференції. 22–24 лютого 1995 р. Київ, 1995; Ο Ρώσος επίσκοπος Πορφύριος στα Μετέωρα το Πάσχα του 1859 // Η Δράσις μας. τεύχ. 337. Απρίλιος 1996; Η βαβαρακратία και η Εκκλησία της Ελλάδος // Η Δράσις μας. τεύχ. 338. Μάιος 1996; Греческая революция 1821 года в представлениях ее участников: к исследованию национального самосознания // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 2; «Русская партия» и развитие национальной идеологии в Греции (Пророчества о восстановлении Византийской империи в 1840 году) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 6; Греческий писатель Н. Василиадис о перспективах советского строя // Российская государственность: тысячелетний опыт. М., 1999; Патриотическое воспитание в христианских братствах Греции // Украина — Греция: историческое наследие и перспективы сотрудничества. Мариуполь, 1999; Филортодоксальный заговор 1839 г. в Греции // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. М., 2000; К вопросу об эволюции политической системы Греции // Российская государственность на грани тысячелетий. М., 2000 (в соавторстве с Ю. Ю. Петруниным); «Οι υιοί της Ελλάδος»: οι δοξασίες των Ρώσων για τους Έλληνες και την Ελλάδα. 'Α // Η Δράσις μας. Τεύχ. 394. Δεκέμβριος 2001; «Οι υιοί της Ελλάδος»: οι δοξασίες των Ρώσων για τους Έλληνες και την Ελλάδα. 'Β // Η Δράσις μας. Τεύχ. 395. Ιανουάριος 2002; «Великая идея» в греческой национально-политической символике // Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002; Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников // Вестник архивиста. 2002, № 1; «Великая идея» в Греции как политическая программа // Полития. № 4. Зима 2002–2003; Православная церковь в формировании концепции нации и подготовке освобождения греков от османского ига (XVII–XIX века) // Религии мира: история и современность. 2003. М., 2003; Моделирование политической карты Греции с помощью статистических методов // Государственное управление: социальные модели, принятие решений, эффективная коммуникация. М., 2003; Для чего переписывают историю (об историческом образовании в Греции) // Высшее образование в России. 2003. № 6; «Великая идея» и геополитическая ситуация на Балканах на рубеже XX–XXI веков // Полития. Лето 2003. № 2; Философско-историческая концепция Периклиса Яннопулоса (1870–1910) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 2; Идея нации и национальное сознание в Греции // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. (в соавторстве с Т. В. Никитиной); Новые левые в Греции на современном этапе // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005; Национальная идея в идеологическом обеспечении военного режима в Греции (1967–1974) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1; Русско–греческие отношения и эволюция «Великой идеи» греков в XIII– начале XX века // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006; Пророчества о восстановлении Византийской империи в Греции XIX–начала XX века // Петрунин Ю. Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. М., 2006; Новогреческая модель возрождения Византии: ромейская теория // Петрунин Ю. Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. М., 2006; Османское прошлое и европейское будущее: проблема смены культурной парадигмы греков в период революции 1821 г. // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы международной научной конференции. 20–22 апреля 2006 г. М., 2006; Греция: исторический очерк (1453–2006) // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006; Идео-

---

логемы «Великая идея» и «третья греческая цивилизация» в интерпретации И. Метаксаса // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. №1; Языковые маркеры смены культурной парадигмы (на материале Греции XVIII–XIX вв.) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1; Православие и неоязычество в современной Греции // Религии мира: история и современность. 2005. М., 2007; Греческие печати на документах эпохи революции 1821 г. как исторический источник // Информационный бюллетень ГУ «Московский дом национальностей». 2007. № 8; Образовательные парадигмы у греков в Новое время: проблема выбора пути // Информационный бюллетень ГУ «Московский дом национальностей». 2007. № 8 (в соавторстве с А. Г. Зоитакисом); 50 лет на службе России: портрет российского дипломата XIX в. И. Э. Персиани // Вест. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 1; Национал-консерватизм в Греции // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Ч. 2. Доклады Института Европы. № 211. М., 2008; «Рассуждения о Греции» И. Э. Персиани: новый источник по греческой истории 1830-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2008. № 5; Греция в период Восточного кризиса 1839–1841 гг. и политика петербургского кабинета // Санкт-Петербург и Греция. Прошлое и настоящее: материалы международной конференции 26–29 октября 2006 г. СПб., 2008.

Часть I

ОТ ОСМАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ
К СУВЕРЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ

ГРЕКИ ПОД ВЛАСТЬЮ ОСМАНОВ

Эпоха завоеваний

Несмотря на наличие точных дат, связанных с поворотными моментами в истории греческого народа, как, например, установление османского владычества или образование независимого национального государства, единого подхода к периодизации развития греческого народа в поствизантийское время до сих пор нет. Наиболее распространены два подхода: один из них можно условно назвать европейским, а другой национальным. Европейский подход пытается включить новогреческую историю в русло общеевропейской истории и соответственно стремится разделить ее на отрезки, соответствующие этапам истории Западной Европы. В результате новогреческую историю, как и европейскую, делят на новую и новейшую¹. Однако привязка к европейской истории оборачивается недооценкой национальных особенностей греческой истории. Например, не очень понятно, когда же начинается новая история: начинать ее 1453 годом вроде бы рано, а 1821 — поздно.

Национальный подход ориентирует периодизацию на события преимущественно национальной истории: византийский период сменяет эпоха османского владычества (1453–1821), следующий исторический этап связан с образованием греческого независимого государства (с 1821 г.). Некоторые историки пытаются сочетать национальный подход с европейской терминологией. Тогда новогреческая история делится на новую, новейшую и современную. Но при этом новая история может начинаться еще с 1204 г. (взятие Константинополя крестоносцами), новейшая — с 1821 г., а современная включает в себя XX век².

Такая неопределенность еще раз свидетельствует о том, что новогреческая история не может быть удобно уложена в прокрустово ложе периодизации истории западноевропейских государств, а требует к себе некоего особенного подхода. Есть определенная логика в том, чтобы принять эстафету от византийцев, ограничивающих поле своей деятельности 1453 годом, который принято считать началом эпохи османского владычества в греческих землях. В таком случае эпохой османского владычества следует условно называть период с 1453 по 1821 г. Остается спорным вопрос, относить ли этот период к Средним векам или Новому времени, тогда как насчет греческой истории XIX в. таких сомнений нет. В языкознании принято греческий язык византийской эпохи и последующего времени до начала XIX в. называть среднегреческим, т. е. относить к единой фазе развития языка, внутри которой выделяются ранневизантийский, поздневизантийский и послевизантийский периоды³. Иными словами, с точки зрения языка период османского владычества относится к Средневековью. Правда, греческие языковеды подчеркивают условность такого деления: новогреческий язык, появление которого связывается с созданием независимого греческого государства, не возник в одночасье, многие его элементы начали складываться уже в ранневизантийский период.

¹ Такой подход традиционен для отечественной исторической науки.

² См., напр.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993.

³ Высказывались предложения и о другой периодизации, согласно которой уже с X в. следует говорить о новогреческом языке. См.: Белецкий А. А. Проблема греческого языка византийской эпохи // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 189–193.

В языковом отношении эпоха османского владычества, по их мнению, представляет собой переходный период на пути к новогреческому языку¹.

Попытка отказаться от европейского деления истории и придерживаться чисто национального подхода тоже не лишена трудностей. В частности, считать византийскую эпоху этапом греческой национальной истории можно лишь с определенными оговорками, поскольку Византия как империя интегрировала в себя многие народы. Далее, конечная дата периода османского владычества связана с началом национально-освободительной революции греков и последовавшим за ней созданием собственного национального государства. При этом, однако, три четверти греков остались за пределами этого государства, во власти Османской империи. Поэтому для них эпоха османского владычества заканчивалась позже — вплоть до 1923 г. Аналогичным образом обстоит дело и с официальной точкой отсчета начала османского владычества в греческих землях: она связывается со взятием турками столицы Византийской империи Константинополя 29 мая 1453 г. Но эта дата в значительной мере условна: экспансия турецких племен за счет территории Византийской империи началась значительно раньше. Точкой отсчета в этом процессе можно считать битву при Манцикерте (1071), после которой турецкие племена стали активно проникать в Малую Азию. Постепенное заселение ими полуострова с созданием собственных государственных образований шло на протяжении нескольких столетий, прежде чем их монархи смогли занять престол византийских императоров. Иными словами, эпоха османского владычества наступила не в одночасье, а была следствием процессов, протекавших на протяжении длительного времени. В результате к 1453 г. Османская империя была вполне зрелым государством со своими традициями и принципами взаимоотношений с покоренными народами. Сейчас уже не обсуждается вопрос о происхождении османов: исследования прошлого столетия доказали их тюркские корни, хотя, конечно, без греческого населения, его культуры и традиций Османская империя немислима².

Напомним историческую обстановку, в которой все это происходило. Тюрки находятся в родстве с угро-финскими народами, а их исторической родиной считаются степи к северу от Китая. Уже в VI в. воинственные тюркские племена установили свое господство над Монголией, а в VIII в. часть их, известная под обобщенным названием огузы, начала миграцию на Запад. Их возглавляли по большей части вожди из клана Сельджуков, почему и вся масса мигрировавших племен получила название турок-сельджуков. В своем движении на запад сельджуки столкнулись с миграционной волной другого кочевого народа — арабов, двигавшихся с юга на север. Арабы к тому времени уже имели навыки оседлой жизни и государственно-политические традиции, к которым постепенно приобщались и турецкие племена. Начиная с IX в. среди турок начал распространяться ислам. Благодаря исламу сельджуки смогли установить свою власть над землями образованного арабами в Персии халифата Аббасидов. Так в середине XI в. у турок появилось свое государство. Складывание государственного

¹ Μπαμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1985. Σ. 148–150; Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, 2006. Σ. 18.

² В Европе мнение о греческом происхождении османов утвердилось благодаря популярности работ Герберта Гиббонса, например: *Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire*. Oxford, 1916. Одно из первых опровержений этой точки зрения см.: *Köprülü M. F. Les Origines de l'Empire Ottoman*. Paris, 1935 (рус. пер.: Кенрюлю М. Ф. Происхождение Османской империи. М., 1939).

образования предполагало необходимость перехода к оседлой жизни — это был настоящий камень преткновения для кочевников. Многие кочевые народы, прославившиеся своими завоеваниями, так и не смогли справиться с этой задачей. Один из самых известных примеров — гунны, чья держава распалась сразу после смерти Аттилы. Туркам, как и арабам, это в значительной степени удалось, однако сильные родоплеменные традиции делали их государство непрочным. В отличие от своего западного соседа — Византии — турки еще не имели отработанной веками административно-государственной системы. Их государство управлялось путем наделения членов правящей династии вассальными владениями. Но каждое такое владение рано или поздно стремилось к политической независимости. В результате единое сельджукское государство распалось на ряд более мелких.

Правящие элиты как единого сельджукского государства, так и образовавшихся на его территории самостоятельных султанатов до поры до времени не строили планов дальнейших завоеваний в западном направлении. Они ориентировались на мусульманский мир и арабскую государственно-политическую традицию. Политической целью для них было воссоздание единого государства на территории Центральной и Западной Азии. Все это напоминает Киевскую Русь эпохи раздробленности, где удельные князья боролись за титул великого киевского князя, который уже не давал реальной власти, а имел скорее символическое значение.

Но в сельджукском государстве были силы, которые подталкивали начало завоеваний за счет Византии. Дело в том, что далеко не все тюркские племена сумели приспособиться к оседлой жизни. Часть из них осталась кочевниками и продолжала кочевать в пределах вновь созданного государства. К этой группе принадлежали наиболее воинственные племена, которые изначально составляли основу вооруженных сил сельджуков. Им нашлось применение в ходе борьбы за наследство Аббасидов, но после того, как военные походы в основном завершились, эта группа племен оказалась не у дел. В результате они занялись грабежами на территории собственного государства, создавая, таким образом, очаги социальной нестабильности. Лучшим выходом для сельджукских правителей в этой ситуации было обратить их энергию на новые завоевания, что они, в конце концов, и сделали. Кроме того, агрессивность воинственных кочевых племен дополнялась религиозным фанатизмом так называемых гази — «святых людей», которые вкуче с кочевниками и составили основную силу, осуществлявшую экспансию на запад¹. Гази были в некотором смысле аналогом европейских крестоносцев — эти социальные группы даже появились в одну эпоху: первые крестовые походы приходятся на конец XI в. Гази руководствовались идеалом священной войны против неверных, а в социальном плане представляли собой люмпенизированные слои — бродяг, беглых, безработных. Отряды гази сосредоточились преимущественно в приграничных районах, откуда совершали набеги на территории неверных. Четкой границы между владениями Византии на востоке Малой Азии и турецкими племенами в то время не было. А византийская граница фактически охранялась акритами, о которых был сложен знаменитый эпос, известный на Руси под названием «Девгениево деяние». Первое время столкновения между византийцами и турками ограничивались приграничными конфликтами акритов с отрядами гази и турецких мародеров, но постепенно наплыв

---

¹ О роли гази в создании империи подробнее см.: *Witteck P. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938; Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. L., 1973.*

антисоциальных элементов из тюркской среды усиливал давление на акритов, которые уже не могли противостоять их грабительским набегам.

После того как турки предприняли ряд военных кампаний против Армении, пограничной провинции империи ромеев, император Роман IV Диоген решил навести порядок и восстановить свой контроль над Арменией. Он лично возглавил армию, состоявшую по преимуществу из наемников. При Манцикерте эта армия потерпела сокрушительное поражение, а сам император попал в плен. Несмотря на то, что за битвой при Манцикерте не последовало непосредственных завоеваний со стороны турок, ее последствия были очень серьезными. Поражение ромеев устранило препятствия на пути проникновения в Малую Азию турецких поселенцев, которые начали постепенно вытеснять греков с их традиционных территорий.

Вскоре процесс распада единого сельджукского государства привел к образованию первого тюркского государственного образования уже на территории самой Малой Азии. Оно получило название Румского султаната, а его центром стал греческий город Иконий (тур. Конья). Долина вокруг Икония была очищена от христиан и стала ядром формирования турецкого этноса, основу которого составил сплав тюркских кочевников с местным оседлым населением¹. Любопытно название этого государства. Его правители легитимировали свою власть происхождением от Сельджуков Персии и называли себя Цезарями Рима. Это самоназвание выражало их претензии на господство над территориями, прежде принадлежавшими ромеям. Действительно, Иконий стал тем плацдармом, откуда турки стали осуществлять свою дальнейшую экспансию.

Название Цезаря Рима, принятое султанами Икония, имело и еще один смысл, получивший впоследствии очень большое значение. Дело в том, что турецкие правители теперь мыслили себя преемниками не только арабско-персидской государственно-политической традиции, но и греко-римской. Впоследствии эта мысль разовьется в целую идеологию, оправдывавшую завоевания в государственных масштабах. Так, например, Мехмед Завоеватель, который покорит Константинополь в 1453 г., будет рассматривать себя в качестве законного преемника последнего византийского императора Константина XI. Начиная со второй половины XII в. сельджуки окончательно отвернулись от мусульманского мира и сделали ставку на собственное государство в Малой Азии. Румский султанат достиг своего наивысшего могущества в первой половине XIII в. Все это время турки потихоньку отвоевывали территории у ромеев: под их властью к этому времени уже была практически вся Восточная Анатолия, за исключением прибрежных районов — Киликии и Понта.

Но вся история Малой Азии была перевернута в одночасье. В середине XIII в. сельджуки, сами в прошлом кочевники, стали жертвой завоевательных походов нового мигрировавшего на запад кочевого народа — татаро-монголов. Натиск монгольской армии повлек за собой большой поток тюркских беженцев в Малую Азию, которые, в свою очередь, теснили греков. В 1243 г. монголы разбили армию сельджуков, на стороне которых в битве участвовали и византийские отряды. Власть сельджуков сменилась властью монголов, вассалами которых стали румские султаны. Однако империя кочевников-монголов оказалась недолговечной — их власть в Малой Азии продержалась

---

¹ Подробнее см.: *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической культуры). М., 1971.

лась на протяжении жизни всего одного поколения. После чего на территориях уже захваченных турками образовалось около десятка самостоятельных княжеств-бейликов. Одним из них было княжество Османов, из которого впоследствии выросла огромная империя, по территории превосходившая Византийскую. Несмотря на то, что само существование Румского султаната угрожало территориальной целостности Византии, его распад был для греков еще более опасным. Во главе турецких бейликов стояли воинственные гази, а их население в значительной мере состояло из мигрантов, пришедших после натиска монголов. Если первые рвались в бой за веру, то вторые — за землю и ресурсы. Во второй половине XIII в. отряды турок хлынули в Западную Анатолию, и к 1300 г. византийцы утратили почти всю Малую Азию.

Еще одним фактором, способствовавшим турецкой экспансии в Малой Азии, стал удар, нанесенный грекам с запада. В ходе четвертого крестового похода крестоносцы, вместо того, чтобы отвоевывать Святые Места у мусульман, направились в христианский Константинополь. В 1204 г. город был взят и разграблен, а империя ромеев перестала существовать как единое государство. Хотя грекам в конце концов удалось вернуть себе императорский престол в Константинополе (1261), центральная власть была сильно ослаблена. К тому же ее материальные ресурсы значительно сократились: по признанию самих крестоносцев, в 1204 г. в Константинополе ими была взята крупнейшая добыча от сотворения мира¹. Понятно, что императоров теперь больше беспокоили внутривосточные проблемы, нежели охрана границ. Кроме того, увлекшись борьбой с католическим Западом, в Константинополе далеко не сразу оценили исходящую с Востока опасность². Акриты, не получавшие никакой помощи от центральной власти, больше не могли сдерживать натиск турок. Как когда-то Западная, так теперь и Восточная Римская империя с большим трудом противостояла натиску варваров.

Надо сказать, что ромеи пытались использовать традиционные приемы «приручения» варваров, для чего было пущено в ход столь знаменитое византийское дипломатическое искусство. Туркам, как и прежним варварским племенам (например, германцам на заре новой эры) была предоставлена возможность интеграции в государственно-политическую систему империи³. Силы беев, а впоследствии султанов, привлекались для урегулирования внутривосточных проблем, с ними заключались династические браки, их дети воспитывались при дворе византийских императоров⁴. Но на практике эта политика привела к обратным результатам: она только ускоряла процесс османского завоевания. Так, например, Иоанн Кантакузин (1347–1355), объявивший себя императором в противовес законному наследнику Иоанну Палеологу, попросил турок поддержать его в гражданской войне. Войска Орхана, сына Османа, с большой охотой переправились на европейский берег Босфора с азиатского, занятого ими еще в 1330 г. Помогая Кантакузину, они попутно опустошили Фракию и подошли к Адрианополю (1347)⁵. В обмен на военную помощь Кантакузин отдал в жены

¹ См.: Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 14–15.

² См.: История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 76.

³ См.: О взаимоотношениях между византийцами и турками в тот период см.: Αρνάκης Γ. Οι πρώτοι Οθωμανοί. Αθήνα, 1947; Babinger F. Beiträge zur frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14–15. Jahrhundert). München, 1944.

⁴ См.: Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М., 1991. С. 356–360.

⁵ См.: Αμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνα μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.

Орхану свою дочь Феодору. Ей было разрешено сохранить христианство, и она впоследствии много помогала выкупу своих братьев по вере, попавших в османский плен.

Старая, еще римская, политика интеграции варваров в структуру империи себя не оправдывала во многом потому, что изменилась религиозная ситуация в мире. Если прежде языческой, а впоследствии христианской империи противостояли племена язычников, которых в принципе можно было обратить в христианство, то теперь ромеям пришлось иметь дело с такой же монотеистической религией, которая обладала не меньшими, а подчас даже большими мобилизационными возможностями, чем христианство.

Мы помним, что уже румские султаны претендовали на ромейское наследство. Со временем эти претензии получили и религиозное обоснование. Причину происходившего у них на глазах упадка Византии турки-мусульмане видели в ее неверной религии. Поэтому захватнические походы рассматривались как путь к обновлению империи на религиозной основе. Принятие новой религии — ислама — должно было обеспечить империи новый подъем. Таким образом, сформировалась идеология, согласно которой турки-османы стали считать себя наследниками и преемниками ромеев.

Та группа племен, которая составила ядро будущего османского государства, пришла в Малую Азию в первой половине XIII в. под предводительством Эртогрула, отца Османа, и, согласно легенде, попала прямо на поле битвы между румским султаном Алаэджином и отрядом монголов. Не зная, кто за что сражается, пришельцы приняли сторону проигравших — ими оказались войска Алаэджина, — чем изменили исход сражения. В благодарность Алаэджин выделил пришельцам — их было, по легенде, четыреста воинов, не считая женщин и детей — земли для проживания в Сёгюте, к юго-востоку от еще принадлежавшей грекам Прусы¹. После разгрома сельджуков татаро-монголами на этой территории Осман основал собственное государство. С 1299 г. он стал полновластным правителем Османского эмирата. Это государственное образование отличали чрезвычайно выгодные геополитические позиции. Оно располагалось в северо-западной части Малой Азии, на азиатских границах ослабленной Византии. Отсюда открывался путь к приморским торговым городам и богатым балканским провинциям Византии с центром в Салониках. Однако Осман и его преемники не стремились сразу же броситься в бой. Осман был мудрым и терпеливым политиком, умевшим ждать своего часа, играть на противоречиях между своими соседями, а также прислушиваться к хорошим советам. Поэтому за время своего правления Осман не сделал больших территориальных приращений к своей державе. Но, все же, откупаясь от монголов небольшой данью, он потихоньку присоединял к своему эмирату малоазиатские провинции Византии. Он находился на смертном одре, когда его войска взяли Прусу (1326), которую его сын Орхан сделал своей столицей. Историческая роль Османа заключалась в том, что он выступил в качестве племенного вождя, мобилизовавшего тюркско-мусульманские силы на дальнейшие завоевания².

Осман, пришедшие в Малую Азию язычниками, вскоре приняли ислам и при Орхане начали создавать собственную армию. Ее костяк составляли регулярные части — а регулярными войсками в то время не обладало ни одно европейское государство, в том числе и Византия. Кроме того, османскую армию отличала высокая маневренность, она также располагала великолепной разведкой. Все эти качества приносили ей все более решительные победы. Итак, выгодное географическое положение, умелая

¹ Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 31.

² Там же. С. 37.

политика османов и великолепная армия, а также внутренняя слабость самой Византии — вот те факторы, которые принесли успех завоевательной политике нового государства.

Со второй половины XIV в. полем битвы стали балканские провинции Византии, куда впервые привел турок уже упоминавшийся Иоанн Кантакузин. Он неоднократно прибегал к услугам османов для борьбы со своими политическими противниками. Причем однажды, чтобы расплатиться с турецкими наемниками, он ограбил константинопольские церкви. В 1353 г. Сулейман-паша, сын Орхана, отправился получать обещанную его отцу небольшую крепость Цимпи на Галлиполийском полуострове. А поскольку землетрясение разрушило стены самого Каллиполи, то паша захватил и его. Тогда же Сулейман начал завозить на европейский континент колонистов из числа азиатских турок, которые основывали там свои поселения. Но для христиан ситуация не была такой уж тяжелой. Наиболее серьезный урон хозяйству христиан был нанесен в предшествующие столетия, когда азиатские кочевники-сельджуки занимали и использовали земли христиан. Грекам в этой ситуации приходилось либо бежать, либо принимать ислам. Но теперь ситуация изменилась: османы не собирались полностью перебираться на вновь завоеванные земли, они лишь основывали там отдельные колонии. На данном этапе не все христиане-землевладельцы покидали свои места, многие согласились выплачивать туркам дань. Что же касается крестьян, то политика османов в их отношении была чрезвычайно мягкой. Вместо бесконечных поборов, которыми облагали их прежние владельцы, османы упорядочили взимание податей с христиан. Кроме того, на смену раздираемой усобицами Византии приходила сильная власть новых правителей, а это означало, что был положен конец разбойничеству, наносившему немалый урон хозяйству. В силу этих обстоятельств балканские крестьяне — как греки, так и славяне — не выступили в поддержку своих прежних властителей-христиан, а довольно быстро смирились со сменой власти¹.

Тем временем османы уже контролировали все побережье Мраморного моря почти до самого Константинополя. Когда горожане обвинили Кантакузина в намерении сдать город туркам, ему пришлось отречься и принять монашество. Остаток жизни он провел в одном из монастырей Мистры, где занимался составлением истории своего времени. Однако если Кантакузин привел турок в Европу, то его политический соперник и законный император Иоанн V Палеолог был вынужден узаконить турецкую колонизацию в европейских провинциях империи. Этот император фактически стал вассалом Орхана. Орхан потребовал от него освободить от пиратов своего сына Халиля, который приходился племянником византийскому императору (Иоанн был женат на родной сестре Феодоры Елене). Иоанн намеревался это сделать, но против него восстал его собственный флот. Тогда византийский император явился на поклон к Орхану, который навязал ему унизительный договор, закреплявший турецкую колонизацию Балкан. Что же касается Халиля, то в случае его прихода к власти турки получили бы основания в будущем говорить о прямом династическом преемстве между византийскими императорами и османскими султанами.

Но Халиль провел в плену у пиратов десять лет, его старший брат Сулейман погиб на охоте. В 1362 г. скончался Орхан. В результате к власти пришел младший сын Орхана Мурад I. Именно при нем османское государство превратилось в настоящую империю, расширив свою территорию как за счет завоеваний на Балканах, так и за счет присоединения территорий других государств Малой Азии. Его правление (1362–1389)

¹ См.: Ιωαννῆς Χ. Η Οθωμανική αυτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ. 31–32.

печально знаменито среди христианских народов началом девширме — практики принудительного набора в янычарский корпус. Это было особого рода рабство, когда из семей, имевших несколько сыновей, отбирали самых крепких подростков, принудительно обращали в ислам, давали образование и военную подготовку¹. После этого молодые воины пополняли ряды личной гвардии султана, которая во времена Мурада составляла около тысячи человек. Изобрели военное рабство не турки, оно было известно уже их арабским учителям. В свое время они похищали тюрок-язычников, обращали их в рабство и обучали военному делу, заставляя затем сражаться в своих войсках.

Первым достижением султана Мурада был захват Адрианополя. Вскоре он перенес туда столицу своей империи. Так началась цепь его завоеваний в Европе². К 1366 г., воспользовавшись династическими смутами, османы овладели Южной Болгарией, в 1371 г. в ответ на выступления сербов турки заняли Македонию вплоть до реки Вардар (Аксиос), а на следующий год форсировали ее. В руках турок оказались Драма и Серры, которые быстро подверглись отуречиванию. В 1380 г. Мурад овладел Монастиром, обеспечивавшим его господство над Македонией к западу от Вардара. В 1385 г. пала София, а годом позже — Ниш. Теперь в руках османов были все ключевые города Балканского полуострова. Надо сказать, что параллельно с завоеваниями в Европе Мурад вел завоевательную политику и в Азии, подчиняя себе прочие тюркские княжества. В 1388 г. он завершил завоевание Болгарии, а в 1389 г. произошла известная битва на Косовом поле между турками и сербами. Сербы потерпели такое поражение, от которого уже не смогли оправиться. Но и сам султан погиб на поле битвы. Согласно легенде, его убил Милош Обилич, зять последнего сербского князя Лазаря. Он притворился, что хочет перейти на службу к туркам, попросил аудиенции у султана, на которой его смертельно ранил³.

В это время турки уже активно вмешивались во внутреннюю политику Византии. После битвы у реки Марица (Эврос) 26 сентября 1371 г. Византия потеряла свою политическую независимость, превратившись в вассала и данника султанов. В условиях утраты самостоятельности и стремительного сокращения территории, последним средством, которое использовали в Константинополе для сохранения империи, была знаменитая византийская дипломатия⁴. Фактически византийские императоры сохраняли свою власть только благодаря поддержке султанов, которые использовали политическую борьбу в Византии в собственных интересах. Так, например, соперничество между сыновьями все того же Иоанна V Андроником и Мануилом было использовано турками для присоединения Филадельфии — одного из последних византийских городов в Малой Азии. Вначале Андроник, считавший себя ущемленным младшим братом, поднял во Фракии восстание против своего отца. Но подавлением восстания занялся османский султан, тем более что в союзе с Андроником выступил его собственный сын. В результате мятежный сын султана был казнен, а сын византийского императора ослеплен с помощью кипящего уксуса, так что впоследствии зрение к нему вернулось.

¹ Подробнее см.: Ισαακ Χ. Η Οθωμανική αυτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ. 138 επ.

² О завоеваниях Османов в Европе см.: Angelov D. Certains aspects de la conquête des peuples balkaniques par les Turcs // Byzantinoslavica. Vol. 17 (1956). P. 220–275; Ostrogorsky G. La prise des Serrès par les Turcs // Byzantion. Vol. 35 (1965). P. 302–319.

³ См.: Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 68.

⁴ См.: Культура Византии. XIII—первая половина XV в. М., 1991. С. 349.

Это было сделано сознательно — Андроник был нужен Мураду, чтобы манипулировать его отцом. Действительно, впоследствии Андроник бежал из заточения и, войдя в Константинополь с генуэзскими и османскими войсками, низложил своих отца и брата, бывших соправителями, и заточил их в ту же самую башню, где до этого сидел сам. Иоанн и Мануил сумели бежать и отправились просить помощи к Мураду. Он восстановил их на престоле в обмен на большую ежегодную дань, поставку византийских солдат для службы в османской армии и город Филадельфию. Филадельфийцы не проявили желания переходить под власть султана и тогда Иоанну и Мануилу пришлось сражаться вместе с османами, чтобы подчинить своих соплеменников и единоверцев власти османов. Все эти события ясно показывают, насколько зависимыми от милости султана стали владыки Константинополя к тому времени.

Завоевания Мурада продолжил его сын Баязид I, получивший прозвище Молниеносного за свои стремительные набеги. В 1391 г. он захватил Салоники — последний еще не покоренный город в Македонии. Затем он двинулся дальше в Фессалию и к 1394 г. достиг Пелопоннеса. В то же время войска Баязида двинулись на север от Балканского хребта и к концу 1390-х гг. прочно утвердились на южном берегу Дуная. Баязид также подчинил своей власти соседние тюркские эмираты в Малой Азии и стал господином большей ее части. Вне его власти оставались только Киликия и западная часть Понта. В 1400 г. османские войска осадили Константинополь. Захват ромейской столицы превратился в одну из главных целей османов¹. К этому времени от некогда могучей империи остались лишь небольшие осколки. Она потеряла свой многонациональный характер и все более отчетливо превращалась в греческое государство. Последний византийский император уже носил титул Βασίλεϋς τῶν Ἑλλήνων. Исследователи полагают, что в поздневизантийское время можно говорить и о зачатках национального самосознания греков².

Дни Византии были сочтены. Запад отказался помочь грекам даже в обмен на обещания императоров перейти под церковную власть Рима. Как это часто бывает, на Западе лучше относились к далеким чужакам, чем к своим ближайшим соперникам. Поэтому многие латиняне считали, что схизматики-греки хуже турок-иноверцев. Итальянские республики Венеция и Рагуза заключали с султаном торговые договоры. Небольшие отряды западных рыцарей поддерживали греков в качестве наемников, но их сила была ничтожна. Тем временем Баязид готовился к нанесению смертельного удара по Константинополю.

Но в отличие от своего отца, который вел активную политику турецкой колонизации захваченных земель и отуречивания местного населения, Баязид не утруждал себя этими заботами. В результате его власть держалась только на военной силе и могла легко быть поколеблена. Что вскоре и случилось. Легкие победы в Европе и Малой Азии лишили его рассудительности и осторожности. Между тем с востока надвигалась серьезная угроза для самих турок. Очередная волна кочевников, вышедшая из монгольских степей во главе с Тимуром Хромым (Тимур Ленг — откуда и произошло Тамерлан). Первоначально Тимур, уже уничтоживший на своем пути несколько династий в Центральной Азии, не собирался воевать с османами. Он уважал их авторитет в мусульманском мире и боевые качества. Кроме того, дальнейшие планы его завоеваний предполагали движение на Ближний Восток. Однако Баязид сам спровоцировал столкновение,

¹ См.: Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1965. S. 497.

² См.: Культура Византии. XIII—первая половина XV в. М., 1991. С. 272–274.

нарушив суверенитет одного из вассалов Тимура, а впоследствии посылая ему письма с личными оскорблениями. Баязид серьезно недооценил силы противника, и, когда Тимур выступил против него в поход, османам пришлось в срочном порядке отозвать войска со всех фронтов, в том числе снять осаду Константинополя. Сражение между турками и монголами произошло в сухой безводной степи в районе Анкары (1402) — там же, где погибнет греческая армия уже в XX в. Безрассудство Баязида и военный гений Тимура привели к сокрушительному поражению османской армии. Султан Баязид попал в плен, но Тимур его не убил, а подвергал бесконечным унижениям. В таких условиях бывший султан прожил около года. С его смертью в османском государстве, изрядно потрепанном монголами, начались династические распри. Все эти события привели к временному ослаблению влияния османов и позволили грекам воспрянуть духом.

Новый византийский император Мануил II, ставший единоличным правителем с 1391 г., сумел получить обратно Салоники в обмен на поддержку одного из претендентов на османский престол. Поражение, нанесенное туркам Тимуром, развеяло миф об их непобедимости и дало грекам надежду на сохранение собственного государства. Прозападнически настроенная константинопольская интеллектуальная элита возобновила разговоры о возможности церковной унии в обмен на организацию нового крестового похода против мусульман.

Однако беспорядки в османском государстве продолжались всего десять лет. С приходом к власти в 1413 г. Мехмеда I в нем была восстановлена сильная центральная власть. Это позволило его преемнику Мураду II (1421–1451) вернуть потерянные за время междоусобиц земли и даже приобрести новые¹. В 1430 г. были вновь покорены проданные Венеции Салоники — и на этот раз окончательно, а также завоеван Эпир вместе с Яниной. К 1446 г. Мурад овладел Этолоакарнией и захватил первую крепость на Пелопоннесе — Патры. В 1422 г. он вновь осадил Константинополь и впервые применил для обстрела городских стен артиллерийские орудия. Существуют легенды о героической защите города и чудесном явлении Богородицы. Но снять осаду Мурада вынудило скорее изменение обстановки на восточных границах его империи, где бывшие и еще сохранившие свою власть правители тюркских княжеств постоянно устраивали антиосманские заговоры. Однако в 1425 г. он нанес дипломатический удар по позициям византийцев, воспользовавшись сменой монарха. В 1425 г. Мануилу наследовал Иоанн VIII, с которым Мурад заключил мирный договор. Согласно этому договору османы отказывались от претензий на Константинополь, но во власти императора оставалась лишь небольшая полоска земли, непосредственно примыкающая к стенам города. Помимо этого от всей могущественной прежде империи у греков оставались еще некоторые территории на Пелопоннесе и в материковой Греции, в том числе Морейский деспотат, где правили отпрыски династии Палеологов, находившиеся в вассальной зависимости от султана. Формально независимой оставалась и Трапезундская империя (Понт)². Если Морею спасала географическая удаленность, то Трапезунд — Понтийские горы. Надо сказать, что Мурад II был по характеру мирным человеком, он имел хорошее образование и больше был озабочен внутренними делами своей империи, нежели приобретением новых территорий. Он больше не

¹ О политике Мурада II см.: Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

² См.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

возобновлял осады Константинополя и вообще все его военные походы были скорее ответом на выступления реваншистов как на западе, так и на востоке.

Новые завоевания турок в правление Мурада и непосредственная угроза самому Константинополю заставили греков вновь обратиться за помощью к Западу. Все, что они могли предложить в обмен на военную помощь, было обещание подчинить Риму греческую Церковь. Император Иоанн VIII, как некогда Иоанн V, лично отправился в Италию, чтобы участвовать в объединительном церковном соборе. В апреле 1438 г. этот собор был открыт папой Евгением IV в Ферраре, а впоследствии из-за финансовых трудностей перенесен во Флоренцию. В нем принимали участие более 70 епископов обеих Церквей, в том числе Константинопольский патриарх Иосиф и Московский митрополит Исидор. Помимо духовенства на соборе выступали также итальянские и византийские гуманисты, речи которых носили не столько богословский, и даже не политический, а скорее философский характер. Так что этот собор был своего рода первым в истории международным философским конгрессом. Его работа закончилась провозглашением в июле 1439 г. унии Церквей. Греки, выступавшие в роли просителей, были вынуждены пойти на серьезные уступки догматического и церковно-административного характера. Они соглашались принять католические догматы — о чистилище, о филиокве — а также единоличное главенство папы в Церкви. Но настояли на сохранении своей обрядности — греческого языка богослужения, браков духовенства, причастия хлебом и вином. Однако, как и в эпоху Иоанна V, признавшего главенство папы, уния не помогла, а скорее навредила грекам. Поддержка Запада была незначительной, сколько-нибудь крупного антитурецкого похода организовано не было. Зато среди самих греков уния произвела раскол. Еще на соборе один из греческих делегатов митрополит Эфесский Марк Евгеник категорически отказался подписать Акт об унии. Узнав о заключении унии, население Константинополя, вместо того, чтобы сообща думать об отражении турецкой угрозы, раскололось на два лагеря — униатов и антиуниатов, враждовавших между собой. Кредо последних выражалось формулой: «Лучше тюрбан султана, чем шапка кардинала»¹, отражавшей, с одной стороны, печальные воспоминания о пребывании латинских крестоносцев в земле ромеев и опасения повторения истории, а с другой стороны, надежду на более мягкую политику со стороны мусульманского государства. Вскоре антиуниатам удалось одержать верх: Иерусалимский собор 1443 г. предал унию анафеме². Часть сторонников унии, самым известным из которых был Виссарион Никейский, ставший первым униатским кардиналом, бежала на Запад.

Сменивший в 1451 г. на престоле Мурада II Мехмед II³ был менее образованным и более воинственным. Завоевание Константинополя было его давней мечтой. После вступления на трон он первым делом приказал задушить своего еще остававшегося в живых младшего брата-соперника (двое старших братьев уже умерли не по его вине). Вообще в османской династии к тому времени уже закрепились традиции братоубийства. Оставшись в живых, братья султана рано или поздно начинали претендовать на престол и организовывать мятежи. Поэтому таким варварским способом Османы

¹ Приписывалась Луке Нотарасу — последнему первому министру империи.

² О подготовке Ферраро-Флорентийского собора и связанной с унией политической борьбой среди греков см.: Βασιλείαδης Ν. Π. Ο άγιος Μάρκος ο Ευγενικός και η Ένωσις των Εκκλησιών. Αθήνα, 1998.

³ О нем подробнее см.: Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953.

поддерживали стабильность личной власти и династии в целом. Мехмеду пришлось убить всего лишь одного, а некоторым его потомкам — до нескольких десятков собственных братьев. Укрепив свой трон, Мехмед провел реорганизацию армии, усилил янычарский корпус и приступил непосредственно к приготовлениям к осаде Константинополя.

Непосредственным поводом для конфликта стал вопрос о содержании в Константинополе османского заложника, родственника Мехмеда, который мог бы претендовать на султанский престол. Вскоре после своего воцарения Мехмед принял послов императора Константина, которым поклялся уважать территорию Византии, а на содержание заложника выплачивать деньги из доходов греческих городов на реке Струме (Стримоне). По всей видимости, эти деньги не были выплачены вовремя, и греки явились с жалобой к султану, требуя к тому же увеличить сумму. В противном случае они угрожали поддержать заложника в его претензиях на султанский престол. Такая постановка вопроса дала повод Мехмеду нарушить его прежние обещания. Он вообще выгнал греков из городов на Струме и конфисковал их имущество. Одновременно он начал строительство крепости (Румелихисары) на европейском берегу Босфора в самой узкой его части (700 м), на территории Византии. Учитывая, что на азиатском берегу пролива Баязидом уже была построена подобная крепость (Анадолухисары), османы таким образом брали под свой контроль проливы и создавали опорную базу для осады Константинополя. Окрестные церкви и монастыри были разрушены, чтобы обеспечить стройку камнем. Крепость была построена в 1452 г. меньше, чем за полгода. Греки неоднократно выражали протесты по этому поводу и требовали гарантий, что на Константинополь не будет совершено нападение. Мехмед вначале просто игнорировал послов императора Константина, а в конце концов отрубил им головы. Это означало объявление войны.

Всю зиму 1452–1453 гг. обе стороны посвятили военным приготовлениям. Мехмед лично провел ряд рекогносцировок оборонительных сооружений Константинополя. Составляя план новой осады города, он учитывал опыт своих предшественников и использовал новейшие достижения военной техники. В частности, им был нанят венгерский инженер Урбан, специалист по отливке пушек. Первоначально этот инженер предлагал свои услуги императору Константину, но тот оказался настолько беден, что не смог оплатить их. С помощью венгра Мехмед создал невиданную на Востоке по своей мощи артиллерию, которая включала гигантскую пушку, стрелявшую стокилограммовыми ядрами. Противостоять таким орудиям стены города, выстроенные в век отсутствия артиллерии, уже не могли. Мехмед также учел, что прежние успехи защитников города во многом объяснялись их господством на море. Поэтому за несколько зимних месяцев по его приказу был создан флот, в пять раз превосходивший флот константинопольцев, включая суда их итальянских союзников. Наличие флота теперь позволяло блокировать город с моря и обеспечить переброску и снабжение турецких войск их собственными силами, не прибегая к помощи наемников. Армия, собранная для осады города, состояла из 50 тыс. регулярных войск, включая 12 тыс. янычар, и многочисленных иррегулярных отрядов, набранных из вассальных и покоренных государств.

Всем этим силам Константинополь, население которого в то время составляло менее 50 тыс. чел., мог противопоставить лишь легкую артиллерию, а также всего 7 тыс. защитников, включая 2 тыс. генуэзцев и венецианцев. Кроме того, император испытывал большие финансовые трудности, в связи с чем был создан специальный фонд обороны, принимавший пожертвования от частных лиц. Всю зиму горожане под

руководством Джованни Джустиниани Лонго — генуэзского специалиста по обороне городов, обнесенных крепостными сооружениями, — занимались подновлением и укреплением городских стен и расчисткой рвов. В эту последнюю для Византии зиму вновь был поднят вопрос об унии. На рождественском богослужении в Святой Софии был торжественно провозглашен союз двух Церквей. Но и на этот раз он был отвергнут большинством греческого духовенства. Собственно, теперь это уже не играло никакой роли: если уния не принесла плодов раньше, когда Константинополь еще можно было спасти, то уж тем более она не могла ничего изменить теперь.

Весной Мехмед начал переброску войск под стены города. На второй день Пасхи, 2 апреля, состоялась первая демонстрация сил. По окончании Светлой седмицы султан направил в город послов с предложением мира, обещая в случае добровольной сдачи сохранить горожанам жизнь и имущество. Но Константинополь отказался. Тогда султан начал артиллерийскую бомбардировку стен города, непрерывно продолжавшуюся шесть недель. Таким образом Мехмед надеялся сделать в стенах пробоины, которые позволили бы проникнуть в город войскам. Но его расчеты не оправдались. Несмотря на то, что стенам и башням города был нанесен значительный урон, греки быстро заделывали образующиеся пробоины подручным материалом. Попытки атаковать город с моря окончились неудачей. Поддерживаемую понтонами цепь, закрывавшую вход в Золотой Рог, турецкие корабли не смогли преодолеть. Недостаточно было иметь корабли — нужно было уметь ими управлять. Морское искусство греков и итальянцев намного превосходило знания набранных турками моряков. В результате грекам, несмотря на блокаду, удалось даже получить небольшие подкрепления по морю. Таким образом, несмотря на значительный перевес в живой силе, кораблях и артиллерии, турки взять город не могли. В данной ситуации требовалось найти какое-то нестандартное решение. И оно было подсказано Мехмеду неким итальянцем, находившимся у него на службе. Часть турецких кораблей была по суше перетасчена в Золотой Рог, в самый центр греческой обороны. Это позволило блокировать генуэзскую колонию Пера¹, расположенную на другой стороне залива, и усилить блокаду города. Но решающей победы туркам не принесла и эта мера. Тогда Мехмед, по совету своего великого визиря, с самого начала скептически относившегося к планам осады города, послал Константину новое предложение мира. Султан предложил императору выбор между выплатой большой ежегодной контрибуции и свободной эвакуацией жителей плюс владения на Пелопоннесе для самого Константина. Но тот отказался. Мехмед назначил решающий штурм города на 29 мая.

Всю предшествующую ночь турки засыпали рвы и подносили боеприпасы к стенам города. Султан обещал им все богатства христианской столицы, выделив в свою часть добычи лишь городские здания. 28 числа армия Мехмеда отдыхала перед решающим сражением. Перед рассветом Мехмед отправил на штурм городских стен нерегулярные войска, главная задача которых была измотать противника. Они сражались почти два часа, после чего их сменили регулярные османские полки. Осаждающие несли большие потери, а город оставался неприступным. Даже разрушение большого участка стены точным попаданием ядра из гигантской пушки не дало туркам возможности ворваться внутрь. Их встретил отпор отряда греков, руководимых лично императором. Наконец

---

¹ Жители Перы во время осады занимали двусмысленную позицию: в то время как власти официально заявили о нейтралитете колонии, ее жители поставляли шпионские сведения и продовольствие как туркам, так и грекам.

в бой была введена элита османской армии — янычары. Но, несмотря на то, что греки и генуэзцы сражались уже четыре часа, даже янычары не смогли их одолеть. И тут две роковые неприятности сломили сопротивление защитников города. По какой-то оплошности остался незакрытым подземный выход одной из башен (Керкопорта). Пока его удалось закрыть, отряд турок сумел прорваться внутрь. Но и с этим можно было бы справиться, если бы тут же не случилась вторая неприятность. Командир обороны города Джустиниани был тяжело ранен и попросил унести его с поля битвы. Пока его несли по улицам города к Золотому Рогу, многие генуэзцы решили, что сражение проиграно и стали покидать поле боя. В рядах защитников города началась паника. Этим немедленно воспользовались турки, которым, наконец, удалось забраться на городские стены. Вскоре они сумели открыть ворота. Император Константин в последний раз попытался воодушевить своих бойцов, но сражение было уже проиграно. Тогда Константин спешился, снял с себя императорские знаки отличия и как простой солдат кинулся в бой с янычарами. С тех пор его никто больше не видел. Впоследствии это обстоятельство стало почвой для народных легенд о том, что последний император, тезка основателя города, не погиб, а чудесным образом спасся¹. Город был отдан на разграбление солдатам, а большинство его жителей убито или уведено в плен².

Взятие Константинополя вызвало шок не только у греков, считавших, что наступила эра Антихриста, — именно поэтому Геннадий Схоларий и согласился стать патриархом в османском государстве. На Западе, слишком легкомысленно относившемся к судьбе Византии, только теперь поняли, что отныне турки угрожают их собственным государствам. На самом деле все эти настроения были весьма субъективными: Константинополь был обречен на гибель уже столетием раньше. И все же сам факт его падения был сопоставим разве что с взятием Рима варварами. Константинополь, Новый Рим, был символом христианской веры и греческой цивилизации. Как писал уже в XX в. один из идеологов греческого национального возрождения Периклис Яннопулос, в мире есть всего один священный город: это не Афины и не Иерусалим, это город на Босфоре. Символическое значение падения Константинополя было столь велико, что именно этот день греки считают началом османского ига, несмотря на то, что реальная экспансия турок в греческие земли началась почти на триста лет раньше. Особую значимость Константинополя хорошо понимали и турки: древний символ города — полумесяц с того времени появился на их знаменах. К тому же, согласно древнему предсказанию, город пал при убывающей луне³.

Османская экспансия не закончилась и с падением Константинополя. Формально независимыми оставались еще Морейский деспотат и Понт. Морейский деспотат со столицей в крепости Мистра был основан в 1348 г. уже упоминавшимся Иоанном Кантакузином. Придя к власти в Константинополе и желая навести порядок в Морее,

¹ См. главу «Пророчества о грядущем возрождении Византии».

² Подробности об осаде и взятии Константинополя известны нам по нескольким источникам, в том числе славянским: Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. 2-я половина XV века. М., 1982. С. 217–267. Одно из наиболее авторитетных исследований на эту тему было написано английским византинистом С. Рансименом: *Runciman S. The Fall of Constantinople*. Cambridge, 1969 (рус. пер.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983, 2008). Там же приведена обширная библиография этих событий.

³ См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008. С. 285.

которая была объектом воцелений не только турок, но и латинян, Иоанн послал туда в качестве вассального правителя своего сына. Кантакузины правили в Мистре до 1384 г., когда были изгнаны Палеологами. При Палеологах Морейский деспотат достиг расцвета и расширил свою территорию почти на весь Пелопоннес, пользуясь неурядицами в Османской империи в начале XV в. Но и сами морейские правители не избежали гражданских войн. Конфликты между тремя братьями — Константином (будущим императором), Димитрием и Фомой позволили султану вмешаться в дела княжества и в конце концов захватить его. В 1460 г. последний деспот Димитрий Палеолог сдал Мистру туркам, а сам уехал к султанскому двору. Фома Палеолог бежал в Италию¹. Именно на его дочери Софье был женат московский князь Иван III. В 1461 г. власти султана покорился Понт. Теперь у греков больше не осталось независимых государственных образований.

Турецкое завоевание нанесло колоссальный ущерб всей греческой цивилизации. Начиная со второй половины XI в. греки были вынуждены покидать насиженные места и уходить в горы либо на запад. Лучшие плодородные долины доставались турецким кочевникам. Единственным способом сохранить свое материальное положение было принятие ислама. В действительности турки редко проводили насильственную исламизацию — она просто была им невыгодна: если все станут мусульманами, то кто же будет платить налоги? Поводом для принятия ислама был ненавистный девширме — некоторые семьи предпочитали сменить веру, чем жертвовать своими сыновьями. Но принятие ислама оборачивалось быстрой утратой греческой национальной идентичности. Новообращенные мусульмане вскоре забывали родной язык и свое греческое происхождение и культуру. Тем не менее, до сих пор в Малой Азии существуют целые деревни криптохристиан — сколько их точно, выяснить невозможно, поскольку они в большинстве своем утратили родной язык и тщательно скрывают свою принадлежность к христианству.

Оставшиеся на занятой турками территории греки-христиане стали селиться преимущественно в горных местностях, на побережьях, в больших городах, на островах. В горах османское владычество чувствовалось меньше всего — горная местность с трудом поддавалась контролю со стороны турецкой кавалерии. Поэтому в некоторых горных районах зависимость греков от Порты была номинальной. Самые известные из таких районов — Мани (Пелопоннес), Сфакья (Крит) и Сули (Эпир). Там, а также в Понтийских горах и Каппадокии, в пещерах которой находили убежище еще доисторические люди, нашли приют многие беженцы. Расселившиеся на побережье и на островах греки сохранили за собой такие традиционные отрасли хозяйства, как морское дело и рыболовство. Доступ к морскому делу позволил грекам постепенно взять в свои руки морскую торговлю. Что же касается больших городов, то там было менее заметно то социальное унижение, которому подвергались христиане в османском государстве, а также было больше шансов вести достойный образ жизни благодаря торговле, находившейся в пренебрежении у турок.

Османское завоевание нанесло невосполнимый урон греческой художественной и духовной культуре. Многие памятники архитектуры и изобразительного искусства были уничтожены в ходе завоевательных походов. Была фактически разрушена

---

¹ Подробнее о судьбе родственников последнего византийского императора см.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008. С. 358–365.

византийская система образования, уровень образования среди греков резко упал. Но самый большой урон составили людские потери и вынужденное оставление греками некоторых древнейших очагов своей цивилизации. С. Врионис сформулировал важнейшие положения, характеризующие негативное влияние османского завоевания на экономическое, социально-политическое и культурное развитие греческого народа: это лишение греков политических прав как нации, упрощение социальной структуры по сравнению с византийским обществом, экономическое истощение, этнический размыв, религиозное отступничество (в отдельных районах), лишение гражданских прав, деградация культуры и культурная изоляция¹. Греки потеряли независимость и были вынуждены приспосабливаться к существованию в чужом и иноверном государстве. На повестке дня стоял вопрос о том, сумеют ли пережившие завоевание греки сохранить при этом свою веру и культуру.

В новом государстве

Со взятием османами Константинополя вступил в завершающую фазу процесс создания Османской империи на месте Византийской. Недаром Мехмед Завоеватель считается в турецкой историографии подлинным основателем империи². Он не только присоединил к своему государству новые территории, но и упорядочил систему управления государством.

Главой нового, османского государства, в котором теперь предстояло жить грекам, был султан. В мусульманском мире институт султанской власти возник в ходе завоеваний. В отличие от халифата, более ранней формы организации государственной власти у мусульман, султанат, во-первых, предполагал установление власти султана по праву сильного, а не по соглашению с верующими. Во-вторых, первоначально султан не имел духовной власти, его власть была неограниченной — но чисто светской. Однако по мере роста могущества Османской империи и ослабления власти последних халифов османский султан постепенно приобретал позиции и духовного лидера мусульманского мира. После завоевания Египта в 1517 г. и смерти последнего аббасидского халифа знаки халифской власти были перенесены в Константинополь. Тогда султан сосредоточил в своих руках не только законодательную и исполнительную, но и духовную власть над своими мусульманскими подданными. С этого времени на протяжении четырех столетий султан сохранял в своих руках духовную и гражданскую власть. Разумеется, на немусульман духовная власть султана не распространялась.

Законодательную основу власти султана составляли сразу две правовые традиции. Как глава мусульманского государства султан был обязан в своей деятельности руководствоваться прежде всего нормами шариата — священного закона мусульман. Прерогативы по конкретизации и толкованию этих норм принадлежали улемам — образованной элите знатоков мусульманского права. Шариат регулировал не только духовную, но в значительной мере и гражданскую жизнь мусульман. Помимо шариата в империи постепенно сложилась другая правовая традиция — канун. Канун, иначе султанское право, представляет собой совокупность законодательных распоряжений

¹ См.: Vryonis S. The Greeks under the turkish rule // Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change. Thessaloniki, 1976. P. 57–58.

² См.: Ισατζίκ Χ. Η Οθωμανική αυτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ. 58.

султана. Канун касался преимущественно гражданской жизни империи и имел юридическую силу не только для мусульман, но для всех подданных султана. Вновь принимаемые указы султана (фирманы и др.) не упраздняли, а дополняли и конкретизировали предыдущие. Постепенно, таким образом, сложилась целая государственно-правовая система¹. Канун — один из самых ярких примеров византийского влияния на государственно-политическое устройство и государственное управление Османской империи. Как и некоторые другие достижения в этой области, данная практика монаршего законодательства, характерная для византийцев, была заимствована у них персами, а уже от персов перешла к туркам. Аналогичная правовая система существовала и в Московской Руси, а потом и Российской империи. Доказательством византийского происхождения кануна служит и греческое происхождение его названия.

Османская империя во многом повторяла границы Византии и покорила себе большинство народов, прежде подвластных византийскому императору. Обоснование султанов в прежней христианской столице дополнило их самосознание как преемников христианских владык Константинополя. Мехмед Завоеватель именовал себя «эмиром туркоромеев». Он предоставил значительные привилегии Православной Церкви и использовал греческий язык в дипломатической переписке. Однако не только сами османы считали себя преемниками и наследниками империи ромеев. Еще Михаил Критовул, греческий историк взятия турками Константинополя, заложил традицию, согласно которой новые властители Константинова града стали считаться господами христианского Востока. Этой точки зрения придерживались все греческие историки первых столетий османского владычества. Излагая историю империи ромеев и ее императоров, они потом плавно переходили к изложению истории османских султанов как новых, но, тем не менее, легитимных правителей Константинополя. Получалось, что история империи не прервалась, но лишь приняла новые формы.

Османское правительство известно в литературе под названием Высокой Порты². Первоначально такое название носило то место, где султан принимал просителей и занимался государственными делами, а впоследствии, как это часто бывает, стало ассоциироваться с правительством в целом. На самом деле роль султанского правительства исполнял императорский совет (диван-и-хумайюн). Первоначально султан лично проводил его заседания, но потом он даже перестал на них присутствовать, а за ходом работы дивана следил через специальное потайное окошечко. После того как султан перестал руководить работой дивана, этот орган возглавил великий визирь, который со временем стал исполнять функции, аналогичные функциям премьер-министра. Некоторые великие визири обладали такой большой властью, что их казнили по подозрению в подготовке узурпации престола. Но в целом визирь не имел абсолютной власти, он мог принимать решения без веденья султана лишь в административной сфере, и то с согласия остальных членов дивана. Диван изначально возник как судебный орган и функции высшей судебной инстанции сохранились за ним и впоследствии. Но помимо этого диван стал выполнять и функции кабинета министров. В состав

¹ Подробнее см.: Ισαακίδης Χ. Η Οθωμανική αυτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ. 125–134.

² Об организации верховной власти в империи подробнее см.: Hammer J. Das osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung. 2 Bände. Wien, 1815; Ισαακίδης Χ. Η Οθωμανική αυτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ. 157–181.

дивана входили высшие должностные лица трех отраслей, на которые делилось османское государственное управление, — политической, судебной и экономической. Политические вопросы, к числу которых относились защита государственной власти, поддержание внутреннего спокойствия и защита империи от внешних врагов, входили в компетенцию визирей, судебную власть представляли казаскеры, а экономику — дефтердары. В разное время в состав дивана входили и другие должностные лица, военачальники, шейх-уль-ислам. Система государственной власти обслуживалась постепенно развившейся бюрократией, которую готовили османские учебные заведения. Во главе бюрократической системы стоял государственный секретарь — нишанджи, который готовил султанские указы и ставил на них тугру (нишан) — оттиск подписи султана. Любопытно, что сама тугра возникла из отпечатка пальца, который один из первых султанов ставил на своих указах по неграмотности. В своей первоизданной чистоте османская государственная система просуществовала очень недолго. Вскоре ее постигли те же беды, что другие государственные машины. Стали процветать взяточничество, должностные лица прибегали к подкупу высших сановников, чтобы получить свои назначения. Понесенные расходы они впоследствии возмещали, выкачивая все, что можно, из населения.

В административном отношении империя делилась на санджаки — провинции. По-турецки санджак значит «знамя» — при назначении нового санджакбея султан вручал ему знамя. Таким образом, система санджаков первоначально возникла как военная. Санджаки объединялись в более крупные территориально-административные единицы — бейлербейлики, во главе которых стояли бейлербеи. Первоначально бейлербейликов было два — Румелийский (европейский) и Анатолийский (азиатский). Но со временем новые завоевания и усложнение системы государственного управления привели к увеличению числа бейлербейликов, в результате их стало более 30. Изменилось и их название: они стали называться эйялетами, или вилайетами (последнее название чаще встречается в литературе). Наконец, самой мелкой территориально-административной единицей были каза (епархии, уезды), которыми управляли казаскеры, или воеводы. Казаскеры осуществляли в первую очередь сбор налогов, функции административного управления они осуществляли совместно с кади (судьями), представлявшими духовную и судебную власть. Те земли Османской империи, которые впоследствии вошли в состав греческого государства, делились на шесть вилайетов: Морею, Негропонт (о. Эвбея и противоположная ей часть материка), Южную Албанию (включая Западную Грецию), Селаник (Салоники и большая часть Македонии), о. Крит, острова Эгейского архипелага. Острова Архипелага подчинялись капудан-паше (командующий турецким флотом), во главе остальных вилайетов стояли вали (наместники). Однако, несмотря на наличие единой территориально-административной организации, некоторые области империи находились всего лишь в вассальной зависимости от султана (Дунайские княжества, Грузия), а другие (тоже по большей части окраинные) сохранили остатки прежней системы управления (Тунис, Алжир). Из собственно греческих земель относительной самостоятельностью пользовались лишь небольшие горные районы, фактически также находившиеся лишь в вассальной зависимости от султана (Мани).

Социальная и политическая стабильность империи в первые века ее существования обеспечивалась во многом за счет того, что османы заимствовали византийскую систему организации сельского хозяйства, ремесленного производства, денежную

систему, морское хозяйство. Наконец, что важнее всего, османы не стали кардинально менять систему налогообложения, в османскую армию была инкорпорирована значительная часть византийских вооруженных сил, а система распределения доходов от сельскохозяйственного производства также опиралась на византийскую традицию. Эта система, по существу своему феодальная, имела существенное отличие от западноевропейского феодализма.

В османском государстве вся земля принадлежала султану, в виде пожалований она раздавалась благотворительным учреждениям, мечетям и частным лицам. Все земельные владения делились на три категории в зависимости от суммы доходов, которые они приносили. Самые доходные земли — хассы — принадлежали, как правило, султану. Наименее доходные земли, доходов с которых хватало на содержание одного конного воина-сипахия, раздавались частным лицам. Воины-сипахи, составлявшие основу феодального ополчения, получали за свою службу тимар — условное земельное пожалование (кормление) с фиксированным годовым доходом до 20 тыс. акче. Право наследования тимара было связано с обязательством наследника служить в армии. Сам тимариот обычно не вел хозяйства, этим занимались крестьяне-райя. Тимар измерялся не количеством земли или работавших на ней крестьян, а был только правом на определенную сумму налога, и государство бдительно следило за тем, чтобы тимариоты не превышали своих полномочий. Командиры отрядов сипахи были владельцами более крупных пожалований того же типа — зеаметов (с годовым доходом от 20 до 100 тыс. акче). Частные лица получали свои пожалования, в обмен на военную службу, причем пожалования эти первоначально не были наследственными. Отказ от военной службы влек за собой автоматический отзыв тимара. Такая система получила в литературе наименование военно-ленной¹.

Принципиальное отличие тимара от западноевропейского феода заключалось в том, что, получая тимар, тимариот получал не землю, а лишь доходы с нее. Этот вид земельного владения больше похож на византийскую пронию. И действительно, большинство тимариотов греческого и славянского происхождения в прошлом были прониарами. В начальный период своей власти османы терпимо относились даже к их христианскому вероисповеданию, достаточно было того, что они принимали участие в военных походах. Однако подозрения в подготовке антиосманских восстаний христианами побуждали Порту принимать меры по исламизации тимариотов. В конце концов большинство из них приняло ислам и полностью интегрировались в османскую государственно-политическую систему. Те из них, кто отказался сменить веру, были лишены своих владений.

Поскольку османское государственное управление основывалось на нормах шариата, то основным критерием дифференциации подданных был религиозный. Полноправными гражданами империи могли быть только мусульмане. Однако отношение ислама к другим религиям не единообразно. Если у язычника есть выбор только между принятием ислама и смертью, то для народов, исповедующих религии, связанные с исламом через Библию, допускается снисхождение. Представители библейских религий могут выкупить свою жизнь у мусульман. Коран допускает возможность сохранения жизни христианам в том случае, если они согласятся пожизненно

---

¹ О складывании военно-ленной системы подробнее см.: Новичев А. Д. История Турции. Т. 1. А., 1963. С. 117 и сл.

платить налоги в пользу мусульман и нести другие повинности¹. Так постепенно возник институт джиммы — договора, легитимирующего существование немусульман в исламском государстве. Джимма заключалась навечно, ее дискриминационные для немусульман условия должны были подталкивать их к принятию ислама. Расторжение договора допускалось в том случае, если немусульманин отказывался платить налоги (тогда его ждала смерть), либо если дальнейшее действие договора не приносило выгоды мусульманам (в этом случае иноверцев ожидало изгнание).

Согласно этому договору немусульманам (за ними постепенно утвердилось название райя — «стадо») гарантировалась жизнь и личная свобода, но с некоторыми ограничениями. Неверным запрещалось жить в некоторых городах, для проживания им определялись наименее благоприятные районы. Им запрещалось занимать почетные места в общественных собраниях, повышать голос в присутствии мусульман, проводить собственные собрания, ходить со свитой, ездить верхом. Право носить бороду было оставлено только священникам. Неверные были обязаны уступать дорогу мусульманам. В свою очередь мусульманам запрещалось приветствовать неверных, поздравлять их или приносить соболезнования. Исламское государство в общих чертах признавало семейное и наследственное право покоренных народов.

Экономические ограничения, налагаемые на райя, были не очень велики. Главным образом они касались налогов и таможенных сборов, которые были для них вдвое выше, чем для мусульман. В османском государстве сложилось также своеобразное разделение труда между мусульманами и немусульманами. Мусульмане по-прежнему занимались войной и сельским хозяйством, оставляя евреям и христианам такие прибыльные отрасли, как торговля, ремесло, медицина.

Несмотря на то, что немусульмане были людьми второго сорта, османское государство (по крайней мере, теоретически) придерживалось политики религиозной терпимости в отношении библейских конфессий². Насильственное обращение в ислам запрещалось. Но отступничество от ислама каралось смертью. Тем не менее, государство принимало меры, чтобы склонить неверных к принятию ислама. Смешанные браки допускались только в том случае, если муж был мусульманином, а жена христианкой, но христианину жениться на мусульманке запрещалось. Христианское богослужение не было запрещено, но было сильно ограничено. Христианам запрещалось возводить новые церкви, самые лучшие из христианских храмов были переделаны в мечети. Запрещалось также звонить в колокола, устраивать публичные процессии, помещать в публичных местах христианские реликвии и т. п.³

Кроме того, на практике часто встречались отступления от принципа религиозной терпимости, особенно в период завоеваний. Фанатики-гази уничтожали церкви, насильственно обращали христиан в ислам. Центральная власть не одобряла этих действий, но и сам султан, практикуя девширме, прибегал к насильственной исламизации. Фанатизм и нетерпимость местных мусульман доходили до того, что христианам запрещалось в общественных местах разговаривать на родном языке. Известен случай, когда группе греков-христиан за это отрезали языки. Любопытно, что одними

¹ См.: Hasluck F. W. Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1–2. Oxford, 1929.

² См.: Hering G. Das islamische Recht und die Investitur des Gennadios Scholarios (1454) // Balkan Studies. 1961. Vol. 2. P. 231–256.

³ См.: Скабаланович Н. Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии // Христианское чтение. СПб., 1878. С. 423–464.

из самых фанатичных борцов за ислам выступали прозелиты, которые еще недавно были христианами. Надо сказать, что этот фанатизм чрезвычайно затруднял какое-либо сближение между покоренными и завоевателями. Нет худа без добра — такая ситуация препятствовала ассимиляции греков османами и способствовала их сохранению как этноса. Бывали исключения и обратного плана: некоторые общины и целые острова, добровольно перешедшие под власть Османов в эпоху завоеваний, в благодарность за лояльность получали значительные привилегии: право строить и ремонтировать церкви, освобождение общинных земель от мусульманских колонистов, значительные налоговые льготы.

И все же, и в период завоевания и в дальнейшем наблюдался переход христиан в ислам, который иногда принимал массовый характер. Причины для этого были самые разнообразные: смена веры повышала социальный и материальный статус, гарантировала безопасность. Поскольку процедура принятия ислама была чрезвычайно простой: следовало лишь публично заявить о своей приверженности этой религии, то бывали случаи, когда так поступали дети или пьяные. Серьезным толчком к массовой исламизации послужило религиозное разочарование: феноменальные военные успехи турок-мусульман и неспособность византийцев и других христиан противостоять им создавали у населения ощущение богооставленности. Тем более, что турки объясняли свои успехи Божьей помощью. Таким образом, часть христиан приходила к мысли об истинности именно мусульманской веры. С другой стороны, те христиане, которые воспринимали установление иноверной власти как наказание за грехи либо как преддверие конца света, наоборот, еще более укрепились в своей православной вере. Исламизация так или иначе затронула почти все населенные греками регионы империи. В наибольшей степени она коснулась Малой Азии, а впоследствии Крита и Эпира. Следствием массовой исламизации была полная интеграция бывших христиан в османское общество и утрата ими греческих корней. С течением времени слово «мусульманин» стало синонимом турка. Что же касается самого турецкого этноса, то исламизация во всех формах, включая девширме (от него были освобождены армяне и евреи) вела к тому, что турецкий этнос в значительной степени формировался за счет греческих и славянских элементов Малой Азии и Балкан.

Иногда вынужденная исламизация вела к появлению уже упоминавшихся криптохристиан, тайно остававшихся приверженцами православия. Первоначально Церковь отнеслась к этой ситуации терпимо. Но практика показала, что большинство криптохристиан рано или поздно становились настоящими мусульманами. Этим было обусловлено ужесточение позиции церковной власти: переходы в тайное христианство были осуждены.

Участие немусульман в управлении государством было сильно ограничено. Им не разрешалось занимать официальных постов, их услуги использовались лишь на вспомогательных работах. Первоначально христиане были освобождены и от военной службы, но очень быстро их стали привлекать для службы во флоте и вспомогательных частях. Главной функцией христиан и евреев в османском государстве была уплата налогов на содержание мусульман. Тяжесть положения немусульман была обусловлена не только величиной налогов, но и обязанностью в части гражданских и всех уголовных вопросах подчиняться мусульманскому правосудию. Между тем в суде мусульмане и немусульмане также были неравноправны, поэтому в любых спорах христиане почти всегда проигрывали. Крайне редки случаи, когда христианам

удавалось выиграть дело, но и тогда на мусульман налагались значительно более легкие наказания, чем в аналогичном случае на христиан.

Османское завоевание вызвало существенные миграции населения в новой империи, повлекшие за собой изменения этнической карты Малой Азии и Балкан. С одной стороны, греки покидали обжитые места, которые занимались турками. Таким образом, в Малой Азии компактные греческие поселения сохранились преимущественно в прибрежных районах (Иония, Понт), либо в горах (Понт, Каппадокия). Почти вся остальная территория была занята турками либо исламизированными греками, которые быстро забыли о своих греческих корнях. Кроме того, некоторые султаны проводили целенаправленную политику турецкой колонизации захваченных земель. В результате этой политики турками и потурченцами были заняты наиболее плодородные районы на Балканах. На территории современной Греции это Фракия, Македония, Фессалия. В Эпире, Этолоакарнании, Аттике и на Пелопоннесе турецких поселений было мало. Помимо турок греческие земли стали заселять албанцы, которые обосновались в Беотии, на Пелопоннесе, а также на пустынных дотоле островах Идра, Спеце и др. В Македонии уже в византийскую эпоху проживало не только греческое, но и славянское население.

В свою очередь греки жили не только на территориях, признаваемых греческими, но и в землях соседних народов — албанцев, сербов, болгар. В Болгарии греческие поселения существовали еще с античных времен, но в эпоху османского владычества культурное влияние греков на болгар стало очень сильным. Оно шло в первую очередь через духовенство, поскольку в этот период болгары утратили свою независимую церковную организацию и перешли под юрисдикцию Константинопольского патриархата. Есть сведения о пребывании греческих купцов, ремесленников и духовенства в сербских землях. Греческий язык стал в Сербии и Болгарии языком образованности и культуры.

Все эти факты говорят о том, что уже в раннее Новое время население Балкан имело смешанный характер. Провести границы между отдельными народами было практически невозможно. Многие соседние народы жили вперемешку даже в одной и той же деревне. В районах смешанного населения даже начал формироваться особый язык, состоявший из смеси греческих и славянских диалектов (Македония). Под влиянием греческого сложился свой язык и у албанцев, расселившихся в глубине греческой территории. Таких албанцев стали называть арванитами. Однако подобное смешение народов не привело к их полной ассимиляции и к образованию единого этноса на Балканах. До поры до времени национальные различия не играли роли в отношениях между соседними народами, поскольку все христиане находились в равно угнетенном положении в мусульманском государстве. Однако когда наступила эпоха национального пробуждения у балканских народов, смешанный характер населения полуострова привел к кровавым войнам и межэтническим конфликтам.

Сведения о том, что представляло собой греческое общество в первое время после завоевания, весьма скудны. Тем не менее, они позволяют хотя бы в общих чертах представить себе положение греков в новых условиях. Мы уже говорили о том, что значительная часть византийских проиаров перешла на службу к султану, впоследствии исламизировалась и полностью интегрировалась в османское общество. Другая их часть вынуждена была бежать за границу¹. Аналогичная ситуация наблюдалась

¹ См.: Ισατζίκ Χ. Η Οθωμανική αθτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ. 33.

и в отношении византийской знати. Часть представителей знатных фамилий приняла ислам и инкорпорировалась в османскую государственно-политическую систему. Примером может служить известный трапезундский книжник Георгий Амиручис¹. Поскольку эти люди при смене веры меняли и имена, то следы их потомков теряются среди османской знати. Другая часть представителей знатных фамилий также бежала. Некоторые осели на островах, в первую очередь на Крите (Мусуросы, Херетисы), другие бежали в Европу (Фома Палеолог), на Ионические острова (Метаксасы, Ласкарисы).

Константинополь, с которым собственно и ассоциировалась византийская империя в последние годы своего существования, был практически опустошен во время завоевания. Однако вскоре греки из завоеванных прежде провинций Малой Азии стали вновь населять город. Туда был перевезен и последний трапезундский император Давид Комнин после своего низложения, и другие представители трапезундской знати². Политика заселения греками столицы поощрялась Мехмедом II, который освободил часть попавших в плен во время взятия города и перевез в город большие группы греков из других районов, чтобы обеспечить столицу и ее пригороды ремесленной и сельскохозяйственной рабочей силой³. В частности, в город были переселены многие греки из княжества Караман (территория бывшего Румского султаната). Работящие и предприимчивые, они стали называться по своему происхождению караманлисами (откуда и фамилия политических лидеров новейшего времени). В Константинополе знать стала селиться преимущественно в районе резиденции патриарха. Этот квартал получил название Фанар, а его жители стали называться фанариотами⁴. Часть византийской знати осталась в причерноморских городах. После установления власти Османов многие представители этого социального слоя занялись торговлей либо стали местными сборщиками налогов и начали постепенно обуржуазиваться. Те потомки знатных семей, которые бежали на острова Эгейского моря, испытывали меньшую зависимость от новой власти в силу географического положения, но с экономической точки зрения владели жалкое существование.

Как уже говорилось, в эпоху завоеваний греческое население бежало в горы и систематически уходило на запад. Когда же и западные греческие земли, в том числе острова, стали небезопасными, то часть греков стала возвращаться во внутренние районы империи, где обстановка к тому времени стабилизировалась. Другие, напротив, переселились за границу, образовав греческие диаспоры в ряде европейских стран.

Географическая близость и наличие греческих поселений на Апеннинах обусловили большой поток беженцев в этом направлении. Пелопоннесцы направлялись преимущественно на Сицилию, где природные и социальные условия были похожи на их собственные. Эпироты и жители Центральной Греции переселялись в материковую Италию, прежде всего в Апулию и Калабрию. Важным центром греческой культуры этого периода стал Неаполь. В начале XVI в. на службе у короля Обеих Сицилий на-

¹ См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008. С. 368.

² См.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

³ См.: Inalcik H. The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // *Dumbarton Oaks Papers*. No. 23 (1970). P. 213–249.

⁴ О жизни Константинополя в первый период османского владычества много интересных подробностей содержится в: *Dernschwam H. Tagebuch einer Reise nach Konstantinopel und Kleinasien (1553–1555)*. München, 1923; *Oberhummer E. Konstantinopel unter Süleiman dem Grossen*. München, 1902.

ходило около 5 тыс. греков и православных албанцев. Во второй половине XVI в. при Козимо I Медичи образовалась греческая колония в Ливорно, главном порту Великого герцогства Тосканского. А в Европе уже к концу XVI в. греческие общины были весьма многочисленными, богатыми и хорошо организованными¹. Значительная часть греков диаспоры занималась торговлей: так, в греческой общине Венеции купцы составляли 44 %². Пересекая Адриатику, большинство вынужденных переселенцев мечтали о возвращении на родину. У калабрийских греков даже сложился обычай на Пасху подниматься на гору и совершать общую молитву, обратившись лицом в сторону Греции. Большой поток греческих беженцев направлялся в венецианские владения на Пелопоннесе (Аргос, Модон, Монемивасья), в Эпире (Парга, Превеза, Вонича), на островах (Крит, Ионические и др.), в Истрии³. По мере того как венецианские владения захватывались турками, греки перебирались в саму Венецию. Кроме того, еще в XIV в. греческая иммиграция поощрялась молдавскими и валашскими господарями, которые особенно покровительствовали Церкви и монастырям. Часть греков не оседала в соседних государствах, а двигалась дальше в Европу. Греческие колонии впоследствии образовались во Франции, германских землях, на Мальте.

Значительная греческая диаспора образовалась в России. Греческая община существовала на Руси еще во времена киевских князей. После переноса столицы в Москву туда же переместился духовный центр греческой диаспоры. Уже в XIV в. в Москве существовала греческая колония, обосновавшаяся в районе греческого Никольского монастыря в Китай-городе, на будущей Никольской улице. В византийское время Московская Русь поддерживала тесные связи с Константинопольской патриархией. После падения Константинополя часть греческих семей, преимущественно знатного происхождения, нашла убежище в единой России. Этому способствовала и женитьба Ивана III на греческой принцессе Софье Палеолог (1472). Часть греков осталась в России навсегда, причем некоторые были полностью ассимилированы русскими. Среди них — Спиридон Гаврас из Трапезунда, положивший начало боярскому роду Ховриных-Головиных. Греческая община г. Нежина в Малороссии уже в середине XVII в. была довольно значительной и пользовалась церковно-административной автономией, торговыми и налоговыми льготами, предоставлявшимися ей Киевскими митрополитами и казачьими гетманами⁴.

Как в Османской империи, так и на Западе греки были вынуждены интегрироваться в местную социально-политическую и экономическую жизнь. Поэтому на протяжении всей эпохи османского владычества греческое общество не было однородным с географической точки зрения. Это особенно хорошо видно на примере греческой знати. Оставшиеся в Османской империи потомки знатных византийских семей (из тех, кто не сменил веру) либо вовсе утратили память о собственном происхождении, либо обуржуазились. Часть из них вошла в состав новой, фанариотской аристократии. Напротив, в венецианских владениях потомки византийских аристократов

¹ См.: *Geanakoplos D. The diaspora Greeks: the genesis of modern Greek national consciousness. // Hellenism . Vryonis S. The Greeks under the turkish rule // Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change. Thessaloniki, 1976. P. 74.*

² См.: *Ξανθοπούλου-Κυριακού Α. Η ελληνική κοινότητα της Βενετίας (1797–1866). Θεσσαλονίκη, 1978. Σ. 14.*

³ См.: *Κατσαρδής-Hering O. Η ελληνική παροικία της Τεργέστης (1750–1830). Τ. 1–2. Αθήνα, 1986.*

⁴ См.: *Акты греческого Нежинского братства. Киев, 1884.*

были уравнены в правах с итальянскими нобилиями. Их родословные записывались в венецианских генеалогических «золотых книгах».

Завоевания, массовые миграции, ослабление, а потом и утрата собственной государственной власти вели к разобщенности отдельных поселений и районов проживания греков. Эти условия способствовали повышению общинного начала в социальной жизни греков. По вопросу о происхождении института общины у греков среди историков нет единого мнения. Со времен К. Папарригопулоса, одного из крупнейших греческих историков XIX в., в литературе господствует точка зрения о том, что греческая община османской эпохи есть не что иное, как органическое продолжение полисной традиции, сложившейся еще в античности. Однако некоторые историки считают, что институт общины начал формироваться у греков лишь в позднее Средневековье. Наконец, существует мнение, что община у греков сложилась как реакция на османскую систему налогообложения. Третья точка зрения в настоящее время отвергнута большинством историков. Что же касается двух первых, то скудость источников не позволяет аргументированно обосновать ни одну из них.

Так или иначе, община в эпоху османского ига становится основной единицей общественной организации греков. Общинное устройство было характерно, прежде всего, для городов, некоторые из них получали от султанов особые привилегии. Такие городские общины имели органы самоуправления, компетенция которых, правда, была не очень широкой. Они занимались преимущественно распределением налогов в пользу государства и на нужды города. Городские советы (в разных городах они назывались по-разному) были численно невелики — около 10 человек. Помимо фискальных, они собирались только для принятия решений по вопросам чрезвычайной важности (стихийные бедствия и т. п.). Общины существовали также и в сельской местности. Сельские общины могли объединять в своем составе сразу несколько деревень. Некоторым из них удавалось выговорить для себя особые условия подчинения османам. Например, запрет туркам селиться на общинных землях, налоговые льготы, внутреннее самоуправление.

Некоторые общины получали и обновляли свои привилегии в силу того, что в эпоху завоевания они добровольно приняли власть султана. Другие находились в более выгодном положении в связи с тем, что имели особый статус в системе землевладения. Например, земли, выделенные матери султана, пользовались налоговыми льготами, на них не строились крепости и не размещались турецкие войска. Одними из наиболее организованных были общины на островах Эгейского моря (прежде всего на Кикладах). Они сумели консолидироваться еще в предшествующую османскому владычеству эпоху латинократии. В связи с этим островитяне более организованно выступали в отношениях с турецкой властью и им удавалось добиться важных привилегий, например, освобождения от девширме, разрешения на ремонт и восстановление разрушенных церквей. Члены общинных органов самоуправления в большинстве случаев избирались, но со временем экономическое и социальное положение отдельных семей стало фактически предопределять исход выборов. Члены общинных советов назывались архонтами (правителями), прухондами (выдающимися), кодзабасами (тур. *ходжа-баши*) и др. Постепенно все эти названия стали обозначать уже не столько членов общинного самоуправления, сколько греческую социально-экономическую верхушку, которая не брезговала вместе с турками поэксплуатировать односельчан.

Одним из важных явлений, характеризовавших османскую социально-политическую действительность, было разбойничество на суше и на море (пиратство). В саму эпоху

завоеваний разбойничество было не очень распространено — даже напротив, в первые годы османского ига на территории империи был такой порядок, что это подталкивало жителей некоторых районов к принятию власти султана¹. Однако пиратство процветало уже в то время². Благоприятные условия для этого промысла создавались благодаря военно-морской слабости тогдашних средиземноморских держав — прежде всего самой Османской империи. Средиземное море кишело пиратами самого разного происхождения — европейского (в том числе и рыцари-иоанниты Родоса, а впоследствии Мальты), мусульманского (турки и выходцы из Северной Африки), а также греческого. Среди греков пиратством активно занимались жители островов, научившиеся этому промыслу у европейцев, а также манияты, использовавшие выгоды своего географического положения. Горы, изолировавшие Мани с суши, и удобные небольшие бухты делали берега Мани подходящими для устройства пиратских притонов. Пиратство, помимо непосредственных доходов, давало возможность грекам сохранять и совершенствовать военно-морские навыки, которые впоследствии очень пригодились им во время борьбы за независимость.

Еще более распространенным явлением было сухопутное разбойничество. Надо сказать, что разбойничество было не чуждо грекам и в поздневизантийскую эпоху, когда ослабленная внешнеполитическими проблемами и придворными интригами центральная власть фактически потеряла контроль над ситуацией в провинциях. В Османской империи благоприятные для разбойничества условия сложились после окончания завоевательных походов. Этому способствовали несколько факторов. Во-первых, огромная в территориальном отношении империя с трудом поддавалась контролю со стороны центральной власти. Во-вторых, эпоха завоеваний для османов быстро сменилась необходимостью отстаивать свою территориальную целостность. Эта необходимость сосредотачивала внимание правительства на внешнеполитических задачах, оставляя в стороне положение внутри страны. Наконец, с окончанием завоеваний не у дел остались многочисленные нерегулярные военные формирования, которые не были приспособлены к мирному образу жизни. Все это вело к тому, что разбойничество стало настоящим бичом империи. Пользуясь трудностями государства (например, во время войн) разбойники стали совершать нападения даже на крупные экономические центры. В 1646 г. угроза нападения разбойников вынудила жителей Флорины покинуть город, в том же году разбойники ворвались в Монастир, разграбили его торговую часть.

Особенностью организации разбойничьих банд, как и пиратских шаяк, было их формирование по национальному принципу. В разных районах действовали турецкие, славянские, греческие банды. У каждого народа они получили свои национальные названия — джилали, гайдуки, клефты, ускоки. Со временем разбойники, чей промысел становился наследственным, превратились в особый социальный слой, а их действия стали приобретать и политическую окраску. Многие греческие клефты нападали не на всех подряд — их жертвами все чаще становились не просто купцы и путешественники, греки нападали и грабили турок. А своими действиями они придавали значение национально-освободительных выступлений. Но жертвами нападений клефтов могли стать и греческие кодзабасы, которые в народе часто воспринимались как защитники интересов турок.

¹ См.: Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 85–87.

² Некоторое представление о масштабах явления в Средиземноморье можно получить в: Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 173–179.

Возникновение разбойничества участник революции 1821 г. Фотакос относил к тому смутному времени, когда после очередной венецианско-турецкой войны Пелопоннес, находившийся к концу XVII в. под управлением Венеции, согласно Пожаревацкому мирному договору 1718 г., вновь перешел в руки турок: «В те годы из-за смены власти и частых восстаний люди одичали и появилось много клефтов. Это название дала турецкая власть всем тем грекам, которые до революции взялись за оружие и жили свободно, не желая повиноваться властям, и еще потому что клефты дерзко похищали пропитание у подчиняющихся туркам»¹. Далее он называет клефтов «дрожжами, на которых в народе зрело желание свободы»². Огромное значение в деле достижения греками независимости придавал клефтам и современник Фотакоса Д. Эниан: «Не будет преувеличением сказать, что если бы Божественное Провидение не сохранило среди ужаснейшего рабства таковые порядки среди людей, владеющих оружием, нам не удалось бы добиться свободы»³. Напомним, что в Османской империи немусульманам запрещалось иметь оружие и ездить на лошадях, поэтому приобретение оружия уже само по себе вело к конфликту с властями.

Греческое население в целом положительно относилось к клефтам. По свидетельству потомственного клефты и греческого национального героя Ф. Колокотрониса, «слово “клефт”» произносили с гордостью, говорили: “Я — клефт!”, и пожеланием родителей ребенку было, чтобы он стал клефтом»⁴. И далее: «Когда клефты вступали в конфликт с турками, все крестьяне покидали поля и отправлялись на помощь клефтам»⁵. Но опыт самого Колокотрониса говорит о том, что его слова несколько приукрашивают действительное положение вещей. Когда Колокотронис, находясь под покровительством правительства Ионических островов, вел партизанскую войну с турками на Пелопоннесе, жители Закинфа потребовали от правительства позволить Колокотронису воевать с турками только на море, так как его действия на материке вызывали ответные меры турок, что нарушало торговые связи и препятствовало подвозу продовольствия с Пелопоннеса на Закинф⁶.

Явление разбойничества, как следует из слов Колокотрониса, зародившись как явление национальное, впоследствии приобрело и социальный характер: «Во времена моего отца считалось грехом тронуть грека... В мои времена тревожили и греков, бывших заодно с турками»⁷. Это дало повод некоторым исследователям считать разбойничество формой крестьянского сопротивления завоевателям и одновременно вариантом классовой борьбы между крестьянами и коззабасами⁸.

Клефты составили костяк греческих вооруженных сил во время войны за независимость. Они действительно были хорошими воинами, что подтвердили и офицеры русской эскадры, прибывшей на Пелопоннес в 1769 г., однако плохая дисциплина значительно снижала их боевые качества⁹. Тем не менее, опыт, приобретенный клефтами

¹ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 39.

² Там же. Σ. 40.

³ Αιγιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 16.

⁴ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 269.

⁵ Там же.

⁶ См.: там же. Σ. 260.

⁷ Там же. Σ. 269.

⁸ См.: Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1974. Σ. 31.

⁹ См.: Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 35.

за десятилетия партизанской войны, оказал им неоценимую помощь в сражениях времен революции: «Тот образ жизни, который мы вели, помог нам вовремя восстания, т. к. мы узнали укромные места, дороги, местность, людей. Мы привыкли презирать турок, переносить голод, жажду, страдания, грязь и т. п.»¹. Вольная жизнь клефтов, необычная национальная одежда и народные сказания об их подвигах создавали вокруг них особый ореол в глазах писателей-романтиков. Например, французский офицер Вутье, принимавший участие в войне за независимость, называл клефтов «героями, перед которыми бледнеет слава отважного Тезея», «новыми Гераклами», «рыцарями Греции»², а греки считают клефтов также потомками византийских акритов.

Исследователи расходятся во мнениях по вопросу о времени зарождения разбойничества. П. Русос относит возникновение этого явления к XVII в., тогда как Р. Клогг, например, полагает, что «в течение всего периода османского ига в Греции существовали группы вооруженных людей, имевшие в качестве главного занятия поддержку или, напротив, создание препятствий турецким властям»³. Греческий историк И. Колиопулос видит причину возникновения разбойничества в сочетании двух факторов — географической среды (горная местность) и иноземного господства⁴. Он рассматривает греческую историю изолированно, и это мешает ему видеть, что разбойничество — это явление, распространенное не только в греческих землях Османской империи (гайдуки, эшкия — явления того же порядка), а, следовательно, нужно искать и другие, более глубокие его причины, кроме классового и этнорелигиозного гнета. М. С. Мейер отмечает и другие важные факторы, в значительной мере способствовавшие распространению разбойничества. Один из них — разложение турецкой тимарной системы землевладения, повлекшее за собой быстрый рост числа безземельных крестьян, составивших социальную базу разбойников. Важным обстоятельством также было все более широкое распространение огнестрельного оружия⁵.

Со временем участились случаи, когда местное население оказывало клефтам поддержку в антитурецких выступлениях, которые перерастали в настоящие восстания. Клефты стали представлять серьезную угрозу общественной безопасности. Это заставило османское правительство искать путей сотрудничества с разбойниками, чтобы поставить их под свой контроль (раз уж уничтожить их не удавалось). Для этого была использована старая тактика превращения разбойничьих банд в нерегулярные военные отряды. Атаманы клефтских банд (капитаны) привлекались на государственную службу вместе со своими отрядами. Такие легализованные клефты получили название арматолов (им разрешалось носить оружие)⁶. Как полагают исследователи, институт

¹ Κολοκοτρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 257.

² Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 28–29.

³ Ρούσος Π. Βοήθημα νέας ιστορίας της Ελλάδας. Τουρκοκρατία, βενετοκρατία, εθνικοαπελευθερωτικοί αγώνες των Ελλήνων. Π. Α. Ε., 1958. Σ. 59; Clogg R. Σύγχρονη ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1992. Σ. 49.

⁴ См.: Koliopoulos J. Brigandage and irredentism in 19th century Greece // Modern Greece nationalism and nationality. Athens, 1990. P. 67.

⁵ См.: Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 103–104.

⁶ Термин происходит от итал. armato — «вооруженный». Первыми греческие отряды стали принимать на службу венецианцы во время своих войн с Османской империей.

арматолов оформился уже к концу XVII в.¹ Вот как описывает процесс возникновения арматолов один из современников: «те из турок, кто имел поместья (чифтлики) и крестьян в них, договаривались с клефтами и предоставляли им все средства к существованию: оружие, обувь, провиант и деньги, для полной безопасности своей собственной и своего имущества. Часто и сама власть, чтобы обрести спокойствие, была вынуждена договариваться с клефтами и предоставлять им письменные привилегии, назначая их арматолами в провинции»². В задачу арматолов входило обеспечение безопасности в конкретном районе (арматолике). В обмен на это османская власть готова была мириться с их существованием. Однако даже такая мера не ликвидировала разбойничества. Арматолы в любой момент могли, используя малейший повод, перестать подчиняться властям и вновь перейти на нелегальное положение. Кроме того, различные группировки клефтов и арматолов часто конфликтовали между собой.

Играло роль и другое обстоятельство: содержание арматолов обходилось государственной казне дешевле, чем содержание янычар, поэтому турецкие власти со временем стали закрывать глаза на запрет христианам носить оружие и принимали клефтов в свои войска на время походов. По окончании военных действий, однако, арматолы снова превращались в разбойников. Был и другой путь: опытным разбойничьим атаманам (капитанам) вместе с их шайками власти давали под контроль определенные области — арматолики. Например, знаменитый клефт Ф. Колокотронис в моменты примирения с властями получал арматолик. Кроме того, бродячие вооруженные люди составили основную часть личных отрядов местных правителей, чьи сепаратистские устремления год от года становились настойчивей, в частности, Али паша Янинского. В гористых местностях, труднодоступных для правительственных войск, находились целые области с патриархальной полувоенной организацией, имевшие полуавтономный статус: Мани на Пелопоннесе и Сули³ в Эпире. Но к моменту начала революции их независимость была подорвана: после восстания 1770 г. беев Мани стали назначать турки, а сулиоты потерпели поражение в конфликте с Али пашой. Уже в 1790-е гг. Али-паша Янинский дважды пытался сломить их силой и хитростью, но безуспешно⁴. В 1802 г. Али-паша наконец добился своего и сулиоты были вынуждены переселиться в Паргу, а потом на Ионические острова. С другой стороны, особенно широкое распространение разбойничества на Пелопоннесе привело к тому, что турки все-таки согласились предоставить ему некоторую автономию. Ежегодно двое старейшин от каждой общины участвовали в выборах двух представителей епархии. Делегаты от всех 24 епархий собирались в Триполи, в резиденции вали, и вместе с ним распределяли налоги и подати. Потом двое избранных ими оставались при вали в качестве советников, а еще двое отправлялись в столицу.

Клефты и арматолы греческого и албанского происхождения играли важную роль в национально-освободительных восстаниях греков и во время войны за независимость. Из их рядов впоследствии вышли многие боевые командиры эпохи революции 1821 г. — Феодорос Колокотронис, Одиссеас Андруцос и др.

¹ См.: Clogg R. Aspects for the Movement for Greek Independence // The Struggle for Greek Independence, 1770–1821. L., 1976. P. 8.

² Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 40.

³ В Сули проживали православные албанцы, которые в XIX в. эллинизировались. См.: Ариш Г.А. Албания и Эпир в конце XVIII–начале XIX в. М., 1963. С. 128 и сл.

⁴ Политическая биография Али Янинского изложена в: Plomer W. The Diamond of Jannina. Ali Pasha, 1741–1822. N. Y., 1970.

Как мы помним, судьба Константинополя была предрешена задолго до 1453 г., поскольку в течение нескольких десятилетий он оставался небольшим христианским островком в мусульманском море. Однако неизбежность взятия Второго Рима турками никак не укладывалась в головах христиан. В связи с этим появились на свет пророчества о том, что с Божьей помощью город будет спасен. На людские силы рассчитывать не приходилось, оставалась одна надежда — на чудо. Одно из наиболее популярных пророчеств того времени, в основе которого лежали толкования некоторых библейских мест, говорило о том, что турки осадят город, ворвутся внутрь и будут теснить христиан вплоть до колонны Константина. В этот момент явится ангел Господень и вручит меч некоему избраннику. С этого момента ход сражения перевернется и греки будут теснить турок вплоть до персидской границы — до места, называемого Красной яблоней. Вера в чудесное избавление была столь сильна, что оказала влияние на ход сражения за город: ключи от городских ворот были брошены в море, тем самым множество греков не смогло спастись от турецкого меча. В последний момент уцелевшие жители заперлись в храме Св. Софии, ожидая пришествия ангела. Но вместо этого пришли турки и увели всех в рабство.

Между тем, уехавшая на Запад греческая образованная элита строила более реалистичные планы изгнания турок. Симпатизировавшие Западу греки продолжали вести работу по организации нового крестового похода. Большая организаторская роль в этом деле отводилась Римской Церкви. Однако папы часто использовали связанный с крестовыми походами политический антураж в собственных целях, в связи с чем сама идея к началу XVI в. оказалась дискредитированной (вспомним Эразмову «Похвалу глупости»). Одним из первых и наиболее влиятельных сторонников этой идеи был патриарх Исидор, бывший Киевский митрополит. После провала унии 1439 г. он перешел в католичество. Он был убежденным сторонником унии, а после того, как она была повторно провозглашена зимой 1452/3 г., он стал униатским патриархом. Летом 1453 г. Исидору удалось бежать на Крит, а оттуда в Италию. В Венеции и Риме Исидор неоднократно обращался к папам и другим итальянским князьям. С идеей объединения всех итальянских государств ради антитурецкого похода выступал другой униатский прелат — кардинал Виссарион, бывший Никейский митрополит.

Из всех европейских государств наиболее тесные связи с греческим Востоком поддерживала Венеция. Но в своей политике в отношении османских греков она придерживалась двойного стандарта: находясь в состоянии войны с турками, венецианцы провоцировали греков выступить на их стороне, а в мирных условиях Венеция отвергала все предложения греков о совместной борьбе против турок. Венецианцы первыми заключили торговый договор с Портой после падения Константинополя и тем обеспечили себе выгодные условия торговли.

Несмотря на то, что общеевропейского похода против турок организовать не удалось, патриотическая деятельность греков диаспоры в Европе имела свои положительные результаты: греческим книжникам удалось привлечь на свою сторону европейское общественное мнение, постоянно напоминая европейцам о том, что под властью мусульман живут их христианские братья, потомки древних эллинов.

Итак, ужасы эпохи завоеваний сменились для греков периодом приспособления к существованию в чужом государстве. Религия и обычаи завоевателей создавали покоренным народам условия, в которых те могли выжить, но развиваться — с большим трудом. Реалии османской социальной жизни не могли не коснуться греков,

у которых мы находим многое из того, что было характерно для империи вообще, в частности, явление разбойничества. После утраты своих социально-политических структур и институтов грекам пришлось вначале сосуществовать с османскими, а затем пытаться проникнуть в них. Оставшееся в империи большинство греков, приспособившаяся к османским реалиям, сумело сохранить и многие византийские традиции, в то время как уехавшее на Запад меньшинство, хоть и было свободным от власти завоевателей, но не могло устоять перед соблазнами западной культуры. К чести последних, они все же остались греками, причем большими патриотами своего народа.

Увядание империи и новый расцвет греков

Османская государственно-политическая система достигла своего золотого века в эпоху правления Сулеймана Кануни (Великолепного) (1520–1566). Свое прозвище он получил за упорядочение законодательства, окончательно определившего систему государственного управления и социально-экономических отношений в империи. В его правление империя совершила фактически последние крупные завоевания. Но в глазах современников они еще выглядели как признак могущества империи¹.

Уже в XVIII в. в связи с существенными сдвигами в экономике социально-политическое развитие империи вступило в фазу кризиса, который М. С. Мейер определяет как структурный кризис². Главной причиной его были, по мнению исследователей, изменения в традиционной системе поземельных отношений³, известной под названием военно-ленной системы. В самой сущности военно-ленной (тимарной) системы коренились две группы противоречий, обусловившие кризис и, в конечном счете, распад этой системы. Во-первых, тимарная система была создана и могла функционировать только в ходе непрерывных завоеваний, однако войны разорительны для крестьян, и это снижает рентабельность хозяйства. Во-вторых, лены постепенно теряют военный характер, феодал начинает стремиться к превращению своего условного земельного владения в безусловное, а крупный феодал еще пытается расширить свои владения за счет мелких и средних, а также за счет приобретения владельческих прав крестьян.

Таким образом, со времени прекращения завоеваний тимарная система была обречена, чему способствовал еще ряд факторов. Выявленный Ф. Броделем «демографический взрыв XVI в.» не в последнюю очередь затронул и Османскую империю, население которой за XVI–XVII вв. увеличилось вдвое⁴, в то время как завоевания прекратились и, соответственно, перестала расти площадь обрабатываемых земель. Это вело к следующим последствиям: с одной стороны, к дроблению тимара, а значит, к снижению доходов тимариотов; с другой стороны, к снижению уровня жизни крестьян, к появлению среди них все большего количества безземельных⁵. Так возникла проблема занятости избыточного населения, появление которого создавало благоприятную почву для возникновения такого явления, как разбойничество и, кроме того, вело к росту численности маргинальных слоев города⁶.

¹ См.: Oberhummer E. Konstantinopel unter Süleiman dem Grosses. München, 1902.

² См.: Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 209.

³ См.: Васильев А. С. История Востока. Т. 1. М., 1993. С. 290–293.

⁴ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 483.

⁵ См.: Васильев А. С. История Востока. Т. 1. М., 1993. С. 290.

⁶ См.: Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 85.

Развитию описанного процесса в значительной мере способствовал еще один фактор. На рубеже XVI–XVII вв. до Турции докатилась волна «революции цен», вызванной наплывом в Европу американских драгоценных металлов, что привело к значительному возрастанию роли денег в османском обществе. Инфляция, рост налогов вели к разорению не только крестьян, но и мелких тимариотов, имевших, как отмечено выше, фиксированные доходы, не увеличивавшиеся в условиях роста цен¹.

Другим проявлением кризиса военно-ленной системы была концентрация земель в руках феодальной верхушки. М. С. Мейер прослеживает уже с XVI в. увеличение роли частновладельческих начал в сфере аграрных отношений². Одновременно с разложением тимарной системы землевладения формировалась новая, чифтлийская (поместная). Первоначально чифтлик — это всего лишь земельный участок крестьянина, данный ему в наследственное пользование. В XVI в. возникает чифтлик как принципиально новая форма земельной собственности — частное владение (поместье), представляющее собой товарное хозяйство, ориентированное на рынок и широко использующее труд батраков и поденщиков. Появление крупного частного землевладения выходило за рамки традиционных османских институтов власти — собственности (вся земля считалась собственностью государства) и централизованной редистрибуции доходов, что требовало демонтажа командно-административной системы и организации аппарата управления по иному принципу. Это противоречие не могло быть разрешено и, в свою очередь, вело к углублению социально-политического кризиса.

Обратимся теперь к социальному аспекту чифтлийской системы. Необходимым условиям появления чифтликов было лишение крестьян их наследственных прав на землю и превращения райя в батраков-издольщиков (такое происходило чаще, чем полное лишение крестьян земли). Владельцами чифтликов (чифтлик-сахиби) в районах, где турецкое население было малочисленно, становились также старейшины сельских общин (уже известные нам кодзабасы, прухонды и т. п.), угнетавшие своих же земляков. Другим источником возникновения чифтликов был незаконный захват казенных земель.

Описанное изменение отношений собственности вело к существенным сдвигам в структуре османского общества. Выше уже говорилось об одной стороне этого процесса — появлении избыточного населения в деревне — и его последствиях. С другой стороны, в османском господствующем классе (имеется в виду в первую очередь мусульманское население империи) шло формирование нового влиятельного слоя аянов (местных нотаблей)³. К концу XVIII–началу XIX в. аяны сосредоточили в своих руках крупные земельные владения, недвижимость в городах, контролировали производство и торговлю в обширных районах и выступали как наиболее активная и влиятельная группировка господствующего класса Османской империи, опираясь на материальное богатство и клановые связи. Наиболее крупные аяны держали под контролем целые провинции (Али паша Янинский, Осман ага Пазвандоглу, Мустафа-паша Байрактар и т. д.) и составляли основу центробежных сил. По мере ослабления центральной власти аяны чувствовали себя все более независимо, чему способствовало и содержание ими своих собственных военных отрядов (набранных в основном из деклассированных элементов).

¹ См.: *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVII siècle. Paris, 1962.

² См.: *Мейер М. С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 18.

³ О возникновении слоя аянов и его приобщении к государственной власти см.: Там же. С. 119–125.

Здесь мы вплотную подходим к военным проблемам Османской империи. Разложение военно-ленной системы вело к снижению доходности тимара, с которого тимариот не только кормился, но и экипировался, а значит, и к снижению боевых качеств сипахи, составлявшего основу вооруженных сил империи. Уже к началу XVIII в. османские правящие круги стали осознавать превосходство хорошо обученных войск «гяуров», применяющих более передовое оружие и тактику, над турецкой армией.

Другую важную часть вооруженных сил империи составляли янычары. История турецкого янычарского корпуса во многом напоминает историю русского стрелецкого войска: оба эти института, составлявшие вначале передовой отряд вооруженных сил, в конце концов превратились в тормоз не только развития армии и воинского искусства, но и всей социальной жизни. Многочисленные кровавые бунты, поднимаемые ими, представляли опасность для правящей династии, которая ждала только удобного случая, чтобы навсегда разделаться со ставшими обузой непокорными войсками. Этому желанию способствовал и тот факт, что янычары, увеличиваясь в числе, теряли свои боевые качества. В XVIII в. численность янычарского корпуса достигала 80 тыс. чел. (в середине XVI в. было 10 тыс. чел.) за счет встречного движения янычар и городских ремесленников: янычары начинали заниматься ремеслом, чтобы иметь возможность содержать нелегально создаваемую семью, а ремесленники записывались в янычары, чтобы освободиться от налогов, иметь большую свободу действий и возможность самозащиты. Вполне понятно, что боеспособность такого войска не могла быть высокой, зато появлялась благоприятная почва для городских восстаний.

Османские государственные деятели начали осознавать сущность происходящих изменений слишком поздно, когда вмешательство европейских держав во внутренние дела Османской империи и включение ее в мировую капиталистическую систему в качестве периферийного элемента уже стало неизбежным. Во многом это объяснялось традиционализмом, консервируемым религией, и нежеланием идти на контакт с европейцами.

Первые попытки реформ с целью укрепления центральной власти и военной мощи империи принимались уже во второй половине XVII–первой половине XVIII в., но они были заранее обречены на провал, поскольку были направлены на искусственную реанимацию умирающей военно-ленной системы. В 1656 г. великим визирем стал Ахмед Кёпрюлю, который провел первый тур реформ. Было достигнуто укрупнение тимаров за счет некоторых других форм собственности. В результате в стране стабилизировалась социальная обстановка, укрепилась дисциплина в армии, вырос авторитет центральной власти. Однако реформы Кепрюлю, который одним из первых также пошел на контакт с европейцами, не устраняли причин надвигавшегося кризиса, поэтому эффект от них носил временный характер.

В первой половине XVIII в. Порта стала пользоваться услугами военных-европейцев, бежавших по каким-либо причинам в Турцию и принявших ислам, для заимствования достижений европейской военной и технической мысли (А. К. Бонневаль), потом — услугами специалистов-христиан (барон Ф. де Тотт), но к их действиям с недоверием относились как османские чиновники, так и европейские державы, всячески препятствовавшие модернизации турецкой армии.

В то же время менялось положение Османской империи на международной арене. В XVIII в. начался фактический распад империи: в результате войн с Австрией, Россией и Ираном Турция потеряла часть Боснии, Тебриз, Азов, Запорожье, а также утратила контроль над Грузией, Крымом, частично Дунайскими княжествами и мест-

ными династиями стран Магриба, Египта, Аравии и Ирака. Кроме того, с середины XVIII в. договоры, заключаемые Османской империей с европейскими державами, принимали неравноправный характер. В первую очередь это касается т. н. капитуляций — торговых соглашений, предоставлявших иностранным купцам односторонние привилегии во владениях султана. В результате цепи военных поражений империя постепенно стала терять самостоятельность во внешней политике. Особенно явственно это обозначилось по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. допускал вмешательство иностранной державы во внутренние дела империи: Россия получила право покровительства ее христианскому населению. Важной статьёй договора было открытие проливов (Босфора и Дарданелл), таким образом, Черное море перестало быть внутренним морем османов. Это событие повлекло за собой негативные последствия и для турецкой экономики, особенно когда в первые десятилетия XIX в. Россия начала экспорт пшеницы. Таким образом, если, по словам Ф. Броделя, османскую экономику «еще в XVIII в. нельзя было считать ни покоренной, ни совершенно маргинализованной», то с началом XIX столетия наступил откровенный упадок, который ускорился политическими осложнениями¹. Египетская экспедиция Наполеона 1798–1801 гг., последовавшие затем восстания ваххабитов в Аравии и, наконец, начало восстаний на Балканах (1804 г. — Первое сербское восстание) — все эти события были показателями тяжелого кризиса, углублению которого способствовала и русско-турецкая война 1806–1812 гг.

В 1789 г., знаменательном и для европейской истории, на османский престол вступил Селим III, годы правления которого (1789–1807) связаны с началом второго этапа реформ в империи, получившего название низам-и джедид (обновление старого порядка). Конечной целью реформаторов было уничтожение тимарной системы, но, поскольку добиться этого в короткий срок было невозможно, то главный упор реформаторы сделали на реорганизацию вооруженных сил (создание регулярной армии по европейскому образцу). Наиболее активное осуществление преобразований шло в 1790-е гг., но вскоре затормозилось из-за отсутствия достаточно широкой социальной базы, а с началом Египетской экспедиции Наполеона вообще почти остановилось. Но даже если в это время реформы уже сворачивались в силу объективных причин, их сторонники в правительстве не подвергались опале, что означало возможность продолжения преобразований. Об этом можно судить по донесению русского посланника в Константинополе В. С. Томары Александру I от 01.08.1802 г., где сообщается о ряде перестановок в турецком государственном аппарате, в т. ч. был смещен кега-бей (министр внутренних дел) Морали Осман-эфенди, «турок из числа фанатиков, неприязненных европейцам», на человека более «западнических», по мнению опытного российского дипломата, взглядов Атиф-эфенди. Вообще, любопытно проследить развитие событий во внутривосточной жизни Османской империи по русским дипломатическим документам. Тот же В. С. Томара в своих донесениях в Петербург постоянно пишет о слабости центральной власти, угрозе бунтов в столице, сепаратистских устремлениях провинциальной знати². Он подробно описывает ситуацию в Египте после ухода оттуда французской армии: «Известно... намерение Порты уничтожить в Египте беев и управление той провинции

¹ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 488, 496.

² См. напр.: ВПР. Сер. 1. Т. 1. М., 1960. С. 232.

учредить наподобие других губерний». Но при первых же попытках визиря и капудан-паши провести реформы беи взбунтовались, и тогда в эту историю вмешались англичане¹. Конфликт так и не был разрешен. Через полгода (апрель 1802 г.) В. С. Томара писал: «В Египте беи владеют верхними провинциями. Войска у них считается до 10 тыс. чел.» Османский реис-эфенди в это время полагал, что обстановка в Египте нормализуется нескоро². О злоупотреблениях местных правителей, нестабильности внутривосточной обстановки в империи с подачи своего посланника говорил и Александр I в письме к Селиму III³. Сепаратистские устремления провинциальных пашей В. С. Томара ставил на вид Ближневосточной Порте в ноте от 04.07.1802 г. Среди них особенно выделялись вилдинский паша Пазвандоглу, Али паша Янинский, воевода Превезы Абдулла-бей⁴.

Следующий российский посланник А. Я. Италинский писал и о бесчинствах янычар. Именно их злоупотребления, по его мнению, вызвали восстание в Белградском вилайете (пашалыке): «Сербы, конечно, были правы, возмущившись против белградских дахивов, их притеснителей»⁵. «Внутренние болезни сего государства и крайнее ослабление высшей власти делают Порту весьма трусливою» в области внешней политики, как считал В. С. Томара⁶. В описываемое время Османская империя уже начала попадать в зависимость от европейских держав.

На данном этапе дипломаты отмечали преобладающее влияние Франции: Томара сообщал о действиях французов в Египте, о том, что драгоман грек Кудрика состоял в тайных сношениях с Талейраном⁷; министр иностранных дел А. Р. Воронцов в инструкции А. Я. Италинскому упоминал «о позволении, данном будто бы от Порты комиссару Мешеню на содержание в Галацах магазинов и на выстройку фрегата»⁸.

Заслуживает внимания одно важное мероприятие османского правительства, отчаянная попытка ограничить влияние европейцев на экономику: летом 1802 г. В. С. Томара писал своему министерству, что Порта решила подчинить европейцев в своей внутренней торговле путем увеличения таможенных пошлин⁹. Но эта акция не увенчалась успехом.

О проведенных Селимом III реформах военной организации русские дипломаты упоминают лишь в связи со смертью этого султана. Полковник К. О. Поццо-ди-Борго в мае 1807 г. сообщил в Петербург о происшедшем в Константинополе государственном перевороте, в результате которого Селим III был свергнут, визирь и все члены Дивана казнены. Янычары, главная движущая сила бунта, выступили против реформ и свергли султана, хотя он и пошел им на уступки. В ходе восстания «казармы, предназначенные для размещения регулярных войск и построенные по распоряжению покойного султана, были разрушены, а нововведения, касающиеся воинской дисциплины, отменены»¹⁰. К власти пришли консервативные силы.

¹ См.: ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 136.

² См.: Там же. С. 195.

³ См.: Там же. С. 276.

⁴ См.: Там же. С. 243, 336, 414.

⁵ ВПР. Сер. 1. Т. 2. М., 1961. С. 91.

⁶ ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 169.

⁷ Там же. С. 170, 135.

⁸ См.: Там же. С. 504.

⁹ См.: Там же. С. 248.

¹⁰ ВПР. Сер. 1. Т. 3. М., 1964. С. 610.

У свергнутого султана остались единомышленники, мечтавшие вернуть его к власти и продолжить политику реформ. Этих людей возглавил крупный румелийский аян Мустафа Байрактар. Ему удалось организовать очередной государственный переворот, низложить Мустафу IV, однако Селим III был убит, престол перешел к другому отпрыску правящей династии — Махмуду II (1808–1839). Пост великого визиря при нем занял Мустафа-паша Байрактар. Он старался продолжить начинания Селима III, но решил пойти иным путем: укрепить центральную власть и провести военные реформы, заручившись поддержкой местных правителей, для чего и пригласил их в столицу. Мустафа-паша добился того, что крупнейшие феодалы заключили «союзный пакт» с Портой, но это отнюдь не означало, что аяны будут содействовать политике реформ. В этот период Мустафа-паша стал крупнейшей фигурой в османском государственном аппарате, о чем свидетельствует и русская дипломатическая переписка: если раньше в описаниях турецких проблем фигурировало имя султана, то теперь называется в основном имя великого визиря.

Идея «союзного пакета» оказалась утопичной, и политика Мустафы Байрактара потерпела поражение по тем же причинам, что и реформы Селима III. А. Ф. Миллер выделяет четыре фактора, обусловивших неудачу политики реформ: противоречие между тенденцией к централизации (в лице реформаторов) и ростом национально-освободительных и сепаратистских движений; слабость и непрочность социальной базы реформаторов; «сила реакционных элементов, сохранивших частичное влияние на народные массы»; внешнеполитические осложнения¹. Не прошло и года после утверждения у власти Мустафы Байрактара, как против него стал зреть заговор.

Главнокомандующий молдавской армией А. А. Прозоровский писал министру иностранных дел Н. П. Румянцеву в конце 1808 г. «о неудовольствиях, возникших между знатнейшими вельможами и начальниками турецкими против верховного визиря Мустафы-паши в рассуждении тиранического его правления, новых учреждений, им вводимых, а особливо уничтожения прав и преимуществ янычар, и что опасаются новых возмущений и бунтов»². В депеше того же А. А. Прозоровского содержится описание янычарского бунта в Константинополе, составленное на основании рассказов купцов и донесений капитана Краснокутского, оказавшегося свидетелем восстания. Оно началось в ночь с первого на второе ноября, бушевало трое суток и погубило 15 тыс. строений. В рассказе Прозоровского далее следует описание героической гибели Мустафы-паши, но ненависть и страх перед ним янычар были столь велики, что они не сразу поверили в смерть своего врага. Это породило слух о его чудесном спасении, просочившийся в европейские газеты, как извещает Прозоровского Румянцев³.

«Султан Махмуд, — пишет далее Прозоровский, — узнав, что янычары хотят возвести паки на престол свергнутого несколько месяцев назад и заключенного в башню султана Мустафу и, признавая сего последнего виновником возмущения, решился для собственного своего спасения пожертвовать братом своим и мертвое его тело бросить янычарам. Таким образом бунт и усмирился. Но полагать должно, что партия янычар удержит верх и что султан вынужден будет возвратить им прежние их

¹ См.: Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С. 356–357.

² ВПР. Сер. 1. Т. 4. М., 1965. С. 408.

³ См.: Там же. С. 464.

привилегии, если не хочет подвергнуть себя явной опасности»¹. Итак, ненавистный визирь был убит, Махмуд II остался единственным представителем правящей династии, и янычары успокоились.

По зрелом размышлении некоторые дипломаты и турецкие должностные лица пришли к выводу, что за спиной янычар во время бунта стояли еще кое-какие силы. Русский чиновник П. И. Фонтон писал: «Сейчас утверждаю, что именно Али-паша (Янинский. — О. П.) посредством своих интриг и розданного им янычарам золота организовал восстание, погубившее Мустафу Байракта»². А. А. Прозоровский считал, что к мятежу приложила руку французская миссия, исходя из того, что янычары требовали отмены плана покойного Мустафы-паши о скорейшем заключении мира с Россией. Такого же мнения придерживались румелийский губернатор Ахмед-эфенди и драгоман Манук-бей³. Таким образом, реформы Селима III и Мустафы Байракта потерпели поражение, но необходимость в реорганизации Османского государства не исчезла. Преобразования, задуманные Селимом III, были осуществлены Махмудом II лишь во второй половине 1820-х–1830-е гг. Только тогда для этого созрели предпосылки.

Махмуд II после смерти Мустафы-паши «счел, что уже может сам заправлять всеми делами»⁴. Русские дипломаты постарались узнать как можно больше о характере и намерениях нового самодержца. Российский посланник А. Я. Италинский дал ему следующую характеристику: «Султан Махмуд... кажется, твердо убежден в той истине, что он будет обладать лишь тенью власти, пока неугомонное янычарское войско сохранит свое опасное влияние, пока власть государя не признают в провинциях империи, пока паши и владельцы будут оставаться в некотором роде независимыми»⁵. Помня горький опыт своих предшественников, Махмуд II стал действовать осторожно, дожидаясь подходящего случая.

Подведем некоторые итоги. Реформы Селима III, с одной стороны, завершили целую серию попыток реорганизации Османского государства путем приспособления к новым внешнеполитическим условиям при сохранении старых, достаточно независимых от Европы позиций. С другой стороны, они открывают эпоху преобразований, сопровождавшихся сильной европеизацией, включением страны в мировое хозяйство в качестве периферийного элемента капиталистической системы. Другими словами, слишком запоздалый выход из изоляции затормозил социально-экономическое и политическое развитие страны и создал предпосылки для попадания ее в зависимость от европейских держав. Деятельность Мустафы Байракта можно считать завершающим этапом политики Селима III.

Итак, в начале XIX в. Османская империя находилась в состоянии тяжелого кризиса, охватившего многие области экономики, политики, общественной жизни. Пройдет немного времени, и она окончательно превратится в «больного человека Европы». В условиях ослабления государственной власти и централизованного управления крайне сложно было сохранять империю как единое целое. Появление нового социального слоя аянов было объективной предпосылкой возникновения сепаратистских движений. Важным фактором было и ослабление военной мощи империи.

¹ ВПР. Сер. 1. Т. 4. М., 1965. С. 408–409.

² ВПР. Сер. 1. Т. 5. М., 1967. С. 353.

³ См.: ВПР. Сер. 1. Т. 4. С. 429, 432.

⁴ ВПР. Сер. 1. Т. 5. С. 71.

⁵ Там же.

Такое положение вещей создавало благоприятную почву для развития национально-освободительных движений. Более того, при отсутствии перечисленных выше условий всякая попытка борьбы за освобождение была обречена на провал.

Следующий султан Махмуд II был более осторожен в своих действиях. Это привело к углублению внутреннего кризиса и к резкому ухудшению внешнеполитического положения страны. Махмуд II смог вернуться к мероприятиям эпохи Селима III лишь в 1820-е гг. Кое-чего ему удалось добиться: например, был окончательно ликвидирован янычарский корпус. Как и прежде, реформы продвигались с большим трудом¹. Их результаты были сведены на нет сепаратистской деятельностью египетского наместника Мохаммеда Али, а также начавшейся в 1821 г. национально-освободительной борьбой греков.

Парадоксальным, на первый взгляд, образом на фоне общего структурного кризиса империи наметился экономический, социальный, а затем и культурный подъем греков. Их положение в империи не всегда было одинаково тяжелым. Если первые два столетия османского владычества для греков были борьбой за выживание, то с середины XVII в. в греческих землях начался постепенный экономический подъем, наибольшую роль в котором играло именно греческое население. Этот экономический подъем, в свою очередь, создал необходимые материальные предпосылки для возрождения греческой системы образования и культуры вообще, а также подготовил почву для развития национально-освободительного движения.

Как и в других областях Османской империи, в греческих землях тимарная система поземельных отношений к началу XIX в. была значительно потеснена чифтлийской, чему способствовали, помимо уже упоминавшихся факторов, некоторые особенности порядка землепользования. Например, на передачу земли крестьянином другому лицу требовалось письменное разрешение тимариота, который мог дать его на каких ему заблагорассудится условиях. В обстановке постоянных восстаний важное значение приобретало и следующее установление: если участок земли не обрабатывался 3–4 года, то крестьянин терял права на пользование им, и тимариот мог беспрепятственно забрать себе этот участок или передать другому лицу. Греческий экономист К. Петрос отмечает еще ряд существенных обстоятельств, препятствовавших росту мелкого частного землевладения, а значит, способствовавших развитию чифтлийской системы: во-первых, в мелких хозяйствах выше себестоимость продукции, что снижает их конкурентоспособность; во-вторых, мелкие земельные владения чаще всего располагались в горных районах и на островах, где менее плодородная почва, чем в долинах; к тому же, плохие пути сообщения затрудняли вывоз продукции из горных районов².

В связи с изменением форм землевладения менялись и формы эксплуатации крестьянства: если раньше тимариот получал определенную и неизменную ежегодную ренту от своих крестьян, то теперь землевладельцы постарались поставить свой доход в зависимость от урожая. К. Петрос отмечает три формы земельной ренты в греческих землях накануне революции:

¹ Подробнее см.: *Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Османская империя. Реформы и реформаторы*. М., 1993.

² См.: *Πέτρος Κ. Οι αγροτικές σχέσεις στις παραμονές της Επανάστασης του 1821 // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο*. Αθήνα, 1983. Σ. 204.

- фиксированная плата независимо от урожая (т. е. по-старому);
- землевладелец получает половину чистого дохода крестьянина (т. е. после уплаты налогов и за вычетом семенного фонда);
- землевладелец получает 1/3 от всего дохода крестьянина¹.

После расчета с землевладельцем, как показал К. Петрос, крестьянину оставалось совсем немного, но к этому следует добавить еще многочисленные налоги в пользу Церкви и турецкой власти: десятина, подушная подать, поземельный налог, налог на использование общественных сооружений (мельниц), налог на необработанную землю, специальные налоги для животноводов, также различные чрезвычайные поборы. Таким образом, К. Петрос приходит к выводу, что большинство крестьян жило в очень скверных условиях, следовательно, они были готовы с оружием в руках подняться на борьбу за свободу².

Теперь подойдем к проблеме землевладения с другой стороны. Рассмотрим приводимую ниже таблицу³.

Область	Этнос	Числ. населения, чел.	% от общей числ.	Кол-во земель во владении, стремм	% от общего кол-ва земли	Кол-во земель на душу насел., стремм
Пелопоннес	Греки	458 000	85,5	1 500 000	33,3	3,25
	Турки	47 750	14,5	3000 000	66,7	62,83
Эвбея	Греки	156 775	92,1	1 415 345	56,94	9,03
	Турки	13 360	7,9	1 070 250	43,06	80,11

В таблице приводятся данные по землевладению на Пелопоннесе и Эвбее накануне революции. Из таблицы видно, что турецкое население составляло меньшинство в обеих областях, но владело большей частью земель на Пелопоннесе и почти половиной на Эвбее, однако в пересчете на душу населения количество земель в турецких владениях на Эвбее в 8,9 раз больше, чем у греков, а на Пелопоннесе — в 19,3 раза, и это не самая большая величина. Были, однако, области, где количество греческих земельных владений значительно превосходило турецкие. Например, в Румелии из 1 886 600 владений 1 166 750 (61,9 %) принадлежали грекам и только 719 850 (38,1 %) — туркам, при том, что удельный вес мусульманского населения Румелии за XVII–XVIII вв. возрос⁴. Данные по Пелопоннесу заставляют полагать, что там проявились в полную силу последствия развала военно-ленной системы (рост крупного землевладения, разбойничество, ослабление центральной власти). Обратим внимание также и на то, что именно Пелопоннес стал эпицентром греческой революции, а в Румелии восстание началось значительно позже и протекало более вяло. Таким образом, национальные и социальные противоречия, крывшиеся в сфере аграрных отношений, стали одной из главных пружин греческой революции.

¹ См.: Πέτρος Κ. Οι αγροτικές σχέσεις στις παραμονές της Επανάστασης του 1821 // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983. Σ. 202–203.

² Там же. Σ. 209.

³ Данные по Пелопоннесу и Эвбее заимствованы из кн.: Ασδραχάς Σ. Η ελληνική κοινωνία και οικονομία. 18 και 19 αιώνες. Αθήνα, 1982. Σ. 8; данные по Румелии — из кн.: Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1974. Σ. 14.

⁴ Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 88.

С другой стороны, как верно отметил болгарский историк Х. Христов, национально-освободительная идеология формировалась в тех провинциях Османской империи, где возникала национальная буржуазия¹. У греков складывание национальной буржуазии шло в двух сферах. Во-первых, в силу благоприятного экономико-географического положения (островные территории) и того, что турки — народ традиционно сухопутный, у греков получило широкое развитие судоходство. Греческие острова поставляли суда и моряков в турецкий флот. Наибольшего размаха судостроительство достигло на островах Идра, Спеце и Псара, где в начале XIX в. уже применялись капиталистические принципы организации труда. На экономике островов Идра и Спеце благоприятно сказывалось отсутствие турецкой администрации. Особенно быстрыми темпами греческое судостроительство развивалось после 1774 г., т. к. по условиям Кючук-Кайнарджийского договора, завершившего русско-турецкую войну 1768–1774 гг., греческие суда получили право плавать под российским флагом. Флот сыграл важную роль и в войне греков за независимость, а представители семей богатых судовладельцев (Кундуриотисы, Орландосы) активно участвовали в жизни молодого греческого государства. По подсчетам И. Каподистрии, уже в начале XIX в. у греков было ок. 5 тыс. торговых судов, на которых плавало 90 тыс. матросов². Наличие у греков такого количества транспорта в значительной степени способствовало развитию торговли и расширению слоя купечества, постепенно превращавшегося в торговую буржуазию.

Некоторые современники полагали, что важным стимулом развития греческой торговли было то обстоятельство, что турки отобрали у греков земельные владения, следовательно, надо было искать другие пути обогащения³. В начале XIX в. греческие купцы играли ведущую роль в торговле Османской империи, но такое положение сложилось не сразу. «В первые годы после завоевания евреи и армяне, которые не имели клейма побежденного врага, играли более важную роль в торговле, чем греки. Только в XVIII в. греки стали господствующей силой в торговле Османской империи»⁴. Особенно благоприятные условия сложились для развития греческой торговли во второй половине XVIII–начале XIX в. Греческие купцы, опираясь на старые связи, сумели завоевать рынки на территориях, уступленных Портой Габсбургам по Белградскому договору 1739 г.⁵, что, в свою очередь, стимулировало расширение торговых операций.

Важным фактором, способствовавшим расширению слоя купечества среди греков, было возрастание в XVIII в. греческой эмиграции из Османской империи. И. Каподистрия насчитывал в начале XIX в. ок. 800 греческих торговых домов только в России, в которых было занято 4–5 тыс. чел. Больше всего греческих купцов, по его подсчетам, проживало в Австрии — до 90 тыс. чел.⁶ Экономическое преуспевание греческих колонистов способствовало освоению населенных ими районов,

¹ См.: Христов Х. Идеологические течения в Юго-Восточной Европе в XIX–XX вв. до первой мировой войны. М., 1970. С. 5–6.

² См.: Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 372–373.

³ См.: Αρνιάν Δ. Στο ίδιο. Αρνιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. d. Σ. 12.

⁴ Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Σ. 43–44.

⁵ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 496.

⁶ См.: Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 371.

благоприятно отражаясь на экономике этих областей, а греческое Просвещение (в частности, издание книг на греческом языке) пробудило интерес к греческой культуре и дало новый импульс распространению классического образования в России.

Благоприятно отразились на состоянии греческой торговли и результаты русско-турецкой войны 1768–1774 гг. По условиям мирного договора Россия получила право покровительствовать христианскому населению Османской империи и активно им пользовалась, предоставляя, например, российское подданство греческим купцам, что уберегало их от произвола турецкой администрации.

Греческие купцы умело воспользовались выгодной для них ситуацией на международной арене, сложившейся в конце XVIII–начале XIX в. «Когда продолжительный кризис, связанный с Французской революцией и империей (1793–1815), уничтожит французскую левантийскую торговлю, место, оставшееся вакантным, займут греческие купцы и мореплаватели. К тому же этот успех сыграл свою роль в зарождении близкой независимости Греции»¹. К. Петрос также подчеркивает положительное воздействие, оказанное европейскими войнами того периода на греческую экономику, а после 1815 г. отмечает даже некоторое снижение темпов экономического роста². В подтверждение сказанного приведем несколько цифр. Так, в Фессалониках с периода 1730–1734 гг. по период 1785–1789 гг. объем экспорта вырос в 3 раза, а импорта — в 4,5 раза, а в Смирне только с 1782 г. объем внешнеторговых операций возрос более чем в 2 раза (с 18 240 301 до 38 274 484 пиастров)³. «Можно без преувеличения сказать, что Греция имела торговую империю прежде, чем государство»⁴. Эта «торговая империя» создавала материальную базу как для развития национально-освободительных идей и образования (греческие купцы финансировали учебные заведения и типографии, выплачивали стипендии на обучение молодым грекам), так и для непосредственной подготовки восстания. Так, знаменитый герой войны за независимость генерал Макриянис до революции торговал хлебом. Одним из побуждений его к этому занятию было желание приобрести необходимое военное снаряжение⁵. Макриянис также сообщает о том, что купцы выделили немало денег в поддержку восстания⁶. Ученые отмечают значение и других экономических факторов, способствовавших подготовке материальной базы восстания, например, то обстоятельство, что турки не изымали земли у греческих монастырей⁷, но все-таки решающая роль в этом деле принадлежит греческой торговле. Следует заметить, что перечисленные выше факторы, благоприятствовавшие успешному развитию греческой экономики, складывались благодаря стечению обстоятельств или политике европейских держав, в то время как Порты и османское владычество вообще объективно тормозили поступательное развитие хозяйства греков.

В связи с изменениями в системе поземельных отношений произошли и некоторые изменения в структуре греческого общества. В первую очередь они коснулись статуса

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 496.

² См.: Πέτρος Κ. Στο ίδιο. Σ. 198.

³ См.: Ασδραχάς Σ. Οι αγροτικές σχέσεις στις παραμονές της Επανάστασης του 1821 // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983. Σ. 60–61, 71.

⁴ Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973. P. 22.

⁵ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 152.

⁶ Σ. 158.

⁷ Σβορώνος Ν. Επισκόπηση της Νεοελληνικής ιστορίας. S. I. 1992. Σ. 41–42.

кодзабасов. Участник революции 1821 г. Д. Эниан писал, что «два... класса греческого общества обладали некоторой политической силой: классы проэстов (кодзабасов) и капитанов. Но оба они считались своего рода пружинами османской власти, подавляющими вместе с нею народ»¹. Утверждение Д. Эниана о «капитанах, подавляющих народ», ближе к истине, чем заявление историков о том, что разбойничество — форма классовой борьбы, поскольку отряды клефтов состояли большей частью из деклассированных элементов. Рассмотрим теперь, кто же такие кодзабасы. «Коджабаши», как уже было сказано, это турецкое название старост сельских общин. Однако Фотакос утверждает, что «кодзабасы или прухонды не были выдвигаемы народом, как некоторые говорят и пишут, но были сословием (σώμα), объединенным общим интересом»². Во времена Фотакоса, похоже, так оно и было, но изначально кодзабасы — это все-таки сельские старосты, которые по мере распространения поместной системы становились чифтлик-владельцами наравне с турками и эксплуатировали своих соотечественников. Историки-марксисты выделяли кодзабасов в особый класс и видели в нем олицетворение консервативных сил: «Класс кодзабасов, феодальный по своему характеру, был глубоко реакционным и не позволял райя поднять голову»³. Но утверждение о существовании четкой классовой структуры применительно к греческому обществу османского периода слишком натянуто. Кроме того, сближение экономических позиций кодзабасов и турецких чифтлик-сахиби свидетельствует о постепенной интеграции греческой верхушки в состав господствующего класса империи. В Османской империи этот процесс начался позже и шел гораздо медленнее, чем в Венецианской республике, но о наличии его свидетельствуют и другие факты: предоставление частичной автономии некоторым областям (Пелопоннес, острова Идра и Спеце), включение фанариотов в государственный аппарат (об этом чуть ниже). По свидетельству Фотакоса, кодзабасы и сами желали сближения с турками и подражали им образом жизни, поведением, одеждой. Кодзабас отличался от турка «только тем, что его звали, например, Янис, а не Хасан, и тем, что ходил в церковь, а не в мечеть»⁴. Источники свидетельствуют о том, что среди кодзабасов не было единого мнения по вопросу о национальном освобождении. Фотакос пишет, что во время собрания членов тайного общества «Филики Этерия» в Триполи среди кодзабасов нашелся доносчик, выдавший собрание туркам. С другой стороны, он хвалит деятельность на благо революции кодзабасов С. Хараламбиса, К. Делияниса и Д. Папацониса⁵.

Влиятельные кодзабасы держали под контролем обширные территории, часто даже целые епархии. В районах с преобладающим греческим населением (Пелопоннес, Сфакья на Крите, о. Хиос и др.) местные кодзабасы сосредоточили в своих руках власть и общественные функции, которые в других местах принадлежали туркам⁶. Значительные земельные участки принадлежали им лично, а в отношении остальных они выступали как покровители и сборщики налогов. Кроме того, в руках тех же лиц

¹ Αινιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 13.

² Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 42.

³ Ρούσος Π. Βοήθημα. νέας ιστορίας της Ελλάδας. Τουρκοκρατία, βενετοκρατία, εθνικοαπελευθερωτικοί αγώνες των Ελλήνων. Π. Α. Ε., 1958. Σ. 59; Clogg R. Σύνοψη ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1992. Σ. 44.

⁴ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 43.

⁵ См.: Там же. Σ. 46–47, 65, 88.

⁶ На это обращали внимание даже иностранные путешественники. См., напр.: *Leake W. M. A Historical Outline of the Greek Revolution*. L., 1826. P. 12.

оказалась сосредоточена и местная торговля. В результате эти местные нотабли обладали очень большим влиянием.

На Пелопоннесе они вместе с представителями духовенства входили в местный орган самоуправления — Пелопоннесскую Герусию, одним из важнейших полномочий которой был сбор налогов. Фактически без одобрения Герусии невозможно было ввести на Пелопоннесе новые налоги. Герусия собиралась в Триполи и действовала также как совещательный орган при местном паше. Во время национально-освободительной войны греков Герусия станет основой для формирования независимых национальных органов власти. А в преддверии революции Герусия была одним из тех каналов, через которые координировалась подготовка вооруженного выступления греков на Пелопоннесе. Кроме того, районы, обладавшие местной автономией, посылали своих представителей в Константинополь. Пелопоннесская Герусия посылала двоих. Они имели прямой доступ к султану и могли оказывать серьезное влияние на решение дел, связанных с местными проблемами. Случалось даже, что им удавалось добиться отставки неугодного паши.

Некоторые из коззабасов, подобно турецким и албанским аямам, имели свои миниатюрные дворы, вооруженные отряды, набранные из клефтов и капов (наемников). Они жили как местные паши, с той разницей, что ходили молиться не в мечеть, а в церковь. Между различными семействами коззабасов могли возникать конфликты на почве раздела сфер влияния. Следует отметить, что клановость была вообще свойственна грекам: можно отметить семейства клефтов Колокотронисов, коззабасов Делиянисов, Заимисов, особую роль играло в Мани семейство Мавромихалисов. С клановостью связан и другой феномен греческого общества, т. н. местный патриотизм, возникновению которого способствовали также географическая среда, историческая традиция (античный полис), общинный строй. Суть явления заключается в том, что, несмотря на мощный объединяющий фактор — иноземное владычество — греки сознавали себя скорее уроженцами определенной области или острова, чем уроженцами Греции. Само название «Греция» даже в эпоху революции 1821 г. употребляется сравнительно редко и больше у образованных писателей. Чаще используются названия отдельных местностей или регионов («острова», «Пелопоннес», «материковая Греция» и т. д.).

Многие важные особенности структуры греческого общества обусловлены османским завоеванием, так что, даже назвав это общество феодальным, следует оговориться, что перед нами не классический феодализм, ибо в нем не хватает существенного элемента — дворянства. При классической феодальной системе именно оно является основным землевладельцем. Но в греческих землях того времени землевладельцами были турки, т. к. при тимарной системе возможность получения земельного владения уже в XVI–XVII вв. определялась конфессиональным признаком, а появление слоя греческих землевладельцев стало возможным только с распространением чифтлийской системы. Таким образом, дворянства у греков не было, ибо, как справедливо заметил И. Каподистрия, где нет собственности, там нет и дворянства; единственным исключением из этого правила он считал фанариотов¹.

Так как турки долгое время предпочитали общаться с европейскими народами при помощи ятагана и не учили их языков, то, когда Высокая Порта наконец снизошла до дипломатических отношений с европейскими государствами, ей пришлось включить с госу-

¹ См.: Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 364.

дарственный аппарат образованных греков — а таковыми были, прежде всего, фанариоты — в качестве переводчиков. Случаи привлечения греков к такого рода службе известны, по крайней мере, с середины XVII в. Известно, что во время Критской войны Ахмед Кепрюлю опирался в отношениях с венецианцами на греческого переводчика, который много способствовал принятию выгодных для христиан условий сдачи Хандаки. Таким образом, с середины XVII в. перед греками открылся доступ к османской государственной службе и очень скоро — к высоким постам. Раньше греки могли продвинуться по социальной лестнице, только приняв ислам. Из 49 великих визирей с 1453 по 1623 г. 11 были албанского, 11 славянского, 6 греческого и только 5 турецкого происхождения.

Но теперь к должностям были допущены и христиане. Поскольку допуск христиан к управлению империей противоречил мусульманскому праву и юридически не был обоснован, то не было и какой-либо процедуры рекрутирования греческой политической элиты для управления государством. Поэтому доступ к должностям получили лишь те, кто был ближе ко двору, т. е. фанариоты. В их руках помимо патриаршего престола, который был фактически министерством внутренних дел для христианского населения, оказались также важные посты великого драгомана и драгомана флота, которые очень быстро вышли за рамки просто переводческих должностей. Великий драгоман сосредоточил в своих руках власть министра иностранных дел по европейскому региону, а драгоман флота был секретарем капудан-паши, под управлением которого находились греческие острова. Фактически власть над островами находилась в руках именно драгомана флота. С XVIII в. фанариоты стали назначаться господами Молдавии и Валахии. Одним из первых был Александр Маврокордатос, предок известного политика эпохи революции 1821 г. Валашским господарем был также и Константин Ипсиланти, отец Александра Ипсиланти, поднявшего в 1821 г. восстание греков на территории дунайских княжеств. Поскольку Порта часто меняла господарей, то последние вели себя на своих постах как откупщики, нещадно эксплуатируя местное население и выжимая все соки из вверенных им в управление областей. Это приискорбное обстоятельство, как явствует из письма российского посланника в Стамбуле Г. А. Строганова генеральному консулу России в Бухаресте А. А. Пини, было известно и русским дипломатам и отнюдь не приводило их в восторг¹. В правлении фанариотов в Молдавии и Валахии был и позитивный момент: дворы господарей стали крупными центрами греческой образованности. Деятельность фанариотов положительно влияла и на культурное развитие турок: через греков османская элита приобщалась к европейской культуре. С другой стороны, фанариоты были влиятельной силой и в греческом лагере: они контролировали положение дел в Константинопольской Патриархии, от их мнения во многом зависело избрание патриархов.

Жители территорий, которым предстояло в будущем войти в греческое государство, относились к фанариотам настороженно и даже неприязненно, считая их лукавыми и развращенными политическими интригами, и даже обвиняли их в том, что они вредили революции 1821 г. Так, в устах Макрияниса слово «фанариот», обращенное к А. Маврокордатосу, звучит почти как ругательство². Далее он прямо обвиняет фанариотов вместе с кодзабасами в разжигании междоусобиц среди греков во время

¹ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). М., 1974. С. 535–536.

² См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 204.

революции¹. Особенно обрушивается Макриянис на Маврокордатоса: «Ты, сиятельный, с того времени, как ты пожаловал, нечто совершенно новое принес с собой в отечество: мы не имели разделений — ты принес нам партийную разобщенность, новый фрукт для нас, греков, также распущенность и разорение». Макриянис называет его «любимцем тиранов», «турецкой закваской», «работником турок»². Напротив, Д. Эниан, чья юность прошла в Константинополе, но не принадлежавший к «сливкам общества», полагает, что подозрения насчет фанариотов, что они не хотели освобождения, т. к. имели большие выгоды при турках, неосновательны³.

Открывшаяся грекам с возможностью попасть на государственную службу перспектива повысить свой социальный статус, а также начавшийся экономический подъем и прекращение с начала XVIII в. практики девширме привели фактически к прекращению исламизации. Теперь принятие ислама среди греков стало редким явлением. Это, на первый взгляд, незначительное изменение религиозной ситуации имело очень важное следствие. Если в эпоху массовых исламизаций новообращенные мусульмане какое-то время (1–2 поколения) поддерживали связи со своими христианскими родственниками, то на протяжении XVIII в. прежние родственные связи между христианами и мусульманами постепенно были утрачены, а новые больше не образовывались. В результате увеличился разрыв между греками и турками — все, кто принял ислам, рано или поздно полностью отуречивались. Таким образом складывалась благоприятная почва для формирования греческого национального самосознания.

Как мы видели, в XVIII в. в Османской империи начался затяжной структурный кризис. Предпринимавшиеся попытки реформ оказались неудачными. Парадоксальным образом упадок Османской империи открыл новые возможности для греков и способствовал их экономическому, а затем и социально-культурному подъему. Стимулирующую роль в развитии греческой торговли играли и внешнеполитические обстоятельства, в частности, Французская революция. В этот период греки получили доступ к части османских государственных должностей и началась интеграция фанариотской элиты в правящий слой империи.

Но в отдаленных провинциях империи, к числу которых принадлежали Пелопоннес и отчасти континентальная Греция, ситуация была несколько иная. В области аграрных отношений ухудшение положения крестьян создавало благоприятную почву для возникновения крестьянских движений. В то же время земельный дефицит, стойкие клановые традиции и рост крупного землевладения (в первую очередь турецкого) провоцировали обострение национального вопроса. Объективно османское владычество тормозило процесс формирования национальной буржуазии, хотя во второй половине XVIII в. и сложились благоприятные условия для развития греческой торговли. Купцы, в свою очередь, везли на кораблях из Европы не только товары, но и новые идеи. Экономический подъем этого периода был необходимой основой для создания материальной базы национального освобождения. Он стимулировал также развитие местной элиты у греков. Кодзабасы в это время сконцентрировали в своих руках как экономические, так и социально-политические ресурсы на местном уровне. В населенных греками провинциях это обстоятельство способствовало развитию сепаратистских тенденций, которые, впрочем, были характерны и для других частей империи.

¹ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 211–212.

² Там же. Σ. 205.

³ Αιγιάλιν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, η. δ. Σ. 13.

ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕНЕЦИИ

Между львом и полумесяцем

Когда мы рассматриваем греческую историю с середины XV до начала XIX в., то называем ее эпохой османского владычества. Между тем, не все греческие земли в тот период входили в состав Османской империи. Почти вся островная Греция, а также некоторые крепости и порты в Эпире, Фессалии, Этолоакарнании и на Пелопоннесе и после 1461 г. остались вне власти турок. Но это не значит, что они были независимыми. Еще с эпохи четвертого крестового похода в них установилась власть различных романских католических династий. Так, на Кипре правила династия Лузиньянов, Родос и соседние острова находились под властью рыцарей-иоаннитов, на Кикладских островах существовало несколько небольших княжеств, принадлежавших династиям Соммарипа, Кверини, Премарини, Гоццадино и др. На Лесбосе правили Гаттилузи, на Хиосе — Джустиниани, на части Ионических островов — Токко¹.

Эти правители постоянно конфликтовали между собой, поэтому некоторые острова переходили от одной семьи к другой. Конфликты между князьями использовала в своих интересах Венеция, постепенно расширявшая свои владения в Ионическом и Эгейском морях. В 1461 г. Венецианской республике принадлежали Керкира и противоположная ей часть эпирского побережья, Парга, Эвбея и противоположный фессалийский берег (Гардики), Тинос, Микonos, Сев. Спорады, Крит, на Пелопоннесе — Наварин, Модон и Корон, также Аргос, Навплио и Кастри, наконец, Китира и Навпакт. В течение нескольких последующих десятилетий владения Венеции в этом регионе продолжали расширяться. Венеция вместе с Османской империей была в то время владычицей Средиземного моря. Соперничество между двумя державами вело к частым войнам между ними, в результате которых Венеция стала постепенно утрачивать свои владения. Баланс сил поддерживался приблизительно до середины XVII в. И лишь после Критской войны (1645–1669) венецианское могущество начало клониться к упадку².

Геополитическое положение греческих земель, оставшихся после 1461 г. вне Османской империи, обрекало их быть объектом постоянных военных конфликтов между турками и европейцами. С одной стороны, турки не могли смириться с наличием на территории своего государства иноземных и иноверных анклавов. Кроме того, геополитическая необходимость диктовала включение этих территорий в состав империи — исторически, кто владел данным регионом, тот владел им полностью, иначе его безопасность не могла быть обеспечена. С другой стороны, европейцы, прежде всего венецианцы, не хотели сдаваться без боя. К тому же для венецианцев греческие острова и морские порты в материковой Греции были важными торговыми базами, а торговля, как известно, составляла основу благосостояния республики³.

В результате весь эгейский регион в XV–XVIII вв. превратился в поле битвы. Пиратские набеги чередовались с военными действиями. На первом этапе основной силой, противостоявшей туркам, была Венеция. Но по мере того, как мощь этой

¹ Многие члены этих династий к середине XV в. были наполовину греками, а некоторые даже приняли православие.

² См.: *Vaughan D. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances, 1350–1700.* Liverpool, 1954.

³ См.: *Logan O. Venezia. Cultura e società (1470–1790).* Roma, 1980.

республики слабела, а османское завоевание затронуло интересы Испании и немецких Габсбургов, эти державы стали играть все большую роль в отношениях Европы с османами. Наконец, в XVIII в. в балканские дела начала вмешиваться новая мощная держава — Россия. Бесконечные боевые действия и расцвет пиратства наносили постоянный ущерб экономике не только островов Эгейского моря, но и всего Ближнего Востока, а также европейских держав-участниц. В результате численность населения островов сократилась, а левантийская торговля пришла в упадок, что стало одним из важных факторов (наряду с географическими открытиями) экономического упадка и Венецианской республики¹. От этих войн страдало не только население венецианских колоний, но и греческое население Османской империи. Помимо того, что османским грекам приходилось обеспечивать экономические потребности султанской армии, они еще привлекались и к военной службе и часто были вынуждены воевать против своих соплеменников, сражавшихся на стороне Венеции и других европейских держав.

Силы противоборствующих сторон почти никогда не были равными. Первое время венецианцы имели существенный перевес на море, но уступали османской армии на суше. Венецианцы имели лучшие навыки ведения морского боя, но постоянно испытывали трудности в людских, а затем и в материальных ресурсах. Зато турки, непрерывно совершенствуя боевые качества своего флота, вплоть до XVIII в. располагали почти неограниченными ресурсами. Они превосходили своих противников в живой силе, кораблях и вооружении. Принимая все это во внимание, венецианцы в отношениях с Портой стремились максимально задействовать дипломатию, чтобы выиграть время на подготовку к очередным военным конфликтам². Именно поэтому венецианцы открыто не выступили против турок во время осады Константинополя и спокойно смотрели, как турки захватывают Морею, Трапезунд, а также некоторые острова (Тасос, Самофракия, Имброс, Лемнос — 1458–1459). В 1462 г., когда турки осадили Митилену, венецианский флот находился на соседнем Хиосе, но не откликнулся на призывы о помощи³.

Османской экспансией на Балканах венецианцы воспользовались к своей выгоде: когда Морейский деспотат доживал свои последние дни, они расширили свои владения на Пелопоннесе, вместе с папой оказывали поддержку Скандербегу, не пускавшему турок в северную Албанию. Участвовавшие столкновения между венецианцами и турками, преимущественно на Пелопоннесе, в 1463 г. переросли в первую большую войну⁴. Поводом к ней стал захват османами Аргоса при помощи местного православного епископа. Уже во время этой войны выявились те недостатки организации венецианского войска (его даже армией трудно назвать), которые предвещали скорый конец венецианской колониальной империи. Дисциплинированной и сытой османской армии венецианцы могли противопоставить плохо управляемые отряды наемников (*condottieri*), которые к тому же часто не вовремя получали жалованье. Значительную часть венецианской армии на суше и на море составляли греки. Они обладали неплохими боевыми качествами, но также были плохо обеспечены. К тому же у венецианцев постоянно менялось командование и отсутствовала единая стратегия. На первом этапе войны

¹ См.: Heyd W. *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*. B. 2. Stuttgart, 1879.

² См.: Costantini M. *La storia marittima di Venezia // Società, economia, istituzioni. Elementi per la conoscenza della Repubblica veneta*. Verona, 2002. P. 113–120.

³ См.: Vaughan D. *Europe and the Turk. A Pattern of Alliances, 1350–1700*. Liverpool, 1954.

⁴ См.: Fisher S. *The Foreign Relations of Turkey 1461–1512 // Illinois Studies in the Social Sciences*. 1948. Vol. 30/1.

ставка была сделана на разжигание антитурецкого восстания греков на Пелопоннесе, чтобы их силами вытеснить с этой территории турок. Однако сами венецианцы не смогли взять сильную и стратегически важную крепость Акрокоринф, которая стала форпостом контрнаступления турок. В результате местные греки потеряли доверие к венецианцам и вновь подчинились туркам, а венецианские войска были разбиты. На море на первом этапе войны венецианцам удалось провести лишь одну удачную операцию — захватить Лемнос, который на протяжении всей войны хорошо послужил им в качестве морской базы, затрудняющей выход турецкого флота из Дарданелл¹.

Поскольку боевые действия велись по преимуществу на греческих территориях, то в наибольшей степени именно греческое население пострадало в ходе войны. Многие населенные пункты были разорены не только турками, но и христианскими наемниками, а местные жители убиты, проданы в рабство или переселены. Причем политику переселений жителей с захваченных территорий проводили не только турки, но и венецианцы. Сотрудничество с венецианцами оборачивалось для греков массовыми репрессиями. Так, например, в 1466 г. венецианцам удалось взять Патры, но после того, как турки его отбили, в городе начались массовые казни².

Первый этап войны завершился взятием турками сильной венецианской крепости Халкида (Негропonte) на Эвбее (1470). Осада крепости длилась четыре недели и во время нее турки несли большие потери. Поэтому, когда город был взят, все мужское население, включая венецианских военачальников, было казнено, а остальные проданы в рабство. На европейское и, прежде всего, итальянское общественное мнение падение Халкиды произвело едва ли не большее впечатление, чем падение Константинополя. Это объяснялось тем, что теперь венецианцы и другие итальянские государства почувствовали непосредственную угрозу своим владениям³.

Второй этап войны (1471–1477) ознаменовался участием в ней не только Венеции, но и сил других европейских государств, которые были собраны еще в 60-е гг. для крестового похода (поход не состоялся в связи со смертью в 1464 г. его вдохновителя папы Пия II)⁴. Однако вскоре отношения Венеции с союзниками осложнились в связи с открытием кипрского вопроса (в 1473 г. умер последний кипрский король). Особенно энергично против Венеции действовал неаполитанский король Фердинанд I. Во второй период венецианцы сменили тактику, отказались от сухопутных операций и сосредоточились на морских набегах. На суше венецианцы потерпели поражение также в Албании и на венгерском фронте.

Так что в военном отношении война закончилась поражением Венеции. Однако венецианской дипломатии удалось на этот раз спасти большую часть владений республики. В 1479 г. был подписан мирный договор, согласно которому стороны обменялись большинством захваченных территорий, а Венеция выплатила Порте контрибуцию⁵. Однако союзникам Венеции не удалось так легко отделаться, поскольку этот

¹ См.: Zorzi A. La Repubblica del Leone. Storia di Venezia. Milano, 2001.

² См.: Ἀμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνα μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.

³ См.: Fisher S. The Foreign Relations of Turkey 1461–1512 // Illinois Studies in the Social Sciences. 1948. Vol. 30/1; Zorzi A. La Repubblica del Leone. Storia di Venezia. Milano, 2001.

⁴ См.: Vaughan D. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances, 1350–1700. Liverpool, 1954.

⁵ См.: Finley G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, B. C. 146 to A. D. 1864. Vol. V Greece under Ottoman and Venetian Domination, A. D. 1453–1821. Oxford, 1857.

договор был заключен за их спиной. Венецианцы фактически бросили их на произвол судьбы. В результате в том же году турки захватили Кефалонью, Закинф, Итаку и Левкаду, положив таким образом конец княжеству династии Токко. В 1480 г. был осажден Родос и разграблены другие владения иоаннитов. Но взять эту крепость турки не смогли даже после трехмесячной осады. В том же году турки вторглись в Апулию (владения Неаполя) и захватили Отранто, который удерживали полтора года¹.

Вывод турецких войск из Апулии был связан с началом гражданской войны в Османской империи после смерти Мехмеда Завоевателя. По этой причине турки были вынуждены временно отложить свои экспансионистские планы в отношении Европы. К тому же европейские монархи вмешались во внутривосточную борьбу османов. Началу следующей войны между турками и Венецией способствовали два фактора. Во-первых, окончание внутренних смут в империи, а во-вторых, союз венецианцев с французским королем Карлом VIII. Дружественные отношения с Францией ставили венецианцев в двусмысленное положение: с одной стороны, поддержка французов была нужна венецианцам для борьбы с итальянскими соперниками (Неаполь, папа), а с другой, французский король готовил новый крестовый поход против турок².

В 1499 г., после нового вторжения французов в Италию, турки начали вторую войну против Венеции. Она быстро принесла серьезные разочарования Венеции: османский флот оказался неожиданно силен за счет привлечения на службу опытных пиратов и постройки крупных кораблей³. Он нанес венецианцам несколько поражений подряд. Такое развитие событий шокировало Европу: теперь османский флот приобрел славу непобедимого. Поэтому в войну включились Франция, Испания, Португалия, Польша и Венгрия. Между тем на выгодных условиях туркам сдался осажденный Навпакт (Лепанте), после чего Баязид II приказал выстроить крепости Рио и Антирио (Малые Дарданеллы), которые закрыли христианским пиратам вход в Коринфский залив. Кроме того, турки успешно продвигались и на Балканах: в Албании, Далмации, Каринтии, и вышли к границам Венеции на р. Изонцо. Венецианцы решились на мирные переговоры, но сочли требования турок чрезмерными.

В результате возобновления военных действий венецианцы потеряли самые крепкие крепости на Пелопоннесе-Метони (сдалась скорее из страха), Корони и Пилос (Наварин) в 1500 г. Единственной успешной операцией стал захват совместной венециано-испанской эскадры Кефалоньи (1501). После этого были взяты Левкада и Пилос, но их потом пришлось вернуть. К концу 1502 г. Венеция была истощена войной и вынуждена согласиться на предложенные турками условия мирного договора⁴. Поражение Венеции в этой войне и утрата ею владений на Пелопоннесе окончательно отрезали греков от связей с западным миром, который в то время переживал эпоху Возрождения⁵. Для турок победа имела не только политическое, но и экономическое

¹ См.: Άμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνος μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.

² См.: Fisher S. The Foreign Relations of Turkey 1461–1512 // Illinois Studies in the Social Sciences. 1948. Vol. 30/1.

³ См.: Fisher G. Barbary Legend. War, Trade and Piracy in North Africa, 1415–1830. Oxford, 1957.

⁴ См.: Άμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνος μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571; Zorzi A. La Repubblica del Leone. Storia di Venezia. Milano, 2001.

⁵ См.: Finley G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, B. C. 146 to A. D. 1864. Vol. V Greece under Ottoman and Venetian Domination, A. D. 1453–1821. Oxford, 1857.

значение: под их контролем теперь оказались важнейшие торговые пути, соединявшие восточное и западное Средиземноморье. Впоследствии это обстоятельство благоприятно скажется и на греках: доступ к торговым путям станет одним из факторов, которые способствовали экономическому подъему среди греков в XVIII в.

Первые два десятилетия XVI в. прошли для греков относительно мирно в связи с тем, что османы были вынуждены решать проблемы на южной и восточной границах своей империи¹. Но к 1517 г. эти проблемы были решены с завоеванием Сирии и Египта, а также усмирением непокорных шиитских племен на востоке Малой Азии. Эти победы открыли османам дороги на Кавказ, в Азербайджан, Персию. Под их контролем оказались стратегически важные с военной и экономической точки зрения пункты. Формирование Османской империи как мировой державы, контролировавшей важнейшие сухопутные и морские торговые пути, завершилось².

В 1520 г. новый султан Сулейман Кануни (в европейских источниках Великолепный) начал новый виток завоеваний. В 1522 г. после пятимесячной осады сдался Родос, крепость практически неприступная. Однако сотысячной османской армии, руководимой лично султаном, защитники Родоса смогли противопоставить всего 5 тыс. чел., которым не хватало продовольствия и боеприпасов. Обещанная помощь из Европы так и не пришла. Теперь иоанниты, сильно досаждавшие туркам своими пиратскими действиями в этой части Эгейского моря, покинули Родос и к 1530 г. утвердились на Мальте.

Между тем Сулейман, желая обеспечить себе владение не только морскими, но и сухопутными торговыми путями, предпринял несколько походов на Балканах. В 1521 г. сдался Белград, а в 1526 г. в битве при Мохаче была разгромлена венгерская армия и погиб последний венгерский король. Продвижение османов в Венгрию затрагивало интересы империи австрийских Габсбургов, сильного государства с имперскими амбициями. Поэтому с 1520-х гг. начинается период соперничества между Габсбургами и Османами³ в борьбе за влияние на Балканах, длившийся до середины XVIII в. Это соперничество неоднократно вдохновляло и греков на антитурецкие выступления. После побед в Венгрии османские войска направились в Австрию и в 1529 г. осадили Вену. Город был хорошо подготовлен к обороне, а наступившие холода вынудили турок снять осаду. Но австрийцы не смогли развить контрнаступление, поэтому османская армия была спасена.

В 1532 г. Сулейман опять попытался пробиться в Центральную Европу, но и на этот раз войска Габсбургов (эрцгерцога Австрии Фердинанда и испанского короля Карла I(V), бывшего одновременно германским императором) остановили продвижение турок. Кроме того, им удалось перенести военные действия из Европы на прежние фронты — в Африку, на Пелопоннес, в Ионическое и Адриатическое моря, т. е. преимущественно на те же многострадальные греческие земли. В 1532–1534 гг. объединенный испано-генуэзский флот под руководством талантливого генуэзца Андреа Дориа провел ряд успешных операций, захватив Корони, Патры, Рио и Антирио⁴. Успехи христианского флота воодушевили греков, которые подняли восстание на

¹ О внешней политике Османов в это время см.: Allen W. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. L., 1963.

² См.: Ισαακ Χ. Η Οθωμανική αυτοκρατορία. Η κλασική εποχή, 1300–1600. Αθήνα, 1995. Σ 65–67.

³ Взаимоотношения Порты и германских государств в этот период описаны в: Fischer-Galati S. A. Ottoman Imperialism and German Protestantism, 1521–1555. Cambridge Mass., 1959.

⁴ См.: Benvenuti G. Le Repubbliche Marinare. Amalfi, Pisa, Genova, Venezia. Roma, 1989.

Пелопоннесе и в Эпире. Однако проблемы в отношениях между самими христианскими государствами привели к отзыванию испанских гарнизонов из этих крепостей. В 1535–1537 гг. османский флот несколько раз нападал на побережье Южной Италии, в ответ испанцы совершили успешную экспедицию в Тунис, в которой приняли участие греческие *stradioti*¹ (искаж. греч. στρατιώτες, т.е. солдаты).

Военные действия в Албании и на Адриатике в конце концов привели к нападению турок на венецианскую Керкиру, чем было положено начало третьей венецианско-турецкой войне (1537–1540). Со стороны Европы в ней приняли участие также Испания, Австрия и папа, подписавшие в 1538 г. договор о создании Священной Лиги. Но, как и прежде, между союзниками начались серьезные разногласия. Единственным их успехом было взятие далматинской крепости Castelnuovo. В результате этой войны Венеция потеряла Навплио (Napoli di Romania), Монемвасью (Malvasia) и Сев. Спорады, а также признала переход к туркам нескольких захваченных турецким флотом островов в Эгейде. Там у венецианцев остался только Тинос².

Последующая четверть века ознаменовалась конфликтами турок с испанцами, причем в союзе с турками выступала Франция, предоставлявшая турецкому флоту свои порты³. Благодаря этому турки периодически подвергали разграблению итальянское побережье, причем не только восточное (Ницца). Наконец в 1565 г. была осаждена Мальта. Осада длилась почти четыре месяца, но безуспешно, а подошедший испанский флот нанес туркам сокрушительное поражение. Оно осталось не отмщенным и впоследствии неоднократно использовалось турками в качестве предлога для войн с Венецией. В 1566 г. был взят принадлежавший геноуэзцам Хиос и тем положен конец присутствию европейцев в центральной Эгейде. Разумеется, геноуэзские власти острова старались не провоцировать турок, но обилие испанских шпионов и пиратских притонов на острове предопределило его судьбу. Под властью турок Хиос был обречен на прозябание. Но этому воспрепятствовали французы, добившиеся предоставления острову ряда привилегий, благодаря чему остров постепенно пришел к экономическому процветанию и стал важным очагом хозяйственной и культурной жизни греков в османский период.

Между тем, окончание боевых действий на венгерском фронте развязало туркам руки для новых действий на море. В свою очередь европейцы, подталкиваемые папой, образовали в 1570 г. новую Священную Лигу. Дело шло к новой войне. Для Венеции это была уже четвертая война с османами, которая получила название Кипрской. Турецкие десанты начали высаживаться на остров уже в 1570 г., причем они не только разрушали укрепления и поджигали деревни, но и рассылали по греческим деревням своих агентов, предлагая различные льготы в обмен на сотрудничество. Эта политика имела некоторый успех. Одной из первых согласилась деревня Левкара. Однако венецианцы действовали в этой ситуации очень жестко: они сожгли деревню и убили всех ее жителей. В том же году пала Левкосия, что обеспечило туркам контроль над большей частью острова. Летом 1571 г. пал Аммохост, последняя венецианская крепость на Кипре⁴.

¹ См.: Άμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνα μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.

² См.: Там же.

³ О геополитической ситуации в регионе и связанных с ней локальных конфликтах см.: Anderson R. C. Naval Wars in the Levant, 1559–1853. Princeton, 1952.

⁴ Там же.

Но вместо того, чтобы оказывать помощь попавшему в беду Кипру, венецианцы сделали ставку на войну в материковой Греции, предпринимая также небольшие экспедиции на Кикладах. В этих районах успешно действовали венецианские агенты, призывавшие греков к восстанию. Действительно, в Северном Эпире, Мани и на некоторых островах греки выступили против турок, за что жестоко поплатились после ухода венецианских войск.

Вскоре после утраты Кипра объединенному христианскому флоту удалось одержать серьезную победу над турками на море, после которой ее участник Сервантес сказал: «В тот день во всем мире развеялось убеждение, что турки были непобедимы». Речь идет о битве при Лепанто (Навпакт) 7 октября 1571 г. Большая заслуга в этой победе принадлежит 24-летнему испанскому принцу дон Хуану Австрийскому, который сумел сгладить разногласия между союзниками¹. Первоначально объединенный флот (Испания, Венеция, Мальта, Савойя) планировал высадку десанта на греческом побережье, но известие о вероломстве турок, предавших, вопреки договоренности, мучительной смерти защитников Аммохоста, побудило командование изменить планы и встретиться с турками в открытом бою. В ходе битвы обе стороны понесли большие потери: турки потеряли 20 тыс. убитыми, христиане — около 10 тыс., 3,5 тыс. турок и 10 тыс. христианских гребцов были захвачены в плен. Турецкий флот был разгромлен: из 230 галер спаслись только 35, остальные были потоплены или захвачены союзниками. Однако значение этой победы, оплаченной в значительной степени греческой кровью, осталось скорее моральным². Союзники не смогли развить успех, поэтому сколько-нибудь значимых политических последствий она не имела. В 1573 г. Венеция подписала с турками униженный сепаратный мир, по которому соглашалась с потерей Кипра, выплатой большой контрибуции и наложением ограничений на свой флот. Этот шаг венецианцев был расценен их союзниками как предательство, а среди греческого населения как Османской империи, так и венецианских владений авторитет Венеции был надолго подорван³.

После кипрской войны в Средиземноморье наступил относительно мирный период, длившийся целых 7 десятилетий. Тому было несколько причин. Во-первых, некоторые европейские державы (прежде всего Франция) установили с Портой режим т. н. капитуляций, в соответствии с которым им обеспечивались существенные преимущества в торговле в обмен на нейтралитет. Во-вторых, Европа была взбуродоржена религиозными спорами, расколота и ослаблена вызванной ими Тридцатилетней войной (1618–1648). Так что до середины XVII в. открытых войн между Европой и турками практически не было. Однако состояние необъявленной войны (пиратской), в которой участвовали по большей части испанцы, иоанниты и африканские пираты, сохранялось постоянно. В конце концов, один из пиратских инцидентов, когда иоанниты напали на Родос, стал поводом к войне. Султан Ибрагим I (1640–1648) объявил о готовности отомстить мальтийцам и одновременно потребовал от Венеции передачи Крита на том основании, что Османы — законные преемники Палеологов и им уже принадлежали все бывшие византийские владения, а потому должен

¹ Об испано-турецких отношениях в тот период см.: *Ranke L. Die Osmanen und die spanische Monarchie. Leipzig, 1877.*

² См.: *Anderson R. C. Naval Wars in the Levant, 1559–1853. Princeton, 1952.*

³ См.: *Ἀμαντὸς Κ. Σχέσεις Ελλήνων καὶ Τούρκων, ἀπὸ τοῦ ἐνδέκατου αἰῶνος μέχρι τοῦ 1821. Τ. 1. Οἱ πόλεμοι τῶν Τούρκων πρὸς κατάληψιν τῶν ἐλληνικῶν χωρῶν. 1071–1571.*

принадлежать и Крит. На этот раз, как полагает А. Вакалопулос, Порта решила раз и навсегда покончить с христианскими пиратами, находившими прибежище на острове¹.

Так началась знаменитая Критская война (1645–1669), имевшая большое значение не только для Венеции, но и для всего христианского мира, поскольку она рассматривалась как противостояние с миром ислама. Несмотря на хорошую изученность Критской войны в зарубежной литературе, еще ждут своего исследователя многочисленные российские источники по этой теме². Война началась на западном Крите осадой Ханья, которая сдалась через два месяца. Уже в это время на острове была организована партизанская война, в которой против турок выступило преимущественно греческое население. Но отвоевать западный Крит у турок венецианцы уже не смогли. В 1645–1646 гг. турки прочно утвердились на захваченных территориях, привлекая на свою сторону греческое население³. Одна из первых мер, осуществленных на захваченной территории, — воссоздание Православной Церкви. Если при венецианцах православный епископат был упразднен, а священники рукополагались в Коринфе, то турки восстановили Критскую митрополию и учредили семь епископств. Кроме того, турки приняли жесткие меры по предотвращению грабежей мирного населения (в значительной мере это удалось).

Осенью 1646 г. сдалась крепость Ретимно, оборона которой была затруднена из-за большого количества мирных жителей, собравшихся под защиту городских стен. Венецианское командование отправило их в Хандаку, а тамошние власти также выставили их из города. Возмущенные греки отправились прямо в турецкий лагерь и предложили свое сотрудничество. В целом греческое население венецианских владений, да и турецкие войска не очень охотно принимали участие в этой изматывающей войне. Так, чтобы избежать мобилизации, жители Ионических островов уходили в горы, принимали монашество или священнический сан. В результате в некоторых деревнях почти половину жителей составляли священники. Своих людей у венецианцев хронически не хватало, поэтому они не могли противостоять туркам в открытом бою и сделали ставку на оборону нескольких крепостей и блокаду турецких войск с моря. Следствием этой тактики стало быстрое овладение турецкими войсками большей частью Крита. В руках венецианцев оставались только Хандака, Ситья и несколько небольших крепостей. После 1651 г. Хандака (осаждена с 1648 г.) осталась почти единственным очагом венецианского сопротивления турецкой оккупации.

Между тем действия венецианцев на море имели двоякие последствия. С одной стороны, им периодически удавалось одерживать победы над османским флотом, причем несколько раз в районе Дарданелл. Эти победы каждый раз приводили к отсрочке отправки турецких подкреплений на Крит и поднимали дух защитников Хандаки. С другой стороны, пребывание венецианского флота в Эгейском море ознаменовалось периодическими нападениями на острова и грабежами местных жителей. Некоторые острова были временно захвачены венецианцами и превращены в их морские базы. Но эти действия не оказали решающего влияния на ход войны,

¹ См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 119.

² См.: Фонкич Б. А. Россия и христианский Восток в XVI–первой четверти XVIII в. (Некоторые результаты изучения. Источники. Перспективы исследования) // XVIII Международный конгресс византинистов. Пленарные доклады. М., 1991. С. 67–68.

³ См.: Παπαδία-Λάλα Α. Έκθεση του Camillo Gonzaga για τα πρώτα χρόνια (1645–1647) του Κρητικού Πολέμου. Θησαυρίσματα 13 (1976). Σ. 152–194.

которая приняла затяжной характер. В середине 1660-х гг. силы турок были оттянуты в Венгрию, но война на севере Балкан была недолгой и в 1666 г. внимание Порты было вновь приковано к Хандаке.

Хандака была последним бастионом христианства в Восточном Средиземноморье, поэтому ее оборона воспринималась в Европе как дело не только Венеции, но и всей христианской Европы¹. Благодаря помощи осажденным со стороны многих европейских государств, осада Хандаки продолжалась 21 год (май 1648–сентябрь 1669) — это исключительный случай в истории. Существенные военные подкрепления и большие денежные суммы Венеции предоставили Франция, Испания, Савойя, папа, германские князья, Мальтийский орден. Участники этой коалиции пытались привлечь на свою сторону и Россию. Однако московский царь в то время был занят борьбой с более близким и опасным врагом — Речью Посполитой. Только Андрусовское перемирие (1667) развязало руки России, и в 1668 г. московские послы начали соответствующие переговоры в Европе. Но война за Крит закончилась раньше, чем в нее могла вступить Россия². В решающую фазу осады Хандаки вступила в 1667 г., когда турецкие войска возглавил лично великий визирь Ахмет Кепрюлю, а лагерь осажденных — Франческо Морозини. Турки тратили огромные деньги на лазутчиков и доносчиков. Благодаря этому османской армии удалось нанести крепости большой ущерб и, в конце концов, она сдалась на очень выгодных условиях, которые турки соблюли с неожиданной для них педантичностью.

Так закончилась еще одна крупная война Венеции с Турцией. В результате военных действий венецианцы потеряли около 100 тыс. чел., включая греков, потери Османской империи были еще больше. Население Крита в ходе войны уменьшилось более чем вдвое. Критская война обернулась серьезным экономическим кризисом не только для Крита, но и для других населенных греками районов. Греческое население мобилизовывалось в армию, на принудительные работы, страдало от все возрастающих налогов³. Критская война положила конец попыткам Венеции утвердиться в юго-восточной Эгее, теперь во владениях Венеции остались только Тинос и Ионические острова. Для греков, в свою очередь, была утрачена надежда на освобождение с помощью венецианцев от османского владычества. Правда, ответ на вопрос о том, лучше ли венецианское владычество османского, можно будет дать только после рассмотрения положения греков в Венецианской республике.

Несмотря на то, что и Турция, и Венеция к середине XVII в. уже вступили в полосу упадка, в конце XVII в. между ними произошла еще одна крупная война (1684–1699). Венеция вступила в войну после того, как турки, спровоцированные Людовиком XIV, летом 1683 г. осадили Вену. В 1684 г. венецианским войскам во главе с легендарным Морозини удалось отвоевать у турок Левкаду, до тех пор служившую им главной морской базой в Ионическом море и Адриатике⁴. Затем венецианцы высадились на Пелопоннес, победно прошествовали по нему до Истма и вторглись в Аттику, где продвинулись до самых Афин. Турецкий гарнизон заперся на Акрополе. И тут

¹ См.: *Driaud E.* La Question d'Orient depuis des origines à nos jours. Paris, 1912.

² См.: *Шамин С. М.* Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения 6. М., 2008. С. 84–86.

³ См.: *Finley G.* A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, B. C. 146 to A. D. 1864. V. 5. Greece under Ottoman and Venetian Domination A. D. 1453–1821. Oxford, 1857.

⁴ См.: *Anderson R. C.* Naval Wars in the Levant, 1559–1853. Princeton, 1952.

(сентябрь 1687 г.) произошло трагическое событие для всего культурного человечества. Во время обстрела Акрополя пушечное ядро попало в Парфенон, где турки устроили пороховой склад. Уникальный памятник архитектуры, сохранявшийся до этого в почти нетронутом виде, был практически разрушен. Морозини удерживал Афины полгода, после чего был вынужден их покинуть, поскольку вся долина Аттики находилась под контролем турок. Вслед за этим была предпринята неудачная экспедиция на Эвбею. Военные действия на территории Греции, преимущественно в Этолии, Эпире и Центральной Греции, велись до 1699 г. с переменным успехом.

Между тем на севере Балкан союзники Венеции одержали над турками ряд решительных побед. Осада Вены была снята в том же 1683 г. 12 сентября состоялась знаменитая битва у Каленберга (пригород Вены), где войска германского императора Леопольда I и польского короля Яна Собеского одержали решительную победу. Уже на следующий год была образована очередная Священная Лига, в которую вошли Австрия, Польша и Венеция, а с 1686 г. — Россия¹.

Как мы видим, в составе новой Лиги произошли некоторые изменения по сравнению с предыдущими. В ней уже нет ослабевшей Испании и итальянских князей, зато появились два новых члена — Польша и Россия. Вступление Польши в борьбу с турками объяснялось расширением османской экспансии за счет Украины. В 1672 г., когда еще не утихли страсти русско-польского конфликта из-за Украины, турки заняли ее Правобережную часть и Польша была вынуждена согласиться на уступку Подолии и некоторых других земель.

Между тем, османская экспансия на Украине затрагивала интересы России, которая стремилась вернуть себе древнерусские земли. До этого времени Россия придерживалась в основном дружественной политики по отношению к Порте². Но теперь интересы двух держав привели их к открытому столкновению. В 1677 г. османско-крымские войска вторглись на Украину, в том числе в ее часть, принадлежавшую России. Началась первая в истории русско-турецкая война (1677–1681). Она закончилась Бахчисарайским миром, по которому Османская империя признавала переход к России Левобережной Украины. Характерно, что это был скорее не мир, а перемирие: договор заключался на 20-летний срок. Таким образом, стороны соглашались с тем, что отныне их геополитические интересы будут пересекаться. С этого времени Россия заняла прочное место в ряду европейских борцов с османами, со временем приобретая позиции лидера этой борьбы.

Однако первые русские предприятия в этом направлении не были успешными. Во второй половине 1680-х гг. Россия совершила два т. н. крымских похода под руководством князя Голицына. Во время первого похода 1687 г. не было ни одного крупного сражения, а русская армия сильно пострадала от засухи и жары и была вынуждена вернуться. В 1689 г. был организован второй поход, во время которого несколько ожесточенных сражений с крымцами принесли победу русскому оружию. Но закрепить успех помешала начавшаяся жара. Таким образом, видимых плодов для России эти походы не принесли. Однако они продемонстрировали ее растущую военную мощь: подход русских войск к Крыму посеял панику в Константинополе.

Кроме того, крымские походы значительно облегчили положение союзников России, которая отвлекла на себя часть сил турок и их крымских вассалов. Благодаря

¹ Формально Россия вошла в Священную Лигу в 1697 г., но военные действия вела с 1686 г.

² Подробнее см.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1–2. М., 1946.

этому войска Леопольда I во второй битве при Мохаче (1687) смогли одержать решительную победу над турками, имевшую важные политические последствия. Кроме того, что Габсбурги получили венгерскую корону и часть югославянских земель, победа при Мохаче означала окончание турецкой угрозы для Европы. С этого времени Османская империя будет постепенно терять свои завоевания на европейском континенте. Благодаря усилиям русской армии турки не смогли помешать венецианцам закрепиться на Пелопоннесе и Левкаде. Следующей военной операцией России против Порты стали азовские походы Петра I (1695/6), в результате которых был захвачен Азов и основана крепость Таганрог.

Новое положение дел в Европе было закреплено Карловицким миром 1699 г.¹ Согласно этому договору, австрийские Габсбурги получали часть Венгрии, Трансильванию, Славонию и Хорватию и становились самой могущественной державой Европы. Польша возвращала себе Правобережную Украину, а за Венецией оставались Левкада и Пелопоннес. Левкада осталась во власти Венеции до наполеоновской эпохи, а Пелопоннес был потерян в 1715 г. в результате следующей войны. В 1700 г. Россия заключила с Портой Константинопольский договор, по которому за ней закреплялись Азов и Таганрог. С этого времени Венеция стала терять инициативу в средиземноморских делах, а в отношениях с Османской империей ее место заняла Россия. Другой державой, претендовавшей на османские территории и покровительство христианскому населению империи, была монархия Габсбургов.

События первых десятилетий XVIII в. продемонстрировали изменившуюся расстановку сил. Осенью 1710 г. Османская империя объявила войну России. В Константинополе жаждали реванша за потерю Азова, к тому же Порту с Россией стравливал шведский король Карл XII. Обычно в литературе Прутский поход Петра I характеризуется как бесславный. Между тем, для того, чтобы дать верную оценку этой войне, надо принимать во внимание то положение, в котором тогда находилась Россия, а также задачи, которые перед ней стояли. В Европе шла Война за испанское наследство, а Петр в это время улаживал отношения со Швецией. Так что для турок момент для нападения был исключительно благоприятный. Основная задача русского командования заключалась в том, чтобы не дать соединиться крымско-турецким войскам и армии шведов. В начале 1711 г. рейд крымцев на Харьков был отбит.

Прутский поход закончился сдачей Азова и срытием Таганрога. Но для Порты этого было недостаточно, поэтому провокации в отношении России предпринимались еще два года. Лишь в 1713 г. был заключен Адрианопольский мир, закрепивший эти условия². Таким образом, Россия, хотя и не одержала победу над турками в этой войне, но сумела выполнить свою стратегически важную задачу — не дать выступить единым фронтом туркам и шведам. Далеко идущие последствия имела Прутская кампания для Дунайских княжеств, господами которых вступили в союз с Петром. Порта вполне правомерно расценила эти действия как предательство, что повлекло за собой ужесточение османской политики в отношении княжеств. С этого времени господами в княжествах назначались Портой исключительно из числа фанариотов, которые начали эллинизировать местную элиту и рассматривали княжества только как источник обогащения.

¹ Об участии России в Карловицком мирном конгрессе см.: *Гриневский С. А. Прокофий Возницын, или Мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии.* М., 1992.

² Подробнее см.: *Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I.* М., 1990.

В следующем 1714 г. закончилась Война за испанское наследство, развязавшая руки австрийцам. В том же 1714 г. началась новая война европейских держав против Порты. Она выявила прогрессирующий упадок Венеции и сильные позиции Габсбургов. Габсбурги теперь смогли возобновить военные действия против османов. Поводом к войне стало требование Порты пересмотреть существующие договоренности. Для Австрии эта война завершилась рядом приобретений, а для Венеции — потерь. Сначала война шла для союзников не очень успешно. В 1715 г. Венеция потеряла Пелопоннес. Переломным стало взятием Белграда австрийскими войсками во главе с принцем Евгением Савойским (1717). В результате Пожаревацкого мира (1718) Австрия приобрела Банат, часть Сербии и Валахии, а Венеция окончательно лишилась Пелопоннеса. Неблагоприятное для Венеции окончание этой войны отразилось и на греках. Пелопоннес подвергся опустошительным набегам, а манияты, до этого времени постоянно участвовавшие практически во всех антитурецких предприятиях, вынуждены были подчиниться султану, срыть свои крепости и уплатить контрибуцию.

Между тем, начиная с эпохи Петра I, среди греков крепло убеждение, что именно Россия сможет помочь им избавиться от ига. Известие о взятии Азова было воспринято греками с воодушевлением, и Константинопольский патриарх Каллиник, а также Иерусалимский патриарх Досифей тайно послали к Петру своих людей, чтобы поздравить его с победой. В свою очередь Петр с 1700 г. держал в Константинополе своего постоянного дипломатического представителя (первым был П. А. Толстой)¹, который должен был не только поддерживать официальные отношения с Портой, но и налаживать контакты с поработленным населением, прежде всего христианским, и привлекать его на сторону России. Уже Толстой начал вербовку местного славянского и греческого населения в формирующийся российский флот. Среди местного населения распространялся печатный портрет Петра с подписью *Petrus Primus Russograecorum Monarcha*, который должен был привлечь греков на помощь русским в войне с турками. Среди греков политика Петра быстро нашла живой отклик. В народных песнях и пророчествах того времени мы находим указания на «московита» и «светловолосого царя», который придет освободить греков. Особенно много «русских агентов» было среди духовенства, главным образом среди тех его представителей, которые посещали Россию для сбора милостыни. Несмотря на то, что попытки Петра выйти к Черному морю закончились неудачей, что, конечно, греков разочаровало, надежды на освобождение с помощью русских похоронены не были.

Следующая русско-турецкая война 1735–1739 гг. ознаменовалась некоторыми победами русского оружия, но кардинальная проблема — получение выхода к Черному морю — решена не была, а все приобретения, кроме Азова, пришлось вернуть, поскольку союзница России Австрия заключила с турками сепаратный мир².

И все же выход России к Черному морю и создание сильного черноморского флота были уже не за горами. Всего этого Россия добилась в царствование Екатерины II. В этот период надежды греков на помощь со стороны России приобрели реальные очертания. Греки живо отреагировали на начало русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Еще до начала войны велись переговоры с маниятами, в которых принимал

¹ О русских дипломатах в Константинополе см.: *Теплов В. Н.* Русские представители в Царьграде, 1496–1891 гг. // *Исторический вестник*. 45 (1891). С. 21–49, 263–306.

² Об этом подробнее см.: *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976.

активное участие офицер русской армии Георгий Папазолис. В феврале 1770 г. русский флот через Гибралтар вошел в Средиземное море и направился к берегам Мани. Вид русских кораблей послужил толчком к восстанию маниатов, которые совместно с русским десантом образовали два экспедиционных отряда¹.

Первый двинулся вглубь Пелопоннеса и взял крепость Мистра, где было образовано местное правительство. Второй больше держался побережья: была взята Каламата, а затем этот отряд двинулся на север вплоть до Кипариссии. Но эти успехи быстро сменились поражениями. Маниаты вели себя очень жестоко с мусульманским населением и это вынуждало турок стоять до последнего. Кроме того, в лагере повстанцев вскоре начались разногласия. Продвижение повстанцев вглубь Пелопоннеса было остановлено турками у Триполи. После этого братья Орловы (по имени которых все восстание получило название Орловского) попытались отвести повстанческие отряды в Наварин и там реорганизовать их. Наварин должен был стать морской базой для русского флота. Но недисциплинированность греков и их постоянные конфликты с русскими вынудили Орловых отозвать войска с Пелопоннеса. Помимо Пелопоннеса повстанческие движения вспыхнули и в других частях Греции — Центральной Греции, на Крите, в Фессалии, Македонии.

И все же движение на Пелопоннесе было самым крупномасштабным и организованным. Однако после ухода русских войск оно постепенно пошло на спад, а Пелопоннес стал местом проведения турецкой карательной экспедиции, опустошившей многие районы. В ней принимали активное участие албанские наемники, которые уничтожали местное греческое население, чтобы самим переселиться на его место. Действительно, после Орловского восстания на Пелопоннес и прилегающие острова двинулась новая волна албанских поселенцев. Албанские вооруженные отряды терроризировали полуостров до 1779 г., причем их жертвами становились не только греки, но и турки. В связи с этим местное население неоднократно обращалось к султану, прося избавить себя от этой напасти. Только в 1779 г. была организована морская экспедиция из Константинополя, положившая конец албанскому разбою на Пелопоннесе.

Но отзыв русских войск с Пелопоннеса не означал окончания военных действий в Средиземном море. Русская эскадра посетила многие острова Эгейды, где местное население встречало ее как освободительницу. В том же 1770 г. Алексей Орлов, желая компенсировать неудачу на Пелопоннесе, лицом к лицу встретился в Чесменской бухте с турецким флотом, который был практически уничтожен. Это была крупнейшая морская победа христиан над турками после битвы при Лепанто. После Чесмы русский флот стал полным хозяином в Средиземном море вплоть до конца войны². Однако, как и на Пелопоннесе, для греков Малой Азии чесменская битва обернулась катастрофой: в отместку турки устроили массовые погромы в Смирне и других городах³.

Русско-турецкая война завершилась Кючук-Кайнарджийским миром, увенчавшим серьезной дипломатической победой успеха русского оружия. Согласно этому договору Россия наконец-то приобретала выход к Черному морю, ряд торговых привилегий

¹ См.: Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 34.

² См.: Там же. Криницкий Ф. С. Чесменская победа. М., 1958.

³ См.: Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 55.

и свободу мореплавания по турецким морям. Кроме того, ряд статей договора содержали положения, выгодные не только России, но и ее реальным и потенциальным союзникам из числа подвластных Турции народов. Молдавии и Валахии возвращалась автономия. Предоставлялась независимость Крымскому ханству. Русские дипломаты добились также амнистии для всех участников войны, поддержавших Россию, и, наконец, Россия получила право покровительства христианским народам Османской империи¹.

После 1774 г. Россия относилась к грекам чрезвычайно благосклонно. Греческие купцы получили право плавать под российским флагом, многие греки, приехавшие в Россию, получили русское гражданство. В греческих поселениях на территории Российской империи открывались греческие учебные заведения, а греки имели равные с русскими возможности продвижения по государственной службе. После 1774 г., спасаясь от мести турок, многие участники восстаний в Греции вынуждены были эмигрировать в Австрию, Венгрию и Россию. Императрица Екатерина активно поощряла иммиграцию греков и им выделялись для поселения земли в Причерноморье и Приазовье, где они должны были, помимо сельскохозяйственного труда, взять на себя функции по охране границ². В 1783 г. Россия, в нарушение договора 1774 г., присоединила Крым, куда также направились греческие поселенцы.

В 1787 г. императрица лично посетила отвоеванные у Турции земли, которые находились под управлением князя Григория Потемкина-Таврического. В это путешествие она пригласила также австрийского императора Иосифа II. В связи с этой встречей у европейских держав, не желавших усиления России, и у Порты возникли подозрения, что Россия и Австрия договариваются о разделе Османской империи, освобождении греков и восстановлении Византии с внуком Екатерины Константином на Константинопольском престоле. Исследования в связи с т. н. греческим проектом Екатерины показали, что эти опасения были не беспочвенны³. Чтобы предотвратить такое развитие событий, Англия и Франция всеми силами подталкивали Османскую империю и Швецию к войне с Россией. В результате в 1787 г. первая, а в 1788 г. вторая объявили России войну.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. военные действия велись преимущественно в Дунайских княжествах. На море русский флот проводил боевые операции в Черном море, а в Средиземном действовали по преимуществу греческие пиратские эскадры, получающие помощь от России. Самой известной была эскадра Ламброса Кацониса, греческого офицера на русской службе. Что касается греков на суше, то в этой войне им было выступить гораздо труднее. С одной стороны, отзыв русских войск и подавление орловского восстания вселили недоверие и разочарование в поддержке России. С другой стороны, Порта приняла жесткие меры по усмирению греков, опираясь на отряды албанских беев. Но опора на албанцев обернулась палкой о двух концах: албанские беи сами начали сепаратистские движения, жертвами которых становились не только греки, но и турки.

¹ См.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.

² Подробнее см.: Пятигорский Г. М. Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII–первой трети XIX в. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 46–50.

³ См.: Маркова О. В. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986. С. 5–46.

Заключение Ясского мира с Россией развязало Порте руки для подавления албанских движений в Эпире и Македонии. Но некоторые из них успели зайти уже далеко. Так, Янинский паша Али Тепелена уже имел довольно прочные позиции местного лидера. Он воспользовался заключением мира с Россией, чтобы нанести удар по горной области Сули (1792). Но в этот раз войска Али паши были вынуждены с позором отступить.

Хотя в эпоху завоеваний греки почти не получили от европейских государств помощи в борьбе с османской угрозой, их положение в пограничных провинциях Османской империи и ее соседей далеко не всегда было стабильным. Греческое население, его земли и имущество страдали во время войн империи с европейцами. Последние пытались использовать греков в качестве пятой колонны, что приносило тем новые неприятности. XVIII столетие стало переломным в этом отношении. В это время не только начался упадок империи, на внешнеполитической арене появились новые игроки. Важнейшим из них стала Россия, стремительный взлет которой вселил в греков новые надежды на освобождение от власти султана с помощью другого государства.

Успехи русского оружия и русской дипломатии имели для греков в целом положительные последствия. Несмотря на карательные экспедиции, следовавшие за успехами русских и их друзей среди греков, России удалось добиться улучшения положения христианских подданных Османской империи, что немало способствовало экономическому процветанию и духовному возрождению греческой нации.

В Республике Св. Марка

Венецианское владычество также наложило отпечаток на судьбу греков. В современной греческой историографии принято начинать историю венецианских завоеваний с IV крестового похода (1202–1204), но более правомерно выделить в отдельные исторические периоды латинократию и венетократию. Собственно венецианские завоевания на греческих территориях начинаются со второй половины XIV в.: в 1383 г. Венеция захватила остров Китуру (Чериго), а в 1386 г. — стратегически важный остров Корфу (Керкира), ключ к Адриатике. На протяжении XV–XVIII вв. Венеция вела многочисленные войны с турками за византийское наследство, некоторые области не раз переходили из рук в руки. К 1797 г., когда венецианская республика прекратила свое существование, ей принадлежали все Ионические острова и несколько крепостей на побережье Греции — Парга, Превеза и Вонича. Любопытное наблюдение по поводу венецианско-турецкого соперничества сделал Ф. Бродель: торговля, составлявшая источник благосостояния Венеции, была в то же время жизненной необходимостью для Османской империи. Таким образом, Венеция и Турция представляли собой «классический случай взаимодополняющих друг друга врагов — все их разделяло, но материальный интерес заставлял жить вместе, и все больше и больше, по мере того как распространялось Османское завоевание»¹. В этой системе исключалась возможность самостоятельного существования для покоренных народов, в том числе и греков.

Дольше всех во власти венецианцев пребывали три региона — Кипр, Крит и Ионические острова. Кипр Венеции удалось приобрести с помощью дипломатии. Последний кипрский король из династии Лузиньянов был женат на итальянке Екатерине Корнаро. После смерти мужа она некоторое время правила сама, но уже

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 135.

ориентируясь на Венецию, а в 1489 г. отреклась от престола в пользу венецианской республики.

В плане социально-экономического устройства венецианцы не принесли на остров ничего нового. Прежние феодальные отношения остались в силе. А вот в системе государственного управления произошли некоторые изменения в сторону его централизации. Часть тех полномочий, которые прежде принадлежали местным властям, теперь были переданы метрополии. Управление стало также носить более бюрократический характер, что вело к усилению контроля государства над подданными. Венецианские чиновники вели тщательный учет всему, что происходило в государстве. Поэтому именно благодаря венецианским архивам мы имеем важные сведения о состоянии греческих владений республики. Если о греческих областях в составе Османской империи за XV–XVII вв. очень мало данных, то о венецианских владениях известно гораздо больше¹.

Верховная гражданская и военная власть на острове находилась в руках наместника (*locotenente*). Он избирался на два года из числа венецианской знати с правом переизбрания. Свою власть он осуществлял при помощи двух советников (*consiglieri*), также из числа венецианцев. Все вместе они составляли Директорию (*Regimento*), местом пребывания которой была Левкосия. Параллельно с этим органом существовала должность капитана Аммохоста (*capitano di Famagusta*), который обладал административными и судебными полномочиями в округе Аммохоста, а также в мирное время был главнокомандующим всеми вооруженными силами на острове. В случае войны или чрезвычайной ситуации Венеция назначала специального командующего войсками (*provveditor general*). Существовали также выборные специальные чиновники, занимавшиеся управлением государственными финансами².

Наряду с этими высшими органами управления, представлявшими на острове венецианскую власть, сохранились и некоторые органы эпохи Лузиньянов. Например, в Левкосии сохранился Большой Совет (бывший *Haute Cour* — Верхний парламент, при Лузиньянах имевший законодательные и судебные полномочия), в котором могли участвовать все дворяне, в том числе греческого происхождения, начиная с 25 лет. Однако теперь этот орган фактически не имел реальной власти, за исключением некоторых второстепенных судебных функций и представления кандидатур для назначения на некоторые административные должности.

В административном отношении остров делился на 12 округов, важнейшие из которых управлялись капитанами или кастелянами, а остальные — дживитанами или баилами. Единой системы их назначения не было: некоторые назначались из Венеции, другие — капитаном Аммохоста, остальные Большим Советом. Все они были местными по происхождению. 12 округов подчинялись двум виконтам (*visconte*) — главам административного управления в Левкосии и Аммохосте. Виконты избирались из местных дворян и председательствовали в Нижнем парламенте (*Cour des bourgeois*). Нижний парламент был органом местного городского самоуправления, одновременно исполнял функции судебного органа для недворян. Надо отметить, что власть этих органов распространялась только на греков и венецианцев. Национальные меньшинства, к числу которых принадлежали копты, марониты, армяне и др., имели специальных судей, осуществлявших свои функции с учетом их национальных традиций.

¹ Одним из наиболее полных исследований по истории Кипра под властью венецианцев и османов является труд Дж. Хилла: *Hill G. A History of Cyprus. Vol. 1–4. Cambridge, 1940–1952.*

² См.: *Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985.*

Правовая система, действовавшая на Кипре в эпоху венецианского владычества, была унаследована от Лузиньянов. Это был свод законов, составленный французскими правителями на Ближнем Востоке, и поэтому он долгое время существовал на французском языке, но поскольку к началу XVI в. французский совсем вышел из употребления на острове, то в 1530-е гг. он был переведен на итальянский¹.

Сам факт выхода из употребления французского языка означал, что венецианцам удалось решить одну из основных проблем, с которой они столкнулись при получении острова в свою власть. Речь идет об итализации правящего класса, который во второй половине XV в. был по преимуществу французским. Меры, которые были приняты, не отличались оригинальностью. Так, в свое время Лузиньяны теми же средствами добились замены византийского дворянства французским. С этой целью создавались благоприятные условия для переселения на остров дворянских семей из Венеции и ее владений. Переселенцам предоставлялись земельные пожалования и различные привилегии. Но, тем не менее, венецианское дворянство осталось равнодушным к призыву переселяться на остров, дальнейшая судьба которого была весьма сомнительной.

Настоящее заселение венецианцами Кипра началось только тогда, когда появились стимулы для переселения представителей других социальных групп. Так, например, был принят указ о том, что любой венецианский подданный, перебравшийся на остров, получает право приобрести дворянское достоинство при соблюдении двух условий: необходимо было пять лет прожить на острове и в это время не заниматься физическим трудом. Многие представители венецианского купечества получили таким образом уникальный шанс пробиться в дворяне и воспользовались им. В конце венецианского владычества уже не менее 125 дворянских семей венецианского происхождения имели своих представителей в Большом Совете². Надо отметить, что правящий класс, как и при французах, не стал исключительно иностранным. Греческая знать сохранила свои права. Однако еще в эпоху Лузиньянов начался процесс ассимиляции греков французами. Теперь в него включились и венецианцы. Образовались смешанные семьи, которые впоследствии либо полностью романизировались, либо, напротив, вернулись к греческим корням. После захвата острова турками большинство первых уехали в Европу, а вторые окончательно эллинизировались³.

Основную массу населения острова (более 80 %) составляли греческие крестьяне. Они делились на две категории — парики (зависимые крестьяне) и свободные земледельцы. Парики были обязаны отрабатывать барщину 2–3 дня в неделю на полях частных владельцев (за это они получали некоторую плату), а также платить им натуральный оброк, который иногда достигал 40 % урожая. На них также налагался денежный оброк. Все эти обязательства, а также частые природные катаклизмы (засухи, нашествия саранчи) ставили париков в довольно тяжелое положение. Гораздо менее обремененными были свободные земледельцы. Они также были обязаны нести трудовую повинность, но в пользу государства. 10 дней в году они работали, как правило, на строительстве оборонительных сооружений. Кроме того, они должны были выплачивать натуральный оброк хозяевам деревень, в чьих владениях находилась их земля. Но этот налог не превышал 25 % урожая⁴.

¹ См.: Fasoli G. *La storia di Venezia*. Bologna, 1958.

² Там же.

³ См.: Kyrris C. *History of Cyprus*. Nicosia, 1985; Fasoli G. *La storia di Venezia*. Bologna, 1958.

⁴ См.: Kyrris C. *History of Cyprus*. Nicosia, 1985.

Что же касается культурной жизни Кипра в эпоху венецианского владычества, то она находилась в намного более жалком состоянии, чем при Лузиньянах. Если при французах на острове расцвел, например, готический стиль в архитектуре, то итальянское Возрождение, которое совпало с пребыванием на острове венецианцев, никак не сказалось на его культуре. Венецианцы рассматривали Кипр как базу для своей восточной торговли, поэтому строили они только оборонительные сооружения. Греческая образованность, к которой терпимо относились Лузиньяны, при венецианцах пришла в полный упадок. Венецианские власти закрывали греческие школы или переводили их в число итальянских. Например, основанная в середине XVI в. просветителем Иаковом Диассориносом греческая школа в Левкосии была почти сразу же закрыта. Между тем, в Османской империи не известно ни одного случая закрытия турками греческих школ. Поэтому период венецианского владычества на Кипре — это период почти полного упадка греческой культурной традиции, которая могла сохраняться только одним способом — через Церковь и деятельность просветителей-добровольцев¹.

Греков, разумеется, такое положение вещей не радовало, однако упадок образованности и постепенная романизация правящего класса вели к тому, что серьезных освободительных движений организовано не было — просто потому, что не было вождей. Но однажды вождь все-таки нашелся. Им стал выходец с Родоса просветитель Иаков Диассоринос. После закрытия венецианцами его школы в Левкосии он удалился во внутренние районы страны, где стал готовить вооруженное движение. Под его знамена собралось около 2 тыс. чел. во главе с командиром по имени Мегадукас. Движение Диассориноса имело целью свержение на острове венецианской власти и установление его собственной при поддержке некоторых европейских государей (Франция). За дипломатической поддержкой Диассоринос обратился к султану, но тот выдал его планы венецианским властям и все движение было жестоко подавлено². Это было единственное по сути национально-освободительное движение греков на острове в период венецианского владычества.

В связи с тем, что унаследованный ими остров при поздних Лузиньянах стал данником египетских султанов, для венецианцев в конце XV—начале XVI в. имели большое значение отношения с Египтом. Поэтому первое, чего добились венецианские дипломаты в Каире, было подписание венецианско-египетского договора, по которому венецианцы соглашались выплачивать мамелюкам ежегодную дань, в обмен на это признавали их права на остров. Таким образом, приобретение Венецией Кипра получило международное признание. Но это не означало, что отношения с мамелюками были гладкими. Отношения между ними и Венецией постоянно были накалены и неоднократно приводили стороны на грань военного конфликта, потому что венецианцы стремились порвать вассальные отношения острова с Египтом. Султаны же, в свою очередь, рассматривали его как сферу исключительно своих интересов. Соперничество двух государств из-за острова просто не успело вылиться в открытую войну в связи с тем, что ширящаяся экспансия османов привела к распаду мамелюкского государства в 1517 г.

Что касается европейских держав, то они не пришли в восторг, узнав о приобретении венецианцами Кипра. Против Венеции образовалась коалиция Испании,

¹ См.: *Finley G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time*, B. C. 146 to A. D. 1864. Vol. V Greece under Ottoman and Venetian Domination, A. D. 1453–1821. Oxford, 1857.

² См.: *Vaughan D. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances, 1350–1700*. Liverpool, 1954.

Франции и папы. Их войска должны были двинуться на Восток в рамках нового крестового похода, назначенного на 1510 г., в котором Кипр должен был бы стать опорным пунктом крестоносцев. За этими действиями стояли также и личные интересы испанского короля Фердинанда II, намеревавшегося посадить на кипрском престоле отпрыска династии Лузиньянов с тем, чтобы подчинить остров своему влиянию. Оказавшиеся перед необходимостью противостоять коалиции, венецианцы обратились за помощью к мамелюкам и османам, но опасность счастливо миновала сама собой: крестовый поход так и не осуществился¹.

Важнейшим направлением венецианской внешней политики в связи с Кипром было отражение османской угрозы острову. Несмотря на то, что к началу XVI в. уже почти весь Ближний Восток был в руках турок, завоевание островов в целом происходило позже, чем захват территорий на материке. Это понятно: для османов традиционным было ведение военных действий на суше. Как мы помним, лишь Мехмед II построил турецкий флот, который по боевым качествам значительно уступал европейским. Но со временем турки все более активно участвовали в морских операциях, совершенствовалось их военно-морское искусство. Это происходило в основном за счет того, что экипажи кораблей набирались преимущественно из греков, а турки занимали лишь командные посты во флоте².

До тех пор, пока Египет не перешел во власть османов, султаны не делали попыток овладеть островом. Перед ними в тот период стояли более важные задачи в плане завоеваний на суше, и поэтому сохранение хороших отношений с Венецией избавляло их от опасности войны на два фронта. В 1503 г. Баязид II заключил с Венецией договор, согласно которому он признавал власть венецианцев над Кипром в обмен на нейтралитет. Тем не менее, уже в этот период турецкие пираты неоднократно нападали на остров при молчаливом одобрении Порты. Ситуация изменилась после захвата турками Египта в 1517 г. Теперь османы чувствовали себя хозяевами региона и угроза Кипру, а также Родосу (владение иоаннитов) стала реальностью. Османы не могли мириться с тем, что эти острова могли быть использованы христианами как опорные пункты в войне против Порты. В том же году венецианско-османский договор был обновлен. Однако на этот раз во время переговоров обсуждались преимущественно экономические вопросы (политические венецианские дипломаты просто не решились поставить, опасаясь, что на обратном пути из Египта турецкий флот захватит какой-нибудь порт на Кипре). Так что экономические привилегии венецианцев были подтверждены, но в отношении политических вопросов руки султана были развязаны³.

Уже в 1520 г. Селим I начал готовиться к морскому походу на остров, но передумал. Для Венеции становилась очевидной неизбежность военного конфликта с турками из-за Кипра и других островов. Эти опасения подтвердил захват Родоса турками в 1522 г. С этого времени венецианцы уже не полагались только на дипломатию, но прилагали серьезные усилия к повышению обороноспособности острова. Однако, как показали дальнейшие события, этих усилий оказалось недостаточно. Тем более, что венецианцы ошибочно сделали ставку на укрепление двух важнейших городов, Левкосии и Аммохоста. Укрепления прочих городов к тому времени

¹ См.: *Vaughan D. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances, 1350–1700. Liverpool, 1954.*

² См.: *Anderson R. C. Naval Wars in the Levant, 1559–1853. Princeton, 1952.*

³ См.: *Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985.*

значительно устарели¹. Тем временем между венецианцами и турками все чаще происходили мелкие вооруженные конфликты, которые могли бы дать повод к большой войне. Первым серьезным ударом турок по Кипру стал захват и разрушение крепости Лемесос в 1539 г.²

Начиная с 1540-х гг. турки прямо поставили своей целью захват острова. Во-первых, к этому времени была завершена их программа завоеваний в Азии. Во-вторых, венецианцы так и не смогли избавиться от необходимости выплачивать дань за остров, право взимания которой после падения Египта перешло к османам. В-третьих, сами дипломатические усилия венецианцев, которые добивались своего взятками и подкупом, могли лишь отсрочить, но не предотвратить захват острова турками. Наконец, дискриминационное в экономическом и религиозном отношении положение греков на острове не делало их рьяными защитниками венецианского режима. Все эти факторы способствовали переходу острова в руки турок в 1571 г.

Во многих чертах политическое, социально-экономическое и культурное развитие Кипра было сходно с развитием других греческих областей под властью Османской империи. Но имелись и свои особенности.

Не имея возможности создать самостоятельное государство, кипрские греки связывали с установлением османской власти надежды на улучшение социально-экономического положения. И действительно, на первых порах эти ожидания оказались оправданными. Переход острова под власть турок привел к важному изменению в социальном статусе греческих крестьян, составлявших в то время более 80 % населения острова. Турки упразднили сохранявшееся при венецианцах крепостное право. Крестьяне стали лично свободными и получили возможность за выкуп стать хозяевами своих земельных наделов. Это способствовало повышению благосостояния кипрских крестьян³.

Но, решив одну проблему, турки создали другие. Важнейшие среди них — налоговый гнет и религиозная дискриминация. Формально на Кипре была установлена такая же налоговая система, как и в других частях империи. Мусульмане налогов не платили, а в тех случаях, когда платили — то в два раза меньше христиан. На это накладывался еще и произвол местных властей. Налоги отдавались на откуп, а откупщики стремились выжать из населения все, что можно. Султаны неоднократно направляли наместнику острова указания править более справедливо, но ситуация от этого не менялась. На Кипр также был наложен девширме.

Что касается Церкви, то первоначально позиция турок по отношению к Православной Церкви была весьма терпимой. Дело в том, что католическая Церковь не нравилась им больше, поскольку Порты опасалась, что католическая Церковь станет своего рода мостом между Кипром и Западной Европой, а наличие на острове католического населения подаст европейцам повод искать путей его отвоевания. Тем не менее, христианские погромы на острове не были редкостью⁴.

На такую ситуацию греки реагировали двояко. С одной стороны, на Кипре, как в некоторых других греческих областях, началась массовая исламизация, причем в ислам

¹ О состоянии острова в то время см.: Χασιώτης Ι. Ισπανικά έγγραφα της κυπριακής ιστορίας (ιστ'—ιζ' αι.). Τ. 1–3. Λευκωσία, 1972.

² См.: Άμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνα μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.

³ Подробнее см.: Inalcik H. Ottoman Policy and Administration in Cyprus after the Conquest. Ankara, 1969.

⁴ См.: Παπαδόπουλος Χ. Η εκκλησία της Κύπρου επί Τουρκοκρατίας (1571–1878). Αθήνα, 1929.

переходили и оставшиеся на острове католики. Получило распространение явление криптохристианства. На Кипре криптохристиан называли *λινόπλάτακοι*. С другой стороны, многие киприоты пытались добиться справедливости вооруженным путем. В период с 1572 г. и до конца Критской войны (1669) на острове произошло 28 восстаний¹. Большинство из них носили не антитурецкий, а скорее социально-экономический характер, поскольку в них принимало участие и турецкое население, недовольное местной администрацией.

В административном отношении Кипр первоначально представлял собой отдельный пашалык (вилайет), управлявшийся наместником. Но обстановка постоянной социальной нестабильности на острове побудила Порту реформировать систему местного управления. Около 1660 г. Кипрский архиепископ получил полномочия гражданской власти, аналогичные тем, которые имел Константинопольский патриарх. В 1670 г. Кипр перестал быть отдельным пашалыком и наряду с другими островами перешел под управление капудан-паши. Фактически управление островом осуществлялось одним из чиновников его аппарата.

В 1703 г. Кипр перешел под непосредственное управление великого визиря. Это означало, что великий визирь назначал на остров наместника, обладавшего военной и гражданской властью. К этому времени коррупция в османском государственном аппарате достигла широких масштабов, поэтому должность наместника получал тот, кто даст наибольшую взятку. Прибыв на остров, вновь назначенный наместник стремился компенсировать свои расходы за счет местных жителей. Тяжелые социально-экономические условия и природные катаклизмы, эпидемии вели к росту потока эмигрантов с острова (еще одна форма реакции киприотов). Таким образом, ситуация фактически вернулась к той, которая была в первый период османского владычества и в других греческих землях². В 1764 г. она даже ухудшилась. Вновь назначенный паша удвоил налоги, чем спровоцировал очередное восстание. Паша и его 18 друзей были убиты греками и турками-киприотами. Принимая во внимание обоснованность их недовольства, было принято решение о денежной компенсации семьям погибших. Платить должны были и турки, и греки, причем последние в два раза больше. Но даже такой расклад не устроил турок-киприотов. Они подняли восстание, которым руководил начальник киринейского гарнизона Халиль-ага. Как и предыдущие, это восстание было подавлено³.

Несмотря на то, что Кипр не принял участия в революции 1821 г., она сказалась на ситуации на острове. После начала боевых действий в Дунайских княжествах и на Пелопоннесе Порты, опасаясь восстаний, решила принять превентивные меры. Местный паша Кючук Мехмед с ведома султана казнил в Левкосии по обвинению в заговоре почти 500 наиболее видных христиан, в том числе Кипрского архиепископа Киприана. Значительная часть церковных имуществ была конфискована, а христианам было предписано снести верхние этажи своих домов⁴. Это предписание действовало вплоть до конца турецкого владычества над островом. Но по окончании революции 1821 г. Порты несколько успокоилась и архиепископу Панарету в 1830-е гг. удалось даже добиться снижения налогов и разрешения открыть на острове духовную

¹ Подробнее см.: Κρανιδιώτης Ν. Η Κύπρος εις τον αιώνα της ελευθερίας. Αθήνα, 1958; Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985.

² См.: Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985.

³ Там же.

⁴ См.: Ζαννέτος Φ. Η Κύπρος κατά τον αιώνα της παλιγγενεσίας 1821–1930. Αθήνα, 1930.

школу. За время своего 300-летнего владычества над островом турки оставили минимум культурных памятников. Это, прежде всего, несколько архитектурных сооружений, часть из которых была перестроена из более ранних¹.

Начавшиеся в 1840-е гг. реформы Танзимата затронули и Кипр. Права христиан постепенно расширялись. В уездах были созданы совещательные органы, в которые вошли не только турки, но и греки. Но значительная часть провозглашенных султаном реформ саботировалась местной администрацией. Между тем греки все острее чувствовали свою общность с греческим государством и уже в это время стали подумывать о возможном присоединении к нему. В 1854 г. на острове готовилось восстание, которое было предотвращено стараниями Церкви, полагавшей, что оно обречено на провал². В 1878 г. османское владычество неожиданно сменилось британским.

Новый период в истории Кипра начался в 1878 г. благодаря победам русского оружия и мысли Дизраэли о том, что Кипр — это ключ к Западной Азии. Согласно Берлинскому трактату 1878 г., англичане получали остров в аренду, поэтому киприоты формально продолжали оставаться османскими подданными, а английская администрация на острове вела себя лояльно по отношению к Порте. При англичанах система управления островом была изменена, но социально-экономическая ситуация на первом этапе не изменилась³. По данным на 1881 г. население острова состояло на 73 % из греков, 24 % из турок, остальные 3 % составляли армяне, марониты, католики и др.⁴ После перехода острова под власть Англии его турецкое население стало постепенно уменьшаться и к 1960 г. составило 18 %.

Кипр был аннексирован Великобританией в 1914 г. в связи с тем, что Османская империя выступила в войне в качестве союзника Германии. Новый статус острова был закреплен Лозаннским договором 1923 г. Самостоятельное государство на Кипре было провозглашено в 1959 г.

Еще одним значительным владением Венеции был Крит. Этот остров принадлежал Венеции с 1210 г. и первые века венецианского правления ознаменовались серьезными экономическими и политическими притеснениями его греческих жителей. Репрессивную политику венецианцы проводили и в отношении Православной Церкви: православие на острове сохранялось, но епископские кафедры были упразднены. Так что местным жителям приходилось совершать длительные и небезопасные путешествия на Пелопоннес, чтобы принять священнический сан⁵. Но к концу XV в., когда османская экспансия достигла апогея, стала очевидна необходимость сотрудничества с местным населением, поэтому в целом правление было смягчено. Благодаря этому создались условия для подлинного расцвета греческой культуры на острове в поздние века венецианского владычества. В XVI–XVII вв. Крит в венецианской политике связывался с двумя важнейшими проблемами. Во-первых, с необходимостью отражения османской угрозы и сохранения этой важной военной и торговой базы. Во-вторых, попытки реорганизации местной системы управления, будь то в гражданской или военной областях,

¹ См.: Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985.

² См.: Κρανιδιώτης Ν. Η Κύπρος εις τον αγώνα της ελευθερίας. Αθήνα, 1958; Ζαννέτος Φ. Η Κύπρος κατά τον αιώνα της παλιγγενεσίας 1821–1930. Αθήνα, 1930.

³ См.: Alastos D. Cyprus in History. L., 1955.

⁴ Там же.

⁵ См.: Αγγελιδάκης Χ. Η κατάσταση της εκκλησίας της Κρήτης επί ενετοκρατίας (1204–1668) // Θεολογία. 3 (1925). Σ. 330–344.

неизменно наталкивались на нежелание местной знати что-либо менять. И на острове постоянно имели место этнические и социальные конфликты.

Непосредственная османская угроза острову обозначилась уже во второй половине XV в. Турки несколько раз нападали на остров, крупнейшая экспедиция была предпринята в 1471 г., когда была разграблена Ситья и ее окрестности. Серьезный ущерб острову был причинен в 1538 г. во время очередной венецианско-турецкой войны, когда турецкий адмирал (в прошлом пират) Хайреддин Барбаросса взял Суду и осадил Ханья¹. Турки тогда потребовали суверенитета над островом, который ограничивался бы ежегодной данью. Взять Ханья туркам не удалось, тогда они направились к другой крепости — Хандаке (Кандии). Но и здесь их ожидало разочарование. Закончилась эта экспедиция грабежом восточной части побережья (Ситья). Туркам удалось здесь взять несколько укрепленных пунктов, в том числе крепость Иерапетра. Следующая серьезная экспедиция турок на Крит пришлось на время войны со Священной Лигой (1570-е). В 1571 г. турки высадили десант в Суде и сумели захватить Ретимно. Ущерб, причиненный этой части острова, был настолько огромен, что вызвал массовый голод. В 1573 г. последовала еще одна экспедиция в Ханья. С этого времени, до 1645 г., когда началась Критская война, наступило некоторое затишье².

Система управления островом сформировалась в основных чертах еще в первые века венецианского правления. Во главе гражданской власти стоял дука, однако уже в XVI в. его власть ограничивалась только провинцией Хандака, в других провинциях (Ситья, Ханья и Ретимно) гражданскую и военную власть осуществляли ректоры или инспекторы. Военное командование на острове находилось в руках капитана Хандаки (Кандии). В беспокойную область Сфакья был назначен специальный инспектор. В XV–XVII вв. венецианцы стали все активнее сотрудничать с местным населением. За свои заслуги перед государством местные жители могли получить дворянство. Поэтому число дворян критского происхождения постепенно возрастало. Венеция пыталась этому препятствовать, но потребность в сотрудничестве была сильнее. В выборных органах власти дворяне венецианского и греческого происхождения имели практически равные права³.

Однако с течением времени, особенно после возрастания военной угрозы, эта система управления перестала удовлетворять венецианцев, поскольку правители провинций были разобщены и плохо контактировали друг с другом. Для решения этой проблемы в 1568 г. был учрежден институт генерального инспектора, который стал координатором военной и гражданской власти на острове⁴.

Критское общество во многом напоминало кипрское, но имелись все же некоторые отличия. Прежде всего, это касается местного дворянства. Венецианские дворянские семьи переселились на остров еще в XIII в. За несколько столетий произошло их сближение с греческой знатью. Родословные книги еще хранили память об их

¹ См.: Fisher G. *Barbary Legend. War, Trade and Piracy in North Africa, 1415–1830*. Oxford, 1957.

² Άμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνος μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.

³ Подробнее см.: Σπανάκης Σ. *Μνημεία της κρητικής ιστορίας*. Τ. 1. Zuanne Mocenigo: *Relazione* (pres. 1589). Ηράκλειο, 1940.

⁴ Ситуация на острове и деятельность венецианских властей описывается в отчете одного из таких инспекторов Ф. Морозини: Σπανάκης Σ. *Μνημεία της κρητικής ιστορίας*. Τ. 2. Francesco Morosini, *provveditor general et ingegner nel regno: Relazione di Candia 1629*. Ηράκλειο, 1950.

венецианском происхождении, но в культурном отношении они уже сильно эллинизировались, а многие даже перешли на греческий язык и приняли православие. Другое отличие касается существенной разницы в социальном статусе горожан и сельских жителей. Условия жизни крестьян, большинство из которых являлись париками, были довольно тяжелыми. Они несли многочисленные феодальные повинности в пользу сеньоров, а также трудовую и галерную повинность в пользу государства. Тяжелое положение крестьянства толкало его на сотрудничество с турками в надежде на улучшение условий жизни. Бывшее византийское дворянство в сельских районах совсем обнищало и опустилось до уровня свободных земледельцев. Иная ситуация была в городе. Городское население делилось на четыре сословия: *nobili Veneti*, *nobili Cretensi*, *cittadini*, *plebe*. Городские жители были освобождены от феодальных повинностей, а также трудовой и галерной. С них взимался небольшой налог, они также были обязаны нести военную службу и принимать на постой венецианских военных¹.

В экономической жизни Крита в XV–XVI вв. наблюдается подъем. В этот период, в отличие от первых веков венецианского правления, греки также участвовали в торговле, которая имела наибольшие во всех греческих землях обороты. Крит экспортировал зерновые, вина (мальвазия), с XVI в. — оливковое масло. В городах существовали ремесленные корпорации. Расцвету ремесла и торговли на Крите, особенно с конца XVI в., способствовали большие капиталовложения в оборону острова. После потери Кипра венецианцы стали проводить серьезные работы по строительству городских укреплений, поскольку было очевидно, что Крит станет следующей целью султанов. Турецкое завоевание положило конец экономическому процветанию Крита. Торговля зачахла, основной отраслью экономики вновь стало сельское хозяйство.

Особенностью общественной жизни Крита была наибольшая в греческих землях развитость сферы здравоохранения. Венецианские власти заботились о соблюдении гигиены и давали дотации врачам. В четырех крупнейших городах функционировали больницы, которые обслуживались монахами². Структура критского общества и социально-экономические отношения на острове испытали на себе очень большое влияние метрополии. Подобно Венеции и другим европейским государствам, на Крите в XV–XVI вв. наблюдается упадок феодальных порядков. Феодальные владения дробились, дворянство нищало, а крестьяне облагались все новыми налогами³.

Первые социальные и национально-освободительные движения рассматриваемого периода были вдохновлены осадой и падением Константинополя. Антивенецианский заговор был по доносу раскрыт уже в 1453 г. В нем принимали участие представители греческой знати (Георгий Калергис) и духовенства. Реакцией венецианцев стали репрессивные меры в отношении православного духовенства и запрет хиротоний священников на 5 лет. Тем не менее, уже в 1460 г. созрел новый заговор, опять-таки выданный предателями, в числе коих был и некий еврей, выторговавший за предательство ряд привилегий для своих соплеменников. Для предотвращения восстаний греков венецианцы принимали превентивные меры, например, запрещали грекам селиться в определенных районах острова.

¹ См.: Παπαδία-Λάλα Α. Ο θεσμός των αστικών κοινοτήτων στον ελληνικό χώρο κατά την περίοδο της βενετοκρατίας (13ος–18ος αι.). Μια συνθετική προσέγγιση. Βενετία, 2004.

² См.: Παπαδία-Λάλα Α. Ευαγή και νοσοκομειακά ιδρύματα στη βενετοκρατούμενη Κρήτη. Βενετία, 1996.

³ См.: Berengo M. La società veneta alla fine del Settecento. Firenze, 1956.

Серьезной угрозой для венецианской власти стало восстание под руководством Георгия Канданолеоса по прозвищу Лисойоргис (Бешеный). Брожение среди местного населения в районе Ханья началось еще в 1523 г. и было вызвано социально-экономическими притеснениями. Принятые венецианцами меры не принесли результата. В 1527 г. восстание приняло наибольшие масштабы, и венецианцы выслали на его подавление отряд в 1,5 тыс. чел. В результате подавления восстания было убито не менее 700 чел., восставшие деревни срыты, а оставшиеся в живых жители переселены на Кипр¹.

Постоянные проблемы венецианцам создавал горный район Сфакья, природные условия которого способствовали действиям повстанцев. Венецианцы разными способами пытались навести там порядок, тем более, что деятельность сфакиотов нарушала спокойствие в соседних провинциях Ханья и Ретимно. Наибольшей жестокостью в отношении сфакиотов прославился Марино Кавалли, который в 1571 г. провел этническую чистку в местных деревнях, не пощадив даже младенцев².

Еще одним долговременным владением Венеции были Ионические острова, которые именно в этот период своей истории обрели не только географическую, но и социально-политическую общность. Прежде чем попасть в руки венецианцев, Ионические острова находились под властью различных итальянских династий. Некоторые острова венецианцы приобрели дипломатическим путем, «унаследовав» их от законных владельцев, другие стали военными трофеями. Китира была под венецианским контролем фактически уже с 1364 г., в 1386 г. под власть Венеции добровольно перешла Керкира. В результате войн с Турцией были приобретены Закинф (1485), Кефалонья (1500) и Итака (1503). Последним приобретением была Левкада (1699). Этот остров — единственный в архипелаге, который пережил более чем двухсотлетнее владычество турок (1479–1684).

К тому времени, когда острова переходили под власть Венеции, они были разорены многочисленными турецкими набегами и в венецианских документах даже характеризовались как *disabitati*. Поэтому первой заботой венецианцев было их заселение. Там создавались благоприятные условия для поселения греческих солдат на итальянской службе (*stradioti*), а также охотно принимались беженцы из других занятых турками районов и островов³. Переселявшиеся на острова наемники получали в вечное пользование земельные наделы (но продать их было нельзя), а также на 14 лет освобождение от всех налогов. По истечении этого срока они платили только десятину.

Особенно сильное влияние на складывание ионического общества оказала первая миграционная волна, связанная, в первую очередь, с потерей Венецией своих владений на Пелопоннесе и в Эпире в конце XV–начале XVI в. Но в этот период на острова прибыли не только греки, но также албанцы и итальянцы (последние искали спасение от гражданских войн). Таким образом, в Ионическом архипелаге сформировалось своеобразное синкретическое общество, на которое оказало влияние и венецианское правление. Каждая группа переселенцев приносила с собой собственный диалект, привычки и обычаи. Например, маниаты принесли с собой обычай кровной мести. Но если первая волна иммигрантов сама творила ионическое общество, то вторая, связанная с захватом турками Крита в середине XVII в., нашла

¹ См.: Zorzi A. *La Repubblica del Leone. Storia di Venezia*. Milano, 2001.

² Там же.

³ См.: Costantini M. *Il ruolo delle Isole Ionie nel sistema marittimo veneziano del medioevo // Venezia e le isole Ionie*. Venezia, 2005. P. 141–163.

его уже сформированным и вынуждена была приспосабливаться. И все же новым переселенцам удалось добиться участия во власти. Жесткие границы господствующего сословия были сломаны, чтобы обеспечить вновь прибывшим доступ к должностям. Таким образом, социальная структура островов стала более подвижной. Приток населения на острова постоянно продолжался, однако население их возрастало ограниченно, поскольку значительные людские потери приносили эпидемии, землетрясения и пираты¹.

Социальная структура ионического общества делилась на три сословия — *nobili, civili (cittadini), popolo (plebe)*². Для того чтобы быть записанным в каждое из них, особенно в высшее, кандидат должен был соответствовать целому списку требований. Так, это должен был быть законный ребенок нобиля (дворянина), он должен был представить доказательства того, что ни он сам, ни его отец, ни его дед не занимались физическим трудом. Кроме того, нобили должны были владеть собственным домом в городе. Еще более жесткими были требования для иммигрантов: для них устанавливался десятилетний ценз оседлости, необходимо было также представить доказательства своего дворянского происхождения. Однако, несмотря на все эти ограничения, некоторым богатым буржуа удалось проникнуть в дворянское сословие либо за деньги, либо за заслуги перед государством. Это породило многочисленные конфликты и тяжбы, поэтому, чтобы предотвратить незаконное проникновение в дворянское сословие, были составлены «золотые книги» (*Libri d' Oro*) — генеалогические книги местного дворянства. Таким образом, в отличие от Крита, количество дворянских семей на Ионических островах было ограничено. Единственным островом, где доступ в дворянство оставался открытым, была Кефалонья. На Ионических островах раньше, чем в других греческих землях, оформился новый социальный слой, буржуазия, который стал осознавать свои интересы и вступил в борьбу за власть с нобилем. Первая победа была одержана на Закинфе: в 1683 г. местная буржуазия была допущена к участию в управлении. Весь остальной народ составлял низшее сословие (*popolo basso*). В связи с тем, что греческая знать фактически слилась с венецианской, народные восстания против завоевателей одновременно были направлены и против греческих нобилей (крупнейшие — в 1628 г. на Закинфе и в 1640 г. на Керкире). В то же время, поскольку наиболее влиятельные семейства нобилей, контролировавшие обширные районы, постоянно соперничали друг с другом, крестьяне часто выступали на стороне своих покровителей, что приводило к настоящим междоусобным войнам. Так, на Кефалоньи конфликтовали семейства Аннинов и Метаксасов.

Что касается системы административного управления, то она не была единой и даже единообразной на всех островах. Это объяснялось как местными традициями, так и характером пришлого населения и, наконец, способом приобретения островов Венецией. Система управления на Керкире основывалась на кодифицированном праве довенецианской эпохи и предоставляла большую власть местной аристократии³.

¹ См.: Berengo M. *La società veneta alla fine del Settecento*. Firenze, 1956.

² См.: Станиславская А. М. Россия и Греция в к. XVIII — нач. XIX в. Политика России на Ионических островах. 1798–1807 гг. М., 1976. С. 32–36.

³ См.: Κατσαρός Σ. *Ιστορία της νήσου Κέρκυρας*. Κέρκυρα, 1981.

Аристократический режим сложился и на Закинфе¹. Напротив, Кефалонья отличалась тенденцией к демократизации общественно-политической жизни. После присоединения Левкады ей был предоставлен прообраз конституции — «Привилегии общины Св. Мавры». Китира до захвата турками Крита входила в критскую систему управления. Что касается малых островов, то они не имели самостоятельного статуса, а были приписаны к более крупным: Пакси к Керкире, а Итака (*Cefalonia piccola*) к Кефалоньи. В целом венецианцы придерживались двух принципов в управлении островами: с одной стороны, они стремились к максимальной централизации управления, а с другой — признавали за островитянами некоторые права автономии.

На Керкире верховная власть принадлежала баилу и действующему при нем совету. Баил избирался Большим Советом Венеции на два года. Государственными финансами ведал инспектор и капитан, а кастелян следил за состоянием оборонительных сооружений. На Пакси верховная власть осуществлялась наместником инспектора Керкиры. На других островах существовали аналогичные по полномочиям должности инспектора и кастеляна.

Власть баила была ограничена уже в XVI в. в связи с расширением венецианской экспансии. Была учреждена новая должность левантийского генерального инспектора (*provveditor general del Levante*), который возглавлял систему государственного управления на всем архипелаге и других владениях Венеции. В его задачу входило следить за исполнением законов, он принимал петиции от местных жителей и мог издавать предписания во всех сферах государственного управления. По окончании срока полномочий он представлял в Венецию отчет. Власть левантийского генерального инспектора казалась в Венеции слишком большой. Поэтому, чтобы держать его действия под контролем, были учреждены должности левантийских синдиков и инквизиторов (*sindici et inquisitori di Levante*). В их задачу входило следить, не превышает ли генеральный инспектор своей власти и не склонен ли к сепаратистским настроениям².

Но, несмотря на наличие этих институтов центральной власти, местное управление находилось в значительной степени в руках местного дворянства. Все дворяне острова составляли Большой, или Общий, Совет, который избирал Совет Ста Пятидесяти. Совет Ста Пятидесяти избирал местную администрацию (судей, торговых инспекторов и др.), а также консультативный орган *Consulta del Conclave*. Большой Совет также утверждал состав посольств, которые общины направляли в метрополию с петициями. То обстоятельство, что два других сословия были совершенно отстранены от участия в управлении делами островов, периодически становилось почвой для социальных конфликтов. Конфликт между дворянами и буржуа разрешился компромиссом в 1683 г., когда представителям второго сословия было разрешено занять выморочные места в Большом Совете. Но и третье сословие также со временем стало требовать предоставления политических прав, что периодически выражалось в антидворянских восстаниях³.

¹ Подробнее см.: Χιώτης Π. Ιστορία της Επτανήσου και ιδίως της Ζακύνθου από Βενετοκρατίας μέχρι της ελεύσεως των Αγγλων, 1500–1816. Μετά παρατήματος περί των συμπράξεων των Επτανήσιων κατά τον ελληνικόν αγώνα του 1821. Κέρκυρα, 1863.

² Costantini M. Il ruolo delle Isole Ionie nel sistema marittimo veneziano del medioevo // Venezia e le isole Ionie. Venezia, 2005. P. 141–163.

³ Κατσαρός Σ. Ιστορία της νήσου Κέρκυρας. Κέρκυρα, 1981.

Особенностью ионической правовой традиции был ее синкретизм. Венецианцы, придя на острова, нашли там уже сосуществующими две правовые системы — собственно местную, восходящую корнями к византийской и более древним эпохам, а также привнесенную латинскими династиями (Токко, Орсини), владевшими островами с XIII в. Венецианцы упорядочили и кодифицировали уже существующие правовые традиции, добавив к этому свою. Сосуществование такой пестрой правовой системы объясняется очень просто: каждая традиция касалась определенной сферы общественной жизни. Так, довенецианское латинское право касалось по преимуществу земельных отношений и регулировало их с помощью феодального порядка. Оно узаконило деление общества на феодальные сословия, сеньориально-вассальные отношения, а также крепостное право (уже в XV в. Венеция приняла решение о предоставлении парикам личной свободы). Венецианское законодательство было введено в сфере торговли и уголовных и частично гражданских делах. Положение и права католической Церкви регулировались в соответствии с феодальными порядками, а Православная Церковь была лишена земельных владений и ее юрисдикция ограничивалась семейным правом православного населения. В отношении Православной Церкви венецианцы в целом осуществляли спокойную, но стабильно жесткую политику. Как и на Крите, они постарались лишить православных епископата (некоторые епископии все же сохранились), чтобы разорвать связи с Константинополем и упрочить свое господство. Вместо этого развился институт выборных протоиереев, которые обладали почти епископской властью, с той разницей, что не могли рукополагать священников. Тем не менее, большинство населения сохранило православие и даже постепенно ассимилировало католическую общину. В результате католические епископства постепенно стали приходить в упадок. Так, в середине XVII в. на Кефалоньи было всего 580 католиков (из них только 30 местных) и несколько десятков тысяч православных¹.

В области социально-экономических отношений венецианские завоеватели, сила которых основывалась на могуществе венецианской торговли, установили во всех захваченных греческих землях «классическую западноевропейскую феодальную систему»². Экономическая жизнь островов была связана с сельским хозяйством и торговлей³. Керкира экспортировала оливковое масло, Кефалонья и Закинф — изюм. На Закинфе у торговцев изюмом, среди которых были и иностранцы, был даже свой профессиональный праздник⁴. Экспортировалось также вино. Производство зерновых на островах было не очень развито, и они, как правило, импортировались из Эпира и Пелопоннеса. Выгодное географическое положение островов сделало их пунктом транзита всей левантйской торговли, причем не только Венеции, но и других европейских держав — Англии, Франции, Голландии. Однако в сфере торговли Венеция придерживалась протекционистской политики по отношению к собственным

¹ См.: Berengo M. *La società veneta alla fine del Settecento*. Firenze, 1956.

² Ρούσος Π. Βοήθημα νέας ιστορίας της Ελλάδας. Τουρκοκρατία, βενετοκρατία, εθνικοαπελευθερωτικοί αγώνες των Ελλήνων. Π. Α. Ε., 1958. Σ. 59; Clogg R. *Σύντομη ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας*. Αθήνα, 1992. Σ. 57.

³ См.: Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 122.

⁴ См.: Χιώτης Π. *Ιστορία της Επτανήσου και ιδίως της Ζακύνθου από Βενετοκρατίας μέχρι της ελεύσεως των Αγγλων, 1500–1816. Μετά παραρτήματος περί των συμπράξεων των Επτανήσιων κατά τον ελληνικόν αγώνα του 1821*. Κέρκυρα, 1863.

купцам, что не позволило в достаточной степени развиваться местному торговому флоту и купечеству в целом¹. Расцвет ионического флота начался по окончании венецианского правления, когда эти ограничения были сняты. Однако накопление средств на строительство флота шло уже под венецианским флагом. Местные жители не могли снаряжать торговые корабли, зато они успешно занимались пиратством, которое было своеобразной формой накопления капитала. Венецианцы поощряли пиратство среди греков, поскольку оно было направлено против их собственных врагов и конкурентов — турок и французов².

Доходы метрополии с островов состояли преимущественно из налогов (в большей степени косвенных, чем прямых), таможенных пошлин и сборов. Сбор налогов часто поручался откупщикам, которые не брезговали злоупотреблениями. Другую статью доходов составляли государственные монополии на табак, солеварение (крупнейшие солеварни были на Керкире и Левкаде) и др. Наконец, еще одним источником государственных доходов была сдача в аренду государственных земель.

Об обороне островов венецианское правительство заботилось не меньше, а с XVII в. даже больше, чем на Кипре и Крите. Это объясняется исключительно важным географическим положением Ионического архипелага. Он справедливо рассматривался как «ключ к Адриатике», переход его в руки турок нанес бы венецианской торговле смертельный удар. Поэтому на всех островах были возведены крепости и другие укрепления в соответствии с требованиями фортификационного искусства нового времени, а на их строительство были направлены лучшие военные инженеры³.

Как и на Крите, на Ионических островах при венецианцах получила развитие система здравоохранения. На всех крупных островах были сооружены больницы и карантинные лазареты⁴.

Привенецианцах на островах достиг высокого уровня развития нотариат. Нотариусы были объединены в корпорации, регламентировавшие их деятельность. Сельские нотариусы составляли документы только по-гречески, а городские — по-гречески и итальянски. Поскольку после смерти нотариуса все дела, которые он вел, передавались в специальный архив, то к концу венецианского владычества эти архивы превратились в бесценный источник по истории островов. На некоторых островах сохранились нотариальные книги начиная с конца XV в. Существовавшая в тот период система пережила французскую оккупацию (1797–1814) и английский протекторат (1814–1864). Однако включение островов в состав Греции нанесло архивам непоправимый ущерб. Первые полвека греческое государство не проявляло к ним никакого интереса. Архивные здания приходили в запустение, число необходимого для хранения архивов персонала сильно сократилось, у некоторых архивов была изъята часть помещений. Все это вело к тому, что во второй половине XIX–начале XX в. значительная часть архивных материалов погибла. Большое количество архивных материалов было перевезено в Афины, где хранилось

¹ См.: *Ιστορία του Ελληνικού Έθνους*. Τ. 11. Αθήνα, 1975. Σ. 216.

² См.: *Costantini M. Il ruolo delle Isole Ionie nel sistema marittimo veneziano del medioevo // Venezia e le isole Ionie*. Venezia, 2005. P. 141–163.

³ *Costantini M. Il ruolo delle Isole Ionie nel sistema marittimo veneziano del medioevo // Venezia e le isole Ionie*. Venezia, 2005. P. 141–163.

⁴ См.: *Χιώτης Π. Ιστορία της Επτανήσου και ιδίως της Ζακύνθου από Βενετοκρατίας μέχρι της ελεύσεως των Αγγλων, 1500–1816. Μετά παραρτήματος περί των συμπράξεων των Επτανησίων κατά τον ελληνικόν αγώνα του 1821*. Κέρκυρα, 1863.

в подвалах и погибло от наводнений. Но инициатива частных лиц все же спасла часть архивных материалов. Наконец, непоправимый ущерб архиву Закинфа был нанесен сильным землетрясением 1953 г., в результате которого на острове уцелело всего несколько построек¹.

Наиболее заметный след венецианское владычество оставило в культурном развитии греков. Включение большей части греческих земель в состав Османской империи изолировало их от европейской культуры. Поэтому «тот факт, что Ионические острова оставались под управлением венецианцев вплоть до конца XVIII в., открыл грекам окно за Запад, и Ионические острова стали проводникам западных влияний на православный мир, так что в противном случае он был бы в значительной степени обособлен от остальной Европы»². Дети греческих нобилей имели возможность получать образование в венецианских учебных заведениях. Кроме того, по завещанию уроженца Керкиры Фомы Флангигиса в 1662 г. в Венеции был основан греческий учебный центр, который в лучшие времена своего существования давал образование по программе высшей школы. Падуанский университет, свободный от папского контроля, мог беспрепятственно принимать студентов православного вероисповедания. В нем существовали два греческих коллегiums, в которых обучали и общественным, и естественным наукам. Неудивительно поэтому, что из числа венецианских греков вышло много общественных деятелей и интеллигенции: в Италии получили образование И. Каподистрия и К. Метаксас, видными деятелями греческого Просвещения были уроженцы Ионических островов Никифор Феотокис³ и Евгений Вулгарис. Венеция была также крупным центром греческого книгопечатания, каковым она оставалась и на протяжении большей части XIX в.⁴ Значительная часть этих книг попадала на Ионические острова. В своих воспоминаниях Ф. Колокотронис отмечает, что, пока он жил на Пелопоннесе, ему были знакомы только церковные книги (Псалтирь, Октоих и т. д.). «Только когда я попал на Закинф, — пишет Колокотронис, — я нашел “Историю Греции” на народном языке». Там же он прочел и другие светские книги⁵.

Ионические острова в итоге оказались единственным греческим владением, которое Республика Св. Марка сохранила до последних дней своего существования. Причины столь длительного господства венецианцев Н. Зворонос видит в том, что Венеция (в отличие от крестоносцев, например) не вела чрезмерно активной католической пропаганды и не чинила религиозных насилий, а также «сумела приспособить свой механизм управления к местным особенностям»⁶. Венецианцы предоставили греческой знати такие же привилегии, как и итальянской, и тем самым включили ее в состав господствующего класса. Еще одна причина, на наш взгляд, заключалась в геополитическом положении островов: они находились ближе всего к Апеннинскому полуострову, т. е. к непосредственным границам метрополии. Поэтому венецианцы

¹ Подробнее см.: Луκούρη-Λαζάρου Ε. Τα αρχεία στο νεοελληνικό κράτος έως την ίδρυση των Γενικών Αρχείων (1821–1914). Αθήνα, 1991.

² Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Σ. 34.

³ Биография и обзор трудов Феотокиса приводятся в: Феотокис Никифор, архиеп. Благословенным христианам Греции и России. М., 2006.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 275.

⁶ Σβωρώνος Ν. Επισκόπηση της Νεοελληνικής ιστορίας. Σ. Ι. 1992. Σ. 35.

значительно больше позаботились об их обороне, а во время войн предпочитали жертвовать другими территориями.

Сопоставление условий проживания и развития греков в разных областях Венеции приводит к выводу о том, что у венецианского правления в этих землях имелись как общие черты, так и определенные особенности. На Крите, Кипре и Ионических островах греки находились в угнетенном положении как с экономической, так и с политической точки зрения. Населенные греками области Венеция рассматривала по сути дела как свои колонии и соответственным образом относилась к местному населению. Тем не менее, нуждаясь в поддержке греческой элиты, Венеция вынуждена была пойти на предоставление ей определенных льгот, в частности, возможности войти в ряды аристократии путем записи в «золотые книги». Это привело к постепенному уравниванию в правах греческого и венецианского нобилитета. Особенности этого процесса имелись на Крите, который раньше других областей оказался под властью Венеции. Там греческая знать была выделена в особое сословие, первоначально неравное венецианскому. Однако с течением времени различия между ними минимизировались. Самобытная социально-политическая ситуация сложилась на Ионических островах, заселение которых происходило в значительной степени в венецианскую эпоху.

С экономической точки зрения в наиболее тяжелом положении находился Кипр. Объяснение этой ситуации следует искать отчасти в геополитической ситуации: остров находился в зоне активных боевых действий, далеко от европейских государств, в частности, от метрополии, для которой он был отдаленным форпостом. Из этого вытекала и другая причина экономической отсталости острова: Венеция относилась к нему исключительно как к оборонительному рубежу, причем даже на надлежащую оборону острова у нее не хватало средств. Напротив, экономическое процветание других колоний объяснялось не только наличием пользовавшихся спросом отраслей хозяйства, в особенности экспортных. Здесь имела место большая забота метрополии о состоянии местной экономики. В случае с Ионическими островами имели значение также их близость к метрополии и превращение (после утраты Венецией других колоний) в пункт транзитной торговли европейских государств с Востоком.

Во всех колониях власти проводили дискриминационную политику в отношении Православной Церкви. Не поощрялось и развитие греческой культуры: не разрешалось открытие греческих школ, и единственным хранителем письменной культуры была Церковь. Иначе обстояли дела на Крите, который в поздний период венецианского владычества стал подлинным очагом греческой культуры (хотя и испытывавшей влияние венецианской). Причину этого следует искать не только в экономическом подъеме, но и в эллинизации значительной части местной политической и экономической элиты.

Республика Семи Соединенных Островов

В 1797 г. в результате итальянского похода Наполеона Венецианская республика перестала существовать как независимое государство, а ее территории согласно Кампо-Формийскому договору поделили Франция и Австрия. Ионические острова

по настоянию министра иностранных дел Талейрана были присоединены к Франции¹. Местные жители поначалу восприняли французские войска как освободителей, тем более что первые действия французской администрации были действительно направлены на демократизацию общественной жизни: французы урезали права нобилей и допустили буржуазию к участию в управлении. Созданию соответствующего настроения много способствовали и специфически революционные ритуалы: торжественное сожжение «золотых книг», посадка «деревьев Свободы», создание якобинских обществ. Однако непоследовательные действия французской администрации вскоре привели к тому, что греки стали воспринимать французов как оккупантов: вместо ожидаемого предоставления автономии французы ввели на островах военное управление, эксплуатировали местную экономику, попирали религиозные чувства православного населения. Общий враг — Франция — сблизил в это время две такие недружественные державы, как Россия и Османская империя. «Надобно ж вырастить таким уродам, как французы, — писал тогда А. А. Безбородко, — чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть союз наш с Портою и переход флота нашего через канал (Черноморские проливы. — О. П.)»². В это время Порты пошла на сближение с Россией, закрепленное союзным договором 1799 г.³, согласно которому Россия предоставляла туркам эскадру в помощь на Средиземном море. Фактически эскадра Ушакова была у берегов Босфора уже в сентябре 1798 г.⁴ Франция в начале 1799 г. потерпела поражение в Средиземном море: после разгрома французского флота Нельсоном при Абукире (1798) французы капитулировали и на Ионических островах, последний из которых (о. Корфу) был сдан русским морякам в феврале 1799 г. Согласно Константинопольской конвенции 1800 г., Ионические острова получили статус полунезависимой Республики Семи Соединенных Островов под верховным суверенитетом Османской империи. Создание республики имело большое значение для подготовки освобождения Греции. Это было первое греческое государственное образование после 1460-х гг. Несмотря на то, что в него вошли лишь небольшие греческие территории, теперь у греков появилась реальная надежда на обретение независимости. Это был первый опыт создания греческого государства, пусть и не вполне независимого. Уже один этот факт дал мощный толчок росту национального самосознания. Это подтверждается, например, следующим сообщением Колокотрониса. Когда Ионические острова находились под французским управлением, Колокотронису пришла в голову мысль послать Наполеону петицию с просьбой о поддержке, а пока будет ответ, с помощью французской администрации островов поднять восстание в крепостях Пелопоннеса «против тирана Вели паши» (наместник Пелопоннеса) и создать на Закинфе общее турецко-греческое правительство при равном участии представителей обеих наций⁵. То есть речь шла не о борьбе против турок, а о борьбе за автономию Пелопоннеса под верховным суверенитетом

¹ См.: Кудрявцева Е. П. Военно-политические союзы России и Турции в конце XVIII–первой трети XIX столетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 85.

² Цит. по: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 100.

³ Кудрявцева Е. П. Военно-политические союзы России и Турции в конце XVIII–первой трети XIX столетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 87.

⁴ Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 74.

⁵ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 266–267.

Порты, ибо Колокотронис был недоволен произволом наместников. Иными словами, это был план государственного образования по типу Республики Семи Соединенных Островов. Реализации этого плана помешало вторжение англичан. Очень важен был опыт социально-политической борьбы между нобилиями и буржуазией и работы по созданию конституции, окончательный вариант которой был принят в 1803 г.¹

Ионические острова привлекли к себе внимание держав, каждая из которых стремилась включить эти территории в свою сферу влияния. До 1807 г. преобладающим на островах было влияние России, под контролем которой и вырабатывалась конституция. Россия вела весьма лояльную политику по отношению к грекам, стремясь всячески расположить к себе местное население. Уже в составе эскадры Ушакова были офицеры греческой национальности и это поощрялось русским командованием². Сам Александр I рекомендовал русскому полномочному представителю на островах Г. Мочениго предложить правительству Республики услуги русских офицеров для обучения армии. Русским офицерам даже разрешалось остаться на службе у ионического правительства и после вывода основного контингента российских войск³. Колокотронис сообщает, что во время его пребывания на Закинфе там распространялось обращение русского императора, призывавшего греков на русскую службу для борьбы с Наполеоном. Сам Колокотронис отказался вступить в ряды русских войск и заявил, что хочет воевать с турками, а до Наполеона ему нет никакого дела⁴. В это же время некоторые греки обратились к Александру I с просьбой о помощи в борьбе с турками⁵. Возможно, это послужило одной из причин гонения на клефтов Пелопоннеса в 1806 г., во время которого погибли многие родственники Колокотрониса, а сам он едва унес ноги. Турецкие власти прознали, что Колокотронис бежал на Ионические острова, и потребовали его выдачи, но русский полпред, к помощи которого прибегнул Колокотронис, не только не выдал его, но и помог понадежнее скрыться⁶. Русские власти оказывали покровительство также сулиотам, перебравшимся на Ионические острова после поражения в войне с Али пашой, и принимали их на военную службу. В 1805 г. был заключен новый договор между Россией и Османской империей, расширявший права России по защите Ионических островов. В подкрепление русского гарнизона на о. Корфу была отправлена эскадра адмирала Д. Н. Сенявина⁷. Но уже вскоре русско-турецкие отношения вновь испортились: поражение третьей антифранцузской коалиции и усиление позиций Франции привели к сближению Порты с этой державой⁸. В 1806 г. началась новая русско-турецкая война.

Новый баланс сил в Европе был зафиксирован Тильзитским договором между Россией и Францией 1807 г. Согласно секретной статье Тильзитского договора, Ионические острова вновь перешли под правление Франции, что, разумеется,

¹ Подробнее об этом см.: Адмирал Ушаков. Сб. документов. Т. 1–2. М., 1952.

² См.: Станиславская А. М. Ук. соч. С. 92.

³ См.: ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 184.

⁴ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άλαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 247.

⁵ См.: Там же. Σ. 247.

⁶ См.: Там же. Σ. 333.

⁷ Подробнее см.: Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959.

⁸ См.: Кудрявцева Е. П. Военно-политические союзы России и Турции в конце XVIII–первой трети XIX столетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 100.

ослабило позиции России на Балканах. Но одновременно это событие вынудило русское правительство активизировать свою балканскую политику, что, по мнению К. Хадзопулоса, благоприятно отразилось на положении балканских народов¹. Тильзит разрушил и утопические планы ионического правительства о захвате Константинополя с помощью англичан, которых поддерживал Г. Мочениго (англичане, однако, не спешили с этим)².

Франция использовала острова как плацдарм для укрепления своих позиций на Балканах: Наполеон засылал шпионов и в материковую Грецию. Но французы в этом не преуспели, т. к. не смогли надолго обосноваться на островах, однако кое-что все же сделать удалось. Так, восстание крестьян Фессалии под предводительством Евфимия Влахава (1808–1809) исследователи связывают именно с французской политикой в регионе³.

Следующей права на Ионические острова получила Англия. Официально острова отошли под английский протекторат лишь в 1815 г., после окончательного поражения Наполеона, но фактически англичане выбили французов оттуда гораздо раньше. Они быстро переняли русскую практику принимать греков к себе на военную службу, что давало последним возможность совершенствовать свои боевые качества. В английских войсках служил и Колокотронис и за войну с французами получил чин майора⁴. Но после разгрома наполеоновской армии англичане распустили все войска, состоявшие из иностранцев. Колокотронис как майор еще два года числился в штате, но потом уволили и его⁵. Временное зачисление греков на английскую службу было, пожалуй, единственным полезным делом, которое для них сделали англичане.

В целом отношение Англии к греческому национально-освободительному движению в период подготовки революции и на первом ее этапе было резко негативным. Англичане были кровно заинтересованы в сохранении целостности Османской империи, распад которой мог серьезно ослабить их позиции на Востоке (путь в Индию). Не хотелось им также впускать Россию в Средиземное море. Недаром увольнение с английской службы погрузило Колокотрониса в тяжкие раздумья о судьбе Отечества: «Тогда я увидел, — пишет он, — что то, что мы делаем, мы будем делать одни и нет надежды на иностранцев»⁶. Англичане ревностно следили за тем, чтобы национально-освободительные идеи не распространялись на островах. Так, когда властям стало известно, что Колокотронис получил какие-то письма от А. Ипсиланти, им тут же занялась полиция⁷. Представитель знатного греческого рода с о. Кефалонья Константин Метаксас писал о своем брате Марине, что тот был одним из немногих на Кефалоньи, кто знал о существовании «Филики Этерии», и не разглашал этой тайны еще и потому, что боялся преследования властей за то, что он «выступал против протектората Англии, которая, ложно толкуя Парижский договор, предполагала уничтожить политическую независимость Ионических

¹ См.: Хадзопулос К. Греческий корпус под командованием Н. Пангалоса в 1807 г. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 17.

² См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 260–261.

³ См.: Σβώρωνος Ν. Επισκόπηση της Νεοελληνικής ιστορίας. Σ. Ι. 1992. Σ. 61–62.

⁴ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 269.

⁵ См.: Там же. Σ. 274.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Там же.

островов»¹. Похоже, слова Метаксаса недалеки от истины, ибо И. Каподистрия еще в 1811 г. писал, что англичане не прочь прибрать к рукам не только острова, но и «Морею и все побережье»². Поэтому вполне закономерен вывод Д. Дакина о том, что Ионическая республика под протекторатом Англии «не была ни достаточно большой, ни богатой, чтобы стать “Пьемонтом” греческого освобождения и она слишком тщательно контролировалась Великобританией, чтобы сыграть действительно ведущую роль, когда в 1821 г. началась греческая революция»³.

* * *

Итак, по капризу истории часть греческого населения оказалась вне Османской империи, хотя и не имела своего государства. Эти греки попали под власть сильнейшей соперницы османов в Средиземноморье — Венецианской республики. Хотя с течением времени большая часть греческих колоний Венеции перешла во власть султана, пребывание в составе итальянской морской республики имело для греков важные последствия социально-политического, экономического и культурного характера.

Так же как и в Османской империи, в Венецианской республике греки жили на положении покоренного народа. Венецианское государство было христианским и это обстоятельство дает повод думать, что под властью с более близкой верой православному населению жилось легче. Однако это оказалось не совсем так. К вероисповеданию греков католики венецианцы относились не лучше мусульман. Религиозный гнет был одной из характерных черт венецианского правления в греческих землях. Более жесткой, чем в Османской империи, была и политика в отношении греческой культуры: если османы относились к ней скорее равнодушно, то венецианцы — явно враждебно. Единственной венецианской колонией, где греческий язык и культура сумели с течением времени поправить свои позиции, был Крит. Как и в Османской империи, в венецианских владениях имела греческая социальная верхушка. В то время как особенности османской общественно-политической структуры не позволяли ей институционализироваться, сословное устройство венецианского общества дало греческой элите возможность жестко зафиксировать свою принадлежность к аристократии по европейскому образцу.

Близость к Европе обусловила еще одно важное отличие между османскими и венецианскими греками. Османская империя, которая в определенном смысле ощущала себя наследницей Византии — и была ею на самом деле — законсервировала многие традиции греков и приобщила к своим собственным, а таким образом к миру Востока. Напротив, Венеция, при всем настороженном отношении к греческой культуре, открывала своим греческим подданным «окно в Европу», приобщая их к европейской культуре Нового времени. Первые плоды этого процесса обнаружились в годы существования Республики Семи Соединенных Островов — первого греческого государственного образования Нового времени. Государственно-правовое творчество греческой элиты в этом, хотя и недолговечном, государстве дало грекам бесценный опыт государственного строительства и морально подготовило к реализации гораздо более масштабного проекта.

¹ Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. d. Σ. 17.

² Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 382.

³ Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973. P. 34.

ЦЕРКОВЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ

Церковь после Византии: традиции и новации

Судьба Православной Церкви после османского завоевания неотделима от судеб греческого народа и других народов Восточной Европы и Ближнего Востока. Если уже в византийское время Церковь представляла собой один из важнейших социально-политических институтов в государстве, то после утраты греками собственной государственности ее роль в греческом мире еще более возросла. Османы делили своих подданных по религиозному признаку и отождествляли религиозное и государственное начала, поскольку их собственное государство управлялось по религиозным законам. В связи с этим Мехмед II положительно отреагировал на просьбу представителей греческой знати о восстановлении патриархии.

Как мы уже говорили, после принятия унии зимой 1452/1453 г. греки лишились православного церковного руководства. Патриархия была фактически разрушена, а главный патриарший храм — Святая София — еще до турок был осквернен еретиками. Мехмед II восстановил патриаршество и предоставил патриарху, а в его лице всей Православной Церкви, ряд привилегий, в том числе освобождение от налогов. Идеологически это обосновывалось не свободой вероисповедания, а той терпимостью к библейским религиям, которую предписывает мусульманам Коран. Возможно, на решение Мехмеда повлияли не только политические соображения (предоставление христианам некоторой автономии облегчало управление империей), но и его симпатии к христианству. По некоторым сведениям, мать этого султана была христианкой, проданной в гарем. Так что султан мог сохранить некоторое уважение к вере своей матери. Эти настроения Мехмеда пытался развить Геннадий Схоларий, первый Константинопольский патриарх османской эпохи. Но попытки обратить султана в христианство не увенчались успехом.

Поскольку в понимании османов Церковь и государство отождествлялись, Константинопольскому патриарху, кроме власти, предоставляемой церковными канонами (поставлять и низлагать епископов, судить клир и т. д.), турки делегировали полномочия гражданской власти над христианским населением империи: патриарх был этнархом всего Ромейского миллета (Rum millet). Система миллетов складывалась уже в ходе османских завоеваний, распространение самого термина относится к значительно более позднему времени¹. Исследовавший этот процесс П. Конортас полагает, что окончательное оформление понятия Rum, включавшего в себя не только греков, но и другие православные народы, произошло в XVIII в.² Как справедливо полагает другой греческий исследователь, это понятие было сформировано по фанариотской «греческой» модели, т. е. греки попросту «подмяли» под себя остальные народы³. С этнической точки зрения Ромейский миллет включал в себя не только греков, но и другие народы православного вероисповедания — болгар, сербов, албанцев. Но

¹ См.: Braude B. Foundational Myths of the Millet System // Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. N. Y., 1982. P. 69–88.

² См.: Κονόρτας Π. Οθωμανικές θεωρήσεις για το Οικουμενικό Πατριαρχείο. 17^{ος}–αρχές 20^{ου} αιώνα. Αθήνα, 1998. Σ. 299–303.

³ См.: Ματάλας Π. Έθνος και Ορθοδοξία. Οι περιπέτειες μιας σχέσης. Από το «ελλαδικό» στο βουλγαρικό σχίσμα. Ηράκλειο, 2003. Σ. 26.

греки среди них находились в безусловно более выгодном положении: в их руках был высший эшелон церковного управления, греческий язык был языком богослужения и христианской образованности. Христиане безоговорочно подчинялись церковному суду в вопросах брака и наследования. Патриархия была формально независимой от Порты: патриарх выбирался христианами. Рассматривать жалобы на епископов и производить их арест Порты могла только с согласия патриарха. С другой стороны, патриарх был обязан следить за лояльностью своих подопечных по отношению к властям, а за беспорядки отвечал головой¹. Фактически Православная Церковь осталась единственным легитимным христианским институтом, имевшим развитую иерархическую организацию и способным оказывать влияние на умы верующих.

Такой порядок имел для греческой Церкви и отрицательные последствия: участие духовенства в гражданском управлении, а также привлечение турок к решению вопросов внутрицерковного соперничества вели к обмирщению и политизации клира. Во-первых, устранялись препятствия на пути роста имперских притязаний в Константинопольской патриархии, которая постепенно подчинила себе национальные Церкви народов, покоренных турками. Так, после падения Тырновского патриархата все его епархии перешли в ведение Константинопольского патриарха. В 60-е гг. XVIII в. Константинопольский патриарх Самуил подчинил себе оставшиеся еще формально независимыми болгарскую Охридскую и сербскую Печскую архиепископии. Как мы сказали выше, именно тогда оформился Ромейский миллет как единое целое. В негреческих районах активно проводилась эллинизация, внедрялся греческий язык, национальное духовенство заменялось греческим. Все это создавало почву для будущих церковно-национальных конфликтов, таких как затянувшийся на десятилетия греко-болгарский церковный конфликт 1860–1870-х гг. Так что, по меткому замечанию Д. Оболенского, Константинопольскому патриарху в то время гораздо больше подходил древний титул «вселенский», чем в поздневизантийскую эпоху² и — добавим от себя — после образования национальных государств у других балканских народов.

Кроме того, поскольку претендент на патриарший престол при вступлении в должность должен был заплатить пошлину, не имеющую четкой величины, то, помимо интриг фанариотов, участвовавших в выборах патриарха (а избрание проводилось узким кругом лиц, а не поместным собором), все определялось тем, кто больше заплатит. Таким образом, патриарший престол продавался, как на бирже. Симония (продажа церковных должностей) вошла в плоть и кровь греческого клира. Участник революции 1821 г. Фотакос (1798–1878) сообщает, что все духовенство насквозь было пропитано ею, и в продаже церковных должностей участвовали и «неверные турки»³. Столичное духовенство было так поглощено своими личными делами, что Патриархия все более теряла живую связь с церковными структурами на местах, особенно в удаленных от столицы епархиях⁴. Русский богослов Ф. Курганов также пришел к выводу, что главной причиной униженного положения клира, злоупотреблений

¹ См.: Регламентация взаимоотношений Патриархии и Порты подробно описана в: *Scheel F. Die staatsrechtliche Stellung der ökumenischen Kirchenfürsten in den alten Türkei*. Berlin, 1943.

² См.: Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 394.

³ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 45.

⁴ См.: *Runciman S. The Great Church in Captivity*. Cambridge, 1968. P. 223.

и коррупции среди духовенства было «дарование Константинопольскому патриарху гражданской власти, его назначение гражданским главою всех подданных Турции православного вероисповедания и его вассальные отношения к Порте. Сообразно с положением патриарха поставлен и прочий клир греческой Церкви, особенно же высший слой его — митрополиты, архиепископы и епископы. Турецкое правительство освободило его от хараджа (подушной подати) — самого ненавистного для христиан налога — и тем выдвинуло его из ряда презренной райи; оно управляет и угнетает христиан через епископов и вообще поставило духовенство точно в такие же отношения к народу, в каких находятся помещики к своим крестьянам. Оттого клир греческий, преимущественно же высший слой его и ближайший к центру правительства, является более хранителем интересов Порты, чем народа»¹.

Однако, несмотря на полученные привилегии, история Константинопольского патриархата в период османского владычества, особенно в первые два его столетия, это история постоянной борьбы за выживание. Несколько факторов создавали угрозу самому существованию патриархии. Во-первых, это попытки наследников Мехмеда II отнять у Церкви предоставленные ей привилегии и исламизировать ее паству. Такая попытка была предпринята Сулейманом I в 1521 г., когда он захотел обратить в ислам константинопольских христиан. Налоговый иммунитет Церкви был очень быстро ликвидирован, причем этому способствовали сами христиане. В 1466 г. некий иеромонах Симеон сделал султану богатое подношение, чтобы стать патриархом. С этого времени была узаконена выплата пошлины кандидатом на патриарший престол. Соперничество между различными группировками приводило к постоянному росту суммы этой пошлины. Кроме того, в 1474 г. противники Симеона, желая его свергнуть, пообещали султану, что их кандидат будет платить регулярные налоги Порте. С этого времени патриархии пришлось выплачивать ежегодный налог (харадж). Наконец, церковным иерархам приходилось постоянно давать взятки османским чиновникам, чтобы сохранить свои права, попираемые не только турками, но и католическими миссионерами. Регулярные и постоянно возрастающие чрезвычайные налоги и подношения совершенно расстроили финансы патриархии. Чтобы хоть как-то поправить положение, митрополиты и патриархи были вынуждены отправляться на сбор милостыни, в том числе и за границу — в Дунайские княжества и Россию. Значительную часть расходов патриархия перелагала также на епископат, а епископы — на свою паству. Постоянный рост собираемых Церковью налогов подрывал ее престиж в глазах верующих. Доходило до того, что Церковь стала восприниматься не как защитница христиан, а как их угнетательница. Например, английскому путешественнику, посетившему Грецию в 1820 г., крестьяне жаловались, что страдают от трех зол: священников, козабасов и турок (причем именно в таком порядке)².

Во-вторых, симония и внутренние интриги часто приводили на патриарший престол и другие высшие церковные должности не самых способных людей. В управлении делами Церкви, а, следовательно, и всех христианских народов Османской империи важную роль играл не только патриарх. Важную роль играл также синод, особенно его постоянные члены, которыми обычно становились епископы из наиболее

¹ Курганов Ф. Устройство управления в Церкви Королевства Греческого. Казань, 1871. С. 59–60.

² См.: Clogg R. Σύντομη ιστορία της Νεότερης Ελλάδας. Αθήνα, 1992. Σ. 68.

близких к Константинополю областей. У четырех первых по старшинству митрополитов хранились четыре части патриаршей печати. Наконец, функции административного управления в патриархии находились в значительной степени в руках официалов — должностных лиц патриархии, еще в Византии объединенных в иерархическую структуру. Во главе нее с середины XVIII в. стоял Великий Логофет. Большинство этих должностей могли занимать не только представители духовенства, но и светские лица, что обеспечивало им доступ к управлению делами Церкви и христианских народов.

В-третьих, в условиях чужеземной власти более эффективной становилась деятельность западных миссионеров, особенно в период Контрреформации. Им удалось привлечь на свою сторону нескольких патриархов в начале XVII в. Реакцией на эту тенденцию стала деятельность патриарха Кирилла Лукариса (1620–1638), вступившего в контакт с кальвинистами. Подогреваемые иезуитами страсти накалились до того, что привели к убийству Лукариса.

В отношении своих мусульманских владык Церковь в целом придерживалась политической лояльности. За все время мусульманского владычества официальная Православная Церковь на Востоке вообще и в греческих землях в частности никогда не выступала в роли руководителя национально-освободительных движений. Эта позиция имела несколько причин.

Во-первых, еще с византийских времен ревнители Православия намного терпимее относились к мусульманам, чем к католическому Западу, хотя и продолжали надеяться на его помощь вплоть до XVIII в. Об этом свидетельствует количество апологетической литературы: если полемике с исламом в поздневизантийское время было посвящено всего полтора-два десятка сочинений, то антикатолической литературы просто море. Причины недооценки исламской угрозы скорее психологические, нежели политические или религиозные. Чужой ислам воспринимался спокойнее, чем исторически и догматически близкое католичество. Кроме того, византийские греки еще помнили 1204 год. Поэтому, выбирая между католическим Западом и мусульманским Востоком, сторонники православной традиции сделали ставку на второй. Сложившаяся антиномия Восток–Запад была нарушена в XVIII в., когда приобретение православной Россией статуса мировой державы сделало реальным освобождение греков с помощью единоверцев.

Во-вторых, Церковь была поставлена перед выбором: либо полное уничтожение, либо лояльное сосуществование с османской властью. И церковная власть выбрала второе, благо для этого были созданы предпосылки самим османским государством. У самой же Церкви имелось и убедительное обоснование своей позиции: сам Христос отделил Церковь от государства и сказал, что всякая власть — от Бога.

Некоторые изменения в позиции Церкви наметились в связи с распространением в Европе движения Контрреформации, на волне которой христианские государства Средиземноморья (Испания, Венеция, Рим) стали предпринимать попытки привлечь на свою сторону и христианское население Османской империи. Деятельность их агентов и миссионеров не обошла стороной и патриархию: во второй половине XVI–начале XVII в. несколько патриархов были замешаны в антиосманские предприятия. Но это было лишь временное отклонение от основного политического курса, после которого верхушка Церкви вновь вернулась на позицию сотрудничества с Портой. Важную роль в этом сыграла начавшаяся интеграция светской греческой элиты в османскую государственно-политическую систему. Сотрудничество с Портой фанариотов дало мощную подпитку церковной политике в отношении османского государства.

Но чем более удалено было духовенство от столицы, тем слабее были его связи с правящей элитой. Причем это относится не только к приходскому духовенству, но и к епископату. В ряде случаев не только священники, но и митрополиты становились участниками антитурецких выступлений. Например, Мелетий Митру (1661–1714), избранный в 1692 г. митрополитом Навпактским и Артским, был обвинен турками в участии в заговоре и вынужден бежать в ту часть своей епархии, которую занимали венецианцы¹. Легендарной фигурой, воспетой в народных песнях под именем Папафимиос, стал священник Евфимий Влахакас (?–1808). Он происходил из семьи потомственных арматолов (греческих партизан, перешедших на службу османскому государству), родился в деревне Влахава в окрестностях Калабаки (Фессалия), откуда и его прозвище. Его отец поддерживал тесную духовную связь с Метеорскими монастырями и захотел, чтобы сын стал священником. После смерти отца Евфимий Влахакас возглавил партизанское движение этой части Фессалии, а после начала русско-турецкой войны (1806–1812) открыто выступил против турок. Он стяжал славу отважного бойца, мудрого руководителя и наставника партизан. Но фессалийские партизаны были быстро разбиты войсками султанского наместника в Эпире Али-паши Янинского и Влахакас со своими соратниками был вынужден бежать на Сев. Спорады. Там грекам удалось собрать около 70 кораблей, которые своими пиратскими действиями стали сильно беспокоить турецкий флот. Между тем Влахакас, заручившись поддержкой сербского князя Карагеоргия, стал готовить новое восстание греков в Фессалии, начало которого было назначено на 29 мая 1808 г., годовщину захвата турками Константинополя. Однако в результате предательства отважный священник был схвачен турками и доставлен в Янину, где после долгих мучений распят на кресте вниз головой². Избранный турками способ казни Влахакаса свидетельствует о том, что они в этот период еще продолжали идентифицировать население подвластных султану земель по конфессиональному признаку. В свою очередь Влахакас фактически с этим соглашался, символически связав свое предприятие с идеей возрождения Византии.

Можно сказать, что греческое духовенство в период османского владычества не было социально однородным, положение в обществе и идейные установки клириков различались не только (а зачастую и не столько) в силу различного положения в церковной иерархии, но также сильно зависели от того, в какой части Османской империи служили клирики. Отсутствие социального и идейного единства внутри духовенства, а также начавшийся процесс секуляризации сознания образованных греков объясняют противоречивые высказывания современников и участников национально-освободительной борьбы о Церкви и ее служителях. Тем не менее, никто из них не опроверг бы следующего: «Греческому клиру было предопределено свыше быть столь патриотичным и спасти всю нацию; ибо, как только Византийская империя пала, духовенство взяло на себя заботу о незащитной нации, не имеющей другой опоры и утешения кроме веры. Духовенство советовало и внушало отчаявшейся нации стойкое и терпеливое ожидание»³. Такая оценка деятельности Церкви под властью Османов была дана уже после национального освобождения.

¹ Арта находилась в тот момент под властью турок, а Навпакт — венецианцев.

² См.: Pouqueville F.-C.-H.-L. Histoire de la Régénération de la Grèce. Т. 1. Paris, 1834. P. 291–294. См. тж.: Ιωαννίδης Γ. Μικρή εγκυκλοπαίδεια εθνομαρτύρων κληρικών. Τ. Α'. Αθήνα, 1991.

³ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 38.

В период османского владычества греческая Церковь испытывала трудности не только административного характера. Раскол между столичным и провинциальным духовенством объяснялся еще и упадком образования, общим снижением уровня грамотности. Если фанариоты, державшие под контролем дела в патриархии, представляли собой интеллектуальную элиту, то в целом уровень образования греческого духовенства был невысок. Легендарный греческий военачальник Ф. Колокотронис (1770–1843) вспоминал, что на Пелопоннесе «большая часть архиереев не знала ничего, кроме церковных служб, и никто не имел образования», также и многие кодзабасы, особенно старшего поколения, «едва могли написать свое имя»¹. Упадок греческой образованности в этот период объясняется не только ущербом, нанесенным завоеванием, эмиграцией значительной части интеллектуалов в Европу и тем, что османское государство не заботилось об образовании христианских подданных, но также и тем фактом, что греческое образование потеряло свой прикладной характер². Поскольку в первые века турецкого владычества христиане допускались к участию в государственном управлении лишь в незначительной степени, образование потеряло свое значение как необходимое условие повышения социального статуса, а дисциплины, необходимые для гражданского управления, перестали развиваться, ограничиваясь лишь сохранением сформировавшейся в Византии традиции. И все же именно Церковь сохранила греческую культурную традицию от исчезновения. Церковь как могла занималась духовным просвещением, поэтому во многом благодаря ее усилиям греки сохранили свою веру и свой язык как язык богослужения.

Стремление сохранить верность традиции диктовалось и эсхатологическими представлениями, широко распространенными в различных социальных слоях греков: падение Константинополя воспринималось как предвестие конца света. Именно убеждение в том, что в ближайшее время наступит светопреставление, побудило Геннадия Схолария, первого патриарха после завоевания (1453–1459), принять предложение султана возглавить христианскую общину: в конце времен христиане особенно нуждались в опытном пастыре, чтобы сохранить в чистоте свою веру³. Подобные настроения в значительной степени питались пророчествами о падении Константинополя, также обличавшими социальное зло. В последний период византийской истории эти пророчества получили широкое распространение в разных слоях общества, однако после 1453 г. характер пророческой литературы радикальным образом изменился. Отныне предсказания о гибели и разрушениях сменились обещанием лучших времен, что диктовалось потребностью в утешении «страждущего под игом греческого народа»⁴. В это время появились многочисленные предсказания о возрождении Византийской империи⁵. В литературе справедливо отмечалась двойственность поствизантийского миллениаризма: отрицая османское правление

¹ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Колокотρώνης Θ. Άπαντα. Τ. 1. Ν. ρ., η. δ. Σ. 275.

² См.: Hering G. Οικουμενικό Πατριαρχείο και ευρωπαϊκή πολιτική 1620–1638. Αθήνα, 1992. Σ. 180–181.

³ См.: Mango C. Βυζάντιο: η Αυτοκρατορία της Νέας Ρώμης. Αθήνα, 1990. Σ. 253.

⁴ Δόικος Δ. Ο Αγαθάγγελος ως προφητικόν αποκαλυπτικόν έργον και το μήνυμά του // Μνήμη 1821. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 120.

⁵ См.: Πολίτης Ν. Γ. Δημώδεις δωξασίαι περί αποκαταστάσεως του Ελληνικού έθνους // Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα. Τ. 1. Αθήνα, 1920. Σ. 23.

в принципе, он признавал его фактически¹. И все же этого недостаточно, чтобы утверждать, как это делает В. Рудометов, будто миллениаризм этого времени не имел никакого отношения к формирующейся национальной идеологии: постоянно напоминаемая грекам о наличии у них своей государственно-политической традиции — если не эллинской, то хотя бы ромейской² — профетическая литература держала их в состоянии готовности за нее бороться. Нужно было лишь найти идею, способную мобилизовать на эту борьбу все социальные слои греков и гарантирующую поддержку из-за рубежа. Ей и стала идея нации, а православный миллениаризм можно рассматривать в качестве ее предтечи: идеи нации и православной империи в нем еще не расчленены. Наше предположение косвенно подтверждает и тот факт, что в уже сформировавшемся новогреческом государстве в 1830–1840-е гг. пророчества, написанные еще в османскую эпоху, вдруг обрели острую политическую актуальность³.

При почти полном отсутствии светского образования единственными культурными центрами в период османского владычества были монастыри. Первоначально османское завоевание нанесло большой ущерб монашеству и имуществу монастырей. Однако это не привело к угасанию монашества, напротив, оно оставалось очень популярным. На период османской власти приходится время расцвета как старых византийских монастырей, так и вновь основанных обителей. Этому способствовали дискриминационные условия жизни христиан в Османской империи, невозможность сделать светскую карьеру, отсутствие светского образования, и, наконец, появление новой формы монашеской жизни — штатных монастырей (наряду с общежительными и отшельничеством). На 2–2,5 млн греков в XVI в. приходилось более 12 тыс. монахов. Но и монастырские библиотеки (а каждому монастырю положено было иметь библиотеку) постепенно пришли в упадок. По оценкам западных путешественников, всего около 3 % монахов умели читать и писать. Тем не менее, уже в эпоху складывания национального государства в греческой общественной мысли утвердилось мнение о бесспорности заслуг Церкви в сохранении национальной культуры и самой нации. «Обращение ее (Греции) в новую веру, — писал по этому поводу видный государственный и политический деятель независимой Греции Д. Эниан (1800–1881), — не было фанатичным, зато было надежным и основательным. Поэтому, несмотря на то, что она прошла через великие испытания, она всегда оставалась непреклонной в своей вере и одновременно с верой ей удалось сохранить и собственный национальный дух»⁴. Решающую роль Церкви в сохранении национального языка отмечали участники национального освобождения митрополит Герман Патрский (1771–1826) и Фотакос⁵. Это произошло, в первую очередь, благодаря богослужению и богослужебным книгам. Из монастырских центров в османскую эпоху наибольшим влиянием пользовались Афон и Метеора. На Афоне сохранилось огромное количество рукописей, позволивших сохранить греческую богословскую

¹ См.: Roudometof V. From Rum millet to Great Nation: Enlightenment, Secularization and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // Journal of Modern Greek Studies. 1998. Vol. 16. P. 18.

² В поздней Византии некоторая часть интеллектуальной и политической элиты уже стала осознавать свое родство с древними греками. Недаром последний византийский император носил титул Царя греков (Βασιλεὺς τῶν Ἑλλήνων).

³ Подробнее об этом см. главу «Баварское правление».

⁴ Αἰνιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 11.

⁵ См.: Γερμανός Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 38.

и в целом культурную традицию. Афон всегда был школой монашеской жизни, а в середине XVIII в. там была основана настоящая Академия. Помимо сохранения рукописной традиции заслуга греческого монашества того времени состоит еще и в том, что оно вело работу по сохранению христианской веры среди греков и предотвращению их перехода в ислам. Таким образом, вначале невольно, а потом и сознательно монашество способствовало и сохранению греческой национальной идентичности в тех условиях, когда исламизация вела к утрате греческой культуры и корней.

Одновременно эпоха османского владычества вызвала к жизни такое явление, как тайные школы (*κρυφά σχολεία*). Они обычно располагались в притворах храмов, и часто функционировали по ночам. Преподавали в них преимущественно священники, которые одновременно были и учителями. Там можно было получить лишь начальное образование: научиться чтению по Псалтири и основам церковного пения, тем не менее, вклад этих школ в сохранение греческой культуры трудно переоценить. По меткому выражению современного историка А. Папаянниса, тайные школы, наряду с греческими училищами в Димицане, Смирне, Афинах, на Хиосе, в Янине, а также в Венеции, Одессе, Бухаресте стали тем «троянским конем», «из которого вышли герои великой революции 1821 года»¹. Османские власти не препятствовали созданию этих училищ, так как не могли предполагать, какую опасность они в себе таят². Долгое время сам факт существования тайных школ не подвергался сомнению историками, однако в последние десятилетия все чаще стали звучать высказывания о том, будто тайные школы — это не более чем миф, созданный патриотической пропагандой уже после освобождения. Авторы этой точки зрения аргументируют свою позицию, во-первых, отсутствием письменных свидетельств османской эпохи о подобных школах, а во-вторых, отсутствием свидетельств о запретах со стороны властей на деятельность греческих учебных заведений. В таком случае не было необходимости создавать именно тайные школы: они могли функционировать открыто.

Важную роль в национальной консолидации играл церковный приход, который уже в византийское время представлял собой крепко спаянную общину, часто совпадающую с сельской общиной, а низшее духовенство жило фактически на положении крестьян. В османский период тенденция к отождествлению прихода и общины еще более усилилась, так же как и закрепились связи между низшим духовенством и народом, что оградило православие от возникновения ересей. Хранительницей греческих национальных традиций Церковь сделали сами турки, предоставив особые полномочия патриарху. Объективно благоприятное условие для выживания греческой нации в особом статусе патриарха усматривают не только греческие, но и иностранные исследователи³.

Провинциальное духовенство, особенно низшее, поскольку жило в тех же условиях, что и его паства, часто само было проводником национально-освободительных идей и проповедовало с амвона не только христианскую добродетель. «Архиереи позволяли священникам читать в церквях молебные каноны Богу, прося об укреплении греков в будущей борьбе; а духовникам и прочим клирикам позволяли во время исповеди подстрекать греков к восстанию»⁴. Таким образом, вместо того, чтобы молиться «о властях», как это положено в Православной Церкви, сами священники

¹ Παπαγιάννης Α. Μαντινειακά μοναστήρια. Αθήνα, 1977. Σ. 219.

² См.: Αττιάς Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 13.

³ См.: Forster E. A short history of Modern Greece. 1821–1956. London, 1958. P. 3.

⁴ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 56.

подстрекали прихожан к «противлению властям». В этом пункте идея национального освобождения вступает в противоречие с православным учением о власти, как изложил его апостол Павел: «Всяка душа властям предержащим да повинуется: несть бо власть аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть. Темже противляяйся власти Божію повелению противляется»¹. Более того, некоторые архиереи составляли специальные молитвы об избавлении от турок. Одна из них выглядела следующим образом:

«Боже всесильный, невидимый, непостижимый, неосязаемый, укрепивший пророка Твоего Моисея образом Креста Твоего обратить вспять тирана древнего Израиля высокомерного и непреклонного Фараона в Чермном море и спасший этим народ Твой! Услыши молитвы нас, недостойных рабов Твоих, помазанных именем возлюбленного Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа, и избави нас, новый Израиль, царственное священство от исмаилитской тирании; дай нам силы и укрепи нас, и благочестивых и богохранимых наших князей, и вождей, и христолюбивое воинство силою Честного и Животворящего Креста, да обратим вспять врагов Твоей Церкви и да явимся победителями над потомками Агари. На тебя упование возлагаем, Сильный в бранех, просвети нас, да станем подражателями и последователями истинного слуги Твоего благочестивого царя Константина, и удостой нас услышать сей глас с неба: “Сим побеждайте, христианские потомки эллинов и благочестивые чада Православной Церкви, и низвергайте безбожных агарян!”, так чтобы и мы смиренно удостоились желанной нами свободы, славяще всесильное Имя Твое, Отца и Сына и Св. Духа. Аминь»².

Эта молитва построена в соответствии с каноническим шаблоном: вначале — обращение к Богу с прославлением тех Его качеств и чудес, на исполнении которых строится само прошение, которое заключает славословие. Составитель использует один из самых распространенных в христианской литературе символов: сопоставление древнего и нового Израиля, но понимает его иначе, нежели традиционное православное богословие. Согласно православной традиции, древний Израиль, т. е. еврейский народ, символизирует будущий «народ Божий», т. е. всех христиан независимо от их национальности, которые и называются новым Израилем. А в приводимой выше молитве новый Израиль — это угнетенные христиане Османской империи, призываемые к восстанию. Библейский символ, где исход еврейского народа из Египта есть прообраз будущего искупления человечества «от работы диаволи», теперь получает не символическое, а аллегорическое толкование. Поэтому меняется и смысловое наполнение образа Моисея. По традиционному толкованию, Моисей есть символ самого Христа Спасителя, но при аллегорическом понимании Моисей — образ национального вождя. Не случайно поэтому в один из критических моментов революции, перед угрозой нашествия Драмалиса на Пелопоннес (1822), «весь мир искал защиты у Колокотрониса, воображая его новым Моисеем»³. Таким образом, перед нами яркий пример секуляризации церковного вероучения. Если такая пропаганда, как приведенная выше молитва, велась приходскими священниками, то можно было рассчитывать на быстрый рост антитурецких настроений, ибо священник часто был очень уважаемым лицом в общине.

Антимусульманские и антитурецкие настроения возрастали также и благодаря явлению мученичества за веру. Принуждение к принятию ислама либо отречение от него быв-

¹ Рим. 13:1–2.

² Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 57.

³ Там же. Σ. 215.

шими христианами, пожелавшими вернуться в лоно Церкви, приводили этих людей к мученической смерти, которая делала их героями в глазах соплеменников и вызывала желание бороться за беспрепятственное исповедание своей веры, причем не только путем молитвы, но и с помощью силы. Так, например, новомученик Ангелис (1680) занимался ювелирным делом в Константинополе, был женат и имел шестерых детей. В житии святого сообщается, что, шутки ради, однажды он надел на голову турецкий тюрбан. Турки восприняли этот жест как оскорбление ислама и стали понуждать шутника к отречению от христианской веры. Он с негодованием отверг эти домогательства, за что был много мучим и, в конце концов, обезглавлен. К лику святых было причислено сразу четыре представителя критского рода Рецеписов. Эта семья была из числа тех, кто в эпоху османского владычества принял ислам и пользовался всеми привилегиями мусульман, однако втайне сохранил христианство. В 1821 г. на Крите, как и в других частях Греции, вспыхнуло национально-освободительное восстание и четверо криптохристиан примкнули к числу повстанцев, обнаружив, таким образом, и свое истинное вероисповедание. После возвращения турецкой власти все четверо были обвинены в отступничестве от ислама и заточены в темницу, где подверглись страшным мучениям. 28 октября 1824 г. они приняли мученическую кончину.

Среди глубоко верующих распространено было и добровольное мученичество. Примером может служить святой Агафангел Есфигменит. Будучи юношей, он нанялся на работу на турецкий корабль, капитан которого всячески пытался заставить молодого матроса сменить веру. В конце концов, юноша отступил. Однако позже он раскаялся и, чтобы искупить свой грех, вступил в афонский монастырь Есфигмен. Желая пострадать за Христа, он покинул Св. Гору и отправился в Смирну, где подверг публичному поруганию ислам. За это 19 апреля 1818 г. 19-летний святой претерпел мученическую кончину. Встречались и еще более любопытные случаи. В греческом мартирологе есть святой по имени Александр Дервиш. В юности он по неизвестным причинам принял ислам, а во время паломничества в Мекку вступил в одно из суфийских братств. Известно, что течение 18 лет в обличье он дервиша странствовал по завоеванным турками землям, всячески ругая турецкое правление и являя благими делами христианскую веру. Прибыв, наконец, в Смирну (где когда-то он принял ислам), мусульманский монах явился в суд, сбросил одежду дервиша и объявил себя христианином. 26 мая 1794 г. после безрезультатных уговоров и угроз он был публично обезглавлен.

Статус Церкви в Османском государстве создавал благоприятные условия для формирования национального самосознания, но процесс этот вступил в стадию своего бурного развития лишь в эпоху Просвещения, подарившую миру идею национального суверенитета. Однако, если в Западной Европе актуальна была его социальная интерпретация, выразившаяся в изменении отношения к монархии, то грекам ближе была национальная трактовка, понимавшая национальный суверенитет как освобождение от турецкого владычества и, следовательно, легитимировавшая вооруженную борьбу за создание суверенного государства¹. Кроме того, Просвещение резко усилило секуляризацию во всех областях духовной жизни греков и благоприятствовало формированию их исторического сознания, обусловившего появление у них чувства

¹ Существует мнение, что небольшая часть греческих интеллектуалов (фанариоты) восприняла идеи Просвещения под первым углом зрения, усвоив из них лишь концепцию просвещенной монархии. См.: Roudometof V. From Rum millet to Great Nation: Enlightenment, Secularization and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // Journal of Modern Greek Studies. 1998. Vol. 16. P. 20–21.

кровного родства с древними эллинами, следствием чего стало восприятие исторической традиции как национально-идентифицирующего признака. Важным показателем секуляризации стал рост количества печатных книг светского содержания: если в первой четверти XVIII в. светских книг было издано в три раза меньше, чем церковных, то в последней четверти их число практически сравнялось¹. В этот же период, и в еще большей степени в первой четверти XIX в., значительно возросло число исторических сочинений, среди которых особой популярностью стали пользоваться местные хроники, произведения о Древней Греции и Византии, мемуары².

Процесс секуляризации сознания греков в значительной степени был связан с появлением нового слоя образованной элиты. Греческие книжники, родившиеся до 1757 г., были, как правило, клириками и/или учителями. Высшее образование они получали преимущественно в Западной Европе, где изучали философию, филологию, математику, химию, физику. По возвращении на родину их деятельность протекала в континентальной Греции, Анатолии, на островах Эгейского моря. Писала эта группа книжников на искусственно архаизированном либо ориентированном на аттический диалект языке.

Образованные греки, родившиеся в 1757–1772 гг. занимались по преимуществу торговлей, они получали образование в Центральной Европе, где изучали в первую очередь географию и иностранные языки. Место их жительства — Ионические острова, Дунайские княжества, греческие общины в европейских городах. Свои произведения они писали на языке, близком к разговорному³. Именно эта группа интеллектуалов была в наибольшей степени подвержена влиянию идей Просвещения и распространяла их среди своих соплеменников. В свою очередь складывание этой прослойки просвещенного купечества было связано с общим экономическим подъемом в греческих землях во второй половине XVIII в. Другим фактором, способствовавшим новому подъему греческой образованности в XVIII–XIX вв., было повышение социального статуса образованных христиан в османском государстве, фактически отдавшем под их контроль целые отрасли государственного управления.

Однако не стоит преувеличивать степени секуляризации сознания греков в эпоху Просвещения: его противники из числа ученых клириков активно работали на ниве просвещения иного рода — укрепления духовной жизни христиан в противовес мирским соблазнам. Не случайно именно на вторую половину XVIII в., когда процесс формирования национального сознания у греков пошел особенно активно, приходится и расцвет движения коливадов⁴ среди греческого ученого монашества. Коливады считали себя ревнителями Православия и ратовали за строгое соблюдение традиции в литургической жизни и духовное просвещение народа, основанное на творениях Отцов Церкви. В монашеской практике они придерживались исихастской традиции.

¹ См.: Dimaras K. Th. L'apport de l'Aufklärung au développement de la conscience nationale néo-hellénique // Les Lumières et la formation de la conscience nationale chez les peuples du sud-est européen. Bucharest, 1970. P. 54.

² См.: Πατρινέλης Χ. Γ. Πρώιμη νεοελληνική ιστοριογραφία (1453–1821). Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 5.

³ См.: Νικολαΐδης Θ., Διαλέτης Δ., Αθανασιάδης Η. Φυσικές Επιστήμες και διαφωτισμός στον ελληνικό χώρο του 18ου αιώνα // Ιστορικά. 1988. № 5. Σ. 123–136.

⁴ Название движения происходит от слова «коливо» (заупокойная кутья) в связи с тем, что его сторонники отказывались переносить заупокойные богослужения с субботы на воскресенье. Подробнее о движении см.: Παπουλίδης Κ. Το κίνημα των Κολλυβάδων. Αθήνα, 1971.

К числу коливадов принадлежали почти исключительно представители традиционной книжности: Неофит Кавсокаливит, Афанасий Паросский, Дорофей Вулисмас и др.

Типичным представителем этого направления был Афанасий Паросский. Он родился на о. Парос, откуда и его прозвище. Первоначальное образование получил, по всей видимости, у себя на родине. В 1745 г. для продолжения образования юноша прибыл в Смирну, где поступил в знаменитую Евангелическую школу, основанную монахом Иерофеем Дендрином. В этой школе в разное время учились сподвижник Афанасия Паросского Николай Каллибурцис, Никодим Святогорец, просветитель А. Кораис. После шести лет пребывания в Смирне будущий монах направился в не менее знаменитую Афонскую школу, которую тогда возглавлял ее основатель Неофит Кавсокаливит. Вскоре во главе школы, переименованной в академию, встал Евгений Вулгарис, учитель и наставник Афанасия, в 1757 г. назначивший его преподавателем Афониады. В 1757–1758 гг. Афанасий был хиротонисан в диаконский сан. Получив столь блестящее по тем временам образование, он решил использовать его во благо своему народу. В 1758–1762 гг., а также в 1777–1786 гг. он руководил греческой школой в Фессалониках, в 1760-е гг. преподавал в Месолонги в школе, основанной его соучеником по Афониаде Панайотисом Паламой. В 1771–1777 гг. возглавлял Афонскую академию. В это время епископ Макарий Коринфский рукоположил его в священнический сан.

В 1786 г. Афанасий отправился на свою родину, но до Пароса не добрался из-за начавшейся русско-турецкой войны. Его временная остановка на о. Хиос оказалась окончательной: на этом острове он провел весь почти тридцатилетний остаток своей жизни. До 1812 г. он возглавлял Философскую школу на Хиосе, где преподавал логику, метафизику, богословие, риторику, этику. Под его руководством эта школа достигла расцвета и приобрела славу, выходящую за пределы греческого мира. Оставив преподавание, Афанасий удалился в небольшой монастырь св. вмч. Георгия, где и окончил свои дни. Его просветительская деятельность вдохновлялась его глубокой верой, нашедшей свое выражение и в его участии в движении коливадов. За участие в этом движении Афанасий претерпел гонения и даже был извергнут из сана, но в 1771 г. его терпение и стойкость были вознаграждены торжественной реабилитацией¹.

Перу Афанасия Паросского принадлежат около 60 сочинений апологетического, догматико-канонического, литургического, агиографического и учебного характера, а также проповеди, письма, эпиграммы и службы некоторым святым. Важнейшие среди них — «Антипапа», «Христианская апология», «Изложение Православной веры», «Объявление истины о святогорской смуте», «О новомучениках», «О поминовении усопших», учебники по грамматике, риторике, метафизике и др.²

Коливады Никодим Святогорец³ (1749–1809) и Макарий Нотарас⁴ (1731–1805), епископ Коринфский проделали огромную работу по составлению нового «Добротолюбия»⁵ — собрания святоотеческих аскетических сочинений,

¹ Биография и деятельность Афанасия Паросского подробно описаны в: Αρκάς Ε. Ν. Αθανάσιος ο Παρίος (Παραδόσεων φρουρός). Αθήνα, 1960; Καραμπέτσου Α. Αθανάσιος ο Παρίος. Αθήνα, 1974.

² См.: Δημαράς Κ. Θ. Ανέκδοτα κείμενα Αθανασίου του Παρίου // Ερανιστής. Ε', 1967.

³ Его биография изложена в: Ευθύμιος, ιερομ. Βίος του Αγίου Νικοδήμου του Αγιορείτου. Αθήνα, 1996.

⁴ См.: Παπαδόπουλος Σ. Άγιος Μακάριος Κορίνθου. Ο Γενάρχης του Φιλοκαλισμού. Αθήνα, 2000.

⁵ Прежде «Добротолюбием» называлась антология сочинений Оригена, составленная Василием Великим и Григорием Назианзином.

изданного в Венеции в 1782 г. и пользовавшегося спросом не только среди монашествующих. Это издание можно рассматривать как антитезу книжников-традиционалистов растущему потоку светской литературы. Популярность «Добротолюбия» вышла за пределы греческого мира: в 1793 г. в Петербурге вышло церковнославянское его издание в переводе Паисия Величковского¹. Коливады приняли активное участие в создании и работе второго греческого высшего учебного заведения на территории Османской империи — Афонской академии (Афониады), расцвет которой приходится на вторую половину XVIII в.²

Эти факты ставят под сомнение часто встречающееся в литературе отношение к противникам Просвещения как к некоему рудименту общественной мысли. Анти-Просвещение в греческих землях, наиболее яркими представителями которого в рассматриваемый период были коливады, — это альтернативное идейное течение, в основу которого легло православное учение о человеке и обществе. Его сторонники не просто хранили традиционные ценности: они приспособляли их к изменившимся историческим условиям и организовали свое собственное просветительское движение, противопоставив его западному Просвещению, которое, кстати, тоже не создало крупных теоретических систем. Для распространения собственных мнений они использовали учительскую кафедру и церковный авмон, уточнению взглядов служила активная переписка, полемике с обмирщенным мировоззрением и иными конфессиями посвящались обстоятельные сочинения. В этом противостоянии приверженцы Анти-Просвещения не гнушались использовать методы и достижения своих идейных противников: по аналогии с западноевропейскими академиями, подпавшими в XVIII в. под влияние просветителей, коливады создали Афонскую академию, ответом на французскую «Энциклопедию» стало издание «Добротолюбия», многотомной энциклопедии христианской жизни. И все же, как бы ни желали они противопоставить себя Просвещению и не допустить распространения среди греков нового мировоззрения, объективно их деятельность способствовала формированию национального самосознания, одну из основ которого составила православная традиция. В целом противостояние Просвещения и Анти-Просвещения в греческой среде живо напоминает варлаамо-паламитские споры в поздней Византии: в ту пору православная традиция среди греков восторжествовала³, а взгляды Варлаама Калабрийского нашли теплый отклик в католической Италии у ранних гуманистов. В эпоху Просвещения соотношение сил изменилось: на этот раз традиционалисты оказались в меньшинстве, что, тем не менее, не повлекло за собой полной утраты этой традиции.

Официальные церковные власти открыто боролись с западным Просвещением: в 1819 г. патриарх Григорий V (1797–1798, 1806–1808, 1818–1821) запретил нарекать детей древнегреческими (языческими) именами и утвердил список запрещенных книг. С именем Григория V связан еще один документ, на который часто ссылаются исследователи, желая подтвердить свое мнение о том, что в последней четверти XVIII–начале XIX в. политика Патриархии была направлена на сохранение статус-

¹ О деятельности Паисия Величковского и его сподвижников см.: Ταχιάος Ν., Αιμίλιος Α. Ο Παΐσιος Βελιτσκόφσκι (1722–1794) και η ασκητικοφιλολογική σχολή του. Θεσσαλονίκη, 1964.

² Хронологически первым греческим вузом была Патриаршая школа в Константинополе (Μεγάλη Σχολή του Γένους), основанная в 1454 г.

³ Православный календарь закрепил эту победу празднованием Торжества Православия и памяти Григория Паламы в первое и второе воскресенье Великого поста.

кво, т. е. против борьбы греков за независимость¹. Это так называемое «Отеческое поучение», появившееся в 1798 г. как отклик на события во Франции и подписанное именем в то время безнадежно, как полагали, больного Иерусалимского патриарха Анфимия. Но на удивление всем врачам патриарх Анфимий выздоровел и с негодованием отверг свое авторство. Большинство исследователей полагают, что автором «Почения» был будущий патриарх Григорий, который «прекрасно знал, что книга вызовет беспощадную критику, и надеялся, что критиков остановит незапятнанная репутация умирающего Анфимия»². Ключевые идеи «Почения» — это проповедь лояльного поведения по отношению к властям и требование невмешательства Церкви в политику³. «Почение» было, с одной стороны, реакцией на растущую секуляризацию духовенства, а с другой — выражением отрицательного отношения церковной элиты к возможным социально-политическим преобразованиям в духе Просвещения.

Надо отметить, что такая позиция имела под собой веские основания: всякое вооруженное выступление против Порты вело не только к жестокому подавлению восстания, но и к широким репрессиям. Причем за мятежи на окраинах чаще всего расплачивались жизнью жители малоазиатских городов, с которыми турки расправлялись как с заложниками. Поэтому призыв к восстанию без надлежащей подготовки был бы чистой воды авантюрой, ибо, как известно, даже революция 1821 г. была почти подавлена турками и создание независимого греческого государства стало возможным лишь благодаря вмешательству великих держав. Таким образом, позицию духовенства в национальном вопросе можно кратко выразить словами русского церковного деятеля середины XIX в.: «Пастыри, не допуская греков до попыток к восстанию, неблаговременных и неблагоразумных, не допускали их и до усыпления и постоянно поддерживали в них и желание свободы, и надежду достигнуть ее»⁴.

Трагическая судьба самого Константинопольского патриарха Григория V подтвердила его тяжкие предчувствия. В ответ на восстания греков в Дунайских княжествах и на Пелопоннесе турки повесили его на Пасху 1821 г. на воротах Патриархии, а в последующее время казнили до 80 архиереев. Это событие вместо того, чтобы остановить восстание, как предполагали турки⁵, вызвало волну ответного террора со стороны греков и сразу же зачислило Григория V в списки мучеников. Кстати, и для турок зверское убийство патриарха было не просто актом святотатства или приступом слепой ярости в ответ на мятеж греков: они полагали, что наказали патриарха как ответственного за деяния всех его христианских подопечных. Но что любопытно, он стал почитаться скорее как национальный герой, чем мученик за веру.

Смешению понятий в данном случае способствовало то, что в греческом языке слова «национальный герой» (εθνομάρτυρας) и «мученик» (μάρτυς) — одного корня. Поясним подробнее, как и когда первое произошло от второго. Μάρτυς

¹ См. напр.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 7–8.

² Runciman S. The Great Church in Captivity. Cambridge, 1968. P. 394.

³ Текст «Почения» см. в: The movement for Greek independence. 1770–1821. A collection of documents. L., 1976.

⁴ Анфим, игумен. Церковь Королевства Новогреческого // Прибавления к «Смоленским епархиальным ведомостям». 1866. № 19. С. 218.

⁵ См.: Αττιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 15; [Voutier]. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 44–45.

буквально означает «свидетель» и в ранней Церкви мученики за веру воспринимались как «свидетели Христовы» (μάρτυρες του Χριστού). После того, как христианство стало официальной религией Римской империи, пути к достижению святости изменились. Однако со временем конфликты с нехристианскими соседями и крайние формы внутрицерковных споров вновь сделали мученичество актуальным, но теперь пострадавшие за Христа стали называться новомучениками (νεομάρτυρες). Со временем хронологические рамки сдвинулись, и новомучениками греки стали называть христиан, замученных за веру турками-мусульманами после 1453 г. Такое деление сохраняется в Греции до сих пор, хотя высказываются предложения называть новомучениками и тех, кто пострадал от турок и в более раннюю эпоху, начиная с XII в.¹ Но эта поправка в данном случае не принципиальна, важно другое — новомучениками и в том, и в другом случае названы пострадавшие от турок, а привязка к 1453 г. еще больше способствовала стиранию различий между теми, кто пострадал за веру, и теми, кто боролся за национальное освобождение.

Так наметилась секуляризация понятия «мученик». Время появления на его основе слова εθνομάρτυρας точно не зафиксировано, ясно лишь, что оно относится к эпохе османского владычества, когда возникла необходимость определить новую категорию героев — мучеников за нацию. Сам факт появления этого понятия свидетельствует о складывании у греков национального самосознания, а также о том, что христианская терминология была близкой и понятной формой выражения новых категорий. Теоретически между μάρτυρες и εθνομάρτυρες можно выделить несколько принципиальных различий, однако на практике четко дифференцировать эти категории порой бывает сложно, поэтому они так и остались не до конца разграниченными. Можно сказать, что μάρτυρες вынуждены были защищать свою веру ценой жизни, а εθνομάρτυρες боролись за национальное освобождение, чтобы выжить и победить, но понимали, что их жизнь может стать ценой победы. Современный греческий богослов и историк Церкви С. Пападопулос полагает, что εθνομάρτυρες стали выразителями новой духовной традиции: если мученики несли в себе христианскую духовность, то национальные герои — греческий национальный дух (ελληνικότητα). Но эти традиции были не противоположны, а взаимодополняли друг друга и вели к складыванию национального самосознания². Из этого становится понятным, почему Григорий V в православном месяцеслове значится как ιερομάρτυρας (священномученик), а в светской литературе и народном сознании фигурирует как εθνομάρτυρας (национальный герой).

В случаях со священнослужителями часто бывает затруднительно ответить на вопрос, за какой идеал они боролись — национальный или религиозный? Множество примеров смешения этих идеалов, а зачастую и превалирования национального идеала над религиозным дала греческая национально-освободительная революция 1821 г. Известно, например, о том, как епископ повторил подвиг древнего царя Леонида в Фермопилах, возглавив отряд греческих партизан³. Другой яркий пример — деятельность архимандрита Григория Дикеоса (1788–1825), известного также под именем Папафлессас. Некоторые историки его, а не митрополита Германа Патрского (см. ниже) считают истинным вождем и величайшим героем греческой национально-

¹ См.: Παπαδόπουλος Σ. Οι Νεομάρτυρες као το δούλον Γένος. Αθήνα, 1991. Σ. 24–28.

² Там же. Σ. 91–92.

³ См.: Γερμανός. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 100–101. Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Ν. p., n. d. Σ. 209–210.

освободительной борьбы¹. Напомним, что оба они — представители духовенства. Из всего этого следует, что духовенство подверглось секуляризации уже в период османского владычества. Обмирщение находило свое выражение и в языке. Эти явления — отличительная черта отнюдь не средневековой культуры, поэтому характеристика языка того времени как средневекового² нуждается в корректировке. Здесь мы имеем еще один аргумент в пользу того, чтобы соотносить период османского владычества у греков с европейским Новым временем.

В революции 1821 г. активно участвовали монахи: они не только устраивали в монастырях склады продовольствия и вооружения, но и сражались с оружием в руках. И это несмотря на то, что церковные каноны запрещают духовенству использование оружия. Монастыри также были местами проведения тайных собраний, служили пристанищами беженцам. Как верно заметил один из современников, с началом революции совершенно иссякает религиозное подвижничество, зато резко усиливается патриотическое³. Особую позицию по отношению к революции заняло афонское монашество. К началу революции монашеская республика насчитывала до 6 тыс. человек и жила в довольно сносных экономических условиях. Дело в том, что турки не конфисковали монастырские земли во время завоевания и не разогнали монахов. С самого начала османского владычества Афон стал удельным имением матери султана⁴. Турки, правда, периодически устраивали погромы на Св. Горе, как свидетельствуют, например, пометки на славянском Четвероевангелии из монастыря св. Павла⁵, но в целом монахам жилось неплохо. Они даже могли себе позволить иметь не только ружья, но и артиллерию для борьбы с пиратами. «Имеет Ватопедский монастырь башен высоких пять и поменьше четыре и пушки большие и замечательные и к тому же одну больше других, сделанную из нескольких частей, весьма искусно соединенных болтами»⁶, — гласит описание Афона середины XVIII в. Такие арсеналы немало беспокоили турок. Как сообщает другой монастырский писатель, «в 1765 году обвинили фессалоникские аги Св. Гору в том, что... монахи имеют пушки для войны и пристани и корабли в них для войны и 5 тыс. вооруженных людей» и даже прислали ревизора⁷. Зная о таких запасах оружия, вдохновители революции очень рассчитывали на помощь монахов. Однако среди афонцев с самого начала не было единодушия в вопросе о восстании. Потом некоторые из них все же согласились выступить, но узнав, что обещанная помощь из России не пришла, а значит, исход борьбы неясен, пошли на соглашение с турками. И все же то обстоятельство, что часть монахов поддержала восстание, дало повод туркам провести на Афоне карательную экспедицию и разместить там свой гарнизон.

Интересно сравнить, как воспринимали события на Афоне и революцию вообще два ее современника, представителя Церкви: монах Афонского Костамонитского

¹ См.: Корδάτος Γ. Η κοινωνική σημασία της ελληνικής επανάστασης του 1821. Αθήνα, 1977. Σ. 158–159.

² См.: Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, 2006. Σ. 18.

³ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 155.

⁴ См.: Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. Отд. 2. Киев, 1877. С. 284.

⁵ Там же. С. 929.

⁶ Там же. С. 930.

⁷ См.: Там же.

монастыря Досифей¹, автор «Описания краткого и правдивого, касающегося того, что произвело восстание Св. Горы; вследствие чего случилось, что были всячески наказаны и наконец приняли мученичество от нечестивых невиновные и непричастные к этому и другие братья христиане» (1830–1844)², и митрополит Старых Патр Герман, оставивший свои «Воспоминания» (1824). Эти сочинения наглядно демонстрируют, в каком состоянии в это время находились две линии развития православного сознания — традиционная и обмирщенная.

Начнем с того, как оба автора объясняют события 1821 г. Прежде чем перейти к изложению событий периода революции, Досифей, автор единственного систематического описания событий революции 1821 г. на Афоне, приводит длинный перечень грехов святогорцев и знамений Божьих, направленных на вразумление неразумных монахов. Не помогли и увещания патриархов: нерадивые иноки продолжали смущать «преосвященных архиереев, благороднейших и богочтивейших архонтов и почти весь народ»³. В этом Досифей видит главную причину всех несчастий, постигших Афон в 1821–1822 гг.: монахи оставили Бога и за это были наказаны. Герман Патрский смотрит на вещи с принципиально иных позиций. Он предпочитает попросту обойти молчанием вопрос, за какие грехи пришлось грекам терпеть турецкое иго. Также мало его интересуют религиозные различия между завоевателями и поработченными. Не Божью кару, не религиозное угнетение видит митрополит Герман в турецком иге, а угнетение, прежде всего, политическое и национальное. В его глазах султан — в первую очередь государь (а не мусульманин и даже не турок), а поскольку государь, несправедливо управляющий и притесняющий своих подданных, то значит — тиран. Также и Высокая Порта для него, прежде всего, является «властью» (ἐξουσία) или «администрацией» (διοίκησης). Своих противников Герман ни разу не называет «неверными», но везде — турками или врагами⁴.

Если для монаха Досифея началом и концом истории является восхождение к Богу и жизнь согласно Его воле, то для митрополита Германа — политическое освобождение нации. Идея нации пронизывает всю его книгу. Он постоянно говорит о «благе нации», об освобождении от турок как о «деле нации», участников I Национального Собрания называет «представителями нации». Примечательно, что, рассказывая о многих людях, готовивших восстание или проявивших себя в борьбе, Герман даже не упоминает о «все-святейшем и почтеннейшем патриархе священномученике Григории, который принял мученичество ныне в дни султана Махмуда лета 1821 и принес себя в жертву ради свободы своего народа»⁵ (характеристика Досифея). Последнее тем более странно, что Герман в годы своей молодости находился с Григорием V в довольно тесных отношениях, будучи его архидиаконом. Кроме того, Герман нигде не говорит о Церкви как о вдохновителе национального движения или о христианской доктрине как об идейном стержне революции, что отличает его сочинение от мемуаров многих других участников революции 1821 г.

¹ О самом Досифее известно только то, что он происходил с Лесбоса. «Рассказ» был составлен им для чтения в монастыре во время трапезы.

² Датировка дается по: Μαμαλάκης Ι. «Διήγησις περί Αγίου Όρους εν καιρώ της επαναστάσεως του 1821» // Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Επιστημονική επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής. Τ. 7. Θεσσαλονίκη, 1956. Σ. 221.

³ Порфирий. (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. Отд. 2. Киев, 1877. С. 1068–1069.

⁴ См.: Γερμανός. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 38.

⁵ Порфирий. (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. Отд. 2. Киев, 1877. С. 1069.

Симптоматично и то, как оба автора идентифицируют своих соплеменников. Досифей пользуется словом γένος («род, народ»), восходящим к византийской традиции. Византийские авторы обозначали им все ромейско-христианское население империи. Этот термин продолжал существовать и в османскую эпоху, в это время γένος отождествляется с Ромейским миллетом. Эпоха Просвещения принесла новую его интерпретацию: к одному «народу» теперь относятся не все православные, но лишь те из них, кто ведет свое происхождение от древних эллинов. А само слово «эллины» из обозначения язычника превращается в название нации. Параллельно с этой метаморфозой происходила и другая: слово ἔθνος также меняет свое значение. В Св. Писании это синоним язычников, всех, кто не принадлежит к народу Божьему. Именно поэтому слово ἔθνος не встречается в сочинении Досифея. Но в эпоху Просвещения оно получает принципиально иное значение: теперь ἔθνος — это показатель общности языка и культурного наследия. Как раз в этом значении оно и употребляется в мемуарах Германа Патрского¹.

Сравнение сочинений Германа Патрского и Досифея Костамонитского наглядно демонстрирует, какая глубокая пропасть к этому времени разверзлась между традиционалистами и последователями идей Просвещения. Если первые считали своей главной задачей сохранение незыблемости основ веры и все еще мыслили в категориях, восходящих к византийской традиции — не только конфессиональной, но и общественно-политической, то вторые, воспринимая с Запада новые идеи и транслируя их в свою этническую среду, формировали таким образом новое мирозерцание, в котором вера уже не являлась стержнем человеческой жизни. Образовавшуюся пустоту заполнили новые ценности, среди которых одной из важнейших стала идея нации.

Герман Патрский проникся новыми идеями не только на словах, он принял настолько активное участие в национально-освободительной борьбе, что иногда его называют «лидером революции на Пелопоннесе»². Этот вывод сделан во многом под впечатлением от так называемой легенды о Св. Лавре. Согласно легенде, 25 марта 1821 г., в день праздника Благовещения, митрополит Герман в Св. Лавре (монастырь в 5 км от г. Калаврита) воздвиг хоругвь с шитым золотом изображением Успения Богородицы, принял присягу у добровольцев и повел их против турок в Калавриту. Эта легенда получила распространение благодаря французскому дипломату Ф. Пукевилю, застигнутому революцией в Греции, который красочно описал вымышленные события и даже вложил в уста Германа пространную патриотическую речь, где восстание греков сравнивается с борьбой Маккавеев против язычников³. Согласно другой версии описываемые события произошли не в Св. Лавре, а в Патрах⁴. Сам же «герой» в своих мемуарах ничего не говорит об этих событиях. Поэтому ряд исследователей считают их вымышленными⁵. Однако складыванию образа Германа Патрского как вдохновителя революции не помешал даже тот факт, что он в составе греческой делегации вел переговоры с представителем папы Пия VII о том, на каких условиях православные греки готовы согласиться на унию с Римом.

Позиция Церкви в эпоху турецкого владычества, просветительская деятельность ее служителей и их участие в борьбе за создание национального государства

¹ Подробнее см.: Мисюревич О. Е. «Восстань, о Греция, восстань!» С. 57–59.

² Frazee Ch. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 20.

³ См.: Pouqueville F.-C.-H.-L. Histoire de la Régénération de la Grèce. T. 2. Paris, 1834. P. 327–337.

⁴ См.: Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. 12. Σ. 86.

⁵ См.: Κόκκινος Δ. Η Ελληνική επανάσταση. Αθήνα, 1967. Σ. 177–178.

определили восприятие Православия как необходимого условия причастности к греческой нации. Оно начало формироваться еще в османскую эпоху, а с образованием государства заняло прочные позиции в государственной идеологии. Об этом свидетельствует появление в греческом календаре Двойного праздника. В 1838 г. днем празднования национальной независимости Греции было установлено 25 марта. Дата была выбрана не случайно: в этот день Церковь празднует нисшествие к Божией Матери архангела, несущего ей благу вест о грядущем рождении Спасителя. Таким образом, церковный праздник был соединен с государственным: 25 марта 1821 г., официально принимаемое за день начала вооруженной борьбы греков против турок, получило смысла дня не только религиозного, но и национального благовещения — греки как бы получали благу вест о грядущем освобождении. Решение о таком «слиянии» праздников было принято правительством Г. Гларакиса (1789–1855) по важным политическим мотивам: премьер и большинство членов кабинета были влиятельными фигурами т. н. «русской партии», считавшейся проводником российского влияния в стране. Поэтому им важно было подчеркнуть свой национальный характер и показать себя хранителями национальных традиций и блюстителями национальных интересов.

Если причастность к Православной Церкви способствовала сохранению этнической идентичности и складыванию национального самосознания греков, то, напротив, отступление от Православия вело и к смене национальности. Это в первую очередь относится к потурченцам: желая улучшить свое материальное положение, повысить социальный статус, а иногда просто спасти жизнь, некоторые греки принимали ислам. В ряде областей Малой Азии, Эпире, Фракии, Понте, Крите, Кипре, Албании засвидетельствован массовый переход греков в ислам. Желая сохранить социальное положение, так же поступали и многие выходцы из знатных византийских родов. Результатом смены веры были утрата национального языка, а со временем и связи с культурной традицией: православные греки отождествляли мусульман с турками. В свою очередь исламизированные греки не ощущали своего родства с православными: уже при штурме Константинополя они сражались на стороне турок.

Альтернативой исламу было католичество, активно пропагандировавшееся папскими миссионерами не только на территориях, захваченных венецианцами, но и в Османской империи. Среди греков-католиков процесс размывания этнической идентичности шел гораздо менее интенсивно, но ослабление связи с православной частью нации особенно давало о себе знать в критические моменты национальной истории. Так, католическое население островов Эгейского моря не поддержало революцию 1821 г.¹ Несмотря на то, что греки-католики продолжали считать себя частью греческой нации, среди православного большинства постепенно формировалось восприятие Православия как национальной конфессии.

Вкратце суммируем все сказанное. Следствием османского завоевания Византийской империи стало превращение Православной Церкви в единственный легитимный социально-политический институт православного населения в османском государстве. Благодаря этому Церковь стала хранительницей византийской общественно-политической и культурной традиции. Греческий язык как язык богослужения и образованности долгое время служил объединяющим началом и для других

¹ См.: *Frazee Ch. A. The Greek Catholic Islanders and the Revolution of 1821 // East European Quarterly. 1979. № 3. P. 315–126.*

балканских народов. Для самой Церкви возложение на нее гражданских функций имело следствием углубляющееся обмирщение, облегчавшее проникновение в греческую среду новых идей из Западной Европы. Носителем этих новаций стало, прежде всего, купечество, но в первой четверти XIX в. мы находим просвещенческое мирозерцание и среди духовенства. Одно из наиболее импонирующих грекам достижений Просвещения — идея народного суверенитета — было воспринято ими как идея суверенитета национального. Огромную роль в ее распространении сыграло духовенство, не только морально готовившее паству к любым формам борьбы за нее, но и принимавшее активное участие в этой борьбе вплоть до военных действий. Однако распространение идей Просвещения среди греков не было триумфальным шествием: реакцией на него стала консолидация сил сторонников православной традиции, выразившаяся в Анти-Просвещении. Последнее заняло охранительную позицию в отношении византийского наследия, которая, как ни парадоксально, с одной стороны противостояла Просвещению, а с другой — создавала благоприятную почву для распространения его идей. Все это вело к тому, что Православие в восприятии греков постепенно превращалось в национальную веру, и начинало играть подчиненную роль по отношению к национальной идее, а Церковь стала рассматриваться как греческий национальный организм.

От книжности к Просвещению

Политический и экономический упадок Византии в XIII–XIV вв. парадоксальным образом сочетался с подъемом ее культуры и образованности¹. В конце XIII в. был заново отстроен университет, который уже в XIV в. дал целую плеяду выдающихся ученых. Здесь учились Григорий Палама и Николай Кавасила, их идейный противник Григорий Акиндин, астроном, историк и писатель Никифор Григора. Греческая образованность стала цениться не только в Византии, но и среди европейцев. Еще в XII в. итальянцы воспринимали греков исключительно как еретиков и всякое проявление культуры и цивилизованности почти что варварским в то время Западом воспринималось как ересь. Например, приезд византийской принцессы в Венецию в то время шокировал местное общество тем, что она пользовалась вилок в время еды. Но в XIV в. ситуация изменилась. По словам папы Пия II (Энеа Сильвио Пикколомини), в то время образованным человеком в Италии мог считаться только тот, кто учился в Константинополе. Знание греческого языка стало условием принадлежности к интеллектуальной элите. Бокаччо, друг первого почитателя греческой литературы Петрарки, пригласил во Флоренцию уроженца Южной Италии грека Леонтия Пилата, который учился у знаменитого Варлаама Калабрийского. Специально для Пилата во флорентийском университете в 1360 г. была основана первая в мире кафедра древнегреческой филологии².

Однако, начиная с середины XIV в., византийская система образования начинает разрушаться. Это было связано, прежде всего, с расширением османской экспансии и возрастанием непосредственной угрозы Константинополю. С того времени, как турки впервые появились в Европе, греческую образованную элиту охватила паника. Началось бегство умов на Запад. Ему способствовало некоторое сближение

¹ См.: Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М., 1991.

² См.: *Pertusi A. Leonzio Pilato fra Petrarca e Boccaccio*. Venezia; Roma, 1964.

интеллектуальных элит в связи с обращением греков за помощью к Западу. Некоторые греческие книжники сопровождали императора Иоанна V в его поездке в Италию (1369–1371). Многие интеллектуалы прибывали на Запад в качестве дипломатических представителей. Их приезд значительно продвинул знания европейцев о греческом классическом наследии¹.

Одним из первых дипломатов, надолго осевших в Италии, стал Мануил Хрисолора. Он прибыл во Флоренцию в 1397 г., и именно ему итальянцы обязаны началом систематических уроков греческого языка. Для своих учеников он составил грамматику, изданную в печатном виде лишь в 1471 г. Эта грамматика стала лучшим учебным пособием, проверенным временем, по ней учились гуманисты из окружения Рейхлина и Эразма. Кроме того, своих итальянских учеников Хрисолора учил уже утвердившейся в Византии технике перевода. На Западе тогда переводили тексты дословно, при этом терялась не только их литературная форма, но иногда и смысл, в то время как грекам уже была знакома техника перевода *ad sententiam*. Помимо Флоренции, Хрисолора жил и в других итальянских городах (Риме, Милане, Павии) и подготовил там почву для следующего поколения греческих книжников².

Но его примеру не сразу последовали другие. Уже говорилось, что как раз в начале XV в. поражение Баязида отсрочило османское завоевание Константинополя. Однако уже после 1430 г. (взятие Салоник) и особенно после Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) начинается настоящая эмиграция греческих книжников в Европу. Среди тех, кто прибыл тогда в Италию, были такие известные фигуры, как Георгий Гемист Плифон³ и бывший Никейский митрополит Виссарион⁴. Плифон, которого обычно включают в историю Византии, принадлежал на самом деле двум эпохам. Он был своего рода связующим звеном между Средневековьем и Новым временем. Для итальянских гуманистов, находившихся еще под влиянием Аристотеля и только открывавших для себя философию Платона, он написал небольшое пособие «О проблемах, по которым Аристотель расходился с Платоном». Оно было чрезвычайно популярным, а взгляды Плифона способствовали размежеванию европейских философов на платоников и последователей Аристотеля. Более того, учение Плифона оказало огромное влияние на формирование нового мировосприятия у европейских философов⁵.

Любимым учеником Плифона был Виссарион. Он был родом из Трапезунда, учился в Константинополе. 1431–1436 гг. он провел в столице Морейского деспотата в окружении Плифона, где и усвоил его поверхностное отношение к религии и почитание Платона. При посредничестве Плифона Виссарион, к тому времени уже монах, был представлен императору, который назначил его игуменом одного из столичных монастырей. В следующем 1437 г. он был возведен в сан митрополита Никейского и в таком качестве отправился на собор в Феррару. Виссарион искренне считал, что спасение Византии может произойти только благодаря Западу и ради этого можно

¹ См.: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. СПб., 1994. С. 251.

² Подробнее см.: Cammelli G. Manuele Crisolora. Firenze, 1941.

³ О нем см.: Blum W. Georgios Gemistos Plethon: Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich, 1355–1452. Stuttgart, 1988.

⁴ Самый фундаментальный труд о Виссарионе написан Л. Молером: Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. 3 Bände. Paderborn, 1923–1942.

⁵ См.: Рассел Б. История западной философии. Т. 2. М., 1993. С. 17.

пожертвовать своей верой. Эта позиция демонстрирует отношение к религии самого Виссариона, но не греческого народа, который, как уже говорилось, унию не принял. В результате Виссарион остался в Италии и стал первым кардиналом униатской Церкви. Более того, он даже чуть не был избран папой.

Виссарион жил в Риме, а его дом стал своего рода философским кружком. Среди посещавших его греков самыми известными были Феодор Газис и Георгий Трапезундский. Итальянцы больше всего ценили их переводы сочинений греческих авторов. К кружку Виссариона принадлежали также Михаил Апостолис и Андроник Каллист. Из числа итальянцев кружок Виссариона посещали Поджио Браччолини и Лоренцо Валла. Сам Виссарион слыл образованнейшим человеком своей эпохи, за что его звали *Latinorum Graecissimus*, *Graecorum Latinissimus*. Он собрал громадную по тем временам библиотеку, в которой было не менее 500 только греческих рукописей. Особенно активно Виссарион стал собирать греческие рукописи после 1453 г., желая сохранить их для своих соплеменников. В 1468 г. он подарил свою коллекцию рукописей Венеции, во владениях которой нашло пристанище наибольшее число его соотечественников¹.

Наконец, Виссарион был одним из основоположников научного метода работы с рукописными текстами. Его филологические изыскания были связаны, прежде всего, с богословскими спорами, шедшими по вопросу об объединении Церквей. Хорошо известно, что важнейшим догматическим расхождением между католичеством и Православием является вопрос об исхождении Святого Духа. В одном из сочинений Василия Великого Виссарион нашел место, которое можно было интерпретировать как подтверждающее точку зрения католиков. Поскольку Василий Великий был непрекаемым авторитетом для православных, то это место могло бы послужить стимулом для православных принять точку зрения католиков. По этому вопросу Виссарион выступал на Ферраро-Флорентийском соборе. Его оппоненты из греческой делегации в ответ заявили, что использованная Виссарионом рукопись не аутентична, а в их распоряжении якобы находились подлинные рукописи, где спорное место трактуется иначе. Тогда Виссарион срочно выехал в Константинополь и проанализировал все доступные списки этого сочинения Василия Великого. В результате получилось, что из шести списков только один совпадал с утверждениями его противников. Но в этом списке были очевидные следы позднейшей переработки. Когда дискуссия на церковном соборе возобновилась, Виссарион смог представить своим оппонентам два списка, датированные не позднее чем XII в. и подтверждающие его точку зрения, в то время как его оппоненты опирались на списки, сделанные, по всей вероятности, во время работы собора. Возраст найденных Виссарионом списков исключал возможность подделки. Во-первых, вопрос об унии Церквей в то время не ставился, а во-вторых, ни один итальянец не владел тогда в такой степени греческим языком, чтобы подделать стиль Василия Великого. Обо всем этом Виссарион пишет в одном из своих сочинений².

Вот еще один случай из филологической практики Виссариона. Как-то раз после литургии в доме Виссариона началась дискуссия по поводу читаемого на этой службе отрывка из Евангелия от Иоанна (21:22). По смыслу греческий текст этого места

¹ Подробнее см.: *Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann*. 3 B. Paderborn, 1942; *Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe*. Cambridge, 1962.

² См.: *Медведев И. П. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 8. 1976. С. 274–285.

расходился с принятой тогда редакцией Вульгаты: Иисус говорит Петру об Иоанне: Εἰὼν αὐτόν θέλω μένειν ἕως ἔρχομαι, τί πρὸς σε. Латинский же текст вместо εἰὼν давал sic, а не si (сейчас это место исправлено). И вот между греками и итальянцами разгорелся спор о приоритете. Между тем, в данном случае имела место всего лишь закрепившаяся описка, о чем и говорил Виссарион. Но его оппоненты все-таки настаивали на своем, ведь текст Вульгаты был для них каноническим. Тогда Виссарион написал на эту тему специальное сочинение. В нем он приводил в пример Иоанна Златоуста и других авторов, цитирующих это место из Евангелия. Кроме того, писал Виссарион, латинское sic не вписывается в контекст. Наконец, еще один из его аргументов строился на том, что греческий текст является оригиналом и потому должен иметь приоритет перед латинским переводом¹. Последняя мысль для итальянских гуманистов была поистине революционной. Точка зрения о приоритете греческого оригинала Евангелия перед латинским переводом стала господствующей среди европейских филологов лишь после Эразма.

Настоящее бегство греческих книжников в Италию и другие европейские страны началось после 1453 г. В это время Италия была раздроблена на отдельные города-государства, которые соперничали между собой не только в богатстве и политическом влиянии, но и в покровительстве наукам и искусствам. Одним из важнейших центров итальянского Возрождения была Флоренция, которая также стала культурным центром греческой диаспоры. Под влиянием Плифона Козимо Медичи создал во Флоренции Платоновскую Академию. Греческим книжникам нашлась работа и во Флорентийском университете. В 1456 г. профессором греческой филологии в нем стал Иоанн Аргиропулос, находившийся на этом посту 14 лет. На его лекции съезжались студенты со всей Италии. Его отъезд из Флоренции, где он жил безбедно и пользовался покровительством герцога, был вызван смертью детей. После некоторого времени путешествий Аргиропулос поселился в Риме и занялся переводами с греческого на латынь.

Во Флоренции некоторое время преподавал и Янос Ласкарис, принадлежавший уже к следующему поколению греческих книжников, родившихся в эмиграции. Ласкарис долго не задержался в университете. В 1494 г. начались т. н. итальянские войны, суть которых сводилась к соперничеству между Францией и Испанией за влияние на политически раздробленном Апеннинском полуострове. В могущественном французском короле Карле VIII Ласкарис увидел возможного освободителя своих соотечественников от османского ига и потому перешел к нему на службу. Он даже в восьмидесятилетнем возрасте неустанно обращался к сильным мира сего — папам, французским королям, а после их поражения — к германскому императору в надежде сподвигнуть европейцев на выступление против турок.

Другой важной фигурой греческой образованности того времени стал Димитрий Халкокондил², двоюродный брат известного историка Лаоника Халкокондила. Димитрий Халкокондил, впервые приехавший в Италию в 1449 г., больше времени, чем кто-либо из его соотечественников, посвятил преподаванию и популяризации греческой культуры среди итальянцев. Не менее 9 лет он преподавал в падуанском университете, 16 лет во Флоренции, 20 лет в Милане. Миланский двор соперничал в роскоши и меценатстве с флорентийским. При дворе герцогов Сфорца трудились Леонардо да Винчи, Браманте и др. Из числа греков там преподавали Димитрий

¹ См.: Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. 3 B. Paderborn, 1942. S. 70–87.

² О нем см.: Camelli G. Demetrio Calcondila. Firenze, 1954.

Кастринос, Андроник Каллист, Константин Ласкарис, и дольше всех — Димитрий Халкокондил. В отличие от других своих соотечественников, которые занимались преимущественно преподаванием и переводами, Халкокондил стал одним из первых издателей греческих печатных книг. Он опубликовал гомеровские эпосы, принесшие ему громкую славу, а также Исократа и словарь Суда¹.

Примерно в то же время (середина 1490-х гг.) в Венеции начало выпускать греческие книги издательство, основанное Альдом Мануцием². Само издательство просуществовало около 100 лет, а одним из первых редакторов в нем стал выходец с Крита блестящий филолог Марк Мусурос. Точный вклад Мусуроса в развитие греческой филологии трудно оценить, так как рукописи с его пометками для типографии по большей части утрачены. Но, судя по всему, именно он исправил множество ошибок и описок при подготовке рукописей к печати³.

После 1453 г. греческие книжники пытались обустроить свою жизнь не только в Италии, некоторые из них двинулись и вглубь Европы в поисках лучших условий для жизни и работы. Например, Андроник Каллист не сумел надолго обосноваться в итальянских городах. Продав самое ценное, что у него было, — греческие рукописи, он отправился сначала во Францию, а затем в Англию. Несмотря на то, что центром Возрождения и классических штудий была Италия, в других частях Европы тоже начал появляться интерес к греческой культуре. С 1476 г. в Париже преподавал греческий язык ученик Плифона Георгий Германим. У него учились не только французы. Среди его учеников — немец Рейхлин и голландец Эразм.

Таким образом, мы видим, что благоприятные условия, сложившиеся в XV в. преимущественно в Италии, привели к формированию там центров греческой учености. Деятельность обосновавшихся там книжников можно оценивать двояко. С одной стороны, они сохранили для собственного народа шедевры его письменной культуры и саму традицию греческой образованности. Заработанные преподаванием или государственной службой деньги они использовали на издание греческих книг (Димитрий Халкокондил) или на поддержку греческих студентов и учебных заведений (Янос Ласкарис). С другой стороны, именно греческие книжники, эмигрировавшие в Италию в XV в. заложили основы греческой филологии в Европе, а также внушили европейским интеллектуалам новые философские идеи, которые привели, в конечном счете, к формированию новых философских систем.

Но в XVI в. условия для меценатства в Италии стали значительно хуже. Итальянские войны продолжались больше 60 лет и привели к разорению государств Апеннинского полуострова. Теперь итальянским правителям стало не до меценатства. Однако к этому времени основные центры греческой культурной жизни уже успели сформироваться. И теперь они могли функционировать и без поддержки итальянских правителей. И все же отток греческих интеллектуальных сил на Запад продолжался весь XVI в.

Но если в Италии и других европейских странах в XVI и последующих столетиях были хоть какие-то условия для сохранения греческой учености, то в землях, находившихся под османским владычеством, первые два столетия чужеземной власти характеризуются

¹ См.: Proctor R. The Printing of Greek in the 15th Century. Oxford, 1966.

² Значение деятельности этого издательства для культурной жизни эпохи хорошо показано в: Lowry M. Il mondo di Aldo Manuzio. Affari e cultura nella Venezia del Rinascimento. Roma, 1984.

³ Подробнее см.: Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, 1962.

полным упадком греческой образованности и науки. Уже современники называли несколько причин этого упадка. Это, во-первых, бегство умов на Запад, которое лишало их родину ученых и учителей. Во-вторых, огромный ущерб, нанесенный экономике и населению османским завоеванием. И, наконец, это упадок греческих городов в тот период.

С точки зрения истории греческой книжности первый период османского владычества начинается 1453 годом. В данном случае эта дата вполне оправдана, поскольку падение Константинополя стало поворотным моментом для развития греческой духовной культуры. Книжники, писавшие до этого времени, вполне обоснованно могут быть причислены к византийской традиции. Взятие турками христианской столицы поставило под угрозу само существование греческой культуры. 2-я половина XV–XVI в. — это время крайнего упадка греческой образованности¹. Школьное образование в это время почти отсутствовало. Причина этого заключалась не в том, что турки запрещали открывать школы — такой информации нет. Дело в том, что просто не было достаточно образованных учителей. Сохранились сведения о нескольких небольших приходских школах, которые функционировали на началах благотворительности. Едва ли не единственным учебным центром была Патриаршая академия в Константинополе (Μεγάλη του Γένους Σχολή). Она была основана в 1454 г. патриархом Геннадием Схоларием. Однако долгое время это учебное заведение существовало лишь на бумаге. Попытки его возрождения предпринимал просвещенный патриарх Иеремия II в 1580-е гг. Но лишь в начале XVII в. школа стала по-настоящему функционировать. Это старейшее греческое учебное заведение просуществовало вплоть до наших дней. Таким образом, если в столице и некоторых монастырях и городах во второй половине XV в. еще жили последние представители византийской традиции, то следующее поколение уже было лишено возможности получить образование. Η κάκωσις του Γένους² — так назвал состояние греческой нации в то время церковный и общественный деятель XVIII в. Евгений Вуларис.

В середине XVI в. наметился некоторый сдвиг с мертвой точки в деле образования. Важным центром греческого образования и культуры стал Хиос, жители которого преуспевали в торговле. В середине XVI в. там преподавали приглашенные с Ионических островов ученые мужи, среди них — Пахомий Русан и Михаил Гермодор Листарх. Жители острова подумывали об основании университета и даже построили здание для этой цели³. Но осуществление этой идеи было сорвано переходом острова в руки турок в 1566 г. Тем не менее, на протяжении почти целого столетия Хиос оставался одним из центров греческой образованности. Учившиеся там греки впоследствии занимали видные должности при патриархе и в церковной иерархии⁴.

Новый этап в истории греческой образованности начинается в 1620-е гг. Он тесно связан с именами патриарха Кирилла Лукариса и первого новогреческого философа Феофила Коридалевса. Кирилл Лукарис был родом с Крита, принадлежавшего тогда Венеции. Он учился первоначально у критских книжников, а потом продолжил

¹ Подробнее см.: Ευαγγελίδης Τ. Ε. Η παιδεία επί Τουρκοκρατίας. Ελληνικά σχολεία από της αλώσεως μέχρι Καποδιστρίου. Τ. 1. Αθήνα, 1936.

² Порча нации.

³ См.: Καρμίρης Ι. Ο Π. Ρουσάνος και τα ανέκδοτα δογματικά και άλλα έργα αυτού νυν το πρώτον εκδιδόμενα. Αθήνα, 1935.

⁴ См.: Ευαγγελίδης Τ. Ε. Η παιδεία επί Τουρκοκρατίας. Ελληνικά σχολεία από της αλώσεως μέχρι Καποδιστρίου. Τ. 1. Αθήνα, 1936.

образование в Падуанском университете. Поскольку в греческих землях светские учебные заведения отсутствовали, многие обеспеченные семьи посылали своих детей учиться в Европу. Большинство греческих студентов учились именно в падуанском университете. Во-первых, это было географически близко. Во-вторых, Падуя находилась во владении Венеции и потому папский контроль над ее университетом был слабее, чем во многих других итальянских городах. Кроме того, большая греческая диаспора в Венеции и ее владениях поддерживала своих соотечественников. Сам Падуанский университет, в свою очередь, охотно принимал в ряды студентов православных греков¹.

Будучи сингелом Александрийского патриарха Мелетия Пигаса² (также выдающегося церковного и общественного деятеля), Кирилл получил назначение экзарха в Польшу, где впервые столкнулся с католической пропагандой в отношении православных. Уже в то время Лукарис стал убежденным противником католичества. В 1601 г. после смерти Мелетия Пигаса Лукарис был избран Александрийским патриархом, а в 1620 г. — Константинопольским. Для патриархии это было трудное время, поскольку за влияние на умы православных подданных Османской империи соперничали католические и протестантские державы. Лукарис избрал в союзники дипломатических представителей последних (Англия, Голландия).

Одно из направлений своей деятельности на патриаршем престоле Лукарис видел в нейтрализации католической пропаганды, которой активно занимались в греческих землях иезуиты и другие католические монахи. При этом он руководствовался не только политическими, но и идейными соображениями. Лукарис был согласен со многими догматами кальвинизма. Это совсем не нравилось католическим дипломатам и иезуитам, поэтому они использовали все средства, чтобы его устранить. Лукариса пять раз низлагали с патриаршего престола и, в конце концов, убили (1638)³.

Другим направлением деятельности Лукариса было возрождение греческой системы образования. Надо сказать, что он был первым патриархом с университетским образованием после 1453 г. Вокруг него сформировался своего рода ученый кружок, куда входили наиболее образованные греки той эпохи — Феофил Коридалевс, Евгений Яннулис, Никодим Метаксас, Максим Каллиполит и др. Всех их объединяла общность восприятия образования как такового. В просвещении они видели не только путь к моральному совершенствованию и правильному пониманию христианства, но и путь к духовному возрождению нации. С этой целью основывались новые школы в разных частях страны. Сподвижник Лукариса Никодим Метаксас привез из Англии в Константинополь типографское оборудование и в 1627 г. была открыта первая в Османской империи греческая типография, которая должна была печатать книги и на народном языке⁴. Другой сподвижник Лукариса Максим Каллиполит перевел на народный язык Новый Завет, который был издан в 1638 г.⁵ Неизвестно, какие результаты

¹ См.: *Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe.* Cambridge, 1962.

² О нем см.: Γρεγοράς Γ. Μελέτιος ο Πηγάς // Πανδώρα. Τ. 9. 1858. Σ. 254–261.

³ О патриаршестве Кирилла Лукариса, его взглядах, просветительской деятельности см.: *Hering G. Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik, 1620–1638.* Stuttgart, 1968.

⁴ *Layton E. Nikodemos Metaxas, the First Greek Printer in the Eastern World* // *Harvard Library Bulletin.* 15 (1967). P. 140–168.

⁵ См.: Μανούσακας Μ. Νέα στοιχεία για την πρώτη μετάφραση της Καινής Διαθήκης στη δημοτική γλώσσα από τον Μάξιμο Καλλιπολίτη // *Μεσαιωνικά και Νέα Ελληνικά.* 2 (1986). Σ. 5–79.

принесла бы деятельность Лукариса и его окружения, которые фактически придерживались программы европейских гуманистов, но многие их начинания оказались загубленными. Типография была быстро закрыта по навету иезуитов, а перевод Нового Завета был осужден греческим духовенством. Встретила сопротивление и деятельность Коридалевса по реорганизации Патриаршей академии.

Феофил Коридалевс¹ родился в Афинах в 1563 г. и там же получил начальное образование. Затем он учился в греческом коллегии Св. Афанасия в Риме², а после — в Падуанском университете, где получил степени доктора философии и медицины. Во время своего пребывания в Италии он учительствовал в греческой общине в Венеции. В 1613 г. он отправился на родину в Афины, где стал преподавать целый ряд предметов — философию, географию, астрономию и др. В 1619 г. Коридалевс покинул Афины из-за разногласий с соотечественниками и по приглашению одного из учеников, Никодима Метаксаса, уехал на Ионические острова. В середине 1620-х гг. Кирилл Лукарис пригласил его в Константинополь, где Коридалевсу была поручена реорганизация Патриаршей академии. Он ревностно взялся за это дело, причем кардинально изменил характер преподавания. Если прежде основное внимание уделялось богословию, то Коридалевс сделал ядром всех занятий философию. Слава его привлекла множество учеников. Благодаря Коридалевсу, академия приобрела университетский характер. Так в своей практической деятельности Коридалевс реализовывал взгляды, усвоенные им в годы учения в Италии.

В то время на Западе был моден неоаристотелизм в философии. В чем же его сущность? Дело в том, что средневековая западная философия опиралась на Аристотеля, но не на его оригинальные тексты. Запад узнал Аристотеля от арабов, прежде всего от Аверроэса. Но арабские философы местами существенно исказили текст оригинала. Поэтому настоящего Аристотеля европейцы узнали только тогда, когда его труды стали переводиться на латынь с греческого византийскими книжниками, уехавшими на Запад. В частности, «Метафизика» Аристотеля была переведена Виссарионом Никейским. Философия, основанная на новом прочтении теперь уже подлинного Аристотеля, и получила название неоаристотелизма. Ее приверженцы отказались от средневекового схоластического взгляда на философию как на служанку богословия, а стали рассматривать ее как самостоятельный способ познания мира. Вот почему и Коридалевс сделал философию главным предметом среди тех, которые он преподавал.

По причине политических интриг в Константинополе Коридалевсу приходилось добровольно или вынужденно покидать город, когда партия Лукариса терпела поражение. После смерти Лукариса его преемник возвел Коридалевса в сан митрополита Артского и Навпактского (1640), это было сделано с тем, чтобы опять-таки отправить его в провинцию. Вскоре Коридалевса лишили и этого места, тогда он вернулся на родину, где вплоть до своей смерти (1646) занимался преподаванием.

Помимо собственно педагогической деятельности Коридалевс оставил множество сочинений, большинство из которых представляют собой комментарии и толкования Аристотеля и составлены в форме учебных пособий. Они написаны четким, ясным

¹ Деятельности, взглядам и ученикам Коридалевса посвящена труднодоступная работа К. Цуркаса: *Tsourkas C. Les débuts de l'enseignement philosophique et de la libre pensée dans les Balkans. La vie et l'œuvre de Théophile Corydalée (1563–1646)*. Bucarest, 1948.

² См.: Τσιρπανλής Ζ. Οι μαθητές του Ελληνικού Κολλεγίου της Ρώμης (1576–1700) // *Δωδώνη*. 7 (1978). Σ. 30.

архаизированным языком и оставались основными учебниками по философии не только в XVII, но и в XVIII в. Комментируя Аристотеля, Коридалевс писал о том, что философия отличается от богословия, и не признавал богословских интерпретаций Стагирита. Единственный возможный способ познания природы — с помощью разума, а не богословия. Коридалевс не признавал чудес, но, тем не менее, признавал существование Бога и сверхъестественного мира. Сверхъестественное не может быть познано с помощью разума и, следовательно, не является предметом философского анализа. Разумеется, такие воззрения могли встретить (и встретили) враждебную реакцию со стороны многих представителей духовенства. Поэтому Коридалевс делал оговорку, что это, якобы, не его взгляды, а Аристотеля, а сам он признает догматы Православной Церкви¹. И все же его самого и его учеников не переставали обвинять в безбожии и кальвинизме.

В действительности эти обвинения были небезосновательны. Коридалевс стал первым среди греков популяризатором западной рационалистической философии, которая на самом деле была тесно связана с протестантским вероучением. Выдвижение на первый план человеческого разума, который стал постепенно оттеснять религиозное чувство, началось еще в гуманистическую эпоху. Причем среди греческих книжников еще раньше, чем на Западе. Но в ходе завоевания турками Византии подавляющее большинство склонных к рационализму греков оказались на Западе, приняли унию или вовсе перешли в католичество. Таким образом, произошло своего рода размежевание между твердо православными и рационалистами: в греческих провинциях Османской империи рационалистов практически не осталось. И вот теперь началось обратное распространение рационализма с Запада на Восток. Именно с Коридалевса западное рационалистическое мировоззрение стало укореняться среди греческих книжников².

Что же касается самого Запада, то там рационализм XVII в. сменился Просвещением XVIII в., которое вообще обожествовало разум и таким образом пришло к атеизму и борьбе с христианской Церковью. Поэтому греческие ревнители Православия в данном случае верно чувствовали опасность, исходящую от уроков Коридалевса. Его учение подготовило почву для распространения среди греков в следующем столетии идей Просвещения, поставивших под сомнение авторитет Церкви.

Уже некоторые из учеников Коридалевса придерживались не вполне православных взглядов. Наиболее известен случай с Иоанном Кариофиллисом. Кариофиллис считался одним из самых образованных людей второй половины XVII в., причем как в области богословия, так и в светских науках. Он занимал важные должности при патриаршем дворе и наследовал Коридалевсу в управлении Патриаршей академией. Развивая некоторые положения своего учителя, он пришел к отрицанию православных взглядов на Божественную литургию. В 1645 г. он опубликовал свою точку зрения по вопросу о пресуществлении Св. даров. Кариофиллис отрицал сам термин «пресуществление» и его содержание³. Патриархия, несмотря на влияние положения, которое занимал Кариофиллис, была вынуждена осудить его взгляды. Но он не отрекся от своих воззрений, вступил в полемику и, в конце концов, был вынужден уехать в Валахию (1691).

¹ См.: Meyer Ph. Die theologische Literatur der griechischen Kirche im 16. Jahrhundert. Leipzig, 1899.

² Там же.

³ Обстоятельный разбор взглядов Кариофиллиса см.: Παπαδόπουλος Χ. Ιωάννης Καρυοφύλλης. Αλεξάνδρεια, 1918; Παπαδόπουλος Χ. Εξωτερικά επιδράσεις επί της ορθόδοξου θεολογίας κατά τον ΙΣΤ' και ΙΖ' αιώνα. Αθήνα, 1937. См. тж.: Podskalsky G. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft 1453–1821. München, 1988.

Если Кариофиллис был продолжателем философского учения Коридалевса, то его просветительская деятельность была продолжена другим учеником этого книжника, Евгением Яннулисом, известным также как Евгений Этолийский. Яннулис учился у Коридалевса на Закинфе, а потом поехал с ним в Константинополь. Но политические интриги столицы, в которых участвовало и высшее духовенство, были ему чужды, и после смерти Кирилла Лукариса он уехал в Грецию. На протяжении более чем 40 лет он занимался преподаванием. Причем Яннулис сознательно избирал такие места своего пребывания, где дело народного просвещения находилось в особенно жалком состоянии. Он основывал школы и преподавал в Этолоакарнании — отдаленной и отсталой в культурном отношении провинции Османской империи, а под конец жизни вообще перебрался в горный район Аграфа. Там в селении Враньяна он основал школу, которая впоследствии превратилась почти что в университет. В отличие от Кариофиллиса Яннулис не высказывал еретических суждений и вел благочестивую жизнь. Своим слушателям он внушал мысль о том, что образование необходимо для духовного возрождения нации¹.

Влияние Коридалевса распространилось и за пределы греческого мира. Среди его учеников были выходцы из Дунайских княжеств, которые по возвращении на родину организовали преподавание философии по методу Коридалевса в ясской и бухарестской академиях. Среди молдавских философов, явно испытавших на себе влияние Коридалевса, можно назвать Дмитрия Кантемира².

Начатое Кириллом Лукарисом и его окружением дело было продолжено их учениками и последователями. К середине XVIII в. в греческих землях насчитывалось уже 52 школы, которые готовили кадры для патриаршего двора и даже османской государственной службы. Большую роль в развитии греческой образованности сыграл экономический и социальный подъем греческой нации. Остановимся подробнее на тех ярких личностях, которые в XVIII в. стали продолжателями традиций греческой образованности.

По всей вероятности, в одном году (1716) родились сразу два видных представителя греческой образованности — Косьма Этолийский и Евгений Вулгарис. Вулгарис, после обучения в школах Арты и Янины, отправился в Падуанский университет. В студенческие годы он начал преподавать в греческой гимназии в Венеции. В 1740-х гг. он поехал в Грецию и взял на себя руководство греческими школами сначала в Янине, а потом в Козани. Слава о педагогических талантах Вулгариса была столь велика, что патриарх назначил его директором школы на Афоне (1754). Лекции Вулгариса собирали до 200 слушателей, и с его приездом школа была преобразована в Академию. Через несколько лет Вулгарис переехал в Константинополь, чтобы преподавать философию и математику в Патриаршей академии.

В 1760-е гг. Вулгарис оставил преподавание и отправился в Лейпциг, где посвятил себя ученым штудиям. Он писал собственные и переводил на греческий язык сочинения европейских авторов по философии и математике. Вскоре Вулгарис был замечен просвещенным прусским королем Фридрихом II, который очень любил собирать при своем дворе ученых и просветителей. При прусском дворе Вулгарис вел богословские дискуссии с Вольтером и переводил «Наказ», данный Екатериной II Уложенной

¹ См.: Ευαγγελίδης Τ. Ε. Η παιδεία επί Τουρκοκρατίας. Ελληνικά σχολεία από της αλώσεως μέχρι Καποδιστρίου. Τ. 2. Αθήνα, 1936.

² См.: Tsourkas C. Les débuts de l'enseignement philosophique et de la libre pensée dans les Balkans. La vie et l'œuvre de Théophile Corydalée (1563–1646). Bucarest, 1948.

комиссии. Последнее стало поводом для того, чтобы Екатерина пригласила к себе Вулгариса в качестве библиотекаря (1771). В России он написал несколько сочинений богословского и философского характера. Когда на отвоеванных у турок землях была создана Архиепископия Полтавская и Херсонская, Вулгарис стал первым, кто ее возглавил. Он активно способствовал заселению греками южных областей России. Уже в преклонном возрасте он переехал из Полтавы в Петербург и там вернулся к переводам и составлению учебных пособий для греческого юношества¹.

Иначе сложилась судьба Косьмы Этолийского. Среди прочих школ, где он учился, выделяется школа во Враньяна, где живы еще были традиции Евгения Этолийского. Именно там Косьма усвоил мысль о том, что просвещение необходимо для духовного возрождения нации. После этого Косьма учился в Афониаде у Вулгариса, который на своих уроках учил студентов не только наукам, но и патриотизму, внушая им мысль о том, что греки должны бороться и за политическое освобождение. По окончании учения Косьма принял монашеский постриг, а затем отправился в Константинополь. Там его брат Хрисанф был директором школы и преподавал в Патриаршей академии. Он представил Косьму патриарху, от которого тот получил благословение на миссионерскую деятельность. Косьма начал проповедовать в пригородах Константинополя, а потом отправился путешествовать по Греции. В своих проповедях он учил народ не только христианской жизни, но и необходимости образования, говоря о том, что без этого невозможно духовное и политическое возрождение нации. В тех селениях, куда приходил Косьма, открывались школы. Всего им было открыто 247 школ — это почти половина всех греческих школ в Османской империи, существовавших до 1821 г. Антитурецкие проповеди Косьмы настроили против него турок и в 1779 г. Косьма был убит². Но его миссионерская деятельность, сопровождавшаяся многочисленными чудесами, принесла ему такую славу, что греческая Церковь причислила его к лику святых. А народ стал называть его *εὐναπόστολος*³.

Жизнь и деятельность двух просвещенных греков — Евгения Вулгариса и Косьмы Этолийского — это важный показатель той эпохи. В это время экономическое благополучие греков дало им возможность развивать дело образования, а начавшийся упадок Османской империи внушил надежды и на национальное освобождение. Но в это время наметилось разделение греческой образованности на две традиции — Просвещение, находящееся под значительным влиянием западноевропейского Просвещения, и своего рода Анти-Просвещение, ориентированное на национальную традицию образования и Православную Церковь. Евгений Вулгарис, получивший образование в Европе и трудившийся при дворах европейских просвещенных монархов, были близок к западным просветителям, а Косьма, напротив, ориентировался на национальную традицию и христианские ценности.

Современная греческая система образования формировалась в течение XIX–XX вв., однако ее идейные основы закладывались уже в XVIII столетии. XVIII в. — время возрождения образования на греческих землях. В этот период активное строительство школ

¹ Подробнее о жизни и трудах Вулгариса см.: *Batalden S. Catherine's II Greek Prelate Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. N. Y., 1982.

² Подробнее см.: *Зютакис А. Г.* Просветительская деятельность и педагогическая концепция Косьмы Этолийского (2-я пол. XVIII в.) // *Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях*. М., 2006. С. 16–33.

³ Национальный апостол.

сочеталось с появлением новых образовательных систем, подходов и теорий. Кроме того, именно в образовательной сфере наиболее ярко отразилась полемика между двумя крупными идейными течениями эпохи: Просвещением и православным традиционализмом. Каждое из них осознавало важность народного просвещения и развития национальной системы образования и потому создало свои собственные образовательные парадигмы.

Для XVIII–начала XIX в. определяющей оставалась парадигма, предложенная именно традиционными просветителями. Среди них надо выделить имена Никодима Святогорца, Макария Нотараса, Афанасия Паросского, Косьмы Этолийского. Поскольку их парадигма формировалась в полемике с европейским Просвещением, то мы определили ее как Анти-Просвещение. Однако решающую роль в формировании современной греческой системы образования сыграла парадигма Просвещения. Отступление традиционного просветительства на второй план было вызвано в значительной степени не культурными, а политическими причинами: создание в греческих землях государства европейского образца с неизбежностью влекло за собой перестройку по этому образцу и всей системы образования. Интеграция греков в европейское образовательное пространство с отходом от собственной традиции со временем поставила перед греческой системой образования проблемы, характерные и для других европейских стран. В XIX столетии традиционная образовательная парадигма оказалась вытесненной, а впоследствии надолго забытой.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности предложенной традиционалистами образовательной парадигмы, весьма актуальные и в наши дни. Прежде всего, это уважительное отношение к сложившейся традиции. В частности, в то время, когда появившееся на волне реформаторской идеологии многообразие школьных и вузовских учебников скорее препятствует, чем способствует повышению качества образования, может быть, стоит, следуя примеру традиционалистов, сделать упор на проверенных временем и прекрасно зарекомендовавших себя учебниках? Недаром ведь они сохраняют огромную популярность «в народе» на протяжении многих поколений.

Не менее важная особенность указанной парадигмы — всеобщий и бесплатный характер образования¹. Пропагандируя эти принципы, ревнители традиции руководствовались, прежде всего, гуманистическими соображениями: любовью к ближнему и идеей всеобщего равенства. В наши дни защитники бесплатного образования приводят и другие, неизвестные двести лет назад аргументы. К сожалению, даже в начале XXI столетия не все лица, принимающие ответственные решения, как в нашей стране, так и за рубежом, осознали, что образование является стратегическим ресурсом нации и государства, а не частным делом обучающихся.

Заслуживают внимание и пути поиска источников финансирования, которыми следовали греческие традиционалисты: в условиях равнодушия государственной власти они смогли мобилизовать на спонсирование учебных заведений преуспевающих предпринимателей: многие школы самим своим существованием были обязаны богатым купцам. С тех пор меценатство стало у греков доброй традицией. Нет сомнений, поддержка частного бизнеса могла бы немало поспособствовать и развитию отечественного образования на современном этапе.

---

¹ См.: Зоитакис А. Образование и просвещение в греческих землях в 18 веке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2007. № 3. С. 19.

Наконец, заставляют задуматься и фундаментальные идейные основания, на которых строили свою образовательную парадигму традиционалисты. Складывавшиеся веками представления о внутреннем и внешнем знании, о соотношении науки и морали, веры и знания могли бы подсказать современным разработчикам реформ в области образования новые ценностные ориентации, способствующие выходу системы образования из кризиса и выводу ее на новый уровень развития.

Экономический подъем в греческих землях и улучшение благосостояния греческого населения создали необходимые предпосылки для возрождения греческой образованности. Это возрождение шло двумя путями: путем реанимации собственной традиции, носительницей которой была Церковь, и путем заимствования достижений европейского Просвещения. Эти две традиции отчасти пересекались, поэтому в историографии не существует единого мнения о том, было ли Просвещение в греческих землях самостоятельным течением или только ветвью европейского Просвещения. Р. Клогг, например, полагает, что «в сущности новогреческое Просвещение было производным от европейского», поскольку его действующие лица пытались прежде всего сделать известными своим соотечественникам достижения западных философов¹. Греческий историк Т. Вурнас, напротив, утверждает, что греческое Просвещение было оригинальным движением, хотя и испытало на себе влияние французского Просвещения и Великой французской революции². На самом деле греческое Просвещение и впрямь вышло из европейского, но преобразовало его идеи применительно к местным условиям. Кроме того, вне зависимости от того, было ли греческое Просвещение оригинальным или привнесенным извне, никто из исследователей не сомневается в самом факте наличия этого идейного движения в греческих землях. Констатация этого факта дает нам в руки новое доказательство того, что греческие реалии того времени вряд ли могут быть охарактеризованы как средневековые.

В греческих землях эпоха Просвещения наступила несколько позже, чем в Западной Европе, приблизительно со второй половины XVIII в. Отечественный исследователь А. Улуныя условно обозначил в нем два этапа, водоразделом между которыми стала Французская революция³. В греческой историографии разработана более подробная периодизация Просвещения. Крупный специалист по проблемам греческой культуры К. Димарас считал правомерным разделить историю греческого Просвещения на три этапа. Первый этап, с середины XVIII в. по 1774 г., он связывал с именем Вольтера, т.к. в это время произведения великого французского мыслителя переводились на греческий язык, его идеи стали проникать в среду образованных греков. К. Димарас называл этот период Предпросвещением, поскольку пока это было время только усвоения западных идей, подготовка к модернизации. Собственно Просвещением К. Димарас считал второй этап, датируя его 1774 г. — концом XVIII в. 1774 г. — это год подписания Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Османской империей, который создал весьма благоприятные условия для развития греческой экономики и культуры. В это время писатели уже искали решения собственно греческих проблем с позиций Просвещения: это Д. Катардзис и сторонники предложенного им способа

¹ См.: Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Σ. 63.

² См.: Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1974. Σ. 35.

³ См.: Улуныя А. Политическая культура греческого и болгарского Просвещения (к. XVIII — нач. XIX вв.) // От Просвещения к революции: из истории общественной мысли нового времени. М., 1990. С. 209.

разрешения языкового вопроса, Ригас Велестинлис, выдвинувший идею создания федеративного государства для балканских народов. Третий и заключительный этап греческого Просвещения приходится на первую четверть XIX в., до 1821 г., он ориентирован на идеологическую подготовку национального освобождения и создания независимого государства. Виднейший представитель этого периода — Адамантиос Кораис¹. Эта периодизация может считаться очень приблизительной, поскольку четко хронологически разделить разные этапы греческого Просвещения невозможно: если считать начало Просвещения с 1774 г., то тогда из него выпадает знаменитая Афонская академия, активно функционировавшая, как мы видели, уже в середине столетия.

В греческом Просвещении можно выделить два направления: теоретическое, т. е. развитие общественной мысли, и практическое, т. е. деятельность по расширению сети учебных заведений и повышению уровня образования. Поэтому эпоха просвещения в Греции часто называется новогреческим Возрождением². Центрами греческой культуры в то время были Венеция, Париж, Вена, столицы Дунайских княжеств Яссы и Бухарест, на территории Османской империи — Янина. Главными проводниками идей Просвещения среди греков были фанариоты, поскольку они были тесно связаны с французским образованием и культурой. Большое значение имели Ионические острова и Венеция, связывавшие Грецию с Европой через итальянскую культуру, а также греки диаспоры, среди которых было много меценатов. Распространителями западного влияния были и купцы, которые, как заметил Фотакос, везли на кораблях из Европы не только товары, но и идеи³.

Среди греческих учебных заведений, которые стали центрами распространения западной культуры (в частности, через преподавание философии по Коридалевсу), выделялись основанное Фомой Флангинисом греческое училище в Венеции (1621–1795), открытые на деньги богатых эпиротов школы в Янине и других эпирских городах, школы в Смирне, на Патмосе. В 1803 г. в Константинополе была основана еще одна Патриаршая академия. Помимо учебных заведений распространителями идей Просвещения стали греческие газеты, первая из которых — «Эфимерис» — появилась в 1791 г. и издавалась в течение 7 лет. В 1811–1821 гг. в Вене издавалась газета «Логиос Гермес», ставшая трибуной греческих просветителей. Распространению идей Просвещения, а потом и подготовке вооруженного антитурецкого восстания греков способствовали также греческие культурные общества Эллиноглоссон Ксенодохиион (Париж, 1809) и Филомусос Этерия (Вена, 1813). Австрийский канцлер Меттерних вскоре заподозрил, что общество может быть связано с национально-освободительным движением, и добился издания императорского указа о его закрытии. Вскоре общество возобновило свою работу в славившемся своим филэллинизмом Мюнхене. Основанное в России в 1814 г. тайное общество «Филики Этерия» уже преследовало не культурные и просветительские цели, а занималось непосредственно подготовкой восстания.

Школьное образование было точкой соприкосновения двух направлений греческой образованности — традиционного и просвещенческого. Однако если в деле развития школьного образования представители обоих направлений трудились почти сообща, то в идейном плане их позиции имели как точки соприкосновения, так и серьезные различия. И те, и другие были согласны в необходимости духовного возрождения нации

¹ См.: Δημαράς Κ. Ο Νεοελληνικός Διαφωτισμός. Αθήνα, 1977. Σ. 10–11, 14.

² См.: Σβορώνος Ν. Επισκόπηση της Νεοελληνικής ιστορίας. Σ. Ι. 1992. Σ. 55–56.

³ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 53.

и отводили большую роль в этом процессе системе образования. Но вот насчет содержания этого образования их мнения серьезно различались. Основные идейные расхождения между двумя направлениями сводились к следующему. Во-первых, просветители полагали, что связь с собственно греческой традицией безвозвратно утеряна, а восстановить ее можно, только обратившись к культуре Западной Европы, которая была вскормлена цивилизацией классической Греции. Поэтому уже византийский период в греческой истории воспринимался ими как упадок греческой цивилизации. Напротив, традиционалисты считали, что национальная традиция не утрачена, а сохранилась с помощью Церкви. Греческую национальную традицию они мыслили как византийско-христианскую и духовное возрождение нации видели в возрождении христианских ценностей.

Из этого вытекает и второе различие между двумя направлениями греческой общественной мысли. Западная просвещенческая культура, на которую ориентировались греческие просветители, это культура рационалистическая, где Богу и христианству отводилось все меньше места. Напротив, традиционалисты считали православие неотъемлемой частью национальной традиции. Третье существенное различие заключалось в том, что просветители западного образца вообще настороженно относились к любой традиции. Поэтому духовное возрождение для них означало европеизацию и модернизацию, создание фактически новой системы ценностей. Напротив, традиционалисты именно в отходе от традиции видели причину духовного упадка нации. Следовательно, для них вестернизация означала еще больший разрыв с традицией, а значит, еще больший упадок. Наряду с необходимостью борьбы за выживание в иноверном государстве, это была еще одна причина консервативной позиции Церкви по отношению к распространению западных идей среди греков. И все же, на формирование национально-освободительной идеологии греков оказали влияние обе традиции.

С другой стороны, консервативная политика Патриархии вызывала ответную реакцию просветителей. Например, в ответ на «Отеческое поучение» А. Кораис написал «Братское поучение», призывающее греков к восстанию. А. Кораис очень много сделал для развития греческой культуры и образованности. Он известен как мыслитель, публицист, издатель. Кораис издавал в первую очередь древнегреческих авторов: Гомера, Гиппократ, басни Эзопа. Он много жертвовал на развитие народного просвещения, даром рассылал сотни экземпляров изданных им книг, ибо был убежден, что жажда свободы возрастает в душе человека благодаря образованию. Кораис представлял целое направление в национально-освободительном движении, о котором один из современников писал, что оно предполагало «улучшить и распространить образование путем учреждения школ везде, где проживали греки и христиане на Востоке, так чтобы весь мир просветился, и через греческое образование объединились дух и цель греков, и таким образом сложилось бы сильное государство с единой верой»¹.

Крупным представителем новогреческого Просвещения был Иосиф Моисиодакс (1730–1780). Он не был греком по происхождению, но в культурном отношении принадлежал, безусловно, к греческой нации. Он учился в Афониаде, затем в Падуе, после чего вернулся в Яссы и открыл там школу. Но вскоре Моисиодакс вступил в конфликт с местными интеллектуалами из-за своих радикальных взглядов и уехал сначала в Венецию, а затем в Вену. Там он оставил преподавание и занялся написанием научных трудов, где изложил свои взгляды. В частности, он полагал основой всех наук математику (даже не философию) и отличался не вполне ортодоксальными религиозными

¹ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 25.

взглядами. Идеалом для него была не столько древнегреческая культура (что было свойственно просветителям более гуманитарной ориентации), но выросшая на ее базе культура Западной Европы, в частности европейская наука Нового времени.

Другим видным представителем Просвещения был Афанасий Псалидас (1767–1829). Он родился в Янине, но учиться поехал в Россию (Нежин, Полтава), где жили его родственники, а потом в Вену, где написал свои важнейшие труды. Затем он отправился в Янину и открыл там школу, где преподавал 25 лет. Философию он преподавал по Локку и Канту, а физику и химию — экспериментальным путем, ставя опыты и используя различные приборы, которые его оппоненты называли орудиями сатаны. Ученики считали его кантианцем, но он существенно расходился с Кантом в одном пункте. Как и Кант, он соглашался с несовершенством человеческого разума, но в том месте, где Кант призывает на помощь практический разум, Псалидас обращается к Откровению.

Сходные взгляды высказывал и Вениамин Лесбосский (1762–1824). Он получил преимущественно естественное образование в Пизе и Париже и проявил себя в области физики. Как и Псалидас, он считал ненужными риторику и грамматику, а основой познания вселенной полагал математику. За свои взгляды о вращении Земли и о населенности людьми других небесных тел он был объявлен еретиком. Но все же у него нашлись сторонники, защищавшие его в Патриархии. Педагогическая деятельность Вениамина протекала в Айвали (Кидониях), Смирне и Бухаресте. С началом революции он отправился в гущу событий и умер во время эпидемии в Навплио.

Но все же не естественные, а гуманитарные науки оказали влияние на формирование национально-освободительной идеологии греков. Идею Кораиса о том, что образованный человек не терпит рабства, подтверждает митрополит Герман Патрский, который пишет, что греки, просвещенные в XVIII в., еще тяжелее переносили османское иго и в них все сильнее становилось желание свободы¹. Греки восстали не только потому, что были угнетены, как полагал французский филэллин Вутье², но и потому что Просвещение открыло им глаза на это. Просвещение внушило грекам, что «отказаться от своей свободы — это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от его обязанностей»³. Таким образом, греки заимствовали идею европейского Просвещения о социальном освобождении, но трансформировали ее в идею освобождения национального. Облекая же свою национальную идею в православные одежды, они поступили в точном соответствии с мыслью Руссо, что «при рождении нации религия служит орудием политики»⁴. Издание античных авторов, расширение системы образования привили грекам сознание своей связи с античностью, но этого было мало, поэтому для большинства греков, которые на самом деле не знали истории, чувство исторической преемственности от античной древности оставалось всего лишь чувством. Таким образом, наложение возрождавшейся античной традиции на византийско-православную и привело греков к тому, что «вера и национальное сознание отождествились и крест стал национально-политическим символом»⁵.

Тот факт, что греки стали осознавать свою связь с античным прошлым, широко подтверждается источниками: мемуары участников революции буквально пестрят именами

¹ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 75.

² Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 21–22.

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 8.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Корδάτος Γ. Η κοινωνική σημασία της Ελληνικής επανάστασεως του 1821. Αθήνα, 1977. Σ. 62.

героев Древней Эллады. Даже Макриянис, который алфавит-то выучил уже взрослым, знал о том, что Фемистокл после стольких услуг, оказанных им Афинам, был изгнан из полиса. Макриянис считал, что в подобном положении находились и капитаны, против которых кодзабасы составили заговор. Однако древних афинян он называл неблагодарными, но разумными, поскольку они расправились с Фемистоклом не во время военных действий, его же современники плетут интриги, когда Родина в опасности¹.

Тем не менее, именно Просвещение выработало понятие нации и заложило основы национальной идеологии, которая впоследствии стала развиваться в виде «Великой идеи». Первым шагом к этому стало осознание непрерывности истории греческого народа с древнейших времен до современности. Из этого следует, что греки, сражавшиеся в 480 г. до Р. Х. при Фермопилах и Платеях, — те же самые, что в 1821 г. по Р. Х. штурмовали Триполи, а герои войны за независимость — прямые наследники Мильтиада и Фемистокла. Вот почему и Д. Эниан начинает «Воспоминания о греческой революции» именно с эпохи греко-персидских войн и гибельной для греков Пелопоннесской войны, повлекшей за собой упадок греческого полиса: «Греция начала клониться к упадку, когда персидские деньги ввергли страну в гражданские войны»². И упадок этот продолжался все то время, пока греки не имели национального независимого государства, т. е. со времен Филиппа Македонского и вплоть до 1821 г. Аналогичные взгляды мы находим и у других авторов той эпохи.

Осознание греками непрерывности развития эллинизма, а значит, и своего происхождения от великих предков стало отправной точкой национального возрождения. И это касается «не только высших слоев общества и образованных людей, проживавших на земле древних эллинов, но и народных масс, которые не посещали школу и не учились наукам». Симптомом этой метаморфозы стала мода на древнегреческие имена: наряду с Янисами, Константинами и Димитриями появились Ликурги, Эпаминонды и Лисандры. Важно еще одно обстоятельство: слово «эллин», которое в Византии со времен свв. Отцов было синонимом язычника, возвращается в литературе Просвещения применительно к древним грекам, а писатели, современные революции, уже обозначают им героев своей эпохи.

Особенно быстрыми темпами идеи Просвещения стали проникать в греческую среду после начала их практического воплощения во время Французской революции. Кораис, лично переживший революционные события в Париже, был так глубоко потрясен, что именно тогда принял решение посвятить все свои силы просвещению собственной нации. Греческие купцы, нарушая блокаду французских портов англичанами, доставляли в революционную Францию продовольствие и боеприпасы, увозя назад не только деньги, но и революционные идеалы. Вскоре грекам Ионических островов представилась возможность на практике познакомиться с действием нового революционного устройства.

Что же касается Просвещения, то датой его окончания называют 1821 год. И это справедливо, поскольку с этого момента основные силы нации были направлены не на просветительскую деятельность, а на вооруженную борьбу за освобождение. «То, что в эпоху Просвещения протекало в сфере разума, должно было быть переведено в общественное коллективное действие. В общественном коллективном действии должна была быть проявлена эта вера человека в то, что он... совершенно свободно и самочинно может изменять человеческое общество, изменять ход истории, что он

¹ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. δ. Σ. 203.

² Αρτιάδης Δ. Κ. Σ. 11.

в этом отношении ничем не связан, что он должен провозгласить и осуществить свое право и свободу»¹. На этот путь вступила и греческая революция. Пришло время и Постпросвещения, чтобы после окончания войны за независимость на долгие годы уступить месту консервативному романтизму. С началом национально-освободительной революции заканчивается не только греческое Просвещение, но и духовный и интеллектуальный подъем греческой нации в целом. Помимо отвлечения сил на вооруженную борьбу, одна из причин упадка кроется в самом успехе этой борьбы, в результате которой Греция стала формально независимой, а фактически зависимой от европейских держав, так что в середине столетия некоторые греческие публицисты стали говорить о превращении страны в культурную провинцию Запада.

Сойдя со сцены, греческое Просвещение не исчезло бесследно. Оно оставило в наследство эпохе революции 1821 г. и молодому государству новый дискурс, развитием которого будет определяться политическая жизнь Греции в последующее столетие. Начальная стадия его формирования проходила еще в полиэтническом и мультиконфессиональном обществе.

Приблизительно до конца XVIII в. христианское население Османской империи, прежде всего Балканского полуострова, представляло собой гомогенную в административно-политическом и в значительной степени культурном отношении общность. Балканские христиане определяли себя просто как христиане в противоположность туркам-мусульманам, этническая самоидентификация либо отсутствовала вовсе, либо имела второстепенное значение. Слова, которые мы привыкли воспринимать как этнонимы, в то время не выполняли такой функции, они использовались для обозначения скорее географической локализации, нежели этнической принадлежности. В то же время, под «греками» часто понимались все христиане православного исповедания. Так, например, один из полководцев греческой войны за независимость, Макриянис пишет о некоем «сербском революционере, греке»². *Сербский* в данном случае указывает на происхождение (скорее географическое, нежели этническое), *грек* — на вероисповедание.

Кроме того, в эпоху турецкого владычества пересекались этническая и социальная характеристики на Балканах. Так, в Македонии, Болгарии и Сербии слова «серб» и «болгарин» были синонимичны слову «крестьянин», но если те же самые крестьяне обосновывались в городе и/или выбивались в ряды среднего класса, то становились «греками»³. Это означало не просто смену самоназвания: греческий язык был языком образования и богослужения. Владение им повышало социальный статус. Исследователями отмечено, что купечество на Балканах было преимущественно греческим, в первую очередь по языку. Таким образом, слово «грек» было синонимом «купца». При этом отношения греков-купцов с негреческим, т. е. сельским, населением не были идиллическими: горожане-греки считали селян отсталыми и темными, а те, в свою очередь, недолюбливали жуликоватых греческих торговцев⁴. Такая ситуация местами сохранялась вплоть до образования независимых государств. Так,

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 113.

² Μακρυγιάννης Ι. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 379.

³ См.: Roudometof V. From Rum millet to Greek Nation: Enlightenment, Secularization and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // Journal of Modern Greek Studies. 1998. Vol. 16. P. 13, 19.

⁴ См.: Stoianovich T. Ο κατακτητής ορθόδοξος βαλκάνιος έμπορος // Η οικονομική δομή των βαλκανικών χωρών στα χρόνια της οθωμανικής κυριαρχίας. Αθήνα, 1989. Σ. 289–330.

в Белграде социальная верхушка говорила по-гречески вплоть до 1840 г.¹, в Греции и Южной Албании в эпоху Просвещения были эллинизированы большие массы албанцев и влахов², в Болгарии еще во второй половине XIX в. Константинопольский патриархат внедрял греческую письменную и богослужебную культуру, а в проникновение греческого языка и культуры в Дунайские княжества началось в связи с оседанием там значительного числа эмигрантов с захваченных турками византийских территорий и было закреплено правлением фанариотов в 1711–1821 г.³ Таким образом, по культурному и языковому признаку между балканскими народами в то время не было четких границ. Эта ситуация начала складываться еще в византийскую эпоху и продолжала сохраняться в Османской империи, которая различала своих подданных не по этническому, а по конфессиональному принципу⁴.

Межнациональные отношения в то время часто были вполне мирными. Есть свидетельства того, что между греками и турками, а также греками и албанцами (албанцев греки особенно ненавидели после подавленного теми восстания на Пелопоннесе в 1770 г.) могли существовать даже дружеские отношения и семейные связи. К. Метаксас, например, после революции женился на крещеной турчанке. Знакомый турок помог попавшему в плен Макриянису избежать смерти⁵. А между семьями Колокотрониса и албанца Али Фармаки существовала крепкая наследственная дружба: «Дед Али Фармаки и мой дед Янис Колокотронис были друзьями и побратимами». После смерти дедов дружба перешла к отцам, а потом ко внукам. Поэтому Колокотронис, рискуя собственной жизнью, помогал албанцу отбиваться от преследовавших его турок, а тем, кто отговаривал его от этого опасного предприятия, сказал, что «не может поступить по-другому, так как дал слово»⁶.

Позиции этой традиции были поставлены под угрозу начавшимся во второй половине XIX в. вторжением в греческий культурный ареал идей европейского Просвещения. В качестве носителя этих идей выступила небольшая группа греческих интеллектуалов. Однако их усилий оказалось достаточно для того, чтобы сформировать новый дискурс, в рамках которого созрело греческое национальное самосознание.

Понятие дискурса в последние десятилетия было весьма модным, и, как многие модные слова, не имело однозначного определения. Появившись изначально в лингвистике еще в первой половине XX в., оно затем успешно освоило и другие области гуманитарного знания, пользуясь особым успехом у философов, политологов и историков. Освещение истории этого понятия и его многочисленных интерпретаций и употреблений существенно отвлекло бы нас от основных задач этой книги, и по данному вопросу мы отсылаем читателя к классикам жанра⁷. Но это не избавляет нас от

¹ См.: *Stoianovich T. The Balkan Worlds: The First and Last Europe*. N. Y., 1994. P. 294.

² См.: *Scendi S. Balkan Cultural Studies*. Boulder, Colorado, 1980. P. 187–204.

³ См.: Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 394–395.

⁴ Сказанное, тем не менее, не означает отсутствия отдельных этнических общностей внутри миллета, сохранивших свою культурно-историческую, а в иных случаях и государственную традицию.

⁵ См.: *Μακρυγιάννης. Στο ίδιο. Σ.* 161.

⁶ *Κολοκοτρώνης. Απομνημονεύματα // Άλπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ.* 263.

⁷ См.: *Van Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach*. L., 1998 и др. работы того же автора, в т. ч. на рус. яз.: *Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация*. М., 1989, а также: *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*. М., 1999.

необходимости пояснить, что же понимается под дискурсом в данной книге. В нашей терминологии понятие дискурса близко к своим лингвистическим истокам: мы называем дискурсом определенным образом организованную систему речи. Она имеет свои собственные рамки, принципы построения, семантическое поле и, соответственно, лексику. Кроме того, дискурс коммуникативен: для передачи определенных смыслов ему необходим слушатель или читатель. В предыдущем параграфе мы вплотную подошли к проблеме смены дискурса у греческих книжников. Здесь рассмотрим некоторые особенности нового дискурса несколько подробнее.

Его ключевым понятием стала категория *нации* вообще и *греческой нации* в частности. Понятие нации в современном смысле оформилось в Западной Европе в XVII–XVIII вв., и греческие книжники получили его практически в готовом виде. Но тут возникла проблема: как перевести его на греческий язык? Этимологически к латинскому *natio* ближе всего греческое *γένος*. Понятие *γένος* существовало в греко-православном дискурсе, но с иным значением. Этим словом в византийское время обозначалась общность всех граждан империи, объединенных вовсе не кровным родством, как следует из этимологии *γένος*, а родством духовным — принадлежностью к Православной Церкви. В отличие от более нейтрального *λαός* («народ»), *γένος* изначально подчеркивал кровное родство (ср. лат. *gens* — «род»), однако византийско-христианская традиция стерла родоплеменную коннотацию этого слова и превратила *γένος* в «народ ромеев», «народ Божий» (для Византии это были синонимы). Если византийский *Γένος* (с прописной буквы как уникальное по своему характеру образование) и объединялся кровью, то это была Кровь Причастия¹. То *γένος μας* («наш народ»), то *γένος των Ρωμαίων* («народ ромеев») — основные термины, использовавшиеся византийскими авторами для обозначения суперэтнической гражданской и конфессиональной общности византийцев.

Γένος было первоначально использовано и греческими интеллектуалами для передачи европейского *natio*. Однако понятие нации в интерпретации греческих просветителей несколько отличалось от европейского. Определив язык, культурную традицию и вероисповедание в качестве главных признаков национальной идентичности, греческие просветители следовали за понятием культурной нации, хорошо знакомым некоторым европейцам (например, немцам). Отличие состояло в том, что, в силу описанных выше балканских реалий, в ряды греческой нации можно было включить не только этнических греков, но и другие балканские народы, культурно близкие грекам. Именно так и поступили греческие интеллектуалы. Таким образом, их понимание нации во многом совпадало с традиционным *γένος*. Примечательно, что для патриарха Самуила, лишившего сербов и болгар остатков церковной независимости, то *γένος μας των orthodoxων* отождествлялось с *των Ελλήνων γένος*². Мы видим здесь как остатки прежнего всеправославного *γένος*, так и его новое, этнонациональное понимание. Это свидетельство смены дискурса особенно ценно тем, что исходит из уст главы Церкви: его можно понимать и как начало совмещения религиозной православной и греческой национальной идентичностей в умах образованных греков. Впоследствии этот процесс при-

¹ Именно поэтому неправильно переводить *Γένος* его первоначальным значением, как это делает, например, Е. Жукова (Жукова Е. В. Греческий просветитель Никифор Феотоки об освобождении Греции // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 211–216).

² См.: Ханτζερής Σ. Λόγοι Πατριωτικοί, απλοσύθνυται, για τη σκλαβιά της γυναίκας και για το χαλασμό του γένους, στηλευτικοί της προίκας και του εμπορικού γάμου. Αθήνα, 1948. Σ. 53 επ.

ведет к их слиянию и пониманию православия как греческой национальной религии. Терминологическая неразбериха, связанная с употреблением γένος, продолжалась еще сто лет. Фактически только синодальное Определение 1872 г., осудившее болгарскую схизму, окончательно расставило точки над i: за Γένος было закреплено расширительное вселенское толкование, более узкое значение «нация» отводилось словам ἔθνος и φυλή. Интересно, что среди самих греческих просветителей были люди негреческого происхождения, например, влах Иосиф Мисиодакс. Однако в понимании просветителей конфессиональная общность уже начинает отступать на второй план по сравнению с культурной традицией, в которую теперь включается не только византийское, но и античное прошлое. Так наметился путь выделения греков из единой греко-православной общности. Этот процесс четко зафиксирован в составленной просветителем Ригасом Велитинлисом карте Греции и конституции будущего государства¹, хотя в понятие *Греция* здесь включены практически все балканские провинции Османской империи.

Дальнейшая эволюция γένος закрепила за ним значение «нация», но в специфическом понимании. Во-первых, Γένος стало употребляться для обозначения исключительно греческой нации. Во-вторых, Γένος объединяло в себе всех греков, вне зависимости от того, где они проживали и какое подданство имели. Другие православные народы, ранее входившие в понятие γένος и включавшиеся в Ромейский миллет, были из Γένος исключены. Таким образом, Γένος осталось близким к понятию культурной нации и в греческих условиях представляло собой компромиссный вариант между традиционным греко-православным дискурсом и новым этноцентрическим. Православной традицией эта ситуация была от-refлексирована много позже: лишь во второй половине XX в. И. Романидис обратился к анализу причин «балканизации Романии»². Наряду с Γένος продолжало существовать и γένος как суперэтническая государственно-политическая общность (Οθωμανικόν γένος), из которого просветители все активнее стремились выделить греческую нацию.

Сказанное не означает быстрого и безоговорочного вытеснения прежнего понимания γένος: авторы, остававшиеся в рамках традиции, в рассматриваемый период продолжали использовать γένος в его прежнем значении. Ярким примером тому является сочинение афонского монаха Досифея Костамонитского (см. предыдущий параграф).

Γένος в прежнем или новом значении удовлетворяло греческих интеллектуалов до тех пор, пока ядро нации находилось в Османской империи. Постановка вопроса о создании своего независимого государства потребовала корректировки понятия *нация*. Необходимо было обозначить ее как социально-политическую общность и для этого из копилки греко-православной традиции было извлечено еще одно слово — ἔθνος. Оно активно использовалось и прежде для обозначения нехристианских народов, дифференцируемых по языку как важнейшему культурному признаку. В этом прослеживается преемственность между греко-православной и древнегреческой традицией, постулировавшей, что πᾶς μὴ Ἕλλην βάρβαρος. Не случайно греческое слово ἔθνος переводилось на церковно-славянский как «язык», подразумевавший одновременно и язык, и народ. Но для этой традиции не существует (или не имеет значения) никакое

¹ Политические взгляды Ригаса проанализированы в: Μάνεσης Α. Η πολιτική ιδεολογία του Ρήγα // Τιμή στον Ρήγα Βελεστινλή. Αθήνα, 2002. Σ. 13–31; Κιτρομηλίδης Π. Ρήγας Βελεστινλής. Θεωρία και πράξη. Αθήνα, 1998; Στάθης Ε. Το Σύνταγμα και ο Θεούριος του Ρήγα. Αθήνα, 1996. Однако авторы указанных публикаций не приходят к нашим выводам.

² Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 1975.

национальное или наднациональное государственно-политическое объединение. Традиция знает единство народов только как «народ Божий», где нет «ни Эллина, ни Иудея». Что же касается *ἔθνος*, то оно имеет также и значение «языческий народ». Здесь стоит обратить внимание на этимологию слов «язычник», «языческий»: замечательно, что в их основе — все тот же корень «язык», указывающий прежде всего на языковую (а не религиозную) дифференциацию¹. Правда, в Новом Завете встречается *ἔθνος* и в ином значении: так, ап. Петр говорит об *ἔθνος ἅγιον* («народе святом»)². Однако такое употребление *ἔθνος* не получило дальнейшего развития.

Поскольку в греко-православной традиции *ἔθνος* имеет отчетливую негативную коннотацию, указывая на чужих и язычников, использование его для обозначения своей греческой христианской нации представляло собой уже не компромисс, а полный разрыв с традицией. Точно также с многовековой традицией порывала идея создания греческого национального государства. В новогреческий язык слово *ἔθνος* ввел Димитрий Катардзис (Фотиадис), «чтобы описать некую общность, четко очерченную единством языка и культурного наследия»³. Таким образом, Катардзис применил языковой критерий для разграничения наций. Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что православная идея вселенскости («несть ни Еллина, ни Иудея») окончательно ушла в сферу отвлеченного богословия. Церковная доктрина не признает наций, но этнорелигиозный гнет имел своим последствием отождествление в массовом сознании греков православия и национальности. Из православного вероучения были заимствованы некоторые положения, ставшие компонентами национальной идеи, но в секуляризованном виде: православное учение о христианах как избранном народе Божьем преобразовалось в концепцию греческой исключительности, а учение о вселенскости и теократические установки породили впоследствии идею империи.

Внедрение *ἔθνος* в политический дискурс можно довольно точно позиционировать во времени и пространстве: оно входит в активное употребление в эпоху национально-освободительной войны греков 1821–1830 гг. и, прежде всего, на Пелопоннесе и в Центральной Греции, находившихся под контролем повстанцев. Здесь оно было воспринято греческой политической элитой, причем не только светской, но и церковной, о чем свидетельствуют написанные в те годы мемуары митр. Германа Патрского. *ἔθνος* было сознательно противопоставлено традиционному *γένος*: обращаясь к европейским государям за помощью, пелопоннесские греки писали о желании *Ελληνικόν ἔθνος τῶν Χριστιανῶν* (христианской нации греков) освободиться от власти *Οθωμανικόν γένος*⁴.

Новый термин оказался гораздо ближе к европейскому пониманию нации как социально-политической и государствообразующей общности. Такая интерпретация *ἔθνος* была тщательно разработана и окончательно закрепились в ходе революции 1843–1844 гг., когда абсолютная монархия в Греции сменилась конституционной. В отличие от *Γένος*, *ἔθνος* стало использоваться для обозначения не всех греков,

¹ Показателен кондак Пятидесятницы, где слово «язык» употребляется сразу в трех значениях и лежит в основе антитезы: «Егда снизшед языки (*τὰς γλώσσας*) слия, разделяше языки (*ἔθνη*) Вышний, егда же огненные языки (*τοὺς πυρὸς τὰς γλώσσας*) раздаяше, в соединение вся призва ...»

² 1 Петр. 2:9.

³ Kitromilides P. «Imagined Communities» and the origins of national question in the Balkans // *Modern Greece*. P 27.

⁴ Полный текст обращения опубликован в: Петрунина О. Е. «Великая идея» в греческой национально-политической символике // Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002. С. 127–128; см. также главу «Греческая мечта в конце XX в. ».

а только нового политического ядра нации, ставшего основой для формирования нового для греков типа государственности — пришедшего на смену империи национального государства. Кроме того, *ἔθνος* было вполне применимо и по отношению к другим европейским нациям. Таким образом, *ἔθνος* обозначало только часть *Γένος*. Однако такое разграничение понятий наблюдалось недолго: уже в 1840-е гг. мы встречаем *ἔθνος* в качестве определения всей греческой нации — и той, что вошла в независимую Грецию, и той, что осталась под властью султана.

Симптоматично, что *ἔθνος* в таком расширенном значении мы, как и прежде, находим исключительно в политическом лексиконе Греческого королевства, в котором проживала лишь четверть всего греческого населения. Три четверти, оставшиеся в Османской империи, не приняли *ἔθνος*, расценивая его как попытку внести раскол в ряды *Γένος*. Неоднозначным было и отношение к греческому национальному государству. Приверженность османских греков старому *Γένος* отражала их верность имперской идее, тесно связанной с греко-православной традицией, в то время как использование *ἔθνος* в Греческом королевстве свидетельствовало о формировании этноцентрического дискурса по европейской модели.

Еще одним признаком этого процесса стала жаркая дискуссия о самоназвании греков. Вплоть до второй половины XVIII в. описанному выше *Γένος* соответствовал этноним *Ῥωμαῖοι*¹ — ромеи, букв. «римляне». Он не был этнонимом в строгом смысле слова: *το γένος τῶν Ῥωμαίων* включал в себя всех православных жителей империи, независимо от этнической принадлежности. Этимология его достаточно прозрачна: свое государство ромеи считали обновленной Римской империей со столицей в Константинополе — Новом Риме (так он и по сей день именуется в титулатуре Константинопольского патриарха). А поскольку уже в позднеимперское время римлянами (греч. ромеями) стали называться все лица, получившие римское гражданство, уже тогда его этнический смысл был утрачен. В поздневизантийскую эпоху зафиксировано начало распада единой ромейской общности, в частности, выделения из нее греков. Однако этот процесс был прерван османским завоеванием, законсервировавшим единство ромеев. В османское время ромеи сохранили свое самоназвание, а попытки от него отказаться появляются лишь в эпоху Просвещения. *Ῥωμαῖοι* (или в просторечии *Ῥωμηοί*) не устраивали просветителей по двум причинам: во-первых, греческое Просвещение унаследовало от европейского глубокую неприязнь ко всему византийскому, а во-вторых, этот термин не отражал нарождавшегося стремления греков выделиться из единой ромейской общности.

Вариантов на замену ему было предложено два: *Γκραικός* и *Ἑλλήν*, восходящие к именам античных мифических героев. Первое до того времени не употреблялось в качестве самоназвания, ввести его предложил просветитель Адамантиос Кораис, ссылаясь на то, что так называют греков «просвещенные народы Европы». Но именно по этой причине *Γκραικός* и не было принято греками: им было хорошо известно, сколько отрицательных эмоций вкладывали европейцы в уничижительное «грек». *Γκραικός* оказалось неудачным и с другой точки зрения: «греками» в Европе называли все православные народы Востока, не выделяя среди них этнических греков. В конце концов, *Γκραικός* и еще более обидное *γκρακύλος* нашло себе место в греческом языке в качестве ругательства, например, в адрес тех греков, которые преклонялись перед Западом.

¹ Помимо *Ῥωμαῖος* у византийских авторов встречается также форма *Ῥωμεύς* (напр.: Кош. Iвд. Топ. 11).

Напротив, *Ἕλλην* было хорошо известно в греческом ученом мире. В античности оно использовалось для обобщенного наименования группы греческих племен. В христианскую эпоху *Ἕλλην* сначала относилось к языческому прошлому греков, а потом стало синонимом язычника вообще. В таком значении оно было известно и в русских переводах с греческого. Попытка вернуться к этнониму *Ἕλλην* была предпринята византийскими книжниками в XV в.¹, однако не получила продолжения в связи с гибелью Византийской империи. Просветители, ратовавшие за разрыв с «мраком византийского средневековья» и возвращение к «блеску греческой античности», вернули ему функцию этнонима: *Ἕλλην* употреблялось ими для обозначения древних греков. Оставался один шаг для его переноса на греков современных и в начале XIX в. он был сделан. В это время возвращаются в обиход античные имена, забытые в христианские века: новорожденных называют Мильтиадами, Периклами, Агамемнонами, девочек — Афинами, Пенелопами, Ифигениями и др. Желание подчеркнуть свою связь с античным прошлым отразилось и в смене названий принадлежавших грекам кораблей: если раньше их называли именами святых покровителей, то теперь — именами античных героев Ясона, Леонида и др. с помещением соответствующей фигуры на носу корабля². Эпоха национально-освободительной войны окончательно приравняла новых греков к древним.

Таким образом, *Ἕλλην* стало обозначать и древних греков, и современных. Оставался нерешенным вопрос о том, как быть с византийцами. Просвещение, восхваляя достижения западной цивилизации, считало византийскую историю темным средневековьем. Греческие интеллектуалы эпохи Просвещения и национально-освободительной войны полагали, что Восточная Римская империя не была национальным греческим государством, следовательно, греки находились там в угнетенном положении. Высказывалась даже мысль о том, что греки не имели независимости со времен македонского завоевания и до 1821 г. Предполагалось, что все это время греки сохраняли свое национальное самосознание, поэтому название *Ἕλλην* было распространено и на них. Здесь мы имеем дело со свойственным Просвещению антиисторизмом, пытающимся удревить современные представления для придания им большего веса. Попытки удревить представления о нации свидетельствуют о том, что этноцентрический дискурс у греков начал принимать законченные очертания. Окончательное включение византийских греков в понятие *Ἕλλην* относится уже к середине XIX столетия, когда в греческой общественной мысли начался пересмотр отношения к Византии, в результате которого византийский период греческой истории был признан не менее ценным, чем античность.

Эволюция *Ἕλλην* протекала сходно с эволюцией *ἔθνος*. В 1820-е гг. *Ἕλλην* — это грек, противопоставивший себя османскому государству и борющийся за свою независимость. Затем оно было перенесено на граждан образованного в 1830 г. Греческого королевства, монарх которого получил титул *Βασιλεὺς τῶν Ἑλλήνων* («король греков»). В то же время греки, оставшиеся в Османской империи, продолжали называться ромеями. Это разделение греков на две категории было охотно принято международным сообществом и закреплено в международных соглашениях, где греки Османской империи назывались *Greeks*, а подданные греческого короля *Hellenes*. Для европейской

¹ См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008. С. 47–48.

² См.: Арш Г. А. К вопросу о национальном самосознании греков в канун революции 1821–1829 // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 15.

дипломатии эти терминологические манипуляции имели политический смысл: разбив греков на две нации (прием, хорошо известный в европейской истории), можно было предотвратить возможность их объединения, ограничить Греческое королевство небольшой территорией, достаточной для доставления неприятностей султану, и в то же время гарантировать целостность Османской империи. Таким образом, греческая национально-освободительная революция 1821 г., в результате которой было создано независимое греческое государство, зафиксировала раскол ромейского мира, причем сразу двойной: ромейская общность распалась на греков и негреков, а греки, в свою очередь, на эллинов и греков, т. е. оставшихся в Османской империи.

Однако греки, несмотря на различные самоназвания, продолжали осознавать себя единой нацией, и в 1840-е гг. название *Έλληνες* политические идеологи Греческого королевства распространили на всех греков вне зависимости от гражданства и места жительства. Для обозначения греков, проживающих на территории Греции, позже был введен термин *Ελλαδίτες*, имеющий чисто географический смысл. В итоге *Έλληνες* было принято большинством греков, в том числе и значительной частью диаспоры, поддерживавшей тесные связи с метрополией. Среди тех групп греков, связи которых с Греческим королевством были слабыми или отсутствовали, продолжало сохраняться самоназвание *ρομει* (Малая Азия) и его производные *румеи* (Понт, Крым, Приазовье) и *урумы* (татароязычные греки Северного Причерноморья и Приазовья).

Все эти изменения шли не подспудно, а были вполне отрефлексированы проводившими их интеллектуалами. Вот что писал об эволюции самоназваний греков участник революционных событий 1821–1830 гг. Д. Эниан: «Поскольку Римская империя слала все покоренные ею народы, Греция больше не имела собственной национальности (*εθνισμός*), имя “эллин” не было более признаком жителей Греции, но признаком идолопоклонства, также как и название «римлянин» (*ρωμαίος*) было конфессиональным признаком, указывающим на христианскую веру, подобно тому, как названия “иудей” и “турок” служат для различения конфессий»¹.

Закрепление *Έλληνες* в качестве самоназвания всей греческой нации в рамках формирующегося этноцентрического дискурса означало признание за разделенными государственными границами права на государственно-политическое единство. Этот постулат стал краеугольным камнем в фундаменте «Великой идеи», обосновывавшей необходимость объединения греков в границах одного государства. «Великая идея», складывание которой в таком виде относится к 1840-м гг., заняла место ключевой идеологии греческой внешней политики на последующие несколько десятилетий, которые характеризовались борьбой с Османской империей за территории, населенные греками.

Еще одним признаком формирования нового дискурса у греков можно считать понятие *εθνομάρτυρας* (национальный герой), состоящее из двух корней *έθνος* + *μάρτυρας*. О его происхождении и эволюции мы уже говорили. Точное время его появления не зафиксировано, но есть основания отнести его к описываемой эпохе, поскольку для его существования необходим отказ от греко-православного понимания *έθνος*.

Аналогичным образом появилось на свет и *εθναπόστολος*. В христианскую эпоху были выработаны четко определенные категории апостолов и равноапостольных (*ισαπόστολος*) — посланцев Христа, распространяющих Слово Божие по ойкумене. Известна также характеристика ап. Павла как *απόστολος των εθνών*

¹ Αντιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 11.

(апостол язычников)¹. Теперь традиционная категория была использована для образования совершенно нового понятия. *Εθναπόστολος* — это проповедник не только и не столько религиозных истин, сколько образования и национальной культурной традиции. Во второй половине XVIII в. крупнейшим деятелем такого рода был св. Косма Этолийский, чье служение повлекло за собой пробуждение национального самосознания широких масс греков. Канонизированный Церковью как равноапостольный, в светской литературе он чаще всего называется *εθναπόστολος*. Эта характеристика подчеркивает, прежде всего, его заслуги перед нацией, а не Церковью. Как и в случае с *εθνομάρτυρες*, мы наблюдаем активное взаимодействие нового дискурса с традиционным. Интересно, что в роли его трансляторов нередко выступали представители духовенства. Здесь нелишне будет подчеркнуть, что формирование нового, основанного на идеях Просвещения, дискурса началось задолго до создания греческого национального государства, в котором этот процесс вступил в финальную стадию.

Складывание нового дискурса у греков было связано не только с появлением отдельных новых категорий либо изменением значения старых, но также с проблемой языка в целом. Если особая роль Православной Церкви в общественной жизни греков в период османского владычества обусловила длительное развитие греческой общественной мысли в рамках греко-православной традиции, то накапливавшееся еще с античности богатейшее письменное наследие законсервировало развитие литературного языка. Тем временем разговорный язык вследствие низкого уровня грамотности населения развивался в отрыве от письменного. Во второй половине XVIII в., когда эта проблема стала обсуждаться просветителями, разница между ними уже была существенной². Разговорный язык эволюционировал в сторону упрощения морфологии и синтаксических конструкций, лексический запас пополнялся не только за счет видоизменения собственно греческих слов, но и при помощи многочисленных иноязычных заимствований, прежде всего из итальянских диалектов и турецкого. Традиционной интеллектуальной элитой этот процесс воспринимался как вульгаризация языка. В современном языкознании такая языковая ситуация характеризуется как диглоссия³, хотя греческими филологами это определение не принимается в силу понимания его как двуязычия⁴.

В 1761 г. Иосиф Мисиодакс впервые поставил вопрос о необходимости приведения к единству письменного и разговорного языков, высказывая при этом большую симпатию к последнему. С тех пор греческое интеллектуальное сообщество оказалось вовлеченным в бесконечные споры по языковому вопросу, не прекратившиеся до сего

¹ Рим. 11:13.

² История греческого языка находит примеры народного языка уже в X в. См.: Бабиниотис Г. Средневековый греческий язык (VI–XVIII вв.) // Античность в контексте современности. М., 1990. С. 82.

³ По определению Б. А. Успенского, «диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации» (Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 26).

⁴ См.: Μπαπτινώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1985. Σ. 147.

дня. В то время греческие книжники раскололись на два лагеря: архаистов (неоаттикистов) и димотикистов. К первому принадлежали преимущественно писатели-фанариоты (Панайотис Кодрикас), некоторые учителя греческих школ диаспоры (Неофит Дукас), коливады и идейно близкие к ним книжники (Никодим Святогорец, Афанасий Паросский). Архаисты занимали консервативную позицию и выступали за сохранение чистоты языка, избрав в качестве идеала аттический диалект древнегреческого языка, на котором были написаны лучшие, по их мнению, произведения греческой литературы.

К противоположному лагерю димотикистов или, как их называли оппоненты, вульгаристов, принадлежали крупный валахский сановник Димитрий Катардзис и его окружение. Они полагали, что литературный язык должен быть достоянием не только интеллектуальной элиты, но всего народа. Для этого необходимо было побороть двуязычие и создать единый язык, в котором важное место должна была занять димотика (разговорный язык). Окончательно запутала ситуацию выдвинутая Адамантием Кораисом концепция «среднего пути», которая предлагала создать единый язык, используя элементы письменной и устной речи, очистив последнюю от иноязычных заимствований и чрезмерных упрощений. Но и сам Кораис не мог обойтись без заимствований: например, чтобы передать европейское *civilisation*, он придумал слово *πολιτισμός*. Созданный впоследствии по этой модели язык получил название кафаревусы, т. е. очищенного языка.

Языковой вопрос рассматривается нами столь подробно, так как эта проблема имеет не только филологическое значение. Вхождение димотики в письменную речь знаменовало собой как новый этап в развитии языка, так и новую ступень в развитии политического мышления, а именно, созревание идеи построения национального государства, тогда как возвращение к аттицизированному языку византийской эпохи связано с грядущей реанимацией имперской идеи. Чистый аттицизм, правда, уже уходил в прошлое, но его преемнице — кафаревусе — была суждена еще долгая жизнь.

Языковые споры очень быстро приобрели политическую окраску: языковой консерватизм был, как правило, проявлением консерватизма политического, между тем как ряды димотикистов пополнялись демократически настроенными интеллектуалами. С течением времени противоречия между ними не сглаживались, а возрастали. По использованию человеком той или иной формы языка судили о его политических взглядах. Греческий лингвист Г. Бабиниотис верно подметил, что приверженцы кафаревусы считались правыми, консерваторами, мракобесами, а димотикисты — левыми, людьми прогрессивных взглядов, просвещенными¹. Это деление сохранилось и среди историков: историки левой ориентации (Я. Кордатос, П. Русос) писали на димотике, исследователи, стоявшие на более умеренных позициях (Д. Коккинос, Э. Протопсалтис), — на кафаревусе. В эпоху революции 1821 г. выбор формы языка свидетельствовал и о социальном статусе пишущего. Из современников этих событий сочинения людей, принадлежавших к верхушке общества, — митрополита Германа, К. Метаксаса — а также Д. Эниана, получившего хорошее образование, написаны на кафаревусе, а воспоминания выходцев из народа — Ф. Колокотрониса и Макрияниса — на димотике.

Начало дискуссии по языковому вопросу во второй половине XVIII в. — не случайность. Защищавшие «права» разговорного языка димотикисты были наиболее

¹ См.: Μπαμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1985. Σ. 172.

активными создателями и распространителями нового дискурса, остро нуждавшегося и в новом языке. Однако димотика в чистом виде не отвечала их потребностям, поскольку не была языком философии и науки. Оптимальным выходом из положения оказалась кафаревуса, приспособившая богатство языка к изменившимся историческим условиям. Создание кафаревусы наиболее быстрыми темпами шло в 1830–1840-е гг., когда только что созданное Греческое королевство пыталось определить свое место в ойкумене и свою историческую миссию. Большую роль в этом процессе сыграли переехавшие в Афины поэты и писатели из числа фанариотов, а также греки, получившие образование за рубежом. Кафаревуса позволила не только удовлетворить потребность завоевывавшего все более прочные позиции этноцентрического дискурса, но и сохранить некоторую связь с традицией. Но одна важная задача все же оказалась кафаревусе не по зубам: чаемое единство языка так и не было обретено. Кафаревуса заняла место прежнего аттикизированного языка греческих интеллектуалов и стала языком политической элиты, недоступным основной массе населения.

Новое интеллектуальное движение в защиту димотики началось лишь в 1880-е гг., а добиться значимых результатов смогло только в XX в. Задача создания единого национального языка на базе димотики была решена лишь в результате реформ, проведенных социалистами, пришедшими к власти в 1981 г. Однако интеллектуалы из числа консерваторов и левых радикалов остались ими недовольны: первые продолжали пользоваться кафаревусой, вторые — радикальными формами димотики (фонетическое письмо и др.). И для тех, и для других языковой вопрос не потерял своей политической окраски. Новая волна дискуссий по языковому вопросу пришла на самый конец XX–начало XXI столетия, когда интеллигенция осознала опасности, уготованные греческому языку глобализацией.

Смена политического дискурса повлекла за собой смену культурной парадигмы — отказ от многих традиционных культурных ценностей и усвоение новых: реалистических приемов в живописи, полифонии в музыке, европейского костюма и домашней обстановки и др. Важнейшей предпосылкой, подготовившей сознание греков к восприятию всех этих новшеств, стали изменения в языке. Хотя эти изменения накапливались постепенно, можно приблизительно датировать время появления нового — этноцентрического — дискурса в среде греческих интеллектуалов: это последняя четверть XVIII–начало XIX в. Новый дискурс активно реализовывал свою коммуникативную функцию: книгопечатание и школы стали основными путями трансляции его установок в более широкие слои населения. В результате мы можем говорить о развитии греческого национального самосознания. Однако раз появившись, этноцентрический дискурс не застыл в неизменном состоянии. На протяжении XIX–XX вв. ему предстояло дальнейшее развитие, основой которого в молодом греческом государстве станет кафаревуса.

Следствием формирования национального самосознания у греков и других балканских народов стало бурное национально-государственное строительство в регионе, в ходе которого выявились непреодолимые противоречия между балканскими народами, повлекшие за собой не только государственно-политическое и территориальное, но и культурное размежевание между ними. Единая общность балканских христиан стала распадаться на этнические нации. Греки одними из первых оказались вовлеченными в этот процесс.

РЕВОЛЮЦИЯ 1821 ГОДА

На пути к восстанию

Революция 1821 г. — один из поворотных пунктов во всей греческой истории, поскольку ее результатом стало рождение независимого греческого национального государства. Тем не менее, термин «революция 1821 года» довольно расплывчат и не имеет однозначного понимания в историографии, особенно греческой. Греческое слово *επανάστασις* может означать локальное восстание, государственный переворот и наконец, собственно революцию. Чаще всего под революцией 1821 г. понимают сразу все: и восстание греков на Пелопоннесе в марте 1821 г., и создание независимых органов власти, и попытки разрешения социальных противоречий. Но, помимо социального содержания, которое присутствовало в событиях в греческих землях 1820-х гг., революция носила также национально-освободительный характер, а ее затяжное течение (до 1830 г.) дает нам право говорить о войне за независимость.

Отсутствие в литературе единой оценки революции 1821 г. говорит о том, что это было многоплановое явление, характер которого менялся с течением времени. Нет также единой точки зрения на периодизацию революции. Некоторые историки считают началом революции восстание на Пелопоннесе в конце марта 1821 г., другие полагают, что начальным этапом революции нужно считать восстание в Дунайских княжествах под руководством А. Ипсиланти. Такая точка зрения имеет определенный смысл: оба восстания были в значительной степени подготовлены одной и той же конспиративной организацией — тайным обществом «Филики Этерия».

Уже сами участники революции пришли к выводу о том, что в период ее идейной подготовки в общественной мысли выделились два взгляда на пути достижения независимости. Первая точка зрения сводилась к тому, чтобы «улучшить и распространить образование путем учреждения школ везде, где жили греки и христиане на Востоке, так чтобы весь мир просветился и через греческое образование объединились дух и цель греков, и таким образом образовалось бы сильное государство с единой верой... А второе мнение, которое появилось после поражения Наполеона под Москвой, предполагало скорейшее восстание нации против турецкой тирании ради приобретения свободы, и для этого было решено учредить общество, которое называлось “Филики Этерия”, для распространения идеи восстания»¹. Рассмотрим оба эти направления по порядку.

Первое направление можно охарактеризовать как просветительское или умеренное. Оно предполагало как необходимое условие просвещение народа, ибо для достижения независимости нужно вывести нацию из состояния дикости, в которое ее погрузило османское иго. Кроме того, без просвещения невозможно будет правильно распорядиться завоеванной свободой. Приверженцами этого направления можно считать греческих просветителей, а также И. Каподистрию, который, находясь на русской службе, не забывал и о патриотическом долге. В служебной записке 1811 г. Каподистрия высказывает свое мнение относительно мер, которые надлежит принять России, чтобы укрепить свое влияние среди греков. Во-первых, настраивание греков во многом будет зависеть от чиновников, которые будут управлять

¹ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 25.

отвоеванными у турок областями (напомним, что в 1811 г. шла очередная русско-турецкая война), а значит, местная администрация должна проводить политику покровительства грекам, нужно поощрять также расселение греков в Бессарабии и Крыму. Во-вторых, авторитет России в глазах греков возрастет, если русское правительство будет субсидировать греческих ученых, выплачивать им пенсии и поощрять их заслуги различными наградами, а также поспособствует созданию греческого училища и изданию газеты для греков¹. Таким образом, предлагая русскому правительству покровительствовать просвещению греков, Каподистрия считал последнее самым насущным и важным для развития нации делом. Каподистрия также принимал активное участие в деятельности греческих просветительских обществ: он был членом «Литературного общества», функционировавшего в Бухаресте, «Филомусос Этерии» («Общество друзей муз»), созданной в 1815 г. в Вене и вынужденной из-за недоброжелательного отношения австрийских властей переехать в Мюнхен. Эти общества, к ним еще следует добавить «Филомусос Этерию», созданную в 1813 г. в Афинах, имели чисто просветительские цели: организацию и содействие греческим школам и на территории Османской империи, и в различных городах Европы, содержание способных студентов-греков, обучавшихся в европейских университетах, издание литературы на греческом языке. Среди сподвижников Каподистрии следует назвать Игнатия, митрополита Венгерского и Валашского, при помощи которого был создан греческий лицей в Бухаресте, а также «Литературное общество» валашского господаря Александра Суцоса.

К идее антитурецкого восстания Каподистрия относился отрицательно: он не одобрил программу «Филики Этерии», настаивая на просвещении народа как необходимой предпосылке освобождения², и отказался возглавить это общество. В январе 1820 г. Каподистрия писал Петробею Мавромихалису о том, что в России знают о существовании «Филомусос Этерии» как просветительского общества и что греки себе очень навредят, если внушат Порте подозрения, что покровительствуемые «Этерией» школы — это рассадники освободительных идей³.

Путь к освобождению, выбранный Каподистрией, требовал много времени на подготовку и откладывал свержение османской власти на неопределенное будущее, поэтому те, кто стремился к скорейшему завоеванию свободы, сочли его неудачным. Их собственный путь можно назвать революционным или радикальным. Как мы видели, Фотакос привязывает его зарождение к поражению Наполеона под Москвой, но сам же он далее оговаривается, что первым идею освобождения революционным путем подал Ригас, однако из-за предательства не сумел ее осуществить⁴.

Сама идея восстания ничего нового в себе не содержала: греки восставали против турок чуть ли не с первого дня османского завоевания. В последний период османского ига крупнейшим восстанием было Орловское восстание 1769–1770 гг., принесшее грекам не только поражение, но и девятилетнее разграбление Пелопоннеса албанцами. Тем не менее, уже в 1789 г. греки опять были готовы восстать, как свидетельствует записка, поданная при Петербургском дворе П. Кирисом, Хр. Лазотисом и Н. Пангалосом⁵. В то

¹ См.: Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 383–386.

² См.: Арш Г. А. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976. С. 183.

³ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11). М., 1979. С. 220.

⁴ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 26.

⁵ См.: Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973. P. 26–27.

же время воевал с турками на море Ламброс Кацонис, зачисленный на русскую службу. Позже, в 1808–1809 гг. вспыхнуло восстание фессалийских крестьян под предводительством Евфимия Влахава. Все эти факты свидетельствуют о том, что мысль о восстании никогда не покидала греков.

Тем не менее, именно Ригас называется «отважным мужем», который «задумал посеять в греческой нации вдохновенное желание свободы»¹. Дело в том, что Ригас внес нечто новое в национально-освободительное движение. Помимо идеи общенационального восстания, Ригас выдвинул тезис о необходимости привлечения к борьбе за освобождение и других балканских народов. Но у проекта Ригаса есть серьезный недостаток — непоследовательность подхода к национальной проблеме: предполагая участие в восстании других балканских народов, Ригас в то же время мечтал о создании государства, в которой греки займут господствующее место, а остальные народы — подчиненное². Такова важная особенность политической программы Ригаса.

Примечательна и его практическая деятельность: Ригас вошел в историю и как просветитель (он, например, переводил на греческий язык сочинение Монтескье «О духе законов»), но больше как революционер. Ригас ввел у греков практику организации тайных обществ для подготовки всеобщего выступления. Г. Л. Арш считает неоспоримым существование «Этерии» Ригаса³. Но, возможно, Ригас был не первым, кто создал тайное общество: есть сведения о существовании тайного общества в войсках валашского господаря А. Ипсиланти еще в 1780-е гг.⁴ Как бы то ни было, Ригасу не удалось даже приблизиться к реализации своих планов: он попал в руки австрийской полиции, которая выдала его туркам, и был казнен в 1798 г.⁵

Идея создания тайных обществ была довольно продуктивной: с начала XIX в. у греков, как грибы после дождя, стали возникать различные общества — и законспирированные организации, и легальные общества с просветительскими целями, которые часто использовались как ширма для революционной пропаганды (вспомним письмо Каподистрии П. Мавромихалису). Так, в 1806 г. возникло греческое тайное общество в Италии, в 1809 г. — «Грекоязычная гостиница» («Ελληνόγλωσσον Ξενοδοχεῖον») в Париже, в 1810 г. — «Литературное общество» в Бухаресте, в 1813 г. — «Филомусос Этерия» в Афинах, наконец в 1814 г. — «Филики Этерия» («Дружеское общество») в Одессе. Все эти общества внесли определенный вклад в подготовку национального освобождения, но наибольшую роль сыграло последнее — «Филики Этерия». Г. Л. Арш считает, что деятельность греческих тайных обществ начала века носила ограниченный характер в силу различных причин (малочисленность — во Франции, полицейский надзор — в Австрии), тогда как «Филики Этерия» повела подготовку к восстанию на ином уровне⁶.

¹ См.: Γερμανός. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 76.

² См.: Арш Г. А. Великая Французская революция и Греция (Политическая программа Ригаса Велестинлиса) // Европа в новое и новейшее время. М., 1966. С. 153.

³ См.: Арш Г. А. Ригас Велестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига (его практическая революционная деятельность) // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев, 1966. С. 11–13.

⁴ См.: Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973. P. 28.

⁵ См.: Подробнее о деятельности Ригаса см.: Арш Г. Л. Ригас Велестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига (его практическая революционная деятельность) // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев, 1966.

⁶ См.: Арш Г. А. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 127–128.

«Филики Этерия» была основана в 1814 г. в Одессе выходцами из купеческой среды Афанасием Цакаловым, Николаем Скуфасом и Эммануилом Ксанфосом. Организационно общество строилось по примеру модных тогда в Европе конспиративных организаций, прежде всего масонских лож (членом одной из них был Ксанфос). В обществе были четыре степени посвящения, так что имена руководителей не были известны низшим членам. Целью общества провозглашалось свержение османского ига. Члены общества вербовались не только из российских греков, но по преимуществу в Константинополе и греческих провинциях Османской империи. Участники греческой революции высоко оценивали вклад «Филики Этерии» в дело национального освобождения. Фотакос, например, полагает, что она была заключительным звеном в цепи факторов, подготовивших освобождение¹. Однако многие, прежде всего состоятельные, греки сомневались в том, что обществу удастся достичь своих целей. Для придания своей деятельности большего авторитета руководители общества решили заручиться поддержкой России. Но российское государство, разумеется, не могло оказать официальной поддержки заговорщикам, поэтому они распространяли слухи о том, будто бы царь Александр тайно покровительствует обществу. С той же целью этеристы постарались привлечь к сотрудничеству наиболее высокопоставленных греков в России и Турции. Возглавить общество предлагалось И. Каподистрии, вице-канцлеру Российской империи. Но он отказался.

Греческие патриоты не случайно основали «Филики Этерию» именно в России: после восстания 1770 г. там жило много греческих эмигрантов, и можно было готовить восстание, не вызывая подозрений². Этеристы действительно были преемниками Ригаса и унаследовали от него не только методы борьбы, но и идеологию, хотя у них и отсутствовала четкая политическая программа. Этеристы полагали, что самое верное средство добиться свободы — это поднять общее восстание всех греков, поскольку просвещение народа в условиях ига они считали невозможным. А поэтому необходимо было наберечь как можно больше людей в областях с греческим населением. И в этом они преуспели. Они «объединили... почти всех прокритов и знатнейших из греков, и на всем почти Пелопоннесе никто из выдающихся иерархов, проэстов и прочих прокритов не оставался непосвященным»³. В отличие от тайных обществ начала века, «Филики Этерия» стала массовой организацией, объединявшей жителей многих областей и разных сословий. При этом необходимая конспирация соблюдалась благодаря иерархической структуре общества, строгому отбору кандидатов в его члены и клятве, приносимой при посвящении. Но возникает вопрос: как этеристам удалось получить столь широкую поддержку? Какие мотивы побуждали людей вступать в тайное общество?

Макриянис, которого посвятил в члены «Филики Этерии» один из его знакомых священников, отвечает на этот вопрос следующим образом: «Я искренне старался потрудиться для Отчизны и веры моей, чтобы Родина назвала меня не вором и разбойником, а чадом своим, а себя — матерью моей. Так я и потрудился»⁴. Также и Колокотронис предпочел вступить в тайное общество из патриотических побуждений и отклонил предложение своего бывшего начальника по английской службе

¹ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 53.

² См.: Там же. Σ. 26.

³ Γερμανός. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 76–77.

⁴ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 154.

Р. Черча¹, ставшего генералом, приехать к нему в Неаполь и вновь служить под его началом². И все-таки не патриотизмом объясняет английский исследователь Д. Дакин массовый характер «Филики Этерии»: «Главная причина успеха этеристов в проведении “предварительной мобилизации” греческой нации заключалась в том, что они создали впечатление, будто их движению покровительствует Россия, будто его возглавляет не кто иной, как Каподистрия, и будто все предприятие имеет благословение патриарха»³.

Несмотря на то, что многие вожди греков преувеличивали свои силы и степень готовности к восстанию, они все же осознавали, что благоприятные условия для начала революции сложились во многом благодаря внешним факторам и политике европейских держав. Фотакос выделяет несколько обстоятельств, в наибольшей, на его взгляд, степени способствовавших созреванию освободительных идей среди греков. Во-первых, это покровительственная политика России, которая приютила многих греков после неудачного восстания 1769–1770 гг., а также дала возможность процветать их торговле⁴. Во-вторых, это провозглашение республики на Ионических островах и политика в отношении нее Англии, Франции и России. В-третьих, это стимулирующее влияние Великой Французской революции на экономический подъем и развитие национально-освободительной идеологии греков⁵.

Фотакос начинает заключительный этап национально-освободительного движения греков с поражения восстания 1769–1770 гг. на Пелопоннесе, когда стало ясно, что своими силами грекам не добиться независимости. Хотя они не оставляли мысль о том, «как лучше организовать народ на восстание против тирана», надежду на скорое освобождение подала им только Французская революция, в результате которой «наступило духовное пробуждение мира и греческое племя (φυλή) стало в достаточной мере просвещенным»⁶. Тогда греки «молили Бога, чтобы революционная Франция обратила свой меч против турок», и, казалось, освобождение было близко, но после прихода к власти Наполеона эти мечты рассеялись, и пришлось вернуться к мысли о том, как освободиться своими силами⁷. Таким образом, в главном, чего греки ждали от Французской революции, они были разочарованы. Но революция во Франции создала благоприятные условия для быстрого развития греческой торговли, ибо французская левантийская торговля была подорвана. Особенно заметно это стало после захвата Францией Ионических островов, что повело к резкому обострению франко-турецких отношений⁸, и египетского похода Наполеона. Порта приняла специальные меры, направленные в первую очередь против французских купцов: были увеличены пошлины на импорт и экспорт⁹.

¹ Черч Ричард (1785–1873) — английский военный, один из самых известных филэллинов. В 1809 участвовал в занятии англичанами Ионических островов, потом — в революции 1821 г., после которой до конца жизни остался в Греции, получив при Оттоне чин сначала государственного советника, а потом сенатора.

² См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 274.

³ Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973. P. 46.

⁴ См.: Синица В. И. Восстание в Морее 1770 г. и Россия // Вопросы новой и новейшей истории. М., 1974.

⁵ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 53.

⁶ См.: Там же. Σ. 25.

⁷ См.: Там же. Σ. 25.

⁸ См.: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 77.

⁹ См.: ВПР. Сер. 1. Т. 1. С. 248.

Велико было и идейное воздействие Французской революции на развитие греческого национального самосознания. «Французская революция и Наполеон, по моему мнению, — говорит Колокотронис, — заставили мир открыть глаза. Раньше народы были невежественными, королей считали земными богами и обо всем, что бы ни делалось, говорили, что делается хорошо»¹. Французская революция знаменовала наступление нового этапа в греческом Просвещении: когда во Франции идеи просветителей были реализованы в коллективном социальном действии, греческая интеллигенция получила толчок к новому творческому осмыслению этих идей, проекции их на национальную почву и созданию на этой основе собственных политических программ. Не без французского влияния у греков возникла идея создания тайных обществ.

Воздействием Французской революции объясняет Г. А. Арш и деятельность Ламброса Кацониса (грека, находившегося некоторое время на русской службе) во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.² Несомненно, завоеваниями революции во Франции вдохновлялась и деятельность Ригаса Велестинлиса. Но когда во Франции к власти пришел Наполеон, греки быстро ощутили развитие революции по нисходящей. Это было связано прежде всего с судьбой Ионических островов.

Возглавить основанную вскоре после разгрома Наполеона «Филики Этерию» согласился генерал Александр Ипсиланти. Он происходил из знатной фанариотской семьи и родился в Константинополе. Но в начале XIX в. его отец был вынужден бежать в Россию, где нашел теплый прием. Александр Ипсиланти закончил Кадетский корпус и принимал участие в наполеоновских войнах, в конце концов дослужившись до генерала от инфантерии. В одном из сражений он потерял руку, на что намекает Пушкин: «Безрукий князь друзьям Мореи из Кишинева уж мигал». Приход его к руководству «Филики Этерией» произошел в тот самый момент, когда Порта объявила беспощадную войну албанскому сепаратисту Али-паше Тепелене (начало 1820 г.). Ипсиланти считал, что нельзя упускать удобный случай и медлить с восстанием: с одной стороны, силы Порты были отвлечены на борьбу с мятежным сепаратистом, а с другой, численность этеристов слишком возросла, и руководство общества опасалось предательства. В связи с этим Ипсиланти запланировал восстание на осень 1820 г. Он уведомил об этом руководство константинопольской секции общества, предлагая ему организовать восстание в столице и на флоте и захватить город одновременно с его выступлением в Греции.

Осознавая всю рискованность своего предприятия, Ипсиланти обратился за поддержкой к сербскому правителю Милошу Обреновичу, но тот не только не оказал никакой помощи, но даже издал обращение к своему народу, призывая всех сохранять спокойствие и не поддаваться на авантюры греков. Другой источник помощи Ипсиланти видел в России. Но поскольку сомнения в том, что царь охотно окажет помощь греческим повстанцам, все же оставались, то Ипсиланти в конце концов решил первоначальное выступление организовать не в Греции, а в Дунайских княжествах и уже оттуда распространить восстание на греческие провинции Османской империи. Восстание в Дунайских княжествах должно было вызвать вторжение турок в Молдавию и Валахию, что нарушало русско-турецкие договоренности об их автономии. Ипсиланти надеялся, что этого царь не допустит и вступит в войну на стороне греков.

¹ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 275.

² См.: Арш Г. А. Великая Французская революция и Греция. (Политическая программа Ригаса Велестинлиса) // Европа в новое и новейшее время. М., 1966. С. 143.

Ипсиланти очень торопился, опасаясь, что планы заговорщиков станут известны Порте. И не без основания: в рядах этеристов нашелся предатель, который выдал информацию о готовящемся в Константинополе восстании английскому посланнику, а тот незамедлительно сообщил об этом Порте. В результате были приняты меры предосторожности, известие о готовящемся в столице восстании греков стало одним из поводов для массовых репрессий в апреле 1821 г. Однако приготовления к восстанию шли медленнее, чем хотелось бы. Поэтому начать выступление удалось лишь весной 1821 г. 22 февраля (6 марта) 1821 г. Ипсиланти со своим отрядом форсировал Прут, имея в своем распоряжении всего лишь 4,5 тыс. чел, из которых около 700 составляли греческие студенты т. н. «Священной роты», остальные были сербами, болгарами, черногорцами и молдаванами. У Ипсиланти было всего 4 пушки и немного легкой кавалерии.

Между тем, в княжествах уже в январе того же года началось восстание влахов под руководством Тудора Владимиреску. Целью восстания было свержение власти фанариотов и проведение социально-экономических преобразований. Ипсиланти попытался привлечь Владимиреску к сотрудничеству, но тот не испытывал особого желания воевать за греков. Никаких существенных приобретений от совместного предприятия Ипсиланти ему не обещал. В результате Владимиреску выдал его планы туркам, и тогда отряду Ипсиланти пришлось выставить караулы и против влахов. В конце мая за сотрудничество с турками греки казнили Владимиреску.

Но судьба восстания Ипсиланти была уже решена. Ожидаемой помощи из России не последовало. На Лайбахском конгрессе Священного союза Александр I официально осудил предприятие Ипсиланти и лишил его генеральского чина. Под давлением Меттерниха царь также дал согласие на ввод турецких войск в княжества. Теснимый турками, Ипсиланти отступал к австрийской границе. Единственным приемлемым выходом в его положении была партизанская война, но ее приемами он не владел и решил дать генеральное сражение. Оно произошло у селения Драгачаны, где отряд Ипсиланти был разбит. Причиной этого стало не только численное превосходство турок, но и отсутствие дисциплины и единоначалия в лагере повстанцев. В результате они не смогли придерживаться ими же разработанного плана сражения, капитаны отдельных отрядов вступали в бой, когда им вздумается. После поражения при Драгачанах Ипсиланти попросил убежища в Австрии, но 15 июня он был арестован австрийскими властями и семь лет содержался под стражей в одной из венгерских крепостей. Его соратник Георгий Олимпиос не решился просить в Австрии убежища, поскольку был тесно связан с сербским национально-освободительным движением — он был побратимом Карагеоргия и после его смерти женился на его вдове. Олимпиос и его соратники окончили жизнь в бою с турками, взорвав себя.

Так окончилось идеалистическое предприятие Александра Ипсиланти. Никакой ожидаемой помощи он не получил ни от России, ни от балканских народов. Историческое значение этого выступления заключалось в том, что оно отвлекло внимание Порты от главного выступления греков на Пелопоннесе. Известно, что наиболее влиятельные члены «Филики Этерии» на Пелопоннесе просили Ипсиланти ускорить выступление, опасаясь, что турки примут превентивные меры и тем усложнят подготовку восстания¹. Для руководства операциями в Морее Ипсиланти послал своего брата Димитрия, но тот прибыл на полуостров, когда восстание уже было в разгаре.

¹ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άλαντα Κολοκωτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 277.

На самом деле турки в Морее и континентальной Греции видели гораздо большую опасность в действиях Али Янинского, нежели греков, хотя им было известно о существовании у греков тайного общества. В середине марта 1821 г. морейские турки решили собрать наиболее влиятельных греков на совет в Триполи, чтобы обсудить возможные действия против Али-паши и заодно иметь возможность взять в заложники местную греческую элиту, которую они подозревали в тайном сотрудничестве с албанским мятежником. В это время на Пелопоннесе еще ничего не знали о восстании Ипсиланти, но, ожидая подвоха, многие кодзабасы и епископы под различными предлогами отказались ехать в Триполи, а вместо этого собрались в монастыре Св. Лавры около Калавриты, где ожидали какой-либо информации о поддержке России, прежде чем принять окончательное решение о восстании¹. В отличие от кодзабасов, клефтам давно уже не терпелось начать войну с турками, а некоторые из них были уверены в том, что успешное начало восстания обеспечит им поддержку извне.

После совещания прокритов и архиереев в Св. Лавре военные приготовления греков активизировались. Так как в деревнях их уже невозможно было скрыть, то с середины марта греки стали убивать местных турок по одному, чтобы те не донесли о готовящемся восстании наместнику в Триполи². Тем не менее, турки не оставались в неведении о происходящем: уже в начале марта русский консул в Патрах И. Власопулос сообщал посланнику в Константинополе Г. А. Строганову о военных приготовлениях в Морее как с греческой, так и с турецкой стороны. Его донесение подтверждает также информацию о том, что турки создали кодзабасов в Триполи в качестве заложников³.

Как пишет митрополит Герман, восстание началось стихийно, стычками с турками в отдельных городах⁴. Причем, по сообщению И. Власопулоса, вооруженный конфликт в Патрах начался с провокации турок: они подожгли два греческих квартала, и лишь на следующий день с гор спустились повстанцы⁵. В 20-х числах марта маниаты захватили Каламату и объявили о создании местного органа власти — Мессенской Герусии. Одновременно взяли за оружие греки в Калаврите, Патрах, Каритене, Востице, и к концу марта весь Пелопоннес был охвачен восстанием, в первой декаде апреля оно перекинулось на Фивы и Афины, а к концу мая распространилось на Этолию и Акарнанию.

Официальной датой начала восстания, отмечаемой ныне как День независимости Греции, стало 25 марта. Во многом этому способствовала т. н. легенда о Св. Лавре. Согласно легенде, 25 марта 1821 г., в день праздника Благовещения, Патрский митрополит Герман в Св. Лавре (монастырь южнее Калавриты) воздвиг хоругвь с шитым золотом изображением Успения Богородицы, принял присягу у добровольцев и повел их против турок в Калавриту. На самом деле в этом монастыре к 25 марта митрополита Германа уже не было, но он действительно выступил одним из вдохновителей восстания в Патрах. Кроме того, избрание днем празднования национальной независимости православного праздника Благовещения имело для греков двойной смысл: как некогда Архангел возвестил Богоматери о скором приходе Спасителя в мир, так и для греков этот день стал провозвестием национального освобождения.

¹ См.: Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 84–85.

² См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 63.

³ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 47–48.

⁴ См.: Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 88–89.

⁵ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 87.

В апреле восстали также Идра, Спеце и Псара, причем местные судовладельцы быстро снарядили собственный флот, который возглавил Якумакис Томбазис. Из других островов к восстанию присоединился Самос. Попытки членов «Филики Этерии» поднять восстание в Эпире, Македонии и Фессалии столкнулись с большими трудностями. Главная сложность состояла в том, что в этих областях греческое население не было преобладающим, поэтому оно не столь охотно откликалось на призывы к восстанию, опасаясь серьезного сопротивления со стороны турок. Некоторое брожение этеристам все же удалось посеять, но промедление с восстанием дало туркам возможность принять превентивные меры. Если быстро справиться с восстанием на Пелопоннесе не представлялось возможным, то в Македонии была проведена карательная экспедиция, в ходе которой греческому населению Салоник был нанесен такой удар, от которого оно не могло оправиться по меньшей мере полвека. Локальные восстания клефтов в Македонии были быстро подавлены, потерпела поражение попытка поднять восстание на Афоне. В итоге к лету 1822 г. Македония практически вышла из борьбы. И все же македонцы внесли свой вклад в общую победу: почти целый год они держали в напряжении значительные силы турок, которые в противном случае были бы использованы на Пелопоннесе. После подавления восстания в Македонии сохранившиеся греческие отряды продолжили войну в других восставших областях.

Рассмотрев более или менее подробно оба направления подготовки греков к восстанию, мы увидели, что второе было, несомненно, более эффективным, однако и первое внесло в общее дело свой вклад, хотя и менее заметный на первый взгляд. Фактически в лице первого направления мы имеем дело с развитием тех же тенденций в греческой общественной мысли, о которых подробно говорилось в предыдущей главе. Первое направление по сути было частью новогреческого Просвещения. Второе направление, испытавшее на себе значительное влияние европейских практик (тайные общества, идея восстания), все же было тесно связано с первым и не могло без него добиться сколько-нибудь значимого результата. Деятельность тайных обществ, как мы убедились, стала приносить ощутимые плоды исключительно в условиях широкой поддержки со стороны населения. Эта поддержка, в свою очередь, могла быть оказана только в результате развития национального самосознания, которое происходило на основе этноцентрического дискурса.

Революция или война за независимость?

На Пелопоннесе уже в первые недели восстания было уничтожено около 15 тыс. турок (из 45 тыс.), большинство оставшихся собрались под защиту крепостных стен Триполи. Им на помощь было послано несколько тысяч албанских мусульман. Осадившие город греки располагали 12 тыс. чел. Среди греческого командования не было единства. Формально возглавлял войска Дмитрий Ипсиланти, но поскольку капитаны клефтов (Колокотронис и Петробей Мавромихалис) хотели не просто взять город, а еще и пограбить его, то они уговорили Ипсиланти выступить навстречу движущимся турецким подкреплениям. В это время грекам удалось привлечь на свою сторону албанцев, и 23 сентября город был штурмом взят, затем последовало его разграбление и резня мирных жителей — турок и евреев. Жестокое обращение греков с пленными стало причиной упорного сопротивления турок, а пример Триполи отбил у жителей других городов желание добровольно сдаваться грекам.

Первый успех восстания объяснялся во многом тем, что Порта в силу благоприятных для греков внешних обстоятельств не смогла бросить силы на его подавление, а местные турки не ожидали столь мощного повсеместного выступления и поэтому в панике разбежались по деревням или заперлись в крепостях. Но стоило им оказать хотя бы небольшое сопротивление, как это сделало турецкое население г. Лала — и в панике бежали уже греки. Главной ошибкой греков было то, что они «долго не могли приучиться к дисциплине, требуемой организованной армией, правильное военное устройство было им совершенно чуждо, а прежние успехи разбойничьих шаек, клефтов и арматолов убеждали их, что только подобною войною смогут они достигнуть торжества над неприятелем»¹. Вначале у греков отсутствовало единое командование: каждая деревня имела своего капитана, а верховное командование не доверяли никому, и только в Каритене верховодили Делиянисы. Постепенно на первый план выдвинулись самые храбрые и опытные капитаны — манияты Кирьякулис и Илиас Мавромихалисы, леондариты и мессенцы подчинились Анагностарасу (Анагностису Папагеоргиу) как старейшему (ему было 60 лет) и наиболее опытному². Гладко причесанные официальные истории революции предпочитают умалчивать об этой неприятной стороне событий, но в мемуарах участников революции содержатся такие подробности, которые указывают, что отсутствие дисциплины и единого военного руководства вело к самым пагубным для греков последствиям. Например, узнав о приближении с материка войск под командованием Юсуф-паши, патрские военачальники выслали 400 дозорных охранять дорогу и велели доложить, если Юсуф пойдет на Патры. «Однако назначенные охранять дорогу оставались там только еще один день, а потом дезертировали и вернулись в Патры, не уведомив военачальников, чтобы они послали других охранять дорогу; по причине этого дезертирства начался грабеж, поэтому турки без труда прошли; а остальные (греки. — О. П.) отправились по домам; таким образом, толпа, собравшаяся из деревень епархий Калавриты, Патр и Востицы, которая составляла войско, люди бедные и подлые, предалась грабежу, не думая больше ни о чем, а военачальников не слушались, так что не было больше ни порядка в делах, ни воодушевления народа»³. Современники вспоминали даже о том, что выставлялись специальные кордоны для задержания дезертиров⁴. Еще один пример того, как греки не сумели воспользоваться складывавшимися в их пользу обстоятельствами: «Известие о падении Триполи (23 сентября 1821 г. — О. П.), распространенное по всем гарнизонам Пелопоннеса, вызвало большое смятение среди врагов, так что если бы они (греки. — О. П.) сразу двинули войска, которых собралось там свыше 20 тысяч человек, в осажденные крепости, то добились бы больших успехов и пользы; но все были заняты добычей и более сильные грабили то, что принадлежало слабым, без соблюдения порядка и права»⁵. Из-за отсутствия единства греков турки без боя взяли Коринф и была снята осада Патр⁶.

В значительной мере причиной отсутствия единства среди греков было традиционное соперничество между кланами и жителями разных областей. «В патриотизме своем грек не обнимал Отечества в широком смысле слова, он отличался всегда

¹ Феоктистов Е. Борьба Греции за независимость // Отечественные записки. 1862. Кн. 8. С. 467.

² См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 97.

³ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 75. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 93.

⁴ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 98.

⁵ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 99.

⁶ См.: Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 134. Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 210.

привязанностью к известной местности, к родному городу или селению, в котором сосредоточивались все его интересы»¹. Благодаря этому стало возможно, например, то, что кодзабасы Этолии и Акарнании к своей выгоде задержали восстание в этих областях до 24 мая². «Подобно и некоторые месолонгиты, находя момент подходящим, чтобы извлечь выгоду, доставляли продовольствие врагам в Патрах и имели с ними тесную связь, занимаясь торговлей и покупая трофеи за небольшую цену, и наслаждаясь несчастьем других»³. Местным патриотизмом объясняет неповиновение Колокотрониса греческому правительству Д. Эниан: когда правительство послало его в Западную Грецию, где он был нужен, Колокотронис не послушался, так как «был сверх меры пелопоннесцем»⁴. Аналогичную характеристику дает Колокотронису К. Метаксас: «Колокотронис был доблестным воином, благородным и отличавшимся гражданскими добродетелями, но имел много слабостей и, между прочим, чрезмерную преданность интересам Пелопоннеса, которые он отделял от интересов остальной Греции»⁵.

Отсутствие единого руководства подталкивало особо отчаянных бойцов пускаться на авантюры. Так, весь цивилизованный мир в 1822 г. ужаснулся бесчеловечности турок, устроивших жестокую резню на Хиосе. Однако из описания одного из современников создается впечатление, что разорение острова явилось следствием безответственной провокации. Местные прокриты были в хороших отношениях с турками, да и все жители острова не бедствовали, поскольку на Хиосе находились мастиковые сады султанского гарема. Поэтому местные кодзабасы пришли в замешательство, когда группа добровольцев с Самоса во главе с Ликургом Логофетом решила «помочь» им сделать революцию. Прибытие самиотов и поднятие флага восстания не сулило жителям Хиоса ничего хорошего, ибо турецкий флот как раз в это время готовился к выходу из Дарданелл. Естественно, при приближении турок самиоты предпочли убраться восвояси, а далее произошло то, чему посвящена известная картина Э. Делакруа. Интересно, как оценивали эти события сами греки: «Кажется, этот Логофет, сговорившись с некоторыми из хиосцев и собрав вооруженных людей на Самосе, переправился на Хиос, чтобы поднять там восстание, но когда показался вражеский флот, то он, захватив своих сторонников, вернулся на Самос. Таким образом, из-за своего неразумного поведения он стал главным зачинщиком происшедших на острове грабежей, резни и пленения»⁶. После этих событий Ликург Логофет был взят под стражу самими греками, и уполномоченным греческого правительства было поручено решить вопрос о его судьбе. Уполномоченные решили отпустить Логофета на свободу⁷. Хиосские события негативно повлияли на отношение к восстанию жителей других островов. Их уверенность в благополучном исходе борьбы с турками была сильно поколеблена⁸.

Успехи греков на Пелопоннесе стали возможны благодаря тому, что значительные силы турок были отвлечены в Македонию, а также Эпир, где главную угрозу Порты видела в действиях Али Тепелены. Узнав о восстании греков, Али послал в их лагерь

¹ Феоктистов Е. Борьба Греции за независимость // Отечественные записки. 1862. Кн. 8. С. 493.

² См.: Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. 104.

³ Там же. Σ. 109.

⁴ Αινιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 195.

⁵ Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 60.

⁶ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 159–160. Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 62–63.

⁷ См.: Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 64.

⁸ См.: Там же. Σ. 50.

своего секретаря Алексиса Нудоса с предложением о сотрудничестве. Али уже давно поддерживал с греками тесные связи, его двор в значительной степени также состоял из греков (придворным врачом Али был, например, И. Колеттис) и стал одним из центров возрождения греческой культуры. План Али предполагал создание в конечном счете независимого греко-албанского государства под верховной властью янинского паши. Но греков этот вариант не устроил, тем не менее, в августе 1821 г. между греками, сулиотами и албанцами было подписано соглашение о сотрудничестве. Греки обязались помочь Али в борьбе с турками, а он за это должен был освободить подчиненные ему греческие деревни. Однако это соглашение продержалось недолго. Туркам удалось его разрушить, убедив албанцев в том, что греки не будут соблюдать их интересы. Действительно, узнав о разрушениях греками мечетей, а также о том, что они испытывают трудности с боеприпасами и продовольствием, албанцы перешли на сторону турок и выступили против сулиотов, но те уже успели добраться до Сули. После этого основной удар турок пришелся по Али-паше. В начале 1822 г. он был разгромлен и убит. Теперь основные силы султана могли быть направлены на Пелопоннес.

За это время грекам удалось укрепить свои позиции на Пелопоннесе и создать первые независимые органы власти. Одной из первых после взятия Каламаты была создана Мессенская Герусия. Затем местные органы власти, состоявшие по преимуществу из кодзабасов, представителей духовенства и отчасти военачальников, появились в других частях Пелопоннеса и материковой Греции. В конце мая в Кельтченском монастыре состоялось собрание кодзабасов с участием маниатов. На нем была достигнута договоренность о создании на Пелопоннесе единого органа власти — Пелопоннесской Герусии со сроком полномочий до взятия Триполи, после чего предполагался созыв Национального Собрания.

Уже на этом этапе революции выявились серьезные политические разногласия в лагере повстанцев, которыми и был вызван созыв Кельтченского собрания. Кодзабасы, представлявшие до этого момента крупнейшую политическую силу в греческом лагере, теперь стали опасаться, что их авторитет может быть оспорен военачальниками (капитанами), влияние которых сильно возросло после того, как они в середине мая выиграли первое крупное сражение при Вальтеци. Если в начале восстания капитаны не имели политической самостоятельности и действовали как наемные руководители вооруженных отрядов, финансируемых кодзабасами, то теперь они могли существовать уже не за счет жалованья, но и за счет военной добычи. В результате крупнейшие капитаны превратились в самостоятельную политическую силу, которая стала соперничать с кодзабасами в борьбе за власть. В политической жизни еще не независимой Греции стали образовываться первые группировки. Среди капитанов вскоре выдвинулся Феодор Колокотронис, благодаря своим военным и политическим талантам быстро занявший положение бесспорного лидера пелопоннесских военачальников. Этот человек-легенда получил в народе прозвище Γέρος του Μοριά¹.

Теперь среди греческой верхушки начались разногласия, обусловленные уже не местным самолюбием и неорганизованностью, а борьбой за власть. С другой стороны, противоречия в обществе, вылившиеся в социальные конфликты во время войны за независимость, существовали еще в период турецкого владычества, поэтому, вполне возможно, местный патриотизм служил в какой-то мере прикрытием для

---

¹ Морейский старец.

честолюбивых притязаний кланов и отдельных личностей как из числа кодзабасов, так и капитанов (Делиянисы, Мавромихалисы, Петимезасы, Одиссей Андруцос и др.).

Один из первых конфликтов, имевших ярко выраженные черты борьбы за власть, был связан с упомянутым выше Кельтченским собранием. Папафлессас, известный своей неприязнью к прокритах еще с дореволюционного времени, стал открыто выражать недовольство их политикой: «Когда было организовано Кельтченское собрание, он, проходя через некоторые деревни епархии Каритены, называл всех вообще кодзабасов туркофилами и всячески ругал их»¹. По этому поводу Папафлессас даже поссорился с К. Делиянисом. Тогда последний назвал его лжецом, как передает этот инцидент Фотакос, поскольку, будучи эмиссаром «Филики Этерии», Папафлессас обещал помощь со стороны России, которой не было. В ответ Папафлессас назвал Делияниса туркофилом, после чего оба схватились за пистолеты и их едва разняли. Папафлессасу даже пришлось спасаться бегством под защиту Колокотрониса². Конечно, достоверность этого конкретного случая вполне может быть поставлена под сомнение, если исходить хотя бы из характера самого источника. С другой стороны, само появление в тексте «Воспоминаний» Фотакоса этого эпизода и отношение к нему автора как к чему-то вполне естественному свидетельствуют о многом. Этот случай показателен в двух аспектах: во-первых, как реакция капитанов на попытку кодзабасов оттеснить их от власти, а во-вторых, как яркая иллюстрация уровня политической культуры руководителей национально-освободительной борьбы. Последнее обстоятельство не могло ускользнуть от внимания дотошных европейских филэллинов: полковник Вутье, например, пишет, что для грека не было ничего необычного в том, чтобы вспылить по малейшему поводу и убеждать своего оппонента с помощью физической силы³. Необходимо отметить также, что в тот момент капитаны, в отличие от кодзабасов, не были политически организованными, и это дало возможность последним создать Герусию в обход капитанов. Данное соображение подтверждает также совершенно нейтральная характеристика, данная Колокотронисом Кельтченскому собранию⁴.

Судя по отзывам современников, созданная на этом собрании Герусия не обладала реальной властью. Уже первые указы ее ни во что не ставились, потому что, как полагали некоторые, «выбор правителей не был произведен общественным мнением»⁵. Герусия должна была стать единым руководящим центром, регулировать финансовые вопросы, решать проблемы снабжения восставших регионов, а также попытаться наладить контакты с европейскими державами. Деятельность этого прототипа революционного правительства оказалась парализованной соперничеством отдельных личностей, которое начинало приобретать черты борьбы различных группировок. Но ни одна из них не имела четких представлений о том, каким должно быть социально-политическое устройство независимой Греции. Для большинства кодзабасов не было необходимости менять что-либо в социально-экономическом строе, их вполне устроили бы турецкие порядки, но без турок. Некоторые капитаны также удовлетворились бы этими порядками, но при условии, что кодзабасы поделятся с ними землей и властью. Другие капитаны выступали как выразители интересов более бедных слоев,

¹ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 125.

² См.: Там же.

³ См.: Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 118–119.

⁴ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 294.

⁵ Γερμανός Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 110.

нуждавшихся в перераспределении собственности на землю. Ни одна из этих группировок не имела конкретной политической программы.

Но ситуация этим не исчерпывалась. Вскоре после начала восстания на Пелопоннес стали прибывать представители фанариотской аристократии, которые не имели ни связей среди местной верхушки, ни опыта ведения партизанской войны. Зато у них имелся опыт придворных интриг и они были в наибольшей степени проникнуты западными либеральными идеями, каковые и намеревались воплотить в жизнь в независимой Греции. Одной из первых ласточек этой весны стал младший брат Александра Ипсиланти Дмитрий.

Д. Ипсиланти, приехавший на Пелопоннес в начале июня, вначале был принят хорошо, члены Герусии подготовили ему помпезную встречу в Астросе, «весь народ радовался его прибытию, возлагая на него большие надежды»¹. Во время этой торжественной встречи было зачитано вслух письмо князя Александра Ипсиланти, в котором он рекомендовал своего брата и назначал его полномочным представителем Исполкома Архи (руководящего органа «Филики Этерии». — О. П.)². Таким образом, вновь прибывшие из-за границы господа решили воспользоваться плодами чужого труда и захватить власть, опираясь на авторитет легендарного Александра Ипсиланти. «Они потребовали упразднить созданную за несколько дней до этого Герусию и организовать управление каким-либо другим образом и под другим названием... И тотчас же начались ссоры и разногласия, и препирательства с каждой стороны»³.

Исчерпывающую характеристику деятельности Д. Ипсиланти дал историк Дионисий Коккинос: «Он имел целью последовать программе своего брата Александра, получившего в Дунайских княжествах всю власть. Однако, хотя Д. Ипсиланти имел теоретическое образование и лучшие намерения, он не обладал опытом политической жизни, который заставил бы его понять, что не везде подобная программа осуществима, что перед ним страна с иной политической и социальной действительностью, что на Пелопоннесе есть класс, обладающий политической силой, приобретенной уже в период турецкого господства, и этот класс после падения турецкой власти естественно должен был попытаться усилить свои позиции и стремился стать наследником уничтоженной власти, что и предполагал сделать через Герусию, и что только разработанная тактика и дипломатичность — чем воспользуется позже А. Маврокордатос — могли привести к намеченной цели»⁴.

В связи с приездом Д. Ипсиланти на Пелопоннес следует сделать еще одно замечание. В поисках причин междоусобиц, терзавших греческое общество на протяжении всей войны за независимость, некоторые жители материковой Греции пришли к выводу, что причиной всех зол стало прибытие в восставшие регионы греков из Европы, которые и положили начало формированию политических группировок. Выразителем этой точки зрения является Макриянис. Он описывает идиллическую картину «согласия, единодушия и братства», которую испортило прибытие соплеменников из Европы. К их числу Макриянис относит и фанариотов (Маврокордатос и его окружение), но, вопреки фактам, включает Д. Ипсиланти в число местных патриотов и ревностно его защищает⁵. Столь

¹ Γερμανός Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 116.

² См.: Там же.

³ Там же.

⁴ Κόκκινος Δ. Η ελληνική επανάσταση. Τ. Α. Αθήνα, 1967. Σ. 472.

⁵ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 173, 205.

явную необъективность Макрияниса можно объяснить лишь тем, что в ходе политической борьбы Д. Ипсиланти оказался в лагере капитанов. Напротив, обвинению фанариотов, греков диаспоры, принявших участие в борьбе за власть, а с ними и кодзабасов во всех смертных грехах посвящен длинный патетический монолог Макрияниса¹. Деление на местных и приезжих действительно имело место. Любопытный случай приводит К. Метаксас, попытавшийся выступить посредником в конфликте между Колокотронисом и центральным правительством (лето 1822 г.): «Добившись встречи с Колокотронисом наедине, я тщетно пытался его убедить до тех пор, пока он не был вынужден мне сказать, что, поскольку я воспитан в Европе и принадлежу к благородной семье, то не могу знать всего коварства пелопоннесцев»². Причина описанного явления кроется не только в местном патриотизме и честолюбивых устремлениях отдельных личностей. 1821–1822 гг. — время приезда в Грецию интеллектуалов из Европы: представителей диаспоры, получивших европейское образование выходцев с Ионических островов, фанариотов из окружения А. Кораиса, митрополита Игнатия Валашского и Венгерского и др. Они олицетворяли собой модернизаторское направление в греческой общественно-политической мысли, поскольку именно им, как справедливо отмечает греческий исследователь Н. Диамандурос, принадлежит программа создания государства западного образца на освобожденных греческих землях³. Эта программа предусматривала создание конституционного и правового государства, а в этом случае традиционная греческая элита — как кодзабасы, так и капитаны — утратила бы возможность контролировать соответствующие институты власти. Таким образом, приехавшие из Европы греки волей-неволей внесли коррективы в расстановку политических сил. В этом кроется одна из причин острого конфликта Д. Ипсиланти с кодзабасами, закамуфлированного как столкновение «Филики Этерии» с консервативной оппозицией. Подливало масла в огонь и соперничество честолюбий. И под знамя Д. Ипсиланти собирались в основном приезжие.

После падения Триполи в сентябре 1821 г. начался новый этап политической борьбы, поскольку кончился срок полномочий Кельтченской Герусии и встал вопрос о созыве Национального Собрания. Военные успехи укрепляли авторитет капитанов, которых пытались перессорить прокриты⁴, Д. Ипсиланти пробовал спасти свое положение. Поскольку предполагаемое Собрание должно было стать общенациональным, то на данном этапе в борьбу включился представитель знаменитого рода из Фанара, племянник валашского господаря Карадзаса Александр Маврокордатос. Прибыв вначале на Пелопоннес, он понял, что здесь уже и без него хватает претендентов на власть, и тогда отправился в Западную Грецию, где ситуация в этом смысле была более благоприятной. Местные капитаны приняли его, рассчитывая на привезенные им деньги, а кодзабасы надеялись, что он сможет поставить капитанов под контроль. В начале июля Маврокордатос приехал в Месолонги и там ему удалось организовать местное правительство — Герусию Западной Греции, действовавшую на территории Этолии и Акарнании и фактически находившуюся под контролем капитанов. В Восточной Греции аналогичную роль сыграл другой фанариот — Ф. Негрис. Он возглавил

¹ Там же. Σ. 203–206.

² Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. δ. Σ. 61.

³ См.: Διαμαντούρος Ν. Προσπάθεια δημιουργίας δυτικού τύπου κράτους στην Επανάσταση και κοινωνικοπολιτικές συγκρούσεις // Η Επανάσταση... Σ. 154–155.

⁴ См.: Γερμανός, Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. δ. Σ. 136–140.

местный орган власти — Ареопаг, юрисдикция которого распространялась на Аттику, Беотию, Фокиду и Фессалию.

В период подготовки революции Маврокордатос вследствие политических осложнений был вынужден покинуть Константинополь и уехал в Россию, где «получал милости от русских», потому что «называл себя князем»¹. Прокриты обрадовались его приезду, так как хотели противопоставить его Ипсиланти, их привлекали ум, способности и опыт Маврокордатоса, «качества, которых не хватало Ипсиланти»². Маврокордатос приехал в Грецию с собственной политической программой, которая предусматривала создание не единого греческого государства, а отдельных княжеств: на островах, двух на материке, одного на Пелопоннесе. Эта программа не вызвала восторга среди греков³, но зато была близка к первому проекту решения греческого вопроса, выдвинутому европейской дипломатией (план Татищева). Маврокордатос был, безусловно, умнее и способнее Ипсиланти, но вначале ему тяжело было справиться с последним, поскольку Ипсиланти тогда еще всеми признавался эмиссаром своего брата, главы «Филики Этерии», и поэтому, как утверждает К. Метаксас, считался руководителем восстания на Пелопоннесе⁴. Тогда Маврокордатосу «пришло в голову сговориться с прокритами... чтобы воспрепятствовать планам Ипсиланти, и это стало первой причиной конфликта между прокритами и военачальниками, который повлек за собой немало пагубных последствий»⁵. Маврокордатос хотел также использовать отряд кефалонцев во главе с Матаксами в качестве пешек в своей игре, но К. Метаксас утверждает, что вовремя понял, в чем дело, и сумел избежать сетей Маврокордатоса⁶. Враждебно настроен по отношению к Маврокордатосу Макриянис, он осуждает интриги изворотливого политика против капитанов: «Сиятельный Маврокордатос, и он, фанариот, был согласен с планом разделаться с военными»⁷.

В отличие от местных группировок капитанов и кодзабасов, Маврокордатос предложил план политического устройства освобожденных территорий, который и был вынесен на обсуждение Кельтченского собрания. Его проект предусматривал создание представительного органа из числа кодзабасов Пелопоннеса и других районов. Исполнительным органом должна была стать герусия из 24 человек во главе с Дмитрием Ипсиланти и со сроком полномочий в один год (таким образом был достигнут компромисс между Маврокордатосом и Ипсиланти). Местное управление должно было находиться в руках специальных должностных лиц — эфоров, также назначавшихся на один год. Этот план был достаточно хорош, но имел серьезный недостаток: он почти не учитывал интересы капитанов. В ответ они выступили с протестом и даже пригрозили перерезать всех кодзабасов. В результате и появилась та самая Пелопоннесская Герусия, фактически реанимировавшая одноименный орган эпохи османского владычества. Военные таланты Маврокордатоса оказались куда менее значительными: в июле 1822 г. в печально знаменитой битве при Пета из-за его

¹ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 143.

² Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 39.

³ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 145–146.

⁴ См.: Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 39.

⁵ Там же.

⁶ См.: Там же. Σ. 47.

⁷ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 204.

неумелого руководства погибли почти все европейские филэллины, которые в качестве добровольцев приехали сражаться за свободу Греции.

В лице Маврокордатоса Д. Ипсиланти приобрел сильного и опытного противника. Формальная причина столкновения между ними заключалась в отношении к «Филики Этерии», но фактически решался вопрос о власти. Ипсиланти заявил, что Маврокордатос принижает значение «Филики Этерии» и хочет подорвать ее влияние. На это хитрый фанариот ответил, что связь нации с тайным обществом внушает европейским монархам подозрение в связях с европейскими карбонариями и они «называют это справедливое восстание против тирана разбойничьим мятежом»¹. Поэтому необходимо исключить всякое упоминание о «Филики Этерии». Для Ипсиланти это означало конец его честолюбивых замыслов. На I Национальном Собрании его избрали председателем Законодательного корпуса; «чтобы избежать будущих осложнений»². Но это было уже поражение и лично Д. Ипсиланти, и «Филики Этерии». Маврокордатос играл первую скрипку на I Национальном Собрании (декабрь 1821 – январь 1822 г.) и возглавил первое греческое правительство.

Однако это «правительство, пребывая в Коринфе, не вело почти никакой работы как потому, что большая часть членов кабинета отсутствовала, так и из-за беспорядка, производимого солдатами, так как там собралось очень много народу и каждый требовал права на трофеи; поскольку каждый почти час происходили новые смуты и препирательства об этом, правительство оставалось в нерешительности, не будучи в состоянии навести порядок»³. Другая причина бездействия — отсутствие денег. Поэтому неудивительно, что «местные администрации совершенно не подчинялись Национальному Правительству, но каждая поступала, как считала нужным, и совсем не обращала внимания на общие распоряжения»⁴. Это правительство попросту разбежалось, когда возникла угроза нового вторжения турок⁵: летом 1822 г. Порты бросила на подавление восстания греков сразу два экспедиционных корпуса. Из Западной Греции шел Омер Врионис, ставший пашой Янины после поражения Али Тепелены, но особую опасность для греков представляли турецкие войска, которые вел из Ларисы Махмуд-паша Драмалис, заменивший на посту сераскира Румелии Хуршида пашу.

К моменту созыва II Национального Собрания (1823) фактически распалась и часть местных органов власти, а деятельность другой их части была парализована капитанами⁶. «Правительство 1822 г. и местные герусии, — делает вывод Фотакос, — оказались неспособными управлять греками и вносили разногласия, как выяснилось потом»⁷. Лицо национальной власти спасли члены Законодательного корпуса, бежавшие при приближении турок из Аргоса в Триполи, где они «стали активно работать, обеспечивая войска боеприпасами и провиантом»⁸. Деятельность центрального и местных органов власти никак не могла наладиться во многом из-за того, что лагерь восставших раздирался внутренними противоречиями. Прокриты ревниво следили

¹ Γερμανός Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 120, 139–140.

² Там же. Σ. 146.

³ Там же. Σ. 149.

⁴ Там же. Σ. 156.

⁵ См.: Там же. Σ. 172.

⁶ См.: Там же. Σ. 179–180.

⁷ Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 297.

⁸ Γερμανός Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 174.

за успехами капитанов и, по мере того, как возрастал авторитет последних, начали подозревать их в намерении захватить власть. Уже после взятия Триполи «они задумали это предупредить и привлечь войско на свою сторону, чтобы ослабить власть капитанов и сорвать планы Ипсиланти, которого они считали заодно с капитанами»¹.

Осуществить задуманное они пытались самым простым способом — перессорив капитанов между собой, тем более, что подозрения их усилились ввиду угрозы нашествия Драмалиса². Перессорить капитанов не составляло большого труда, поскольку среди них и так не было единства: Фотакос упоминает о начале разногласий между капитанами еще летом 1821 г.³ Правда, среди прокритов также имелись расхождения во мнениях, но в более умеренной форме⁴. Это признает и сторонник кодзабасов митрополит Герман: «Солдаты Пелопоннеса, несмотря на то, что были и мужественны, и опытни, и послушны, оставались в бездействии, потому что были раздражаемы несогласиями прокритов»⁵. Но разногласия капитанов доходили до крайностей: «Зависть капитанов друг ко другу достигла такого уровня, что они не только не заботились о том, чтобы укрепить свои силы для отражения врага, но некоторые из них решились на ужаснейшее и незаконнейшее дело — ввести врагов в Отечество»⁶. Когда правительство узнало о масштабах раздоров, оно отправило к капитанам своих посредников, однако примирения не получилось, поскольку капитаны враждовали из-за самого главного — кому возглавлять войска⁷. Не гнушались даже убийствами: во время ссоры, произошедшей при осаде Патр, был убит капитан Панайотис Карадзас, после чего его сторонники в страхе разбежались и лагерь осаждавших развалился⁸. Однако, каков бы ни был непосредственный повод для снятия осады, несомненно одно: поведение и прокритов, и капитанов во время этой «странной» осады мотивировалось не интересами спасения Отечества, а их личным честолюбием. Борьба за власть заслоняла собой необходимость войны с турками.

Иначе обстояло дело на островах. Местные прокриты были гораздо меньше заинтересованы в восстании, чем кодзабасы материковой Греции (см. пример Хиоса). О том, что островные прокриты сознательно препятствовали расширению восстания, пишет К. Метаксас, который одобряет действия прокритов Пелопоннеса. Метаксас был послан греческим правительством поднять восстание на островах и организовать там революционное управление, поэтому он на собственном опыте почувствовал сопротивление местных прокритов. Когда началась экспедиция Драмалиса и над Пелопоннесом нависла реальная угроза, Метаксас находился на Санторине. Местные прокриты тут же упрятали его за решетку, чтобы выдать туркам. Метаксас также приводит письмо, присланное по этому поводу на Санторин кодзабасами другого острова: «Вы хорошо поступили, что схватили К. Метаксаса: корабли Мехмет-Али (капудан-паши. — О. П.) приближаются к нашему острову, так что, выдав Метаксаса туркам, мы сможем спасти нашу родину и сами покажем себя как верные райя. Мы поставим в известность прочих

¹ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 136.

² См.: Там же. Σ. 163.

³ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 137.

⁴ См.: Там же. Σ. 293.

⁵ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 162.

⁶ Там же. Σ. 182–183.

⁷ См.: Там же. Σ. 189.

⁸ См.: Там же. Σ. 129.

прокритов нашего острова и западных (представителей европейских держав. — О. П.) о том, как нам всем собраться... и подумать об этом деле»¹.

Если на островах преобладающим было влияние прокритов (или судовладельцев), то на Пелопоннесе и в материковой Греции кодзабасы имели достойного противника в лице капитанов. На Пелопоннесе из числа капитанов выдвинулся Ф. Колокотронис, чье влияние особенно возросло после разгрома войск Драмалиса при Дервенакиях (август 1822 г.). Интересно посмотреть, как оценивает военную и политическую деятельность Колокотрониса представитель противоположной политической группировки митрополит Герман. Он старался быть объективным, высоко отзываясь о воинских подвигах Колокотрониса. Например, когда невдалеке от лагеря Колокотрониса турки навязали грекам сражение и те отступали, «Колокотронис проявил... мужество и находчивость... он тотчас двинулся туда с немногими находившимися рядом солдатами, подошел к месту сражения, воодушевил бегущих греков, собрал рассеявшихся и настолько поднял их боевой дух, что они как львы устремились на врагов, обратили их в бегство и преследовали вплоть до города»².

Однако поскольку Колокотронис был наиболее известным и влиятельным из капитанов и предъявлял наибольшие претензии на власть, то митрополит Герман подробно освещает всю вредоносную, по его мнению, деятельность этого капитана. Вначале он потребовал назначения командующим осадой Патр, потом стал брать на себя полномочия гражданской власти, например, освободил от налогов народ в Каритене, чтобы привлечь его на свою сторону³. И вообще, с негодованием пишет митрополит Герман, «Колокотронис создал такую дурную репутацию правительству, что народ поносил его (правительство. — О. П.), воображая миллионы, которые якобы прикарманили члены правительства, коим народ грозил всеми возможными карами»⁴. Потом Колокотронис добился от правительства звания главнокомандующего, чем были недовольны Д. Ипсиланти, Петробей Мавромихалис и другие капитаны, а прокриты использовали этот случай для ослабления их единства⁵. Когда в ноябре 1822 г. грекам удалось захватить Навплию, воспользовавшись беспечностью турок, то Колокотронис единолично, не дожидаясь правительственных указов и уполномоченных, поспешил принять капитуляцию. Более того, Колокотронис назначил начальником гарнизона верного себе Плапутаса, чтобы в городе без его санкции не могло собраться Национальное Собрание⁶. Этими действиями Колокотронис открыто противопоставил себя правительству, которое вынуждено было в течение трех недель вести переговоры с Плапутасом, чтобы он пустил в Навплию кодзабасов. Но так как все попытки договориться не увенчались успехом, было решено созвать Национальное Собрание в Астросе⁷. Сам Колокотронис представляет дело так, будто бы кодзабасы боялись собираться в Навплию, так как «во-первых, там был гарнизон, и во вторых, это был мой гарнизон»⁸, как утверждает он.

¹ Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 56–57.

² Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 154.

³ См.: Там же. Σ. 136, 170.

⁴ Там же. Σ. 170.

⁵ Там же. Σ. 189–190.

⁶ См.: Αττιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 196.

⁷ См.: Там же. Σ. 67.

⁸ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 335.

Этим поведением «были недовольны и капитаны, которые, подвергаясь опасности, вели осаду, и все прокриты». Чаша их терпения переполнилась и было решено «всеми способами вести борьбу против этого надменного человека»¹. Однако прокриты понимали, что Колокотронис обладает значительной силой, и делали попытки пойти с ним на компромисс. Так, летом 1822 г. митрополит Герман, прибыв в Триполи, куда еще раньше приехал Колокотронис, сняв осаду Патр, увидел огромную популярность последнего среди солдат и стал убеждать его немедленно выступить против турок, обещая грядущую славу, так как в тот момент «никто не принес бы большую пользу Отечеству»². Колокотронис внял призывам митрополита Германа и других посланцев правительства (в том числе Метаксаса) и отправился сражаться с Драмалисом. Итак, мы видим, что, признавая неоспоримые заслуги перед Родиной Колокотрониса-военачальника, митрополит Герман считает, что Колокотронис-политик действовал в ущерб национальным интересам.

Приблизительно такие же отношения, как у Колокотрониса с центральным правительством на Пелопоннесе, складывались у Одиссея Андруцоса с Ареопагом в материковой Греции. Об этом подробно писал Макриянис, аргументация которого очень напоминает рассуждения Фотакоса. «Я относился к Одиссею враждебно: он хотел меня убить», — пишет Макриянис, но, несмотря на это, признает его заслуги как военачальника, всячески ругая при этом ареопагитов, которые для укрепления своей власти веяли семя раздора между капитанами «в тот момент, когда Драмалис и другие паши с тысячами солдат угрожали несчастной Родине»³. «Друзья ареопагиты испугались, что с вторжением Драмалиса нам придет конец, и не прочь были оказать туркам услугу, позволив им убить руководителей, и лишиться тем самым войска (собранного для борьбы с Драмалисом. — О. П.), и тогда они чувствовали бы себя в полной безопасности, как в те времена, когда они были как эфенди рядом с турками»⁴. Макриянис передает один любопытный разговор, состоявшийся между Одиссеем и Д. Ипсиланти. Когда Одиссей пожаловался на свои трения с Ареопагом, Ипсиланти ответил, что ему это знакомо, так как он сам был членом правительства, но сбежал оттуда из-за препятствий, чинимых корыстолюбцами, чтобы защищать Родину и от внешних, и от внутренних врагов⁵. Под внутренними врагами разумеются кодзабасы, в данном случае ареопагиты, которые прислали капитану Никитасу письмо, где предлагали ему убить Одиссея, за что обещали полномочия главнокомандующего в Восточной Греции. Никитас отказался это сделать, и тогда гонец открылся ему и посвятил его в планы ареопагитов: «они хотят убить вас всех по одному и поставить на ваше место своих людей», посоветовав Никитасу предупредить о коварных планах прокритов других капитанов⁶. Макриянис ни в коем случае не желает оправдывать действия ареопагитов: «Этих хороших патриотов мало заботило, что Отечество в опасности. И если Одиссей был плохой, то они, как знающие, могли бы давать ему советы, чтобы и он стал хорошим, и мучения Родины уменьшились бы»⁷. Для

¹ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. δ. Σ. 196.

² Там же. Σ. 175.

³ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άλαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 200, 203.

⁴ Там же. Σ. 198.

⁵ См.: Там же. Σ. 200.

⁶ См.: Там же. Σ. 201.

⁷ Там же. Σ. 199.

Макрияниса, пером которого чаще двигали эмоции, чем разум, вполне естественно употребление сослагательного наклонения применительно к истории. На деле противоречие между прокритами и капитанами было слишком глубоко, чтобы его могла разрешить чья-то добрая воля: прокриты были прямыми наследниками турецкой власти, а капитаны — потомками партизан (клефтов). Конфликт между ними был неизбежен: государственность не может сочетаться с анархией.

Наличие противоречий в греческом обществе было довольно быстро замечено иностранными наблюдателями. Уже в апреле 1821 г. русский вице-консул на Закинфе А. Сандрини писал статс-секретарю К. Нессельроде: «Если бы революцию возглавляли способные вожди, а ее силами командовал офицер с безупречной репутацией, то Морейна знала бы тех несчастий, от которых ныне страдает»¹. В отсутствии лидера видит причину неурядиц и неудач греков и полковник Вутье². А весной 1823 г. (т. е. ко времени II Национального Собрания) европейским дипломатам уже было известно о существовании двух группировок в греческой верхушке. К одной из них А. Сандрини относил прокритов и Маврокордатоса, к другой — капитанов и Д. Ипсиланти. Между ними, как резонно заметил российский дипломат, «видимо, скоро вспыхнет междоусобная война»³.

Пытаясь обобщить проявления социальных противоречий первого периода революции, Фотакос пришел к весьма своеобразным выводам. С одной стороны, он не отрицал, что двигателем конфликтов в обществе была борьба за власть между враждующими группировками, лидеры которых прибегали к самым невыносимым обещаниям и подкупам, чтобы наберечь себе сторонников⁴. С другой стороны, он увидел более глубокий смысл в партийной борьбе. «Все эти партии воевали с национальным духом»⁵, — говорит Фотакос. Но он не поясняет, что подразумевает под «национальным духом». Судя по всему, это некое представление о национальной идентичности, развившееся позднее в греческой историографии в научную концепцию. Здесь стоит вспомнить о критериях греческой национальной идентичности: языке, вере, образовании. К последнему критерию можно отнести и воспитание, тем более, что греческий язык их не различает, называя единым словом *παδεία*.

Именно этому критерию не вполне соответствовали политические деятели, прибывшие в 1821–1822 гг. на Пелопоннес из-за рубежа, которых Фотакос и Макриянис обвиняют в занесении на греческую почву семени раздора. Получившие европейское образование и воспитание, эти греки противопоставили «национальному духу» новую политическую систему (программу создания государства западного типа) и новую систему ценностей, которая, по мнению местных греков, была занесена из Франции⁶. Далее мы увидим, что появившиеся у авторов эпохи революции представления о национальном духе были несколько глубже: если соотнести эти высказывания с полемикой западников и славянофилов в России, то получается, что «национальный дух» характеризуется отличительными чертами, онтологически присущими духовной жизни нации.

К концу 1821 г. усилия Ипсиланти и Маврокордатоса по объединению нации завершились созывом первого Национального Собрания. Оно начало свою работу

¹ ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 123.

² См.: Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 164.

³ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). М., 1982. С. 58.

⁴ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 297–298.

⁵ Там же. Σ. 298.

⁶ См.: Там же. Σ. 298.

20 декабря 1821 г. по ст. ст. в деревне Пьяда рядом с древним Эпидавром. Первоначально Собрание было создано в Аргосе, однако прибытие туда нескольких капитанов со своими отрядами не давало депутатам возможности работать. Поэтому Собранию пришлось перебраться в Эпидавр¹. Собрание состояло из 24 человек, большинство из которых было пелопоннесскими козабасами. Тем не менее они называли себя депутатами всей нации. Борьба интересов и честолюбий на Собрании была такой острой, что французский филэллин Вутье даже не захотел на нем присутствовать и сравнил его с Лернейской гидрой². Митрополит Герман отмечает следующие, на его взгляд, наиболее существенные стороны деятельности Собрания: проверка депутатских мандатов, избрание председателем А. Маврокордатоса, создание комиссии по подготовке проекта «Органического статута», который и был принят, избрание в соответствии с ним членов Законодательного корпуса, Исполнительного совета и назначение министров³. Давая общую оценку деятельности I Национального Собрания, английский историк Дж. Финлей писал: «Греки в Эпидавре много сделали, чтобы ввести в заблуждение Европу, но мало, чтобы привести в порядок Грецию»⁴. Ирония этой оценки направлена, главным образом, против «Органического статута» — временной конституции — и «Декларации независимости», принятых Собранием⁵.

Разработчиками первой греческой конституции были просвещенные фанариоты А. Маврокордатос и Ф. Негрис, а также итальянский филэллин Винченцо Галлина. Их проект, составленный по мотивам французских конституций 1793 и 1795 гг., был очень хорош для тогдашней Европы, но совершенно не соответствовал потребностям Греции, поэтому он и остался на бумаге. Интересно проследить, что именно заимствовали авторы греческой конституции у французов и как они интерпретировали эти идеи применительно к греческим реалиям.

В «Органическом статуте» последовательно проведен принцип разделения властей. Из французской конституции 1793 г. греки заимствовали идею распределения законодательной и исполнительной власти между однопалатным Законодательным корпусом и Исполнительным советом. Но, в отличие от конституции 1793 г., по которой исполнительный совет имел только исполнительную власть (ст. 62–77), греки наделили этот орган и законодательными функциями наравне с законодательным сенатом (ст. 31, 32, 55, 56), что сближает его с директорией конституции 1795 г. (ст. 132–173), из которой греки, возможно, заимствовали даже численный состав исполнительного органа — 5 человек. Кроме того, Исполнительный совет, согласно «Органическому статуту», осуществлял верховное командование вооруженными силами (ст. 58), назначал министров и государственных служащих (ст. 63, 65, 67), поддерживал отношения с иностранными державами (ст. 74), имел право вводить чрезвычайное положение, уведомив об этом сенат (ст. 69–72), распоряжался финансами (ст. 76). Членам Законодательного корпуса и Исполнительного совета предоставлены гарантии неприкосновенности (ст. 48–54) по образцу конституции 1795 г. (ст. 110–123). Судебную власть «Органический статут» возлагал

¹ См.: Αιγιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 205; Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 144.

² См.: Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 183. Древняя Лерна действительно находится недалеко от Аргоса и Эпидавра.

³ См.: Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 145–146.

⁴ Finley G. History of the Greek Revolution. V. 1. Edinburgh-London, 1861. P. 299.

⁵ Тексты обоих документов на франц. яз. см. в изд.: Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. P. 333–357.

на верховный суд, который являлся одновременно кассационным судом (ст. 48, 89 в), т. е. совмещал в себе кассационный трибунал и верховный суд французской конституции 1795 г. (ст. 254–274). Верховный суд, кроме того, разбирал дела о государственной измене и покушениях на государственную безопасность (ст. 89 а). Особо декларировалась независимость судебной власти от законодательной и исполнительной (ст. 85).

Как и в якобинской конституции (ст. 45), в «Органическом статуте» провозглашался открытый характер заседаний парламента, но греки все же оставили за Законодательным корпусом право проведения секретных совещаний (ст. 44).

«Органический статут» гарантировал гражданам защиту собственности, чести и безопасности (ст. 7), провозглашал равенство граждан перед законом (ст. 3). Эта статья — извлечение из «Декларации прав человека и гражданина» 1793 г. (ст. 3). То же самое можно сказать и о статье 6, провозглашавшей доступность любых должностей для всех граждан («Декларация прав» 1793 г., ст. 5). Особое место в «Органическом статуте» занимал религиозный вопрос. Разрешалось отправление любых культов, однако Православие объявлялось государственной религией (ст. 1). В отличие от французских конституций, в «Органическом статуте» практически не рассматривался вопрос о местном управлении. И это вполне объяснимо, поскольку сам «Органический статут» принимался с целью укрепления центральной власти. Он не рассматривал также проблем натурализации и народного представительства (порядок выборов), поручив издание соответствующих законов вновь созданным органам власти и оговорив лишь их общие принципы (ст. 5, 13).

В «Органическом статуте», кроме того, отсутствуют определения ключевых терминов, которыми оперировали законодатели: свободы, собственности, закона. Отсутствует также четкое определение гражданства, ясно, однако, что оно включает в себя конфессиональный и национальный признаки.

Итак, нельзя говорить о том, что авторы «Органического статута» механически скопировали основные положения французских конституций, они частично переработали идеи Французской революции применительно к греческой действительности, однако недооценили социально-политическую и экономическую ситуацию, почему первой греческой конституции и суждено было остаться на бумаге. Фактически I Национальное Собрание узаконило смену турецкой власти на олигархию кодзабасов. Понятно, что такая ситуация не устраивала капитанов, которые оказывались отстраненными от власти. Таким образом, уже на этом этапе закладывались предпосылки будущей гражданской войны.

Аналогичным образом обстояло дело и с «Декларацией независимости», принятой I Национальным Собранием. Даже при беглом взгляде на этот документ бросается в глаза его родство с «Декларацией независимости» США. Помимо собственно провозглашения независимости, обе «Декларации» подробно излагают причины, подтолкнувшие американцев и греков к столь решительному шагу. Причины эти в общих чертах сводятся к следующему: каждый народ имеет богоустановленные права на свободу и благополучие (счастье), которые систематически нарушались тиранической властью (английский король, Высокая Порты), грубо попиравшей естественные и божеские законы. Однако между двумя документами есть некоторые отличия, обусловленные тем, что американская «Декларация» была составлена под влиянием идей Просвещения в чистом виде, в то время как в греческой «Декларации» эти идеи приобрели еще романтическую окраску. Это сказалось и на структуре документа, и на его содержании.

Американская «Декларация» излагает вначале причины, побудившие колонии к отделению. Эти причины — в основном, конкретные примеры экономического притеснения и нарушения королем юридических норм. После чего «Декларация» провозглашает независимость колоний и объявляет об их суверенных правах. Греческая же «Декларация» прежде всего провозглашает политическую независимость нации с помощью витиеватой патетической формулировки. Причинами своего отделения от Османской империи греки называют не только притеснения турок, но и необходимость своего восстановления в цивилизованном христианском европейском сообществе. Если американцы представляют «на суд беспристрастному миру» выдвигаемые ими основания для отделения, то греки — на суд «просвещенной Европе», обвиняя ее в несправедливом отношении к «нации, которая с живительной щедростью благотворно воздействовала на другие народы Европы» и щеголяя своим героическим античным прошлым. Завершается этот документ объявлением о создании центрального правительства и обращением к народу.

Греческая «Декларация» составлена в напыщенных выражениях, изобилует длинными периодами и оперирует не конкретными фактами, а абстрактными понятиями, такими как «тирания», «насилие», «непредвиденные препятствия», «благоприятные обстоятельства», не раскрывая их фактического наполнения. Греческая «Декларация независимости» была всего лишь декларацией, тогда как американская подкреплялась реальной силой. Провозглашая независимость, греки выдавали желаемое за действительное: их независимость тогда была фикцией, так же как конституция — утопией.

Исследователи по-разному оценивают значение I Национального Собрания для дальнейшей истории революции. Одни считают важным, что Собрание носило общегреческий характер и создало общегреческое правительство и единую конституцию, выявив одновременно противоречия между различными социальными группами¹. Другие полагают, что Собрание только создавало иллюзию единства действий греков². Но несомненно одно: Собрание прибавило грекам опыта политической борьбы и государственной деятельности. Кроме того, в первой греческой конституции интеллектуалами-западниками была сделана попытка реализовать некоторые принципы программы модернизации и создания государства западного типа. К их числу Н. Диамандурос относит создание централизованного конституционного государства; создание правового и бюрократического государства; отделение Церкви от государства (этот принцип реализован лишь частично); попытку создания регулярной армии. Последнее из выделяемых греческим исследователем положений, свобода печати и создание системы образования в духе Просвещения, было выдвинуто позднее³.

Помимо задачи организации управления на освобожденных от турок территориях перед греками стояла, прежде всего, задача сохранения независимости этих территорий. К концу 1821 г. под контролем повстанцев находились значительная часть Пелопоннеса и соседних областей материковой Греции. Однако турецкие гарнизоны оставались в целом ряде крепостей — Метони, Корони, Патра, Рио, Навплио, Халкида, Вонница, Афины. Эти крепости были осаждены повстанцами, однако турецкий флот

¹ См.: Woodhouse C. The Greek war of independence. Its historical setting. London, 1952. P. 82–83.

² Campbell J., Sherrard Ph. Modern Greece. London, 1968. P. 68.

³ Διαμαντούρος Ν. Προσπάθεια δημιουργίας δυτικού τύπου κράτους στην Επανάσταση και κοινωνικοπολιτικές συγκρούσεις // Η Επανάσταση... Σ. 155–156.

был недостаточно силен, чтобы оказать им помощь. Кроме того, на море начали действовать повстанческие эскадры, которые помимо привычной пиратской тактики начали использовать брандеры, наносявшие большой урон вражескому флоту. На этом поприще быстро выдвинулся будущий адмирал Константин Канарис.

Таким образом туркам приходилось рассчитывать на сухопутную армию, но быстро подтянуть большой контингент войск к Пелопоннесу тоже оказалось сложно. Часть войск была занята борьбой с Али Тепеленой, другая часть находилась на восточной границе из-за обострившихся отношений с Персией. Наконец, часть армии была направлена в Дунайские княжества. Не получая подкреплений, турецкие военачальники были вынуждены отступить в Фессалию и Эпир, где стало готовиться контрнаступление. Попасть обратно на Пелопоннес можно было двумя путями: через Истм по суше либо через Рио по морю. Турки решили использовать оба пути и поэтому контрнаступление развивалось по двум направлениям. Часть войск двигалась из Эпира через Макринорос в Этолию и Акарнанию, другая часть шла из Фессалии через Фермопилы на помощь осажденным Афинам.

На западном направлении турки выиграли битву при Пета в районе Арты (июль 1822 г.), но с большими потерями. Так что к Месолонги они подошли уже ослабленными, и первая осада города (конец октября–конец декабря 1822 г.) закончилась для них неудачно. На восточном направлении турецкие войска во главе с пашой Махмудом Драмалисом спасти Афины опоздали (в июне 1822 г. Акрополь сдался грекам). Тем не менее, турки проследовали до Истма, взяли Акрокоринф, но в узком местечке Дервенакия между Коринфом и Аргосом греки во главе с Колокотронисом приняли генеральное сражение, которое закончилось для турок катастрофой. Из 23 тыс. турецкой армии 17 тыс. остались на поле боя, в том числе сам паша. Эта победа на некоторое время ликвидировала непосредственную турецкую угрозу Пелопоннесу, а Колокотрониса стали сравнивать с Моисеем, спасшим евреев от египетского плена. Таким образом к концу 1822 г. греки относительно прочно закрепились на Пелопоннесе (в руках турок еще находились несколько важных крепостей), но в континентальной Греции судьба восстания находилась под вопросом, а в северных областях оно было почти полностью подавлено.

Затянувшееся восстание греков на Пелопоннесе очень быстро из внутренней проблемы Османской империи стало предметом международной политики. В целом на первом этапе греческой революции отношение к ней европейских держав было негативным. Англия и прежде не поощряла греческого национально-освободительного движения и всячески пресекала его проявления на Ионических островах. С началом революции Англия заняла откровенно антигреческую позицию. К. Метаксас сообщает, что, узнав об участии отряда кефаллонских греков в военных действиях на Пелопоннесе, ионическое правительство лишило его руководителей имущества и политических прав¹. Судя по материалам российского Министерства иностранных дел, это была гораздо более широкомасштабная акция. Русский генеральный консул в Венеции С. Наранцис в донесении управляющему МИД К. Нессельроде просил последнего принять меры к облегчению положения ионических греков в связи с тем, что их правительство издало указ о лишении прав всех, кто отправился в Морею, а значит, почти каждая семья понесет ущерб².

¹ См.: Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. d. Σ. 36–37.

² См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 150.

Аналогичной была линия поведения английских дипломатов в Морее. В Патрах руководители повстанцев послали письма к консулам держав, «излагая мотивы, которые заставляли их взяться за оружие, выражая уважение к их правительству и надежду на человеколюбивую и христианскую помощь их государей». На что «каждый из консулов ответил, что он будет исполнять свой долг»¹. Но если к русскому и французскому консулам у автора этого сообщения не было претензий, то деятельность английского консула Ф. Грина вызвала его резкое недовольство. Ф. Грин прогнал просивших у него помощи греческих женщин с детьми, но их, к счастью, принял под свое покровительство французский консул Пукевиль. Грин, к тому же, еще и шпионил в пользу турок: это он послал своего брата Бартольда к турецкому военачальнику Юсуф-паше с уведомлением о ситуации в Патрах и просьбой привести подкрепления туркам². Этот факт подтверждает и русский консул в Патрах И. Власопулос³. «Грин не прекращал снабжать врагов в Патрах и Кастели, доставляя продовольствие и другое необходимое с Закинфа, так что Герман Патрский составил письменный протест, содержащий перечисление тех зол, в котором Грин был обвинен перед городом Патры и его жителями, каковой протест и послал французскому консулу Пукевилю, находящемуся на Закинфе, чтобы тот передал его по назначению»⁴.

Все эти факты лишний раз подтверждают позицию Англии в Восточном вопросе в то время. В течение 1821–1822 гг. англичане враждебно относились к восстанию греков и очень надеялись, что туркам удастся его подавить. Только в 1823 г. английское МИД признало греков воюющей стороной, а политическое признание Греции было закреплено лишь Петербургским протоколом 1826 г.

Политика другой европейской державы, которой предстояло сыграть не последнюю роль в судьбе греков, Франции, в течение первого этапа революции была не столь активной. Это объясняется падением престижа Франции на Балканах по окончании наполеоновских войн. Наиболее прочными ее позиции были во времена владычества над Ионическими островами. Тогда французские агенты успешно работали в Мани, были установлены контакты с Али пашой⁵. Политика Франции была направлена на завоевание доверия местного населения и принесла некоторые плоды, несмотря на конфессиональные различия французов и греков: французы субсидировали греческих ученых (Кораис), Наполеон допустил греков в свои военные училища⁶. Но с поражением Наполеона надежды греков на Францию рухнули, особенно после создания «Священного Союза». Произошла переориентация на Россию: недаром ведь «Филики Этерия» была основана именно в России и именно в 1814 г., т. е. после победы над Наполеоном.

Политика России по отношению к грекам заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. Как и Фотакос, качественно новый этап национального движения греков с 70-х гг. XVIII в. начинает И. Каподистрия. Суть этого этапа, по мнению Каподистрии, заключается в духовном возрождении греков, толчком к которому послужила русско-турецкая война 1768–1774 гг.⁷ Выше уже говорилось об очень

¹ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. δ. Σ. 92.

² См.: Там же. Σ. 94, 96.

³ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 126.

⁴ Γερμανός. Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, π. δ. Σ. 103–104.

⁵ См.: Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Ρ. 75.

⁶ См.: Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972. С. 377, 380.

⁷ См.: Там же. С. 361.

выгодных для греков условиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего эту войну. Но и во время войны Россия предприняла попытку использовать греков в качестве «пятой колонны». Русские эмиссары, занимавшиеся подстрекательством народа к восстанию, действовали тогда в Дунайских княжествах, Черногории, Албании. Существуют данные о сношениях с русским правительством и влиятельного в Мани семейства Мавромихалисов¹. Русская агитация и прибытие эскадры А. Орлова к берегам Пелопоннеса спровоцировали восстание 1769–1770 гг., получившее название Орловского. Антитурецкие выступления греков обычно были связаны с русско-турецкими войнами²: во время войны 1768–1774 гг. — восстание в Морее и вспыхнувшие без непосредственной провокации со стороны России восстания на 27-ми островах Архипелага³. Во время войны 1787–1791 гг. успешно действовала под покровительством России против турок небольшая греческая флотилия под начальством Ламброса Кацониса, зачисленного на русскую службу. После окончания русско-турецкой войны Кацонис продолжал сражаться с турками, а когда его маленький флот был разбит, то сам он нашел прибежище в России⁴. Наконец, в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. греческие добровольцы активно участвовали в Первом Сербском восстании, которое само по себе было воодушевляющим примером для греков. На 1808–1809 гг. приходится восстание крестьян в Фессалии. Так что, несмотря на временную переориентацию на Францию в связи с Великой французской революцией, греки никогда не теряли надежды, что Россия все-таки окажет им помощь. Об этом свидетельствует и греческий фольклор. В народной поэзии той эпохи ярко выражены упования на покровительство России. Не было ни одного антирусского произведения, в то время как, например, антианглийская направленность некоторых видна очень четко⁵.

Выше уже говорилось об отношении России к судьбе Ионических островов после падения Венеции (деятельность адмирала Ушакова и полпреда Мочениго). Здесь следует добавить, что и после передачи островов под английский протекторат Россия не пожелала терять роль покровительницы православного населения, тем более что английские власти стремились подавить малейшие проявления национального движения. Позиция русского правительства четко выражена в послании статс-секретаря И. Каподистрии генеральному консулу России в Патрах Л. Бенаки: «Император с благосклонным участием относится к судьбе Ионических островов; Е. И. В-во всегда оказывал и не преминет и впредь оказывать добрые услуги на тот предмет, чтобы жители этих островов пользовались всеми теми благами, которые им гарантирует Парижский договор от 5 ноября 1815 г.»⁶.

Достаточно четкую позицию заняла Россия по отношению к греческой революции. Судя по всему, русские дипломаты заранее знали или, по крайней мере, предполагали, что греки готовятся к восстанию, но отнюдь не собирались им в этом помогать. «Всемерно поддерживая чувство привязанности, которое греки к нам питают, — делился своими размышлениями на эту тему с посланником в Константинополе

¹ См.: *Тарле Е. В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // *Тарле Е. В. Соч.* Т. 10. М., 1959. С. 22.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 58.

⁴ См.: Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1974. Σ. 59.

⁵ См.: Παλαεωργίου Λ. Η Ρωσία και το ελληνικό 1821 // Η Επανάσταση... Σ. 93.

⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11). М., 1979. С. 229.

Г. А. Строгановым второй секретарь миссии Д. В. Дашков, — важно предостерегать их от обманчивых надежд и опасной поспешности; не утаивать от них мирных намерений Е. В-ва императора и его человеколюбие, которые сочетаются с любовью Е. В-ва к нашим братьям-единоверцам; постоянно призывать греков к терпимости и единству; доказывать им, что любое благо может обернуться гибелью, если попытаться преждевременно вырвать его из рук провидения»¹. Таким образом, Д. В. Дашков еще в середине 1820 г. выразил позицию, которой будет определяться политика России в Восточном вопросе на первом этапе греческой революции: сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Еще более определенно на эту тему высказался И. Каподистрия в письме господарю Валахии А. Суцосу в июне 1820 г. Поскольку письмо официальное, то Каподистрия выражает в нем точку зрения не частного лица, а статс-секретаря Российской империи: «Не желая ни войны, ни завоеваний для расширения своих владений или своего влияния на Востоке, Россия стремится лишь сохранить все в неизменном виде. Используя законное влияние, предоставленное ей договорами, она хочет обеспечить достойное и спокойное существование христианам — оттоманским подданным, имеющим право на покровительство со стороны России. Она не намерена исторгнуть их ради этого из-под власти их государя»².

В действительности Россия не отказалась бы и от новых завоеваний, и от расширения сферы влияния (какая бы страна от этого отказалась), но любая попытка сделать это за счет Османской империи вызвала бы немедленные контрмеры со стороны европейских держав, а сражаться одной со столькими противниками России было бы сложно. С другой стороны, не хотелось терять влияние на православное население Турции. Поэтому выбранная российским МИД политическая линия была в данных условиях оптимальной. Однако в ходе революции в Греции довольно быстро выяснилось, что двойственная позиция России оборачивается в конечном счете против нее же.

Восстание греков в Дунайских княжествах совпало по времени с Лайбахским конгрессом «Священного Союза». Российскому МИД пришлось немедленно реагировать. 22 февраля (6 марта) отряд А. Ипсиланти вошел в Яссы, а уже 23 февраля статс-секретарь К. Нессельроде писал из Лайбаха Г. Строганову о возможном пути разрешения конфликта, что наилучшим был бы компромиссный вариант: «Необходимая строгость по отношению к зачинщикам смуты, с одной стороны, справедливая и благотворная система управления, с другой»³. Александр I официально осудил действия А. Ипсиланти и его соратников. Аналогичной была реакция России и на восстание в Морее: Александр I в рескрипте Г. А. Строганову рекомендовал последнему сохранять лояльность по отношению к Порте, но одновременно не лишать надежды повстанцев, «не выходя за пределы, установленные договорами»⁴.

Однако фактически это означало добросовестное соблюдение нейтралитета, ибо сам Строганов признал в одном из донесений своему министерству: «Существующие ныне договорные постановления не дают мне ни малейшей возможности помочь беде»⁵. Под «бедой» разумеется последовавшие в ответ на восстание греков массовые репрессии. Россия не хотела дать Порте ни малейшего повода обвинить ее в потворстве

¹ ВПР. Сер. 2. Т. 3 (11). М., 1979. С. 404.

² Там же. С. 419.

³ ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 37–38.

⁴ Там же. С. 93–94.

⁵ Там же. С. 115.

мятежникам: в циркулярной депеше Строганова консульским правителям в ряде городов Османской империи и на островах предписывалось пресекать попытки незаконного использования русского флага, не допускать нападения российских кораблей на подданных Османской империи, а происшедшие случаи такого рода особо внимательно расследовать и выказывать лояльность в отношении турецкой администрации¹. Одновременно русская дипломатия действовала и в другом направлении: именно русский посланник был инициатором выдвижения коллективного протеста Порте от имени европейских держав по поводу репрессий, направленных против христиан².

Следует заметить, что восставшие греки довольно быстро поняли, что помощи со стороны России не предвидится. А это отрицательно сказалось на ходе революции, например, на позиции монахов Афона. С другой стороны, политикам в Константинополе тоже не нравилась двойственная позиция России, поэтому они намеренно пошли на обострение отношений с русским правительством. Уже в июне 1821 г. Строганов писал в Петербург, что Порта нарушает многие статьи договора с Россией. Об этом же говорилось в его ноте турецкому правительству от 6 (18) июля³. Но османские политики продолжали накалять обстановку: например, летом 1821 г. турки наложили эмбарго на товары кораблей, идущих в Черное море под русским флагом⁴. В конце концов Строганов был отозван из Константинополя, дипломатические отношения между Турцией и Россией разорваны.

Итак, престиж России в глазах греческого населения упал, а отношения с Портой ухудшались с каждым днем. Двойная игра русской дипломатии поставила Россию в двусмысленное положение. В русских официальных кругах не было единого мнения о том, стоит ли начать войну с Турцией, и вопрос оставался открытым вплоть до осени 1822 г., когда на Веронском конгрессе Россия согласилась принять посредничество двух держав в переговорах с Портой. Статс-секретарь И. Каподистрия, например, настаивал на объявлении войны Турции. Этому вопросу был посвящен его доклад Александру I в мае 1822 г.⁵ Но Каподистрией тогда двигало скорее чувство патриотизма, чем зрелый политический расчет, ибо международные отношения складывались таким образом, что начини Россия русско-турецкую войну — и она оказалась бы в изоляции: Франция отказалась поддерживать политику России в Восточном вопросе, а Англия и Австрия твердо решили приложить все усилия, чтобы предотвратить назревавший конфликт (встреча Кэслри и Меттерниха в Ганновере осенью 1821 г.)⁶. В результате, на Веронском конгрессе Россия все-таки сделала выбор в пользу переговоров.

Веронский конгресс подтвердил отношение держав к греческой революции: она все еще воспринималась как мятеж, поэтому единственное, чего державы соглашались просить у Порты в ходе переговоров, это гарантий «безопасности жизни», но о предоставлении грекам автономии не могло быть и речи⁷. К тому же, делегация, посланная временным греческим правительством, не была даже допущена на конгресс.

¹ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 158.

² См.: Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатия европейских держав в 1821–1822 г. // Ученые записки АГУ. Т. 130. Л., 1951. С. 120.

³ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 162–165, 203–207.

⁴ См.: Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия. М., 1965. С. 88.

⁵ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 500–503.

⁶ См.: Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатия европейских держав в 1821–1822 г. // Ученые записки АГУ. Т. 130. Л., 1951. С. 137–139.

⁷ См.: ВПР. Сер. 2. Т. 5 (13). М., 1982. С. 680.

Перемены в греческом вопросе начались только в 1823 г., после того как Англия признала греков воюющей стороной, а Россия в декабре 1823 г. выступила с проектом предоставления грекам автономии, предусматривавшим создание трех полунезависимых княжеств на территории материковой Греции и Крита под верховным суверенитетом Османской империи, т. е. по образцу Дунайских княжеств (план Татищева). Но этот проект тогда не приняли ни греки, ни европейские державы.

Политика России на первом этапе греческой революции впоследствии толковалась по-разному. Так, современные греческие историки в один голос утверждают, что фактически Россия заняла враждебную грекам позицию, т. к. они ожидали от нее большего. Важными факторами, определявшими негативную позицию России, К. Своллопулос считает поворот в сторону консерватизма во взглядах царя и недооценку русским правительством реальных возможностей греков¹. С последним утверждением, однако, можно и не согласиться: скорее сами греки переоценивали свои силы, а достичь некоторых успехов на первом этапе войны за независимость им помогли благоприятные обстоятельства, о которых сказано ниже.

Любопытную оценку русской политике дал Ф. Энгельс. Он понял, что Россия вела двойную игру, но говорил об этом, как будто никогда в истории никто так не поступал, а Россия — некий монстр, стремящийся завоевать весь мир. В статье «Внешняя политика русского царизма» Энгельс высказывал мнение, что, прикрываясь легитимизмом, Россия приложила руку ко всем европейским восстаниям 1820-х гг., а после разгрома Наполеона все ее усилия были направлены «на продвижение к Царьграду». В итоге «снова глупая Европа была одурачена невероятным образом; монархам и реакционерам царизм проповедовал легитимизм, либеральным филистерам — освобождение народов и просвещение; и те и другие верили ему»². Несмотря на то, что Энгельс верно уловил сущность политического маневра русской дипломатии в начале 20-х гг., эмоциональный характер его оценки придает «стремлению русских к мировому господству» гротескные очертания.

Принимая во внимание ситуацию на международной арене, а также внутренние проблемы в самой Османской империи, можно говорить о некоторых обстоятельствах, благоприятствовавших грекам на первом этапе революции. Во-первых, позиция России не была враждебной, как утверждают греческие историки. Во-вторых, ряд внешне- и внутривосточных осложнений мешал Порте сосредоточить все усилия на борьбе с восставшими греками. В 1821–1823 гг. Османская империя вела борьбу с Ираном, а значит, была вынуждена вкладывать в нее материальные средства и держать значительный контингент вооруженных сил на востоке империи. Кроме того, 1821 г. был особенно благоприятным для начала восстания именно в Морее, поскольку в январе того года вали Хуршид-паша отправился со своими войсками осаждать Али Янинского, борьбой с которым Порты была занята до весны 1822 г., и все это время Али паша отвлекал на себя значительные боевые силы. Колокотронис вспоминает, что, когда члены Герусии узнали о поражении Али-паши, то с ужасом констатировали: «Теперь те 80 тысяч, что с ним воевали, будут брошены против нас!»³. Важную роль сыграло и восстание в Дунайских княжествах. Хотя поход А. Ипсиланти потерпел поражение, он

¹ См.: Своллопулос К. Позиция России в отношении греческой революции в период Лайбахского конгресса // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 55–57.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 22. М., 1962. С. 32–34.

³ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 308.

положительно повлиял на развитие событий в Морее: во-первых, внимание Порты в первый момент было отвлечено от главного центра греческой революции, что позволило восстанию на Пелопоннесе сразу принять широкие масштабы, а во-вторых, туркам пришлось ввести войска в княжества. Однако несмотря на то, что обстоятельства складывались не в его пользу, османское правительство все-таки сумело локализовать восстание греков: войска Драмалиса, хотя и были разбиты Колокотронисом, предотвратили распространение восстания дальше на север. Такой поворот событий и дал европейским державам повод надеяться, что восстание греков скоро затухнет.

Таким образом, 1823 г. является переломным во внешнеполитической истории греческой революции. Война с Ираном окончилась, Али Янинский был разбит, а в Дунайских княжествах потихоньку навели порядок. Все это грозило большими неприятностями восставшим грекам. С другой стороны, произошел сдвиг в политике европейских держав: впервые был поставлен вопрос о предоставлении грекам автономии. То обстоятельство, что подготовка греческой революции и ее успешное развитие во многом определялись внешними факторами, не вызывает сомнений. И задерживая освобождение греков, и потом подталкивая его, европейские державы действовали в своих интересах. Но этим ничуть не умаляется их вклад в создание национального греческого государства.

Разгром греками армии Драмалиса придавал восстанию греков затяжной характер. Угроза подавления турками восстания греков была на время устранена, но греки не сумели воспользоваться завоеванной передышкой. Их тактика во второй половине 1822–1823 г. сводилась к тому, чтобы отражать новые наступления турок с севера. Действительно, на первый взгляд грекам удавалось успешно противостоять натиску войск султана. Кроме того, в 1823 г. великие державы изменили свое отношение к греческому восстанию и фактически признали за греками право на создание национального государства. Но на самом деле судьба греческой революции была еще не решена. Новое наступление турок в Греции было задержано восстанием янычар в Константинополе, во время которого был нанесен ущерб складам боеприпасов в столице. Турецкое наступление началось лишь во второй половине 1823 г. и было остановлено в битве при Карпениси (Эвритания) на западном направлении в августе 1823 г., на восточном направлении султанские войска несли большие потери из-за партизанских действий Одиссея Андруцоса в горах Геликона и Парнаса.

Тогда в Константинополе наконец осознали бесполезность военных экспедиций, предпринимаемых против греков с севера. Султан обратился за помощью к своему вассалу правителю Египта Мохаммеду Али, и тот согласился снарядить на Пелопоннес морскую экспедицию под руководством своего сына Ибрагима в обмен на обещание передать Египту Крит. Но прежде чем высадиться на Пелопоннес, египтянам необходимо было обеспечить безопасность мореплавания в Эгейском море, чтобы экспедиционный корпус мог регулярно получать боеприпасы и подкрепления. Для этого египетскому адмиралу Хусейн-паше (зятю Мохаммеда Али) пришлось привести к повиновению расположенные рядом с Критом острова Псара и Касос и создать мощную базу на самом Крите. На это ушел практически весь 1824 г. Касос, наиболее активный из Додеканез, представлял угрозу господству египтян на Крите. Псара, а также Самос своими пиратскими действиями сильно беспокоили малоазиатское побережье. Поэтому весь морской сезон (с мая по сентябрь) турки и египтяне были заняты наведением порядка в этой части Эгейского моря. В мае египтяне взяли Касос, а турки в июле Псара,

и после этого совместными усилиями обратились против Самоса. Но это оказался крепкий орешек. Вокруг острова развернулись крупнейшие морские сражения революции, в которых проявился блестящий талант флотоводца Андреаса Мьяулиса.

Но греки не сумели воспользоваться такой длительной передышкой — в руках турок все еще оставались некоторые крепости на Пелопоннесе — Патры и Рио на севере, а также Метони и Корони, имеющие стратегическое значение в случае нападения с юга. Вместо того, чтобы бросить все силы на обеспечение внешней безопасности освобожденных территорий, греки, едва получив облегчение на фронте, обратились к внутривосточной борьбе.

II Национальное Собрание начало свою работу в Астросе 29 марта (10 апреля) 1823 г. С ним связан новый виток политической борьбы, в которой борьба за власть осложнилась аграрным вопросом. К весне 1823 г. раскол лагеря греков на две политические группировки — козабасов и капитанов — стал очевиден¹. Обострение отношений между двумя группировками привело к тому, что выборов в новое Национальное Собрание фактически не проводилось. Это был результат компромиссного плана примирения сторон: не проверять мандаты уполномоченных от епархий с обеих сторон, создать специальную комиссию для пересмотра Эпидаврской конституции и других документов, сформировать коалиционное правительство с равным числом членов с каждой стороны². Однако в результате перестановки сил (Д. Ипсиланти попал под влияние Маврокордатоса и перестал быть самостоятельной политической фигурой) лагерь капитанов оказался в меньшинстве. Колокотронис утверждает, что на Собрании присутствовало 150 прокритов, которых поддерживало 6 тыс. солдат, и всего около 40 капитанов, имевших на своей стороне 800 солдат³.

Председателем Собрания стал Петробей Мавромихалис, «забывший» о своей договоренности с Колокотронисом выступить на Собрании единым фронтом. Всего состоялось 17 заседаний, на которых были приняты следующие ответственные решения: был подтвержден Эпидаврский «Органический статут» и одновременно создан специальный комитет для пересмотра некоторых его статей; упразднены местные правительства, существование которых признано нецелесообразным; подведены итоги деятельности первого центрального правительства; избран специальный комитет для разработки уголовного кодекса на основании кодексов византийских императоров; Колокотронису было приказано вывести войска из Навплио; было принято решение просить заем за границей под залог национальных земель. Результатом пересмотра конституции стали некоторые важные изменения в структуре государственной власти: Исполнительный совет получил право отлагательного вето (а не абсолютного, как прежде), Законодательному корпусу было предоставлено право голоса при назначении высших государственных служащих, которых раньше назначал только Исполнительный совет, были упразднены министерство внешних сношений и должность канцлера⁴. 18 апреля Собрание завершило свою работу.

Работа Собрания осложнялась политической борьбой. Например, Собрание получило донос на Колокотрониса, что он якобы плохо обращается с греками, и настраивало против него народ. Тогда его сторонники пытались разогнать Собрание и убить своих

¹ См.: Αττιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 196.

² См.: Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d. Σ. 71.

³ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 335.

⁴ См.: Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973. P. 104.

противников, но их остановил Д. Ипсиланти. Трудно сказать, кто был прав в этой истории, несомненно, однако, что прокриты хотели ослабить влияние и авторитет Колокотрониса, который на этот раз выступал главой группировки военных. С этой целью кодзабасы, имевшие большинство в Собрании, лишили его звания главнокомандующего, данного ему правительством, и распустили местные органы власти, в том числе Пелопоннесскую Герусию, поддерживавшую Колокотрониса¹. В итоге Колокотронис отказался подписать решения Собрания. Как он сам объясняет, его не устраивали два пункта. Во-первых, это отмена единого командования войсками и установление многоначалия; во-вторых, решение об отчуждении национальных земель и гарантировании ими заграничного займа. Колокотронис полагал, что таким образом кодзабасы нашли хороший способ обогатиться самим, ограбив при этом народ². Голосование по вопросу о продаже национальных земель вызвало возмущение солдат, но прокритам удалось несколько смягчить ситуацию, пообещав выплатить их семьям часть денег из будущего займа.

Несколько слов о национальных имуществах. Национальными землями, или национальными имуществами, I Национальное Собрание объявило конфискованные турецкие владения. Эпидаврская конституция предусматривала возможность их отчуждения и использования в качестве гарантии зарубежных займов (ст. 61, 62). На I Национальном Собрании эти положения не вызвали особых разногласий, поскольку, во-первых, практического их применения в ближайшее время не предвиделось, а во-вторых, как справедливо заметил У. МакГру, греческая революция не знала организованного аграрного движения³. А стихийные его элементы в то время были еще слишком слабыми. Всего прослеживается два аспекта земельного вопроса в греческой революции: борьба за захват национальных имуществ и поиск путей наилучшего их использования для удовлетворения финансовых запросов революции⁴. На II Национальном Собрании земельный вопрос приобрел особую остроту в связи с тем, что правительство начало переговоры о получении займа за рубежом под залог национальных имуществ. На Собрании борьба вокруг земельного вопроса завершилась внесением в конституцию поправки о неотчуждаемости национальных имуществ. Дальнейшие события показали, что это решение, не ограждающее интересы национальной безопасности, вело к постепенному попаданию Греции в экономическую зависимость от иностранных держав, поскольку грекам пришлось занимать деньги за границей под залог национальных земель.

Греческая исследовательница И. Кацимбри-Прендаки в целом за время революции выделяет три взгляда в обществе на проблему национальных имуществ:

«1) отчуждение для удовлетворения военных и экономических потребностей момента. Кодзабасы, у которых были деньги для покупки, стали горячими приверженцами этой точки зрения;

2) другая точка зрения была против отчуждения, чтобы земли могли быть залогом за иностранные займы. Эта позиция способствовала попаданию Греции в экономическую зависимость от иностранцев;

3) наконец, были те, кто желал распределения земель среди солдат, беженцев, безземельных крестьян»⁵.

¹ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 304–305.

² См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 335–337.

³ См.: McGrew W. The land issue in the Greek war of independence // Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change. Thessaloniki, 1976. P. 116.

⁴ См.: Там же. P. 119.

⁵ Κατσιμπρή-Πρεντάκη Ει. Το πρόβλημα των εθνικών γαιών // Η Επανάσταση... Σ. 320.

Подводя итоги изучению аграрного вопроса в период революции, И. Кацимбри-Прендаки, также как и У. МакГру, приходит к выводу, что большая часть земель к концу революции оказалась в руках коззабасов, тогда как крестьяне, как и при турках, остались в том же положении зависимости от крупных землевладельцев¹. Иными словами, социально-экономические отношения за время революции кардинально не изменились.

Сама постановка вопроса о займах за рубежом лишний раз свидетельствует о том, что греки, несмотря на их заверения в достаточности собственных сил, все-таки очень рассчитывали на помощь извне, в данном случае финансовую. В целом, на II Национальном Собрании не были разрешены противоречия между политическими группировками, что нашло отражение в политических документах: расширение полномочий исполнительной власти и принятое Собранием решение по поводу национальных имуществ не могли быть приемлемыми для всех. Таким образом, напряженность в обществе сохранялась, и, как показали дальнейшие события, дело шло к началу гражданской войны.

Бурные события первых лет революции стали яркой иллюстрацией уровня и направления развития политического сознания греков в этот период. Как и следовало ожидать, под влиянием нового дискурса обострились межнациональные отношения в греческих провинциях Османской империи. Однако быстро выяснилось, что восстание греков имело не только национальную, но и социальную направленность. Обе эти характеристики тесно переплетались. Ситуация осложнялась отсутствием четко оформленных политических образований, которые могли бы объединить в своих рядах сторонников определенной точки зрения, а также позицией иностранных держав. В этот период действующие лица греческой революции еще не вполне осознавали свои интересы, хотя первые признаки политического размежевания между коззабасами и капитанами появились именно в это время.

Гражданские войны

Гражданские войны стали новым этапом греческой революции. В результате новых выборов в органы власти (предусмотренная конституцией процедура выборов опять не была соблюдена) главой исполнительной власти стал Петробей Мавромихалис, его заместителем Колокотронис, а председателем Законодательного корпуса — судовладелец Иоаннис Орландос. Но на практике законодатели не имели реальной власти, она была в руках военных, добивавшихся исполнения своей воли силой оружия. Такое положение вещей побудило Орландоса подать в отставку, а его место временно занял Маврокордатос. После того, как Панос, сын Феодороса Колокотронис попытался очередной раз силой оружия принудить к повиновению законодателей, многие из них покинули Астрос. В результате раскола в декабре 1823 г. образовались два альтернативных правительства: одно в Триполи во главе с Петробеем, а другое в Краниди (поближе к островам) во главе с судовладельцем Георгием Кундуриотисом.

На первом этапе гражданской войны сохранялось противостояние между капитанами и коззабасами. Законодательный корпус, находившийся в руках коззабасов, продлил полномочия своих членов до октября 1824 г. Между тем весной была сделана попытка национального примирения, для чего при посредничестве лидеров

---

¹ McGrew W. The land issue in the Greek war of independence // *Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change*. Thessaloniki, 1976. P. 112; Κατσιπρή-Πρεντάκη ΕΙ. Το πρόβλημα των εθνικών γαιών // *Η Επανάσταση*. Σ. 320.

революции в континентальной Греции (Андруцос, Негрис) в Амфисе было создано совещание, на котором должны были пройти переговоры. Однако обе враждующие стороны это совещание бойкотировали, фактически на него приехали только представители Ареопага. Ситуация накалилась до крайности, что привело в начале лета к вооруженному противостоянию. Кодзабасам, объединившимся с судовладельцами, удалось нанести капитанам серьезный удар. В июне отряды капитанов из Центральной Греции Пануцоса Нотараса и Макрияниса, которые эпирский политик И. Колеттис привел на помощь кодзабасам, нанесли поражение Колокотронису. Казалось, что победа кодзабасов была полной, но на самом деле все было сложнее.

В тот самый момент, когда уже жизнь Колокотрониса висела на волоске, лагерь кодзабасов неожиданно раскололся. В защиту Колокотрониса выступили морейские кодзабасы Андреас Заимис¹, Андреас Лондос² и Георгиос Сисинис. Этот шаг свидетельствовал о новой расстановке сил на греческой политической арене и с этого времени начался второй этап гражданской войны. Дело в том, что морейским кодзабасам нужно было не уничтожение капитанов и их лидера Колокотрониса, а их подчинение. Уничтожение капитанов делало греков беззащитными перед султанскими войсками. Кроме того, ослабление морейских капитанов вело к тому, что политическая и военная инициатива от пелопоннесцев могла перейти к островитянам (судовладельцам) или военной и политической верхушке континентальной Греции³. Такой вариант совершенно не устраивал морейских кодзабасов, которые на этом этапе выступили совместно с морейскими же капитанами против политической и военной верхушки континентальной Греции и островов. Таким образом, на втором этапе гражданской войны разделение на враждующие лагеря произошло не по социальному, а по географическому принципу.

В ноябре 1824 г. собравшийся в Навплио Законодательный корпус переизбрал Кундуриотиса главой правительства, на этот раз в состав правительства вошел также Иоаннис Колеттис (1773–1847). Эпирот по происхождению, он к тому времени был уже опытным политиком. Он учился сначала в Янине, потом изучал математику и медицину в Пизе. Революция 1821 г., в которой он принял активное участие как политический деятель, застала его при дворе Али-паши Янинского, где он был одним из придворных врачей. После революции и до конца дней своих Колеттис был лидером профранцузской политической группировки.

Но эти назначения не удовлетворили пелопоннесцев, которые попытались заручиться поддержкой Петробея и привлечь на свою сторону капитанов Восточной Греции

¹ Заимис Андреас (?–1840) — представитель одного из самых влиятельных в Ахайе кланов кодзабасов, двоюродный брат А. Лондоса. Систематического образования не получил, зато обладал острым умом, позволившим ему принимать активное участие в политической жизни. Член “Филики Этерии”, во время революции 1821 г. участник Национальных Собраний. При Каподистрии — один из вождей оппозиции. Король Оттон почтил его заслуги, назначив сначала губернатором Этолоакрании, а затем вице-председателем Государственного Совета. Один из видных деятелей «английской партии».

² Лондос Андреас (1784–1846) — представитель влиятельного клана кодзабасов из Ахайи, двоюродный брат и единомышленник А. Заимиса. Участник революции 1821 г., при Каподистрии был в оппозиции. Оттон дал ему чин полковника, но он продолжал жить у себя на родине, ведя жизнь частного лица и собирая круг сторонников. Между тем, отсутствие государственной службы лишило его почти всякого источника доходов. Один из главных сценаристов заговора 3 сентября, после переворота получил пост в министерстве. Но в 1845 г. уволен в отставку, в результате чего покончил с собой.

³ См.: Dakin D. Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 167.

Андруцоса и Янниса Гураса¹. В конце концов Петробей и Андруцос решили сохранить нейтралитет в новом конфликте, а Гураса Колектису удалось переманить на свою сторону. В декабре 1824 г. Гурас нанес поражение племяннику Колокотрониса Никите Стамателопулосу и А. Лондосу. В начале 1825 г. были разгромлены отряды Колокотрониса, а он сам вместе с Сисинисом и Анагностисом Делияннисом попал в плен и был заключен под стражу в монастыре пророка Ильи на Идре. Эти события происходили в тот самый момент, когда Ибрагим-паша готовился к высадке десанта на Пелопоннес.

Но пока гражданские войны окончились и правительство Кундуриотиса вышло из них более могущественным, чем любое прежнее правительство. Оно действительно напоминало единую центральную власть, которая выглядела как орган власти всей нации, а не отдельных лидеров. С этого времени участники революции начали осознавать себя не как бойцы отдельных отрядов, подчиняющиеся своим капитанам, а как солдаты нации. Влияние капитанов становится тем меньше, чем сильнее центральная власть.

С высадкой турецко-египетских войск в Метони в феврале–марте 1825 г. начался новый, четвертый этап революции. Попытки греческого правительства противостоять продвижению войск Ибрагима-паши потерпели неудачу. В этих условиях Кундуриотис и поддерживавший его Маврокордатос потерпели поражение и во внутриполитической борьбе. Кундуриотис, у которого начались проблемы со здоровьем, ушел в отставку. Теперь Маврокордатос не мог противостоять давлению пелопоннесцев и правительство приняло решение освободить Колокотрониса и вновь назначить его главнокомандующим. Таким образом перед лицом внешней опасности произошла консолидация греческих политических сил.

Однако, несмотря на энергичные действия Колокотрониса и греческого флота, затруднявшего подвоз боеприпасов Ибрагиму, его войска продолжали продвигаться вглубь Пелопоннеса, взяли Триполи и в июне осадили Навплио. Ибрагиму, войска которого все же несли большие потери, оставалось совсем немного, чтобы полностью подавить восстание греков на Пелопоннесе. Основной причиной успеха египтян на Пелопоннесе стала хорошая организация их армии, использование современного вооружения, а также учет ошибок противника. Кампания 1825 г. продемонстрировала неспособность греческих полупартизанских отрядов противостоять регулярной армии². Колокотронис несколько раз вступал в открытое сражение с египтянами, но всякий раз недисциплинированность греков приводила их к поражению. Авторитет Колокотрониса в результате сильно упал. Некоторые капитаны из Центральной Греции (Караискакис, Кицос Дзавелас) и вовсе покинули Пелопоннес. В этих условиях Колокотронис перешел к тактике партизанской войны, которая велась им на Пелопоннесе почти два года. Его бойцы терпели большие лишения. Мирному населению приходилось еще хуже: на полуострове начался голод. Этим воспользовался Ибрагим, который решил привлечь на свою сторону местное население, обещая прощение. В мае 1827 г. он стал вести соответствующую работу среди населения. Она оказалась не безуспешной: в некоторых районах (Ахайя, Элея) измученные и разочарованные в революции жители добровольно подчинялись египтянам. Это был самый критический момент для всей борьбы за освобождение³.

¹ Гурас (Мамурис) Иоаннис (1797–1867) — участник революции 1821 г. Ребенком был взят на воспитание своим двоюродным братом клефтом Гурасом, почему иногда и называется его именем. При Оттоне продолжил военную службу, дойдя до чина гвардии генерала.

² См.: Βακαλόπουλος Α. Τα ελληνικά στρατεύματα του 1821. Θεσσαλονίκη, 1948.

³ См.: Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960.

В это время в греческие дела активно вмешались европейские державы. Их дипломатические и военные усилия изменили расстановку сил в регионе и возродили у греков надежды на благополучный исход революции. Мы уже говорили о том, что на начальном этапе революции европейские державы не поддерживали восстание греков. Большинство из них (Англия, Франция, Австрия) хотели сохранить статус-кво в регионе. Россия была единственной державой, заинтересованной оказать помощь грекам, рассчитывая таким образом расширить собственную сферу влияния. Но выступить в одиночку Россия не могла, рискуя оказаться в изоляции. Поэтому официально Россия присоединилась к другим державам.

Но, несмотря на негативную позицию правительств, во многих странах Европы и даже в Америке еще до начала революции возникло широкое общественное движение в пользу греков, получившее название филэллинизма. Особое внимание мировой общественности к судьбе греков объясняется двумя причинами. Во-первых, возрожденным в эпоху Просвещения интересом к античной культуре, во-вторых, идеализацией этой культуры и романтическими представлениями о том, что греки, живущие в XIX в. — прямые потомки древних эллинов:

Спарта, Спарта, к жизни новой
Подымайся из руин
И зови к борьбе суровой
Вольных жителей Афин¹.

Это строки из «Песни греческих повстанцев» Байрона, являющейся переложением «Военного гимна» Ригаса. Именно такое восприятие придало широкие масштабы движению филэллинов. Сам Байрон в январе 1824 г. прибыл в Грецию, где и скончался через несколько месяцев. Как пишет Р. Клогг, среди филэллинов были и другие «настоящие идеалисты» кроме Байрона: генерал Р. Черч, много сделавший для укрепления греческих вооруженных сил, адмирал Ф. Гастингс².

К числу этих идеалистов принадлежит и француз Вутье, дослужившийся на греческой войне до чина полковника. «Записки» Вутье, посвященные первому периоду греческой революции, были изданы в Париже уже в 1823 г. и вызвали большой интерес. Но «Записки» Вутье — это не хроника событий в Греции, а скорее дневник путешественника. Автор подолгу описывает природу, которая интересна ему сама по себе, а не с военно-стратегической точки зрения. Он испытывает благоговейный трепет, ступая по земле легендарного Пелопоннеса, и стремится увидеть как можно больше достопримечательностей, связанных с античностью или являющихся, по его мнению, признаками распространения просвещения среди греков. Романтическая идеализация действительности проявляется и языке «Записок» Вутье. Клефтов он называет «героями, перед которыми бледнеет слава отважного Тезея», «новыми Гераклами», «рыцарями Греции», подвиги знаменитой героини войны за независимость Ласкарины Бубулины сравнивает с мужеством древних спартанок и называет спартанцами маниатов³.

С другой стороны, в «Записках» Вутье содержится довольно неприглядное описание атмосферы, царившей в рядах греков, приподнимающее романтическую пелену с греческих событий. Вутье пишет, что греками двигало не только стремление

¹ Поэзия английского романтизма. М., 1975. С. 387.

² См.: Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Ρ. 88.

³ См.: Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. Paris, 1823. Ρ. 28–29, 60, 77.

к свободе, но и жажда наживы, честолюбие, приводившее к постоянным несогласиям между вождями греков и пагубно влиявшее на ход военных операций против турок¹.

Еще один романтик — французский дипломат Пукевиль, которого начало революции застало в Патрах. Его отношение к действиям греков легко выявить из той оценки, которую он дает Герману Патрскому, считавшемуся благодаря уже упоминавшейся легенде о Св. Лавре главным лидером восстания на Пелопоннесе: «Глубокий мыслитель, человек, равным образом сведущий в церковных науках и увлеченный познанием людей, если Герман, облик которого сравнивали с сократовским, и не был одарен природой соответствующей внешностью, то он получил мудрость сына Софрониска. Столь же популярный, как философ Пникса, посвященный в язык Платона, на котором он говорит с приятностью, достойной чистого академического вкуса, вскормленный Св. Писанием, посвященный во французскую литературу, наделенный вдохновенным красноречием, пылким воображением и той верой, что перемещает горы, подобный атлету, кажется, что он принадлежит к числу тех мучеников, которых славная смерть одна может увенчать посреди битв за Алтарь и Отечество»². Это восторженное описание рисует перед читателем чуть ли не идеального человека. Если митрополит Герман и обладал на самом деле всеми этими впечатляющими достоинствами, ему, вероятно, не были чужды и какие-то человеческие слабости, до которых Пукевилю нет никакого дела, ибо раскрыть личность Германа — не главная его задача: образ митрополита Германа нужен Пукевилю в качестве аллегории возрождающейся Греции, просвещенной и готовой сражаться за свою свободу.

Филэллины не ограничивались, однако, лишь восторгами по поводу героизма греков, но и оказывали практическую помощь восставшим. Тот же Пукевиль, как уже отмечалось, брал под свою защиту мирное население. Уже на первом этапе революции в Грецию прибыло так много добровольцев из-за рубежа, что из них было сформировано особое подразделение. Однако первая волна филэллинов была почти полностью уничтожена турками в битве у местечка Пета в июле 1822 г. по вине греческого командования. Филэллины-славяне (русские, украинцы, русины) приняли участие в восстании в Молдавии и Валахии³. Архивные изыскания греческого историка С. Лукатоса позволили восстановить некоторые подробности деятельности русских филэллинов, участвовавших в освобождении Греции.

Так, братья Березанские, один из которых впоследствии был убит в сражении при Пета, другой вернулся в Россию в 1825 г. инвалидом, а третий находился на греческой службе вплоть до прибытия в страну И. Каподистрии (январь 1828 г.), привезли с собой отряд в 180 человек и значительное количество боеприпасов и денег. Ценные услуги греческому правительству оказал русский офицер Николай Райко, который в годы правления И. Каподистрии занимал важные посты коменданта навплийской крепости Паламиди, а потом губернатора Патр⁴. В целом, исследователи отмечают, что именно в России и Франции движение филэллинов приняло особенно широкие масштабы⁵.

¹ См.: *Voutier. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs*. Paris, 1823. P. 83–85, 118–119, 162–163 etc.

² *Pouqueville F.-C.-H.-L.* Op. cit. P. 320.

³ См.: *Лукатос С.* «Памятник» русским филэллинам // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 74–76.

⁴ См.: Там же. С. 77–78, 81–83.

⁵ См.: *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965. С. 135.

Филэллины оказывали повстанцам не только военную помощь. Ирландец В. Стивенсон ввел в Греции культивацию картофеля, что было очень важно в условиях хронической нехватки продовольствия. Американец С. Гридди Хау построил больницу и приют для беженцев. Итальянец В. Галлина вместе с А. Маврокордатосом и Ф. Негрисом составлял первую греческую конституцию¹.

Следует еще раз обратить внимание на позицию России в греческом вопросе. С одной стороны, Россия, как говорилось выше, заняла нейтральную (а греческие историки утверждают, что даже враждебную) позицию по отношению к греческой революции. Но фактически русское правительство способствовало развитию в России общественного движения в поддержку греков. В русских журналах («Сын Отечества», «Вестник Европы» и др.) регулярно печатались сочувственные сообщения о греческих делах. Кроме того, в Петербурге заранее знали, что греки готовят восстание. Как писал русский посланник в Константинополе Г. А. Строганов в феврале 1821 г., ему уже было известно, что «на Архипелаге, в Морее и княжествах получают распространения пагубные доктрины карбонариев»². Более того, есть свидетельства, что русское правительство покровительствовало некоторым формам движения филэллинов. Осенью 1822 г. Синод издал указ об открытии подписки (сбора средств) в пользу греческих беженцев и для выкупа греков, попавших в плен. В указе сообщалось, что инициатива проведения этой акции исходит от греческих иерархов, но предписывалось провести подписку и среди русского духовенства вплоть до пожертвования церковной утвари из золота и драгоценных камней, не находящейся в употреблении (!)³. Нейтральная, а скорее даже благоприятная позиция официальных кругов (сам император пожертвовал в пользу беженцев крупную сумму денег) позволила филантропической деятельности принять чрезвычайно широкие масштабы, втягивая в свою орбиту многие социальные слои и географические регионы. Суммы пожертвований со стороны русской аристократии намного превосходили пожертвования осевших в России греческих купцов⁴. Таким образом, филэллинизм в России официально поддерживался государством. Управляющий Министерством внутренних дел граф Кочубей даже разослал военным губернаторам Москвы, Петербурга и Малороссии специальные распоряжения о содействии подписке⁵.

В то время, как само правительство сочувственно относилось к грекам, не приходится сомневаться в том, что думали на эту тему радикально настроенные социальные группы. Речь идет в первую очередь о декабристах и их окружении. Декабристам было заранее известно о существовании у греков тайного общества, а П. Пестель располагал достоверной информацией о том, что греки готовят восстание⁶. «Декабристы расценивали движение гетеристов как звено в общей цепи революционного движения в Европе»⁷, и поэтому восторженно восприняли известие о восстании греков.

1821-м годом датированы стихотворения декабристов и идейно близких им поэтов, прославлявших восстание греков: «Греческая песнь», «К Ахатесу» Кюхельбекера,

¹ См.: Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Ρ. 89.

² ВПР. Сер. 2. Т. 4 (12). С. 25.

³ См.: Там же. С. 605–606.

⁴ См.: Prousis Th. C. Russian Society and the Greek Revolution. Northern Illinois University Press. DeKalb, 1994.

⁵ См.: Там же. С. 606.

⁶ См.: Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963. С. 59.

⁷ Там же. С. 35.

«Гречанка верная! Не плачь, — он пал героем!», «Эллеферия, пред тобой...» Пушкина и др. В 1821 г. Н. Гнедич перевел на русский язык «Военный гимн» Ригаса. Филэллины спешили на помощь не просто к грекам, но к «сынам Эллады», потомкам древних эллинов, живых реликтов великой культуры, когда-то поработенной, а теперь возрождающейся. Именно такое восприятие событий приводило в Грецию добровольцев из многих стран.

Но первоначальная эйфория скоро прошла. Война греков за независимость приобрела затяжной характер, и, по мере развития событий, европейское общественное мнение получало все больше информации о положении дел в Греции. Восторгавшиеся классическим прошлым Греции европейцы сильно разочаровались, когда наконец поняли, что клефты из Мани мало похожи на древних лакедемонян, а кодзабасы — на афинских граждан эпохи Перикла. Крушение иллюзий, сомнение, разочарование — вот основные мотивы стихотворения Пушкина 1823 г., запечатлевшего происшедшую перемену:

... Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич¹.

Таким образом, в отношении европейского общественного мнения к грекам в 1823 г. произошли изменения. Дальнейшему разочарованию способствовали гражданские войны и серия военных неудач, постигших греков в последующие годы. Тем не менее, наиболее преданные своей идее филэллины продолжали прибывать в Грецию и после 1823 г. (Байрон). Внимание европейцев к национально-освободительной борьбе не ослабевало. Так, в России уже в 1824 г. (т. е. на следующий год после парижского издания) вышел русский перевод «Записок» полковника Вутье, в 1825 г. Н. Гнедич издал «Простонародные песни нынешних греков с подлинником, изданные и переведенные в стихах», в 1828 г. — перевод книги Ш. Девала «Два года в Константинополе и Морее (1825–1826)», причем все эти книги сопровождались иллюстрациями, что по тем временам было дело дорогое и хлопотное.

Официальная позиция держав в отношении греческой революции стала меняться в 1823 г. и это было связано прежде всего с тем, что Англия признала греков воюющей стороной. Конфликт греков с Портой затягивался, и это обстоятельство навело английского министра иностранных дел Каннинга на мысль о том, что для Англии может быть выгодным не только сохранение статус-кво в регионе, но и образование независимого государства греков — в том случае, если оно окажется под политическим влиянием Великобритании. Кроме того, опасность русско-турецкой войны постоянно возрастала, а в случае победы России создавалась серьезная угроза влиянию англичан на Востоке. Поэтому Каннинг решил первым проявить к грекам благосклонность. Этот шаг открыл путь для русских инициатив в греческом вопросе (план Татищева)².

Обрадованные жестом Каннинга, греки в августе 1824 г. обратились к нему с просьбой вмешаться в их отношения с Портой, но получили довольно осторожный ответ. Хитрый Каннинг заявил, что станет посредничать в греко-турецких делах только в том случае, если об этом попросят не только греки, но и турки. Из этого четко

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1974. С. 583–584.

² Подробнее см.: Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия. М., 1965.

следовало, что военной помощи греки не получают, но англичане не станут препятствовать их победе, если они сумеют добиться ее самостоятельно.

Международный резонанс греческой революции не замедлил сказаться и на внутривнутриполитической жизни греков. Желая подчинить греков своему влиянию, англичане стали действовать через тех политических деятелей, которые симпатизировали Великобритании. В июне 1825 г. группа проанглийски настроенных политических деятелей при поддержке английского лобби на Ионических островах обратилась к Великобритании с просьбой взять греческую революцию под свой протекторат¹. В ответ аналогичные шаги по вербовке агентов влияния предприняли Франция и Россия. Французские агенты влияния в феврале 1826 г. отправили письмо герцогу Орлеанскому с предложением греческой короны для его сына герцога Немурского². В России на повестке дня стоял вопрос о поддержке Каподистрии в случае вручения ему верховной власти в освобожденной Греции. Сам Каподистрия к этому времени уже не состоял на русской государственной службе, а наблюдал за развитием событий в Греции из Швейцарии.

В результате дифференциация греческой политической элиты пошла уже не по социальному принципу, как на первом этапе революции, и не по географическому, как во время гражданских войн, а по приверженности политике одной из трех великих держав³. Сторону Англии приняли Спиридон Трикупис⁴, к которому вскоре присоединился Маврокордатос, одним из лидеров профранцузской группировки стал Колеттис, верность России сохраняли Ипсиланти и клан Колокотрониса. Эти политические группировки, которые еще не были партиями, сосредоточили в своих руках политическую жизнь страны и продолжали доминировать в ней и после обретения независимости.

С 1824 г. с целью прекращения гражданской войны различные политические группировки стали предпринимать шаги по привлечению на греческую службу иностранных военачальников, которые могли бы взять на себя верховное командование войсками и тем отстранить от власти капитанов. Наконец летом 1825 г. с англичанами была достигнута договоренность, что греческий флот возглавит лорд Кохран. Это назначение имело еще одну положительную сторону (помимо удаления военных от политических дел): в приданое Англия предоставляла грекам заем на сооружение парусного флота. Судовладельцы Идры и Спеце к этому времени уже изрядно поиздержались, а Псара была разгромлена турками.

1826 год в истории греческой революции уже отчетливо показал, насколько тесно с судьбой греков оказались переплетены дипломатическая борьба и социально-политическая ситуация в Константинополе. К началу года Ибрагиму удалось сосредоточить значительные силы в районе Месолонги и после трехмесячной героической осады в

¹ См.: *Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 114.*

² См.: Там же. P. 115.

³ См. главу «Баварское правление».

⁴ Трикупис Спиридон (1788–1873) — потомок родовитой семьи из Месолонги, выдающийся греческий политик, начиная с эпохи Каподистрии и в течение всего правления Оттона занимал различные дипломатические и министерские посты. Начав карьеру как служащий английского консульства в Патрах, познакомился с филэллином лордом Уилфордом и на его средства объездил пол-Европы, продолжая свое образование. Стойкий приверженец «английской партии» и конституционных идей. В подкрепление внутрипартийных связей женился на сестре А. Маврокордатоса.

апреле 1826 г. город сдался. Этой осаде посвящена поэма национального греческого поэта Д. Соломоса «Свободные осажденные». После взятия Месолонги Ибрагим направился к осажденному пелопоннесцами Триполи и успел доставить в город подкрепление и боеприпасы. Таким образом турецко-египетские войска сумели удержать под своим контролем значительную часть Пелопоннеса и ликвидировать эпицентр восстания в Западной Греции. В августе того же года турки, которыми командовал Мехмед Решид-паша Кютахья, вернули себе Афины, хотя Акрополь им взять не удалось. Но все это стоило больших потерь. Из 24 тыс. чел., которыми Ибрагим располагал в начале года, к концу года осталось 8 тыс., среди которых были больные и раненые.

Положение турецких и египетских войск в Греции осложнялось тем, что в Константинополе произошло очередное восстание янычар (последнее, после которого янычарский корпус был, наконец, ликвидирован) и Порты была не в состоянии послать подкрепления Ибрагиму и турецким военачальникам. Под давлением этих обстоятельств в Константинополе уже с большой тревогой смотрели на перспективу войны с Россией, и поэтому Порты пошла на уступки. В октябре между Османской империей и Россией было подписано Аккерманское соглашение, согласно которому России передавались несколько крепостей, улучшалось положение Сербии, а Дунайские княжества вернули себе право выбирать господарей из числа местных бояр. Подписание Аккерманского соглашения несколько подняло боевой дух греков, терпевших поражения на Пелопоннесе и в Центральной Греции¹.

Внутриполитическая жизнь греков в 1826 г. ознаменовалась проведением в апреле III Национального Собрания в Эпидавре, подготовка к которому велась еще с зимы. Председателем Собрания был избран престарелый П. Нотарас. В качестве органов власти Собрание избрало правительственный комитет в составе 11 человек во главе с Заимисом. Этот комитет формально создал местные комитеты, фактически признавая в качестве таковых уже существовавшие к тому времени местные органы. Собранием был также избран законодательный комитет из 13 членов, в его задачу входило ведение переговоров с европейскими державами по вопросу о послевоенном устройстве независимой Греции. Фактически Собрание представляло интересы возродившейся группировки пелопоннесских козабасов и капитанов.

В 1826 г. продолжала возрастать активность вмешательства европейских держав в греческий вопрос. Как и прежде, это было связано с повышением активности Англии. Дело в том, что в первой половине 1820-х гг. Англия упорно не откликалась на предложения других держав присоединиться к европейскому концерту. Потом Каннинг попытался монополизировать влияние на греков, но поскольку это не получилось, то Англия теперь решила воссоздать единство держав, но под своей собственной гегемонией. Прежде всего, было решено заключить соглашение с Россией. Результатом переговоров Веллингтона в Петербурге стало подписание англо-русского протокола 4 апреля 1826 г.² Он предусматривал предоставление Греции автономии. При этом она оставалась данницей султана, который также получал широкие полномочия на выборах правителя греческой автономии. Было решено известить

¹ См.: *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 167.

² О британской политике в Восточном вопросе в этот период и, в частности, обстановке, в которой подписывался указанный протокол, см.: *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 133–148. Английская (разумеется, хвалебная) версия изложена в: *Temperley H. W. V. The Foreign Policy of Canning, 1822–1827.* L., 1926.

об этом протоколе другие европейские дворы и сделать оговоренные предложения Порте, но не навязывать их. Истинная цель Каннинга заключалась в том, чтобы добиться наибольшего влияния Англии в греческом вопросе, запугав турок русской угрозой, но не доводя дело до войны.

Договорившись таким образом с Россией, Каннинг обратился к привлечению в русло британской политики Франции. В сентябре он отправился в Париж, чтобы убедить французов стать посредниками на греко-турецких переговорах и тем нейтрализовать влияние России. В ответ Франция предложила проект пятисторонней конвенции (с участием Пруссии и Австрии), которая также предоставляла бы гарантии Османской империи. Но Каннинг категорически отказался так себя связывать. Следующая инициатива принадлежала России. В марте 1827 г. русское правительство выступило с предложением заключения международной конвенции, в которой содержалась секретная статья, предусматривавшая возможность применения силы в случае отказа турок принять посредничество европейских держав. В условиях сохранения русской угрозы Англия и Франция предпочли пойти на заключение этой конвенции, чтобы гарантировать совместное вмешательство держав в случае необходимости и тем лишить Россию возможности действовать единолично. Конвенция была подписана в Лондоне 6 июля 1827 г. Англией, Францией и Россией¹.

В ней подтверждался проект создания в Греции автономного государства под верховным суверенитетом Порты. Державы брали на себя роль посредников в урегулировании греко-турецкого конфликта. Причем возможность применения силы допускалась в отношении любой из сторон, которая откажется принять предложенные державами условия перемирия. Под применением силы подразумевалось блокирование поставок боеприпасов и подкреплений, но не прямое вмешательство в боевые действия. С этой целью в Средиземное море направлялась союзная англо-франко-русская эскадра².

Греки уже фактически на III Национальном Собрании согласились с посредничеством держав. Поэтому формально с их стороны не было препятствий. Но на практике вторая половина 1826 г. — это время нового витка политической борьбы. Колокотронис поссорился со своими бывшими соратниками, пелопонесскими кодзабасами, и вступил в соглашение с Кундуриотисом, который, в свою очередь, поругался с кодзабасами Идры. В феврале 1827 г. Колокотронис и Кундуриотис созвали собственное Национальное Собрание в Кастри (Эрмиони), тогда как сторонники прежнего правительства собрались на Эгине. Сутью этого размежевания, которое происходило на фоне деятельности ориентированных на державы политических группировок, заключалась исключительно в борьбе за власть. Никакой особенной политической программы ни у одной из них не было. Все сходились во мнении о необходимости посредничества держав. Но каждая группировка хотела добиться доминирования в правительстве, чтобы взять в свои руки переговоры

¹ См.: Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатия европейских держав в 1821–1822 гг. // Ученые записки ЛГУ. Т. 130. Л., 1951; Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 169–171.

² Действия этой эскадры и связанная с ними дипломатическая борьба подробно описаны в: Палеолог Г. Н., Сивинис М. С. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. Т. 1–2. СПб., 1867.

с державами и тем самым обеспечить себе наиболее выгодные позиции в послевоенном устройстве Греции¹.

Поскольку продолжающееся соперничество не приносило ощутимого перевеса ни одной из группировок, Колокотронис решил предпринять политический маневр. Хитрость заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону английскую партию и тем добиться перевеса, но одновременно не допустить к власти ключевые фигуры из этой группировки (Маврокордатоса и Заимиса). С этой целью Колокотронис согласился уступить пост главнокомандующего своему старому другу английскому филэллину генералу Ричарду Черчу². В начале марта Черч и уже известный нам Кохран прибыли в Кастри и первым делом решили объединить греков. Результатом их деятельности стало слияние двух собраний, которые договорились встретиться в Тризине. Поэтому объединенное собрание и получило название Тризинского.

Главным вопросом на нем был вопрос о власти. Поскольку все политические деятели, принимавшие участие в революции, так или иначе, оказались ангажированными и замешанными в гражданские войны, то выборы подходящей кандидатуры затянулись. Единственной приемлемой фигурой оставался Каподистрия, который принципиально не вмешивался в развитие событий в Греции. Его восприняли бы как представителя России, кроме того, как опытный дипломат, он ждал своего часа. Однако его оппоненты активно выступали против. Утомленный этой бесплодной борьбой, один филэллин наконец воскликнул: «Выбирайте хоть Каподистрию, хоть черта какого, только поскорее!»³.

Иван (Иоаннис) Антонович Каподистрия (1776–1831) происходил из знатной семьи с острова Керкира. Он получил медицинское образование в Италии, а во время русского протектората (1799–1807) занимал ответственные посты в Ионическом правительстве. После передачи островов под покровительство Франции по приглашению Александра I Каподистрия приехал в Петербург (1809) и поступил на русскую службу. Благодаря своим недюжинным способностям государственного деятеля он дослужился до поста вице-канцлера, а в 1815 г. от имени российского императора подписал Парижский мир, завершивший эпоху наполеоновских войн в Европе. После начала греческой революции Каподистрия ушел в бессрочный отпуск (1822)⁴. На избрании Каподистрии настаивал Колокотронис, эту же кандидатуру благодаря стараниям Черча и Кохрана поддержала английская группировка, хотя позиция британского правительства в отношении Каподистрии уже тогда была враждебной⁵. В результате Каподистрия был избран правителем (президентом) Греции на 7 лет. Получив известие о своем избрании на пост президента Греции (1827), он окончательно покинул русскую службу и отправился организовывать греческое государство.

Вручение власти одному лицу предполагало принятие новой конституции. Выработанная в Тризине конституция сильно ограничивала власть президента. Номинально в его руках была сосредоточена исполнительная власть, но на самом

¹ Подробнее см.: *Dakin D. Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 245–254.*

² См.: *Dakin D. Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 251–252; Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988. Σ. 21–22.*

³ Колокотρώνης Θ. Απομνημονεύματα // Άπαντα Κολοκοτρώνη. Τ. Α. Χ. τ., χ. χ. Σ. 176.

⁴ Деятельности И. Каподистрии в России посвящена монография Г. А. Арша: *Арш Г. А. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976.*

⁵ См.: *Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988. Σ. 28.*

деле и она принадлежала президенту лишь частично. Всего его решения должны были быть контрастированы соответствующими министрами. Сами министры тоже находились в неустойчивом положении: они были подотчетны Законодательному корпусу, который мог лишить их должности. На заседаниях Законодательного корпуса президент не мог присутствовать, ему разрешалось заходить в зал заседаний лишь в самом начале либо когда они подходили к концу. Президент не имел права распускать парламент и обладал всего лишь отлагательным вето относительно принятых им законов. Сам законодательный корпус избирался на три года, но ежегодно обновлялась треть его состава. Таковы были основные нововведения Тризинской конституции. Помимо принятия конституции и избрания Каподистрии президентом Тризинское Национальное Собрание также назначило главнокомандующих вооруженными силами из числа филэллинов. Командующим сухопутными силами был назначен Черч, а флотом — Кохран¹.

Они попытались реорганизовать греческие военные отряды и скоординировать боевые действия, которые на протяжении последних месяцев велись спорадически и хаотично. Причины этого заключались в том, что армии Ибрагима-паши удалось нанести грекам серьезный урон, лишить их значительных территорий на Пелопоннесе. Вторая причина состояла в том, что к середине 1820-х гг. греки уже в значительной степени израсходовали собственные средства на ведение боевых действий и теперь могли продолжать сопротивление только за счет денег и боеприпасов, жертвуемых европейскими филэллинами. Одной из главных задач момента было обеспечение подкреплений для осажденного афинского Акрополя. Черч сумел мобилизовать под свое командование около 3 тыс. чел. и договориться с капитанами Центральной Греции (Дзавелас, Караискакис), у которых было вдвое больше людей. Но тут Кохран, не предпринимавший никаких морских операций, еще и вмешался в командование войсками на суше. Результатом стало тяжелое поражение греков в начале мая 1827 г., через месяц повлекшее за собой сдачу Акрополя.

В связи с этими событиями для греков очень кстати было известие о Лондонском протоколе. Греки и филэллины согласились на условия перемирия, справедливо полагая, что теперь, когда Порта была воодушевлена последними успехами, турки на перемирие не пойдут. Было решено пока накапливать силы и ожидать вмешательства держав, чтобы воспользоваться им для нового подъема восстания и расширения его границ. Долгожданное вмешательство держав наконец произошло 8(20) октября 1827 г. и стало известно под названием Наваринского морского сражения. Оно принесло очевидный успех державам, но на самом деле было совершенно незапланированным. Более того, английское правительство после этого долго искало виновных и считало, что сражение только нанесло урон английской политике в регионе.

События разворачивались следующим образом. Узнав о соглашении держав, египтяне решили быстро отправить подкрепления на Пелопоннес, чтобы успеть подавить там восстание до вмешательства держав. В конце августа–начале сентября эти подкрепления достигли наваринского рейда, где уже стояла турецкая эскадра. К этому времени глава союзного флота английский адмирал Кодрингтон уже имел инструкции о недопущении турецких и египетских подкреплений на Пелопоннес. Кодрингтон

---

¹ См.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988. Σ. 17–29.

вступил в переговоры с Ибрагимом, в результате которых Ибрагим получал время на консультации с Каиром и Константинополем, а Кодрингтон обещал воспрепятствовать возобновлению боевых действий со стороны греков. Но эта договоренность была нарушена Черчем, который начал боевые действия в районе Коринфского залива, после чего несколько турецких и египетских кораблей покинули рейд Наварина. Кодрингтон срочно отправился туда улаживать ситуацию. Когда он вернулся, по его собственным словам, была плохая погода. Тогда, чтобы предотвратить отплытие других судов из Наварина, он решил войти в наваринскую бухту и заблокировать там турецко-египетский флот. Это решение было поддержано командовавшими французской частью эскадры Дериньи и российской Гейденом. Мусульмане восприняли передвижение союзнического флота как начало боя. Они не успели выработать правильный план сражения. Между тем, дождавшись ночи, можно было нанести союзникам значительный урон с помощью брандер. В результате начавшийся пожар уничтожил многие суда прямо на рейде. Мусульмане потеряли 60 кораблей из 89 и 8 тыс. чел. После этого Кодрингтон был отозван из Эгейского моря¹.

Наваринское сражение имело огромное политическое значение. Греки справедливо сочли его поворотным в судьбе революции. Действительно, оно продемонстрировало решение держав взять греков под свое покровительство и готовность вмешаться в их вооруженный конфликт с турками. Не говоря уже о том, что понесенные при Наварине потери помешали туркам и египтянам доставить подкрепления на Пелопоннес.

Но союзники России не были довольны наваринской победой, в частности, австрийский канцлер Меттерних назвал ее «катастрофой»², а английский король Георг IV — «горестным событием»³. В рядах союзников наступило замешательство и недоумение: что же делать дальше? Тем временем турки аннулировали Аккерманское соглашение с Россией. Николай I устал дожидаться совместных действий с англичанами и французами и в апреле 1828 г. объявил туркам войну. Между тем, уже в январе 1828 г. в Грецию прибыл Каподистрия. С этого времени греческая революция вступила в новый этап своего развития.

Активное вмешательство европейских держав в греческие дела вновь оживило надежды на освобождение Греции, а после Наваринского сражения (1827) и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. надежды стали реальностью. Филэллины облегченно вздохнули, а Пушкин посвятил уже освобожденной Греции свое известное стихотворение «Восстань, о Греция, восстань!».

После окрыляющих военных успехов первого этапа революции греки долгое время уделяли борьбе с внешним врагом гораздо меньше внимания, чем она того заслуживала. Основные их силы отвлекала внутривнутриполитическая борьба. С перерастанием этой борьбы в гражданскую войну, казалось, можно было говорить о складывании политических группировок по интересам, но вторая гражданская война продемонстрировала, что вывод этот был бы слишком поспешен. Действительно, во время первой гражданской войны греческий политический лагерь был расколот по социальному принципу, но во время второй — по географическому. В связи с этим становится ясным, что историки-марксисты (как отечественные, так и греческие) преувеличивали значение социально-

¹ О ходе Наваринского сражения и его восприятии в Англии см.: *Dakin D.* Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 284–289.

² Цит. по: *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 172.

³ Там же.

экономической составляющей греческой революции. Даже на ее завершающем этапе можно лишь с большой натяжкой говорить о наличии в стране политических группировок, объединенных социально-экономическим интересом. Многочисленные политические коалиции тех лет, отсутствие четких программ у политических противников, неразборчивость в средствах борьбы — все это говорило о том, что лидеры греческих повстанцев сражались единственно за власть, плохо представляя, как она будет выглядеть. В итоге к концу революции большинство ее видных участников имели репутацию беспринципных интриганов, запятнавших себя гражданскими войнами.

Затяжной характер революции привел к интенсификации контактов между греческой политической элитой и Европой. Деятельность филэллинов в Греции внесла заметный вклад в усвоение ими последних достижений политической мысли Европы и способствовала усвоению греческой элитой европейской модели национального государства. Шаги, предпринимавшиеся филэллинами на родине, стимулировали формирование общественного мнения, благожелательно настроенного в отношении греков. Наряду с государственными интересами это был важный фактор, подтолкнувший великие державы к активной поддержке греческих повстанцев вначале дипломатическим, а затем и военным путем.

Первый президент

Некоторые историки сомневаются в том, что Каподистрия решился бы приехать в Грецию, если бы не Наваринская битва¹. Действительно, после Наварина Каподистрия убедился, что греки получают поддержку держав. Летом 1828 г. состоялось совещание представителей держав, на котором было решено использовать французский экспедиционный корпус для очистки Пелопоннеса от египтян. Французские войска под командованием генерала Мезона прибыли на Пелопоннес, который был ими занят практически без боя, т. к. египтяне уже оттуда эвакуировались. Так Франция воспользовалась удобным случаем, чтобы укрепить свои позиции в Греции².

Осенью того же года проходила встреча посланников держав на Поросе, где должны были быть определены границы греческого государства. Рассматривались в общей сложности четыре проекта, из которых наиболее благоприятный для греков предполагал расширение северной границы до линии Волос–Аспропотамос, а наименее благоприятный ограничивал территорию независимой Греции Пелопоннесом³.

Каподистрия хотел получить в «приданое» очередной западный заем, чтобы иметь финансовую возможность начать государственное строительство в соответствии со своими взглядами. Принятая греками конституция сильно ограничивала его власть. Президента это не устраивало, и первое, что он сделал, прибыв в Грецию, это ее нарушил.

Уже в январе 1828 г. Каподистрия лишил полномочий Законодательный корпус в пользу созданного им органа — Панэллиниона, впоследствии преобразованного в сенат. Члены Панэллиниона не избирались, а назначались лично президентом. Вслед за тем он начал вытеснять пелопоннесцев и островитян с занятых ими государственных постов и назначать на эти места верных ему людей, преимущественно

¹ См.: напр.: *Dakin D. Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 297.*

² См.: *Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 275–276.*

³ См.: *Dakin D. Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 324–330.*

выходцев с Ионических островов. Чтобы пресечь злоупотребления местных чиновников, Каподистрия стал назначать номархов не из числа местных жителей. Запланированное на апрель 1829 г. очередное Национальное Собрание он созвал только в июле. Причем оно состояло по преимуществу из верных ему людей.

Стремление Каподистрии ограничить власть местных нотаблей, разумеется, не вызвало их восторга. Поэтому в скором времени различные политические группировки объединились в оппозиционную президенту «конституционную партию». В оппозицию вошли филэллины (Черч), фанариоты (Кантакузины, Маврокордатос), островитяне-идриоты (Кундуриотисы, Криезисы), пелопонесские кодзабасы (Делияннисы, Каламогдартисы, А. Лондос, А. Заимис), капитаны из Центральной и Северной Греции (Макриянис, Гривасы). В оппозиции президенту находились также маниаты с главенствующим там кланом Мавромихалисов и Д. Ипсиланти. Поддерживали президента в основном пелопоннесские капитаны (Колокотронисы, Петимезасы, Димитриос Плапутас), выходцы с Ионических островов (Метаксасы, Андреас Пападопулос-Вретос), а также образованные греки родом с территорий, оставшихся за пределами формирующегося государства (Георгий Гларакис с Хиоса, К. Канарис с Псара, эпирот Георгий Ставру). Президента поддерживали также некоторые филэллины, в том числе будущий член регентства баварец Гейдек. Эти люди составили т. н. партию кивернетиков или президентскую партию¹.

Желание Каподистрии отстранить от власти старую олигархическую верхушку проистекало из его представления о том, что греческое государство должно быть не просто преемником османской власти, но принципиально новым, построенным по европейскому образцу². Кроме того, старые политические лидеры скомпрометировали себя бесконечными дрязгами, уже несколько раз перераставшими в гражданскую войну.

В области внешней политики свою главную задачу Каподистрия видел в том, чтобы максимально расширить границы будущего греческого государства, пользуясь тем, что державы еще не пришли к единому мнению по этому вопросу. Для этого Каподистрия постарался распространить масштабы греко-турецкого конфликта на возможно большую территорию. Были активизированы боевые действия в Центральной Греции. Операциями в ее западной части руководил Черч, а в восточной — Ипсиланти. Между тем в ноябре 1828 г. державы (под давлением Меттерниха) подписали протокол, согласно которому брали под свое покровительство Пелопоннес и Киклады. Это наводило на мысли, что таковы будут и границы греческого государства. Возможно, поэтому, Каподистрия перестал оказывать поддержку Черчу, и тот вел войну в Западной Греции собственными силами. Д. Дакин полагал, что Каподистрия перестал поддерживать Черча, чтобы показать свою лояльность в отношении держав³.

Военные успехи греков, а также продвижение русских войск в Добрудже и Армении привели к тому, что Веллингтон, сменивший покойного Каннинга на посту премьер-министра Англии, был вынужден пойти на уступки. Уже в декабре на совещании послов на Поросе было достигнуто соглашение о проведении греко-турецкой границы по линии Арта–Волос, установлении в Греции наследственной монархии и сохранении ее

¹ О партиях при Каподистрии см.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988; Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 128–140.

² См.: Βερναρδάκης Δ. Καποδίστριας και Όθων. Αθήνα, 2001.

³ См.: Dakin D. Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 323.

в вассальной зависимости от султана. Самос и Крит оставались за пределами греческого государства. Однако и эти условия казались Веллингтону чрезмерными, поэтому англичане подписали их только в марте 1829 г., и то не как окончательное решение, а как отправную точку для переговоров с турками. Англии был нужен мир в средиземноморском регионе, а не сильная Греция, которая станет вести с турками постоянные войны. Россия в этот момент не стала настаивать на большем, рассчитывая, что сможет возобновить переговоры, опираясь на успехи русского оружия¹.

Эти ожидания вскоре оправдались. В июне 1829 г. русские войска взяли Силистрию, а в августе вышли к Адрианополю. Такое стремительное развитие событий очень обеспокоило не только турок, но и англичан. Турки согласились признать мартовский протокол 1829 г., а англичане приложили все усилия к тому, чтобы не дать России воспользоваться своими успехами. В результате условия Адрианопольского мира 1829 г. были весьма умеренными. Россия приобретала дельту Дуная, брала под свой протекторат Дунайские княжества, расширялась сербская автономия. Согласно этому договору, турки признавали мартовский протокол, но с некоторыми оговорками: территория Греции ограничивалась Пелопоннесом и Кикладами. Таким образом, хотя добиться большего и не удалось, русское оружие заставило турок согласиться с образованием на Балканах греческого государства².

Теперь на повестке дня стоял вопрос о выборе будущего правителя Греции. В том, что независимая Греция должна стать монархией, никто не сомневался. Фигура Каподистрии категорически не устраивала Англию и Францию, поскольку они видели в нем агента влияния России и боялись, что он в конце концов возложит на себя корону. На самом деле существующие исторические исследования показывают, что представления о Каподистрии как о русском агенте — не более чем миф, выдуманный в свое время его политическими противниками и доведенный до сведения европейских правительств через филэллинов³. Каподистрия руководствовался исключительно национальными интересами. Но получилось так, что на том этапе они совпадали с интересами России: Россия была единственной державой, которая была заинтересована в территориальном расширении Греции. В тех пунктах, где его представление о благе греческого государства расходилось с интересами русского правительства, Каподистрия действовал самостоятельно.

Несколько месяцев державы потратили на то, чтобы договориться о кандидатуре на греческий престол. 22 января (3 февраля) 1830 г. был подписан протокол, в котором греческая корона предлагалась Леопольду Саксен-Кобургскому. Даруемое ему королевство должно было иметь границу по линии Арта–Волос и включать также острова Крит и Самос. Кандидатура Леопольда устраивала всех: Францию — потому что она надеялась завязать с ним династические связи и тем поставить под свое влияние, Англию — потому что эти связи уже имелись, Россию и Каподистрию — потому что Леопольд зарекомендовал себя как борец за греческие интересы.

Подписание февральского протокола означало окончательное признание державами независимости греческого государства, а потому считается датой окончания

¹ Тем не менее А. В. Фадеев считал условия мартовского протокола крупным успехом русской дипломатии, см.: *Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 280–281.*

² Анализ условий и оценку значения Адрианопольского мира см.: *Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958. С. 312–369.*

³ См, напр.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988. Σ. 39, 102–103 κ. α.

греческой революции. Ведь ее основная цель — создание независимого национального государства — была достигнута. Но результаты революции не удовлетворили греков, которые считали успех лишь частичным. В состав греческого независимого государства (на 1828 г. — население ок. 750 тыс. чел.) вошла лишь часть земель, населенных греками. Более 2 млн греков остались за пределами своего государства. Кроме того, революция не привела к ожидавшемуся большинством населения переделу собственности. У власти закрепилась олигархия кодабасов, которая занимала позицию «турецкие порядки без турок».

Греческая революция имела и большое международное значение. Она была проявлением общего революционного подъема в Европе в 1820-е гг. Но, в отличие от ряда других революционных выступлений (Италия, Россия), греческая революция оказалась в целом успешной. На Балканах образовалось первое полностью независимое от турок национальное государство¹. Это событие имело серьезные геополитические последствия. Во-первых, оно свидетельствовало о том, что распад Османской империи — дело времени, предотвратить этот процесс невозможно. Во-вторых, греческая революция, в которой принимали участие и представители других балканских народов, способствовала процессу формирования наций на Балканах и складыванию национального самосознания болгар, албанцев, румын, а также не-немецких народов Австрии. В перспективе неизбежны были процессы национального размежевания на Балканах, где население разной этнической принадлежности часто проживало вперемешку. Наконец, создание греческого независимого государства на небольшой части греческих земель оставляло открытым вопрос о судьбе греков, оставшихся за его пределами. При благоприятной конъюнктуре греческое государство, которое стало вскоре претендовать на роль ядра нации, неизбежно должно было возобновить борьбу с Османской империей за другие греческие земли. Этот процесс действительно вскоре начался и длился еще сто лет, после чего прошло национальное размежевание, в значительной степени снявшее взаимные территориальные претензии греков и турок.

Но вернемся в 1830 год. Когда с Леопольдом начались переговоры, то территория будущей Греции была несколько урезана (Ламия–Аспропотамос). Леопольд вначале согласился принять греческую корону в надежде на то, что ему удастся убедить державы расширить границы Греции и решить некоторые экономические проблемы. Но когда этого сделать не удалось, последовало отречение Леопольда. Свою роль в этом сыграла и борьба партий внутри самой Греции: каждая группировка хотела «перетащить» будущего короля на свою сторону². Некоторые историки, с подачи английского посланника Докинса, обвиняли в отречении Леопольда Каподистрию³. Июльская революция во Франции, смена правительства в Англии и волнения в самой Греции на некоторое время отодвинули вопрос о греческом монархе на второй план.

Помимо внешнеполитических проблем, Каподистрии пришлось столкнуться с серьезными экономическими и внутриполитическими трудностями. Молодое государство получило достаточно тяжелое наследство от эпохи революции. Военные действия и перемещение значительных масс турецкого и греческого населения повлекли за собой нарушение традиционных экономических и административных связей, сельскохозяйственным угодьям и торговым центрам был нанесен значительный

¹ Сербия имела лишь автономию.

² См.: *Dakin D.* Ο αγώνας των Ελλήνων για την ανεξαρτησία, 1821–1833. Αθήνα, 1989. Σ. 356–361.

³ См.: напр.: *Mendelssohn-Bartholdy K., Graf J.* Kapodistrias. Berlin, 1864.

материальный ущерб. Разбитые дороги, разрушенные порты, вырубленные виноградники и оливковые рощи, сожженные деревни знаменовали собой катастрофическое состояние экономики, закономерным последствием которого были голод и болезни, а с ними бороться было практически невозможно из-за почти полного отсутствия необходимых средств и врачей. Отраслью, претерпевшей наименьший ущерб во время революции, была торговля. После разорения турками и египтянами некоторых островов (Хиос, Касос, Псара) некоторые другие (Сирос) смогли сохранить свой экономический потенциал и торговой столицей нового государства стал порт Эрмуполи (Сирос). Бывшие *ναυτικά νησιά*¹ пришли в упадок, поскольку судовладельцы растратили свои капиталы во время революции и теперь не имели возможности восстановить свой флот. В результате многие экипажи были вынуждены искать работу в Османской империи.

Кроме экономических проблем история революции 1821 г. продемонстрировала неспособность греков создать сильную центральную власть. Но именно в сильной центральной власти Каподистрия видел путь к формированию подлинно независимого процветающего государства. Созданию дееспособной центральной власти препятствовало такое характерное явление, как клиентела и клановая структура общества. В силу этого классовый состав греческого общества той эпохи определить довольно сложно, т. к. вертикальные социальные связи (клиент–патрон) часто оказывались прочнее общности профессии и социального положения, которые могли бы объединить людей в защиту их классовых интересов.

Каподистрия предпринял первую попытку преодолеть эти трудности: его политика была направлена на формирование централизованного государства, поддержание мира в стране, создание благоприятных условий для восстановления сельского хозяйства². Каподистрия принял первые меры по организации государственного аппарата, ограничивая при этом влияние традиционных элит, что и создало почву для появления оппозиции.

Он вел успешную борьбу с пиратством, начал реорганизацию армии и воссоздание флота³. За небольшой срок своего пребывания у власти Каподистрия сумел сформировать четыре батальона регулярной пехоты, артиллерийский батальон, два эскадрона регулярной кавалерии, один эскадрон легкой кавалерии, образцовый батальон и двадцать батальонов легкой пехоты⁴. Параллельно с созданием регулярных воинских частей Каподистрия постепенно превращал нерегулярные партизанские отряды в полурегулярные. К концу правления Каподистрии, даже после уничтожения части флота восставшими оппозиционерами, у Греции оставалось 44 судна, в т. ч. четыре корвета, пять бригов, шесть шхун и два парохода. Личный состав флота насчитывал около 15 тыс. чел., в т. ч. трех контр-адмиралов, двух капитанов первого ранга, девять капитанов второго ранга, 115 лейтенантов и унтер-офицеров⁵.

Каподистрия заложил основы народного образования, открывая государственные школы и планируя создание университета. На начало 1830 г. в Греции

¹ Идра, Спеце и Псара.

² См.: Λουλές Δ. Κατευθύνσεις και προοπτικές της οικονομικής πολιτικής του Ι. Καποδίστρια, 1828–1831 // Ο Ιωάννης Καποδίστριας και συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 127–139.

³ См.: Κατηφόρη Δ. Η δίωξις της πειρατείας και το Θαλάσσιον Δικαστήριον κατά την πρώτην Καποδιστριακήν περίοδον, 1828–1829. Αθήνα, 1973; Παπαγεωργίου Σ. Η Στρατιωτική πολιτική του Ι. Καποδίστρια // Ο Ιωάννης Καποδίστριας και συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 167–176.

⁴ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 196.

⁵ Там же. Л. 200.

насчитывалось 111 школ и 7824 ученика¹. При личном участии Каподистрии были основаны сиротский приют на о. Эгина, семинария на о. Порос, военное училище в Навплио и др.² В 1833 г. состоялся первый выпуск этого училища: все восемь выпускников пополнили офицерский состав различных воинских частей³. Современник событий И. Персиани⁴ справедливо отмечал: «Графу Каподистрии нельзя отказать в том достоинстве, что он понимал всю важность усилий, которые предстояло предпринять ради умственного и морального развития греков. Если, с одной стороны, множество и разнообразие созданных с этой целью учреждений свидетельствуют о том внимании, которое он уделял этой важнейшей области управления, то, с другой стороны, их успех на протяжении короткого срока его правления говорит о том, как многого можно добиться даже при скудных ресурсах»⁵.

Особую остроту сохраняла проблема национальных земель. Каподистрия мечтал о том, чтобы сделать Грецию экономически независимой. Необходимые для этого деньги в бюджете отсутствовали, поэтому, помимо жесткой экономии, выход он видел в решении земельной проблемы. Вопрос о судьбе национальных земель был одним из предметов политической борьбы уже с самого начала революции. Каподистрии идеальным представлялось следующее решение: часть земель должна быть роздана безземельным крестьянам и ветеранам революции, другая часть должна быть продана за наличные деньги, укрепляя таким образом государственные финансы. Однако политика Каподистрии в этом вопросе натолкнулась на саботаж со стороны кодзабасов, мечтавших завладеть бывшим турецким имуществом. Кодзабасы настраивали против продажи земель местных крестьян, а сами между тем препятствовали передаче земли крестьянам. Однако, несмотря на все сопротивление кодзабасов, Каподистрии удалось раздать беженцам и ветеранам часть национальных земель. Но в целом аграрный вопрос остался нерешенным⁶.

Государственные финансы также находились в тяжелом состоянии. Прибыв в страну в 1828 г., Каподистрия обнаружил казну не только пустой, но и обремененной долгом в 2,5 млн лир в счет английских займов 1824–1825 гг. Он использовал разные пути решения финансовой проблемы. Каподистрия обратился за помощью к державам и богатым грекам диаспоры. Уже в феврале был создан первый греческий банк. Однако его деятельность не пользовалась популярностью по той причине, что Каподистрия вмешивался в его работу и вкладчики не хотели рисковать. Наведение порядка в стране позволило Каподистрии вдвое увеличить доходы казны лишь за счет деятельности государственных финансовых служб. При этом система налогообложения осталась прежней. Таможенные сборы достигали 10 % на импорт и 6 % на экспорт (из-за революции экспортная торговля находилась в упадке). Земельные налоги составляли 10 % с частных владений и 30 % с национальных земель. Земельные налоги уплачивались преимущественно натурой, так как денег у крестьян не было. Несмотря на то, что

¹ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 176 об.

² См.: Κούκκου Ε. Ο Καποδίστριας και η Παιδεία, 1827–1832. Τ. 1–2. Αθήνα, 1972.

³ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 178 об. – 179.

⁴ О нем см. ниже.

⁵ АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 176–176 об.

⁶ См.: Λουλές Δ. Κατευθύνσεις και προοπτικές της οικονομικής πολιτικής του Ι. Καποδίστρια, 1828–1831 // Ο Ιωάννης Καποδίστριας και συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 127–139.

фискальная система не была реформирована, доходы государства возросли за счет того, что платить стали все¹. Эти меры также затрагивали интересы кодзабасов.

Особое положение сложилось в церковном вопросе: на территорию Греции, спасаясь от репрессий, из Османской империи бежало множество епископов, однако административное и духовное руководство Церкви оставалось в занятом турками Константинополе и часто сменяемые «турецкоподданные» патриархи, дабы сохранить жизнь и сан, вынуждены были анафематствовать восставших греков и призывать их к подчинению султану. Такая ситуация грозила неприятностями и после освобождения: через церковное руководство турки могли оказывать влияние на внутренние дела греков, ибо авторитет Церкви и православной веры в стране был очень высок. Сам собой напрашивался вопрос об отделении Церкви греческого государства от Константинопольского патриархата. На практике это была очень сложная проблема: надо было получить независимость от власти патриарха, при этом не испортив с ним отношений. Поэтому И. Каподистрия действовал очень медленно и осторожно, но его смерть прервала начатое дело².

Уже к концу 1829 г. оппозиция президенту приняла организованный характер. До поры до времени президенту удавалось контролировать ситуацию. Но уже весной 1830 г. события вышли из-под контроля. Оппозиция перешла к вооруженным формам борьбы, первым проявлением которых стало восстание в Мани на Пасху 1830 г. Оно было организовано семьей Мавромихалисов, недовольных политикой Каподистрии. Каподистрия хотел упразднить ту значительную автономию, которой Мани пользовалось при турках, вместе с варварскими обычаями маниатов (кровная месть и т. п.). Каподистрия воспользовался соперничеством местных кланов, чтобы лишить маниатов некоторых вольностей. Члены семьи Мавромихалисов, занимавшие государственные посты, были отправлены в отставку. В этой ситуации Петробей Мавромихалис, «король маниатов», выступил защитником местных вольностей от посягательств центральной власти. Восстание в Мани с перерывами продолжалось вплоть до октября 1831 г. Его кульминацией стало убийство Каподистрии в Навплио членами семьи Мавромихалисов. К этому времени Петробей сидел в тюрьме, а некоторые другие члены семьи жили в столице под бдительным надзором³.

В августе 1830 г. началось восстание на Идре, куда прибыли покинувшие столицу Маврокордатос, Трикупис и Мьяулис. Как и маниаты, судовладельцы Идры были недовольны лишением прежних привилегий. Кроме того, Идра находилась в состоянии экономического кризиса, следствием которого была массовая безработица. В этих условиях идриоты не могли согласиться с уплатой таможенных пошлин государству. Наконец, местная верхушка требовала от государства компенсации расходов, понесенных во время революции. Каподистрия готов был пойти на уступки, но выплаченная им сумма составила лишь 1/3 требуемой. Переговоры зашли в тупик и переросли в восстание. Таким образом, основная причина разногласий идриотов и президента была экономического характера, но восстание шло под лозунгом борьбы за местную автономию. В июле 1831 г. лидеры восстания созвали собрание, которое издало обращение к державам с просьбой поддержать их в борьбе с Каподистрией.

¹ См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 202–203.

² См.: Κωνσταντινίδης Ε. Ο Ιωάννης Καποδίστριας και η εκκλησιαστική του πολιτική. Αθήνα, 1977; Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969.

³ См.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988.

В противном случае идриоты грозили перейти под протекторат Османской империи. Предпринимаемые повстанцами действия переходили в прямой разбой. Так, весной 1831 г. идриоты напали на таможню на Сиросе и ограбили ее. Восстание на Идре продолжалось и после смерти Каподистрии и прекратилось лишь в 1832 г. после отречения Августина Каподистрии, который пытался наследовать своему брату.

Наконец, в мае 1831 г. началось восстание в континентальной Греции (Аталанта) под руководством македонского капитана Дзамиса Каратасоса. Причина недовольства капитанов заключалась в лишении их традиционного источника доходов. Дело в том, что Каподистрия решил разграничить военную и экономическую сферы деятельности. Во время революции капитаны были одновременно и откупщиками налогов на контролируемых ими территориях. Каподистрия лишил их права сбора налогов, а это была важнейшая статья их доходов, ведь государственное жалованье не выплачивалось месяцами. Восстание в континентальной Греции было единственным вооруженным выступлением оппозиции, которое Каподистрии удалось подавить. Поскольку это было сделано с помощью русской эскадры, расквартированной в Эгейском море, то враги президента получили дополнительный повод обвинить Каподистирию в сотрудничестве с Россией. Надо сказать, что в этот период Англия и Франция относились к президенту с почти откровенной враждебностью. После подавления восстания Каратасос бежал на Идру и присоединился к местным повстанцам¹.

Если на каком-то этапе Каподистрия готов был идти на переговоры с оппозицией, то открытая враждебность Англии и Франции, а также расширение требований оппозиции вели к ужесточению позиции Каподистрии². В результате политический кризис в стране углублялся. Пиком его стало убийство Каподистрии, выглядевшее как акт личной мести семьи Мавромихалисов. Но до сих пор идут дискуссии о том, какая из трех великих держав приложила руку к этому убийству³. Со смертью Каподистрии созданному им политическому режиму пришел конец, некоторые его реформы были отменены, а страна оказалась ввергнутой в анархию гражданской войны.

В это время в Греции находился Иван Эммануилович Персиани — российский дипломат греческого происхождения, прошедший на службе Российской империи 50 лет (1816–1866). Имя Персиани и двух его сыновей по непонятным причинам отсутствует в составленном известным греческим историком К. Папулидисом Алфавитном каталоге греков, находившихся на службе Министерства иностранных дел императорской России⁴. За долгие годы службы он прошел путь от канцелярского служителя до посланника, дослужившись до чина действительного тайного советника⁵. Своим продвижением по службе он обязан не только происхождению, но и своим деловым качествам: исполнительности, добросовестности, безупречному поведению. Эти качества вполне проявились и в годы его службы в Греции (1831–1857). В 1831 г. И. Э. Персиани был

¹ Подробнее о развитии событий см.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988; Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 138–145.

² См.: Теплов В. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПб., 1893. С. 35–45.

³ См.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988. Σ. 375 επ. Там же приведена обширная (хотя не исчерпывающая) библиография вопроса.

⁴ См.: Παπουλίδης Κ. Ρωσοελληνικά. Οκτώ μελέτες ρωσοελληνικών πολιτικών, πολιτιστικών και επιστημονικών σχέσεων. Θεσσαλονίκη, 2004. Σ. 118–134.

⁵ Чин II класса, согласно Табели о рангах.

назначен первым секретарем Российской императорской миссии при Греческом королевском дворе. Миссия была молодая, как и само греческое государство.

Находившийся в это время в Греции Персиани имел возможность лично наблюдать за политической жизнью новорожденного государства. В 1835 г., когда срок полномочий баварского регентства подходил к концу, Персиани решил составить обзор, оценивающий его деятельность, который, как он полагал, мог быть полезен лицам, определяющим российскую внешнюю политику в Греции. Так появились «Рассуждения о Греции». Их предваряет посвящение директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. К. Родофиникину, которому и была адресована вся работа. Автор не предназначал ее к публикации, но выражал надежду, что она попадет «пред светлые очи» канцлера К. В. Нессельроде.

«Рассуждения о Греции с момента прибытия короля до конца 1834 года» (такое полное название работы Персиани) представляют собой объемную аналитическую записку на французском языке, текст которой занимает свыше 200 листов, переписанных от руки и помещенных в специально изготовленную твердую папку с тисненым заглавием работы и годом ее написания. «Рассуждения» состоят из предисловия, пространныго введения, где подробно анализируются причины политической нестабильности в Греции, и двух частей. В первой части, занимающей свыше половины объема всей работы, обстоятельно описывается политическая ситуация в Греции в 1832–1834 гг. и анализируется политика баварского регентства до конца 1834 г. Большое внимание в ней уделяется причинам и механизмам формирования т. н. партий — политических группировок, оказывавших значительное влияние на политическую жизнь страны. Вторая часть представляет собой краткий обзор политического устройства Греции, ее административной сферы, церковно-государственных отношений, финансов, состояния торговли, армии и флота и др. Удивительно, что этот не имеющий аналогов в России и содержащий столь обширную информацию труд усердного дипломата более полутора столетий мертвым грузом пролежал в архиве. Он представляет ценность как для изучения собственно греческой истории периода баварского правления, так и для исследования российской политики в этой стране.

В «Рассуждениях» Персиани можно выделить два пласта: описательный и аналитический. Для историка значимы они оба. Сочинение Персиани содержит преимущественно факты и события, известные и по другим источникам, на которые часто указывает сам автор. Точное и подкрепленное доказательствами изложение материала свидетельствует о серьезном подходе автора работы. Перед нами специалист-эксперт, которому чужды наивные восторги и поверхностный взгляд многочисленных европейских путешественников, посещавших тогда Грецию. Но Персиани не просто описывает события: он сравнивает, обобщает, делает выводы. Целый ряд похожих заключений, касающихся политики регентства, был позже сформулирован и признан историками. Однако в изложении и оценках некоторых событий Персиани принципиальным образом расходится как с другими источниками, так и с утвердившейся в историографии точкой зрения. Одно из этих расхождений касается оценки политики первого президента страны И. Каподистрии, а также событий, связанных с его гибелью.

Анализ правления И. Каподистрии не входит в непосредственную задачу автора «Рассуждений», это другой хронологический период. Однако на самом деле он в сочинении Персиани присутствует и служит отправной точкой при описании положения дел в различных областях, а также используется для сравнения с мероприятиями

регентства. Общий вывод, который можно сделать, собрав по страницам сочинения Персиани мнения автора о различных направлениях деятельности первого президента Греции, таков: Каподистрия был лучшим правителем, какого страна могла только пожелать. В отличие от многих историков, находящихся в политике Каподистрии некоторые «перегибы», которые, по их мнению, и стали причиной формирования оппозиции¹, Персиани полагает, что путь, которым пошел Каподистрия, был единственно возможным для страны. Раздувание оппозиционных настроений он приписывает действиям иностранных держав.

Каждого историка-неоэллиниста, конечно, интересует вопрос о заказчиках и вдохновителях убийства Каподистрии, поскольку известные на сегодняшний день документы не называют их имен. Не найдем мы их и у Персиани, который сознательно уклоняется от обсуждения этого вопроса. Тем не менее, в «Рассуждениях о Греции» можно найти некоторые косвенные указания на этот счет. Прежде всего, это касается вопроса о причастности к этому злодеянию России, на которую пытались возложить вину за него его истинные виновники. Сожаление Персиани о гибели Каподистрии столь же велико, сколь велико и его негодование по поводу открытого убийства законного президента страны. Достаточно сказать, что с выражения своего возмущения и чувства стыда за «нацию, обагрявшую свои руки кровью главы государства»² он начинает свое сочинение. Вряд ли наш автор смог бы так смело выражать эти настроения, если бы они, хотя бы отчасти, не разделялись его начальством. Иначе и не могло быть: Россия ни в коей мере не была заинтересована в смерти Каподистрии, а его гибель стала одной из важнейших причин удара, нанесенного по «русской партии» в Греции в первой половине 1830-х гг., и ослабления влияния России в этой стране. Разумеется, в этой ситуации трудно заподозрить российскую дипломатию не только в причастности к убийству, но и вообще в каких-либо злых намерениях в отношении греческого президента.

Важнейшую причину всех несчастий Греции Персиани видит в интригах Англии и Франции: «... Именно агенты этих двух держав, чтобы утвердить в Греции их влияние, посеяли смуту среди ее жителей, наточили нож, поразивший графа И. Каподистрию»³. Но это общая оценка, а в частности, Персиани склонен согласиться с теми, кто обвинял в сговоре с убийцами Каподистрии французского посланника барона Руана⁴. Возможно, выводы Персиани имеют под собой те же основания, что и свидетельство состоявшего в то время на службе в Греции русского офицера А. Н. Райка⁵. Также Персиани возлагает на Англию и Францию вину за разжигание гражданской войны в Греции после смерти И. Каподистрии⁶.

Прибытие в Грецию И. Каподистрии и его активная политика знаменовали собой новый этап в развитии греческой государственности. Каподистрия пытался сделать

¹ Автор самой авторитетной по этому вопросу работы признает факт вмешательства держав во внутренние дела греков, но не считает его решающим фактором, определявшим действия оппозиции. См.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828 — 1831. Αθήνα, 1988.

² АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 7.

³ Там же. Л. 22 об.

⁴ См.: Там же. Л. 61 об.—62.

⁵ См.: Райк А. Н. Записка об убийстве Каподистрии, составленная А. Н. Райком // Русский Архив. 1869. С. 882–910.

⁶ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 24 об.

Грецию европейской страной во всех отношениях: политическом, социальном, экономическом, культурном. Трудности, с которыми он столкнулся, показали, что, несмотря на все усилия просветителей в предшествующий период, не только простой народ, но и местные элиты были к этому не готовы. Они продолжали жить в рамках традиционной византийско-османской культурной парадигмы, консервации которой способствовали географические условия, состояние экономики, устойчивость традиционных социальных структур. Разрыв с традицией только начинался.

Ex ungue leonem

«По когтю узнаешь льва», — гласила древняя пословица. И мы решили сделать некоторые выводы о революции 1821 г. по ее в буквальном смысле следам — оттискам печатей той эпохи. Ценность печатей как источника по истории Древнего мира и Средних веков хорошо известна каждому историку. Недаром сфрагистика составляет особую вспомогательную историческую дисциплину. Специалисты же по истории Нового времени уделяют печатям гораздо меньше внимания. Это связано как с наличием более обширного и многопланового корпуса источников по этому периоду, так и со снижающейся в это время информативностью печатей. Греческая революция 1821 г. в этом отношении не подчиняется общему правилу: оставленный ею богатый сфрагистический материал ставит перед исследователем весьма важные вопросы. Нас, в частности, интересовали следующие: во-первых, отражают ли печати процессы государственного строительства греков в 1820-е гг., и если да, то каким образом; во-вторых, что нового дают печати для изучения национального самосознания греков в это время?

В поисках ответов на эти вопросы нами было проанализировано около 100 печатей, большинство из которых мы изучали по факсимильным оттискам, опубликованным в многотомном собрании архивных материалов по истории греческой революции 1821 г.¹ Все исследованные печати можно разделить на несколько групп в зависимости от того, кому они принадлежали:

- монастырские и епископские печати;
- общинные печати;
- печати органов революционной власти;
- печати частных лиц.

Печати последней категории были нам доступны в небольшом количестве, поэтому мы их использовали лишь в качестве иллюстраций.

В османское время, когда Церковь была фактически единственной легальной общественной организацией христианского населения, монастыри представляли собой автономные социальные единицы и располагали собственными печатями. Свои печати имели и епископы, выполнявшие помимо чисто церковных и некоторые гражданские функции. В ходе революции 1821 г. роль Церкви в системе государственного управления стала снижаться. Это подтверждается наличием небольшого количества светских документов, заверенных монастырскими и епископскими печатями в архивах государственных органов того времени. И все же, сам факт наличия таких документов говорит о том, что в некоторых случаях население стремилось заручиться поддержкой Церкви во взаимоотношениях с государственными органами — местная

---

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 1–20. Αθήνα, 1971–2001.

Церковь была им ближе, нежели центральная власть. Например, жители епархии Св. Петра, выражая свой протест против административных преобразований правительства, заручились поддержкой настоятелей двух местных монастырей, а население Монеувасьи, избирая депутатов в Национальное Собрание, обратилось к своему митрополиту с просьбой заверить соответствующий протокол¹.

Среди печатей этой категории нет созданных в годы революции. Церковь сохраняла печати дореволюционного времени, многие монастыри пользовались еще печатями XVIII в. В частности еще в 1823 г. игумен монастыря Св. Иоанна Богослова в Астросе Никодим пользовался печатью 1792 г., а Константин, игумен Спасо-Преображенского монастыря, называемого Луку, заверял свою подпись печатью 1787 г.² Как и прочие печати данной категории, обе указанные печати круглой формы. В центре каждой из них помещалось изображение с христианской символикой. В большинстве случаев это иконографическое изображение святого или события, которому посвящен монастырь. Соответственно, и на печати Иоанно-Богословского монастыря изображен Св. Иоанн Богослов, а на печати Преображенского монастыря — Преображение Господне. На печати митрополита Монеувасийского 1800 г. изображен Христос-пастырь, образец для подражания для каждого епископа³.

По периметру печати, как правило, размещалась надпись с названием монастыря или епархии. Она могла также содержать дату создания печати. Изображения на печатях этого типа прорисовывались весьма детально и выполнялись с большим художественным и каллиграфическим искусством, однако в надписях содержатся орфографические ошибки, и часто в немалом количестве. Например, в надписи печати Спасо-Преображенского монастыря, называемого Луку, ошибки содержатся в четырех словах из девяти: СΦΡΑΓΙΣ ΤΗΣ ΜΟΝΗΣ ΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΧΡΙΣΤΟΥ ΤΗΣ ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΕΩΣ ΕΠΟΝΟΜΑΖΟΜΕΝΗΣ ΛΟΥΚΟΥΣ 1787. Этот факт свидетельствует о невысоком уровне грамотности насельников обителей.

Оттиски монастырских печатей говорят о том, что печати были целые, а не состояли из нескольких частей. Это обстоятельство вполне объяснимо и отражает традиционную структуру управления в Церкви, когда демократические устои сочетались с единоначалием. В монастырях все братия были равны между собой, но беспрекословно подчинялись избранному ими же игумену. Ему принадлежала вся полнота административной власти в обители и внешних сношений (за исключением ктиторских монастырей). Поэтому монастырская печать хранилась у игумена и могла использоваться только им. Следовательно, не было необходимости в разделении ее на части. По схожим основаниям епископские печати также были целыми. Исключение из этого правила составляла печать Константинопольского патриарха, состоявшая из четырех частей. Эта печать имела важнейшее значение для всего христианского населения Османской империи, поскольку только патриарх Константинопольский, наделенный некоторыми полномочиями гражданской власти, представлял христиан перед османской властью. Части печати хранились у митрополитов, чьи епархии занимали первые места в исторически сложившемся перечне. Так что патриарх не мог принимать важные решения единолично: оттиск патриаршей печати свидетельствовал о консенсусе среди высшего эшелона церковной власти. Таким образом, древний принцип

¹ См.: Αυτόθι. Т. 12. Σ. 200; Т. 20. Σ. 19–22.

² См.: Αυτόθι. Т. 12. Σ. 352 (κς').

³ См.: Αυτόθι. Т. 20. Πίη. 16.

соборности в управлении Церковью не был еще утрачен окончательно. Образно говоря, печать выступает здесь как символ в его первоначальном значении¹.

Одну из наиболее многочисленных групп печатей рассматриваемого времени составляют общинные печати. Большое количество таких печатей на документах, адресованных революционным органам власти, свидетельствует о том, что община, бывшая важнейшим органом местного самоуправления в османское время, продолжала сохранять свое значение и во время революции. Среди изученных нами печатей большинство принадлежат островным общинам, где общинное самоуправление было развитым с эпохи крестовых походов. В эпоху революции островитяне продолжали придерживаться этой традиции, сохраняя общинную организацию даже в условиях эмиграции. Так, община выходцев с разоренного в 1822 г. Хиоса обосновалась на Сиросе, а беженцы с острова Касос, подвергшегося той же участи в 1824 г., нашли пристанище на Наксосе. На этом острове члены общины Касоса избрали и своих депутатов в Национальное Собрание, приложив к соответствующему документу общинную печать².

Общинными печатями жители скрепляли свои жалобы и ходатайства, протоколы выборов депутатов Национального Собрания и др. Общинные печати, бывшие в употреблении в годы революции, не единообразны. Многие общины продолжали пользоваться печатями дореволюционного времени, которые существенным образом отличаются от печатей революционной эпохи. Значительная их часть относится к первой четверти XIX в, однако встречаются печати и XVIII в. Например, печать общины о. Кудури (1796) и о. Скопелос (1766)³. Среди дореволюционных печатей отчетливо выделяются два типа: с изображением и без него. К печатям первого типа очень близки печати островов Санторин, Патмос, Порос, датированные 1821 г., и печать общины Праста, датированная 1822 г. Созданные накануне либо в самом начале революции, они продолжали использоваться и в последующие годы. Так, печать общины Санторина мы встречаем в 1823 г.⁴, а Пороса — в 1826 г.⁵

Наибольший интерес представляют печати первого типа. По своему внешнему виду они близки к монастырским. Эти печати круглой формы, в центре их помещается изображение, по периметру расположена надпись с названием общины, часто содержащая и год создания печати, например: ΣΦΡΑΓΙΣ ΤΗΣ ΚΟΙΝΟΤΗΤΟΣ ΑΝΤΙΠΑΡΟΥ 1819 (печать общины Антипароса 1819)⁶. В надписи могли включаться и входившие в общину территории либо важнейшие населенные пункты. Например, на печати о. Касос написано: ΣΦΡΑΓΙΣ ΚΟΙΝΟΥ ΝΗΣΟΥ ΚΑΣΟΥ Κ[ΑΙ] ΤΩΝ ΤΕΣΣΑΡΩΝ ΑΥΤΗΣ ΜΕΡΩΝ. ΑΩΚ... (печать общины острова Касос и четырех его частей. 182...). Наиболее показательна надпись на печати общины о. Санторин: ΣΦΡΑΓΙΣ ΤΗΣ ΚΟΙΝΟΤΗΤΟΣ ΤΩΝ ΡΩΜΑΙΩΝ ΤΗΣ ΝΗΣΟΥ ΣΑΝΤΟΡΙΝΗΣ ΕΜΠΟ: 1821: ΡΙΟΣ ΡΩΜΑΙΟΙ ΠΥΡΓΟΣ ΕΠΑΝΩΜΕΡΙΑ (печать общины ромеев острова Санторин: Эмбориос, Ромеи, Пиргос, Эпаномерья 1821)⁷. В этой надписи представлены названия крупнейших населенных пунктов,

¹ От др.-греч. *συνβάλλω* — соединять.

² См.: Τα Αρχαία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 20. Σ. 51 (πίν. 44).

³ См.: Αυτόθι. Τ. 9. Σ. 448 (ιε').

⁴ См.: Αυτόθι. Τ. 17. Σ. 22.

⁵ См.: Αυτόθι. Τ. 20. Σ. 129 (πίν. 110).

⁶ См.: Αυτόθι. Τ. 9. Σ. 431 (β').

⁷ См.: Αυτόθι. Τ. 11. Σ. 276 (ιδ').

входивших в общину. Важно отметить самоидентификацию местных греков как «общины ромеев» — это единственная печать с такой характеристикой общины. Ромеями, т.е. гражданами Римской империи, как известно, называли себя жители Византии. Как видим, это самоназвание сохранилось у греков до описываемого времени. В османское время оно стало самоназванием христианского населения империи. Но почему жителям Санторина, где не было значительного турецкого населения важно было подчеркнуть свою «ромейскость»? Думается, ответ на этот вопрос следует искать в наличии на острове крупной католической общины. Отношения между двумя конфессиями на Кикладских островах не всегда были гладкими. В частности, католики не поддержали антитурецкие выступления православного населения во время революции 1821 г.¹ Так что именно католикам, а не мусульманам хотели противопоставить себя православные греки. Таким образом, самоидентификацию «ромей» в данном случае следует рассматривать не как этническую, а как конфессиональную. Вопрос же о включении католиков в состав греческой нации в то время не был, да и не мог быть решен — это произошло уже в составе греческого национального государства².

Изображения на печатях этого типа также близки к монастырским. Это изображения Христа (о. Идра)³, Божией Матери (о. Парос)⁴, наиболее почитаемого святого: святителя Николая (Антипарос), Св. Ирины (Санторин). На печати о. Патмос изображен орел с нимбом — символ евангелиста Иоанна Богослова, знаменитый монастырь которого находится на острове⁵.

Не вызывает сомнений, что образцом для общинных печатей послужили церковные, и не только потому, что последние древнее. В османское время христианское население империи идентифицировало себя именно как христианское в противоположность мусульманскому. Как свидетельствуют печати, именно эта, христианская, самоидентификация выдвигалась на первый план перед всеми другими. Местные особенности на печатях присутствовали в виде той же православной символики: это уже отмеченное выше использование в изображениях местных христианских святых. Этническая принадлежность печатей определяется только греческим языком надписей. При этом ни характер изображений, ни содержание надписей не несут в себе никаких характеристик, подчеркивающих их специфически греческий характер.

Интересно отметить, что среди общинных печатей нам нигде не встретилось изображение двуглавого орла — государственного символа Византийской империи. Оно присутствует только на личной печати капитана Н. Стурнариса⁶. По всей видимости, общины считали себя не вправе использовать императорский знак. Со временем представления о двуглавом орле во многих греческих землях оказались начисто утраченными, что подтверждается рассказом русского путешественника В. Орлова-Давыдова, посетившего греческие земли в 1830-е гг. В своих «Путевых записках» он пишет, что,

¹ См.: *Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 7–8.*

² С официальной точки зрения греки-католики — неотъемлемая часть греческой нации, однако в некоторых кругах выражается и иная точка зрения.

³ См.: *Τα Αρχαία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 12. Σ. 352 (κς').*

⁴ См.: *Αυτόθι. Τ. 20. Σ. 128 (πίν. 109).*

⁵ См.: *Αυτόθι. Τ. 11. Σ. 275 (κγ').*

⁶ См.: *Αυτόθι. Τ. 15 ΑΒ'. Σ. 10.*

видя его паспорт с российской гербовой печатью, греки очень удивлялись изображению на ней и спрашивали, «водятся ли в ней (России. — О. П.) двуглавые орлы»¹.

Во внешнем облике печатей этого типа заслуживает внимания еще одна особенность: большинство из них, так же как и печать Константинопольского патриарха, состояли из четырех частей. Печать делилась на части для того, чтобы ее составляющие могли храниться у разных лиц и никто бы не имел возможности присвоить себе право единолично выступать от лица общины. Будучи органом местного самоуправления, община коллективно принимала решения и несла за них ответственность. Об этом говорят и наличие подписей нескольких лиц на документах, писавшихся от имени общины, и составной характер печатей. Если в общину входило несколько населенных пунктов, то части печати могли храниться у представителей каждого (или крупнейших) из них. Например, на каждой четвертинке санторинской печати помещено название одного из четырех крупнейших сел, у представителя которого хранилась эта часть печати. Кроме того, общинные печати сохраняли традиционную круглую форму: круглыми обычно были печати монастырей, патриарха, господарей Дунайских княжеств. Таковы, например, печати упомянутых монастырей, печать валашского господаря Михаила Суцоса, молибдовул Константинопольского патриарха Григория V². Конечно, для владельцев печатей вопрос об их форме не имел в то время принципиального значения: они просто делали так, как было принято, т.е. следовали традиции неосознанно. Как мы увидим далее, стремление порвать с традицией может найти выражение во всем — даже в желании придать печати другую форму.

Все это заставляет усомниться в широко распространенном среди историков убеждении, будто бы с конца XVIII–начала XIX в. среди греков активно шел процесс формирования национального самосознания. Возможно, данное утверждение правомерно для греков диаспоры и узкого слоя интеллигенции, однако для греческого населения Османской империи оно по меньшей мере спорно. Печати первой четверти XIX в. говорят об устойчивости традиционных признаков самоидентификации в это время, а использование этих печатей в годы революции свидетельствует о том, что и тогда население не испытывало потребности в других, следовательно, продолжало идентифицировать себя прежде всего по религиозному, а не национальному признаку, а общинное самоуправление сохраняло свое значение. Это подтверждается тем фактом, что некоторые документы, где достаточно было бы печати местных государственных органов, заверялись также общинными печатями. В связи с этим возникает вопрос: следует ли считать революцию 1821 г. борьбой за создание именно национального государства, или же правы те историки, которые расценивают ее как попытку возрождения христианской империи?

Дореволюционные печати второго типа, т. е. без изображения, представлены в изученных нами архивных собраниях довольно бедно. Хронологически они относятся к тому же временному отрезку, что и печати первого типа. По размеру они меньше печатей первого типа, имеют круглую или близкую к круглой форму, всю их поверхность занимает текст с названием населенного пункта и годом создания печати. Надписи на этих печатях не отличаются высоким художественным мастерством. Сам факт существования этих печатей говорит о том, что помимо больших общин, включавших в себя население, например, целого острова и имевших большие печати

¹ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. СПб., 1839. С. 58.

² См.: Το Εθνικό ιστορικό μουσείο. Οδηγός. Αθήνα, 1990. Σ. 24.

с изображением, внутри них были также малые общины в границах одного села. Им-то и принадлежали печати без изображения. Данный тип печатей менее информативен по сравнению с первым типом и на его основе никаких выводов относительно развития национального самосознания греков в исследуемую эпоху сделать нельзя. Хорошие образцы печатей этого типа — печати сел Науса и Парикия на острове Парос¹.

Особую категорию общинных печатей составляют те из них, которые были созданы в годы революции и запечатлели в себе революционную символику. Как из всякого правила бывают исключения, так произошло и в этом случае. В то время как большинство общин сохранили верность традиции, некоторые из них предпочли с ней порвать и продемонстрировать свою преданность революции. Среди них наиболее показательны печати общин Афин, Фив и острова Самос, одного из наиболее преданных революции островов Архипелага.

Все они круглой формы — пожалуй, лишь в этом они сохранили связь с традицией. Как и дореволюционные общинные печати, они отличаются некоторым разнообразием. Оно проявляется, прежде всего, в изображениях. Характер изображений на них резко контрастирует с изображениями и надписями на дореволюционных печатях.

На печати общины Афин, впервые встречающейся на документах 1823 г.², изображена богиня Афина в характерном для нее шлеме, со щитом и копьем, которым она поражает полумесяц. По периметру расположена надпись: ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΕΛΕΥΘΕΡΙΑΣ ([Печать] свободы афинян). И изображение, и надпись на этой печати говорят о том, что перед нами творение совершенно новой эпохи. На печати нет ни одного христианского символа, зато появилась языческая богиня — покровительница города, о которой не вспоминали со времен закрытия Платоновской академии Юстинианом в 529 г. Чтобы представить масштаб происшедшей перемены, можно попытаться представить себе изображение какого-нибудь Перуна вместо Георгия Победоносца на гербе Москвы. И именно древняя богиня, а не христианские святые поражает копьем полумесяц, т. е. мусульман. Смысл изображения очевиден: не христиане, а возродившие величие древних греки побеждают турок. В этой победе и заключается их освобождение, о котором гласит надпись. Интересно, что если для характеристики самих себя афиняне выбрали символ, отражающий их местную историю, т. е. по сути национальный³, то турок они изобразили с помощью религиозного символа мусульман. Оттиск печати говорит также о том, что она была целой, а не составной — т. е. хранилась у одного лица. В этом заключается еще одно ее важное отличие от традиционных общинных печатей. Тем не менее этот факт сам по себе еще не означает введения единого начала как принципа управления общиной: под заверенной общинной печатью документом 1826 г. стоят подписи четырех димогеронтов (старейшин) города⁴. Но ясно, что система общинного управления начала меняться.

Изображенная на печати города Фивы⁵ голова коровы с крестом между рогов также отсылает нас к местной истории: с этим животным связана легенда об

¹ См.: Τα Αρχαία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Т. 12. Σ. 350 (κδ'); Т. 11. Σ. 276 (ιδ').

² См.: Αυτόθι. Т. 11. Σ. 267.

³ В то время никто не использовал изображения языческих божеств в качестве религиозных символов. О таком их восприятии можно говорить не ранее конца XIX в.

⁴ См.: Τα Αρχαία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Т. 20. Σ. 80 (πίν. 62).

⁵ См.: Αυτόθι. Т. 13. Σ. 441 (ις').

основании города. Любопытно, что в древности символом города был лев. Создатели печати не воспользовались им, по всей видимости, потому что не понимали его происхождения и смысла. Надпись на этой печати аналогична афинской: ΣΦΡΑΓΗΣ ΕΛΕΥΘΕΡΙΑΣ ΘΗΒΩΝ 1822 (Печать свободы Фив 1822). Замысел создателей общинных печатей нового образца заключался в том, чтобы связать изображение на них с местной исторической традицией, но не османского и даже не византийского времени, а античной. Это вполне согласуется с просвещенческим представлением о том, что наибольшего величия греки достигли в древности, а византийская и османская эпохи были для них веками плена. Соответственно, освобождение греков от этого плена должно стать началом возрождения былого величия и отказом от всего, что связано с византийской и османской традицией. Это представление привезли в сражающуюся Грецию интеллектуалы, получившие образование в Европе, а также филэллины. Скорей всего именно они, творцы первых государственных установлений независимых греков, были идейными вдохновителями и создания новых общинных печатей. Однако полностью нейтрализовать христианскую традицию им не удалось: между рогов фиванской коровы все же остался крест.

Особое место среди общинных печатей занимает печать общины о. Самос¹. На ней изображена птица феникс, держащая в клюве крест. Этот символ, о котором подробнее будет сказано ниже, был заимствован с печатей первых государственных органов восставших греков. Отказавшись от прежней печати, радикальное революционное крыло, в чьи руки перешла власть на острове, в 1823 г. создало новую печать с революционной символикой. В отличие от афинской, печати Фив и Самоса составные: прежняя система управления в общине оставалась в силе. Рассмотренные три печати говорят о том, что изменения в самоидентификации греков все же происходили. Однако даже во время революции этот процесс шел довольно медленно, о чем свидетельствует незначительное число общинных печатей нового образца на фоне доминирования традиционных.

Наиболее обширную группу печатей в исследованных нами собраниях составляют печати органов революционной власти, т.е. государственные. Это печати временных органов власти, существовавших до созыва Национального Собрания, печати Национальных Собраний и созданных в соответствии с их решениями центральных и местных государственных органов. За годы революции государственные печати претерпели некоторую, а порой даже значительную эволюцию. В их развитии можно выделить три этапа:

- 1) 1821–1822/23 — печати временных революционных органов власти;
- 2) 1822/23–1829 — печати первых Национальных Собраний и государственных органов, созданных в соответствии с их решениями;
- 3) 1829–1832 — печати, появившиеся в результате реформы государственной символики, проведенной И. Каподистрией.

Первый этап — это время формирования первых революционных органов власти центрального и местного уровня. Поскольку их создание шло в основном спонтанно, то в охваченных восстанием землях появилось сразу три органа, претендовавших на роль центра: Пелопоннесская Герусия, Герусия Западной Греции и Ареопаг. Первоначально они действовали независимо и принятые ими печати также не были

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 12. Σ. 351 (κε').

частью единой концепции. Интересно уже само название этих органов: оно недвусмысленно восходит к античной традиции — спартанской Герусии и афинскому Ареопагу. Однако на выбор названия «Герусия», имеющего в европейских языках латинскую кальку «Сенат», могло повлиять и наличие соответствующих органов власти в тогдашней Европе.

От Пелопоннесской Герусии сохранились две печати — большая и малая¹. Обе они датируются 1821 г. и, как и другие государственные печати этого времени, круглой формы. Характер изображений на них единый, но в деталях имеются некоторые отличия. На большой печати изображена птица феникс, она держит в клюве две скрещенные ветви — лавр и оливу, венками из которых еще в древности украшали чело победителей. Верхнюю часть изображения занимает крест с надписью: ΙC ΧC ΝΙΚΑ (Иисус Христос побеждай). По периметру печати расположена надпись: Η ΠΕΛΟΠΟΝΝΗΣΙΑΚΗ ΓΕΡΟΥΣΙΑ +1821+ (Пелопоннесская Герусия +1821+). На малой печати с надписью по периметру: Η ΓΕΡΟΥΣΙΑ ΤΗΣ ΠΕΛΟΠΟΝΝΗΣΟΥ +1821+ (Герусия Пелопоннесса +1821+) также изображен крест, однако феникс отсутствует. Помещенный на обеих печатях крест взят из православной богослужебной символики.

Таким образом, малая печать, сохранившая и традиционную форму, и доминирование христианской символики в изображении, демонстрирует преемственность по сравнению с общинными печатями османского времени. Господство традиции в большой печати было нарушено привнесением в изображение нового элемента — птицы феникс. В качестве символа возрождающейся Греции это мифическое существо, наделенное способностью восставать из пепла и при этом возвращать себе молодость, избрало тайное общество «Филики Этерия», занимавшееся подготовкой восстания греков. Примечательно, что эта птица, впервые описанная Геродотом, была малопопулярна в классической античности, но чрезвычайно почитаема в Средние века и особенно Новое время среди приверженцев различных эзотерических учений. Использование этеристами этого символа, как, впрочем, и другие характерные черты этого общества — строгая конспирация, посвящение в члены, наличие внутренней иерархии — свидетельствует о том, что верхушка общества, несомненно, находилась под влиянием масонского движения. От «Филики Этерии» после начала революции этот символ перешел в государственную символику повстанцев и был помещен также на первый государственный флаг независимой Греции. Это вполне объяснимо: в Пелопоннесской Герусии и других органах власти было много лиц, завербованных этеристами в ходе подготовки революции. Таким образом большая печать представляет собой синтез традиционной христианской и новой революционной символики. Отметим также, что греки были не первыми революционерами, которые возвели птицу феникс в ранг государственных символов: орел на гербе США ведет свое происхождение от феникса, что особенно заметно на первой Великой печати США 1782 г., заключающей в себе и другие масонские символы.

В отличие от нее, в печати Герусии Западной Греции² христианская символика отсутствует полностью. На ней изображен бегущий бык в венке из двух лавровых ветвей, по периметру расположена надпись: Η ΓΕΡΟΥΣΙΑ ΤΗΣ ΔΥΤΙΚΗΣ Χ. [ΕΡΣΟΥ]

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 9. Σ. 446 (1γ').

² Там же. Σ. 446 (1γ').

ΕΛΛΑΔΟΣ. 1821 (Герусия Западной континентальной Греции. 1821). Здесь мы наблюдаем практически полный разрыв с традицией: преемственность сохраняется лишь в круглой форме печати. Тяготение к античной символике в этом случае может объясняться тем, что, в отличие от Пелопоннесской Герусии, в создании которой важнейшую роль сыграла местная элита, инициатива образования Герусии Западной Греции принадлежала приезжим грекам, главным образом фанариоту А. Маврокордатосу. Политические взгляды этих людей формировались под сильным влиянием идей европейского Просвещения, воспринимавшего греков исключительно сквозь призму античности. Примечательно, что в названии этого органа мы встречаем также название Ελλάς (Греция) в качестве политико-географического термина. Местная греческая элита его не употребляла.

Печати местных органов власти, среди которых в это время также нет еще единого образа, как и печати Пелопоннесской Герусии, демонстрируют приверженность христианской символике. Одной из первых появилась печать эфоров (должностных лиц) епархии Каламаты¹. Она необычной для этого периода овальной формы, однако изображение на ней сочетает революционную символику с христианской: под стоящим на земле крестом написано: Κ[Α]Λ[Α]Μ[Α]ΤΑ 1821. Над крестом полукругом идет текст: ΠΑΤΡΙΣ Κ[ΑΙ] ΔΙΚΑΙΩΜΑ (Родина и право).

Другой пример сочетания революционной и христианской символики дает печать епархии Эгины². Она круглая, с изображением феникса, держащего в клюве крест. Надпись по периметру гласит: ΣΦ[ΡΑ]Γ[Ι]Σ ΕΘΝ[Ι]Κ[Η] Τ[Η]Σ ΕΦΟΡΙΑΣ ΤΗΣ ΝΗΣΟΥ ΑΙΓΙΝΗΣ 1822 (государственная печать эфории острова Эгина 1822). Ясно, что εθνική в данном контексте не может иметь другого смысла, иначе как «государственная». Примечательно, что эта печать состоит из четырех частей: это чрезвычайно редкий случай для государственной печати. Несмотря на то, что в одну епархию могло назначаться по несколько эфоров, печати епархий, как и других государственных органов, в подавляющем большинстве случаев целые. Этот факт отражал постепенное внедрение единоначалия как основополагающего принципа государственного управления, а также построение иерархичной государственной структуры, шедших на смену общинному самоуправлению с коллективной ответственностью. Созданная на одном из первых этапов революции печать эфоров Эгины еще хранит верность общинной традиции.

Наряду с печатями, сочетающими революционную и христианскую символику, существует группа печатей местных органов, где христианская символика была преобладающей. Внешний вид печати епархии Аргоса³, датированной 1822 г., напоминает малую печать Пелопоннесской Герусии. Их форма и изображение практически идентичны, отличается лишь надпись по периметру: ΣΦΡΑΓΙΣ ΤΗΣ ΕΠΑΡΧΙΑΣ ΤΟΥ ΑΡΓΟΥΣ 1822.

Интересна печать критской администрации⁴: в центр круга помещен симметричный крест, обрамленный венком. Надпись по периметру гласит: ΣΦΡΑΓΙΣ ΤΗΣ ΓΕΝΙΚΗΣ ΔΙΟΙΚΗΣΕΩΣ ΚΡΗΤΗΣ. 1821. (печать Генеральной администрации Крита. 1821.). Как видим, эта печать была создана в 1821 г. План временного

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 9. Σ. 447 (ιδ').

² Αυτόθι. Σ. 448 (ιε').

³ См.: Αυτόθι. Τ. 13. Σ. 442 (ιζ').

⁴ См.: Αυτόθι. Τ. 20. Σ. 112 (πίν. 89).

управления островом (1822) предусматривал создание другой печати с изображением Афины¹. Однако это решение так и не было реализовано, и печать с изображением креста находилась в употреблении и в последующие годы. Так, этой печатью были заверены протоколы избрания депутатов в Национальное Собрание в феврале 1826 г. от нескольких критских епархий². Кроме того, использование этой печати на документах отдельных епархий говорит об особенностях системы управления островом в годы революции. Значительный по размерам Крит был поделен на несколько епархий, однако их полномочия и ответственность были уже по сравнению с епархиальными органами в других частях страны. Ряд их функций выполняла Генеральная администрация Крита, представлявшая собой высший орган революционной власти на острове.

Итак, мы видим, что форма, изображение и надписи на печатях как центральных, так и местных органов революционной власти этого периода демонстрируют их преемственность по отношению к дореволюционным печатям (общинным и церковным). В большинстве случаев создатели государственных печатей не отказывались от христианской символики, а, вводя в изображения на печатях новые элементы, пытались совместить их с традиционными. Преобладание христианской символики на государственных печатях этого времени свидетельствует о том, что их создатели видели цель и смысл революции не в воссоздании мифической античной Греции, а в освобождении поработанных христиан и возвращении им государственной независимости. Античные сюжеты на печатях этого времени обязаны своим появлением прибывшим в Грецию интеллектуалам, не разделявшим этих воззрений, а представлявшим себе освобожденных греков в виде воскресших Платонов и Периклов. Эта группа государственных деятелей революционной Греции транслировала из Европы идею нации, используя для этого античные образы.

Отсутствие единообразия среди государственных печатей на данном этапе говорит о том, что государственные структуры в это время не обрели еще законченной формы, различные органы власти пользовались значительной самостоятельностью, единая государственная политика в административной сфере еще не сформировалась.

На втором этапе государственные печати обретают большее единообразие. Оно не было случайным: процесс их унификации — а это был именно процесс, поскольку единообразие не наступило мгновенно — был частью административной политики центральной власти. Начиная с 1822 г., после I Национального Собрания, на греческих государственных печатях место феникса занимает изображение Афины, обрамленной скрещенными ветвями оливы и лавра. На последней часто встречается сидящая фигурка совы. Никаких христианских символов на печатях этого типа уже нет.

Один из первых образцов дает нам печать Временного правительства (весна 1822 г.)³. Она все еще круглой формы и по периметру имеет надпись с названием государственного органа: ΠΡΟΣΩΡΙΝΗ ΔΙΟΙΚΗΣΙΣ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ (Временное правительство Греции). Аналогичными печатями в 1823 г. обзаводятся Законодательный и Исполнительный корпуса⁴. Начиная с 1823–1824 гг. такое изображение мы встречаем на печатях всех министерств, III, IV и IV повторного Национальных Собраний,

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 1. Σ. 270.

² См.: Αυτόθι. Τ. 20. Σ. 112 (πίν. 89), σ. 113 (πίν. 91), σ. 115 (πίν. 94) κλπ.

³ См.: Αυτόθι. Τ. 10. Σ. 574 (β').

⁴ См.: Αυτόθι. Τ. 9. Σ. 432 (γ'), 433 (δ').

на печатях подавляющего большинства епархий и других местных органов — вице-епархий, епархиальных канцелярий, полиции. Даже министерство вероисповедания пользовалось этой печатью, где не осталось и следа христианской символики¹.

С начала 1824 г. эта печать — а к этому времени это уже единая печать, где варьируется только название государственного органа — претерпевает последнее важное изменение: она приобретает овальную форму. Фактически с 1824 г. можно говорить о наличии государственной печати единого образца. Такой печатью пользуются не только вновь создаваемые органы, но и те, которые ранее имели другую печать. Например, епархия Аргоса (см. выше) была вынуждена отказаться от прежней печати, заменив ее новой². С этого времени государственная печать остается практически без изменений вплоть до реформы, проведенной И. Каподистрией.

Итак, на данном этапе в восставшей Греции вводится в употребление единая государственная печать, форма и изображение на которой знаменуют собой полный разрыв с предшествующей традицией. Наличие единой печати не только для центральных, но и для местных органов говорит о наличии единой централизованной и иерархично структурированной государственной организации. Овальная форма печати вряд ли была выбрана случайно: ее создатели всячески пытались подчеркнуть, что они строят новое государство, не имеющее ничего общего с османским прошлым. Ту же самую цель преследовала и смена христианской символики на античную. Ясно, что в это время среди греческой политической элиты берет верх убеждение в том, что новая Греция должна стать наследницей Древней. Многовековая христианская культура, объединявшая греков с другими балканскими народами в Византийской, а затем Османской империях, отвергалась. Ей на смену шла концепция строительства национального государства по европейскому образцу. Отказ от изображения феникса на печати мог диктоваться еще одним соображением: греки стремились заручиться поддержкой европейских правительств. С этой точки зрения демонстрировать свою революционную природу — а феникс все больше воспринимался как символ греческой революции — было в середине 1820-х гг. невыгодно.

В надписях на печатях этого времени обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: это их язык. Имеются различия в начертании сигмы: С либо Σ, в одном месте встречаем даже ΛΑΣΕΔΑΙΜΟΝΟΣ³, где С = К. Встречаются разночтения в названиях не только населенных пунктов, но и государственных органов. Например, «епархия» можно найти в следующих вариантах: ΕΠΑΡΧΙΑ, ΕΠΑΡΧΗΝΑ, ΕΠΑΡΧΕΙΟΝ и даже ΕΠΑΡΧΥΟΝ. «Канцелярия» сокращается как ΚΑΝΤΖΕΛ, либо ΚΑΝΤΣΗΛ. Все эти различия нельзя считать орфографическими ошибками, хотя последние тоже имеются. В данном случае речь идет об отсутствии единого языкового стандарта, который находился еще в стадии формирования. То же самое можно сказать и о национальном самосознании греков.

Третий этап эволюции государственных печатей эпохи революции 1821 г. связан с именем И. Каподистрии. Первый президент независимого греческого государства придавал большое значение государственной символике и предпринял ряд мер по ее упорядочению в соответствии со своими взглядами. Преобразования, затронувшие

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 14. Σ. 356 (ις').

² См.: Αυτόθι. Τ. 18. Σ. 84 (πίν. 106).

³ См.: Αυτόθι. Τ. 13. Σ. 443 (ιη').

государственный герб, печать, национальную валюту, получили законодательную базу в ходе работы IV Национального Собрания в Аргосе в 1829 г. Центральная власть в это время была уже достаточно крепка, чтобы провести намеченную реформу в короткий срок. 29 июля 1829 г. в своем обращении к депутатам Собрания президент Каподистрия подчеркнул, что отказ от изображения феникса в качестве государственного символа был ошибкой революционного правительства¹. К этому времени представление Каподистрии о том, какой должна быть греческая государственная символика, уже полностью сформировалось.

Наиболее полное выражение оно нашло в оформлении национальной валюты, проблемы которой депутаты обсуждали на следующий день. Надо сказать, что вопрос о необходимости создания собственной валюты неоднократно поднимался во время революции. Соответствующие декларации содержались уже в Эпидаврском Органическом статуте, принятом I Национальным Собранием в 1822 г. (ст. 44) и в его новой редакции, принятой II Национальным Собранием в 1823 г. (ст. 42). Однако дальше деклараций дело не шло. На этот раз уже во время обсуждения депутатам были представлены образцы монет, отчеканенных на Эгине. Зал встретил их восторженными возгласами: «Да здравствует Греция! Да здравствует президент!»². 31 июля 1829 г. Национальное Собрание приняло решение о начале чеканки собственной монеты и основании для этой цели монетного двора³. Собранию был представлен проект, где подробно описывались новые денежные единицы, в частности, их достоинство, внешний вид, материал изготовления. Для наглядности мы свели эти данные в таблицу.

Номинал	Достоинство	Металл	Изображение
1 афина	20 фениксов	Золото	Богиня Афина
10 фениксов	10 фениксов	Золото	Богиня Афина
1 эгида	5 фениксов	Серебро	Сова со щитом
1/2 эгиды	1/2 эгиды	Серебро	Сова со щитом
1 феникс	60 лепт	Серебро	Феникс и крест
1/2 феникса	30 лепт	Серебро	Феникс и крест
1 лепта	1 лепта	Медь	Феникс и крест
1 девтерон	1/2 лепты	Медь	Не указано
1 пендарион	1/5 лепты	Медь	Не указано

На лицевой стороне каждой монеты помещалась надпись: ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΠΟΛΙΤΕΙΑ, на оборотной указывался номинал, год выпуска, а также текст: Ο ΚΥΒΕΡΝΗΤΗΣ Ι. Α. ΚΑΠΟΔΙΣΤΡΙΑΣ⁴.

На следующий день, 1 августа 1829 г. Каподистрия вновь выступил с обращением к депутатам. На этот раз речь шла о государственной печати. Президент высказался против использования единой государственной печати. По его мнению, местные органы власти должны иметь свои печати, «сделанные таким образом, чтобы сохранить, насколько это возможно, древние символы, с помощью которых греки отображали

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 4. Σ. 586.

² Αυτόθι. Σ. 126.

³ Αυτόθι. Σ. 179.

⁴ Αυτόθι. Σ. 585–586.

свое национальное и политическое бытие»¹. В этом же обращении он предложил новый вариант оформления государственных печатей, который был принят Собранием на следующий день. В резолюции Национального Собрания от 2 августа 1829 г. всем епархиям предписывалось иметь печать «с ее древними символами», каждое административное звено получало печать с символом министерства, которому подчинялось: последние также более не имели единой печати. Все государственные печати должны были «иметь форму монеты» (т. е. круглую) и надпись: ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ ΚΡΑΤΟΣ².

Суть этих преобразований была точно сформулирована самим президентом: «отобразить свое национальное и политическое бытие». Греки, по мысли Каподистрии, должны были войти в европейское сообщество в качестве полноценной нации. Для этого надо было продемонстрировать свое политическое лицо. Как видим, он старался использовать для этого широкий спектр возможностей: разнообразную античную символику (не только изображение Афины), близкую европейскому классицизму, птицу феникс, которая к этому времени воспринималась как символ революции, а также крест, напоминавший о том, что греки — христиане, как и все европейцы. Таким образом, реформа Каподистрии была своего рода синтезом всего опыта в области создания государственной символики, накопленного в годы революции. Заложенное им направление ее развития продолжало иметь место и после его смерти: IV повторное Национальное Собрание в Пронии в декабре 1831 г. сохранило на своей печати изображение Афины³, зато новая Конституция, принятая V Национальным Собранием в Навплио в марте 1832 г., закрепила изображение феникса в качестве государственного герба (ст. 294)⁴. Следующий этап в развитии государственной печати и всей государственной символики греков наступил в 1833 г. в связи с установлением монархии. Государственной печатью стала королевская печать Оттона с изображением родового герба Виттельсбахов.

Итак, анализ печатей и некоторых других элементов государственной символики греков эпохи революции 1821 г. может быть использован в качестве инструмента для изучения развития греческой государственности в это время. Печати наглядно показывают, как у повстанцев появляются первые органы власти, как из разрозненных они постепенно обретают вид государственной структуры с централизованным аппаратом управления. При этом на местах ему уступает место традиционное общинное самоуправление.

На этом материале можно сделать также некоторые наблюдения относительно развития национального самосознания греков в те годы. Несмотря на продвижение группой интеллектуалов этноцентрического дискурса, на начальном этапе революции идея нации явно не была преобладающей в политическом сознании греческой элиты. Эта ситуация была следствием объективных условий: например, греческий язык для единого национального языка не был в достаточной мере унифицирован. В последующем позиции национальной идеи укреплялись, чему способствовало и усиление политического влияния приезжих греков, импортировавших в страну новые взгляды. К их числу принадлежал и первый президент страны И. Каподистрия. Однако громадный политический опыт удерживал его от безоговорочного отрицания

¹ Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 4. Σ. 615.

² См.: Αυτόθι. Σ. 139.

³ Αυτόθι. Τ. 5. Σ. 311.

⁴ См.: Αυτόθι. Σ. 296.

предшествующей традиции. Делая ставку на строительство в Греции национального государства, единственно возможного в тех условиях, Каподистрия создавал его политический имидж, опираясь на различные источники. Такой подход помогал сохранить историческую и культурную уникальность греков в сообществе европейских наций.

Годы революции 1821 г. — это важный период в развитии греческого национального самосознания, представлений о дальнейших путях развития, во многом предопределивший дальнейшие судьбы греческой нации. Именно в это время обретает форму, а затем воплощается в жизнь идея создания греческого национального государства, ни территориально, ни этнически не совпадающего с границами Византии. Проведенный нами анализ печатей и другой политической символики греков периода революции показал, как постепенно происходил отказ греческой политической элиты восставших областей от византийско-османской традиции и шло создание новой, национальной, ориентированной на европейский опыт.

Об этом же свидетельствует и контент-анализ документов революционной власти. Мы провели специальное исследование частоты употребления понятий, связанных со старой традицией и противостоявших ей, по многотомной продолжающейся публикации архивных документов эпохи революции 1821 г. (в 1971–2001 гг. было издано 20 томов)¹.

Наиболее важные понятия для этих двух традиций — это Γένος и ἔθνος. Первое восходило к византийской эпохе и продолжало употребляться в османское время. Оно указывало скорее на религиозную, нежели этническую принадлежность греков и включало в себя и другие православные этносы империи. Понятие Ρωμαϊκόν Γένος примерно соответствовало османскому Rum millet. Второе — калька европейского понятия «нация». В ходе нашего исследования выяснилось, что второе встречается в документах гораздо чаще (на 675 страницах), чем первое (138 стр.). Причем частота употребления обоих понятий существенно меняется по годам: в первые годы революции (1821–1823) они употреблялись скорее как синонимы, причем на это время приходится подавляющее большинство употреблений Γένος. Начиная с 1824 г. оно быстро исчезло из лексикона и в более поздние годы практически не встречается. С ἔθνος картина прямо противоположная: с 1824–1825 гг. частота его употребления резко возрастает. Во многих случаях оно и образованное от него прилагательное ἐθνικός использовались в значении «государство, государственный». Эти наблюдения отражают укрепление позиций этноцентрического дискурса и подпитываемого им национального самосознания.

В лексиконе революционной власти почти не встречается традиционное самоназвание греков Ρωμαῖοι (Ρωμηοί), несколько чаще появляется χριστιανοί, но абсолютно доминирует Ἕλληνες. Аналогичным образом своих врагов греческие повстанцы избегали называть Οθωμανοί и μουσουλμάνοι, но предпочитали τούρκοι. Они стремились как можно скорее перейти на язык европейцев, хотя новые понятия не обязательно означали новые реалии. Раньше греки, идентифицировавшие себя прежде всего как христиане, объединяли мусульман империи понятием Οθωμανικόν Γένος. Теперь же, выделив себя из ромейского мира и позиционировав как нацию, греческие революционеры не увидели такой нации в турках. Τούρκοι — это те же Οθωμανοί, это не этническая, а религиозная характеристика. Именно так можно объяснить такие названия,

¹ См.: Τα Αρχεία της Ελληνικής Παλιγγενεσίας. Τ. 1–20. Αθήνα, 1971–2001.

как Τουρκαλβάνιται (букв. «турко-албанцы», но на самом деле «албанцы-мусульмане») и Τουρκο-Αράβες («арабы-мусульмане»).

Изменив в некоторой степени понимание самих себя и в меньшей степени понимание османов и их государства, многие участники революции долго не имели четких представлений о том, *за что* именно они сражаются — за Грецию или Византию. Зато они хорошо понимали, *против кого* — турок (мусульман) и их власти в лице султана. Постепенно, уже в годы революции, становились ясными основные принципы устройства будущего государства: к концу революции стало очевидно, что это будет национальное государство. Однако, как мы увидим далее, это обстоятельство не сняло с повестки дня вопрос о возможности восстановления христианской империи на Востоке.

Интересно, что в те же годы те греки, кто не хотел (или не сумел) окончательно испортить отношения с османской властью, не только признавали султана законным государем, но и использовали старую терминологию (Γένος, Ρωμαίοι, Οθωμανικός Βασιλεύς). Документы из подконтрольных греческим повстанцам районов таких примеров дают гораздо меньше.

Создание греческого национального государства дало грекам почву для новых размышлений, поскольку поставило их перед новой реальностью, которая будет оказывать решающее влияние на их взаимоотношения с Османской империей на протяжении последующего столетия. Если прежде основная масса греков проживала в пределах одного государства, то теперь их стало два. Примерно четверть всех греков проживала в Греческом королевстве, образованном в 1830 г. Греческая нация, едва успев осознать себя как таковую, оказалась расколотой на две части, интересы которых не всегда совпадали. Греки Греческого королевства сами себя называли Έλληνες, а европейцы именовали их Greeks. Они были недовольны маленькими границами своего европеизировавшегося государства и искали случая это исправить. Общественная мысль молодого государства интенсивно работала в поисках обоснования для экспансии за счет Османской империи.

С новорожденным!

Итак, в 1830 г. европейские державы дали санкцию на создание в Европе нового государства — Греческого королевства. Что же изменилось для самих греков?

Находившиеся под властью турок Балканы вплоть до начала XIX в. были относительно стабильным в социально-политическом отношении регионом. Несмотря на происходившее в древности и средневековье смешение там различных этнических компонент, население было достаточно гомогенным в культурном отношении и не идентифицировало себя по национальному признаку. Османская государственная практика закрепила сложившуюся уже в византийское время конфессиональную общность балканских народов: в империи оформилась система миллетов — религиозных общин. В ряде случаев (армяне, евреи) они совпадали с этническими границами, однако ромейский (православный) и мусульманский миллеты объединяли всех адептов данной религии, независимо от их этнической принадлежности. Таким образом, православные жители Балкан воспринимали себя прежде всего как христиане в противоположность мусульманам, среди которых были не только турки, т.е. иноверцы, а не инородцы.

Внутри ромейского миллета греки занимали привилегированное положение в политическом и культурном отношении. Возглавлявший миллет Константинопольский патриарх избирался исключительно из греков, в руках греческой верхушки Константинополя — фанариотов — находилась не только патриаршая курия, но и ряд высоких государственных постов, например, великого драгомана — министра иностранных дел по европейским делам, должности господарей в Дунайских княжествах. Греческий язык был не только языком Церкви, но также высокой культуры вообще, а в некоторых областях — и языком межнационального общения. Греческий язык, на котором были созданы лучшие образцы античной и христианской литературы, был одним из главных инструментов сохранения византийской традиции, наследниками которой считали себя греки.

Парадоксальным образом именно греки первыми отступили от этой традиции, создав революционным путем собственное национальное государство. Весной 1821 г. в ряде греческих провинций Османской империи началось национально-освободительное восстание, переросшее в затяжную многолетнюю войну и завершившееся в 1830 г. образованием греческого независимого государства на Балканах. В ходе войны в восставших провинциях проводились революционные преобразования: создавались независимые органы власти, шло перераспределение собственности, формировалась новая правящая элита.

Долгое время греческая историография, следуя традиции, восходящей к эпохе самой революции, рассматривала революцию 1821 г. и ее итоги как освобождение от чужеземного ига. Например, участник революции Д. Эниан полагал, что греки находились под игом, начиная с македонского завоевания и до 1821 г.¹ Но если негативное отношение к византийскому прошлому стало меняться уже в XIX в., то относительно османского периода до последних десятилетий в литературе существовал устойчивый консенсус, хотя слово «иго» постепенно заменялось более мягким «турецкое владычество». Так, автор одного из наиболее популярных обобщающих трудов по греческой истории А. Вакалопулос еще в 1980-е гг. давал эпохе турецкого владычества исключительно негативную оценку². В отечественной исторической науке аналогичную позицию выражают работы Г. А. Арша³. Согласно этой точке зрения, османская власть была абсолютно чуждой грекам, жизнь которых под игом сводилась к борьбе за выживание, а в результате революции они смогли свободно вернуться к собственной национальной традиции. Следовавшие этому подходу историки часто не замечали противоречивших ему фактов, как то: интегрированности фанариотов в османскую правящую элиту, складывания «под игом» слоя богатого греческого купечества и т. п. Кроме того, данный подход не мог удовлетворительно объяснить сам факт появления на карте Европы никогда ранее не существовавшего государства с названием «Греция» и вошедшей в его состав территорией.

В последнее время однозначно негативная оценка османского периода не является общепринятой. В частности, в работах И. Романидиса и Г. Металиноса проводится мысль о том, что в период османского владычества греки в довольно сносных условиях не просто хранили, но и развивали свою традицию, причем османская

¹ См.: Αττιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 11.

² См.: Βακαλόπουλος Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Τ. 1–4. Θεσσαλονίκη, 1961–1974.

³ См.: Арш Г. А. Этеристское движение в России. М., 1970; Арш Г. А. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976.

государственно-политическая культура стала ее неотъемлемой частью. Эти авторы также справедливо указывают на противостояние греко-православного культурного мира и католического Запада и полагают, что оно продолжало иметь место и в османское время¹. Само слово «грек» на Западе было пренебрежительным названием христиан Византии, а затем Османской империи, которые продолжали называть себя ромеями.

Этот подход позволяет по-новому взглянуть на политическое развитие революции и в особенности на его главный вопрос: о том, каким должно быть новое греческое государство. Четких представлений об этом в начале революции у греков не было. Участвовавшие в ней социальные слои и группы придерживались различных взглядов. Эпицентром революции был Пелопоннес, представлявший собой окраинную провинцию Османской империи с элементами местной автономии. При местном паше, назначаемом из столицы, действовал в качестве совещательного органа совет местных нотаблей, в число которых входили влиятельные землевладельцы и церковные иерархи. Поскольку большинство землевладельцев на полуострове составляли греки, именно они и пользовались наибольшим влиянием в совете. Совет имел право представительства перед султаном, чем мог воспользоваться для смещения неугодного ему паши. По свидетельству современников, эти греческие нотабли, известные под названием кодзабасов, прухондов, димогеронтов и др., вели образ жизни, аналогичный турецким землевладельцам, с той разницей, что носили христианское имя и ходили не в мечеть, а в церковь². Помимо богатства и политического влияния на определенной территории, они имели свой мини-двор и мини-гвардию, состоявшую из нанятых на службу греческих разбойников — клефтов. Европейская образованность была им чужда, а государственно-политические представления не выходили за рамки османских реалий. Вступая в тайное общество «Филики Этерия», которое вело подготовку революции, большинство из них представляли себе освобождение как «османские порядки без турок», а носителями власти видели себя.

Именно они, а также вожаки клефтов — капитаны составили ядро греческой политической элиты на начальном этапе революции. Как и кодзабасы, капитаны также были претендентами на власть в новом государстве. В представлениях тех и других этническая и религиозная характеристики оставались не разграниченными. Слово «грек» («эллин») обозначало одновременно и этническую принадлежность, и вероисповедание: в мемуарах участника революции генерала Макрияниса упоминается некий «греческий революционер, серб»³. Отсюда ясно, что в ходе революции эти люди собирались создавать не греческое национальное государство, а возрождать многонациональную православную империю. Этот взгляд на свое будущее разделяла и большая часть населения Пелопоннеса и соседних охваченных революцией территорий.

Лишь небольшая часть греческой элиты представляла себе, что такое государство европейского типа, и была согласна его строить. Ее составляли фанариоты и греки диаспоры, прибывшие в охваченные революцией районы. В соответствии с их представлениями, Греция должна была стать национальным государством. Они были готовы также к снижению социальной роли Церкви, общины и других традиционных институтов.

¹ См., напр.: Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 131–132.

² См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Αθήνα, 1960. Σ. 43.

³ Μακρυγιάννης Ι. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 379.

Это различие во взглядах было обусловлено следованием разным культурным парадигмам, в основе которых лежали различные дискурсы. К числу «западников», т. е. носителей нового этноцентрического дискурса, принадлежала узкая группа лиц, получившая образование в европейских университетах и разделявшая принципы европейского Просвещения, в том числе идею национального суверенитета. Их политические взгляды были следствием представления о неоспоримых преимуществах европейского Запада перед османским Востоком. Вслед за своими европейскими учителями они называли византийскую историю эпохой варварства и мракобесия, отклонением от собственно греческой традиции, продолжателями которой считали «цивилизованных» европейцев. «Западниками» были в значительной степени усвоены и другие пласты европейской культуры, вплоть до бытовой культуры и ментальных установок. Идейное размежевание между «западниками» и «традиционалистами» началось еще в эпоху Просвещения, хотя некоторые авторы относят его к еще более раннему времени¹. До 1821 г. «западники», проживавшие преимущественно в общинах диаспоры, выражали свои идеи в книгах, большинство из которых имело форму учебных пособий, на страницах только начавших тогда издаваться греческих газет и журналов. Часть этих публикаций распространялась среди османских греков. Однако европейские политические идеи, равно как и европейское платье и образ жизни, воспринимались последними настороженно.

Начало вооруженного восстания весной 1821 г. было расценено «западниками» как шанс реализовать на практике усвоенные в Европе политические представления. Многие из этих людей, прибыв на место событий в самый их разгар, тем не менее сумели занять важные места в революционных органах власти. Интеграция «западников» и небольшого числа примыкавших к ним филэллинов из Европы в политическую элиту восставших районов в ходе революции повлекла за собой отход от традиции и на уровне политических практик. В это время создавались новые, неизвестные ранее грекам политические институты и государственные органы, основанные на популярном в Европе принципе разделения властей. Если в первые месяцы революции в качестве верховного органа власти повстанцев функционировала Пелопоннесская Герусия, по способу формирования, компетенции, методам принятия решений напоминавшая органы местного самоуправления османского периода, то на смену ей пришло Национальное Собрание, сформировавшее парламент и правительство европейского типа. В ходе революции греки познакомились с такими институтами, как выборы депутатов Национальных Собраний и конституция.

Однако, не имея достаточного обоснования в греческих политических реалиях, эти институты часто носили формально-декларативный характер. На некоторых этапах революции власть центрального правительства ограничивалась столицей и ее окрестностями, местные органы часто вообще действовали в эмиграции. Выборы в Национальное Собрание даже в 1843 г. проводились без избирательных бюллетеней и поименного голосования: вся процедура сводилась к старинному приему «кто громче крикнет». Политических противников иногда просто не допускали к голосованию. При составлении первой греческой конституции 1822 г. и ее последующих редакций за образец были взяты французские конституции 1793 г. и 1795 г., содержащаяся в них Декларация независимости составлялась на основе соответствующего документа США.

¹ См.: Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 46, 85–86.

Большая часть конституционных положений не могла быть реализована на практике, поскольку для этого требовалось наличие достаточно развитого государственного аппарата, нормативно-правовой базы и соответствующего политического сознания. В результате конституция (при всех ее достоинствах) осталась на бумаге.

Постепенно политическое влияние «западников» росло, достигнув пика в годы правления первого президента страны И. Каподистрии (1828–1831). В это время они фактически стали претендовать на монополию власти. Каподистрия провел чистку органов власти, удалив из них представителей местной элиты. Освободившиеся места замещались греками диаспоры и выходцами из земель, не включенных в состав греческого государства. Убийство Каподистрии в октябре 1831 г. стало наиболее острым проявлением конфликта между старой и новой элитами, различия между которыми были столь сильны, что не позволяли им слиться воедино в такой короткий срок.

Новшества из Европы были в то время чужды большинству населения, не разделявшему и нигилистического отношения к собственной культурной традиции. Вопреки распространенным в тогдашней Европе представлениям, греки вовсе не были образцом невежества и мракобесия. Греческая образованность, понесшая большой урон в ходе османского завоевания и в результате бегства многих книжников на Запад в XIV–начале XVI в., с течением времени стала возрождаться в русле византийско-христианского дискурса при поддержке Церкви и благотворителей. К началу XIX в. у греков функционировала разветвленная сеть школ, в которых учителями были чаще всего священники или монахи. Там преподавались грамматика, риторика, точные науки, основы философии и богословия. Однако учебные программы и пособия не совпадали с использовавшимися в европейских странах. Духовным идеалом, на котором покоилась вся система воспитания, продолжала оставаться святость — на Западе им была мудрость, а важнейшим путем богопознания было Откровение, в то время как на Западе им давно стал разум. Важно отметить, что эти несовпадения были известны греческим педагогам, и следование указанным принципам было не механическим повторением прошлого опыта, а сознательным выбором. Во второй половине XVIII в. греческие книжники выступили против начавших проникать в среду диаспоры идей Просвещения, выдвинув свою альтернативу в области образования, восходящую к византийской традиции. Та же традиция продолжала господствовать в живописи, сохранявшей старинные техники, доминирование религиозных сюжетов и обратную перспективу, музыке, основанной на древней восьмиладовой системе и неизвестных Европе размерах, и т. д.

Социальные отношения и быт греков также заметно отличались от европейских. Греческое общество характеризовалось клановостью, причем в состав клана входили как члены большой семьи патрона, так и семьи его клиентов, не являвшихся прямыми родственниками. Покровительством влиятельных нотаблей пользовались целые деревни. Охрана правопорядка и поддержание стабильности в обществе осуществлялись не централизованным аппаратом принуждения, коим Османская империя в нужной мере не располагала, а путем саморегуляции. Легализованным отрядам клефтов — арматолам поручалось поддержание порядка на оговоренной территории. Основной социальной единицей местного уровня была община, независимо от центральной власти осуществлявшая сбор налогов и решавшая вопросы местного развития. Все эти реалии совершенно не укладывались в модель национального централизованного государства, которая была идеалом «западников».

Решающую роль в определении образа независимого греческого государства сыграли великие державы, посодействовавшие грекам в обретении независимости на определенных условиях. Первое известие о греческом восстании 1821 г. вызвало негативную реакцию европейских дворов: Англия и Франция боялись потерять свое влияние на Востоке и опасались чрезмерного усиления России, многонациональная Австрия с ужасом смотрела на национальные движения в соседнем государстве. В таких условиях и Россия, единственная держава, которой восстание единоверцев в Османской империи было на руку, также присоединилась к европейскому концерту, не желая остаться в дипломатической изоляции. Однако уже в 1822 г. англичане начали пересмотр своей восточной политики и решились на расчленение Османской империи, полагая, что в нескольких небольших государствах им легче будет установить свое влияние. Разумеется, это должны были быть государства, ориентированные на европейскую модель развития, а в политическом и финансовом отношении зависимые от Англии. Ни о каком возрождении православной империи, за которой в Лондоне к тому же видели тень России, не могло быть и речи.

Реализуя эту политику, Англия признала восставших греков воюющей стороной, затем способствовала предоставлению им займа на кабальных условиях, одновременно утверждая свое политическое влияние среди греков с помощью филэллинов и военных специалистов. Эти действия вызвали новую волну соперничества за влияние на греков среди европейских держав, однако вопрос о количестве будущих государств, их границах, форме правления и степени независимости оставался открытым до 1827 г. Причина этого заключалась не только в дипломатической борьбе, но и в том, что к весне 1827 г. туркам удалось почти полностью подавить очаги восстания: под контролем революционного правительства остался небольшой район на Пелопоннесе. Ситуация в пользу греков изменилась в результате Наваринского морского сражения и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Поддержка России позволила грекам создать единое государство и получить в 1830 г. полную государственную независимость. Однако это государство, в соответствии с замыслами англичан, было мононациональным. Более того, на его территории проживала всего лишь четверть всех османских греков, а в политическом и финансовом отношении оно находилось в сильной зависимости от европейских держав.

Таким образом, в ходе революции стало ясно, что строительство независимого государства возможно только по пути, предложенному «западниками». Это означало, что для большинства населения начавшиеся перемены не были естественным процессом. Следование политическим реалиям Европы требовало серьезной перестройки всей общественной жизни, что было возможно лишь при усвоении населением новой системы ценностей и отказе от многих составляющих национальной традиции. Смена представлений об образе собственного государства начала процесс смены культурной парадигмы: унаследованная османами византийская традиция уступала место европейской.

Часть II

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

БАВАРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Первые шаги: регентство и протопартии

Когда в 1820-е гг. Европу захлестнула революционная волна, одним из самых мощных движений стала греческая революция 1821 г., переросшая в многолетнюю национально-освободительную войну, в результате которой, а также благодаря вмешательству Англии, Франции и России, к 1830 г. на карте Европы появилось независимое греческое государство, включавшее в себя Пелопоннес, часть континентальной Греции и Кикладские острова.

Молодое государство получило достаточно тяжелое наследство от эпохи революции. Военные действия и перемещение значительных масс турецкого и греческого населения повлекли за собой нарушение традиционных экономических и административных связей, сельскохозяйственным угодьям и торговым центрам был нанесен значительный материальный ущерб. Разбитые дороги, разрушенные порты, вырубленные виноградники и оливковые рощи, сожженные деревни знаменовали собой катастрофическое состояние экономики, закономерным последствием которого были голод и болезни, а с ними бороться было практически невозможно из-за почти полного отсутствия необходимых средств и врачей. Даже в 1841 г., как свидетельствовала газета «Эон», во всей Лаконии, например, не было ни одного профессионального врача¹.

В условиях слабости центральной власти местное управление осуществляла традиционная социальная верхушка (клир, прокриты) и выдвинувшиеся за время войны командиры военных отрядов. К правящей верхушке принадлежали также купцы, судовладельцы и фанариоты. Основную же массу населения составляли крестьяне, пастухи, ремесленники и торговые служащие. Следует отметить, что революция 1821 г. внесла некоторые изменения в прежние социальные структуры, главное из них — изгнание турок и быстрый рост населения в послевоенные годы за счет иммигрантов. В 1828 г. население Греции составляло 753 400 чел., в 1839 г. — 823 773 чел., в 1845 — 960 тыс. чел.² Созданию дееспособной центральной власти препятствовало такое характерное явление, как клиентела и клановая структура общества.

Первую попытку преодолеть эти трудности предпринял президент И. Каподистрия (1828–1831): его политика была направлена на формирование централизованного государства, поддержание мира в стране, создание благоприятных условий для восстановления сельского хозяйства, укрепление международного положения страны. Однако многие достижения его трехлетнего правления были сведены на «нет» начавшейся после убийства президента гражданской войной.

Другой комплекс проблем был обусловлен внешнеполитическим положением молодого государства. Как справедливо отмечалось уже современниками, «новое христианское королевство было включено в международную систему Запада в критический период для поддержания равновесия сил на Востоке»³. Начавшийся

¹ См.: Αιών. № 234. 12.02.1841.

² См.: Μοσχώφ Κ. Η εθνική και κοινωνική συνείδηση στην Ελλάδα, 1830–1909: η ιδεολογία του μεταπρατικού χώρου. Θεσσαλονίκη, 1972. Σ. 170.

³ Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho. London, 1971. V. 2. P. 108.

упадок Османской империи и расширяющееся проникновение европейских держав на Восток привели к тому, что решение судьбы греков переместилось на Запад.

Борьба за сферы влияния, стремление Англии обеспечить себе путь в Индию, попытка Франции сохранить свои позиции в левантийской торговле и желание России получить выход в Средиземное море обусловили соперничество великих держав в этом регионе и их вмешательство в греческие дела. Благоприятные условия для такого вмешательства создавали хроническая нестабильность греческого государства, его экономические трудности (прежде всего, внешний долг), натянутые отношения с Османской империей и внешнеполитические проявления формирующейся национальной идеологии.

Напряженность в отношениях с Портой была связана не столько с выработавшейся за столетия османского владычества этнической неприязнью, сколько с тем, что на территории вновь созданного государства проживала лишь четверть греческого населения, входившего прежде в состав Османской империи. Кроме того, слабость молодого государства по сравнению с гигантской Османской империей была очевидна. Наконец, взаимоотношения между двумя государствами осложнялись церковным вопросом.

На место покойного Каподистрии Сенат назначил временный триумvirат в составе Августина Каподистрии, Колокотрониса и Колеттиса. Президентская партия надеялась, что в такой ситуации соперничество между Колокотронисом и Колеттисом поможет сохранить господствующие позиции А. Каподистрии. Но на практике все получилось несколько иначе. Колеттис, которого традиционно поддерживали капитаны Центральной Греции, сумел объединиться с морейскими козабасами и судовладельцами Идры. Он создал свой собственный триумvirат, в который вошли также Кундуриотис и Заимис, на сторону Колеттиса перешел также Маврокордатос. Таким образом, профранцузская группировка становилась необычайно сильной, что не могло не беспокоить англичан. Английский дипломат Докинс в этой ситуации приложил все усилия к тому, чтобы расколоть блок Колеттиса и объединить англофилов с кивернетиками.

Но Колеттис не желал так просто отдавать власть. Началась новая гражданская война. Весной 1832 г. отряды капитанов Центральной Греции вторглись на Пелопоннес, вошли в Навплию и заставили А. Каподистрию подать в отставку. После этого между Колеттисом и Сенатом начались переговоры, посредниками в которых выступали дипломатические представители держав. Результатом этих переговоров стало создание правительства национального единства, в которое вошли представители всех политических группировок. В июле того же года это правительство созвало Национальное Собрание в Пронии. Оно упразднило Сенат, объявило амнистию участникам гражданских войн и провозгласило себя Учредительным собранием. Однако выработка новой конституции совсем не устраивала державы-покровительницы, которые к этому времени уже решили вопрос о будущем правителе и форме правления в Греции. Интриги иностранных дипломатов спровоцировали очередной внутривнутриполитический конфликт, в результате которого Национальное Собрание было разогнано капитанами Центральной Греции.

Между тем в феврале 1832 г. был окончательно решен вопрос о будущем правителе страны. Им был избран второй сын баварского короля Людвига Оттон (династия Виттельсбахов), который становился наследственным монархом. Этот выбор был подтвержден соглашением держав с Баварией, подписанным 25 апреля (7 мая) 1832 г. Но поскольку будущий король был еще подростком, то до его совершеннолетия страной предстояло управлять регентству, назначенному баварским королем. Гарантией

стабильности власти нового короля должны были стать 3500 баварских наемников, которые вместе с ним прибыли в страну. Граница Греции устанавливалась по линии Арта–Волос, однако за пограничные области греки должны были выплатить компенсацию Османской империи. Крит и Самос, вопреки первоначальному плану, остались за пределами Греческого королевства. Оттону предоставлялся очередной заем держав в 60 млн франков в качестве «подъемных». Державы брали на себя функции гарантов греческой независимости, обещая не допустить повторного турецкого завоевания.

Однако некоторые статьи этого соглашения, узаконивавшего правление Оттона Грецией, были сформулированы недостаточно четко и подготовили почву для будущих политических конфликтов. В соглашении содержалась туманная фраза о конституционном правлении, которая могла толковаться как в пользу немедленного предоставления стране конституции, так и в пользу постепенной подготовки к введению представительного режима. Другой важной проблемой, которую не решило соглашение, был вопрос о вероисповедании монарха: православный король на греческом престоле в глазах Англии и Франции означал бы ставленника России, с другой стороны, отказ Оттона принять православие нанес бы удар по национальным чувствам греков и способствовал падению его популярности.

Кроме того, соглашение никак не предусматривало утверждения его статей каким-либо греческим представительным органом, а также возможности их пересмотра самим Оттоном. Таким образом державы оставляли за собой право решать судьбу Греции. Путь вмешательства во внутренние дела страны открывали и статьи о займе: державы гарантировали предоставление Греции только первой трети займа, а остальное могло быть выплачено в случае необходимости и по соглашению всех трех держав, которые, следовательно, имели возможность оказывать давление на греческое правительство и короля. Посланники держав должны были также следить за регулярной выплатой процентов по займу из греческой казны. В результате страна только формально становилась независимой. На деле державы-покровительницы оставляли за собой право вмешательства в ее внутренние дела, чем часто пользовались на протяжении последующего столетия.

Национальное Собрание в Пронии приняло это соглашение. Но это не означало окончания гражданской войны. В ноябре кивернетики попытались организовать переворот и сбросить власть Колеттиса. Надо сказать, что эта политическая группировка пользовалась значительной популярностью в народе, который видел в Каподистрии почти что идеального правителя, борца за народные интересы (один из убийц президента был растерзан на месте толпой). Однако ошибка кивернетиков в этот раз состояла в том, что они отказались признавать права Оттона, гарантированные всеми державами. В результате это выступление было подавлено с помощью расквартированных в Греции французских войск. Однако междоусобные столкновения продолжались и в тот момент, когда Оттон уже прибыл в Грецию, и ему пришлось пробыть некоторое время на корабле, прежде чем наступил относительно спокойный момент для его высадки в Навплио.

Наконец, 25 января 1833 г. принц Оттон покинул борт английского корвета «Мадагаскар» и ступил на землю Греции. С этого момента страна вступила в новую эпоху. Биографы Оттона Л. Боуэр и Дж. Болито полагают, что ни один король не всходил на престол при более благоприятных обстоятельствах: греки, изнуренные многолетними войнами и беспорядками, видели в нем чуть ли не Мессию¹.

¹ См.: Bower L., Bolitho G. Otho I: King of Greece. A biography. London, 1939. P. 23. О теплом приеме, оказанном греками Оттону, свидетельствуют и очевидцы событий: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 395.

Трогательную встречу юного короля его новыми подданными описывает очевидец событий И. Персиани¹. С другой стороны, юный король прибыл в страну, где царила разруха как в экономике, так и в политике. Строительство государственной системы нужно было начинать практически с нуля и в очень непростых условиях.

Несмотря на то, что на карте Европы впервые в истории появилось государство с названием «Греция», которое могло претендовать на объединение вокруг себя всех областей, связанных с многовековой историей греческого народа, территория государства, доставшегося Оттону, была невелика. В марте 1833 г. Османская империя передала Греции несколько крепостей в материковой Греции и на острове Эвбея. С этого времени Греческое королевство составили Пелопоннес, Аттика, Беотия, Этолоакарнания, Фокида, Локрида, острова Северные Спорады, Киклады и Эвбея. Северная граница была установлена по линии Арта–Волос. Тем не менее, на языке своих подданных греческий монарх именовался василевсом. Этот титул, который впервые принял император Ираклий в 629 г. после разгрома персов, на протяжении столетий сохранялся за византийскими монархами и долгое время служил символом их могущества. В эпоху упадка Византии этот титул использовался как знак следования традиции, но не обладал уже прежним смыслом. Воскрешение титула «василевс» для Греции XIX в. также можно рассматривать как дань традиции, но для Греции 1830 г. он звучал довольно претенциозно.

Декретом от 5 октября 1832 г. Людвиг Баварский назначил трех регентов: экономиста Йозефа фон Армансперга, профессора права Людвиг фон Маурера и генерал-майора Карла фон Гейдека, а также двух чиновников с совещательными голосами, Карла Грайнера и Карла фон Абея. Последний имел юридическое образование и еще до назначения в регентство прославился своими консервативными взглядами. В регентстве он отвечал за внешнюю политику и внутреннюю администрацию.

Регентство немедленно взялось за строительство греческого государства, исходя при этом больше из европейских принципов и понятий, чем из греческой действительности. Формально регентство правило Грецией в 1833–1835 гг., но фактически оно находилось у власти и после совершеннолетия Оттона до 1837 г., хотя и в изменившемся составе. Энтузиазм, с которым баварцы восприняли свою миссию в Греции, объяснялся во многом их филэллинскими настроениями, к тому же первым филэллином в Баварии был сам король Людвиг. Филэллинизм Людвиг Баварского проявился достаточно ярко: он выкупал греческих рабов из Египта, за свой счет дал образование детям повстанцев, погибших во время революции 1821 г., ему (и другим баварцам) обязаны своим спасением древности Акрополя, он же в конце концов заплатил из своего кармана долги Греции баварскому правительству².

В области административного управления регентство продолжило централизаторскую линию Каподистрии, но в меньшей степени, чем он, подавляло институты местного самоуправления. В стране было введено новое административное деление на 10 номов и 42 епархии, образована новая административная единица — димы (мэрии), при которых создавались муниципальные советы по баварскому образцу. Однако, несмотря на умеренный характер, административная политика регентства подвергалась резкой критике как несоответствующая греческой действительности. «Основанная на принципе централизации, — писал английский историк и филэллин

¹ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 29–30 об.

² См.: Ζαΐντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 224–227, 238, 249–251.

Дж. Финлей, — без влияния и силы установленной и совершенной организации, она находится в прямой оппозиции к привычкам и обычаям народа и становится препятствием установлению местных властей в провинциях, вводя министерские теории там, где они совершенно неоправданны, и интриги политических партий там, где в ином случае они были бы неизвестны»¹.

Значительные усилия регентство приложило к реорганизации системы правосудия, почти полностью развалившейся за время гражданской войны: были введены в действие переведенные с немецкого Гражданский и Уголовный кодексы, организованы суды различной инстанции.

Большой вклад регентство внесло в развитие системы образования: была расширена сеть начальных школ, основаны средние школы, специальная школа по подготовке учителей, планировалось создание университета. Особым указом была реорганизована созданная Каподистрией Национальная библиотека, а также основана Археологическая служба, взявшая на себя задачи исследования и консервации древностей.

Баварцы продолжили политику Каподистрии по борьбе с разбойничеством, уделяли большое внимание улучшению путей сообщения. Эти меры объективно способствовали некоторому хозяйственному подъему, шло увеличение обрабатываемых площадей. Баварцы научили греков варить пиво, ими были основаны первые пивоварни. Часть баварских наемников, прибывших в страну вместе с Оттоном, не вернулась назад. Многие из них женились на гречанках (особенно с католических островов) и натурализовались.

Одну из самых сложных проблем, с которой предстояло разобраться регентству, представляла собой армия. По окончании войны за независимость греческая армия, состоявшая по большей части из иррегулярных полупартизанских военных формирований, осталась без дела и средств к существованию и стала представлять угрозу общественному спокойствию, так как многие военные занялись бандитизмом либо использовались политическими группировками в междоусобной борьбе.

В этих условиях регентство разместило в ключевых крепостях страны немецких наемников, составивших опору режима, и пошло на упразднение иррегулярных формирований. Для ветеранов был создан специальный военный корпус, ими же укомплектовывалась жандармерия. Однако больше половины ветеранов все же осталось «за бортом». Им предлагалось либо вступить в регулярную армию, либо стать гражданскими лицами (за это обещался земельный надел), предварительно пройдя регистрацию. Последнее требование особенно задело самолюбие ветеранов, многие из которых ему не подчинились и, уйдя в горы, занялись разбойничеством, либо ушли за турецкую границу. Другой удар по их самолюбию был нанесен тем, что при реорганизации армии греки были понижены в чинах относительно баварцев². Таким образом, проблему армии регентство решить не смогло, в силу чего военные являлись питательной средой для возникновения всякого рода оппозиционных движений.

Эти меры и другими слоями населения были восприняты как попрание национального чувства греков³. Народ задело также запрещение носить оружие, что он считал своим неотъемлемым правом, т. к. этим оружием была завоевана свобода. Пресекая развитие оппозиционных движений, регентство удаляло влиятельных

¹ Finlay G. The Hellenic Kingdom and the Greek nation. London, 1836. P. 112.

² См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 377–378, 380.

³ См.: Αίών. № 118.06.12.1839.

политиков из столицы в качестве послов или губернаторов провинций. В армии и государственном аппарате ключевые посты занимали баварцы. Из всего этого греки сделали простой вывод: баварцы пришли поработить Грецию как завоеватели. Об этом в своих воспоминаниях позже писал сын Ф. Колокотрониса Генеос¹.

Неприятные чувства греков к баварцам менялись в зависимости от обстоятельств от ненависти к презрению: баварские солдаты, взятые в плен во время восстаний, на подавление которых их посылали, выдавались назад правительству за ничтожный выкуп в один талер².

Еще одним комплексом мероприятий регентства, вызвавшим недовольство широких слоев населения, стала церковная реформа. С самого момента образования новогреческого государства был поставлен вопрос о его отношениях с Православной Церковью, сыгравшей столь важную роль в общественно-политической жизни греков в предшествующую эпоху. Государство сразу же взяло курс на подчинение себе Церкви. Уже И. Каподистрия, создав из верных себе иерархов специальный комитет по церковным вопросам, часто вмешивался во внутрицерковные дела и имел на практике власть большую, чем сама церковная иерархия. Из ведения Церкви был изъят суд (за исключением брачных дел). С другой стороны, Каподистрия пытался привлечь духовенство на свою сторону: ему, например, отводилась весьма важная роль в выборах в Национальное Собрание 1829 г.³ Отношения с Константинопольской патриархией в это время оставались под вопросом, ибо Каподистрия, как опытный дипломат, понимал, что через Церковь во внутренние дела Греции станет вмешиваться турецкое правительство. В целом, он пытался перестроить греческую Церковь по Санкт-Петербургской модели.

Следующим этапом государственной политики относительно Церкви стало баварское церковное законодательство, связанное с именем Маурера. Его политика поддерживалась и некоторыми представителями греческого духовенства. Самым выдающимся из них был Феоклит Фармакидис (1784–1860). Он был родом из Фессалии, учился в различных греческих школах, где испытал влияние А. Кораиса, затем на деньги лорда Уилфорда — в Геттингене, где проникся духом западной теологии, реализовывать принципы которой он стал по возвращении в Грецию. В разное время Фармакидис занимал должности секретаря Синода и преподавателя Афинского университета. На протяжении всего первого десятилетия существования греческого государства он с переменным успехом вел полемику с традиционалистами относительно независимости Элладской Церкви и ее положения в государстве. Церковную политику Каподистрии Фармакидис безжалостно критиковал и даже присоединился к мятежникам на Идре, а законодательство Маурера не только одобрил, но даже сам принял участие в его разработке.

¹ См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 73–74. Колокотронис Генеос (1804–1868) — второй сын Ф. Колокотрониса, настоящее имя — Янис. С самого начала принимал участие в революции 1821 г. и продвинулся благодаря влиянию отца. Прославился на военном поприще, за храбрость и благородство получил прозвище «Генеос» («благородный»). Был другом и сотрудником Каподистрии, а при регентстве не избежал тюрьмы. При Оттоне был назначен королевским адъютантом. Всегда придерживался консервативных начал, а потому не принял участия в революции 1843 г. В 1862 г. одно время занимал пост премьер-министра.

² См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 394.

³ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 80–81.

Весной 1833 г. регентство издало ряд законодательных актов, касающихся церковных дел: было запрещено основание какой-либо новой религии, прозелитизм, духовенство обязывалось приносить присягу на верность государству, лишалось права созывать соборы без санкции правительства и др. Другой важной мерой была монастырская реформа: множество мелких монастырей было закрыто, а их имущество продано с молотка. И, наконец, самым серьезным актом было отделение Элладской Церкви от Константинопольской патриархии и провозглашение ее автокефалии. Это отделение противоречило церковным канонам, так как было осуществлено без санкции патриарха, и спровоцировало многолетний конфликт как между греческим правительством и патриархом, так и внутри самого греческого общества, определенные слои которого выступали за воссоединение с Константинополем и рассматривали автокефалию как удар по позициям православия. Церковный конфликт между Константинополем и Афинами был урегулирован только в 1852 г.: патриарх признал автокефалию Элладской Церкви, что было закреплено изданием соответствующего Томоса.

Таким образом, Церковь ставилась под жесткий государственный контроль, с «привилегией» автономно решать свои внутренние дела. Державы по-разному прореагировали на проведение этой реформы: Англия — одобрительно, Франция — сдержанно холодно, Россия — резко осуждающе. Но в момент проведения этих преобразований Россия не имела своего представителя в Греции: идя навстречу пожеланиям регентства, просившего европейские дворы о смене их дипломатов в этой стране, российское Министерство иностранных дел отозвал из тогдашней греческой столицы Навплио барона Рюкмана. Новый посланник России Гавриил Катакази приехал в Грецию слишком поздно, чтобы успеть завербовать себе сторонников и сорвать принятие этого законодательства.

Оценивая предпосылки и плоды этого законодательства, Ч. Фрэзи справедливо пишет, что церковные структуры, безусловно, нуждались в перестройке и реорганизации, но Маурер превратил Церковь в одно из ведомств авторитарного государства¹. Что же касается греков, то они восприняли церковные мероприятия регентства как покушение на их национальную независимость: Церковь слишком долго была организационной силой нации². Позже, уже в рамках цезарепапистской системы, сложилась точка зрения о том, что в период 1821–1844 гг. церковные каноны в целом соблюдались. Маурер предпринял попытку их ревизии (но не полной отмены) и некоторого ограничения власти Церкви, желая обезопасить молодого короля от возможных посягательств со стороны церковных экстремистов³.

Что же касается системы налогообложения, то в нее регентство не внесло практически никаких новшеств, сохранив фискальную систему, созданную Каподистрией, хотя именно она составляла слабое звено в политике президента⁴. В ней же видел одну из причин неэффективности политики регентов и Дж. Финлей: «Административная неспособность скорее, чем финансовое невежество, должно быть, стало причиной того, что они не заменили турецкий поземельный налог каким-нибудь другим видом дохода,

¹ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 124.

² См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 397. Κολοκοτρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 73–74.

³ См.: Δουβουνιώτης Κ. Ι. Σχέσεις Εκκλησίας και Πολιτείας εν τη ελευθέρα Ελλάδι. Εν Αθήναις, 1916. Σ. 28–29.

⁴ См.: Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988. Σ. 73–76.

менее враждебным национальному прогрессу. Там, где существует плохая финансовая система, реформа трудна и результаты ее сомнительны»¹. Как полагали современники, плохое состояние экономики на момент совершеннолетия Оттона объяснялось тем, что регентство растратило все деньги из полученных займов не по прямому их назначению². В действительности это обвинение не имеет под собой почвы. Баварцы, хотя и действовали подчас неумело, все же руководствовались самыми лучшими побуждениями и филэллинскими чувствами. Именно они с немецкой педантичностью заложили основы финансовой системы страны. Их политика привела к росту государственных доходов. Но в том, что дефицит бюджета ликвидировать так и не удалось, виновато не регентство, а состояние разлухи, в котором находилась Греция после революции.

Справедливости ради следует отметить, что застой в экономике характеризует не только годы правления регентства, но и четыре последующие десятилетия вплоть до 1871 г. Отчасти в этом виноваты и правительства: если в сельском хозяйстве все же наступил некоторый подъем просто в силу прекращения войны, то промышленность, находившаяся в зачаточном состоянии (на уровне ремесла), явно нуждалась в покровительстве государства, которого она не получала. Единственная отрасль, достигшая прогресса в 1830-е гг., — это островное судостроение, стимулировавшее развитие морской торговли. В связи с этим крупнейшими торговыми центрами в тот период были морские порты Патры и Эрмуполис (о. Сирос), остальные же города, за исключением столицы, немногим отличались от деревень.

Другая характерная черта греческой экономики того периода — большая роль банковского капитала, причем наибольшее значение в этой области имели инвестиции греков диаспоры. В целом в первые десятилетия существования греческого независимого государства нехватка капиталов — одна из ключевых причин экономического застоя и медленных темпов индустриализации страны. В это время большая часть торгового и банковского капитала находилась в руках греков диаспоры и греческая торгово-посредническая буржуазия гораздо активнее действовала за пределами Греции, чем внутри страны. Ее представители в Греции могли выступать как агенты иностранного капитала, тем самым способствуя подчинению экономических интересов страны влиянию других держав.

Еще одна насущная проблема, оставшаяся на долгие годы больным местом социально-экономической жизни страны, — аграрный вопрос. После революции 1821 г. за счет конфискованных у турок владений был образован национальный земельный фонд, куда вошло 60 % всех обрабатываемых земель. При этом 80 % крестьян в то время, так же как при турках, оставались безземельными. Создать из них слой мелких собственников в качестве опоры режима подумывал уже Каподистрия, но ему не удалось осуществить эту идею. Регентство также не нашло способа решить эту проблему, и национальные земли продолжали использоваться в качестве гарантии под иностранные кредиты, а безземельные крестьяне всегда готовы были стать разбойниками или присоединиться к вооруженным движениям.

Давая общую оценку мероприятиям регентства, вспомним мудрые слова того же Дж. Финлея о том, что «величайшая трудность для государственных политиков со-

¹ Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho. London, 1971. V. 2. P. 122.

² Κολοκοτρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 74–85; Αιών № 209/210; 17.11.1840.

стоит не в подготовке хороших законов, а в создании аппарата»¹, необходимого для их реализации: баварскому регентству не хватало ни сил, ни средств для осуществления задуманных мероприятий, которые часто не шли дальше постановлений.

Надо сказать, что среди самих регентов часто не было единодушия по поводу принимаемых решений, что объяснялось не только их идейными взглядами и личным соперничеством, но и ориентацией на одну из держав-покровительниц: Англия поддерживала Армансперга², Россия — Гейдека, к нему присоединились Маурер и Абель. В итоге разногласия между державами спроецировались на конфликт внутри регентства, в результате которого Арманспергу удалось добиться отставки двух своих коллег и замены их более послушными (июль 1834 г.). Это дало ему возможность сосредоточить в своих руках всю полноту власти, которой он пользовался до февраля 1837 г. сначала как регент, а по достижении Оттоном совершеннолетия заняв пост канцлера. Победа Армансперга означала усиление английского влияния в стране. Однако долго ему продержаться не удалось. Усилия русской, французской и австрийской дипломатии привели к тому, что пост канцлера был упразднен, а премьер-министром был назначен привезенный Оттоном из путешествия по Германии Игнац Рудхарт. На этот раз стараниями английской дипломатии и рвущейся к власти греческой элиты в декабре того же года Рудхарт был смещен. Пост премьер-министра впервые достался греку — Георгию Гларакису (1789–1855). Сын хиосского священника и учителя церковной музыки, начальное и среднее образование он получил в знаменитой хиосской школе, где впоследствии некоторое время работал учителем. Потом перебрался в Константинополь, оттуда — в Вену, а потом в Геттинген, где на деньги хиосской общины изучал естественные науки, особенно медицину, и философию. В те годы Гларакис был сотрудником газеты греческих просветителей «Ученый Гермес». Политическую карьеру он начал, приехав в Грецию вскоре после начала революции 1821 г.: занимал различные государственные должности и к концу революции достиг вершины карьеры чиновника: президент И. Каподистрия вверил ему министерства иностранных дел и флота, а также назначил государственным секретарем (премьер-министром). При регентстве и в первые годы правления Оттона Гларакис занимал посты губернатора Ахайи, а потом Мессении, в 1837 г. вновь возглавил кабинет министров.

Если характерной чертой первого периода регентства (до смены его состава) было лихорадочное законотворчество, то во второй период было принято только одно серьезное решение: о переносе столицы в Афины, что и было сделано с непонятной поспешностью.

А. Ризос Рангавис³ описывает перенос столицы из Навплио в Афины в 1834 г.: все общество вслед за правительством переехало в Афины, Навплио почти опустел. В связи с этим переездом вся деятельность правительства была полностью дезорганизована. «Самым большим домом в Афинах в то время был располагавшийся напротив нашего

¹ См.: *Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho*. L., 1971. V. 2. P. 122.

² О тесной связи Армансперга, английской миссии и партии конституционалистов свидетельствуют донесения Катакази: *Catacazy*. № 162. 24.12.1836. АВПРи. Ф. 133. Д. 8/1837. Л. 143 об.

³ Ризос Рангавис Александрос (1809–1892) — преподаватель археологии, писатель и поэт, вместе с братьями Суцосами составивший ядро фанариотской литературы в Афинах. Учился в Мюнхенской офицерской школе на стипендию короля Людвига. По приезду в Грецию — государственный служащий. Уволен по закону о гетерохтонах (1844), но с приходом к власти Колеттиса получил место преподавателя университета. Помимо всего прочего, на старости лет написал и весьма субъективные мемуары.

владения дом русского консула Папарригопулоса¹, перестроенный и расширенный из турецкого и находившийся тогда в распоряжении русского посланника, моего родственника по матери, г-на Катакази, бывшего в те годы самым гостеприимным человеком в Афинах»². Этот дом был своего рода символом русского влияния в Греции.

Баварцы, принеся с собой европейские понятия об обществе и государстве, не смогли приспособиться к особенностям греческого менталитета³. Осознавая наличие этих особенностей, Людвиг Баварский в апреле 1835 г. писал своему сыну о том, что греками нужно править в соответствии с их национальным мышлением, а не пытаться их баваризировать. Министерство должно состоять из греков, но необходим также премьер или канцлер из немцев, который будет не правителем, но советником, так как править должен сам король. В том случае, если Оттон располагает достаточным количеством верных солдат из числа греков, то баварскую пехоту Людвиг советовал ему в течение года отослать назад. Что касается вопроса о возможности введения конституции в Греции, то Людвиг полагал, что греки к этому еще не готовы, и напротив, предлагал по возможности ограничить свободу печати, которая «руководит общественным мнением». Желательно также исправить некоторые «перегибы», допущенные регентством при проведении монастырской реформы, — позволить монастырям принимать новые пожертвования и вернуть им конфискованное имущество. «Не дай увлечь себя сторонникам Просвещения, — предостерегал Людвиг Оттона, — ибо народные массы думают иначе». Что же касается административной политики, то здесь Людвиг считал целесообразным обратить внимание на «старинную греческую общинную систему»⁴.

Однако, несмотря на то, что король Людвиг отказывался от точки зрения «баваризации» Греции, на практике не очень получалось совмещение местных традиций с европейскими методами государственного строительства. Как носитель западных методов формирования государственных и административных институтов часто рассматривался сам король, а не только его правительство. Отсюда становится вполне объяснимым тот парадокс, что Оттон, вступив на трон при столь благоприятных обстоятельствах, через десять лет едва не потерял его.

Неудачи мероприятий регентства во многом объяснялись особенностями социальной структуры греческого общества, его идеологических ориентаций и менталитета. Формирование оппозиции регентству началось уже в первый период его правления. Недовольны были самые широкие слои населения. Ветеранов не устраивала реорганизация армии, в результате которой они теряли свое ремесло и источник существования. Еще одну социальную группу, саботировавшую мероприятия регентства, составляли ветераны революции 1821 г. После окончания военных действий они не могли найти применения своим военным талантам, а заняться мирным трудом у них не было ни средств, ни желания: одни из них и до революции были разбойниками, другие в ходе многолетних войн потеряли и семью, и имущество, третьи вообще были

¹ Папарригопулос Иоаннис (1780–1874) — родился на Наксосе, учился в Константинополе, Москве, Италии. Незадолго до революции 1821 г. приехал в Грецию и был принят на должность переводчика при консульстве в Патрах. Активный участник тайного общества «Филики Этерия», подготовившего восстание 1821 г. После освобождения — генеральный консул России в Афинах.

² Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. Β. Αθήνα, 1895. Σ. 8.

³ См.: Miller W. A History of the Greek People. (1821–1921). L., 1922. P. 23–24.

⁴ Цит. по: Ζάιντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 156–158.

уроженцами земель, оставшихся в составе Османской империи. Кроме того, в новое время греки никогда не располагали регулярной армией и были приучены лишь к полупартизанской тактике ведения боя, а также к тому, что вся дисциплина, если таковая имелаась, зависела от личного авторитета и связей капитана отряда. Таким образом, предъявленное ветеранам требование записаться в регулярную армию было воспринято как покушение на их свободу, а одновременное упразднение иррегулярных формирований — как прямое предательство.

Традиционные кланы были недовольны построением государства европейского типа, которое лишало их прежней власти и привилегий. Прежде всего, в период турецкого владычества центральная власть в районах, вошедших впоследствии в состав новогреческого государства, была слаба, а положение дел на местах контролировалось главами могущественных кланов. Так что всякая попытка централизации была покушением на их традиционные привилегии и полномочия, а значит, вызывала их противодействие. Кроме того, клановые структуры создавали благоприятную почву для коррупции, которая и процветала в фискальной системе: злоупотребления при сборе налогов доводили население до отчаяния. Другой источник недовольства традиционных кланов, а, следовательно, и социальной нестабильности в стране, создавал приезд в Грецию образованных греков диаспоры, Константинополя (фанариоты) и Ионических островов. Обладая европейским образованием, а зачастую и опытом государственной деятельности, приезжие естественным образом оттесняли малограмотных глав местных кланов (кодзабасов) от занятия должностей в создаваемом государственном аппарате. Другую категорию государственных служащих составили сами баварцы, к великому неудовольствию местных греков. Особенное раздражение греческой элиты вызвала политика регентства по удалению из страны влиятельных политиков. Они отправлялись в «почетную ссылку» в качестве дипломатических представителей при европейских дворах. Трикуписа назначили послом в Лондон, Михаила Суцоса¹ — в Петербург, Колеттиса — в Париж, Маврокордатоса — в Мюнхен. Народ был недоволен церковной реформой, рассматривая ее как покушение на свою независимость. Наконец, тяжелое экономическое положение страны заставляло население искать виновников злоупотреблений в иностранном правительстве.

Проводя церковную реформу, баварцы недооценили роль Православной Церкви в жизни общества: несмотря на все злоупотребления отдельных ее представителей, Церковь была высшим духовным авторитетом. К тому же административная структура Церкви представлялась незыблемой и рассматривалась как неотъемлемая часть мироздания. Кроме того, в период османского владычества Церковь, как уже говорилось, исполняла не только религиозные функции. Облекая Церковь гражданскими полномочиями, турки невольно способствовали тому, что Церковь постепенно становилась символом нации, а православие — критерием национальной идентичности

---

¹ Суцос Михаил (1778–1864) — представитель влиятельного фанариотского рода. Имел также прозвище Михал-Водас (вероятно, от славянского «воевода»). Благодаря способностям и связям сделал карьеру при султанском дворе, добившись своего назначения господарем Молдавии (1819–1821), где его правление было прервано восстанием А. Ипсиланти. Во время революции 1821 г. всячески содействовал восставшим грекам. При Оттоне — посланник при различных европейских дворах. Вернувшись в Грецию, создал свою политическую группировку внутри «русской партии», подозревался в организации тайного общества. Участник заговора 3 сентября, но после восстания ушел из политической жизни.

греков. Поэтому провозглашение церковной независимости, проведенное иноверными баварцами без санкции патриарха, было воспринято греками как предательство их национальных интересов. Такова же была реакция и на другие мероприятия регентства, ущемляющие интересы Церкви.

Однако было бы неправомерно находить в баварском правлении в Греции одни только отрицательные стороны. В тот период были проведены элементарные меры по ликвидации последствий войны, расширена площадь обрабатываемых земель, вновь насажены виноградники, возобновлена разработка мрамора. Были основаны Археологическое общество и университет, а также проведены существенные работы по исследованию и консервации древностей, начата модернизация и перестройка Афин. Кроме того, король с королевой «подали пример открытия красот Греции» своими бесконечными путешествиями, что, принимая во внимание тогдашнее состояние дорог и условия быта, было делом отнюдь не простым¹. Так что характеристика современниками баварского правления как варварского, мягко говоря, не имела под собой оснований.

Реакцией на политику (а фактически на само существование регентства) стали не только политические интриги в столице, но и выступления на местах. Например, на Сиросе народ выступил против правительственных сборщиков налогов. Крупнейшим выступлением стало восстание в Мани.

Печально знаменитым инцидентом, полностью скомпрометировавшим регентство в глазах греков, стал суд над Колокотронисом. Уже вскоре после первых мероприятий баварцев Колокотронис написал письмо Нессельроде, в котором выражал недовольство их политикой, а также стал инициатором сбора подписей под петицией Николаю I. Эти действия дали регентам повод обвинить Колокотрониса в организации заговора. В сентябре 1833 г. Колокотронис был арестован. Опасаясь вооруженных выступлений, регентство арестовало также и других капитанов — ветеранов революции 1821 г. — Д. Плапутаса, Ф. Гриваса, Дзамиса Каратасоса, Я. Гураса, Кицоса Дзавеласа. Но в конце концов обвинение было выдвинуто только против Колокотрониса и Плапутаса. Им вменялась государственная измена. Весной 1834 г. состоялся суд, на котором большинство судей выступили за смертный приговор. Колокотрониса защищали только председатель суда Анастасиос Полизоидис (несмотря на свою принадлежность к проанглийской группировке) и Георгий Терцетис². Этот приговор вызвал широкое возмущение в народе, поэтому Оттону пришлось вмешаться: смертная казнь была заменена пожизненным заключением, а через несколько лет Колокотронис и Плапутас были полностью амнистированы.

Серьезные расхождения с другими источниками и историографией в отношении т. н. заговора Колокотрониса имеются у российского дипломата Персиани. Прежде всего, большинство историков усматривает в политических событиях 1833 г. наличие двух заговоров. К. Мендельсон-Бартольди даже дал им названия «большого» и «меньшего»³. Эта точка зрения восходит к книге участника событий, члена регентства Маурера «Греческий народ», где речь идет именно о двух заговорах, хотя и тесно связанных

¹ См.: Miller W. A History of the Greek People. (1821–1921). L., 1922. P. 35.

² Именно он впоследствии записал мемуары Колокотрониса.

³ См.: Mendelssohn-Bartholdy K. Geschichte Griechenlands von der Eroberung Konstantinopels durch die Türken im Jahre 1453 bis auf unsere Tage. Band 2. Von der Verwaltung durch Kapodistrias bis zur Grossjährigkeit des Königs Otto. Leipzig, 1874. S. 472.

между собой¹. Опираясь преимущественно на свидетельство Маурера, а также донесения английского посланника Докинса, автор наиболее масштабного труда по истории баварского правления в Греции И. Петропулос представляет дело следующим образом.

В ходе гражданской войны, последовавшей за убийством Каподистрии, «русская партия»² была отстранена от власти. Баварское регентство, считая Россию врагом Греции, также не захотело с ней сотрудничать. В этой ситуации лидеры «русской партии», которая в то время была самой могущественной политической группировкой в стране, начали, как полагает Петропулос вслед за своими источниками, стремиться к свержению регентства. Делали это они двумя путями: ища дипломатической поддержки со стороны России и готовя восстание внутри страны. Желая получить поддержку из Петербурга, лидер «русской партии» Ф. Колокотронис подписал письмо на имя К. В. Нессельроде, где выражалось беспокойство политикой регентства в отношении Церкви. В ответном письме Нессельроде призывал греков сплотиться вокруг трона и держаться своей веры. Это письмо, по мнению Петропулоса, было воспринято сторонниками Колокотрониса как знак действительной поддержки со стороны России. Организация восстания, как полагает Петропулос, велась при помощи издаваемой на деньги того же Колокотрониса газеты «Хронос». В этом состоял «большой» заговор³. Маурер выдвигал в адрес Колокотрониса еще более серьезное обвинение в создании тайного антиправительственного общества⁴.

Вина за организацию «меньшего» заговора была возложена на секретаря и переводчика регентства Иоганна Франца. Им были составлены обращения на имя баварского короля с просьбой отозвать двоих из трех членов регентства, оставив в качестве единственного регента графа Армансперга. Греческий историк А. Вакалопулос вообще не видит связи между этими двумя интригами, считая их просто совпадением⁵. Петропулос полагает, что связь отсутствовала лишь по видимости, а на самом деле и в «меньший» заговор была замешана «русская партия». По его мнению, первоначально «русская партия» занималась «большим» заговором, направленным против регентства целиком, но впоследствии Арманспергу при помощи Дионисия Ромаса, о котором подробнее будет сказано далее, удалось убедить Колокотрониса и его окружение в том, что он не имеет отношения к антирусской политике регентства, возложив всю вину за нее на своих коллег. Тогда, как полагает Петропулос, «русская партия» сосредоточилась на меньшем заговоре, поддержав интригу Франца, поскольку сочла более выгодным пребывание у власти одного лояльного регента, нежели молодого короля, чьи политические симпатии были ей пока неясны⁶.

Однако, даже не привлекая других источников, нетрудно заметить некоторые натяжки в рассуждениях уважаемого историка. Прежде всего, это касается предназначения газеты «Хронос», которой Петропулос отводит роль пропагандиста восстания.

¹ См.: Maurer G. L. Das Griechische Volk in öffentlicher, kirchlicher und privatrechlicher Beziehung vor und nach dem Freiheitskampfe bis zum 31 Juli 1834. 2 Bände. Heidelberg, 1835. (Цит. по: Μάουρερ Γ. Λ. Ο Ελληνικός Λαός. Αθήνα, 1976. Σ. 736–738, 746–749.)

² О политических партиях того времени см. далее.

³ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece 1833–1843. Princeton, 1968. P. 237–238.

⁴ См.: Maurer G. L. Das Griechische Volk in öffentlicher, kirchlicher und privatrechlicher Beziehung vor und nach dem Freiheitskampfe bis zum 31 Juli 1834. 2 Bände. Heidelberg, 1835. (Цит. по: Μάουρερ Γ. Λ. Ο Ελληνικός Λαός. Αθήνα, 1976. Σ. 736.)

⁵ См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 221–222.

⁶ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece 1833–1843. Princeton, 1968. P. 238.

Эта гипотеза весьма сомнительна, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, все издававшиеся тогда газеты имели тиражи, не превышавшие нескольких сотен экземпляров. Во-вторых, число грамотных в тогдашней Греции было и вовсе невелико. Сам спонсор «Хроноса» Колокотронис лишь во взрослом возрасте научился читать, а писать так и не научился. Это в начале XX в., когда Венизелос поставил вопрос о введении всеобщего начального образования, можно было рассчитывать на то, что газета станет коллективным пропагандистом, организатором и агитатором. В Греции же 1830-х гг. представить себе такое довольно сложно.

Далее остановимся на письмах Колокотрониса и Нессельроде. Содержавшиеся в них жалобы и просьба к русскому императору вмешаться предполагали исключительно дипломатические шаги, которые трудно связать с подготовкой восстания. Еще меньше на мысли о восстании наводит ответное послание, направленное Нессельроде Колокотронису от имени Николая I¹. Его тон и содержание вряд ли могут быть интерпретированы как обещание российской поддержки. Скорее наоборот: российское Министерство иностранных дел советовало своим сторонникам в Греции смириться со сложившимся положением. Поскольку никаких других свидетельств подготовки восстания «русской партией» обнаружено не было, то это выдвинутое в ее адрес обвинение оказывается бездоказательным.

Очень сомнительна и причастность сторонников Колокотрониса к заговору Франца. Действительно, в бумагах Франца были обнаружены тексты петиций на имя баварского короля с просьбой об отозвании Маурера и Абея и передаче власти в руки Армансперга. Однако источники умалчивают о наличии под этими документами подписей кого-либо из приверженцев «русской партии». Что же касается рассуждений Петропулоса о причинах перехода «русской партии» к «меньшему» варианту заговора и о самом этом переходе, то они выглядят не более чем гипотезой и не имеют документальных оснований.

Теперь посмотрим, что нового вносят «Рассуждения о Греции» в наши представления об этих двух заговорах. Что касается газеты «Хронос», то в трактовке Персиани ее миссия выглядит более правдоподобно: лидеры «русской партии», не допущенные к участию во власти, не видели иного способа донести свое мнение до правительства, кроме как через печать². Действительно, регентство не обходило эту газету своим вниманием, но делало из ее публикаций совсем не те выводы, которые предполагались издателями: «вместо того, чтобы следовать содержащимся в них (статьях «Хроноса». — О. П.) спасительным советам, оно сочло газету и ее редакторов элементами антинациональной группировки»³. В свете этих данных гипотеза о газете, готовившей восстание, также не получает подтверждения.

Информации о каком-либо заговоре, который якобы готовился «русской партией», у Персиани нет. Более того, он даже не допускает мысли, что такой заговор мог зреть в недрах группировки, ориентированной на Россию, поскольку ее сторонникам были чужды какие бы то ни было либеральные идеи. В изображении Персиани все они выглядят монархистами с безупречной репутацией.

¹ Подробнее об этих письмах см.: *Jelavich B. Russia and Greece during the Regency of King Otho 1832–1835. Russian Documents of the First Years of Greek Independence. Institute for Balkan Studies. No. 55. Thessalonica, 1962. P. 102–105.*

² См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 74–74 об.

³ Там же. Л. 74 об.

Интересные подробности мы узнаем из «Рассуждений о Греции» относительно аферы Франца. Несмотря на свидетельства других источников, в частности Маурера, о том, что подготовка петиций с просьбой об отзыве Маурера и Абеля была делом рук одного Франца, А. Вакалопулос справедливо в этом сомневается. О том, что Армансперг не просто знал, но был прямым инициатором их составления, Персиани сообщает как об общеизвестном факте. Однако, схваченный за руку, Армансперг поспешил откреститься от своего секретаря, возложив всю вину на него. Роль Армансперга в этом деле косвенно подтверждается той заботой, которую он впоследствии проявил в отношении опального Франца.

У Персиани присутствует также иная версия причастности к этому делу «русской партии». Как следует из его изложения, афера Франца на самом деле была заговором, но единственным, так как никакого другого и не было. Причем этот заговор, подлинным инициатором которого был Армансперг, преследовал сразу две цели: во-первых, избавиться от фактически отстранивших Армансперга от дел Маурера, Гейдека и Абеля, а во-вторых, нанести удар по «русской партии», сначала используя ее для решения первой задачи, а впоследствии разоблачив.

Как полагает Персиани, события развивались так. Армансперг, стремясь избавиться от конкурентов, пришел к соглашению с английским посланником Докинсом¹, у которого были свои причины желать перемен в составе регентства. Дело в том, что Маурер, полагая Англию, как, впрочем, и Россию естественным врагом молодого греческого государства, видел в качестве столь же естественных его союзников Австрию и Францию. Мы не будем здесь обсуждать, насколько он был прав, но факт тот, что и во внешней, и отчасти во внутренней политике он стремился ориентироваться именно на две последние державы. Франция имела тогда гораздо более широкие возможности по установлению своего влияния в Греции, австрийский же дипломатический представитель не успел даже прибыть в страну. Выходило, что Маурер, как и примкнувший к нему Абель, стали французскими агентами влияния в Греции. Такая ситуация, конечно, не могла устраивать Докинса, в связи с чем у него возникло желание привести к власти Армансперга, давно известного своими проанглийскими симпатиями. Они договорились о совместных действиях, после чего Докинс стал оказывать всяческую поддержку Арманспергу.

Последний решил инициировать отзыв других членов регентства. С этой целью были составлены петиции к баварскому королю якобы от имени греческого народа. В этих петициях содержались отрицательные отзывы о Маурере и Гейдеке, а также просьба об их отзыве. Армансперг, желая перестраховаться, поручил эту работу своему доверенному лицу, каковым был Франц. Это было тем удобнее, что Франц свободно владел греческим языком, и потому через него было легче вести дела с греками. Чтобы придать упомянутым петициям должный вес, необходимо было собрать под ними как можно больше подписей влиятельных людей по всей стране. Достичь этой цели можно было, лишь привлекая к сотрудничеству «русскую партию», поскольку только она обладала необходимым для этого влиянием². Трудность заключалась в том, что во главе «русской партии» стояли достаточно искушенные в политике люди, испытывавшие к тому же недоверие ко всем членам регентства, а потому их не так легко было использовать в качестве пешек в чужой игре.

¹ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 86.

² См.: Там же. Л. 86 об. – 87.

Заговорщики решили действовать сразу несколькими путями. Один из них состоял в том, чтобы заставить Колокотрониса и его единомышленников поверить в искренность Армансперга и затеваемого им мероприятия, подослав к ним какое-либо лицо, пользующееся их доверием. Таким лицом стал видный политический деятель с Ионических островов граф Дионисий Ромас, известный своим англофильством, но пользовавшийся уважением и сторонников России. Персиани не уверен, прибыл ли Ромас в Грецию случайно или по приглашению Докинса¹. Однако его последующие контакты с Францем и другие поступки не оставляют сомнений в том, в чьих интересах он действовал. Ромас должен был встретиться с Колокотронисом и подтвердить искренность намерений Армансперга, якобы обещавшего привлечь «русскую партию» к управлению страной в случае отставки других регентов. Встреча Колокотрониса и Ромаса действительно состоялась в Триполи, чего не скрывал и сам Колокотронис². Однако после нее со стороны Колокотрониса не последовало никаких действий, и вообще Морейский старец³ с величайшим подозрением отнесся к попытке Ромаса втянуть его в политические интриги⁴. Таким образом, миссия Ромаса, который, возможно, сам попался в сеть, расставленную Докинсом, не принесла ожидаемого результата. Попутно заметим, что эта неудача не помешала британской дипломатии взять на вооружение описанный прием. В частности, преемник Докинса Лайонс⁵ более успешно использовал его для дискредитации все той же «русской партии» в 1839 г. Тогда роль, подобную роли Ромаса, сыграл прибывший опять-таки с Ионических островов Георгий Каподистрия.

Параллельно с Ромасом действовал и Франц. Улучив момент, он также попытался убедить сторонников Колокотрониса в лояльности Армансперга и посвятил их в план составления петиций. Однако они, как свидетельствует Персиани, восприняли его слова с большим недоверием и заявили, что не возьмут на себя никаких обязательств, пока Армансперг не докажет своих слов делом. Иначе говоря, они готовы были его поддержать только в том случае, если он добьется предоставления им нескольких министерских постов⁶.

В итоге «русская партия» не только не приняла участие в инспирированном Арманспергом заговоре, но даже способствовала его разоблачению. Так, ближайший сподвижник Колокотрониса генерал Димитрис Колиопулос поставил о нем в известность члена регентства Гейдека⁷. Этот факт во время суда подтвердил и служивший ему в качестве переводчика сторонник «русской партии» Николаидис⁸. Если бы

¹ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 88 об.

² См.: Там же. Л. 110–110 об.

³ См.: Так греки уважительно называли Колокотрониса — крупнейшего военачальника революции 1821 г.

⁴ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 89.

⁵ Лайонс Эдмунд, лорд Крайстчерч (1790–1858) — английский адмирал и дипломат. Участник Наваринского сражения. Капитан фрегата «Мадагаскар», доставившего короля Оттона на греческую землю. После совершеннолетия Оттона сменил Докинса на посту английского посланника, где проявил себя активнейшим дипломатом, ревностно блюдушим интересы своей страны. С началом Крымской войны вернулся во флот, во главе союзнической эскадры взял Керчь, участвовал в осаде Севастополя. За эту кампанию получил баронство и титул лорда.

⁶ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 87 об.–88.

⁷ См.: Там же. Л. 89.

⁸ См.: Там же. Л. 114 а.

лидеры этой группировки действительно были причастны к заговору, то получилось бы, что они разоблачили сами себя.

Что же касается дальнейшего развития событий — арестов сторонников «русской партии», многомесячного содержания под стражей Колокотрониса и Колиопулоса и последовавшего затем показательного суда, в ходе которого регентство, поправ как юридические, так и моральные нормы, добилось вынесения двум прославленным греческим генералам смертного приговора, — то в изложении этих подробностей, оценке политической ситуации в стране в тот период, а также последствий этого судебного процесса сочинение Персиани в целом укладывается в сложившееся в историографии видение этих событий.

Сразу после суда над Колокотронисом последовало восстание в Мани. Основной причиной восстания стала политика создания единого централизованного государства, начатая еще Каподистрией. Регентство не только лишило маниатов их вольностей, но и начало их разоружение и срытие замков-башен, традиционно служивших укрепленными пунктами и пристанищем разбойникам и повстанцам. Планировалось также распространение на маниатов подушной подати — налога, который они не платили даже туркам. Однако вплоть до суда над Колокотронисом регентству медленно, но верно удавалось следовать заданным курсом помощью кнута и пряника. В Мани был послан отряд баварцев во главе с Максимилианом Федером, который действовал отчасти силой, отчасти подкупом. Но известие о суде над Колокотронисом вызвало возмущение маниатов, которое подогревалось его сторонниками, прибывшими в Мани. В отличие от выступлений на островах, восстание в Мани регентство подавить не смогло. Посланные в Мани войска баварцев потерпели поражение. Конфликт был урегулирован на компромиссной основе. На соглашение с регентством пошли два крупнейших маниатских клана — Мавромихалисов и Дзанетакисов. В качестве посредника выступил также Ф. Гривас¹. В обмен на обещание маниатов сложить оружие регентству пришлось объявить всеобщую амнистию (август 1834 г.) и пойти на серьезные уступки. Маниатам была сохранена автономия, обещана денежная компенсация, на территории Мани было приостановлено действие указа о закрытии монастырей, легализовано существование нерегулярных военных формирований. В свою очередь маниатам пришлось согласиться с частичным срытием башен.

Между тем восстание распространилось на Мессению и Аркадию. Его инициаторами в этих районах стали сторонники не только Колокотрониса, но и Колеттиса. Однако это восстание не успело принять широких масштабов в связи с тем, что как раз в этот момент из состава регентства были выведены два наиболее одиозных его члена — Маурер и Абель.

«Рассуждения о Греции» И. Персиани дают нам возможность получить общее впечатление об активности и целях российской политики в Греции в тот период. Оно складывается из описания действий Российской миссии, их оценки, а также рекомендаций молодому греческому монарху.

Известно, что регентство считало деятельность иностранных дипломатов в Греции вмешательством во внутренние дела страны, а потому, еще до прибытия регентов, Бавария

---

¹ Гривас Феодоракис (1797–1862) — участник революции 1821 г., после которой принимал участие и в междоусобицах, поддерживая то одну, то другую сторону. Отношения с баварцами у него не сложились и он почти постоянно примыкал к числу недовольных ветеранов, готовых в любую минуту поднять мятеж. Участник революции 1862 г., приведшей к низложению Оттона.

предложила державам сменить своих представителей в Греции¹. Однако на это пожелание откликнулась одна лишь Россия, отозвав Рюкмана и прислав на его место Катакази. Гавриил Антонович Катакази (1787–1868) приходился внуком эмигрировавшему после восстания 1770 г. в Россию маниату Константину Катакази и был дальним родственником семьи Ипсианты. В 1815 г. Гавриил Катакази принял российское подданство². Поступив затем на службу по ведомству иностранных дел, он был зачислен в штат российского посольства в Константинополе. В 1821 г., используя свой дипломатический статус, Катакази помог многим местным грекам избежать репрессий. В 1827 г. он уже был дипломатическим представителем адмирала Гейдена, возглавлявшего русский флот в Наваринской битве, а в 1834 г. сменил барона Рюкмана на посту посланника в Греции.

По свидетельству Персиани, российские посланники в Греции, в отличие от представителей других держав, ни в коей мере не оказывали давления на регентство, ограничиваясь «ролью простого наблюдателя»³. Они предпринимали активные усилия лишь в самом крайнем случае, каковым стало, например, убийство российского подданного Прасиноса⁴. Характерно, что даже эти действия Катакази по защите подданных России, а также требование принести извинения за оскорбления в адрес Российской миссии, прозвучавшие во время суда по этому делу⁵, регентство сочло «неприличными»⁶. Однако, не предпринимая открытых выступлений против регентства, российский посланник, по свидетельству Персиани, вел активную общественную жизнь, поддерживая контакты не только со сторонниками России, но и представителями других политических группировок⁷. Мы видим, что действия Российской миссии в Греции носили скорее оборонительный характер и были нацелены на сохранение уже имеющихся позиций, а не приобретение новых. Даже во время суда над Колокотронисом, нанесшего «русской партии» непоправимый ущерб и надолго лишившего ее прежнего политического влияния, российская дипломатия не решилась на открытые шаги в поддержку своих сторонников.

Наше заключение подтверждается и теми рекомендациями молодому греческому королю, которые сформулированы в сочинении Персиани. В них также нашли отражение цели и направление российской политики в Греции. Персиани полагал, что после того, как король Оттон возьмет бразды правления в свои руки, ему надо будет принять следующие меры:

- избавиться от прежнего окружения, дискредитировавшего себя интригами;
- составить «министерство национального единства» и осуществить идею слияния партий;
- пересмотреть итоги процесса Колокотрониса;
- построить свою внешнюю политику на равном уважении ко всем трем великим державам;

¹ См.: Maurer G. L. Das Griechische Volk in öffentlicher, kirchlicher und privatrechlicher Beziehung vor und nach dem Freiheitskampfe bis zum 31 Juli 1834. 2 Bände. Heidelberg, 1835. (Цит. по: Μάουρερ Γ. Λ. Ο Ελληνικός Λαός. Αθήνα, 1976. Σ. 438–439.

² См.: АВПРи. Ф. 161. IV–7. Оп. 126. Д. 2–1815. Л. 2–4, 10–10об.

³ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 78 об.

⁴ См.: Там же. Л. 79.

⁵ См.: Там же. Л. 81 об.–82 об.

⁶ См.: Maurer G. L. Das Griechische Volk in öffentlicher, kirchlicher und privatrechlicher Beziehung vor und nach dem Freiheitskampfe bis zum 31 Juli 1834. 2 Bände. Heidelberg, 1835. (Цит. по: Μάουρερ Γ. Λ. Ο Ελληνικός Λαός. Αθήνα, 1976. Σ. 436.

⁷ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 78–78 об.

- урегулировать отношения с патриаршим престолом и принять православие;
- исправить последствия бездумно проведенной регентством военной реформы;
- заселить страну греческими колонистами из Османской империи;
- принять ряд мер, стимулирующих развитие сельского хозяйства и торговли¹.

Как видно из этого перечня, Россия не стремилась к вытеснению из Греции Англии и Франции, но желала мирно там с ними уживаться. Однако отказываться от своих интересов она тоже не собиралась: слияние партий, смена окружения короля и реабилитация Колокотрониса должны были поправить пошатнувшееся положение России в Греции, а принятие Оттоном православия — упрочить его. Интересны замечания Персиани о судьбе греков, оставшихся в Османской империи: он предлагал переселить их в Грецию, но не присоединять к греческому государству новых территорий. Эта точка зрения вполне соответствует воззрениям, господствовавшим тогда в российском Министерстве иностранных дел и разделявшимся самим императором. В то время российское правительство еще полагало сохранение Османской империи более выгодным для России, чем ее разрушение. Кроме того, Николай I, по свидетельству современников, «решительно отвергал идею создания Греческой империи»². Тем не менее, реализация практически всех предлагаемых Персиани мер, даже если они были на руку России, объективно пошла бы на пользу самой Греции, способствуя стабилизации обстановки в обществе и экономическому развитию страны. На этом этапе, так же как во время революции 1821 г. и правления И. Каподистрии, позиция России в греческих делах совпадала с интересами греков.

Своеобразным явлением политической жизни Греции в период правления Оттона были политические «партии». Говоря о «партиях», мы вкладываем в это слово несколько иной смысл, поскольку, как справедливо заметил еще современник событий П. Каллигас, партии в тогдашней Греции являлись выражением не политической независимости (как, например, в Англии), а политической зависимости страны от трех великих держав³. Это были еще не политические партии в строгом смысле слова, но скорее группировки вокруг лидеров, поэтому вполне разумно было бы назвать их протопартиями. Тем не менее, они имели и определенные идеологические ориентации, что, по мнению И. Петропулоса, отличает партию от клана⁴.

Ко времени прибытия в Грецию Оттона мы находим там три политические группировки, носящие название «русской», «английской» и «французской» партий. Следует сразу отметить, что источников, непосредственно отражающих деятельность этих политических группировок, сохранилось не так уж много. Отсутствие их объясняется двумя причинами: во-первых, отношения между членами различных группировок носили, в основном, личный характер. В силу этого никаких официальных документов об их деятельности не составлялось. Судить об их существовании и деятельности мы можем на основании прессы, служебной и частной переписки, которые все же не в состоянии достаточно объективно отразить положение вещей. Но и эти документы дошли до наших дней не полностью, так как в силу различных обстоятельств были уничтожены или утеряны.

В первую очередь это относится к архивным материалам. Греческие архивы оттоновской эпохи, к сожалению, сохранились фрагментарно. В утрате их чаще всего были

¹ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 148–152 об.

² Цит. по: Выходков А. В. Николай I. М., 2006. С. 374.

³ См.: [Καλλιγὰς Π.] Η εξάντλησις των κομμάτων, ήτοι τα ηθικά γεγονότα της κοινωνίας μας. Αθήνα, 1842. Σ. 2.

⁴ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 111–118.

виноваты сами греки: не располагая достаточной площадью для размещения своих архивов, различные ведомства просто сбывали старую документацию продавцам вторсырья, у которых ее покупали владельцы магазинов и использовали в качестве оберточной бумаги. Многие ценнейшие местные архивы погибли также из-за небрежного хранения их в подвальных помещениях, где сырость и мыши быстро превращали их в кучу гнилого мусора¹. Тем не менее, благодаря самоотверженному труду греческого историка и писателя И. Влахойаниса (1867–1945) часть из них была спасена и вошла в состав коллекции главных государственных архивов Греции.

Для того чтобы уяснить природу и структуру этих партий, а также их место в жизни общества, необходимо рассмотреть историю их образования и способствовавшие ему обстоятельства. Политическая система новогреческого государства уходит своими корнями в эпоху османского господства, когда ведущую роль в жизни общества играла семья как социальная и экономическая ячейка. Земельные владения семьи, как правило, не делились, а обрабатывались сообща, то же самое относится к торговым и судовладельческим предприятиям. Благополучные семьи, разрастаясь, образовывали кланы, включавшие в себя по несколько десятков человек, связанных между собой родственными узами и материальным интересом. Приобретая, благодаря богатству, влияние и доступ к общественным должностям, главы таких кланов получали возможность брать под свое покровительство более бедных соотечественников. Таким образом складывались отношения патроната и клиенты. В итоге, к концу османского периода вокруг крупнейших земле- и судовладельцев, а также руководителей разбойничьих отрядов (Кундуриотисы, Мавромихалисы, Колокотронисы) сложились группировки, состоявшие из родственников и клиентов, которые И. Петропулос называет «кланами» (φατρία). Они-то и стали прообразом будущих партий (κόμμα).

Дабы продемонстрировать верность этих наблюдений, приведем некоторые примеры. Член «русской» группировки Н. Стамателопулос приходился племянником одному из ее руководителей Ф. Колокотронису. Младший брат Андреаса Лондоса Анастасиос полностью разделял англофильскую ориентацию старшего брата. Оба они одновременно приходились двоюродными братьями другому лидеру «английской партии» А. Заимису. На переход в ряды «русской партии» К. Зографоса в значительной степени повлиял его брак с дочерью одного из активистов этой группировки М. Суцоса. А тот факт, что Н. Стамателопулос стал крестным отцом одного из детей русского посланника Г. Катакази, современниками был расценен как доказательство их тесной политической связи.

Внутри кланов действовали свои особые законы: в случае смерти главы клана его власть и положение, так же как и имущество, переходили по наследству к старшему сыну или брату: после удаления с политической арены Ф. Колокотрониса его место в «русской партии» занял его сын Генеос, после гибели во время революции 1821 г. одного из вождей сулиотов Марко Боцариса командование над его отрядами перешло к его брату Костасу.

Кроме того, кланы обычно подчиняли своему влиянию население довольно обширных территорий, которое поддерживало своих патронов в случае междоусобных противоречий вплоть до вооруженных конфликтов. Та же логика действовала во время выборов: основным достоинством избираемого были не его политические

¹ О состоянии греческих архивов в XIX в. см.: Λυκούρη-Λαζάρου Ε. Τα αρχεία στο νεοελληνικό κράτος έως την ίδρυση των Γενικών Αρχείων (1821–1914). Αθήνα, 1991.

взгляды, а социальное положение, поэтому в Месолонги голосовали за Трикуписа, в Патрах — за Каламогартиса¹, в Востице — за Лондосов. Эти особенности клановой структуры и психологии были перенесены греками и в «партии». Живучесть этих традиций поразительна: они прекрасно сохранились до наших дней. Примерами могут служить семейства Караманлисов и особенно Папандреу.

Любопытную «философию» этих «партий» мы находим в сочинении неизвестного автора «Греция. Политическое положение. Август 1837. Внутренняя политика». «Каподистрианская партия, — пишет автор, — представляя собой азиатское направление общих идей и выражая синтетическую силу нации, сумела сохранить свою целостность и единство взглядов своих членов.... Напротив, конституционная партия, являющаяся греческим выражением европейских идей и косвенным инструментом аналитической силы, по своей природе склонна к изоляции и разделению», что и выразилось в расколе ее сначала на английскую и французскую, а потом и на более мелкие фракции².

Небезынтересно выделить также некоторые особенности социальной психологии тогдашних греков, благоприятствовавшие формированию «партий». Дж. Пердикарис, бывший в 1840-х гг. американским консулом в Афинах, очень метко подметил некоторые черты тогдашнего греческого общества: господство местных интересов в сознании греков и их групповые предрассудки³. Как полагал английский историк В. Миллер, другой важной особенностью психологии новых греков была выработавшаяся за двенадцать лет войн и столетия турецкого ига склонность к интригам, заложенная еще в Византии⁴.

Верную в целом концепцию генезиса «партий» излагает в своих мемуарах Н. Драгумис⁵: «Три группировки сформировались... при Президенте, а не во время революции, когда все державы были настроены враждебно или равнодушно по отношению к нашей борьбе, а нация единогласно представляла два принципа: независимость и конституционное государство, что же касается отношения к английским и французским действиям 1824–1825 гг., то в этом не только все были единодушны, но даже инициатива принадлежала будущим вождям трех группировок, в особенности русской... Но когда опасность миновала и была признана наша независимость, и новое государство связали с иностранцами регулярные отношения, тогда западные державы, опасаясь, как бы Россия не приобрела через Президента влияние, идущее во вред европейскому равновесию, решительно вмешались и подали повод к образованию трех группировок, проводящих в Греции влияние той из держав, именем которой они были названы»⁶.

¹ Каламогартис Андреас — глава могущественного клана в Патрах, землевладелец и ростовщик. Благодаря своему состоянию принимал участие в политической жизни страны, придерживаясь галлофильской ориентации.

² См.: Ελλάς. Πολιτική κατάστασις αὐτῆς. Αὐγούστος 1837. Εσωτερικά. Αθήνα, 1837. Σ. 17, 19.

³ См.: *Perdicaris G. A. The Greece of the Greeks*. N. Y., 1845. V. 1. P. 79.

⁴ См.: *Miller W. A History of the Greek People*. (1821–1921). L., 1922. P. 23.

⁵ Драгумис Николаос (1809–1879) — родился в Константинополе, еще ребенком стал жертвой турецких репрессий в связи с революцией 1821 г., которая и помешала ему получить нормальное образование. Тем не менее, уже в 18 лет он — секретарь Национального Собрания в Гермиони. Со времен Каподистрии занимал различные должности в государственном аппарате. В 1839 г. уволен за либеральные взгляды и вновь вернулся на службу уже после восстания 3 сентября. До этого писал статьи в «Эон» в защиту конституции. Придерживался англофильских взглядов.

⁶ *Δραγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις*. Αθήνα, 1973. Τ. 1. Σ. 222, 224.

Напротив, греческий историк Н. Влахос относит формирование «партий» к 1825–1826 гг. и отмечает два фактора, сыгравших существенную роль в их генезисе. Во-первых, это полная растерянность, в которую пришли восставшие греки с лета 1825 г., когда на помощь султану в подавлении восстания пришел Мохаммед Али Египетский. Во-вторых, это различная и в некоторой степени противоречивая политика трех держав на Ближнем Востоке и вытекающее из нее неравное благорасположение и покровительство восставшим грекам¹. Как мы видели из предыдущей главы, эта точка зрения имеет под собой веские основания. П. Каролидис полагал, что конституирование «англо-французской партии» на начальном этапе обусловлено крушением надежд на Россию в конце войны за независимость и антирусской ориентацией на Европу вообще². И. Петропулос относит окончательное образование «партий» к концу 1820-х–началу 1830-х.³ Как видим, мнения историков насчет времени формирования протопартий несколько расходятся. Объясняется это, главным образом, недостаточным количеством источников по данному вопросу: связи между сторонниками той или иной «партии» носили, прежде всего, характер личных отношений.

Н. Влахос писал об изначальном существовании «английской» и «французской» «партий», а не о единой конституционной «партии»⁴. Однако есть основания полагать, что поклонники Англии и Франции, называвшие себя конституционалистами, вначале имели незначительные расхождения во взглядах. Вычленение английской и французской ориентаций П. Каролидис связывал с активностью филэллинов, официальным вмешательством держав и деятельностью их дипломатов⁵. Нам кажется наиболее обоснованной точка зрения И. Петропулоса, который, учитывая все указанные обстоятельства, все же полагает, что окончательная поляризация позиций «партий» приходится на 1832 г. и является следствием гражданской войны, вызванной убийством И. Каподистрии и исключительной по своей жестокости, даже по сравнению с гражданскими войнами эпохи революции⁶. Таким образом, процесс образования трех политических группировок, ориентированных на державы-покровительницы, начался еще во время революции 1821 г., а окончательная их кристаллизация завершилась с образованием независимого новогреческого государства.

Что касается названий «английской» и «французской» протопартий, то здесь все достаточно просто. В источниках они чаще всего фигурируют под этими названиями. В отношении обеих «партий» вместе взятых (особенно на раннем этапе), либо только «английской партии», употребляется также термин «конституционалисты», указывающий на стремление приверженцев данной группировки добиться введения в стране представительного режима. «Французская партия», по мере отождествления себя с «Великой

¹ См.: Βλάχος Ν. Η γένεσις του αγγλικού, του γαλλικού και του ρωσικού κόμματος εν Ελλάδι // Αρχαίον οικονομικών και κοινωνικών επιστημών. 1939. Τ. 19. Τεύχ. 1. Σ. 25–39.

² См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Σ. 378–380.

³ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 111–118.

⁴ См.: Βλάχος Ν. Η γένεσις του αγγλικού, του γαλλικού και του ρωσικού κόμματος εν Ελλάδι // Αρχαίον οικονομικών και κοινωνικών επιστημών. 1939. Τ. 19. Τεύχ. 1. Σ. 35.

⁵ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 378–380.

⁶ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 135.

идеей», стала называть себя «национальной». «Национальной», например, называют «французскую партию» французские историки и публицисты, вероятно, под влиянием последующего развития «Великой идеи» Колеттисом и его сторонниками¹. Следует, однако, подчеркнуть, что, несмотря на заявления об их «национальном» характере, все три «партии» имели четко выраженную ориентацию на иностранные державы.

Сложнее обстоит дело с «русской партией»: здесь мы встречаем несколько названий, которые, в зависимости от обстоятельств, могут характеризовать как всю «партию» в целом, так и различные ее составляющие. Рассмотрим названия «русская партия», «напистская партия» («написты»), «кивернетики» и «филортодоксы».

Название «русская партия» выражает, прежде всего, ориентацию на Россию как на державу-покровительницу. В 1861 г. сын старого филэллина Ф. Ленорман в связи с кончиной одного из лидеров указанной группировки А. Метаксаса написал его краткую биографию, своего рода некролог. Он отмечал, что в целом тех, кто ориентировался на Россию, привлекали общность религии и лояльность русского императора во время подготовки восстания 1821 г. Что же касается конкретно А. Метаксаса, то на его русофильские настроения повлиял и опыт русского протектората на Ионических островах в 1799–1806 гг., который укрепил его во мнении, что только Россия может дать грекам свободное и независимое правительство, что, впрочем, не означало превращения Греции в русскую провинцию². Как писала позже газета «русской партии» «Эон», России удалось завоевать симпатии широких слоев греков за счет того, что в период османского владычества она всячески поддерживала греческую Церковь, покровительствовала греческому флоту и торговле³. Об этом же сообщает и Н. Драгумис. Более того, он писал, что «это мнение, подкреплявшееся благим правлением выдвинутого Россией Президента, поддерживал весь народ, в силу чего эта группировка, справедливо названная “кивернетиками”, стала многочисленнее других»⁴. Как указывал французский обозреватель Дювержье, «русская партия» «имела многочисленные и глубокие корни в Греции»⁵.

Согласно Драгумису, «кивернетиков» характеризуют две особенности: ориентация на Россию и поддержка режима Каподистрии. В действительности, на первом этапе своего правления И. Каподистрия попытался поставить себя над партиями как некий символ национального единства, привлекая к сотрудничеству влиятельных политиков всех ориентаций. Однако по мере формирования оппозиции режиму ему волей-неволей пришлось собрать вокруг себя группировку, состоявшую, в основном, из выдвинутых им же государственных чиновников, которые лично Каподистрии были обязаны своим материальным благополучием и социальным положением. Они-то и составили ядро «партии кивернетиков». После раскрытия филортодоксального заговора кн. Михаил Суцос в письме к графу Нессельроде, пытаясь оправдать своих единомышленников, которых обвинили в организации заговора, писал, что «слово *kyvernétique*, не имеющее иного значения, кроме как “человек правительства”, было искажено “партиями”, а точнее их руководителями. Они хотели создать впечатление, будто, поскольку покой-

¹ См., напр.: *Driault Ed., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. 2. Paris, 1926. P. 227; Duvergier de Hauranne P. De la situation actuelle de la Grèce et de son avenir // Le Revue des deux mondes. T. 8. 15 Oct. 1844. P. 206.*

² См.: *Lenormant F. Le comte André Metaxa et le parti Napiste en Grèce. Paris, 1861. P. 16.*

³ См.: *Αιών* № 17.20.11.1838; № 299.08.10.1841.

⁴ *Δραγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις Αθήνα, 1973. Τ. 1. Σ. 224.*

⁵ *Δυβεργιέρος. Τα κατά την Ελλάδα επί των παρελθόντων τριών μηνών. Χ. τ., χ. χ. Σ. 6.*

ный Иоанн Каподистрия носил титул “кивернитис”, то “партия” кивернетиков была “партией” Каподистрии»¹. В этом объяснении есть доля истины: «кивернетики» действительно являлись правительственной «партией», но поскольку правительством в то время руководил президент, то были и «партией Каподистрии».

В те же дни, комментируя дошедшие до русского Министерства иностранных дел сведения о существовании в Греции «партии кивернетиков», поддерживаемой Русской миссией и занимающей ключевые государственные должности, Г. Катакази писал о том, что политические «партии» появились в Греции во время революции, когда встала задача создания постоянного правительства, т. е. в 1823–1826 г. Маврокордатос и Колеттис выдвигали тогда идею английского или французского протектората². В это время в Греции не было ни официальных представителей, ни секретных агентов России. Большинство военных и политиков тогда выступали за национальное правительство, а не за иностранный протекторат, они и составили «партию кивернетиков», которая получила это название после Тризинского Национального Собрания, на котором был избран президент Каподистрия³.

В связи с оппозицией некоторых социальных слоев церковной реформе регентства появился термин «филортодоксы», получивший более широкое распространение в связи с делом «Филортодоксального общества». А. Ризос Рангавис характеризует как филортодоксов тех, чьи политические симпатии склонялись в пользу России, а религиозные взгляды не допускали миссионерской деятельности в Греции других конфессий⁴. Выразителем филортодоксальных взглядов было, в первую очередь, духовенство (хотя встречались и исключения, как уже упоминавшийся Ф. Фармакидис). Вполне естественно, что, ища поддержки за рубежом, оно обращало взгляды, в первую очередь, к единой России.

Происхождение названия «напистская партия» весьма туманно. Две версии его этимологии приводятся у Каролидиса, обе они носят мифологический характер и ничего не говорят о социальном составе партии. Согласно одной из них, название «написты» связано с именем некоего приверженца России по имени Напас (который нигде в источниках почему-то не упоминается). Вторая версия, якобы выдвинутая самими напистами, возводит название к упоминаемому Плинием племени напеев, происходящему, согласно Диодору, от скифского царя Напаса, а скифов, как известно, часто считали предками русских⁵. Согласно еще одной версии, высказываемой в историографии, «напистская» партия означает «мужицкая»⁶. Название «написты» в источниках чаще всего фигурирует как синоним «русской партии», но встречаются и исключения.

В одном из своих отчетов Т. Пискатори⁷, побывавший в 1841 г. в Греции с особой миссией французского правительства отмечал, что «напистская партия» и «русская партия»

¹ Souza à Nesselrode. 11/23. 04.1840. АВПРи. Главный архив. Ф. 161/1. Д. 54. Л. 9об. – 10.

² См. предыдущую главу.

³ См.: Catacazy à Nesselrode. № 306. 10/22. 04. 1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 99–100.

⁴ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 25.

⁵ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 382 παραπομπή.

⁶ См. напр.: Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София, 1980. С. 68.

⁷ Пискатори Теобальд-Эмиль-Арчибальд (1799–1869) — французский политик и дипломат корсиканского происхождения. Во время революции 1821 г. — филэллин. Будучи членом парламента, в 1841 г. снова прибыл в Грецию в качестве специального представителя Гизо и сразу же включился в местные политические игры. В 1843 г. сменил Лагрене на посту посланника в Афинах.

это не одно и то же: «русская партия» включает в себя довольно широкий круг лиц, симпатизирующих России, а «напистская партия» является ее боевым ядром, хорошо организованным и имеющим свою внутреннюю структуру. Последняя черта произвела большое впечатление на Пискатори, поскольку не была свойственна другим политическим группировкам, и он даже назвал напистов «православными масонами» *sui generis*¹.

Английский посланник Э. Лайонс трактовал содержание понятий «русская партия» и «написты» совершенно иначе. Начиная свое донесение по делу о «филортодоксальном заговоре», он сообщал об аресте Г. Каподистрии и Никитаса² вместе с «другими приверженцами “русской партии” в Греции». «Я говорю о “русской партии”, — писал он далее, — поскольку они сами себя так называют, ибо они поддерживают теснейшие контакты с Русской миссией, и поскольку было бы несправедливо приписывать всей Напистской партии участие в заговоре, к которому имеют отношение лишь те ее представители, которые являются приверженцами России»³. Таким образом Лайонс, в отличие от Пискатори, понимал «русскую партию» как часть «напистской партии», а не наоборот. Очевидно, что в данном случае, говоря о «напистах», Лайонс имел в виду «кивернетиков», т. е. сторонников режима Каподистрии из среды выдвинутых последним бюрократов. При этом английский посланник, видимо, считал, что ориентация на Россию могла и не совпадать с принадлежностью к каподистрианскому чиновничеству.

Помимо вопроса о связях «русской партии» с Россией, слова Лайонса ставят перед нами и проблему ее социального состава. Из всего изложенного выше следует, что «русская партия» в широком смысле (т. е. при объединении всех рассмотренных названий, которые так или иначе пересекаются) включала в себя сформированный Каподистрией слой чиновничества и значительную часть духовенства. Кроме того, ориентации на Россию остался верен один из крупнейших военных кланов во главе в Ф. Колокотронисом, поддержавший в свое время Каподистрию в надежде, подавив оппозицию других кланов, подчинить своему контролю значительные территории Пелопоннеса. Следует также отметить, что «русская партия» поддерживалась широкими слоями сельского населения, в памяти которого мирное правление Каподистрии после двенадцати лет непрерывных войн осталось поистине как «золотой век». Однако в период правления Оттона настроения низших слоев играли минимальную роль в раскладке сил на политической арене страны.

Несмотря на последнее обстоятельство, Г. Аспреас справедливо полагал, что по силе политического влияния в начале 1830-х гг. на первом месте была «русская партия». За нею следовала «английская», а самой слабой была «французская»⁴. Несколько особняком стояли приверженцы Макрияниса, которые также стремились подчеркнуть

¹ См.: Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 par l'homme d'Etat et diplomate Français Piscatory. Textes et Documents // L'Hellénisme Contemporaine. 2 série. V. IX. Athènes, 1955. P. 415.

² Стамателопулос Никитас (1781–1849) — один из виднейших военачальников революции 1821 г., племянник Ф. Колокотрониса. Родился в деревне Турколека, поэтому подписывался «Турколекас», но во время революции был «переименован» в «Туркофага». При Оттоне был известен своими русофильскими взглядами. После дела «Филортодоксального общества» был осужден на полтора года тюремного заключения на Эгине. Отбыв наказание, жил на маленькую пенсию, т. к. вышел из тюрьмы практически слепым.

³ Lyons to Palmerston. № 6.08.01.1840. FO 32/96.

⁴ См.: Ασπρέας Γ. Πολιτική ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. 1821–1921. Τ. 1. 1821–1865. Αθήνα, 1922. Σ. 168.

свой национальный характер, уверяя, что не имеют связей ни с какой иностранной державой, и ругая другие партии за их фракционную деятельность. «Мы сыты по горло, — писал Макриянис, — конституционной свободой англичан и французов и русским православием с Филортодоксальным обществом этих наших русских единоверцев»¹. Слабость «английской» и «французской» группировок объяснялась, прежде всего, узостью их социальной базы: приверженцами этих «партий» являлись соперничавшие между собой группировки традиционной верхушки (прокриты, земле- и судовладельцы), интересам которых был нанесен значительный удар централизаторской политикой Каподистрии, а также греки, получившие образование в странах Западной Европы (в первую очередь фанариоты), где они прониклись конституционными идеями.

Если на последнем этапе войны за независимость иностранная дипломатия активно вмешивалась в греческие дела, то в период, когда был убит Каподистрия, интерес великих держав к Греции в некоторой степени ослабел: Россия была занята польским восстанием, Англия и Франция — революцией в Нидерландах, к тому же Луи Филиппу необходимо было укрепить и свой собственный трон. Любопытные откровения по этому поводу читаем в статье французского публициста П. Дювержье: «В течение десяти лет, последовавших за июльской революцией, Франция была слишком поглощена своими собственными делами, чтобы думать о чужих. Между тем Греция, находясь в руках баварцев, не оказывала и не могла оказывать никакого влияния на европейскую политику. Франции, которая почти совсем не занималась новой монархией, не оставалось ничего другого, как оплачивать свои ошибки, последовательно вотируя три серии займа»². Также и Гизо сетует на то, что, пока Франция была занята своими делами, в Греции активизировались «русская» и «английская» «партии» (т. е. русское и английское влияние)³. Тем не менее, влияние иностранных держав на внутреннюю политику в Греции было столь велико, что Дж. Пердикарис расценивал его даже как подавление независимости этой страны, а «партии» рассматривал как инструменты этого влияния⁴.

После смерти Каподистрии «русская партия», по мнению Ф. Ленормана, совершила крупную ошибку: необходимо было отказаться от диктаторского правления, тогда как русофилы, напротив, стремились сохранить нетронутой административную систему президента⁵. Это предопределило их последующее поражение.

Баварское регентство заняло отличную от Каподистрии позицию по отношению к «партиям», пытаясь подавить политическую активность в стране. И. Петропулос отмечает следующие направления антипартийной программы регентства: отказ от официального признания «партий», ограниченный допуск всех трех «партий» к управлению, проведение жесткой силовой политики в отношении оппозиции с любой стороны, сохранение нейтралитета по отношению ко всем иностранным державам⁶. Конкретными проявлениями этой политики было назначение влиятельных провинциальных

¹ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 420–421, 442, 449–450.

² Duvergier de Hauranne P. De la situation actuelle de la Grèce et de son avenir. // Le Revue des deux mondes. T. 8. 15 Oct. 1844. P. 195.

³ См.: Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. P. 259–260.

⁴ См.: Perdicaris G. A. The Greece of the Greeks. N. Y., 1845. V. 1. P. 16, 69–70 etc.

⁵ См.: Lenormant F. Le comte André Metaxa et le parti Napiste en Grèce. Paris, 1861. P. 24.

⁶ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 193.

партийных деятелей администраторами в другие места, а также удаление из страны наиболее видных партийных деятелей, которые были отправлены в почетную ссылку посланниками к европейским дворам: Сп. Трикупис в Лондон, А. Маврокордатос в Мюнхен, а затем в Вену и Лондон, И. Колеттис в Париж, А. Метаксас в Каир, а затем в Мадрид.

Однако, несмотря на все старания, регентство не сумело сохранить баланс политических сил в стране, свидетельство чему — судебный процесс над Колокотронисом и его сторонниками. «Колокотронис был кошмаром для баварцев»¹, — отмечал Н. Драгумис, имея в виду его силу и влияние. Так как в момент прибытия регентства Колокотронис был одной из самых видных фигур оппозиции, то регентство воспользовалось его разрывом с навплийским правительством, чтобы осудить его по обвинению в государственной измене. И хотя, достигнув совершеннолетия в 1835 г., король Оттон смягчил приговор Колокотронису и Плапутасу, этим процессом «русской партии» был нанесен тяжелый удар: «Сторонники этой группировки надолго лишились всякого доступа к государственным должностям». В 1834–1843 гг. «русская партия», по мнению Н. Драгумиса, находилась в полнейшем упадке, ее принципы осмеливалась выражать лишь газета «Эон»². Вновь «русская группировка» появилась на политической арене 3 сентября 1843 г., которое она подготовила через А. Метаксаса³, бывшего преемником Колокотрониса⁴. Однако, как мы увидим в дальнейшем, возрождение «русской партии» началось значительно раньше.

Что же касается оппозиции режиму, то она, как полагал Каролидис, вдохновлялась английским посланником, питавшим личную неприязнь к королю, и нашла внешнее выражение в выступлениях против засилья иностранцев и за конституцию. Но возбуждены этим были только Афины, а в остальных районах царило спокойствие, только кое-где пошаливали разбойники и волновали народ столичные деятели⁵. Однако такая точка зрения представляется необоснованно оптимистичной.

Недовольство неудачной политикой регентства нашло свое выражение в различных формах социального протеста, хотя поначалу греки были психологически готовы поддержать мероприятия регентства, поскольку надеялись, что прибытие Оттона положит конец политическим интригам и проблемам, созданным результатами революции. Разочарование наступило очень быстро: как уже говорилось, в 1834 г. в Мани и Мессении вспыхнуло широкомасштабное восстание. По мнению Ч. Фрэзи, за ним стояли лишенные власти пелопоннесские козабасы, а также недовольное монашество

¹ Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 1. Σ. 218.

² См.: Там же. Σ. 225.

³ Метаксас Андреас (1790–1860) — представитель аристократической семьи с о. Кефалонья, ведущей свое происхождение еще из Византии. Участник революции 1821 г. Вместе с Колокотронисом поддержал избрание президентом И. Каподистрии, в правление которого занимал важные государственные посты. Со стороны регентства подвергся гонениям как приверженец «русской партии». Впоследствии амнистирован и назначен в качестве почетной ссылки посланником в Мадрид. В 1839 г. отозван, получил членство в Гос. Совете. В 1841 г. член кратковременного министерства А. Маврокордатоса. Один из активных участников заговора, приведшего к восстанию 3 сентября 1843 г., в результате которого возглавил временное правительство. Потерпев политическое поражение на Национальном Собрании, подал в отставку. Впоследствии — министр экономики в правительстве Колеттиса (1844–1845), посланник в Константинополе (1850–1854).

⁴ См.: Στο ίδιο. Σ. 225.

⁵ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 288.

и епископат¹. Есть также мнение, что к организации восстания были причастны и некоторые партийные деятели².

Другой формой социального протеста было разбойничество. Случаи бандитизма, которые с 1828 г. создавали проблемы правительству Каподистрии, начиная с 1834 г. приняли иной характер и отныне часто совмещались с проявлениями ирредентизма³. Разбойники были одновременно опорой и силой, которую могли мобилизовать оппозиционные политические партии, чтобы нанести ущерб престижу правительства, показывая его неспособность поддержать порядок и обеспечить эффективную защиту граждан⁴. Разбойничество уже современниками рассматривалось как проявление борьбы «партий»: так, после прихода к власти Рудхарта стали поговаривать о том, что разбойников Пелопоннеса поддерживают сторонники отстраненного от власти Армансперга, стремясь вызвать у населения недовольство правительством⁵. В это же время, как отмечала А. Меру, набирала силу и новая волна деятельности тайных обществ⁶.

Основой для оживления политической активности и «легализации» «партий» послужила политика Армансперга во время его регентства (июль 1834–май 1835 г.), а затем канцлерства (до февраля 1837 г.). Он учел ошибки первого регентства и в корне изменил тактику по отношению к «партиям»: оставив за границей партийных лидеров, он принялся «ухаживать» за второстепенными фигурами всех трех «партий», рассчитывая таким образом расколоть партийные структуры. Точно так же Армансперг пытался склонить на свою сторону военный элемент в целом, перерезая таким образом партийные связи и откалывая военный сегмент каждой «партии» от ее политических лидеров. С этой целью была создана так называемая королевская фаланга (род гвардии), куда были зачислены заслуженные офицеры.

Отказавшись от политики разрушения партийной системы, Армансперг стремился отвести удары «партий» от себя и направить их друг на друга, чем, собственно, и объясняется оживление их деятельности. Пытаясь стабилизировать политическую ситуацию в стране, Армансперг предпочитал также не принимать крутых мер по отношению к оппозиции, оставляя возможность договориться. Кое-какие новшества были введены им в сфере государственного управления, главное из которых — создание Государственного совета, высшего судебного и совещательного органа. В области внешней политики он отказался от позиции нейтралитета и избрал ориентацию на Англию как сильнейшую из держав.

Отзыв Маурера и Абея означал, таким образом, не просто победу Армансперга, но, косвенно, и английской политики. С этого времени «английская партия» при поддержке Англии начала особенно активную пропаганду конституционных идей⁷.

¹ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 132.

² См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 220.

³ См.: Merou A. Les Sociétés Secrètes à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984. P. 117.

⁴ См.: Там же. P. 119.

⁵ См.: Calogeraky à Catacazy. № 341. 10.08.1837. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 372. А. 117.

⁶ См.: Merou A. Les Sociétés Secrètes à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984. P. 114.

⁷ См.: Ρίζος Ραγκάβης Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 42. Catacazy № 181. 12.06.1837. АВПРи. Ф. 133. Д. 8/1837. Л. 264об.

В качестве противодействия английскому влиянию газета «французской партии» «Сотир» начала развивать теорию «слияния» как основу для сближения «русской» и «французской» оппозиции¹. Редактором этой газеты был малоазиатский грек Николаос Скуфос. Он приехал в Грецию в 1826 г., при Каподистрии занимал пост губернатора Эгины. После отъезда Колеттиса в Париж издаваемая Скуфосом газета постепенно перешла на проправительственные позиции. Как полагал анонимный автор 1837 г., основой для развития теории слияния послужил тот факт, что сторонники «русской партии» постепенно начали осознавать пагубность абсолютистского режима, т.е. склоняться к идее конституционного правления². На фоне сближения «русской» и «французской» оппозиции особенно примечателен тот факт, что именно в это время, получив сведения о сближении и сотрудничестве английского и французского посланников по вопросу о введении конституции в Греции и о возрастающем английском влиянии, русский МИД предписал Катакази завязать как можно более тесный контакт с французским посланником, чтобы разбить этот блок³.

Активизация деятельности «партий» неминуемо влекла за собой и критику правительства, цели которой наметились уже в период первого регентства: борьба против засилья баварцев в армии и государственном аппарате, а также введение конституционного режима. В январе 1837 г. была опубликована статья А. Полизоидиса «Страдания и надежды греков», обличавшая баварократию и канцлера и подвергавшая критике самые основы режима. Уже в этой статье В. Зайдль видел предвестие событий 1843 г.⁴

Позиции правительства были поколеблены также проведением в жизнь задуманного Арманспергом земельного закона: сама по себе идея была неплоха: предполагалось создать в стране слой мелких земельных собственников как опору режима. Однако правительство не располагало достаточными средствами для контроля над реализацией этого закона, и коррупция привела к тому, что землю получили не все, кому полагалось, а, значит, правительство обрело столько же врагов, сколько и друзей.

В целом, несмотря на некоторые ошибки, политика Армансперга была вполне реалистичной, так ее оценивали и наиболее образованные и дальновидные современники: «Канцлер проявил трудолюбие и развернул активную деятельность, особенно в отсутствие короля, пытаясь своими либеральными действиями направить нацию к конституционному режиму, поклонником которого был и он, но, видя недоброжелательное к себе отношение государя, трижды подавал прошения об отставке, которая, наконец, была принята в Пирее 2 февраля 1837 г., т. е. в день прибытия царственной четы из Триеста»⁵. Отставке Армансперга были особенно рады правительства Франции и России, обеспокоенные ростом английского влияния в Греции⁶.

На пришедшее к власти новое правительство во главе с Игнацем фон Рудхартом возлагались большие надежды: полагали, что оно сумеет улучшить систему управления и навести порядок в экономике⁷. Однако, несмотря на то, что Рудхарт занимал вы-

¹ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 30, 43.

² См.: Ελλάς. Πολιτική κατάσταση αυτής. Αύγουστος 1837. Εσωτερικά. Αθήνα, 1837. Σ. 29–31.

³ См.: Проекты инструкций Катакази. № 640. 02.05.1837; № 847. 25.06.1837. АВПРи. Ф. 133. Д. 8/1837. Л. 457–460, 508.

⁴ См.: Ζάϊντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 184.

⁵ Δραγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Τ. 2. Αθήνα, 1973. Σ. 23–24.

⁶ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 259.

⁷ См.: Catacazy. № 178. 05.05.1837. АВПРи. Ф. 133. Д. 8/1837. Л. 256об.

ские посты в Баварии, довольно скоро обнаружилась его неопытность и неспособность решить проблемы греческой действительности. Несмотря на все его желание как-то стабилизировать ситуацию в стране, ему удалось провести в жизнь только два значительных мероприятия: упразднение ведомства канцлера, ставшего символом авторитарной власти Армансперга, и открытие Афинского университета.

Однако в памяти греков остались не дела Рудхарта, а его благие намерения и филэллинские чувства: если чучело Армансперга, ассоциировавшегося с иностранным правлением, в Патрах сожгли как Иуду, то о Рудхарте Макриянис пишет, что «пока был у власти этот человек, кругом царили справедливость и чистосердечие, он потратил также много из своих собственных средств» на нужды государства. Причина его падения заключалась в интригах Лайонса, а также самих греков, не оценивших его по достоинству. Покинув Грецию, Рудхарт по дороге домой подхватил воспаление легких и, как пишет Макриянис, «умер от горя»¹.

В отношении «партий» «вольно или невольно Рудхарт решил придерживаться тактики, в сущности не отличавшейся от тактики Каподистрии»², т. е. пытался поставить себя над «партиями». Вскоре после своего прибытия он начал действовать, возбуждая соперничество между «французской» и «английской» группировками, тем самым разделяя конституционалистов³. В то же время он осознавал необходимость как-то ужиться с «партиями».

Последствия такой непоследовательной политической линии не замедлили проявиться: Рудхарту не удалось продержаться у власти и года. Кроме того, он считал, что Греция еще не готова к представительному правлению⁴, чем воспользовались его оппоненты, критикуя его политику. Еще одним фактором, ускорившим падение Рудхарта, был его конфликт из-за объема полномочий с королем Оттоном, который все больше склонялся к мысли о единоличном правлении.

Все кончилось тем, что 8 декабря 1837 г. Оттон подписал его отставку, а 20 декабря издал указ о том, что отныне сам будет председательствовать на заседаниях кабинета министров. Вместо уволенного Рудхарта министром внутренних дел был назначен видный русофил Г. Гларакис. «Русская партия» стала самой влиятельной силой в стране. С этого дня король стал править страной самостоятельно. 1837–1843 гг. называют временем оттоновского абсолютизма И. Петропулос⁵. При этом он поясняет, что абсолютной монархией этот период можно считать потому, что король формально единолично правил страной. На практике его власть была ограничена не только его влиятельными министрами, но также иностранными дипломатами и отсутствием механизмов контроля ситуации на местах. Отметим, однако, что термин «абсолютная монархия» в отношении первого десятилетия самостоятельного правления Оттона был введен в употребление задолго до Петропулоса: им пользовались еще современники событий, критиковавшие режим, а со временем этот термин прочно закрепился в греческой исторической литературе.

Возвышение «русской партии» произошло довольно быстро, хотя и не в один день. Как мы уже говорили, первое регентство нанесло ей столь сильный удар, что она практически сошла с политической арены. За период с 1833 по 1837 г. в нашем

¹ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 415–416.

² Ζάιντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 182.

³ См.: Lyons to Palmreston. № 4 04. 01. 1838. FO 32/76.

⁴ См.: Catacazy. № 179. 05.05.1837. АВПРи. Ф. 133, Д. 8/1837. Л. 262об.

⁵ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 270–279.

распоряжении очень мало сведений о ее деятельности. Но это не значит, что «русская партия» прекратила свое существование: в этот период шло собирание ее сил. В этой деятельности приняли активное участие приехавший в Грецию в 1834 г. К. Икономос, занимавший пост губернатора Ахайи Г. Гларакис, и другие лица, которым удалось избежать репрессий в связи с делом Колокотрониса.

На фигуру К. Икономоса (1780–1857) следует обратить особое внимание, поскольку это весьма заметная личность в общественно-политической жизни двух последующих десятилетий. Однако общественно-политические взгляды К. Икономоса сформировались задолго до его возвращения на родину и нашли отражение уже в его сочинениях, написанных до 1832 г. (в 1832–1834 гг. К. Икономос ехал из России в Грецию, путешествовал по Европе). Константин Икономос происходил из известной семьи потомственных священников: его предок епископ Арсений сопровождал в 1589 г. в Москву патриарха Иеремию. Отец К. Икономоса Кирьякос также был священником и экономом Элассонской епархии (Фессалия), человеком весьма образованным: он дал старшему сыну основательные знания в области греческой филологии и латинского языка. Свое образование К. Икономос продолжил в процветавшей в то время школе в Амбелаки. В 1805 г. он был хиротонисан в диаконский сан, а через 5 лет — в священнический. В 1809–1819 гг. К. Икономос был учителем и проповедником в Смирне, а греческая революция 1821 г. застала его на посту великого эконома и соборного проповедника Патриаршего дома. С началом турецких репрессий против греков К. Икономос бежал в Одессу. Там наступил новый период в жизни К. Икономоса, когда его пастырское и учительское служение окрасилось в патриотические тона. 1821–1822 гг. К. Икономос провел в Одессе, где стяжал себе славу произнесением патриотических проповедей, призывавших местных греков активно включиться в борьбу за освобождение поработенной Родины. Особую известность получило его слово при отпевании казненного турками на Пасху 1821 г. патриарха Константинопольского Григория V, останки которого были захоронены в Одессе. В 1822 г. К. Икономос отправился в Санкт-Петербург, сопровождая детей родовитой греческой семьи Мурузи¹, также нашедших пристанище в России. В столице, где К. Икономос провел почти десять лет, он был вскоре благосклонно принят Александром I, которому вручил ходатайство одесских греков, просивших российского императора не оставить их народ в столь трудный час борьбы за независимость. Санкт-Петербургская Духовная Академия и Императорская Академия наук по достоинству оценили заслуги К. Икономоса в области богословия и филологии и избрали его в свои члены. Покидая Санкт-Петербург в 1832 г., К. Икономос был осыпан царскими милостями: он получил орден Св. Анны и пожизненную пенсию в 7 тыс. руб. ассигнациями. Годы, проведенные К. Икономосом в Одессе и Санкт-Петербурге, были для него очень плодотворными: в это время были написаны важные сочинения, где К. Икономос излагал свои взгляды, которые позднее, по возвращении его в Грецию, стали движущей силой его политической деятельности.

К. Икономос живо интересовался событиями, происходящими на родине, и отдавал все силы и талант на служение своему народу. По заказу И. Каподистрии, много сделавшего для развития образования в Греции, в 1827 г. им был написан «План церковной академии для греков». Ряд филологических и исторических произведений тех

¹ Великий драгоман К. Мурузи был одной из первых жертв турецких репрессий 1821 г.

лет раскрывает читателю научную грань таланта К. Икономоса¹. Заслуживает внимания небольшая по объему (несколько страниц) «Историческая записка о начале греческой революции». Записка была составлена в 1822 г. в Одессе на базе «услышанного материала», часть из которого была впоследствии передана для опубликования историку греческой революции 1821 г. И. Филимону. Последнюю большую группу сочинений К. Икономоса составляют его слова (проповеди). Самое известное из них — уже упоминавшееся «Надгробное слово блаженному Константинопольскому патриарху Григорию», произнесенное при отпевании его в Одессе 19 июня 1821 г. «Слово» было сразу же напечатано с параллельным русским текстом в Москве и Санкт-Петербурге и неоднократно перепечатывалось (см., например, французский перевод 1821 г.). Ряд переизданий «Слова» в Греции связан с перенесением туда в 1871 г. останков патриарха Григория. За время своего пребывания в Одессе К. Икономос неоднократно выступал перед местной греческой общиной, призывая своих соплеменников принять посильное участие в освобождении поработенной Родины. В 1833 г. эти проповеди были изданы в Берлине отдельной книгой. В целом 1821–1832 гг. были очень плодотворными для К. Икономоса как богослова, филолога и проповедника. В тот же период окончательно сложились его общественно-политические воззрения в том виде, в каком они впоследствии реализовались в практической политике в 1830–1850-е гг.

Возвращению «русской партии» на политическую арену помогло и то обстоятельство, что она выражала интересы разных социальных групп — значительной массы крестьян, части ветеранов революции, интеллигенции, духовенства, некоторых крупных землевладельцев Пелопоннеса, связанных с Россией купцов, а также ассоциировалась с именем Каподистрии, очень популярным в народе. Кроме того, возрождению «русской партии» способствовала и позиция России, которая, видя в назначении Армансперга усиление английского влияния в Греции, содействовала его отставке и назначению на его место Рудхарта, более склонного к сближению с Россией. Та важная роль, которую играла Россия в греческих делах, несомненно, оказала положительное влияние на рост политического авторитета ее сторонников в этой стране.

Таким образом, к моменту прихода к власти «русская партия» уже обладала теми характерными чертами, которые позволяют сделать некоторые выводы как о ней самой, так и о греческой политической системе того периода в целом. Так же как и другие протопартии, «русская партия» была политической группировкой, ориентированной на одну из великих держав, сохраняющей свое единство во многом благодаря объединению вокруг нескольких крупных политических фигур и свято блюдущей традиции клановой структуры. Характерной особенностью «русской партии» была также ее «многослойность», т. е. опора, в отличие от других группировок, на разные социальные слои. Эта особенность, так же как и наличие некоей внутренней организации, позволила ей довольно быстро восстановить свои позиции после удара, нанесенного ей регентством. И наконец, влияние, оказанное Россией на положение этой группировки в стране, говорит о том, что провозглашенное формально независимым Греческое королевство на деле оставалось во многом зависимым от воли великих держав.

В таких условиях регентству и молодому королю было непросто определить правильную политическую линию. Впрочем, они и не мучились проблемой выбора,

---

¹ См.: Опыт о ближайшем родстве языка славяно-русского с греческим. СПб., 1827. Текст парал. на рус. и греч. яз.; О подлинном произношении греческого языка. СПб., 1830.

а пытались построить греческое государство в соответствии со своими представлениями, которые были подтверждены практикой в германских государствах¹. Конфликт между старой и новой культурными парадигмами, проявившийся уже в эпоху Каподистрии, в годы баварского правления принял еще более острые формы. В 1830-е гг. шел процесс формирования политической системы молодого государства, включавшей в себя «партии», ставшие первыми в некоторой степени стабильными политическими объединениями. «Партии», регентство, впоследствии король и его окружение, наконец, европейские государства — вот те силы, которые определяли политическое развитие Греческого королевства на этом этапе его существования.

«Русская партия» и национальные интересы

Отправив в отставку Рудхарта, Оттон окончательно взял бразды правления в свои руки. Однако Его Величество не обладал «ни способностями, ни опытом, ни энергией, ни благородством, следовательно, ему не подчинялись, его не уважали, не боялись и не любили; и его правление становилось все более слабым и дезорганизованным»². Сам же Оттон пытался править как абсолютный монарх, поскольку, как полагал английский посланник Лайонс, был о себе чересчур высокого мнения³. Однако о режиме абсолютизма в это время можно говорить весьма условно, так как, если формально король и обладал неограниченной властью, объявив, например, указом от 20.12.1837, что отныне сам будет председательствовать на заседаниях кабинета министров, то фактически контроль за многими важными сферами государственной политики находился в руках министров.

Основная ошибка первых лет правления Оттона, по мнению Т. Евангелидиса, заключалась в том, что он упорно держался за баварцев, вместо того, чтобы создать чисто греческое правительство⁴. Но с упразднением поста канцлера и назначением грека Г. Гларакиса на важнейший пост в министерстве начался постепенный отход Оттона с этих позиций.

Причин смены политической ориентации короля было несколько. Во-первых, явное усиление английского влияния в Греции беспокоило две другие державы-покровительницы, которые недвусмысленно грозились лишить Грецию своей дипломатической, а главное, экономической поддержки в случае, если положение не изменится. Между тем от Англии греческое правительство уже получило всю ту сумму, которую оно к тому моменту обязалось выплатить. Так что некоторое охлаждение отношений с ней не принесло бы большого вреда, а одновременное укрепление связей с другими державами пошло бы даже на пользу.

Тому, что Оттон остановил свой выбор на русофилах, благоприятствовали и некоторые внутривнутриполитические и социальные факторы. С одной стороны, к 1837 г. «русской партии» стараниями Г. Колокотрониса, К. Икономоса, Г. Гларакиса и др. в целом удалось заделать брешь, пробитые в ее бастионах регентством. Влияние же ее в массах продолжало сохраняться устойчивым чуть ли не со времен Каподистрии.

¹ Напр., о достижениях Маурера см.: *Dickopf K. König Ludwig I. und Staatsrat Georg Ludwig von Maurer. Ein Beitrag zur Geschichte des Vormärz in Bayern // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte*. 29 (1966). S. 157–198.

² *Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho*. London, 1971. V. 2. P. 168.

³ См.: *Lyons to Palmerston*. 01.03.1838. FO 32/76.

⁴ См.: *Ευαγγελίδης Τ. Ε. Ιστορία του Όθωνος, Βασιλέως της Ελλάδος*. (1832–1862). Αθήνα, 1893. Σ. 186.

О том, что в конце 1830-х гг. оно было достаточно сильным, свидетельствует широкая популярность в это время пророчеств о восстановлении Византийской империи, издание и распространение которых связывалось с именем «русской партии». Как писал придворный учитель греческого языка, а в будущем сенатор Филипп Иоанну, усилению русофилов способствовало и то обстоятельство, что они умело воспользовались разногласиями в стане своих политических противников конституционалистов и соперничеством английского и французского посланников¹.

Кроме того, Оттон надеялся, что некоторое благоволение к напистам поможет ему разрешить в свою пользу наболевший церковный вопрос, в котором «русская партия» пользовалась наибольшим авторитетом. К тому же, русофилы были единственной группировкой, которая не ставила на повестку дня вопрос о введении конституции в стране.

Надо отметить, что об усилении влияния России можно говорить уже со времени назначения Рудхарта, т. к. он был давним протеже Маурера и Абеля, поддерживаемых Россией. Но наивысшего могущества за всю свою историю «русская партия» в Греции достигла после его отставки: несмотря на то, что в кабинете министров в это время было только два русофила, Г. Гларакис и А. Паикос, под их контролем находились такие важнейшие сферы государственного управления, как администрация (министерство внутренних дел), судопроизводство (министерство юстиции), образование и церковные дела. Это обстоятельство современники уяснили довольно быстро: уже в январе 1838 г. забила тревогу газета «Афина»². Об усилении «русской партии» свидетельствует и то обстоятельство, что некоторые чиновники из числа напистов, такие как Гларакис, губернатор Аттики Аксиотис, заняли те же посты, на которых находились при Каподистрии.

О том, что после отъезда Рудхарта «русская партия» почувствовала себя в силе, свидетельствуют и весьма пренебрежительные высказывания в адрес короля русского посланника, о которых упоминает Лайонс³. Да и греки поверили, что обрели, наконец, независимость: тогда же кончился срок службы баварских войск и часть из них отправили на родину, были возвращены из ссылки некоторые партийные лидеры. Усилению «русской партии» способствовал и тот факт, что среди вернувшихся в Грецию были А. Метаксас и М. Суцос. Но если первый формально оставался в стороне от большой политики вплоть до 1843 г., то второму удалось довольно быстро сколотить вокруг себя весьма опасную группировку, жаждавшую освобождения Фессалии, воинственность которой вызывала немалое беспокойство руководителей «русской партии», и не только их: англофилы, например, в связи с обоснованием в Греции некоторых членов семейства Суцосов (братьев Александра и Панайотиса, бывшего молдавского господаря Михаила, а также еще одного Михаила) высказали открытые опасения по поводу того, что Греции в придачу к баварократии грозит еще и фанариотократия⁴.

Еще одним показателем упрочения позиций русофилов стало основание осенью 1838 г. газеты «Эон» («Век»), которая становится рупором «русской партии». Как сообщалось в объявлении о новом издании, газета собиралась печатать сообщения о «политическом управлении государством», правительстве и торговле,

¹ См.: Φ. Ιωάννου προς Α. Μαυροκορδάτου. 15.08.1838. ΓΑΚ. Ιστορικό αρχείο Αλ. Μαυροκορδάτου. Φ. 20α.

² См.: Αθηνά. № 504. 29.01.1838.

³ См.: Lyons to Palmerston. 01.03.1838. FO 32/76.

⁴ См.: Αθηνά. № 611. 29.04.1839.

комментарии к законодательству, наиболее любопытные зарубежные сообщения, а также уделять место филологии (в широком смысле) и науке. Критический тон газеты был задан эпиграфом из Плутарха: «Ὁ ἀνθρῳποι, ποι φέρεστε» («О люди, куда вы движетесь!»)¹. Основными принципами новорожденной газеты были объявлены Вера, Отечество и Король². Издателем газеты был Иоанн Филимон, известный сторонник «русской партии», участник революции 1821 г. и бывший секретарь Д. Ипсиланти. Однако очень скоро проявилась истинная цель газеты — защита позиций «русской партии». Политические противники русофилов поняли это с первых же номеров: после трех коротеньких отзывов проанглийская «Афина», прежде критиковавшая официоз «Эллиникос Тахидромос» («Греческий курьер») и также представлявшую точку зрения правительства газету «Сотир» («Спаситель»), выступила с большой разгромной статьей против «Эона», обвиняя его авторов-напистов в консерватизме и мракобесии³. С этого времени новая газета русофилов стала объектом беспощадной критики со стороны «Афины».

Правительство Гларакиса, будучи, по сути, первым правительством, где греки получили какие-то реальные полномочия после стольких лет немецкого засилья, решило продемонстрировать свой национальный характер: в 1838 г. оно ввело празднование Национального праздника (начало освободительного восстания) в день Благовещения (25 марта). Однако на следующий год праздник пришлось перенести из-за совпадения его с Великой Субботой. Тогда противники «русской партии» обвинили ее в антинациональных намерениях и умышленном срыве праздника⁴. Последний факт свидетельствует о наличии оппозиции, несмотря на видимость сотрудничества «партий», создаваемую королем, который пытался балансировать между ними, назначая на государственные посты сторонников различных группировок в примерно равных пропорциях. Другой демонстрацией своей преданности национальным идеалам стала позиция, занятая правительством в дискуссии по поводу введения форменной одежды в армии: оно выступило за сохранение неудобной для регулярной армии «национальной» фустанеллы в противовес англофилам, предлагавшим введение формы европейского образца⁵.

Перед новым правительством стояли весьма непростые задачи: укрепление трона, поддержание равновесия между консерваторами и либералами по церковному вопросу, покрытие ежегодного дефицита бюджета, обеспечение общественной безопасности⁶. Несмотря на всю последующую критику, нельзя сказать, чтобы это правительство было неспособно хотя бы частично их разрешить.

Георгий Гларакис, хиосский грек с европейским образованием, начал карьеру профессионального бюрократа еще во время революции 1821 г. При Каподистрии, которого активно поддерживал, был назначен главой кабинета министров. При регентстве, исполняя обязанности губернатора Ахайи, приложил много усилий к тому,

¹ Αἰών. Εἰδοποίησις περὶ ἐκδόσεως εφημερίδος. 26.08.1838.

² См.: Αἰών. № 302. 10.1838.

³ См.: Αθηνά. № 567. 12.10.1839.

⁴ См.: Γλάρακης πρὸς τὴν Εὔρωπὸν τοῦ Βασιλικοῦ Οἴκου καὶ τῶν Εξωτερικῶν Γραμματείας τοῦ Κράτους. 26.03/07.04.1839. ΙΑΥΕ 27.1.1839. Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα; Σ. 423. Αθηνά. № 603. 01.04.1839.

⁵ См., напр.: Αθηνά. № 513. 04.03.1838.

⁶ См.: Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. 13. Αθήνα, 1977. Σ. 75.

чтобы поддержать авторитет «русской партии» в этой провинции, которая неслучайно так долго оставалась ее оплотом. Г. Гларакис, таким образом, представлял собой классический тип каподистрианского бюрократа, и в 1837 г. вошел в министерство, имея славу виднейшего представителя этой прослойки внутри «русской партии», а также опытного политика.

Что касается первого пункта, то здесь некоторый результат был достигнут совместными действиями короля и министров-русофилов, которые, однако, преследовали разные цели. Король рассчитывал стабилизировать обстановку в стране, маневрируя между партиями и распределяя между ними поровну посты в государственном аппарате. Этой же цели отвечала политика «слияния», пока еще недостаточно изученная в историографии.

Концепция «слияния», т. е. объединения всех политических группировок на компромиссной основе ради политического объединения нации была провозглашена в 1837 г. газетой «Сотир» и поддержана королем, видевшим во главе объединенной нации себя самого. Реакция на нее была неоднозначной: получив некоторую поддержку на местах, идея «слияния» подверглась резкой критике самих политических группировок, усматривавших в ней попытку некоторых опальных политических деятелей прорваться к власти. Особенно усердствовала в этом газета «Афина»¹. Выдвинутое обвинение относилось, главным образом к напистам, которые в принципе поддерживали это движение².

Весьма любопытны записанные несколькими годами ранее размышления российского дипломата Персиани о той политической линии, которой следовало придерживаться молодому монарху в отношении трех ориентированных на великие державы важнейших партий, на которые разделилась политическая элита страны. Единственно возможной в их отношении Персиани считал политику «слияния». Она предполагала равное привлечение представителей всех трех партий к занятию государственных должностей и обеспечение им равного политического влияния с тем, чтобы добиться постепенной гомогенизации политической элиты и ее безоговорочной лояльности престолу. «Рассуждения о Греции» Персиани проливают свет на происхождение идеи «слияния»: мы видим, что, по крайней мере, за два года до ее реализации российские дипломаты выказывали себя ее приверженцами³.

В то же время Гларакис и его сторонники следовали другой тактике. Английский посланник Лайонс справедливо обвинял правительство Гларакиса в том, что оно пыталось отдать как можно больше постов в местном управлении своим сторонникам и повернуть в свою пользу исход выборов на избираемые должности⁴. Не будем драматизировать ситуацию: такой тактики придерживались абсолютно все греческие правительства той эпохи, разница лишь в том, что Гларакису действительно удалось это сделать и обеспечить таким образом поддержку правительству со стороны низовой администрации.

Вот как оценивает результаты этой деятельности английский историк Д. Дакин: «С помощью Катакази, который был греком больше всех греков, эти два министра (речь идет о Гларакисе, министре внутренних дел, и Паикосе, министре юстиции. —

¹ См., напр.: Αθήνα. №№ 500. 15.01.1838; 512. 01.03.1838; 531. 07.06.1838; 558. 10.09.1838 и др.

² См.: Αθήνα. № 518. 23.03.1838.

³ См.: АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66. Л. 149–150.

⁴ См.: Lyons. № 139. 30.10.1839. FO 32/90.

О. П.) сумели заполнить чиновниками из числа напистов все ступени церковной и государственной служебной лестницы и обеспечить себе полный контроль над провинциями. Несмотря на то, что написты заняли жизненно важные места в государственной машине, они были враждебно настроены по отношению к Оттону и, поскольку были хорошо организованы, представляли гораздо более существенную угрозу, чем оппозиционные либералы, в рядах которых не было сплоченности»¹.

Это мнение в целом верно, но с одной оговоркой: обвинение напистов в том, что они были настроены враждебно по отношению к режиму, кажется нам недостаточно обоснованным: ради того, чтобы добиться своих целей — укрепления монархии, создания сильного государства и решения церковного вопроса, русофилам совсем не обязательно было свергать Оттона, каковое намерение им часто приписывается, а скорее даже наоборот. Антиоттоновских настроений напистов не доказывает и дело «Филортодоксального общества», поскольку причастность верхушки напистов к этому обществу весьма сомнительна.

В церковном вопросе, о котором подробнее речь пойдет ниже, правительство пыталось сохранить равновесие между консерваторами и либералами и именно поэтому оставляло без ответа многочисленные жалобы Синода на деятельность школ, основанных Библейскими обществами, которые, по его мнению, подрывали основы Православия². Кроме того, Гларакису удалось добиться некоторых изменений в церковной администрации в свою пользу³.

Наиболее удачным направлением деятельности правительства Гларакиса было обеспечение общественной безопасности. В 1837–1839 гг. был принят целый комплекс мер по борьбе с разбойничеством: введен в действие ряд законов, ужесточающих наказания за разбой (напр., закон от 31.12.1839/12.01.1840 г.). Но радикально одолеть разбойничество правительство не смогло (этого не удалось сделать ни одному правительству вплоть до 1940 г.), а некоторые правительственные мероприятия (реализация закона о военной переписи, упразднение иррегулярных войск) даже способствовали его процветанию.

Кроме того, правительство решилось раздать часть национальных земель членам Королевской Фаланги (гвардии), созданной еще Арманспергом с целью узаконить положение хотя бы части ветеранов революции 1821 г., оставшихся по окончании военных действий не у дел. Раздача земель (закон от 1/13.01.1838 г.) представителям этого беспокойного сословия призвана была не только закрепить его связь с правительством путем предоставления еще одной привилегии, но и оказать таким образом влияние на более широкий круг военных, связанных с фалангитами клановыми узами. Другой целью этого закона было пополнение бюджета: земля предоставлялась фалангитам в обмен на их ежегодную пенсию.

Однако в целях укрепления центральной власти правительству часто приходилось идти на такие меры, которые вызывали недовольство населения. Законы о военной переписи и об обязательной военной службе жителей для борьбы с разбойничеством, а также злоупотребления некоторых местных чиновников при сборе налогов спровоцировали целый ряд вооруженных выступлений в провинциях (на Идре в апреле 1838 г., в Мессении в июле–августе 1838 г., в Мани в апреле 1839 г.).

¹ Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδος. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 117.

² См.: Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα εκκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Σ. 384–385.

³ См.: Lyons. № 130. 02.08.1838. FO 32/78.

Эти выступления свидетельствовали о ширящемся недовольстве различных слоев населения жесткой политикой правительства. С другой стороны, то обстоятельство, что справиться с ними удалось местным властям (только на Идре потребовалось вмешательство морского министра А. Криезиса) показывает, что местная администрация все же обладала достаточным авторитетом, чтобы контролировать положение дел (чего не было, например, при регентстве, когда власть местных чиновников часто была номинальной). Этот факт свидетельствует также о спаянности государственного аппарата в целом: не зря Гларакис назначал повсюду своих людей — они остались ему верны и не поддались сепаратистскому соблазну.

Результат централизаторской политики русофилов налицо. Остается, однако, не совсем ясным вопрос, имела ли эта централизация глубокие корни или была следствием авторитета лидера. Вероятно, это была некая промежуточная стадия: «русская партия», как и другие тогдашние политические группировки, не была партией в полном смысле слова, но группировкой вокруг определенных личностей. Тем не менее, поскольку в данном случае мы имеем дело с профессиональными чиновниками, то можно говорить о том, что эта централизация имела и более прочные основания.

Сложнее обстояло дело с финансовой проблемой. Удостоверившись в экономических трудностях Греции, державы-покровительницы решили послать в страну своих финансовых экспертов. Но королю Оттону, чтобы не допустить тотального контроля иностранцев над греческой казной, удалось убедить их ограничиться присылкой одного независимого эксперта — швейцарского банкира Реньи. Программа Реньи, предлагавшая передать финансовые дела в ведение специалистов, а не политиков, изъясив их таким образом из-под контроля партий, естественно была встречена последними в штыки. Не решила проблемы регулирования бюджета и финансовая реформа, объявленная 06.08.1839 г.: создание специальной комиссии по финансовым делам и учреждение резервной казны для покрытия дефицита в бюджете были мерами явно недостаточными при том финансовом дефиците, который испытывала Греция. Таким образом, приходилось вновь рассчитывать на денежные вливания держав.

Итак, мы видим, что из стоявших перед страной насущных задач полностью решить министерству русофилов не удалось ни одной, объективно это вряд ли было бы под силу и любому другому правительству. Тем не менее, оно внесло некоторый вклад в стабилизацию политической обстановки в стране, попыталось решить финансовый вопрос, способствовало централизации власти. Описывая состояние административной системы Греции в то время, русский консул в Патрах Калогеракис отмечает необходимость централизации власти, приводя в качестве аргумента злоупотребления тогдашней системы, при которой власть на местах была расчленена между губернаторами, муниципалитетами и различными чиновниками, назначаемыми непосредственно из Афин. Это вело к коррупции в государственном аппарате, произволу и деградации полиции, самоуправству сборщиков налогов, продажности судей и т. п.¹

Однако централизация была палкой о двух концах: консолидируя государственный аппарат, она одновременно парализовывала его деятельность, так как высшие инстанции отказывались делегировать необходимые полномочия низшим, всякое новшество воспринималось подозрительно, любая инициатива пресекалась. В результате

¹ См.: Calogeraky à Catacazy. № 349. 08.09.1837. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 372. Л. 117–119.

высшие инстанции оказывались перегруженными мелочными вопросами, которые месяцами не могли рассмотреть.

Кроме того, давала себя знать и политика короля по отношению к «партиям». Когда стало очевидно, что добиться их ликвидации не удалось, Оттон попытался поставить себя над ними, как в свое время Каподистрия: попытка привлечь к управлению все группировки, используя, в том числе, лозунг «слияния», привела к прямо противоположным результатам: поддержать всех значило не поддержать никого, и в итоге король оказался в изоляции, между тем как «партии» все усиливались. К тому же работу государственного аппарата тормозила и политика частой смены и перемещений должностных лиц, предусматривавшая привлечение к управлению всех «партий». Король рассчитывал таким образом снизить количество злоупотреблений среди чиновников и обезопасить себя от сепаратистских тенденций, но в результате текучесть кадров значительно снижала эффективность работы инстанций. Наконец, часто меняющиеся чиновники, в особенности, если они принадлежали к разным группировкам, просто не могли сработаться.

Более того, эти меры вызвали ответную реакцию «партий»: поскольку влиятельные члены группировок, как правило, назначались на службу туда, где не имели корней, то они по необходимости искали себе новых сторонников, укрепляя тем самым внутреннюю структуру своих «партий».

Все эти обстоятельства, разумеется, значительно снижали эффективность мероприятий правительства и вели к падению его популярности, и без того уменьшавшейся на глазах из-за его жесткой политики. Как обоснованно считает И. Петропулос, правление кабинета 1838–1839 гг. «по своей силе и решительности» могло быть соотнесено только с правлением первого регентства¹. Об этом же писал современник событий Дювержье: «Всякое сомнение в искренности России и Русской партии в Греции приравнивается, как известно, к уничтожению веры... и национальной независимости»².

Правление русофилов также показало, что формально неограниченная власть Оттона на деле была весьма ограничена: Гларакису удавалось весьма успешно проводить свою политическую линию, которая часто не совпадала с намерениями короля. Самым красноречивым доказательством этого является тот факт, что он сумел, вопреки политике короля по привлечению к управлению всех партий, заполнить государственный аппарат своими сторонниками.

Но политика Гларакиса и Паикоса очень скоро стала подвергаться критике со стороны формирующейся оппозиции: уже через полтора месяца после назначения Гларакиса газета «Афина» высказала опасения по поводу проводимой им политики распределения государственных должностей среди своих сторонников и возврата к системе централизованного правления, связанной с именем Каподистрии³. Постепенно критика усиливалась, «Афина» стала подвергать нападкам каждый шаг министров-русофилов, и уже через несколько месяцев Гларакис был назван инструментом русской политики и обвинен в организации антиправительственных мятежей (sic!)⁴.

Газета «Эон» на данном этапе поддерживала правящий монархический режим и выступала с критикой конституционалистов, обвиняя их в экстремизме и утверждая,

¹ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 303.

² Δυβεργύερος. Τα κατά την Ελλάδα επί των παρελθόντων τριών μηνών. Χ. τ., χ. χ. Σ. 2.

³ См.: Αθηνά. № 504. 29.01.1838.

⁴ См.: Αθηνά. №№ 539. 06.07.1838, 553. 24.08.1838.

что истинный конституционализм — более умеренный. Кроме того, в ее позиции заметен отголосок концепции слияния партий¹. Однако «Эон» никогда не критиковал конституционных идей как таковых, но лишь обвинял своих противников в их неправильной интерпретации, ибо «кто из греков не желает конституции?»². Основным своим противником, с которым велись споры о конституционном режиме и о судьбе Церкви в Греции, на данном этапе авторы «Эона» считали англофильскую газету «Афина»³. Последняя действительно подвергала резкой критике церковную программу «Эона»⁴. Выступления же «Эона» в защиту монархии носили весьма сдержанный характер⁵. Что же касается руководителей «русской партии», то они на данном этапе высказывались не в пользу конституции, так как считали ее введение в стране преждевременным⁶.

Однако к лету 1839 г. в публикациях «Эона» наметился отчетливый поворот в сторону конституционализма: в начале июня газета обратилась к королю с просьбой усовершенствовать систему управления, весьма прозрачно намекая на введение представительного правления, а уже в конце месяца И. Филимон открыто провозгласил, что основными началами его газеты являются конституционные принципы и единство нации⁷. Вскоре последовали выступления против баварцев и иностранцев вообще, которым недвусмысленно предлагалось покинуть Грецию под предлогом, что она-де не в состоянии их прокормить⁸. Эти изменения свидетельствуют об изменениях и в идеологии «русской партии».

Вопрос о том, насколько тесно была связана «русская партия» с Россией и являлась ли она орудием русской политики, занимал как современников, так и историков. Французский публицист Дювержье полагал, что «русская партия» не имела «жалкой и преступной цели предать национальную независимость. Но несомненно, что внутри нее всегда находились люди, которые, либо не веря в будущее Греции, либо по другим причинам, сделались проводниками русской политики», основная цель которой — укрепление влияния этой державы на Востоке⁹. Макриянис же прямо говорил о том, что Россия заслала в Грецию своих агентов, которые «нашли себе приверженцев в лице сторонников нашего Президента, называемых кивернетиками»¹⁰. Другой современник событий П. Каллигас выдвигал на первый план не политическую, а идеологическую основу «русской партии»: опора русофилов на религию неразрывно связана с их ориентацией на Россию. Именно в этом, по мнению П. Каллигаса, заключалась слабость этой группировки, ибо религия — это «мертвое море», не могущее принести никаких реальных выгод Греции¹¹.

¹ См.: Αἰών. № 7. 16.10.1838; № 9 23. 10.1838; № 10. 26.10.1838.

² Αἰών. № 12. 02.11.1838.

³ См.: Αἰών. № 29. 04.01.1839; № 30. 08.01.1839; № 32. 16.01.1839 и т. д. Перечислять все номера слишком долго — выпады против «Афины» присутствуют практически в каждом из них.

⁴ См., напр.: Αθηνά. № 782. 08.01.1841.

⁵ См.: Αἰών. № 15. 13.11.1838; № 28. 01.01.1839.

⁶ См.: Αθηνά. № 06.05.1838.

⁷ См.: Αἰών. № 69. 04.06.1839; № 75. 25.06.1839.

⁸ См.: Αἰών. № 100. 20.09.1839.

⁹ См.: Δυβεργιέρος. Τα κατά την Ελλάδα επί των παρελθόντων τριών μηνών. Χ. τ., χ. χ. Σ. 6–7.

¹⁰ Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 439–440.

¹¹ См.: [Καλλιγας Π.] Η εξάντλησις των κομμάτων, ήτοι τα ηθικά γεγονότα της κοινωνίας μας. Αθήνα, 1842. Σ. 15.

Также и в историографии постепенно утвердилась точка зрения о том, что двумя основными принципами «русской партии» были православие и упование на поддержку России. Что же касается самих русофилов, то они не склонны были считать себя предателями Родины, да и не были таковыми: их ориентация на Россию объяснялась представлением о том, что именно эта держава сможет помочь Греции обрести наиболее приемлемые формы политического существования.

Политика самой России в греческом вопросе была во многом обусловлена ее международным и внутривосточным положением. Как справедливо писала Б. Елавич, «отношение России к правительству короля Оттона в первые годы греческой независимости было необходимо обусловлено эволюцией русской политики в отношении Порты в 1820-е гг. и достижением господствующего положения в империи, благодаря Ункяр-Искелесийскому соглашению. Оно было также под сильным влиянием идеологических позиций Николая и его желания способствовать делу консервативных правительственных режимов и укрепить их перед лицом революционной угрозы. Эти два аспекта русской политики согласовались между собой и вместе служили интересам русского государства»¹.

Отсюда вытекают следующие направления в греческой политике России: укрепление монархического режима, стремление обеспечить независимость политики греческого правительства от других держав, т. к. русское правительство чувствовало, что не сможет монопольно контролировать положение дел в Греции, поддержка позиций Православной Церкви, попытка заставить Оттона переменить веру, линия на снижение активности греческого правительства во внешнеполитических делах, несмотря на рост ирредентистских настроений. Главными из них Б. Елавич считает сохранение равновесия между конкурентными влияниями держав-покровительниц, а также поддержание авторитета Православия в стране². При этом русское правительство не упускало возможности продемонстрировать свою верность принципам легитимизма: например, в 1838 г. члены русской миссии, а вместе с ними баварские и австрийские дипломаты проигнорировали греческий национальный праздник, установленный в память о начале восстания 1821 г.³ Признав независимость греков, русское правительство, тем не менее, отказывалось признавать методы ее завоевания.

Ради поддержания равновесия политических сил в стране русское правительство так или иначе должно было оказывать покровительство одной из противоборствующих группировок: вполне естественно, что выбор пал на русофилов. Не случайно поэтому, что на 1833 г. пришлось обострение отношений Катакази с греческим правительством: он требовал вывода французских войск из Мореи и реабилитации партии Колокотрониса⁴. Именно тогда, как уже говорилось, регентство нанесло самый сильный удар по позициям «русской партии» в стране. Русский посланник, безусловно, поддерживал напистов и материально и при помощи своих связей, однако делал это весьма осторожно, дабы не бросить тени на русское правительство. Следует отметить, что «русская партия» в собственно Греции была связана и с соответствующей

¹ Jelavich B. Russia and Greece during the Regency of King Othon. 1832–1835. Russian documents on the first years of greek independence. Thessaloniki, 1962. P. 25.

² См.: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 92.

³ См.: Αθηνα. № 519. 26.03.1838.

⁴ См.: Jelavich B. Russia and Greece during the Regency of King Othon. 1832–1835. Russian documents on the first years of greek independence. Thessaloniki, 1962. P. 31.

группировкой на Ионических островах¹, что объясняется не только русским влиянием в регионе, но и неразрывной исторической и культурной связью Ионических островов с континентальной Грецией.

Тем не менее, Макриянис уверяет, что Россия имела своих агентов в Греции: ими являются К. Икономос, Мих. Суцос и некто архимандрит Анатолий (возможно, имеется в виду архимандрит Анатолий Зографский, бывший одно время священником при Русской миссии в Афинах)². Судя по сведениям, содержащимся в некоторых секретных донесениях Катакази вице-директору Азиатского департамента Л. Сенявину (речь шла о выдаче князю И. А. Суцо каждую треть года по 2 тыс. руб. ассигнациями «на известный Министерству предмет»), Россия финансировала какие-то виды деятельности своих сторонников³. Катакази также использовал свои связи, чтобы создать русофилам по возможности более прочное общественное положение: например, Лайонс описывает его попытку ввести в афинское общество вновь прибывшего в Грецию князя Михаила Суцоса⁴.

Однако русские дипломаты старались не афишировать свои действия в этом направлении, точно также сами сторонники «русской партии» всячески опровергали обвинения в том, что они являются проводниками русской политики в Греции. Этой теме была посвящена статья А. Пападопулоса-Вретоса⁵ «Политическая клевета», где опровергались утверждения английской газеты «Дейли джеральд» о том, что еще Каподистрия в свое время создал на Ионических островах «русскую партию» и вообще стремился передать острова России⁶. Чуть позже «Эону» пришлось опровергать заявления английских газет о том, что вообще все министры кабинета Гларакиса действуют в русле русской политики⁷. Кроме того, Катакази утверждал, что среди греческих государственных служащих не было ни одного русской национальности или пользующегося особым покровительством России, в то время как английские и французские филэллины занимали различные посты в государственном аппарате (Черч, Гордон, Реньи)⁸. По свидетельству Пискатори, в 1843 г. на греческой службе находились три француза и еще два вышли в отставку и получали пенсию греческого правительства⁹.

Второе важное направление русской политики в Греции имело целью сохранение традиционных позиций Православной Церкви в стране. В связи с этим

¹ См., напр., донесение Оттону греческого консула на о. Корфу: Pizzoli à Othon. 24.07/05. 08. 1844. ГАК. Αρχείο του Όθωνος. Υπουργείο Εξωτερικών. Ф. 3.

² См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 438–440.

³ См.: Катакази — Сенявину № 47. 25.02.1839; № 318. 31.12.1839. АВПРи. Ф. 161/1. Д. 53. Л. 2–4; № 151. 30.04.1840. АВПРи. Ф. 161/1; Д. 54. Л. 2.

⁴ См.: Lyons № 129. 10.10.1839. FO 32/90.

⁵ Пападопулос-Вретос Андреас (1800–1876) — образованный отпрыск известной на Ионических островах семьи Вретосов. Автор исторических и филологических сочинений. В правление Каподистрии — его активный сторонник, за что после убийства президента подвергся гонениям, сохранив, однако, верность «русской партии». Вернувшись в Грецию в конце 1830–х гг., проявил себя как публицист, в 1840-е гг. был принят на дипломатическую службу.

⁶ Αιών. № 114. 22.11.1839.

⁷ Αιών. № 148. 25.03.1840.

⁸ Catacasy à Nesselrode. № 306. 10/22.04.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 101–102.

⁹ Piscatory à Guizot. 19.09.1843. Оpubл. в: Πούλος Ι. Η επανάσταση της 3ης Σεπτεμβρίου 1843 επι βάσει των γαλλικών αρχείων // Δελτίον Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας της Ελλάδος. Τ. 11. Αθήνα, 1956. Σ. 251.

представляется вполне логичным, что Россия бойкотировала принятие церковного законодательства 1833 г.: на церемонии провозглашения автокефалии не было ни одного из служащих русской миссии¹.

Контакты с греческими церковными кругами русские дипломаты осуществляли в первую очередь через священников Русской миссии. В первое время по переезде в Афины на этой должности находился архимандрит Иринарх, который был назначен в угоду группировке Икономоса. В 1836 г. его сменил архимандрит Аникита, скончавшийся в 1837 г. Оба они делали богатые пожертвования в пользу храмов, клириков и мирян. С ноября 1838 г. по лето 1843 г. «благое дело своих предшественников» продолжал архимандрит Анатолий Зографский, которого сменил архимандрит Поликарп, магистр богословия и ректор Смоленской семинарии. Он активно поддерживал «русскую партию» и Икономоса в вопросе об автокефалии.

О том, что русское правительство живо интересовалось судьбой православия в Греции, свидетельствует уже тот факт, что копия докладной записки священника Русской миссии в Афинах архимандрита Иринарха «Общие замечания о состоянии церкви в Королевстве Греческом», представленной в Отделение духовных дел Ведомства греко-российского исповедания, была отослана в Министерства иностранных дел, в архиве которого сохранилась под грифом «дело, подлежащее хранению на вечные времена». Основная мысль «Замечаний» сводилась к тому, что греческая Церковь переживает глубокий кризис и что греческое духовенство в силу своей необразованности, равнодушия или подверженности инославным влияниям не в силах самостоятельно исправить отрицательные последствия турецкого владычества и баварского церковного законодательства².

Русская политика в греческом вопросе в целом носила скорее пассивный характер, активные действия предпринимались лишь в чрезвычайных ситуациях. Единственная сфера, где Россия могла безопасно развернуться в поддержке своих сторонников в Греции, не рискуя навлечь на себя подозрения в дурных намерениях, — это область церковного просвещения и книгоиздания. На субсидирование газеты «Евангельская труба», ведшей антипротестантскую кампанию (в частности, против новых переводов Библии), русское правительство выделило 5 тыс. руб., а русский посланник Г. Катакази по своей личной инициативе в 1836 г. предоставил 550 дрх. в помощь готовившемуся тогда изданию на греческом языке книг двух русских богословов³.

Весной 1839 г. Катакази писал Сенявину, что из отпущенной русским правительством суммы потратил 7232 дрх. на субсидирование газет «Евангельская труба» («Эвангелики Сальпинкс»), «Зритель» («Паратиритис») и «Век» («Эон») ⁴. В газете «Зритель», коей Катакази неоднократно предоставлял «некоторое денежное пособие», «часто помещаются статьи нравоучительные, а что важнее, такие, кои имеют целию подкрепление православия и опровержение лжеучений американских миссионеров» ⁵.

¹ См.: Παπουλίδης Κ. Ο ελληνικός κόσμος του Αντονίνου Kapustin (1817–1894). Συμβολή στην πολιτική της Ρωσίας στη Χριστιανική Ανατολή το 19^ο αιώνα. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 40.

² См.: Протасов — Нессельроде. № 86. 1836 г. АВПРи. Ф. 161/3. Д. 2/1836.

³ Катакази — Родофиникину № 293 12. 11. 1836. Оpubл. в: Παπουλίδης Κ. Ρωσικό ενδιαφέρον για την Εκκλησία της Ελλάδος την εποχή του Όθωνα // Θεολογία. № 57. 1980. Σ. 775–776.

⁴ См.: Катакази — Сенявину. № 108. 11.05.1839. АВПРи. Ф. 165/2; Д. 400. Л. 76–78; № 119 22.04.1838. АВПРи. Ф. 165/2; Д. 383. Л. 50.

⁵ Катакази — Сенявину. № 119. 22.04.1838. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 383. Л. 50.

По запросу Катакази «в подкрепление единоверия в Греции» весной 1839 г. Азиатский департамент выслал ему для распространения среди греков по 10 экземпляров книг русского духовного писателя Муравьева «Письма о Богослужении», «Изложение Символа Веры», «История Российской Церкви» и сообщил о планирующемся издании на греческом языке Царской и Патриаршей грамот об учреждении Синода в России¹. На греческом языке были также изданы огласительные поучения Иннокентия Камчатского и «Кириякодромион» Никифора Феотокиса². А осенью 1842 г. в Грецию были отправлены для бесплатного распространения среди греческого духовенства через архимандрита Анатолия, тогдашнего священника Русской миссии, 230 экземпляров новогреческого перевода Пространного Православного Катехизиса³.

Сообщая об их получении, Катакази писал: «Я не оставляю приложить зависящие меры к выполнению предполагаемой благочестивой цели, поступая однако же с надлежащею осторожностью, для избежания по возможности всяких вредных и неблагопристойных истолкований со стороны Миссионеров и других находящихся на Востоке иностранцев, действующих ко вреду Православной Церкви как в Греции, так и в Турецких владениях»⁴. Последнее заявление свидетельствует о том, что русское правительство не желало афишировать действий, направленных на усиление своего влияния в Греции, дабы не связывать себе рук и не обострять отношений с Англией и Францией. Тем не менее, укрепление русских позиций в Греции не могло не обеспокоить политиков других держав: Гизо, например, писал, что в Санкт-Петербурге хотели превратить Грецию в вассального врага турок, но ни в коем случае не желали появления независимого соседа, способного стать соперником⁵.

Кроме того, русская цензура пыталась контролировать настроение умов греков, живущих в России, в т. ч. и греческих подданных. Так, получив просьбу нескольких греков выписывать для них афинскую газету «Le Courrier Grec» («Эллиникос Тахидромос»), глава российского почтового ведомства обратился за разрешением к Сенявину, а тот в свою очередь запросил информацию у Катакази⁶. Со своей стороны Катакази, узнав о том, что греческий генеральный консул в Одессе Манос выписывает проанглийскую газету «Афина», забил тревогу и сообщил об этом в Азиатский департамент и одесскому военному губернатору, настоятельно рекомендуя последнему не допускать указанную газету в Россию. Более того, Катакази поставил этот факт на вид греческому правительству, выразив при этом мнение, что «было бы гораздо приличнее, если бы г. Мано, вместо революционного журнала выписывал официальные ведомости или, по крайней мере, те из журналов, частными лицами издаваемых, кои более направляются в духе правительственном и наблюдают меру приличия и здравого суждения»⁷.

¹ См.: Сенявин — Катакази. № 1275. 23.05.1839. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 399. Л. 53.

² См.: Ιννοκεντίου ἐπισκόπου Καρτσάτκας. Οδηγός εἰς τὴν Βασιλείαν τῶν Οὐρανῶν. Ἐν Ὁδησσῷ, 1843. Ἀρχιεπισκόπου Νικήφόρου τοῦ πρῶην Ἀστραχανίου καὶ Σταυρουπόλεως. Κυριακοδρόμιον. 2 τόμοι. Ἐν Μοσχῇ, 1837.

³ См.: Сенявин — Катакази. № 2955. 20.10.1842. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 474. Л. 27.

⁴ Катакази — Сенявину. № 85. 11.04.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 475. Л. 15.

⁵ См.: Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. T. 7. P. 264.

⁶ См.: Сенявин — Катакази. № 418. 22.02.1840. АВПРи. Ф. 165/2; Д. 412. Л. 96.

⁷ Катакази — Сенявину, Катакази — А. П. Толстому. Октябрь 1838 г. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 383. Л. 20.

Итак, мы видим, что русская политика в Греции была очень осторожной и стремилась избегать резких движений и открытых конфликтов. Такой подход объяснялся тем, что русское правительство в тот момент не стремилось к новым завоеваниям в регионе, а лишь пыталось сохранить *status quo*. Наиболее удобным путем проникновения России в Грецию были церковные каналы, предоставлявшие возможность пропаганды принципа единоверия среди широких слоев населения и одновременно являвшиеся хорошим прикрытием в глазах иноверных Англии и Франции.

Что же касается «русской партии», то она опиралась на принцип единоверия в надежде, используя дипломатическую и материальную помощь России, добиться своих собственных целей: отмены церковного законодательства 1833 г., достижения и удержания в своих руках политической власти в стране, а также укрепления в Греции политического режима на основе принципа централизации. Лозунг защиты православия не мог не привлечь в ряды «русской партии» религиозных фанатиков и послужил почвой для возникновения так называемого заговора филортодоксов.

Стараясь сохранить благоволение русского императора, приверженцы «русской партии» всячески поддерживали ее авторитет в стране и периодически делали в печати реверансы в сторону России. Основным апологетом России была газета «Эон», однако время от времени появлялись и другие публикации, преследующие те же цели. К их числу относятся, например, статьи А. Пападопулоса-Вретоса, выступавшего с открыто русофильских позиций и идеализировавшего действия русских дипломатов в Греции, а также восхвалявшего восточную политику России в целом, доказывая, что именно ей Греция обязана своей независимостью¹.

В целом, период с конца 1837 г. по начало 1840 г. был для «русской партии» эпохой ее наивысшего расцвета. Своим возвышением она была обязана неудачной политике короля, приведшей к активизации деятельности «партий», традиционной поддержке широких слоев населения, кропотливой деятельности некоторых представителей этой группировки по собиранию сил русофилов, а также благоприятствующей позиции России.

Придя к власти, русофилы активно взялись за дело государственного управления: они добились значительной степени централизации государственного аппарата, который мог теперь в некоторой степени противостоять местным кланам. Однако централизация имела свои недостатки, отчего административная система в целом стала функционировать не намного эффективнее. С большим или меньшим успехом русофилы пытались решить проблему разбойничества и дефицита бюджета. Кроме того, правление кабинета Гларакиса показало, что абсолютная власть Оттона была только на бумаге, а на практике министры-русофилы сумели успешно противостоять его политике привлечению к сотрудничеству всех партий.

За время своего пребывания у власти «русская партия» внесла определенный вклад в формирование идеологии молодого государства. Несмотря на все усилия «западников», русофилы сумели продемонстрировать, что традиционные ценности еще рано сбрасывать со счетов, а Православие может и должно быть составной частью государственной идеологии.

Возвышению «русской партии» в этот период способствовала и позиция России, которая была вынуждена поддерживать одну из политических группировок в стране, дабы сохранить в ней свое влияние. Однако у нас недостаточно оснований говорить

---

¹ См.: Παπαδόπουλος-Βρετός Α. Πολιτικά σύμμικτα. Φυλ. 1, 2. Αθήνα, 1840.

о том, будто «русская партия» была агентом России в Греции и действовала под диктовку русского правительства. Скорее, она использовала предоставляемую Россией помощь в своих интересах.

Церковь и политика

Церковь была тем соединительным звеном, которое не только стало одним из критериев национальной идентичности греков, но и связывало их с единой Россией, а на нее ориентировалась значительная часть греков. Что касается Церкви, мнения в греческом обществе расходились по следующим пунктам: во-первых, относительно мауреровского церковного законодательства, изменившего положение Православной Церкви в государстве, во-вторых, относительно веротерпимости, т. е., по существу, монополии Церкви на духовную жизнь общества. В этом споре позиции защитников православия и их противников могли восприниматься как традиционный конфликт Востока и Запада¹ и действия первых расценивались, таким образом, как попытка сохранить культурную идентичность греков.

Центральное место церковный вопрос занимал в идеологии «русской партии». Главным церковным идеологом русофилов был священник Константин Икономос. После своего возвращения в Грецию в 1834 г. он активно включился в полемику по церковным вопросам, отстаивая консервативную точку зрения, а именно: восстановление отношений с Константинопольским патриархатом, расширение полномочий Церкви в политической и общественной жизни и др. В это время издавались и переиздавались его патриотические и церковно-догматические сочинения².

Выразителем идей русофилов по церковному вопросу с самого своего основания стала и газета «Эон». Она сразу же заявила о безоговорочной поддержке духовенства как социального слоя и взяла его под защиту от нападок либеральной «Афины», обвиняя последнюю в том, что, критикуя духовенство, она провоцирует раскол нации, начавшийся в 1833 г. с принятием мауреровского законодательства³. Тем не менее, надо отметить, что выступления «Эона» против баварского церковного законодательства часто носили весьма сдержанный характер, что вполне согласовалось с примирительной политикой кабинета Гларакиса. Так, говоря об отношениях с Константинопольским патриархатом, «Эон» признавал административное отделение Эладской Церкви, однако ее духовную связь с Константинополем считал неизменной. Также сдержанна и оценка монастырской реформы: эта мера, по мнению «Эона» была задумана правительством к лучшему, однако злоупотребления привели к печальным последствиям⁴.

Тем не менее, придя к власти, правительство Гларакиса предприняло шаг, продемонстрировавший его лояльность Церкви и намерение защищать ее позиции: национальный праздник, посвященный годовщине начала революции 1821 г., был установлен

¹ См.: Αἰών № 42 22.02.1839.

² Среди сочинений этого периода — «Επίκρισις εἰς τὴν περὶ νεοελληνικῆς ἐκκλησίας σύντομον ἀπάντησιν τοῦ σοφολογιωτάτου Νεοφύτου Βάμβα» (1839), «Απάντησις εἰς τὴν αὐτοσχέδιον διατριβὴν περὶ τῆς ἀρχῆς καὶ τῆς ἐξουσίας τῶν πατριάρχων καὶ περὶ τῆς σχέσεως τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀρχῆς πρὸς τὴν πολιτικὴν ἐξουσίαν ὑπο Χ. Χ. Χ.» (1843) и др.

³ См.: Αἰών. №№ 16. 16.10.1838. 38; 05.02.1839; 42. 22.02.1839.

⁴ Αἰών. №№ 38. 05.02.1839; 44. 01.03.1839.

25 марта, в день церковного праздника Благовещения. Дата была выбрана неслучайно: в этот день Церковь празднует нисшествие к Божией Матери архангела, несущего ей благую весть о грядущем рождении Спасителя. Установлением в этот день национального праздника церковная трактовка соединялась с национальной: греки как бы получали благую весть о грядущем избавлении от турок. Так что правительство русофилов таким образом подчеркивало и свой национальный характер еще и потому, что Православная Церковь тогда рассматривалась как один из символов греческой нации.

А летом 1839 г. русофилы получили большинство в Синоде, которым обладали в течение года, и теперь уже смело приступили к «наведению порядка»: на этот период приходится «дело Каириса», о котором будет сказано ниже, а также политическая расправа с Феоклитом Фармакидисом. Удаление Фармакидиса с поста секретаря Синода, вызвавшее заметное удовлетворение русского посланника¹, Э. Дрио расценивал даже как «формальное отречение от акта 1833 г.» и воссоединение с Константинопольским патриархатом². Эта оценка, конечно, преувеличена.

Однако Фармакидис, потеряв место в составе Синода (декабрь 1839 г.), а также преподавателя богословия в университете (его перевели в разряд филологов) и подвергшись травле в печати³, не сдался, но попытался выступить против своего основного противника К. Икономоса, изыскав в одной из приписываемой тому книг неканоничные утверждения. Но в ответ на его письмо в Синод последовала весьма резкая отповедь⁴. Надо сказать, Фармакидис со своим выпадом несколько поторопился: на следующий день после официального ответа на его письмо (23 июля 1840 г.), вышел указ о новом составе Синода, где русофилы уже были в меньшинстве.

Ограничения власти Синода и административных полномочий Церкви в целом, заложенные в законодательстве 1833 г., воспринималось многими греками как попытка попать их религиозные и национальные чувства. Выразителем этих настроений часто выступал «Эон»⁵. Намерение баварцев оскорбить их религиозные чувства и проявление баварского «ига» греки видели также и в браке дочерей Армансперга с фанариотами братьями Кантакузинами (1835 г.), поскольку Православная Церковь родственных браков не допускает⁶.

Другой стороной церковной программы «русской партии» была борьба с проникновением инославных влияний в Грецию. Заметим, что к этому времени Православие уже не было единственной религией среди греков: там, где побывали венецианцы (Крит, Киклады, Ионические острова), обосновался и католицизм.

Начавший выходить с осени 1838 г. «Эон», сразу же объявивший себя защитником православия, активно включился в эту борьбу, используя малейший повод, чтобы осудить деятельность католического духовенства (в первую очередь, на Кикладах)

¹ См.: Catacazy. № 295. 07.12.1839. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 6–6об.

² См.: Driault Ed., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. 2. Paris, 1926. P. 227; Duvergier de Hauranne P. De la situation actuelle de la Grèce et de son avenir // Le Revue des deux mondes. T. 8. 15 Oct. 1844. T. 2. P. 195.

³ В июле–августе 1840 года «Эон» развернул настоящую кампанию против Фармакидиса. См. №№ 178–200.

⁴ См.: Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα.εκκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Σ. 432, 443–454. Αιών № 184. 31.07.1840.

⁵ См.: Αιών. № 229. 26.01.1841; 231. 02.02.1841 и др.

⁶ См.: Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα εκκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Σ. 380; Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 405.

и потребовать вмешательства правительства. Другой аргумент в антикатолической пропаганде «Эона» — религиозная дискриминация греческой диаспоры, живущей в католическом окружении¹. И, наконец, самым прискорбным, по мнению «Эона» было то, что католические идеи все же укоренялись в умах греков, за этим процессом авторам «Эона» мерещилась перспектива подчинения папе. Поводом к дискуссии на эту тему послужил «Очерк философии истории» Марка Рениериса, в котором было обнаружено влияние различных инославных идей². Особое раздражение «Эона» вызвала постройка католической церкви в Афинах и открытие протестантской церкви³.

Однако с конца XVIII в. в греческих землях начали вести пропаганду Библейские общества (в основном с кальвинистских позиций) и к концу 1830-х гг. их влияние стало настолько значительным, что «католическая угроза» в глазах ревнителей Православия отодвинулась на второй план: как свидетельствовал К. Икономос, в феврале 1839 г. Синод уже в четырнадцатый раз подал в министерство жалобу на иностранных миссионеров⁴.

Деятельность протестантских миссий в Греции велась, в основном, в двух направлениях — это перевод на новогреческий язык и издание книг Библии и другой религиозной литературы, а также открытие школ. «Русская партия» активно противодействовала и тому, и другому, считая, что протестантские школы и книги подрывают авторитет Православия⁵.

Что касается перевода книг Св. Писания на новогреческий язык, то к этому делу миссионеры пытались привлечь самих греков, и безуспешно. В 1834 г. Английским Библейским обществом был опубликован перевод Ветхого Завета, сделанный Н. Вамвой с масоретского текста, а в 1838 г. — ряд книг Нового Завета⁶. С критикой этой деятельности выступил главный идеолог церковных русофилов К. Икономос: он допускал возможность комментирования библейского текста, но категорически возражал против его новых переводов, признавая единственно приемлемым текст Септуагинты и Новый Завет на койнэ. И основным его стимулом в этой полемике была не личная неприязнь к оппонентам, как это часто бывает, а глубокое осознание того, что всякий перевод так или иначе является новой интерпретацией, каковая в отношении священных текстов недопустима⁷.

В борьбе за чистоту Писания победа в итоге осталась за Икономосом: 1 марта 1839 г. патриарх Григорий VI осудил новые переводы. Это решение не пересмотрено и по сей день. Победе ревнителей православия в значительной степени способствовало положение «русской партии» как правящей и принадлежавшее ей большинство в

¹ См., напр.: Αἰών. №№ 138. 18.02.1840; 334. 27.02.1842; 337. 10.03.1842; 349. 26.04.1842; 376. 19.08.1842; 406. 20.12.1842; 407. 23.12.1842; 408. 01.01.1843; 419. 17.02.1843; 439. 16.05.1843.

² См.: Αἰών. №№ 329. 08.02.1842; 330. 11.02.1842; 332. 18.02.1842; 333. 22.02.1842.

³ См.: Αἰών. №№ 177. 07.07.1840; 429. 31.03.1843.

⁴ См.: Οἰκονόμος Κ. Τα σωζόμενα κκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Σ. 393.

⁵ См., напр.: Αἰών. № 59. 30.04.1839.

⁶ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 136. Τα τέσσαρα Ευαγγέλια και αι Πράξεις Αποστόλων, μεταφρασθέντα μεν υπό Ν. Βάμβα..., εκδοθέντα δε δαπάνη της Βρετανικής και ξενικής ιερογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1838.

⁷ См.: Более подробный анализ позиции Икономоса по данному вопросу см.: Siotes M. Constantin Oikonomos of the House of Oikonomos and the operations of the British Bible Society in Greece (1780–1857) // The Greek Orthodox Theological Review. Vol. VI. 1960. № 1. P. 7–55.

Синоде. Характерным симптомом этого положения является прием, которого удостоилась книга К. Икономоса, направленная против протестантов:¹ «Книга отца Эконома произвела самое глубокое и полезное впечатление в здешней публике и была удостоена благосклонного приема со стороны короля Оттона, когда была поднесена Его Величеству самим сочинителем»².

Особое внимание филортодоксов было направлено на борьбу за закрытие протестантских школ, которые после образования новогреческого государства находились в исключительно благоприятных условиях и в силу этого приобретали все большее влияние среди населения. Так, американец Дж. Хилл³, открывший в 1831 г. первую школу в Афинах, через несколько лет имел уже около 700(!) учеников в разных городах Греции⁴. Греческое правительство не препятствовало созданию этих школ, так как их основатели заявляли, что школы носят чисто образовательный характер. Однако филортодоксы считали, что просветительская деятельность в данном случае является прикрытием для деятельности миссионерской. И это обвинение не было беспочвенным: уже в 1833 г. русский консул в Афинах И. Папарригопулос писал в Азиатский департамент, что греческим церковным властям удалось раздобыть одну из книг, изучаемых в этих школах, и там действительно содержалось протестантское вероучение⁵.

Характерно, что в пылу полемики защитники православия часто не находили достаточных аргументов и апеллировали к уязвленному национальному чувству: как смеют протестанты вести свою пропаганду среди греков, на языке которых было написано Евангелие и которые передали миру свет христианской культуры? Выступая против протестантских миссионеров и всякого вмешательства иностранцев в церковную жизнь Православной Греции вообще, защитники православия утверждали, что единственная страна, с которой нужен религиозный контакт, — это Россия⁶. В рамках борьбы с инославным влиянием в Греции Синод в 1839 г. запретил браки православных с иноверцами, что, ограничивая степень баварского проникновения, одновременно открывало путь России⁷.

Пик антипротестантской кампании приходится на 1841–1842 г.: со страниц «Эона» в это время не сходили статьи и сообщения, анализирующие протестантское вероучение и обвиняющие в антиправославной деятельности руководителей миссионерских школ. Главный удар пришелся по школам Дж. Хилла: после многократных требований «Эона» правительство создало комитет по расследованию его деятельности, который подтвердил факт миссионерской пропаганды, в результате чего Хиллу пришлось свернуть свои дела, несмотря на поддержку газеты «Афина»⁸. К этому же времени относится,

¹ Οικονόμος Κ. Επικρίσις... Αθήνα, 1839.

² Катакази — Сенявину. № 102. 28.04.1839. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 400. Л. 83–84.

³ Хилл Джон (1791–1882) — американский миссионер и филантроп, член British and Foreign Bible Society, а также Протестантской епископальной миссии в Греции. Прибыл в Грецию в 1830 г. и вскоре, вместе с женой, открыл школу для девочек, совмещающую просветительскую деятельность с миссионерской.

⁴ См.: Παπουλίδης Κ. Ρωσικό ενδιαφέρον για την Εκκλησία της Ελλάδος την εποχή του Όθωνα // Θεολογία. № 57. 1980. Σ. 769.

⁵ См.: Донесение Папарригопулоса в Азиатский департамент №7 от 01.07.1833, опубликованное в: Παπουλίδης Κ Ρωσικό ενδιαφέρον για την Εκκλησία της Ελλάδος την εποχή του Όθωνα // Θεολογία. № 57. 1980. Σ. 770–771.

⁶ См.: Αιών. №№ 11. 30.10.1838; 59. 30.04.1839; 195. 08.09.1840.

⁷ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 152.

⁸ См.: Αιών. №№ 263. 31.05.1841; 264. 03.06.1841; 280. 30.07.1841; 286. 20.08.1841; 297. 01.10.1841; 343. 01.04.1842; 352/353. 13.05.1842; 406. 20.12.1842 и др. Αθηνά. №№ 912. 29.04.1842; 913. 02.05.1842.

кстати сказать, весьма любопытное письмо русского консула в Патрах Калогеракиса посланнику Г. Катакази, где подробно анализировалось плачевное положение греческой Церкви и пагубное влияние на состояние умов инославной пропаганды¹.

И все же, несмотря на все старания фундаменталистов ограничить проникновение инославных влияний в Грецию, протестантская точка зрения на взаимоотношения Церкви и государства вскоре стала общим местом в греческом богословии². А «Эон» констатировал, что американским миссионерам все же удалось завербовать достаточное число прозелитов³. Также, вопреки всем усилиям русофилов, протестантские школы сохранили свою популярность среди греков. Этот тезис подтверждает найденное нами в архиве А. Маврокордатоса письмо некоего жителя Месолонги, написанное им в октябре 1843 г. на имя премьер-министра А. Метаксаса. Дочь автора письма в свое время была зачислена в школу Хилла за казенный счет, но потом правительство вдруг отказалось платить за ее обучение. Расстроенный отец обратился к самому премьер-министру с просьбой о возобновлении стипендии, чтобы девочка смогла закончить обучение⁴.

Ярче всего консервативно-охранительный характер церковной политики русофилов проявился во время так называемого дела Каириса.

Феофил Каирис, уроженец Андроса, был, так же как и К. Икономос, учеником А. Кораиса. Однако в дальнейшем их пути разошлись. Каирис принимал участие в революции 1821 г. и в то время, по свидетельству Икономоса, вел жизнь благочестивую и достойную и даже принял священный сан⁵. В 1828 г. он основал на родном Андросе сиротский дом, ставший вскоре очень известным, так как Каирис был, видимо, талантливым педагогом и учиться к нему (а все уроки вел он сам) приходили, помимо сирот, и другие дети. В 1832 г. Каирис отправился в поездку по Европе, чтобы собрать пожертвования для своего приюта, на которые он к 1835 г. выстроил новое здание. Именно в это время, как полагает Икономос, он и подвергся пагубному влиянию западных идей.

Первые сведения об «неблагонадежности» андросского философа (так его называет Икономос) относятся к 1837 г., когда стало известно, что некоторые его ученики не соблюдают постов, а в последующие полтора года по Константинополю и островам Архипелага пошел слух о новом учении, называемом пиетизмом. Судя по описанию Икономоса, это учение представляло собой разновидность теософии со своим эзотерическим культом. Были составлены новые псалмы и молитвы, новый календарь, Каирис замышлял также создание своего храма и священства. Политические взгляды Каириса сводились к анархизму⁶.

Получив всю эту информацию, Синод решил призвать андросского философа к ответу: ему было отправлено письмо (июль 1839 г.) с указанием явиться для исповедания веры. Приехать Каирис под благовидным предлогом отказался и вместо этого написал членам Синода весьма двусмысленное послание, которым последние, конечно, не удовлетворились. И отправили ему еще одно письмо. В конце концов, доста-

¹ См.: Calogeraky à Catacazy. 30.03.1842. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 447. Л. 39–42.

² В качестве примера можно привести работу К. Диовуниотиса, подводящую итоги развития богословской мысли по этому вопросу: Διοβουνιώτης Κ. Σχέσεις Εκκλησίας και Πολιτείας...

³ См.: Αιών № 408 01.01.1843.

⁴ См.: ΓΑΚ. Ιστορικό αρχείο Αλ. Μαυροκορδάτου. Ф. 23β.

⁵ Биографию Каириса см. в: Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα εκκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Τ. 2. Σ. 399–426, 498.

⁶ См.: Там же. Т. 2. Σ. 403.

вить Каириса силой было поручено знаменитому адмиралу Канарису¹. Тот без труда справился со своей задачей, но поскольку дело уже успело получить широкую огласку, то сама форма ареста отрицательно повлияла на престиж греков в Европе.

В октябре 1839 г. Каирис предстал перед Синодом и, отказавшись принять православное исповедание веры, был извержен из сана, отлучен от Церкви и предан анафеме. Однако король, опасаясь отрицательной реакции на столь жесткие меры как в Европе, так и со стороны греческих либералов, приостановил действие этого указа и сослал Каириса на покаяние в один из монастырей на Скиафос, позже опальный философ был переведен в другое место, а в начале 1842 г. правительство, наконец, позволило ему выехать в Англию. Приют на Андросе, естественно, был закрыт, однако есть сведения о том, что учение Каириса на этом не угасло, так как уже успело собрать достаточное число последователей². В качестве комментария к этому эпизоду можно добавить, что активные действия Синода против Каириса начались после изменения его состава летом 1839 г. Большинство в этом составе Синода принадлежало сторонникам «русской партии», и эти действия были одобрены русским посланником³.

Реакция общественности на этот инцидент была неоднозначной. Например, Макриянис отнесся к учению Каириса враждебно, сожалея, однако, что такой умный человек стал жертвой атеистических заблуждений⁴. Зато английский посланник принадлежал к числу сочувствующих философу⁵. В защиту Каириса выступила и «Афина», а после осуждения философа она не побоялась даже объявить кампанию против него не защитой православия, а антипросветительской деятельностью⁶.

Любопытно проследить позицию «Эона» в этом деле. В своем первом отклике корреспондент газеты определенно принял сторону обвиняемого: филантропическая деятельность Каириса привела его к выводу, что последнему незаслуженно приписывалась ересь, но все же автор статьи рекомендовал ему подтвердить свою принадлежность к православию, чтобы успокоить правительство и общественность. Однако уже через две недели «Эон» поместил статью, утверждающую, что Каирис вовсе не является христианином, а изобрел свою собственную религию, противоречащую как Новому, так и Ветхому Завету⁷. С этого момента «Эон» выступал как рупор антикаирисовской кампании, сдабривая свои разгромные статьи сожалениями о том, что в лице нового еретика Греция лишилась деятельного просветителя и филантропа⁸. Причем во всех этих статьях отчетливо прослеживалась вполне определенная система ценностей: религия явно состояла на службе у политики.

Выступая на словах за сохранение церковных канонов, «Эон» на деле пытался поставить религиозную сферу под контроль государства, следуя фактически протестантской системе: он, например, требовал вмешательства властей, когда в Беотии

¹ Канарис Константинос (ок. 1790–1877) — герой революции 1821 г., сражался на брандерах. Родом с о. Псара. После освобождения занимал различные государственные должности, вплоть до премьер-министра (1864).

² См.: Αἰών. № 343. 01.04.1842.

³ См.: Catacazy. № 295. 07.12.1839. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 3, 6–6об.

⁴ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 428–429, 458.

⁵ См.: Lyons. № 3. 02.01.1840. FO 32/96.

⁶ См.: Αθηναί. №№ 634 22. 07.1839; 668. 11.11.1839.

⁷ См.: Αἰών. №№ 82. 19.07.1839; 86. 02.08.1839.

⁸ См.: Αἰών. №№ 87. 06.08.1839; 110/111. 12.12.1839; 220. 22.12.1840; 229. 26.01.1842.

была обнаружена некая колдунья, весьма популярная у местных жителей¹. В другой раз он говорил о необходимости наказания священника, нарушившего тайну исповеди и выдавшего полиции женщину, которая созналась ему в убийстве собственного мужа: нарушивший каноны священник должен быть наказан наравне с преступницей за то, что сеет раздор и недоверие между народом и священством².

Таким образом, мы видим, что «русская партия» в церковном вопросе выступала как консервативная сила, стремившаяся сохранить традиционное влияние и авторитет Церкви в политике и духовной жизни общества и не допустить распространения иных конфессий. Но одновременно сами православные идеологи незаметно усваивали протестантскую позицию в вопросе о взаимоотношениях Церкви и государства, вероятно, ориентируясь на Санкт-Петербургский пример.

Активная церковная политика русофилов свидетельствует о том, что церковные дела приобретали ярко выраженную политическую окраску, ибо речь в конечном счете шла о судьбе Церкви: сохранит ли она свое прежнее влияние на жизнь общества либо, подчинившись государству, уступит свои позиции. Дело осложнялось еще и тем, что широкие слои населения считали Церковь носителем национальной идеологии, а потому всякое покушение на ее права рассматривалось как удар по национальным интересам: в отделении от Константинопольского патриарха видели попытку расколоть нацию, в подчинении Церкви государству — намерение баварцев насадить свою веру, в деятельности протестантских школ — стремление подавить греческую культуру. В силу этого покровительница Церкви «русская партия» рассматривалась многими как защитница национальных интересов, а Россия — как держава, желающая единоверным грекам всяческих благ.

Наиболее интересным образчиком того, как в тогдашней Греции переплетались религиозные и национальные представления и как они преломлялись в политике, стало дело «Филортодоксального общества». Ему долгое время уделялось мало внимания в историографии, вероятно, по двум причинам: во-первых, из-за недостаточного количества источников и, во-вторых, вследствие того, что греческое правительство 1840 г. пыталось умалить его значение из политических соображений, оказав таким образом влияние и на историографию. Еще историки конца XIX–начала XX вв. (Э. Дриу, П. Каролидис) находились под влиянием современных событий греческих газет, всю первую половину 1840 г. обсуждавших это дело, и в своих оценках продолжали линию газеты «Афина», называвшей заговор русской интригой. Лишь с 1960-х гг. появляются публикации, подвергающие более детальному рассмотрению феномен филортодоксов в греческой истории и вводящие в научный оборот новые источники по этому вопросу³. Попытка проанализировать историю «Филортодоксального общества» не только в рамках истории европейской дипломатии, как это делалось прежде, но и в контексте конкретной политической ситуации на Балканах, была сделана в диссертации А. Меру⁴.

¹ См.: Αἰών. № 394. 04.11.1842.

² См.: Αἰών № 117. 03.12.1839.

³ См., напр.: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966, где опубликованы материалы из мюнхенских архивов; а также «Анонимную записку» в приложении к труду Петропулоса: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968.

⁴ См.: Merou A. Les Sociétés Secrètes à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984.

Источников для исследования данной темы сохранилось действительно немного, вероятно, потому что в целях конспирации участники «Филортодоксального общества» предпочитали общаться между собой в устной форме. В силу этого большинство источников носят косвенный характер: это газеты, мемуары, деловая и частная переписка, а также копии изъятых у заговорщиков документов. Надо отметить, что все сохранившиеся документы по этому делу не позволяют сделать окончательный вывод о том, существовало ли подобное общество на самом деле или весь «заговор» — чистая фикция, всего лишь политическая интрига. Тем не менее, обстоятельства, связанные с его расследованием, оказали такое большое влияние на общественно-политическую обстановку в стране, что заслуживают особого рассмотрения.

Дело «Филортодоксального общества» началось 27 декабря 1839 г. (ст. ст.)¹, когда газета «Афина» вышла с передовицей «Напистский заговор», где сообщалось о раскрытии «ужасного заговора», участники которого принадлежат к партии, «с 1828 года служащей иностранным интересам» (намек на И. Каподистрию), об аресте в связи с этим Георгия Каподистрии, брата покойного президента, и полковника Никитаса, героя революции 1821 г., по подозрению в участии в заговоре. Автор статьи располагал весьма скудной информацией о заговоре, но он не преминул использовать ее, чтобы нанести удар по своим политическим противникам, лишний раз напомнив читателям о всех промахах находившихся тогда у власти русофилов. Эта статья знаменовала собой новый виток чернильной перепалки между партиями, продолжавшейся на протяжении всех тех месяцев, пока шло следствие по делу о заговоре. С 15 января к «Афине» присоединился рупор галлофилов «Филос ту Лау» («Друг народа»), занявший вначале нейтральную позицию², выжидая, как будут развиваться события. Функции адвоката скомпрометированной «русской партии» взял на себя «Эон», уже 1 января выступивший с большой апологетической статьей³.

Более подробную информацию об обстоятельствах раскрытия общества и его характере мы находим в донесениях иностранных дипломатов в Афинах (Катакази, Лайонса, Валленбурга). Посланники держав-покровительниц переслали своим правительствам также копии документов, изъятых при обыске у обвиняемых, которые содержали сведения о целях и организационной структуре общества. Общим девизом этой организации была идея защиты Веры и Отечества, которая выражалась в подготовке и реализации освобождения угнетенного православного населения Эпира, Фессалии и Македонии, страдающего от турецкого ига, а также спасении (под флагом православия) Греческого королевства от засилья баварцев.

Верховное руководство обществом делилось на три сферы: церковную, гражданскую и военную. Эмиссары общества на местах получали специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия. Освободить принадлежащие Турции территории с греческим населением предполагалось, естественно, вооруженным путем. И в случае удачи этого предприятия в какой-либо из трех вышеназванных областей там должно было быть создано правительство, подчиняющееся обществу. Таким образом, вопрос о присоединении этих территорий к Греции, как считал Лайонс, оставался

¹ Правительство получило информацию о заговоре 22 декабря.

² См.: *Φίλος του λαού*. № 27. 01.01.1840; № 28. 08.01.1840.

³ См.: *Αἰών*. № 120/121/122.

открытым¹. Катакази же прямо говорил о том, что заговорщики намеревались превратить их в три независимые королевства².

Относительно обстоятельств раскрытия заговора в источниках можно найти самые различные версии. Лайонс, например, утверждал, что все началось с того, что слуга некоего дома в Пирее обнаружил прошлогоднее письмо Н. Рениериса к Г. Каподистрии, прочел его и, поняв, что речь идет о заговоре, передал его властям³. Согласно Макриянису и Г. Колокотронису, общество предал один из военных, Дзамис Каратасос⁴, которого приняли туда по неосторожности. И наконец, еще одна версия называет предателем Эм. Папаса, одного из активных членов общества, из соображений личной мести или за деньги выдавшего своих сообщников правительству⁵. Кроме того, подозрения правительства вызвала неосторожность одного из эмиссаров общества Н. Рениериса, ведшего слишком открытую пропаганду идей организации на Поросе, Идре и Спеце и навлекшего подозрения не только на себя, но и на других⁶.

От кого бы на самом деле ни получило сведения правительство, оно произвело обыск в доме Г. Каподистрии, на которого указал доносчик, и, обнаружив там компрометирующие документы, взяло его под стражу. Вскоре были арестованы Никитас, Н. Рениерис и др. Раскрытие подобного рода заговора было чревато не только внутри-, но и внешнеполитическими осложнениями. Поэтому следствие затянулось на целых полгода. В результате судебного разбирательства всем обвиняемым был вынесен оправдательный приговор. Король же, видимо, ожидал иного решения, поскольку королевский прокурор был немедленно уволен, граф Г. Каподистрия, как ионический подданный, выслан из страны⁷, а Никитас сослан на Эгину. На этом дело о «Филортодоксальном обществе» формально завершилось, однако его воздействие на социально-политическую обстановку в Греции и за ее пределами вынуждает нас более подробно рассмотреть некоторые детали его истории.

«В декабре месяце 1839 г. в Афинах с удивлением узнали о том, что раскрыт заговор против короля Оттона»⁸, — писал в своих мемуарах А. Пападопулос Вретос. Но для политиков это был удобный случай свести счеты со своими противниками, и пока публика «удивлялась», они начали принимать всяческие меры, чтобы склонить общественное мнение и правительство на свою сторону. За неимением фактов, газеты⁹

¹ См.: Lyons to Palmerston. № 7. 08.01.1840. FO 32/96.

² См.: Catacazy à Nesselrode. № 299. 08.01.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 15–18об.

³ См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840.

⁴ См.: Каратасос Дзамис (1798–1861) — потомственный клефт македонского происхождения, настоящее имя Димитриос. Участник революции 1821 г., по окончании которой поклялся не прекращать борьбы за освобождение Македонии. Чем, собственно, и объясняется его причастность ко всякого рода тайным обществам и антитурецким движениям в Македонии и на Крите, несмотря на то, что Оттон назначил его своим адъютантом.

⁵ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 429. Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 83. Catacazy à Nesselrode. № 325. 17.07.1840. Ανώνυμο υπόμνημα, 16–17. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Ф. 21. № 5794.

⁶ См.: Αιών. № 120/121/122. 01.01.1840; Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840; Ανώνυμο υπόμνημα, 15.

⁷ См.: Paikos à Mousouros. № 51. 17/29.07.1840. ΙΑΥΕ. 18.01.1840.

⁸ Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873. P. 7–8.

⁹ См., напр.: Αθηνα. № 681. 27.12.1839.

делали упор на патетических восклицаниях, а иностранные дипломаты пытались давить на правительство¹ и отписывали своим дворам подробные отчеты о происходящем.

Поскольку сообщение о раскрытии заговора, имевшего целью «ниспровергнуть существующий в Греции строй, свергнуть страну во все ужасы анархии и нарушить мир в соседних провинциях Османской империи», грянуло как гром среди ясного неба, то многие с самого начала склонны были считать все это преувеличением, оставаясь уверенными, что никакой опасности не существует². Подобное настроение преобладало и в первых донесениях по этому делу русского посланника Катакази³. Тем не менее, сам же он признавал, что многие его коллеги-дипломаты расценили эти события гораздо серьезнее и что этот инцидент, помимо скандала в стране, несомненно вызовет и осложнения в отношениях с Портой⁴.

Однако сами греки (не без помощи афинской прессы) склонны были видеть в этом заговоре угрозу не столько территориальной целостности Османской империи, сколько демократическим свободам Греции и самому королю. По Афинам ползли самые разные слухи: одни обвиняли в организации заговора Русскую миссию, другие — Английскую и Французскую, но все сходилось в одном, что без вмешательства иностранцев тут не обошлось⁵.

Но «с этим всеобщим помешательством удивительно контрастировало спокойствие короля и беспечное равнодушие или здравый смысл провинций»⁶. И если в состоянии провинций нет ничего удивительного, коль скоро мы предположим, что они не имели отношения к раскрытому заговору, то позиция короля и правительства требует более обоснованного объяснения, ибо, по свидетельству Генеоса Колокотрониса, королю было представлено дело не об обществе в защиту угнетенных греков, а об обществе, стремящемся заставить его креститься в православие, либо изгнать и возвести на греческий престол православного монарха⁷.

Тем не менее А. Паикос, исполнявший тогда обязанности министра иностранных дел, разослал иностранным миссиям в Афинах и греческим дипломатическим представителям за границей циркуляры с сообщением о заговоре, где акцент делался на том, что это лишь небольшая интрига, не имеющая серьезного значения⁸. Как утверждал Лайонс, король, взявший на себя руководство следствием, действовал в это время согласно советам русских и баварских дипломатов, которым удалось внушить ему не-

¹ См.: Lyons to Palmerston № 6. 08.01.1840. FO 32/96.

² См.: Wallenburg à Metternich. 13.01.1840. Цит. по: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 95–97, 100.

³ См.: Catacazy à Nesselrode. №№ 299, 300. 08.01.1840; № 301. 19.01.1840 и др. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 15 и далее.

⁴ См.: Catacazy à Nesselrode. № 301. 19.01.1840; № 306. 10/22.04.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 55об., 101–102 об.

⁵ См.: Catacazy à Nesselrode. № 299. 08.01.1840. Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 429; Wallenburg à Metternich. P. 96.

⁶ Wallenburg à Metternich. P. 96.

⁷ См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 83; Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840; № 23.03.02. 1840. FO 32/96.

⁸ См., напр., инструкцию посланнику в Лондоне Маврокордатосу, где последнему указывается на необходимость принять меры по пресечению распространения информации, преувеличивающей значение заговора: Paikos à Maurocordato. № 1. 06/18.01.1840. ΙΑΥΕ. 18.01.1840. См. тж.: Paikos à Catacazy. 27.12.1839/08.01.1840. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 401. Л. 92.

верное представление о масштабах и целях заговора: а именно, что это была только сумасшедшая идея нескольких фанатиков-русофилов (но не всей «русской партии»!) расширить границы его владений¹. Эту версию подтверждает и Г. Колокотронис, который полагал, что именно благодаря его личным усилиям Оттон утвердился во мнении о незначительности заговора. Однако тут же он проговаривается, что король в это время никому не верил, т. к. видел, что все вокруг него плетут интриги².

Все же такое примитивное объяснение позиции короля представляется субъективным и малоправдоподобным. Гораздо более убедительной, как будет показано и ниже, является точка зрения Д. Дакина, который совершенно правомерно отмечает, что раскрытие заговора филортодоксов поставило Оттона перед выбором: поддерживать ирредентистские настроения заговорщиков значило бы пойти на обострение отношений с Портой, а также навлечь на себя немилость Англии и Франции. С другой стороны, принять сторону либералов значило бы согласиться с их требованием конституции. Поэтому он действовал осторожно, дожидаясь поражения заговора, ибо в конце концов пришел к выводу, что главными вдохновителями заговора были силы, стремившиеся к освобождению своих соотечественников из-под турецкого ига, а угроза трону исходила от одного или двух человек и не имела большого значения³.

Чтобы побудить короля и правительство к более активным действиям, Лайонс, вместе с замещавшим отсутствовавшего в это время французского посланника Лагрене⁴ графом де Сартижем, наносили чрезмерно частые визиты А. Паикосу и пытались убедить его и короля (а точнее, заставить) отправить в отставку премьер-министра Г. Гларакиса, бывшего открытым приверженцем «русской партии». Как справедливо писал в эти дни Г. Катакази, политические противники этой партии в попытке заполучить занимаемые сторонниками этой партии государственные должности стали валить на нее все грехи и неудачи государственной политики со времен Каподистрии и вплоть до последних дней⁵. Особенно усердствовала в этом трибуна англофилов газета «Афина»⁶.

Как утверждает Лайонс, добиваясь отставки Гларакиса, он был совершенно уверен в его причастности к заговору, между тем как правительство заявляло, что не имеет тому доказательств. Уступая давлению Лайонса и де Сортижа, Оттон все-таки отправил Гларакиса в отставку под предлогом «нерасторопности» в расследовании заговора, что вызвало, по словам Лайонса, «настоящий взрыв радости среди греков»⁷. Однако насколько эта радость была всеобщей, судить трудно, поскольку король не уволил Гларакиса с государственной службы окончательно, а назначил его губернатором Беотии, придерживаясь указанной выше выжидательной тактики во избежание обострения социально-политической обстановки в стране, где «русская партия» продолжала пользоваться немалым влиянием. Сам же Лайонс свидетельствует, что уже официальный указ об

¹ См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840. FO 32/96.

² См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 83–85.

³ См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 117.

⁴ Мари-Мельхиор-Иоаким-Теодор Лагрене (1800–1862) был французским посланником в Афинах в 1835–1843 гг.

⁵ См.: Catacazy à Nesselrode № 299. 08.01.1840. Л. 18об.–19об.

⁶ См., напр.: Αθήνα. №№ 681–684.

⁷ Lyons to Palmerston. № 6. 7. 08.01.1840; Paikos à Maurocordato № 1. 06/18.01.1840; Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 84.

отставке губернатора Аттики Аксиотиса, одного из видных русофилов, подписанный несколькими днями раньше, вызвал заметное недовольство пока еще сильной «русской партии»¹. В рамках этой же тактики расследование дела было поручено королевскому прокурору И. Типальдосу, известному приверженцу указанной партии.

Окончательно точки над «i» в оценках заговора филортодоксов были расставлены судебным разбирательством, состоявшимся 11 июля, в процессе которого «была извлечена на свет истина», заключающаяся в том, что Россия ни в коей мере не была причастна к заговору, да и сам заговор не являлся, по сути дела, таковым, поскольку все обвиняемые были оправданы. «Этот приговор вызвал живое одобрение и горячие приветствия публики»², — писал в своем рапорте Катакази присутствовавший на процессе русский генеральный консул в Афинах И. Папарригопулос.

Реакция публики вполне закономерна, если учесть, что в своей обвинительной речи королевский прокурор «ограничился требованием осуждения обвиняемых за создание, без ведома правительства, общества, имеющего целью нарушить спокойствие дружественного государства и способного, в конечном счете, вызвать беспорядки в самой Греции»³. О внутриполитической направленности общества (угроза трону, защита православия) не было сказано ни слова, и суду предлагалось, таким образом, вынести приговор лишь ирредентистским устремлениям обвиняемых. Естественно, что публика, сама нечуждая подобных настроений, одобрила оправдание заговорщиков. Однако король, спокойно дождавшись поражения заговора, в результате расследования которого позиции «русской партии» заметно ослабли, мог теперь уже смело продемонстрировать свою лояльность Турции, наложив на заговорщиков административные наказания.

В целом, во время всего этого инцидента греческое правительство, как отмечает Г. Катакази, вело себя непоследовательно⁴. На наш взгляд, это объясняется выжидательной тактикой короля. Однако существует и другая версия, основывающаяся на допущении о причастности к заговору верхушки «русской партии», а именно министров Г. Гларакиса и А. Паикоса. Этой точки зрения придерживаются Лайонс и автор «Анонимной записки», составленной якобы со слов Н. Рениериса и Г. Каподистрии. Последний источник, представляющий Гларакиса одним из руководителей заговора, довольно сомнителен. Во-первых, он сохранился лишь в копии, причем автор его неизвестен. Во-вторых, содержащаяся в нем информация или объяснения фактов иногда настолько алогичны, что кажутся выдуманными. В связи с этим можно обратить внимание на рассказ о том, как при угрозе обыска в доме Каподистрии было решено спрятать *часть* документов, а некоторые оставить полиции. Возникает резонный вопрос: почему нельзя было спрятать все? В-третьих, как полагает И. Петропулос, этот документ мог быть составлен специально для того, чтобы дискредитировать верхушку напистской партии, т. к. его позиция в точности совпадает с позицией «Афины»⁵. Несмотря на это, И. Петропулос активно использует Анонима в своей работе. Тем не менее, подложность этого источника не доказана, и мы также принимаем его во внимание, однако не с целью открытия и констата-

¹ См.: Lyons to Palmerston. № 8. 11.01.1840.

² Paparrigopoulos à Catacasy. № 173. 13.07.1840. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 419. Л. 13–21. Данное Папарригопулосом описание суда вполне беспристрастно, поскольку почти полностью совпадает с описанием тех же событий в газете «Афина» (№ 732. 13.07.1840).

³ Paparrigopoulos à Catacasy. № 173. 13.07.1840. Л. 13–21.

⁴ См.: Catacasy à Nesselrode. № 325. 17.07.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 247.

⁵ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 333.

ции новых фактов, которые могут оказаться недостоверными, а как одно из объяснений подоплеки заговора, отражающее взгляды англофильски настроенных кругов общества.

Замешательство правительства в первый момент по получении сведений о «Филортодоксальном обществе» Лайонс и Аноним объясняют сознательной провокацией Гларакиса, желавшего выиграть время, чтобы дать возможность своим сообщникам замести следы. У короля появились подозрения о причастности Гларакиса к заговору, и он отстранил его от ведения этого дела, передав все полномочия Паикосу, но поскольку и тот был одним из заговорщиков, то продолжил тактику своего предшественника. Доказательство причастности к заговору Паикоса Лайонс видит также в его желании приуменьшить значение событий¹.

Впоследствии Лайонс писал Пальмерстону, что первый шаг, который предпринял Гларакис после обыска у Каподистрии, — это разослал эмиссаров в провинции, «чтобы предупредить местных агентов общества»². Судя по одному описываемому Генеосом Колокотронисом инциденту, подобного мнения придерживался не только английский посланник. Через некоторое время после обысков и допросов в столице, которые, как утверждает Аноним, были проведены не очень-то тщательно³, подобное же расследование началось и в провинциях. О результатах следствия в Калаврите местные приверженцы «русской партии» написали Генеосу, что властям не удалось ничего обнаружить. Генеос показал их письма Оттону и король сказал ему посоветовать им, чтобы снять с себя подозрения, всячески помогать уполномоченным центральной власти поддерживать общественный порядок. Генеос написал им об этом, но письмо послал не по почте, а с оказией, с человеком, который к тому же еще вез родственникам своих товарищей-строителей заработанные последними деньги. Прознав об этом, недоброжелатели Генеоса тотчас доложили военному министру Шмальцу⁴ о том, что он послал письмо и деньги в помощь своим друзьям-заговорщикам. Гонца схватили, и дело в конце концов разъяснилось. Так представляет этот инцидент Генеос⁵, но так ли все было на самом деле, определить невозможно.

Показательным же является то, что в участии в заговоре подозревался всякий, чьи симпатии были на стороне «русской партии», обоснованно или нет — это уже другой вопрос, но «русская партия» была основательно скомпрометирована. Об этом свидетельствовал и А. Пападопулос Вретос, который утверждал, что чудом избежал тюремного заключения, т. к. следственной комиссии было поручено арестовать всех, кто считался приверженцем покойного президента⁶. Любопытно отметить, что Аноним называет самого Пападопулоса Вретоса в числе активных участников общества⁷. В целом, потерпевшая сторона не без основания полагала, что подверглась довольно жестокому преследованию (тогда как их политические противники считали, что правительство проявило мягкосердечие в этом деле).

¹ См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840. Ανώνυμο υπόμνημα, 28. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794.

² Lyons to Palmerston. 20.02.1840. FO 32/96.

³ См.: Ανώνυμο υπόμνημα, 28. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794.

⁴ Шмальц Кристофер (1774–1849) — баварский генерал, один из тех, кто возглавлял пришедшие в Грецию в 1833 г. баварские войска. В 1833–1841 гг. — военный министр Греции.

⁵ См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα. (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 84–85.

⁶ См.: Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873. P. 7–8.

⁷ См.: Ανώνυμο υπόμνημα, 28. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794.

В связи с этим И. Папарригопулос, ссылаясь на общественное мнение, дал свою трактовку недовольству короля результатами судебного разбирательства. «Уверяют, — писал он, — что король желал осуждения обвиняемых, поскольку осуждение было бы в глазах публики как бы оправданием тех строгих мер, которые правительство приняло по отношению к ним»¹. В числе прочих мер этого рода отмечается и содержание политических заключенных, проходивших по этому делу, вместе с уголовными. Так, А. Пападопулос Вретос возмущается помещением Г. Каподистрии в печально знаменитую старую турецкую тюрьму Медресе².

Имеет смысл подробнее остановиться на том, что же представлял собой граф Георгий Каподистрия и другие «герои» этого дела. Граф Г. Каподистрия, младший брат покойного президента, к моменту раскрытия заговора находился в Греции около двух лет и прибыл туда для разрешения своих финансовых трудностей: по некоторым сведениям, на Корфу ему грозило тюремное заключение за долги, и он отправился в Афины в надежде взыскать с греческого правительства хотя бы часть денег, одолженных последнему когда-то его покойным братом³. Аноним, однако, утверждает, что денежные проблемы были только предлогом, а на самом деле Г. Каподистрия прибыл в Афины по делам тайного общества⁴. Но греческое правительство, разумеется, отказалось удовлетворить почти все его претензии, так как едва способно было выплачивать проценты и более значительным кредиторам.

Как ионический подданный, Г. Каподистрия обратился за помощью к Лайонсу, и тот составил ему протекцию «из уважения к его имени и жалости к его положению»⁵. Однако последние восемь месяцев, как утверждал Лайонс, Г. Каподистрия проводил время в основном в обществе секретаря Русской миссии Лелиса и К. Икономоса. После того, как в доме Каподистрии был произведен обыск, он снова стал искать защиты у Лайонса⁶. Таким образом, Г. Каподистрия был связан и с Русской и с Английской миссиями, поддерживал старые связи эпохи революции 1821 г. с сотрудниками покойного брата, но водил дружбу и с конституционалистами⁷. Примечательно, что этот факт впоследствии истолковывался обеими противоборствующими сторонами как доказательство причастности к заговору своих противников: англофилы и Лайонс утверждали, что «Филортодоксальное общество» организовано по инициативе Русской миссии, тогда как русофилы и Катакази уверяли, что весь инцидент спровоцирован Английской миссией с целью подорвать влияние России и «русской партии» в стране⁸.

Еще одна достойная внимания подробность: первой реакцией рупора «русской партии» «Эона» на раскрытие заговора была попытка представить весь инцидент как неоп-

¹ Paparrigopoulos à Catacasy. № 173. 13.07.1840. Л. 13–21.

² См.: Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873. P. 7–8.

³ См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840; Катакази. № 299. 08.01.1840. Л. 16; Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873., P. 7.

⁴ См.: Ανώνυμο υπόμνημα, 4–5. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροкорδάτου. Φ. 21. № 5794.

⁵ Catacasy à Nesselrode. № 299. 08.01.1840. Л. 16.

⁶ См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840.

⁷ См.: Wallenburg à Metternich. Цит. по: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 97–98.

⁸ См.: Lyons to Palmerston. № 6, 7. 08.01.1840; Catacasy à Nesselrode. № 317. 27.05.1840, № 325. 17.07.1840 и др. Л. 176–177, 246–247; Αίών. № 160. 05.05.1840, Globe. 30.01.1840; Il Portofoglio Maltese. 27.01.1840.

равданно раздутый ее политическими противниками, отмежеваться от обвиняемых, показать, что они люди ничтожные и недалекие, не имеющие ни влияния, ни прочной репутации, а потому заговор если и существует, то это не более, чем их глупая затея, но никак не дело всей «русской партии»¹. В том же попытка убедить Оттона и Г. Колокотронис², этим же духом пропитаны уже указывавшиеся дипломатические документы Паикоса. Характерно, что эта же линия неуклонно выдерживалась в донесениях Катакази своему министерству: он давал крайне негативные характеристики подозреваемым и пытался создать впечатление незначительности инцидента³. Что это: совпадение взглядов или общая политическая линия? Аргументов в пользу того или иного утверждения у нас пока недостаточно, но в дальнейшем изложении мы еще вернемся к этому вопросу.

Второй обвиняемый в участии в заговоре — полковник Никитас. Австрийский дипломат Валленбург характеризовал его как «самого ничтожного человека из капитанов», который своей репутацией доброго малого был обязан прозвищу «Туркофаг», но образ героя во время революции ему создали филэллы. Из уважения к правительству ему оказывали благосклонный прием в иностранных миссиях, но ни с одной из них он не имел тесных отношений, если не считать того, что регулярно присутствовал на обедах, которые давал дуайен дипломатического корпуса Г. Катакази. «Короче говоря, оба этих человека, — заключает Валленбург о Г. Каподистрии и Никитасе, — ничего из себя не представляют». Они либо орудия в чужих руках, либо просто жертвы интриги. Но «в первом случае заговорщики избрали довольно беспомощные орудия, а во втором весь заговор просто фикция»⁴. Такова позиция незаинтересованного наблюдателя. Как видим, она не очень расходится с точкой зрения Катакази.

Катакази и Лайонс отзывались о Никитасе более уважительно, однако последний, делая акцент на связях Никитаса с Русской миссией, считал это основанием для обвинения в заговоре⁵. Никитас, который при Каподистрии имел чин генерала, а при регентстве был понижен до полковника, действительно мог чувствовать себя обиженным, поэтому его неосторожные высказывания, приводимые Лайонсом, еще не свидетельствуют о его причастности к тайному обществу, так же как и тот факт, что Никитас был крестным отцом одного из детей Катакази.

Сведения о двух других обвиняемых в заговоре, Эм. Папасе и Н. Рениерисе, исходят в основном из косвенных источников и довольно противоречивы. О них мы подробнее скажем ниже.

Для понимания места заговора филортодоксов в социально-политической жизни страны особенно важен вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах могло быть основано «Филортодоксальное общество». Данные источников, а соответственно, и мнения историков на эту тему значительно расходятся. Так, самая «безопасная» дата, называемая в историографии, — это 1839 г.⁶. Но А. Меру, чье исследование специально посвящено истории тайных обществ в Греции, полагает, что до его раскрытия

¹ См.: Αἰών. № 120/121/122. 01.01.1840.

² См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 84–85.

³ См.: Catacazy à Nesselrode. №№ 299. 08.01.1840; 302. 12/24.02.1840; 306. 10/22.04.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 15–21, 57–58, 93–96.

⁴ Wallenburg à Metternich. Цит.: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 98.

⁵ См.: Lyons to Palmerston, № 6. 08. 01. 1840. Catacazy à Nesselrode № 299. 08. 01. 1840. Л. 15–21.

⁶ См.: Frazee Ch. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 153; Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. 13. Σ. 78; Lyons to Palmerston. № 36. 07.03.1840. FO 32/97.

«Филортодоксальное общество» существовало по крайней мере четыре года. Начало деятельности по подготовке создания общества связывается А. Меру с приездом К. Икономоса в Грецию (1834). Окончательно общество сложилось в 1838 г., когда Г. Каподистрия прибыл в Афины. Однако его использовали не как настоящего руководителя, а в качестве подставной фигуры, чтобы завоевать популярность за счет его имени¹. Но все эти датировки основаны, главным образом, на косвенных источниках.

То же самое относится и к датировкам, данным современниками событий. Так, Лайонс, заполучив в свои руки два частных письма 1838 г. и усмотрев в них намек на существование конспиративной организации, ничтоже сумняшеся назвал их доказательством существования заговора уже в то время².

Еще более раннюю дату основания «Филортодоксального общества» называет Аноним. Он пишет, что это общество было создано около 1830 г. в России под покровительством императора с целью воспрепятствовать ширящейся во всем мире деятельности протестантских Библейских обществ. Членами этого общества в Греции были служащие Русской миссии, Каподистрия, Никитас, Гларакис, Икономос и др. Именно в недрах этого общества и сложился постепенно (к 1838 г.) филортодоксальный заговор³.

Таким образом, Аноним различает «Филортодоксальное общество» и филортодоксальный заговор, считая второй развитием идей первого, поскольку к стремлению защитить православие постепенно добавились и цели чисто политические, а именно: учреждение наследственного Сената, состоящего только из автохтонов; отстранение неавтохтонов от военных и гражданских должностей (за исключением выходцев с Ионических островов, помогавших Греции во время революции); лишение гражданских прав семьи Мавромихалиса за убийство И. Каподистрии; отмена закона о независимости Греческой Церкви и подчинение ее Константинопольскому патриарху; закрытие всех американских (протестантских) школ в Греции и ликвидация книг, изданных Библейскими обществами; возведение памятника И. Каподистрии и предоставление значительных привилегий и должностей его братьям; признание королем Православия в качестве государственной религии и единственной веры его будущих наследников⁴.

Однако следует отметить, что эта программа не вполне согласуется с позицией, занятой «русской партией» на Национальном Собрании 1843–1844 гг., где русофилы выступили категорически против двухпалатного парламента, а впоследствии — против избрания сенаторов на пожизненный срок. Кроме того, приверженцы «русской партии» показали себя как противники дискриминации гетерохтонов. С другой стороны, взгляды «русской партии» по церковному вопросу приведенная «программа» отражает довольно точно. Вполне возможно, что автор «Анонимной записки» намеренно смешал правду с вымыслом и приписал русофилам всевозможные крайние взгляды, желая их опорочить.

Рассматривая структуру общества, Аноним и газета «Эон» говорили о наличии в нем трех степеней посвящения, местных комитетов и трехчленного верховного комитета, а также миссионерской деятельности (эmissарам общества выдавались специальные сертификаты)⁵.

¹ См.: Merou A. Les Sociétés à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984. P. 157–158, 163.

² См.: Lyons to Palmerston. № 36. 07.03.1840. FO 32/97.

³ См.: Ανώνυμο υπόμνημα, 1–2. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794.

⁴ См.: Там же. 6–7.

⁵ См.: Там же. 18–21. Αίωv. № 120/121/122. 01.01.1840.

Все это согласуется, с одной стороны, с изъятиями у заговорщиков во время обысков документами¹, а с другой стороны, удивительно напоминает структуру масонских организаций и «Филики Этерии». Подобное впечатление сложилось и у ознакомившихся с некоторыми материалами следствия дипломатов: Катакази писал, что проект устава общества, найденный в бумагах Г. Каподистрии, мог прийти в голову только старому этеристу времен 1821 г. Этот проект казался Катакази настолько анахроничным и нелепым, что он уверял Нессельроде в том, что если в пограничных провинциях и существует план восстания, то он ничего общего не имеет с этим проектом². Также и Валленбург оценивал общество в организационном плане как «модифицированную копию этерии, поднявшей восстание в Греции двадцать лет назад», а об изъятых у обвиняемых бумагах говорил, что это точная копия документов, имевших хождение в Греции в 1819–1820 гг.³ Кроме того, способы пропаганды филортодоксов и используемые в ней аргументы как две капли воды повторяют таковые «Филики Этерии».

В исследовании А. Меру «Филортодоксальное общество» названо прямым потомком колокотронисовского «Феникса», созданного в 1825 или в 1827 г. Подобного же мнения придерживался и современник описываемых событий французский наблюдатель Дювержье⁴. Однако, поскольку в данном случае мы имеем дело с конспиративными организациями, то в нашем распоряжении нет достаточных доказательств, подтверждающих или опровергающих эту точку зрения. Тем не менее, по этому поводу можно сделать следующие замечания: во-первых, структуру, подобную «Филики Этерии» или «Филортодоксальному обществу», имело множество конспиративных организаций в Европе той эпохи, откуда, собственно, она и была заимствована греками; и, во-вторых, в конце 1830-х–начале 1840-х гг. на Балканах существовали и другие конспиративные организации ирредентистского характера, причем негреческого происхождения. Особое оживление ирредентистских настроений было связано с Восточным кризисом 1839–1841 гг. Так что сходство структуры и некоторых документов указанных греческих тайных обществ само по себе еще ничего не доказывает.

Что касается вопроса о том, как именно возник заговор, то здесь самым обширным (и самым недостоверным) источником является Аноним. Он утверждает, что организатором заговора была «русская партия», действовавшая под непосредственным руководством Русской миссии и что в заговор был посвящен широкий круг военных и политиков. В качестве рекламы было решено использовать кого-либо из братьев покойного президента: сначала выбор пал на Виаро, но силою обстоятельств его место досталось Георгию⁵. По мере того как усложнялась организационная структура общества и расширялась его деятельность, все более чувствовалась необходимость в какой-нибудь громкой фамилии в числе руководителей (трехчленный комитет), для ведения более успешной пропаганды. Однако у большинства заговорщиков страх победил честолюбие и только «тщеславие Каподистрии и глупость Никитаса подвинули их занять это опасное место». Но третьего члена комитета (по церковным делам) найти так и не удалось⁶.

¹ Копии см. в донесениях Лайонса № 7. 08.01.1840 и Катакази № 300. 08.01.1840.

² См.: Catacazy à Nesselrode. № 299, 300. 08.01.1840. Л. 15–31; Ανώνυμο υπόμνημα. 13–14, 22–25. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794.

³ См.: Wallenburg à Metternich. Цит. по: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 97, 101.

⁴ См.: Merou A. Les Sociétés Secrètes à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984. P. 120. Duvergier de Hauranne. De la situation actuelle de la Grèce et de son avenir. // Le Revue des deux mondes. T. 8. 15 Oct. 1844. P. 198.

⁵ См.: Ανώνυμο υπόμνημα, 3–4.

⁶ См.: Там же. 12.

Относительно Эм. Папаса и Н. Рениериса, Аноним полагает, что они были людьми, случайно попавшими в общество, и, играя на слабостях Каподистрии и Никитаса, вывели все его тайны, которые Эм. Папас потом с легкостью выдал правительству. Аноним утверждает также, что, убедившись в невозможности реализовать свои цели мирным путем, заговорщики разработали несколько планов вооруженного восстания, для чего подготовили достаточные военные силы в провинциях, но в силу несогласованности действий руководителей и последовавшей вскоре отставки Гларакиса восстание так и не состоялось¹. Аноним обходит совершенным молчанием распространившиеся в обществе в первые дни после раскрытия заговора слухи о том, что на 1 января 1840 г. (ст. ст.) заговорщики намечали выступление с покушением на жизнь короля².

Совершенно иначе представлял себе положение дел Г. Катакази. Видя в лице Эм. Папаса и Н. Рениериса не более чем авантюристов, он полагал, что они-то как раз и подали Каподистрии идею создания общества (а не наоборот!), а тот привлек в него Никитаса³. Эту точку зрения подтвердило и расследование дела⁴. Подводя итоги всему случившемуся, И. Папарригопулос писал: «Из всех... фактов и сведений, почерпнутых мною из надежного источника, я считаю возможным сделать следующие выводы: что Г. Каподистрия принял план Эм. Папаса (о создании тайного общества. — О. П.), либо чтобы занять свою праздность, либо в надежде получить источник денег, за счет взносов прозелитов...; что Никитас поверил ему и сделался слепым орудием в чужих руках; что Эм. Папас сам стал орудием лиц, принадлежащих к конституционной партии, которые вначале подстрекали его как можно больше скомпрометировать Каподистрию и Никитаса, а потом посоветовали выдать их правительству»⁵. Как считал Катакази, точно таким же образом либералы (конституционалисты) использовали и Рениериса⁶.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме, волновавшей столичные умы все полгода, пока длилось следствие: был ли заговор делом рук «русской партии», вдохновляемой Россией или провокацией конституционалистов под руководством Лайонса? Валленбург приводит и третью версию: инцидент был спровоцирован французским поверенным в делах, чтобы дать повод французскому правительству обвинить Санкт-Петербург в дурных намерениях и воспользоваться плодами столкновения Англии и России в Восточном вопросе⁷.

Недоумения публики длились так долго, потому что каждая из сторон — обвиняемые русофилы и нападающая «английская партия» — изыскивала все новые и новые уязвимые места у своего противника, и страсти не утихали. Соответствующие позиции занимали и покровительствовавшие этим партиям Русская и Английская миссии. Катакази обвинял Лайонса в том, что он пытается воспользоваться этим инцидентом, чтобы укрепить свои позиции и получить контроль над политическим развитием страны⁸. Как мы уже видели, это обвинение было вполне обоснованным: Лайонс пытался

¹ См.: *Ανώνυμο υπόμνημα*. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ГАК. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794. 13–14, 22–25.

² См.: Lyons to Palmerston. №№ 6. 08.01.1840; 21. 31.01.1840. Catacazy à Nesselrode. № 303. 10.03.1840. Л. 64–65; Wallenburg à Metternich. Цит. по: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // *Balkan Studies*. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 100.

³ См.: Catacazy à Nesselrode. № 306. 10/22.04.1840. Л. 94 об.

⁴ См.: Paparrigopoulos à Catacazy. № 173. 13.07.1840. Л. 13–21.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Catacazy à Nesselrode. № 306. 10/22.04.1840. Л. 94 об.

⁷ См.: Wallenburg à Metternich. Цит. по: Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // *Balkan Studies*. № 7. Thessaloniki, 1966. P. 102.

⁸ См.: Catacazy à Nesselrode. № 302. 12/24.02.1840; № 303. 10.03.1840. Л. 57–65.

убедить Оттона в том, что вдохновительницей заговора является Россия. В некоторых иностранных газетах появились сообщения, написанные в том же духе¹. Несомненно, что, по крайней мере, часть опубликованной ими информации исходила от Лайонса.

В то же время Катакази считал, что за всем поднятым по поводу заговора шумом ничего серьезного не скрывалось, поскольку Г. Каподистрия, по его мнению, стал жертвой интриги и проект общества был внушен ему кем-то, кто хотел его подставить, чтобы таким образом скомпрометировать «русскую партию»². Об этом же писал Михаил Суцос Нессельроде, оправдывая «русскую партию» и уверяя его, что «кивернетики» сделались в глазах общества виновными в заговоре лишь благодаря интригам Лайонса и англофилов, тогда как эта партия, по определению, предана своему королю и его правительству, а значит, не может принимать участие в заговорах³.

Однако дальнейшее развитие событий делает вполне вероятным предположение о том, что Лайонс и англофилы не только пожинали плоды всего этого инцидента, но сами же его и спровоцировали. В одном из своих донесений, излагая Нессельроде ход дела, Катакази упоминал о том, что по выходе из тюрьмы Г. Каподистрия был взят на поруки англичанином Блэком, занимавшим при Армансперге значительный пост в полиции и в связи с этим писал: «Я... не могу удержаться от того, чтобы не заметить Вашему Превосходительству, и даже осмелиться сказать, что это обстоятельство мне кажется гораздо более важным и существенным, чем тысяча ложных слухов в адрес Императорской Миссии России по поводу тайного общества, о происхождении которых сегодня знает весь мир»⁴. О том, что Г. Каподистрия был использован англофилами, чтобы нанести удар по «русской партии», писал и А. Пападопулос Вретос⁵. На основании материалов следствия И. Папарригопулос сделал вывод о том, что Эм. Папас также был орудием в руках англофилов⁶.

Тем временем конституционалисты и покровительствовавшая им Английская миссия прилагали все усилия к тому, чтобы очернить не только «русскую партию», а вместе с нею и правительство, но также и Русскую миссию⁷. И, надо сказать, делали они это небезуспешно: образ русского посланника как организатора тайных обществ надолго укоренился в историографии⁸. Лайонсу и его подопечным тогда очень хотелось видеть Катакази во главе заговора с целью оккупации русскими Греции в результате новой революции, падения Османской империи и изгнания англичан с Ионических островов. Они пытались убедить общественность, что «доказательства русского происхождения заговора неоспоримы». «Я хорошо информирован о сущности этих доказательств, — писал в те дни Валленбург, — и знаю наверняка, из уст самого министра юстиции, что до сего времени их не существует вовсе»⁹.

¹ См., напр.: *Globe*. 30.01.1840; *Il Portofoglio Maltese*. 27.01.1840.

² См.: *Catacazy à Nesselrode*. № 302. 12/24.02.1840. Л. 57–58.

³ См.: *Soutzo à Nesselrode*. 11/23.04.1840. АВПРи. Гл. архив. Ф. 161/1. Д. 54. Л. 9–12.

⁴ *Catacazy à Nesselrode*. № 317. 27.05.1840. Л. 176–177. О поддержке, оказанной в то время Г. Каподистрии англичанами см. также: *Catacazy à Nesselrode*. № 325. 17.07.1840. Л. 246–247.

⁵ См.: *Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff*. Paris, 1873. P. 7.

⁶ См.: *Paparrigopoulos à Catacazy*. № 173. 13.07.1840. Л. 13–21.

⁷ См.: *Lyons to Palmerston*. № 6. 08.01.1840. *Catacazy à Nesselrode*. № 299. 08.01.1840. Л. 15–21; *Ανώνυμο υπόμνημα*, 29–30.

⁸ См., напр.: *Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία...* Т. 2. Σ. 382–383.

⁹ *Wallenburg à Metternich*. P. 98.

Следствие не только ничего не прояснило в этом вопросе, но еще больше запутало его. Как утверждает Аноним, вся информация о том, что Каподистрия и другие обвиняемые были «подставлены» конституционалистами, исходила от русофилов и имела целью создать впечатление, что «русская партия» к заговору непричастна, пожертвовав при этом обвиняемыми. Согласно Анониму, на Каподистрию и Рениериса, в пору их пребывания в тюрьме, оказывалось давление, чтобы заставить их на суде дать показания против конституционалистов¹. Это обстоятельство всплыло на суде, но судьи не дали ему хода², что, наряду с чрезмерно мягкой обвинительной речью прокурора, показывает, что суд был заранее спланированным действием, призванным достичь определенных результатов.

К результатам суда общественное мнение было уже подготовлено газетой «Эон». Как уже говорилось выше, первой реакцией «Эона» на раскрытие заговора была попытка отмежеваться от обвиняемых. Едва оправившись от первого шока, 1 января 1840 г. «Эон» вышел с внушительной передовицей «Филортодоксальное общество», воздействию которой впоследствии, по свидетельству Анонима, И. Филимон и его единомышленники «приписывали и нерешительность короля, и прекращение гонений и дальнейшего тщательного расследования»³. Аноним также утверждает, что И. Филимон был прекрасно осведомлен о ходе расследования, а потому мог манипулировать фактами, как ему вздумается.

Автор указанной статьи (возможно, сам Филимон), уделив, как водится, изрядное место риторике и выпадам в адрес своих политических оппонентов, все же подробно проанализировал все раскрытые в первые дни расследования факты и утверждал, что целью заговорщиков было освобождение занятых турками греческих территорий, и это не имеет никакого отношения к внутривосточной ситуации в Греции. Кроме того, автор изыскал все возможные отрицательные черты в биографиях и характерах обвиняемых и обратил внимание на то, что обыски и расследование, проведенные в Афинах и на островах, где вел пропаганду Н. Рениерис, не расширили круг лиц, подозреваемых в причастности к заговору. Между тем Лайонс в те дни писал Пальмерстону о том, что «доказательства причастности лидеров «русской партии» к заговору прибавляются ежечасно» и в качестве примера приводил обнаружение компрометирующих писем на Спеце у Коландруцоса и на Идре у Папаваленцаса⁴.

Давая общую оценку этому инциденту и реакции на него конституционалистской прессы, автор статьи приходит к выводу о том, что значение всей этой истории было намеренно преувеличено конституционалистами, желавшими добиться отставки министров-русофилов и отстранить «русскую партию» от власти. Примечательно, однако, что, оправдывая «партию» в целом, автор статьи не стал защищать Гларакиса: он писал, что, отстранение последнего от руководства расследованием было вполне правомерно, т. к. он «по совпадению» имел друзей среди заговорщиков. Автор статьи таким образом как бы предлагал компромисс: он готов был принести в жертву главную позицию «русской партии» на государственной лестнице в обмен на то, что преследования ос-

¹ См.: *Ανώνυμο υπόμνημα*, 31–34. Ссылки на Анонима даются по архивному экземпляру: ΓΑΚ. Αρχείο Μαυροκορδάτου. Φ. 21. № 5794.

² См.: *Paparrigopoulos à Catacazy*, № 173 13.07.1840. Λ. 13–21.

³ *Ανώνυμο υπόμνημα*, 29–30.

⁴ См.: *Lyons to Palmerston*, № 6. 08.01.1840; № 16. 20.01.1840; № 23. 03.02.1840. *Ανώνυμο υπόμνημα*, 1–3.

тальных сторонников партии будут прекращены. В целом, данная статья стала своего рода программой самообороны «русской партии» на последующий период.

Что же касается полемики с конституционалистами, обвинявшими в заговоре всю «партию», то главным аргументом «Эона» на этот счет был следующий: «Какой смысл, — писал «Эон» в конце января, — партии, представляющей большинство нации, устраивать заговор с помощью тайного общества? Партия — это группа людей, разьединенных расстоянием и не имеющих возможности общаться между собой; так что в рамках одной и той же партии совершенно излишне устраивать заговор посредством тайного общества, и не только излишне, но это также противоречит цели, ради которой, как утверждает «Афина», было основано общество, а именно — нарушить внутреннюю безопасность государства»¹.

Через некоторое время, однако, «Эон» сменил тактику, и «Филортодоксальное общество» в его статьях стало называться «Мизортодоксальным» (т. е. «антиправославным») в силу того, что теперь авторы «Эона» пытались представить весь заговор как английскую интригу, а общество, таким образом, как не только не защищающее православие, но напротив, подрывающее его позиции и именно с этой целью созданное «английской партией»².

Однако в этот период «Эону» пришлось защищать репутацию не только «русской партии», но и самой России в лице ее миссии в Афинах, служащих которой обвиняли в причастности к заговору³. Английский посланник всеми силами старался создать впечатление и у своего правительства, и у греческого общественного мнения, что русские дипломаты стояли во главе заговора. Так, на основе весьма сомнительных сведений, а также произвольной расшифровки некоторых сокращений в изъятых при обыске у подозреваемых документах, Лайонс утверждал, что одним из руководителей заговора был Катакази, в нем активно участвовал также секретарь Русской миссии Лелис, и что весь заговор был создан чуть ли не с благословения русского императора. Последний тезис для Анонима является неоспоримым⁴. Аргументы, использованные в данном случае Лайонсом, были восприняты и историографией. Еще одним доказательством причастности Катакази к заговору считается его поездка в Россию во второй половине 1840 г., которая расценивается как благопристойное удаление с поста⁵.

Лайонс полагал также, что ему удалось убедить в своем мнении короля и общественность: по его словам, «король Оттон неоднократно выражал обоснованную уверенность в том, что создание Филортодоксального общества уходит своими корнями к русскому правительству», а народное недовольство правительством за то, что оно недостаточно расторопно ведет расследование этого дела, «день ото дня становится все более очевидным»⁶. Недостаточную активность правительства в этих обстоятельствах Лайонс объяснял опять-таки давлением России на короля. «Я достоверно

¹ См.: Αἰών, παράρτημα. № 132. 31.01.1840. См. также вышеразобранную статью.

² См.: Αἰών №№ 140. 25.02.1840; 160. 05.05.1840; 167. 02.06.1840; 179. 14.07.1840 и др.

³ См., напр.: Αἰών. №№ 120/121/122. 01.01.1840; 140. 25.02.1840; 180/181/182. 21.07.1840.

⁴ См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840; № 14. 19.01.1840; № 16. 20.01.1840; № 23. 03.02.1840; Ανώνυμο υπόμνημα, 1–3.

⁵ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία... Т. 2. Σ. 383–385; Driault E., Lhéritier M. Histoire diplomatique... Т. 2. Р. 195; Frazee Ch. The Orthodox Church and Independent Greece. Р. 153–154. О целях своей поездки Катакази писал в ноте Паикосу от 25.09.1840. ΙΑΥΕ 20.7.1840.

⁶ Lyons to Palmerston. № 21. 31.01.1840; № 23. 03.02.1840; № 35. 28.02.1840; № 42. 26.03.1840.

информирован, — утверждал он, — что в распоряжении Его Величества достаточно доказательств в поддержку питаемого Им убеждения, но ему дан совет не разглашать их, чтобы снискать расположение русского императора и предотвратить, насколько это возможно, гибельные последствия обнаружения Его собственного плохого управления делами в течение двух последних лет»¹. Со временем, однако, позиция Лайонса в этом деле несколько смягчилась, видимо, доказательств против Катакази у него было все же недостаточно. В виновность Катакази не верила и общественность: все считали, что он лично непричастен к делу, но его скомпрометировал Лелис, который действительно был членом общества².

Другая выраженная в историографии оценка роли России и ее дипломатов в заговоре основывается частично на донесении Валленбурга Меттерниху. Валленбург утверждал, что никаких доказательств причастности к заговору Катакази, а также Гларакиса не обнаружено, и король официально заверил Катакази, что не имеет никаких подозрений на счет Русской миссии³. Социальной базой заговора Валленбург считал наиболее экстремистски настроенную часть духовенства, выступавшую против иностранных миссионеров, церковных реформ Регентства, за подчинение Церкви Константинополю и укрепление ее позиций. Главными выразителями этих идей он называл Икономоса и Лелиса⁴. Однако прямых указаний на причастность их к заговору все же нет. Сам Икономос определил весь инцидент как полнейшую клевету⁵.

Исследовав данные этого и других рассмотренных нами источников, а также общую политическую линию России в Восточном вопросе и, в частности, инструкции русского правительства Катакази, данные последнему при аккредитовании его в Греции, Б. Елавич, а за нею И. Петропулос и А. Меру пришли к выводу, что русское правительство не имело отношения к заговору, однако он был осуществлен «русской партией» и вдохновлен русскими дипломатами, которые, будучи греками по происхождению, не могли оставаться безучастными к событиям внутри страны. «Из трех держав, очевидно, русское правительство в наименьшей степени контролировало своих приверженцев в стране и своих собственных в ней представителей. Русская (или Напистская) партия фактически отстаивала принципы и политическую линию, шедшие вразрез, по крайней мере, с частью главных целей русского правительства относительно Османской империи в этот период»⁶.

О том, что русское правительство действительно не имело никакого отношения к заговору, со всей очевидностью свидетельствуют и русские источники. Весьма показательна в этом плане инструкция Нессельроде для Катакази, датированная февралем 1840 г. Прежде всего, в ней выражалось недовольство тем, что Катакази промедлил с сообщением о заговоре своему правительству, которое получило первые сведения о событиях со стороны австрийского правительства, с коим была проведена по этому поводу консультация. Меттерних предложил русскому правительству придерживаться совместной политической линии в Греции, основанной на принципе легитимизма.

¹ Lyons to Palmerston. № 23. 03.02.1840.

² См.: Lyons to Palmerston. № 35. 28.02.1840.

³ См.: Wallenburg à Metternich. P. 99, 101. Catacazy à Nesselrode. № 300. 08.01.1840. Л. 28–31.

⁴ См.: Wallenburg à Metternich. P. 96.

⁵ См.: Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα... Τ. 2. Σ. 433.

⁶ Jelavich B. The Philorthodox..., P. 91–92. См. тж.: Petropoulos J. Politics and Statecraft..., P. 330–335; Merou A. Les Sociétés... P. 156–157, 161–162.

Главные пункты этой политики, о которых Нессельроде извещал Катакази, сводились к следующему: во-первых, создание и поддержка в Греции сильного правительства, опирающегося на королевскую власть; во-вторых, единство действий в этом вопросе дипломатических представителей великих держав; и в-третьих, подавление активности всех политических партий как вносящих нестабильность в социально-политическую обстановку в стране. В заключение Катакази ставилось на вид, что эти положения полностью согласуются с данными ему инструкциями¹. Таким образом, непричастность русского правительства к заговору доказывается со всей очевидностью. Однако утверждение историков о том, что заговор был спровоцирован русскими дипломатами без ведома и вопреки политической линии русского правительства, продолжает оставаться на уровне гипотезы.

Сведений о том, какие действия предпринял сам Катакази после раскрытия заговора, в нашем распоряжении немного и они противоречивы. Так, если Лайонс кругом видел попытки Катакази защитить своих «сообщников», то А. Пападопулос Вретос, напротив, говорил о том, что Катакази в эти дни «не только не предоставил каподистрианцам своего покровительства, но наоборот, двери его гостиных были открыты для всех политических врагов России, чтобы создать впечатление, что Россия почти совсем не заботится о своих сторонниках»². Отметим, что сам А. Пападопулос Вретос довольно смело выступил в поддержку скомпрометированной «русской партии», издав в начале 1840 г. два сборника статей с апологией политики России в Восточном вопросе и, в частности, в Греции³.

Так или иначе, слухи о причастности Русской миссии к заговору достигли петербургского двора, и Катакази пришлось оправдываться. Этой теме посвящены несколько его отчетов и частное письмо Нессельроде, где он утверждал, что его самого никто и не думал обвинять в причастности к этому делу, а также отводил обвинения от Лелиса и Икономо-са (получавшего пожизненную пенсию русского правительства). В доказательство этого он привел официальное заявление короля о том, что у него нет и тени подозрения насчет Русской миссии (которое, однако, может быть расценено и как всего лишь дипломатический прием). Порочащие его слухи, пишет Катакази, пущены Лайонсом и подхвачены другими дипломатами, желающими подорвать влияние России в Греции. Спасая честь «русской партии», Катакази заверял Нессельроде, что никто из ее видных сторонников не имел тесных связей с Г. Каподистрией (следствие действительно не располагало против них никакими уликами) и что в доме самого Катакази тот бывал не более двух-трех раз, не считая больших праздников и приемов, на которые собирается весь город⁴.

Анализируя обстоятельства возникновения «заговора филортодоксов», уже многие современники приходили к выводу, что он был обусловлен не только внутривосточной ситуацией в Греции, но также и положением дел в Османской империи и другими внешнеполитическими обстоятельствами. Как полагал «Эон», заговорщиков на разработку их ирредентистских проектов подвигло, с одной стороны, возмещение социально-политической напряженности в Османской империи, порожденное войной

¹ См.: Nesselrode à Catacasy. 22.02.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 399–401.

² Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873, P. 8.

³ См.: Παπαδόπουλος Βρετός Α. Πολιτικά σύμμικτα. Φυλ. 1,2. Αθήνα, 1840.

⁴ См.: Catacasy à Nesselrode. № 306. 10/22.04.1840; № 310. 10/22.04.1840. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 94–102об., 120; Catacasy à Nesselrode. 11/23.04.1840. АВПРи. Гл. архив. Ф. 161/1. Д. 54. Л. 4–6.

с Мохаммедом Али, а с другой стороны, наметившийся тогда поворот во внутренней политике Порты, вызванный этими обстоятельствами. Как полагает Лайонс, заговор был раскрыт благодаря неосторожности его участников, стремившихся спешно противодействовать эффекту, произведенному в лимитрофных провинциях хатт-и-шерифом 1839 г., предоставлявшим равенство прав всем гражданам Османской империи¹.

В то же время уже в первые дни после раскрытия заговора стали высказываться опасения, что этот инцидент может повлечь за собой осложнения в отношениях с Портой. Так, «Эон» писал, что Порта может обрушить репрессии на ни в чем неповинное население указанных провинций, и надеялся лишь на то, что турецкие власти осознают тяжелое экономическое положение Греции, еще не оправившейся от национально-освободительной войны, а потому не готовой и не желающей ввязываться в новый вооруженный конфликт². Однако оснований для беспокойства у Порты было более чем достаточно: несмотря на заверения, данные турецкому поверенному в делах Мусуросу, что греческое правительство приняло все меры по предотвращению последствий заговора³, во время суда «было со всей очевидностью доказано, что защита веры была не более чем второстепенной целью заговорщиков, и название “Филортодоксальное общество” было ими использовано, чтобы привлечь на свою сторону христианское население провинций, в которых предполагалось поднять восстание, а также в качестве средства, с помощью которого они надеялись отвести опасность от греческого правительства, поскольку полагали, что в случае раскрытия заговора оно не будет скомпрометировано в глазах Порты Оттоманской, ибо внешне общество носит чисто религиозный характер»⁴.

Однако истинные цели общества были обнаружены, и одним из последствий этого было низложение очередного Константинопольского патриарха, который считался русским ставленником и был, к тому же, скомпрометирован найденным у заговорщиков адресованным ему письмом с просьбой о содействии (хотя оно так и не было отослано)⁵.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на создание «Филортодоксального общества», А. Меру справедливо называет то обстоятельство, что в 1839–1841 гг. весь Балканский полуостров кипел восстаниями, которые разжигали тайные общества⁶. О существовании в пограничных с Грецией провинциях Османской империи тайных освободительных обществ негреческого происхождения неоднократно свидетельствовал и Катакази⁷.

¹ См.: Αἰών. №№ 120/121/122. 01.01.1840. Lyons to Palmerston. № 9 12.01.1840. № 18. 30.01.1840; Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873. P. 8. Paparrigopoulos. № 173. 13.07.1840.

² См.: Αἰών. №№ 120/121/122. 01.01.1840. См. также ноту Катакази Паикосу от 30.12.1839, где греческому правительству настоятельно рекомендовалось пресекать все попытки нарушения целостности Османской империи, в сохранении которой были заинтересованы державы. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 401. Л. 92.

³ См.: Копию ноты Паикоса Мусуросу см. в: Paikos à Maurocordato. № 51. 17/29.07.1840. ΙΑΥΕ 18.1.1840.

⁴ Paparrigopoulos. № 173. 13.07.1840. Л. 13–21.

⁵ См.: Lyons to Palmerston. № 18. 30.01.1840. Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873. P. 8; Paparrigopoulos. № 173. 13.07.1840. Αἰών. №№ 138. 18.02.1840; 141/142. 03.03.1840; 143. 06.03.1840.

⁶ См.: Merou A. Les Sociétés Secrètes à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984. P. 138.

⁷ См.: Catacazy à Nesselrode. № 178. 05.05.1837; АВПРи. Ф. 133. Д. 8/1837. Л. 256об. – 258об., № 278. 11.06.1839. Ф. 133. Д. 11/1839. Л. 242.

В самой Греции заговор филортодоксов также не был единственным в своем роде: организацией тайных обществ занимались еще французская партия и Макриянис¹.

Исследуя феномен тайных обществ в Греции, А. Меру обоснованно отмечает их тесную связь с другими социальными явлениями — разбойничеством и восстаниями: «Деятельность тайных обществ, начиная с 1834 года, использовалась политическими партиями как для того, чтобы попытаться прийти к власти, так и для того, чтобы выразить ирредентистские тенденции среди народных масс. Тайные общества основывались в городах и пытались скоординировать действия разбойников, которые, в свою очередь, предоставляли тайным обществам источник вербовки новых членов, облегчали процесс их численного роста и создавали новые центры активности, которые могли быть использованы в нужное время для мобилизации»². К слову сказать, предположение о подобной связи высказывалось уже современниками³. С другой стороны, благодатную почву для распространения идей, лежавших в основе этих обществ, подготавливали некоторые представители духовенства, о чем подробнее будет сказано в следующем параграфе.

Что же касается оценки последствий дела о филортодоксальном заговоре, то здесь двух мнений быть не может: весь этот инцидент нанес серьезный моральный ущерб «русской партии». Видные представители этой «партии», занимавшие значительные посты в государственном аппарате — премьер Гларакис, губернатор Аттики Аксиотис, глава департамента церковных дел Мамукас, — были отстранены от своих должностей⁴. Полковник Никитас сослан на Эгину, вернуться оттуда ему удалось лишь благодаря неустанным попыткам «Эона» пробудить в своих читателях и в короле сочувствие к невинно пострадавшему герою революции 1821 г.⁵ В результате этого инцидента был смещен Константинопольский патриарх Анфим, что, в свою очередь, повлияло на удаление из Синода русофилов во время смены его состава летом 1840 г.⁶ Кроме того, «русская партия» подверглась травле в печати и претерпела множество других неприятностей⁷. Иными словами, влияние «русской партии» в стране в значительной степени упало, хотя, как полагает Б. Елавич, раскрытие заговора ни в коей мере не дискредитировало идей его руководителей⁸. Однако король получил хороший урок и с тех пор стал менее доверчив к притязаниям «русской партии». Был также значительно подорван престиж России, которую подозревали в причастности к заговору⁹.

Показательным является тот факт, что следствие не обнаружило никаких материалов, компрометирующих руководителей «русской партии». На этом основании И. Петропулос делает вывод о том, что заговор исходил от «низов» «русской партии» и таким образом стал выражением конфликта внутри самой партии, ибо был направлен против напистского правительства. Однако эта парадоксальная, на первый взгляд,

¹ См.: Merou A. Les sociétés... P. 120; Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 443 εξ.

² Merou A. Les sociétés... P. 120.

³ См.: Duvergier de Hauranne P. De la situation... P. 198.

⁴ См.: Гларакис, получив вначале назначение на пост губернатора Беотии, через несколько дней был совсем уволен с государственной службы. См.: Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840; № 8. 11.01.1840; № 12. 16.01.1840; № 21. 31.01.1840.

⁵ См.: Αἰών. № 227. 19.01.1840; № 245. 22.03.1841; № 273. 06.07.1841; № 283. 10.08.1840; № 295/296. 21.09.1841.

⁶ См.: Driault Ed., Lhéritier M. Histoire diplomatique... T. 2. P. 197.

⁷ См.: Papadopoulos Vretos A. Un Grec..., P. 7–8.

⁸ См.: Jelavich B. The Philorthodox..., P. 95.

⁹ См.: Duvergier de Hauranne P. De la situation... P. 203–211.

ситуация разрешается очень просто: главной мишенью заговора был все же король¹. О том, что филортодоксальный заговор был предтечей революции 1843 г., писали Дювержье². Кроме того, этот инцидент наглядно показывает, какие трудности приходилось преодолевать молодому греческому государству, входя в европейскую систему международных отношений, и как велико было влияние, оказываемое великими державами на политическое развитие страны. Ознакомившись с мнениями именитых коллег, позволим себе высказать собственное суждение об этом деле. Руководствуясь максимой о том, что из всех равновероятных объяснений самое простое наиболее вероятно, т. е. отвергая сложное и невероятное объяснение Петропулоса, можно утверждать, что «Филортодоксального общества» никогда не существовало, поскольку никаких прямых подтверждений этому пока не обнаружено. Весь инцидент был искусно срежиссирован английской дипломатией, стремившейся ослабить влияние России и Православия в Греции.

Пророчества о грядущем возрождении Византии

30 декабря 1839 г., т. е. сразу после раскрытия филортодоксального заговора, в англофильской газете «Афина» была опубликована статья под названием «Ошибка пророчеств о 1840 году». Ее автор со всей серьезностью анализировал феномен пророчеств, приводя богословскую аргументацию в пользу того, что пророчества о будущем *a priori* ложны. «Пророчества, оракулы, предсказания будущих событий и т. п. — заключал он, — это чистое шарлатанство, прельщение, и распространены только среди варваров, необразованных и глупых людей»³. Появление этой статьи именно в те дни, когда столица была взбудоражена самыми разными толками о только что раскрытом тайном обществе, далеко не случайно. Очевидно, автор публикации усматривал определенную взаимосвязь между целями и деятельностью «Филортодоксального общества» и пророчествами о том, что в 1840 г. наступит конец османского владычества в греческих землях и в Константинополе будет основана христианская монархия.

Для того чтобы адекватно оценить феномен пророчеств, придется несколько углубиться в историю. Предсказания о грядущем возрождении Константинополя как столицы христианского царства стали появляться, вероятно, сразу после его падения и, наряду с народными песнями и легендами, выражали веру в будущее освобождение и стремление к независимости. Однако, в отличие от последних, пророчества составлялись в ученой среде и лишь затем (в упрощенном варианте) распространялись в народе, что и обусловило характерные особенности этого жанра: нарочито запутанный, «магический» язык, многочисленные подражания Библии и др. Но не следует путать пророчества поствизантийской эпохи с пророчествами классической древности.

Пророчества о грядущем падении Константинополя и попрании христианских святынь неверными были распространены уже в поздневизантийское время. Примечательно, что тогда же появляются предсказания и о последующем освобождении города христианами. Популярными впоследствии «Видение Мефодия Патарского», «Пророчества Льва Мудрого» были известны уже Нестору Искандеру⁴.

¹ См.: *Petropoulos J. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece 1833–1843. Princeton, 1968. P. 329–330.*

² См.: *Duvergier de Hauranne P. De la situation ... P. 198.*

³ *Αθηναί.* № 682. 10.12.1839.

⁴ См.: Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 239.

Для большей убедительности время создания пророчеств намеренно удревнялось, а авторство приписывалось какому-нибудь выдающемуся лицу, жившему много веков назад. Например, патриарх Тарасий — в VIII в., император Лев Мудрый — в конце IX–начале X в. Самые древние пророчества о падении и восстановлении христианского царства были отнесены к эпохе Константина Великого¹.

Уже Н. Г. Политис отмечал «заметное изменение в профетической литературе, которая после падения Константинополя приобретает характер, отличный от прежнего, вдохновляясь сильным веянием оптимизма. Это уже более не обличение зла, предвещающее, как Кассандра, гибель и разрушения, но скорее обетование лучших времен и более счастливой судьбы»². Широко распространились также толкования Апокалипсиса, приспособленные к требованиям времени. Главную цель написания произведений апокалипсического жанра современный богослов Д. Доикос видит в «возвещении утешения страждущему под игом греческому народу»³.

Теперь наиболее привлекательной в этих произведениях становится тема не падения, а последующего возрождения христианского царства в Константинополе. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что из созданных ранее пророчеств наиболее известными оставались те, в которых содержалось указание на конечную победу христиан. О том, насколько популярны были такого рода пророчества уже в раннюю эпоху турецкого владычества, говорит то обстоятельство, что некоторые из них были известны и туркам. Последние делали из них свои выводы. В частности, были замурованы знаменитые константинопольские Золотые ворота, поскольку именно через них, согласно предсказаниям, должен был войти в город его христианский освободитель. Отныне они стали называться Закрытыми воротами (Καπάλυ καρύ).

Из всего многообразия этих произведений особого внимания заслуживают те, которые неоднократно переиздавались уже в освобожденном от турок независимом греческом государстве, ибо уже сам по себе этот факт требует объяснения. Среди них главное место занимает так называемый «Агафангел». Пояснение к заглавию «Видения блаженного Иеронима Агафангела» сообщает, что текст был составлен в Мессене (Сицилия) в 1279 г., в 1555 г. переведен на итальянский язык и издан в Милане, в 1751 г. сделан перевод с итальянского на греческий архимандритом Ф. Полиидисом. Однако большинство исследователей этого произведения полагают, что оно было написано самим Полиидисом, человеком образованным и много времени проводившим в странах Западной и Северной Европы, поскольку повествование точно описывает их историю XVI–первой половины XVIII в.⁴ Насчет того, когда было осуществлено первое издание «Агафангела», мнения историков расходятся⁵. Следующее издание вошло в Месолонги в 1824 г., но от него до нас не сохранилось ни одного экземпляра⁶.

¹ См.: Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 219.

² Πολίτης Ν. Γ. Δημώδεις δοξασίαι περί αποκатаστάσεως του Ελληνικού έθνους // Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα. Αθήνα, 1920. Τ. 1. Σ. 23.

³ Δοίκος Δ. Ο Αγαθάγγελος ως προφητικόν αποκαλυπτικόν έργον και το μήνυμά του // Μνήμη. 1821. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 120.

⁴ См.: Δοίκος Δ. Αυτόθι. Σ. 113–116; Πολίτης Ν. Γ. Δημώδεις δοξασίαι Δημώδεις δοξασίαι περί αποκатаστάσεως του Ελληνικού έθνους // Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα. Αθήνα, 1920. Τ. 1. Σ. 24.

⁵ См.: Н. Г. Политис полагал, что это произошло в Лейпциге в 1751 г., а А. Политис — в Вене, вероятно, в 1790–1791 гг. и что издателем был Ригас Велестинлис (подробнее см.: Πολίτης Α. Η προσγραφομένη στον Ρήγα πρώτη έκδοση του Αγαθαγγέλου // Ερανιστής. Αθήνα, 1969. Τ. VII. Σ. 174–175).

⁶ См.: Πολίτης Α. Η προσγραφομένη στον Ρήγα πρώτη έκδοση του Αγαθαγγέλου // Ερανιστής. Αθήνα, 1969. Τ. VII. Σ. 174–175).

В 1837–1838 гг. «Агафангел» был переиздан трижды¹, как раз во время возвышения «русской партии», что, на наш взгляд, не было случайным совпадением. К. Димарас, ссылаясь на брошенную мимоходом писателем и сатириком Александром Суцосом в 1836 г. фразу о том, что «уже почти год, как выражение благочестия сделалось общим влечением в Греции», а также на три переиздания «Агафангела» (на фоне относительно бедного издательского движения), вполне допускает, что за всем этим стоит фигура К. Икономоса, прибывшего в Грецию в 1834 г.² Главная причина популярности этого пророчества, по мнению А. Политиса, состоит именно в бессвязности и непонятности текста³. Это позволяло толкователям интерпретировать его в соответствии с политической ситуацией своей эпохи.

При составлении текста пророчества автор преследовал цель, прежде всего, религиозную. Об этом можно судить по общей антикатолической направленности пророчества⁴, а также по тому, что собственно греческим делам в нем уделяется довольно мало внимания. «Актуальность» «Агафангела» в конце 1830-х гг. связана с тем, что толкователи усмотрели в нем предсказание о том, будто восстановление Византийской империи произойдет не раньше и не позже 1840 г., что, собственно, и опровергал автор упомянутой статьи в газете «Афина».

«Агафангел» продолжал линию целого ряда более ранних пророчеств, таких как: «Видение Мефодия Патарского», «Пророчества на гробе Константина Великого», «Предсказание св. Кесария, епископа Арелатского», «Пророчество патриарха Тарасия», «Пророчества Льва Мудрого» и др., а также соответствующие толкования Апокалипсиса. Сюжеты этих пророчеств очень близки, поэтому комментатор и издатель «Агафангела», скрывшийся под псевдонимом «Зилопрофитис» (букв. — «ревнитель пророчеств»), с полным правом мог сделать выборку из них на интересующий его сюжет (восстановление Византийской империи в 1840 г.) и издать ее со своими комментариями⁵.

Издание это, однако, несколько запоздало: книга вышла в январе 1840 г., тогда как в декабре 1839 г. «Филортодоксальное общество» было раскрыто, а ведь именно оно ставило себе целью освобождение соплеменников, еще находившихся под турецким игом, т. е. реализацию изданных пророчеств. Так, например, русский посланник в Греции Г. Катакази в своей депеше графу К. Нессельроде от 8 января 1840 г. (№ 299) прямо указывал на то, что «поставленной свыше и должной реализоваться в 1840 году» целью общества заговорщики считали «завоевание Константинополя и образование новой Византийской империи под властью православного суверена». О том, что политические противники «пришили» пророчества к делу о «филортодоксальном заговоре», пишет и газета «русской партии» «Эон»⁶.

¹ См.: Χρησμοί του Αγαθαγγέλου. . Αθήνα, 1837; Ευσεβούς τίνος σύντακτου. . Ζηλοπροφήτου, Σύνταγμα Πνευματικών. Ερμούπολις, 1838; Στεφανίτζης Π. Δ. Συλλογή διαφόρων προρρήσεων. Αθήνα, 1838.

² См.: Δημαράς Κ. Θ. Ελληνικός Ρομαντισμός. Αθήνα, 1982. Σ. 375.

³ См.: Πολίτης Α. Η προσγραφομένη στον Ρήγαπρώτη έκδοση του Αγαθαγγέλου // Ερανιστής. Αθήνα, 1969. Τ. VII. Σ. 176—177.

⁴ См.: В середине XVIII в., когда было написано пророчество, католическая пропаганда действительно представляла собой серьезную угрозу православию в некоторых греческих землях и была также повседневной опасностью для греческой диаспоры в Европе.

⁵ Του Συντάκτου του Πνευματικού Συντάγματος. Απόδειξις προφητική. . Ερμούπολις, 1840.

⁶ См.: АВПри. Ф. 133. Д. 9/1840. Л. 17об; Αιών. № 120/121/122. 01.01.1840.

Основную цель своего сочинения автор сформулировал уже в заглавии: «Доказательство пророческое и одновременно историческое, что уже долгое время мертвый св. Царь Иоанн Комнин, восстав, как из глубокого сна, и будто из забытья явившись нетленно в нынешнем 1840 г. от Р. Х., восприимлет скипетр Царственного Константинограда»¹. Дата 1840 устанавливается путем манипуляций с различными содержащимися в «Агафангеле» числами². Правильность этих вычислений, по мнению автора, подтверждают современные ему события: «Тиран Византии Магомет погиб в 1839 г., разделенный надвое... невидимым Господом, и с ним погибла сила его на земле и на море»³. Этим речением, несомненно, описывается смерть султана Махмуда II и начало очередного Восточного кризиса, подавшего грекам надежды на присоединение новых территорий. Эти надежды основывались также на интерпретации того места из «Агафангела», где говорится что «баварец будет править империей»⁴, которое толковалось как предсказание будущего восшествия короля Оттона на престол в Константинополе. Кроме того, пророчества обещали не только восстановление Византийской империи в 1840 г., но и связывали с этим событием начало «золотого века»: «Об окончании скорбей восточного народа Христова» и «О начале неизменного благополучия на Востоке» — так назвал соответствующие статьи своего толкования комментатор «Агафангела»⁵.

Для поствизантийского пророчества и народного творчества тема воскресения императора и победы его над иноверными поработителями не нова. Чаще всего таким императором был Константин Палеолог. На этот раз роль восстановителя империи возлагалась на императора Иоанна II Комнина, правившего Византией с 1118 по 1143 г. и на протяжении практически всего своего царствования ведшего в целом успешные войны, в том числе против турок и арабов. В одной из битв он был ранен отравленной стрелой и через несколько дней умер. Расплывчатый текст пророчеств, приписываемых патриарху Тарасию, императору Льву Мудрому и др., позволил комментатору интерпретировать его в соответствии с обстоятельствами жизни и гибели Иоанна II Комнина⁶.

Выбор личности «спасителя», основанный на сходстве некоторых деталей, очень скоро был перенесен современниками в более близкие им времена: на основании совпадения имени, а также смутного указания на Ионические острова в одном из пророчеств⁷ и упоминания в другом («Агафангеле») некоего «чудесного защитника» с Керкиры, который явится внезапно и победит «чрезмерное высокомерие другого» и «устроит блестящие условия мира»⁸, император Иоанн Комнин был отождествлен ни с кем иным, как с покойным графом Иоанном Каподистрией (уроженцем Керкиры)!

Об этом свидетельствовал, например, английский посланник в Афинах Э. Лайонс в одном из отчетов своему министерству, касающихся дела о «Филортодоксальном

¹ Του Συντάκτου του Πνευματικού Συντάγματος. Απόδειξις προφητική. . . Ερμούπολις, 1840. Σ. 1.

² См.: Там же. Σ. 2–5.

³ Там же. Σ. 6.

⁴ Гл. 5, § 32 по изд. Зилопрофитиса.

⁵ См.: Του Συντάκτου του Πνευματικού Συντάγματος. Απόδειξις προφητική. . . Ερμούπολις, 1840. Σ. 58.

⁶ См.: Там же. Σ. 9–23.

⁷ См.: Χρησμοί Λέοντος του Σοφου, 9 // Στεφανίτζης Π. Δ. Συλλογή διαφόρων προρρήσεων. Αθήνα, 1838.

⁸ Гл. 7, § 40.

обществе». Э. Лайонс писал, что русский генеральный консул в Афинах И. Папарригопулос показывал шефу столичной полиции Ангелосу некую «святыню», представляющую собой «пророчество, будто Каподистрия в 1840 г. воскреснет из мертвых». Далее он замечает, что «г-н Папарригопулос и его единомышленники на островах, пытаясь пробудить веру в воскрешение Каподистрии в 1840 г., распространяли и истолковывали пророчество на эту тему, написанное в Месолонги»¹. Скорее всего, речь идет об упомянутом выше издании «Агафангела» 1824 г., которое до нас не дошло. В другом своем донесении Лайонс высказывал мнение о том, что пророчества были одним из средств, сознательно используемых Россией в ее политике по отношению к Греческой Церкви, и имели целью агитацию в пользу пересмотра церковного законодательства, принятого регентством².

О том, каковы были «география» и «аудитория» пророчеств в конце 1830-х гг., некоторое представление можно составить по Каталогу подписчиков на «Сборник различных пророчеств» Стефанидзиса, на издание Зилопрофитиса 1838 г. и по списку городов, в которые по подписке высылалось издание «Агафангела» 1837 г. Этот список включает в себя практически все города Пелопоннеса и материковой Греции, входившие тогда в состав греческого государства, а также Киклады и острова Саронического залива. Кроме того, издание 1837 г. попало на каждый из Ионических островов, в крупнейшие города греческих провинций Османской империи, а также в центры греческой диаспоры в Европе и на Ближнем Востоке. Зилопрофитис в своем издании приводит неполный каталог подписчиков, охватывающий только некоторые из Кикладских островов³. Полный каталог подписчиков присутствует только в издании Стефанидзиса, и из него явствует, что общее число подписавшихся составило около 1000 человек, а тираж книги — не менее 1300 экз. (только по предварительному заказу). Причем наибольшее число подписчиков оказалось, помимо столицы, в крупнейших городах Пелопоннеса, Месолонги и на Ионических островах. Среди них было много монахов и священников.

Из числа лиц, принимавших более или менее активное участие в политической жизни страны, чью политическую ориентацию удалось определить, большинство — приверженцы «русской партии», среди которых — Н. Стамателопулос (Никитас), сыгравший одну из главных ролей в деле о филортодоксальном заговоре, граф Дионисий Ромас, ярый сторонник «русской партии» на Ионических островах, издатель «Эона» И. Филимон и другие⁴. Таким образом, если написание и распространение пророчеств и не было частью политики России в греческом вопросе, то основную массу читателей и, вероятно, пропагандистов этого рода сочинений составляли все же люди, ориентированные на Россию, поскольку наибольшее распространение пророчества получили именно в тех регионах, где было сильно влияние «русской партии» (Пелопоннес, Ионические острова), или где остро ощущалась «католическая угроза» (Киклады).

Характерен тот факт, что среди подписчиков на издание Стефанидзиса не фигурирует ни одной фамилии тогдашних руководителей «русской партии», а также людей, близких министерству Гларакиса. Это лишний раз подчеркивает справедливость

¹ Lyons to Palmerston. № 6. 08.01.1840.

² См.: Там же. № 149. 10.12.1839. FO 32/90.

³ См.: Χρησμοί του Αγαθαγγέλου. Αθήνα, 1837. Σ. 40; Ευσεβούς τίνος συντάκτου Ζηλοπροφήτου. . . Σύνταγμα Πνευματικών. Ερμούπολις, 1838. Σ. 110–112.

⁴ См.: Στεφανίδης Π. Δ. Συλλογή διαφόρων προρρήσεων. Αθήνα, 1838. Σ. 201–215.

утверждения о том, что внутри «русской партии» не было единства, верхушка фактически проводила самостоятельную политику, протест «плебейской» части партии нашел свое выражение в «агафангелизме»¹.

Остается рассмотреть еще один вопрос: как соотносится распространение апокалипсической литературы с национальным самосознанием греков. Тот факт, что в период турецкого ига пророчества о грядущем восстановлении Византийской империи питали веру в освобождение и стали важным фактором, повлиявшим на развитие национально-освободительной идеологии, подготовившей в конечном счете обоснование революции 1821 г., сомнению не подлежит. Проблема заключается в том, что идея нации и идея православной империи в пророчествах еще не расчленены, что, собственно, и является одним из объяснений того парадокса, что духовенство, консервативный социальный слой, принимало участие в распространении утопических идей, представлявших угрозу самому существованию греческого государства: чем более консервативными были богословские и политические взгляды того или иного клирика, тем более радикальными были его позиции в отношении внешней политики.

В связи с этим интересно отметить, что в кругах православных традиционалистов в Греции и по сей день считается, что *ελληνικότητα* (принадлежность к греческой нации) и *ορθοδοξία* (православие) — одно и то же. Например, в своем выступлении на (педагогической) конференции миссионерского общества им. Василия Великого в 1992 г. С. Курусис пытался доказать, что в византийскую эпоху греческое национальное самосознание не только существовало, но и развивалось, достигнув наивысшей точки в момент перехода к указанному выше синтезу, именуемому автором «православным сознанием» (*ορθόδοξον φρόνημα*)². Другой показательный факт — греческие флаги над православными монастырями в Палестине.

Как справедливо указывает Я. Николопулос, «процесс перехода от панправославного миллениаризма к греческому национализму в время шел настолько медленно, что пограничная линия между этими двумя формами на сегодняшний день четко не определена»³. А другой греческий исследователь А. Политис в своей работе «Романтические годы» убедительно показал, что сдвиг в сторону национализма, по крайней мере на уровне идеологий, начался в 1840-е гг. Но развитие националистических концепций на этом этапе не приняло четких очертаний, о чем свидетельствуют неясность и расплывчатость понятия «Великая идея», в которое вкладывался самый широкий смысл: от создания сильного государства за счет внутренних ресурсов до призыва к походу на Константинополь⁴. «Агафангелизм», таким образом, явился переходной ступенью от имперской идеологии Средневековья к национализму Нового времени.

В целом, однако, в 1830-е гг. проблема выбора путей дальнейшего развития молодого греческого государства так и не была решена. Еще более остро она встала после революции 1843 г., когда установление конституционного строя вывело страну на

¹ Об этом см.: *Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968. P. 298.*

² Текст выступления см.: *Κουρούσης Σ. Η εθνική συνείδησις εις την ροήν του χρόνου εξ απόψεως παιδευτικής // Παιδαγωγικά ομιλίας. Αθήνα, 1993. Τ. 23. Σ. 71–95.*

³ *Nikolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek Nationalism // Balkan Studies. № 26/1. Thessaloniki, 1985. P. 47.*

⁴ См.: *Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 47–72.*

новый этап политического развития. В связи с этим в последующие десятилетия оставалась питательная почва для сохранения популярности пророчеств. Кроме того, сам факт создания греческого государства и расширение его территории в 1860–1880-е гг. воспринимался населением как начало исполнения пророчеств: с течением времени толкования на пророчества становятся все более оптимистичными.

Сохранилось много рукописей «Агафангела» рубежа XVIII–XIX вв., это и другие пророчества (с небольшими изменениями) были актуальными на протяжении всего XIX в.¹ Новые толкования на пророчества писались даже в XX столетии, например, на Кипре или на Афоне во время Второй мировой войны². Но каково же было мое удивление, когда я обнаружила свеженькую брошюру с полным текстом «Агафангела»³ на одной из афинских книжных ярмарок весной 1996 г.!

Меняющиеся исторические реалии находили свое отражение в новых редакциях пророчеств: например, в некоторых редакциях «Агафангела» содержатся довольно подробные сведения о русских монархах первой половины–середины XVIII в. О последующих же предсказывается, что «четвертый Петр будет делать славные дела», а его наследник пятый Петр «с победным знаменем Христовым воссияет в Византии»⁴. Поскольку это предсказание не сбылось, то в последующих редакциях из этого места пророчества были изъяты имена⁵ и оно получило менее определенный характер, дающий простор для новых истолкований.

Комментарии на пророчества чутко реагировали и на изменение политической обстановки. Так, например, представление о светловолосом народе-освободителе, который в XVIII в. прочно ассоциировался с русскими, в XIX в. постепенно отошел на второй план, что было связано как с ослаблением политического влияния России в Греческом королевстве начиная с середины столетия, так и с надвигавшимся столкновением русских и греческих геополитических интересов в Балканском регионе. Кроме того, успешные войны с турками вселяли в греков уверенность, что они смогут добиться исполнения своих мечтаний собственными силами.

Однако на протяжении длительного времени определенные пласты пророчеств сохранялись без изменений. На их основе постепенно формировались мифологемы, широко вошедшие в народное сознание. К числу таковых можно отнести представления об имени царя-освободителя, о центре православного царства, о последующей судьбе мусульман и о границах православного мира.

Тождество имен основателя Константинополя и его последнего христианского правителя расценивалось греками не как простое совпадение. Ему был придан символический смысл: тезка основателя города не мог погибнуть просто так, тем более что тело его не было обнаружено после взятия города турками. На этой почве появились легенды о том, что Константин Палеолог не умер, а был чудесно спасен Ангелом и погружен в сон. В определенное время он должен пробудиться, войти в город и

¹ См., например, издание: Αναγνωστόπουλος Μ. Ο Παλαιός και ο Νέος Αγαθάγγελος, ήτοι, Προρρήσεις περί της πτώσεως του μωαμεθανικού κράτους. Αθήνα, 1860.

² См.: Δοϊκος Δ. Αυτόθι. Σ. 126.

³ Ο Αγαθάγγελος. Οι προφητείες του για το μέλλον των εθνών και της Ελλάδος. Θεσσαλονίκη, n. d. К сожалению, и продавец не смог назвать мне дату выпуска книги, однако не приходится сомневаться, что она была издана в последние годы.

⁴ Ευσεβούς τίνος συντάκτου Ζηλοπροφήτου. . Σύνταγμα Πνευματικών. Ερμούπολις, 1838. Σ. 46.

⁵ См., напр.: Ο Αγαθάγγελος. Οι προφητείες του για το μέλλον των εθνών και της Ελλάδος. Θεσσαλονίκη, n. d. Σ. 27.

освободить его. Эти легенды оказали влияние на развитие событий во время борьбы вокруг Восточного вопроса в XVIII–XX вв., поскольку на их основе появилось устойчивое представление о том, что новый христианский правитель Константинова града будет носить то же имя. Наречение внука Екатерины II именем Константина внушило многим европейским дворам серьезные опасения, что Россия вынашивает планы создания православной империи на Босфоре. Известно, что один из племянников бездетного короля Оттона, которого прочили на греческий престол, также был наречен Константином. Воцарение же в 1913 г. на греческом престоле короля Константина, также неспроста получившего это имя, на фоне побед греческого оружия в Балканских войнах воспринималось греками как факт глубоко символический.

Другим символом, сохраняющим свое значение и по сей день, является Св. София. В эпоху османского владычества Св. София, в течение нескольких веков бывшая главным храмом Византийской империи, продолжала восприниматься как сакральный центр православного царства на Босфоре. Поэтому столицей возрожденного христианского царства мог быть только Константинополь. Здесь кроется одна из причин неудовлетворенности греков своим государством в XIX в.: важнейшая святыня продолжала оставаться под властью турок. Надежда на возобновление богослужения во Св. Софии подкреплялась хорошей сохранностью храма: турки не производили в нем кардинальных перестроек. Одна из возникших после завоевания города турками легенд гласила, что в день взятия города один из молившихся во Св. Софии монахов чудесным образом вошел внутрь стены храма. Он находится там и по сей день и продолжает свою молитву об освобождении города. Вполне понятно, что с возрождением христианского царства связывалось возобновление богослужения во Св. Софии. Никогда греки не были так близки к осуществлению этой мечты, как во время Первой мировой войны. Во время занятия Константинополя войсками Антанты греческому военному священнику Элевтерию Нуфракису в январе 1919 г. даже удалось отслужить во Св. Софии литургию после 466-летнего перерыва!¹

Одним из наиболее устойчивых представлений, которые были зафиксированы в пророчествах, стало представление о последующей судьбе мусульман. Для греков, конечно, речь шла в первую очередь о турках, но, поскольку понятия «турки» и «мусульмане» в сознании христианских народов Османской империи отождествлялись, то впоследствии предсказание об их судьбе было перенесено на мусульман вообще. Начиная с поздневизантийских пророчеств и вплоть до конца XX в. в профетической литературе (в том числе в устной монашеской традиции) говорится о том, что мусульманам уготована неодинаковая участь в эпоху восстановления христианского царства. Самим ходом вещей они будут поделены на три части: первая часть погибнет, другая примет христианство, а третья будет изгнана за пределы возрожденного православного государства².

Граница православного мира и будет проходить там, куда будут изгнаны оставшиеся мусульмане. Но что это за место? Пророчества содержат несколько вариантов его названия: Единодревное (Μονόδενδρον), Красное дерево (Κόκκινον Δένδρον)³, Красная яблоня (Κόκκινη Μηλιά)⁴. Наконец, у славянского писателя Нестора Искандера находим

¹ См.: Κούβελας Ι. Δ. Η τελευταία Λειτουργία στην Αγία-Σοφία // Σύνδεσμος. 1992. Τεύχ. 259. Σ. 82.

² См.: Του Συντάκτου του Πνευματικού Συντάγματος. Απόδειξις προφητική... Ερμούπολις, 1840. Σ. 25.

³ См.: Αυτόθι. Σ. 26.

⁴ См.: Ο Αγαθάγγελος. Οι προφητείες του για το μέλλον των εθνών και της Ελλάδος. Θεσσαλονίκη, n. d. Σ. 9.

также Единодубное¹. Поскольку на карте Малой Азии таких топонимов нет, становится ясно, что речь идет о месте мифическом. Из всех перечисленных наиболее употребительным стало название Красная яблоня, которое вышло за пределы пророчеств и прочно вошло в народную культуру новых греков, превратившись в особую мифологию.

Попробуем высказать некоторые предположения о его этимологии и содержании. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что во всех названиях упоминается дерево. Названия Единодревное и Единодубное прямо отсылают нас к древнему мифическому мировому древу. Мировое дерево характеризуется именно тем, что оно одно, т. е. единое. У славян сакральные свойства мирового древа часто приписывались дубу, возможно, с этим связано и название Единодубное. Большие проблемы вызывает интерпретация яблони: у древних греков в роли мирового древа выступала не яблоня (μηλέα), а ясень (μελία). По звучанию названия обеих пород деревьев очень близки и можно предположить, что утраченные в народном сознании сакральные свойства ясеня были по созвучию перенесены на яблоню.

Нашу гипотезу, соотносящую Красную яблоню с мировым деревом, подтверждает и наличие у нее свойств, обычно приписывавшихся последнему. Первоначально народное сознание представляло себе Красную яблоню как пограничный пункт на востоке Византийской империи, отделяющий ее от мира ислама. То есть речь шла о том, что мусульмане будут изгнаны за пределы христианского царства в том виде, как оно существовало в эпоху расцвета. Но четкой географической локализации Красная яблоня так и не получила, а потому с течением времени трансформировалась в понятие последнего опорного пункта и убежища мусульман. Таким опорным пунктом мог быть только сакральный центр мусульман — Мекка. И действительно, современный издатель пророчеств считает Красную яблоню символическим названием Мекки².

Мировое дерево в языческих представлениях часто располагается на окраине географического мира — там же мы находим и Красную яблоню — и одновременно в центре мира сакрального. Однако в христианскую эпоху языческая сакральность приобрела негативное содержание. К тому же, христианство приобрело свое сакральное дерево — дерево крестное. Поэтому у мирового древа, в котором в древности заключались и полезные, и опасные для человека свойства, теперь остались только последние. Самое неприятное из них — связь с миром мертвых. Это свойство наглядно показывает русское выражение «дать дуба». Мировое дерево расположено на краю земли, у самого входа в подземный мир, в страну мертвых, и назад оттуда дороги нет. Другая хорошо известная принадлежность границы двух миров — огненная река, которую пересекал Одиссей и герои русских сказок. Может быть, от огненной реки получило свой цвет и сакральное дерево, у которого должны найти свое прибежище мусульмане. Иными словами, они должны исчезнуть с лица земли. Соотнесение Красной яблони с Меккой косвенно говорит о том же. Поскольку же это мифическое дерево располагается на краю земли, то получается, что территория православного царства расширится до пределов ойкумены. Некоторые пророчества говорят об этом еще более четко: судьбу мусульман должны разделить и прочие иноверцы, а также еретики³.

¹ См.: Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 265.

² См.: Ο Αγαθάγγελος. Οι προφητείες του για το μέλλον των εθνών και της Ελλάδος. Θεσσαλονίκη, π. d. Σ. 9.

³ См.: Του Συντάκτου του Πνευματικού Συντάγματος. Απόδειξις προφητική. . . Ερμούπολις, 1840. Σ. 25.

Выросшая из пророчеств о возрождении Византии мифологема Красной яблони нашла свое отражение и в литературе более позднего времени. Любопытен с этой точки зрения рассказ «До Красной яблони» греческого историка и писателя Я. Влахоянниса¹, написанный на волне патриотического подъема эпохи Балканских войн 1912–1913 гг. В основу рассказа положен реальный эпизод: старый турок в результате трех греко-турецких войн вынужден был покинуть сначала Пелопоннес, потом Фессалию. Наконец греки пришли выселять его из Македонии. Влахояннис придал этим событиям символическое значение: началось чаемое греками изгнание турок. Герои рассказа в разное время и в разных частях Греции выражают намерение гнать турок до Красной яблони.

Авторитет пророчеств о грядущем возрождении православного царства со столицей в Константинополе был довольно высок на протяжении XIX–начала XX в., но после неудачной войны и обмена населением в 1923 г. он оказался в значительной степени подорванным. Однако мечта греков о возвращении Константинополя и изгнании турок до Красной яблони продолжает жить и до сих пор.

Рост интереса к пророчествам после создания греческого независимого государства не был случайным явлением. Пророчества давали богатый материал для создания государственной идеологии, поэтому на них и обратила внимание часть греческой политической элиты. Однако этот материал вновь поднимал вопрос о характере греческого государства, казалось бы решенный в годы революции и правления Каподистрии. Идея возрождения Византии была реанимирована.

РЕВОЛЮЦИЯ 1843 ГОДА

Новые искушения: Восточный кризис 1839 г. и борьба партий

Национально-освободительная революция 1821 г., приведшая к образованию в 1830 г. независимого государства на части греческих земель, все же не решила греческий вопрос окончательно: около 3/4 всего греческого населения, проживавшего на Балканах, все еще находилось в числе подданных султана. Поэтому процесс освобождения от турецкого ига греки не считали завершенным и готовы были воспользоваться удобным случаем для расширения своего государства за счет османских провинций, где проживало значительное греческое население и которые греки исторически считали своими: это, прежде всего, Эпир, Фессалия, Македония и остров Крит. И такой случай, как полагали радикально настроенные круги греческого общества, представился с началом событий, получивших название Восточного кризиса 1839–1841 гг.

Кризисная ситуация в Османской империи сложилась в связи с тем, что египетский наместник Мохаммед Али, давно уже мечтавший исторгнуть Египет из-под власти султана, в июне 1839 г., воспользовавшись смертью Махмуда II, выступил против турецких войск, нанес им сокрушительное поражение и получил все шансы для того, чтобы, пройдя через Сирию, нанести смертельный удар прямо в сердце империи. Однако европейские политики не могли допустить в тот момент распада Османской империи, и уже

---

¹ См.: Άπαντα των Νεοελλήνων κλασικῶν. Βλαχογιάννης. Τ. 6. Σ. 57–59.

в июле пять крупнейших европейских держав заявили о своем намерении вмешаться в турецко-египетский конфликт. Этот шаг свидетельствовал о том, что державы были готовы к совместным действиям ради сохранения целостности Османской империи.

В развитии кризиса принято выделять четыре фазы¹. На первом этапе четыре державы (Англия, Россия, Австрия и Пруссия) в обход Франции договорились об урегулировании конфликта в пользу Турции, что было закреплено Лондонским соглашением 15 июля 1840 г. Такая ситуация создавала условия чуть ли не для европейской войны, поскольку ущемленные французы искали способ восстановить свое влияние и престиж. Дипломатическая неудача Франции в восточных делах привела к падению правительства А. Тьера. Другое важное событие второго периода — подписание 27 ноября 1840 г. Александрийской конвенции, в которой Англия диктовала свои условия египетскому паше.

На третий этап приходится период с ноября 1840 по февраль 1841 г., когда новое французское правительство во главе с Ф. Гизо, наладив контакты с Россией, Австрией и Пруссией, постепенно вышло из изоляции и вернулось в европейский концерт держав, где в то время верховодила Англия. И, наконец, в течение четвертого периода Франции удалось полностью восстановить утраченные позиции, зато отчетливо проявилось ослабление позиций России, что было закреплено конвенцией о проливах, подписанной 13 июля 1841 г. Как писал по этому поводу победитель Гизо, «конвенцией 13 июля 1841 Порты была вырвана из-под исключительного влияния России и включена в сферу общих интересов и совместных решений европейских держав»². На последний период кризиса приходится также очередное критское восстание 1841 г.

Что же касается греческой внешней политики, то зависимость ее от великих держав была столь велика, что можно весьма четко выделить в ней фазы, совпадающие с изменением баланса сил в европейском концерте: вначале Греция, переориентируясь с преимущественно русофильского направления в равной степени и на другие державы, пыталась добиться получения Крита дипломатическим путем. На следующем этапе уже рассматривалась возможность войны с Турцией и велось заигрывание с отвергнутой Европой Францией на случай такой войны. Но по мере возвращения Франции в европейский концерт в Греции происходила переориентация как внешней, так и внутренней (попытка конституционных реформ) политики, дабы успокоить всемогущую Англию. И наконец, укрепление позиций Франции подтолкнуло греков к восстанию с ней близких отношений, поколебленных британским господством.

Однако события этого Восточного кризиса оказали влияние не только на внешнюю политику Греции, но и на внутривнутреннюю и социальную обстановку в стране. О том, какой интерес вызывали у греков эти события, свидетельствует хотя бы тот факт, что с июля по декабрь 1839 г. первая полоса газеты «Афина», одного из крупнейших изданий, была отведена анализу международной обстановки, а не редакционной передовице, как раньше.

Вследствие событий в Османской империи заметно оживились ирредентистские настроения в стране. Выступление Мохаммеда Али, поставившего под сомнение османское господство, внушило грекам надежды на присоединение греческих земель, находившихся еще под властью султана. Пользуясь слабостью центральной власти, вновь

¹ Подробнее об этом см.: *Petropoulos J.A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece*. Princeton, 1968. P. 344–345.

² *Guizot F. Mémoires pour servir a l'histoire de mon temps*. T. 6. Paris; Leipzig, 1864. P. 128.

активизировалось движение за независимость в Фессалии и Македонии, причем не без помощи греческих военных: к ирредентистскому движению в этих районах были причастны боевые командиры греческой революции 1821 г. — И. Велендзас, Дзамис Каратасос, Макриянис. Возродилась мода на тайные общества: даже такой далекий от военных дел человек, как преподаватель археологии А. Ризос Рангавис, намеревался вступить в тайное общество, которое собиралось сражаться против турок в Фессалии¹.

В связи с этим и в самой Греции усилились беспорядки, связанные с разбойничеством: со страниц газет не сходят сообщения о новых фактах разбоя и рассуждения о мерах борьбы с этим злом, с которым ни одно правительство не могло справиться². Однако объективно нестабильность ситуации в пограничных провинциях Османской империи прямым образом отражалась и на спокойствии провинций греческих, поскольку разбойники очень легко меняли свой статус — переходя турецкую границу они (при том же роде занятий) назывались борцами за независимость.

Об этом же писал русский посланник в Афинах Г. Катакази еще в мае 1839 г.: «Похоже, у афинского кабинета нынче появился новый повод для беспокойства — возможность в ближайшем будущем разрыва между Портой и Мохаммедом Али. Полагают, что последний не преминет послать своих агентов в Эпир и Македонию и попытается спровоцировать восстание в Турецкой Румелии, что неизбежно отразится на спокойствии лимитрофных провинций Греции»³.

Сами же греки, анализируя ситуацию, сложившуюся в связи с очередным витком Восточного кризиса и перспективы европейской политики в целом, приходили к еще более тревожным выводам. Больше всех в падении Османской империи, как писала газета «Эон», была заинтересована Россия, менее выгодно оно было Англии, Франции и Австрии: они считали ее временное сохранение необходимым для поддержания равновесия сил в Европе (поэтому они не поддержали и греческую революцию 1821 г.). Таким образом, положение дел в Восточном вопросе привело к сложным отношениям между державами. При этом в их политику оказались вплетены многие государства Европы и Азии (вплоть до Индии). Отсюда возникает угроза невиданной по масштабу (почти что мировой!) войны. Как бы ни сложилась ситуация во время этой войны, существование независимого греческого государства будет поставлено под угрозу, и уж тем более не будет возможности его расширить. Греция, таким образом, также была заинтересована в сохранении status quo⁴.

Как видим, «Эон» довольно реалистично оценивал международный аспект кризиса, а также предостерегал своих читателей от увлечения шовинистической эйфорией. В первую очередь это касалось критского вопроса. Освободительное движение на Крите было сильнее и организованнее, чем в других районах, и критяне уже неоднократно обращались к державам с различными предложениями об изменении статуса острова, однако безуспешно. Поэтому на повестке дня стоял вопрос о восстании. Чаша терпения критян переполнилась, когда по соглашению 15 июля 1840 г. остров, прежде занятый войсками Мохаммеда Али, вновь передавался Турции. После некоторых приготовлений в феврале 1841 г. на Крите было поднято восстание. Но

¹ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 89, 92–94.

² См.: Αίών. № 109. 05.11.1839; № 113. 19.11.1839; № 119. 10.12.1839; № 123. 03.01.1840, № 145. 13.03.1840; № 166. 29.05.1840 и др.

³ Катакази — Нессельроде. № 273. 11/23.05.1839. АВПРиФ. Д133. 11/1839. Л. 242.

⁴ См.: Αίών. № 77. 02.07.1839.

повстанцы, не получая помощи из Греции и испытывая давление европейских держав, через несколько месяцев вынуждены были сложить оружие.

Международная ситуация не позволяла греческому правительству оказать помощь восставшим соплеменникам, чего так желало общественное мнение. Но, несмотря на общий подъем национального движения и вполне понятное желание присоединить к Греции Крит, некоторые влиятельные круги, например, «русская партия», выступали против восстания на Крите, считая, что оно заранее обречено на поражение: своими силами критянам ни за что не справиться, а Греция также не может им помочь в силу своих внутренних трудностей и возможных международных осложнений, ибо великие державы хотели сохранить целостность Османской империи¹. Однако позиция официальных кругов Греции, которым вскружила голову возможность поживиться за счет своего старого врага, все же спровоцировала критское восстание.

Тем не менее, газета «русской партии» «Эон» после начала восстания на Крите всеми силами призывала своих читателей оказать помощь восставшим и выступала со вполне серьезными рассуждениями о судьбе Константинополя после того, как его отберут у турок: станет ли он принадлежать России или она будет просто покровительствовать образованному там христианскому государству². Территориальные претензии греков недвусмысленно выражены в одной из статей «Эона»: «Новой Греции... выгодно иметь не только для нее самой, но скорее даже для спокойствия и благополучия мира Тавр, Черное море, Дунай, горные хребты за Эпиром в направлении Австрийского государства, <...> к югу — моря Кипра, Родоса, Крита и Ионических островов.... Такая Греция... может связать и умиротворить мир, просвещая и благодетельствуя и себя, и окружающих. Такая и только такая Греция нужна миру, Европе и даже самим туркам»³. Неплохие аппетиты для людей, вроде бы сознававших невозможность территориальных приобретений в тот момент!

В отличие от «Эона», все же сумевшего достаточно объективно оценить ситуацию, газета «английской партии» «Афина» сразу же ухватилась за представившуюся возможность расширить границы: ее авторы полагали, что Турция все равно обречена, и пытались втолковать державам-покровительницам, что для них теперь выгоднее поддержать Грецию с ее территориальными претензиями, в первую очередь, на Крит, присоединения которого требовала «Афина»⁴.

Судьба еще не освободившихся от турок современников особенно волновала греков во время Восточного кризиса 1839–1841 гг. в силу целого ряда обстоятельств. Предыдущий кризис 1831–1833 гг., когда Мохаммед Али впервые проявил себя возмутителем порядка в Османской империи, не пробудил в них такого подъема национальных чувств из-за того, что они устали и были ослаблены многолетними войнами. Кроме того, многих привлекала перспектива начинавшегося государственного строительства.

Однако к концу 1830-х гг., видя, что создать жизнеспособное государство «изнутри», т. е. путем организации государственных и общественных структур, пока не удастся, взоры многих стали обращаться «вовне», т. е. в сторону территориальных приращений. Не случайно именно в это время в народной среде получили распространение пророчества о близящемся восстановлении Византийской империи. К тому же,

¹ См.: Αἰών. № 231. 02.02.1841; № 246/247. 28.03.1841 и др.

² Αἰών. № 277. 20.07.1841; № 278. 23.07.1841 и др.

³ См.: Αἰών. № 383. 27.09.1842.

⁴ См.: Αθηναί. №№ 629. 01.07.1839; 630. 05.07.1839; 631. 08.07.1839.

в период мирного строительства абсолютно без дела остались военные, которые всегда рады возможности применить свое боевое искусство. Лучшим доказательством того, что народ верил в близкую реализацию пророчеств, служит критское восстание.

Еще один фактор, который не мог не оказать влияния на сторонников решительных действий в отношении Турции, — это издание султаном Абдул-Меджидом в 1839 г. Гюльханейского хатт-и-шерифа, провозглашавшего равенство прав для всех подданных империи. Сторонники территориальных приращений в Греции боялись того, что объявленная Турцией эпоха реформ (танзимат) может привести к задуманным последствиям, а значит, условия жизни греческих подданных империи станут настолько благоприятными, что они и не захотят освобождаться от власти султана. Все эти обстоятельства подталкивали распространение и развитие на основе этноцентрического дискурса национальной идеологии, роль катализатора для которой сыграл Восточный кризис. Под национальной идеологией мы будем понимать «теоретическое обоснование перспектив этнокультурного и политического развития того или иного народа, пропаганду культурно-патриотических идей, распространение в массах национального самосознания»¹.

Красноречивым свидетельством складывания такой идеологии стал инцидент, связанный с так называемым соглашением Зографоса. В ноябре 1839 г. министр иностранных дел Греции К. Зографос отправился в Стамбул с официальной миссией поздравить Абдул-Меджида с восшествием на престол. Неофициальной целью его поездки была попытка склонить нового султана к заключению торгового соглашения с Грецией, которое могло бы в значительной мере стимулировать ее экономику. Момент для поездки был выбран не случайно: греки надеялись, что новый султан не будет следовать линии своего предшественника Махмуда II, который не мог простить грекам революции 1821 г. и потому избегал любых контактов со своими бывшими подданными. К тому же, в период кризиса, который тогда переживала Османская империя, ее правителям, как полагали греки, было бы на руку укрепление международного положения путем заключения соглашения о дружбе.

Абдул-Меджид действительно отнесся к этой идее благосклонно и выразил желание развивать с греческим государством дружеские отношения на взаимовыгодной основе. Переговоры успешно продвигались, и 3/15 марта 1840 г. было подписано греко-турецкое торговое соглашение сроком на 10 лет, урегулировавшее многие проблемы, стоявшие на пути нормализации отношений двух стран. Зографос отправился домой, полностью уверенный в успехе.

Однако публикация текста соглашения вызвала совсем иную реакцию в греческом обществе: посыпались упреки и недовольства тем, что соглашение ущемляло политические и экономические права греческих купцов по сравнению с коммерсантами других стран. Неудачливого дипломата обвиняли в предательстве и пособничестве русским интересам: «Зографос действовал в интересах России, — писал лидер одной из оппозиционных группировок генерал Макриянис, — и его снова послали в Константинополь заключить торговое соглашение с турками. Турки его надули, как и прочие иностранцы... и сделали для греков соглашение худшим, чем у нас было с турками до того, как мы взяли за оружие».² А английский посланник в Афинах Э. Лайонс

¹ Ненашева З. С. Историография проблемы определения понятия «национальная идеология» // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX–начале XX века. М., 1991. С. 34–35.

² Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 430.

даже утверждал, будто бы получил сведения о том, что Россия оказывала давление на короля Оттона, вынуждая его принять условия соглашения Зографоса¹.

Но если бы в действительности и существовали этому доказательства, то все равно нельзя было бы обвинить Россию в антигреческой политике: объективно соглашение шло на пользу Греции. К тому же Зографос был первым греческим политиком, удостоившимся приема у султана как дипломатический представитель. Уже хотя бы с этой точки зрения подписанный им договор являлся несомненным политическим успехом.

Однако движение протеста было столь мощным, что ни король, ни Государственный Совет ратифицировать соглашение не смогли. В ответ униженная Турция приняла дискриминационные меры по отношению к греческому импорту, что, в свою очередь, только усилило позиции националистов. Ратификация торгового соглашения с Турцией, подписанного Зографосом в марте 1840 г., была сорвана во многом благодаря стараниям печати, о чем с немалой гордостью сообщил «Эон»². Газеты различных политических группировок единогласно осудили Зографоса, называя его предателем³.

В принципе греки осознавали необходимость соглашения с турками⁴, но при этом старались урвать кусок побольше, рассчитывая воспользоваться кризисом внутри Османской империи. Но когда реальное положение дел продиктовало свои условия, то увлеченная национальной идеей греческая общественность не только отвергла это соглашение, но и закидала камнями его автора⁵.

Общественное мнение тогда не захотело и не смогло приспособиться к требованиям времени и обстоятельств. Греческий историк П. Каролидис полагал, что никакое серьезное сближение между Грецией и Турцией в то время было невозможно⁶. Однако это не так: прошло совсем немного времени, и, убедившись во время критского восстания в том, что великие державы не испытывают большого желания предоставлять грекам новые территории за счет Османской империи, некоторые стали задумываться, не напрасно ли они критиковали соглашение Зографоса, открывавшее путь к нормализации отношений с Портой⁷. Но самого Зографоса спасти было уже поздно: как политик он был полностью уничтожен.

Вся эта история, являющаяся, по сути, одним из аспектов Восточного кризиса 1839–1841 гг., со всей очевидностью свидетельствует о том, что все больший политический вес в Греции приобретала выступающая за решение спорных вопросов с Турцией вооруженным путем и поднявшая на щит лозунг национализма группировка И. Колеттиса, значительную часть которой составляли изнывавшие от бездействия военные. Одновременно другие «партии», в том числе «русская», стали отходить на задний план. Кроме того, тот факт, что королю и правительству пришлось отвергнуть объективно выгодное для

¹ См.: Lyons to Palmerston. № 60. 07.05.1840. FO 32/97.

² См.: Αἰών. № 165. 26.05.1840.

³ См.: Αἰών. № 157. 28.04.1840; № 164. 22.05.1840; № 172/173. 23.06.1840. «Афина» начала кампанию против Зографоса еще до публикации текста соглашения, осудив его автора на основе одних только слухов. — Αθηνά. № 704. 27.03.1840.

⁴ См.: Αἰών № 108. 25.10.1839.

⁵ См.: Зографоса закидали камнями в самом прямом смысле: как требовал обычай, каждый проходящий кидал камень в ворота его дома.

⁶ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Σ. 267.

⁷ См.: Αἰών. № 276. 16.07.1841.

страны соглашение в угоду националистам, подтверждает концепцию И. Петропулоса о том, что в это время в стране происходит не только распространение «Великой идеи», но и ее претворение в практическую политику¹. С другой стороны, это обстоятельство свидетельствует о наличии в стране политического кризиса: монарх, формально пользующийся неограниченной властью, фактически эту власть осуществить не может и вынужден уступить давлению политических группировок.

Восточный кризис в целом не только стимулировал развитие национальной идеологии в Греции, он также продемонстрировал ослабление позиций России в восточных делах, отход короля Оттона от политики ориентации на Россию и ослабление влияния «русской партии» в стране. Несмотря на то, что русофилы втянулись в общую националистическую волну, носителями национальной идеи, включавшей в себя понятия о дальнейших путях развития страны, уже становились не они, а «французская партия» во главе с Колеттисом. Проблема выбора путей развития становилась все острее как в силу разочарования неудачными результатами государственного строительства в предшествующие годы, так и из-за того, что Восточный кризис ясно продемонстрировал, что независимость Греции была в значительной степени номинальной, поскольку ее внешняя и внутренняя политика во многом определялась великими державами, осуществлявшими свое вмешательство в греческие дела как через своих дипломатических представителей, так и через покровительствуемые политические группировки.

Восточный кризис 1839–1841 гг. убедительно продемонстрировал, что за восемь лет своего пребывания в стране баварское регентство, а затем король Оттон не сумели создать нормально функционирующего государственного аппарата и добиться стабильного равновесия политических сил в стране. Мы уже говорили о том, какое положение сложилось к концу «русского правления» 1838–1840 гг., когда централизация административной системы, вместо того, чтобы привести к нейтрализации партий, на деле способствовала укреплению их внутренней структуры, и вместо того, чтобы сделать работу системы более эффективной, фактически вела к тому, что многие административные каналы оказались парализованы.

Как красноречиво писал в те дни Ф. Гизо, «в 1840 году Греция управлялась далеко не лучшим образом. Король Оттон, благородный человек, привязанный к тому, что он считал своим долгом или своим правом, он был насквозь пропитан максимами баварского двора, безмерно упрямый и погруженный в вечные сомнения и постоянное бездействие, парализовавшее его правительство и позволявшее финансовому беспорядку и политической агитации в его маленькой стране возрастать день ото дня. Население выражало недовольство, иностранные министры открыто осуждали короля, в особенности английский министр, сэр Эдмунд Лайонс, суровый и опытный моряк, обвинял его во всех грехах и настаивал на скорейшем установлении конституционного режима как на единственно эффективном лекарстве. Не столь велико было само зло, сколько появление жалоб: несмотря на ошибки и бессилие власти, умственная и физическая активность греков развивалась с большей свободой в действительности, чем на бумаге, и с большим успехом в настоящем, чем гарантией на будущее. Возрождалось сельское хозяйство, процветала торговля, возрастало население, в Афинах оживилась страсть к образованию и науке — эта возрождающаяся нация,

---

¹ См.: *Petropoulos J. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece 1833–1843. Princeton, 1968. P. 346.*

несомненно, располагала перспективой и будущим»¹. Оценка весьма справедливая: лучшим аргументом в ее пользу служит рост населения: несмотря на административный хаос и политическую нестабильность, к 1840 г. население Афин, по данным газеты «Эон», составляло уже около 18 тыс. чел.² Согласно другому источнику, в 1841 г. в Афинах проживало 22 тыс. чел.³ Как свидетельствует посетивший Грецию в начале 1830-х гг. англичанин В. Грег, при турках население Афин составляло около 5 тыс. чел., но в результате освободительной и гражданских войн в городе осталось не более 300 жителей⁴.

Кризис административной системы, рост активности партий и оживление ирредентистского движения, которое, как свидетельствует дело «Филортодоксального общества», могло быть повернуто и против правящих кругов, свидетельствовали о наличии глубокого политического кризиса в стране. К концу 1840 г. положение осложнилось настолько, что с особой миссией в Грецию приехал баварский наследный принц Максимилиан (декабрь 1840–август 1841 г.), дабы помочь Оттону выпутаться из создавшейся ситуации. Главной задачей Максимилиана было наладить отношения между Оттоном и английским посланником Лайонсом, которые, отягощенные и личной неприязнью, были доведены почти что до открытого разрыва.

Другой причиной недовольства англичан был тот факт, что Восточный кризис подтолкнул рост патриотических настроений в стране и грозил превратить Грецию из оплота спокойствия на Ближнем Востоке в новый очаг напряженности. Не могли англичане радоваться и переориентации греческой политики на Францию. Поэтому Англия была непосредственно заинтересована в выходе Греции из политического кризиса, лучшим путем которого англичане считали реформы.

В связи с этим Лайонс провел ряд бесед с греческим правительством о необходимости введения конституции и ряда преобразований. Одним из аргументов в этой беседе было сложное финансовое положение: свое очередное требование о выплате процентов по займу в 60 млн английский посланник сопровождал угрозой в противном случае конфисковать часть греческих судов⁵.

Оттон проявил некоторый интерес к этим просьбам, в надежде на экономическую помощь и дипломатическую поддержку в пересмотре торгового соглашения в пользу Греции, к тому же на него давил Максимилиан. Результатом этих политических игр было назначение А. Маврокордатоса главой Министерства иностранных дел и премьер-министром⁶. Этот шаг должен был удовлетворить английских политиков по двум причинам: во-первых, Маврокордатос принадлежал к «английской партии», а во-вторых, выступил с конституционной программой.

Кратковременное пребывание у власти правительства Наврокордатоса и попытка проведения реформ, которые могли бы стимулировать движение страны к конституционному режиму, получили впоследствии название «случая Маврокордатоса». Соглашения 1832 г., определявшие статус Оттона, вопрос о конституции четко не оговаривали. Впрочем, в тот момент не это было главное, что интересовало греков:

¹ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. T. 6. P. 259.

² См.: Αἰών. № 107. 22.10.1839.

³ См.: Buchon J. A. La Grèce continentale et la Morée. Voyage, séjour et études historiques en 1840 et 1841. Paris, 1847. P. 166.

⁴ См.: Greg W. Sketches in Greece and Turkey. L., 1833. P. 73.

⁵ См.: Αἰών. № 244. 19.03.1841.

⁶ См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδος. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 120.

в новом монархе видели, прежде всего, символ единства нации. После стольких лет войн и междоусобиц перспектива мирного государственного строительства представлялась весьма радужной. Однако баварское правление очень скоро принесло первые разочарования (хотя причина была не столько в баварцах, сколько в самих греках).

Со временем становилось все более очевидным, что европейские понятия баварцев о способах управления государством мало соответствуют греческой действительности, а король Оттон обладает далеко не выдающимися способностями государственного деятеля. Вот тут-то некоторые недовольные и вспомнили о спасительной идее конституции, введение которой, как они считали, помогло бы избавиться от баварцев и иностранного вмешательства вообще, ограничить власть неспособного короля и прийти к власти им самим. А уж они-то, как им казалось, точно знали, что и как нужно сделать для процветания Греции и своего собственного.

Как справедливо пишет Г. Аспреас, слово «конституция» вошло в употребление среди недовольных еще при Армансперге. «Но среди как военных, так и политиков, боготворивших это слово, немногие могли просветить если не народ, то хотя бы самих его почитателей относительно конкретных преимуществ этой таинственной системы — настолько смешанны были понятия о либеральных системах в умах греков и настолько младенческими были их представления в ту эпоху»¹. Чаще всего под конституцией понималась просто неограниченная свобода². Современные греческие историки вынуждены с горечью признавать, что те, кто называл себя конституционалистами, не понимали, ни что такое конституция, ни чем она полезна³. Но при этом «все, и главным образом Макриянис, знали, что конституция предоставляет больше возможностей для махинаций»⁴. Даже после восстания 3 сентября 1843 г. Т. Пискатори писал в Париж о том, что, требуя конституции, греки на самом деле требуют «хорошего правления», а не предоставления демократических свобод как таковых⁵.

После отставки Армансперга «периодическая печать, еще более раздраженная заменой канцлера премьер-министром, которого она и прежде считала и называла инструментом Австрии и врагом свободных режимов, с самого начала встала в открытую оппозицию к нему и настойчиво требовала конституции. Но вожди политиков, хотя и были все сторонниками конституции, однако расходились между собой во мнениях относительно сроков ее предоставления. Маврокордатос, Заимис и Колеттис считали нацию еще не готовой, а Трикупис, напротив, полагал, что подготовка произойдет в ходе самого конституционного правления. По мнению первых, прежде должен быть наведен порядок и гарантированы права и свободы при помощи административных реформ, чтобы подготовить нацию к нормальному и безопасному использованию конституционных институтов»⁶. А Трикупис «как монархию считал необходимой в качестве символа греческого единства, точно также конституционную свободу — символом развития нации»⁷.

¹ Ασπρέας Γ. Πολιτική ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. Τ. 1. 1821–1865. Αθήνα, 1922. Σ. 145.

² См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 110–111.

³ См.: Ραφαηλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους (1830–1974). Αθήνα, 1993. Σ. 35.

⁴ Там же. Σ. 39.

⁵ См.: Piscatory à Guizot. 16.09.1843. Оpubл. в: Πούλος Ι. Η επανάσταση. . . Σ. 233.

⁶ Δραγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 24.

⁷ Там же. Σ. 24–25.

Самую здравую позицию из всех сохранял старик Колокотронис: в 1843 г. он говорил о конституции, что «прежде необходимо научиться музыке, а потом устраивать концерт», т. е. что он не сомневается в благих побуждениях конституционалистов, однако одних побуждений мало, нужны еще и знания¹.

Главным центром распространения конституционных идей традиционно была Английская миссия и пишущая под ее диктовку газета «Афина»². Когда же весной 1839 г. на конституционалистские позиции перешла «русская партия», то это было воспринято многими как тактический маневр. Что же касается мнения короля по этому поводу, то он, как утверждает А. Ризос Рангавис, всегда думал об этом, но никак не мог решиться на введение конституции, полагая, что этот предмет требует тщательного изучения³. Трудно сказать, насколько можно доверять этому сообщению, поскольку мемуары Ризоса Рангависа — очень недостоверный источник. Фанариот А. Ризос Рангавис, проживший долгую жизнь и находившийся многие годы в гуще политических событий, «написал четыре толстых тома в похвалу фанариотам, еще больше своему дому и более всего самому себе»⁴. Известный историк греческой культуры К. Димарас упрекает его в том, что «этот умнейший человек, с его широким кругом занятий и разнообразной карьерой, мог бы в своих воспоминаниях осветить целое столетие греческой истории. Вместо этого он... углубляется в личные впечатления и случаи из своей жизни, которым не пытается и не может придать символического характера»⁵. Мемуары А. Ризоса Рангависа очень субъективны даже для этого жанра источников и часто страдают неточностью. Как справедливо писал К. Димарас, «пишущий много, быстро и невнимательно, он (Ризос Рангавис. — О. П.) не успевает проверять то, что пишет, и поэтому как его научные и литературоведческие труды, так и мемуары — неисчерпаемый источник ошибок, которым он доверяет без критического анализа; с другой стороны, его критика поспешна и неумела, полна готовых шаблонов и предубеждений»⁶. Сам Ризос Рангавис относился к мемуарам как к своего рода роману, а потому к точности особенно не стремился: «Я пишу эти воспоминания не потому, что могу рассказать о других нечто замечательное, но испытывая удовольствие от изображения прошлой жизни в зеркале памяти»⁷. И надо отметить, в этом он преуспел: его воспоминания, несмотря на то, что написаны на кафаребусе, доставляют удовольствие читателю доступностью изложения и выразительностью изобразительных средств.

Однако либеральные речи Английской миссии в действительности имели целью отнюдь не прогресс Греции. Согласно логике Пальмерстона, «там, где отсутствует конституция, должно преобладать австро-русское влияние»⁸. Пальмерстону, как писал в те дни Михаил Суцос, «повсюду мерещится влияние России. Он и в самом деле полагает, что единственное средство воспрепятствовать этому влиянию — это

¹ См.: Δραγούμης Ν. Ιστορικάί αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 32.

² См., напр., выступления «Афины» в №№ 529 06. 05. 1838, 533 12. 06. 1838, 549 09. 08. 1838.

³ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Σ. 126.

⁴ Δημαράς Κ. Θ. Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 1968. Σ. 256.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Σ. 274–275.

⁷ Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 1. Αθήνα, 1894. Σ. 5.

⁸ Μ. Soutzo à Othon. № 1. 12/24.03.1838. ΓΑΚ. Οθωνικό αρχείο. Υπουργείο Εξωτερικών. Φ. 87.

ввести повсюду конституционные институты»¹. Особое недовольство английского кабинета вызвала отставка его протеже Армансперга и назначение во главе греческого министерства Рудхарта, считавшегося сторонником Австрии и России: именно с этим была связана задержка с предоставлением очередной серии союзнического займа Греции, а также усиление конституционной пропаганды².

«Старым конституционалистом» был и Макриянис: еще в 1837 г. Афинский городской совет с его подачи принял резолюцию о необходимости введения конституции в Греции (в результате совет был распущен, резолюция изъята из его протоколов, а сам Макриянис подвергся преследованиям)³.

Что же касается «русской партии», то она довольно долгое время лишь в последнюю очередь могла быть ассоциирована с конституционализмом и выступала в поддержку монархического принципа. Но летом 1839 г., как мы уже говорили, произошел внезапный поворот во взглядах этой группировки, показателем которого стала смена ориентации газеты «Эон», перешедшей в лагерь конституционалистов.

Этот поворот казался тем неожиданнее, что «русская партия», перейдя на позиции защитницы конституции, стала поддерживать крайних либералов, требовавших безотлагательного введения конституции. В ее отсутствии видит теперь «Эон» причину всех бед Греции: бессилия власти, экономического кризиса, беспорядков и разбойничества⁴. Более того, без конституции «Эон» считал незавершенным дело, начатое революцией 1821 г.: «В национальный день 25 марта греки узнали свою свободу, а король свой трон. Ради этого Национального дня на девять лет были приведены в движение Азия и Европа, и достойной наградой за пролитые потоки крови и столькие жертвы может служить только одно — **конституционный трон**»⁵. А своих политических противников новоиспеченные либералы тут же окрестили «псевдоконституционалистами» на том основании, что, дескать, «французская» партия, следуя взглядам своего покровителя Гизо, считает страну не готовой к введению конституции, а выступления англофилов и английского кабинета просто неискренни⁶. Но введение конституционных свобод «русская партия» допускала только мирным путем⁷.

Однако, несмотря на эту смену курса, в глазах многих «русская партия» продолжала оставаться оплотом консерватизма: именно этим объясняются манифестации протеста молодежи у дома Гларакиса⁸. Сам же Гларакис остался верен королю и, чтобы продемонстрировать свою непричастность к выступлениям «Эона», летом 1839 г. основал свою газету «Эллас» («Греция»), просуществовавшую вплоть до его отставки.

Смена ориентации расценивалась многими как политический маневр: «Россия увидела, что, продолжая поддерживать антинациональную правительственную систему короля Оттона, она дискредитирует себя в глазах греков; следовательно, чтобы

¹ M. Soutzo à Nesselrode 25. 02/09.3.1838. ГАК. Οθωνικό αρχείο. Υπουργείο Εξωτερικών. Φ. 87.

² См.: M. Soutzo à Othon. № 1. 12/24.03.1838. ГАК. Οθωνικό αρχείο. Υπουργείο Εξωτερικών. Φ. 87.

³ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 411–412.

⁴ См.: Αιών. № 101. 01.10.1839, № 148. 25.03.1840.

⁵ Αιών № 148. 25.03.1840. № 487. 24.11.1843.

⁶ См.: Αιών. № 279. 27.07.1841; № 293. 14.09.1841.

⁷ См.: Αιών. № 281. 03.08.1841; № 293. 14.09.1841.

⁸ См.: Αιών. № 123. 03.01.1840.

восстановить свою репутацию, она сочла необходимым присоединиться к Англии в выражении оппозиции этой системе»¹.

Выступления в защиту конституции шли параллельно с антибаварской кампанией, поскольку считалось, что именно отсутствие конституции создает баварцам благоприятные условия для злоупотреблений. Их изгнание помогло бы также сэкономить часть казенных денег и тем самым поправить тяжелое финансовое положение страны².

Чем же была вызвана такая резкая смена взглядов? Вероятно, есть доля истины в версии о том, что некоторые деятели «русской партии» стали осознавать, что, хотя значение магического слова «конституция» оставалось для многих загадкой, оно все больше владело умами, а потому не поддержать эту идею значило обречь себя на обвинения в консерватизме и падение популярности. Однако утверждение Лайонса о том, что данная смена курса «русской партии» была продиктована ее могущественной северной покровительницей, нам представляется мало обоснованным: вряд ли можно было ожидать подобного шага со стороны императора Николая, прославившего последовательным легитимистом и защитником монархического принципа.

С другой стороны, следует обратить внимание на то обстоятельство, что смена ориентации напистской газеты «Эон» произошла в то время, когда у власти находились министры-русофилы. Эта ситуация очень любопытна. Она свидетельствует об отсутствии единства в рядах самой «русской партии», о том, что ряд ее приверженцев, представителем которых являлся И. Филимон, были недовольны политикой Гларакиса и готовы были поддержать конституционалистов, т. е. пойти на сближение с другими партиями. Об этом же свидетельствует тот факт, что Гларакис, получив отставку после раскрытия «Филортодоксального общества», надолго сошел с политической арены. С другой стороны, вопрос о конституции не составлял принципиальной основы программы русофилов и потому легко мог быть пересмотрен. Однако, как замечает Пискатори, русский посланник оставался принципиальным противником конституции³.

Так или иначе, но подобная смена курса отвечала требованиям времени. Она говорит о том, что «русская партия», вопреки всем обвинениям в косности и консерватизме, умела к этим требованиям приспосабливаться. Эта переориентация также открывала русофилам возможность наладить контакты с другими партиями и совместными действиями добиться изоляции режима. Именно так расценил их маневры и Пискатори⁴. Благоприятная возможность такого сотрудничества представилась в связи с назначением А. Маврокордатоса главой кабинета. Из того, как ею воспользовалась «русская партия», и следует давать оценку ее конституционалистским заявлениям.

Надо отметить, что сам факт назначения Маврокордатоса премьер-министром (в тех случаях, когда его обязанности не исполнял сам король) в целом по стране был встречен положительно: с ним в очередной раз связывали надежды на конец баварократии и создание национального правительства.

Однако, не успел Маврокордатос получить известие о своем назначении, как по стране уже поползли смутные слухи о том, что его пребывание у власти будет

¹ Lyons to Aberdeen. № 112. 21.09.1843. FO 32/122. См. тж.: Αθηνά. №№ 683. 06.01.1840; 684. 10.01.1840.

² См.: Αίών. № 108. 25.10.1839; № 148. 25.03.1840; № 205. 30.10.1840; № 395. 11.11.1842.

³ См.: Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 par l'homme d'Etat et diplomate Français Piscatory. Textes et Documents // L'Hellénisme Contemporaine. 2 série. V. IX. Athènes, 1955. P. 416.

⁴ См.: Там же. P. 410.

недолгим¹. Эти слухи были небезосновательны: получив отзыв с поста посланника в Лондоне 22 февраля, Маврокордатос приехал в Грецию только к концу мая, заехав по дороге в Париж для консультаций с Гизо и Колеттисом, а через восемь дней после его прибытия в Афины «Эон» недоумевал, почему он еще не принял присягу и не приступил к своим обязанностям². Но вскоре позиция нового премьера, как полагает «Эон», прояснилась: он согласился с принципами держав и заявил о несвоевременности и невозможности введения в Греции конституционного режима, за что русофилы называли его инструментом в руках держав³.

Но это обвинение не совсем справедливо: Маврокордатосу действительно пришлось пойти на компромисс с королем и снять с повестки дня требование конституции как несвоевременной, однако взамен он выдвинул целую программу мероприятий, которые могли бы подготовить страну к конституционному правлению, и поставил принятие этой программы основным условием своего согласия с королевским назначением. Основные требования этой программы, получившей название «национальной», сводились к следующим пунктам:

- удаление баварских офицеров из греческой армии и назначение грека военным министром⁴;
- упразднение анактовулиона — придворного королевского совета, где заправляли баварцы;
- предоставление реальной власти премьеру в назначаемом королем министерстве и расширение полномочий этого министерства;
- четкое определение полномочий Государственного Совета и предоставление ему права вето в фискальной и бюджетной политике;
- укрепление местных органов власти⁵.

Несмотря на то, что некоторые, как А. Ризос Рангавис, рассматривали предложения Маврокордатоса лишь как проявление активности «английской оппозиции»⁶, эта программа не зря была названа национальной: она действительно преследовала национальные, а не узкопартийные интересы и предусматривала создание национального правительства, снижая таким образом степень иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Однако король, побуждаемый и своим баварским окружением, не торопился ее принимать, но только предлагал назначить министрами в кабинет Маврокордатоса лиц, которые последнего совершенно не устраивали⁷. Все кончилось тем, что не прошло и месяца, как Маврокордатос подал в отставку, а король попробовал образовать правительство без его участия.

Но Оттон просчитался: видя неуступчивость короля по отношению даже к вполне умеренной программе Маврокордатоса, ни один влиятельный политик не захотел с ним сотрудничать. К тому же в столице в этот момент было сосредоточено

¹ См.: Αἰών. № 249. 09.04.1841; Αθήνα. № 791. 12.02.1841.

² См.: Αἰών. № 265. 08.06.1841. Присягу Маврокордатос принес лишь 24 июня.

³ См.: Αἰών. № 269. 22.06.1841.

⁴ Хотя часть баварцев уже вернулась на родину, их оставалось еще много в Министерстве внутренних дел, юридическом, экономическом, морском ведомствах. Они занимали важные посты в армии, в том числе военного министра (полковник Шмальц) и комендантов ключевых крепостей.

⁵ Другие, менее значимые подробности этой программы см.: Αἰών. № 270. 25.06.1841.

⁶ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 111.

⁷ См.: Αἰών. № 270. 25.06.1841.

ок. 1000 вооруженных добровольцев, готовившихся отправиться на Крит, однако способных в сложившихся условиях повернуть оружие и против непопулярного режима. Все эти обстоятельства заставили короля пойти на некоторые уступки и позволить Маврокордатосу образовать кабинет в соответствии с его намерениями. В результате политического маневрирования такого опытного политика, каким был Маврокордатос, ему удалось создать кабинет, куда вошли представители всех трех «партий». Помимо него самого, возглавившего министерство внутренних дел, членами кабинета стали Д. Христидис¹ (Министерство иностранных дел), Л. Мелас (министерство юстиции), Сп. Валетас (министерство по делам образования и религии), А. Криезис (морское министерство), Г. Тисаменос (министерство экономики).

Военным министром в кабинете Маврокордатоса на место отправленного в отставку Шмальца был впервые назначен грек А. Метаксас. За время своего недолгого пребывания на этом посту Метаксас все же успел издать распоряжение о том, что отныне в армии будет употребляться только греческий язык². До этого делопроизводство в военном министерстве велось также на немецком и французском языках, что приводило к невообразимой путанице, ибо греческие служащие часто не знали немецкого, а то и французского, а немцы, понятное дело, греческого.

Однако за полтора месяца пребывания у власти правительство Маврокордатоса, как утверждает «Эон», ничего не сделало, занимаясь лишь выяснением принципов и позиций. Сами министры чувствовали шаткость своего положения³. Но это не совсем так. Правительство просто не могло ничего сделать, его дни заранее были сочтены. Это было очевидно и для современников: когда афинский полуофициоз «Курьер» сообщил о том, что Оттон, назначив премьером Маврокордатоса, вовсе не собирается менять систему правления, то «английская партия», учитывая сложное материальное положение своего лидера, открыла подписку, чтобы обеспечить ему пожизненную пенсию, на случай, если «убеждения вынудят его подать в отставку»⁴.

Причин этому несколько. Во-первых, из-за противодействия Оттона, который был вынужден обстоятельствами согласиться с некоторыми требованиями Маврокордатоса, но на практике всячески старался сорвать их реализацию. Как вспоминал А. Ризос Рангавис, Оттон в силу нерешительности характера вообще с подозрением относился ко всяким нововведениям⁵. Во-вторых, Маврокордатосу, как и его предшественникам, не удалось преодолеть трудности, связанные с неэффективным функционированием государственного аппарата: таковыми являлись как последствия централизации, так и сильные клановые традиции и преобладание в умах греков местных и партийных интересов над национальными и государственными. Убедившись в своей беспомощности, Маврокордатос подал в отставку, которая 10/22 августа была

¹ Христидис Димитриос (1795–1879) — политик и экономист. С началом революции 1821 г. прервал свое обучение в Европе и отправился в Грецию, где стал секретарем Колеттиса, с тех пор так и оставшись его сторонником. При Оттоне занимал различные государственные должности. 1840 — посланник в Константинополе, 1841 — член недолговечного министерства Маврокордатоса, после его отставки фактический глава нового кабинета. Этому положению его лишило восстание 1843 г. Вновь министерский пост он получил в 1849 г.

² См.: Αἰών. № 275. 13.07.1841.

³ См.: Αἰών. № 282. 06.07.1841.

⁴ Αἰών. № 253. 23.04.1841.

⁵ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 112.

принята. Следом за ним подало в отставку и большинство министров его кабинета, в том числе и А. Метаксас¹. Попытка конституционных реформ провалилась.

Но была еще и третья причина того, что *casus Maugoscordati* не перерос в политику реформ: Маврокордатосу отказали в поддержке представители других политических группировок, в том числе русофилы, которые не смогли поставить государственные интересы выше своих клановых, а также иностранные дипломаты.

«Русская партия» с самого начала отнеслась к предложениям Маврокордатоса весьма сдержанно, называя их половинчатыми и могущими скорее навредить, чем поспособствовать конституционному развитию страны². Г. Колокотронис отмечал, что Маврокордатос был человеком серьезным и опытным, а его проекты принесли бы пользу государству. Но интриги сторонников «русской» и «французской» партий (в том числе и самого Генеоса), а также неприязнь короля к Маврокордатосу как представителю англофилов удержали Оттона от принятия его проектов. «То ли по убеждению, то ли по побуждению», но Маврокордатос был вынужден подать в отставку.

Потом Маврокордатосу было второй раз предложено министерство с условием вхождения туда Метаксаса, но все закончилось, как и в предыдущий раз, причем особенно об этом позаботился находившийся тогда в стране в качестве наблюдателя французский филэллин Пискатори³. Гизо, как полагает Т. Пипинелис, вероятно, основываясь на его мемуарах, где тот пытался оправдаться задним числом⁴, искренне поддерживал министерство Маврокордатоса и не принимал участия в интригах своих представителей в Афинах⁵. Сам Гизо впоследствии писал, что он положительно отнесся к предложениям Маврокордатоса, а после его отставки называл ошибочным мнение других держав, что Франция способствовала его падению⁶.

Так это или нет, известно лишь, что Пискатори действительно содействовал падению кабинета Маврокордатоса, преследуя при этом свои личные цели. Что касается других иностранных дипломатов, то английский посланник остался ко всему этому делу безучастным, так как Англия полагала, что новое назначение Маврокордатоса особой выгоды ей не принесет. Из посланников других держав только Прокеш-Остен, как пишет Н. Драгумис, искренне содействовал новому премьеру⁷. Так или иначе, падение его правительства произвело сильное впечатление на европейских дипломатов в Афинах⁸.

Любопытную реакцию вызвали реформистские проекты Маврокордатоса в народе: «После сплетен и обсуждений по поводу назначения Маврокордатоса в народе, особенно в провинциях, начали ползти различные слухи о тайных замыслах премьера против короля»⁹. С другой стороны, по свидетельству Калогеракиса, сообщение об отставке Маврокордатоса в Патрах и Востице было воспринято «как гром среди ясного неба»¹⁰.

¹ См.: Αἰών № 287 24. 08. 1841.

² См.: Αἰών № 267 14. 06. 1841.

³ См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 86.

⁴ См.: Guizot F. Mémoires pour servir ... Т. 6. Р. 262–263.

⁵ См.: Πιπινέλης Τ. Ν. Η μοναρχία εν Ελλάδι. 1833–1843. Αθήνα, 1932. Σ. 336.

⁶ См.: Guizot à Lagrené. 07.06.1841; 17.09.1841 // Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т. 6. Paris–Leipzig, 1864. Т. 6. Р. 455–456.

⁷ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικάί αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Т. 2. Σ. 43.

⁸ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία... Т. 2. Σ. 314.

⁹ Πιπινέλης Τ. Ν. Η μοναρχία εν Ελλάδι. 1833–1843. Αθήνα, 1932. Σ. 329.

¹⁰ Calogeraky à Persiani. № 593. 18.08.1841. ΑΒΠРи. Φ. 165/2. Д. 432. Λ. 22.

Провал реформ Маврокордатоса, нежелание короля идти на компромисс привели только к падению популярности режима и окончательному разочарованию современников. Один из них писал: «Отставкой Маврокордатоса и без того раздраженное общественное мнение было доведено до крайности. Раз отвергнуты, — говорили все, — предложения столь умеренные, то какая осталась надежда и какой же выход?»¹. С этого времени некоторые отчаянные головы стали подумывать о том, что мирным путем достичь каких-либо изменений в принципе невозможно. Восстание 3 сентября 1843 г. было прямым следствием отказа Оттона принять программу Маврокордатоса.

Casus Maurocordati также продемонстрировал, какова была сущность конституционалистских заявлений русофилов. Лозунг конституции был для них лишь средством поддержания на плаву давшего уже значительный крен партийного корабля, а не политической программой. В противном случае им следовало поддерживать любое начинание, ведущее к этой цели. Но мы видели, что предложений Маврокордатоса они не поддержали и, хотя Метаксас в конце концов и вошел в его кабинет, это уже не могло изменить ситуации.

Casus Maurocordati, кроме того, лишний раз засвидетельствовал, сколь велико было в стране влияние иностранных держав и как беспардонно их дипломатические представители вмешивались в ее внутренние дела. Во время данного эпизода наибольшую активность проявили дипломаты Австрии, Франции и Баварии. Что же касается России, то данный эпизод, пришедшийся по времени на последнюю фазу Восточного кризиса, показал, что она не особенно интересовалась греческими делами: никаких решительных действий «за» или «против» Маврокордатоса предпринято не было. Более того, после суда над филортодоксами русский посланник вообще на несколько месяцев покинул Грецию.

После отставки Маврокордатоса власть перешла в руки «французской партии». Король, следуя прежней тактике привлечения к управлению всех группировок, назначил смешанное правительство во главе с англофилом А. Криезисом, куда вошли галлофил Д. Христидис (который на самом деле и был главой кабинета), перешедший к «французам» ренегат «английской партии» И. Ризос-Нерулос (фанариот и дальний родственник семьи Ипсиланти), галлофил Г. Тисаменос, а также два написта А. Влахопулос и Г. Раллис. Однако несмотря на формально многопартийный характер кабинета, фактическое равновесие политических сил могло быть достигнуто только при равной поддержке державами своих клиентов.

К новому кабинету иностранные миссии отнеслись поначалу скорее положительно: Французская стала его деятельным союзником, Английская хотя и оказывала давление, но весьма ограниченное (в силу англо-французского сближения), миссии германских государств были настроены благожелательно, и наконец, русские дипломаты придерживались нейтралитета². Гизо дал Лагрене предписание поддерживать кабинет Христидиса при условии, что он будет проводить политику, «соответствующую национальным обычаям, идеям и традициям»³. Решающее влияние на греческую политику стала оказывать Франция.

Газета «Эон» справедливо расценила смену правительства как смену политической ориентации и считала положительным моментом ряд свершившихся

¹ Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 54–55.

² См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Σ. 326–327.

³ Guizot à Lagrené. 17.09.1841 // Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. T. 6. P. 456.

преобразований: был упразднен анактовулион, министры получили непосредственный доступ к королю, часть баварцев была уволена с греческой службы¹. Однако эта сдержанность «Эона» очень скоро сменилась резкими выпадами и самой беспощадной критикой в адрес министерства Христидиса, «французской» партии и стоявшего за ней правительства Гизо. Справедливые замечания в адрес министерства, что оно не проводит никаких реформ и обвинения главы французского правительства в том, что он выступает против предоставления Греции конституции, а значит, не хочет ее прогресса, перемежались со сведением личных счетов и мелкими политическими склоками. Глава французского кабинета действительно считал Грецию не готовой к принятию конституции, предлагая вместо этого провести административную реформу, которая учитывала бы традиционные структуры местной власти, функционировавшие при турках². «Французской партии» припомнили все ее грехи по крайней мере за последние десять лет³. В своем оппозиционном рвении «Эон» дошел до того, что известную своим англофильством газету «Афина» назвал органом кабинета Христидиса⁴.

Вместе с усилением критики министерства возростала и антибаварская направленность «Эона», ибо правительство, по его мнению, ничего не делало для того, чтобы разрешить конфликт между баварцами и греками⁵. Читателям напомнили все действительные и мнимые ошибки регентства, которое «нарушило свои обещания, погрело наши права, расточило национальное богатство и займы, развалило нашу армию, уничтожило наш флот, пренебрегло промышленностью, оставило без защиты сельское хозяйство и торговлю, презрело на наши суды, наводнило нашу родину иностранцами и хотело стереть с лица земли и самих вождей нации, тех, которые довели до победного конца дело революции»⁶. Баварским чиновникам и офицерам не прощалась ни малейшая оплошность, в каждом их действии усматривалось намерение оскорбить национальные чувства греков⁷. Выступления оппозиции против баварцев достигли наибольшей силы именно в этот период⁸, несмотря на то, что значительная их часть уже покинула Грецию.

Все эти выступления свидетельствуют о формировании оппозиции правительству, которое на самом деле не предпринимало никаких попыток изменить существующее положение дел в государственном аппарате, финансовой и церковной сферах. Все оставалось так же, как было еще при Гларакисе, с той лишь разницей, что Христидису никогда не удалось достичь такого широкого контроля над государственным аппаратом, каким располагал Гларакис. Разумеется, такая ситуация не могла не вызывать протеста. Как считает В. Рафаилидис, инициатива организации оппозиции принадлежала «английской партии»: «Поскольку оппозиции еще не существовало, ее организацию берут на себя англичане, у которых с самого начала Оттон сидел в печенках, хотя

¹ См.: Αἰών. № 284. 10.08.1841.

² См.: Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. T. 6. Paris — Leipzig, 1864. P. 452.

³ См.: Αἰών. №№ 307. 05.11.1841; 312. 26.11.1841; 351. 08.05.1842; 359. 21.06.1842; 362. 01.07.1842; 369. 26.07.1842 и др.

⁴ См.: Αἰών № 314. 07.12.1841.

⁵ См.: Αἰών. № 357. 14.06.1842.

⁶ Αἰών. № 324. 21.01.1842.

⁷ См.: Αἰών. №№ 347/348. 17.04.1842; 354. 17.05.1842; 355. 07.06.1842; 357. 14.06.1842; 365. 12.07.1842 и др.

⁸ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 126.

они и согласились на его избрание»¹. Действительно, выступления газеты «Афина» с критикой правительства становятся все более резкими и не щадят иной раз и самого короля². Другим проявлением антиправительственных настроений со стороны англофилов было создание фонда поддержки уволенного Маврокордатоса³.

Но, как мы уже видели, не оставалась в стороне и «русская партия». Как справедливо отмечал еще Э. Дрио, «английская партия» была самой слабой в этот период и главными соперниками правящей «французской партии» были русофилы⁴. Помимо требования конституции и изгнания баварцев, «Эон» повел атаку на правительство также и на церковном фронте: мы уже писали об антипротестантской кампании 1841–1842 гг. Выражением протеста церковных кругов, свидетельствовавшим о наличии скрытого конфликта между Церковью и государством, стал также инцидент с одним из епископов, который отказался принять от правительства назначение в другую епархию как неканоничное. За это его исключили из состава Синода, а он в ответ отказался от правительственной пенсии и выглядел мучеником за права Церкви.

Надо отметить, что, хотя дело «Филортодоксального общества» и повлекло за собой отставку Гларакиса и ряда других видных русофилов с ключевых постов в государственной администрации, в местных органах власти существенных перемен произведено не было. Т. Пискатори, совершивший вояж по стране через полтора года после отставки Гларакиса, писал: «Почти во всех провинциях я обнаружил, что власть находится в руках напистов»⁵. Таким образом, стратегия Гларакиса принесла свои плоды. Наибольшим влиянием среди населения русофилы пользовались на Эвбее, в Фокиде, бывшей их опорой в Северной Греции, и в Аркадии, считавшейся их традиционным бастионом на Пелопоннесе. В то же время в Афинах, а также Этолии и Акарнании сильнее были позиции конституционалистов⁶.

Так что, несмотря на потерю ведущего положения в государственном аппарате, «русская партия» все же оставалась одной из самых влиятельных сил в стране. Именно такое впечатление сложилось у Пискатори. Причину этого положения он видел в том, что к этой «партии» «принадлежат люди, выдающиеся своим прошлым и своим происхождением, граф Каподистрия сумел придать ей реальное содержание, а религиозный вопрос является ее соединительным звеном и общим интересом, тем более что правительство игнорирует очевидную точку зрения нации по этому вопросу»⁷.

Еще одним центром оппозиции, помимо «Эона», в этот период стал дом М. Суцоса, после того, как его хозяин подал в отставку из Государственного Совета, поссорившись с королевой по вопросам придворного этикета⁸. Мы уже говорили о том, что М. Суцосу по приезду в Грецию удалось довольно быстро собрать вокруг себя группу единомышленников. Теперь к нему из-за личной обиды присоединился и его зять К. Зографос.

¹ Раφαηλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους (1830–1974). Αθήνα, 1993. Σ. 35.

² См.: Αθηνά №№ 874. 10.12.1841; 879. 27.12.1841; 909. 15.04.1842; 916. 13.05.1842 и др.

³ См.: Αθηνά №№ 849 14. 08 1841, 879 27. 12. 1841.

⁴ См.: Driault Ed., Lhéritier M. Histoire diplomatique ... Т. 2. Р. 227. О слабости «английской партии» писал и Пискатори. См.: Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 ..., Р. 339.

⁵ Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841. ..., Р. 348.

⁶ См.: Там же. Р. 427–447.

⁷ Там же. Р. 339.

⁸ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Т. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 128–129.

С начала 1843 г. отношение «Эона» к правительству становилось все пессимистичнее, а требование конституции — все настойчивее. Национальное Собрание представлялось авторам газеты единственной инстанцией, способной вывести страну из затянувшегося экономического кризиса и решить насущные социально-политические проблемы¹. Одновременно смягчилось отношение «Эона» к французским дипломатам², что свидетельствует о начавшемся процессе объединения политических сил страны в антиправительственную оппозицию. В это же время основным предметом нападков со стороны «Эона» стал официоз Христидиса «Φίλος του Λαού», а своей давней противнице газете «Афина» «Эон» даже пришел на помощь в трудную для нее минуту³. Точно так же к концу 1842 г. стихла кампания против «Эона», проводимая «Афиной», появились даже сочувственные статьи⁴.

Это дает основание говорить о складывании «англо-русского» альянса, объединившего оппозицию. «Английскую» и «русскую» «партии» в этот период сближала общность требований конституции и антибаварских выступлений, но камнем преткновения между ними пока оставался церковный вопрос. Однако уже со второй половины 1842 г. выступления «Эона» на эту тему стали все мягче, что свидетельствовало о его готовности пойти на компромисс. Теперь опорой режима оставалась только «французская партия», и «только французский посланник отвергал конституционный режим как преждевременный и вредный для маленьких независимых государств»⁵. Надо сказать, что и глава французского кабинета в то время в принципе высказывался за конституцию, но в такой консервативной форме, что все ее достоинства оказывались сведенными фактически к нулю⁶.

Но и «французская партия» в этой ситуации не оставалась беззащитной. Желая восстановить ослабленные в предыдущие годы позиции Франции в Греции, Гизо направил в Афины формально в качестве наблюдателя своего представителя Т. Пискатори. Выбор этот объяснялся тем, что Пискатори был известен как филэллин, ибо принимал участие в войне греков за независимость. «Я решил послать его с чрезвычайной миссией, — пишет Гизо, — чтобы, увидев его, взгляды греков обратились в сторону Франции, чтобы он доходчиво объяснил им наши советы и проинформировал меня об истинном положении дел, искаженном в рассказах заинтересованных соперников или обескураженных друзей»⁷. Налицо, таким образом, двойственный характер миссии Пискатори. Как далее уверяет Гизо, единственным французским интересом в Греции в то время была «стабильность и упрочение греческого государства в его тогдашних границах и монархической форме»⁸.

Пискатори, таким образом, был неофициальным представителем Франции в Греции и должен был рано или поздно заменить Лагрене и действительно, в мае 1843 г. он был официально назначен французским посланником в Афинах.

¹ См.: Αίωv. №№ 408. 01.01.1843; 431. 09.04.1843; 456. 24.07.1843 и др.

² См., напр.: Αίωv. № 441. 23.05.1843.

³ См.: Αίωv. № 413. 24.01.1843; № 436. 05.05.1843.

⁴ См.: Αθηvά. № 950. 09.09.1842.

⁵ Δραγούμης Ν. Ιστορικαί αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 57.

⁶ См.: Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 par l'homme d'Etat et diplomate Français Piscatory. Textes et Documents // L'Hellénisme Contemporaine. 2 série. V. IX. Athènes, 1955. P. 335–338.

⁷ Guizot F. Mémoires pour servir ... Т. 6. P. 259–260. См. инструкции Пискатори в том же духе, опубли. в: Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 ..., P. 331–335.

⁸ Guizot F. Mémoires pour servir ... Т. 6. P. 262.

На первых порах афинское общество недоумевало по поводу приезда Пискатори и терялось в догадках о цели его визита. В те дни наивный обозреватель «Эона», введенный в заблуждение филэллинской репутацией Пискатори, писал о том, что тот приехал лишь как наблюдатель, и выражал надежду, что его прибытие благоприятно отразится на греческих делах¹. Но через некоторое время наступило прозрение: стало очевидно, что миссия Пискатори объясняется попыткой Франции, потерпевшей дипломатическое и военное поражение в Египте и Константинополе, компенсировать его расширением влияния, по крайней мере, в Греции². Об этом, например, свидетельствует циркуляр Гизо французским посланникам в Санкт-Петербурге, Лондоне, Вене и Берлине (март 1841 г.), которым предписывалось предложить державам активизировать совместные действия в греческом вопросе³. Франция, которой Англия нанесла поражение соглашением 15 июля 1840 г. (по Сирии и Египту), «судорожно искала способ отомстить и думала, что нашла его в Греции»⁴.

По свидетельству русского консула в Патрах Калогеракиса, миссия Пискатори на самом деле способствовала возвышению «французской» партии: «Очевидно, что с тех пор, как г-н Пискатори посетил со своей филэллинской миссией различные районы континентальной Греции и Пелопоннеса, Якобинская (т. е. «французская». — О. П.) партия высоко подняла голову, с неслыханной дерзостью, также благодаря тому, что огромным влиянием пользуется г-н Христидис (заместитель Колеттиса)... После этого турне г-на Пискатори ярость и ожесточение упомянутой группировки против России и русского имени... перешла все границы; они используют все средства, чтобы распространить эти злобные чувства и посеять их во всех тех слоях общества, куда они раньше не доходили... Вашему Превосходительству... известны происхождение и цели этих коварных замыслов»⁵.

Но в попытке вырвать Грецию из сферы русского влияния французская политика объективно все больше сближалась с английской, чему очень способствовала отставка Пальмерстона и личная дружба сменившего его Абердина с Гизо.

Таким образом, хотя назначение Пискатори в Афины и означало войну против Лайонса и английской политики и подготовку почвы для премьерства Колеттиса⁶, другое средство восстановления позиций Франции на Востоке Гизо видел в навязывании другим державам общей политической линии (т. н. концерта держав)⁷. Поэтому задачей Пискатори также являлось установление баланса между профранцузской и проанглийской группировками и налаживание как можно более тесных контактов с Английской миссией. Ему были даны инструкции «поддерживать правительство короля Оттона, побуждая его осуществлять административные реформы, провозглашенные скорее самими державами-покровительницами, чем Грецией, не пренебрегать совместной жизнью и деятельностью с его коллегами, представителями Европы в Афинах, в особенности с сэром Эдмундом Лайонсом, английским министром», что тот старательно исполнял⁸.

¹ См.: Αἰών. № 264. 03.06.1841; № 282. 06.08.1841.

² См.: Αἰών. № 307. 05.11.1841.

³ См.: Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 par l'homme d'Etat et diplomate Français Piscatory. Textes et Documents // L'Hellénisme Contemporaine. 2série. V. IX. Athènes, 1955. P. 329–331.

⁴ Δραγούμης Ν. Ιστορικαὶ αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 59.

⁵ Calogeraky à Catacazy 02.09.1842. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 447. Л. 124.

⁶ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία... Τ. 2. Σ. 294–295.

⁷ См.: Guizot F. Mémoires pour servir ... Т. 7. Р. 273–274.

⁸ См.: Там же. Р. 268–270.

Но эта мощная поддержка, оказанная Францией своим греческим клиентам, министерство Христидиса все же не спасла: французская помощь была рассчитана в первую очередь на усиление группировки галлофилов во главе с Колеттисом, а не на вытягивание из болота безнадежного министерства. Это стало ясно летом 1843 г., когда Франция отказала правительству Христидиса в финансовой поддержке. Поскольку положение становилось безнадежным, Христидис сам предложил королю ввести конституцию. Но было уже поздно.

Франция недаром сделала ставку на группировку Колеттиса: она приобретала все больший вес в стране, и именно ее присоединение к оппозиции сыграло решающую роль в судьбе кабинета Христидиса. Сложилась парадоксальная ситуация: галлофильскому правительству отказала в поддержке не только Франция, но и его собственные сторонники.

Международные события 1839–1841 гг. оказали двоякое влияние на внутривосточное развитие Греции. С одной стороны, они дали мощную подпитку идее возрождения Византии путем отвоения новых территорий у Османской империи. С другой стороны, обострение социальной обстановки повлекло за собой развитие конституционных идей и создание программы реформ по западной модели. Однако в этот период различие между «западниками» и «традиционалистами» уже не было таким большим, как раньше. Этноцентрический дискурс завоевывал все более прочные позиции, включая в себя некоторые элементы византийско-православной традиции. Создавалась благоприятная почва для выработки государственной идеологии в рамках этого дискурса. Для начала 1840-х гг. имеются признаки наличия в стране национальной идеологии и появляются основания говорить о том, что государство ее использовало в своих интересах.

«Великая идея» и эпоха романтизма

Приглядевшись внимательнее к требованиям оппозиции оттоновскому режиму, можно заметить, что все они так или иначе отражают одну идею — идею национального государства. Национального в двух аспектах: во-первых, свободного от иностранного вмешательства, а во-вторых, служащего национальным интересам, т. е. являющегося средством и целью объединения нации. Идея нации выдвигается таким образом на первый план.

Идеологи молодого государства использовали слово «нация» в двух значениях. Во-первых, это заимствованное у идеологов Великой французской революции понятие нации как социально-политической общности: рассуждения о единстве Нации и Трона на страницах «Эона» — яркое тому свидетельство¹. Таким же образом трактовалась нация и в политических памфлетах. Так, в своем поэтическом дифирамбе восстанию 3 сентября 1843 г. «Третье Сентября» А. Ризос Рангавис рассматривал нацию как источник политической власти, которая одна имеет право издавать законы. «Символом и гарантом единства нации» является король. Сама революция 1843 г. расценивалась как заключение союза между нацией и королем. А баварцев надо было изгнать из страны именно потому, что они разрушали связь между нацией и королем². Интересно в связи с этим отметить, что после событий 3 сентября дворцовая

¹ См.: Αἰών. № 202. 20.10.1840.

² См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Η Τρίτη Σεπτεμβρίου. Отсут. тит. лист.

площадь в Афинах, прежде называвшаяся площадью Оттона, была переименована в площадь Конституции: греки все же рассматривали революцию 1843 г. в некоторой степени как победу над королем. Еще одна любопытная деталь — изображения короля Оттона. В первые годы по его прибытии в Грецию молодой король изображался в европейской одежде, тогда как со второй половины 1840-х гг. нормой становится изображение Оттона в греческом национальном костюме.

Другое понятие нации, определяющее ее как религиозно-культурную общность, продолжает уже рассмотренную нами линию греческого Просвещения: на страницах «Эона» нередко рассуждения о родстве православия и греческой культуры и о том, что совокупность этих двух факторов является критерием принадлежности к греческой нации¹. А в одной из статей за подписью К. Маврояниса в качестве критериев национальной идентичности четко выделяются вера, язык и традиция². Автор «Эона» отмечает также роль языка и религии в сохранении нации во время постигших греков двух больших исторических катаклизмов: римского и турецкого завоеваний³.

На понятии нации в первом смысле основывалась конституционная теория «Эона»: «Мы желаем, любим и уважаем монархию, но ее обязанностью является воздать и нам тем же. Мы чтим ее Я и ее личность, но и она должна почитать наше Мы. Если бы мы не осознавали своего достоинства и своей личности, если бы мы не хотели избавиться от ига абсолютизма и деспотизма, если бы мы не имели духа свободы и христианского равенства, то не подняли бы восстания <...>. Монархическое Я должно признать наши политические права»⁴. За эту статью «Эон» (уже в который раз!) подвергся судебному преследованию.

В этом едва появившемся на свет государстве, где не могли еще точно определить, что значит «грек», политические элиты уже стремились эллинизировать национальные меньшинства. Так, констатируя тот факт, что в большей части Беотии жители говорят по-албански и вовсе не знают греческого языка, «Эон» не мог сдержать своего негодования: «В конце концов, — возмущался он, — на родине Пиндара, Эпаминонда, Плутарха и во многих местах классической Греции все еще говорят на албанском наречии, и нигде нет ни одной ланкастерской школы?!»⁵. Многие источники также говорят об ударе по чувствам греческого народа, нанесенном закреплением границ⁶.

Теперь уже мы имеем дело с национальной идеологией, которая в Греции получила название «Великой идеи». Само выражение вошло в обиход после одного из выступлений И. Колеттиса в Учредительном собрании, где и получило соответствующее содержание.

Общим местом в новогреческой историографии является мнение о том, что «Великая идея» возникла в значительно более раннее время: либо тотчас после падения Константинополя, либо, самое позднее, в XVIII в. Как полагал П. Каролидис, «Великая идея» зародилась еще в период туркокрации и именно она подготовила почву для восстания 1821 г., развивая мысль о восстановлении государства в границах 1453 г. В ходе революции появилась новая ее интерпретация: отделение собственно Греции от Османского

¹ См.: Αἰών. № 227. 19.01.1841; № 228. 22.01.1841.

² См.: Αἰών. № 13. 06.11.1838; № 14. 09.11.1838.

³ См.: Αἰών. № 429. 31.03.1843; № 476. 06.10.1843.

⁴ Αἰών. № 456. 24.07.1843.

⁵ Αἰών. № 394. 04.11.1842.

⁶ См.: Merou A. Les Sociétés Secrètes à caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984. P. 119.

государства. Но поскольку в древности Греция не имела четких границ, то это положение могло получить самое широкое толкование¹, как в итоге и случилось. Однако К. Димарас правомерно отмечает, что этого термина в том специфическом значении, о котором идет речь, он нигде не встречал. И напротив, этот термин, лишенный национального содержания, встречается довольно рано, и к началу XIX в. «это выражение... было живым элементом речи, и в таком горячем и непосредственном выступлении, каковым была речь Колеттиса, оно вполне могло прийти на ум оратору»². Вполне очевидно, в данной дискуссии определенную долю истины имеют обе точки зрения: действительно, «Великая идея» как идеология сложилась уже в новогреческом государстве. Однако те авторы, которые говорят о ее появлении в более раннее время, на самом деле имеют в виду процесс складывания этноцентрического дискурса, хотя и не называют его этим термином.

Что касается интерпретации понятия «Великая идея» в описываемую эпоху, то здесь следует исходить, прежде всего, из самой речи Колеттиса, произнесенной в Национальном Собрании 14 января 1844 г. В ней можно найти три определения «Великой идеи»: на политическом уровне это страстное желание достижения единства греческой нации, затем, историческое подтверждение этого единства и, наконец, идея исторической миссии Греции как посредницы между культурами Востока и Запада³. Как видим, толкование довольно широкое и недостаточно определенное. Поскольку ни сам Колеттис, ни кто-либо другой после него ситуации не прояснили, то термином стали пользоваться, вкладывая в него самое разное содержание: одни имели в виду территориальное расширение, другие — некое духовное возрождение, которое вновь подняло бы Грецию на ту высоту, какую она занимала в античности, третьи — внутреннее государственное строительство. «Несомненно, — пишет современный греческий исследователь А. Политис, — что неопределенность способствовала широкому распространению термина, однако отсутствие конкретного содержания препятствовало и трезвости. Не зная, чего именно они хотят, греки той эпохи хотели всего»⁴.

Речь шла о путях дальнейшего развития молодого государства: будут ли его усилия направлены на внутреннее строительство или на экстенсивное расширение вовне, причем каждый из этих путей имел свои подварианты — по какому пути пойдет развитие экономики, какую форму примет освободительная борьба и др. Как мы уже видели из анализа ситуации, сложившейся во время Восточного кризиса 1839–1841 гг., «русская партия» была склонна поддерживать скорее первый из этих путей, но широкое общественное недовольство соглашением Зографоса, а также готовность греков выступить в поддержку критского восстания, да и само это восстание свидетельствовали о том, что общественное мнение было в большей степени настроено на второй путь. Как полагал П. Каролидис, король также поддерживал «Великую идею», которая затмевала для него внутренние проблемы. «Великая идея, — писал он, — была душой всей внутренней и внешней политики Оттона»⁵. Если это так, то уже в 1840-е гг. можно говорить о том, что национальная идеология стала государственной идеологией Греческого королевства.

¹ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 270–273.

² Δημαράς Κ. Θ. Ελληνικός Ρομαντισμός. Αθήνα, 1982. Σ. 408.

³ См.: Подробный анализ речи Колеттиса см.: Там же. Σ. 405–412.

⁴ Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 65.

⁵ Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 270.

Интересно отметить, что, в то время как «Эон», выражая мнение верхушки «русской партии», выступал против обострения отношений с Турцией, многие его сторонники на местах увлекались чтением пророчеств о грядущем восстановлении Византийской империи. Это лишний раз показывает, что между руководителями «русской партии» и основной массой ее сторонников не было твердого единства.

В то же время, настроениям широких масс отвечала тактика «французской партии», а точнее, группировки Колеттиса, бывшей ее составной частью: колеттисты высказывались в поддержку обоих путей развития, делая, в зависимости от обстоятельств, акцент то на одном, то на другом. В силу этого за группировкой Колеттиса и закрепилось в конце концов название «национальной партии», в этом же причина роста ее популярности.

Сам факт изменения содержания понятия «нация» в умах греков свидетельствует о том, что развитие их национального сознания вступило в новую стадию. Причин тому довольно много: это и влияние европейской общественно-политической мысли, проникшей в страну вместе с приездом греков диаспоры, Ионических островов и фанариотов, отсутствие географического единства нации, внешнеполитические проблемы, церковная схизма и, наконец, просто распространение европейского образа жизни. Видную роль в этом сыграла и Французская революция, которая, как писал «Эон», «исправила многие злоупотребления, укоренившиеся во Франции от века, послужила прогрессу и распространению науки в большей части жителей этой нации и почти всей Европы, но при этом посеяла некую анархическую направленность в души народов»¹, т. е. стимулировала их духовные искания.

Еще одним импульсом, подтолкнувшим греческую общественно-политическую мысль к разработке национальной проблемы, стала публикация труда немецкого историка Я. Ф. Фалмерайера (кстати, тоже баварца) «История Пелопоннесского полуострова в средние века»², а затем и других его сочинений. Я. Ф. Фалмерайер — историк весьма скромный, у себя на родине не принадлежащий ни к числу великих, ни даже к числу сколько-нибудь значительных. В Германии интерес к нему чрезвычайно мал, можно даже сказать ничтожен: его имя отсутствует в большинстве исторических справочников. Между тем, в Греции это имя известно почти что каждому. Правда, большинство греков никогда не читали сочинений Фалмерайера, но все они слышаны о его историко-философской концепции, которая, по их мнению, унижает их национальное достоинство, является неверной и клеветнической.

Эта концепция дала мощный толчок развитию национальной греческой историографии, поскольку греки не могли оставить без ответа утверждение, которым были глубоко оскорблены: Фалмерайер утверждал, что греки Нового времени не являются потомками древних эллинов, потому что в Средние века произошло смешение греков с расселившимися в греческих землях вплоть до Пелопоннеса славянами, а затем албанцами. Древнегреческая цивилизация, по его мнению, погибла. Первую стадию ее гибели составило римское завоевание. На этом этапе греки потеряли государственную независимость и частично материальную культуру, однако сохранили все признаки национальной идентичности. Второй этап — утверждение христианства, убившего

¹ Αἰών. № 1. 25.09.1838.

² Fallmerayer J. Ph. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttgart, 1830–1836.

античных богов. Затем готы Алариха уничтожили остатки греческой материальной культуры. Наконец, вторжение славян нарушило чистоту греческой крови¹.

Как полагают современные критики теории Фалмерайера, главная его ошибка заключалась в неверно поставленном вопросе: Фалмерайер исходил из ложной предпосылки о том, что греки классической эпохи представляли собой единую нацию, с которой он отождествил и своеобразие греческого духа. Таким образом, смешавшись с другими народами, греки утратили изначальную духовную культуру. В действительности же древнюю и новую Грецию объединяет не чистота крови, но непрерывная духовная традиция и язык как ее инструмент². Так или иначе, теория Фалмерайера вызвала целый поток публикаций, доказывающих историческое единство греков, и в поисках национальной идентичности привела греков к рождению новой для них науки — лаографии (этнографии)³.

Все эти публикации, способствуя развитию национального сознания, сами, в свою очередь, являлись его продуктом и, доказывая, что новые греки — прямые потомки византийцев и древних македонцев, легализовали тем самым их претензии на эти территории. Как писал об этом идейном движении А. Ризос Рангавис, «честолюбие новых греков заключалось в том, чтобы идти по стопам своих древних предков. Они с удовольствием им подражали; они вдохновлялись их писаниями и брали пример с их добродетелей, не избегая при этом и их ошибок. Этим объясняется то рвение, с которым они после освобождения своей страны принялись изучать ее историю»⁴.

Желанием показать древние корни нового эллинизма, сделать упор на своем древнем происхождении и продемонстрировать возрождение древних традиций вызван также переход к кафаревусе — искусственному архаизированному языку, очищенному от заимствований периода иноземного господства. Сохраняя в употреблении устаревшие формы, греки стремились подчеркнуть непрерывность развития языка, как и культуры в целом. Впоследствии представление о диахроническом единстве греческого языка стало общим местом в греческом языкознании⁵. Оно оформилось не столько в результате методологических поисков в области языковой истории, сколько в результате стремления использовать авторитет науки для подкрепления необходимого официальной идеологии постулата о непрерывности развития эллинизма, на который покусился Фалмерайер.

¹ Труды Фалмерайера заложили фундамент и в немецких исследованиях на эту тему. Позже немецкие ученые подвергли обоснованной критике ряд утверждений Фалмерайера, признав, однако, его позитивный вклад в науку. См.: Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941. Помимо скрупулезного исследования славянской топонимики в Греции, в этой работе содержится анализ предшествующих трудов, затрагивающих поставленные Фалмерайером вопросы.

² См.: Ζάιντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 52–54.

³ О влиянии Фалмерайера на греческую историографию писали: Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 39–60; Weloudis G. Jacob Philipp Fallmerayer und die Entstehung des neugriechischen Historismus // Südostforschungen 29, 1970. S. 43–90; Σκοπετέα Ε. Φαλλμεράιερ. Τεχνάσματα του αντιπάλου δέους. Αθήνα, 1997.

⁴ Rangabé A. –R. Histoire littéraire de la Grèce Moderne. V. 1. Paris, 1877. P. 183.

⁵ См.: Ψυχάρης Γ. Μεγάλη Ρωμαϊκή Επιστημονική Γραμματική. Τ. 1–3. Αθήνα, 1929–1937; Χατζιδάκις Γ. Ν. Σύντομος επιθεώρησης της ιστορίας της ελληνικής γλώσσας // Liddel H., Scott R. Μέγα λεξικόν της ελληνικής γλώσσας. Τ. Α' – Δ'. Αθήνα, 1907; Μπαμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1985; Κλαίρης Χ., Μπαμπινιώτης Γ. Γραμματική της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2004.

В рамках того же идейного движения развивалось и другое направление общественной мысли: испытывая культурное давление Европы, греки вынуждены были определить место в мировой культуре своих собственных культурных традиций. Особенности географического положения Греции, ее исторического и культурного развития поставили перед современниками вопрос о том, к какому же из двух культурных миров принадлежит Греция — к Востоку или к Западу? В конце 1830-х–начале 1840-х гг. в Греции прошла целая серия публикаций, проводивших идею извечного противостояния Востока и Запада или же Севера (Россия) и Запада.

Последняя мысль выражена в одной из статей газеты «Эон», пытавшейся дать философски-историческую интерпретацию делу «Филортодоксального общества»: весь инцидент был спровоцирован англофилами, желавшими скомпрометировать Россию и «русскую партию», и являлся, по мнению автора статьи, проекцией указанного противостояния¹. В других публикациях «Эона» Россия, как и Греция, относится к Востоку. Противостояние Востока и Запада, начавшееся еще в античности, проявляется в разных областях, но наиболее ощутимо — в области политики (соперничество России и европейских держав) и религии. Россия является естественной союзницей Греции, а западные державы — ее врагами (так как они не желают распада Османской империи)². Орудиями западного мизэллинизма в Греции назывались также и протестантские миссионеры³.

Главным признаком принадлежности к одному из миров «Эон» называл не конкретные культурные критерии, а наличие западного или восточного «духа»⁴. А в одном из памфлетов эпохи речь шла не просто о восточном «духе», но даже о греческом «духе», который определяется двумя главными факторами — принадлежностью к греческой нации и к Православной Церкви⁵. В связи с этим отметим, что греческая общественная мысль уже усвоила понятие «национальный дух», как и другие нововведения европейского романтизма. В целом пятидесятилетие с 1830-х по 1880-е гг. в греческой истории характеризуется как эпоха романтизма, окрасившего все сферы общественной жизни и мышления.

В первую очередь, как мы видели, романтизм в Греции нашел свое выражение в идеологии. В научной литературе понятие идеологии принято делить на два уровня: искусственно созданный, который, собственно, мы и называем идеологией, и формирующийся самопроизвольно. Для второго уровня часто используется термин «ментальность». Формирование государственной идеологии происходило на основе достижений гуманитарных наук. Такая характерная черта, как национальный пафос романтического движения, присущая, например, странам Латинской Америки, не в меньшей степени свойственна и греческому романтизму. Данное замечание тем более ценно, если вспомнить о многих параллелях в историческом развитии Греции и Латинской Америки в Новое и Новейшее время.

¹ См.: Αἰών. № 183. 28.07.1840.

² См.: Αἰών. № 18. 23.10.1838; № 27. 25. 12. 1838. [Πανάς Γ.] Η βάπτισις της κ. Αικατερίνης Χαντζερή και τίνες ιστορικά σκέψεις περί του ελληνικού και δυτικού πνεύματος. Ερμούπολις, 1842.

³ См.: Αἰών. № 200. 25.11.1840.

⁴ См.: Αἰών. № 204. 27.10.1840; № 207. 06.11.1840; № 292. 10.09.1841; № 294. 17.09.1841; № 295/296. 21.09.1841; № 391. 25.10.1842 и др.

⁵ См.: [Πανάς Γ.] Η βάπτισις της κ. Αικατερίνης Χαντζερή και τίνες ιστορικά σκέψεις περί του ελληνικού και δυτικού πνεύματος. Ερμούπολις, 1842. Σ. 8.

Указанная особенность ярко проявилась, в первую очередь, в историографии. Романтической историографии в целом свойственны такие черты, как историзм — важнейшее завоевание романтиков — представление об «органическом», т. е. независимом от воли людей историческом процессе, раскрывающемся, однако, не в глобальной, а в национальной истории. Отсюда вытекает и повсеместный пересмотр отношения к Средневековью.

В греческой историографии в полной мере нашли свое отражение все эти представления. Это произошло, главным образом, благодаря тому, что греческая историография данного периода, вследствие обостренного национального вопроса (недавнее освобождение от иноземного ига, двоякое политическое разделение внутри нации) была по преимуществу историографией национальной. Историография эпохи Просвещения интересовалась больше историей древних народов и общей философией истории. К тому же в тот период историография еще не совсем отделилась от изящной словесности.

С поворотом к национальной тематике, начавшимся в Греции в середине 1840-х гг., наметился явный сдвиг в развитии историографии: она начала отделяться от художественной литературы, стало выходить заметно больше исторических сочинений, формировались законченные концепции, пересматривались старые точки зрения.

Одним из наиболее значительных изменений стал пересмотр отношения греков к национальной истории: «Старое мировосприятие, делившее времена на два типа, древние и новейшие, переворачивается. Его место занимает новая трехчленная схема: древность, византийская эпоха, новый эллинизм — в которой все три части имеют равную славу, значение и блеск»¹. Иными словами, теперь Византийская империя рассматривалась как полноправная часть греческой истории, а не как результат римского завоевания, подавивший национальное развитие греков. В том же ключе оценивалась историческая роль Православной Церкви: Церковь объявлялась идеологом борьбы за национальную независимость. И, поскольку церковные интересы совпадали с национальными, то Церковь была отождествлена с нацией.

Эти представления стали одной из отправных точек формирования официальной исторической доктрины, оказавшей, в свою очередь, «научную» поддержку складывавшейся в это время «Великой идее», которая вначале представляла собой разновидность национальной идеологии, а впоследствии также и внешнеполитическую доктрину греческого государства.

Интересно отношение греческих интеллектуалов, например, к древним македонцам. Представители греческого Просвещения (А. Кораис, Г. Козакис-Типальдос) однозначно считали древних македонцев варварами, т. е. не греками. И со времени битвы при Херонее вплоть до освобождения от турецкого ига греки, по их мнению, пребывали в рабстве. Романтическая историография (К. Папарригопулос) пересмотрела отношение к македонцам и постепенно признала их греками, сначала по принципу Исократы — *Ἕλληνες καλοῦνται οἱ τῆς παιδείας τῆς ἡμετέρας μετέχοντες*², а потом и по национальному признаку. Этот постулат с тех пор и по сей день используется как аргумент в споре по территориальному вопросу: Македония должна принадлежать грекам.

К реабилитации Византии и восприятию греческой истории как целостного процесса пришла и другая историческая наука, активно развивавшаяся в это время,

¹ Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 47.

² Греками называются причастные нашей образованности.

называемая по-гречески лаографией. Своим появлением на свет эта наука, включающая в себя элементы этнографии и фольклористики, обязана именно романтизму.

Издание первых лаографических сочинений в середине XIX в. связано с именем Спиридона Замбелиоса. Опубликованные им книги включали в себя в основном тексты греческих народных песен и их анализ. В ходе этого анализа С. Замбелиоса интересовали три аспекта: революционно-освободительная направленность народных песен, их поэтическое достоинство, а также выраженное в них доказательство прямого происхождения новых греков от их славных античных предков. Последний вывод делался на основании того, что сохранившиеся с эпохи средних веков народные песни были сочинены на диалектах языка, в котором тогдашние исследователи видели прямое продолжение древнегреческого. Были случаи, когда народные песни связывали даже с гомеровским эпосом¹.

Таким образом лаография нашла очень удобный мост, соединяющий новых греков с древними, что было особенно важно в условиях необходимости как-то отреагировать на теорию Фалмерайера, наносившую серьезный удар по формирующейся греческой официальной исторической теории. Еще бы: что общего имели смуглые и низкорослые греки с изящными античными статуями, их полутурецкие нравы — с философией Платона, а фустанеллы, селачи и арванитские тузлуки — с хитонами и гиматиями?

Итак, лаография, как и история, попыталась в своем развитии определить национальную идентичность новых греков, установить, чем она является, чем должна быть в рамках национального самосознания. Она выделила недавнее прошлое в свете национальных нужд и подчеркнула единство времени и пространства, оставив, однако, в стороне другие аспекты.

Другими важными областями, испытавшими на себе влияние романтизма, стали язык и литература. Греческий язык сам по себе в мировой практике явление уникальное: письменными источниками засвидетельствовано его непрерывное развитие на протяжении почти трех с половиной тысяч лет. Источники позволяют в той или иной степени восстановить предыдущие стадии развития языка. Именно этот факт вызвал к жизни явление кафаревусы.

Сам термин происходит от греческого слова *καθαρός*, что значит «быть чистым», а идея принадлежит одному из виднейших деятелей греческого Просвещения А. Кораису. Он предложил вместо разговорного народного языка — димотики (*δημοτική*) — ввести в употребление язык, очищенный от примеси других языков, т. е. от заимствований, и от упрощений и вульгаризаций, свойственных народной речи.

В романтическую эпоху эта идея была трансформирована и поставлена на службу национальной идеологии. Официальная доктрина как бы выдвинула тезис: чтобы доказать наше происхождение от древних греков, мы будем говорить как древние греки (здесь сказывается и влияние классицизма). Такова была первая цель создания нового языка. Вторая цель — создать возвышенный, официальный стиль общения. Третья — упорядочить язык, избавиться от диалектной путаницы. Однако кафаревуса вовсе не стала возрождением древнегреческого языка, а лишь плетением словес, нагромождением напыщенных слов и архаизированных окончаний. Отсюда вывод: не «хотим говорить как древние греки», а «хотим говорить иначе, лучше, красивее, чем мы говорим». То есть на уровне ментальностей происходило неприятие своего собственного «Я», ведь на кафаревусу перешло то же поколение, что прежде говорило на димотике.

¹ См.: Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 57.

С использованием кафаревусы была тесно связана другая особенность: огромное место в общественной жизни эпохи занимала поэзия. Ее характерные черты — культ эпитета, плетение словес, преувеличенно окрашенная выразительность, атмосфера волнения. То есть поэзия была использована как средство убежать от непривлекательной реальности. В стране постоянно проводились поэтические конкурсы, выходило множество литературных журналов и поэтических сборников, современники насчитывали около трех тысяч поэтов (для сравнения отметим, что в Константинополе за все эти годы был только один заметный поэт). Романтизм оказал значительное влияние и на прозу. Вследствие профессионализации труда ученых-гуманитариев художественная литература выделилась из изящной словесности, создавая новые жанры, такие как роман и рассказ.

В целом, в литературе наблюдается симбиоз просветительского и романтического художественного сознания, своего рода художественный синкретизм: слияние народно-эпической песенной традиции с завоеваниями современной европейской лирической поэзии. Соответственно и тематика повернулась в сторону национально-исторических сюжетов. Характерно также обилие автобиографической и мемуарной прозы: множество участников национально-освободительной борьбы в эти годы писали свои мемуары, были изданы и первые исторические сочинения о Революции. И в поэзии, и в прозе, в силу особых исторических задач нации, проявляется близость к байроновскому революционному романтизму. Однако уже во второй половине 50-х гг. некоторые крупные поэты и прозаики (Д. Соломос, А. Ризос Рангавис, Д. Вернардакис) постепенно перешли к неоклассицизму.

Мы рассмотрели особенности греческого романтизма главным образом на уровне идеологий. Теперь речь пойдет преимущественно о ментальностях. Иными словами, мы обратимся к трансформации официальной доктрины в сознании (а скорее в подсознании) широких слоев населения и ее влиянии на повседневную жизнь и быт людей.

В 1834 г., едва турки покинули Афины, как туда была перенесена столица молодого государства. Средневековому провинциальному городишку предстояло стать политическим и культурным центром страны, а для этого надо было сначала стать городом. Выбор именно Афин в качестве новой столицы, конечно, не случаен. Однако по вопросу о том, как столица будет выглядеть, в обществе существовали разногласия. Дело в том, что само название «Афины» постепенно стало восприниматься не просто как символ древнегреческой культуры, а как символ нации и противостояния остальным балканским народам. Напротив, Константинополь — недостижимая мечта греков — продолжал оставаться символом Византии как многонациональной империи. Таким образом, вопрос о том, какая из двух столиц будет избрана образцом для подражания, был одновременно и вопросом о дальнейших путях развития греческого общества.

Антитезу *Константинополь ↔ Афины* можно рассматривать и в другой плоскости: как противостояние Востока и Запада, романтического и классицистического сознания. Вопрос о том, относить ли себя к Востоку или к Западу, греки в исследуемый период так и не решили, это свидетельствует о том, что официальная романтическая идеология вплотную «подпиралась» классицистическим, точнее неоклассицистическим (классицизм с оттенком романтизма) мироощущением. Именно в процессе становления Афин как столицы ярче всего проявилась центральная антиномия на уровне идеологий и ментальностей: новая схема исторического процесса рисовала эллинизм в трех лицах, причем византийское его лицо представлялось равным по славе и достижениям с древним. Но «эта официальная историческая теория, сформировавшаяся

к концу периода, осталась только логической конструкцией. Она не прошла уровня сознаний и почти совершенно не достигла уровня ментальностей: там место предков занимали преимущественно древние»¹. Константинополь в качестве образца для подражания был отвергнут.

Планированием застройки новой столицы занимались баварские архитекторы и, ради укрепления института королевской власти, они предложили возвести королевский дворец на Акрополе. Но этот план не был осуществлен во избежание непредвиденной реакции со стороны населения. Еще одной характерной чертой столицы стало то, что на вновь разбитом центральном проспекте города (современная Университетская улица) были построены Национальная библиотека, университет, академия, но не было ни одной православной церкви, хотя по конституции православие является государственной религией Греции. Зато там расположилась католическая церковь, да и она мало похожа на культовое сооружение. Все эти здания построены в неоклассицистическом стиле.

Под воздействием неоклассицизма был весь город: только несколько построек возведены в ином стиле. «Неоклассицизм моментально стал преобладающим, и как все добавляли архаизирующее окончание к словам... так же все сооружали гипсовые колонны на углах домов»². Не составляли исключения и церковные сооружения. Таким образом, Православная Церковь, отождествившись с нацией, была поглощена древними. Итак, Афины XIX в. представляют собой попытку возрождения древнего города, возрождения, которое в точности оправдывало бы и древнее название.

Другая важная особенность: в Афинах XIX в. не было ни оперы, ни театра, ни картинной галереи, ни какого-нибудь музея скульптуры. Образованная публика притягивалась к другим местам — Библиотеке, Академии. Искусства пребывали в плачевном состоянии, о них заботилась пока только археология. И наконец, последнее. Все постройки в городе были частными, включая места общественного пользования. Последние строились на деньги меценатов и затем подносились в качестве дара. Не было также ни одного общественного памятника.

Таким образом, можно отметить две тенденции в архитектурном облике города: первая — показать древнегреческое измерение новогреческой идентичности; вторая — сильное проявление частного: частные дома, частные пожертвования, отсутствие общественных памятников. Национальному происхождению противостояла частная инициатива: это был симптом не до конца оформившейся структуры общества, социальные противоречия в нем еще не приняли четких очертаний. Свидетельств тому немало: «партии» личностей, принцип клиентеллы во внутрипартийных отношениях, газеты, которые писал один человек, общества, объединяющие друзей... Единственное общее связующее звено — это нация. Партийных интересов мы не встречаем.

Любопытное преломление романтической идеологии обнаруживается в быту. Рассмотрим хотя бы один пример — одежду. До национально-освободительной революции в Греции, как и на всех Балканах, европейская одежда для местных жителей была запрещена. С ней ассоциировались европейские, либеральные взгляды. Сами греки, оказавшись в Европе, надевали европейское платье, только если хотели щегольнуть своим вольнодумством. После революции запрет на европейскую одежду был снят, и в исследуемый период в отношении одежды наблюдаются три тенденции. Широкие слои греческого общества начали переходить на европейскую одежду. Многие из них при

¹ Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 107.

² Αυτόθι. Σ. 85.

этом стали воспринимать свою традиционную одежду как «азиатскую». Эта тенденция, свидетельствующая о серьезных изменениях в культурной парадигме греков, была наиболее явной и значительной. Вторая тенденция была прямой противоположностью первой: традиционной одежде придавалась национальная окраска, и ее надевали именно потому, что она свидетельствовала о национальной идентичности. Например, уже упоминавшийся политический деятель И. Колеттис, будучи посланником Греции в Париже, предпочитал являться на официальные приемы в богато украшенной фустанелле. Третья тенденция была, пожалуй, самой слабой. Она выразилась в предложениях снова ввести в употребление традиционную одежду и сделать ее гражданской, как отличительный знак, символ нации. Очевидно, что первая тенденция зародилась на уровне ментальности, а две другие — на уровне идеологии. В первой слышен отголосок Просвещения, тогда как другие окрашены в цвета романтизма. Таким образом, мы еще раз убедились в том, что романтизм, хотя и достаточно прочно утвердился на уровне идеологий, на уровень ментальностей проникал с большим трудом.

Развитие национальной идеологии опиралось на характеризующий романтическое мышление традиционализм. Исследуя этот феномен, Ж. Тушар справедливо пишет о том, что «традиционализм не отождествляет себя с каким-либо общественным классом; он вербует себе сторонников не только среди аристократии, духовенства или средних крестьян, но также и среди буржуазии, ремесленников и даже в некоторых близких слоях пролетариата»¹, чем, собственно, и объясняется быстрое распространение новых национальных идей в широких массах.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: изучение национальных культурных традиций, упирающееся в проблему противостояния Востока и Запада, поразительно напоминает идейные процессы, шедшие в то же самое время в России, так что некоторые исследователи склонны усматривать в этом прямое влияние России². Действительно, тот факт, что выразительницей подобных идей стала «русская партия» (но не только она), может навести на подобные мысли. Однако нам кажется более удовлетворительным объяснение К. Димараса, связывающего этот феномен с влиянием идей Вико, сменившим в греческой общественной мысли эпоху Гердера³.

Таким образом, мы видим, что политическая жизнь греков после освобождения характеризовалась развитием национальной идеологии, оказавшим влияние на сознание широких кругов населения и усвоение ими новой культурной парадигмы. После достижения греками независимости их национальное самосознание вступило в новую фазу: молодое государство стало центром развития независимого эллинизма, перед которым стояла проблема выбора путей. К концу 1830-х гг. постепенно росло разочарование широких масс населения результатами внутреннего государственного строительства, и все более притягательными становились проекты экстенсивного территориального расширения за счет Османской империи, нашедшие свое выражение в создании тайных обществ вроде «Филортодоксального», и в росте популярности пророчеств о восстановлении Византийской империи. Они были особенно широко распространены среди приверженцев «русской партии», несмотря на то, что ее руководители были склонны к мирному разрешению противоречий с Турцией. Идейным фоном описанного явления стало усвоение идей романтизма.

¹ Touchard J. Histoire des idées politiques. V. 2. Du XVIII siècle à nos jours. Paris, 1988. P. 541.

² См.: Nikolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek Nationalism // Balkan Studies. № 26/1. Thessaloniki, 1985. P. 43.

³ См.: Δημαράς Κ. Θ. Ελληνικός Ρομαντισμός. Αθήνα, 1982. Σ. 447–450.

Революция или переворот?

Как справедливо писал П. Каролидис, 1843 г. стал переломным для Греции, т. к. в результате происшедших после восстания 3/15 сентября изменений в политической жизни страны разрешились проблемы, вызревавшие с самого основания королевства: они касались системы политической власти в государстве, «партий», тесно связанного с их деятельностью влияния держав-покровительниц, а также баварского правления¹.

Прежде чем перейти к анализу событий, нужно разобраться в терминологии: следует ли называть события 3/15 сентября 1843 г. революцией или политическим переворотом. Путаница возникает из-за того, что греческие источники употребляют оба термина приблизительно в одном значении, желая подчеркнуть, прежде всего, насильственный характер переворота. Однако русский язык требует более четких определений, поскольку термин «революция» подразумевает наличие более или менее широкого социально-политического движения, нацеленного на радикальное изменение государственного строя, тогда как переворот обычно совершается группой заговорщиков и не ставит вопроса об изменении системы правления. Греческие же источники оставляют открытым вопрос, была ли революция 1843 г. верхушечным переворотом или же за ней стояло широкое народное движение.

Однозначного ответа на него не дали ни современники, ни историки. В. Миллер, Т. Евангелидис, Т. Пипинелис, П. Каролидис и Б. Елавич полагали, что это был всего лишь заговор². Р. Клогг придерживался противоположной точки зрения³. А Макриянис утверждал, что еще до 1840 г. самолично вел пропаганду в пользу конституционного переворота среди широких слоев населения, в том числе среди духовенства и монашества, но к верхушке политиков и военных относился настороженно, подозревая в них орудия иностранного влияния⁴. При этом он сознательно агитировал сторонников всех трех партий, уверяя каждого, что сам он разделяет взгляды именно его партии⁵. Также о наличии народного движения говорит современник событий Дж. Финлей⁶.

Свою версию событий развивает К. Зографос: он утверждает, что предпосылки переворота назревали по всей стране и провинции были готовы к выступлению. Однако верхушка заговорщиков решила поднять восстание в столице, чтобы предотвратить движение в провинциях, которое могло выйти из-под контроля и ввергнуть страну в анархию⁷. Тем не менее, мы не можем полностью доверять свидетельствам этих людей, поскольку все они были заинтересованы в том, чтобы представить происшедшие изменения как желаемые всем народом. С другой стороны, никаких фактов, подтверждающих эту точку зрения, в нашем распоряжении нет.

¹ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία... Τ. 2. Σ. 368.

² См.: Miller W. A History of the Greek People. P. 33; Ευαγγελίδης Τ. Ε. Ιστορία του Όθωνος, Βασιλέως της Ελλάδος. (1832–1862). Αθήνα, 1893. Σ. 210–211; Πιπινέλης Τ. Ν. Η μοναρχία εν Ελλάδι. Σ. 377. Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία... Τ. 2. Σ. 341, 416. Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 26.

³ См.: Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995. Σ. 55–57.

⁴ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 449–450, 459.

⁵ См.: Αυτόθι. Σ. 457.

⁶ См.: Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho. V. 2. P. 171–173.

⁷ См.: Lettre de m. Zographo à m. Duvergier de Hauranne, en réponse à son article inséré dans «La Revue des deux mondes» du 15 octobre 1844. N. p.n. d. P. 9.

Кроме того, следует отметить, что с восстанием 3 сентября политические изменения в стране только начались, а закрепиться им предстояло лишь в марте 1844 года, с принятием Национальным Собранием Конституции и ряда других законодательных актов. Таким образом, дело, начатое группой военных в ночь на 3 сентября, было завершено депутатами парламента, которых уже заговорщиками не назовешь. К тому же речь шла об изменении политического строя в стране: неограниченная монархия становилась конституционной. Поэтому правильнее было бы говорить о революции 1843–1844 гг.

Что касается причин и целей восстания, то сами его участники впоследствии писали, что ими двигало стремление демократизировать политическую систему страны и защитить ее от иностранных влияний. Д. Калергис¹, задним числом оправдывая свои действия перед русскими властями (он получил образование и воспитание в России), писал, что главным мотивом, заставившим его присоединиться к восставшим, было желание избавиться от баварцев и добиться предоставления обещанной конституции, не нарушая, однако, при этом существующего строя². Согласно Макриянису, основной целью заговора было добиться созыва Национального Собрания и выработки конституции, но король при этом не должен был пострадать (хотя и высказывались пожелания его изгнать или убить)³.

Историки и современники называют и другие факторы, повлиявшие на дестабилизацию политической ситуации в стране. Анализируя социальные предпосылки революции 1843–1844 гг., Ч. Фрэзи утверждает, что одни считали незавершенной революцию 1821 г., а другие были недовольны неэффективным правлением Оттона⁴. Юный принц, вначале воспринятый народом с большой симпатией, вскоре стал ненавистен, т. к. баварские министры, как утверждает Г. Колокотронис, валили на него свои ошибки⁵. Как представлял себе Гизо, «непопулярность короля Оттона была огромной, как среди членов дипломатического корпуса, так и среди народа»⁶. Однако самого факта непопулярности короля в народе, по нашему мнению, еще недостаточно для того, чтобы говорить о наличии широкого народного движения. С другой стороны, отмеченное народное недовольство сыграло свою роль в том, что переворот оказался бескровным, иными словами, что его результаты не вызвали сопротивления.

Помимо наличия недовольных в самой Греции, благоприятные условия для смены режима создавала и позиция держав: Англия не жалела Оттона, потому что настаивала на введении конституции, Россия — поскольку Оттон не принял православия, Францию также перестала удовлетворять политика ее приверженца Христидиса.

Как характерное проявление английской политики в этот период можно рассматривать статью британского историка и филэллина Дж. Финлея, посвященную финансовому кризису в Греции. Констатируя наличие этого кризиса и анализируя пути его преодоления, Финлей писал, что установление международного контроля над греческими

¹ Калергис Димитриос (1803–1867) — потомок одной из влиятельнейших на Крите семей. Воспитывался в Санкт-Петербурге, затем изучал медицину в Вене. Во время революции 1821 г. начал военную карьеру. Один из главных действующих лиц в событиях 3/15 сентября 1843 г., сторонник «русской партии».

² См.: Calergy à Nesselrode 8/20.10.1843. Calergy à Titoff 14/26.10.1843. АВПРи. Ф. 161/1. Д. 57.

³ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 452–457.

⁴ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 155.

⁵ См.: Κολοκοτρώνης Γ. Απομνημονεύματα. (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 78.

⁶ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. T. 7. P. 271.

финансами — мера, в данном случае неподходящая, поскольку причиной кризиса, по его мнению, является не общее плачевное состояние экономики страны, а финансовые злоупотребления ее баварских правителей. Поэтому пути решения проблемы он предлагает соответствующие: аннулировать баварский заем как незаконно заключенный и считать его личным делом монархов Баварии и Греции, значительно сократить гражданский лист короля, содержание которого обходится казне больше, чем содержание всей гражданской администрации вместе взятой, и наконец, созвать Национальное Собрание, ибо оно-то уж непременно придумает, как увеличить доходы казны¹.

Выдвинутые Финлеем предложения были на руку не только заговорщикам, желавшим свергнуть баварское правление, но и английской дипломатии, рассчитывавшей с введением конституционного режима укрепить свое влияние в стране. Подобного рода выступления свидетельствуют о том, что некоторые круги в Англии ради достижения своих интересов были не прочь спровоцировать в Греции небольшую революцию. В своей следующей статье, написанной уже после событий 3 сентября, Финлей утверждал, что революция была неизбежна, поскольку правительство не в состоянии было решить финансовую проблему². Другими причинами революции Финлей считал коррупцию, развращавшую чиновничество и государственный аппарат в целом³.

Однако нарисованная Финлеем картина жалкого состояния греческой казны вполне соответствовала действительности, о том же писали и другие современники. Последним толчком к восстанию называл финансовый кризис и Г. Колокотронис: под давлением посланников держав король снизил жалованье военным, чем и вызвал их возмущение⁴. В условиях кризиса правительство пошло и на другие сокращения государственных расходов: возросли налоги, были упразднены многие дипломатические посты за рубежом, снижены пенсии, уволена часть государственных служащих (инженеры, лесники), сам Оттон пожертвовал в казну часть гражданского листа, но все эти меры не могли спасти положения, хотя были неизбежны, так как после категорического требования держав уплатить проценты по союзническому займу греческое государство находилось на грани банкротства. Таким образом, революция была фактически инспирирована этим требованием⁵.

Катастрофическое положение государственной казны в 1843 г. сопровождалось ухудшением материального положения населения. Так, на большей части Пелопоннеса тем летом виноградники сгорели от засухи и у крестьян совсем не было денег⁶.

Надо отметить, что Греция не впервые сталкивалась с экономическими трудностями, но прежде удавалось избегать обострения ситуации благодаря тому, что державы предоставляли все новые займы. На это и рассчитывал министр финансов Ризос-Нерулос, 10 января 1843 г. объявляя посланникам держав, что Греция не в состоянии выплатить очередные шестимесечные проценты, подлежащие уплате к 1 марта

¹ См.: *Finlay G. The Bankruptcy of the Greek Kingdom* // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. V. 54. Sept. 1843. P. 347–362.

² См.: *Finlay G. The Actual Condition of the Greek State* // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. V. 55. Jan. – Jun. 1844. P. 785.

³ См.: *Finlay G. King Otho and his Classic Kingdom* // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. V. 76. Oct. 1854. P. 407. *Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho*. London, 1971. V. 2. P. 171.

⁴ См.: Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα. (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 88.

⁵ См.: *Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho*. London, 1971. V. 2. P. 172.

⁶ См.: Αιών № 463. 21.08.1843.

1843 г. Однако на этот раз державы отказались гарантировать новый заем. Прежде заем мог быть предоставлен той державой, чья группировка была у власти, однако теперь державы, наконец, поняли, что не могут обладать достаточным влиянием на греческие дела, даже когда их сторонники в фаворе, и решили изменить тактику. Об опасностях такого шага весной 1843 г. Ж. -Г. Эйнар¹ писал французскому послу в Лондоне Сент-Олеру: «Цель держав — спасти свои гарантии без вреда для Греции; требовать немедленной уплаты невозможно, это приведет к банкротству вашего должника, бесполезно погубит ваш кредит и ввергнет правительство в анархию; следовательно, три двора должны как это делают все мудрые кредиторы, помочь должнику привести в порядок его дела, **если он делает то, что должен делать**»².

С мая по июль 1843 г. представители держав в Лондоне решали судьбу Греции. Конференция завершилась протоколом 5 июля и финансовой конвенцией, согласно которой часть поступлений в греческую казну передавалась непосредственно иностранным кредиторам. Конвенция была подписана Грецией 2 сентября, в день, предшествовавший восстанию. По мнению Пискатори, известие о ее подписании и послужило толчком к выступлению³.

Среди других обстоятельств, подтолкнувших революционные события, английский историк В. Миллер называл недовольство моряков Идры, вызванное предъявленным им требованием записаться в регулярную армию, соглашение Зографоса, нанесшее урон авторитету правительства, неспособность правительства извлечь выгоду из внутривосточного кризиса в Османской империи, а также поражение критского восстания 1841 г.⁴

Как утверждали современники, основной движущей силой заговора были военные, многие из которых с роспуском еще при регентстве нерегулярных военизированных формирований оказались лишенными средств к существованию и составляли массу недовольных. Однако к заговору был причастен только столичный гарнизон, поскольку армия в целом «была еще не развращена и верна своей присяге», в силу этого все попытки агитации в частях оказались безуспешными⁵. Греческий историк Т. Пипинелис попытался провести классовый анализ движущих сил революции, называя главными среди них буржуазию и сельскохозяйственную олигархию и проводя параллель с Июльской революцией во Франции. Эти же силы, по его мнению, задавали тон и на Национальном Собрании⁶. Однако такое сравнение кажется нам несколько искусственным, а данная оценка классовой структуры греческого общества в этот период — необоснованной.

---

¹ Эйнар Жан-Габриэль (1775–1863) — крупный швейцарский банкир и филэллин. Родился в Лионе, но во время Великой Французской революции его отец с семьей бежал в Швейцарию. К началу революции 1821 г. имел уже достаточно крупное состояние, позволившее ему ссудить Каподистрии 700 000 франков без всякой гарантии. Убийство Каподистрии не снизило его филэллинского энтузиазма и он продолжал всячески способствовать развитию греческой финансовой системы. В 1841 г. основал Греческий национальный банк, существующий и поныне.

² *Chapuisat E. La Restauration Hellénique d'après la correspondance de Jean-Gabriel Eynard. Paris; Genève, 1924. P. 169.*

³ См.: Piscatory à Guizot 16. 09. 1843. Опубл. в: Πούλος Ι. Η επανάστασις .... Σ. 232.

⁴ См.: *Miller W. A History of the Greek People. (1821–1921). L., 1922. P. 31–32.*

⁵ См.: Γεωργαντάς Α. Ιστορικά απομνημονεύματα της βασιλείας Όθωνος // Παρνασσός. Τ. 5. Τεύχ. 10. Αθήνα, 1881. Σ. 833; Κολοκοτρώνης Γ. Απομνημονεύματα. Σ. 87–88.

⁶ См.: Πιπινέλης Τ. Ν. Η μοναρχία τν Ελλάδι. 1833–1843. Αθήνα, 1932. Σ. 377, 381–383, 404.

Цели революции, как они были восприняты общественностью, нашли свое выражение в политических памфлетах, вышедших вскоре после событий 3 сентября: требование конституции как избавления от деспотии и окончательного освобождения, начало которому положила революция 1821 г., требование изгнания баварцев, и иностранцев вообще, выпад против дипломатов держав, занимающихся интригами не в пользу Греции¹. Восстание 3 сентября рассматривалось, таким образом, как завершение дела 1821 г., а Национальное Собрание — как наследник Эпидаврского Собрания 1822 г., выработавшего первую греческую конституцию².

Один из памфлетов так и назывался: «Освободитель, или Победа 1821 года и Триумф 1843 года»³. Однако авторы этих памфлетов выступали в основном против баварцев и за «хорошее правление» вообще, весьма слабо представляя себе, что такое конституция. При этом фигура короля оставалась вне критики: он и хотел бы «хорошо править», да ему мешали плохие советники (баварцы), которых надо выгнать и тогда дело пойдет на лад⁴. Это говорит о том, что в сознании греков священная персона короля, равно как и сам институт монархии, продолжали занимать достаточно прочное место и идея ограничить его власть принадлежала лишь небольшой группе европейски образованных интеллигентов. С другой стороны, в настойчиво проводимом памфлетистами требовании создания национального правительства отчетливо прослеживается тенденция отождествления нации и государства, что подтверждает нашу мысль о вступлении греческого национального самосознания в принципиально новую фазу развития.

Обобщая все вышеизложенное, можно сказать следующее. Помимо недовольства разных слоев общества правлением короля Оттона и неспособностью правительства залатать дыры в бюджете, восстание 3 сентября во многом подтолкнула позиция держав. Их нежелание материально поддержать правительство Христидиса привело к его окончательной изоляции, продемонстрировало неспособность короны избавить страну от унижения и наладить с державами нормальные отношения. В смене режима заговорщики видели шанс избавиться от иностранного вмешательства в дела страны, а также ограничить власть короля, показавшего себя далеко не гениальным правителем. Увольнения и сокращения жалования задели жизненные интересы бюрократии, игравшей большую роль в государственной жизни. Кроме того, Оттон был вынужден поднять руку на армию, бывшую единственной опорой режима. Не случайно большую роль в восстании сыграла кавалерия — ей также было урезано жалование. Единственной лояльной королю группировкой в тот момент оставались баварцы, материальные интересы которых не были задеты. Это, в свою очередь, усилило ненависть к ним со стороны греков. Страна переживала экономический и политический кризис, и момент для восстания был исключительно благоприятным. В этих условиях группа политиков и военных составила заговор с целью ограничения власти короля Оттона, введения конституционного строя и пресечения вмешательства иностранцев во внутренние дела страны. Широкие круги общества были готовы положительно воспринять все эти перемены.

¹ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Η Τρίτη Σεπτεμβρίου. Κείος Ι. Ο αγωνιστής Έλλην κατά την 3 Σεπτεμβρίου. Χ. τ., χ. χ.

² См.: Σούτσος Α. Η μεταβολή της τρίτης Σεπτεμβρίου εις φυλλάδια πέντε. Αθήνα, 1844. Σ. 15, 67–73.

³ См.: Ποιμενίδου Δ. Ι. Ο Ελευθερωτής ή το Τρόπαιον του 1821 και ο Θρίαμβος του 1843. Εν Αθήναις, 1843.

⁴ См.: Ο Κομήτης. Τα άπαντα του Συντάγματος. Εν Αθήναις, 1843. Σ. 15–24.

Как утверждал Г. Колокотронис, идея насильственной смены режима зародилась сразу после неудачной попытки Маврокордатоса осуществить ее мирным путем, а А. Георгандас в своих воспоминаниях писал, что заговор с этой целью существовал, по крайней мере, за год до революционных событий и что идея его принадлежала Макриянису (который, как мы видели, утверждал, будто начал действовать еще до 1840 г.) и А. Лондосу, очень скоро посвятившим в свои планы и А. Метаксаса. Постепенно к заговору были привлечены К. Боцарис, И. Гурас (Мамурис), Д. Калифронас¹, Н. Криезотис², Спиروмилиос³, Михаил Суцос и др.⁴ Макриянис писал, что о заговоре знал и А. Маврокордатос, а также посланники трех держав⁵.

Дж. Финлей полагал, что инициатива революционного заговора исходила от «русской партии», однако заговорщики засомневались в собственных силах и, пользуясь растущей непопулярностью короля Оттона, решили посвятить в свое предприятие нескольких наиболее решительных конституционалистов, не доверяя им однако всего плана целиком, чем и объяснялись самые разные слухи, ходившие относительно подоплеки заговора⁶. Заметим, что и мнение самого Финлея опирается не более чем на слухи.

Чтобы осуществить свои планы, заговорщикам (в число которых входили уже приверженцы «русской» и «английской» группировок) были необходимы, как полагал Н. Драгумис, три вещи: участие французской партии, поддержка провинций и деньги. Но поскольку французская партия примкнула только в последний момент, провинции вовсе не собирались восставать (Драгумис опровергает утверждение Зографоса о том, что провинции кипели), и денег также не было, то заговорщикам пришлось прибегнуть к поддержке военных⁷.

По поводу необходимости смены государственного режима все три «партии» в конце концов пришли к единому мнению, что и обусловило бескровный характер переворота, но, как справедливо отмечал В. Миллер, каждая из них преследовала при этом свои цели: «английская» — введение конституции, «русская» — решение религиозного вопроса⁸. Вполне логично, что по достижении общей цели все три группировки снова стали соперницами. А П. Каролидис вообще считал, что

¹ Калифронас Димитриос (1805–1897) — участник революции 1821 г., потом — политический деятель, приверженец «французской партии». На выборах димархов Афин — постоянный соперник русофила А. Петракиса.

² Криезотис Николаос (1785–1853) — участник революции 1821 г. По окончании военных действий с турками принял участие в междоусобных разборках, за что едва не поплатился головой. В 1830-е гг. занимал важный правительственный пост на Эвбее, где приобрел большое влияние. Во время восстания 3 сентября занял крепость в Халкиде и поддержал восставших. В 1847 г. поднял восстание против правительства Колеттиса, в результате которого бежал в Малую Азию.

³ Спиروмилиос Михаил (1800–1880) — профессиональный военный с европейским образованием, родом из Эпира. Участник революции 1821 г., после которой продолжил военную карьеру. В 1840 г. назначен директором Школы Евэлипов (пехотное офицерское училище). В 1843 г. примкнул к заговорщикам 3 сентября.

⁴ См.: Γεωργαντάς Α. Ιστορικά απομνημονεύματα της βασιλείας Όθωνος // Παρνασσός. Τ. 5. Τεύχ. 10. Αθήνα, 1881. Σ. 833; Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα. Σ. 835–841. Колокотρώνης Γ. Απομνημονεύματα. (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 87–88.

⁵ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 450, 469–470.

⁶ См.: Finlay G. The Actual Condition of the Greek State. // Blackwood's Edinburgh Magazine. V. 55. Jan. –Jun. 1844. P. 789.

⁷ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 69.

⁸ См.: Miller W. A History of the Greek People. (1821–1921). L., 1922. P. 32.

единственным искренним конституционалистом был Сп. Трикупис, а все остальные лишь добивались низложения Оттона¹.

Тот факт, что союз трех «партий» мог быть только временным, был очевиден уже современникам. Как утверждал Лайонс, приверженцы России, временно объединившись с конституционалистами, чтобы не потерять своего влияния, после революции стали прилагать все усилия к тому, чтобы свести на «нет» ее результаты и возбудить антиоттоновские настроения в народе². Однако по прошествии некоторого времени Лайонс изменил свою точку зрения на события 3 сентября, ставя их в один ряд с делом о филортодоксальном заговоре 1839–1840 гг. и усматривая за восстанием 3 сентября желание России избавиться от Оттона. Вот что он писал министру иностранных дел Абердину в своем рапорте от 1 января 1844 г.:

«Вот уже некоторое время я замечаю, что при этом дворе существует устойчивое убеждение, что русский император разочарован тем, что король Оттон не отрекся от престола 3/15 сентября прошлого года. Я также наблюдаю, что это убеждение ничуть не было поколеблено ни заявлением Его Императорского Величества, что он ни при каких обстоятельствах не согласится на то, чтобы член его семьи был призван на греческий престол, ни выраженным неудовольствием в адрес г-на Катакази, ни высылкой брата полковника Каллергиса из русских владений. Мой баварский коллега неоднократно удивлялся, что я не считаю различные детали Филортодоксального заговора 1839 и 1840 годов, а также последний политический переворот достаточными доказательствами того, что убеждение двора не подлежит сомнению. А два дня назад он сказал мне, что, несмотря на то что он не может рассказать мне всего, что знает, он наконец чувствует себя вправе ознакомить меня с содержанием двух своих бесед с г-ном Катакази, которые, как он полагает, убедят меня в том, что Россия, по крайней мере, навлекла на себя подозрения в желании ниспровергнуть это королевство. Затем он рассказал мне, что господин Катакази 4/16 сентября прошлого года весьма важно выразил ему решительное мнение, что события предыдущего дня лишили короля Оттона всех полномочий и что у Его Величества нет иной возможности должным образом восстановить свое положение на престоле, кроме как немедленно назначив регентство и в тот же день в сопровождении королевы отплыть в Германию. Следствием этого шага, как сказал господин Катакази, будет анархия, гражданская война и настойчивые просьбы к Оттону вернуться и восстановить порядок»³.

Эта беседа между Катакази и де Гассером произошла в середине октября после попытки Г. Колокотрониса вызвать реакцию. Потом Катакази еще раз просил де Гассера сходить к Оттону с той же просьбой. «Позже из неопровержимого источника я узнал, — писал Лайонс, — что около четырех лет назад господин Катакази получил инструкции покинуть Грецию в случае, если король Оттон будет вынужден так поступить. Указанное настроение совпадает с раскрытием Филортодоксального заговора, и, кажется, в России предполагали, что этот заговор мог привести к отбытию короля Оттона из Греции»⁴.

К вопросу о том, какое в действительности отношение имела Россия к этим событиям, мы еще вернемся ниже.

¹ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 375–377.

² См.: Lyons to Aberdeen №112. 21.09.1843; FO 32/122; №144. 30.11.1843. FO 32/123.

³ Lyons to Aberdeen. № 1. 01.01.1844. FO 32/127.

⁴ Там же.

П. Каролидис полагал, что общая цель восстания, которой он считает свержение Оттона, не была достигнута, зато каждый из заговорщиков одержал личную победу, т. к. получил свой кусок пирога власти¹. Кроме того, победили идеи конституции и Национального Собрания, ибо они были идеями, «стоящими выше всякого частного или личного интереса, и потому притягательными для духа, ума и сердца греческого народа»². Насчет дележа власти П. Каролидис совершенно прав, однако было бы слишком смело приписывать заговорщикам намерение свергнуть Оттона. Такая идея могла зародиться только в умах некоторых экстремистов, ибо за свержением монарха современникам вполне отчетливо виделся призрак гражданской войны³.

Необходимо отметить, что указанный союз трех партий был четкой проекцией сближения посланников трех держав: Лагрене и Лайонс получили от своих министров инструкции всячески поддерживать один другого и избегать каких-либо ссор, а сменивший Лагрене Пискатори прекрасно ладил и с Лайонсом, и с Катакази и надеялся, что придет момент, когда он сможет манипулировать обоими⁴. Как справедливо писала Б. Елавич, греческая революция произошла в тот момент, когда отношения между тремя великими державами были наиболее сбалансированными, не было открытых противоречий, но «необычная гармония и согласие»⁵.

Сначала заговорщики планировали поднять восстание в знаменательный день 25 марта 1844 г., очередную годовщину начала антитурецкого восстания, но т. к. идея переворота распространилась очень широко и грозила раскрыться, то выступление было перенесено на 3 сентября⁶. Однако, судя по тому, что Калергис был посвящен в заговор только в августе 1843 г. и тогда же было принято решение выступить в ночь на 2 сентября⁷, можно полагать, что сама идея выступления обрела конкретные очертания именно в это время. Георгандас утверждал также, что у полиции были подозрения насчет готовящегося переворота, но король Оттон не придавал им значения⁸.

Но в ночь на 2 сентября общее выступление не состоялось, лишь только Макриянис сидел запершись в своем доме, окруженном жандармами, и размышлял о безнадежности своего положения⁹. Общее выступление произошло на следующий день, тогда была снята осада и с дома Макрияниса, который тут же отправился на площадь и, после того, как король принял требования восставших, стал уговаривать народ разойтись (чтобы избежать кровопролития) и не срывать свои чувства на баварцах¹⁰. В целом, в своих воспоминаниях Макриянис пытается убедить читателя, что главным действующим лицом всех событий был он сам.

А вот как описывает события той ночи совместный отчет трех посланников Лондонской конференции: «В час ночи колокольный звон и сигнал тревоги, несколько ружейных выстрелов и крики “Да здравствует Конституция!” разбудили население Афин.

¹ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία... Σ. 460–461.

² Στο ίδιο. Σ. 463.

³ См.: Chapuisat E. La Restauration Hellénique..., P. 241–242.

⁴ См.: Guizot F. Mémoires pour servir... Т. 6. P. 265–266. Т. 7. P. 270.

⁵ Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 25.

⁶ См.: Γεωργαντάς Α. Ιστορικά απομνημονεύματα... Σ. 841–842.

⁷ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 467.

⁸ См.: Γεωργαντάς Α. Ιστορικά απομνημονεύματα... Σ. 841–842.

⁹ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 470–474.

¹⁰ См.: Αυτόθι. Σ. 475, 477.

Вскоре войска были на марше, во главе почти со всеми офицерами. Артиллерийская батарея покинула место своей дислокации. Было очевидно, что это вооруженное выступление произошло не по приказу правительства... Движение было всеобщим и мятеж, одновременно политический и военный, достиг дворца, не встречая никакого сопротивления. Войска, подойдя строем во главе со своими командирами, были выстроены в боевом порядке между дворцом и народом, между тем все громче раздавались крики «Да здравствует Конституция!». Король попытался вразумить солдат, напомнить офицерам об их долге, уверить их перед лицом народа в своей преданности стране, но его отказались слушать, его голос был заглушен криками «Да здравствует Конституция!». Двое из его адъютантов попробовали воздействовать силой военной власти, но были вынуждены ретироваться во дворец». Тогда посланники держав попытались переговорить с одним из министров, но тот сказал, что это движение «всеобщее и неизбежное» и что ни он, ни другие министры не в силах дать ему отпор. После этого дипломаты попробовали пройти во дворец, но Калергис, командир одной из восставших частей, их туда не пустил, и они сочли за лучшее удалиться. Оправдываясь, Калергис писал по этому поводу новому военному министру 4/16 сентября, что руководствовался в своих действиях необходимостью поддержать порядок, и не допустить, чтобы толпа ворвалась во дворец, требуя выдачи наиболее одиозных баварцев. Кроме того, дипломаты могли помешать переговорам короля с его министрами¹. Посланники великих держав покинули площадь перед дворцом добровольно, полагая, что так меньше будет опасность для Оттона и быстрее разрешится кризис². Этот факт, как полагает Дж. Финлей, и подтолкнул короля принять требования восставших³: предоставить стране конституцию, созвать в течение месяца Учредительное собрание для ее разработки и назначить новый кабинет министров. Чтобы придать хоть какую-то видимость законности своим действиям, восставшие собрали Государственный Совет, который и составил соответствующие обращения к королю, а также назначил новых министров.

А. Ризос Рангавис в своих воспоминаниях писал, что, встретив на улице 2 сентября своего знакомого преподавателя университета Г. Маврокордатоса, он услышал от него, будто бы минувшей ночью народ с солдатами перед дворцом якобы просили короля о конституции, но так как эти события реально произошли только следующей ночью, то Рангавис решил, что все было тщательно спланировано⁴.

Сообщая подробности событий, Катакази утверждал, что они были не стихийными, а заранее подготовленными. Предложения, поданные Государственным Советом королю, были, как он считает, подготовлены давно и поддерживались абсолютным большинством влиятельных людей в Афинах и провинциях. Но они не знали, как их лучше преподнести, чтобы не подвергнуть опасности короля и не нарушить общественного спокойствия. К тому же они надеялись, что на короля через Лондонскую

¹ См.: Catacazy. № 102. 18.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 434–434.

² См.: Текст совместного отчета посланников был составлении Пискатори, по просьбе Катакази в него были внесены некоторые изменения. Опубл. в: *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Т. 6. Paris–Leipzig, 1864. Т. 7. Р. 276–277, а также в: *Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843*. Р. 52–54. Подробное красочное описание событий той ночи см.: *Nugent G. Lands, Classical and Sacred. (Review) // The Quarterly Review*. № CLVI. October, 1846. London.

³ См.: *Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho*. London, 1971. V. 2. Р. 177.

⁴ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Т. 2. Αθήνα, 1895. Σ. 129–130.

конференцию окажут давление державы и заставят выгнать иностранцев. События подтолкнули общее разочарование августовским протоколом и нападки прессы. До правительства дошли слухи о наличии заговора и оно хотело прибегнуть к репрессиям, но Оттон колебался, требуя веских доказательств. На встрече с дипломатами он сказал, что был извещен о заговоре, но ожидал восстания 5, а не 3 сентября. Что же касается провинций, то известие о перевороте везде было воспринято спокойно и никто не высказался в поддержку короля, над которым было совершено насилие¹.

Любопытный эпизод из событий той ночи описан Н. Драгумисом: когда посланники собрались идти ко дворцу, то, предупредив их, туда прибежал секретарь Английской миссии Гриффитц и стал просить, чтобы Калергиса вынудили не пускать дипломатов во дворец, пока Оттон не подпишет всех необходимых документов. Драгумис объяснял это тем, что английское правительство узнало о замыслах России свергнуть Оттона и дало Лайонсу указание этому воспрепятствовать. Во время восстания англичане испугались, что Катакази может надавить на Оттона, чтобы тот отказался принимать предложения восставших, а тогда события могли принять совсем другой оборот². А Д. Дакин вообще утверждал, будто «главную роль во всем этом деле (т. е. в событиях 3 сентября) сыграл Лайонс». Лайонса и Катакази считал главными сценаристами заговора и Т. Пипинелис³. Другой греческий историк И. Пулос придерживается мнения о том, что весь заговор был задуман Россией, пытавшейся свергнуть Оттона⁴.

Итак, рассказы мемуаристов и донесения иностранных дипломатов дают нам в целом довольно четкую картину событий той ночи, хотя и несколько разнятся в деталях. Выступление заговорщиков, по всей видимости, застало короля врасплох. Он не располагал четкой программой действий в этой ситуации, а без поддержки иностранных дипломатов оказался в полной изоляции, тем более, что выступление армии было единодушным. Посланники держав хотели, как всегда, направить ход событий в выгодную для себя сторону, однако восставшие этого не допустили. Остается открытым вопрос, были ли иностранные дипломаты осведомлены о наличии заговора. Существующие сообщения о том, что они были его организаторами, свидетельствуют лишь о тесной связи политических группировок с посланниками держав-покровительниц, однако недостаточно аргументированны для того, чтобы определенно возлагать ответственность за события 3 сентября на дипломатов той или иной державы.

Это утверждение верно и по отношению к российским дипломатическим представителям в Греции. Но данная проблема заслуживает более подробного рассмотрения. Н. Драгумис полагал, что главной целью заговорщиков было изгнание Оттона, чего добивалась Россия, не сумевшая обратить греческого монарха в православие⁵. В связи с этим Драгумис упоминает о некой миссии Строганова и шедших по этому поводу в Мюнхене в 1834–1835 гг. переговорах между Гагариным и Гизе⁶. Он также уверен, что Метаксас, Лондос и Зографос полагали, что Оттон отречется, и считает это парадоксальным. Это же заблуждение он приписывал и русскому посланнику. Но парадоксальной можно назвать скорее точку зрения самого Драгумиса, ибо, как уже

¹ См.: Catacazy. № 102. 18.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 436–438.

² См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 72.

³ См.: Dakin D. Η Ενοποίηση... Σ. 124. Πιπινέλης Τ. Ν. Η μοναρχία εν Ελλάδι. Σ. 368.

⁴ См.: Πούλος Ι. Η επανάστασις... Σ. 228–230.

⁵ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 67.

⁶ См.: Αυτόθι. Σ. 67.

говорилось выше, заговорщики ставили себе целью не свержение короля, а лишь некоторую демократизацию системы правления.

По мнению Драгумиса, больше всего в свержении Оттона был заинтересован русский посланник, однако увидев, что события разворачиваются в ином направлении, он решился на отчаянный шаг и стал через баварского посланника советовать Оттону назначить регентство и уехать в Мюнхен, уверяя, что греки будут просить его вернуться. Именно за это император Николай якобы уволил Катакази с русской службы¹. Таким образом Драгумис сам себе противоречит: заявляя, что свержение Оттона входило в намерения России, он в то же время называет причиной увольнения русского посланника попытку это намерение осуществить.

Согласно теории, развиваемой П. Каролидисом, Катакази, как и Лайонс, добивался низложения Оттона, но если Лайонс делал это с помощью конституционалистской пропаганды, то Катакази пошел по пути создания тайных обществ, оба они также не пренебрегали случаем оказать экономическое давление на Оттона. Однако идея свержения Оттона и возведения на его трон принца из русского царствующего дома пришла не по вкусу Николаю I в силу его легитимистских взглядов (хотя сменой монарха в Греции он был бы доволен), тогда Катакази решил действовать сам. Отставка Катакази была вызвана, как полагал Каролидис, неудачей этого рискованного предприятия².

Единственной державой, которая в те годы искренне поддерживала режим Оттона, по мнению Каролидиса, была Франция. И, несмотря на то, что английский и французский посланник получили инструкции действовать совместно, Пискатори не был причастен к заговору, т. к. к моменту его прибытия в Афины англо-русский альянс уже сложился³. Сам Пискатори утверждал, что именно он проявил инициативу в оказании поддержки Оттону со стороны дипломатического корпуса⁴.

Любопытный разговор о восстании 3 сентября между собою и И. Колеттисом описал в своих воспоминаниях Ф. Гизо. На вопрос, было ли движение «спонтанным, естественным, национальным, чисто греческим», Колеттис отвечал, что это не национальное движение, а афера России. Россия хочет превратить Грецию в полузависимое княжество по типу Дунайских. Начало этой работы Колеттис видел в 1827 г. (намек на Каподистрию), инструментом этой политики было также «Филортодоксальное общество». На вопрос, какие у него есть этому доказательства, Колеттис отвечал, что есть, но он не может их разгласить, т. к. связан честным словом. На вопрос, что он будет делать теперь, когда революция уже свершилась, Колеттис сказал: «Ничего. Наблюдать. Я считаю короля Оттона потерянным человеком. Национальное Собрание будет напистским. Я не хочу в это вмешиваться. Все, что они могли бы сделать против короля Оттона, меня не касается. Когда я замечу, что начинаются события, идущие во вред стране, угрожающие ее безопасности и независимости, тогда я обрушусь на них с моими молодцами и преподам им хороший урок»⁵. В английской периодике также руководящая роль в подготовке и проведении революции 3 сентября отводилась «русской партии» и российским дипломатам⁶.

¹ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Т. 2. Σ. 68; Об этом же писал Лайонс: № 1. 01.01.1844. FO 32/127.

² См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Т. 2. Αθήνα, 1922. Т. 2. Σ. 382–383, 469–470.

³ См.: Αυτόθι. Σ. 406, 410–412.

⁴ См.: Piscatory à Guizot. 16.09.1843. Опубли. в: Πούλος Ι. Η επανάσταση... Σ. 235–236.

⁵ Guizot F. Mémoires pour servir... Т. 7. Р. 281–283.

⁶ The Late Revolution in Greece // The British and Foreign Review. № XXXV. London, 1844.

Колеттис полагал, что если даже Россия и не знала заранее о готовящихся событиях, тем не менее она желала свержения Оттона и замены его православным принцем. Он считал также, что после неудачной попытки 3 сентября надо ждать от России новых действий. Сторонники России, как он полагал, сыграли ведущую роль в перевороте¹. Однако вскоре позиция России прояснилась.

Э. Дрио, Т. Пипинелис, К. Папулидис и А. Ризос Рангавис считали причастность Г. Катакази к этим событиям неоспоримой. Из их рассуждений следует, что Катакази сыграл ва-банк, ожидая, что в результате революции король либо отречется, либо покинет страну, освободив тем самым престол для русского кандидата². Но для многих современников этот вопрос был не столь ясен: П. Дювержье, например, в своей статье, посвященной сентябрьским событиям и их последствиям, не дал на него однозначного ответа³. Правда, в другой своей статье он писал, что, как бы ни оценивать движение 1838 г. и революцию 3 сентября, «никто никогда не поверит, что Россия не была к ним причастна», но доказательств тому недостаточно⁴. Тем не менее, выступление Дювержье показалось К. Зографосу слишком резким и он ответил на него открытым письмом, в котором обвинил Дювержье в русофобии и отвлеченных бездоказательных рассуждениях⁵.

Кроме того, он утверждал, что несправедливо отводить доминирующую роль в заговоре «русской партии», игнорируя «английскую» и «французскую»⁶. И в самом деле: среди главных заговорщиков представителем «русской партии» был только А. Метаксас, да в последний момент примкнул к заговору Д. Калергис, остальные же его участники — конституционалисты. Так что справедливым нам видится мнение английского посланника, писавшего о том, что русофилы присоединились к конституционалистскому движению по необходимости, чтобы не утратить окончательно своего влияния в стране⁷. А в первых своих донесениях о восстании Лайонс вообще не вдавался в подробности и воздерживался от оценок, подчеркивая лишь бескровный характер произошедшей революции: в его отчете нет и мысли о том, что Россия имела какое-то отношение к перевороту⁸. Впоследствии, как мы видели, он изменил свою точку зрения. Также и переписка Гизо и Пискатори, на которой выстроил свою теорию И. Пулос, не дает никаких оснований для обвинений в адрес Катакази. И. Пулос основывал свое мнение на бездоказательных утверждениях Калергиса, ничем не подтвержденных подозрениях Пискатори и рассуждениях Гизо о возможности отречения Оттона, забывая о том, что Оттон имел возможность переменить свое решение и отказаться от обещаний, данных восставшим. Кроме того, Пискатори считал, что такому

¹ См.: Kolettis à Eynard. 10.10.1843 // Jelavich B. *Russia and the Greek Revolution of 1843*. Appendices. P. 67.

² См.: Driault Ed., Lhéritier M. *Histoire diplomatique ...* Т. 2. P. 243; Papoulidis C. Un document caractéristique de Gabriel Catacazy tiré des Archives de la Politique Extérieure de Russie // *Balkan Studies*. № 23. Thessaloniki, 1982. P. 342; Ρίζος Ραγκάβης Α. Απομνημονεύματα. Т. 2. Σ. 126. Πιπινέλης Т. Ν. Η μοναρχία εν Ελλάδι. Σ. 368, 397.

³ См.: Duvergier de Hauranne P. De la situation actuelle... P. 212.

⁴ См.: Δυβεργυέρος. Τα κατά την Ελλάδα... Σ. 7.

⁵ См.: Lettre de m. Zographo à m. Duvergier de Hauranne... P. 7–8.

⁶ См.: Там же. P. 9–10.

⁷ См.: Lyons to Aberdeen. № 112. 21.09.1843. FO 32/122.

⁸ См.: Lyons to Aberdeen. № 107. 16.09.1843. FO 32/122.

бесталанному политику, как Оттон, не удастся справиться с задачей создания в стране исправно функционирующих институтов конституционной монархии¹. Как видим, о России здесь речи не идет. В целом, переписка Гизо и Пискатори в этот период свидетельствует не о причастности русского правительства к революционным событиям, но о желании французского правительства, договорившись с Англией, выжить Россию из данного региона. О чем и были даны соответствующие инструкции Пискатори.

Тогдашним политикам здравый смысл подсказывал, что общая политическая линия России слишком расходилась с происшедшими событиями, чтобы приписывать их ее стараниям: «Я не думаю, — писал тогда Гизо Пискатори, — что то, что произошло, было задумано и подготовлено императором Николаем и его агентами. Я повторяю Вам то, что сказал Колеттису: императору Николаю такие дела не по вкусу... он не согласится и не поддержит идею конституционной монархии в Греции»². Россия, как и другие державы, была не прочь сохранить свое влияние в регионе, но следует учитывать, что ее позиции на Балканах к началу 1840-х гг. сильно пошатнулись, о чем свидетельствует Лондонская конвенция о проливах (1841), лишившая Россию преимуществ Ункяр-Искелесийского договора с Турцией (1833). Вполне понятно, что в этой ситуации английское и французское правительства не стали бы спокойно смотреть на то, как Россия будет менять монарха в Греции. Кроме того, император Николай был не из тех, кто действует революционными методами.

Император Николай однозначно осудил события 3 сентября, обоснованно видя в них нарушение принципа легитимизма: всякая инициатива реформ должна принадлежать Короне³. Катакази был уволен не только со своего поста, но и с императорской службы вообще, и, тщетно добиваясь аудиенции у императора, писал ему оправдательные письма⁴. Кроме того, желая показать свое недовольство произошедшим в Греции переворотом, царь приказал в течение 24 часов выпроводить из Санкт-Петербурга Г. Калергиса, брата одного из руководителей восстания, объяснив ему, что русский царь не может покровительствовать брату того, кто выступил против своего короля⁵. Эти меры русского правительства наглядно демонстрировали, что если во главе заговора и стояла «русская партия», то ее цели не имели ничего общего с целями России.

Помимо изложенной точки зрения о том, что смена режима в Греции была спровоцирована Россией, желавшей избавиться от Оттона и заменить его православным монархом, существует и другое мнение: как полагала Б. Елавич, Катакази часто действовал, противореча духу инструкций из Петербурга и «создавал неверное впечатление о намерениях России». В результате русский престиж и русское имя в Греции связывались с движениями, противоречившими русской политике («Филортодоксальное общество»)⁶. Иными словами, Б. Елавич считала, что Катакази действовал на свой страх

¹ См.: Piscatory à Guizot. 16.09.1843. Оpubл. в: Πούλος Ι. Η επανάστασις... Σ. 238.

² Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т. 6. Paris–Leipzig, 1864. Т. 7. Р. 284.

³ См.: Nesselrode à Persiani. 18.10.1843. Nesselrode à Catacazy. № 2723. 05.10.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 542–543об., 622–627; Nesselrode à Brunnow et Kisselev. 18.10.1843 // Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. Appendices. P. 57.

⁴ См.: Catacazy à Nesselrode. 23.11.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 484–490; Catacazy à Nicolas. 15.04.1844. АВПРи. Ф. 161/3. Д. 3/1843. А. 5–12.

⁵ Копию письма Г. Калергиса Д. Калергису см.: Lyons to Aberdeen. № 1. 01.01.1844 FO 32/127.

⁶ См.: Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 18.

и риск, вел свою политическую игру, цели которой не совпадали с целями русского кабинета. Предположение очень заманчивое, однако, как и в случае с «Филортодоксальным обществом», никаких тому доказательств в нашем распоряжении нет.

С другой стороны, мы не знаем, насколько вероятно, что Катакази мог действовать вопреки полученным инструкциям. Вполне логично высказывается на этот счет бывший в то время американским консулом в Афинах Дж. Пердикарис: Катакази был отозван «в манере, говорящей о недовольстве его начальства той ролью, которую он предположительно сыграл в революции 1843 г. Однако не очень вероятно, что г-н Катакази действовал, если он вообще действовал, без приказа; и его отставка призвана лишь удовлетворить недовольствие, которое могло вызвать у деспотических правительств революционное движение в Греции, и, вероятно, избавиться от ответственности за вмешательство в настоящее положение вещей»¹.

Таковы различные версии на этот счет. Сам Катакази в первом своем донесении о революции сообщил только весьма общие факты, отсылая читателя за подробностями к совместному отчету представителей держав, адресованному Лондонской конференции, копия которого была приложена². В ожидании дальнейших указаний из Петербурга Катакази вел себя осторожно и, в отличие от своих английского и французского коллег, не стал пока признавать новое правительство³. Однако ни в одном из его донесений этого периода нет ни намека на предстоящий отъезд или инструкции о нем. Как сообщает Пискатори, события ночи 2/3 сентября несколько расстроили русского посланника, который к тому же жаловался на усталость, но не дал никаких объяснений своему настроению, а на следующий день выгнал из своего дома Д. Калергиса, демонстрируя тем самым, что представитель русского императора не желает иметь ничего общего с мятежниками. К тому же он, в отличие от своих английского и французского коллег, отказался обещать русофилам поддержку русского правительства⁴.

Любопытно, что в то время, когда все пытались свалить вину на Катакази, он сам писал в Петербург о «загадном» поведении австрийского посланника Прокеш-Остена, сообщая о нем то, за что сам вызвал монарший гнев: «Поведение этого министра со времени этих последних событий мне кажется тем более странным, я даже сказал бы, тем более загадочным, что, осуждая, как и подобало и как это сделали все мы, печальный оборот здешних дел и поражение, нанесенное монархической власти, он в то же время не перестает говорить мне, также как и другим коллегам, что король должен будет рано или поздно отречься и что его личное достоинство, как и достоинство Короны, должны побудить его принять это решение»⁵.

После событий 3 сентября прочие державы стали убеждать Россию выступить единым фронтом в греческом вопросе, но русское правительство отказалось. Одна из причин этого отказа, по справедливому мнению Б. Елавич, заключалась в желании отмежеваться от выдвигаемых против России обвинений в подстрекательстве революционного движения⁶.

¹ См.: *Perdicaris G. A. The Greece of the Greeks*. N. Y., 1845. V. 1. P. 72–73 footnote.

² См.: *Catacazy*. № 100. 4/16.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 404–405.

³ См.: *Catacazy*. № 101. 7/19.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. А. 417.

⁴ См.: *Piscatory à Guizot*. 16.09.1843, 19.09.1843. С. 239, 250.

⁵ *Catacazy* № 102. 18.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 436–438.

⁶ См.: *Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843*. P. 29–37.

Выжидательная тактика России и последовавший отзыв Катакази оказались неожиданностью не только для него самого, но вызвали настоящее изумление в Афинах. По этому поводу Лайонс писал: «С тех пор, как я имею честь быть британским министром при этом дворе, никакая акция из-за рубежа не производила большей сенсации в стране, чем неожиданный отзыв г-на Катакази. Было много влиятельных людей и значительная часть народа, которые безоговорочно верили, что русский император чувствовал себя столь тесно связанным с Нацией узами религии, что он должен был серьезнее, чем другие монархи, добиваться благоприятного исхода последнего политического переворота, как бы ни порицал он методы, которыми этот переворот был осуществлен»¹.

Сторонники России в Греции полагали, как утверждал Лайонс, что «санкт-петербургский кабинет считал некоторые перемены абсолютно необходимыми, и они надеялись, что умеренность, отличавшая их действия, и предоставленные ими доказательства, что их претензии ограничивались только тем, чтобы добиться хорошего правительства через выполнение обещаний, легших в основание Трона, заставят императора отнестись снисходительно к их положению, но отзыв его министра в критическую для них минуту их глубоко задел, и те, кто до сих пор были откровенными приверженцами России, теперь выражают самые разные чувства»².

Так или иначе, русский кабинет предпринял решительные шаги: Катакази было приказано сдать дела первому секретарю миссии Персиани, который оказывался в довольно странном положении: официально он не был аккредитован в качестве поверенного в делах³, т. е. был фактически лишь обозревателем. Эту ситуацию И. Петропулос даже приравнивает к разрыву дипломатических отношений⁴. К тому же Персиани был «человек очень застенчивый и весьма слабого здоровья»⁵, так что вряд ли мог являться серьезным конкурентом для Лайонса и Пискатори. Таким образом, Россия от греческих дел самоотстранилась.

События 3/15 сентября, несмотря на их насильственный характер, были в основном положительно восприняты греками и иностранными наблюдателями. Как утверждает Катакази, в стране в целом были довольны переменами⁶. Американский консул Дж. Пердикарис назвал этот конституционный переворот «актом, достойным лучших дней Греции»⁷. Историки с удовлетворением отмечают мирный характер смены режима в Греции, резко контрастировавший, например, с кровавыми революциями 1830 и 1848 гг. во Франции, «стране, гораздо более цивилизованной, чем тогдашняя Греция»⁸. Порядок и спокойствие в столице сохранялись во многом благодаря Калергису, назначенному военным губернатором столицы, который прикладывал много усилий к их поддержанию⁹.

¹ Lyons to Aberdeen. № 143. 30.11.1843. FO 32/123.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece 1833–1843. Princeton, 1968. P. 460–461.

⁵ Lyons to Aberdeen. № 36. 28.03.1844. FO 32/128.

⁶ См.: Catacazy. № 106. 26.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 451.

⁷ Perdicaris G. A. The Greece of the Greeks. N. Y., 1845. V. 1. P. 15.

⁸ Miller W. A History of the Greek People. (1821–1921). L., 1922. P. 34.

⁹ О деятельности Калергиса в этот период см.: Διάφορα έγγραφα και προκλήσεις του στρατιωτικού της Πρωτεύουσας διοικητού Δημητρίου Καλλέργη. Αθήνα, 1844.

Восстание 3 сентября изменило баланс политических сил в стране: на сцену вновь вышли партийные лидеры, деятельность которых более не подавлялась королем. Им теперь предстояло показать, за что же они боролись. Настала пора для размышлений и для иностранных дипломатов: Греция в очередной раз оказалась перед выбором пути развития, и необходимо было воспользоваться этой ситуацией в своих интересах. Характерным примером такого рода размышлений может служить копия некоей записки по поводу событий 3 сентября, якобы полученной Ж.-Г. Эйнармом от надежного человека, которую он в ноябре того же года переслал Оттону. В ней оценивалась политическая подоплека восстания 3 сентября, а также давался весьма недвусмысленный совет о том, какой ориентации должно придерживаться греческое правительство в будущем:

«Есть все основания полагать, что существовала партия, желавшая, чтобы движение было достаточно сильным, чтобы принудить короля отречься. Эта партия состояла из двух фракций: первая действовала в политических или религиозных интересах России; вторая состояла из либералов, недовольных тем, что юный король не предоставил ни одного из обещанных институтов, тем, что Его Величество обладал характером неуверенным и нерешительным; в эту вторую фракцию вошли порядочные греки, которые, разочаровавшись в бездействии короля, полагали его неисправимым, и эта мысль вывела их на дурную дорогу.

Если бы королю не хватило мудрости и смелости пообещать конституцию и если бы он отрекся, Греция была бы неизбежно ввергнута в анархию; тогда сторонники России выдали бы себя за защитников порядка и сказали бы: поскольку король Оттон отрекся, необходимо назначить нового монарха; и предложили бы герцога Лейхтенбергского. Сторонники порядка, враги республиканского строя, православные — все так или иначе объединились бы вокруг русского движения...

Преувеличены ли эти факты, или отчасти верны, сегодня ясно, что истинный интерес короля Оттона заключается в возможно более тесном сближении с Англией и Францией, взгляды которых полностью противоположны взглядам России. Ныне, кажется, и Австрия идет в ногу с двумя другими державами»¹.

По поводу этого письма, кто бы ни был его автором, можно сказать одно: оно довольно точно отражает мнение о целях и движущих силах восстания, закрепившееся в конституционалистских кругах, их боязнь того, что еще достаточно влиятельная «русская партия» сумеет отстранить их от власти, а также намерение Англии и Франции завладеть оставленными Россией позициями. Решающая атака на «русскую партию», отныне лишенную поддержки России, будет проведена на Национальном Собрании.

Итак, мы рассмотрели историю событий 3/15 сентября, положивших начало новому периоду в истории Греции. Требования, выдвинутые восставшими военными на площади перед дворцом, с тех пор получившей название «площади Конституции», — введение конституции, изгнание баварцев, созыв парламента, создание ответственного кабинета министров — легли в основу новой политической системы. Развить эти положения предстояло Национальному Собранию. Роль иностранных дипломатов в этих событиях остается не до конца выясненной, использованные нами материалы Министерства иностранных дел России не дают четких свидетельств о причастности к заговору русских

---

¹ *Chapuisat E. La Restauration Hellénique d'après la correspondance de Jean-Gabriel Eynard. Paris; Genève, 1924. P. 241–242.*

дипломатов. Судя по всему, иностранные дипломаты вообще не принимали участия в заговоре, однако, за исключением России, не преминули воспользоваться его плодами.

Реакция русского кабинета на смену режима в Греции свидетельствует о верности Николая I принципам легитимизма, а также о том, что греческие дела играли все меньшую роль в восточной политике русского правительства. Становилось все более очевидным, что «русская партия» не являлась средством контроля за греческими делами, а, скорее, использовала русское имя для придания большего авторитета своим действиям. Версия о том, что восстание 3 сентября было спровоцировано Россией, а во главе заговора стояла «русская партия» — чистый вымысел и не имеет документального подтверждения. Русофилы, скорее, присоединились к общему политическому движению, предпочитая компромисс поражению.

Таким образом в Греции сложилась новая политическая ситуация: в стране рождалась конституционная монархия, и проблема выбора пути, в очередной раз вставшая на повестку дня, должна была быть решена Национальным Собранием.

Национальный вопрос и конституционные преобразования

Отмечая мирный характер политических изменений в стране, а также их положительное восприятие в провинциях, современники единодушно указывали, что «величайшее спокойствие царит во всем государстве»¹. Однако, по мере приближения сроков выборов, ситуация стала меняться. Несмотря на то, что, по мнению французского посланника Пискатори, после событий 3 сентября у греков должна была быть только одна мысль — о том, как укрепить конституционный трон короля Оттона², в преддверии назначенных на октябрь выборов в столице нарастала политическая напряженность³. Что же касается провинций, то в них, по выражению русского консула в Патрах Калогеракиса, «царила спокойная анархия», т. е. спокойствие, готовое взорваться в любой момент и сохраняющееся во многом благодаря индифферентности властей⁴.

По свидетельству Г. Колокотрониса, страсти накалились до такой степени, что возникла угроза вооруженного конфликта. Тогда-то (27 сентября) король и послал его в казармы успокаивать солдат. Но недоброжелатели Генеоса потом пустили слух, что он это сделал по собственному почину с целью устроить контрреволюцию. После этого инцидента Генеос был отправлен в почетную ссылку в Неаполь в качестве чрезвычайного посланника, однако он предпочел баварский королевский двор, чем поставил Оттона в весьма неловкое положение перед его министрами, которые сочли, что король их обманул и отправил Колокотрониса в Мюнхен интриговать против нового правительства⁵. Однако насколько невинны были действия Колокотрониса — вопрос сомнительный: Лайонс полагал, что выбранная им для выступления дата неслучайна — она совпадает с годовщиной убийства И. Каподистрии⁶.

¹ Αίών. № 486. 21.11.1843; Piscatory à Guizot. 16.09.1843. Σ. 233, 236, 237.

² См.: Calogeraky à Catacazy № 688. 20.09.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 108.

³ См.: Catacazy. № 102. 18.09.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 436–438.

⁴ См.: Calogeraky à Catacazy. № 690. 05.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 113.

⁵ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 483–484; Κολοκοτρώνης Γ. Απομνημονεύματα. (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961. Σ. 89–90.

⁶ См.: Lyons to Aberdeen. № 117. 16.10.1843. FO 32/123.

Генеос Колокотронис был не единственным, кто находился в оппозиции новому режиму: новым положением вещей были недовольны смещенные с постов сторонники Христидиса, а также некоторые капитаны во главе с Васосом Мавровуниотисом. Но они не располагали достаточными для сопротивления силами. К тому же новое правительство сделало все, чтобы не допустить появления в столице каких-либо вооруженных формирований, помимо афинского гарнизона.

О выборах в Учредительное собрание известно очень мало. В историографии их история оценивается на уровне гипотез. «Вероятно, — писал Д. Дакин, — что некоторые провинциальные группировки стояли на пороге гражданской войны. Очевидно, что в конце концов сторонники напистов, которые были лучше организованы, направили усилия на предвыборную борьбу и избежали применения вооруженной силы»¹. Б. Елавич полагала, что в целом по стране самой сильной в то время была «французская» партия, за ней следовала «русская», а самой слабой была «английская», т. к. политика Англии явно расходилась с национальными целями греков². Однако в нашем распоряжении оказались донесения русского консула в Патрах Калогеракиса, где подробно анализируется политическая обстановка в провинциях и ход выборов.

Прежде всего следует отметить, что выборы проводились по старому избирательному закону, принятому еще при Каподистрии. Уже сама связь этого закона с именем президента, считавшегося сторонником России, вызывала недовольство у политиков других ориентаций. Важно отметить, что, согласно этому закону депутатами в Собрание могли быть избраны и выходцы из греческих земель, не вошедших в состав Греческого королевства, это обстоятельство сильно беспокоило Лайонса и Пискатори, которые боялись, что за счет этого пункта русофилы получают большинство³. Кроме того, никаких средств контроля за ходом выборов фактически не существовало. Поэтому Г. Аспреас вполне резонно полагал, что «в большинстве провинций народ или не высказал своего мнения, или его мнение было фальсифицировано»⁴.

Весьма любопытные подробности о расстановке политических сил, подготовке к выборам и их проведении в провинциях Пелопоннеса сообщал русскому посланнику Калогеракис. В Патрах, согласно его наблюдениям, господствующее положение заняла партия Колеттиса, позиции которой укреплялись открытым покровительством нового министра внутренних дел Р. Паламидиса⁵, назначившего сторонников этой партии на ключевые посты в местной администрации и всячески ей покровительствовавшего, а также министра финансов Мансоласа⁶.

¹ Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 125–126.

² См.: Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 18.

³ См.: Piscatory à Guizot. 19.09.1843. Σ. 248.

⁴ Ασπρέας Γ. Πολιτική ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. 1821–1921. Τ. 1. 1821–1865. Αθήνα, 1922. Τ. 1. Σ. 166.

⁵ Паламидис Ригас (1794–1872) — политик и писатель, сын богатого прокрита из Триполи. Участвовал в революции 1821 г. в качестве как военного, так и политика. При Оттоне — губернатор одной из провинций и член Государственного Совета. Глава одной из фракций внутри «французской партии». После восстания 3 сентября вошел в состав кабинета Метаксаса в качестве министра внутренних дел. Этот же пост занимал и в нескольких последующих правительствах.

⁶ Calogeraky à Cataczy. № 687. 17.09.1843. № 690. 05.10.1843; № 691. 09.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 103–118.

Менее влиятельной силой была проанглийская «партия кодзабасов, или партия Руфоса»¹, сохранившая в то время еще значительное влияние в деревнях. «В этом городе есть еще третья партия, самая маленькая, партия старых каподистрианцев, которые временно объединились с колеттистами с единственной целью провести реформу, которая уже осуществлена, и теперь они замечают, что обмануты, покинуты и остались в одиночестве»². Этот факт тем более показателен, что Пелопоннес традиционно был главной опорой «русской партии».

А предвыборная агитация велась следующим образом: «Со стороны вождей различных партий пущены в ход все возможные происки и интриги, чтобы собрать большинство голосов, они раздают обещания всему миру, используют деньги и угрозы и не пренебрегают ничем ради достижения своей цели»³. Для колеттистов, заранее скупивших часть голосов, единственное препятствие представлял тайный способ голосования, и они прилагали все усилия к тому, чтобы голосование проводилось традиционным способом «кто громче крикнет»⁴. К этому донесению Калогеракис приложил комментированный список кандидатов в депутаты от различных провинций Пелопоннеса, который мы здесь приводим в виде таблицы.

**Кандидаты в депутаты Национального Собрания
от различных областей Пелопоннеса**

Провинция или город	Предпол. число деп-тов	Имя	Партийная при- надлежность	Прочие характе- ристики
Провинция Патр	2	А. Каламогдартис	Партия Колеттиса	Зять консула Франции в Патрах
		А. Лондос	Партия Колеттиса	Димарх, зять Каламогдартиса
		Б. Руфос	Партия Заимисов кодзабасы	«Экс-кодзабас»
		И. Заимис	Партия Заимисов кодзабасы	Зять Руфоса
		П. Заимис	Партия Заимисов кодзабасы	Зять Руфоса
		Г. Крицос	Партия Заимисов кодзабасы	Родственник За- имисов
		П. Патринос	Старые каподист- рианцы	
		К. Тцертидис	Старые каподист- рианцы	

¹ Руфос Бенизелос — военный и политик, представитель видной афинской семьи, участник революции 1821 г. При Каподистрии — губернатор Сироса, затем — димарх Патр. Депутат Национального Собрания 1843–1844 гг. Глава одной из группировок кодзабасов, поддерживавшей то «английскую», то «французскую партию».

² Calogeraky à Catacazy. № 687. 17.09.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 104–104об.

³ Там же. Л. 103.

⁴ Там же. Л. 103об.

Окончание таблицы

Провинция или город	Предпол. число деп-тов	Имя	Партийная принадлежность	Прочие характеристики
Провинция Востицы	2	Мелетопулос	Партия Колеттиса	Бывший генерал
		Г. Мелетопулос	Партия Колеттиса	Димарх, зять Каламогдартисов, брат предыдущего, тесно связан с консулом Франции
		А. Лондос	Партия Заимисов и Лондосов	Брат военного министра
		А. Лондос	Партия Заимисов и Лондосов	Брат военного министра, член Гос. Совета
Провинция Калавриты		Петимезасы	Старые каподистрианцы	
		Николопулос	Старые каподистрианцы	Димарх
Провинция Гастуни (Элида)	2	Хр. Сисинис	Старые каподистрианцы	Начальник гарнизона
Провинция Пиргоса (Элида)	2	Л. Крестанидис	Партия Колеттиса	Губернатор Акарнании
		Л. Вилаетис	Старые каподистрианцы	
Навплия	2	И. Папалексиопулос	Партия Колеттиса	Димарх, вождь колеттистов, зять Каламогдартисов, союзник консула Франции
		Антонопулос	Старые каподистрианцы	Член Гос. Совета, бывший димарх
Аргос	2	бр. Власисы	Партия Заимисов или Колеттиса	
		Тцохрис	Старые каподистрианцы	Начальник гарнизона
Триполи		Кирьякидис	Партия Колеттиса	Ревностный колеттист, димарх

Кандидатами от Месолонги выдвинуты Маврокордатос и Трикупис¹.

¹ См.: Calogeraky à Catacazy. № 687. 17.09.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 103–106.

В итоге были избраны¹:

Провинция или город	Число деп-тов	Имя	Партийная принадлежность	Прочие характеристики
Патры	4	А. Лондос	Партия Колеттиса	Димарх, крайний либерал
		А. Каламогдартис	Партия Колеттиса	Зять указанного Лондоса
		К. Констакис		Крайний из крайних либерал
		К. Тцертидис	Старые каподистрианцы	Объединился с колеттистами, чтобы пройти в депутаты
Востица	4	А. Лондос	Партия Заимисов и Лондосов	Военный министр
		Оринос → А. Лондос	Партия Заимисов и Лондосов	
		Гривас	Партия Колеттиса	
		Гривас	Партия Колеттиса	
Калаврита	4 или 8			
Гастуни	4	Х. Сисинис	Старые каподистрианцы	
		П. Халикопулос	Старые каподистрианцы	Фин. инспектор при афинском апелляц. суде
Пиргос	2 или 4	Л. Вилаетис	Старые каподистрианцы	
		?	Старые каподистрианцы	
		(Л. Крестанидис)	Партия Колеттиса	
		(?)	Партия Колеттиса	
Навплия	2	Сп. Папалексиопулос	Партия Колеттиса	Димарх
		ген. Родиос		
Аргос	2 или 4	Влассис	Партия Заимисов или Колеттиса	
		Берукас	Старые каподистрианцы	Выдающаяся личность

Еще одна характерная черта — прибытие в Патры английского корвета, появление которого недвусмысленно связывалось современниками с намерением поддержать на выборах проанглийскую группировку². На этом самом корвете

¹ См.: Calogeraky à Catacazy. № 690. 05.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 111–112.

² См.: Там же. Л. 105.

несколькими днями позже сын английского посланника отправился на противоположный берег, чтобы совершить вояж по Этолии (и скорей всего не без политических целей)¹.

В ходе проведения выборов их регламент систематически нарушался. Например, в Патрах колеттистам удалось сорвать тайное голосование. Кроме того, во избежание конфликта политических группировок, вместо двух депутатов было избрано четыре, эта же история повторилась и в других округах Пелопоннеса². А в Калавриту, где намечалось избрание двух «русских» депутатов, министр внутренних дел послал своего «наблюдателя» (что запрещалось законом о выборах), одновременно «русский» губернатор этой провинции Радос был на время выборов перемещен в другое место, дабы он не смог помешать министерскому уполномоченному направить ход выборов в удобную Паламидису сторону³.

Не обошлось без приключений и в Востице: «английская» партия, запершись в кафедральном соборе, избрала двоих угодных ей депутатов, но в этот самый момент в церковь ворвались, сломав топором дверь, представители «французской» группировки. Во время начавшегося выяснения отношений в ход пошли палки и церковные стулья, вернее, то, что от них осталось. Церкви был нанесен ущерб на 1500 дрх. Урегулировать этот инцидент взялся губернатор и, идя навстречу пожеланиям обиженной «французской» группировки, позволил ей добавить к списку депутатов двух своих представителей. На том и помирились⁴. Впрочем, подобное применение силы в ходе выборов было грекам не в новинку: например в 1841 г. димарх Эгины и его люди жестоко избили тех, кто не поддержал их на выборах⁵. «Эон» также сообщает о нарушении порядка выборов во многих местах, приводя в пример Каламату и Коринф⁶. Напротив, Лайонс писал своему правительству о том, что выборы проходят удовлетворительно, а единственный их недостаток — некоторое несоответствие действительности каподистриевского избирательного закона⁷.

По предварительным результатам выборов на Пелопоннесе Калогеракис подсчитал, что примерно половину депутатов Собрания составят колеттисты, 0,2 — сторонники Маврокордатоса и Заимисов, и остальные 0,3 — каподистрианцы⁸. Как ни парадоксально, ведущее положение теперь занимала «партия», самой последней примкнувшая к движению 3 сентября. Сам Колеттис вскоре после своего приезда в Грецию писал Эйнару, что был очень тепло встречен⁹.

Этот факт был ясен не всем, однако наблюдательных очевидцев наводил на размышления. И в то время, как «Эон» пел дифирамбы восстанию 3 сентября и наивно радовался связанному с ним сотрудничеству всех политических группировок¹⁰,

¹ См.: Calogeraky à Catacazy. № 690. 05.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 114–114об.

² См.: Там же. Л. 111–113об.

³ См.: Calogeraky à Catacazy. № 691. 09.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 117–117об.

⁴ См.: Calogeraky à Catacazy. № 692. 12.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 120–120об.

⁵ См.: Αἰών. № 289. 31.08.1841.

⁶ См.: Αἰών. № 475. 03.10.1843, ? 477. 09.10.1843; № 479. 17.10.1843.

⁷ См.: Lyons to Aberdeen. № 116. 10.10.1843; FO 32/123.

⁸ См.: Calogeraky à Catacazy. № 690. 05.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 112об.

⁹ См.: Kolettis à Eynard. 10.10.1843 // Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. Appendices. P. 66–67.

¹⁰ См.: Αἰών. № 486. 21.11.1843.

русский консул в Патрах видел события несколько в ином свете: «Партии Колеттиса и Маврокордатоса в силу обстоятельств вынуждены были объединиться с каподистрианской. Но теперь уже свершившийся факт, что, воспользовавшись ею, две первые партии завязали между собой тесный контакт и оставили последнюю в изоляции, чтобы свести ее значение к нулю и чтобы она ни при каких обстоятельствах не подавала признаков жизни. Таковы планы и намерения, которые эти две партии предполагают неуклонно осуществлять до тех пор, пока не получат абсолютного большинства в Конституционном собрании, а следовательно, и в Законодательном корпусе, который станет наследником этого Собрания»¹. Эта мысль красной нитью проходит и в других донесениях Калогеракиса того времени².

Для сравнения приводим выдержку из письма Ж.-Г. Эйнара Г. Ставросу того же периода: «Я понимаю, что основа вашей революции была общей для русской, английской и французской партий; но ныне, когда Греция независима, все порядочные греки и честные патриоты должны подать руку и стать на сторону держав, искренне желающих процветания и укрепления Греции; а значит, старый напист, т. е. человек, любивший Президента, должен выказать свою привязанность Франции и Англии, раз он видит, что эти две державы защищают греческую независимость, и этот же самый напист должен стать врагом России, видя, что эта держава стремится воспрепятствовать тому, чтобы греки обрели разумную конституцию. Таким образом, старые названия не имеют смысла, и в 1843 году с 3/15 сентября надо судить греческих граждан по тому, что они сделают, а не по тому, что сделали; такова линия поведения, которой должны придерживаться истинные друзья своей страны»³.

Как видим, обе стороны сходятся во мнениях относительно расстановки политических сил в стране, с той лишь разницей, что Эйнар говорит о необходимости закрепить создавшуюся ситуацию, а Калогеракис сожалеет о потере бывших позиций. Однако в верхах пока сохранялась видимость гармонии. По своем приезде в Грецию Колеттис писал относительно расстановки политических сил в стране, что между ним и Маврокордатосом «царит полнейшее согласие. Метаксас понимает, что в его интересах... не отделяться от нас»⁴.

Так что внешне все выглядело вполне уравновешенно. В новом министерстве все три политические группировки были представлены поровну: главой кабинета и одновременно министром иностранных дел был русофил А. Метаксас, его сторонник К. Канарис занимал пост морского министра, а М. Схинас — министра по делам религий и образования. «Английской партии» достались военное министерство (А. Лондос) и министерство юстиции (А. Мелас), а «французской» — министерства внутренних дел (Р. Паламидис) и экономики (Д. Мансолас). В дополнение к этому срочно вызванные в Афины И. Колеттис и А. Маврокордатос получили посты министров без портфелей. Из числа активных участников заговора не получил министерского поста только К. Зографос, которому все еще не могли простить злополучное соглашение с Турцией.

¹ Calogeraky à Catacazy. № 690. 05.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 113.

² См.: Calogeraky à Catacazy № 687. 17.09.1843; № 691. 09.10.1843; № 692. 12.10.1843. АВПРи. Ф. 165/2. Д. 479. Л. 103–107, 115–121.

³ Επιστολαί Ι. Γ. Εϋνάρδου προς Γ. Σταύρου. 1841–1843. Αθήνα, 1923. Σ. 128.

⁴ Kolettis à Eynard. 10.10.1843 // Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. Appendices. P. 68.

Однако реальная власть находилась в руках не кабинета, противопоставившего себя королю уже самим фактом своего революционного образования, а трех партийных лидеров и трех активных дипломатов — Лайонса, Пискатори и Прокеш-Остена. Как справедливо указывал Эйнар (см. выше), Австрия действительно шла в ногу с Англией и Францией, ради того, чтобы насолить России. Кое-какое влияние на ход событий сохранил и король: он был своего рода регулятором политического равновесия, ибо в любую минуту мог отречься от престола, создав тем самым угрозу гражданской войны, тем более, что в этом случае баварский посланник обещал ему свою поддержку¹. В силу именно этого обстоятельства — а не «русской угрозы», как полагает И. Пулос, Гизо продолжал обдумывать возможные кандидатуры на греческий престол.

Как справедливо пишут Л. Боуэр и Дж. Болито, со сменой режима посланники держав-покровительниц, а именно Лайонс и Пискатори, стали пользоваться даже большим влиянием, чем прежде². Что же касается России, то ее дипломаты по приказу императора в это время ушли от активной политической деятельности: поверенному в делах Персии были даны инструкции «занимать пассивную позицию по отношению к правительству и партиям, наблюдать за фактами и событиями, подробно нам (министерству. — О. П.) их описывать и ждать дальнейших указаний»³. Единственным защитником позиций России остался «Эон», пытавшийся отбивать антирусские выпады своих оппонентов⁴. Самоотстранение России от активных действий в Греции русское правительство объясняло нежеланием поддерживать институты, обязанные своим происхождением революционным событиям. «Что же касается активного вмешательства в Греции в политическое устройство, т. е. в работу над новой конституцией, — писал тогда Нессельроде, — то это ни в коем случае не подходит нашему Августейшему Государю. Греки не захотели воспользоваться плодами благожелательных советов, которые он адресовал королю ради их блага. Они предпочли позаботиться о своей судьбе с помощью оружия, они решили сами себе предоставить конституционные установления. Таким образом они самопроизвольно отказались от преимуществ нашего влияния. Работать ради результатов, уходящих корнями в мятеж, означало бы в глазах Императора молчаливое признание их происхождения. Его Величество, вероятно, сможет принять будущее, если это будущее предстанет перед Ним в виде монархии и даст Ему некоторые гарантии порядка и стабильности. В настоящее время Он осуждает происшедшее, а, следовательно, не может узаконить его своими действиями»⁵.

Россия старалась всячески отмежеваться от событий 3 сентября и отрицала свою связь с «русской партией». «Излишне добавлять, что Император не признает наличия подобной партии в Греции»⁶, — писал Нессельроде русским послам в Лондоне и Париже.

¹ См.: Piscatory à Guizot. 16.09.1843. Σ. 236–237.

² См.: Bower L., Bolitho G. Otho I: King of Greece. A biography. London, 1939. P. 134.

³ Nesselrode à Persiani. 18.10.1843. АВПРи. Ф. 133. Д. 9/1843. Л. 627.

⁴ См.: Αίών. № 484. 13.11.1843.

⁵ Nesselrode à Brunnow et Kisselev. 18.10.1843 // Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. Appendices. P. 58.

⁶ Nesselrode à Brunnow et Kisselev. 18.10.1843 // Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 58.

Русский император заявил, что ни при каких обстоятельствах член русской царской фамилии не будет претендовать на греческий престол¹. За все время работы Собрания никто из русских дипломатических представителей в Греции не удостоил его своим посещением. Такая ситуация, несомненно, ослабляла позиции «русской партии» и давала карты в руки посланникам западных держав.

Но Лайонс и Пискатори, тем не менее, обвиняли «русскую партию» в том, что, не удовлетворившись результатами 3 сентября, она тайно готовит очередной военный переворот, угрожающий и их личной безопасности, и под этим предлогом субсидировали организацию военных формирований из числа своих сторонников. Однако никакими доказательствами существования подобного заговора посланники, по их собственному признанию, не располагали². Но нельзя отрицать, что, как и конституционалисты, после восстания 3 сентября подняли голову и консерваторы, решив, например, что пробил час для объединения Элладской Церкви с Константинопольской. С этой целью Икономос даже ездил для консультаций в Константинополь³.

Относительно раскладки политических сил после сентябрьского восстания Ж.-Г. Эйнар писал Колеттису: «Ныне Франция и Англия согласны в том, чтобы предоставить вам конституционное правительство, но, в сущности, Англия не хочет видеть вас слишком сильными, а Австрия и Россия ныне решительно не хотят, чтобы вы обрели конституционное правительство; но их действия потерпят неудачу, поскольку противоречат взглядам двух первых держав. Позже, когда пробьет час падения Османской империи, Англия и даже Австрия объединятся с Францией ради того, чтобы видеть вас в Константинополе **скорее, чем Россию**»⁴. Эти откровения достаточно ясно показывают, чего на самом деле боялись в Лондоне и Париже: там приходили в ужас при одной мысли о том, что наследство разлагающейся Османской империи может достаться России, которая тогда полностью вытеснит с Востока Англию и Францию! Поэтому Россию надо было любым способом выжить из балканского региона. Английскому и французскому посланникам в Афинах были даны инструкции о совместных действиях в этом направлении⁵.

После этого становится вполне понятным, что английский кабинет интересовал лишь сам факт предоставления конституции, наличие которой упрочило бы британское влияние в Греции, и что эту конституцию англичане желали видеть как можно более консервативной: Лайонс писал в Лондон, что «был чрезвычайно удовлетворен, когда Метаксас сообщил ему, что во всех имевшихся проектах конституции предусматривалось сильное монархическое начало»⁶. В том же духе высказывался и французский посланник: он считал, что греческая конституция должна стать как можно более простой и умеренной, ибо важен лишь сам факт ее существования⁷.

¹ См.: Nesselrode à Brunnow et Kisselev. 18.10.1843 // Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 59.

² См.: Lyons to Aberdeen № 24. 27.02.1844; № 29. 09.03.1844. FO 32/128.

³ См.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 158.

⁴ См.: Chapuisat E. La Restauration Hellénique d'après la correspondance de Jean-Gabriel Eyraud. Paris; Genève, 1924. P. 228–229.

⁵ См.: Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 6. Paris–Leipzig, 1864. T. 7. P. 285–286.

⁶ Lyons to Aberdeen № 111. 21.09.1843. FO 32/122.

⁷ См.: Piscatory à Guizot. 19.09.1843. Σ. 249.

Но как бы то ни было, к концу октября проведение выборов в Собрание было закончено и 8 ноября оно официально начало свою работу приветственной речью короля. Это Собрание представляло собой занятное зрелище: его председателю Пануцосу Нотарасу¹ было больше ста лет от роду, депутаты являлись на заседания в своих национальных костюмах и сидели на полу, скрестив ноги по-турецки. Тем не менее, на нем решались судьбы страны: Собрание, которое в греческих источниках называется Национальным, фактически выполняло функции учредительного, ибо ему предстояло выработать конституцию и принять ряд постановлений, которые легли бы в основу новой политической системы, решить проблему баварцев в Греции и урегулировать церковный вопрос.

Образно и лаконично, улавливая самую суть происшедшего описал это Собрание Н. Драгумис: «В Национальном Собрании были представлены все три группировки со всеми своими силами. Они были согласны между собой, но держали наготове оружие: было нетрудно предугадать приближающийся раскол, тем более что за двумя из них стояли недоверчивые посланники западных держав. И в то время, как русская группировка, извлекая духовный меч, грозила привести в движение религиозные чувства народа, две другие, отдаляясь мало-помалу от союзницы, выбросили гордое знамя либерализма и приготовили мирское оружие. И час сражения не замедлил настать»². И действительно, видимое согласие между тремя основными группировками было обманчивым, очень скоро выяснилось, что их интересы далеко не родственны.

Разногласия, по мнению того же Драгумиса, начались с того, что после отставки Паламидиса с поста министра внутренних дел этот пост был передан не Метаксасу, а А. Лондосу, поскольку на этом настаивали посланники Англии и Франции, боясь влияния России. Они считали, что царь отозвал Катакази как не исполнившего истинную цель восстания (свергнуть Оттона). В этой ошибке Драгумис видел корень будущей отставки Метаксаса, партийных раздоров и других неприятностей³. Отставка Паламидиса, происшедшая в начале января, была первым изменением в составе кабинета 3 сентября, в результате которого баланс сил в нем сместился в пользу «английской партии». Это был первый симптом грядущего поражения Метаксаса и его сторонников в Собрании.

Как обоснованно полагал П. Каролидис, расстановка сил в Национальном Собрании была своего рода проекцией дипломатических отношений в греческом вопросе: Метаксас, лишившись поддержки Русской миссии, которая удалилась от всякого участия в обсуждении греческих дел, не представлял собой реальной силы, в сближение Маврокордатоса и Колеттиса было следствием соглашения между Лондоном и Парижем, между Лайонсом и Пискатори. Метаксас, таким образом, был вынужден искать поддержки у двух других лидеров и этот союз трех партий одобрительно вос-

¹ Нотарас Пануцос (1740–1749) — представитель одной из двух одноименных семей кодабасов Коринфии. Один из крупнейших политиков периода революции 1821 г. При Каподистрии — член Панэллингиона. Национальное Собрание 1843 г. избрало его своим председателем, но фактически председательские обязанности по очереди исполняли Маврокордатос, Лондос, Колеттис и Метаксас.

² Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 1. Σ. 226.

³ См.: Там же. Τ. 2. Σ. 73, 77.

принимался общественным мнением, т. к. устранял опасность гражданской войны¹. Однако, едва только в Собрании начались прения по статьям будущей конституции, как сразу всплыли на поверхность все те разногласия, о которых было забыто на время подготовки конституционного переворота, и мнимое «слияние» партий лопнуло, как мыльный пузырь: «Эон» вернулся к своим старым выпадам в адрес своих прежних политических противников и их газет, а те в свою очередь делали то же самое².

Тем не менее, инструктируя Пискатори относительно политической линии «французской» партии во время Собрания, Гизо писал о том, что не стоит загонять еще достаточно сильную «русскую партию» совсем в оппозицию, а желательно привлечь ее лидеров к сотрудничеству³. Заметим, что сама «французская партия» не выступила единым фронтом на Собрании: депутаты, группировавшиеся вокруг Паламидиса, Криезотиса и Калифронаса, часто голосовали отдельно от колеттистов, что не помешало последним постепенно выдвинуться на ведущую позицию. А после того, как Колеттис выступил со своей знаменитой речью, он вообще сделался символом «национальной» политики, а «французская партия» — «национальной партией». Например, А. Ризос Рангавис, по его собственному признанию, уважал Колеттиса за то, что целью его политики было «будущее величие Греции»⁴.

Официально в Собрании не было сформировано блоков на время голосования, но реально они существовали: из ок. 200 депутатов ок. 30 группировались вокруг Паламидиса, ок. 60 человек удалось собрать Макриянису, который часто поддерживал группировку Метаксаса⁵. И наконец, почти все остальные депутаты входили в блок Маврокордатоса–Колеттиса–Метаксаса. Но сторонники последнего часто голосовали отдельно, а без их поддержки блок Маврокордатоса — Колеттиса имел лишь незначительное большинство. В течение всего времени работы Собрания эти блоки в целом сохранялись, если не считать незначительных изменений, например, группировка Метаксаса потеряла Калергиса, перешедшего во «французскую партию». Такое разделение на блоки свидетельствовало о наличии приблизительного равновесия сил в Собрании, так что в случае разногласий борьба за поддержку той или иной группировки обещала быть очень упорной.

Основной задачей Собрания была выработка конституции. Специально созданная конституционная комиссия изучала разные западные конституции, в результате взяла за образец бельгийскую, но не следовала ей слепо. И все же Н. Драгумис считал отрицательным тот момент, что за образец греческой конституции были взяты европейские: они не соответствовали греческой действительности и традициям⁶.

Конституция вырабатывалась четыре месяца: два месяца составлялась в комиссии и столько же обсуждалась в Собрании. Этот достаточно большой по тем временам срок объясняется тем, что во время первых же дебатов по ее статьям выяснилось принципиальное несовпадение позиций различных группировок.

¹ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Τ. 2. Σ. 515–520.

² См.: Αιών. № 496. 01.01.1844; № 511. 01.03.1844; № 514. 11.03.1844 и др.

³ См.: Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т. 6. Paris–Leipzig, 1864. Т. 7. Р. 285–286.

⁴ См.: Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 2. Αθήνα, 1895. Τ. 2. Σ. 135.

⁵ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 494.

⁶ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 2. Σ. 39.

Решив, наконец, к новому году организационные проблемы и получив первый проект конституции, Собрание в первые же дни января 1844 г. приступило к ее обсуждению. И с первых же статей начались разногласия, поскольку эти статьи касались животрепещущего церковного вопроса.

Консерваторы видели в Национальном Собрании прекрасную возможность ревизовать церковную политику. Они рассчитывали добиться успеха по трем основным пунктам: восстановить отношения с Константинопольским патриархатом, пересмотреть церковное законодательство 1833 г. и зафиксировать в конституции вопрос о религиозной принадлежности монарха¹. Дебаты по церковному вопросу открылись 3 января 1844 г. Вступительную речь с проектом первых девяти статей конституции произнес М. Схинас, личный друг К. Икономоса. Другим глашатаем взглядов Икономоса в Собрании был К. Зографос. Кроме того, еще до начала дебатов по этому вопросу свое «Мнение» по первым статьям проекта подал Собранию Синод. Позицию Схинаса поддержал и «Эон». Во главе оппозиции, отстаивавшей существующее положение вещей, встал Сп. Трикупис. Обсуждение этих статей шло три дня и в результате были приняты только две первые из них, касательно положения Церкви и государственной религии, по которым, собственно, и шли споры. Во время голосования по ним победу одержал блок Колеттиса–Маврокордатоса, которому удалось отвергнуть претензии клерикалов.

Оценивая сущность споров по церковному вопросу, К. Диовуниотис заключает, что первое мнение (Схинас, Зографос) сводилось к тому, чтобы подчеркнуть во второй статье конституции значимость церковных канонов, тогда как второе (Трикупис) — к тому, чтобы не заострять на этом слишком много внимания, т. к. каноничность подразумевается самими понятием религии. Приверженцы второй точки зрения, по мнению К. Диовуниотиса, выступали не против канонов вообще, а хотели оставить вопрос об отношениях с Константинополем на рассмотрение парламента, т. к. боялись, как бы молодое государство не подпало под чье-либо влияние. Отсюда он делает вывод о том, что значимость канонов никем не оспаривалась и весь вопрос носил чисто бюрократический характер. Но чуть ниже проговаривается, что речь на самом деле шла о том, должна ли быть Греческая Церковь объединена с другими Церквями (и в частности, с Константинопольской) только догматически или еще и канонически².

Относительно вероисповедания короля и порядка наследования было мало споров, т. к. этот пункт был оговорен в Лондонском соглашении. Зато настоящая баталия разыгралась вокруг 40-й статьи, определявшей веру наследника, о чем Лондонское соглашение умалчивало. Клерикалам все же удалось добиться включения в конституцию пункта о том, что наследник греческого престола должен будет принять православие.

По церковному вопросу консерваторы на Национальном Собрании потерпели поражение: существенных поправок в законодательство 1833 г. внесено не было, не удалось также добиться восстановления отношений с Константинопольским патриархатом — в конституции было записано лишь о догматическом, но не об административном единстве между ним и Элладской Церковью. В окончательном варианте статьи конституции, касавшиеся церковного вопроса, формулировались так.

¹ См.: Αίωv. № 491. 08.12.1843.

² См.: Διοβουνιώτης Κ. Ι. Σχέσεις Εκκλησίας και Πολιτείας εν τη ελευθέρα Ελλάδι. Εν Αθήναις, 1916. Σ. 32–33.

Ст. 1. Господствующей религией в Греции является религия Восточной Православной Христовой Церкви. Все прочие известные религии допустимы, их культ беспрепятственно отправляется под защитой Закона. Но при этом запрещается миссионерская и всякая другая деятельность в ущерб господствующей религии.

Ст. 2. Православная Церковь Греции, признавая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, является догматически нераздельно объединенной с великой Константинопольской и любой другой единой Христовой Церковью, сохраняя, как и они, неизменными святыне апостольские и соборные каноны и священные традиции. Она автокефальна и осуществляет свои административные права независимо от любой другой Церкви. Она управляется Священным Синодом архиереев.

Ст. 40. Всякий наследник Греческого Престола должен исповедовать веру Восточной Православной Христовой Церкви.

Однако и пункт о догматическом единстве с Константинополем пока оставался на бумаге, т. к. Константинополь не желал признавать автокефалию греков. Как справедливо отмечал уже Н. Драгумис, церковная программа «русской партии» смогла частично реализоваться лишь в 1850 г., с подписанием патриархом и греческим правительством Томоса, регулировавшего их взаимоотношения и признававшего автокефалию Эладской Церкви, «без которого статья конституции о духовном единстве была бессмысленна»¹.

«Конституция 1844 года, — писал Ч. Фрэзи, — была победой греческого национализма, но никак не победой клерикалов, разделявших взгляды Константина Икономоса»². Эта оценка очень точно выражает суть событий. Действительно, нараставшими националистическими тенденциями было продиктовано не только закрепление церковной независимости, но также изгнание баварцев и сама постановка вопроса о различии прав автохтонов и гетерохтонов.

Революция 1843–1844 гг. окончательно решила судьбу баварцев в Греции. Однако, надо заметить, что часть из них была удалена с греческой службы гораздо раньше: некоторые были уволены из высших государственных органов уже в 1837–1838 гг., при образовании первых собственно греческих кабинетов. К 1841 г. лишь в Ареопаге оставался баварец Федер, а во время «случая Маврокордатоса» портфель военного министра в первый раз был отдан греку А. Метаксасу. Еще часть баварцев была уволена с военной службы в начале лета 1843 г. в связи с принятием мер по экономии в условиях финансового кризиса³. Так что ко времени сентябрьского восстания на греческой военной и государственной службе, а также при дворе оставалось уже совсем незначительное число баварцев. Через несколько дней после восстания все они были уволены и высланы на родину.

Гораздо важнее, что много копий в Собрании было сломано по поводу прав автохтонов и гетерохтонов. Формально этот вопрос всплыл из третьей статьи проекта конституции, предоставлявшей равенство прав всем греческим гражданам. Отсюда появилась необходимость определить, кого считать греческими гражданами. Само собой разумеется, что гражданские права получили автохтоны, т. е. коренные жители Греции. Другую категорию греков составляли гетерохтоны, т. е. греки диаспоры,

¹ Драγούμης Ν. Ιστορικαὶ ἀναμνήσεις. Αθήνα, 1973. Τ. 1. Σ. 227.

² Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 164–165.

³ См.: Αἰών. № 444. 02.06.1843.

выходцы с Ионических островов и земель, оставшихся в составе Османской империи. Одни из них прибыли в Грецию для того, чтобы принять участие в боях с турками, другие — уже после освобождения. Многие гетерохтоны получили образование в европейских университетах и были более подготовлены к государственной службе, чем имевшие только военный опыт автохтоны. Не случайно поэтому, что уже при Каподистрии ядро государственного аппарата составляли гетерохтоны. Некоторое представление о числе гетерохтонов в государственном аппарате в начале 1840-х гг. дает таблица, опубликованная в газете «Эон»¹. Такое положение, разумеется, не могло нравиться автохтонам, недовольство которых становилось все очевиднее: они утверждали, что гетерохтоны, как и баварцы, приехали в Грецию, чтобы пожать плоды свободы, добытой не ими. Так вопрос о баварцах перерос в вопрос о гетерохтонах. Большую роль в его урегулировании сыграл А. Маврокордатос, добившийся исключения вопроса о гетерохтонах из конституции и вынесения по нему отдельной резолюции². Особую остроту в Собрании этот вопрос приобрел еще и потому, что группировка Р. Паламидиса пыталась использовать его в политической борьбе для подрыва позиций блока Маврокордатоса–Колеттиса.

Сообщения о трениях автохтонов и гетерохтонов стали появляться в газетах задолго до событий 3 сентября³. Основную причину этих трений «Эон» справедливо видел в соперничестве материальных интересов⁴. Причем дело не ограничивалось только соперничеством и конфликтами на местах: когда в обсуждение этого дела вмешивалась печать, то вся проблема рассматривалась уже в совершенно иной плоскости. Уже в 1838 г. автор «Эона» задался вопросом, все ли из прибывших в Грецию после 1830 г. приехали туда из бескорыстных побуждений. К 1839 г. относятся выпады «Афины» против фанариотов⁵. А в рамках общей линии против гетерохтонов «Эон» повел подкоп под греческих консулов за рубежом: они, дескать, богаты, не платят греческих налогов, т. к. часто являются подданными других государств, их имущество не пострадало во время революции 1821 г. Это несправедливо, как полагал автор «Эона», поэтому надо назначить «своих» консулов, которые оплачивались бы от казны⁶. При этом, естественно, обходился молчанием тот факт, что само существование и вся деятельность греческих консульств финансировалась самими консулами.

Однако, когда дело касалось приверженцев «русской партии», «Эон» становился в ряды сторонников гетерохтонов, утверждая, что Греции нужны образованные люди⁷. И на Национальном Собрании «русская партия» выступила в защиту гетерохтонов⁸. Но и здесь она проиграла: согласно принятой Собранием второй резолюции, гетерохтоны делились на несколько категорий в зависимости от времени их прибытия в Грецию и участия в революции 1821 г., и те из них, кто не участвовал в боях с турками и прибыл в Грецию после освобождения, изгонялись с государственной

¹ См.: Αἰών. № 273. 06.07.1841.

² См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 2. Αθήνα, 1922. Σ. 25–26.

³ См., напр.: Αἰών. № 256. 04.05.1841, № 279. 27.07.1841.

⁴ См.: Αἰών. № 317. 17.12.1841.

⁵ См.: Αἰών. № 19. 27.11.1838; № 23. 11.12.1838; Αθηνά. № 611. 29.04.1839.

⁶ См.: Αἰών. № 373. 09.08.1842.

⁷ См.: Αἰών. № 426. 21.03.1843.

⁸ См.: Αἰών. № 500. 19.01.1844, № 502. 26.01.1844.

службы сроком до четырех лет. Это был своего рода компромисс между умеренными (блок Маврокордатоса–Колеттиса) и выступившими с крайне радикальных позиций сторонниками Паламидиса.

Таким образом, намерение изгнать из страны иностранцев уже задолго до событий 3 сентября логически переросло в стремление избавиться от любого соперника, претендующего на государственную должность. Следующей за баварцами подлежащей ostracismu категорией оказались гетерохтоны: уже в первые же дни после сентябрьского восстания в газетах появляются сообщения не только об изменениях в правительстве и других центральных структурах власти, но и о массовых заменах чиновников и должностных лиц на местах¹. Заметим, что законодательно закрепленное ущемление прав гетерохтонов произвело удручающее впечатление на иностранных наблюдателей². Но Дж. Финлей, например, наивно полагал, что эта конституция «положила конец правлению иностранцев, под которым греки жили две тысячи лет»³.

Другой важный вопрос, вызвавший разногласия в Собрании, касался структуры будущего парламента. Русофилы, вопреки всем обвинениям в консерватизме, а также Паламидис, Криезотис, Гривас, Пецалис и другие выступили за однопалатный парламент⁴. На этой же позиции стоял и «Эон»⁵. Но отстоять свою точку зрения им не удалось, тогда они попытались выступить хотя бы против назначения членов верхней палаты на пожизненный срок. При голосовании по этому вопросу (ст. 70) группировка Метаксаса, объединившись с оппозицией, голосовала против блока Маврокордатоса–Колеттиса и потерпела поражение. Окончательный текст статей о сенате выглядел следующим образом.

Ст. 15. Законодательная власть принадлежит королю, парламенту и сенату.

Ст. 70. Король назначает сенаторов пожизненно. Указы об их назначении одновременно подписываются председателем кабинета министров.

На следующий день по этому поводу «Эон» вышел в траурной рамке⁶, ибо этот факт наглядно показал, что премьер-министр Метаксас не располагает большинством в Собрании. Вскоре после неудачного голосования Метаксас подал в отставку (середина февраля). За ним покинул свой пост Схинас, и до конца работы Собрания кабинет возглавлял Канарис, сохранивший за собой морское министерство. Это было второе изменение в кабинете, где, как и в Собрании, «русская партия» осталась в меньшинстве, а значит, потеряла реальную власть. Симптомы поражения «русской партии» проявились и в церковной сфере: в апреле 1844 г. вновь получил пост секретаря Синода Ф. Фармакидис, примерно в это же время вернулся в Грецию высланный в 1842 г. «андростский философ» Ф. Каирис и возобновил преподавание в своем приюте⁷.

Политическое поражение А. Метаксаса было расценено «Эоном» как результат происков двора и иностранной дипломатии, пытавшихся удалить с политической сцены

¹ См.: Αἰών. № 468. 08.11.1843; № 469. 11.11.1843; № 470. 15.11.1843.

² См., напр.: Faudot A. La vérité sur les affaires de la Grèce. Paris, 1844. P. 37–38.

³ Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho. London, 1971. V. 2. P. 178.

⁴ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 493.

⁵ См.: Αἰών. № 493. 15.12.1843.

⁶ См.: Αἰών № 506. 13.02.1844.

⁷ См.: Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα εκκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864. Σ. 496–497.

людей 3 сентября, чтобы потом упразднить и достижения самого восстания¹. В том же духе и известный писатель-сатирик А. Суцос² писал, что главные руководители и самые активные участники событий 3 сентября и их подготовки были несправедливо обойдены при дележе благ, принесенных революцией: А. Метаксас, которого А. Суцос называет «Сампсоном 3 сентября», был смещен с лидирующей позиции, М. Суцос и его сыновья получили в награду увольнение с государственной службы по закону о гетерохтонах³. Битву за Конституцию выиграли «английская» и «французская» «партии». Русская партия добилась только включения статьи о необходимости православной веры наследника⁴.

Но когда наконец все указанные вопросы были решены, Собрание одобрило проект конституции, которая, по мнению историков и современников, не была столь либеральна, как следовало бы после революционных событий⁵. Во многом этому способствовали посланники западных держав, боявшиеся дальнейшего развития революции, которое могло бы привести к свержению Оттона и другим непредсказуемым последствиям. Они же, как полагает Макриянис, внушили королю мысли о пересмотре конституции⁶. Однако король, хотя и недовольный, все же уступил и 18 марта принес присягу на верность принятой конституции. В тот же день Национальное Собрание завершило свою работу.

Во время революции 1843–1844 гг., с горечью замечает немецкий исследователь В. Зайдль, «Оттон отделался относительно дешево как король греков, но как баварец и потомок Виттельсбахов он проиграл решающую битву и потерпел сокрушительное поражение»⁷. Об этом свидетельствуют 3, 40, 41 и 98 статьи Конституции. Статья 105 §3г несколько позже даст грекам повод отказаться от возвращения баварского займа.

С принятием присяги королем греческая революция 1843–1844 гг. завершилась. Она принесла стране новую систему политического правления — конституционную монархию, возродила парламентскую традицию. Но, как справедливо отмечала Б. Елавич, «греческая политика после революции в точности похожа на греческую политику до нее»⁸. Несмотря на то, что инициаторами перемен были «английская» и «русская» «партии», реальным победителем оказался Колеттис. Опасения русского консула в Патрах Калогеракиса, писавшего об этом еще накануне Национального Собрания, подтвердились результатами выборов весны 1844 г., проведенных по новому избирательному закону. Это означало, что отныне «Великая идея» будет претворена в политическую программу.

¹ См.: Αἰών. № 509. 24.02.1844. № 510. 26.02.1844.

² Суцос Александрос (1803–1863) — поэт-сатирик, наряду со своим братом Панайотисом — виднейший представитель фанариотской поэзии в освобожденной Греции. За свою политическую сатиру неоднократно подвергался преследованиям вплоть до тюремного заключения. Умер в изгнании.

³ См.: Σούτσος Α. Η μεταβολή... Σ. 166–169, 176–177.

⁴ См.: Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 41.

⁵ См.: Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 3. Αθήνα, 1922. Σ. 79, 118, 124–125. Finlay G. History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho. London, 1971. V. 2. P. 178–180.

⁶ См.: Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Σ. 499.

⁷ Ζάϊντλ В. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 209.

⁸ Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 45–46.

Гармония, с таким трудом установленная на Собрании, по окончании его тотчас перешла в прежний антагонизм между «партиями». Политическая ситуация в стране не только не прояснилась, но напротив — «новая конституция, предусматривая места в сенате и Национальном Собрании, усилила волну взяточничества и дала новый толчок и, очевидно, сделала более запутанным клубок межпартийных противоречий»¹.

Восстание 3 сентября 1843 г. и последовавшее за ним Национальное Собрание лишний раз засвидетельствовало, что независимость Греции была достаточно условной: на самом деле в стране хозяйничали иностранные дипломаты, и расстановка сил на внутривнутриполитической арене полностью повторяла ситуацию в международных делах. С другой стороны, сам тот факт, что греки позволяли так легко собой манипулировать и навязать себе конституцию, которая более отвечала интересам Англии и Франции, чем Греции, говорит о недостаточной еще зрелости политического сознания, в котором вперемешку с усвоенными западными либеральными идеями и новыми веяниями продолжали господствовать традиционные клановые и местнические интересы. О том же свидетельствует и обсуждение некоторых вопросов в Собрании: например, во время дискуссии о правах гетерохтонов группировка Паламидиса руководствовалась своими местническими, но отнюдь не государственными интересами.

Тем не менее, дискуссии в Национальном Собрании стали важным этапом на пути выработки государственной идеологии: не случайно именно тогда прозвучало выражение «Великая идея», которое, несмотря на все различия в его интерпретациях, сразу было воспринято как синоним выражения «национальная идея». Политическая борьба в Собрании привела к ликвидации тех препятствий, которые стояли на пути выработки внешнеполитической доктрины греческого государства. Было очевидно, что ей предстоит быть сформулированной на основе национальной идеологии, однако проблема единства нации, нашедшая свое выражение в дискуссиях о гетерохтонах и по церковному вопросу, на теоретическом уровне была решена именно в Национальном Собрании. Несмотря на компромиссный характер решения этой проблемы и неоднозначные его практические следствия (прежде всего, для греков Османской империи), оно зафиксировало превращение национальной идеологии в государственную.

Революция 1843–1844 гг., начавшаяся восстанием 3 сентября и завершившаяся принятием конституции в марте 1844 г., наглядно показала, что «русская партия» утратила былые позиции на политической арене. Некоторые историки считают, что это произошло в результате того, что Россия после сентябрьского восстания бросила своих сторонников на произвол судьбы². Но эта оценка не вполне корректна. Безусловно, позиция России сыграла свою роль в окончательном поражении «русской партии», но не была его причиной. Как продемонстрировали дебаты в Национальном Собрании, русофилы упустили инициативу, их программа уже была неинтересна большинству депутатов, она устарела, а ничего нового «русская партия» предложить взамен не могла. Настало время Колеттиса и «Великой идеи».

С точки зрения европейской политики результаты революции не были поражением России, так как она не считала Грецию главным звеном своей политики.

¹ Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδος. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 129.

² См.: Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. P. 40.

Официальная позиция России, несомненно шла в ущерб русскому влиянию в Греции, но контроль за греческими делами не входил в задачу России, а программа «русской партии» не была программой русского правительства. Русские политики понимали, что более не могут удержать Грецию в сфере своего влияния. Это стало ясно окончательно после Крымской войны, тогда же прояснилась и новая ориентация России на Балканах: ею стал славянский мир.

Итоги первого десятилетия

Первое десятилетие истории независимого греческого государства было временем становления, ликвидации последствий многолетних военных действий, начала государственного строительства, заложения основ и путей дальнейшего развития молодого государства. В это время в стране складывается бюрократия, состоящая главным образом из гетерохтонов, большое влияние на правительство приобретает печать, в формировании общественного мнения начинают принимать участие духовенство, интеллигенция, учителя, формируется регулярная армия, города постепенно превращаются в капиталистические центры, происходит распространение западного образа жизни, но при этом сельское население — опора «партий», было обделено при раздаче общественных благ, велико было число маргиналов, которые, не найдя себе другого дела, занялись восстаниями и разбоем. В целом, страну в этот период характеризует экономическая слабость, общественная нестабильность, тяжелое положение народа и политическое недовольство.

На таком историческом фоне разворачивалась деятельность трех основных политических группировок, которые современники называли «партиями». Политических партий в современном понимании в Греции в то время не существовало, а те группировки, которые себя этим словом называли, на деле представляли собой переходную ступень от традиционно присущего греческой социальной структуре клана к партии. Это следует как из их структуры, так и из того, что в своей деятельности они руководствовались не последовательными политическими программами, а клановыми и местническими интересами. Кроме того, их история показывает, что греческая политика часто делалась не в Афинах, а в Лондоне, Париже и Санкт-Петербурге.

На период с 1837 по 1840 г. приходится время расцвета и наивысшего влияния «русской партии». В эти годы ее представители во главе с Г. Гларакисом находились у руля государства. Они деятельно взялись за укрепление административной системы и приведение в порядок государственного аппарата. В этой области Гларакису удалось добиться некоторого успеха за счет целенаправленной централизаторской политики и назначения на различные должности в государственном аппарате своих сторонников (в большинстве своем профессиональных бюрократов). Однако централизация, укрепляя государственные структуры, имела и свои недостатки: местные органы власти оказались лишены должной свободы действий, в результате чего административная система в целом продолжала работать недостаточно эффективно. Одновременно достижения Гларакиса продемонстрировали, что король, объявивший себя абсолютным монархом, на деле всей полнотой власти не обладал, поскольку Гларакис весьма успешно проводил политику, не совпадавшую с намерениями Его Величества.

Правление кабинета Гларакиса ознаменовалось проведением еще целого ряда мероприятий в области внутренней политики: Гларакис ужесточил меры против разбойников, чем в некоторой степени стабилизировал положение в стране, попытался решить проблему дефицита бюджета. Но полного успеха ни в одной из этих областей ему достичь не удалось, это вряд ли было бы под силу и другим правительствам.

Весьма жесткой была и церковная политика русофилов, показавшая большую важность для них этого вопроса. Русофилы прилагали все усилия к тому, чтобы остановить проникновение в Грецию инославных влияний и сохранить в неизменности православные традиции. Именно такую цель преследовала их антипротестантская кампания, борьба против перевода Библии на разговорный язык, а также осуждение философа Ф. Каириса. Однако все эти действия были продиктованы не только консервативным мышлением некоторых представителей «русской партии», но также желанием продемонстрировать свою преданность национальным идеалам, ибо Церковь в то время продолжала оставаться символом греческой нации.

Некоторые документы этого периода проливают свет на взаимоотношения «русской партии» с ее державой-покровительницей. Россия, в силу сложившегося положения вещей, поддерживала одну из греческих политических группировок, чтобы сохранить свое влияние в стране и в восточной политике в целом и не уступить своих позиций конкурирующим Англии и Франции. Однако источники не позволяют говорить о том, будто бы «русская партия» в Греции была орудием русского правительства. Самым удобным каналом для закрепления русского влияния в Греции была Церковь. Однако действия русской дипломатии в этом направлении, оправдываемые к тому же принципом единоверия, были весьма осторожны, чтобы не спровоцировать осложнений в отношениях с другими великими державами.

Серьезный удар по позициям «русской партии» был нанесен делом «Филортодоксального общества». В результате него русофилы потеряли положение правящей партии, многие их сторонники, не считая тех, кто проходил по делу об обществе, подверглись преследованиям. Дело получило также международный резонанс: был значительно подорван престиж России, которую подозревали в причастности к заговору, а также смещен Константинопольский патриарх, считавшийся русским ставленником. Кроме того, с этого времени король Оттон в своих действиях все менее ориентировался на русофилов и их санкт-петербургских покровителей. Отчасти этому способствовала и сама Россия, действия которой в этом регионе становились все менее активными. Ослабление позиций «русской партии» в стране шло параллельно со снижением роли России в восточной политике, которое четко выявил Восточный кризис и завершившая его Конвенция о проливах.

Возникновение тайных обществ в те годы было связано с разочарованием результатами государственного строительства, постигшим многих, и свидетельствовало о том, что отныне развитие национальной идеи шло уже не только в направлении интенсивного внутреннего укрепления национального государства, но ориентировалось также и на экстенсивное его расширение. С другой стороны, общественное недовольство достигло уже такой стадии, когда в умы потихоньку проникала мысль о том, что если король не желает идти на уступки по доброй воле, то надо их вырвать силой.

О том, что развитие национальной идеологии в Греции вступило в новую фазу, говорит и широкое распространение в это время пророчеств о возрождении Византийской империи. На рост их популярности оказал влияние Восточный кри-

зис 1839–1841 гг. но их распространение было также и своеобразной формой протеста сторонников «русской партии» в широких слоях населения против политической линии ее руководителей, считавших территориальные приращения в то время невозможными, а саму постановку вопроса о них опасной. Это обстоятельство свидетельствовало о падении авторитета «русской партии», идеология которой уже не соответствовала настроениям широких слоев населения. Ее позиции в обществе постепенно переходили к группировке Колеттиса, сумевшей использовать в своих интересах новое положение вещей. Кроме того, рост популярности пророчеств был симптомом дальнейшей эволюции этноцентрического дискурса. Вместо того чтобы полностью вытеснить традиционный византийско-православный дискурс, он шел с ним на определенное сближение. Этноцентрический дискурс заимствовал некоторые элементы своего предшественника и приспосабливал их к своим собственным потребностям.

Политическая жизнь греков по окончании освободительной войны характеризовалась быстрым развитием национальной идеологии, повлиявшим на национальное самосознание широких масс: формирование понятия нации как политического объединения шло уже после образования национального государства. В результате этого процесса греческая общественная мысль пришла к отождествлению нации и государства, т. е. к идейному обоснованию понятия национального государства. В этот период можно говорить не только о складывании национальной идеологии, но и о превращении ее в государственную.

Новое направление развития национальной идеологии, ставившее целью экстенсивное расширение, означало обострение стоявшей перед греческим обществом проблемы выбора путей развития. Эта проблема была основной темой в исканиях общественной мысли того времени, эволюция которой, выразившаяся в быстром развитии исторических наук, была в значительной степени стимулирована усвоением идей европейского романтизма, а также теорией Я. Ф. Фалмерайера. Другим мощным стимулом разработки национальных идей и их распространения среди населения стал Восточный кризис 1839–1841 гг. Но национальная идеология того времени не приобрела законченных очертаний, что нашло свое выражение в неопределенности термина «Великая идея», вобравшего в себя в разной степени все эти формы, и свидетельствовало о том, что дилемма выбора пути на данном этапе решена не была. Однако новая идеология уже успела оказать существенное влияние на социально-политическую обстановку: именно благодаря ей вопрос о судьбе баварцев в Греции был переведен в иную плоскость и перерос в вопрос об автохтонах и гетерохтонах. Принятие решений по ним свидетельствовало о достижении консенсуса по важнейшим вопросам, прежде разделявшим политические элиты, и устраняло препятствия на пути отождествления национальной идеологии с государственной и создания на ее основе внешнеполитической доктрины.

Несмотря на участие в общем политическом движении, приведшем к смене режима в стране, «русская партия», тем не менее, шла к своему поражению. Это стало ясно в результате выборов в Учредительное собрание, на которых большинство собрали колеттисты. А во время дебатов в Национальном Собрании в этом отпали всякие сомнения, так как русофилам не удалось отстоять свою точку зрения практически ни по одному вопросу. Признанием этого поражения стала отставка А. Метаксаса с поста премьер-министра.

Национальное Собрание 1843–1844 гг., выработавшее основы конституционной монархии в стране, закрепило новое положение на политической арене: оно зафиксировало поражение «русской партии», позиции которой постепенно занимали колеттисты, которые теперь стали ведущей силой в стране. Во время Собрания также в очередной раз в полной мере проявились все особенности политических группировок (клановость, преобладание местных интересов над общенациональными), свидетельствующие о еще недостаточной зрелости политического сознания греков.

Как и во время истории с «Филортодоксальным обществом», Россия была обвинена в причастности к революционному заговору. Однако источники это утверждение полностью опровергают. Что же касается версии о причастности к заговору русского посланника, якобы действовавшего вопреки инструкциям из Петербурга, то ни подтвердить, ни опровергнуть ее нет достаточных оснований. Тем не менее отход России после восстания 3 сентября 1843 г. от активных действий в греческом вопросе нельзя рассматривать как поражение, поскольку эта страна не была тогда ключевым звеном русской внешней политики. Этот поворот следует рассматривать как смену ориентации: после Крымской войны Россия окончательно оставит свои позиции в Греции и сделает ставку на балканских славян.

Часть III

МАЛЕНЬКОЕ КОРОЛЕВСТВО И «ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ»

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ

Между двумя революциями

Король Оттон присягнул на верность конституционному строю 18\30 марта 1844 г. С этого времени начинается период конституционной монархии в истории Греции. После ухода в отставку Метаксаса в феврале 1844 г. правительство возглавил А. Маврокордатос. Первоочередной задачей правительства было проведение выборов в парламент. Выборы, как и в 1843-м, можно назвать таковыми с большой натяжкой: избирательный процесс находился под сильным давлением местных элит. Кроме того, многие гетерохтоны были лишены политических прав и своих прежних должностей¹. В результате выборов большинства не получила ни одна из партий. Но в течение непродолжительного времени Колеттису путем подкупа и переговоров удалось привлечь на свою сторону большинство депутатов.

Между тем в августе 1844 г. Маврокордатос ушел в отставку, и король назначил премьер-министром Колеттиса. Период его пребывания на посту премьер-министра (август 1844 г. — сентябрь 1847 г.) получил название парламентской диктатуры Колеттиса². Его правительство не сумело решить ни одной из задач, стоявших перед греческим государством и в предшествующий период. Финансовый крах был временно отсрочен поступлением денег очередного займа, предоставленного Греции державами (по нему Колеттис не смог даже вовремя выплачивать проценты). Нерешенными оставались аграрный вопрос, оставалась на повестке дня проблема несоответствия традиционных греческих социально-политических структур конституционной модели западного образца. К этому списку можно добавить церковный вопрос, проблему разбойничества и др.³

В образованное Колеттисом министерство вошел и А. Метаксас. Вскоре после прихода к власти Колеттис начал планомерно вытеснять представителей других партий из органов власти. Созданная им комиссия по расследованию результатов выборов аннулировала около 100 депутатских мандатов, объявив часть результатов выборов фальсифицированными. После этого Колеттис получил твердое большинство в парламенте. То обстоятельство, что Колеттис в своих решениях руководствовался прежде всего узкопартийными интересами, а также его нежелание ослабить контроль государства над Церковью заставили Метаксаса в июле 1845 г. подать в отставку. С этого момента правительство 6 августа, как его называли современники, было однопартийным.

Но название диктатуры правление Колеттиса получило не только поэтому. Колеттис постоянно вмешивался в деятельность различных государственных органов, а при помощи богатого набора политических приемов ему удалось поставить под свой контроль значительную часть государственных чиновников и выборных должностных лиц по всей Греции — номархов, мэров, судей, налоговую службу, жандармских офицеров⁴. Подкуп, интриги, казнокрадство, незаконные назначения и увольнения — это был еще не весь

¹ Подробнее см.: Δημάκης Ιω. Η πολιτειακή μεταβολή του 1843 και το ζήτημα των αυτοχθόνων και ετεροχθόνων. Αθήνα, 1991. Σ. 207–226.

² См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 129.

³ См.: Гардіка Κ., Κεχρίωτης Β., Λούκος Χ., Λυριντζής Χ., Μαρωνίτη Ν. Η συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Αθήνα, 2008.

⁴ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά Αναμνήσεις. Τ. 2. Αθήνα, 1973. Σ. 107–108.

арсенал Колеттиса. Для того чтобы держать страну под контролем, он прибег к помощи разбойников, которые стали играть важную роль в политической жизни страны. Таким образом Колеттис реанимировал старую османскую систему легализации разбойников и их использования для разрешения политических проблем. Однако разбойники продолжали оставаться разбойниками: в те годы они осмелели настолько, что захватывали заложников на дороге из Афин в Пирей, нападали на купцов и путешественников в районе Амбелокипи, т. е. почти перед окнами королевского дворца¹. Чтобы привлечь на свою сторону армию, Колеттис оправил в отставку Черча и на место начальника генштаба назначил Гардикиотиса Гриваса, с которым поддерживал тесные отношения еще со времен службы у Али-паши. Колеттис был первым греческим политиком, который воспользовался своим пребыванием у власти для приобретения личного богатства — его состояние оценивалось более чем в 600 тыс. дрх. — примерно четверть годового бюджета страны. Против традиционно ориентировавшегося на Францию Колеттиса (а на самом деле против короля Оттона) упорно боролся английский посланник Лайонс². По свидетельству одного из современников, противостояние между французским посланником Пискатори, поддерживавшим правительство Колеттиса, и Лайонсом, пытавшимся добиться его отставки, приняло характер настоящей дуэли³.

Несмотря на все эти обстоятельства, королевский дом считал Колеттиса единственным политиком, на которого можно по-настоящему опереться⁴. Для такой уверенности были не только субъективные основания: в годы пребывания у власти Колеттиса в стране было ощущение стабильности, а прокатившаяся по Европе революционная волна 1848–1849 гг. проявилась в Греции лишь небольшими беспорядками. Колеттис также оставался популярным в народе и победил на парламентских выборах 1847 г., как и прежде, проходивших с большими нарушениями⁵. Свою популярность он сохранял благодаря личным контактам с избирателями и поддержанной им популярной идеологии. О том, как осуществлялись эти контакты, можно судить по описанию типичного рабочего дня премьер-министра, оставленного одним из правительственных служащих:

«В его (Колеттиса. — О. П.) доме рядом с храмом Зевса Олимпийского с раннего утра можно было видеть очередь из одетых в фустанеллы людей, которая тянулась от входной лестницы и передней до самой двери министерской спальни. Собиравшаяся толпа была такой плотной, что протиснуться сквозь нее можно было лишь с большим трудом. Входящий в комнату заставлял в ней премьер-министра, который стоя потягивал трубку и терпеливо выслушивал просителей, искавших места, пенсии, ордена и т. п. Он отвечал всем по обыкновению серьезно, но в то же время доброжелательно примерно следующее: “Ты прав, дорогой. Я прекрасно знаю о твоих заслугах, о службе твоего отца и правах твоей семьи. Не беспокойся: я обо всем позабочусь, и ты будешь вознагражден”. Должно заметить, что зачастую ни отец просителя никогда не состоял на службе, ни семья его не приобретала каких-либо прав, но лаконичный ответ министра имел такую силу убеждения, что все покидали его в полной уверенности, что нужный документ или деньги уже у них в кармане, а орден сверкает на шее или на груди ...

¹ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικαί Αναμνήσεις. Τ. 2. Αθήνα, 1973. Σ. 157.

² См.: Ζάϊντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Η γένεση του νεοελληνικού κράτους και το καθεστώς του Όθωνα. Αθήνα, 1984. Σ. 260–270.

³ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικαί Αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 110.

⁴ См.: Ζάϊντλ Β. Βαβαροί στην Ελλάδα. Σ. 265.

⁵ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικαί Αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 114.

...Это продолжалось ежедневно до трех или четырех часов пополудни, когда он отправлялся в министерство внутренних дел. Но и там его поджидало немалое множество людей, и, пока он торопливо пробирался к своему кабинету, одни пытались вручить ему прошение, другие вставить словечко. Поскольку почти всю ночь происходило то же, что и днем, то в комнату он входил уже совершенно уставшим и скорее падал, чем садился, в кресло. Один из секретарей подносил ему кофе и чубук, а другой звал меня для совместной работы¹. Едва завидев меня с кипой бумаг, он (Колеттис. — О. П.) говорил: «Садись и читай». Чашка оставалась стоять на столе нетронутой, трубка выпадала у него из рук, а на отягченные веки опускался глубокий сон...»²

Что касается идеологии, то именно с именем Колеттиса связано, как мы уже говорили, понятие «Великой идеи». Как полагали уже некоторые современники, эта идеология была с успехом использована правительством для переключения внимания народа с внутренних проблем государства и общества на внешнего врага³.

Король также поддерживал «Великую идею», которая затмевала для него внутренние проблемы⁴. Об этом свидетельствует так называемый инцидент Мусураса. В начале 1847 г. дипломатический представитель Османской империи в Греции Константин Мусурос (грек!) отказался выдать въездную визу Дзамису Каратасосу на том основании, что тот принимал участие в незаконных вооруженных формированиях, действовавших на территории империи в период Восточного кризиса 1839–1841 гг. На следующий день на приеме в королевском дворце Оттон публично оскорбил Мусуроса. Этот шаг имел серьезные последствия. Он повлек за собой разрыв дипломатических отношений между Грецией и Османской империей.

Два государства готовились к войне, а весь инцидент был использован английской дипломатией как инструмент давления на Оттона с целью отставки Колеттиса. Усилиями держав отношения между Турцией и Грецией были восстановлены: Греция согласилась принять турецкого посланника в Афинах. Но Порта настаивала на принесении извинений. Колеттис категорически отказался, тогда Порта приняла дискриминационные меры в отношении греческих подданных Османской империи⁵. Затянувшийся дипломатический конфликт разрешился лишь после смерти Колеттиса поражением Греции. Оттон обратился за посредничеством к русскому царю, но Греции все же пришлось принести извинения османскому посланнику. Эти события свидетельствуют о том, что «Великая идея» в то время была уже не только идеологией, но и внешнеполитической доктриной Греции.

Созданная Колеттисом «система» (как она называлась современниками) просуществовала недолго. В сентябре 1847 г. Колеттис умер. На постах партийного лидера и премьер-министра ему наследовал Кицос Дзавелас, который продержался у власти всего полгода. Его отставка была связана с началом революции во Франции. Оттон, опасаясь пагубного влияния революционных идей, отошел от ориентации исключительно на Францию. В этот период на греческую политическую элиту и самого Оттона усилилось давление Англии, недовольной тем, что Франция имела при Колеттисе слишком большой вес в греческих делах. Пост премьер-министра занимали

¹ В то время Н. Драгумис был советником Министерства внутренних дел.

² Δραγούμης Ν. Ιστορικά Αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 106–107.

³ См.: Αὐτόθι. Σ. 116.

⁴ См.: Φωτιάδης Δ. Ὁθωνας. Η μοναρχία στην Ελλάδα. Αθήνα, 1966.

⁵ См.: Τα κατά Μουσούρον ή η Ελληνοτουρκική διαφορά. Αθήνα, 1848.

Г. Кундуриотис (март–октябрь 1848 г.), адмирал К. Канарис (октябрь 1848 — декабрь 1849 г.), А. Криезис (декабрь 1849 — май 1854 г.). Работа правительства была организована по-прежнему плохо: доходило до того, что сами министры иногда узнавали о решениях правительства из газет¹. Важным достижением правительства Криезиса стало возобновление переговоров с константинопольским патриархом. На этот раз обеими сторонами было проявлено желание прийти к соглашению, и оно было достигнуто: в 1850 г. патриархом был избран Томос, провозглашавший независимость Элладской церкви. Отношения между Афинами и Константинополем по церковному вопросу были в целом урегулированы².

Очередным поводом для вмешательства Англии в дела Греции стало «дело Пацифико». Некий еврей Давид Пацифико прежде служил португальским консулом в Афинах и был уволен за финансовые злоупотребления. Поскольку он родился в Гибралтаре, то ему удалось получить английское гражданство. На Пасху 1849 г. возбужденная толпа устроила погром в доме Пацифико. Причина погрома заключалась в том, что в то время греческое правительство, не желая прогневать всемогущих Ротшильдов³, запретило традиционный для греков ритуал предпасхального сожжения чучела Иуды. В Афинах прошел слух, будто всему виной Пацифико, почему на него и обрушился народный гнев. Несмотря на то что греческое правительство согласилось выплатить ему небольшую компенсацию, он обратился за помощью к Великобритании, правительство которой было радо возможности поставить греческий кабинет в затруднительное положение. Пацифико требовал астрономической компенсации, ссылаясь на то, что в ходе погрома были уничтожены португальские ценные бумаги. Как показало последующее исследование португальских архивов, Пацифико был жуликом, а его претензии необоснованными⁴.

Греческое правительство при всем желании было не в состоянии удовлетворить его требования, защиту которых взял на себя Лондон. К концу 1849 г. отношения между Англией и Грецией серьезно обострились. В начале 1850 г. английский посланник Уайз вручил военному министру А. Лондосу ультиматум, в котором содержалось требование выплатить компенсацию Пацифико и другим английским гражданам (пострадавшим от пиратов ионическим судовладельцам, историку Дж. Финлею и др.), а также требование передать Англии два небольших острова у берегов Пелопоннеса. На размышление грекам давалось 24 часа, и по истечении этого срока английская эскадра адмирала Паркера блокировала Пирей. Объявлялась также блокада и других греческих портов, а греческим кораблям запрещалось вообще приближаться к берегам Греции. Можно только согласиться с исследователями, справедливо недоумевающими, почему во время Паркеровского инцидента британское правительство предъявило Греции претензии, содержавшие требования частных лиц, а не государства (например, по займу 1832 г.)⁵.

Греция обратилась за поддержкой к Франции и России. Акция английского правительства была однозначно осуждена не только во Франции и в России (русский посол в Лондоне выступил с нотой протеста), но также и в самой Англии. Палата лордов

¹ См.: Δραγούμης Ν. Ιστορικαὶ Αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 140.

² Подробности см.: Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969.

³ См.: Один из членов этого семейства находился тогда в греческой столице.

⁴ См.: Δραγούμης Ν. Ιστορικαὶ Αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 134–135.

⁵ См., напр.: Ζαΐντλ Β. Βαβαροὶ στὴν Ελλάδα. Σ. 267–269.

приняла осуждающую резолюцию, а Пальмерстону пришлось держать четырехчасовую оправдательную речь в Палате общин. Морская блокада Пирея была снята 15 апреля, когда греческое правительство согласилось с большинством требований англичан. Но впоследствии под давлением Франции и России англо-греческое соглашение было пересмотрено и финансовые обязательства Греции уменьшены.

Международные отношения и в 1850-е гг. продолжали оказывать большое влияние на внутри- и внешнеполитическое положение Греции. Это было связано прежде всего с новым обострением восточного вопроса, кульминацией которого стала Крымская война. Очередной спор за обладание святыми местами между католиками и православными начался в 1850 г. В 1852 г. под давлением Франции Порты отдала предпочтение католикам. Этот шаг вызвал противодействие России. В 1853 г. в Константинополь был направлен князь Меншиков, миссия которого провалилась. Меншиков был сторонником войны с Турцией. Поэтому параллельно с переговорами с Портой он вел переговоры с греческим посланником Метаксасом о возможном участии Греции в войне на стороне России.

В самой Греции общественное мнение, настроенное еще Колеттисом на близкое осуществление «Великой идеи», только ждало благоприятного момента. Добровольческие отряды были наготове и тайно поддерживались королем. Греческая печать вела усиленную антитурецкую пропаганду. Эти настроения подогревались уже известными нам пророчествами¹: содержащиеся в них даты легко интерпретировать как указание на четырехсотлетнюю длительность османского владычества над Константинополем². Этот срок истекал как раз в 1853 г. Однако принять открытое участие в военных действиях Оттон все же не решился: от посланников в Лондоне и Париже поступали тревожные сигналы³.

Но неофициально Греция с началом Крымской войны выступила союзником России. После начала военных действий между Турцией и Россией из Греции на территорию Османской империи стали проникать вооруженные отряды, которые возглавлялись офицерами греческой армии, формально подавшими в отставку. Эти отряды стали ядром антитурецких восстаний в Эпире, Фессалии и Македонии. В Эпире отрядам Дмитрия Караискакиса (сына героя революции 1821 г. Георгия Караискакиса), Кицоса Дзавеласа и другим удалось взять под контроль значительные территории между Яниной и Артой. Но осада Арты не увенчалась успехом. В январе 1854 г. штабом повстанцев в Эпире было издано воззвание, где говорилось о том, что нынешнее восстание — продолжение революции 1821 г.

В феврале 1854 г. восстание распространилось на Фессалию. Среди греческих офицеров, руководивших им, был Дмитрий Гривас (сын Федора Гриваса). Вскоре повстанцы одержали крупную победу при Каламбаке, разбив значительно превосходящие силы турок. В результате под контролем греков оказалась вся фессалийская равнина. В Македонии события с самого начала развивались менее успешно. Одним из инициаторов восстания здесь стал уже известный нам Дзамис Каратасос, адъютант королевы Амалии. Отряд Каратасоса в 1 тыс. чел. был разбит превосходящими силами турок, и остатки повстанцев были вынуждены укрыться на Афоне.

¹ См. главу «Баварское правление».

² Напр.: Ο Αγαθᾶγγελος. Οἱ προφητείες του γιὰ τὸ μέλλον τῶν ἐθνῶν καὶ τῆς Ἑλλάδος. Θεσσαλονίκη, π. δ. Κεφ. Α΄. Σ. 13.

³ См.: *Driaud E. La Question d'Orient depuis des origines à nos jours. P., 1912.*

Таким образом, на первом этапе события в Эпире и Фессалии развивались успешно для греков. Но для закрепления успеха необходима была помощь греческого государства. И оно ее оказывало, насколько это было возможно в условиях нейтралитета. Однако уже в марте 1854 г. османский посланник в Афинах при поддержке Англии обратился с нотой к греческому правительству. В ней содержались требования отозвать и предать суду греческих офицеров, незаконно действовавших на территории Османской империи, прекратить поставки продовольствия и вооружения повстанцам, положить конец антитурецкой пропаганде в печати. В то же время Наполеон III лично направил Оттону письмо, в котором говорилось, что всякое выступление Греции против Порты будет приравнено к выступлению против Франции¹.

Оттон не дал туркам удовлетворительного ответа. Тогда Порта отозвала из Афин своего посланника и выслала из Турции греческих граждан. Греческий посланник покинул Константинополь. Однако под давлением Англии и Франции греческому правительству пришлось пойти на уступки, которые имели трагические последствия для судеб восстания в Эпире и Фессалии. Повстанцы перестали получать помощь из Греции, в то время как турецкие войска получили подкрепление. В результате антитурецкие восстания в Эпире и Фессалии были подавлены.

До последнего времени считалось, что эти восстания были подготовлены и осуществлены самими греками без поддержки каких-либо других государств. Недавно американский исследователь Л. Фрери выдвинул предположение, что за этими восстаниями стояла Россия. Более того, он полагает, что в годы Крымской войны произошел кардинальный поворот в российской внешней политике: традиционный охранительный курс был оставлен и Россия перешла к политике поддержки ирредентистских устремлений балканских народов². Однако оба эти утверждения трудно пока считать достаточно обоснованными. Приводимые их автором цитаты из российских архивных документов, достоверно свидетельствующие о поддержке Россией выступлений греков, датируются не ранее чем февралем 1854 г.³ Поскольку речь идет об инструкциях из Петербурга, то российским посланником в Афинах они были получены еще позже. К этому времени восстания греков были уже в полном разгаре. Никаких сведений о том, что Россия имела отношение к их подготовке и организации, исследователям пока обнаружить не удалось. Ответ на вопрос о том, почему в Петербурге в это время отказались от традиционной линии, осуждающей такого рода действия, также довольно прозрачен, если вспомнить о развитии событий на международной арене. Вступление в войну Англии и Франции на стороне Османской империи превратило локальный русско-турецкий конфликт в общеевропейский. Это обстоятельство, а также враждебный нейтралитет Австрии привели к международной изоляции России. В этой ситуации для российской дипломатии вполне естественным был поиск новых союзников. В качестве одного из них рассматривалась Греция, которой и была обещана поддержка ее внешнеполитической линии. Фактически эту поддержку греки получили уже в условиях давления со стороны Англии и Франции. В данном случае вполне уместно говорить о политическом маневре со стороны петербургского кабинета, но делать вывод о кардинальной смене внешнеполитического курса было бы преждевременно.

¹ См.: *Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 135.*

² См.: *Frery L. Russian-Greek Relations during the Crimean War // Slovo. Vol. 21. No. 1, Spring 2009. P. 17–29.*

³ См.: *Ibidem. P. 26–27.*

В апреле 1854 г. Англия и Франция ужесточили свои требования к Греции. Они потребовали смены правительства, возлагая на действующее греческое правительство вину за организацию восстаний на территории Турции. Но король Оттон игнорировал эти требования. Тогда 14 мая в Пирее был высажен англо-французский десант, фактически оккупировавший столицу (до 1857 г.). В этой ситуации Оттон был вынужден отступить. Новое правительство возглавил Маврокордатос. Оно получило название оккупационного. Оккупация была воспринята греческим населением как национальное унижение. К тому же французские солдаты занесли в Пирей эпидемию холеры¹.

В связи с этим население враждебно относилось и к правительству Маврокордатоса. Но оно того не заслуживало. Маврокордатос принял все возможные меры, чтобы смягчить условия оккупации. Ему удалось ограничить передвижение иностранных солдат, а потом и вовсе «запереть» их в Пирее. Пресекались взаимные провокации между греками и оккупационными войсками. Одновременно пришлось идти на уступки. Добровольческие формирования были распущены, но участвовавшие в восстаниях греческие офицеры были вновь приняты на военную службу. Это был шаг, направленный и на восстановление отношений с Турцией, что было особенно важно, когда наметилось поражение России.

Мы уже говорили о том, что революция 1843–1844 гг. устранила препятствия на пути создания внешнеполитической доктрины страны. Ее разработка велась в годы пребывания у власти Колеттиса, а инцидент Мусуроса стал первым ее проявлением. Политика греческого правительства накануне и в годы Крымской войны позволяет говорить о том, что в этот период у Греции уже имелась собственная внешнеполитическая доктрина. Фактически она была сформулирована еще в 1848 г. в т. н. меморандуме Маврокордатоса². Попробуем составить представление о ее характере и составных элементах.

Ключевым понятием для ее осмысления является «Великая идея». К 1850-м гг. изначально широкий смысл этого понятия позволил его интерпретаторам включить в него и государственную идеологию, и внешнеполитическую доктрину, на ней основанную. Как мы уже видели, одним из краеугольных камней «Великой идеи» был тезис о диахроническом и географическом единстве греческой нации. Он служил обоснованием претензий Греции на те территории Османской империи, где проживали греки, причем не только в то время, но и когда-либо в прошлом. Отсюда вытекал важнейший внешнеполитический приоритет Греции — консолидация всех греческих земель в границах одного государства, каковым мыслилось Греческое королевство. Интересно, что основным (и единственным в то время) объектом претензий греков была Османская империя. Греческие политики «забывали» о том, что с глубокой древности и до Нового времени их соплеменники проживали также в Южной Италии, носившей некогда название Великой Греции. Умалчивали они и о греческом населении Российской империи. Между тем «Великая идея» в своем широком понимании (как идеология) предполагала включение и этого населения в единый греческий мир.

Другим внешнеполитическим приоритетом, тесно связанным с первым, можно считать укрепление позиций Греции на международной арене, с тем чтобы превра-

¹ Обстановка в греческой столице в то время ярко описана в рассказе А. Пападиамандиса «Холерная»: *Пападиамандис А. В тоске по родине*. М., 2001. С. 113–118. Также см.: *Δραγούμης Ν. Ιστορικά Αναμνήσεις*. Τ. 2. Σ. 168–170.

² См.: *Δραγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις*. Τ. Β'. Σ. 117–129.

тить ее не только юридически, но и фактически в полноправного члена международного сообщества.

Отсюда вытекали и тактические задачи внешней политики в 1840–1850-е гг.: присоединение не всех, но некоторых провинций Османской империи. В их число включались Фессалия, Эпир, Македония и Крит¹. На большее нельзя было рассчитывать потому, что у Греции не было сил не только для присоединения других территорий, но даже для их удержания. Другой своей тактической задачей греки считали ослабление Османской империи и власти султана². Достижение поставленных целей мыслилось путем использования двух средств: военной силы и дипломатической поддержки великих держав. Чтобы заручиться последней, необходимо было провести соответствующую обработку общественного мнения, используя периодическую печать этих стран³. В связи со слабостью греческой регулярной армии большие надежды возлагались также на партизанское движение греков пограничных провинций⁴. Среди последних предполагалось не только создавать подпольные вооруженные организации, но и вести просветительскую работу⁵. Таким образом, «Великая идея» как внешнеполитическая доктрина в 1840–1850-е гг., т. е. во второй период царствования Оттона, представляла собой концепцию внешней экспансии.

Любопытно, однако, что уже в меморандуме Маврокордатоса среди средств достижения поставленных целей мы находим и необходимость решения ряда внутренних задач греческого государства, т. е. зачатки будущей концепции «органической работы». К числу этих задач относится урегулирование отношений с Константинопольским патриархатом, развитие торговли (в том числе при помощи заключения торгового соглашения с Портой), техническое переоснащение армии и флота, повышение образовательного уровня офицеров⁶.

Некоторые намеченные в меморандуме задачи были вскоре выполнены. Отношения между Элладской церковью и Константинопольским патриархатом были урегулированы еще до Крымской войны. Разорванные в ее начале дипломатические отношения с Портой были вскоре восстановлены. А 27 мая 1855 г. было подписано греко-турецкое торговое соглашение, действовавшее до 1897 г. и имевшее огромное значение и для греков Османской империи. Согласно этому документу Греция получала в Османской империи равные с другими державами экономические права. На нее был распространен и режим капитуляций⁷. Это соглашение способствовало численному росту греческого городского населения Османской империи, которое существовало преимущественно за счет торговли, а также его экономическому процветанию. Вторая половина XIX в. — время нового экономического подъема среди греков Османской империи и диаспоры. В отличие от предшествующего периода, когда греки диаспоры с недоверием относились к греческому государству, в это время наблюдается новый всплеск меценатства, в особенности среди александрийских и российских греков: Г. Авероф спонсировал постройку названного его именем крей-

¹ См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Τ. Β'. Σ. 120.

² См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά αναμνήσεις. Τ. Β'. Αθήνα, 1973. Σ. 118.

³ См.: Αυτόθι. Σ. 123–124.

⁴ См.: Αυτόθι. Σ. 120.

⁵ См.: Αυτόθι. Σ. 126–128.

⁶ См.: Αυτόθι. Σ. 125–127.

⁷ См.: Φραγκιάδης Α. Ελληνική οικονομία, 19ος–20ος αιώνας. Αθήνα, 2007.

сера, флагмана греческого флота, А. Бенакис собрал огромную коллекцию произведений греческого искусства разного времени и вместе со зданием, где она размещалась, подарил ее греческому государству, на деньги купца И. Домболиса был расширен Афинский университет, получивший имя И. Каподистрии (1911).

Надо сказать, что греческое население империи после образования Греческого королевства оказалось перед выбором: либо продолжать считать своим османское государство, либо теперь ориентироваться на Грецию. Проблема выбора ориентации не была решена окончательно и бесповоротно: на их позицию оказывали влияние как афинское государство, так и политика Порты. Естественно, Афины были всячески заинтересованы в поддержке со стороны османских соплеменников и пытались привлечь их на свою сторону. Однако у Порты были свои, подчас гораздо более весомые аргументы: расширение прав и экономических возможностей христиан в империи было более привлекательным, чем призрачные обещания маленького греческого государства. Подтверждением тому служит отсутствие иммиграции в Грецию из империи. Более того, в первые годы существования греческого государства зафиксирован даже обратный процесс: некоторые греки предпочли покинуть освобожденные территории, не обеспечивавшие их работой и пропитанием, и отправиться на заработки в Османскую империю. Тем не менее некоторые исследователи полагают, что взаимоотношения греческой фанариотской элиты с Портой после 1821 г. претерпели изменения: если прежде фанариоты безоговорочно сотрудничали с Портой, то теперь их позиция стала не такой однозначной¹. В связи с этим в литературе даже появился термин «неофанариоты». Представляется необходимым подкорректировать эту точку зрения. Действительно, взаимоотношения между фанариотами и Портой после 1821 г. изменились. Но произошло это не в силу изменения позиции фанариотов, а потому, что Порта наконец осознала двойственность поведения греческой элиты, которая начала проявляться значительно раньше: фанариоты активно сотрудничали с Россией уже во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В те же годы среди них были люди, сделавшие ставку на наполеоновскую Францию. Вступление большого числа константинопольских греков в ряды «Филики Этерии» также не демонстрировало их лояльности в отношении Порты. Мы уже говорили о двух идейных течениях в греческой общественной мысли того времени: просветительском и антипросветительском. С ними были связаны и две линии политических взглядов: консервативная и радикально-революционная. События 1821 г. переполнили чашу терпения османских сановников, которые стали относиться к грекам значительно осторожнее. Так что позиция фанариотов была двойственной задолго до образования греческого государства. Сам факт его появления мало что в этом изменил. Как справедливо полагал Д. Закифинос, две сложившиеся задолго до 1821 г. линии политических взглядов длительное время определяли исторические судьбы греков и после образования греческого государства².

Важные изменения как во взаимоотношениях греков с османской властью, так и в жизни самой греческой общины произошли в середине столетия в рамках танзимата. В это время был создан Временный национальный совет, который в 1862 г. принял согласованные с Портой Национальные установления — некий аналог конституции, в соответствии с которым православная община империи будет жить до 1923 г. и управлять

¹ См.: Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύμιση και εκκοσμίκευση. Προς μια ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 356.

² См.: Ζακυθινός Δ. Η πολιτική ιστορία της νεωτέρας Ελλάδος. Αθήνα, 1965. Σ. 44–47.

ся Синодом Константинопольской церкви и Постоянным национальным смешанным советом, состоявшим из клириков и мирян, причем последних там было большинство. Это была конечная точка в консолидации системы миллетов в империи. Таким образом Порты надеялась легитимировать собственную власть и предотвратить развитие национальных и сепаратистских движений¹. Однако консервация системы миллетов в это время стала палкой о двух концах: формально препятствуя национальным движениям, она фактически расширяла поле действия для греческого национального движения. В частности, получила новый импульс старая фанариотская идея о том, что при помощи образования и экономической экспансии можно превратить империю в *Οθωμανικό Κράτος του Ελληνικού Έθνους* (Османское государство греческой нации)².

Торговое соглашение с Портой 1855 г. было единственным приобретением греков за время Крымской войны. В остальном война не оправдала их надежд. Греция даже не была допущена на мирный конгресс как неволевавшая сторона. Поражение России и подавление повстанческих движений в Эпире, Фессалии и Македонии означало, что планы по присоединению этих территорий остались нереализованными. Такое развитие событий, по мнению историка баварской ветви Виттельсбахов В. Зайдля, нанесло невосполнимый ущерб репутации короля Оттона и стало одной из важнейших причин его скорого свержения³. Король не сумел доказать практическими действиями свою приверженность «Великой идее» и был дискредитирован в глазах греков. Но сами греки думали иначе: например, Н. Драгумис полагал, что популярность короля, которого намеренно унижали англичане и французы в годы оккупации, была чрезвычайно высока⁴. Такая точка зрения типична и для греческой историографии⁵.

Напротив, согласно Парижскому трактату Османская империя получила гарантии целостности своей территории. Всякую провокацию в отношении Порты державы обещали рассматривать как *casus belli*. Но за это Порте пришлось подтвердить проводившуюся в 1840-е гг. политику реформ. В 1856 г. был издан султанский Хатт-и-Хумайюн, закрепивший старые преобразования и провозгласивший новые. Греки получили право на свободу публичного богослужения, беспрепятственное строительство школ и церквей. Христиане (по крайней мере формально) получали возможность поступать в османские военные училища.

Крымская война привела к некоторым изменениям и во внутривосточной жизни Греции. Англо-французская оккупация нанесла смертельный удар по традиционным партиям, ориентированным на державы. Теперь на их место пришли новые политические силы. Была окончательно дискредитирована политика держав в отношении Греции. Общественное мнение твердо уверилось в том, что державы, вмешиваясь в греческие дела, преследуют исключительно свои собственные интересы⁶. Дискредитированными оказались и ориентированные на державы политичес-

¹ См.: Davison R. *Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876*. Princeton, 1963.

² См.: Подробнее об этих представлениях см.: Σβολόπουλος Κ. *Κωνσταντινούπολη 1856–1908. Η ακμή του Ελληνισμού*. Αθήνα, 1995.

³ См.: Ζάιντλ В. *Βαβαιοί στην Ελλάδα*. Σ. 274.

⁴ См.: Драγούμης Ν. *Ιστορικά Αναμνήσεις*. Τ. 2. Σ. 170.

⁵ См., напр.: Παπαδόπουλος С. *Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856) // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции*. М., 1989. С. 93.

⁶ См.: Λεβίδης Κ. *Η Ελληνική φυλή και η Δύσις*. Αθήνα, 1856.

кие партии. Кроме того, большинство политических лидеров из поколения 1821 г. либо уже умерли, либо одряхлели и не могли действовать в новых условиях. Осенью 1855 г. Маврокордатос ушел в отставку и отошел от политических дел. В 1860 г. умер Метаксас. Со смертью Маврокордатоса в 1865 г. окончательно прекратили свое существование английская, французская и русская партия. Русское влияние в Греции продолжало падать. Последний всплеск его пришелся на Крымскую войну, когда в силу ряда обстоятельств престиж Англии и Франции в глазах греков сильно упал, а победы русских армий над турками возродили надежды на Россию¹.

Ослабление русского влияния в сохранявшихся благоприятных для развития «Великой идеи» условиях привело к окончательному поражению старой, ориентированной на возрождение православного царства формы «Великой идеи» и подтолкнуло пересмотр ее национально-государственной формы. Именно тогда была выдвинута новая концепция «Великой идеи», в которой России, равно как и какой-либо другой державе-покровительнице, уже не было места. Отныне за греческой нацией закреплялась способность самостоятельного, без посторонней помощи достижения целей, поставленных «Великой идеей».

Новое поколение греческих политиков знало историческую эпоху революции 1821 г. лишь понаслышке. Оно выросло в обстановке постоянных финансовых трудностей государства, политической нестабильности, приводившей к государственным переворотам, в которых большую роль играли военные. Среди этого круга политиков, осознававших необходимость серьезных перемен в разных сферах жизни государства, постепенно стала складываться оппозиция Оттону. По некоторым сведениям, еще до англо-французской оккупации в офицерской среде распространялись идеи изгнания и даже убийства короля, их носителями были агенты влияния Англии и Франции².

Несмотря на то что после 1844 г. Греция была конституционной монархией скорее на словах, чем на деле (диктатура Колеттиса, большая роль Оттона в законодательном процессе и назначении правительства), популярность короля в народе была довольно высока. А после Крымской войны его положение даже упрочилось. Это было связано прежде всего с тем, что Оттон поддерживал «Великую идею», отвечавшую национальным чувствам греков. На посту премьер-министра Маврокордатоса сменил идриот Дмитрий Вулгарис, политика которого преследовала две цели: развитие национальной экономики и создание собственной политической партии. На первом направлении особых успехов достигнуто не было. Более того, в 1857 г. Англия и Франция потребовали предоставления им контроля над греческими финансами, мотивируя это неспособностью греческого правительства выплачивать проценты по займам. Была создана специальная комиссия, проработавшая два года и представившая свои предложения. Греческое правительство было вынуждено их принять летом 1859 г. Согласно этой договоренности полного контроля над греческими финансами державы не получали, но в их распоряжение переходил ряд государственных монополий.

Осенью 1857 г. ушедшего в отставку по личным мотивам Вулгариса сменил Афанасий Мьяулис (сын адмирала Андреаса Мьяулиса), в остальном кабинет остался почти неизменным. Правительство Мьяулиса уделяло большое внимание развитию путей сообщения: был построен мост через Эврипский пролив, разделяющий мате-

¹ См.: Παπαδόπουλος С. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856) // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 88–89.

² См.: Драγούμης Ν. Ιστορικά Αναμνήσεις. Τ. 2. Αθήνα, 1973. Σ. 163.

рик с о. Эвбея, модернизирован ряд портов, проведена телеграфная линия из Пирея на Сирос, установлена телеграфная связь с Турцией. Во второй половине 1850-х гг. пошло на спад разбойничество, в развитии национальной экономики, прежде всего торговли, наметились положительные сдвиги.

Положение Оттона пошатнулось в 1859 г. Причинами этой перемены стали события в Италии. Формирующейся оппозицией был также использован большой вопрос о наследнике Оттона. Движение за объединение Италии привело в апреле 1859 г. к войне между Австрией, с одной стороны (в ее состав входили Венеция и Ломбардия), и Сардинским королевством и Францией, с другой. Наполеон III выступил союзником итальянцев, рассчитывая в случае благополучного исхода войны подчинить Италию своему влиянию. Эта война нашла живой отклик в Греции, переживавшей сходную с итальянской ситуацию. Общественное мнение Греции горячо поддерживало движение итальянцев¹. В этой обстановке король Оттон вел себя довольно сдержанно по причине родства с австрийским императорским домом. В результате его филэллинские настроения были быстро забыты и популярность короля стала падать.

Между тем к концу 1860 г. Италия была уже фактически объединена (кроме Венеции и Папской области), а весной 1861 г. было провозглашено создание Итальянского королевства. Развитие событий в Италии шло вопреки планам Наполеона III, но греки воспринимали создание единого итальянского государства как его заслугу и полагали, что он поможет им возродить их собственное государство. Объединение Италии вызвало мощный патриотический подъем по всей Греции². Кроме того, с 1858 г. начала накаляться обстановка на Крите, где местные греки требовали предоставления автономии, обещанной Хатт-и-хумайюном 1856 г. Осложняли ситуацию также известия о повстанческих движениях славянских народов в Австрии и Османской империи³.

В этих условиях король был готов поддержать очередную попытку реализации «Великой идеи». Правительство всерьез занялось разработкой идеи создания Балканской федерации за счет разрушения Османской империи. К участию в этом проекте предполагалось привлечь Сербию, Дунайские княжества и Черногорию. Но этому помешали Англия и Франция, которые не были заинтересованы в распаде Османской империи. Они потребовали от греческого правительства соблюдения строгого нейтралитета. Тогда оппозиция начала пропагандистскую кампанию против Оттона, используя также и вопрос о престолонаследии в качестве аргумента.

Этот вопрос стоял на повестке дня с самого момента вступления Оттона на греческий престол. Теперь оппозиция лишь вызвала его искусственное обострение. Суть вопроса сводилась к следующему. При вступлении на греческий престол Оттон не перешел в православие. Это решение было принято им не по собственной воле, а под давлением держав, которые опасались, что православный монарх в Греции станет орудием русской политики. Но грекам в конце концов удалось добиться того, чтобы наследнику Оттона было разрешено принять православие. Это решение было закреплено в конституции 1844 г. (ст. 40). Однако со временем проблема осложнилась еще и бездетностью Оттона. В 1850-е гг. стало ясно, что детей у короля уже не будет. В 1852 г. состоялось совещание пяти держав, посвященное вопросу престолонасле-

¹ См.: Λιάκος Α. Η ιταλική ενωποίηση και η Μεγάλη Ιδέα. Αθήνα, 1985.

² См.: Αυτόθι.

³ См.: Δραγούμης Ν. Ιστορικά Αναμνήσεις. Τ. 2. Σ. 171.

дия в Греции. На нем было решено, что в случае бездетности Оттона трон перейдет к одному из его братьев, при этом наследник должен был принять православие.

Но греки остались не очень довольны таким решением — они требовали, чтобы наследник принял православие, не дожидаясь смерти Оттона. В свою очередь баварская сторона соглашалась на смену веры одного из принцев только в случае освобождения греческого престола. Аргументы баварцев были вполне обоснованными — братья Оттона могли умереть раньше него, а Амалия могла чудом родить сына. Все же баварская сторона выразила готовность идти на уступки: один из братьев Оттона назвал своего старшего сына Константином. Но на греческий престол были и другие претенденты — братья Амалии и др. В конце концов приняли всех устроившее решение о том, что Оттон сам выберет себе наследника, который примет православие и будет жить в Афинах. Однако Оттон медлил с его реализацией, воспринимая этот шаг как похороны заживо¹.

Первые выступления против Оттона начались уже в 1859 г. В мае 1859 г. прошли первые столкновения с полицией оппозиционно настроенных студентов. Оттон пошел на уступки: правительство было реорганизовано, а шеф полиции отправлен в отставку. Но эти меры не привели к желаемому результату. Тогда Оттон предпринял контрнаступление против оппозиции. В ноябре 1859 г. он назначил новый Сенат, что было прямым нарушением конституции, т. к. сенаторы должны были исполнять свои обязанности пожизненно. Прошедшие в том же году выборы в нижнюю палату парламента не принесли оппозиции победы. Как и прежде, они проходили в условиях отсутствия должного контроля, что дало повод противникам Оттона говорить о подтасовке результатов. К этому времени политическая оппозиция была уже достаточно организованной. Во главе ее стояли политики нового поколения: бывший премьер Д. Вулгарис, Эпаминонд Делигиоргис и Фрасибул Заимис. Из политиков эпохи 1821 г. оппозицию поддержал адмирал Канарис. Оппозиция обвиняла короля в предательстве национальных интересов — во время Крымской войны был упущен шанс расширения греческого государства с помощью держав. С другой стороны, в Оттоне видели виновника того, что само греческое государство развивалось медленно и было неспособно к активной самостоятельной внешней политике.

Проводимая оппозицией антиоттоновская кампания в печати способствовала распространению аналогичных настроений среди более широких слоев населения, в первую очередь городского. В начале 1861 г. был раскрыт антиоттоновский заговор, имевший целью смену политического режима вооруженным путем. Основными участниками заговора были студенты и младшее офицерство. Состоявшийся вскоре суд вынес очень мягкие приговоры, некоторые подсудимые были оправданы. В сентябре 1861 г. было совершено покушение на королеву Амалию, исполнявшую обязанности регента на время отсутствия Оттона, который находился на лечении в Германии. Но к таким крайним мерам греческое общество относилось негативно — покушение на время подняло популярность королевской четы.

Тем не менее политический кризис был налицо², поэтому Оттон по своему возвращении предложил возглавить правительство Канарису (январь 1862 г.). Тот согла-

¹ См.: Ζάϊντλ В. Βαβάροι στην Ελλάδα. Σ. 274–276.

² Судя по всему, король Оттон, несмотря на все тревожные сигналы, до самого конца не верил в серьезность угрозы своего свержения.

сил, но на определенных условиях, которые были им изложены в представленном королю меморандуме. Они сводились к следующему:

- назначение министерства, ответственного перед парламентом, а не перед королем;
- упразднение Анактовулиона;
- невмешательство короля в избирательный процесс;
- пересмотр финансовой политики в сторону жесткой экономии (чтобы выплатить долги державам);
- либерализация политики в отношении печати;
- разрешение ношения оружия и военная подготовка всего мужского населения.

Несмотря на всю тяжесть этих требований, Оттон не ответил категорическим отказом. Но когда Канарис предложил ввести в состав кабинета министров лидеров оппозиции, Оттон воспротивился. К власти вернулось правительство Мьяулиса. Между тем пропаганда оппозиционной печати дестабилизировала социально-политическую обстановку в стране. После провала инициативы Канариса заговорщики из числа младших офицеров подняли восстание в Навплио (февраль 1862 г.). Восставшие требовали смены политического строя («системы»): проведения новых выборов, созыва Национального Собрания, но в их обращении ничего не говорилось о свержении Оттона и о возможной войне с Турцией. К повстанцам Навплио присоединились гарнизоны Аргоса и Триполи.

В этой ситуации дипломатические представители держав заняли нейтральную позицию, заявив, что их вмешательство только усложнит ситуацию¹. Правительство Мьяулиса обладало достаточной политической волей, чтобы принять меры к подавлению восстаний. На Пелопоннес были посланы войска, и в начале апреля гарнизон Навплио сдался на условиях амнистии. Еще одно восстание в конце февраля началось на Сиросе. Его руководители отправились на Кифнос, где находились в ссылке оппозиционные политики. Но это выступление также было подавлено правительством. Несмотря на то что число жертв было невелико, оппозиционная печать приклеила правительству ярлык «кровавого».

Когда выступления оппозиции стали принимать характер вооруженных восстаний, Оттон решился сместить непопулярное правительство. Новым премьером стал Генеос Колокотронис. В состав правительства вошли министры, сохранившие хорошие отношения с королем, но имевшие репутацию либеральных. В смещении правительства Мьяулиса и заключалась роковая ошибка Оттона. Антиоттоновское движение в стране не пошло на спад: Вулгарис, Заимис и Делиянис рвали к власти.

Сменив правительство, Оттон решил в целях повышения популярности в народе совершить путешествие по стране. 1 октября король и королева покинули столицу и направились на острова Идра, Спеце, а затем на юг Пелопоннеса. Местное население встречало их с энтузиазмом. Между тем 4 октября началось вооруженное восстание в Акарнании под руководством Федора Гриваса. В течение нескольких дней восстание распространилось на Патры, Эгион, Коринф, Навпакт и Триполи². Правительство Колокотрониса в отличие от своих предшественников было слишком либеральным, чтобы суметь подавить эти выступления. Европейские дипломаты и на этот раз не выступили в поддержку Оттона.

¹ См.: Μελετοπούλος Χ. Δ. Η Ευρωπαϊκή διπλωματία εν Ελλάδι. Αθήνα, 1883.

² См.: Τα συμβάντα της νεοελληνικής επανάστασεως. Αθήνα, 1862; Rundstedt R. Die griechische Armee und die Revolution. Athen, 1862.

10 октября началось восстание в Афинах. Было объявлено о создании нового правительства во главе с Вулгарисом. В него вошли и другие лидеры оппозиции. 11 октября правительство провозгласило низложение Оттона. Король узнал о восстании в Каламате и сразу прервал свою поездку и направился в столицу. Но было уже поздно¹. Когда королевский корабль достиг Пирея, иностранные дипломаты рекомендовали Оттону не высаживаться на берег, чтобы не рисковать жизнью². Оттон имел возможность вернуться на Пелопоннес и там организовать сопротивление, но не сделал этого. Не желая развязывать в стране гражданскую войну, он покинул Грецию³, составив перед этим обращение к греческому народу⁴.

Так закончилось правление первого греческого короля. Второй этап его царствования, начавшийся введением конституционного строя, был важной вехой в новогреческой истории. В этот период в стране продолжалось формирование политической системы современного типа. Революция 1843–1844 гг. оформила изменение политического строя: в стране появилась дуалистическая монархия, существовавшая на основе конституции. Однако фактически монарх сохранил в своих руках все механизмы власти. Парламентский строй существовал только в зачатке: и система выборов, и работа парламента и кабинета министров были далеки от идеальной модели. Успешность функционирования системы в целом определялась в значительной степени личными качествами монарха и премьер-министра.

Годы пребывания у власти Колеттиса способствовали достижению некоторой внутренней стабильности, причем в большей степени за счет реанимации традиционных структур и механизмов, нежели за счет государственного строительства по европейской модели. Стабильность достигалась также благодаря определенной общности взглядов монарха и премьер-министра на внутреннюю и внешнюю политику. Последняя, начиная со времени пребывания у власти Колеттиса, стала определяться создаваемой в те годы внешнеполитической доктриной молодого государства, которая, как государственная идеология, получила название «Великой идеи». Уже в те годы эта доктрина, ставившая своей целью территориальное расширение Греции за счет Османской империи, продемонстрировала несоответствие реальным возможностям греческого государства: инцидент Мусурса фактически закончился дипломатическим поражением Греции, а годы Крымской войны вместо чаемых приобретений обернулись иностранной оккупацией. Кроме того, социально-политические изменения внутри Османской империи способствовали формированию у ее греческих подданных собственного взгляда на судьбу своей нации и империи, не совпадавшего с намерениями афинских политиков.

Как и в 1830-е гг., значительную роль в политической жизни страны продолжали играть великие державы и ориентированные на них политические партии. В то время как влияние России после революции 1843–1844 гг. упало и несколько возросло лишь в связи с Крымской войной, английское и французское влияние сохранилось в полном объеме. Между тем приверженцы старых партий постепенно уходили из политической жизни. Одновременно подрастало новое поколение греческих политиков. Они

¹ См.: Φωτιάδης Δ. Όθωνας — Η έξωση. Αθήνα, 1988.

² См.: Μελετόπουλος Χ. Δ. Η Ευρωπαϊκή διπλωματία εν Ελλάδι. Αθήνα, 1883.

³ См.: Παλάσκας Λ. Τα συμβάντα του Οκτωβρίου 1862 επί του Βασιλικού ατμοδρόμωνος “Αμαλίας”. Αθήνα, 1882.

⁴ Текст обращения см.: Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΓ'. Αθήνα, 1977. Σ. 197.

также разделяли принципы «Великой идеи», но полагали, что эти идеалы реализуются недостаточно энергично, в чем возлагали вину на короля. Кроме того, внешнеполитическая доктрина греческого государства вызвала явное недовольство Англии, заинтересованной в сохранении сложившегося положения дел на Востоке. Попытки практического решения задач, поставленных «Великой идеей», вызвали ответную антиоттоновскую политику Англии, которая в значительной степени способствовала свержению греческого монарха в 1862 г. Катализатором новой революции в Греции послужило объединение Италии.

Новая монархия...

Изгнание Оттона не вызвало особого сопротивления ни внутри Греции, ни за рубежом, но поставило великие державы перед необходимостью найти для греков нового короля. Взявшее власть в свои руки Временное правительство в Афинах, где главную роль играли К. Канарис, Д. Вулгарис и Б. Руфос, заверило державы, что сохранит прежний политический строй и намерено поддерживать дружеские отношения со всеми государствами. Из европейских держав наибольшую активность в греческих делах в тот период развила Англия, отклонившая большинство претендентов на греческий престол как имеющих родственные связи с правящим домом одной из держав. Кандидатура же второго сына королевы Виктории принца Альфреда, хотя и популярная в Греции, не могла быть одобрена другими державами по той же причине.

Интересно, что ни до, ни после этих событий наличие династических связей не служило препятствием к занятию престола в самих державах, например России (Николай I был женат на дочери прусского короля, кайзер Вильгельм I приходился дядей Александру II и др.). Кроме того, к середине XIX в. найти принца, не связанного династическими узами ни с одним из могущественных европейских правящих домов, становилось почти невозможно. Тогда было решено найти такого, в чьих родственных связях влияние крупнейших держав могло быть уравновешено¹. И опять именно Англия добилась того, что по соглашению между великими державами новым королем греков стал датский принц Вильгельм-Георг-Христиан Глюксбург (1845–1913), сын будущего короля Дании Христиана VII, взойшедший на греческий престол под именем Георга I в 17 лет. Его избрание было одобрено Учредительным собранием греков 18 марта 1863 г., в июле закреплено Лондонским соглашением между державами, а 30 октября он прибыл в Грецию. Официально взойти на престол он смог только после завершения работы над конституцией 28 ноября 1864 г. (т. е. через год после прибытия в страну). До этого времени он правил страной на основании специального решения Учредительного собрания при формально сохранявшей силу старой конституции². Принимая нового монарха, греки «не обратили внимания» на одно обстоятельство, которое долго ставилось в упрек его предшественнику: новый король не был православным. В качестве приданого новому монарху Англия согласилась передать Греции Ионические острова.

Сестра Георга Александра вышла замуж за принца Уэльского, а сам Георг I в 1867 г. женился на внучке русского императора Николая I великой княжне Ольге

¹ О поисках нового монарха см. подробнее: *Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 142–145.*

² См.: *Christmas W. King George of Greece. L., 2001.*

Константиновне (1851–1926). Она приходилась племянницей Александру II и двоюродной сестрой Александру III. Таким образом, английское и русское династическое влияние державы сочли уравновешенным. Королева Ольга внесла огромный вклад в развитие системы образования и здравоохранения в Греции: она была инициатором строительства учебных заведений, госпиталей и больниц, в т. ч. крупнейшей афинской Благовещенской больницы. В военное время имевшая медицинское образование королева лично ухаживала за ранеными. Помимо династических связей со вступлением Георга на греческий престол был также сопряжен вопрос о вероисповедании монарха, не решенный, как мы помним, в годы правления Оттона. На этот раз был принят компромиссный вариант: монарх сохранил свою веру, но его наследник должен был быть крещен в православие. Этот пункт закрепили отдельной статьей конституции 1864 г.

Революция 1862 г. привела к утверждению у власти нового поколения политиков, не связанных с революцией 1821 г. и не знакомых со всеми ужасами и сложностями освободительной войны. Если раньше членами Национального Собрания были в большинстве своем ветераны и представители традиционных элит, то новое поколение депутатов составили представители новых элит: предприниматели, банкиры, адвокаты, судебные служащие, военные нового поколения. Потомки ветеранов 1821 г. и фанариотов либо примыкали к этим новым элитам, либо постепенно теряли доступ к власти¹.

Ко времени приезда короля в стране фактически сложились четыре политические партии, которые, как и прежде, были «партиями личностей»². Лидером первой был уже известный нам по революции 1862 г. Димитрис Вулгарис. Вторую возглавил выходец из Мани адвокат Александр Кумундурос, сторонник весьма радикального политического курса. Во главе третьей стоял еще один участник событий 1862 г. и сын известного политического деятеля эпохи 1821 г. Фрасибул Заимис. Он придерживался умеренных взглядов и был сторонником умеренно-консервативной и внешней, и внутренней политики. Наконец, четвертая, которую поддерживали молодые офицеры и студенты, группировалась вокруг красноречивого адвоката из Месолонги Эпаминонда Делигиоргиса. Если не считать некоторых нюансов, никаких принципиальных различий между ними не существовало. Это не были еще партии современного типа: они не имели ни организационной структуры, ни четких принципов, ни программ. Более того, в определении стратегических задач греческого государства партии, как правило, не расходились во мнениях. По этой причине они часто вступали в тактические коалиции друг с другом и создавали смешанные министерства. Соперничество между этими партиями было не чем иным, как борьбой за власть лично для себя³.

Прибыв в Грецию, новый монарх обнаружил страну, раздираемую на части этими группировками, и, чтобы умерить страсти, попытался создать межпартийное правительство. Такой же совет ему подал прибывший с ним из Дании в качестве советника граф Споннек. Возглавить правительство было предложено Вулгарису, который вместо межпартийного составил кабинет из своих друзей. Межпартийное правительство не состоялось, а ситуация в целом мало отличалась от эпохи Оттона⁴. В политическую жизнь также продолжали вмешиваться и иностранные дипломаты. В данном случае борьба развернулась между политической оппозицией, кото-

¹ См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 262–263.

² См.: Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα 1821–1961. Αθήνα, 1961.

³ См.: Αυτόθι.

⁴ См.: Woodhouse C. The Story of Modern Greece. L., 1968. P. 170–171.

рую поддерживали Франция и отчасти Россия, с одной стороны, и правительством Вулгариса, за которым стояла Англия, с другой. Силы были бы неравны, если бы не оставшийся в руках англичан сильный козырь: английский посланник Скарлетт распустил слух, будто Англия еще не приняла решения об окончательной передаче Греции Ионических островов.

Между тем активизировалась оппозиция, в рядах которой было много сторонников свергнутого Оттона. Предполагалось, что полковник Димитрис Боцарис вместе с имевшим в Фессалии и Эпире своих людей Федором Гривасом поднимут восстание в этих областях. Их единомышленники в Афинах (общество «Иерос Агон») тем временем обвиняли правительство в том, что оно продалось англичанам. 25 февраля 1864 г. восстал гарнизон Месолонги. Король с трудом противостоял этому давлению, и Споннек посоветовал ему отправить Вулгариса в отставку. На смену Вулгарису пришло коалиционное правительство во главе с престарелым адмиралом Канарисом, состоявшее из сторонников Франции и России.

Все эти перипетии отвлекали внимание депутатов Учредительного собрания от их основной задачи: выработки конституции. В этих условиях Споннек решился на отчаянный шаг: он подтолкнул короля к заявлению о том, что, если депутаты не закончат работу над конституцией в течение 10 дней, то он возьмет это дело в свои руки. Как ни странно, это заявление, не подкрепленное никакой реальной силой, а потому бывшее чистой авантюрой, возымело свое действие. 17 октября 1864 г. конституция наконец-то была принята¹.

Учредительное собрание завершило свою работу, но выборы в новый парламент состоялись только в мае 1865 г. Политическая жизнь в этот период представляла собой череду непрерывных правительственных кризисов на фоне постоянного вмешательства иностранных дипломатов и неустанного желания греков избавиться от Споннека. На майских выборах занимавший тогда кресло премьера Кумундурос потерпел поражение, однако поддержка Делигиоргиса позволила ему еще на полгода остаться у власти². Очередной правительственный кризис последовал в октябре 1865 г. в связи с дебатами по бюджету. Король предложил сформировать правительство Вулгарису, но тот поставил условием отставку Споннека. Георг обратился к Делигиоргису, но получил тот же ответ. Пришлось пойти на компромисс: было решено, что Споннек покинет Грецию весной 1866 г.

Против нового правительства выступила объединенная оппозиция в лице Вулгариса и Кумундуроса. В то же время начались беспорядки в столице. Последовала отставка Делигиоргиса. Сменившее его правительство Вулгариса продержалось у власти всего два дня. Его сменило правительство Кумундуроса, образование которого вызвало немедленное объединение Вулгариса и Делигиоргиса. Они создали коалиционное правительство, просуществовавшее две недели. Король предпринял новую попытку создать коалиционное правительство из сторонников Вулгариса и Кумундуроса. Его возглавил Б. Руфос, причем ни Вулгарис, ни Кумундурос министерских кресел не заняли. Граф Споннек покинул Грецию в начале декабря 1866 г. Такое решение позволило достичь некоторой стабильности³.

¹ См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 157.

² См.: Παπαθανασόπουλος Κ. Αλέξανδρος Κουμουνδούρος. Σχόλια για μια βιογραφία. Αθήνα, 1993.

³ См.: Κотарίδης Ν. Από τις φατρίες στα κόμματα. Πολιτικές συσσωματώσεις στη μετεπαναστατική Ελλάδα // Νεοελληνική κοινωνία. Ιστορικές και κριτικές προσεγγίσεις. Αθήνα, 1993. Σ. 25–56.

События тех месяцев — не единственный пример политического хаоса в жизни тогдашней Греции. На их примере видно, каковы на самом деле были причины и движущие силы политической борьбы. Они также демонстрируют, что смена династии и политического строя не привела к большей стабильности в стране, а скорее наоборот.

После безумной чехарды, когда за пять недель с 20 октября по 28 ноября 1865 г. сменилось пять правительств (т. е. средний срок жизни правительства составил неделю), правительство Руфоса после некоторых кадровых изменений в январе 1866 г. продержалось до июня 1866 г. Его падение было вызвано действиями иностранных дипломатов, в частности попыткой Франции укрепить свои позиции при греческом дворе. На смену Руфосу пришла коалиция Вулгариса и Делигиоргиса, смена которой правительством Кумундурса была связана с событиями на Крите¹.

В годы правления Георга I (1863–1913) страна продолжала наращивать экономические показатели, однако экономический рост, как и прежде, тормозился двумя факторами: нерешенностью аграрного вопроса и углублявшейся зависимостью государственных финансов от иностранных кредиторов. Все более остро ощущалась и необходимость развития коммуникаций, прежде всего сухопутной дорожной сети. Новое поколение вело активную экономическую жизнь: за 1862–1878 гг. (т. е. до присоединения Фессалии) внешнеторговый оборот Греции удвоился, однако импорт продолжал значительно превалировать над экспортом. Уже к 1870 г. по сравнению с 1830 г. удвоилась и численность населения, составившая почти 1,5 млн чел. Из них 47 % составляли крестьяне, 19 % — лица свободных профессий, 9 % — предприниматели, 3 % — коммерсанты, 5 % — моряки, 4 % — рабочие². Росла площадь обрабатываемых земель, однако оставались еще большие необработанные массивы. Социальный состав населения говорит о том, что греки, традиционно занимавшиеся помимо сельского хозяйства также торговлей и другими непроизводственными видами деятельности, сохранили эту ориентацию, вовсе не стремясь превращать свою страну в индустриально развитую. Количество школьников возросло с 10 тыс. в 1830 г. до более чем 90 тыс. в 1874 г. Количество студентов в это время составляло 3–4 тыс. чел.³

К началу царствования Георга I промышленности в Греции, по сути, не существовало. Основными причинами ее отсутствия в эпоху развивавшегося капитализма в Европе были следующие: во-первых, отсутствие необходимых капиталов, большая часть которых находилась (и приобреталась) за границей. Во-вторых, владельцы этих капиталов не желали отказываться от более высоких прибылей, приносимых торговлей (часто спекулятивной), нежели производством. В-третьих, сохранению этой ситуации способствовала стабильность рынков сбыта и торговых путей, захваченных к тому времени греческими торговцами. Греческие историки отмечают также отсутствие корпоративного духа, необходимого технического оснащения и уровня образования⁴.

Однако уже в первые годы царствования Георга наметилась некоторая тенденция к изменению ситуации. Она с необходимостью проистекала из последствий Крымской войны, изменившей обстановку в Средиземноморье. Греческие торговцы стали ис-

¹ Об этом см. следующий параграф.

² См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 282.

³ См.: Ευελπίδης Χ. Οικονομική και κοινωνική ιστορία της Ελλάδος. Αθήνα, 1950.

⁴ См.: Παπαγιωτόπουλος Β. Η βιομηχανική επανάσταση και η Ελλάδα 1832–1871 // Εκσυγχρονισμός και βιομηχανική επανάσταση στα Βαλκάνια τον 19ο αιώνα. Αθήνα, 1980. Σ. 216–235.

кать новые рынки сбыта и торговые пути, налаживая торговлю с Западной Европой. В это же время начинают появляться первые промышленные предприятия в греческих портовых городах: Пире, Патрах, Навплио, Сиросе. Они занимались преимущественно производством алкоголя, бумаги и очисткой хлопка. Правительство отнеслось к ним благосклонно, однако никакой целенаправленной политики в области поддержки промышленности выработано не было. В 1872 г. в Эрмуполи появилась первая фабрика с паровыми двигателями, в последующие годы начали активно разрабатываться рудники Лаврио, развиваться предприятия бумагоделательной, текстильной, химической промышленности, производство изделий из стекла. К 1875 г. действовало уже 89 предприятий, использующих паровые двигатели. Первые успехи промышленности, в свою очередь, способствовали развитию торговли. Однако увеличение объемов торговли не привело к увеличению торгового флота, что было связано с сохранявшимися большими рисками мореплавания. Зато активно развивалось банковское дело. Созданный в 1841 г. и начавший реально функционировать в 1842 г. Национальный банк к 1878 г. более чем утроил свои капиталы (с 5 млн др. до 18 млн др.)¹.

С точки зрения внутренней политики начало нового царствования ознаменовалось принятием новой конституции (1864), в ходе обсуждения которой в Учредительном собрании развернулась острая политическая борьба между консерваторами во главе с Д. Вулгарисом, либералами во главе с К. Канарисом и Ф. Гривасом, а также группой молодых радикалов во главе с Э. Делигеоргисом. Политическая борьба не ограничивалась стенами парламента: на улицах столицы она заканчивалась кровавыми стычками. Главной движущей силой уличных столкновений выступали радикально настроенные студенты. Значительную роль в политической борьбе периода выработки новой конституции играли депутаты от Ионических островов, многие из которых находились под влиянием гарибальдийского движения в Италии (Ионический парламент в полном составе вошел в парламент Греции осенью 1863 г.)².

Несмотря на обещание зачинщиков революции сохранить прежний государственно-политический строй, формально он был изменен: вместо конституционной монархии (συνταγματική μοναρχία) вводилась монархическая республика (βασιλευόμενη δημοκρατία). Говоря нашим языком, дуалистическая монархия менялась на конституционную. Новая греческая конституция была составлена по образцу бельгийской конституции 1831 г., а значит, восходила к французской конституции 1791 г.

Действительно, новая конституция существенно расширяла prerogatives парламента и представляла собой важный шаг на пути совершенствования системы представительного правления в Греции. Даже слог ее был более демократическим: «король милостью Божией» заменялся на «короля милостью нации», теперь он назывался не королем Греции, а королем греков и т. п. Вводилось всеобщее, прямое и тайное голосование (для мужчин), чего не было еще и в наиболее развитых европейских государствах. Сенат упразднялся, и парламент становился однопалатным. Гарантировалась независимость судебной власти: судьи назначались пожизненно и были несменяемы. Однако другие государственные служащие таких гарантий не получили, поэтому их назначение и отставка зависели от прихода к власти новой партии. В отличие от французской конституции 1791 г. новая греческая конституция оставляла за королем право назначать и отправлять в отставку министров, а также распус-

¹ См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 282–286.

² См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 158–162.

каль парламент. Конституция 1864 г. составила основу всех последующих греческих конституций вплоть до военной диктатуры 1967–1974 гг.

Некоторые современники, видевшие основу благополучия государства в модернизации страны, усматривали в этой конституции один важный недостаток: в ней ничего не говорилось о том, что король должен назначать кабинет министров с учетом мнения парламентского большинства¹. Таким образом, политический строй страны остался по сути неизменным. Только в 1875 г. Георг I официально подтвердил необходимость получения правительством вотума доверия у парламента. В целом же в период с 1864 по 1875 г. политическая ситуация в стране оставалась приблизительно такой же, как во времена короля Оттона. А именно происходили фальсификация выборов, назначение королем правительств, не имевших поддержки парламентского большинства, вынужденная отставка правительств парламентского большинства в том случае, если их политика расходилась с политической линией короля². Важным признаком политической нестабильности была частая смена правительств — в среднем дважды в год.

Политическая жизнь страны в то время приобрела новые, не свойственные предшествующей эпохе черты. Сами греческие историки отмечают безмерный эгоизм греческих политических деятелей того времени, их бесконечный цинизм, лживые обещания, неразборчивость в средствах. Если за последние 20 лет правления Оттона в стране сменилось 11 правительств, то за первые 20 лет царствования Георга I — 31. Одни и те же политические деятели занимали кресло премьера по нескольку раз: Делигиоргис 6 раз, Трикупис — 7, Вулгарис — 8. Но всех обошел Кумундурос, сумевший побывать в нем 10 раз. В качестве инструментов политической борьбы основывались различные общества и газеты.

Пользуясь подтвержденной конституцией 1864 г. свободой печати, пресса окончательно вышла из-под контроля правительства и не гнушалась никакими средствами: клевета, погромы всех моральных, религиозных и общественных ценностей — обычные средства в ее арсенале. Греческие историки характеризуют ее не иначе, как «разнузданную»³. Все это разлагало еще не успевший толком сформироваться парламентский строй в Греции, дискредитировало его в глазах населения и впоследствии создало благоприятную почву для утверждения диктаторских режимов.

Следующая эпоха в жизни греческого государства настолько определялась деятельностью одного из величайших греческих политиков, крупнейшего после Каподистрии политического деятеля XIX в. Харилаоса Трикуписа (1832–1896), что получила название эпохи Трикуписа. Его отец, Спиридон Трикупис, происходил из видной семьи города Месолонги, был европейски образованным человеком и уже с эпохи революции принимал активное участие в политической жизни. Матерью Трикуписа была родная сестра А. Маврокордатоса. Таким образом, уже по рождению он принадлежал к старой политической элите.

Но, как и его отец, Харилаос был европейцем по мироощущению. Он не только не был патриархально-консервативен, как это подобало бы представителю старой элиты, но даже во многом опережал свое время: некоторые из построенных им железных дорог сохранили свое значение по сей день. А задуманный им мост, соединивший Рио и Антирио, был построен только к Олимпиаде 2004 г. и с 2007 г. носит имя Трикуписа.

¹ См.: Φιλάρετος Γ. Ξενοκρατία και Βασιλεία εν Ελλάδι. 1821–1897. Αθήνα, 1897.

² См.: Πετρακάκος Δ. Κοινοβουλευτική ιστορία της Ελλάδος. Αθήνα, 1946.

³ См.: Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. Σ. 264.

Трикупис получил юридическое образование сначала в Афинах, а затем в Париже. Вернувшись на родину, стал исполнять обязанности секретаря при своем отце, который тогда был греческим послом в Лондоне. В 1856 г. он получил назначение секретаря посольства. Когда его отец отошел от дел, Х. Трикупис стал поверенным в делах. В 1863 г. он сыграл важную роль в переговорах по Ионическим островам, добившись благоприятных для Греции условий их передачи. В 1864 г. Трикупис решил закончить дипломатическую карьеру и начать политическую. Поэтому он подал в отставку, а в 1865 г. был избран депутатом парламента от Месолонги. В 1866 г. он впервые вошел в правительство, заняв пост министра иностранных дел в кабинете Кумундурса, и в этом качестве подписал союзный договор с Сербией¹.

С отставкой этого правительства в декабре 1867 г. он приступил к поиску самостоятельной политической позиции и в 1872 г. создал свою партию, которая, поскольку имелось уже четыре (Кумундурса, Заимиса, Вулгариса и Делигиоргиса), получила название Пятой партии².

Ко времени парламентских выборов этого года его партия уже вполне оформилась. Как и прочие четыре, эта партия цементировалась фигурой лидера, но по сравнению с ними имела некоторые новые черты. Трикупис стремился создать организованную партию по образцу тех, что тогда стали появляться в Европе. Его партия имела уже подобие политической программы, основанной на конкретной идеологии. Это означало, что в свою партию Трикупис подбирал людей не по принципу личных связей, как это традиционно делалось в Греции, а на основе общности политических убеждений. Их идейной основой был классический либерализм. Кроме того, от своих сторонников Трикупис требовал стремиться к реализации этого идеала, а не бороться за личные выгоды и назначения. Таким образом он старался полностью порвать со старой системой, когда партии боролись за власть ради самой власти и личных интересов. В результате партия Трикуписа стала первой в Греции политической партией современного типа³. Основной состав партии Трикуписа рекрутировался из нового поколения промышленной и торговой буржуазии. Ему удалось привлечь на свою сторону и либералов с Ионических островов. Его поддерживала также небольшая группа антимонархически настроенных радикальных демократов, пока еще не имевшая собственной партии⁴.

В октябре 1874 г. приступил к работе новый состав парламента, избранный в июне того же года. Относительное большинство в нем получили сторонники Вулгариса. Но это не помогло ему провести через парламент законопроект о сокращении армии. Время было неудачное: на Балканах назревал очередной подъем антитурецких движений. Вулгарис был обвинен в фальсификации выборов (что было тогда обычным делом), а король в апреле 1875 г. вынужден был отправить его в отставку. Важную роль в этой антивулгарисовской кампании сыграл Трикупис. Он опубликовал в газете «Кери» («Времена») статью «Кто виноват?», в которой содержались косвенные обвинения лично королю, и за это на четыре дня попал в тюрьму. Но политическая карьера Вулгариса закончилась: это было последнее из сформированных им правительств.

¹ См.: Τσοκόπουλος Γ. Χαρίλαος Τρικούπης. Βιογραφία. Αθήνα, 1896.

² См.: Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. Αθήνα, 1961.

³ См.: Αυτόθι.

⁴ См.: Γαρδίκια-Αλεξανδροπούλου Κ. Η ελληνική κοινωνία την εποχή του Χ. Τρικούπη // Όψεις της ελληνικής κοινωνίας του 19ου αιώνα. Αθήνα, 1984. Σ. 177–191.

А вот звезда Трикуписа только восходила. В мае 1875 г. после долгих колебаний король назначил его премьер-министром. К этому времени парламентское большинство оказывало все более сильное давление на короля, но принцип формирования ответственного перед парламентом правительства оставался не закрепленным конституционно и даже не подтвержденным королем. Заслуга урегулирования отношений между парламентом и троном принадлежит Трикупису. В августе 1875 г. состоялись новые выборы, которые были громко названы первыми свободными выборами в стране. Тогда же король произнес написанную Трикуписом речь, в которой монарх официально утверждал принцип формирования правительств парламентским большинством. Однако в конституцию соответствующих изменений внесено пока не было¹.

В результате выборов Трикупис и небольшая группа его сторонников стали членами парламента, но большинство в нем составляли представители старых партий. В соответствии с заявлением короля и своими принципами Трикупис отказался возглавлять правительство меньшинства и в октябре того же года подал в отставку, а правительство возглавил Кумундурос. Ориентируясь на Англию, всеми силами стремившуюся сохранить статус кво на Балканах, Кумундурос в это время начал следовать курсу, который позже разовьет Трикупис. Оставив на время экспансионистскую интерпретацию «Великой идеи», он переключился на путь «органической работы» и занялся укреплением государства изнутри². Это правительство с двумя небольшими перерывами просуществовало до лета 1877 г., когда ушло в отставку в связи с новым обострением восточного вопроса.

В 1875–1895 гг. Трикупис семь раз занимал кресло премьера. Утверждение принципа ответственного правительства способствовало развитию парламентаризма, но не пошло на пользу Греции: министерская чехарда оставалась бичом политической жизни страны. Все это двадцатилетие она протекала на фоне непрестанной борьбы Трикуписа и Кумундуроса. После смерти последнего в 1883 г. его место занял Феодор Делиянис. Соперничество этих фигур создавало видимость наличия в стране двухпартийной системы, которую Трикупис сознательно культивировал³. В его глазах Греция таким образом становилась похожа на «передовую» Англию. Однако если у Трикуписа было послушное партийное ядро, которое соблюдало партийную дисциплину (были и группы, поддерживавшие его от случая к случаю), то его противники начинали напоминать организованную партию, только находясь в оппозиции. Тогда их действия были скоординированными, но во время пребывания у власти эта видимость партийной дисциплины утрачивалась. Некоторые историки склонны сравнивать борьбу между партиями Трикуписа и Делияниса с противостоянием Венизелоса и короля Константина в XX в.⁴. Нам это кажется не совсем верным. Эта межпартийная борьба по своей сути мало отличалась от политических баталий предшествующей эпохи. Прологом национального раскола XX в. скорее можно считать последующий конституционный конфликт между Трикуписом и королем Георгом.

Политики этого поколения имели уже иную социальную базу, нежели их предшественники. Если Колеттису и Вулгарису приходилось считаться с традиционными элитами, особенно с пелопоннесскими кодзабасами, то Трикупис и его оппоненты

¹ См.: Πετρακάκος Δ. Κοινοβουλευτική ιστορία της Ελλάδος. Αθήνα, 1946.

² См.: Παπαθανασόπουλος Κ. Αλέξανδρος Κουμουνδούρος. Σχόλια για μια βιογραφία. Αθήνα, 1993.

³ См.: Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. Αθήνα, 1961.

⁴ См.: Πουρνάρας Δ. Χαρίλαος Τρικούπης. Η ζωή και το έργο του. Τ. 1–2. Αθήνα, 1950.

ориентировались больше на континентальную Грецию, острова, городское население. Наиболее ярким выразителем интересов пелопоннесских крестьян (уже не козабасов), как, впрочем, и городских низов, которые в то время в Греции в противоположность Европе представляли собой оплот консерватизма, стал Делиянис¹.

Падение того или иного правительства влекло за собой политический кризис, разрешение которого с необходимостью требовало вмешательства короля, которого оппозиция всегда обвиняла в пристрастности. Между тем действия короля мотивировались желанием иметь работоспособное министерство, а не правительства-однодневки, а также стремлением не допустить экстремистов к руководству внешней политикой. Таким образом, он выступал как своего рода национальный арбитр. Однако добиться политической стабильности в условиях возрастающей роли парламента было невозможно: для этого требовалось наличие сильной «вертикали власти».

Если Трикупис и его сторонники были либералами, то его политические противники — консерваторами. Особенно убежденным противником Трикуписа был Делиянис. Он даже как-то заявил, что «противится всему, что поддерживает Трикупис». Делиянис был идейным консерватором. Европейский либерализм его раздражал, а свои убеждения он выводил из бентамовского утилитаризма. Однако интерпретировал эту философию Делиянис весьма своеобразно: он считал, что необходимо бороться с nepотизмом и бюрократией, но узаконить взяточничество. Последнее, как он полагал, делает счастливым большее число людей, нежели либеральная система². Однако, несмотря на идейные разногласия, оппоненты Трикуписа, так же как и он, двигались по пути «органической работы». Но если Трикупис делал это вполне осознанно, то Кумундурос и Делиянис — скорее по необходимости, под давлением внешних обстоятельств. Так или иначе, для всех этих политиков «органическая работа» была временным вынужденным отступлением ради накопления сил для позднейшей реализации географического (экспансионистского) варианта Великой идеи.

После отставки Кумундуроса в 1877 г. было образовано правительство национального единства во главе с престарелым адмиралом Канарисом. Туда вошли лидеры всех партий, кроме Вулгариса. Трикупис, правда, с большой неохотой, занял кресло министра иностранных дел. Однако уже в начале 1878 г. к власти вернулся Кумундурос, продержавшийся до марта 1882 г. с двумя перерывами: в октябре 1878 г. его сменил Трикупис на шесть дней, а в марте 1880 г. — на шесть месяцев.

Последнее, десятое, правительство Кумундуроса (1880–1882) продолжало следовать прежде начатому курсу «органической работы», ориентируясь во внешней политике больше на Россию, чем на другие державы. Именно в этот период была проведена подготовительная работа и заключены соглашения по проектам, которые будут реализованы позже и войдут в историю в связи с именем Трикуписа. Это проект канала через Истмийский перешеек и железные дороги Афины — Патры, Афины — Лариса, Лариса — Волос. Кумундурос также привел в порядок таможенные тарифы и организацию флота³. Как мы увидим далее, все эти мероприятия вполне укладывались в тот внутриполитический курс, которого придерживался и Трикупис. Противостояние между Трикуписом и Кумундуросом не носило принципиальный идеологический характер, а диктовалось, как и в прежние времена, узкопартийным интересом. Примечательно,

¹ См.: Γαρδίκας-Αλεξανδροπούλου Κ. Η ελληνική κοινωνία την εποχή του Χ. Τρικούπη. Σ. 177–191.

² См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 218.

³ См.: Βεργόπουλος Κ. Κράτος και οικονομική πολιτική στον 19ο αιώνα. Αθήνα, 1978.

что Кумундурос, как впоследствии и Трикупис, немного пережил конец своей политической карьеры и умер, потрясенный неблагодарностью сограждан¹.

Помимо традиционных для правительств того времени Кумундурсу, а впоследствии и Трикупису пришлось столкнуться с новыми проблемами, вытекавшими из безусловно положительного на первый взгляд события — расширения территории Греции за счет Фессалии и части Эпира. Население Греции, составлявшее к 1880 г. ок. 1,6 млн чел. благодаря этому выросло на 300 тыс. чел., а территория увеличилась на 13 тыс. кв. км. Греция получила плодородные фессалийские долины с древнейшей земледельческой традицией, известные также своими традиционными производствами, среди которых наиболее знамениты были текстильное, кожевенное и колбасное.

Однако новые территории принесли и новые проблемы. Прежде всего, за Эпир надо было еще заплатить Османской империи. С этой целью Греция получила два новых займа, но они еще больше расстроили государственные финансы². Правительство пыталось поправить дело с помощью инфляционных денег, чем вызвало общественное недовольство. Кроме того, основными землевладельцами Фессалии были турки, которые предпочли эмигрировать в Османскую империю, продав свое имущество. Покупателями их стали прежде всего богатые греки из-за рубежа. Такова впоследствии была сознательная политика Трикуписа, стремившегося привлечь в страну капиталы, нажитые греками за рубежом. Поэтому его правительства шли навстречу новым землевладельцам, предоставляя им требуемые льготы³. Этим были обеспокоены не только крестьяне, но и мелкие производители и торговцы средней руки. За Трикуписом закрепилась слава ставленника крупного капитала. Греческие крестьяне как были, так и остались без земли. Серьезнейший аграрный вопрос лег на плечи греческого государства. Что касается традиционных производств, то наступление промышленных товаров, прежде всего из Европы, привело к их практически полному угасанию.

Все эти трудности обозначились уже при правительстве Кумундурса и ухудшали положение этого правительства, которое оппозиция во главе с Трикуписом незаслуженно обвиняла в недостаточно последовательном отстаивании национальных интересов: во время переговоров, которые с большим успехом вел Кумундурос, пришлось отказаться от части Эпира.

В марте 1882 г. Трикупису удалось сформировать правительство, продержавшееся у власти три года — немалый для тогдашней Греции срок. В парламенте его поддержали независимые демократы, лидер которых Ломбардос отказался от идеи создания собственной партии, предпочтя министерское кресло перспективе оказаться вне парламента. На сторону Трикуписа перешли также сторонники покойных к тому времени Вулгариса, Делигиоргиса и Заимиса. В результате это уже четвертое по счету из сформированных Трикуписом правительств получило поддержку 140 из 245 депутатов парламента⁴.

Вся деятельность Трикуписа и его сторонников во время пребывания у власти была направлена на модернизацию страны путем реорганизации аппарата управления, борьбы с коррупцией, взяточничеством и казнокрадством, реформирования

¹ См.: Παπαθανασόπουλος Κ. Αλέξανδρος Κουμουνδούρος. Σχόλια για μια βιογραφία. Αθήνα, 1993.

² О проблеме займов будет сказано далее.

³ См.: Τσουκαλάς Κ. Η ανорθωτική προσπάθεια του Χαρίλαου Τρικούπη. 1882–1895 // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΔ'. Αθήνα, 1977. Σ. 8–22; Πρότζας Β. Οικονομία και γαιοκτησία στη Θεσσαλία, 1881–1912. Αθήνα, 1992.

⁴ См.: Τσουκαλάς Κ. Η ανорθωτική προσπάθεια του Χαρίλαου Τρικούπη. 1882–1895 // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΔ'. Αθήνα, 1977. Σ. 8–22.

армии и военных училищ, расширения сети путей сообщения и стимулирования развития экономики в целом. Однако реализация этих проектов требовала огромных государственных инвестиций, средства для которых шли в основном за счет повышения налогов¹. Это обстоятельство активно использовала политическая оппозиция (А. Кумундурос, Ф. Делиянис), в результате популярность Трикуписа резко упала.

На выборах 1885 г. он потерпел поражение: его партия сумела получить только 40 депутатских мандатов против 170 Делияниса. Первое правительство Делияниса, сформированное в апреле 1885 г. всего продержалось год. Весной 1886 г. часть сторонников Делияниса в парламенте, недовольная его внешнеполитическим курсом, вновь поддержала Трикуписа². Член его партии Стефанопулос был избран спикером, а на следующий день, 9 мая 1886 г., Трикупис опять стал премьер-министром. В январе 1887 г. в стране состоялись новые парламентские выборы в связи с введением в действие избирательной реформы. Она предусматривала укрупнение избирательных округов и сокращение числа парламентариев с 245 до 150 чел. Партия Трикуписа одержала убедительную победу на выборах, получив 90 мандатов, и оставалась у власти до октября 1890 г. Это был редкий случай, когда парламент полностью отработал свой срок, избежав досрочного роспуска. Это четырехлетие вообще было необычным для Греции того времени, поскольку оно не отмечено какими-либо серьезными внутри- и внешнеполитическими потрясениями.

Однако все это время оппозиция во главе с Делиянисом использовала все средства, чтобы дискредитировать Трикуписа. И ей это удалось. Несмотря на все свои начинания, шедшие во благо стране и народу, Трикупис в очередной раз стал жертвой той самой либеральной системы, убежденным сторонником которой он был. Выборы октября 1890 г. второй раз привели к власти Делияниса, получившего 100 депутатских мандатов. Партии Трикуписа досталось лишь 15. Однако, несмотря на поддержку большинства парламентариев, Делиянис просидел в кресле премьера чуть больше полутора лет. Его внутренняя политика, фактически продолжавшая дело Трикуписа, вызвала недовольство короля, несмотря на попытки Делияниса возложить всю ответственность на своего предшественника. Но еще большее недовольство Георга вызвала агрессивная авантюристская внешняя политика Делияниса³.

Король решил отправить его в отставку, несмотря на сопротивление парламента. Верные королю войска окружили здание парламента, на улицах шли антимонархические демонстрации сторонников Делияниса и в противовес им демонстрации сторонников Трикуписа, выражавшие солидарность с решением монарха. Этот конфликт, который многие политики эпохи рассматривали как антиконституционные действия короля (на самом деле король конституции не нарушал), был предшественником гораздо более острых конфликтов между премьер-министром и троном, которым предстояло в XX в. принять форму национального раскола.

Сам Трикупис, следуя своим принципам, отказался возглавить правительство, не пользующееся доверием парламента, а потому назначенное королем служебное правительство во главе с Констандопулосом в мае 1892 г. провело досрочные парламентские выборы, принесшие победу Трикупису. В июне 1892 г. он в шестой раз занял кресло премьера. Однако его экономическая политика также вызвала нарекания короля,

¹ См.: Τσουκαλάς Κ. Η ανορθωτική προσπάθεια του Χαρίλαου Τρικούπη. 1882–1895 // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΔ'. Αθήνα, 1977. Σ. 39–56.

² См.: Βεργόπουλος Κ. Κράτος και οικονομική πολιτική στον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 1978. Σ. 45–50.

³ См.: Αυτόθι. Σ. 45–50.

поэтому в мае 1893 г. он уступил свое место известному финансисту Сотиропулосу. В октябре 1893 г. Трикупис в последний, седьмой раз возглавил кабинет министров. К этому времени греческое государство уже было по существу банкротом. 10 декабря 1893 г. Трикупис произнес в парламенте печально знаменитую фразу: “Κύριοι, δυστυχώς ελτωχεύσαμεν!”¹, которая была официальным заявлением о государственном банкротстве. Впоследствии вина за банкротство была возложена политическими противниками на самого Трикуписа².

В январе 1895 г. Трикупис подал в отставку после демонстративного участия наследника престола Константина в антитрикуписовской демонстрации. В мае 1895 г. служебное правительство провело новые выборы, которые в третий раз привели к власти Делианиса. Партия Трикуписа потерпела сокрушительное поражение: ей досталось всего 18 мандатов, причем сам Трикупис даже не был избран депутатом. Он очень тяжело переживал это поражение, решил закончить политическую карьеру и уехать за границу. В 1896 г. его кандидатура против его воли баллотировалась на дополнительных выборах, и он прошел в парламент, однако было уже поздно. Потрясение так сказалось на его здоровье, что в том же году он скончался.

За время своего пребывания у власти Трикупис постарался провести масштабные реформы, направленные в целом на модернизацию греческого государства. Они затронули экономику и финансы, государственную службу, а также армию и флот. Наибольшее число преобразований приходится на периоды его наиболее длительного пребывания у власти, т. е. на четвертое (март 1882 г. — апрель 1885 г.) и пятое (май 1886 г. — октябрь 1890 г.) министерства. Начало интенсивной реформаторской деятельности Трикуписа приходится на 1882 г. еще и потому, что его вдохновляло только что состоявшееся расширение территории страны за счет Фессалии и Эпира. Он надеялся, что территориальный рост даст мощный стимул развитию греческой экономики. Пятое правительство Трикуписа работало, как мы уже говорили, в необычно спокойных условиях, а потому могло беспрепятственно заниматься реформаторской деятельностью.

Трикупис пытался навести порядок в государственной службе и сделать ее функционирование более эффективным. Речь шла, собственно говоря, о создании профессиональной государственной службы, а не о распределении теплых местечек по блату, как это традиционно практиковалось в Греции. С этой целью он провел через парламент законопроект, устанавливающий требования к претендентам на занятие государственных должностей. В качестве компенсации госслужащие, успешно прошедшие испытания, получали некоторые гарантии стабильности своего статуса³. Трикупис предпринял также ряд мер к обеспечению реальной, а не только декларируемой независимости судей: проблема состояла в том, что на судей оказывали давление не только местные элиты, но даже разбойничьи шайки. Таким образом, Трикупис сделал важные шаги на пути формирования в Греции профессиональной бюрократии⁴. Однако, как мы знаем, и по сей день классическая бюрократия веберовского образца, преданная государству и не зависящая от каких-либо элит, в Греции так и не сложилась.

¹ Господа, к сожалению, мы банкроты!

² См.: Раφαηλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους (1830–1974). Αθήνα, 1993. Σ. 51.

³ В этих мероприятиях иногда усматривают общность политики Трикуписа и Α. Παπανδρεу. См.: Раφαηλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους... Σ. 49.

⁴ См.: Τσουκαλάς Κ. Η ανорθωτική προσπάθεια αρίλου Τρικούπη. 1882–1895 // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΔ΄. Αθήνα, 1977. Σ. 39–56.

В целях повышения эффективности, но также и сокращения государственных расходов Трикупис провел парламентскую реформу, сократив число депутатов с 245 до 150 человек, т. е. до минимального числа, предусмотренного конституцией. Сам он предполагал добиться с помощью этой реформы двух целей: повысить отдачу от работы депутатов за счет укрупнения избирательных округов, а также разрушить связи, скреплявшие местные элиты и мешавшие избранию подлинно представительных депутатов. Нанеся удар по местным элитам, он надеялся также разрушить прежние партии личностей и клановых связей и освободить место для новых партий современного типа.

Однако намеченных целей данная мера не достигла¹. Местные элиты прекрасно к ней адаптировались. Причина этого, как полагают некоторые историки, заключается в том, что к тому времени местные элиты имели прочные связи с центром благодаря членству в дотрикуписовских партиях. Это объяснение нельзя считать исчерпывающим: существовавшая ко времени вступления в политику Трикуписа система складывалась десятилетиями, а корнями своими уходила в социальные институты эпохи османского владычества. Разумеется, разрушить эти связи и институты, не говоря уже о перестройке менталитета, невозможно было с помощью одного, даже очень решительного мероприятия. Для этого требовалась многолетняя кропотливая работа.

Серьезную проблему, с которой пришлось столкнуться Трикупису, представляло собой разбойничество. Ни одному греческому правительству вплоть до Второй мировой войны не удалось победить разбойничества, но постепенно оно само шло на спад. Хотя нельзя согласиться с теми историками, которые утверждают, будто бы разбойничество к тому времени уже перестало быть серьезной проблемой. Если информация о рэке и терроре, которым могли подвергаться целые деревни, часто оставалась внутренним делом пострадавших, то скандальные истории вроде убийства разбойниками английских путешественников в Дилеси в 1870 г. становились достоянием всей Европы и свидетельствовали об истинных масштабах явления².

Конечно, всплески активности криминальных элементов были связаны с экономическими и внешнеполитическими кризисами, и, напротив, экономический подъем вел к ослаблению разбойничества. Эту же цель преследовали трикуписовские мероприятия в области государственной службы: достижение подлинной независимости чиновников неизбежно лишало покровителей разбойников возможности оказывать влияние на органы власти, а значит, лишало шайки и их патронов реальной силы. Кроме того, вместо тесно связанной с разбойниками жандармерии Трикупис попытался создать специальные подразделения полиции³. Однако их комплектация за счет армии привела к недостатку в численности войск.

Военные реформы Трикуписа были направлены на улучшение боеспособности греческой армии и флота при одновременном снижении расходов на эти сферы. Если Кумундурос в 1878 г. под впечатлением бурных событий на Балканах пытался увеличить срок воинской службы с двух до трех лет, видя в этом залог наличия более многочисленной и хорошо обученной армии, то Трикупис пошел другим путем. Он, напротив, сократил срок обязательной воинской службы до года (1882), пустив сэ-

¹ См.: Πουρνάρας Δ. Χαρίλαος Τρικούπης. Η ζωή και το έργο του. Τ. 1. Αθήνα, 1950.

² См.: Ραφανλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους (1830–1974). Αθήνα, 1993. Σ. 43–44.

³ См.: Koliopoulos J. Brigandage and irredentism in 19th century Greece // Modern Greece nationalism and nationality. Athens, 1990. P. 82.

кономенные деньги на улучшение содержания и вооружения армии. На эти же цели был направлен государственный заем в размере 40 млн дрх. (1883).

Группа офицеров во главе с генералом Коронеосом была направлена на стажировку во Францию (1883). Из этой же страны в Грецию была приглашена военно-консультативная миссия. Она работала в Греции в 1884–1887 гг., и на основе ее предложений Трикупис утвердил новый воинский устав (1885). Впоследствии в Греции работала также французская военно-морская миссия. Во Франции же по заказу греческого правительства были построены 19 торпедных катеров и три броненосца: «Идра», «Спеце» и «Псара» (1890).

Трикупис провел реорганизацию существовавших в то время военных и военно-морских училищ, в результате чего качество подготовки офицеров повысилось. В некоторых портах были основаны специальные морские училища, готовившие кадры для торгового флота. От военных училищ Трикупис требовал не только подготовки высокопрофессиональных кадров, но и привития будущим офицерам представлений о необходимости строжайшей дисциплины в армии, а также осознания своей принадлежности к военному сословию, на которое могло бы опереться государство¹.

Желая повысить престиж армии, Трикупис старался лишить прежнего влияния т. н. патриотические организации, которые поддерживали антитурецкие движения в Османской империи и оказывали большое влияние на внешнюю политику страны. Трикупис опасался, что эти организации, за которыми многим греческим правительствам было так удобно прятаться во времена обострений восточного вопроса, могли выйти из-под контроля и втянуть страну в какую-нибудь внешнеполитическую авантюру. Однако полностью избавиться от них Трикупис не успел, а его преемники не разделяли настороженного отношения к этим организациям, которым еще предстояло сыграть немалую роль во время следующего Критского восстания и особенно борьбы за Македонию.

В результате этих преобразований несколько улучшилось содержание армии, повысился уровень подготовки офицеров, выросла боеспособность флота. Однако нельзя сказать, чтобы эти реформы внесли в армию эпохальные изменения: ни образцовой армии, ни сильного флота Греция не получила². Такой результат мог быть достигнут только при значительно больших инвестициях в армию, на что у греческого правительства не было средств, а также при существенной поддержке какой-либо из великих держав. Англия и Франция не стремились к созданию сильной в военном отношении Греции, а к тесному сотрудничеству с Россией не стремились сами греки, опасаясь, что Россия может помешать реализации их великодержавной мечты.

В области экономики Трикупису удалось добиться наиболее значимых и видимых результатов. Наибольшее внимание он уделил развитию путей сообщения и средств связи. Крупнейшими проектами, реализованными Трикуписом, было строительство ключевых для страны железнодорожных магистралей Пирей — Афины — Пелопоннес и Афины — Лариса, а также прорытие Коринфского канала, соединившего Коринфский залив с Сароническим (открыт в 1893 г.), начались работы по осушению района озера Копайда. В целом именно благодаря Трикупису страна покрылась сетью железных дорог: если в 1882 г. на всю страну существовала только одна железнодорожная ветка Афины — Пирей протяженностью 9 км, то в 1893 г. функционировало уже 914 км железных дорог

¹ Τσουκαλάς Κ. Η ανорρωτική προσπάθεια του Χαρίλαου Τρικούπη. 1882–1895 // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΔ'. Αθήνα, 1977. Σ. 39–56.

² Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας (1770–1923). Αθήνα, 1989. Σ. 223–224.

и строилось еще 490 км¹. Построенные Трикуписом магистрали сохраняли свое значение вплоть до второй половины XX в., а на Пелопоннесе сохраняет и по сей день.

Развитие транспортной инфраструктуры способствовало индустриализации страны: за 1880–1912 гг. количество промышленных предприятий выросло в шесть раз. Быстрыми темпами росла численность населения: в 1912 г. она составила 2,75 млн чел., несмотря на возросшие в конце XIX в. масштабы эмиграции (преимущественно в Египет и США). Помимо железных, шло строительство также шоссейных дорог, развивалась почтовая и телеграфная сеть. Все эти проекты реализовывались под контролем греческого государства, а не отдавались полностью на откуп иностранным компаниям, что, в свою очередь, требовало значительных государственных инвестиций.

В этих самых инвестициях и состояло самое уязвимое место политики Трикуписа, в конечном счете поставившее крест на его политической карьере. Греческие финансы со времен основания государства никогда не переживали блестящих времен, и трикуписовские проекты стали для них очень тяжелым бременем. Тем более что быстрой отдачи от этих проектов не предвиделось: транспорт, особенно железнодорожный, всегда был и остается убыточной отраслью, почему и находится в большинстве стран на государственном финансировании. Окупиться затраченные Трикуписом деньги могли только за счет роста налоговых поступлений от развития производства и торговли, но и при самых благоприятных обстоятельствах для этого роста требовалось немалое время.

Здесь надо отметить, что со второй половины 1870-х гг. доходная часть государственного бюджета стала быстро расти: если в 1860-е гг. она составляла около 20 млн. дрх. в год, то в 1870-е гг. приблизилась к 40 млн, а к началу XX в. перевалила за 100 млн. В этот прирост необходимо включить доходы, приносимые казне все больше проникавшим в страну иностранным капиталом (французским, английским, немецким), а также поступления от иностранных займов. Займы со времен революции 1821 г. были особой бедой греческого государства. Предоставлялись они под большие проценты, причем реальная сумма займа была, как правило, на 25–30 % меньше номинальной. Значительная часть этих денег тратилась уже за границей на закупку обусловленного займом оборудования или оплату иностранных консультантов, а также на погашение процентов. В конце концов греческое правительство получало в свое распоряжение порядка 20 % всей суммы, большая часть которой расходовалась на погашение дефицита бюджета². На какие-либо инвестиции либо оставались гроши, либо не оставалось ничего.

Чтобы получить средства для проведения реформ, Трикупис провел реформу системы налогообложения. В 1880 г. временно была отменена десятина на продукты земледелия, но на 12 % повышены прочие налоги (государственные монополии, таможенные пошлины и др.). Вместо десятины теперь взимался налог на рабочий скот. Последняя мера оказалась неудачной, поскольку она не принесла ожидаемых доходов казне, зато значительно укрепила позиции новых чифтликотладельцев Фессалии: пользуясь тем, что налог взимался не за землю, а за скот, они постарались переложить его на плечи своих работников³. В результате на сведение баланса бюджета средств не хватило. К тому же уклонение от налогов было широко распространенной практи-

¹ См.: Παπαγιαννάκης Λ. Οι ελληνικοί σιδηρόδρομοι (1882–1910). Γεωπολιτικές, οικονομικές και κοινωνικές διαστάσεις. Αθήνα, 1982.

² См.: Δελλαγραμμάτικας Я. Установление империалистами экономического контроля над Грецией // Вопросы истории. № 11, 1971. С. 98–103.

³ См.: Πρότζας Β. Οικονομία και γαιοκτησία στη Θεσσαλία, 1881–1912. Αθήνα, 1992.

кой, а наладить эффективную систему борьбы с этим злом в условиях реформы можно было нескоро. В 1883 г. дефицит бюджета превысил 10 млн дрх., а в 1885 г. достиг почти 60 млн. Надежда Трикуписа на быструю отдачу со стороны греческой экономики, возможности которой он явно переоценивал, не оправдалась¹.

Пришедший к власти в 1885 г. Делиянис попытался повернуть вспять некоторые из преобразований Трикуписа. Это коснулось главным образом реформы государственной службы и фиска. Государственные посты Делиянис раздал своим сторонникам, а финансовую политику строил на принципах жесткой экономии, сократив расходы даже на образование. Эти меры действительно могли привести к сокращению дефицита бюджета, если бы не внешнеполитические осложнения, повлекшие за собой в конце концов падение самого министерства Делияниса.

Именно в 1885 г. произошло восстание в Восточной Румелии, провозгласившее присоединение этой области к Болгарии. Данный шаг противоречил Берлинскому трактату 1878 г. и потому требовал одобрения со стороны великих держав. Пока державы заседали на посвященной этому вопросу конференции, чрезвычайно обеспокоенная расширением Болгарии Сербия объявила ей войну, которую с позором проиграла. В этих условиях в Афинах начались патриотические демонстрации, требовавшие присоединения к Греции остальной части Эпира и Крита в качестве компенсации за расширение Болгарии. Правительство Делияниса, разделявшее эти настроения, объявило мобилизацию, которая ниспровергла все попытки ликвидировать дефицит бюджета. Между тем державы недвусмысленно предупредили Грецию о негативных последствиях в случае ее вмешательства. Однако Делиянис продолжал держать войска в боевой готовности, пытаясь торговаться с державами и запугивать их возможным восстанием в Греции. После очередного предупреждения в апреле 1886 г. Греции была объявлена морская блокада, и падение правительства Делияниса стало неизбежным.

Вернувшийся к власти Трикупис не смог предпринять каких-либо радикальных мер по оздоровлению государственных финансов, которые все больше страдали от реформ Трикуписа и антиреформ Делияниса. Проведенная Делиянисом мобилизация и содержание армии и флота в боевой готовности в течение нескольких месяцев привели к колоссальному росту дефицита бюджета. Для его покрытия Трикупис заключил новый заем и повысил косвенные налоги. Кроме того, внешний долг Греции продолжал быстро расти по причине заключения новых займов для того, чтобы расплатиться по старым. К 1893 г. платежеспособность Греции упала до критического уровня. Последней каплей стал обвал рынка изюма в 1893 г. Пытаясь поставить ситуацию под контроль, Трикупис ограничил ответственность греческого правительства по процентам, что чрезвычайно обеспокоило иностранных кредиторов. Начались переговоры о греческом долге, затянувшиеся до 1897 г., когда Делиянис сумел наконец договориться с кредиторами. Греческие финансы переходили под управление международной комиссии².

Реформы Трикуписа, а назвать действительно удавшимися мы можем лишь его экономические достижения, имели и свою оборотную сторону. Реализация масштабных общенациональных проектов требовала привлечения большого количества рабочих рук. С одной стороны, это как будто хорошо, так как предотвращает безработицу. Но, с другой стороны, рабочими часто становились вчерашние крестьяне и мелкие ремесленники, т. е. шел отток рабочей силы из традиционных секторов экономики:

¹ Подробнее см.: Πουρνάρας Δ. Χαρίλαος Τρικούπης. Η ζωή και το έργο του. Τ. 2. Αθήνα, 1950.

² См. об этом также параграф «На рубеже веков».

сельского хозяйства и ремесла. Это разрушало традиционную структуру экономики и общества, создавались новые, не вписывавшиеся в привычные условия социальные слои. Таким образом, начатая Трикуписом стремительная модернизация имела и свои негативные стороны. Оценивая политику Трикуписа, которая нашла активное выражение во внутренней политике в противовес сдержанной и осторожной внешнеполитической линии, отдельные исследователи называют его сторонником пути «органической работы», т. е. концепции развития греческой нации преимущественно за счет внутригосударственного строительства. Существует и противоположная точка зрения, обвиняющая Трикуписа в узконационалистических взглядах в противовес вселенскому духу Константинопольской патриархии¹. Думается, истина лежит где-то посередине. С одной стороны, подробное исследование политики как Трикуписа, так и его оппонентов в Греции показывает, что т. н. путь «органической работы» был в Греции не более чем тактическим маневром в условиях неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры. С другой стороны, Трикупис не был и узким националистом: его идеалом было современное ему государство европейского типа, а это государство прежде всего национальное.

Царствование Георга I поначалу казалось очень похожим на царствование Оттона: молодой иностранный принц, при нем временщики, борьба за власть между политическими группировками. Пришедшие на смену старым партиям новые тоже были во многом похожи на своих предшественниц: хотя они и не ориентировались прямо на иностранные державы, но продолжали оставаться «партиями личностей», а существование их целиком и полностью зависело от успешности лидера. Новая конституция, отчасти усовершенствовавшая парламентский строй в стране, не решила важнейшей задачи — создания правительства парламентского большинства. Таким образом, преобразования политического строя из дуалистической монархии в парламентарную не произошло.

Однако поддержка всемогущей Англии, политическая гибкость молодого монарха и удачное стечение обстоятельств позволили предотвратить развитие событий по баварскому сценарию. Политическая борьба ограничивалась межпартийными конфликтами и не привела к формированию оппозиции трону.

В 1870-е гг. наметились новые качественные изменения в политической жизни страны, во многом связанные с деятельностью Х. Трикуписа. Создав свою партию по нетрадиционной для Греции модели, Трикупис фактически заложил основу формирования в стране партийной системы современного типа. Он сумел достичь компромисса в отношениях между парламентом и тронem: в соответствии с конституцией политический строй страны оставался прежним, однако король выразил согласие с принципом создания ответственного правительства. Это был важный шаг вперед на пути к парламентарной монархии.

В 1870–1880-е гг. претерпела некоторые изменения внешнеполитическая доктрина Греческого королевства. Прежде единая, она теперь видимо разделилась на два направления: географический (экспансионистский) вариант и путь «органической работы». Первое направление, предполагавшее скорейший территориальный рост Греции за счет Османской империи, было известно нам уже в предшествующий период. Концепция «органической работы» появилась в теории и практике не ранее конца 1860-х гг. Она также основывалась на «Великой идее» как идеологии, но делала из

---

¹ См.: Καρδαράς Χ. Ιωακείμ Γ' — Χαρ. Τρικούπης. Η Αντιπαράθεση. Από την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη (1878–1884). Αθήνα, 1998.

нее несколько иные выводы. Сторонники «органической работы» полагали, что важнейшим внешнеполитическим приоритетом страны должно быть поддержание мира в регионе и благоприятной дипломатической и внешнеэкономической конъюнктуры. Таковы были необходимые условия для создания экономически сильной и независимой Греции. Именно это направление государственного строительства выдвигалось на первый план. Сторонниками «органической работы» были как Трикупис, так и его политические оппоненты. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что концепция «органической работы» преследовала все ту же цель — создание Великой Греции, включающей в себя все исторически греческие земли. Но, убедившись в невозможности быстрого территориального роста, в том числе и по причине негативного отношения к этой идее великих держав, это поколение греческих политиков предприняло обходной маневр: сосредоточилось на создании прежде всего экономических, а затем и военных предпосылок для осуществления «Великой идеи».

Практическая реализация «органической работы» во внутренней политике нашла свое выражение в серии реформ, запуске дорогостоящих государственных проектов, развитии инфраструктуры, первых шагах по модернизации армии. Все эти мероприятия были необходимы стране, но не могли обеспечить быструю экономическую отдачу. Несоответствие масштабности проектов доступным ресурсам страны привело к финансовому краху и нанесло ощутимый удар по концепции «органической работы» и ее адептам.

...и новые территории

С именем Георга I связано существенное расширение территории Греческого королевства. Поскольку Георг был английским протеже, то в качестве весомого аргумента в его пользу Англия предложила передачу Греции Ионических островов. Желание Англии передать архипелаг Греции имело под собой следующие причины: во-первых, Ионический архипелаг потерял свое стратегическое значение для Англии в связи с приобретением занимавшей гораздо более выгодное положение Мальты. Во-вторых, поддержание своей власти на островах стало для англичан слишком дорогостоящим. В-третьих, королева Виктория надеялась, что передача островов послужит в глазах России признаком незначительности Греции для национальных интересов Англии и тем самым повлечет за собой ослабление внимания самой России к Греции¹.

13 июля 1863 г. в Лондоне было подписано соглашение о передаче греческого престола Георгу Глюксбургу и одновременно о расширении границ Греции за счет Ионических островов. Более подробное соглашение об островах было подписано 3 ноября 1863 г., но без участия Греции, которая настояла на дополнительных переговорах, поэтому окончательный договор появился лишь в марте 1864 г.² Особо выдающуюся роль во время переговоров по этому вопросу сыграл молодой греческий политик Харилаос Трикупис, добившийся от держав (Англии, Франции и России) присоединения островов на наиболее выгодных для Греции условиях. 2 июня 1864 г. архипелаг, жители которого полвека боролись против английского колониального ре-

¹ См.: *Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. (1770–1923). Αθήνα, 1989. Σ. 161.*

² Текст договора см.: *The Foundation of Modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 47–56.*

жима, вошел в состав Греции. Таким образом территория страны увеличилась почти на 2 тыс. кв. км, а число жителей — на 200 тыс. чел.

Однако это событие не имело каких-либо далеко идущих последствий для греческой экономики, поскольку в этом отношении острова мало отличались от других областей Греческого королевства. Для самих островов имелись и негативные последствия присоединения их к Греции: например, была закрыта Ионическая академия, игравшая большую роль в культурной жизни архипелага, погибли, не получая государственного содержания, многие архивы, сохраненные венецианцами, а затем англичанами¹.

Особое место в греческой истории XIX — начала XX в. занимал критский вопрос. Жители острова были активными участниками революции 1821 г., и уже во время переговоров о границах греческого государства дискутировался вопрос о включении в него Крита. Но в конечном итоге Крит остался за султаном, который в соответствии с имевшимися договоренностями передал остров египетскому правителю Мохаммеду Али в качестве платы за услуги по подавлению восстания греков на Пелопоннесе в 1825–1827 гг. Установившаяся на острове египетская администрация была, как это ни парадоксально, более обременительной для мусульман, чем для христиан. В результате уже тогда мусульмане начали продавать свое имущество и покидать остров².

Во время Восточного кризиса 1839–1841 гг. критяне вновь выдвинули свои требования. Но если мусульмане ограничивались требованиями облегчить налоговый гнет и т. п., то христиане стремились к объединению с Грецией. В Афинах тогда не теряли надежды воспользоваться тяжелой для египетского правителя ситуацией, и греческий кабинет сквозь пальцы смотрел на деятельность Критского комитета, который фактически спровоцировал восстание в области Сфакья. Но Греция, испытывавшая давление со стороны держав, не смогла помочь сфакиотам. Крит вновь вернулся под управление султана, а восстание было подавлено турецкими войсками³.

На острове воцарилось спокойствие, длившееся до конца Крымской войны. В это время христианам на острове жилось не так уж плохо, судя по стремительно увеличивавшемуся христианскому населению. Накануне революции 1821 г. на острове проживало 129 тыс. христиан, к 1866 г., несмотря на репрессии революционных лет и восстания, число христиан выросло до 200 тыс. И это при том, что на Крите не были полностью реализованы благоприятствовавшие христианам меры, предусмотренные Гюльханейским хатт-и-шерифом 1839 г. В то же время число мусульман сократилось со 160 тыс. до 60 тыс. чел. Местная администрация в лице Мустафы-паши (до 1852 г.) пресекала злоупотребления со стороны чиновников, упорядочила систему налогообложения⁴. Напротив, назначенный в 1855 г. губернатор Зеки-паша закрывал греческие школы и попустительствовал различным притеснениям христиан⁵.

По окончании Крымской войны султан издал знаменитый хатт-и-хумаюн 1856 г., расширявший права христианских подданных империи. Однако турецкая администрация острова не спешила его исполнять, потому что считала, что христиане и так живут слишком хорошо. Назначенный на Крит в 1861 г. российский консул С. Дендрино

¹ См.: Λυκούρη-Λαζάρου Ε. Τα αρχεία στο νεοελληνικό κράτος έως την ίδρυση των Γενικών Αρχείων (1821–1914). Αθήνα, 1991.

² См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. (1770–1923). Αθήνα, 1989. Σ. 168.

³ См.: Petropoulos J. A. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. Princeton. 1968. P. 490–504.

⁴ См.: Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970. С. 24.

⁵ См.: Там же. С. 25.

также полагал, что на Крите христиане живут в лучших условиях, чем во многих других областях империи¹. Недовольство христиан росло, и уже в 1858 г. 8 тыс. христиан собрались в окрестностях Ханья и, угрожая восстанием, потребовали исполнения султанского указа. Желая их успокоить, султан издал новый указ, расширявший права критских христиан даже по сравнению с хатт-и-хумаюном. Но администрация острова и на этот раз саботировала исполнение указа.

Вплоть до 1866 г. ей удавалось тянуть время с помощью обещаний, тем более что среди лидеров критян не было единства. Одни полагали, что следует действительно добиться обещанных реформ, другие же считали необходимым объединение с Грецией. Наконец в мае 1866 г. состоялось собрание уполномоченных со всех концов острова, которое составило петицию с перечнем предъявляемых Порте требований. Среди них помимо разумных содержались и завышенные, что свидетельствовало об истинных намерениях критян. О своем стремлении воссоединиться с Грецией они сообщили и консулам Англии, Франции и России. Англия выступала противницей объединения, Франция на первом этапе тоже, и только российские консулы всячески поощряли повстанческие настроения среди критских христиан, обещая им поддержку России (которую она действительно оказала). Активизация российской политики по поддержке христианского населения Османской империи в этот период, по мнению И. Г. Сенкевич, была связана с подготовкой условий для отмены ограничительных статей Парижского трактата 1856 г.² Порта отвергла требования христиан, сочтя их чрезмерными, и на остров были отправлены турецкие и египетские войска: в Константинополе вновь обсуждался вопрос о возможной передаче острова Египту.

Прибытие войск, а также обнадеживающая позиция нового греческого военного министра Зимвракакиса дали повод христианским лидерам 22 июля объявить о необходимости взяться за оружие, а еще через месяц провозгласить объединение Крита с Грецией³. В это время мусульманское население острова сосредоточилось в укрепленных городах, а повстанцы обосновались в горных массивах. С конца августа начались боевые действия, принесшие на первых порах несколько побед грекам, однако вскоре счастье стало им изменять. 8 ноября 1866 г. бывший губернатор Крита Мустафа-паша окружил повстанческий центр провинции Ретимно, находившийся в монастыре Аркади. На следующий день, когда турецкие солдаты уже проникли на территорию монастыря, один из повстанцев взорвал пороховой погреб, отправив к праотцам и друзей, и врагов: 450 турок и 400 греков. Для турок, имевших к тому времени 45 тыс. солдат на острове, потеря была невелика, но для греков, чьи силы были значительно меньше, она была очень чувствительна. Это событие стало символом Критского восстания, вызвав сочувствие общественного мнения⁴.

Результатом стал новый подъем филэллинского движения в Европе и даже в еще не оправившихся от гражданской войны США. Стали воссоздаваться филэллинские комитеты, публиковаться сочувственные грекам статьи, собираться по подписке

¹ Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970. С. 30.

² См.: Там же. С. 10.

³ События этого восстания подробно изложены в: Μαμαλάκης Ι. Ο αγώνας του 1866–1869 για την ένωση της Κρήτης. Τ. 1–2. Θεσσαλονίκη, 1942–1947; Преβελάκης Ε. Η μεγάλη Κρητική Επανάσταση 1866–1869. Αθήνα, 1966; Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970.

⁴ См.: Преβελάκης Ε. Η μεγάλη Κρητική Επανάσταση 1866–1869. Αθήνα, 1966.

средства в помощь повстанцам. Самые лихие друзья греков отправились прямо на Крит. К концу 1866 г. усилилась и дипломатическая поддержка повстанцев: Франция сочла более выгодным перейти на сторону России. Таким образом она надеялась связать инициативу России в восточном вопросе. Позиция Англии осталась непреклонной.

Грецию в это время сотрясал взрыв патриотизма, усиленно раздуваемый прессой. Сам король Георг обратился к державам с просьбой о дипломатической поддержке в случае участия Греции в боевых действиях. Действительно, уже в октябре, когда восстание охватило весь остров, около 800 добровольцев во главе с генералом Паносом Коронеосом и полковником Иоаннисом Зимвракакисом (братом военного министра) отправились из Греции на Крит. В ноябре на остров были направлены грузы с оружием и боеприпасами и новые группы добровольцев, в том числе филэллинов из Европы¹. Велась подрывная работа и в других провинциях Османской империи (Фессалия, Эпир), где планировалось начать восстание весной 1867 г. Коронеос и Зимвракакис наряду с некоторыми местными капитанами взяли на себя руководство действиями повстанцев. Восстание длилось три года, и все это время греки, будучи не в состоянии собрать крупные силы, использовали традиционную тактику ведения партизанской войны. Она не могла доставить им крупных побед, но постоянно изматывала силы противника. Крит в это время превратился в одну из самых острых проблем Османской империи.

Между тем уже с мая 1866 г. Греция вела переговоры о военном союзе с Сербией². Последняя надеялась, опираясь на Критское восстание, добиться ликвидации турецких военных баз на своей территории. Соответствующий документ был подготовлен сербским князем Михаилом. Его представление султану совпало с изменением позиции Франции в восточном вопросе. В ноябре 1866 г. Наполеон III направил Порте письмо с требованием очистить сербские крепости и предоставить автономию Криту. Но Порта, заручившись поддержкой англичан, поступила хитро. Она разделила эти требования и выполнила только первое из них, на время поссорив, таким образом, греков и сербов. Греко-сербские переговоры были прерваны. Даже несмотря на последующее заключение военного союза, у греков надолго осталось впечатление, что сербы воспользовались восстанием на Крите, чтобы избавиться от турецких военных баз и обрести таким образом полную фактическую независимость.

В декабре 1866 г. в Греции пятое правительство Д. Вулгариса с Э. Делигеоргисом на посту министра иностранных дел сменило воинственно настроенное третье правительство А. Кумундурса, где МИД возглавил Х. Трикупис, убежденный сторонник совместных действий балканских держав. Дабы затянуть время и попытаться подготовиться к возможной войне с Турцией, а также использовать европейское общественное мнение для давления на свои правительства, новый греческий кабинет сделал вид, что стремится к урегулированию отношений с Турцией. Тем временем он продолжал переправлять повстанцам помощь на кораблях с характерными названиями «Крит», «Аркади» и «Эносис» («Объединение»), одновременно распространяя информацию о злодеяниях турок на острове. Такая позиция еще более обозлила турок и привела к новым жестокостям с их стороны. Варварское уничтожение деревень на Крите

¹ О филэллинском движении в России в этот период см.: Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970; Piatigorskii G. The Cretan Uprising of 1866–1869 and the Greeks of Odessa // *Modern Greek Studies Yearbook*. Vol. 14/15 (1998/1999). P. 129–148.

² См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. (1770–1923). Αθήνα, 1989. Σ. 164–167.

привело к тому, что Россия и Франция были вынуждены направить туда свои эскадры, с тем чтобы эвакуировать часть жителей¹.

Подготовка к войне с Турцией в качестве необходимого элемента включала в себя совместные действия с другими балканскими государствами. Создание союза балканских государств входило также в планы России. Поэтому, когда король Георг по случаю помолвки с великой княжной Ольгой находился в России, Александр II заверил его, что Россия будет способствовать такому развитию событий. В свою очередь сербы, обеспокоенные позицией Австрии, стремились к возобновлению переговоров с греками. В итоге в августе 1867 г. греко-сербские переговоры были возобновлены в условиях строгой секретности. В том же месяце они привели к заключению первого греко-сербского военного союза. Трикупис начал также переговоры с Черногорией и Румынией. Но они оказались безрезультатными, поскольку румыны усомнились в успешном исходе восстания на Крите, а также в силах и боеспособности собственно греческой армии.

Согласно греко-сербскому соглашению военные действия против Турции планировалось начать в марте 1868 г. Сербия должна была выставить 60 тыс. чел., Греция — 30 тыс. чел. плюс флот. Программа-минимум по части приобретений за счет Османской империи включала в себя Боснию и Герцеговину для сербов и Фессалию и Эпир для греков, максимум — Македонию для греков и Старую Сербию для сербов. Обе державы брали на себя обязательство взаимопомощи в случае нападения Турции, а также обязывались стремиться к привлечению в союз других государств. Король Георг получил текст соглашения для ратификации, еще находясь в России, и далеко не сразу согласился его подписать, хотя премьер Кумундурос пугал его общенациональным восстанием против монархии. Георга беспокоила позиция России, которая не собиралась вступать в войну, а также слабость не только собственных, но и сербских сил. В конце концов король ратифицировал текст соглашения, но с двумя оговорками: военные приготовления должны были быть ускорены, в то же время обе стороны брали на себя обязательство не провоцировать турок на агрессивные действия².

В это время Порта, видя, что ситуация не поддается разрешению и опасаясь потерять Крит, решила пойти на некоторые уступки. Осенью 1867 г. на остров отправился сам великий визирь Аали-паша. Он объявил об амнистии участникам восстания и предложил христианским лидерам план административной реформы острова³. Согласно его проекту Крит должен был составить единый вилайет, который делился на пять епархий (санджаков) и 20 уездов. Губернатор острова — вали — должен был быть мусульманином, но два из трех его заместителей — христианами. При вали предполагалось создать консультативный совет, в который вошли бы как мусульмане, так и христиане. Аналогичным образом предполагалось построить систему управления на уровне епархий, причем допускалось назначение на должности мутасаррифов (санджак-беев) христиан. В этом случае их заместители должны были быть мусульманами. Предполагалось также ввести два государственных языка: турецкий и греческий. На всех уровнях предстояло создать представительные органы, включавшие и мусульман, и христиан⁴.

Помимо этого визирь обещал на два года освободить остров от десятины, на следующие два года уменьшить ее вдвое и вообще не вводить никаких новых налогов.

¹ См.: Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970. С. 196.

² См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. (1770–1923). Αθήνα, 1989. Σ. 178–181.

³ См.: Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970. С. 97–98.

⁴ См.: Davison R. Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, 1963.

Чтобы склонить население на свою сторону, Аали не скупился на подарки и распорядился доставить продовольствие в голодающие деревни. Однако все эти усилия ни к чему не привели, поскольку лидеры повстанцев, вдохновляемые Кумундуром, взявшим курс на войну с Турцией, отказались идти с Портой на компромисс.

В самой Греции события развивались следующим образом. В ноябре из России в страну вернулся король с молодой женой. К этому времени он уже твердо знал позицию России — всячески избегать войны с Турцией. Позиция эта была вполне оправданной: Россия еще не оправилась от последствий Крымской войны, и первоочередной задачей Горчакова было аннулирование Парижского трактата¹. Однако премьер Кумундурос всячески стремился втянуть Грецию в войну. Положение короля Георга было очень непростым. В конце ноября премьер получил вотум доверия в парламенте, поэтому отправить его в отставку было сложно. Пользуясь своим успехом, Кумундурос провел через парламент законопроекты о новых крупных вложениях в армию и флот, а также о материальной помощи критским беженцам. Соответствующие документы были представлены на подпись королю. Попросту говоря, Кумундурос пытался вынудить колебавшегося монарха следовать своей политической линии.

Король, хотя и подписал эти документы, стал уговаривать Кумундуроса отправить в отставку наиболее воинственных морского министра Гриваса и министра юстиции Ломбардоса. В это же время стало известно о том, что Франция опять перешла на сторону Порты. Из держав-покровительниц на стороне греков осталась только Россия. В результате в середине декабря Кумундурос подал в отставку. Король в этой ситуации вновь предложил кресло премьера гораздо более миролюбивому Вулгарису, но тот потребовал распустить парламент. Опасаясь волнений в стране, король не смог решиться на этот шаг. Формирование правительства было поручено А. Мораитинису, портфель министра иностранных дел достался П. Делиянису. Но это правительство оказалось нежизнеспособным, и уже в январе 1868 г. король снова обратился к Вулгарису. На этот раз Георгу пришлось принять его требование распустить парламент. Новые парламентские выборы были назначены на март 1868 г. Такая «симпатия» монарха к Вулгарису имела свое объяснение: Георг был ставленником англичан, Вулгарис также был известен своим англофильством.

Придя к власти, Вулгарис взял курс на умиротворение Крита². Он официально потребовал предоставления Криту автономии и обратился к державам с просьбой поддержать это требование. Это означало, что восстание будет подавлено, а Крит останется в составе Османской империи. Через своих агентов Вулгарису удалось склонить на свою сторону некоторых критских капитанов, обратившихся к Англии с просьбой о посредничестве. Делиянис, несмотря на противодействие оппозиции в новом парламенте, сумел добиться того, что Национальное Собрание Крита также обратилось с аналогичной просьбой к англичанам. На эти обращения был получен ответ, что Порта и так пошла на уступки повстанцам. На эти уступки им предлагалось согласиться, а англичане обещали проследить за тем, чтобы соглашения с Портой неукоснительно выполнялись.

К весне 1868 г. относится смена российского курса в восточном вопросе. Видя упорство критян и нетвердую позицию Греции, русская дипломатия предложила компромиссный вариант: создание на Крите автономного княжества во главе с ка-

¹ См.: Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871. К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 35.

² См.: Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970. С. 149.

ким-нибудь иностранным принцем. Англия и Франция выступили категорически против. Глядя на них, не согласился с русским планом и Георг. Действуя совместно с Вулгарисом, он сумел уменьшить патриотический пыл в Афинах. Запланированное на март 1868 г. совместное с сербами выступление против турок так и не состоялось. Вскоре греко-сербский союз вообще утратил свое значение: в конце мая Михаил Обренович был убит и к власти в Сербии пришли иные силы. Страна стала проводить более осторожную внешнюю политику, и вопрос о войне с Турцией был отложен¹.

Несмотря на, по-видимому, миролюбивую политику кабинета Вулгариса, в позиции Греции по критскому вопросу продолжала сохраняться определенная двойственность. Действовавший в Афинах Критский комитет продолжал сбор помощи для повстанцев и почти открытую вербовку добровольцев. Эта двойственность приводила в недоумение парламентскую оппозицию, требовавшую от правительства прояснить внешнеполитическую линию, а также производила не вполне желательное впечатление на турок. Видя, что официальная Греция готова отказаться от помощи повстанцам, силы которых таяли, Порты решила отказаться от всех предложенных и отвергнутых восставшими уступок и взяла курс на подавление восстания. С конца 1867 г. она стала использовать весьма плодотворную тактику в борьбе с повстанцами: в стратегически важных пунктах острова размещались укрепленные гарнизоны, препятствовавшие перемещению отрядов повстанцев и подвозу продовольствия и боеприпасов. В то же время на Крит перебрасывались новые гарнизоны, наносившие все новые поражения партизанским отрядам².

Среди повстанцев уже не было прежнего единства: часть капитанов продолжала настаивать на присоединении Крита к Греции, тогда как другая часть, обратившаяся с просьбой о посредничестве к Англии, готова была согласиться на автономию. Эти капитаны были готовы и сложить оружие. Однако радикальная часть повстанцев продолжала отчаянно сопротивляться, провоцируя турок на новые жестокости, которые, в свою очередь, делались достоянием международного общественного мнения, выступавшего в поддержку греков. Продолжать сопротивление повстанцев убеждали и находившиеся на Крите консулы России, Греции и США.

В условиях ужесточения позиции Порты Вулгарису, явно перестаравшемуся в демонстрации своих миролюбивых намерений, пришлось пойти на новый поворот курса. Теперь политика Греции в отношении Турции стала вызывающе враждебной. Дело дошло до того, что добровольцы вербовались на улицах Афин совершенно открыто, причем среди них были люди в военной форме. В начале ноября 1868 г. 200 добровольцев в военной форме во главе с офицером греческой армии Петропулакисом на глазах у всех отправились на Крит³. Эти действия вызвали ноту протеста со стороны Порты, поддерживаемой Англией и Францией. Русский посол в Константинополе Игнатьев, надеясь, что ему удастся создать коалицию с представителями других держав в поддержку греков, рекомендовал Афинам отвергнуть претензии турок. Однако Игнатьев не совсем верно оценил обстановку, и единственное, чего ему удалось добиться, была пятидневная отсрочка, за время которой державы могли оказать давление на греческое правительство.

Однако 27 ноября греческое правительство отвергло все претензии Порты. За этим последовал турецкий ультиматум с угрозой разрыва дипломатических отношений в том

¹ См.: Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

² См.: Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970. С. 152.

³ См.: Там же. С. 187–188.

случае, если в течение пяти дней греческие добровольцы не покинут Крит, а критские беженцы не будут отправлены домой. 3 декабря греческое правительство ответило отказом, а на следующий день Порты объявила о разрыве дипломатических отношений с Грецией.

В это же время греческое судно «Эносис», следовавшее на Крит с очередной партией добровольцев и необходимых повстанцам грузов, было блокировано в порту Сироса турецкой эскадрой во главе с бывшим английским морским офицером Хобарт-пашой. Турецкий адмирал потребовал от властей острова арестовать судно, но губернатор отказался это сделать без приказа из Афин. Однако греческое правительство отдало совсем другой приказ: потребовать от Хобарта очистить территориальные воды Греции. В подкрепление оно послало на Сирос свою эскадру. Начало боевых действий было предотвращено благодаря вмешательству Франции. Хобарт покинул Сирос, но курсировал поблизости, не позволяя «Эносису» следовать по назначению. Отряд Петропулакиса на Крите, не получая подкреплений, потерпел несколько поражений подряд и в конце декабря 1868 г. вынужден был капитулировать. Боевые действия на острове завершились.

Они не получили продолжения в связи с желанием держав-покровительниц предотвратить открытое столкновение между Грецией и Турцией. По инициативе А. М. Горчакова была созвана международная конференция в Париже. Она начала свою работу 28 декабря 1868 г. В ней согласились принять участие Франция, Австрия и после долгих колебаний Англия. Там разрешили присутствовать и представителю Греции с совещательным голосом.

Первым делом державы позаботились о сохранении на время работы конференции status quo между Грецией и Османской империей. Порты согласилась на это с радостью, а от Греции так и не было получено ответа. Затем державы выработали декларацию о принципах дальнейших взаимоотношений между Грецией и Турцией. В соответствии с ней на Грецию налагались следующие обязательства: не допускать появления на собственной территории вооруженных формирований, имеющих целью антитурецкие действия, аналогичное требование касалось и действий на море, а также транспортных кораблей. Иными словами, Греция должна была распустить все добровольческие отряды и прекратить поставку помощи критским повстанцам. Порты обязывалась возместить грекам — османским подданным ущерб от восстания, принять назад критских беженцев и не отказываться от репрессивных мер в отношении подданных Греции. Порты сразу одобрила эту декларацию, но на Грецию державам пришлось оказать серьезный нажим.

В Афинах известие о декларации стало причиной серьезного политического кризиса. 21 января 1869 г. Вулгарис, отказавшись принять эту декларацию, ушел в отставку. Его правая рука Делигиоргис отказался участвовать в любом правительстве, которое примет декларацию. Заимис поставил королю почти невыполнимые условия: полная свобода действий, право распускать парламент, принятие декларации с оговорками и издание специального обращения к греческому народу, в котором правительство сняло бы с себя ответственность за принятие декларации, ссылаясь на давление со стороны держав. Король тогда предложил сформировать правительство С. Валаоритису, но тот не справился с этой задачей.

В этой ситуации 23 января Георг пригласил к себе дипломатических представителей держав и заявил, что если они ему не помогут, то он лично отправится в Париж¹.

¹ См.: Dakin D. Η ενopoίηση της Ελλάδας. (1770–1923). Αθήνα, 1989. Σ. 187.

На следующий день Заимис согласился сформировать правительство, а 25 января оно приняло Парижскую декларацию, одновременно издав весьма туманное обращение к народу, где вся вина за неудачи греков возлагалась на правительство Вулгариса. Затем правительство приступило к эвакуации добровольцев с Крита и репатриации беженцев. По завершении операций этих 6 февраля 1869 г. были восстановлены дипломатические отношения с Османской империей.

На самом Крите был введен в действие Органический статут (некое подобие конституции) на основе проекта, предложенного Аали-пашой еще в 1867 г. Цель присоединения к Греции достигнута не была, но автономия острова расширилась. Тем не менее греки считали, что их положение не улучшилось по сравнению с 1866 г.¹

После Критского восстания на некоторое время Греция сосредоточилась на решении своих внутренних проблем. Отчасти это было связано с осознанием недостаточности сил для продолжения борьбы за расширение границ. Другим фактором, охлаждавшим пыл греков, было оказываемое державами-покровительницами давление. Так, в 1871 г. во время международной конференции, определявшей положение в Европе после франко-прусской войны и отдельно рассматривавшей черноморскую проблему, греки попытались поучаствовать в обсуждении с предложением подкорректировать границы в пользу Греции, с тем чтобы облегчить борьбу с разбойничеством. Их претензии были единодушно отвергнуты державами, в том числе и Россией, не заинтересованной в осложнениях на Балканах в такой ответственный момент, когда Горчаков добивался отмены ограничений на Черном море, наложенных на Россию Парижским трактатом 1856 г.

Таким образом, это внешнее спокойствие не означало отказа от попыток осуществления «Великой идеи». Имперская идеология продолжала оставаться краеугольным камнем греческой внешней политики вплоть до своего конца в 1922 г.

Король Георг, как и его предшественник, незаслуженно обвинявшийся в пренебрежении национальными интересами, был вполне убежденным сторонником этой доктрины. Однако он был достаточно трезвым политиком, чтобы понимать необходимость дождаться благоприятного момента для выдвижения своих территориальных претензий. К тому же он реально представлял себе боеспособность греческой армии, а потому любой ценой старался избежать втягивания страны в войну. Эта позиция, имевшая под собой очень веские основания, была единственно разумной в той ситуации. Всякие же призывы к немедленному началу боевых действий против турок можно расценивать не иначе, как авантюру. К тому же, как полагают исследователи, позиции Порты в начале 1870-х гг. были достаточно прочными².

Для создания действительно боеспособной армии и конкурентоспособной экономики, которая смогла бы выдержать тяготы военного времени, Греция нуждалась в серьезной модернизации, предполагавшей создание не только уже нарождавшейся легкой, но и тяжелой промышленности с оборонными отраслями. Поэтому решение наиболее остро тогда стоявшего критского вопроса пришлось пока отложить.

Между тем спокойствие в греческой внешней политике было кажущимся: у греков назревали новые проблемы, на этот раз не только с турками. Мы уже говорили о том, что с начала XIX в. на Балканах активно пошел процесс национального возрождения у христианских народов. Успехи греков вдохновляли их соседей, прежде всего

¹ См.: Ραφανλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους. Αθήνα, 1993. Σ. 44–45.

² См.: Jelavich B. The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question, 1870–1887. L., 1973. P. 152.

сербов и болгар. Мы уже видели, как сербы и греки пытались совместно выступить против турок во время Критского восстания, но дело кончилось обидой греков. Этот весьма симптоматичный исход предвещал близкое начало конфликтов в балканском антитурецком лагере.

Первым крупным такого рода конфликтом стал греко-болгарский церковный раскол. Трения между греками и болгарами по церковному вопросу уходили корнями в эпоху установления власти османов на Балканах. К тому времени болгары, как известно, имели и свою государственность, и свою церковь. За столетия османского владычества константинопольские патриархи, пользуясь своим статусом этнарха, т. е. главы всех христианских подданных империи, сумели постепенно лишить негреческие народы империи национальных церквей. Независимость или автономия национальных церквей ликвидировались, епископат назначался только из греков, греческий язык становился единственно разрешенным языком богослужения, а следовательно, в значительной степени и грамотности вообще. Остатков самостоятельности сербская и болгарская Церкви лишились в середине XVIII в. при патриархе Самуиле II. Болгары и по сей день считают, что в то время жили в условиях двойного рабства: турецкого и греческого¹. Интересно, что греческие историки, часто идеализируя эпоху ромейского миллета, указывают на его этническую и языковую неоднородность уже во время его институализации (середина XVIII в.), видя в этой ситуации причину будущих конфликтов².

Политика церковной элинизации затронула не только Балканы, где национальные поместные церкви были формально ликвидированы, но также Ближний Восток (Антиохийский и Иерусалимский патриархаты) и Египет (Александрийский патриархат). Но если балканские народы сумели вернуть себе национальные церкви, то на Ближнем Востоке восстановить положение удалось лишь отчасти: преодолевая упорное сопротивление греков и при поддержке России православные арабы смогли вернуть себе Антиохийский патриархат. Иерусалимский и Александрийский патриархаты до сих пор находятся в руках греков.

В результате пробуждение национального самосознания и борьба за национальную независимость у сербов и болгар были связаны с обретением не только политической независимости от турок, но и церковной независимости от греков. Для сербов, уже с 1830 г. имевших и постепенно расширявших свою политическую автономию, церковный вопрос стоял не так остро, как для остававшихся под властью турок болгар. Болгары же начиная с 1820-х гг., т. е. с эпохи греческой революции 1821 г., стали выдвигать требование назначать епископами в епархии с преимущественно болгарским населением этнических болгар. Реальные основания для воплощения в жизнь эти чаяния получили в связи с началом реформ танзимата. Но тут требования болгар встретили жесткое сопротивление со стороны патриархии, не желавшей идти ни на какие компромиссы³. Отказ патриарха предоставить некоторую церковную автономию болгарам мотивировался наднациональным характером

¹ См.: Галчев И. Българското самосъзнание на населението в Македония през възраждането. София, 2000. С. 21–69.

² См.: Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προς μια ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003. Σ. 356.

³ Примеры такого рода см.: Теплов В. Н. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889.

церкви. Между тем болгары рассматривали свои действия как борьбу за освобождение от греческого духовного рабства и возрождение национальной культуры и своей исторической Церкви¹.

В 1860 г. болгарская община Константинополя пошла на открытый конфликт с патриархом: ее лидеры заявили, что разрешение на отправление культа они получают не от патриарха, а от султана. Примеру столичных болгар последовало около трех десятков болгарских приходов. Они объявили о создании Болгарской церкви во главе с епископом Илларионом Стояновичем². Эти действия автономистов или, говоря церковным языком, схизматиков нашли поддержку со стороны Австрии и Франции, стремившихся создать в Болгарии Униатскую церковь, России, старавшейся этого не допустить, а также поддержать братьев-славян, и, наконец, самой Великой Порты, пытавшейся использовать греко-болгарские противоречия как средство давления на греков и внутри империи, и в Греческом королевстве.

В этой ситуации патриарх Григорий VI (1867–1871) решился пойти на уступки: он согласился назначить нескольких болгар епископами и разрешить употребление болгарского языка в школах и за богослужением. Но было уже поздно. Почувствовав поддержку со стороны Порты, болгары расширили свои требования: они стремились к созданию автокефальной церкви. Затем, в условиях Критского восстания и расширения сербской автономии, патриарх вынужден был пойти на еще большие уступки: он был готов признать автономию Болгарской церкви, предоставив в ее юрисдикцию территорию от Дуная до Балканского хребта. Однако болгары надеялись получить из рук Порты также Восточную Румелию и Македонию, а потому это предложение отвергли. Тогда русский посол в Константинополе Игнатьев, отстаивавший позицию России, заинтересованной в мирном урегулировании конфликта, предложил компромиссный вариант: по его инициативе был составлен совместный греко-болгарский комитет, предложивший создать Болгарскую церковь, часть епархий которой находилась бы под управлением греков, часть — болгар, часть — сербов и, наконец, некоторые епархии — в совместном греко-болгарском управлении. Патриархия этот проект отвергла.

Между тем Порта, подталкиваемая англичанами, стремившимися использовать греко-болгарские противоречия в своих интересах, приняла решение о создании автономной Болгарской церкви. 11 марта 1870 г. был издан фирман, в соответствии с которым Болгарская церковь должна была состоять из 17 митрополий, а главой ее признавался епископ с титулом экзарха, избираемый Синодом. Предусматривалась возможность присоединения к Болгарской церкви новых епархий в случае желания двух третей их жителей, высказанного на референдуме. Патриарх отказался признать этот акт. В феврале Синод Константинопольской церкви 1872 г. объявил Болгарскую церковь еретической (болгары обвинялись во внесении национальных разногласий в жизнь Церкви) а затем подверг отлучению ее экзарха и епископат³.

¹ См.: Галчев И. Българското самосъзнание на населението в Македония през възраждането. София, 2000. С. 21–69.

² Подробнее см.: Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 225–233.

³ Подробнее о развитии событий см.: Ματάλας Π. Ἐθνὸς καὶ Ὁρθοδοξία. Οἱ περιπέτειες μιᾶς σχέσης. Από το «ἐλλαδικό» στο βουλγαρικό σχίσμα. Нράκλειο, 2003; Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση καὶ ἐκκοσμίκευση. Πρὸς μιᾶ ἀνασύνθεση τῆς ἱστορίας τοῦ Οἰλουμενικοῦ Πατριαρχείου τὸν 19^ο αἰῶνα. Αθήνα, 2003.

Новоопределенная ересь была окрещена этнофилетизмом (εθνοφιλειτισμός)¹. Этот филологический монстр², прикрывавший вполне политические мотивы действий Константинопольской патриархии, выражал всю гамму чувств, которые греческое духовенство испытывало к болгарам: от ненависти до презрения.

Таким образом, не разрешенный в самом начале конфликт принял форму церковного раскола, преодолеть который удалось лишь через несколько десятилетий. Такое развитие событий нанесло новый удар по «Великой идее» греков, сократив территорию их влияния на Балканах. Греческая историография высказывает две точки зрения, оценивая греко-болгарский конфликт. Одна из них рассматривает его как антиномию между вселенским православием, выразителем которого был патриарх, с одной стороны, и болгарским национализмом, с другой³. Вторая точка зрения более объективна: она признает за действиями патриархии противостоящий болгарскому греческий национализм⁴. Действительно, последний нашел удобную форму для самовыражения под прикрытием патриарха, чей образ греки пытались отождествить со вселенским характером православия. С сожалением греческие историки констатируют и тот факт, что пагубный пример внесения национального в жизнь Церкви подали сами греки, подготовившие вместе с баварцами церковную реформу в греческом королевстве в 1833 г.⁵ Примечательно, что именно в 1860-е гг. произошло реформирование системы управления патриархией: отныне в ней стали принимать большое участие миряне, значительно потеснившие клириков⁶. Это означает, что в данный период времени патриархия становится действительно национальным центром константинопольских греков, все более утрачивая остатки своей вселенскости. Теперь защита греческих национальных интересов (а не интересов православного населения в целом) все более входит в ее идеологию и повседневную жизнь. В сотрудничестве с патриархией на этой ниве активно действовали появившиеся в это время греческие общественные организации, такие как Константинопольское греческое филологическое общество (1861–1922). Некоторые историки вообще склонны рассматривать их деятельность как образец национального конструирования⁷.

1860–1870-е гг. стали поворотными и в греко-русских отношениях. Ослабление международных позиций России, вызванное поражением в Крымской войне, привело к пересмотру русской политики на Балканах. Русская дипломатия не стала прилагать усилия по восстановлению утраченных в 1840–1850-е гг. позиций в Греции, а переориентировалась на не только конфессионально, но и этнически близкое славянское население Балкан. В то же время Греция получила первые приращения к своей терри-

¹ В настоящее время делаются попытки научного обоснования этого понятия. См.: Венедиктов В. Ю. Россия и Константинопольский патриархат: этноконфессиональный диалог второй половины XIX века // Вопросы культурологии. 2008. № 1. С. 20–23.

² Έθνος — «народ», φυλή — «племя, раса».

³ См.: Kitromilides P. Imagined Communities and the Origins of National Question in the Balkans // Modern Greece: Nationalism and Nationality. Athens, 1990. P. 56.

⁴ См.: Ματάλας Π. Έθνος και Ορθοδοξία. Οι περιπέτειες μιας σχέσης. Από το “ελλαδικό” στο βουλγαρικό σχίσμα. Ηράκλειο, 2003. Σ. 4.

⁵ См.: Παπαδόπουλος Χ. Ιστορία της Εκκλησίας της Ελλάδος. Τ. Α'. Αθήνα, 1920. Σ. 114.

⁶ См.: Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Αθήνα, 2003. Σ. 280 επ.

⁷ См., напр.: Εξερτζόγλου Χ. Εθνική Ταυτότητα στην Κωνσταντινούπολη τον 19° αιώνα. Ο Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος Κωνσταντινουπόλεως, 1861–1912. Αθήνα, 1995. Σ. 174.

тории, лишь возбуждавшие аппетит экспансионистски настроенных кругов. Обе страны: и Греция, и Россия — добивались ликвидации Османской империи, но при этом объекты их вожделений, главным из которых был Константинополь, совпадали. Этим было обусловлено начавшееся взаимное отчуждение. Кроме того, греки болезненно воспринимали усилия европейской, в том числе и русской, дипломатии по ограничению церковного и культурного господства греков в тех областях, которые греки традиционно считали сферой своего влияния (Сирия, Египет, славянские области Балкан).

Однако дальнейшее развитие событий очень скоро возродило их надежды на территориальный рост. В 1875 г. на Балканах началось новое широкомасштабное повстанческое движение, повод к которому подал визит Франца Иосифа в Далмацию, а также неурожай, от которого больше всего пострадали крестьяне в Герцеговине. Рассчитывая на помощь Австрии и России, они подняли восстание, которое вскоре охватило Боснию, а затем и Болгарию. Горчаков и австрийский канцлер Андраши разработали совместную программу реформ в этих областях и предложили ее султану. Порты с этой программой согласилась, но повстанцы ее отвергли, ссылаясь на отсутствие гарантий. После этого Россия и Австрия при поддержке Германии (Союз трех императоров) в мае 1876 г. приняли Берлинский меморандум, представлявший собой усовершенствованную программу реформ. Затяжные переговоры по этой программе, а также обида Англии, которую позвали туда последней, не позволили вовремя ее реализовать и погасить очаг восстания, продолжавший расширяться.

В стороне от этих событий не могли остаться и другие балканские державы. В июне 1876 г. Сербия, а за ней и Черногория объявили войну Турции. Разумеется, в этих условиях сербы вспомнили о заключенном в 1867 г. союзе с греками и попытались его возобновить. Однако находившееся у власти в Греции с октября 1875 г. по ноябрь 1876 г. пятое правительство Кумундуроса, так же как и румынское правительство, предпочло занять выжидательную позицию, надеясь руками славян ослабить Порту, а потом выдвинуть к ней свои претензии. Поэтому Кумундурос ответил сербам, что Греция к войне не готова, и официально объявил о политике невмешательства. Получив известие о начале сербско-турецкой войны, греческое правительство не только не поспешило навстречу единоверным сербам, но даже разослало своим консульским представителям в Османской империи циркуляр, в котором им предписывалось всячески удерживать османских греков от вооруженных выступлений¹.

В то же время правящие круги Греции сквозь пальцы смотрели на то, как Л. Вулгарис вел с сербами переговоры о совместной организации восстания в Эпире. Однако и здесь правительство Кумундуроса вело двойную игру: оно считало, что в тот момент восстание в Эпире и Фессалии принесло бы больше пользы сербам, а потому через своих консульских агентов дало знать эфирским капитанам, что время еще не пришло. Кумундурос, а также все крупнейшие политики полагали, что Англия вознаградит их за хорошее поведение, и помнили, как удачно сложилась ситуация для сербов в 1867 г. Но не все в Греции разделяли это убеждение: среди общественности было распространено мнение, что, пока греки будут сидеть сложа руки, Балканы полностью окажутся в руках славян. В Афинах прошли патриотические манифестации, и королю становилось все труднее сдерживать этот напор.

Быстрое расширение восстания на Балканах не оставило равнодушными и турок. Среди мусульманского населения Османской империи стали расти антиевропейские

¹ См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 195–198.

и антихристианские настроения, подогреваемые улемами. Они считали виновниками всех бед христианские государства Европы и направили гнев толпы против их представителей. Наиболее драматично события развивались в Салониках, где толпа фанатиков устроила погром, закончившийся убийством консулов Германии и Франции (6 мая 1876 г.). Эти события вызвали немедленную реакцию со стороны держав, которые направили район Салоник свои военные корабли. В этой акции, мотивировавшейся необходимостью защитить жизнь своих подданных, принимала участие и Греция¹.

Между тем накалилась обстановка в османской столице, где произошла мощная манифестация студентов духовных учебных заведений, требовавших отставки великого визиря Махмуд-паши, которого обвиняли в прорусской политике. Демонстранты требовали проведения более жесткой внешней политики. Махмуд-паша был отправлен в отставку, а его место занял известный своей русофобией Мехмет Рушди. Эти перемены обострили отношения между Портой и Россией, которые шли к войне.

Русско-турецкие отношения еще более ухудшились в результате происшедшей 30 мая 1876 г. революции в Константинополе, в ходе которой султан Абдул Азиз, готовый идти на уступки России, был свергнут. После трехмесячного правления Мурада V, который оказался душевнобольным, его место занял гораздо более непримиримый Абдул Хамид². Организаторов переворота поддерживала не только английская дипломатия, препятствовавшая любым начинаниям России в восточном вопросе, но и константинопольские греки. Они полагали, что, сменив султана, смогут остановить угрожающее греческим интересам продвижение России на Балканах.

В результате предательства греков и румын Сербия, Черногория и еще не существовавшая как государство Болгария могли рассчитывать только на свои небольшие силы. Очень скоро сербские и черногорские войска были разбиты, а за действия болгарских партизан (гайдуков) самым жестоким образом поплатились болгарские деревни. В этой ситуации Россия предложила Порте план создания в Европейской Турции нескольких автономных княжеств. Однако Порта при поддержке Англии этот проект отвергла. Отвергнув предложение держав о создании автономных княжеств на Балканах, новое султанское правительство надеялось усмирить страсти при помощи конституции, опубликованной в том же 1876 г. В ней содержались обещания предоставить свободу и равенство прав всем подданным империи независимо от вероисповедания. Однако такая постановка вопроса уже не могла удовлетворить ни славянские народы Балкан, ни Россию.

В марте 1877 г. турки отвергли последнее, поддержанное и другими державами предложение России о реформах в европейских провинциях. Порта ясно сознавала, что дело идет к войне, но надеялась повторить сценарий двадцатилетней давности. Между тем положение с тех пор изменилось: после начала боевых действий в апреле 1877 г. Австрия, Франция и Германия не выказали враждебности в отношении России. Англия ограничилась предупреждением не трогать стратегически важные для нее области³.

Стремительное продвижение русских войск не на шутку беспокоило греков: теперь даже самые умеренные греческие политики должны были согласиться с необходимостью что-то предпринять. В Афинах начались военные приготовления, на се-

¹ См.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986.

² См.: Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 554–559.

³ О международной обстановке и целях России в войне см.: Чернов С. А. Россия на завершающем этапе восточного кризиса: 1875–1878. М., 1984.

верных границах была сосредоточена 35-тысячная армия. Оказывалась неофициальная поддержка действиям партизан в Эпире, Фессалии, Македонии. Большую роль в этом, как и прежде, играли патриотические общества. В то время в Афинах их действовало три: «Этники амина», «Фереос» и «Адельфотита», а также имевший широкие связи и в Греции, и среди подвластного турками населения Л. Вулгарис. Они перебрасывали на территорию Османской империи разбойничьи шайки, снабжали их деньгами и оружием. Эти общества строили планы поднять восстания не только в Эпире и Фессалии, но также в других населенных греками областях, вплоть до Малой Азии и Кипра¹.

В июне 1877 г. коалиционное правительство Канариса (май 1877 г. — январь 1878 г.) решило взять эти общества под свой контроль, чтобы не допустить их преждевременных действий. Их объединили в структуру, во главе которой был поставлен центральный комитет, подчиняющийся непосредственно правительству. На Саламине был организован лагерь для обучения 150 добровольцев, набранных Вулгарисом для отправки в Македонию. Однако, получив известие о том, что русские войска не могут взять Плевну, греческое правительство охладело к идее быстрого вступления в войну. Саламинский лагерь был закрыт, хотя некоторым добровольцам и удалось впоследствии добраться до Македонии. Осторожнее стали себя вести и балканские славяне.

Напротив, полученное в декабре 1877 — январе 1878 г. известие о взятии русскими войсками Плевны вызвало новый подъем энтузиазма по всему Балканскому полуострову. Сербы возобновили боевые действия против турок, король Георг, по выражению английского историка Д. Дакина стал «более воинственным, чем его министры»². Греция провела частичную мобилизацию, правительство Канариса ушло в отставку, на улицах Афин не прекращались патриотические манифестации, началось открытое восстание на Крите. Пришедшее к власти восьмое правительство Кумундурса (январь — октябрь 1878 г.) получило санкцию парламента на введение войск в Фессалию. В. Рафаилидис остроумно оценил создавшееся положение как «почти новый 1821 год»³.

Это случилось 19 января, в тот самый день, когда между Россией и Турцией было подписано перемирие. 21 января 25-тысячная греческая армия вторглась в Фессалию, на что в Афинах был получен протест со стороны держав. В тех же числах повстанческий комитет на Крите объявил о присоединении острова к Греции. 22 января в греческой столице узнали о русско-турецком перемирии, а 25-го правительство издало распоряжение о выводе войск из Фессалии. Разумеется, общественному мнению эта акция была преподнесена как плод давления со стороны держав. Таким образом, когда Греция решилась наконец воевать, война России с Турцией была уже фактически закончена. Экспедиция в Фессалию окончилась ничем, несмотря на то что часть солдат отказалась подчиниться приказу и осталась воевать в качестве партизан.

Далеко зашли военные приготовления греков и в Македонии. Подготовкой восстания там занимались греческие консулы в Салониках (Ватикиотис) и Монастире (Логофетис). Они действовали совместно с Македонским комитетом, которому центральный комитет в Афинах поручил это дело. Членами Македонского комитета были С. Драгумис, Пасхалис, Папазисис и др. Известного нам Л. Вулгариса туда не включили, считая его слишком лояльным в отношении славян. Тем не менее он действовал са-

¹ Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Αθήνα, 1993. Σ. 197–199.

² Там же. Σ. 201.

³ Ραφαηλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους. Σ. 45.

мостоятельно, пытаясь сначала отправить добровольцев в Македонию, а затем приняв участие в восстании в Фессалии весной 1878 г.

Македонским комитетом были подготовлены склады оружия и боеприпасов, налажено сообщение между отдельными вооруженными группами. Однако, когда в феврале 1878 г. в различных частях Македонии начались восстания, оказалось, что оружия и продовольствия слишком мало. Кроме того, повстанцы действовали разрозненно и не были готовы к ведению длительных и систематических боевых действий, поскольку составленный афинским комитетом план предполагал использовать их не в качестве самостоятельной силы, а лишь для ведения подрывной работы в стане врага при продвижении греческих войск. Все это облегчило туркам задачу подавления этих выступлений.

Но, несмотря на все трудности, восстание в Македонии продолжало охватывать все новые территории. Подъему энтузиазма способствовали известия о жестокостях албанцев, которых турки бросили против повстанцев, а также некоторые успехи последних. В августе 1878 г. Кумундурос наконец дал официальное указание консулам в Македонии оказывать всяческую поддержку повстанцам. Столь поздняя официальная поддержка объясняется тем, что правительство продолжало находиться между двух огней: с одной стороны, оно понимало объективную необходимость не предпринимать в Македонии серьезных операций, раз войска из Фессалии были выведены. Такие операции все равно были обречены на провал, а хотелось сохранить боеспособные партизанские отряды на турецкой территории. С другой стороны, патриотические организации и ослепленное «Великой идеей» общественное мнение настоятельно требовали от правительства активных действий.

Несмотря на то что греки в войне фактически не участвовали, они претендовали на расширение территории за счет Османской империи. Разумеется, Сан-Стефанский мир между Россией и Османской империей их не удовлетворил. Греков, как и сербов, очень беспокоила возможность создания на Балканах крупного болгарского государства¹. На их счастье, Сан-Стефанский мир не устроил также Австрию и, что еще важнее, Англию.

По восточному вопросу была созвана международная конференция в Берлине, где Россия надеялась при поддержке Германии отстоять хотя бы часть своих завоеваний. Однако Бисмарк практически по всем вопросам поддержал противников России². В результате только третья часть Болгарии (до Балканского хребта) получила автономию, Восточная Румелия осталась под властью султана, хотя и приобрела выборного правителя из христиан, Македония же полностью вернулась к прежней системе управления. Все это несколько обрадовало греков, но не удовлетворило их чаяний.

Греция пыталась стать полноправным участником Берлинского конгресса, но державы допустили туда представителя греков только в качестве наблюдателя. Делиянис, исполнявший эту функцию, озвучил греческие претензии: греки просили отдать им Крит, Фессалию и Эпир. В тот момент державы не сочли возможным удовлетворить эти требования. Тогда Греция потребовала по крайней мере провести корректировку

¹ См.: *Кофос Э.* Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989. С. 151–152.

² См.: *Кудрявцева Е. П., Пономарев В. Н.* Закрытие Проливов для военных судов: от Лондонских конвенций до Берлинского трактата (1840–1878 гг.) // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетий). М., 1999. С. 208, 217.

северной границы, мотивируя это требование необходимостью более эффективной борьбы с разбойничеством.

Во время работы конгресса греческое правительство прекратило (по крайней мере официально) поддерживать повстанцев в Македонии. Это было сделано по нескольким причинам. Во-первых, в Афинах не хотели раздражать всемогущую Англию, во-вторых, надеялись с ее помощью получить какие-нибудь приобретения, в-третьих, не видели особого смысла в партизанской войне без поддержки регулярной армии. После окончания конгресса начались переговоры о передаче Греции Фессалии и Эпира. Теперь у греческого правительства стало еще меньше желания осложнять течение переговоров. Между тем еще до подписания Берлинского трактата невоевавшая Англия заключила с Портой сепаратный договор о передаче ей в аренду Кипра¹. Так благодаря мужеству русских солдат англичане смогли расширить свои колониальные владения.

Несмотря на то что России больше не было места в национальной идее греков, российская внешняя политика продолжала оказывать влияние на попытки ее практической реализации. Большой резонанс в Греции вызвала русско-турецкая война 1877–1878 гг., однако реакция на нее была неоднозначной. С одной стороны, греки с готовностью выступили против османской власти в Фессалии, Македонии и некоторых других областях. Причем инициаторами этих восстаний были базировавшиеся в Афинах патриотические общества, получавшие материальную помощь от России, а также православное духовенство². С другой стороны, греки с тревогой смотрели на образование болгарского государства, которое считали детищем России. По меткому выражению английского историка Д. Дакина, в то время греки «наконец осознали, что мусульманская Турция в ближайшей перспективе представляла для греческого мира меньшую опасность, нежели российский панславизм»³.

На Берлинском конгрессе Делиянису удалось все же добиться от держав удовлетворения самого минимального из греческих требований: было принято решение о корректировке северной границы в пользу Греции. Оно вошло в условия Берлинского трактата. Несмотря на незначительность этого приобретения, греки в целом были довольны результатом Берлинского конгресса: особенно их радовало то, что осталась нереализованной идея создания крупного болгарского государства⁴. Однако по завершении конгресса Порта принялась всячески саботировать исполнение решения о корректировке границы с греками. На шедших в Превезе греко-турецких консультациях по этому вопросу турецкая сторона отвергала все предложения греков, объясняя это стратегической невыгодой для Османской империи. В качестве аргумента были использованы и претензии албанцев. Последние как раз в 1878 г. создали свою националистическую организацию — Призренскую лигу, которая выдвинула программу строительства Великой Албании. Разумеется, в этой программе значились территории, на которые претендовали и другие балканские народы, прежде всего греки и сербы. В частности, уже тогда албанцы притязали на весь Эпир.

¹ Об условиях этой конвенции см.: Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 373–374.

² См.: *Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Σ. 200; Βοβολίνης Κ. Α. Η Εκκλησία εις τον Αγώνα της ελευθερίας. 1453–1953. Αθήνα, 1953. Σ. 193–194.*

³ *Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 194.*

⁴ См.: *Κοφός Э. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. С. 152.*

Жесткая позиция Порты вызвала начало переговоров о передаче Греции всей Фессалии и части Эпира. Уже в 1879 г. в Лондоне был создан Греческий комитет, куда вошли видные английские либералы, такие как Розбери и Гладстон, не согласные с политикой премьера Дизраэли. Когда Гладстон в апреле 1880 г. пришел к власти, греки воспряли духом. В следующем месяце король Георг предпринял визит в Лондон и Париж, а затем в Берлин и Копенгаген, обсуждая во всех столицах тему Фессалии и Эпира. В это время в Греции происходил новый подъем патриотических настроений. Даже премьер Трикупис (март–октябрь 1880 г.) был настроен необычно воинственно и был готов провести мобилизацию.

Греческой дипломатии удалось добиться созыва международной конференции в Берлине. На ней рассматривалось предложение провести греко-турецкую границу так, чтобы Греции досталась не только Фессалия, но и почти весь Южный Эпир вместе с Яниной. Его принятию помешал политический кризис во Франции, в результате которого к власти пришло новое правительство, изменившее внешнеполитический курс в пользу Турции. Греки были страшно разочарованы, и 8 июля 1880 г., заручившись поддержкой Англии, Трикупис объявил мобилизацию. Однако начинать военные действия греки не торопились. В октябре состоялись парламентские выборы, приведшие к власти Кумундуруса. Он также не спешил начинать войну, уповая на то, что державы сумеют оказать необходимое давление на Порту. Поскольку державы медлили, то Кумундурос стал все более открыто выказывать враждебность в отношении Турции. Накал страстей в Греции и все более агрессивная позиция правительства возымели должное действие на державы.

Опасаясь новой войны на Балканах, державы пошли на созыв конференции в Константинополе. Там при посредничестве держав турки предложили грекам отдать Крит вместо Фессалии и Эпира. Но греки сочли обмен неравноценным и отказались. В результате длительных переговоров Порты согласилась уступить грекам почти всю Фессалию и только небольшую часть Эпира (Арты), оставив за собой Янину и Превезу. В Греции в связи с этим прошла новая волна патриотических манифестаций. Оппозиция обвиняла Кумундуроса в пособничестве туркам. Однако державы ясно дали понять, что добиться большего от турок на этот раз не удастся. В тот момент интересы греков совпали с интересами англичан, стремившихся не допустить перехода этих областей к славянам¹. Поэтому греки были вынуждены согласиться с условиями конвенции, подписанной державами в Константинополе 12 (24) мая 1881 г. В июне того же года была подписана греко-турецкая конвенция о границах².

В соответствии с этими документами Греция приобретала почти всю Фессалию и район Арты, но массив Олимпа и Янина остались за турками. Им же осталась и Превеза. Таким образом, с точки зрения греков новая государственная граница была стратегически неудачной: турки контролировали залив Арты и ключевые пункты материковой границы. В 1882 г. международный комитет подкорректировал границу в пользу Греции. Таким образом Греция получила существенную компенсацию за проведенную мобилизацию. Финансовые потери были частично покрыты двумя новыми займами и выпуском банкнот.

¹ См.: Ραφανλίδης Β. Ιστορία (κωμικотραγική) του Νεοελληνικού κράτους (1830–1974). Αθήνα, 1993. Σ. 46–47.

² См.: The Foundation of modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 57–68.

События этого Восточного кризиса ярко продемонстрировали имевшую место разобщенность интересов балканских народов: греки опасались усиления сербов и болгар и не собирались поддерживать их притязания. В свою очередь, болгары, вдохновившись примером греков, стали все энергичнее стремиться к достижению независимости. Это размежевание интересов со всей очевидностью давало понять грекам, что и они не вправе теперь рассчитывать на помощь славянских народов в борьбе с турками, как это было ранее.

Интересно, что критские греки, бравшиеся за оружие по малейшему поводу, на этот раз обошлись без восстания, как полагал Д. Дакин, «ради общего интереса»¹. Отсюда можно сделать вывод о том, насколько важное значение для настроений греков, оставшихся в Османской империи, имела позиция афинского правительства и ведшаяся по его указанию пропаганда. Определенную роль в позиции критских греков сыграла и превентивная политика Порты.

Вскоре после подписания Берлинского трактата во исполнение данных державам обещаний Портой был не только введен в действие Органический статут 1868 г., но и существенно расширены некоторые его положения. Христианам делались такие уступки, что положение мусульман на острове становилось едва ли не дискриминационным. В октябре 1878 г. было подписано Халепское соглашение, согласно которому губернатором острова должен был стать христианин, но османский подданный, его заместитель назначался из мусульман. Создавался ежегодно собиравшийся представительный орган, большинство мест в котором отдавалось христианам. Провозглашалась свобода печати, греческий язык признавался в качестве второго государственного. Большая часть собираемых налогов теперь не поступала в центр, а должна была расходоваться на благоустройство и прочие нужды самого острова².

В течение практически целого десятилетия после Халепского соглашения положение на Крите было относительно спокойным. Все это время критяне занимались преимущественно борьбой между собой, а не против турок. В этот период критско-христианская политическая элита раскололась на две партии, отношения между которыми складывались весьма напряженно. Одну из них составили консерваторы-*караβανάδες*, а другую либералы-*ξυπόλυτοι*. В 1888 г. на выборах в Критское собрание либералы получили большинство, и отношения между двумя партиями обострились до такой степени, что перешли в открытые столкновения. В этой ситуации Порте пришлось выслать на остров войска. Данную акцию критяне однозначно восприняли как нарушение Халепского соглашения и начали приготовления к восстанию. Эти настроения были поддержаны патриотическими обществами в Афинах. Между тем пятое правительство Трикуписа не собиралось вести боевых действий, считая момент неудачным из-за неблагоприятной международной обстановки. Трикупис призвал критян к умеренности, чем вызвал их резкое недовольство. В августе 1889 г. критяне обратились к консулам держав с выражением протеста по поводу несоблюдения Портой Халепского соглашения. Россия и Англия вручили Порте соответствующие ноты. Со своей стороны Трикупис добился от держав гарантий, что с острова будут выведены турецкие войска. Однако предпринимать более серьезных действий в защиту критян ни в Афинах, ни в других европейских столицах не собирались. Даже Делиянис, в октябре 1890 г. заняв-

¹ Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 212.

² См.: Woodhouse C. The Story of Modern Greece. L., 1968. P. 180.

ший кресло премьера, заставил афинский Критский комитет хранить молчание. В этой ситуации Порты смогла беспрепятственно ограничить действие критской автономии. Таким образом, очередное обострение критского вопроса оказалось отложенным.

Итак, мы видим, что бурные в европейской политике 1870–1880-е гг. оказались весьма полезными для греков. Вдохновленные началом царствования Георга, принесшим Греции Ионические острова, греки все более жаждали воплощения в жизнь «Великой идеи». В этот период их мечта начала сбываться, и в состав Греческого королевства вошла Фессалия. Расширение территории государства укрепило авторитет греческого царствующего дома. Присоединение Фессалии воодушевило греков, не случайно именно в эти годы патриотические организации стали играть все большую роль в жизни страны. Эта тенденция парадоксальным образом сочеталась с доктриной «органической работы», которой старалось следовать большинство греческих правительств тех лет. Энтузиазм возрастал, но за пределами страны все еще оставалась большая часть населенных греками земель, которые они считали исторически своими. Битве за эти территории предстояло разгореться в следующий период.

В то же время вразрез с чаяниями политической элиты Греции развивались этнополитические процессы в Османской империи. Не только османские греки, но и другие христианские народы империи иначе видели свое будущее. В 1860–1870-е гг. форму острого затяжного конфликта приняли греко-болгарские противоречия. Греко-сербские отношения того периода демонстрируют взаимную настороженность в связи с тем, что оба государства видят друг в друге скорее соперников, нежели союзников. Разобщенность интересов балканских народов стала фактом и сулила грекам появление новых соперников в борьбе за территории, на которые они претендовали.

На рубеже веков

Уход Трикуписа с политической арены не повлек за собой каких-либо принципиальных изменений в политической жизни страны. К власти пришло третье правительство Делияниса (1895–1897), столь же недолговечное, как и два первых (1885–1886 и 1890–1892). Как и Трикупис, Делиянис был представителем старой политической элиты: его семья занимала видные позиции в аркадской епархии Гортиния и дала Греции нескольких видных политиков, в том числе участников революции 1821 г. Пришедшему к власти правительству Делияниса не удалось стабилизировать финансовое положение страны. Между тем на ситуацию в Греции вновь стали оказывать значительное влияние внешнеполитические события.

Усилилось соперничество европейских держав за влияние и рынки сбыта в Османской империи. К традиционному англо-русскому антагонизму прибавились претензии Германии. Желая дестабилизировать ситуацию в империи, Англия стала вести подрывную работу среди армян, приведшую к нескольким локальным восстаниям, которые Порты потопила в крови при помощи курдов (1894). Армянский вопрос был на время отложен после массовой резни армян в 1895 г. После этого для давления на Порту иностранная дипломатия могла использовать остававшиеся открытыми критскую и македонскую проблемы. Эти же проблемы в те годы в наибольшей степени будоражили и греческое общество.

Греки воспользовались резней армян для того, чтобы поставить вопрос о правах своих соплеменников — османских подданных. В том же 1894 г. в Афинах на базе

прежних патриотических организаций было создано Национальное общество, ядро которого составили молодые офицеры. Аналогичная организация была основана и на Крите, где ее возглавил М. Кундурос. На следующий год им представилась возможность проявить себя¹.

В 1895 г. турки, надеясь, что страсти вокруг острова улеглись, назначили на Крит христианского губернатора. Однако его политика вызвала недовольство мусульман, и к концу года он был вынужден уйти в отставку². Тогда правителем острова был назначен мусульманин. Этот шаг вызвал противодействие Критского комитета во главе с Кундуросом и поднял энтузиазм молодых офицеров в Афинах. При моральной и материальной поддержке из Афин Критский комитет провозгласил себя революционным правительством. Но его лидер Кундурос придерживался тогда умеренных взглядов по вопросу о судьбе острова. Он и его единомышленники считали более реалистичным бороться за автономию острова, а не присоединение его к Греции. В это время на политической сцене уже играл большую роль молодой адвокат Элефтериос Венизелос. В то время он придерживался еще более консервативных взглядов, считая, что время начала восстания еще не настало. И все же в мае 1896 г. критяне наконец решили действовать и напали на один из турецких гарнизонов. В отместку турки устроили резню греков недалеко от Ханья. С этого момента события уже нельзя было повернуть вспять³.

Между тем в Греции Национальное общество продолжало стремительно развиваться, с каждым днем пополняя ряды своих сторонников. К весне 1896 г. оно уже насчитывало свыше 50 филиалов по всей Греции и еще свыше 80 среди греков диаспоры. Число его членов превысило 3 тыс. чел. Естественно, такая мощная организация, которой симпатизировало все больше высших армейских чинов, не только вышла из-под контроля правительства, но стала оказывать на него все большее давление. Его лидеры обвиняли правительство в преступном бездействии и призывали его привести армию в состояние боевой готовности и оказать помощь критским повстанцам. Национальное общество становилось своего рода государством в государстве. Его деятельность стала охватывать уже не только Крит, но также Эпир и Македонию⁴. Военный министр К. Смоленскис предложил премьеру Делиянису войти в контакт с обществом, с тем чтобы попытаться поставить его под контроль правительства. Но Делиянис отнесся к этой идее скептически и предпочел укрепить гарнизоны на северных границах, чтобы воспрепятствовать отправке в Македонию и Эпир добровольцев Национального общества.

После начала столкновений на Крите Грецию охватил всеобщий патриотический подъем. Повстанцы обратились к державам с просьбой о покровительстве, и те отправили на остров свои броненосцы в качестве миротворческих сил. На дипломатической арене в это время обсуждались два предложения: о возможности превращения ост-

¹ См.: Никитина Т. В. Критское восстание 1895–1897 гг. и внутривосточное положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 159–160.

² См.: Меньшиков В. П. Российская дипломатия и греко-турецкая война 1897 г. // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 175.

³ Есть мнение, что такому развитию событий на острове способствовали сами султанские власти, стремясь отвлечь внимание международного сообщества от массовой резни армян в Малой Азии. См.: Раφαήλιδης Β. Ιστορία (κωμικотραγική) του Νεοελληνικού κράτους. Σ. 52.

⁴ См.: Никитина Т. В. Критское восстание 1895–1897 гг. и внутривосточное положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 163.

рова в английский протекторат по кипрскому образцу и предложение Австрии о возвращении в довоенное состояние, что предполагало полное соблюдение Халепского соглашения и объявление амнистии. Прикрываясь этими обстоятельствами, греческое правительство продолжало бездействовать, а Национальное общество взяло инициативу на себя и непрерывно отправляло на Крит оружие и добровольцев.

Разумеется, державы потребовали от греческого правительства прекратить подобные действия. Однако последнее оказалось не в состоянии этого сделать. В то же время Порты под давлением держав пошла на уступки и вновь назначила на остров христианского губернатора, однако его решения бойкотировались турками. Созванное представительное собрание, где большинство составили христиане, сразу же потребовало предоставления острову более широкой автономии, наподобие той, которой пользовался остров Самос в 1832–1852 гг. Конфликт улажен не был, обе стороны вновь обратились с жалобами к державам. Греки обвиняли Порту в несоблюдении Халепского соглашения, Порты, в свою очередь, обвиняла греческое правительство в засылке на ее территорию (Крит, Эпир, Македония) вооруженных формирований.

Державы в этой ситуации высказывали разные предложения. Австрия предлагала подвергнуть остров морской блокаде миротворческими силами, Германия — начать боевые действия против Греции¹. Но все эти предложения натолкнулись на противодействие со стороны Англии, которая очень опасалась, что даже совместные действия держав приведут к ослаблению ее собственных позиций в Средиземноморье². Поэтому Англия поддержала предложение, исходившее от самих турок (август 1896 г.). Оно предусматривало назначение христианского губернатора на пять лет, причем его кандидатура должна была быть согласована с державами. Кроме того, две трети мест в государственных органах отводилось христианам, должна была быть возобновлена работа Собрания и созданы комитеты по подготовке реформы правоохранительных органов с участием иностранных специалистов.

Греческое правительство и Критский комитет были готовы принять эти предложения, но деятельность некоторых экстремистов все испортила. К числу радикально настроенных политиков принадлежали лидеры оппозиции Раллис и Феотокис, а также греческий консул на Крите Н. Геннадис. Фактически они развили свою собственную деятельность на Крите, которая шла вразрез с официальной греческой политикой³. Результатом их действий стали новые восстания на острове, а турки получили повод обвинить греков в вероломстве⁴. Общественное мнение в Афинах бушевало, и Делиянис наконец не выдержал и отправил на Крит греческие военные корабли⁵. Этот шаг был расценен повстанцами как вступление Греции в войну с Турцией за их интересы. В конце января 1897 г. министр иностранных дел Греции А. Скузес обратился к державам с просьбой признать присоединение Крита к Греции. В это же вре-

¹ См.: *Меньшиков В. П.* Российская дипломатия и греко-турецкая война 1897 г. С. 177–178.

² О политике Англии в Восточном вопросе на данном этапе см.: *Seton-Watson R. W.* Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1971.

³ Подробнее см.: *Никитина Т. В.* Критское восстание 1895–1897 гг. и внутриполитическое положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 155–173.

⁴ Царившая на острове атмосфера описана в посвященном тем событиям романе Н. Казандзакиса «Капитан Михалис».

⁵ *Никитина Т. В.* Критское восстание 1895–1897 гг. и внутриполитическое положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 166–167.

мя на остров был направлен отряд во главе с королевским адъютантом полковником Вассосом с приказанием занять остров именем короля Георга.

Однако через пять дней державы, в том числе и Россия, высадили на острове десант, объявили его морскую блокаду и потребовали от греческого правительства эвакуировать войска¹. Но греческое правительство отказалось подчиниться этому требованию. Тогда Германия предложила блокировать порты самой Греции и принудить короля Георга к отречению. Однако Англия этому воспротивилась, опасаясь прихода к власти наследника Константина, который считался германофилом.

В ходе переговоров большинство держав приняли русско-французское предложение о придании острову статуса автономии под верховным суверенитетом Порты². С этим предложением согласилась и Порта, но не Афины. Греки жаловались, что предыдущие режимы оказались нежизнеспособными, так что на новую автономию также нет надежды. Правительство Делияниса потребовало проведения референдума по вопросу о судьбе острова. В ответ на столь непримиримую позицию державы высадили на Крите контингент в 3 тыс. чел., что страшно разочаровало повстанцев. Но державы были готовы привести в исполнение свое решение. Его реализация тормозилась только нерешенностью вопроса о кандидатуре губернатора: державы настаивали на назначении второго сына греческого короля принца Георга, а Порта настаивала на том, что губернатор должен быть подданным султана.

Тем временем и в Турции, и в Греции страсти все более разгорались. Обе страны готовились к войне. Державы же все продолжали вести долгие переговоры по восточному вопросу, и единственное, о чем им удалось прийти к соглашению, — это решение о наложении санкций на агрессора в случае греко-турецкой войны. Об этом были предупреждены обе эти страны. Германия подталкивала султана к войне, а Россия и Австрия были озабочены тем, чтобы новый конфликт не перерос в общебалканский, что грозило повредить их собственным интересам. В результате совместных усилий держав прочие балканские государства обещали сохранять нейтралитет, что было выгодно Порте³. Вдоль греко-турецкой границы с обеих сторон были стянуты войска, и достаточно было искры, чтобы началась война. Наследник греческого престола принц Константин был назначен главнокомандующим войсками в Фессалии и отбыл в Волос⁴.

Поводом к началу боевых действий стало проникновение в Македонию очередной группы греческих диверсантов. Порта выразила протест державам, а Скузес на это ответил, что среди тех людей не было греческих подданных, но одни македонцы. Действительно, большинство членов группы были родом из Македонии, но они прошли в Греции военную подготовку и вернулись на родину как повстанцы, а не мирные жители. 5(17) апреля 1897 г. Османская империя объявила Греции войну, и между ними начались боевые действия.

¹ См.: Соколовская О. В. Россия на Крите: из истории первой миротворческой операции XX в. М., 2006.

² Общая оценка балканской политики России в этот период дается в: Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.

³ См.: Соколовская О. В. Россия на Крите: из истории первой миротворческой операции XX в. М., 2006.

⁴ См.: Πικρός Ι. Προς τον πόλεμο του 1897 // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. ΙΔ'. Αθήνα, 1977. Σ. 88–125.

Если не считать однодневного участия Греции в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., это была первая война греческого государства против Порты со времени его образования. С тех пор прошло более полувека, и война должна была показать, насколько преуспели за это время греки в своем экономическом развитии и военном деле.

Оценивая Османскую империю, надо обратить внимание на следующие обстоятельства. На протяжении всего этого периода империя продолжала слабеть и терять свои европейские провинции. Помимо территорий, уступленных Греции, она окончательно утратила контроль над Дунайскими княжествами, в 1861 г. ставшими государством Румыния, а также Сербией, потеряла Болгарию и Боснию-Герцеговину. Несколько раз предпринимавшиеся попытки реформ не принесли чаемого благополучия османскому государству и были в наибольшей степени выгодны немусульманскому населению империи. Затянувшаяся военная реформа привела к перестройке армии по европейскому образцу. Турецкой армии пошло на пользу европейское оружие и английские и немецкие военные инструктора. Однако Порта уже не обладала теми неограниченными ресурсами, как еще в XVIII в., ее экономический и военный потенциал продолжал понижаться. Начинаясь война должна была показать, как на этом фоне выглядела Греция.

Первые дни принесли грекам несколько побед в незначительных стычках. Все они были одержаны в основном благодаря энтузиазму солдат и младших офицеров. Уже тогда выяснилось, что турецкая армия превосходила греческую не только по численности, но и в плане дисциплины, а также вооружения¹. Османская империя оказалась значительно лучше подготовлена к войне. И все же греки имели шанс побороться за свои интересы. Однако под давлением несравненно лучше организованных турецких войск греки быстро растеряли свой боевой дух, и был отдан приказ об отступлении. Кем именно он был отдан, впоследствии установить не удалось, однако вина за все эти события была возложена на принца Константина.

Греки отступали так поспешно, что турки вначале приняли их действия за военную хитрость: им казалось, будто греческое командование хочет заманить турецкую армию в ловушку. Поэтому турки наступали очень осторожно и, тем не менее, уже 13 апреля (т. е. через неделю после начала боевых действий) заняли Ларису. Отступление греческих войск прекратилось только в районе Домокоса, где они были реорганизованы и заняли новую линию обороны. На этот раз туркам было оказано более достойное сопротивление, но силы были неравны. 23 апреля греки оставили Домокос. Турецким войскам открылась дорога на Афины².

В то же время быстрыми темпами развивались политические события в столице. После занятия турками Ларисы министр иностранных дел Скузес обратился к европейским державам с просьбой о помощи. Для большей убедительности король Георг отправил в отставку кабинет Делияниса и назначил премьер-министром Раллиса. Новое правительство вывело греческие войска с Крита и вновь обратилось к державам с просьбой о посредничестве. При содействии в первую очередь России и Англии 8(20) мая в местечке Тараца севернее Ларисы было подписано перемирие³. Затем начались мирные переговоры. Во время переговоров главную роль играли не греко-ту-

¹ Некоторые исследователи полагают, что причины поражения Греции были не военного, а политического характера. См., напр.: Κασσεσιάν Ι. Ο “Ατυχος” ελληνoturκικός πόλεμος του 1897. Αθήνα, 1997.

² См.: Γονζάλα Μ. Ο ελληνoturκικός πόλεμος του 1897 εν Θεσσαλία. Αθήνα, χ. χ.

³ См.: Меньшиков В. П. Российская дипломатия и греко-турецкая война 1897 г. С. 181–183.

рекие противоречия, а взаимоотношения между самими европейскими державами. В то время как большинство держав стремились вернуть ситуацию к довоенному положению, Германия выступала за применение жестких санкций в отношении потерпевшей поражение Греции¹. Доброжелательная в отношении Греции позиция других держав диктовалась не только их собственными интересами, но и позицией греческого короля Георга. В случае заключения унижительного для страны мира он угрожал отречением от престола. В европейских столицах не сомневались, что в этом случае на Балканах начнутся крупномасштабные потрясения с непредсказуемым развитием событий. Шли переговоры и по вопросу об умиротворении Крита: Россия пыталась реализовать свою идею назначить губернатором острова греческого принца Георга.

22 ноября 1897 г. в Константинополе был наконец подписан мирный договор. В целом державам удалось сохранить за Грецией прежние территории: греко-турецкая граница в Фессалии была лишь незначительно откорректирована в пользу турок. Гораздо более неприятным условием договора было наложение на Грецию контрибуции в размере 4 млн турецких лир. Для фактически обанкротившейся к тому времени страны это было непосильное бремя, поэтому предусматривалось установление международного контроля над греческими финансами. Оба государства: и Греция, и Османская империя — брали на себя обязательство не вести на своей территории какой-либо враждебной друг другу пропаганды². Впрочем, это обязательство было очень быстро забыто.

А в это время турки, несмотря на заключение мира, не спешили выводить свои войска из Фессалии и Крита. Они надеялись оказать давление на державы, опираясь на Германию. Турецкий гарнизон на Крите даже получил подкрепления. Результатом этого стали новые стычки между греками и турками в конце августа — начале сентября следующего года. В них погибло и несколько солдат британских миротворческих сил. Это событие стало поводом к тому, чтобы Англия, а за ней и другие державы потребовали от турок очистить остров.

Война 1897 г. для проигравшей Греции имела неожиданно счастливый конец. В ноябре 1898 г. державы официально уведомили Порту об избрании ими греческого принца Георга в качестве губернатора Крита. Хотя остров номинально остался под суверенитетом Порты, фактически он перешел под управление Греции. Поскольку боевые действия велись недолго и на территории лишь одной из областей Греции, то урон, понесенный страной, был невелик. Наиболее негативными последствиями были ущерб, нанесенный авторитету Греции, а также «Великой идее», и плачевное состояние казны³. Тяжело переживало поражение и греческое общество: патриотический подъем, вдохновлявший греков после присоединения Фессалии, сменился разочарованием. В этой ситуации общество заняло себя поиском виноватых. Удобным объектом для критики стал принц Константин, командовавший войсками в Фессалии. Ситуация усугублялась тем, что он был женат на сестре кайзера Вильгельма II Софии. Кайзера упрекали в симпатиях к туркам, а Константина — в слишком тесных связях с Германией.

Поражение страны в войне переполнило чашу терпения иностранных кредиторов. В том же 1897 г. греческие финансы были взяты под контроль Международного финансового комитета. На практике это означало следующее. Комитет должен был обеспечить выплату Грецией сумм и процентов по иностранным займам, начиная

¹ См.: *Driaut E. La Question d'Orient depuis des origines à nos jours. Paris, 1912.*

² См.: *Κασσεσιάν Ι. Ο "Ατυχος" ελληνoturκικός πόλεμος του 1897. Αθήνα, 1997.*

³ См.: *Αυτόθι.*

с 1833 г. С этой целью в его распоряжение поступали доходы от греческих государственных монополий, гербовый сбор, налог на табак, а также доходы от таможенных пошлин, взимаемых в Пирее. В том случае если этих поступлений оказалось бы недостаточно, то комитет мог потребовать и доходы от таможенных пошлин, взимаемых в других торговых портах Греции. Расходованием средств, поступавших в распоряжение комитета, занималась специальная Управляющая компания¹.

В соответствии с законом, который скрепя сердце утвердили греческие парламентарии в марте 1898 г., 30 % от доходов эта компания должна была направлять на погашение процентов по займам, такую же сумму — на выплату долга и оставшиеся 40 % — на нужды греческой казны. Проблема погашения внутреннего долга оставалась целиком в компетенции греческого правительства. Как только этот закон был подписан, иностранные кредиторы предоставили Греции новый заем в 170 млн дрх.

Несмотря на это унижительное положение и обычные злоупотребления кредиторов, состояние греческих финансов в последующее десятилетие существенно улучшилось. Причины этого следует искать в общем экономическом подъеме, непрерывно возрастающих оборотах торговли, а также долгожданной прибыли, которую наконец стали приносить недавно присоединенные районы. Возросшие доходы казны позволили Греции в 1906–1907 гг. увеличить расходы на вооружение. Это обстоятельство имело важное значение для развернувшейся в эти годы борьбы за Македонию.

В политической жизни страны после 1897 г. не произошло серьезных перемен. Осенью 1897 г. Д. Раллиса в премьерском кресле сменил А. Заимис, на долю которого выпала злополучная миссия заключения унижительного мира. Это обстоятельство послужило причиной поражения Заимиса и его сторонников на выборах 1899 г. К власти в апреле 1899 г. пришел Георгий Феотокис, который считался наследником Трикуписа. Феотокис происходил с Ионических островов, начинал свою карьеру в качестве адвоката и принадлежал к числу тех ионических политиков, которые примкнули в свое время к партии Трикуписа. В пятом министерстве Трикуписа он возглавлял морское министерство, и именно под его руководством осуществлялись уже известные нам трикуписовские преобразования флота. Позже в качестве министра образования и церковных дел Феотокис подготовил проект реформы образования, но он не был реализован из-за сопротивления оппозиции во главе с Делиянисом. Но в целом Феотокис не обладал ни политическими талантами, ни харизмой своего предшественника. Придя к власти, он не решился на какие-либо серьезные преобразования и не стал заканчивать даже некоторые мероприятия, начатые Трикуписом (реформа жандармерии и другие преобразования госслужбы)².

Феотокис прекрасно понимал, что стране необходима серьезная военная реформа, потребность в которой ярко продемонстрировала война 1897 г. Однако для проведения масштабных преобразований необходимы были значительные суммы, которыми только что обанкротившееся греческое правительство не располагало. Поэтому Феотокис ограничился теми мерами, которые оказались ему по средствам. Он создал Генеральный штаб и предполагал сделать его начальником какого-нибудь иностранно-

¹ См.: *Деллаграмматикас Я.* Установление империалистами экономического контроля над Грецией // Вопросы истории. № 11, 1971. С. 104–110.

² О политике Феотокиса подробнее см.: *Маркеζίνης Σ.* Πολιτική Ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. Τ. 2. Η συνταγματική Βασιλεία 1863–1909. Αθήνα, 1966; *Аспρέας Γ. К.* Πολιτική ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. 1821–1928. Τ. 3. Αθήνα, 1930.

го специалиста. На этот счет была достигнута договоренность с Германией. Однако в последний момент немцы передумали, не желая усиливать греческую армию и тем самым портить свои отношения с Османской империей, куда германское проникновение становилось все более интенсивным и многообещающим. В конце концов начальником Генштаба был назначен грек полковник Сапундзакис. Этим назначением он был обязан наследнику престола Константину, которому предоставили пост верховного главнокомандующего. Однако оба эти назначения вызвали негативную реакцию в обществе: Феотокиса обвинили в том, что он нарушает конституцию, предоставив управление армией в руки члена правящей династии. Самого же Константина и его ставленника Сапундзакиса пытались сделать виновниками поражения в 1897 г.¹

Кое-что было сделано и для развития флота. Фактически в этой сфере Феотокис продолжил начинания Трикуписа. В 1900 г. был создан Фонд национального флота, в который вложил большие средства — 2,5 млн франков — наживший баснословные богатства в Египте Георгий Аверов, именем которого впоследствии был назван флагман греческого флота. Русифицированная фамилия этого мецената выдает его происхождение: на самом деле коммерческих успехов нежинский грек Анастасий Аверов достиг еще в России, а потом перебрался в Египет, где упрочил свое состояние, которое потом завещал своему сводному брату Георгию. В те годы добиться большего Феотокису не удалось: его попытки усилить греческий флот новыми современными кораблями не увенчались успехом: своих денег на их покупку не хватало, а иностранные кредиторы для этой цели займы не давали.

Продолжить свои преобразования Феотокис тогда не успел, поскольку в ноябре 1901 г. был вынужден уйти в отставку в связи с на первый взгляд незначительным эпизодом, быстро принявшим общенациональный масштаб. В конце XIX — начале XX столетия в стране особенно обострился языковой вопрос, теперь получивший яркую политическую окраску. Среди писателей и филологов наиболее ожесточенные споры о преимуществах и недостатках кафаревусы и димотики велись в 1870–1880-е гг. Позиции димотикистов особенно укрепились после выхода в свет книги Я. Психариса «Мое путешествие» (1888), ставшей литературным манифестом сторонников димотики. Использование в письменной речи одного из двух языков отражало политические взгляды автора: литераторы и общественные деятели левой политической ориентации придерживались димотики, консерваторы — кафаревусы. Трибуной димотикистов стал основанный в 1903 г. журнал «Нумас»². К началу XX в. в споры о языке были вовлечены уже более широкие слои общества. Споры архаистов и димотикистов очень быстро приобрели политическую окраску: языковой консерватизм был, как правило, проявлением консерватизма политического, между тем как ряды димотикистов пополнялись демократически настроенными интеллектуалами. С течением времени противоречия между ними не сглаживались, а возрастали. Архаисты считали димотикистов предателями национальных интересов: по их мнению, отказ от кафаревусы означал утрату национальной идентичности. В самом начале нового столетия языковой вопрос послужил поводом для первого вооруженного студенческого восстания в Афинах. Примечательно, что в Греции в то время не было ни одной университетской кафедры, которая занималась бы изучением греческого языка византийской

¹ См.: Ράλλης Γ. Γεώργιος Θεοτόκης: ο πολιτικός του μέτρου. Αθήνα, 1986.

² См.: Καλλογιάννης, Γ. Χ. Ο Νουμάς και η εποχή του (1903–1931). Γλωσσικοί και ιδεολογικοί αγώνες. Αθήνα, 1984.

и поствизантийской эпох. Университеты оставались бастионами архаизма, хотя некоторые языковеды уже тогда высказывались в пользу более внимательного изучения не только древнегреческого языка¹.

Все началось с того, что некий ученый грек Александр Паллис, торговавший в Лондоне хлопком, решил перевести Новый Завет на разговорный язык. Эта затея была благосклонно встречена при дворе, и перевод был издан в Александрии на средства королевы Ольги. Распространялся он преимущественно среди греков диаспоры, и лишь небольшая часть тиража попала собственно в Грецию. Поначалу никакой негативной реакции на его появление не последовало. Демократически настроенная афинская газета «Акрополис» решила сделать его более доступным для широких слоев населения и начала публикацию текста на своих страницах. На это было получено разрешение тогдашнего архиепископа Афинского Прокопия и декана богословского факультета Э. Золотаса. Несмотря на это, появление на страницах газеты священных текстов на разговорном языке вызвало протест со стороны архаистов. Это противостояние очень похоже на диглоссийную модель, описанную Б. А. Успенским на отечественном материале². Архаисты обвиняли «Акрополис» в атеизме и предательстве: газета стала, по их мнению, инструментом прославянской антигреческой политики, которую якобы проводила русская по происхождению королева. Это обвинение окончательно не снято с королевы Ольги и по сей день³. Вообще, в тот период русофобия в Греции достигла своего апогея: в славянских национально-освободительных движениях на Балканах греки также обвиняли Россию⁴.

Против продолжения публикации выступили не только консервативные газеты, но и руководимые своими профессорами студенты. 2 ноября 1901 г. они вышли на улицы столицы. Вскоре к ним присоединились представители других слоев: священники, лавочники, крестьяне. Манифестанты требовали прекращения публикации, отставки архиепископа, вмешательства константинопольского патриарха Иоакима III, предания анафеме переводчика и, наконец, отставки правительства. Таким образом языковой вопрос перерос в острый политический кризис. 7 ноября манифестации перешли в вооруженные столкновения с полицией, в результате которых несколько человек было убито и около 70 ранено. В этот же день газета «Акрополис» вышла с извинениями и обещанием прекратить публикацию перевода. Архиепископ Прокопий и правительство Феотокиса были вынуждены уйти в отставку⁵.

Эти кровавые события должны были послужить уроком для ревнителей языка, но ровно через два года, в ноябре 1903 г., произошла новая трагедия. На этот раз поводом для беспорядков послужила постановка на разговорном языке «Орестей» Эсхила в Королевском театре. Столкновения между полицией и студентами, вдохновленными

¹ См.: Χατζιδάκις Γ. Ν. Σύντομος επιθεώρησις της ιστορίας της ελληνικής γλώσσης // Liddel H., Scott R. Μέγα λεξικόν της ελληνικής γλώσσης. Τ. Α'. Αθήνα, 1907. Σ. ζ'–η'.

² См.: Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 26–48.

³ См.: Διάλλα Α. Ευαγγελικά και πανσλαβισμός: ο παράδοξος συσχετισμός // Ευαγγελικά (1901) — Ορεστειακά (1903). Νεωτερικές πιέσεις και κοινωνικές αντιστάσεις. Αθήνα, 2005. Σ. 56.

⁴ См.: Драγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 22.

⁵ См.: Κωνσταντινίδης Ε. Τα Ευαγγελικά. Το πρόβλημα της μεταφράσεως της Αγίας Γραφής εις την νεοελληνικήν και τα αιματηρά γεγονότα του 1901. Αθήνα, 1976.

все тем же профессором Мистриотисом, опять закончились несколькими убитыми. Тем не менее уже тогда димотикистами был поставлен вопрос о необходимости реформы системы образования с целью постепенного отказа от кафаревусы. Эта программа была изложена в книге Ф. Фотиадиса «Языковой вопрос и возрождение нашего образования» (1902). В оценке этих событий можно отчасти согласиться с греческими исследователями, полагающими, что принятие языковым вопросом таких острых форм было следствием удара, нанесенного национальной идентичности греков поражением 1897 г.¹ Действительно, национальная идея была своего рода электрическим током, пронизывавшим все греческое общество. Но напряжение в этой сети возникло не в 1903 г. или в 1901 г. и даже не в 1897 г.: оно нарастало постепенно. Как мы видели, уже события середины 1890-х гг. продемонстрировали чрезвычайно высокую степень воздействия национальной идеологии на политическое и социальное развитие Греции.

В ноябре 1901 г. в кресле премьера Феотокиса сменил Заимис. В то же время к власти стремился вернуться Делиянис. В основу своей программы он положил популистский лозунг снижения налогов, особенно актуальный в тех условиях, когда стране приходилось выплачивать долги иностранным кредиторам, мало заботившимся о благосостоянии населения. Благодаря этому ему удалось добиться падения министерства Заимиса и победы на выборах в ноябре 1902 г. Придя к власти, Делиянис должен был хотя бы частично выполнить свои обещания. Он предложил снизить налоги за счет сокращения государственных расходов на 10 млн дрх. ежегодно. Добиться этой экономии он предполагал за счет сокращения государственных служащих, уменьшения числа парламентариев, сокращения расходов на дипломатические представительства за рубежом. Разумеется, эта программа не встретила поддержки со стороны греческой политической элиты. Уже в июне 1903 г. Делияниса сменил Феотокис, в том же месяце побежденный Раллисом.

С декабря 1903 г. по декабрь 1904 г. у власти опять находился Феотокис. В декабре 1904 г. удача вернулась к Делиянису. Но на этот раз его пребывание у власти закончилось не просто отставкой: 31 мая 1905 г. он был убит неким К. Геракарисом. Фанатичный игрок отомстил премьеру за закрытие игорных заведений. К власти пришел Д. Раллис, продержавшийся до декабря того же года. В декабре 1905 г. Феотокис пришел к власти почти на четыре года (до июля 1909 г.). На эти годы, благоприятные в экономическом и финансовом отношении, приходится новый виток военных реформ². Уже в 1906 г. был принят новый воинский устав, в соответствии с которым приоритетными направлениями развития армии становились не численный рост, а улучшение качества вооружения и военной подготовки. Греческое правительство закупило большие партии новейшего стрелкового оружия, увеличило количество армейских лошадей и военной техники. Именно тогда в греческой армии была впервые введена военная форма цвета хаки. Были проведены административные преобразования, нацеленные на сокращение сроков мобилизации. Это не был еще мобилизационный план, каким мы его знаем, например, по более позднему отечественному опыту, но важный шаг в этом направлении. Повышению качества боевой подготовки служили вновь вводимые ежегодные учения (сборы). Все эти мероприятия принесли свои плоды: уже в 1908 г. иностранные наблюдатели отметили существенное повышение боеспособности греческой армии. В том же 1908 г. удалось сделать важное приобретение для флота: крейсер «Аверов» (прибыл

¹ См.: Διάλλα Α. Ευαγγελικά και πανσλαβισμός: ο παράδοξος συσχετισμός. Σ. 54.

² См.: Ράλλης Γ. Γεώργιος Θεοτόκης: ο πολιτικός του μέτρου. Αθήνα, 1986; Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. Σ. 238–241.

в страну в 1911 г.). Кроме того, Греция купила восемь эсминцев (прибыли в 1909 г.)¹. Столь явное усиление греческого флота очень беспокоило Порту, которая срочно приобрела у Германии два новых крейсера.

Проведенные Феотокисом военные реформы имели особенно большое значение в связи с развернувшейся в те годы борьбой за Македонию и сыграли ключевую роль в успехах греческих войск во время Балканских войн. Но в отношении сухопутной армии Греция все еще уступала туркам, хотя в военно-морском отношении их превосходила. В заслугу последнему министерству Феотокиса греки обычно ставят поддержку партизанского движения в Македонии, а также хладнокровную внешнюю политику, позволившую Греции накопить силы накануне Балканских войн².

Социально-политическая ситуация в Греции на рубеже веков ярко демонстрирует, что национальная идеология в форме «Великой идеи» в этот период была свойственна не только политической элите, но разделялась значительной частью греческого общества. Общественное мнение было настроено более радикально, чем правительство, и часто подталкивало последнее к рискованным и неверным шагам. Такое положение сложилось в результате все более широкого проникновения национальной идеологии в разные слои общества, которое осуществлялось не только путем трансляции через прессу, но и посредством усвоения новой культурной парадигмы. Ее основу составляли ценности современного западного общества, адаптированные к греческим реалиям и дополненные элементами собственной культурной традиции. Процесс этот шел постепенно на протяжении нескольких десятилетий, и уже к концу XIX столетия можно было говорить о том, что все существование греческого государства подчинено «Великой идее». Первая попытка реализации поддерживаемого общественным мнением экспансионистского варианта внешнеполитической доктрины закончилась провалом, что повергло греческое общество в некоторое замешательство. Однако позиции «Великой идеи» оставались достаточно сильными, никакой конкурентоспособной альтернативной идеологии попросту не существовало. Тем временем развитие событий на Балканах давало основания для новых надежд.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Борьба за Македонию и Крит

В то время как Греция болезненно переживала свое поражение в войне 1897 г., развитие событий на Балканах требовало от греков бдительности и новой мобилизации сил. Критский вопрос оставался решенным не до конца, за пределами Греции все еще находилась большая часть Эпира, Македония, Фракия, Кипр, Малая Азия с Константинополем. Война 1897 г. нанесла определенный урон популярности «Великой идеи», но отнюдь не подорвала ее позиций: до тех пор пока у греков была армия, а в указанных провинциях проживали их соотечественники, стремление Греции расширить свою территорию за счет Османской империи было неискоренимо. Но в те годы греческое правительство не было готово к решительной борьбе за эти территории. Между тем развитие событий

¹ См.: Ασπρέας Γ. Κ. Πολιτική ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. 1821–1928. Τ. 3. Αθήνα, 1930.

² См.: Ράλλης Γ. Γεώργιος Θεοτόκης: ο πολιτικός του μέτρου. Αθήνα, 1986.

на Балканах открывало перед греками новые возможности, но и требовало новых усилий. Объектом приложения этих усилий стала Македония.

Эту область Балканского полуострова можно считать одной из самых пестрых в этническом отношении. В ней вперемешку в тесном и чаще всего добром соседстве проживали греки, турки, местами албанцы, в городах — евреи и повсеместно — славяне, которые не всегда могли себя четко идентифицировать как болгары или сербы. В целом к началу XX в. национальное сознание проживавших в Македонии народов оставалось оформленным не до конца. Национальная самоидентификация была для них второстепенной в сравнении с конфессиональной, а зачастую последняя вообще была единственной. Хорошо знавший ситуацию в Македонии И. Драгумис писал о том, что «крестьянин не задумывается ни над своей национальной принадлежностью, ни над своими политическими правами»¹. На вопрос о своей национальной принадлежности многие жители Македонии отвечали: «христианин» или «мусульманин»². В этом смысле Македония продолжала хранить традицию Османской империи, идентифицировавшей своих подданных именно по конфессиональному критерию. Попытка использовать для определения этнической принадлежности жителей Македонии языковой критерий также не дала результатов: оказалось, что этническая характеристика может не совпадать с языковой. Кроме того, выяснилось, что помимо греческого, сербского и болгарского многие жители Македонии в обиходе пользовались смешанным славяно-греческим наречием³, составившим основу македонского языка⁴. В связи с этим составить этническую карту Македонии начала XX в. оказалось довольно сложно. В частности, международная комиссия, исследовавшая причины Балканских войн, столкнулась с несколькими вариантами вполне «научных» этнических карт Македонии, которые на самом деле отражали притязания какого-нибудь балканского государства⁵.

Само название «Македония» в разные исторические эпохи имело разное географическое наполнение. Так, архаическая Македония занимала в несколько раз меньшую территорию, нежели, например, византийская провинция Македония. В рассматриваемое время османская Македония охватывала территорию не только современных греческих областей Западная, Центральная и Восточная Македония, но также значительную часть современной Республики Македония и часть южной Болгарии.

К концу XIX в., когда на месте европейских провинций Турции уже образовался целый ряд молодых амбициозных государств, каждое из которых стремилось расширить свою территорию, сложились условия для соперничества между ними за эту территорию.

Обострению взаимоотношений между различными этническими группами в Македонии способствовало развитие событий в самой Османской империи. Мы уже говорили о том, что накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в империи произошла революция, приведшая к власти нового султана Абдул-Хамида II и установившая в стране конституционную монархию. Однако новый политический строй

¹ См.: Драγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 23.

² См.: Αὐτόθι. Σ. 107.

³ См.: Αὐτόθι. Σ. 101.

⁴ Впоследствии греки отказались признавать существование македонского языка, который был обнаружен в начале XX в.

⁵ См.: Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914.

просуществовал недолго. После поражения Порты в войне с Россией наиболее консервативные слои османского общества во главе с мусульманским духовенством стали искать причины поражения именно в нововведениях европейского образца.

Их позицией с успехом воспользовался султан, который в феврале 1878 г. совершил государственный переворот: отменил конституцию, распустил парламент и ограничил прочие завоевания революции. В стране установился режим, получивший у оппозиционно настроенных современников название зулум (тирания). Одной из идейных опор зулума стала доктрина панисламизма, ставившая целью объединение мира ислама в борьбе с европейскими колонизаторами. Это учение могло иметь разную интерпретацию: от весьма либерального, нацеленного не столько на конфронтацию, сколько на приспособление мусульманских государств к новому мировому порядку, до экстремистского, предполагавшего подавление любых проявлений всего немусульманского. Абдул-Хамид понимал панисламизм как средство укрепления собственной власти в стране и за рубежом. Как считает турецкий исследователь С. Деринджиль, в тот период Османская империя пыталась ответить на те же вызовы времени, что и другие многонациональные империи. Султаном и его окружением была предпринята попытка создания модернизированного и светского по существу государства¹. С другой стороны, популярность панисламистских идей в империи была отражением ее все возрастающей зависимости от европейских держав. Еще накануне войны 1877–1878 гг. ее внешний долг превысил 6 млрд франков и был поставлен вопрос о невозможности расплатиться с кредиторами. Поражение в войне повлекло за собой ухудшение состояния финансов и в 1879 г. Османская империя объявила себя банкротом. В 1881 г., т. е. на 16 лет раньше, чем в Греции, было создано Управление оттоманского долга, функционировавшее примерно на таких же принципах, что и аналогичная организация в Греции.

Все эти события способствовали укреплению позиций традиционных сил в империи, на которые и опирался режим зулума. Кроме того, в это время Порта стала воспринимать систему образования как важнейший инструмент гражданского воспитания и предприняла большие усилия для ее развития среди турецкого и мусульманского населения². Для нетурецких народов новая политика обернулась отменой многих ранее приобретенных прав и гарантий. Функции охраны порядка исполняла полурегулярная кавалерия из башибузуков, получившая название хамидие. В нетурецких районах она творила произвол и наводила страх на местное население. Наиболее ярким примером бесчинств башибузуков стала массовая резня армян в 1894–1895 гг., спровоцированная подстрекательскими действиями армянских революционеров³. В такой ситуации нетурецкие народы, еще недавно имевшие надежду на полную интеграцию в социально-политические структуры империи, вновь ее лишились и обращали свои взоры в сторону других балканских государств.

Греки, движимые «Великой идеей», начали создавать свои организации в Македонии уже в середине XIX в. Эти организации сыграли важную роль в восстаниях, прокатившихся по Македонии во время Крымской и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но ни Греция, ни Сербия, ни новорожденное болгарское государство не имели тогда достаточных сил для того, чтобы в одиночку присоединить к себе эти об-

¹ См.: Deringil S. Η Κατά Προσταευόμενῃ Επικράτεια. Ιδεολογία και νομιμοποίηση της εξουσίας στην Οθωμανική Αυτοκρατορία (1876–1909). Αθήνα, 2003. Σ. 471–472.

² См.: Deringil S. Στο ίδιο. Σ. 289–333.

³ См.: Кинросс А. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 604–608.

ширные территории. Поэтому следующую четверть века борьба за них носила больше не вооруженный, а идеологический характер. Каждая из заинтересованных сторон с большим или меньшим успехом вела в Македонии пропаганду, опираясь главным образом на две силы: школу и Церковь. Обе они должны были укреплять позиции национальных языков и формировать у населения национальное самосознание. При этом греки хорошо понимали, что речь шла вовсе не о борьбе за освобождение поработенных соотечественников — лозунг, которым греческая «Великая идея» всегда успешно пользовалась, но о борьбе за новые территории. Как устами своего литературного героя говорил один из крупнейших деятелей этой борьбы И. Драгумис, «Македония должна была бы быть греческой, даже если бы в ней не нашлось ни одного грека»¹.

В этой борьбе у греков долгое время имелись важные конкурентные преимущества. Во-первых, традиционное господство греков в Церкви давало им возможность беспрепятственно вести свою пропаганду в тех консервативно настроенных славяноязычных деревнях, которые не поддерживали Болгарскую экзархию. Авторитет патриарха, анафематствовавшего схизматиков, продолжал оставаться для них непрекаемым. Пользуясь этим, греки сумели в достаточно короткий срок (1–2 поколения) эллинизировать многие поселения македонских славян. В то время греческий агитпроп еще не мог лишить их родного языка, им говорилось о том, что славянская речь не препятствует их самоидентификации в качестве греков. В своих письмах из македонских экспедиций П. Мелас писал о том, что местное население не говорит по-гречески, но обладает греческим сознанием: «У женщин, многие из которых не знают греческого языка, глубоко греческая душа»².

Во-вторых, славянское движение в Македонии в отличие от греческого не было единым. Практически с самого начала своего существования оно разделилось на болгарское (самое мощное), сербское и македонское. Последнее выступало под лозунгом «Македония для македонцев» за создание своего независимого государства, а не присоединение Македонии к Болгарии, как это произошло с Восточной Румелией. Между этими группировками, особенно между болгарской и македонской, всегда наблюдалось не только соперничество, существенно ослаблявшее их силы перед лицом греческого движения, но и большая путаница, препятствовавшая населению четко идентифицировать, кто есть кто. Греки же вообще считали лозунг «Македония для македонцев» отвлекающим маневром болгар и соответственно македонское движение ответвлением болгарского³.

Тем не менее развитие школьного образования у славян в последней четверти XIX в. шло быстрыми темпами. К началу XX в. общее число болгарских и сербских школ в Македонии, а также суммарное число их учеников практически сравнялись с аналогичными греческими показателями. Некоторые ученые полагают, что это соотношение отражало действительную этническую картину в регионе⁴. С этим, однако, трудно согласиться, учитывая указанное выше обстоятельство.

Греко-болгарская церковная схизма, родившись как оружие в борьбе за национальную независимость болгар, продолжала и в дальнейшем осложнять греко-бол-

¹ Драγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Σ. 34.

² Μελά Ν. Παύλος Μελάς. Αθήνα, 1999. Σ. 17.

³ См.: Драγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Σ. 25.

⁴ См.: Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966. P. 19–20. Там же см. детальную статистику по школьным учреждениям.

гарские отношения. В Македонии это привело к активному участию духовенства не только в националистической пропаганде, но впоследствии и в вооруженной борьбе. В районах со смешанным населением именно духовенство чаще всего становилось виновником острых конфликтов на национальной почве.

Быстрое развитие славянских школ в регионе объяснялось не только значительными инвестициями в эту сферу, но и самой системой образования. У славян она была более подвижной и современной, чем у греков. Большое внимание уделялось изучению иностранных языков и различных практических дисциплин. В то же время у греков школьное образование продолжало делать упор на отвлеченные знания (изучение древних авторов и т. п.), недалеко продвинувшись вперед по сравнению с методиками и программами XVIII в. В результате зажиточные славяне предпочитали славянские школы греческим. Кроме того, в славянских школах обучение было бесплатным, а неимущим ученикам даже могли предоставляться стипендии¹. Такая система открывала доступ к образованию и для низших слоев.

Однако, несмотря на все свои преимущества, развитие школьного образования среди болгар и сербов не принесло ожидаемых результатов. Образованные славяне не смогли сформировать новую элиту в регионе. Причина этого заключалась в том, что все значимые позиции в социально-экономической, а также политической сферах были прочно заняты греками, евреями и отчасти влахами². Образованные славяне не могли разрушить эту традиционную элиту, не желавшую принимать их к себе³. В поисках сферы приложения для своих знаний им приходилось уезжать в Болгарию либо европейские страны. Но поражение в одном принесло славянам, прежде всего болгарам, победу в другом. Болгарские эмигранты стали вести активнейшую пропагандистскую работу в Европе, создавая в европейском общественном мнении представление о том, что их соплеменники в Македонии подвергаются притеснениям не только со стороны турок, но и со стороны греков. Последние в то время не осознали опасности происходящего и ничего не противопоставили этой работе болгарской интеллигенции⁴.

Ближе к концу XIX столетия просветительский этап национального пробуждения Македонии сменился эпохой появления подпольных организаций и создания вооруженных отрядов. В 1893 г. в Салониках возникла Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО)⁵. Она принимала в свои ряды всех македонских славян и действовала под лозунгом «Македония для македонцев». В 1895 г. отчасти в пику ВМОРО и с целью присоединения Македонии к Болгарии в Софии был создан Верховный македонский комитет. Обе эти организации считали своей первоочередной задачей формирование на территории Македонии вооруженных отрядов (чет)⁶. В 1902 г. аналогичный комитет был создан и в Сербии.

Вызванные поражением 1897 г. экономические и политические трудности в течение нескольких лет препятствовали греческим правительствам вмешиваться

¹ См.: *Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 21.*

² См. *Тодоров Н. Балканский город XV–XIX вв. М., 1976.*

³ См.: *Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 22–23.*

⁴ Английский журналист Джон Бут видел в Македонии прежде всего угнетенных болгар. См.: *Booth J. Trouble in the Balkans. L., 1905.*

⁵ О возрождении этой организации в конце XX в. см. главу «Демократия в Греции».

⁶ Болгарскую версию этого этапа революционного движения в Македонии см.: *Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското възстание. София, 1933. С. 38–46.*

в развитие событий в Македонии, где при помощи болгарских агитаторов велся процесс расслоения единой христианской общности на этнические группы. Только во время организованного болгарами Илинденского восстания (1903), когда возникла реальная перспектива включения Македонии в состав Болгарии, Греция стала активно участвовать в македонских делах. Тогда же вести свою агитацию начали и сербы. В результате Македония превратилась в арену подпольной партизанской войны, получившей название Борьбы за Македонию (1904–1908). К общей работе по созданию в Македонии своей нации к тому времени подключились также албанцы, еще не имевшие собственной государственности¹.

События развивались следующим образом. В октябре 1902 г. вспыхнуло восстание болгар в Северо-Восточной Македонии. Оно было подавлено турками, но европейские державы потребовали проведения реформ. В начале 1903 г. Порте была предложена программа реформ, известная как Венская программа (в ее составлении активно участвовали Австрия и Россия). Она предполагала назначение для управления Македонией губернатора с широкими полномочиями, некоторые судебные и финансовые преобразования, предоставление амнистии, реформу жандармерии. Последнюю должны были возглавить иностранные специалисты, а в состав жандармов предполагалось ввести христиан². Грецию все это очень устраивало: с одной стороны, эти меры должны были выбить почву из-под ног ВМОРО, с другой — Македония не получала полной автономии. Мы уже знаем, что обретение автономии было первым этапом на пути присоединения той или иной области к какому-нибудь государству: так было с Восточной Румелией, по этому же пути шел Крит. Но в данном случае предоставление автономии Македонии было бы выгоднее болгарам, нежели грекам. В тот момент болгары были там господствующим элементом.

Однако Порта в действительности не смогла провести даже мероприятий, предусмотренных Венской программой, поскольку они вызвали открытое сопротивление албанцев. В ответ болгары подняли Илинденское восстание (1903). Оно было подавлено турками при существенной помощи со стороны греков³. Болгарский историк Х. Силянов говорил даже о создании единого греко-турецкого фронта против болгар⁴. Тогда европейские державы предложили новую программу реформ для Македонии. Она получила название Мюрцштегской программы. По сравнению с Венской она предполагала более широкое участие иностранцев в управлении Македонией. В частности, жандармерия полностью должна была перейти в их ведение, при губернаторе должны были находиться иностранные наблюдатели. Однако и эти реформы в значительной степени остались на бумаге. Кроме того, в качестве одного из предложений Мюрцштегская программа содержала фразу о возможности пересмотра границ в Македонии с учетом этнической карты области⁵. Разумеется, европейцы вели речь исключительно о внут-

¹ См.: *Psilos Ch.* Albanian Nationalism and Unionist Ottomanization, 1908 to 1912 // *Mediterranean Quarterly* 17:3, Summer 2006. P. 27–28.

² Подробнее см.: *Dakin D.* The Greek struggle in Macedonia. P. 86–91; *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското възстание. С. 190–193.

³ Греки старались отрицать свое сотрудничество с турками в этом деле, обвиняя болгар в клевете. См.: *Δραγούμης Ι.* Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Σ. 30.

⁴ См.: *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското възстание. С. 411–413.

⁵ Подробнее см.: *Dakin D.* The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 112–116.

реннем административно-территориальном делении, но греки, сербы и болгары интерпретировали это положение по-своему. Они восприняли его как обещание держав разделить между ними Македонию. Такая трактовка стала еще одним стимулом, подтолкнувшим греков к активным действиям в Македонии.

Бездействие греческого правительства до 1904 г. не означало бездействия греков вообще. Мы уже говорили о том, что в национальные конфликты в Македонии оказалось вовлечено духовенство. Во время борьбы за Македонию Церковь выступала уже не как хранитель национальной традиции, но как инструмент эллинизации инородцев. Церковь единственная безоговорочно поддерживала греческих партизан, действовавших на территории Македонии, в то время как остальное население делало это с опаской. Другой инструмент внедрения греческого сознания — школьные учителя. Противники эллинизации прекрасно это понимали, поэтому «священник и учитель — главная мишень (болгарских. — О. П.) комитаджи»¹.

Особенную активность в этих делах со стороны греков проявляли епископы — выпускники Халкинской духовной школы, где ими усваивался постулат о том, что православие — национальная религия греков². В Македонии они действовали под видом борьбы с болгарской схизмой, но на самом деле отстаивали интересы афинского правительства, от которого после 1900 г. получали немалые средства. Греческое духовенство, прежде всего епископат, выступало в качестве борца за греческие национальные интересы уже в 1860–1870-е гг. Наиболее известна на этом поприще деятельность на Фессалоникской кафедре будущего константинопольского патриарха Иоакима III (Димитриадиса)³ (1874–1877), Афанасия (Мегаклиса) (1893–1903) и Александра (Ригопулоса) (1903–1910). На Пелагонийской кафедре своей антиболгарской деятельностью прославились Матфей (Петридис) (1866), Косьма Эвморфопулос (1872), Василий (Георгиадис) (1882–1900) и др. В списке борцов за Македонию первые места занимают имена Григория (Зервудакиса), митр. Серрского (1892–1909) и Германа (Каравангелиса), митр. Касторийского (1900–1908), Хризостома (Калафатиса)⁴, митр. Драмского (1910).

Самый известный из них, Герман Каравангелис⁵, в 1900 г. был назначен на Касторийскую кафедру и сразу энергично взялся за организацию боевых отрядов. Он умело воспользовался разногласиями среди славян и привлек на свою сторону нескольких вожakov славянских партизан, которые позже вошли в историю как борцы за греческие интересы (Христос Коттас из Руля, Вангелис из Стребено и др.). При его посредничестве они получали от турецких властей официальное разрешение на

¹ Μελά Ν. Παύλος Μελάς. Αθήνα, 1999. Σ. 17.

² Любопытно, что выпускником Халкинской школы был и занимавшийся национальным пробуждением греков архимандрит из Кавалы — герой повести И. Драгумиса «Кровь мучеников и героев».

³ Об этом периоде жизни и деятельности Иоакима III см.: Ζιώγου-Καραστεργίου Σ. “Εύτολμος και άοκνος των ημετέρων σχολείων προστάτης, Η παρουσία του Μητροπολίτου Θεσσαλονίκης Ιωακείμ στην οργάνωση και λειτουργία των σχολείων της Ελληνικής Κοινότητας (1874–1878) // Ο από Θεσσαλονίκης Οικουμενικός Πατριάρχης Ιωακείμ Γ΄ ο Μεγαλοπρεπής. Επιστημονικό συνέδριο. Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 109–117. Более общие сведения, а также библиографию об этом патриархе см.: Герд А. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 55–64.

⁴ О нем см.: Σολομωνίδης Χ. Ο Σμύρνης Χρυσόστομος. Αθήνα, 1971.

⁵ О своей деятельности в этот период митр. Герман Каравангелис многое (но не все) поведал в своих мемуарах: Καραβαγγέλης Γ. Ο Μακεδονικός αγών. Απομνημονεύματα. Θεσσαλονίκη, 1959.

содержание боевых отрядов. Сторонникам ВМОРО таких разрешений не давалось. Среди использовавшихся преосвященным владыкой средств борьбы были шпионаж в рядах ВМОРО (доносчикам он щедро платил), а также заказные убийства. Кроме того, он поддерживал тесные дружеские отношения с местными турецкими властями и не забывал в нужный момент натравливать их на славян¹. Взамен турки снабжали его личной охраной и частенько исполняли грязные поручения. В болгарскую историю Каравангелис вошел как главный «убийца в рясе»², в греческую — как «один из ярчайших образов национальной борьбы своего времени»³. Именно он и поддерживаемые им партизанские отряды помогли туркам расправиться с Илинденским восстанием. Аналогичным образом действовали греческие епископы и на других кафедрах. ВМОРО был нанесен такой удар, после которого она уже не смогла оправиться. Даже европейские державы выражали грекам свой протест в том, что по количеству политических убийств в Македонии они значительно превосходили своих противников⁴.

Надо отметить, что в Македонии турки вообще долго благоволили грекам. Это объяснялось тем, что в этой области тогда наиболее значимым христианским этносом были болгары, которых Порта опасалась гораздо больше. На действия греков турки не только смотрели сквозь пальцы, но часто предпочитали действовать вместе с ними против болгар. Таким образом турки убивали двух зайцев: уничтожали болгар чужими руками и сталкивали два христианских народа между собой. Однако, увлекшись преследованием болгар, турки не заметили, что освобождающиеся места болгар занимают греки, и вовремя не оценили исходившей со стороны греков опасности. До 1906 г. европейские державы, а не турки были озабочены действиями греков в Македонии и неоднократно выражали свои протесты греческому правительству. Последнее всякий раз возлагало вину на греков — османских подданных и обещало наказать своих нарушителей границы. Ничего этого, конечно, не делалось. Только в 1906 г., когда стал очевиден перелом в пользу греков, турки наконец спохватились: они потребовали от патриарха Иоакима III отозвать наиболее одиозных иерархов из Македонии. Аналогичное требование было предъявлено греческому правительству в отношении ряда консульских служащих⁵.

В организации греческих повстанческих отрядов большую роль сыграли генеральный консул Греции в Салониках Ламброс Коромилас и вице-консул в Монастире Ион Драгумис. Последний происходил из семьи, считавшей свои корни македонскими. Его отец, Стефан Драгумис, в пятом и шестом министерствах Трикуписа занимал пост министра иностранных дел и был одним из идеологов борьбы за Македонию. Его полемические статьи в газетах выходили под псевдонимом Γνάσιος Μακεδνός⁶. Сын Стефана в 1902 г. был назначен вице-консулом в Монастир и, находясь на этом посту, сумел в довольно короткий срок создать в этой области дисциплинированную подпольную военную организацию, которая поддерживала тесные связи с Каравангелисом и получала материальную помощь из Афин. В греческой столице действия Драгумиса поддерживал не только его отец, но и те молодые офицеры, которые прежде входили

¹ Болгарам об этой деятельности было, конечно, известно: в 1904 г. Иван Вазов высмеял ее в сатирическом стихотворении «Владыка Каравангелис».

² Даскалов Г. Българите в Егейска Македония. София, 1996. С. 45.

³ Βοβολίνης Κ. Α. Η Εκκλησία εις τον Αγώνα της ελευθερίας. 1453–1953. Αθήνα, 1953. Σ. 207.

⁴ Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 292.

⁵ Ibidem. P. 294.

⁶ Подлинный македонец.

в Национальное общество, подтолкнувшее страну к войне в 1897 г. Они же побуждали к активным действиям греческое правительство¹. Активная деятельность греков в Монастире беспокоила лидеров национальных движений других балканских народов. Вряд ли можно считать простым совпадением то обстоятельство, что в тот же город из Корицы в 1906 г. переместился центр албанской пропаганды².

Вскоре в Афинах был основан Македонский комитет, деятельность которого получила негласную поддержку правительств Феотокиса (второе — июнь 1903 г., третье — декабрь 1903 — декабрь 1904 г.). В 1904 г. Феотокис сменил часть консульских служащих в Македонии с целью превратить греческие консульства в этой провинции в бастионы борьбы за Македонию. Тогда консулом в Салоники был назначен Ламброс Коромилас. Его усилиями на территории Македонии была создана разветвленная греческая шпионская сеть, консульство прикрывало засылку в эту провинцию греческих офицеров под видом купцов, учителей, страховых агентов и др. Среди них был даже один игумен монастыря, занимавшего стратегическое положение в районе особо упорной борьбы³. С началом активной партизанской борьбы в 1904 г. греческое правительство предпочло официально отдалиться от Македонского комитета, чтобы не нести ответственность за происходившее в этой провинции.

Общие координирующие функции действий греков сначала только в Салоникском вилайете, а затем и во всей Македонии были возложены на Коромиласа. Но реальное участие в боевых действиях принимали не более 2 тыс. греков, поскольку борьба могла вестись только посредством небольших партизанских отрядов. Более крупные подразделения не могли действовать, во-первых, потому что они компрометировали бы афинское правительство, а во-вторых, потому что быстро могли быть обнаружены и уничтожены турецкими регулярными войсками. Однако эти 2 тыс. чел. могли успешно действовать только при наличии развитой инфраструктуры (информация, снабжение оружием, провиантом, оказание медицинской помощи), в которой было задействовано гораздо большее число местных и нелегально прибывших из Греческого королевства греков. Их действиями также руководило Салоникское консульство.

Созданная Коромиласом в Салониках организация отчасти походила на «Филики Этериу»: это было иерархически построенное тайное общество, имевшее свои подразделения во всех шести районах города. Во главе его стоял сподвижник Коромиласа Афанасий Сулиотис-Николайдис, выдававший себя за купца. Сам Коромилас не мог возглавить организацию из политических соображений. Общество собирало информацию с помощью своих членов, а также деньги с них же. Вступление в ряды общества было добровольным, но пребывание в нем — добровольно-принудительным: за внесением денег, которые собирались под видом страховых взносов, следил специальный карательный отряд, применявший жесткие санкции к неплательщикам. Общество имело и еще одно направление деятельности: экономическое удушение славянского элемента в городе. С этой целью предприниматели-славяне подвергались экономическому бойкоту, их магазины и предприятия скупались греками, которые получали на эти цели субсидии через консульство⁴. Традиционная экономическая активность

¹ См.: Δραγούμης Ι. Μαρτύρων καὶ Ἠρώων αἶμα. Σ. 35.

² См.: *Psilos Ch. Albanian Nationalism and Unionist Ottomanization, 1908 to 1912 // Mediterranean Quarterly 17:3, Summer 2006. P. 28.*

³ Подробнее о формировании греческих подпольных организаций и их связях с консульскими учреждениями см.: *Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. P. 198–214.*

⁴ См.: *Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 2. София, 1943. С. 192–234.*

славян в Салониках стала деградировать, а сами они покидать город. Таким образом, несмотря на значительный еще процент турок и евреев, Салоники стали постепенно превращаться в греческий город.

В ходе противостояния греческое правительство не только помогало повстанцам материально и информационно, но и засылало в Македонию кадровых офицеров, возглавлявших партизанские отряды. Туда же были переброшены греческие боевые отряды, бездействовавшие после окончания Критского восстания. Правда, понятие «дисциплина» было им мало знакомо, что существенно осложняло планы греческих офицеров. Самым знаменитым из заброшенных в Македонию греческих кадровых офицеров стал погибший осенью 1904 г. Павлос Мелас, чье имя стало символом македонской эпопеи. В борьбе за Македонию отличились также братья Константин и Александр Мазаракисы, Г. Цондос, Г. Катехакис, Т. Агапинос и др.¹ Молодой офицер Мелас, женатый на сестре И. Драгумиса, был назначен командующим войсками в Западной Македонии и одним из первых греческих офицеров пересек границу. В октябре 1904 г. он трагически погиб от рук турок, которые искали не его, а одного из лидеров ВМОРО Митро Влахоса². Мелас не успел совершить каких-либо подвигов, однако имя его стало символом борьбы греков за Македонию. Это произошло благодаря тому, что известие о его смерти, дошедшее через газеты в каждый греческий дом, всколыхнуло греческое общественное мнение, до этого мало озабоченное происходящим в Македонии.

Гибель Меласа превратила македонский вопрос в общенациональный и вызвала в стране новый патриотический подъем. Это случилось не само по себе, а благодаря деятельности некоторых греческих писателей и журналистов. Вышедшие из-под их пера произведения³ повлияли на восприятие событий тех лет не только современниками, но и историками⁴. Греческие партизанские отряды в Македонии стали быстро пополняться новыми добровольцами.

За время борьбы грекам удалось добиться следующего. К югу от Монастира планировалось создать плацдарм для дальнейших действий⁵. Район был избран не случайно: именно там развернулись решающие события Илинденского восстания. Там было дислоцировано большое количество партизанских отрядов, контролировавших этот район. Основной своей задачей греческие партизаны считали не борьбу против турок, поскольку полагали, что Турция и так скоро Македонию потеряет. Главным своим врагом греки считали ВМОРО и болгар, действовавших под эгидой экзархата. На этапе борьбы за Македонию союзниками греков в борьбе против болгар выступили сербы. Между Грецией и Сербией даже велись переговоры о разделе сфер влияния в этой области, но стороны так и не смогли договориться. Сербские четники действовали преимущественно на севере Македонии. При содействии сербов и турок греки сумели локализовать действия ВМОРО и нанести болгарам в Македонии непоправимый ущерб. Во время боевых действий большее число жертв составляли не столько гайдуки, сколько мирное население⁶.

¹ См.: *Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966.*

² См.: *Ibidem* P. 184–191.

³ См.: Например, произведения И. Драгумиса и П. Яннопулоса, о которых будет сказано далее.

⁴ См.: *Gounaris B. Reassessing Ninety Years of Greek Historiography on the “Struggle for Macedonia” (1904–1908) // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 14.2 (1996). P. 240.*

⁵ См.: *Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 214–220.*

⁶ *Сияянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 2. София, 1943.*

Необходимо внести одно уточнение: когда мы говорим о греческих или болгарских партизанах в Македонии, то имеем в виду не этнических греков или болгар, а тех кто действовал в греческих или болгарских интересах. В этническом отношении картина была совершенно иной: на стороне греков очень часто оказывались славяне. Это происходило по нескольким причинам. Во-первых, греки больше платили. Во-вторых, межнациональные отношения в Македонии были очень сложным переплетением личных, клановых, экономических и прочих интересов. Как мы уже видели, гайдуки могли принимать сторону греков, что-то не поделив со своими. В-третьих, большую роль играл церковный вопрос: не все македонские славяне были готовы принять сторону экзархата, поскольку он не получил санкции патриарха. Жестокость, с которой действовали греки в Македонии, тогда была в порядке вещей. Однако в официальных¹ и полуофициальных² историях македонской эпопеи говорится лишь о жестокости их противников. В годы Второй мировой и последовавшей за ней гражданской войны образ борца за Македонию сильно пострадал: форму македономахов носили члены созданных коллаборационистским правительством Раллиса карательных отрядов. Их действия были направлены не против оккупантов, а против руководимого коммунистами движения Сопротивления, в котором немалую роль играли славяне.

Примерно в 1906 г., когда успехи греков в Македонии стали очевидны, отношение к ним турок стало меняться. Они потребовали от патриарха отозвать наиболее одиозных греческих епископов (фактически они были отозваны уже после окончания борьбы за Македонию). Весной 1907 г. Порта направила Греции протест против действий греческих консульских служащих на территории Македонии. Греческое правительство, демонстрируя свою добрую волю, отозвало из Салоник Коромиласа. К тому времени в Афинах прекрасно знали, что созданная им организация прекрасно продолжит функционировать и без его участия.

Борьба за Македонию окончилась в 1908 г., хотя тогда ни одно из государств — претендентов на эту территорию не смогло удовлетворить своего аппетита. Несмотря на то что 1908 г. не принес грекам видимых территориальных приращений, годы борьбы за Македонию фактически подготовили присоединение этой области к Греции. Недаром греческие историки полагают, что борьба за Македонию имела для греческой истории XX в. такое же значение, как революция 1821 г. для века XIX³. Британский историк филэллин Д. Дакин называл борьбу за Македонию третьей национально-освободительной войной греков (второй войной он считал борьбу за Крит)⁴.

Патриотический подъем тех лет, возникший во многом благодаря деятельности писателей и журналистов, в свою очередь породил новые произведения греческой литературы, героизировавшие действия греков в годы борьбы за Македонию. Самыми известными стали романы Пенелопы Дельта. Эта детская по преимуществу писательница происходила из знаменитой семьи Бенаки, игравшей важную роль в жизни Греции. Отец Пенелопы Эммануил Бенакис был не только богатым и успешным бизнесменом, но и активным политическим и общественным деятелем. Он был близким

¹ См.: Ανεστόπουλος Α. Κ. Μακεδονικός Αγών. 1903–1908. 2 τόμοι. Θεσσαλονίκη, 1965–1969; Colocotronis V. La Macédoine et l'Hellénisme. P., 1919; Μόδης Γ. Ο Μακεδονικός Αγών και η νεώτερη μακεδονική ιστορία. Θεσσαλονίκη, 1967.

² См.: Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966.

³ См.: Laourdas B. La lotta per la Macedonia dal 1903 al 1908. Θεσσαλονίκη, 1962. P. 14.

⁴ См.: Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973.

другом и сподвижником Э. Венизелоса, занимал важные посты в его правительствах. Значительную часть накопленных богатств Э. Бенакис пожертвовал греческому государству. Брат писательницы, Андонис Бенакис, участвовал в греко-турецкой войне 1897 г., а в годы борьбы за Македонию оказывал материальную помощь греческим партизанам. Впоследствии А. Бенакис сделался страстным собирателем греческих древностей разных эпох. Собранные им коллекции составили ныне всемирно известный Музей Бенаки, который его создатель в 1930–1931 гг. подарил греческому государству. Муж писательницы Стефанос Дельта, предприниматель и банкир, также был крупным благотворителем, много сделавшим для облегчения положения беженцев из Малой Азии в 1920-е гг. В кругу этих людей Пенелопа Дельта создавала свои романы «За родину» (1909) и «Во времена Болгаробойцы» (1911), в которых описываются события царствования Василия Болгаробойцы — византийского императора, наиболее успешно боровшегося против Первого болгарского царства¹. Обращенные к подрастающему поколению, эти произведения не просто повествуют о героических деяниях греческих предков и их борьбе с болгарами — самым серьезным соперником греков на Балканах: фактически писательница переносит на тысячу лет назад обстановку, в которой жила Македония начала XX в. — партизанская война, заговоры, тайные организации, шпионаж. Позже П. Дельта написала роман «Тайны Вальтоса» (1937), действие которого разворачивается непосредственно во время борьбы за Македонию². На этих живо и увлекательно написанных произведениях воспитывалось не одно поколение греков, в том числе и правнук писательницы известный современный политик А. Самарас.

Завершение этого этапа соперничества между балканскими государствами объяснялось важными политическими событиями в Османской империи. Практически с первых лет существования режима зулума оппозиционно настроенная интеллигенция и студенты стали объединяться. В 1889 г. в Константинополе и Париже были созданы первые тайные общества борцов против тирании. Сторонников этого движения впоследствии называли младотурками. В 1895 г. они стали издавать свою газету, в 1902 г. провели в Париже первый съезд³.

Со временем требования младотурок, несмотря на некоторое расхождение во взглядах между различными течениями движения, становились все радикальнее. Одновременно младотурки-офицеры усиливали антиправительственную агитацию в войсках, налаживали контакты с национальными организациями нетурецких народов, в которых младотурки на этом этапе видели своих союзников. Второй съезд движения (Париж, 1907) принял декларацию, в которой содержался призыв к восстанию против тирании. Летом 1908 г., когда в турецкой армии стали распространяться слухи о том, что Россия и Англия ведут переговоры о разделе Македонии, группа офицеров подняла восстание в македонских гарнизонах. Повстанцы потребовали от султана восстановить конституцию, в противном случае они угрожали двинуть войска на столицу. Султан был вынужден согласиться. Конституция 1876 г. была восстановлена. Однако весной 1909 г. султан попытался совершить контрпереворот: распустил парламент, отменил конституцию, начал репрессии против младотурок. Теперь лидеры

¹ См.: Δέλτα Π. Για την Πατρίδα. Αθήνα, 1909; Δέλτα Π. Στον καιρό του Βουλγαροκτόνου. Τ. 1–2. Αθήνα, 1911.

² См.: Δέλτα Π. Στα μυστικά του Βάλτου. Αθήνα, 1937.

³ Подробнее см.: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., 1971; Naim Turfan M. The Rise of the Young Turks: Politics, the Military and Ottoman Collapse. L., 2001.

последних действительно двинули войска из Македонии на Константинополь и с боями заняли столицу. Абдул-Хамид был низложен. Новый султан Мехмет V послушно исполнял волю лидеров новой власти¹.

Младотурецкая революция имела большое значение для народов, проживавших в нетурецких районах империи, в частности в Македонии. Вначале приход к власти младотурок оживил надежды на постепенную интеграцию нетурецких народов в социально-политическую структуру империи. Этому способствовали налаженные прежде дружеские связи младотурок с этими народами. Связи с греками у младотурок были одними из наиболее тесных. В частности, с Коромиласом и его организацией было налажено взаимовыгодное сотрудничество. Подпольная межэтническая война в Македонии прекратилась как по команде. Младотурки объявили амнистию, разрешили вернуться политическим эмигрантам. Многие четники и греческие партизаны сложили оружие и спустились с гор. Среди образованных османских греков вновь возродилась надежда на эллинизацию империи. Поэтому они стремились к предотвращению ее распада и полагали более выгодным для греческой нации сотрудничество Порты с афинским правительством, нежели раздел османских территорий между разными балканскими государствами. Сторонниками этих идей были А. Сулиотис-Николаидис и отчасти И. Драгумис, а также многие представители греческого духовенства.

Однако быстро выяснилось, что эти надежды обманчивы. После подавления контрреволюции 1909 г. к власти пришло радикальное крыло младотурок. Главную свою задачу оно видело в сохранении целостности империи, а потому под лозунгами османизма и панисламизма начали политику ускоренной интеграции нетурецких народов. Фактически это означало, что им предлагалось пожертвовать своей национальной самобытностью в пользу господствующей турецкой нации. Недовольные должны были покинуть страну либо умереть. Как полагают исследователи, эта политика привела к противоположным результатам, а именно к дальнейшей национальной консолидации нетурецких народов империи².

В результате с началом правления младотурок положение немусульманских народов не только не улучшилось, а даже ухудшилось. С 1910 г. младотурки перешли к открытой политике притеснения нетурецких народов. Однако их действия имели последствия, противоположные ожидаемым. Вместо того чтобы способствовать сохранению целостности империи, они привели к усложнению отношений с национальными районами, в которых усиливались сепаратистские тенденции. Кроме того, другие балканские государства получили важный козырь в борьбе за раздел Османской империи: если Порты не желала гарантировать права христиан, то балканские государства могли теперь освободить их из-под тиранического правления. Порты и ее молодые соседи быстро двигались навстречу Балканским войнам.

С осени 1908 г. подпольная война в Македонии фактически возобновилась, хотя и в меньших масштабах, и продолжалась вплоть до начала Балканских войн. Уменьшение масштабов партизанской борьбы объяснялось прежде всего двумя причинами. Во-первых, новый режим применял в отношении нарушителей порядка гораздо более жесткие

¹ См.: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., 1971; Миллер А. Ф. Младотурецкая революция // Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение. Ч. 2. М., 1956; Ahmad F. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908–1914. Oxford, 1969.

² См.: Psilos Ch. Albanian Nationalism and Unionist Ottomanization, 1908 to 1912 // Mediterranean Quarterly 17:3, Summer 2006. P. 41–42.

меры. Младотурецкое правительство поставило своей целью османизацию всех народов империи, запрещение всех националистических организаций, разоружение партизан¹. Во-вторых, первоначальный энтузиазм толкнул в ряды младотурок многих прежних союзников греков, часть из которых стали предателями (все они позже были убиты).

В годы борьбы за Македонию беспокойно было и на Крите — в другой сфере греческих интересов. Мы помним, что после восстания 1897 г. правителем острова был назначен принц Георгий. Он продолжил проведение на острове преобразований в интересах христиан и одновременно всячески стремился добиться присоединения острова к Греции. Однако часть островитян во главе с Венизелосом выступила против этого, стремясь к основанию независимого княжества с выборным правителем (возможно, на это место метил он сам). Европейские державы, действовавшие через своих консулов на острове, притязаний Георгия не поддерживали, что укрепило позиции Венизелоса. И все же число его сторонников было невелико. Подавляющее большинство депутатов критского парламента было на стороне принца.

Тем не менее в марте 1905 г. Венизелос с несколькими сотнями сторонников поднял флаг восстания. В ответ критский парламент провозгласил объединение острова с Грецией. Но державы объединения не признали. Принц Георгий оказался в сложном положении². Тогдашний афинский кабинет во главе с Раллисом придерживался двойственной позиции, но все-таки дал ему дельный совет внести поправки в конституцию острова. В октябре 1905 г. конституция была пересмотрена в сторону расширения прав парламента за счет прерогатив губернатора. Теперь Венизелоса покинули почти все повстанцы, и ему пришлось пойти на компромисс с парламентом, поддерживавшим губернатора. Все, чего добился Венизелос, это создание международного наблюдательного комитета, который должен был следить за развитием событий на острове. Такое вмешательство иностранцев сулило острову потерю тех начатков самостоятельности, которыми он уже успел обзавестись. События 1905 г. были первым конфликтом Венизелоса с греческой правящей династией. Они продемонстрировали жесткий характер этого политика, готового на любые (только не свои) жертвы ради достижения своих целей. Радикальные шаги Венизелоса в то время обратили на него внимание определенных политических кругов в Афинах.

К весне 1906 г. Россия выдвинула поддержанное и другими державами, кроме Англии, предложение об объединении острова с Грецией. Но англичане выступили против. В результате длительных переговоров и при поддержке Венизелоса, который то заявлял о необходимости объединения острова с Грецией, то прямо противоположное, англичане сумели оказать давление на Афины и добиться отставки принца Георга и сохранения прежнего режима на острове. В сентябре 1906 г. на Крит прибыл новый губернатор А. Заимис³.

Осенью 1908 г., после того как Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии-Герцеговины, критский парламент опять обратился к Порте с просьбой позволить объединиться с Грецией. Как и прежде, этому воспротивилась Англия, которая завязала особенно тесные связи с режимом младотурок. Само же младотурецкое прави-

¹ См.: Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972.

² Точку зрения самого принца см.: George, Prince of Greece. The Cretan Drama. The Life and Memoirs of Prince George of Greece. N. Y., 1959.

³ Подробное изложение событий, а также апологию британской позиции см.: Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 294–300.

тельство отреагировало на просьбу критян очень болезненно. В ответ критяне подняли восстание и провозгласили объединение с Грецией. Поскольку Заимис заблаговременно отбыл в Грецию, то островитяне создали собственное правительство во главе с Михелидакисом. Посты министра юстиции и иностранных дел занял Венизелос. В апреле 1910 г. был избран новый критский парламент, а Венизелосу предстояло стать премьер-министром. Поскольку новые парламентарии (кроме мусульман), начавшие работу в ноябре 1910 г., присягали королю Греции, это совсем не понравилось Порте и младотурки были готовы начать войну за остров, которую предотвратило вмешательство держав. Венизелос, который к тому времени был избран депутатом греческого парламента и стал премьер-министром Греции, был поставлен перед выбором: либо Крит, либо Греция. Разумеется, он предпочел последнюю.

Это не означало, что он забыл о своем родном острове. В течение 1910–1911 гг. он делал все для того, чтобы Крит максимально интегрировался в Грецию: реформировалась административная система, на острове вводилось греческое законодательство. В 1911 г. дело дошло до того, что критский парламент был распущен, а его депутаты должны были влиться в греческий парламент. Все эти действия встречали ожесточенное сопротивление со стороны младотурок, ни за что не хотевших терять остров. Европейские державы заняли тогда неоднозначную позицию. Срок полномочий Заимиса закончился в 1911 г., и был поставлен вопрос о назначении нового губернатора, который так и не был решен до начала первой Балканской войны.

Итак, мы видели, что вся внешняя политика Греции второй половины XIX — начала XX в. определялась именно «Великой идеей», причем в двух ее формах: внешней экспансии и «органической работы». Под последней обычно понимают проведение неагрессивной внешней политики в отношении Порты при одновременной активной политике внутренних реформ. Но здесь надо отметить, что при более детальном рассмотрении оказывается, что приверженцы курса «органической работы» были не в меньшей степени сторонниками и внешней экспансии. Однако они в отличие от своих более радикальных соотечественников понимали необходимость, во-первых, дожидаться наиболее благоприятного момента для осуществления своих притязаний, а во-вторых, не забывать при этом о насущных проблемах внутреннего развития.

В Афинах хотели бы видеть и своих оставшихся под властью султана соплеменников в рядах сторонников этой политики. Но эти ожидания не всегда оправдывались. Среди оставшихся в империи греков бытовали и другие настроения, в частности идея постепенной эллинизации империи изнутри. Уже в середине XIX в. она прослеживается во взглядах интересного греческого религиозного философа Апостолоса Макракиса, который сначала жил в Константинополе, а затем переехал в Грецию, где имел много почитателей¹. Одним из наиболее интересных ее выразителей позже стал А. Сулиотис-Николайдис.

Будучи кадровым военным и одновременно дипломатом, он впервые стал заметной фигурой в годы борьбы за Македонию (1904–1908). Именно он был фактическим руководителем созданного греческим консулом в Салониках Л. Коромиласом греческого тайного общества, получившего название «Салоникской организации»².

¹ Подробнее см.: *Nicolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek Nationalism // Balkan Studies. Vol. 26,1. Thessalonica, 1985. P. 54–55.*

² См.: *Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. Thessaloniki, 1966. P. 204–210.*

Принято считать, что истинные цели организации греков заключались в подготовке присоединения этой области к Греческому королевству. Действительно, таковы были устремления афинского кабинета.

Но анализ взглядов Сулиотиса, а также сам факт временного прекращения партизанской войны в Македонии после получения известия о младотурецкой революции говорят о том, что позиция руководителей «Салоникской организации» и многих участников партизанского движения была иной. Они не стремились к включению этой области в Грецию и разрушению Османской империи, считая такое развитие событий невыгодным для себя. При поверхностном рассмотрении взгляды Сулиотиса вполне вписываются в общее национально-патриотическое движение, достигшее тогда подъема в Греческом королевстве. Он оперирует теми же понятиями: «Великая идея», возрождение нации, но трактует их иначе. В его интерпретации «Великая идея» — так называлась и изданная им в 1908 г. брошюра, где сжато излагались его взгляды, — строилась на тех же основаниях, что и ее наиболее распространенная трактовка, но имела иные политические цели¹.

Как и многие его соотечественники, Сулиотис придерживался представлений о греческой исторической и культурной исключительности, обосновывавших борьбу за гегемонию греков на Балканах. Но эту гегемонию он мыслил не в форме греческого королевства, а в форме империи, где греки занимали бы доминирующее положение. Речь шла не о создании новой империи на базе Греции, а о преобразовании старой Османской империи со столицей в Константинополе в новое качество. В основе этих взглядов лежало убеждение в неправильности греческой внешней политики в отношении Порты. Как полагал Сулиотис, стремление Афин к разрушению Османской империи могло бы дать Греческому королевству некоторые территориальные приращения, однако значительные территории, которые греки считали исторически своими, не только не достались бы грекам, но ушли бы в руки их конкурентов — других молодых балканских государств. В таком случае этим областям грозила бы этническая чистка, и греки навсегда лишились бы надежд приобрести их.

Эти соображения он прямо указывал в другом важном документе — представленном греческому министру иностранных дел Бальтадзису меморандуме, который был составлен совместно с Драгумисом и получил название «Греческой программы»². Поэтому и деятельность Сулиотиса в Македонии преследовала цель обеспечить доминирование греков в этой области при сохранении ее в составе Османской империи, а не присоединение к Греции.

Интересно, что приблизительно к началу XX в. в самой Греции стало меняться отношение к Османской империи. Это было связано не с изменением образа султана и его правительства в глазах политиков и общественного мнения Греческого королевства, а с появлением образов новых врагов, в борьбе с которыми Порту можно было использовать в качестве союзника (что и было сделано во время противостояния в Македонии). Этими врагами стали Россия и балканские славяне. Первые признаки новой опасности греки обнаружили в 1878 г., а к началу нового столетия «славянская угроза» настолько овладела умами, что стала оказывать влияние не только на обще-

¹ См.: Σουλιώτης-Νικολαΐδης Α. Η Μεγάλη ιδέα // Καρράς Ν. Με ιδεολογία Ελληνική — Νεοέλληνες πνευματικοί ήρωες. Αθήνα, 1998. Σ. 103–110.

² Цит. по: Καρράς Ν. Με ιδεολογία Ελληνική — Νεοέλληνες πνευματικοί ήρωες. Αθήνα, 1998. Σ. 93–94.

ство, но и на принятие политических решений. Ярким тому примером стало участие греческого правительства в событиях 1904–1908 гг. на территории Македонии.

Уже на заключительном этапе борьбы за Македонию Сулиотис пришел к мысли о том, что вести аналогичную работу надо не только в провинциях с большим греческим населением, но и в столице. Возможно, на это его желание повлияло и то обстоятельство, что начиная с 1907 г. турки, видя явные успехи греков в Македонии, перестали относиться к деятельности греческих шпионов и партизан столь благодушно, как прежде. Так или иначе, младотурецкая революция и последовавшее за ней восстановление конституционного строя в империи создавали благоприятные условия для основания греческой политической организации легального характера. Сам факт прихода к власти младотурок был поначалу с энтузиазмом воспринят нетурецкими народами, в том числе и греками. Многие из них настолько уверовали в достигнутую незыблемость греко-турецкой дружбы, что открыто говорили о возрождении Византии, о создании дуалистической империи со столицей в Константинополе¹.

В связи с этим Сулиотис, перебравшийся в 1908 г. в Константинополь, стал двигаться двумя путями: путем основания тайного общества по отработанной уже в Македонии модели и путем создания легальной организации греков и их активного открытого участия в политической жизни с целью проникновения в руководящие эшелоны власти. Эта его деятельность активно поощрялась из Афин: есть сведения, что приказ о создании новой организации османских греков по образцу Салоникской был отдан самим премьер-министром Г. Феотокисом². Однако впоследствии дело Сулиотиса и его единомышленников приняло несколько иное направление, нежели это задумывалось в Афинах.

Основанное Сулиотисом в том же 1908 г. тайное общество получило название «Константинопольской организации». Как и в Салониках, организация снабжала оружием греков, проживавших в сельской местности, был создан карательный отряд, поставлена цель нейтрализации болгарской пропаганды. Как и в Салониках, вся работа велась при активной поддержке греческого духовенства и Патриархии. Но в силу специфики региона и обстоятельств деятельность «Константинопольской организации» не стала точной копией мероприятий македонского предка. В Малой Азии не было организовано масштабного партизанского движения, зато больше внимания уделялось культурной политике: греческому языку, школам и т. п. С 1910 г. Сулиотис и его соратники издавали в столице свою газету «Πολιτικά επηγεορισίς» («Политическое обозрение»). «Константинопольская организация» наиболее активно действовала до начала Балканских войн, когда Сулиотис и Драгумис были направлены греческим правительством в район боевых действий. Но константинопольские греки продолжали начатое дело вплоть до конца 1914 г., когда организация была раскрыта и ликвидирована.

Практически с самого начала своего существования «Константинопольская организация» действовала в тесном контакте с легальной политической организацией — Константинопольским греческим политическим союзом. Весной 1910 г. в связи с запретом национальных политических организаций Союз был переименован в Конституционный политический союз. Деятельность Союза была нацелена на расширение политических прав греков империи и проникновение их на вершины государственной власти. На первом этапе наибольшее внимание было уделено подготовке к парла-

¹ См.: Αλεξανδρής Α. Πολιτικά αναμνήσεις. Πάτρα, 1940. Σ. 19.

² См.: Δαγκλής Π. Αναμνήσεις. Τ. 1. Αθήνα, 1965. Σ. 310.

ментским выборам, в ходе которых 26 греков были избраны депутатами. В большинстве своем они были членами созданных Сулиотисом и его единомышленниками организаций и использовали парламентскую трибуну для борьбы за дальнейшее расширение политических прав греков. Впоследствии, когда младотурецким правительством был взят открыто националистический курс, греческие депутаты выступали как оппозиция, отражавшая интересы не только греков, но и других нетурецких народов империи, а также турецкой оппозиции. Официальным печатным органом этих сил стала появившаяся в конце 1911 г. газета «Tribune des Nationalités» («Трибуна национальностей»)¹.

Сегодня, когда греческая община Константинополя близка к исчезновению, планы Сулиотиса и его единомышленников по эллинизации империи кажутся утопией, но тогда, до Первой мировой, до катастрофы начала 1920-х гг., эти планы не выглядели фантастикой. Позиция руководимых Сулиотисом столичных греков, понимавших необходимость сохранения целостности империи, больше соответствовала интересам страны, нежели экспансионистская политика афинских политиков. Достижение поставленной цели эллинизации империи, первые шаги в направлении которой были предприняты в те годы, было возможно только при сохранении благоприятной политической конъюнктуры. Политика младотурок стала непреодолимым препятствием на пути реализации программы Сулиотиса: новая власть почувствовала, что конечную цель «Константинопольской организации» и ее легальной ипостаси составляет все та же греческая экспансия, только в скрытой форме. Вот почему после многочисленных безуспешных попыток найти общий язык с новой властью в империи Сулиотис сделал ставку на объединение нетурецких народов против турок под эгидой балканских государств и тем самым фактически перешел на позицию Афин.

Первое десятилетие XX в. стало временем ускоренного развития этнополитических процессов в Османской империи, в которых принимали активное участие молодые балканские государства. Просветительская и пропагандистская работа, которая велась греками, болгарам и сербам в Македонии, способствовала складыванию национального самосознания у различных групп населения этой области, деятельность греческих дипломатов и организаций на Крите и в Константинополе подталкивала местное греческое население к более активной борьбе за свои политические права и доступ к власти. Этот период ознаменовался также первым крупным вооруженным конфликтом на этнической почве между нетурецкими народами Османской империи.

Духовный климат эпохи

Как и прежде, большую роль в формировании духовного климата эпохи продолжали играть общественные науки. Большим авторитетом пользовались фигуры историка К. Папарригопулоса, крупнейшего греческого этнографа Н. Политиса, создателя национальных архивов Г. Влахойannis. Их изыскания с успехом были использованы идеологами общественно-патриотического подъема в стране, на фоне которого шла борьба за Македонию и Балканские войны. Обращение к национально-патриотической тематике в это время характерно и для греческого изобразительного искусства, которое до середины XIX в. находилось под безраздельным влиянием европейских

---

¹ Много лет спустя Сулиотис составил довольно подробное описание своей деятельности в Константинополе: Σουλιώτης-Νικολαΐδης Α. Οργάνωσις Κωνσταντινουπόλεως. Αθήνα, 1984.

художественных школ. Конец XIX — начало XX в. — время творчества замечательных художников Николаоса Гизиса и Никифороса Литраса, скульптора Яннулиса Халепаса. Начало XX в. — особая эпоха в истории греческого национально-патриотического движения, она выдвинула несколько крупных фигур, с именами которых ассоциируются не только теоретические размышления об интересах и задачах нации, но и самые радикальные попытки их решения. Среди этих людей — дипломат и политик Ион Драгумис и его шурин офицер Павел Мелас.

Отец Иоанна (Иона) Драгумиса Стефанос Драгумис был родом из Македонии, он одним из первых осознал возможные перспективы развития событий в Македонии и написал о положении дел там две книги — «Македонский кризис» и «Предаваемая Македония». Его статьи в газетах выходили под псевдонимом Γνάσιος Μακεδνός («подлинный македонец»).

Гораздо больший вклад в борьбу за Македонию внес сам Ион Драгумис. Он родился в достопамятном 1878 г., а в 1897 г. отправился добровольцем на войну с турками. После ее окончания он поступил на службу в Министерство иностранных дел. Зная о том, что на территории Македонии в 1890-е гг. уже вовсю действовали болгарские комитеты, И. Драгумис добился назначения в одно из дипломатических представительств в этом регионе, чтобы противодействовать болгарам. В конце 1902 г. И. Драгумис получил назначение в греческое консульство в г. Монастире, где стал вести среди местного населения работу по привитию ему греческого самосознания. Будучи официальным лицом и государственным служащим Греции (!), «поддерживая тесную связь с Павлом (Меласом. — О. П.), он тут же основал там подпольную организацию, которая быстро разветвилась по всей округе»¹. После 1904 г. Драгумис служил в греческих консульствах в других городах Османской империи, а в 1907 г. был назначен секретарем греческого посольства в Константинополе. Там его застала младотурецкая революция, после которой он стал одним из создателей «Константинопольской организации». Драгумис активно занимался литературой. Его произведения «Тропинка» (1902), «Кровь мучеников и героев» (1907), «Самофракия» (1908) и другие призывали греческую молодежь стремиться к установлению доминирующей роли греков на Балканах и Ближнем Востоке. В результате Драгумис стал одним из творцов патриотического подъема, охватившего Грецию в годы борьбы за Македонию и Балканских войн. И. Драгумис поддерживал тесные отношения с П. Яннопулосом² и разделял многие его теоретические воззрения: на страницах драгумисовских дневников эпохи борьбы за Македонию, опубликованных уже после смерти автора, можно найти множество рассуждений, перекликающихся с мыслями Яннопулоса³. Более того, можно говорить о влиянии, оказанном Яннопулосом на Драгумиса: последний неоднократно записывал в дневник мысли своего друга и развивал их собственными рассуждениями⁴.

Как справедливо отмечает современный греческий последователь И. Драгумиса член Всегреческого общества участников борьбы за Македонию и их потомков И. Холевас, Драгумис был националистом «в широком смысле слова», т. е. высту-

¹ Μελά Ν. Στο ίδιο. Σ. 14.

² О нем и его взглядах см. ниже.

³ Драγούμης Ι. Ο Ελληνισμός μου και οι Έλληνες // Драγούμης Ι. Έργα. Σειρά Β'. Αθήνα, 1927.

⁴ Αυτόθι. Σ. 2–3, 25–26, 103 κ. α.

пал за развитие всего, что связано с греческой нацией, а не только за завоевательную политику¹.

Имя Павла Меласа (1870–1904), молодого офицера, погибшего в Македонии, стало знаменем греческих националистов последующих поколений. Движимый патриотическим чувством, юноша Мелас решил стать военным и поступил в Школу Эвельпидов — одно из старейших военных учебных заведений страны, по окончании которой остался на службе в столице. П. Мелас женился на дочери крупного политика Ст. Драгумиса, активного сторонника греческой экспансии в Македонии. Через своего тестя П. Мелас поддерживал связи с лидерами греко-македонцев. Но в конце 1890-х гг. активные действия в этом направлении вряд ли были возможны: поражение в войне с турками 1897 г. вынудило сторонников внешней экспансии умерить свои аппетиты.

Восстание болгар 20 июля 1903 г. («Илиден») подтолкнуло греческое правительство к активным действиям, и в начале 1904 г. было принято решение снарядить в Македонию тайную миссию из четырех офицеров и сопровождавших их четырех солдат для выяснения реального положения дел и настроений населения. В состав этой миссии, организовавшей пропагандистскую работу на территории Македонии, вошел и П. Мелас под псевдонимом Микис Зезас. Летом 1904 г. П. Мелас организовал вторую экспедицию в Македонию, во время которой основывал греческий «Македонский комитет», а осенью того же года — третью. Во время этих экспедиций небольшой по численности греческий отряд старался не вести боевых действий ни против турецких войск, ни против болгарских партизан, а вел по преимуществу пропагандистскую работу, попутно верша «суд» и «казня» противников греческой экспансии среди местного населения². П. Мелас погиб в одном из первых открытых столкновений своего отряда с турецкими войсками. После смерти Павла его шурин Ион Драгумис написал адресованную греческой молодежи повесть «Кровь мучеников и героев» (1907), в которой излагал свое видение ситуации в Македонии и призывал молодое поколение включиться в борьбу.

Другая семья, оставившая след в связанной с «Великой идеей» общественной мысли начала XX в., восходит к византийскому роду Херетисов, исторически засвидетельствованному уже в XIV в. Сыновья константинопольского врача и члена «Филики Этерии» Кирика Херетиса Аристид и Теофраст возглавили восстание на Крите в 1841 г., а имя его внука Мануила Херетиса (1838–1919) стоит в одном ряду с именами И. Драгумиса и П. Яннопулоса. Последний также принадлежал к семье Херетисов и приходился племянником М. Херетису.

Мануил Херетис не получил университетского образования, поскольку его отец потратил все имущество на финансирование критского восстания 1841 г., но торговля изюмом в Патрах, приносившая ему средства к существованию, не мешала ему восполнить пробелы в образовании самостоятельно, заняться публицистикой и написать несколько книг, самая известная из которых — «Этнологизмы, или Исследование о национальном духе». Эта книга суммирует его воззрения на греческую нацию, ранее высказывавшиеся в прессе. Как журналист М. Херетис стал знаменитым в 1900-е гг. благодаря начатой им в местной печати полемике против проекта строительства собора св. Андрея французского архитектора Робера, ориентированного на западные традиции в архитектуре. М. Херетис настаивал, что храм

¹ См.: Χολέβας Ι. Ο Μακεδονολάτρης Ίων Δραγούμης ως φιλόσοφος, δημοσιολόγος, οικονομολόγος και κοινωνιολόγος. Αθήνα, 2000. Σ. 27.

² Αὐτόθι. Σ. 26–31.

покровителя города должен быть построен «по греческому христианскому образцу, в византийском стиле». Поскольку проект поддерживали местные власти, то дискуссия получила такой размах, что в нее вынужден был вмешаться сам король Георг I, причем на стороне Херетиса¹.

В тот же период Херетис написал книгу «Этнологизмы, или Исследование о национальном духе», среди высказанных в которой идей есть и общие с предшествующей традицией восприятия собственной нации, и оригинальные. Полностью разделяя концепцию непрерывности исторического развития греческой нации, М. Херетис все же говорил о том, что современные ему греки находятся на грани утраты национального духа. Причиной тому не только многовековое иноземное иго, погрузившее греков во мрак невежества, но и современное бездумное подражание Западу, дошедшее в столице до такой степени, что признаки собственной национальной принадлежности стали восприниматься как анахронизм². Как же исправить сложившееся положение? Для этого прежде всего необходимо, чтобы в школе подрастающим гражданам ясно внушалось «что значит быть греком, что такое Эллинизм и каковы его деяния в мире»³. Таким образом, за четверть века до гораздо более знаменитого творца массовой идеологии Гитлера греческий мыслитель подчеркивал важность патриотического воспитания в школе на уроках истории⁴.

Носителем национальной традиции, связующим древних и новых греков, М. Херетис считал Православную церковь, но его рассуждения о православии лежат вполне в русле позитивистской мысли, несмотря на все желание их автора избавиться от тлетворного влияния западной цивилизации. Православие в его изложении приобретает вид *suī generis* монотеистической модификации древнегреческого политеизма: христианство, по его мнению, сохранило не только многие языческие ритуалы греков, но и, по сути, языческий пантеон, лишь придав божествам другие имена: богиню Афину сменила Богородица, Посейдон «перевоплотился» в св. Николая, крылатый Гермес — в архангела Михаила и т. п. Таким образом, новая по форме религия сохранила национальный греческий характер⁵. Именно поэтому религиозное благочестие у Херетиса отождествляется с любовью к Родине и нации, а вера рассматривается не как самоценность, а как инструмент сохранения национального духа. Отсюда прямой путь к вольтерьянскому пониманию религии как обмана во благо общества. О более поздней эпохе, когда уже сложилась концепция греческой национальной исключительности, М. Херетис писал, что христианство могло развиваться в «религию Мира и Любви, духа и добродетели» лишь в лоне греков, но не евреев или какой-нибудь другой нации, поскольку ни одна из них не обладала необходимыми для этого свойствами⁶. Но и само христианство оказало влияние на дальнейшее развитие греческого духа: «Древнегреческий дух воплотился в Христианстве... и все последующее время они отождествлялись»⁷. Кроме того, по-

¹ См.: Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ. Μανουήλ Θ. Χαϊρέτης: ο άγνωστος προφήτης του Ελληνισμού. Αθήνα, 1998. Σ. 34–36.

² См.: Χαϊρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905. Σ. 50–51.

³ Αυτόθι. Σ. 63.

⁴ По воспоминаниям Гитлера, именно школьный учитель истории сделал его националистом.

⁵ См.: Χαϊρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905. Σ. 77–100.

⁶ См.: Χαϊρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905. Σ. 16–18.

⁷ Αυτόθι. Σ. 19.

мимо традиционного признания за Церковь заслуги сохранения нации в годы турецкого ига М. Херетис обратил внимание и на тот факт, что еще в византийский период Церковь стала связующим звеном между древними и новыми греками, посредством языка сохранив непрерывность греческой традиции. «Таким образом, вера и язык стали неприступной двойцей национальных бастионов»¹. Национально-объединяющее начало Церкви у греков столь велико, что они «не терпят инославия в лоне нации и не прощают его единоплеменным согражданам, и если те не являются единоверцами, то не считаются и настоящими греками»².

Особое внимание надо обратить на то, каким видится Херетису возрождение греческого национального духа. Создание независимого греческого государства стало первым шагом на этом пути. Но для того чтобы национальный дух обрел такое же величие, каким отличался в античности, необходимо провести целый комплекс мероприятий, направленных на борьбу не только с внешним, но и с внутренним врагом, ибо «самый ужасный, жестокий и безжалостный из наших врагов — мы сами»³. Греки должны освободиться от того губительного влияния, которое ведет их к пренебрежению всем греческим. Но сделать это будет очень нелегко, а без одного условия практически невозможно. Это условие — появление Человека, который станет «Мессией Эллинизма». Этот Человек должен обладать способностями, государственным умом и преданностью нации, как Перикл или Александр Великий. Такой Человек уже однажды явился в новогреческой истории на заре существования независимого государства. Это первый президент страны И. Каподистрия. Но преобразования, начатые Каподистрией, не были завершены по причине его убийства, в результате которого Греция лишилась вождя. Подлинное возрождение нации наступит, когда явится новый Вождь, который доведет до конца начатое дело⁴. Херетис выражал надежду, что таким национальным вождем мог бы стать тогдашний престолонаследник Константин, тезка последнего византийского императора, но этим упованиям не суждено было осуществиться.

Языковой вопрос, столь актуальный для той эпохи, М. Херетисом был воспринят в несколько иной плоскости: он указал на опасность не столько вульгаризации греческого языка, сколько на угрозу его повреждения и вытеснения иностранными языками: «... мы близки к тому, чтобы лишиться своего национального духа, обезьянничая и копируя нравы и обычаи иноплеменной цивилизации, пренебрегая даже самим нашим языком»⁵. Но культивация родного языка не означала для Херетиса возвращения к кафаревусе: он полагал, что национальный язык все-таки должен быть живым⁶.

В книге М. Херетиса встречается по крайней мере два понимания эллинизма: с одной стороны, это синоним греческой нации, а с другой — греческого национального духа, определяемого следующим образом: «Природа, и климат, и Небо Греческое; море и горы, линии и цвета Греческие; свет и тень, и язык, и вера Греческие, и Солнце и воздух Греческие, и дух Греческий — все это вместе и есть Эллинизм»⁷. В древности выразителями этого духа были отдельные греческие полисы, и дух «вital в воздухе», до тех пор

¹ См.: Χαϊρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905. Σ. 75.

² Αυτόθι. Σ. 75.

³ Αυτόθι. Σ. 210.

⁴ Αυτόθι. Σ. 205–216.

⁵ Αυτόθι. Σ. 50.

⁶ Αυτόθι. Σ. 153–162.

⁷ Αυτόθι. Σ. 9.

пока его идентичность не проявилась в общенациональном решении выступить против Трои¹. Кроме того, эллинизм, по мнению Херетиса, это синоним цивилизации². К этой мысли он пришел, толкуя древнее изречение “Πας μη Έλλην βάρβαρος”³.

Несмотря на кровное и духовное родство М. Херетиса и П. Яннопулоса, ничто не подтверждает гипотезу о том, что один из них «списал» у другого⁴. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим подробнее идеи П. Яннопулоса.

Периклис Яннопулос — фигура мало известная за рубежом, но у себя на родине его имя приобретает все более широкую популярность. Долгое время Яннопулосом интересовались только искусствоведы, однако недавно его имя появилось и в учебных пособиях по истории⁵. Этот поворот можно связывать с подъемом патриотических и националистических движений в современной Греции, вызванным, в свою очередь, боязнью растворения греческой нации в Европейском союзе. Идеи П. Яннопулоса стали своеобразным кредо целого поколения греческой интеллигенции, получившего название «поколения 30-х»⁶.

Помимо того что его идеи подтолкнули художественную интеллигенцию к поиску национальных корней в литературе и искусстве, они влияли на развитие национального самосознания у представителей политической элиты. После смерти Яннопулоса один из активных участников борьбы за Македонию Ион Драгумис записал в своем дневнике: «Мне кажется, что теперь, когда он ушел, я должен взять на себя все его заботы. И поэтому у меня много работы, очень много работы»⁷. Высказанные П. Яннопулосом взгляды на дальнейшие пути и перспективы развития страны сыграли важную роль в развитии этноцентрического дискурса, вступившем в новую фазу в первой четверти XX в.

Нельзя сказать, чтобы Яннопулос был в последующие годы совсем забыт: несколько раз предпринимались попытки издания собрания его сочинений⁸. Однако его жизнь и деятельность пока не стали предметом серьезного исследования. Это отчасти объясняется тем, что Яннопулос не принимал активного участия в общественной жизни — он не был профессиональным политиком, не вступал в общественные организации, не прославился на поле боя. Другая причина — неполнота сохранившегося его литературного наследия. Незадолго до смерти Яннопулос сжег все свои рукописи. Поэтому его литературное наследие состоит из двух изданных при жизни книг, нескольких десятков статей, опубликованных в большинстве случаев под псевдонимами, что не всегда дает возможность точно установить авторство, а также писем, хранящихся в частных архивах.

¹ См.: Χαϊρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905. Σ. 9–10.

² Αυτόθι. Σ. 10.

³ Всякий, кто не является греком, — варвар.

⁴ Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ. Μανουήλ Θ. Χαϊρέτης... Σ. 63.

⁵ Например, в электронном пособии по греческой истории, разработанном Фондом Эллинизма: www.pegasos.fhw.gr/chronos.

⁶ Среди деятелей греческой культуры, которые прямо руководствовались сформулированными Яннопулосом эстетическими принципами, можно назвать поэта А. Сикелианоса, архитектора и художника Д. Пикиониса, собирательницу национального фольклора и народного искусства А. Хаджимихали.

⁷ Цит. по: Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ. Περικλής Γιαννόπουλος: ένας προφήτης του Ελληνισμού // Γιαννόπουλος Π. Άπαντα. Τ. Α'. Αθήνα, 1963. Σ. μδ'.

⁸ В 1963 г. Д. Лазойоргос-Эллиникос издал только один том из предполагавшегося собрания сочинений. Отдельные сочинения П. Яннопулоса переиздавались в 1981, 1987 и 1992 гг.

Периклис Яннопулос родился в 1870 г. в Патрах, втором по величине промышленном и культурном центре тогдашней Греции. Его отец был врачом родом из Месолонги, прославившегося своей героической обороной во время национально-освободительной войны 1821 г. Мать принадлежала к византийскому роду Херетисов. Яннопулос вырос в обстановке почтения к своим корням, уважения к национально-освободительной традиции, которая вскормила еще одного «неизвестного пророка Эллинизма» — его дядю Мануила Херетиса.

Первые 17 лет жизни Яннопулос провел в Патрах, которые покинул для того, чтобы продолжить образование в Афинах. Он собирался пойти по стопам отца и стать медиком. Однако на самом деле медицина мало привлекала красивого романтического юношу. В 18 лет он отправился в Париж, но и там посвятил себя отнюдь не учебе. Присылаемые отцом деньги позволяли ему ни в чем себе не отказывать: молодой франт (*le Dieu Apollon*, как называли его парижские дамы) проводил время в веселых компаниях, а не в университете и читал не медицинские трактаты, а модных писателей. Но такая беззаботная жизнь продолжалась недолго. Когда Яннопулосу было 20 лет, умер его отец и семья больше не могла обеспечивать его деньгами. Теперь молодой человек наконец обратился к учебе, но на этот раз ему помешали проблемы со здоровьем. Он покинул Париж, так и не начав учиться. Однако отправился не на родину, а к своему брату Евстафию, обосновавшемуся в Лондоне и готовому оказать ему материальную поддержку. Несколько месяцев, проведенных в туманном Альбионе, отрицательно сказались на его здоровье.

В 1893 г. Яннопулос вернулся в Грецию. Возвращение в родные края и благоприятный климат восстановили его здоровье и подняли настроение. Оставалась одна проблема — где взять средства к существованию. Яннопулос записался на юридический факультет Афинского университета, но учиться там не стал. Попытки родственников устроить его на службу не увенчались успехом. Работа чиновника приводила его в уныние, и он быстро оставлял службу. Его все больше тянуло к литературной деятельности, к которой у него был очевидный талант. Но писательство не могло его прокормить. Тем не менее литературные переводы и журналистика — единственный род деятельности, которым он занимался. Небольшие гонорары, помощь брата, а впоследствии покровительство богатых меценатов — вот источники его существования. По своему образу жизни он по-прежнему оставался «свободным художником». Таким же свободным остался он и в личной жизни — долгие романтические отношения с художницей Софией Ласкариду так и не привели к семейному союзу.

Литературную деятельность Яннопулос начал, публикуя переводы модных европейских писателей и небольшие собственные художественные произведения в литературных газетах и альманахах. Но вскоре в его настроениях неожиданно произошел поворот: он совершенно утратил интерес к иностранным авторам и обратился к изучению греческой культуры. Считается, что толчком к этому послужило письмо его друга, известного почитателя родной культуры Анастасиоса Геннадиоса. «Кончай читать Бодлера и прочую гадость», — писал он Яннопулосу¹. Действительно, вскоре Яннопулос обнаружил интерес к древнегреческим авторам, неотъемлемой частью его жизни стали прогулки и экскурсии по историческим местам. Все это способствовало формированию собственных взглядов вначале на художественную культуру, а затем и на

¹ Цит. по: Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ. Αυτόθι. Σ. κγ'.

историю и политику. Однако, по нашему мнению, не только письмо Геннадияоса повлияло на перемену отношения Яннопулоса к национальной культуре. Еще одним фактором, определившим его идейную переориентацию, стала заложенная еще в детстве система ценностей, которую в юношеском возрасте он пытался интуитивно отринуть.

К 1899 г. относятся первые публикации Яннопулоса по эстетике. Постепенно его идеи переросли эту узкую область и выстроились в целую философско-историческую концепцию. Наибольшее число его публикаций в периодике относится к 1903–1904 гг. В это время вышли его программные статьи «Ко греческому возрождению», «Ксеномания», «Греческая линия и греческий цвет», ставшие своего рода апробацией тех идей, которые впоследствии были развиты Яннопулосом в его книгах. Характерно, что уже в это время он принципиально различал свое литературное творчество и произведения общественно-политического характера, в которых высказывал свое видение исторической судьбы греческой нации. Если первые он подписывал романтическими псевдонимами вроде «Лотос» или «Аполлоний», то под вторыми часто ставил свое настоящее имя или псевдоним «Неозалин».

После 1904 г. его произведения практически исчезли с газетных и журнальных полос. В это время он был занят подготовкой своих книг «Новый дух» (1906) и «Воззвание ко всегреческой общественности» (1907). После выхода второй книги Яннопулос почувствовал глубокое разочарование: ему казалось, что силы потрачены напрасно, что его идеи не нашли должной поддержки в обществе. Революция 1909 г., хотя и привела к притоку свежих сил в греческую политику, однако пошла по иному пути, нежели задумывал Яннопулос. В это время им все чаще овладевала мысль о самоубийстве: он рассказывал друзьям о том, каким способом покончит с собой. 10 апреля 1910 г. он отправил ближайшим друзьям одну и ту же открытку: на ней была изображена одна из скульптур Парфенона — юноша, обуздывающий коня. На следующее утро Периклис Яннопулос, одетый во все белое, с венком из полевых цветов на голове верхом пустился вскачь в открытое море. Достигнув достаточной глубины, он повернул лошадь лицом к берегу, достал пистолет и выстрелил себе в висок. Испуганная лошадь сбросила седока и умчалась. Когда через две недели море выбросило на берег тело Яннопулоса, в его кошельке нашли одну мелкую монету — дань Харону¹. Самоубийство П. Яннопулоса было истолковано его окружением как последняя попытка подтолкнуть греческое общество к национальному возрождению: отныне сам Яннопулос становился его символом.

Вопреки распространенному мнению о том, что новогреческое возрождение, воплощением которого стало создание независимого греческого государства, следует связывать с эпохой Просвещения, Яннопулос считал, что оно еще не наступило и никакого отношения к Просвещению, будь то в западном или «натурализованном» виде, не имеет. Расхождение Яннопулоса с общепринятой точкой зрения объясняется тем, что он не отождествлял национальное возрождение с формированием национального самосознания, которое называл национальным пробуждением. По его мнению, национальное пробуждение — это лишь предварительная стадия новогреческого возрождения. Но и она еще не наступила. Поэтому сам Яннопулос направил все свои усилия на то, чтобы «пробудить» своих соплеменников. С этой целью он разработал целую программу действий и философски обосновал ее. Для того чтобы

¹ Λαζογύργος–Ελληνικός Δ. Αυτόθι. Σ. μα'–μγ'.

лучше понять концепцию Яннопулоса, необходимо рассмотреть ключевые понятия, которыми он оперировал.

Фундаментом всех теоретических построений Яннопулоса являются его представления о греке. Прежде всего, Яннопулос отменил все сомнения относительно непрерывности развития греческой нации с древнейших времен до наших дней. Все греческие общественные науки второй половины XIX в. занимались доказательством этого положения. Но для Яннопулоса оно не требовало доказательств — это постулат: грек — «единый, нераздельный, единосущный и неизменный» во все времена, начиная с мифических¹. Возможно, уверенность в истинности этого положения вселяли в Яннопулоса его собственные византийские корни. Так или иначе, здесь мы впервые сталкиваемся с его отказом от доказательства собственных утверждений, которым читатель должен просто верить. Соответственно сам когнитивный процесс переводится из области знания в область веры². Вообще, все работы Яннопулоса ставят своей целью не научное обоснование новогреческого возрождения, а убеждение публики в его необходимости. В этом случае более действенными оказываются не рациональные, а эмоциональные аргументы.

Подобным образом Яннопулос рассуждал и о природе грека. Он поставил знак равенства между понятиями «грек» и «человек». Человек, согласно Яннопулосу, это высшее животное, в котором земля достигает своего самосознания. Греческая земля — еще одно важнейшее понятие Яннопулоса — породила грека. Но поскольку греческая земля — «самая кроткая и человеколюбивая», то именно она и породила настоящего человека. Все остальные земли породили лишь гуманоидов (человекообразные существа)³. В свое время (1951) Д. Везанис, считавший себя продолжателем начатого Яннопулосом дела, полагал, что мысль о порождении грека его землей отчасти созвучна антропогеографии Ф. Ратцеля⁴. Нам это замечание кажется не совсем верным: «земля» у Яннопулоса включает в себя не только природу, «земля» — это и ее древние боги, таинственные непознаваемые силы. Аналогичным образом понимал понятие «земля» и Ион Драгумис⁵. Таким образом, «земля» — это некоторый аналог русского понятия почвы. Именно поэтому человек и мог появиться только в Греции и ни в каком другом месте с похожими природными условиями. Здесь находится еще одна точка, в которой рассуждения Яннопулоса прямо переходят из области знания в область веры.

Связь грека со своей землей в большей степени культурная, нежели биологическая. Яннопулос допускал возможность включения в число греков иностранцев. Например, у немецкого принца Оттона, посаженного на греческий престол в 1830 г. была возможность положить начало национальной монархии, но он не смог ее осуществить. Для этого Оттону следовало жениться на гречанке, а их дети, воспитанные в греческой культуре, положили бы начало новой греческой аристократии. Но если включение отдельных иностранцев в греческую культуру вполне реально, то создание

¹ См.: Γιαννόπουλος Π. Νέον Πνεύμα // Γιαννόπουλος Π. 'Απαντα. Τ. 1. Αθήνα, 1963. Σ. 142.

² Понятия «вера» и «знание» здесь дифференцируются в том смысле, как это сделано у Ю. Ю. Петрунина. См.: Петрунин Ю. Ю. Когнитивное моделирование нерациональных эпистемологических структур // Когнитивное моделирование переговорного процесса. М., 1998. С. 55–57.

³ См.: Γιαννόπουλος Π. 'Εκκλησις προς το Πανελλήνιον Κοινόν // Γιαννόπουλος Π. 'Απαντα. Σ. 155.

⁴ См.: Βεζανής Δ. Το Μέγα Μήνυμα του Περικλή Γιαννοπούλου // Γιαννόπουλος Π. 'Απαντα. Σ. 252.

⁵ См.: Δραγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Θεσσαλονίκη, 1994. Σ. 36.

другими народами настоящей человеческой культуры немыслимо. В случае если греки погибнут, иностранцы не смогут достичь культуры их уровня даже на греческой земле. Греческая земля принимает только греков.

Утверждение Яннопулоса о неизменности грека следует понимать применительно к антропологическому типу, который, по его мнению, не претерпел никаких изменений, а также к национальной психологии и моральным устоям. Однако, при том что ядро греческой культуры оставалось неизменным, с течением времени грек претерпевал культурную эволюцию. Пика своего развития грек достиг в классическую эпоху: если архаический грек просто человек, то классический — это совершенный человек, равный богам.

Два важнейших свойства отличают грека — это эгоизм и тяга к перемене мест. Они были запечатлены еще Гомером в образах Ахилла и Одиссея. Эти качества играли в греческой истории двойственную роль. Широкое расселение греков по ойкумене способствовало распространению греческой культуры, но оно же размывало национальную общность греков. Эгоизм греков, с одной стороны, делал для них личные интересы превыше национальных. Поэтому, например, эгоистическое убийство Мавромихалисами президента Каподистрии повернуло страну на тупиковый путь развития. С другой стороны, греческий эгоизм имеет и свою положительную сторону: он помогал развитию отдельных греческих городов и общин, каждая из которых становилась своего рода нацией в миниатюре. Таким образом, эгоизм помог сохраниться и всей греческой нации.

Здесь надо сказать о том, как Яннопулос обозначал общность греков. Для этого он использовал сразу несколько терминов. Слово «народ» он употреблял редко и преимущественно в двух случаях: либо применительно к современному ему греческому обществу с размытым, по мнению Яннопулоса, национальным самосознанием, либо применительно к негреческим, «низшим» народам. В обоих случаях слово «народ» имеет некоторый уничижительный оттенок. Еще реже и в его узкоспециальном значении Яннопулос использовал слово «племя». Чаще всего единство греков обозначалось с помощью слов «эллинизм», «нация» и «раса». Слово «эллинизм» он использовал в традиционном значении — это общность греков всего мира, понимаемая прежде всего как общность культуры. Иначе обстоит дело с «нацией» и «расой». В ряде случаев они выступают как синонимы, но иногда противопоставляются. «Раса», наиболее употребительный термин у Яннопулоса всегда обозначает единство греков во времени и пространстве. «Нация» же в ряде случаев обозначает только элладитов — греков, живущих на территории новогреческого государства, а также само это государство. Надо сказать, что Яннопулосу в отличие от многих его современников, писавших на расовые темы, не свойственно биологизировать понятие «раса». Для него имеет значение прежде всего культурное единство, а биологические характеристики расы столь малозначительны, что он практически о них не пишет. Его тяга к биологическому лексикону — ядро нации он называет «клеткой», человека — «животным» — скорее дань моде, нежели показатель биологизации общественных процессов. У Яннопулоса встречаются также выражения «юность нации» или сравнение эллинизма эпохи Александра Македонского со «зрелым мужем, сеющим по миру свое семя». Но это лишь поэтические метафоры, у Яннопулоса нет разработанной концепции развития наций (или рас) по подобию биологического организма. В связи с этим характеристика взглядов Яннопулоса как расистских была бы необоснованной примитивизацией. Их можно было бы опре-

делить по выражению В. Шнирельмана, как «с расистским душком»¹, если бы не очевидная ненаучность этого определения.

Нация и раса, согласно Яннопулосу, обладают своим характером и моральными устоями, которые обеспечивают их жизнеспособность. Греческая нация обладает не только положительными качествами, ей свойственны два порока — зависть и раздор, ведущие нацию к саморазрушению. Этого не происходит благодаря наличию некоего ядра, организующего начала, которое Яннопулос назвал «клеткой», но не описал, в чем его суть. Нация наделена своей судьбой. Судьба греческой нации определяется ее особым предназначением — гуманизацией Ойкумены (т. е. ее окультуриванием). Но уникальность предназначения греческой расы (нация и раса в данном случае выступают как синонимы) не дает ей никаких биологических преимуществ по сравнению с другими расами. Борьба между расами за выживание определяется их интересами, силой духа и мощностью оружия. В этой борьбе греческая раса теоретически может и погибнуть.

Важнейшее и уникальное достижение эллинизма — это выработка греческого идеала и его реализация. Поскольку грек — единственный настоящий человек на земле, то его идеал — это единственный возможный человеческий идеал. Сущность греческого идеала — красота: «Прекраснейшая Земля (Греция. — О. П.) родила Прекраснейший Цветок (грека. — О. П.)»². Красота — один из основных принципов греческой религии, которую создал совершенный человек классической Греции. Это высшая религия ойкумены, ее трехчленный символ — Прекрасное, Истинное, Доброе. Практический смысл этой религии — вечное движение вперед к гуманизации, т. е. эллинизации ойкумены. Его реализация началась в эпоху Александра Македонского и продолжалась в Византийской империи.

Но то состояние, в котором пребывало современное ему греческое общество, Яннопулос считал далеким от идеала совершенного человека и высшей расы. В маленьком греческом государстве, где проживают далеко не все греки, господствует «дух лавочников», совершенно чуждый национальным интересам. Государство заботится об интересах не всей нации, а лишь малой ее части. Общественная жизнь лишена всякого порядка. Искусства в упадке. В таких условиях греческая раса не в состоянии исполнять свое главное предназначение — нести свет высшей культуры человечеству. Более того, само существование греческой расы находится под угрозой: на исконные греческие территории претендуют славяне, а духовная культура греков подавлена европейскими ценностями. Причина этого в упадке национального самосознания. С этой точки зрения греки пребывают в своего рода летаргическом сне. Чтобы спасти положение, необходимо пробудить нацию. Суть этого пробуждения состоит в подъеме национального сознания до такого уровня, чтобы каждый грек не только осознавал свою принадлежность к высшей расе, имеющей великое предназначение, но и был готов к активным действиям ради осуществления греческого идеала. Эта мобилизация должна охватить не только граждан греческого государства, но всю вообще греческую расу. Именно такой смысл вложил Яннопулос в название своей второй книги — «Воззвание ко всегреческой общественности».

Пробуждение нации является необходимым условием выживания нации и ее возвращения к исполнению своей великой миссии. Но само исполнение этой миссии

¹ Избранные части дискуссии // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. С. 220.

² Γιαννόπουλος Π. Ἐκκλησίς πρὸς τὸ Πανελλήνιον Κοινόν. Σ. 156.

в современных условиях под силу лишь истинно греческому государству. Настоящее греческое государство должно руководствоваться национальным принципом во всех сферах своего функционирования. Его первоочередная задача — не только обеспечить развитие нации внутри государства, но и освободить находящихся под игом иноземным соплеменников. После того как все это будет осуществлено, станет возможно подлинное возрождение греческой расы, которая вернет себе роль оплота цивилизации и станет во главе культурного, политического и экономического развития человечества. Таким образом, предложенная Яннопулосом программа национального возрождения должна была осуществляться в три этапа:

- 1) подъем национального самосознания с общенациональной мобилизацией;
- 2) создание подлинно национального государства;
- 3) превращение греческой расы в гегемона развития человечества.

Национальное возрождение у Яннопулоса — это синоним «Великой идеи», которая таким образом оформилась в конкретную политическую программу. Рассмотрим подробнее каждый из ее этапов.

Национальное пробуждение должно начаться с революции во всех областях духовной жизни. Поскольку в нынешнем бедственном положении эллинизма виноваты сами греки и никто другой, то эта революция должна совершиться внутри греческой нации и должна быть направлена не против конкретных людей, а против антинационального духа, заразившего все сферы общественной жизни. Причем старый мир нужно полностью разрушить, прежде чем строить новый. Эта революция, «восстание Прекрасного против Безобразного»¹, изменит отношение греков к самим себе и к действительности. Безобразное (в буквальном смысле) наследие эпохи турецкого ига и западного влияния будет отброшено, чтобы освободить место греческому идеалу прекрасного. Средство совершения этой революции — просвещение. Ее главная движущая сила — образованная молодежь. На важность работы с молодежью, которая легче впитывает новые идеалы и социально более активна, чем другие группы, почти одновременно с Яннопулосом обратил внимание его друг И. Драгумис². Но поскольку антинациональная система образования не в состоянии справиться с этой задачей, то Яннопулос готов был встать во главе этого дела. По каждому из 17 направлений духовной революции он собирался издать отдельную книгу — своего рода руководство к действию. Первым шагом в этом направлении он считал свои уже опубликованные работы. Но он понимал, что спасти нацию в одиночку невозможно. Залог успеха планируемой им революции в ее массовом характере. Поэтому Яннопулос оговорил издание своих последующих работ особым условием. Он собирался публиковать их, только если само греческое общество выскажет потребность в этом: книги должны были высылаться только тем, кто подаст личную заявку на них. Для Яннопулоса это означало не просто подписку, а своего рода инициацию — подписчики таким образом должны были выразить согласие с идеями автора и готовность претворять их в жизнь.

Еще раз подчеркнем, что просвещение по Яннопулосу и европейское Просвещение XVIII в. в идейном плане сильно различались. На этом настаивал и сам Яннопулос. И все же, отрицая сами основы Просвещения, Яннопулос, сам того не подозревая, усвоил ряд

¹ Γιαννόπουλος Π. Ἐκκλησις πρὸς τοὺς Πανελλήνιον Κοινόν. Σ. 241.

² Яннопулос дал высокую оценку работе И. Драгумиса «Кровь мучеников и героев». Редакционный случай, когда он кого-либо похвалил.

его фундаментальных идей, которые наложили отпечаток на его теоретические построения. Это прежде всего само понятие нации, формирование которого завершило европейское Просвещение. Кроме того, вполне в духе Просвещения Яннопулос полагал, что просветительская работа может изменить внутренний мир человека и целого народа, что человека можно перевоспитать, а приобщение к культуре поднимает его на более высокую ступень развития. Но в отличие от просветителей Яннопулос не считал природу всех народов одинаковой, и поэтому варварство для него не историческая ступень развития, а имманентное свойство западных рас. Ведь сколько ни бились греки над их окультуриванием, они так варварами и остались. А созданная западным миром цивилизация — это псевдоцивилизация, в ней нет подлинно человеческих ценностей, ее крупнейшие мыслители говорят о ее саморазрушении¹. Тем не менее победа духовной революции произойдет в результате длительной и упорной идеологической борьбы.

Национальное самосознание Яннопулос традиционно основывал на «трех китах» — исторической традиции, вере и языке. Однако трактовка первых двух значительно отличается от той, которая была заложена греческим Просвещением, а в отношении третьего, Яннопулос, судя по всему, так и не пришел к определенному мнению. Но в любом случае как язык, так и вера и история для Яннопулоса важны не как объективно существующая реальность, но как искусственно конструируемая часть национального самосознания. И конструироваться все три его компонента должны таким образом, чтобы внушать греку чувство единства его истории, веры и языка.

Историческая традиция в понимании Яннопулоса многопланова: она включает в себя собственно историю, а также художественную культуру и систему образования. Истории Яннопулос уделяет чрезвычайно много внимания. И это не праздный интерес: история, по его мнению, закладывает фундамент понимания не только современного ему греческого общества, но и самой сущности грека и эллинизма. А без этого никакое национальное возрождение невозможно. Неверное представление об истории — причина всех бед современного греческого общества. Поэтому история — важнейшее звено грядущей духовной революции, только с ее помощью можно изменить представления грека о самом себе.

История в представлении Яннопулоса существует в двух ипостасях: как объективная последовательность событий и как писаная история. Но если греческая историческая наука опиралась на первую, то для Яннопулоса важнее вторая, хотя в идеале они должны совпадать. Вся греческая историческая наука, сформировавшаяся под знаменем романтизма, стремилась к открытию новых фактов, которые подтверждали бы величие греческой культуры и непрерывность развития греческой нации. Но для Яннопулоса оба эти тезиса не нуждаются в доказательствах с помощью частных фактов. История должна заниматься не изысканием новых фактов, а интерпретацией общего процесса развития нации. До сих пор такая интерпретация, по мнению Яннопулоса, проводилась неправильно, и это дало ему основания утверждать, что нет ни одного достойного греческого историка. Иными словами, история — это не наука, а элемент идеологии и инструмент пропаганды. История — это фундамент национальной мобилизации.

Поскольку истинная греческая история еще не написана, то Яннопулос взял на себя труд наметить общие линии ее интерпретации. Основные принципы написания

---

¹ Конкретных имен Яннопулос не называл, но очевидно, что речь идет прежде всего о Ф. Ницше.

настоящей греческой истории были высказаны Яннопулосом в статье «Ко греческому возрождению» (1903), а в обеих его книгах много места занимает изложение национальной истории, построенное на этих принципах. В уже написанных исторических трудах Яннопулос видел два серьезных изъяна, которые лишают их всякой ценности. Во-первых, историки, как правило, сосредоточиваются на изучении какой-либо одной эпохи, теряя, таким образом, целостное восприятие исторического процесса. Во-вторых, и иностранные, и греческие историки писали свои книги, ориентируясь на ход развития западных государств и полностью игнорируя греческие реалии. Чтобы исправить эти недостатки, Яннопулос выдвинул два принципа, на основе которых должна писаться греческая история. Во-первых, исследование греческой истории должно проводиться на основе совокупного рассмотрения всех эпох и в первую очередь современности. В противном случае это будет не история, а всего лишь хроника. Во-вторых, вся греческая история должна опираться на глубокое знание особенностей грека. Яннопулос признает заслуги европейских историков в отношении изучения греческой античности. Но современный грек иностранцам неизвестен, поэтому все их выводы поверхностны и безосновательны¹.

Греческую историю Яннопулос начинает с мифической эпохи, когда начинается формирование грека = человека. Античную эпоху он рассматривает бегло, поскольку она в некоторой степени описана историками. Античность — это своего рода подготовительный этап истории, когда формируется сам грек и его идеал. Подлинно национальная история для Яннопулоса начинается с эпохи Александра Македонского, когда эллинизм приступает к выполнению своей особой миссии — гуманизации ойкумены. Сам факт наличия этого особого предназначения придает истории в понимании Яннопулоса телеологический характер: у нее есть не только прошлое, но и будущее. Особое значение имеет фигура самого Александра. Это символ пространственно-временного единства греческой расы, которому Яннопулос приписывает величайший политический ум. Александр — центральная фигура всей греческой истории. Это и есть тот юноша на белом коне, подражая которому Яннопулос хотел умереть молодым. Некоторые европейцы — «франки», как их презрительно называет Яннопулос — сомневаются, был ли Александр вообще греком. Для Яннопулоса это — покушение на самое святое, но привести рациональные аргументы в защиту своей точки зрения он не может. Читатель опять-таки должен просто верить ему как религиозному пророку.

Византийский период — ключевой для понимания всей греческой истории. Именно он был в наибольшей степени извращен европейскими историками, описывавшими Византию как «царство тьмы». На самом деле они хотели таким способом затушевать превосходство византийцев над европейцами и свою ненависть к ним. В результате европейцы заставили греков верить в свое собственное превосходство и подражать себе. Но подлинная Византия — это мировая христианская держава, созданная греками для более полного осуществления своей исторической миссии. Она была создана греками, использовавшими в своих целях римлян и их политические формы, т. е. имперское устройство. Римляне были лишь орудием в руках греков. Вообще, европейские историки уделяют римской истории незаслуженно много внимания, поскольку все величие римлян объясняется греческими заимствованиями. В Византии были созданы идеальные условия для развития греческой расы и других

¹ См.: Γιαννόπουλος Π. Προς την ελληνικήν αναγέννησιν // Γιαννόπουλος Π. Άπαντα. Σ. 6–8.

народов. Это произошло благодаря гармоничному сочетанию национального и религиозного начал в управлении государством. Как справедливо замечает греческий искусствовед А. Данос, Яннопулос не был первым, кто положительно оценил роль византийского периода в греческой истории, но его апология Византии стала кульминационной точкой в дискуссии о ее исторической роли, шедшей в Греции в XIX в.¹

Но титанический труд по «очеловечиванию варваров» на протяжении стольких столетий утомил и ослабил эллинизм и сделал его легкой добычей сначала крестоносцев, а потом турок. Этому способствовало и нарушение гармонии между национальным и религиозным началом в поздней Византии: Церковь стала приобретать слишком большую власть. Такое положение было законсервировано в эпоху турецкого ига, когда Церковь стала единственной легальной организацией христиан. Более того, султаны предоставили Церкви полномочия и в области гражданского управления. Таким образом, Церковь получила в свои руки гораздо большую власть, нежели во все предшествующие времена. Особое положение Церкви обусловило ее двойственную роль в развитии нации: с одной стороны, она спасла греков от полного исчезновения, а с другой — совершенно подавила в них национальное самосознание. Ведь в глазах Церкви «нет ни Эллина, ни иудея», а есть прежде всего христиане.

Такая ситуация была на руку европейцам, которые были рады падению Византии, ибо перед ней они чувствовали свою неполноценность. Чтобы вновь не попасть в культурную, а может, и политическую зависимость от греков, европейцы стремились законсервировать такое состояние греков. В это время началось активное проникновение в греческую среду европейских идей, внушавших грекам их подчиненное положение по отношению к Европе. Три наиболее типичных фигуры греческого общества той эпохи — монах, учитель и купец — стали проводниками этих идей. Они призывали своих соплеменников к терпению и послушанию: если греки будут хорошо себя вести и следовать указаниям европейцев, то европейские великие державы как-нибудь облегчат их положение. В это время грек превратился в «ромей». В слово «ромей» Яннопулос вкладывал исключительно уничижительный смысл. Он никогда не употреблял его в отношении византийцев, хотя именно византийцы и называли себя ромеями. Ромей — это выродившийся грек. Ромей утратил свое национальное самосознание, пропитался пагубными европейскими идеями, потерял способность к самостоятельному мышлению и действию. Став ромеями, греки выпустили из рук свою собственную судьбу, вместо того чтобы повелевать судьбами других народов.

Отрицательное отношение к «ромею» и «ромейскости» было широко распространено тогда в греческом образованном обществе. Например, известный этнограф Н. Политис также связывал самоназвание «ромей» с упадком греческого национального самосознания, поскольку ромеями в османское время (вслед за византийской традицией) называлось все христианское население империи. Вернув себе древнее имя «эллин» греки сбросили с себя «лохмотья ромейскости»². Однако уже среди современников Яннопулоса зародилась и уходящая корнями в народное сознание другая трактовка ромейскости, ставшая впоследствии господствующей. Косвенно ей способствовала и яннопулосовская интерпретация греческой истории, поднимав-

¹ См.: Danos A. The Culmination of Aesthetic and Artistic Discourse in Nineteenth-century Greece: Periklis Yannopoulos and Nikolaos Gyzis // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 20. 2002. № 1. P. 86.

² Πολίτης Ν. Γ. Έλληνες η Ρωμηοί. Αθήνα, 1901. Σ. 20.

шая статус ее византийского периода. Ромей стал рассматриваться как более высокая ступень эволюции грека по сравнению с древним эллином. Кроме того, ромей — необходимое звено непрерывной греческой традиции. Поэтому возрождение нации возможно только при ориентации на ромейскость: абсурдно было бы пытаться породить греческий мир IV в. до Р. Х. Одним из первых такую позицию открыто занял выдающийся греческий поэт К. Паламас¹.

Уничижительное отношение к ромейскости — одно из слабых мест всей яннопуловской конструкции: выбросив ромея за рамки прогрессивного развития эллинизма, Яннопулос создал лакуну в исторической традиции. Осознавая всю важность традиции для национального возрождения, Яннопулос в то же время уничтожил ее последнее звено и превратил таким образом всю свою программу в утопию. Его понимание ромейскости лежало в русле новогреческого просвещения, на борьбу с идеями которого он потратил столько сил. Именно за «интеллигентское», далекое от народа истолкование ромейскости критиковали Яннопулоса последующие теоретики духовного возрождения нации. «Обуржуазиванием аристократической формы “Великой идеи” назвал программу национального возрождения Яннопулоса социолог Д. Цаконас².

Негативное отношение Яннопулоса к ромейскости было в значительной степени обусловлено его религиозными взглядами. Поиски религиозной идентичности греков всегда ставили их в затруднительное положение: если даже считать православие национальной греческой религией, то как соединить его с античным язычеством? В попытке совместить обе религии древнегреческая философия была названа одной из двух важнейших составляющих христианства. С этим фактически согласилась и Церковь, введя преподавание философии в духовных школах и позволив изображать в храмах Платона и Аристотеля (правда, без нимбов). Но Яннопулоса такое решение не устраивало: оно принижало роль язычества по сравнению с христианством. Кроме того, он как никто другой остро чувствовал наднациональный характер христианства, который в его интерпретации превращался в антинациональный. Более приемлемое решение было предложено дядей Яннопулоса М. Херетисом: он рассматривал христианство в качестве новой фазы развития древнегреческой религии, которая приняла новые формы, сохранив свою сущность.

Но Яннопулосу этого было мало: он изменил даже саму постановку вопроса. Если его предшественники ломали голову над тем, как «подогнать» язычество под стандарты православия, то он счел, что это христианство должно приспособливаться к религии древних греков, которая на самом деле и есть единственная высшая религия человечества. Что же касается христианства, то не оно создало греков, а, наоборот, греки создали христианство, заимствовав при этом еврейскую монотеистическую идею. Но греки использовали христианство, эту религию «второго сорта», не для себя самих, а для варварских народов: доступная всем народам религия была призвана стать организующим началом государства, которое будет нести этим народам свет греческой культуры. Христианство, как и римская государственность, — это лишь средство создания мировой державы греков. Таким образом, надо говорить не о ромеизации и христианизации греков, а об эллинизации римлян и христианства. Но наступил момент, когда унифицирующая сила христианства обратилась против

¹ См.: Ρωμανίδης Ι. Σ. Κωστής Παλαμάς και Ρωμηοσύνη. Διάλεξις γενόμενη την 21. 3. 1976 εις την Ιεράν πόλιν Μεσολογγίου // www.romanity.gr.

² См.: Τσάκωνας Δ. Ελληνικότης. Αθήνα, 1962. Σ. 83, 88.

самых греков, нивелировав их национальное чувство. «Как христиане вы затеряны среди других чудовищных народов. Но как греки можете выделиться и спастись»¹. Именно поэтому Церковь в глазах Яннопулоса — главный враг национального возрождения после «франков». Но он не призывал к ее уничтожению, Церковь должна быть реформирована таким образом, чтобы занять минимальное место в общественной жизни. Особенно гневно выступал Яннопулос против ядра Церкви — монашества, призывающего народ к терпению и отвлекающего его от борьбы за национальные идеалы. На самом деле церковная реформа, нанеся серьезный удар по монашеству и поставившая Церковь в зависимость от государства, уже была осуществлена в Греции в 1830-е гг. У Яннопулоса к ней двойственное отношение: с одной стороны, он считал ее недостаточно радикальной, а с другой — осуждал разрыв отношений с константинопольским патриархом, в котором видел символ единства эллинизма.

Терпимое отношение Яннопулоса к Церкви в значительной степени вынужденное: он понимал, что не так-то просто заставить народ сменить веру. Тем не менее в более отдаленной перспективе Яннопулос планировал реформировать не только церковную организацию, но и сами основы религии. Христианство будет преобразовано в некое неоязычество: греки вновь станут поклоняться матери-земле и ее богам. В основу новой веры будет положен древнегреческий троичный символ (Прекрасное, Истинное, Доброе), но если античность прошла под знаком Афины, а средние века — Святой Софии, то символом новой эры станет Афродита. Почему была избрана именно эта богиня, не очень понятно — концепцию Яннопулоса философией любви никак не назовешь. Сам он объясняет свой выбор исходя из этимологии имени Афродиты: греческая нация должна возродиться как Пенорожденная богиня². Вообще, рассуждения Яннопулоса по вопросам веры почти всегда поверхностны — с христианским богословием он знаком весьма приблизительно, как, впрочем, и с религией древних греков. По сути дела Яннопулос — атеист, в провозглашаемой им новой вере господствуют абстрактные принципы, сформулированные человеком, но нет места Богу. Вслед за Аристотелем, философом, пользующимся у него наибольшим уважением, Яннопулос отрицал загробную жизнь, а бессмертие души признавал лишь в коллективной форме — в виде национального духа. Существование Церкви он допускал только ради общественного блага — эта идея была заимствована им у ненавистных «франков». Антихристианские настроения Яннопулоса раз и навсегда лишили его популярности среди верующего населения, которое и поныне составляет оплот националистических идей. К этому добавим, что как раз в те годы, когда Яннопулос выступил со своей программой, в Греции начиналось религиозное возрождение, связанное с именами эгинского митрополита Нектария и архимандрита Евсевия Матфопулоса. Отталкивая от себя Церковь, Яннопулос тем самым замыкал возможность осуществления своей программы узким кругом интеллигенции и атеистически настроенными слоями городского населения.

Размышления Яннопулоса о третьей составляющей национального самосознания — языке пришлось на время бурных дискуссий в греческом обществе по языко-

¹ Γιαννόπουλος Π. Ἐκκλησίς πρὸς τὸ Πανελλήνιον Κοινόν. Σ. 183.

² Последующие изыскания языковедов показали, что трактовка имени Афродиты как «пенорожденной» — ложная этимология, предложенная античными авторами в попытке эллинировать заимствованное божество. На самом деле имя Афродиты, так же как и большинства других олимпийских богов (Афина, Аполлон, Гера и др.) — догреческого неиндоевропейского происхождения. См., напр.: Μπαλτινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, 2006.

вому вопросу. За филологическими баталиями вся страна следила напряженнее, чем за дебатами в парламенте, сами языковые споры принимали политический характер: филологический радикализм ассоциировался с политическим. Для Яннопулоса языковой вопрос не имел такого значения, как историческая традиция и вероисповедание, поэтому он долгое время оставался в стороне от филологических споров и, судя по всему, так и не стал строгим сторонником ни одной из двух позиций. Для Яннопулоса имело значение прежде всего сохранение исторического единства языка, неважно, в какой форме. С той точки зрения он склонялся к кафаревусе, на которой и написаны большинство его работ. Но он понимал также и то, что кафаревуса не может долго существовать в неизменном виде в качестве живого языка. Это приводило его к мысли о необходимости придания димотике статуса письменного языка¹. Однако последовательным димотикистом он не стал из-за некоторых идейных расхождений с лидерами этого движения. В частности, он критиковал одного из столпов димотикизма Я. Психариса за то, что тот, во-первых, недооценивал классическую языковую традицию и опирался на «вульгарную» ромейскость, а во-вторых, сводил все проблемы современного греческого общества к языковому вопросу.

Пробудившейся греческой нации предстоит создать подлинно национальное государство — это второй этап яннопулосовской программы национального возрождения. Ныне существующее государство антинационально во всех своих проявлениях. Причина этого в том, что новогреческое государство изначально создавалось в противоречии с национальными принципами. Руководили процессом государственного строительства клефты — они были хорошими солдатами, но не имели способностей к государственному управлению. В результате «клефты освободили Грецию, но тут же ее убили»². Завистливые и честолюбивые клефты создали не общегреческое государство, а «маленькую родину» частных интересов, оттеснив с политической арены фанариотскую аристократию. Апогеем этого процесса стало изгнание из парламента и государственных учреждений гетерохтонов в результате революции 1843 г. После этого греческое государство перестало представлять интересы всей расы. Яннопулос представлял себе греческое государство как мозг нации, своего рода Византию в миниатюре, но усилиями клефтов и их духовных наследников «Греческий Мозг превратился в гнилой арбуз»³.

В подлинно национальном греческом государстве ключевые позиции во всех областях должна занять национальная элита, рекрутированная не только в Греции, но и среди греков диаспоры. Новому государству предстоит решить три задачи: духовно объединить всю греческую расу, освободить соплеменников из-под иноземного ига и после этого взять на себя руководство национальным возрождением. Таким образом, яннопулосовская программа строительства национального государства сочетала в себе оба традиционных для греческой «Великой идеи» пути ее реализации — географического объединения греков в общее государство и перестройку внутри самого этого государства. Но в отличие от политиков, пытавшихся реализовать внутренний путь через модернизацию экономики, как это делал, например, Х. Трикупис, Яннопулос делал упор на духовную революцию, на перестройку сознания.

¹ П. Яннопулос был не единственным, кто, склоняясь в теории к димотикизму, на практике продолжал пользоваться кафаревусой. Подобным образом вел себя, например, известный писатель Э. Ройдис, публично заявивший, что кафаревуса не годится для написания стихов.

² Γιαννόπουλος Π. Νέον Πνεύμα. Σ. 108.

³ Αυτόθι. Σ. 122.

После духовного, а затем и географического объединения греков государство наконец сможет приступить к выполнению третьей, самой важной задачи, являющейся третьим этапом и одновременно конечной целью всей яннопулосовской программы, — к национальному возрождению. Для греческой нации возрождение означает возвращение лидирующих позиций во всех областях человеческого развития. Греки вновь станут образцом для подражания для других, «низших» рас и вернутся тем самым к исполнению своей исторической миссии.

Концепция Яннопулоса — результат идейного брожения в рядах греческой образованной элиты. Она приняла форму политической программы, сформулированной на основе этноцентрического дискурса. Ее идейная основа эклектична (возможно, в этом проявилось отсутствие у Яннопулоса систематического образования), в ней прослеживается влияние идей Просвещения, романтизма, философии Аристотеля, а также новых веяний в европейской общественной мысли — ницшеанства и зарождающегося расизма.

Проблема оценки взглядов П. Яннопулоса в принятых ныне в историографии национальных движений категориях представляется довольно сложной. Слово «расизм», как было указано выше, к ним не применимо. Можно назвать его воззрения националистическими, но это на практике означает не назвать их никак, поскольку термин «национализм» в настоящее время не имеет однозначного толкования. Наиболее приемлемой представляется их характеристика как этноцентристских. Этноцентрический дискурс, как мы видели, начал складываться в среде греческих интеллектуалов еще до появления греческого государства. Заслуга же Яннопулоса заключается в том, что он первым сформулировал на ее основе конкретную программу действий и придал ей массовый и всеобъемлющий характер.

Но и этого недостаточно. Как уже отмечалось, ряд утверждений П. Яннопулоса не поддается верификации, соответственно из области знания они переходят в область веры. Это придает взглядам Яннопулоса религиозную окраску, которая усиливается его попыткой создать собственную религиозную систему.

Тем не менее на основе этой концепции ни Яннопулос, ни его последователи не смогли создать организованного политического движения. Одна из причин этого заключается в отсутствии фигуры лидера, способного повести за собой людей и навести порядок в стране. По словам самого Яннопулоса, «Греция будет построена только тогда, когда множество Людей Идеи, полностью посвятившие себя, пожертвовавшие собой, создадут и приведут в действие полноценный Национальный Идеологический Мир, когда все примут участие в создании Единого Разума и Железной Руки, которая вместе с Королем, закованная в броню из лучших Мужей расы, опираясь на Мораль, Дух и Действие, наступит на горло пошлому анархическому безумию Греции, крепко свяжет ему руки и расставит Людей и Вещи по своим местам»¹.

Революция 1909 г. вывела на греческую политическую арену новые силы, выбравшие иной — вестернизаторский — путь развития страны. Возглавивший эту политику Э. Венизелос повел страну по пути реализации более узкого (прежде всего географического) понимания «Великой идеи», более близкого и понятного населению.

Тем не менее нет оснований помещать идеи Яннопулоса *ad marginem* общественной мысли и политики. Несмотря на то что он сам не был причастен к принятию политических решений, нельзя забывать о том, что родственные, а порою и откровенно

¹ Γιαννόπουλος Π. Νέον Πνεύμα. Σ. 141.

расистские идеи в то время исповедовали и проводили в жизнь люди, находившиеся у кормила власти. В качестве примера достаточно привести американского президента Теодора Рузвельта (1901–1909), одного из главных идеологов экспансии на Дальний Запад Америки и делившего человечество на «дикарей» (подлежащих уничтожению) и «преобладающие мировые расы»¹.

Можно вполне согласиться с утверждением Д. Везаниса о том, что, начиная с Яннопулоса, греческая национальная идеология разделяется на пассивную (εθνικοφροσύνη) и активную (εθνικισμός)². Но, несмотря на то что программа Яннопулоса в целостном виде никогда не была реализована, многие ее положения нашли единомышленников не только среди интеллигенции, но и среди политиков. К их числу принадлежали С. и И. Драгумисы, Л. Мавилис и др. Политический манифест Яннопулоса стал важной вехой в развитии «Великой идеи». Много точек пересечения с яннопулосовской программой имела концепция «третьей греческой цивилизации», легшая в основу идеологии диктаторского режима И. Метаксаса в 1930-е гг. Некоторые мысли Яннопулоса, не понятые и не принятые современниками, опередили свое время: например, его мысль о необходимости общегреческой мобилизации на защиту национальных идеалов предвещала мобилизационные технологии в Европе 1920–1930-х гг., а идея «понимающей истории» оказалась удивительно актуальной в конце XX в.

Изучение творческого наследия ряда представителей греческой общественной мысли начала XX в. приводит к выводу о том, что этноцентрический дискурс в это время вступил в новую фазу своего развития. Духовные искания П. Яннопулоса, И. Драгумиса и их единомышленников стали результатом осмысления к тому моменту уже почти столетнего опыта существования греческого национального государства. Прочно закрепившийся еще в предшествующие десятилетия в качестве господствующего политического дискурса этноцентрический дискурс теперь был обогащен новыми теоретическими положениями и понятиями, созвучными аналогичным направлениям общественной мысли и в других европейских странах. Этноцентристы начала XX в. впервые в греческой практике поставили на повестку дня вопрос создания идеологии не просто массовой, но обладающей большими мобилизационными возможностями. Они же первыми предприняли попытку практического решения этой задачи. В масштабах государства она оказалась пока невыполнимой, однако первая проба сил в Македонии дала прекрасный результат.

Звезда Венизелоса

События в Османской империи, завершившие партизанский этап борьбы за Македонию, совпали с аналогичными выступлениями в Греции. Осенью 1908 г., почти одновременно с выступлением младотурок в османской Македонии и под его влиянием³, среди греческого офицерства возникло сразу несколько групп, стремившихся к вмешательству в политическую жизнь. Одна из них объединяла офицеров среднего звена во главе с майором Георгием Караискакисом, внуком героя революции

¹ См.: Цит. по: Хомский Н. Новый военный гуманизм. М., 2002. С. 136.

² См.: Βεζανής Δ. Αὐτόθι. Σ. 267.

³ См.: Никитина Т. В. Греция накануне первой мировой войны: особенности внутривосточного развития. М., 1984. С. 26–27.

1821 г. Среди прочих ее членов надо особо отметить Николая Пластираса и Георгия Кондилиса. Эти имена еще встретятся нам в связи с другими акциями военных в Греции. Однако первоначально эта группа не ставила перед собой политических задач: офицеры собирались решать исключительно профессиональные проблемы.

В другую группу, уже политического характера, вошли младшие офицеры. Руководили их действиями лейтенанты Федор Пангалос¹, которому также предстояло в будущем прославиться на ниве военных диктатур, и Христос Хаджимихалис. Третью группу возглавлял капитан Павел Зимвракакис. В октябре 1908 г. группа лейтенантов подписала первый протокол о создании офицерской организации с политическим целями. Она получила название «Военный союз».

Мы уже говорили, что в первые десятилетия существования греческого государства военные играли большую роль в политической жизни страны: они поднимали восстания против И. Каподистрии, с их помощью была проведена революция 1843 г., они внесли большой вклад и в революционные события 1863 г. Однако за все время продолжительного царствования Георга I, т. е. почти за полвека, в Греции не было ни военно-политических организаций, ни вообще попыток офицерства оказывать давление на власть. «Военный союз» положил им начало. Вскоре к нему примкнули группировки Караискакиса и Зимвракакиса, после чего «Союз» стал стремительно увеличиваться в числе и обретать все большее влияние в офицерской среде.

25 июня 1909 г. свыше 180 офицеров собрались в доме Хаджимихалиса для обсуждения программы организации. Известие об этом собрании вызвало политический кризис, который привел к падению министерства Феотокиса. Пришедший ему на смену кабинет Раллиса заверил Порту в отсутствии у Греции агрессивных намерений и пошел на уступки туркам в критском и македонском вопросах. Кроме того, Раллис постарался ослабить влияние «Союза» путем различных служебных перемещений. Наиболее активным членам организации грозило разжалование. Эти акции нового правительства возмутили членов «Союза», среди которых зрела решимость действовать.

Вскоре газета «Хронос» опубликовала требования офицеров: прекратить произвол парламентских партий и отстранить от командования вооруженными силами наследника Константина и других принцев крови. Это выступление в прессе Раллис вполне справедливо расценил как начало антиправительственного движения. Он отреагировал достаточно решительно, приступив к арестам. Но было уже поздно: войска перешли на сторону «Союза». Как полагает Т. В. Никитина, Раллис недооценил масштабность офицерского движения². 14 августа Пангалос освободил арестованных офицеров, а в тот же вечер члены «Союза» во главе с полковником Николаем Зорбасом собрались в казармах в Гуди и приняли решение вывести войска в том случае, если правительство отклонит их требования. Правительство Раллиса было вынуждено уйти в отставку. События 14–15 августа представляли собой первую после многих десятилетий и удачную попытку военных изменить направление политического развития страны. Они получили название восстания или, по греческой терминологии, движения в Гуди³.

¹ О военной и политической карьере Ф. Пангалоса см.: Χατζηαντωνίου Κ. Θεόδωρος Πάγκαλος. Αθήνα, 2004.

² См.: Никитина Т. В. Греция накануне первой мировой войны. М., 1984. С. 29.

³ Подробнее о развитии событий см.: Τσίχλης Β. Το κίνημα του Γουδή και ο Ελευθέριος Βενιζέλος. Αθήνα, 2007.

Условия повстанцев принял Кирьякулис Мавромихалис, которому и было поручено формирование нового правительства. Как только известие об этом дошло до лидеров восстания, полковник Зорбас отдал приказ отвести войска назад в казармы. Таким образом, на этом этапе не произошло ни кровавых столкновений, ни установления военной диктатуры. Между тем массовые манифестации в столице свидетельствовали о том, что идея установления диктатуры и прекращения «феодалной анархии партий» была очень популярна в среде городских слоев и в особенности студенчества. Требования повстанцев, по видимости, были весьма умеренными: они не посягали ни на монархию, ни на существующий парламентский строй. Они требовали проведения некоторых скорее второстепенных реформ в сфере государственного управления, реорганизации армии с отстранением от командования принцев крови, а также перестройки системы образования.

Однако вскоре оказалось, что невозможно что-либо изменить, ничего при этом не меняя. Необходимо было побороть ту самую «феодалную анархию партий». Для этого надо было опереться на новую политическую фигуру, не имеющую прочных связей со старыми элитами. В качестве такой фигуры был избран молодой и энергичный критский политик Элефтериос Венизелос (1864–1936), который хорошо себя зарекомендовал в борьбе греков за Крит. В октябре 1909 г. к нему был направлен полномочный представитель «Военного союза»¹.

Элефтериос Венизелос, один из крупнейших греческих политиков нового времени,² был сыном критского купца, участвовавшего в восстании 1866 г. После поражения восстания семья была вынуждена эмигрировать. Детские годы Венизелоса прошли на Сиросе, затем, после объявления амнистии, семья вернулась в Ханья. Венизелос не захотел заниматься торговлей и продолжать дело своего отца и выучился в Афинах на юриста. Так что говорить о том, что в Афинах у него не было никаких связей, не совсем верно. В 1886 г. он вернулся на родину и начал адвокатскую практику. Однако уже на следующий год Венизелос занялся политикой и был избран депутатом критского парламента. В дальнейшем, как мы видели, он принимал самое активное участие в политической жизни острова.

Уже в декабре 1909 г. по приглашению «Военного союза» Венизелос прибыл в Грецию для ведения переговоров. Его предложения включали в себя создание служебного правительства и проведение выборов в Учредительное собрание. В данном случае речь шла о Собрании с полномочиями внесения в конституцию поправок — *Αναθεωρητική Βουλή*, а не принятия новой конституции — *Συντακτική Βουλή*, что неоднократно подчеркивал сам Венизелос. Иначе говоря, на повестку дня встал вопрос о пересмотре конституции и, возможно, государственного строя. Предложение Венизелоса было принято. Служебное правительство возглавил известный идеолог борьбы за Македонию С. Драгумис, а лидер повстанцев Зорбас вошел в него в качестве военного министра. После того как были назначены выборы в Учредительное собрание, «Военный союз» счел свою задачу выполненной и самораспустился.

В августе 1910 г. прошли намеченные выборы, после чего Венизелос был введен в состав кабинета министров. В октябре, после отставки Драгумиса, он стал премьер-ми-

¹ Τσίχλης Β. Το κίνημα του Γουδή και ο Ελευθέριος Βενιζέλος. Αθήνα, 2007.

² О нем существует довольно обширная литература, исходящая преимущественно из лагеря его сторонников и почитателей, реже — его политических оппонентов. Современная оценка его деятельности дается в: Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η εποχή του. Αθήνα, 2005.

нистром. Однако новый премьер не получил вотум доверия парламента. Тогда он этот парламент распустил и провел новые выборы, в которых не участвовали старые партии. На этих выборах (ноябрь 1910 г.) Венизелос одержал убедительную победу, хотя число голосовавших было несколько меньше по причине неучастия сторонников Раллиса и Феотокиса. Выборы 1912 г., в которых принимали участие все партии, опять принесли победу венизелистам: они получили 145 мандатов, а оппозиции досталось только 36.

Появление на политической сцене нового лидера повлекло за собой создание и новой партии¹. Она получила название Либеральной. В нее вошли многие землевладельцы, предприниматели, офицерство. Это были прежние сторонники старых партий, члены радикального крыла «Военного союза», последователи Трикуписа, социалисты. Часто либералов называют первой партией нового типа в Греции. Но это не совсем так. Многие ее члены примкнули к Венизелосу вовсе не из идейных соображений, а руководствуясь желанием получить выгоду за счет поддержки политического фаворита. Кроме того, в организационном плане Либеральная партия не очень отличалась от остальных. Руководство всеми делами осуществлялось самим Венизелосом и его ближайшим окружением. Никакой вертикали собственно партийных органов и организаций создано не было². Эта партия была скорее похожа на партию Трикуписа: она продолжала сочетать в себе черты старой партии лидера и новой партии европейского типа.

С октября 1910 г. венизелистский парламент занялся изменением конституции. Несмотря на неоднократные заявления Венизелоса, что это будут лишь поправки к прежней конституции, т. е. политический строй сохранится неизменным, на самом деле была разработана новая конституция. Сам процесс пересмотра конституции не соответствовал процедуре, описанной в конституции 1864 г.: вместо максимум 30 поправок было принято свыше 50; вносились они не парламентом, а специальным комитетом, в котором видную роль играл монарх; вместо положенных двух голосований поправки были приняты всего лишь одним и др.

Конституция 1911 г. внесла существенные изменения в организацию, полномочия и механизм функционирования парламента. Согласно этой конституции значительно упрощалась законодательная процедура, был снижен возрастной ценз для кандидатов в депутаты с 30 до 25 лет, расширена категория лиц, для которых депутатский мандат оставался закрытым. В их число включались военные, находящиеся на действительной воинской службе, а также лица, чья экономическая деятельность затрагивала интересы государства. Контроль за проведением выборов отныне возлагался не на парламент, а на независимую судебную инстанцию с целью исключить фальсификацию избирательного процесса.

Для интенсификации работы парламента создавался Государственный Совет, на который возлагались функции предварительной проработки законопроектов. Кворум был снижен с половины до одной трети депутатов. Это новшество должно было укрепить положение правительства, изъяв из рук оппозиции действенный инструмент воздействия на него. В конституции содержалась теперь важная статья, которая легализовала возможность введения в стране чрезвычайного положения. В этом случае важнейшие демократические свободы могли быть ограничены. Действие этой статьи распространялось на свободу печати, собраний, неприкосно-

¹ О раннем периоде политической деятельности Венизелоса см.: Παπαγιωτάκης Γ. Ο Βενιζέλος στην επανάσταση και την πολιτική. Ηράκλειο, 1993.

² См.: Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. Αθήνα, 1961.

венность жилища и переписки, защиту от необоснованных арестов, обязательство государства рассматривать политические дела в политическом (а не уголовном) суде. Введение в действие этой статьи открывало возможность установления в стране диктатуры в рамках действующей конституции.

Первое министерство Венизелоса (1910–1912)¹ провело также ряд реформ в области государственного и местного управления. Была конституционно закреплена несменяемость судей и государственных служащих. На государственные посты, как и прежде, были назначены сторонники правящей партии, однако на будущее была введена система замещения вакантных должностей на конкурсной основе. В связи с большим количеством проводимых реформ в сфере государственной администрации было создано много новых мест. Таким образом Венизелос продолжил начатую Трикуписом работу по созданию в стране слоя профессиональной бюрократии.

Руководство начальным образованием изымалось из ведения местных властей и передавалось центральной власти. Это был важный шаг на пути унификации системы образования в стране. Еще важнее было то, что отныне начальное образование становилось обязательным и бесплатным. Государство получило право отчуждать частную собственность уже не только ради «государственной необходимости», но и под предлогом «государственной пользы».

Острый конфликт, закончившийся церковным расколом, породила проблема перехода от юлианского к григорианскому календарю. К началу XX в. светская власть в Греции уже очень остро ощущала потребность в календарной реформе. Но Церковь тогда оказалась расколотой на сторонников и противников этого мероприятия. Реформа была все-таки проведена в 1911 г., и большинство духовенства и мирян ее одобрило. В то же время нашлись стойкие противники реформы, посчитавшие ее отступлением от православия, что дало им повод к отказу от признания официальной церковной организации. Они создали свою Истинно Православную Церковь, единственное отличие которой от ЭПЦ заключается в приверженности к старому стилю. У греческих старостильников, которых в настоящее время насчитывается всего несколько сотен, есть своя церковная организация во главе с архиепископом и синодом. Старостильники ведут чрезвычайно замкнутый образ жизни, подобно русским старообрядцам, и не поддерживают никаких отношений с членами ЭПЦ, считая их отступниками.

Преобразования коснулись также системы местного управления. В небольших населенных пунктах был упразднен пост мэра, поскольку прежде им слишком злоупотребляли в партийных интересах. Упростились процедуры взаимодействия местных органов с центральными (министерствами). Прежнее деление страны на муниципалитеты трех категорий было упразднено, и они были поделены на димы и общины (в сельской местности), причем к числу критериев административного деления помимо территориальных и демографических были добавлены еще и функциональные, как то: разделение между городскими и сельскими поселениями, наличие у общины средств для содержания начальной школы и т. д. Существенным недостатком этой системы было формирование слишком мелких административных единиц, оказавшихся не в состоянии полноценно исполнять управленческие функции.

---

¹ О политике этого министерства подробнее см.: Βερέμης Θ. Ελευθέριος Βενιζέλος: κοινωνία, οικονομία, πολιτική στην εποχή του. Αθήνα, 1989.

В области экономики и трудовых отношений¹ правительство Венизелоса снизило банковский процент, узаконило существование профсоюзов. Были приняты специальные законы, регулировавшие условия труда на фабриках и заводах, ограничившие произвол предпринимателей. Отдельный закон устанавливал минимум зарплат для женщин и детей. Венизелос предпринял попытку частичного решения аграрного вопроса. С этой целью правительство выкупило у фессалийских помещиков около 300 тыс. стремм земли и распределило ее между 4 тыс. семей. Для руководства сельским хозяйством было создано специальное министерство.

Реформы коснулись также юстиции и пенитенциарной системы. Была существенно интенсифицирована работа судов, улучшено содержание заключенных. В законодательство были внесены поправки, в соответствии с которыми многие правонарушения, за которые прежде сажали в тюрьму, заменялись штрафами.

Поскольку возросшая боеспособность османской армии внушала опасения всем балканским государствам, все они уделяли особое внимание реорганизации армии и флота. Греки с беспокойством наблюдали за ростом боеспособности своих соседей: не случайно одним из требований восстания в Гуди была реорганизация армии. Реформы коснулись ее численности, вооружения и обучения офицеров. Венизелос лично (несмотря на отсутствие соответствующей подготовки) возглавил военное и морское министерства. Высшее руководство вооруженными силами наполнилось ориентированными на Антанту офицерами².

Необходимой предпосылкой для осуществления преобразований было наличие в казне достаточных денежных средств. Уже правительство Драгумиса в 1910 г. сумело путем жесткой экономии уменьшить государственные расходы. Министр финансов в правительстве Венизелоса Л. Коромилас (организатор борьбы в Македонии) сумел добиться значительного положительного баланса бюджета. Добавив к этому средства от внутреннего займа, Венизелос начиная с 1911 г. стал вкладывать эти деньги в армию. За счет расширения призыва прежде всего тех греков, кто вернулся из Америки в надежде на Венизелоса, а также других слоев к середине 1912 г. страна имела под ружьем 150 тыс. чел., а в начале 1913 г. — 200 тыс. чел. Параллельно шло перевооружение солдат новыми видами стрелкового оружия, увеличивалось количество стволов артиллерии, в первую очередь горной.

Другим направлением военных реформ было повышение уровня подготовки офицерского состава. В 1911 г. в Грецию прибыла французская военная миссия. По ее рекомендации группа греческих офицеров была направлена для обучения во Франции. В самой Греции были основаны новые военные училища. В 1912 г. парламент принял закон о новом военно-административном делении страны. В соответствии с ним Греция делилась на военные округа, как это было в большинстве европейских стран. Каждый военный округ (всего их было четыре) имел в мирное время дивизию, в военное — две. Закон предусматривал также увеличение боевых единиц практически всех родов войск.

Аналогичные меры были приняты и во флоте. Работа велась под руководством британской военно-морской миссии, глава которой адмирал Тафнел был назначен командующим греческим флотом. Шло повышение квалификации офицеров флота,

¹ Подробнее см.: Никитина Т. В. Греция накануне первой мировой войны: особенности внутриполитического развития. М., 1984.

² Там же. С. 85–86.

основывались новые военно-морские училища. Наиболее дорогостоящим мероприятием была закупка новых кораблей. Венизелос приобрел для греческого флота первую и единственную подводную лодку, шесть эсминцев, два из которых были куплены во Франции, а четыре — в Англии. Что касается последних, то они вначале были заказаны Аргентиной, которая отказалась их купить. Венизелос решил сэкономить, приобретя их подешевле. Однако впоследствии выяснилось, что они были устаревшей конструкции, что сыграло свою негативную роль во время Первой мировой войны. Эта ошибка была явным признаком недооценки Венизелосом специалистов-профессионалов и убеждения в том, что политики способны решить все проблемы в любой области управления государством.

Но надо сказать, что, проводя все эти преобразования, Венизелос старался руководствоваться объективностью в подборе кадров. Он отбросил политические соображения и принимал во внимание только уровень подготовки и боевой опыт офицеров. Поэтому он вернул в армию многих из тех, кто был удален и даже арестован по настоянию «Военного союза». Руководящие посты в армии вновь заняли наследник Константин и другие принцы, вернулись в армию и другие офицеры: И. Метаксас, арестованный за сопротивление восстанию в Гуди Калинский и др. Эти шаги очень не понравились бывшим членам «Военного союза», но Венизелос принял превентивные меры (аресты) и смог предотвратить их новое выступление.

В области внешней политики первое министерство Венизелоса старалось придерживаться выжидательной тактики, хотя события на Балканах все быстрее развивались в направлении войны с Турцией. Позиция греческого правительства была вполне понятна: греки еще хорошо помнили поражение 1897 г. и потому не хотели вступать в войну, не закончив реорганизацию армии. В то же время Венизелос неоднократно пытался добиться от турок разрешения критянам посылать своих депутатов в греческий парламент, но всякий раз получал отказ. Порта отчаянно препятствовала окончательной передаче острова Греции. Ухудшение положения христиан в Македонии в 1910 г. также подталкивало балканские государства к образованию антитурецкой коалиции.

Первые шаги в этом направлении предпринимались уже с начала столетия, но за время борьбы за Македонию не дали значимых результатов. После 1908 г. появились дополнительные аргументы в пользу создания коалиции балканских государств. Толчком к новой стадии переговоров о совместных действиях послужили события, названные боснийским кризисом. Младотурецкая революция в Османской империи, которая поначалу была воспринята как событие, благоприятствующее нетурецким народам Балкан, вызвала сильнейшее беспокойство в Австро-Венгрии. Правящие круги этой дряхлой империи вынашивали планы выхода к Эгейскому морю, которым могла воспрепятствовать позиция молодых балканских государств, особенно Сербии. Пытаясь реализовать свои планы, Австро-Венгрия объявила Сербии экономическую блокаду, с 1906 г. душила ее таможенной войной¹. Однако при поддержке России сербам удалось успешно выстоять.

Младотурецкая революция была воспринята в Вене как сигнал к более решительным действиям: было объявлено об аннексии Боснии-Герцеговины, которая с 1878 г. находилась под временным управлением Австро-Венгрии «до наведения там

---

¹ Подробнее см.: Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 23–35, 50.

порядка». Действия Австро-Венгрии вызвали сопротивление со стороны не только Сербии, но и России. В конце концов кризис разросся до общеевропейских масштабов. Важнейшую роль в его разрешении сыграла позиция великих держав: Англия и Франция отказались поддержать Россию, в то время как Германия решительно выступила в поддержку Австро-Венгрии. Россия была вынуждена уступить, а Центральные империи уверились в своих силах¹.

Эта «дипломатическая Цусима» заставила серьезно задуматься российскую политическую элиту и привела ее к мысли о необходимости создать на Балканах блок государств, способный эффективно противостоять действиям центральных империй и оказать поддержку самой России в случае общеевропейской войны. Кроме того, надо было не допустить появления на Балканах государства-гегемона, которое могло бы заставить соседей действовать по своей указке. На эту роль (балканской Пруссии) все больше претендовала Болгария, в 1908 г. провозгласившая свою государственную независимость. Поэтому после боснийского кризиса Россия всячески благоприютствовала созданию Балканской Антанты. В соответствии с планами русских дипломатов в нее должна была войти и Османская империя (хотя на этот счет в российском МИДе и не было единого мнения)². Однако у балканских государств были свои планы, для них главным врагом и объектом экспансии оставалась именно Османская империя. В результате блок балканских государств сложился без ее участия и против нее.

Особенно активно сближение между ними пошло с 1911 г. В этом году произошла итало-турецкая война, в ходе которой Италия отторгла от Османской империи Триполитанию и Киренаику. Это поражение турок ускорило создание союза балканских государств. В том же году наследник греческого престола посетил с визитом болгарскую столицу, а группа болгарских студентов побывала в Греции, где им был оказан очень теплый прием. В мае 1912 г. между Грецией и Болгарией был подписан договор о сотрудничестве. В сентябре 1912 г. Сербия и Болгария заключили военный союз, направленный против Турции, и предложили грекам к нему присоединиться. Греция охотно это сделала прежде всего по двум причинам. Во-первых, у Венизелоса уже почти не было надежды завершить присоединение Крита мирным путем. Во-вторых, помня о том, как им не удалось воспользоваться дележом османских территорий в 1878 г., греки теперь не хотели упускать случая принять участие в антитурецкой кампании, чтобы потом с полным правом претендовать на трофеи. 30 сентября Греция объявила войну Османской империи. Критские депутаты стали полноправными членами греческого парламента, который объявил о присоединении острова к Греции.

Учитывая, что Черногория также была связана союзными отношениями с Сербией, получилось, что против Османской империи выступили все балканские государства, кроме Румынии. Последняя сохранила нейтралитет, желая потом получить за него компенсацию от победившей стороны. Поэтому, несмотря на всю мощь турецкой армии, империя не могла противостоять такой коалиции. Она могла выставить всего лишь около 400 тыс. чел., тогда как одна только Болгария имела свыше 600 тыс., Сербия — свыше 400 тыс., Греция — 210 тыс. чел. Османская армия стала терпеть поражения, в то время как союзники стремились как можно скорее овладеть Салониками — ключевым

¹ См.: Виноградов К. С. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог первой мировой войны. М., 1964.

² См.: Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 65–68.

городом Македонии. Особенно стремительно в этом направлении продвигались болгарские и греческие войска. Греки, желая заблаговременно обеспечить себе преимущество в городе, переправили в еще никем не захваченный город отряд критской жандармерии. 26 октября, опередив болгар на считанные часы, греки заняли Салоники.

Помимо салоницкого греческие войска действовали также на северо-западном направлении, где они вторглись в Эпир и вскоре осадили Янину. Греческий флот блокировал выход из Дарданелл и лишил турок возможности перебрасывать подкрепления и боеприпасы морем. Кроме того, греки захватили Хиос, Лесбос и некоторые другие острова этой части Эгейды. Болгарские войска также действовали на два фронта: часть сил болгары направили на занятие Салоник, другая часть продвигалась в Западной Фракии в направлении Константинополя и была остановлена на линии турецких укреплений в 45 км от города. Сербские войска действовали в северо-западной Македонии и Албании. Совместно с черногорцами они заняли новопазарский санджак, захватили Ускюб (Скопье) и Монастир (Битоля). Сербско-черногорские силы также двигались в направлении Адриатического побережья: сербы заняли Дуррес, а черногорцы осадили Скутари (Шкодер). В течение месяца Османская империя потеряла практически все свои европейские провинции¹.

Очень скоро между союзниками наметились серьезные разногласия по вопросу о разделе отвоеванных у Порты территорий. Иначе и быть не могло: мы помним, что Македония была районом острого соперничества сербов, болгар и греков. Все активнее заявляли о своих интересах албанцы. К моменту начала боевых действий между союзниками не было четких договоренностей о том, кому какие территории достанутся. Греция претендовала на большую часть Македонии, Фракию, а также Албанию. Получить эти же территории стремилась Болгария, искавшая выхода к Эгейскому морю с крупным портом, каковым были Салоники. Сербия заявляла претензии на северные районы Македонии и была готова поделить с Грецией Албанию, получив таким образом выход в Адриатику.

К тому же времени относится начало разногласий Венизелоса с другим членом греческой правящей династии — наследником Константином, главнокомандующим греческой армией (до этого, как мы помним, у него были проблемы с принцем Георгом на Крите). Причиной разногласий стали вопросы о приоритетных направлениях продвижения греческих войск и о населенных пунктах, которые следовало занять в первую очередь². Почему-то адвокат Венизелос считал себя большим специалистом в этих вопросах, чем профессиональный военный Константин.

20 ноября Сербия, Черногория и Болгария подписали перемирие с Турцией. В Лондоне начались мирные переговоры, в которых принимала участие и Греция, хотя греки еще продолжали сражаться на эпирском фронте. Судьбу Балкан, как и прежде, решали главным образом европейские державы. Сами балканские государства так и не могли договориться. Порте были предъявлены требования отодвинуть европейскую границу до линии Мидия — Энос, отдав таким образом Македонию, Албанию и почти всю Фракию, а также острова в Эгейском море. Османская империя, где еще летом 1912 г. к власти пришли либералы, уже была готова на них согласиться, но в это

¹ Боевые действия греков подробно описаны ее участником генералом Стратигосом: Στρατηγός Ξ. Ο Ελληνοτουρκικός πόλεμος του 1912. Τ. 1–2. Αθήνα, 1932. Болгарский взгляд см.: Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя, 1912–1913. София, 1989.

² См.: Μελάς Γ. Ο Κωνσταντίνος. Αναμνήσεις του πρώην γραμματέως του. Αθήνα, 2000.

самое время младотурки совершили государственный переворот, вернулись к власти и в январе 1913 г. возобновили боевые действия. Но усилия младотурок и дипломатическая поддержка Германии и Австро-Венгрии не смогли избавить страну от поражения: вскоре греки взяли Янину, а болгары — Адрианополь. В апреле 1913 г. Порта запросила перемирия. Оно было подписано всеми балканскими государствами, кроме Черногории, продолжавшей осаждать Скутари.

Балканские войны сопровождались бурным патриотическим подъемом в стране, в командовавшем греческой армией наследном принце Константине греки видели будущего освободителя Константинополя¹. На этом фоне как гром среди ясного неба прозвучало убийство короля Георга I в Фессалониках 5 марта 1913 г. Заказчики убийства найдены не были.

30 мая 1913 г. в Лондоне был подписан предварительный мирный договор. Согласно этому документу Османская империя лишалась всех своих владений в Европе, кроме части Восточной Фракии. Греция получала Южный Эпир, часть Эгейской Македонии с портом Салоники, большую часть островов Северо-Восточной Эгеиды, получало международное признание присоединение Крита. Фракия до устья Марицы (Энос), Пиринская, часть Вардарской и Эгейской Македонии с портом Кавала передавались Болгарии, которая получала выход в Эгейское море. В качестве компенсации за нейтралитет Болгария передала Румынии город Силистру. Сербия и Черногория разделили между собой новопазарский санджак и приобрели общую границу. Сербия также получила часть Вардарской Македонии, но Северной Албании с выходом к Адриатике ей не досталось. На землях Албании и Северного Эпира было образовано независимое албанское государство². Как видим, наибольшие приращения по итогам первой войны сделала Греция, хотя ее вклад в общую победу не превышал болгарского. Болгары, несмотря на значительное расширение территории, были недовольны разделом Македонии, обделенными себя чувствовали и сербы, которые теперь хотели получить компенсацию в Македонии.

Вскоре сербы предъявили соответствующие претензии Болгарии. Последняя между тем еще с октября 1912 г. не могла договориться с Грецией о контурах греко-болгарской границы в Македонии. Складывалась благоприятная ситуация для создания антиболгарского пакта. 1 июня 1913 г. Греция и Сербия подписали союзный договор и военную конвенцию. Новый конфликт на Балканах не устраивал Россию, которой первоначально предполагалось предоставить роль арбитра во время дележа отвоеванных у турок территорий. Но теперь балканские государства хотели решить все сами. Предложение России о проведении в Петербурге конференции балканских государств было фактически саботировано Болгарией, переоценившей свои силы. Начало Второй балканской войны означало крах балканской политики Антанты³.

Пытаясь опередить своих вчерашних друзей и нынешних противников, Болгария в ночь на 30 июня нанесла удар по сербским и греческим позициям в Македонии. Началась Вторая балканская война. Болгарское командование планировало провес-

¹ См.: Βεντήρης Γ. Η Ελλάς των 1910–1920. Τ. 1. Αθήνα, 1931.

² См.: The Foundation of modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 71–79.

³ См.: Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 164.

ти блицкриг и тем самым обеспечить удовлетворение требований своей страны¹. Но уже на следующий день стало ясно, что этот план провалился. Болгарским войскам был отдан приказ прекратить огонь, но было уже поздно. Греки и сербы получили хороший предлог для реализации своих собственных планов. Они перешли в контрнаступление. Новый король Греции Константин изгнал болгар из Салоник и одержал несколько побед над болгарскими войсками. Узнав об этом, в войну 10 июля вступила Румыния, а 13 июля — Турция. Несмотря на свой потенциал самого мощного на тот момент на Балканах государства, Болгария не могла воевать на всех четырех границах сразу. 31 июля она капитулировала. Уже 10 августа 1913 г. между Болгарией, с одной стороны, и Грецией, Румынией, Сербией, Черногорией, с другой, в Бухаресте был заключен мирный договор. В соответствии с ним Болгария уступала Румынии Южную Добруджу, а Сербии и Греции — часть своих приобретений в Македонии. Вардарская Македония полностью отошла к Сербии, Эгейская вместе с портом Кавала — к Греции. Болгарии осталась только Западная Фракия с Дедеагачем². В сентябре 1913 г. был подписан болгаро-турецкий договор в Константинополе. В соответствии с ним Турция вернула себе часть Восточной Фракии с Адрианополем и Мидией.

В результате двух Балканских войн Османская империя лишилась почти всех своих владений в Европе. Обе войны оказались успешными для Греции. Завершивший их Бухарестский мирный договор (1913) значительно расширил территорию Греческого королевства. В состав Греции вошли Южный Эпир, 40 % территории Македонии, острова Крит, Хиос, Лесбос, Самос и др. Фактически в состав Греции вошел Афон, хотя до 1917 г. велись переговоры о международном контроле над полуостровом.

Расширение территории Греческого королевства сопровождалось переходом присоединяемых территорий под юрисдикцию Элладской Церкви. В июле 1866 г. в ее состав вошли митрополии Ионических островов, в мае 1882 г. — митрополии Фессалии, Арты и часть Янинской митрополии. Начало Первой мировой войны затянуло переход под юрисдикцию Элладской Церкви Эпира, Македонии и островов. Афон и о. Крит (с 1900 г.) пользовались некоторыми правами церковной автономии в составе Константинопольской патриархии.

Появление на греческой политической сцене Венизелоса произошло в тот момент, когда в структуре политической элиты Греции наметилось важное изменение. Верхушка офицерства, которая несколько десятилетий не предпринимала радикальных шагов в политике, теперь заявила о себе как самостоятельная сила. В отличие от своих предшественников XIX в., действовавших совместно с политическими партиями, организаторы движения в Гуди создали свою собственную, чисто офицерскую организацию. Это был первый опыт такого рода, который будет многократно повторен на протяжении начинавшегося столетия. Поддержка военных позволила Венизелосу приступить к реализации широкомасштабной программы реформ, нацеленной на модернизацию страны. Фактически эти мероприятия были воплощением того, что было задумано еще Трикуписом. Тем не менее доктрина «органической работы» ко времени Венизелоса уже устарела. Вся Греция с нетерпением ждала дальнейших территориальных приобретений и рассматривала политику Венизелоса как подготовку к ним.

¹ См.: Жебокрицкий В. А. Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.

² См.: The Foundation of modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 81–91.

Внешняя политика Венизелоса, которая вначале выглядела как накопление сил, очень быстро перешла к активным действиям, оказавшимся весьма успешными. Создание антитурецкой коалиции делало реальной долго казавшуюся труднореализуемой целью присоединения Македонии. Действия Греции в этом направлении принесли положительный результат не только благодаря успешным действиям армии и поддержке союзников, но и в силу предварительной подготовки, проведенной среди населения в годы борьбы за Македонию. Результатом долгой кропотливой работы стало и приобретение Крита. Однако на пути дальнейшей территориальной экспансии Греции было серьезное препятствие в виде территориальных претензий других балканских государств и народов. Так что сомнения некоторых греческих политиков в целесообразности дальнейшей реализации «Великой идеи» как внешнеполитической доктрины имели под собой веские основания.

Балканские войны, принеся Греции новые территории и новые надежды на овладение оказывавшимся все ближе Константинополем, в то же время продемонстрировали реальные возможности греческой армии и экономики. Как оказалось, они были далеки от того, чтобы позволить Греции достигнуть статуса великой державы и самостоятельно решать свои внешнеполитические задачи. Однако это обстоятельство не осознавалось большинством греков, свято веривших в успешность «Великой идеи».

Выключение России из греческой национальной идеи, переориентация России на славян, а также быстрый территориальный рост Греции во второй половине XIX – начале XX в., в результате которого наметилось пересечение геополитических интересов России и Греции в Балканском регионе, привели к формированию нового образа России в сознании греков: прежнее уважительное и дружелюбное отношение сменилось настроением, а подчас и откровенно враждебным. Происшедшее изменение ярко иллюстрируют события, связанные с русско-греческими противоречиями на Афоне в период Балканских войн и Первой мировой. Интересно, что афонские события продемонстрировали также изменение менталитета греческого духовенства, которое к этому времени стало воспринимать православие как греческую национальную религию.

Национальный вопрос на Афоне

Собственно, афонский вопрос можно считать частью восточного вопроса — как вопроса о судьбе Османской империи и ее завоеваний — в международных отношениях, и предыстория его такова. Первые бесспорные исторические свидетельства пребывания наших предков на Афоне относятся к XI в. и косвенно говорят о том, что русское монашество на Св. Горе уже имело к этому времени сложившиеся традиции¹. На протяжении всего Средневековья Афон был для Руси центром книжности и православной духовности. Османское завоевание принесло афонцам тяжелые времена, их материальный достаток с этого времени в значительной мере зависел от пожертвований русских монархов и знати. А после того как Россия обрела возможности для оказания действенной помощи христианским подданным Османской империи, Афон

¹ Так считал один из крупнейших историков Афона еп. Порфирий (Успенский): История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. Отд. 2. Киев, 1877. С. 10. Разные точки зрения о времени водворения русских на Афоне см., напр.: Феодосий иером. История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря // К Свету. М., 2000. С. 20–128.

вступил в новую эпоху подъема. В XVIII–XIX вв. для подданных России значительно облегчилась возможность попасть на Афон и число русских иноков на Св. Горе начало быстро расти. Уже в 1757 г. прп. Паисием Величковским был основан ставший впоследствии знаменитым Ильинский скит. А на протяжении одного лишь XIX в. русские иноки выкупили у греков 21 келлию¹. В 1849 г. был открыт Андреевский скит, в 1896 г. образовано Братство русских келлий².

Таким образом, в начале XX в., т. е. непосредственно перед освобождением Афона от турок, русское святогорское монашество достигло наивысшего расцвета. С точки зрения церковного и гражданского управления, а также этнического состава насельников Св. Гора в это время выглядела следующим образом. К этому времени уже стало традицией неравноправие различных монашеских обителей и соответственно проживающих в них иноков. Двадцать так называемых господствующих монастырей обладали наиболее широкими правами: между ними была поделена вся земля на полуострове, поэтому все прочие обители находились от них в зависимости. Именно из их представителей формировался Протат или Кинот — орган самоуправления всей Св. Горы.

Следующей по степени значимости категорией обителей были скиты. Общежительные скиты по своему внутреннему устройству, а иногда и по числу насельников не отличались от монастырей³. Разница заключалась в их правовом статусе: скиты не имели представителей в Протате, а землю вынуждены были арендовать у монастырей на выдвигаемых последними условиях. Необщежительные скиты представляли собой комплекс обителей меньшего масштаба — келлий и каллив, объединенных общим управлением. Келлии и калливы — это небольшие обители, различавшиеся между собой количеством монахов и наличием церкви: в келлиях, как правило, проживало несколько монахов — а то и несколько десятков⁴ — и имелась церковь, тогда как в калливах церковь отсутствовала, а число иноков ограничивалось одним-двумя. В свою очередь, обители, арендовавшие землю у монастырей, могли сдавать ее в субаренду кавиотам — квартирантам, не имевшим статуса полноправных святогорцев. Это неполноправие имело и свои преимущества: формально кавиоты были независимы от монастырей. Келлиоты же и калливиты, как и скитское монашество, находились в зависимости от монастырей, которая вытекала не только из поземельных отношений.

Насельники зависимых обителей обязаны были во всем подчиняться монастырскому начальству и являться на монастырские послушания. Помимо платы за землю, которая в большинстве случаев предоставлялась по договору аренды, а не купли-продажи, зависимые обители должны были платить монастырям за лес и воду, за ломку камня для построек, за использование морского песка, за разрешение на возведение построек и их ремонт, за рукоположение священников и постриг монахов и т. д. Даже продавать приобретенное имущество приходилось только с разрешения монастырей⁵.

¹ Келлия — вид монашеской обители со своим храмом, не имеющей статуса самостоятельного монастыря и подчиняющейся одному из полноправных монастырей.

² См.: Историческая справка об Афоне. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 144, 146.

³ Число насельников в русских Андреевском и Ильинском скитах превышало число монахов в господствующих над ними Ватопедском и Пантократорском монастырях.

⁴ В одной из русских келлий накануне Первой мировой войны было 119 монахов.

⁵ Прощение Братства русских обителей (келлий) на Афоне — начальнику II Политического отдела МИД А. М. Петряеву. 1. 12. 1916. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 103 об. — 104 об.

Высшим органом внутреннего самоуправления был Протат, для которого высшей гражданской инстанцией являлись турецкие чиновники-каймаки, представлявшие на Афоне Османское государство. Однако на практике скорее каймаки находились в зависимости от Протата. С церковной точки зрения Св. Гора подчинялась непосредственно константинопольскому патриарху. Своей судебной власти на Афоне не было.

О количестве монахов и их этнической принадлежности имеются официальные данные на начало Первой мировой войны. Но в ходе войны, как явствует из рапорта начальника русского военно-наблюдательного отряда на Афоне подпоручика Дитша, численность и этнический состав святогорского монашества претерпели значительные изменения. Для наглядности все данные сведены в нами в одну таблицу¹.

Национальность	1914		1917	
Греки	2700	35,3 %	6500	61,9 %
Русские	4100	53,6 %	3500	33,3 %
Болгары	250	3,3 %	300	2,9 %
Сербы	75	0,9 %	200	1,9 %
Румыны	525	6,9 %		
Всего	7650		10 500	

Именно война стала причиной изменений этнического состава афонского монашества. Наибольшие сдвиги произошли за этот период в численности греков и русских, что радикально поменяло этнический состав Горы. Основная причина убыли русских иноков заключается в их мобилизации на фронт. По аналогичной причине возросло число греков: на Афоне скрывалось множество дезертиров из Греции, выдававших себя за монахов². Так что слова Н. Н. Покровского о бандах на Афоне вовсе не преувеличение³. Последнее обстоятельство греческое правительство использовало в качестве оправдания пребывания на Св. Горе частей греческой армии⁴. Благодаря своему неопределенному международному статусу (об этом речь пойдет ниже) Афон представлял собой прекрасное убежище для дезертиров и уклоняющихся от воинской повинности греков — пока он не был официально признан частью греческой территории, греческие власти не могли там полноправно хозяйничать, хотя всячески

¹ См.: АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 2 об. – 3; Д. 3875. Л. 46 об. — 47. Под русскими в данном случае подразумеваются российские подданные разных национальностей: русские, малороссы, грузины, молдаване. На 1917 г. о сербах и румынах имеются лишь совокупные данные.

² См.: Секретные телеграммы генерального консула в Салониках В. Ф. Каля № 28. 31.01 (13. 02).1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3878, Л. 1–2; № 256. 27.12.1916 (10.01.1917); Д. 3875. Л. 1.

³ «Ввиду наших огромных интересов на Афоне материального и духовного свойства, большого числа русских монахов и разных духовных учреждений мы считаем невозможным оставаться равнодушными зрителями тех беспорядков и анархии, которые в настоящее время господствуют на Св. Горе благодаря незаконному захвату ее греческими бандами и отрядами». Министр иностранных дел России Н. Н. Покровский — Генеральному консулу в Салониках В. Ф. Калю. Секретная телеграмма № 5671 28.12.1916. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3817. Л. 19.

⁴ См.: См., напр. : секретная телеграмма В. Ф. Каля № 1. 01.01.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 7.

пытались это делать. Поэтому есть основания полагать, что притеснения со стороны греков, усилившиеся после «освобождения» Афона от турок, вызвали отток русских монахов с Горы еще до 1914 г.

Итак, в 1914 г. русских было на Афоне большинство, но они не только не определяли порядок вещей, но были даже ущемлены в правах. Так как русским принадлежал всего один из господствующих монастырей, то они имели только одного представителя в Протате. Множество русских иноков проживало в обителях, находившихся в зависимости от греческих монастырей, и подвергалось всяческой дискриминации со стороны последних. В аналогично неравноправном положении на Афоне находились и монахи других национальностей: сербы и болгары также имели по одному монастырю, а румыны — ни одного. В годы турецкого владычества к грекам перешел и Иверский грузинский монастырь¹. В итоге из 20 членов Протата 17 были греками, что не соответствовало национальному составу афонского монашества ни в 1917, ни тем более в 1914 г.

В российском МИД уже в то время давалась довольно точная оценка сложившемуся на Афоне положению. Позволим себе выдержку из аналитической записки по афонскому вопросу.

«Положение это могло бы найти некоторое оправдание лишь в том случае, если бы греческий элемент Св. Горы имел за собою какие-либо крупные моральные преимущества. К сожалению, времена духовного подъема греческого монашества давно уже прошли. Призванное судьбой, со времени взятия Константинополя Турками и в особенности в девятнадцатом столетии, играть роль не только духовного руководителя своей паствы, но и политического вождя, проникнутого определенными национальными задачами, Греческое духовенство, в том числе и Афонское монашество, привыкло приносить свой молитвенный порыв и стремление к подвигу в жертву национальным страстям и вождениям»².

Национализм греков на Афоне в разное время был направлен против разных «национальных врагов», а со второй половины XIX в. он приобрел антиславянский и в особенности антирусский характер. И тому были объективные основания: быстрый рост числа русских иноков и духовных учреждений в это время вызывал обоснованное беспокойство греков³. К тому же Россия издавна выступала как покровительница православия на Афоне: например, в ходе революции 1821 г. афонские монахи также приняли участие в восстании, жестоко подавленном турками. В результате Афон подвергся разгрому и на нем были размещены турецкие войска. Лишь благодаря вмешательству России, включившей требование об эвакуации Афона в условия Адрианопольского договора (1829), на Св. Горе были созданы условия для возрождения монашеской республики.

Национальный вопрос на Афоне особенно обострился в связи с изменением международного статуса Св. Горы в ходе Балканских войн. 2 ноября 1912 г. в ходе Первой балканской войны Афон был без боя занят греческими войсками, однако было бы ошиб-

¹ Грузинские монахи неоднократно пытались вернуть себе Иверский монастырь, но безуспешно. См., напр., прошение об этом грузинской келлии Св. Иоанна Богослова. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3874. Л. 13.

² АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 3.

³ Некоторые сведения о развитии русского монашества на Афоне во второй половине XIX в. см.: Герд Л. А. Россия и Православный восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. СПб., 2003. С. 30–38.

кой считать, что с тех пор Афон вошел в состав Греции. Международное сообщество не признало тогда Афон греческой территорией: ни Лондонский, ни Бухарестский (1913) договоры, вопреки утверждениям некоторых греческих источников¹, не санкционировали присоединение Афона к Греции. Не помогло решению этого вопроса и принятое годом позже (03.10.1913) обращение греческих монастырей Афона к королю Греции с выражением верноподданнических чувств. Временем окончательного включения Афона в состав Греции можно считать лишь 1926 г., когда греческое правительство издало постановление о том, что все афонские монахи должны иметь греческое гражданство.

Однако греческое правительство делало все, чтобы побыстрее интегрировать Афон в состав государства, несмотря на то что в годы Первой мировой войны сама Греция находилась на грани гражданской войны. Велась и соответствующая обработка общественного мнения². Помимо оккупационного отряда, первоначально состоявшего из тысячи человек, а впоследствии сокращенного до двух рот пехоты и 30 жандармов³, греки ввели на Афоне свою администрацию. Вместо турецкого каймака гражданское управление Св. Горой теперь осуществлял греческий астиномос (офицер полиции) с резиденцией в Карее — административном центре Афона, в свою очередь подчинявшийся салоницким гражданским властям. Пристань Дафна контролировалась греческими таможенными и портовыми чиновниками, в руках которых находились также почта и телеграф. Еще одно нововведение греков коснулось судебной власти: в г. Иериссосе был назначен судебный следователь, в юрисдикцию которого вошел и Афон⁴. Русские монахи жаловались, что греческие чиновники относятся к ним хуже, чем турки⁵. К такому же выводу пришел и подпоручик Дитш: «Образ действий греков по отношению к русским я считаю крайне враждебным. Их политика за последнее время войны всецело состоит в желании изгнать русских с Афона»⁶.

Для скорейшей интеграции Афона в состав Греческого королевства применялись все доступные средства, в том числе и националистическая пропаганда в стране, а также использование и подогрев антирусских настроений на самом Афоне. Греческие газеты постоянно привлекали к афонскому вопросу внимание общественности, таким образом включая его в число так называемых национальных вопросов. В связи с этим русский посланник в Афинах Е. П. Демидов считал, что, пойдя на уступки в этом вопросе, греческий премьер-министр Э. Венизелос сильно потеряет в глазах общественного мнения⁷. На самом Афоне в это время появился «организатор антианглийских демонстраций на

¹ См.: athos.computer.gr, www.medialab.ntua.gr/athos.html. В то же время даже в греческих школьных учебниках зафиксирован тот факт, что Лондонский договор (17.05.1913) откладывал решение вопроса о статусе Афона. См., напр.: Σφυρόερας Β. В. Ιστορία Νεότερη και Σύγχρονη. Γ' Γυμνασίου. Αθήνα, 1994. Σ. 284.

² См., напр.: Μεταξάκης Μ. Το Άγιον Όρος και η ρωσική πολιτική στην Ανατολή. Αθήνα, 1913.

³ Численность греческих войск на самом Афоне была уменьшена, зато для его прикрытия были размещены значительные силы на соседней Халкидике.

⁴ См.: Секретная телеграмма В. Ф. Каля № 1. 01.01.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 7.

⁵ См.: АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 115 об.

⁶ Копия рапорта подпоручика Дитша В. Ф. Калю № 5. 25.01.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 41.

⁷ См.: Секретная телеграмма посланника в Афинах Е. П. Демидова № 589. 07(20).09.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3873. Л. 32–33.

острове Кипре, Китийский митрополит Мелетий, выделяющийся своим беззастенчивым политиканством даже среди греческих иерархов»¹. Он начал активную националистическую кампанию на Св. Горе, и во многом именно его заслугой является прошение 19 монастырей греческому монарху с просьбой включения Афона в состав Греции. Особенно сильны националистические настроения были среди членов афонского «правительства» — Протата. По словам Дитша, протоэпистас Протата «неоднократно выражал свою ненависть к русским» и утверждал, что «он и все греки до последней капли крови будут защищать Афон от пришельцев русских и что предпочитают турок, даже немцев — русским»². Получается, что греческие монахи видели большую угрозу своим интересам со стороны русских единоверцев, чем со стороны иноверных турок и инославных немцев. Такое возможно только в том случае, если интересы греков на Афоне носили в первую очередь национально-политический, а не религиозный характер.

Для защиты от притеснений Протата и монастырей русские монахи решили объединиться в братство, включающее в себя не только келлиотов, которые уже имели к этому времени свою организацию, но всех вообще рускоподданных иноков Св. Горы. Занятие Афона греками ускорило процесс консолидации русских монахов, и 16 июня 1914 г. был наконец принят акт о создании Объединенного братства русского святогорского монашества, сплотившего в своих рядах иноков различных категорий. В нем еще раз подтверждалось желание русских иноков сохранить свою национально-государственную идентичность и говорилось о том, что в круг основных задач Братства будет входить не только защита русских монахов от угнетения, но и оказание поддержки русским государственным интересам на Востоке³. Как мы уже видели, русское правительство также включало Афон в сферу своих интересов, видя в нем форпост российского влияния в Средиземноморье. Таким образом, на русских монахов возлагалась (и они с этим соглашались) вполне светская задача политического характера. Так что, говоря о вовлеченности в политику греческих монахов, поставивших служение интересам нации выше, чем служение Богу, мы не должны забывать, что и русское монашество также было причастно к политике. Однако процесс создания единой монашеской организации так и не был завершен: игумен русского Пантелеймонова монастыря не подписал указанный акт, боясь резкой реакции со стороны Протата. Кроме того, афонские монашеские организации не получили признания со стороны Синода Русской церкви.

Прямым следствием роста национализма среди греков и введения на Св. Горе греческой администрации стало ухудшение русско-греческих отношений на Афоне, обострение старых и возгорание новых конфликтов, на справедливое разрешение которых в Протате нечего было и рассчитывать. Поэтому русское монашество обращалось за поддержкой к Великим державам (Лондонская конференция послов лета 1913 г.), а также в МИД России. Русские иноки выдвигали ряд предложений касательно статуса Св. Горы и русской монашеской общины в изменившихся международных и внутриафонских условиях:

- придать Афону статус автономной административной единицы, имеющей внутреннее самоуправление и не входящей в состав какого-либо государственного образования, сохранив при этом за монахами их первоначальное подданство;

¹ АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 3 об. — 4.

² Копия рапорта Дитша В. Ф. Калю № 6. 13.02.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 48.

³ См.: АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 139 об. — 140.

- придать официальный статус русской монашеской общине в лице Объединенного братства русского святогорского монашества и взять ее под покровительство русского правительства, для чего создать специальное правительственное учреждение по связям с русской афонской общиной;
- с точки зрения внешнего церковного управления оставить Афон в ведении Константинопольского патриарха, а для русского монашества учредить специальную епископскую кафедру;
- провести ряд реформ во внутреннем управлении Св. Горой:
  - ✓ либо изменить состав Протата пропорционально национальному составу афонского монашества, либо изъять русских иноков из ведения этого органа;
  - ✓ изъять из ведения Протата гражданско-административные дела;
  - ✓ внутреннее самоуправление русских обителей оставить без изменений;
- вернуть русскому Пантелеймонову монастырю все незаконно захваченные у него земли и возвести его в ранг Лавры;
- возвести русские Андреевский и Ильинский скиты в ранг монастырей, обеспечив их землей и предоставив возможность построить пристань;
- оградить от посягательств греческой армии метох (имение) Андреевского скита около г. Кавала, а часть доходов от бессарабских имений Св. Горы направить на поддержку русской общины;
- возвести крупнейшие русские келии в ранг скитов, предоставив им возможность приобретения необходимого количества земли;
- русские подзависимые обители вывести из-под юрисдикции господствующих над ними монастырей;
- ограничить вывоз леса с Афона, урегулировать пользование водными источниками, снять ограничения на пользование камнем и песком;
- защитить имущественные права русских келлиотов и калливитов;
- разрешить вопрос о строительстве пристаней для русских обителей, а центральную пристань Дафна сделать доступной для всех афонских обителей;
- предоставить русским обителям возможность построить общий склад и освободить их от таможенных пошлин;
- дать возможность русским обителям организовать духовную школу для молодых иноков;
- регламентировать взимание налогов;
- сохранить на Афоне русскую почту, а греческую почту и телеграф поставить под общий контроль¹.

Русское правительство не признавало фактического присоединения Афона к Греции и вплоть до Октябрьской революции принимало меры по урегулированию юридического статуса Афона. Уже вскоре после оккупации Афона Петербург выразил свой протест по этому поводу. «Русское правительство, всегда оберегавшее Афон от возможности вторжения на его территорию турецких войск и не допускавшее на нем сооружения крепостей, не может считать допустимым длительное пребывание на нем отряда, посланного Грецией даже без предварительного оповещения о том России», — писал в то время министр иностранных дел С. Д. Сазонов².

¹ См.: АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 117–122.

² Секретная телеграмма С. Д. Сазонова Е. П. Демидову № 2926. 6.12.1912. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 26.

В тех условиях, когда отторжение Афона от Османской империи стало свершившимся фактом, главной задачей русской дипломатии в этом вопросе было сохранение на Св. Горе церковной власти константинопольского патриарха, что могло оградить афонскую общину от давления со стороны национальных Церквей балканских государств, и недопущение ее единоличного захвата какой-либо иной державой. Претендентов было два: Болгария и Греция. Последняя оказалась проворнее и успела не только первой захватить Салоники — ключевой пункт Южной Македонии, но и послать свой отряд на Афон.

Русские дипломаты не очень-то верили заявлениям греков о том, что внутреннее управление на Афоне останется неизменным и потому выход из создавшегося положения видели в установлении над Афоном совместного покровительства всех православных держав, чья духовная культура была связана со Св. Горой. Греки вынуждены были согласиться на этот вариант, поскольку им очень хотелось получить Салоники и часть островов в Эгейском море с преимущественно греческим населением. Русский проект встретил поддержку и со стороны сербского, болгарского и румынского правительств. С целью предварительного его обсуждения было запланировано совещание генеральных консулов этих стран в Салониках, но оно оказалось сорванным, поскольку большинство участников не успели получить инструкции от своих правительств. Драгоценное время было упущено: теперь между бывшими союзниками по антитурецкой коалиции начались трения по поводу раздела османского наследия в Европе, приведшие вскоре ко Второй балканской войне. В этих условиях о сотрудничестве в афонском вопросе не могло быть и речи.

Тем временем греческое правительство, пользуясь своим преимуществом, начало процесс интеграции Афона в состав своего королевства, а заинтересованность в вопросе о его дальнейшей судьбе проявили уже не только православные государства, но и великие державы. В июле — августе 1913 г. в Лондоне состоялось совещание послов великих держав по итогам балканских войн. На повестку дня был вынесен и афонский вопрос. Во время совещания русский проект по этому вопросу встретил противодействие со стороны Австро-Венгрии, поэтому русской дипломатии не удалось добиться его полного принятия. Общее одобрение получила лишь первая его часть — о сохранении Афона во власти константинопольского патриарха. Что касается второй части, о совместном покровительстве над Афоном всех православных государств, то она не была закреплена в решениях Лондонского совещания, так как ее обсуждение было отложено из-за возникших разногласий¹.

Поскольку совещание прекратило свою работу, а вопрос о статусе Афона так и не был решен, каждая из сторон пыталась истолковать это обстоятельство в свою пользу. Так, русская сторона считала, что борьба еще не окончена, тогда как греки полагали, что получили молчаливое одобрение держав на аннексию Афона. Однако активное противодействие России побуждало их искать компромиссное решение, которое могло бы удовлетворить обе стороны. Интересы других православных государств при этом в расчет не брались. Если до Лондонского совещания послов премьер-министр Греции Э. Венизелос выражал согласие с русским планом нейтрализации Афона, то после совещания его позиция начала постепенно меняться. Вначале в ответ на русский план греки выдвинули предложение о русско-греческом кондоминиуме на Афоне².

¹ См.: АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 1 об.

² См.: АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3877. Л. 2.

Однако для России этот проект был невыгоден: его реализация только подогрела бы русско-греческое соперничество на Афоне, что неминуемо вело к обострению отношений двух стран. Между тем греческое правительство продолжало держать на Афоне вооруженный отряд, а со временем перестало говорить даже о возможности двустороннего кондоминиума: греки резонно полагали, что другие европейские державы постараются не допустить усиления русского влияния в Средиземноморье, предпочтя отдать Афон грекам. В конечном счете так оно и вышло.

В итоге к началу Первой мировой войны греческое правительство занимало в афонском вопросе довольно жесткую позицию. Поскольку санкции на включение Афона в состав Греции к тому времени получить не удалось, греки решили пока вести «органическую работу» внутри Св. Горы, опираясь на националистически настроенный Протат. В беседе с русским послом в Константинополе Гирсом греческий посол Панас говорил о том, что единственным носителем государственной власти на Афоне является Протат, в руках которого должны остаться также полиция, таможня и средства связи. Создание органа власти на основе национального представительства греки считали вторжением в дела Церкви, а национальный вопрос на Афоне предлагали «решить» путем введения для монахов двойного подданства: афонского — внутри Св. Горы и их первоначального подданства — вне ее. Обсуждать любые вопросы о положении и поземельных отношениях русских скитов, келлий и каллив, а также о покровительстве правительством России русских монахов греки отказались. Исключение было сделано лишь для вопроса об имениях афонских обителей вне Св. Горы: в обмен на согласие вести переговоры по этому пункту греки требовали обсуждения вопроса о бессарабских имениях греческих монастырей и закрепления решений по нему международными гарантиями. Что же касается других православных государств, имевших интересы на Афоне, то Гирсу было заявлено, что они не имеют даже права участвовать в решении вопроса о статусе Афона¹. Подобная позиция недвусмысленно свидетельствовала о том, что греческое правительство считало афонский вопрос фактически решенным и вести дальнейшие переговоры о его статусе не собиралось.

Таким образом, идея русской дипломатии об интернационализации Афона и надежды на улучшение положения русских святогорских монахов и обителей были, казалось, окончательно похоронены. Но начавшаяся в это время мировая война дала новый поворот развитию событий. Если для втянутых в войну государств участие в длительных и масштабных военных действиях стало испытанием на выносливость экономики и прочность политической системы, то для греков таким испытанием стал сам вопрос о возможности участия в войне. Премьер-министр Э. Венизелос считал, что, присоединяясь к Антанте, которая несомненно одержит победу над Германией и ее союзниками, Греция сможет без особых усилий получить значительные территориальные приращения. Но аргументы Венизелоса не смогли убедить короля Константина, настаивавшего на соблюдении благожелательного по отношению к Германии нейтралитета. Поскольку оба оппонента имели значительную поддержку не только в придворных кругах, но и среди населения, страна оказалась в глубоком политическом кризисе, поставившем ее на грань гражданской войны. Результатом этого кризиса стал фактический раскол Греции на два государственных образования — роялистское (которое обвиняли в германофильстве) и венизелистское (с ориентацией

---

¹ См.: Секретная телеграмма посла в Константинополе Гирса № 573. 13.07.1914. АВПРИ. Политархив. Оп. 482. Д. 3877. Л. 13.

на Антанту) с формированием в Салониках альтернативного правительства во главе с Венизелосом. Солунское правительство объявило о вступлении в войну на стороне Антанты, и греческая территория стала использоваться войсками союзников, продолжавших оказывать давление на королевское правительство в Афинах.

Политическая борьба по вопросу о вступлении в войну не обошла стороной и Афон, греческие насельники которого также раскололись на два лагеря. Причем дело приняло не только политический оборот: монахи взяли на себя оказание прямой военной помощи воюющим сторонам. Например, странам Антанты из разных источников стало известно о том, что в германофильски настроенные монастыри на одной из возвышенностей поставили телеграф, обслуживающий центральные империи, в двух монастырях была замечена световая сигнализация, служащая маяком для немецких подводных лодок, кроме того, было обнаружено почти 500 ружей, 130 тыс. боевых патронов, револьверы, динамит, пулеметные ленты и другие виды оружия и боеприпасов, а в Ватопедском монастыре — электростанция и база для снабжения подводных лодок¹. Даже в самом Протате, глава которого просил из уважения к нему как к высшему духовному лицу на Афоне не производить обыск в здании Протата, было обнаружено 125 винтовок и 45 тыс. патронов.

Вся эта информация была получена в ходе занятия Афона франко-русским союзным отрядом 3 января 1917 г. Решение о посылке на Афон оккупационного отряда было продиктовано военной необходимостью: на Афоне и прилегающих к нему территориях в связи со вступлением Греции в войну появились многочисленные банды дезертиров и уклоняющихся от воинской обязанности, во главе которых стояли греческие офицеры-роялисты. Такого рода вооруженные формирования представляли опасность для тыла Солунской армии Антанты. В связи с этим давно выдвигавшееся Россией предложение о занятии Афона союзными войсками наконец было реализовано. Возможность отправки на Св. Гору русского военного отряда и внутривосточный кризис в Греции создавали благоприятные условия для пересмотра сложившегося на Афоне положения и оказания помощи бедствовавшим русским инокам.

Первой и основной мерой по нейтрализации Афона в России считали удаление оттуда греческого оккупационного отряда, справедливо полагая недостаточными заверения греческого правительства о том, что статус Св. Горы останется неизменным². Но добиться ее осуществления дипломатическим путем не удалось, и греки, продолжая давать обещания об эвакуации войск с Афона, на самом деле всячески старались найти предлог эти обещания не исполнять.

Между тем русское монашество на Афоне продолжало жаловаться на свое тягостное положение, которое с началом войны усугубилось еще трудностями со снабжением питанием и предметами первой необходимости. Первые невзгоды русские обитатели стали испытывать в связи с прекращением пожертвований из России и вынуждены были обратиться за помощью к правительству, которое нашло возможным оказать монахам материальную помощь. Но война несла с собой и новые трудности:

¹ См.: Секретная телеграмма В. Ф. Каля № 22. 21.01(3.02).1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 21; Секретная телеграмма товарища министра иностранных дел А. А. Нератова В.Ф. Калю № 173. 11.01.1917. Там же. Л. 14; Секретная телеграмма посла в Риме Гирса № 480. 30.06(12.07). 1917. Там же. Л. 49.

² См.: С. Д. Сазонов — Е. П. Демидову. № 2830. 25.11.1912. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 25.

немецкие подводные лодки топили суда с продовольствием, греческие войска разоряли афонские поместья вне Св. Горы, а командование Солунской армии запретило снабжать провиантом всю Халкидику, включая и Афон, мотивируя этот шаг враждебными действиями греческих вооруженных банд и противоборством венизелитов и роялистов среди греческого монашества. За действия греков пришлось страдать и русским инокам, не принимавшим участия ни в политической борьбе, ни в (тем более) в вооруженных формированиях. Все эти обстоятельства в конце концов привели к тому, что с Афона стали поступать сообщения о начавшемся голоде¹.

Ухудшение положения русского монашества служило дополнительным стимулом принятия решения о занятии Афона союзными войсками: эта идея вынашивалась едва ли не с самого начала войны. Например, русский чиновник Б. В. Серафимов, неоднократно посещавший Афон в тот период, писал в январе 1915 г.: «Оккупация союзниками Афона даст нам возможность если не разрешить окончательно афонский вопрос, то во всяком случае вывести его из того положения, в котором он оказался вследствие решения Лондонской конференции послов»². Но реализована эта идея была лишь через два года. Основная причина столь длительной отсрочки — согласование данной меры с союзниками. По плану русского генерального консула в Салониках В. Ф. Каля французские войска должны были занять п-ов Кассандра, а английские и русские — Афон и Лонгос³. Узнав об этом, англичане заявили, что вопрос об оккупации греческой территории, каковой являлся п-ов Кассандра, требует отдельных консультаций, а французское правительство сочло оккупацию Афона слишком деликатным вопросом⁴.

Два года ушло на то, чтобы сначала добиться согласия союзников на оккупацию Афона в принципе, а потом согласовать состав и количество оккупационных войск. Конечно, наилучшим вариантом с русской точки зрения было бы присутствие на Афоне только русских военных. Однако такое развитие событий могло бы не только усилить греко-русское соперничество, но и вызвать обострение отношений России как с Грецией, так и с основными союзниками по Антанте. Поэтому оптимальным был признан вариант, предусматривающий высадку на Афоне совместного отряда России и кого-либо из союзников. Наконец в декабре 1916 г. было получено согласие французской стороны принять участие в организации десанта на Афон. С целью предотвращения возможного недовольства других союзников этой акцией она была названа не оккупацией, а размещением военно-наблюдательных отрядов, которым поручено было проверить факты пособничества Германии со стороны монахов и предотвратить образование в тылу союзников незаконных вооруженных формирований⁵.

Надо отметить, что все это время Россия не прекращала и дипломатические попытки решения афонского вопроса: русское правительство неоднократно высказыва-

¹ См., напр.: Секретная телеграмма Е. П. Демидова № 493. 26.07(7.08).1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3879. Л. 8.

² АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3872. Л. 2.

³ См.: Секретная телеграмма В. Ф. Каля № 2. 8.01.1916. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3872. Л. 7.

⁴ См.: Секретная телеграмма посла в Лондоне Бенкендорфа № 20. 11(24).01.1916. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3872. Л. 8⁶; Секретная телеграмма посла в Париже А. П. Извольского № 63. 19.01(1.02).1916. Там же. Л. 18.

⁵ См.: Секретная телеграмма управляющего Генеральным консульством в Салониках С. Клименко № 152. 23.07(5.08).1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3873. Л. 4.

лось в пользу возобновления переговоров на эту тему. Однако позиция правящих кругов Греции оставалась жесткой, а после раскола страны на два политических лагеря ситуация еще более ухудшилась: с афинским королевским правительством, которое обвиняли в симпатиях Германии, в военное время вести переговоры было сложно, а для Венизелоса, как справедливо отмечал В. Ф. Каль, афонский вопрос тогда приобрел особую значимость и уступки в нем могли серьезно повредить политическому влиянию салоникского премьера¹. В связи с этим Венизелос не только предпринял все меры по отозванию союзнического военного отряда с Афона, но и отрицал раскрытые союзниками факты пособничества греческих монастырей Германии².

3(16) января 1917 г. на Афоне высадился франко-русский отряд в составе 100 русских солдат и трех офицеров, а также 50 французских пехотинцев и пулеметной команды во главе с капитаном Жиделем. Русской частью отряда командовал подпоручик Дитш. Отряд Антанты провел на Афоне полгода, решая как военные, так и политические задачи. Русский отряд занял почту, телеграф и телефонную станцию, а французы взяли под контроль таможню. В монастырях был произведен обыск и ликвидированы склады оружия и боеприпасов, а наиболее рьяные германофилы посажены под арест. Поведение монахов в отличавшихся германофильскими настроениями Зографском, Ватопедском, Иверском и Ставроникитском монастырях было взято под контроль. В целях выяснения национального и политического состава Св. Горы была проведена перепись населения.

Помимо задач разоружения греческих монастырей и борьбы со шпионажем на русский отряд была возложена также миссия по охране русских монахов от притеснений со стороны греков. При этом в Петрограде надеялись, что союзнический отряд останется на Афоне до конца войны, и считали, что «пребывание нашей воинской чисти на Афоне создает весьма благоприятную обстановку для практического разрешения разных спорных дел местного характера, возникших с давних пор между нашими и греческими монахами на Св. Горе и не получивших до сих пор разрешения вследствие неговорчивости греков»³. Соответствующие инструкции были даны русскому генеральному консулу в Салониках В. Ф. Калю⁴.

Однако позиция Калю в афонском вопросе не совпадала с мнением петроградского начальства: он полагал, что разрешение спорных вопросов в данный момент повлекло бы за собой греко-русские осложнения и предлагал отложить их до конца войны⁵. Такая точка зрения имела под собой некоторые основания: если первоначально прибытию франко-русского отряда на Афон были рады не только русские и сербы, но также частично болгары и греки-венизеллисты, то присутствие русской воинской

¹ См.: Секретная телеграмма В. Ф. Калю № 29. 1(14).02.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 27.

² См.: Секретная телеграмма В. Ф. Калю № 34. 6(19).02.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 30; Секретная телеграмма Е. П. Демидова № 499. 28.07(10.08).1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3873. Л. 9.

³ Секретная телеграмма А. А. Нератова В. Ф. Калю № 558. 3(16).02.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 29.

⁴ См., напр.: Секретная телеграмма А. А. Нератова В. Ф. Калю № 2193. 13(26).05.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3874. Л. 7.

⁵ См.: Секретная телеграмма В. Ф. Калю № 109. 19.05(1.06).1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3874. Л. 8.

части способствовало консолидации греческого монашества на националистических позициях — венизеллисты испытывали все более враждебные чувства по отношению к русским, в то же время роялисты были готовы присягнуть Венизелосу, при условии что он выгонит русских с Афона. К Венизелосу даже была снаряжена специальная депутация¹. Тем не менее, Каля все же пытался (или делал вид, что пытается) действовать в соответствии с инструкциями, но без особого рвения, что и дало впоследствии повод его преемнику С. Клименко возложить именно на Каля вину за то, что Андреевский и Ильинский скиты, добивавшиеся статуса монастырей еще со времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так его и не получили².

Справедливости ради надо сказать, что русский консул при всем его желании не мог бы решить большинства спорных вопросов — слишком мало времени русские солдаты провели на Афоне. В начале июля 1917 г. французское командование отозвало с Афона объединенный отряд, даже не поставив об этом в известность своих русских союзников. Позже выяснилось, что отзыв отряда с Афона произошел под давлением итальянского правительства: поскольку русское правительство выразило протест против установления итальянского протектората над Албанией и потребовало эвакуации итальянских войск из Эпира, то итальянцы в ответ потребовали у французского правительства очищения Афона.

После ухода с Афона русского отряда к русским монахам вернулись все прежние проблемы в еще более острой форме. В донесении управляющего Генеральным консульством России в Салониках С. Клименко по этому поводу говорится: «Положение нашего монашества, покинутого снова на произвол греков, критическое, в особенности после шестимесячной защиты его нашим отрядом. В день отбытия отряда с Афона уже начались притеснения русских»³. Но по-настоящему бедствия русского афонского монашества еще только начинались: Октябрьская революция коренным образом изменила внешнеполитические интересы и ориентации России, а также отношения государства и Церкви. Русские иноки на Афоне лишились правительственной поддержки и пожертвований частных лиц, их ожидала также схизма в Русской церкви и новые притеснения теперь уже со стороны не просто греческих монахов, но и греческого государства, взявшего курс на эллинизацию Афона.

Оценивать изложенные выше факты можно с разных позиций. С государственно-политической точки зрения борьба, развернувшаяся вокруг Афона в 1910-е гг., представляет собой очередную попытку России расширить свое жизненное пространство и упрочить влияние в Средиземноморье, опорным пунктом которого и был Афон. Но в это же время в благоприятных условиях для территориального роста оказалась и Греция. Таким образом, Афон оказался яблоком раздора между двумя православными государствами. В их соперничество были втянуты и афонские монахи. Как это уже не раз бывало и прежде, рост русского влияния на международной арене вызвал беспокойство других великих держав, что и обусловило их вмешательство в решение судьбы Афона. В силу целого ряда обстоятельств в борьбе за Афон Россия потерпела

¹ См.: Секретная телеграмма В. Ф. Каля А. А. Нератову № 36. 12(25)02.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 33.

² См.: Секретная телеграмма С. Клименко № 145. 8(21).07.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3874. Л. 11.

³ Секретная телеграмма С. Клименко № 140. 1(14).07.1917. АВПРи. Политархив. Оп. 482. Д. 3875. Л. 50.

поражение, которое окончательно отдало Св. Гору в руки Греции и привело не только к ослаблению влияния России на Балканах, но и к физическому вымиранию русского афонского монашества.

С точки зрения национально-политической духовное состояние греческого афонского монашества в описываемый период является яркой иллюстрацией мобилизационных возможностей национальной идеологии. Этноцентрический дискурс, внедрившись в сознание греческих монахов, модифицировал понимание православия как наднациональной религии. А ведь монахи не просто верующие, это люди, для которых служение Богу должно быть превыше всякой другой цели. Но националистической пропаганде удалось наберечь много сторонников среди монашества и произвести подмену идеологических приоритетов: служение нации стало выше служения Богу. В то же время подобная смена идеологических ориентиров имела и объективные основания: многонациональная Российская империя стремилась сглаживать национальные противоречия, а моноэтническое греческое государство еще находилось в процессе своего формирования и потому нуждалось в поддержке национальной идеологии и само, в свою очередь, ее поддерживало. Поэтому греческая Православная церковь и, в частности, афонское монашество были использованы как орудие борьбы за национальные интересы.

У врат Царьграда

По итогам Балканских войн Греция увеличила свою территорию на 68 %, а численность населения — на 78 %. Накануне Первой мировой войны оно составляло 4,8 млн чел., а территория — ок. 110 тыс. кв. км. По численности населения Греция вышла на первое место среди балканских государств, не считая Османской империи.

Ведение двух войн потребовало существенных финансовых затрат и возрастания нагрузки на греческую экономику. Однако война была не слишком длительной и истощающей, а греческая экономика находилась на подъеме, поэтому довольно спокойно перенесла эти тяготы. Вновь присоединенные территории располагали большими освоенными сельскохозяйственными площадями и почти сразу начали давать финансовую отдачу. Уже в 1914 г. налоговые поступления с них составили более трети доходов греческой казны.

Однако новые территории принесли и новые проблемы. Поскольку страна обрела совершенно новую и довольно протяженную северную границу, то столкнулась с проблемой строительства оборонительных рубежей. Она дополнительно осложнялась тем, что граница не всегда учитывала рельеф местности в пользу греков. Еще одну серьезную проблему представляла собой задача социально-экономической и политической интеграции населения новых земель. Смена подданства означала для них разрыв (по крайней мере частичный) традиционных хозяйственных связей, разрушение некоторых социальных структур¹. Кроме того, население новых земель (νέων χωρών) было этнически неоднородным. Впервые за почти сто лет своего существования греческое мононациональное государство (если не считать практически сразу и безболезненно эллинизированных групп албанцев и влахов) столкнулось с проблемой инородцев и иноверцев. В приобретенном Грецией Эпире помимо гре-

¹ См.: Μανθούλης Ρ. Το ημερολόγιο του Εμφύλιου Διχασμού 1900–1974. Ξένες επεμβάσεις, δικτατορίες, πόλεμοι και εμφύλιοι πόλεμοι. Αθήνα, 2006.

ческого большинства проживали также албанцы, евреи и влахи, в Македонии — славяне, влахи, евреи, а также мусульманское население, численность которого почти достигала численности христиан. Значительные мусульманские общины существовали также на Лемносе и Лесбосе. Эта ситуация могла быть длительно терпимой в мирное время, тем более что греческое правительство взяло курс на создание единой нации, предполагавший эллинизацию негреческого населения. Но в военное время проживавшее преимущественно в пограничных районах негреческое население могло стать опорой для врага.

В то же время около 3 млн греков еще проживало за пределами своего национального государства, преимущественно на территории Османской империи. Осознавая исходящую от этого опасность, младотурецкое правительство уже в 1913 г. выступило инициатором обмена населением с соседними государствами (Греция, Болгария). Однако Грецию, использовавшую наличие соплеменников в Османской империи в качестве оправдания своей экспансионистской политики, это совсем не устраивало. Чтобы сделать афинское правительство более сговорчивым, летом 1914 г. младотурки приступили к массовому переселению греков из стратегически важных районов вглубь Малой Азии. В принципе Венизелос был готов пойти навстречу туркам, но реализации программы обмена населением помешало начало Первой мировой войны.

Балканские войны не разрешили всех противоречий как между самими балканскими государствами, так и между великими державами, которые также имели свои интересы на полуострове. Греция считала свои территориальные приобретения неоконченными: она претендовала на доставшийся Албании Северный Эпир, была не прочь приобрести за счет Болгарии Западную Фракию и Пиринскую Македонию. Кроме того, грекам казалась вполне реальной идея возвращения Константинополя и выходящих к Эгейскому морю районов Малой Азии. Несмотря на почти двукратное расширение территории по итогам Балканских войн, неоконченным процесс создания национального государства считала и Сербия, которую лишили выхода к Адриатике. К тому же часть сербов проживала на территории Австро-Венгерской монархии. В Болгарии итоги Второй балканской войны были вообще восприняты как национальная катастрофа. Не получив Салоник, потеряв Южную Добруджу, лишившись завоеваний в Восточной Фракии, Болгария жаждала реванша¹.

Два европейских военных блока — Тройственный союз и Антанта прилагали усилия к тому, чтобы получить союзников в лице балканских государств. Противостояние этих блоков придавало особый характер взаимоотношениям между балканскими государствами. Давние противоречия между Сербией и Австро-Венгрией с неизбежностью толкали Сербию в лагерь Антанты. Действительно, важнейшую поддержку Сербии традиционно оказывала Россия. Совместные действия Сербии, Греции и Румынии во Второй балканской войне способствовали сближению этих государств и укреплению в них влияния проантантовских политических сил. В этой ситуации Болгария все больше тяготела к Германии. Однако, несмотря на всю дипломатическую подготовку, к началу войны Греция, а также Болгария и Румыния не примкнули твердо

---

¹ Подробнее о настроениях в Болгарии см.: Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 39–43.

к какому-либо лагерю. Попытка Антанты, прежде всего России, создать на Балканах блок своих союзников провалилась¹.

Уже после начала военных действий обе противоборствующие стороны продолжали вести с ними переговоры, теперь принявшие характер откровенного торга: балканские государства пытались обеспечить себе наибольшие территориальные приращения в качестве компенсации за вступление в войну или даже нейтралитет. В конце концов Румыния сочла для себя более выгодными предложения Антанты, последним толчком к ее вступлению в войну на стороне Антанты стал Брусиловский прорыв (1916). В августе 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне Антанты².

Болгария также в начале войны объявила о своем нейтралитете, но под предлогом охраны своей безопасности вскоре сменила «строгий» нейтралитет на «вооруженный», т. е. объявила мобилизацию. Окончательный выбор Болгарии в пользу центральных империй был сделан осенью 1915 г. не только потому, что немцы предлагали более выгодные условия, но и потому, что результаты кампании 1915 г. давали основания предполагать победу Германии. Действительно, в 1915 г. Германия успешно наступала на Восточном фронте, отбив все, что завоевала Россия в 1914 г., на Западном фронте немцы не дали возможности англо-французскому командованию развить наступление, успешно применяли на Ипре отравляющие вещества. Западный фронт залег в окопы. О слабости Антанты свидетельствовал также провал Дарданелльской операции 1915 г. В сентябре 1915 г. завершилось оформление Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция). В октябре 1915 г. Болгария вступила в войну³.

Однако в июле 1914 г., когда Венизелос договорился о встрече с великим визирем в Брюсселе по вопросу о судьбе греческого населения империи и об окончательном решении вопроса о статусе островов в Эгейском море, позиция Болгарии, Румынии, Османской империи и самой Греции еще не была ясна. Первой определилась Османская империя. Члены захватившего власть в стране младотурецкого триумvirата: Энвер, Талаат и Джемаль весной — летом 1914 г. вели переговоры как с членами Антанты, так и с Германией. Из государств Тройственного согласия только Россия высказала дружественные в отношении турок предложения. Но Франция и Англия отказались их поддержать.

Стремясь спасти страну от политической изоляции, младотурки были вынуждены примкнуть к Германии. 2 августа 1914 г. между Германией и Османской империей был заключен секретный союз, в соответствии с которым последняя должна была вступить в войну на стороне Германии. На самом деле турки вступили в войну только 29 октября 1914 г. Такая задержка была согласована с Германией и объяснялась длительностью проведения мобилизации, которая началась в первых числах августа. В ходе мобилизации турецкая армия зализывала раны Балканских войн, получала из Германии снаряжение, боеприпасы, военных инструкторов.

¹ См.: Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

² См.: Дипломатическая история периода Первой мировой войны на Балканах систематически изложена в: За Балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

³ Изложение военной истории Первой мировой на Балканах см.: Корсун Н. Балканский фронт мировой войны, 1914–1918. М., 1939.

Несмотря на секретный характер турецко-германского договора, ориентация Османской империи стала явной уже в первые дни войны. Два немецких крейсера — «Гебен» и «Бреслау», спасаясь от преследования английской эскадры, 10 августа запросили убежища в Дарданеллах. Они его получили, а впоследствии было объявлено, что Порта купила у Германии эти корабли в качестве компенсации за интернированные Англией строившиеся на английских верфях два корабля для Турции. Именно два немецких крейсера, сохранившие свою команду, но получившие турецкие имена и поднявшие турецкий флаг, 29 октября обстреляли российские черноморские порты. 5 ноября 1914 г. Франция и Англия объявили Османской империи войну, причем Англия в тот же день заявила об аннексии Кипра.

После нападения Австро-Венгрии на Сербию 28 июля 1914 г. сербский премьер-министр Н. Пашич запросил Венизелоса, выступит ли Греция на стороне Сербии во исполнение союзнического договора от 1 июня 1913 г. Венизелос ответил довольно туманно и, по сути, отказом. Он сказал, что этот договор предусматривал вступление в войну Греции только в случае нападения на Сербию Болгарии, а не другого государства. Прояснения позиций Греции добивались и великие державы. Дважды — 31 июля (накануне вступления в войну) и 4 августа (когда все великие державы уже находились в состоянии войны) кайзер Вильгельм потребовал от короля Константина примкнуть к Германии. Оба раза он получил ответ, что Греция должна сохранить нейтралитет под угрозой господствовавшего на Средиземном море флота Антанты. Таким образом, с начала войны король Константин, которого обвиняли в прогерманских симпатиях, руководствовался прежде всего интересами своей страны и стремился не допустить вовлечения Греции в войну. Однако его нейтральная позиция была расценена Антантой (с подачи Венизелоса) как благожелательная в отношении Германии.

Иную позицию занял Венизелос, который и до войны симпатизировал Антанте. Подозрение, что турки перешли на сторону Германии, укрепляло его в решимости присоединиться к Тройственному согласию. Уже тогда Венизелос, опасаясь, что во время послевоенного дележа добычи Греция может оказаться в стороне, стремился втянуть страну в войну на стороне Антанты. Он заверил британского посла в Афинах Элиота, что Антанта может располагать всеми силами Греции на суше и на море. Однако в тот момент желание греческого премьера угодить сильным мира сего было ими умерено, поскольку они боялись, что безотлагательное вступление Греции в войну повлечет за собой немедленный переход Болгарии и Турции, позиция которых еще была недостаточно ясна, на сторону Германии. Поэтому почти до самого дня вступления Турции в войну продолжались греко-турецкие переговоры о статусе островов в Эгейском море. Греция готова была пойти на уступки и отказаться от полного суверенитета над островами, взяв их в аренду на 50 лет.

Вступление Турции в войну дало новые аргументы в руки Венизелоса, а также подтолкнуло страны Антанты к новому раунду переговоров с балканскими государствами. Но противоречия между ними могли быть разрешены только за их же счет: обещая территориальные приращения одним, приходилось уговаривать идти на уступки других. В январе 1915 г. Антанта обратилась к Греции с просьбой оказать помощь Сербии. Однако Венизелос был не очень расположен воевать с австрийцами: он боялся спровоцировать образование болгаро-турецкого блока против Греции¹.

¹ См.: Соколовская О. В. Греция в годы первой мировой войны. М., 1990. С. 21.

Помощь греков вскоре понадобилась Антанте и для других целей. Планируя военную кампанию на 1915 г., ее генералы не могли прийти к единому мнению, как надо действовать. Одни считали, что надо продолжать бороться на Западном фронте, но война явно перерастала в затяжную. В этой ситуации многие предлагали нанести немцам решающий удар на каком-нибудь второстепенном фронте, в частности на Балканах. Всех примирило предложение первого лорда Британского Адмиралтейства Черчилля силой войти в Дарданеллы и отсечь таким образом Турцию от ее европейских союзников.

Греции за участие в Дарданелльской операции были обещаны существенные компенсации в Малой Азии, хотя пока что и в весьма расплывчатой форме. Это обещание казалось Венизелосу очень заманчивым, и он приложил много сил к тому, чтобы убедить короля в том, что если Греция примет участие в операции, то может претендовать на участие в разрешении вопроса о судьбе Константинополя и проливов, а также на территории в Малой Азии. В обмен на эти территории, а также на нейтралитет или участие Болгарии в войне на стороне Антанты Венизелос был готов пойти на уступки болгарам в Македонии. Однако король и поддерживавший его Генеральный штаб были согласны на участие греческих войск только в том случае, если страны Антанты дадут твердые гарантии предоставления Греции конкретных территорий. Но когда 19 февраля 1915 г. началась высадка английского десанта на Галлиполийском полуострове, король был готов согласиться.

Однако решительным противником вступления Греции в войну выступил Генштаб в лице исполняющего обязанности его начальника полковника И. Метаксаса. Подогреваемый газетами патриотический подъем в стране вскружил головы многим политикам, разделявшим шапкозакидательские настроения толпы, но не сбил с толку руководство вооруженными силами. Метаксас подал в отставку и направил королю меморандум, в котором говорилось, что вступление Греции в войну выгодно только странам Антанты, но никак не самой Греции, которая становилась уязвимой для Болгарии.

Что касается Дарданелльской операции, то у Метаксаса был свой план аналогичного мероприятия¹. Он полагал, что подобная операция может быть осуществима только в мирное время и внезапно, чтобы турки не имели возможности организовать сопротивление, тем более что после Балканских войн Турция сумела усилить свой флот, чего не сделала Греция. По мысли Метаксаса, можно было стремительным ударом прорваться через проливы к Константинополю, но в военное время ввиду милитаризации проливов такая операция требовала колоссальных сил и неоправданных потерь. Насчет территорий в Малой Азии Метаксас уже тогда утверждал, что Греция не сумеет их удержать. В дальнейшем, несмотря на все давление общественного мнения, Метаксас был последовательным противником экспедиции в Малую Азию.

Позицию Метаксаса разделяли и другие военные, утверждавшие, что идея овладения Константинополем — утопия, поскольку Россия этого не допустит. Как вскоре выяснилось, они были правы², но 6 марта 1915 г. Венизелос подал в отставку, надеясь сломить сопротивление короля. Этот шаг положил начало тем событиям, которые

¹ См.: Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού (και της μικρασιατικής καταστροφής). Αθήνα, 1935. Σ. 66–67.

² См.: Соколовская О. В. Греция в годы первой мировой войны. М., 1990. С. 53.

привели Грецию к распаду на два государства, поставили на грань гражданской войны и вошли в историю под названием национального раскола¹. Венизелос, уже тогда уверенный в будущей победе Антанты, был готов на любые жертвы ради обретения ее милости и закрывал глаза на то, что в Афинах, с одной стороны, и в Лондоне и Париже, с другой по-разному оценивали позицию Болгарии.

Король Константин и его окружение к тому времени были совершенно уверены, что Болгария уже тайно перешла на сторону Тройственного союза и вскоре может выступить открыто. Поэтому они были против каких-либо уступок Болгарии и требовали твердых гарантий на случай вступления ее в войну на стороне Германии. В то же время в Лондоне и Париже считали, что Болгария еще не потеряна. Возможно также, что английская дипломатия знала об истинном положении дел, особенно когда получала от Константина убедительные его подтверждения, но старалась вовлечь в войну наибольшее число участников, с тем чтобы снизить собственные потери.

Между тем 22 марта назначенный премьером вместо Венизелоса Димитрис Гунарис известил Антанту о согласии Греции предоставить ей помощь в Дарданеллах при условии вступления Болгарии в войну на стороне Антанты или предоставления Греции твердых гарантий в противном случае. К этому времени союзники действительно нуждались в помощи на этом участке фронта. Дело в том, что идея Черчилля провести операцию только силами флота провалилась. Началась запоздавшая высадка десанта. Но к этому времени турки уже успели принять меры по организации обороны. Эффект неожиданности был сведен к нулю. Однако даже на этом этапе союзники отказались предоставить Греции требуемые гарантии, поэтому Дарданелльская операция прошла без участия греков. К осени 1915 г. она закончилась поражением и отводом войск Антанты с Галлиполийского полуострова. Как справедливо отметила О. В. Соколовская, эти обстоятельства повлекли за собой обострение противоречий на Балканах².

13 июня 1915 г. в Греции прошли выборы, которые выиграл Венизелос, но король на два с лишним месяца затормозил формирование его министерства. Все это время внутривнутриполитическая ситуация в стране, подогреваемая извне, продолжала накаляться. Англия и Франция потребовали от Греции существенных уступок в пользу Болгарии, предприняв последнюю попытку привлечь ее на свою сторону. Такое развитие событий уменьшало число сторонников Антанты в Греции и усиливало позиции приверженцев нейтралитета. Тогда Венизелос, заняв наконец кресло премьера, ради укрепления своего положения попросил у Антанты заем. Но даже его получение оставило короля непреклонным³.

Тут наступил сентябрь, и стало известно о том, что Болгария начала мобилизацию. Это известие посеяло панику как в Афинах, так и в столицах стран Антанты. Константин, твердо придерживаясь своей прежней линии, заверил бол-

¹ Подробнее см.: Τσίρος Ν. Κράτος, εξουσία, κοινοβουλευτικό σύστημα σε θεσμική και πολιτική κρίση: ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η λειτουργία του πολιτεύματος στην περίοδο 1914–1920. Αθήνα, 2000; Ζαβιτσιάνος Κ. Αι αναμνήσεις εκ της ιστορικής διαφωνίας βασιλέως Κωνσταντίνου και Ελευθερίου Βενιζέλου, όπως την έζησε (1914–1922). Τ. 1. Αθήνα, 1946.

² См.: Соколовская О. В. Греция в годы первой мировой войны. М., 1990. С. 62.

³ См.: Τσίρος Ν. Κράτος, εξουσία, κοινοβουλευτικό σύστημα σε θεσμική και πολιτική κρίση: ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η λειτουργία του πολιτεύματος στην περίοδο 1914–1920. Αθήνα, 2000.

гарское правительство, что Греция не выступит на стороне Сербии, как это следовало по условиям греко-сербского договора 1913 г. В ответ болгары сообщили, что не имеют агрессивных намерений в отношении Греции. В это время Антанта, фактически уже потерпевшая поражение в Дарданеллах и напуганная приближающимся вступлением в войну Болгарии, решила открыть новый фронт в районе Салоник с целью пресечения действий Болгарии и помощи истощенным сербам. В этом деле Бриан и Ллойд Джордж нашли верного союзника в лице Венизелоса. Каждая из сторон действовала в собственных интересах. Венизелос надеялся, что англо-французские войска прикроют Грецию от болгар, Англия и Франция, в свою очередь, рассчитывали втянуть Грецию в войну и решать проблемы с Болгарией силами греческих войск.

Пользуясь нерешительностью короля, Венизелос сумел навязать ему свое предложение согласиться с высадкой англо-французского десанта. По просьбе Венизелоса союзники обещали прислать 150 тыс. чел., король настоял на том, чтобы это не были колониальные войска. Однако выполнять свое обещание Англия и Франция не собирались: в Салониках было десантировано всего 30 тыс. чел.¹ Впоследствии англо-французский контингент под командованием генерала Сарайля был увеличен до 80 тыс. чел. В результате события стали развиваться именно по англо-французскому сценарию. Единственное, чего не предусмотрели союзники, это был неслыханный накал внутривосточной борьбы в Греции, которого не знали другие колеблющиеся на предмет вступления в войну страны.

1 октября без какого-либо предупреждения греческих властей первые части англичан высадились в Салониках. Венизелос официально заявил протест, на что последовал ответ, что державы-покровительницы имеют право в любое время направлять в Грецию войска. 4 октября Венизелос поставил на голосование в парламенте вопрос об отправке вместе с английскими частями греческих войск на помощь Сербии. Большинство голосов вопрос был решен положительно. В тот же день Болгария объявила войну Греции. На следующий день король отправил Венизелоса в отставку.

Отношения между ними еще более ухудшились. Константин как монарх считал себя, а не премьер-министра более ответственным за судьбу государства. Кроме того, он был профессиональным военным с боевым опытом. Несомненно также, его вклад в победу Греции в Балканских войнах был более весом, нежели вклад Венизелоса. Последнее обстоятельство способствовало укреплению его авторитета. Кроме того, греческие монархи традиционно оказывали огромное влияние на внешнюю политику страны. Поэтому Константин считал себя в сложившихся обстоятельствах безусловно правым. Сторону Константина приняла большая часть греческой политической элиты: практически все еще остававшиеся в живых лидеры старых партий, бывшие премьер-министры.

Развитие событий на фронтах подтверждало правоту его политической линии. К октябрю 1915 г. Россия несла тяжелые поражения на германском фронте и потеряла все, что было завоевано в 1914 г. На Западном фронте шла позиционная война. Дарданелльская операция провалилась, и как раз в октябре 1915 г. остатки союзнических войск из Галлиполи были переброшены в Салоники. Это были разбитые, уста-

¹ См.: Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού Αθήνα, 1935. Σ. 92.

лые и потрепанные части с низким боевым духом. Было очевидно, что они не смогут оказать действенной помощи Сербии. Соединиться с сербской армией эти части не успели, поскольку болгары перекрыли железную дорогу на Ниш. К этому надо добавить, что Италия, присоединившаяся к Антанте уже после начала войны (вступила в войну весной 1915 г.) еще в 1914 г. вторглась в принадлежавший Албании Северный Эпир под предлогом борьбы с разбойничеством.

В свою очередь, Венизелос свято верил в грядущую победу Антанты и возможность Греции с выгодой для себя использовать эту победу. Повторная отставка, тем более после победы на выборах, была воспринята им как нарушение конституции, хотя конституция не имела четких формулировок на эту тему. Число венизелистов среди греческих политиков было невелико, и сам Венизелос держался на плаву во многом благодаря всевозможной поддержке со стороны стран Антанты.

Казалось бы, Венизелос добился своего: Греция вступила в войну. Однако Константин официально отмежевался от действий англичан и французов. Король и его окружение и в этих условиях отказывались оказывать помощь Антанте. Тогда некоторые радикальные венизелисты стали подталкивать своего лидера к тому, чтобы он убедил англичан спровоцировать Грецию на ведение боевых действий. И все же в Лондоне еще верили, что можно договориться по-другому и сохранить честь английского мундира. За вступление в войну Англия предложила Константину Кипр. Но он и на этот раз ответил, что будет придерживаться нейтралитета¹.

Теперь Англия и Франция перешли к провокационным действиям. Они создали неподконтрольный греческим войскам укрепленный район в Македонии, потребовали досмотра греческих судов и права уничтожения неприятельских, если таковые окажутся в греческих водах. Затем они заняли ряд островов и создали военно-морские базы в Мудросе (Лемнос) и Суде (Крит). Затем Саррайль выслал из Салоник консулов центральных империй. В январе 1916 г. англичане в нарушение Лондонского договора 1864 г.² заняли Керкиру, затем полностью взяли под контроль салоникийский порт и взорвали стратегически важные мосты в Македонии, с помощью которых осуществлялась связь между различными частями греческих войск.

В то же время нарастала информационная война между двумя блоками на территории Греции. Как Антанта, так и Тройственный союз имели там множество своих агентов, часть из которых действовала не столько за вознаграждение, сколько из понимаемых по-своему патриотических соображений. Обе стороны вели свою пропаганду также и через греческую прессу³. В назначенных на 19 декабря выборах венизелисты принять участие отказались. В ответ правительство начало чистку армии и государственного аппарата от сторонников Венизелоса.

Продолжали ухудшаться и отношения королевского правительства с Антантой. Весной 1916 г. Антанта потребовала от Греции предоставить свою территорию для переброски в Салоники вывезенных после разгрома Сербии в конце 1915 г. на Керкиру остатков сербских войск. Королевское правительство категорически отказалось это сделать, опасаясь, что, сербские части, как только попадут в страну,

¹ См.: *Dakin D.* Η ενοποίηση της Ελλάδας, 1770–1923. Αθήνα, 1989. Σ. 317.

² См.: *The Foundation of modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947).* Athens, 1999. P. 45–56.

³ См.: *Μεταξάς Ι.* Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού Αθήνα, 1993. Σ. 130–136; *Соколовская О. В.* Греция в годы Первой мировой войны. М., 1990. С. 114–122.

могут быть использованы Антантой для совершения антиправительственного переворота. В результате англичанам пришлось с большими потерями перебрасывать сербов по морю. 14 мая 1916 г. Саррайль захватил крепость Дова-тепе к северу от Дойрани, в ответ немцы потребовали сдачи Рупеля — важнейшего укрепленного рубежа на пути в греческую Македонию, который греки едва успели построить после Балканских войн. Премьер-министр Скулудис согласился отдать Рупель под предлогом сохранения строгого нейтралитета¹.

К тому времени группа офицеров-венизелитов уже создала тайную организацию «Национальная оборона». Узнав об этом, Венизелос и англо-французская дипломатия стали прорабатывать вопрос о создании в Салониках нового, проантантовского правительства. Однако весной 1916 г. такой план казался им неосуществимым, к тому же категорически против него выступила Россия. Тогда было решено оказать давление на афинское правительство. 21 июня страны Антанты направили королевскому правительству ноту с требованием отставки правительства, роспуска парламента и проведения новых выборов. Затем союзники потребовали от греков распустить армию, а руководство жандармерией назначить из лояльных Антанте лиц. В подкрепление этой ноты в Пирей была отправлена англо-французская эскадра, которая высадила трехтысячный десант и подвергла обстрелу греческую столицу².

В этой ситуации Константин был вынужден частично пойти навстречу Антанте. Он отправил в отставку Скулудиса и назначил премьером Заимиса, более дружелюбно настроенного в отношении Антанты. В Петербург, Париж, Лондон и Рим Константин направил с дипломатическими миссиями своих братьев. Им было поручено убедить правительства стран Антанты в том, что Греция искренне стремится сохранить нейтралитет, а не действует заодно с немцами. Эти миссии не увенчались успехом. Антанта не верила или не хотела верить. Но сдаваться так просто ни король, ни верные ему люди в армии не собирались. Из распущенных воинских частей Метаксас создал полулегальную организацию «Союз призывников», которая действовала против венизелитской «Национальной обороны» и пыталась не только защитить страну от произвола Антанты и ее агентов, но и спасти престиж монархии.

В августе 1916 г. болгары начали наступление в центральной Македонии. Оборонявшая этот район греческая 6-я дивизия получила приказ к отступлению. Венизелос 28 августа выступил на антиправительственной демонстрации в Афинах и обвинил в сложившемся положении короля. В ответ роялисты организовали антивенизелитскую манифестацию. Параллельно правительство Заимиса вело тайные переговоры и шло на все большие уступки Антанте, отдав под ее контроль греческую почту и телеграф и выслав из страны наиболее одиозных агентов Германии. Положение Константина становилось все менее прочным. В начале сентября венизелиты вместе с агентами Антанты организовали провокационную демонстрацию на против французского посольства³. В результате Заимис ушел в отставку, а союзники получили повод открыто держать войска в Афинах. Как полагал идейный и политический противник Венизелоса генерал Метаксас, стратегической целью Венизелоса было свержение короля, не желавшего быть марионеткой в его руках. Чтобы иметь

¹ Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού Αθήνα, 1993. Σ. 145.

² Соколовская О. В. Греция в годы первой мировой войны. М., 1990. С. 98–100.

³ Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού Αθήνα, 1993. Σ. 135–136.

повод обвинить короля в нарушении национальных интересов, Венизелос спровоцировал падение кабинета Заимиса¹.

Под прикрытием англо-французских войск 31 августа 1916 г. в Фессалониках единомышленниками Венизелоса из «Национальной обороны» был совершен военный переворот. Надо сказать, что союзнические войска под командованием Саррайля не прославились какими-либо победами на фронтах: провалив экспедицию в помощь сербам в 1915 г., Саррайль с таким же результатом пытался помочь Румынии, которую наконец-то уговорили вступить в войну летом 1916 г. 25 сентября 1916 г. Венизелос открыто примкнул к мятежникам: французы переправили его на Крит, где он провозгласил начало революции². Было образовано альтернативное королевскому революционное правительство, которое вначале состояло только из Венизелоса, адмирала П. Кундуриотиса и генерала П. Данглиса. Первоначально оно работало в Ханья, на родине Венизелоса, а затем, после того как Венизелос совершил турне по захваченным Антантой территориям, чтобы набрать новых сторонников, переехало в Салоники. 24 ноября 1916 г. оно объявило войну центральным державам.

Греция фактически распалась на два государства: одно во главе с королевским правительством, другое — во главе с правительством Венизелоса. Последнее включало в себя Македонию, Крит, фактически оккупированные Антантой острова в Восточной Эгеиде. Исполняя свои обещания помочь Антанте, Венизелос начал проводить в этих областях мобилизацию и отправлять войска на созданный в Салониках фронт. Что касается стран Антанты, то они не спешили официально признавать правительство Венизелоса, опасаясь, что такое признание может послужить толчком к началу гражданской войны.

Вместо этого они продолжали оказывать все более масштабное давление на короля. К тому времени их действия практически полностью лишили страну национального суверенитета. В ноябре 1916 г. они потребовали разоружения греческого флота и контроля над железными дорогами, в декабре — передачи им части артиллерии и боеприпасов под предлогом компенсации того, что досталось немцам и болгарам в Рупеле. В противном случае они угрожали оккупацией. Король был в безвыходном положении. Он хотел предотвратить кровопролитие и потому отдал приказ своим офицерам не сопротивляться. 1 декабря французы приступили к высадке войск в Пирее.

Но король уже не обладал реальной властью даже среди преданных ему людей. Французам было оказано достойное сопротивление. В отместку они обстреляли королевский дворец, а 7 декабря была объявлена морская блокада верных королю областей Греции. Очень быстро там стала ощущаться нехватка топлива и продовольствия. Роялисты имели все основания обвинить Антанту и ее агента Венизелоса в том, что ими был организован голод среди населения страны³. Однако, несмотря на эти тяжелые условия, население оставалось преданным королю: в оставшейся в его власти части страны не было отмечено каких-либо антиправительственных выступлений.

¹ Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού Αθήνα, 1993. Σ. 201.

² О развитии событий подробнее см.: Πετρίδης Π. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος στη Θεσσαλονίκη: η προσωρινή κυβέρνηση, 1916–1917. Θεσσαλονίκη, 1994; Βερέμης Θ. Η επέμβαση του στρατού στην Ελληνική πολιτική 1916–1936. Αθήνα, 1977.

³ Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού... Σ. 129.

29 января 1917 г. над Акрополем были подняты флаги стран Антанты. Фактически король оказался их пленником.

Однако и в этой ситуации он продолжал считать свою политическую линию, нацеленную на сохранение нейтралитета, единственно верной. Как в начале войны, так и теперь он вовсе не был убежденным германофилом. Оглядываясь назад, он делал вывод о том, что страны Антанты вовсе не собирались отправлять в Грецию существенные армейские соединения. Их задачей, по мнению короля, было втягивание Греции в войну и решение ее силами своих проблем на Балканах. В случае вступления в ряды Антанты Греция оказалась бы один на один против Германии, Турции и Болгарии. Противостояние такой коалиции привело бы страну к национальной катастрофе. Вступление же в войну на стороне Германии привело бы, по его мнению, к полному уничтожению греческого флота, более раннему установлению блокады и разорению страны Антантой¹.

Политика же Венизелоса может быть оправдана только с точки зрения «Великой идеи». Действительно, сверхцель установления греческой власти в Константинополе и Малой Азии могла заставить пойти на большие жертвы. В противном случае такая политика может быть квалифицирована как авантюристическая или даже предательская. Надо учитывать также тот факт, что наибольший ущерб Греции в годы Первой мировой войны был причинен вовсе не Германией и ее союзниками (нога немецкого солдата вообще не ступала на территорию Греции), а англичанами и французами. Действия Венизелоса, по видимости, были оправданы Севрским договором, но и он оказался фикцией.

Воссоединение страны произошло в июне 1917 г., когда Константин был принужден к отречению в пользу своего сына Александра (1917–1920), а правительство Венизелоса въехало в Афины в обозе войск Антанты. Национальный раскол глубоко переживался всеми греками, и долгие годы греческая политическая жизнь определялась борьбой между венизелистами и антивенизелистами². На отречении Константина настаивали Англия и особенно Франция: они планировали наконец открыть фронт в Салониках и опасались, что Константин этому помешает. Формально король не подписывал акта об отречении, что позволило ему позже вернуться в страну. Он согласился уехать ради блага Греции и оставил бразды правления второму сыну, поскольку наследник Георгий считался германофилом. Отъезд Константина был болезненно воспринят греческим обществом. Некоторые³ предлагали ему организовать сопротивление, но король предпочел изгнание гражданской войне.

27 июня 1917 г. Венизелос вернул себе кресло премьера всей Греции. Его первыми шагами по возвращении были масштабные репрессии против роялистов. Их лидеры (Метаксас, Гунарис и др.) были арестованы и сосланы под надзор французской полиции на Корсику. Была проведена чистка армии и государственной службы от роялистов, в ходе которой страна лишилась опытных администраторов и военачальников, так нужных в военное время. В стране свирепствовала венизелистская жандармерия. Венизелос распустил действующий парламент, но, поскольку в военное время провес-

¹ См.: Dakin D. Η ενοποίηση της Ελλάδας. Σ. 324–325.

² См.: Μιχαλόπουλος Δ. Ο Εθνικός Διχασμός. Η άλλη διάσταση. Αθήνα, 1997.

³ В частности, И. Метаксас.

ти выборы было невозможно, вновь созвал парламент, избранный в мае 1915 г., в котором венизелисты имели подавляющее большинство. У современников он получил название Лазарева парламента (Βουλή των Λαζάρων)¹.

30 июня восстановленная англо-французскими штыками венизелистская Греция объявила войну Германии и ее союзникам. Страны Антанты предоставили Венизелосу новый заем на формирование армии. Отрабатывая эти деньги, Венизелос снарядил десять дивизий, переданных в распоряжение Антанты. Однако вплоть до осени 1917 г. на македонском фронте не предпринималось активных действий, потому что у англичан, греков, сербов и даже русских были слишком плохие отношения с Сарайлем. Кроме того, в Лондоне и Париже все еще колебались, стоит ли начинать активные действия в Македонии. Новый командующий Гийоме лишь весной 1918 г. предпринял наступательные действия. 30 мая 1918 г. союзниками была одержана небольшая победа над болгаро-немецкими частями на высотах Скра ди Леген. После этого Гийоме был отозван на Западный фронт, а в Македонии вновь установилось затишье.

Только осенью 1918 г. новый командующий македонским фронтом Франше д'Эспере получил приказ начать наступление. Несмотря на тщательную подготовку, это наступление, начатое 14 сентября, развивалось крайне медленно и было остановлено болгарами. В этот самый момент болгарское командование почему-то засомневалось в своих силах и том, что немцы доставят обещанные боеприпасы. Болгарские войска получили приказ отходить и оставили укрепленные рубежи в районе Дойрани. В чистом поле их настигла английская авиация, и отступление превратилось в беспорядочное бегство. В результате 25 сентября союзные войска достигли границ Болгарии. В тот же день солдаты из отступивших болгарских частей начали в стране революцию. Болгарское правительство, поняв, что война проиграна, запросило перемирия. Опасаясь повторения российских событий, 29 сентября 1918 г. Франше д'Эспере подписал довольно мягкие условия перемирия. В тот же день германское командование констатировало поражение в войне. После перемирия с Болгарией часть англо-греческих войск должна была направиться к Константинополю, другая часть — остаться для ведения боевых действий на Дунае. В этом положении они находились 30 октября, когда на британской военной базе в Мудросе было подписано перемирие с Турцией².

Вступление в войну на стороне победившей Антанты сулило грекам большие приобретения: в ноябре 1918 г. крейсер «Аверов» в составе союзнических оккупационных войск вошел в Босфор. Подписанный в Нейи (1919) договор³ между союзниками и Болгарией передавал Греции принадлежавшую болгарам Западную Фракию. Чтобы снять взаимные территориальные претензии в будущем, предусматривался также греко-болгарский обмен населением, осуществленный в 1920-е гг.⁴ Севрский договор (1920) между Антантой и Османской империей передавал грекам острова Имброс и Тенедос, Восточную Фракию. Под управление Греции переходила часть Малой Азии с центром в Смирне с последующим проведением там референдума о присоеди-

¹ Авторы остроты сравнивали созыв старого парламента с евангельским сюжетом о воскрешении Христом четырехдневного Лазаря.

² Подробнее см.: Корсун Н. Балканский фронт мировой войны, 1914–1918. М., 1939.

³ См.: The Foundation of modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 101–117.

⁴ См.: Ladas S. The Exchange of Minorities, Bulgaria, Greece and Turkey. N. Y., 1932.

нии к Греции. Константинополь становился вольным городом под международным контролем. Додеканезы передавались Италии¹. К этому времени на Понте уже существовало организованное партизанское движение и обдумывались планы создания независимой Понтийской республики². Мечта греков о возрождении христианского царства на Босфоре почти сбылась. Греческому полковому священнику удалось даже отслужить литургию в Св. Софии после 466-летнего перерыва³. Вопрос о судьбе Северного Эпира был решен не в пользу греков: в 1921 г. эта область была передана Албании. По итогам Первой мировой войны было проведено окончательное размежевание в Македонии: Греции теперь принадлежал 51 % ее территории, 39 % досталось Сербии (впоследствии Югославии) и лишь 10 % Болгарии.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для Греции. Балканские войны, несмотря на их победоносный характер, потребовали большого напряжения ресурсов страны, а социально-политическая и экономическая интеграция приобретенных территорий была далека от завершения. Вопрос о том, нужно ли вступать в войну, и если да, то на чьей стороне, не имел однозначного ответа у греческого общества. С подобной проблемой столкнулись и некоторые другие европейские государства, но нигде он не перерос в столь острый конфликт, как в Греции. Обе противоборствующие стороны имели репутацию борцов за национальные интересы, однако различие в оценках международной обстановки и перспектив ее развития обусловило их различие во взглядах на ближайшие тактические задачи внешней политики и выбор союзников. Конфликт Венизелоса и короля Константина имел и другую плоскость: это было противоборство между монархом и сильным премьер-министром, стремившимся к неограниченной власти. Порожденный этим конфликтом национальный раскол, глубже всего затронувший политические элиты, стал одной из причин послевоенной нестабильности в Греции и крушения «Великой идеи».

Катастрофа

Первая мировая война окончилась для Османской империи Мудросским перемирием 30 октября 1918 г., по которому державы Антанты закрепляли оккупацию арабских территорий империи, обязывали Турцию демобилизовать армию, выдать военнопленных, открыть проливы и передать их под контроль союзников, которые также получали право оккупации любого стратегически важного пункта страны и право контроля железных дорог, телеграфа и радио. После мировой войны греки были использованы Англией, которая подпитывала материально и дипломатически греческую экспансию и таким образом реализовывала один из вариантов закрепления своего могущества на Востоке. Некоторые претензии высказывала и Франция. Поэтому грекам был обещан дальнейший территориальный рост за счет Османской империи. «Мудросское перемирие является позорным результатом того жестокого поражения, которое понесло оттоманское прави-

¹ Полный текст см.: The Treaties of Peace, 1919–1923. V. 2. N. Y., 1924, а также на сайте www.lib.byu.edu

² См.: *Φοτιάδης Κ.* Понт: право на память. М., 2006.

³ См.: Κούβελας Ι. Δ. Η τελευταία Λειτουργία στην Αγία-Σοφία // *Σύνδεσμος*. 1992. Τεύχ. 259. Σ. 82.

тельство со своими союзниками», — говорил позже лидер турецкой революции Мустафа Кемаль¹.

С этого времени перед турецкими государственными и общественными деятелями встала задача не допустить полного развала государства и растаскивания страны по кусочкам европейскими державами. Вначале турецкое национальное движение развивалось стихийно: стали создаваться партизанские отряды и «общества защиты прав», не имевшие центрального руководства. В мае 1919 г. началась высадка греческих войск в районе Смирны, и примерно в это же время за организацию и укрепление турецкого национального движения взялся Мустафа Кемаль. Он был профессиональным военным, к концу мировой войны имел уже богатый боевой опыт и генеральское звание. Будучи человеком образованным, он не мог не интересоваться перспективами развития своей страны, и в конце концов у него сложилась определенная система взглядов на социально-политические проблемы. Кемаль-паша стал сторонником консолидации турецкого народа и создания национального государства, а идеи османизма и панисламизма считал в некоторой степени даже вредными (хотя в свое время он был связан с младотурками).

В 1927 г., проанализировав итоги Первой мировой войны, последовавшей за ней борьбы за отмену Севрского договора, а также преобразований внутри страны, Кемаль выступил в турецком парламенте с 36-часовой речью. В нашей стране она была выпущена четырехтомным изданием под названием «Путь новой Турции» с подробными комментариями и солидным справочным аппаратом в 1929–1934 гг. Конечно, тот факт, что «Речь» была произнесена в 1927 г., т. е. через несколько лет после интересующих нас событий, в некоторой степени снижает ее ценность как источника, однако Кемаль опирается на многочисленные документы, в т. ч. свои собственные телеграммы и депеши, относящиеся к описываемому периоду, которые в большинстве случаев приводит целиком.

Итак, еще до заключения Севрского договора в Турции появились политические силы, не разделявшие примиренческую позицию султанского правительства. В июле и сентябре 1919 г. в Эрзеруме и Сивасе состоялись конгрессы обществ защиты прав и было создано объединенное всетурецкое Общество защиты прав Анатолии и Румелии и его центральный орган — Представительный комитет во главе с Кемалем. В конце 1919 г. Кемаль перенес резиденцию комитета из Сиваса в Анкару, имевшую прямую телеграфную линию с Константинополем. В начале 1920 г. в Константинополе начал работу парламент, который 28 января 1920 г. принял так называемый Национальный обет, провозглашавший следующие положения: национальный суверенитет турецкого государства, самоопределение спорных территорий путем плебисцита, гарантия прав меньшинств, рассмотрение вопроса о проливах с участием заинтересованных сторон².

Заметив активизацию национального движения в Анатолии, англичане, в свою очередь, также стали действовать энергичнее. 19 февраля 1920 г. Кемаль получил сообщение из Константинополя о том, что английский дипломатический представитель устно известил правительство, что «столица будет оставлена туркам», если они прекратят избиение армян и военные операции (в т. ч. против греков). Кемаль

¹ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. М., 1934. С. 172.

² См.: Меликов В. Марна, Висла, Смирна. М., 1937. Прилож. С. 468–469.

расценил этот шаг как провокацию, сути которой не разгадало стамбульское правительство, т. к. союзники прекрасно понимали неприемлемость выдвигаемых ими условий, а следовательно, лишь искали повод для оккупации Константинополя¹. О том, что Кемаль не ошибался относительно планов англичан, свидетельствует телеграмма командующего укрепленным районом Чанаккале Шевкета от 24 января 1921 г., который со слов итальянского представителя сообщал, что англичане «хотят спровоцировать какой-нибудь инцидент в Стамбуле»². Хитрый итальянец, конечно, не поведал о причине своей «дружелюбности» к туркам и досады на англичан: дело в том, что Италия уже давно «положила глаз» на те турецкие территории, которые теперь Англия хотела передать грекам. Не очень была довольна предстоящим усилением Англии и Франция. Так что итальянское и французское правительства ждали дальнейшего развития событий, а их дипломаты сидели в Константинополе без четких инструкций.

3 марта 1920 г. кабинет Али Риза-паши подал в отставку после ультимативного требования союзников отвести турецкие войска на 3 км в связи с новым продвижением греков³. 10 марта представители стран Антанты в Константинополе получили из Лондона приказ об аресте турецких националистов⁴. 16 марта 1920 г. в Константинополе был высажен английский десант и объявлено об оккупации города.

В связи с тем что после занятия войсками Антанты центрального телеграфа в столице Представительным комитетом был отдан приказ о выключении телеграфа по всей стране, известие об оккупации Константинополя почти нигде не было получено⁵. Националисты тут же приняли ответные меры: официально выступили с протестом, обратились с воззванием ко всему мусульманскому миру, совершали диверсии, разоружали и высылали антантовских солдат и арестовывали офицеров⁶. 23 апреля 1920 г. в Анкаре собрался новый меджлис, объявивший себя Великим Национальным Собранием Турции и избравший председателем Мустафу Кемалю.

Это событие, с одной стороны, положило начало формированию нового государства и правительства, способного руководить освободительной борьбой турок, а с другой, дало повод для вспышки серии антитурецких и сепаратистских восстаний внутри страны. Именно на это время приходится активизация греческого партизанского движения в районе Понта⁷. Многие жители греческих сел уходили в горы, оставшиеся дома помогали им одеждой, продуктами питания, информацией. По этому поводу Кемаль вполне резонно рассудил, что «в настоящее время гораздо важнее подавить внутренние восстания, чем приостановить греческое наступление»⁸, т. к. на фронте все равно не было необходимых сил и припасов, создать которые можно было только при условии стабилизации внутривосточного положения, поэтому с греческого фронта снимались части для подавления мятежей⁹.

¹ См.: Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. М., 1934. С. 12–13.

² См.: Там же. Прилож. С. 209.

³ См.: Там же. С. 30, 226.

⁴ См.: Там же. С. 44.

⁵ См.: Там же. С. 49.

⁶ См.: Там же. С. 49, 52, 56, 57.

⁷ См.: Фотиадис К. Понт: право на память. М., 2006.

⁸ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. С. 97.

⁹ Там же. Т. 3. С. 168.

Понимая, что существование партизанских отрядов невозможно без поддержки населения, турки стали осуществлять широкомасштабные репрессии в отношении греческого населения. К слову сказать, начало массовых репрессий в отношении понтийцев 19 мая 1919 г. хронологически следует за временем высадки греческого десанта в Смирне (15 мая). Венизелос неоднократно получал протесты от своих союзников по Антанте по поводу жестокого обращения греческих солдат с местными турками. Позже на притеснения греками славянского населения в Македонии и Фракии жаловались и болгары¹.

Дела же на фронте обстояли следующим образом. До 28 мая 1919 г. высадившиеся на побережье М. Азии греческие войска практически не встречали никакого сопротивления, пока наконец Али-бей не установил фронт в Айвалыке, после чего последовала организация и других фронтов. В июне того же года турки разбили греческие оккупационные войска в Пергаме². Но, вообще говоря, до создания Ангорского правительства снабжение фронтов осуществлялось местным населением и национальными организациями в тылу³. Почти год греки не вели активных боевых действий на турецкой территории, но в июне 1920 г. они перешли в наступление по всему фронту. Одновременно англичане высадили десанты в Мудании и Пандерме. Для турок это было неприятной неожиданностью и вызвало кризис ВНСТ. «Никто не думал о том, — сетовал Кемаль, — что греческая армия, больше года находившаяся в районе Смирны, непрерывно вела подготовку к активным операциям против нас, а стамбульское правительство пускало в ход все средства, чтобы обессилить нашу армию»⁴.

Активные действия на южном фронте против французов привели к тому, что последние, начиная с мая 1920 г., пытались вступить в переговоры с турецкой стороной в лице Ангорского правительства. В конце мая было заключено перемирие с французской миссией Дюке, действовавшей от имени верховного комиссариата Сирии, на 20 дней. Кемаль видел в этом перемирии достижение, т. к. турки, пользуясь передышкой, могли провести реорганизацию армии и подготовиться к полному изгнанию французов из Аданской зоны и других турецких территорий. Не менее важно и то, что сам факт заключения соглашения свидетельствовал о фактическом признании анатолийского правительства Францией. Однако французы, желая показать, что уходить из Турции не собираются, заняли ряд пунктов вне зоны перемирия, после чего турки расторгли соглашение⁵.

К числу достижений турецкой дипломатии следует отнести налаживание отношений с советской Россией: 11 мая 1920 г. была послана первая миссия в Москву, а к августу (т. е. к моменту заключения Севрского договора) уже были выработаны некоторые параграфы будущего российско-турецкого договора. Турцию и Россию подталкивала к сближению не только видимая общность революционной идеологии (султанское правительство издало фетву против большевизма), но и общие враги. Греческий экспедиционный корпус принял участие в интервенции войск Антанты на территорию

¹ См.: Чалъков Н. Една страница от гръцкия варваризъмъ въ XX векъ надъ българите въ Македония и Тракия. Пловдивъ, 1930.

² См.: Хронику боевых действий см. в: Корсун Н. Греко-турецкая война. М., 1940.

³ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. С. 85–86.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ См.: Там же. С. 87–88.

Советской России. Произошло это еще до заключения турецко-советского договора 16 марта 1921 г., поэтому обвинения в предательстве, высказываемые греками в адрес Советской России, беспочвенны. Некоторые греческие историки вообще склонны переоценивать значение этого договора. Так, например, самый компетентный на сегодняшний день исследователь понтийских греков К. Фотиадис¹, не желая искать объективные причины поражений греческих войск в Малой Азии (неблагоприятные климатические условия, оторванность от военных и сырьевых баз, невозможность быстрой переброски подкреплений, стратегические и тактические просчеты военного командования), утверждает, будто решающую роль в победе турок сыграла предоставленная Советской Россией помощь в соответствии с договором 1921 г.² В подтверждение своей точки зрения К. Фотиадис неправомерно приводит цитату из выступления Кемаля о том, что «победа Новой Турции была бы совершенно невозможной без поддержки Советского Союза». Совершенно очевидно, что Кемаль имел в виду вовсе не победу в конкретном сражении, а торжество турецкой революции в целом, тем более что в 1921 г. Советского Союза еще не существовало. Другие греческие историки справедливо отмечают, что сближение между Советской Россией и кемалистской Турцией стало следствием интервенции стран Антанты (с участием Греции) как в Россию, так и в Турцию³.

Между тем турецкие националисты, ведя активную дипломатическую борьбу, не предпринимали активных действий на фронте, поскольку полагали, что сил пока недостаточно. В таких условиях султанское правительство было вынуждено 10 августа 1920 г. заключить с державами-победительницами Севрский мир, который даже сам султан не решался ратифицировать. Согласно этому договору от Османской империи отторгались не только арабские земли, но также Армения, Курдистан, широкая полоса вдоль сирийской границы в пользу Франции, Восточная Фракия с Адрианополем в пользу Греции, Смирна переходила под греческое управление, остальная территория делилась на сферы влияния, армия демобилизовывалась, подтверждался режим капитуляций, проливы и финансы страны ставились под полный контроль Антанты и т. д.

Греческую делегацию на Парижской мирной конференции возглавлял Венизелос, чьим блестящим дипломатическим способностям греки и обязаны заключением столь выгодного договора. На следующий день греческие газеты вышли с триумфальными заголовками. Казалось, «Великая идея» становится реальностью. Однако еще во время переговоров в Париже Англия и Франция недвусмысленно дали понять Венизелосу, что обеспечивать свое присутствие в Малой Азии греки должны будут исключительно собственными силами⁴. Рисковать своими солдатами ради греческих интересов только что закончившие большую войну англичане и французы не собирались. Тем не менее Венизелос, и прежде проявивший себя

---

¹ Помимо большого количества работ, посвященных отдельным сюжетам понтийской истории, К. Фотиадис, чьи родители были беженцами из Малой Азии, составил многотомный труд «Геноцид понтийских греков» (Φωτιάδης Κ. Η Γενοκτονία των Ελλήνων του Πόντου. Τ. 1–14. Θεσσαλονίκη, 2005). Само название этого труда говорит о том, что автор ставил перед собой не только исследовательские, но и политические задачи.

² См.: Φωτιάδης Κ. Πόντος: право на память. М., 2006. § 35 (в книге отсут. нумерация страниц).

³ См.: Psomiades H. The Eastern Question: the Last Phase. Θεσσαλονίκη, 1968. Р. 32.

⁴ См.: Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού... Σ. 18–19.

сторонником осуществления «Великой идеи», не считаясь ни с какими жертвами, решил рискнуть. Он считал себя воплостителем греческой мечты и намеревался триумфатором вернуться на родину. Но в Греции не все разделяли его позиции, страна еще не оправилась от национального раскола. Когда Венизелос покидал Париж, на Лионском вокзале на него совершили покушение два отставных офицера-роялиста. Венизелос был ранен, но остался в живых.

Разумеется, кемалисты Севрского договора не признали, однако факт его подписания вынудил их начать военные действия. 24 октября 1920 г. турки наконец решились наступать в районе Гедиза и потерпели поражение, после чего Кемаль приступил к реорганизации армии. 7 января 1921 г. турецкая армия отбила наступление греков и одержала первую крупную победу при Инёню. Турки рассматривали Грецию как врага номер один, причем антигреческие настроения усиливались в связи с т. н. понтийским вопросом, на котором Кемаль особо останавливается в своей «Речи»: «Венизелос, откладывая разрешение вопроса о Стамбуле, больше склонялся к мысли о необходимости организовать прежде всего государство Понт...»¹ Сами понтийские греки открыто выражали свою антипатию туркам и, по словам Кемаля, организовывали вооруженные «банды», для борьбы с которыми были посланы регулярные части, а также вооружено местное турецкое население². Наличие антитурецкого партизанского движения на Понте признается и в греческой литературе³.

Аналогичная ситуация складывалась и во Фракии, но там национальные организации были слабее⁴. Общие указания Кемаля относительно Фракии сводились к следующему: не нужно рассматривать Восточную и Западную Фракию как одно целое, т. к. это может вызвать новые претензии врагов Восточной Фракии⁵, не поднимать вопроса о турецком суверенитете на этой области, укрепить национальные организации и активизировать их действия в районе Ксанфи⁶. «Необходимо учитывать претензии болгар, которые хотят себе обеспечить экономический выход к Эгейскому морю... Было бы полезно через специальных агентов следить за надвигающимся в Болгарии революционным движением и добиться, чтобы последнее устремило свои взгляды на Кавалу»⁷. Таким образом турки могли бы воспользоваться противоречиями между Болгарией и Грецией.

Вскоре (12 октября) в Греции при сомнительных обстоятельствах (от укуса обезьяны) скончался молодой король Александр. Парламент назначил регентом адмирала Павла Кундуриотиса. 1 ноября 1920 г. в Греции прошли парламентские выборы. Объединенная оппозиция нанесла триумфатору Венизелосу такое поражение, что сам он не был даже избран депутатом парламента. Для многих подобное развитие событий было неожиданностью. Например, британский друг Венизелоса В. Селигман только за два месяца до выборов издал книгу о Венизелосе-триумфаторе⁸. Обиженный Венизелос отправился в эмиграцию и объявил о своем уходе из

¹ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ См.: Фотиадис К. Понт: право на память. М., 2006.

⁴ См.: Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. С. 40, 121.

⁵ См.: Там же. С. 41, 239.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ См.: Там же. С. 240.

⁸ Seligman V. The Victory of Venizelos: A Study of Greek Politics, 1910–1918. L., 1920.

большой политики. При этом он сделал оговорку, сказав, что готов вернуться, если нации понадобятся его услуги. На следующий день после выборов Кундуриотис подал в отставку. Министерство возглавил Раллис, а регентом стала королева Ольга. Был назначен референдум, на котором должен был решиться вопрос о том, сможет ли изгнанный король Константин вернуться в страну, поскольку его третий сын Павел отказался занять престол. Победив Венизелоса, оставшаяся в Греции у власти оппозиция должна была доводить до конца его сомнительное предприятие и продолжать отправку войск в Малой Азию.

Между тем Франция и Италия, недовольные укреплением англо-греческих позиций на Ближнем Востоке, искали случая восстановить свои позиции и уменьшить английское влияние в регионе. Они решили воспользоваться для этого возвращением Константина, а Англия пошла у них на поводу, нанеся тем самым ущерб собственной политике. Накануне референдума, который прошел в Греции 22 ноября и 1 млн голосов против 10 тыс. вернул власть Константину, державы предупредили греческое правительство, что перестанут оказывать помощь Греции в Малой Азии в случае такого исхода. Это было прямым нарушением их обязательств, которые распространялись на Грецию в целом, а не на конкретное правительство, тем более что вернувшийся Константин стал придерживаться той же политической линии, что и Венизелос.

С 23 февраля по 12 марта 1921 г. в Лондоне проходила международная конференция по восточному вопросу с участием греков и турок. Ей предшествовала политическая борьба между Анкарой и Константинополем по вопросу о том, кто же будет представлять турецкую сторону на этой конференции. В ходе чернильной дуэли между двумя столицами, старой и новой, обнаружились любопытные документы, проливающие свет на позицию европейских держав в восточном вопросе в тот период. В частности, в одном из своих писем Кемалю глава султанского правительства Тевфик-паша доверительно сообщал: «В силу изменения настроений в кругах Антанты и общественном мнении не в пользу Греции, что явилось результатом возвращения в Афины короля Константина, в Европе началось движение в нашу пользу»¹.

Уже на этой конференции проявилась двойственная позиция Англии и Франции в отношении греков. Конференция закончилась пересмотром Севрского договора, пока еще незначительным, в пользу Турции. Смирнский вилайет формально возвращался Турции, но в нем назначался губернатор из числа христиан, греческие войска оставались в Смирне, порядок поддерживался жандармерией, укомплектованной из представителей различных национальностей. Этот режим через пять лет мог быть пересмотрен Лигой наций по требованию одной из сторон. Разумеется, такое решение вопроса никого не удовлетворило. Сам Кемаль оценил итоги конференции довольно лаконично: «Ни к каким положительным результатам эта конференция не привела»². Кемалисты не собирались складывать оружие, а греки, не дожидаясь ее окончания, перешли в наступление на всех участках фронта, что повлияло на итоги переговоров, которые могли бы закончиться хуже для греков. Но это наступление привело ко второму поражению греков при Инёню после боев 28 марта — 1 апреля 1921 г.

¹ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. С. 194.

² Там же. С. 200–201.

Тем не менее весной — летом 1921 г. греческие войска продолжили продвижение вглубь Малой Азии через Соленую пустыню и к августу 1921 г. ближе всего продвинулись к отступившим в Восточную Анатолию турецким частям. В это время помимо сложных природных условий (нехватка корма для лошадей и воды) на греческую армию обрушились большие трудности со снабжением, поскольку подвоз провианта, боеприпасов и медикаментов в эту часть Малой Азии был затруднен, а базы находились слишком далеко. В войсках начались эпидемии, боевой дух солдат и офицеров, не встречавших на своем пути противника, падал.

Вскоре Кемаль получил полномочия главнокомандующего. После Сакарийского сражения 28 августа — 13 сентября 1921 г., за которое он был возведен в чин маршала с титулом «Гази», греческое наступление было остановлено. Эта битва имела также важное политическое значение: она подтолкнула турецко-французские переговоры, шедшие с июня 1921 г. и затянувшиеся потому, что французский дипломат А. Франклен-Буйон предлагал при обсуждении проблем исходить из статей Севрского договора, который турецкая сторона не желала признавать, считая его «смертным приговором турецкой нации»¹. Но после решительной победы турок на р. Сакариа-чай (греч. Сангариос) переговоры вступили в новую фазу, и 20 октября 1921 г. Турция подписала Ангорское соглашение с Францией (соглашение Франклен-Буйона), которое Кемаль считал крупным успехом: «Наши национальные стремления были впервые признаны и оформлены в договоре с западной державой»².

Это было первое свидетельство того, что Англия и Франция отказали в поддержке своим греческим союзникам, воспользовавшись в качестве предлога возвращением в Грецию короля Константина после смерти Александра, и, напротив, оказали помощь туркам.

В марте 1922 г. в Париже состоялась конференция министров иностранных дел, где союзники предложили туркам заключить перемирие с греками на следующих условиях: не производить перемещений войск, не получать подкреплений, поставить армию под контроль военных комиссий держав. Такие условия, по мнению Кемаля, были выгодны только грекам, ослабевшим после сакарийского сражения, но не туркам, усиленно укреплявшим свою армию. Поэтому Кемаль предложил не отвергать перемирия в принципе, т. к. это могло вызвать негативную реакцию, но выдвинуть контрусловия, основное из которых — полная эвакуация оккупационных войск из Анатолии³. К лету 1922 г. несколько оправившиеся от Сакарийского поражения греческие войска занимали укрепленный рубеж по линии Эскишехир — Афьонкарахисар.

Ситуация резко изменилась к сентябрю 1922 г.: 26 августа хорошо подготовленная турецкая армия начала тщательно продуманное генеральное сражение против греческих войск. Войска Кемаля Ататюрка нанесли тяжелейшее поражение греческой армии в Соленой пустыне в районе Анкары. К 30 августа «битва генералиссимуса» закончилась, а к двадцатым числам сентября Малая Азия была очищена от греческих войск. Теперь уже условия диктовала Турция. Вот как выглядели требования, которые Кемаль считал возможным предъявить грекам до

¹ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. С. 40–43.

² Там же. С. 46.

³ См.: Там же. С. 66–68.

10 сентября: передача Турции Фракии в границах 1914 г., выдача всех турецких военнопленных, а также восстановление разрушений, произведенных греками во время боевых действий¹.

Консулы держав Антанты, конечно, сразу получили полномочия для ведения переговоров. 23 сентября турецкому правительству была направлена нота с предложениями прекратить военные действия и созвать мирную конференцию. Особенно беспокоились европейцы за зону проливов и за прекращение военных действий там обещали отдать туркам Фракию до р. Марицы. 29 сентября Кемаль ответил согласием провести конференцию в Мудании и потребовал немедленной передачи Восточной Фракии, что и было сделано по условиям Муданийского перемирия, подписанного Исмет-пашой 11 октября 1922 г.²

Муданийское перемирие закрепило военные успехи Турции, осталось приложить последние усилия, чтобы добиться наиболее выгодных условий мирного договора. 21 ноября 1922 г. открылась мирная конференция в Лозанне. В первые дни, как вспоминал позже Кемаль, «казалось, что не было возможности добиться положительных результатов, то есть признания прав Турции», т. к. «речь шла об урегулировании вековых счетов»³. «Мы не были виновны в упущениях и ошибках прошлого, и в действительности не с нас нужно было требовать уплаты по счетам, накопившимся в течение столетий». «Мы требуем от конференции в сущности лишь формального подтверждения того, чего мы уже достигли на деле», а в том, что Турция дошла до государственного банкротства, во многом виноваты сами европейские державы, постоянно вмешивавшиеся почти во все сферы внутренней жизни страны⁴. Так определил Кемаль позицию турецкой делегации на конференции.

С 4 февраля по 9 апреля 1923 г. был перерыв в работе конференции, т. к. турецкая делегация получила неприемлемый для нее проект мирного договора. Наконец 24 июля 1923 г. был подписан мирный договор. Турции возвращались Смирна, Константинополь, Восточная Фракия, острова Имброс и Тенедос, греческие войска полностью эвакуировались из Малой Азии. Договор предусматривал обмен населением между двумя странами⁵. Западную Фракию кемалистам отвоевать не удалось.

Кемаль верно понял стоявшую перед ним задачу и сумел найти наиболее эффективные пути ее решения. В военной области ему удалось осуществить избранную стратегию и тактику «всякий раз отражать греческие атаки, задерживать и нейтрализовать их посредством соответствующих военных передвижений, чтобы выиграть таким образом время для строительства нашей новой армии»⁶. Военные успехи достойно подкреплялись дипломатическими: кемалистам удалось выйти из изоляции, не допустить раздела страны и добиться наиболее выгодных в той ситуации условий мирного договора. «После проведения в жизнь протокола об эвакуации, составляю-

¹ См.: Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. С. 91–92.

² Подробнее о заключении Муданийского перемирия см.: Psomiades H. The Eastern Question: the Last Phase. Θεσσαλονίκη, 1968. Р. 41–44.

³ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. С. 113.

⁴ Там же. С. 113–114.

⁵ Политическая часть Лозаннского договора опубликована в: The Foundation of modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. Р. 117–146; The Treaties of Peace, 1919–1923. V. 2. N. Y., 1924.

⁶ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. С. 32.

щего приложение к Лозаннскому договору, Турция была совершенно освобождена от иностранной оккупации и таким образом добилась полной неприкосновенности своей территории»¹.

Успешное решение Кемалем задачи создания турецкого национального государства означало не только поражение греков, но и крушение их надежд на возрождение христианского царства на Босфоре. Кроме того, алчные соседи сразу же попытались воспользоваться слабостью Греции в своих интересах: в августе 1923 г. фашистская Италия предприняла попытку захватить остров Керкира (Корфу). Грекам удалось сохранить остров только благодаря вмешательству англичан, видевших в действиях Италии покушение на собственное влияние в регионе².

Следствием малоазиатской катастрофы стал политический кризис внутри Греции. За два года (ноябрь 1920 — ноябрь 1922 г.) в стране сменилось семь правительств. 28 августа правительство Протопадакиса (май — август 1922 г.) ушло в отставку. Но было уже поздно. На островах Хиос и Лесбос, куда прибывали сумевшие избежать разгрома греческие воинские части, зрело недовольство. 11 сентября 1922 г. полковники Николаос Пластирас, Стилианос Гонатас и вице-адмирал Димитриос Фокас совершили государственный переворот. На следующий день войска стали переправляться в Афины, используя торговые суда. К тому времени повстанцы уже разбросали с самолета по столице листовки со своими требованиями. Они сводились к следующему: отстранение от власти Константина в пользу наследника, роспуск парламента и создание коалиционного правительства, пользующегося доверием стран Антанты. 13 сентября войска высадились в Лаврию, а 14 сентября король Константин отбыл в Италию³.

Сложившейся ситуацией попытался воспользоваться в своих интересах отставной генерал Феодорос Пангалос⁴, но ему это не удалось. Находясь в Элевсине, т. е. гораздо ближе к столице, Пангалос организовал свой революционный комитет и еще до прибытия войск в столицу приступил к арестам роялистов. Однако реальных сил в его распоряжении не было, поэтому он предпочел договориться с хиосскими повстанцами. Было сформировано новое правительство из числа умеренных венизелитов, которое возглавил Сотирис Крокидас, но реальная власть находилась в руках революционного триумvirата. Король Константин I был окончательно отстранен от власти, перешедшей к его сыну Георгу II (1890–1947).

5 октября 1922 г. был создан комитет по расследованию причин малоазиатской катастрофы во главе с Пангалосом, впоследствии передавший дело в военный трибунал, члены которого подбирались этим же генералом. Двухнедельный «процесс шести» закончился вынесением смертного приговора тем, кого считали главными виновниками поражения в Малой Азии. 15 ноября 1922 г. экс-премьеры Д. Гунарис (март 1921 — май 1922 г.), Н. Стратос (май 1922 г., министр внутренних дел в правительстве Протопадакиса) и П. Протопадакис, бывшие министры Н. Феотокис (военный министр в правительствах Гунариса) и Г. Бальтадзис (министр иностранных дел в

¹ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 4. С. 175.

² См.: Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах в 1922–1935 гг. М., 1979. С. 41.

³ События этого военного переворота описаны в мемуарах одного из его участников: Гонатас Σ. Απομνημονεύματα. 1897–1957. Αθήνα, 1958.

⁴ См.: Χατζηαντωνίου Κ. Θεόδωρος Πάγκαλος. Αθήνα, 2004.

кабинетах Гунариса и Протопадакиса), а также командовавший войсками в Малой Азии генерал Г. Хаджианестис были казнены. Помимо этого гражданские министры были присуждены к штрафу. Еще двое военных — генерал Стратигос и адмирал Гудас осуждены на пожизненное заключение. Младший брат короля принц Андрей, командовавший корпусом в Малой Азии, был осужден, но не казнен, а выслан из страны. По одной из версий от казни его спас Пангалос, с которым они вместе учились в Школе Эвельпидов, по другой — англичане.

Все тот же Пангалос был главным инициатором казней и настоял на немедленном исполнении приговора. Чем было вызвано применение этой крайней меры и какие именно политические силы за этим стояли, пока достоверно не выяснено. Не очень ясную позицию тогда занял и Венизелос: он был призван лидерами переворота к руководству греческой внешней политикой, но до последнего момента отказывался вмешиваться в «дело шести», хотя после казней выступил с их осуждением. Казни были осуждены всеми европейскими правительствами, а санкционировавший их кабинет (который на самом деле не контролировал ситуацию) вынужден был уйти в отставку. Новое правительство возглавил Гонатас, а Пангалос занял в нем пост военного министра.

Говоря о причинах катастрофы в Малой Азии, первая попытка проанализировать которые была сделана уже во время «процесса шести», следует разделить их на внутренние, т. е. связанные с греческой армией и государством, и внешние, т. е. не зависевшие от греков. Первоначально упор был сделан на первую группу, но впоследствии, когда страсти улеглись, греческое общество дало более взвешенную оценку происшедшему, с чем была связана политическая реабилитация осужденных. В частности, Протопадакису был поставлен памятник у него на родине.

Внутренние причины были связаны прежде всего с тяжелым состоянием греческой экономики, ослабленной политическими раздорами и действиями войск Антанты в годы Первой мировой войны. Разъединявшая нацию политическая борьба также была препятствием на пути оптимальной мобилизации сил для реализации условий Севрского договора. В таких условиях цена военных и политических ошибок возрастала во много раз. Ошибочным было само решение об организации экспедиции в Малую Азию, поскольку оно основывалось на неверных оценках собственных возможностей, сил противника, дипломатической обстановки. Серьезной ошибкой было масштабное продвижение греческих войск вглубь Малой Азии, особенно в район Соленой пустыни. В условиях слабо развитой инфраструктуры не получавшие продовольствия и подкреплений греческие войска оказались в той же ситуации, что высокомерный султан Баязид за 500 лет до этого. Ошибочной следует признать и политику оккупационных властей на занятых греческими войсками территориях. У турецкого населения не оставалось иного выбора, как примкнуть к лагерю кемалистов.

Важнейшая внешняя причина поражения греков заключалась в неблагоприятном для них развитии событий на международной арене. Англия и Франция не просто покинули на произвол судьбы своих союзников по Антанте, но способствовали дестабилизации положения внутри Греции и даже оказывали поддержку туркам. Что касается Советской России, в адрес которой высказывали претензии греческие историки, то нельзя забывать, что греки первыми предприняли враждебные действия в ее адрес, дав тем самым дополнительный повод советскому правительству искать союза с революционным движением в Турции. Последнее стало еще одной причиной поражения

греческих войск в Малой Азии, поскольку дало возможность туркам в короткий срок провести реорганизацию армии и повысить ее боевой дух.

Настоящей катастрофой Первая мировая война и поражение греческой армии в Малой Азии обернулись для греческого населения Понта, Ионии и других областей Малой Азии. Греки подвергались массовому выселению, в соответствии с введенной для них трудовой повинностью сгонялись в концлагеря, где гибли от голода и антисанитарии. Контрнаступление турок в 1922 г. сопровождалось массовым уничтожением мирного греческого населения и ценностей православной культуры. Вместе со своей паствой трагически погибли митр. Смирнский Хризостом (Калафатис), ставший символом трагедии греков¹, митр. Кидонийский Григорий (Орологас), митр. Мосхонисийский Амвросий (Плианфидис) и множество других иерархов и клириков. Города Ионии, православные монастыри и храмы в других частях Турции подверглись разорению и разграблению. Это не было случайным совпадением: турки прекрасно знали о том, что Патриархат и многие епископы поддерживали национальное движение греков².

В результате массового бегства греков и обмена населением большая греческая община осталась только в Константинополе (125 тыс. чел.). Она уравнивалась мусульманами Западной Фракии (118 тыс. чел.), оставшимися на территории Греции. 1,5 млн беженцев и переселенцев из Малой Азии обосновалось в Греции³, население которой в середине 1920-х гг. превысило 6 млн чел.

Причины трагедии

Ответственность за катастрофу была возложена на группу военных и политических деятелей, обвиненных в неверном планировании и ведении боевых действий и некоторых других ошибках. Их казнь должна была разрядить накалившуюся социально-политическую обстановку в стране. На самом деле причины катастрофы были гораздо глубже.

Важнейшей причиной крушения «Великой идеи» следует считать саму «Великую идею». Греческая национальная идеология и созданная на ее основе внешнеполитическая доктрина стали важным стимулом развития греческого государства в XIX — начале XX в. Они подталкивали экономическое и культурное развитие страны, способствовали ее территориальному росту. Начав свое существование как маленькое, только номинально независимое, опутанное долгами государство, к началу XX в. Греческое королевство сумело не только выжить, но и добиться значительного прогресса в экономическом развитии, а также существенно расширить свои границы. Прежде чем прийти к поражению, «Великая идея» одержала ряд значительных побед. Ее яркими успехами стали присоединение Фессалии и Эпира, Македонии и Крита.

Однако уже на ранних этапах своего существования «Великая идея» как внешнеполитическая доктрина продемонстрировала и свой деструктивный потенциал,

¹ См.: Σολομωνίδης Χ. Ο Σμύρνης Χρυσόστομος. Αθήνα, 1971.

² О массовых убийствах греков и сопровождавших их грабежах и разрушениях см.: Φοτιαδис Κ. Πόντ: право на память. М., 2006.

³ О численности и статусе беженцев и меньшинств см.: Psomiades H. The Eastern Question: the Last Phase. Θεσσαλονίκη, 1968. Р. 60–86; Ladas S. The Exchange of Minorities, Bulgaria, Greece and Turkey. N. Y., 1932.

приведя к серьезным просчетам, прежде всего во внешней политике. К концу XIX в. «Великая идея» превратилась в господствующую идеологию Греческого королевства, о чем свидетельствует патриотический подъем в греческом обществе в середине 1890-х гг., а затем в годы Балканских войн. Эта тенденция не обошла стороной даже афонское монашество.

Но в то же время оказалось, что «Великая идея» уже не была полностью подконтрольна государственной власти. Взрастив ее в качестве государственной идеологии, политическая элита не заметила ее перехода в идеологию массовую. Рычагов управления массовой идеологией в то время еще разработано не было, и «Великая идея» пустилась в свободное плавание. В результате уже не она была инструментом в руках правительства, но, наоборот, сама использовала государство для достижения своих целей. Греческие политики часто вынуждены были принимать неверные решения в духе «Великой идеи» под давлением общественного мнения. Это произошло и в 1897 г., и в 1920 г. Ошибочной оказалась не столько экспедиция в Малую Азию, сколько само заключение Севрского договора, не обеспеченное гарантиями его реализации. И подписавший договор Венизелос, и наследовавшие ему у власти греческие политики, поставленные перед необходимостью реализации условий Севрского договора, действовали не только в соответствии с собственными убеждениями (а все они были сторонниками «Великой идеи»), но и под давлением общественного мнения. Последнее считало положения Севрского договора свершившимся фактом. С этой точки зрения экспедиция в Малую Азию выглядела не военной кампанией, а введением оккупационных войск на предоставленную грекам Антантой территорию.

Другая причина поражения «Великой идеи» коренилась в несоответствии ресурсов греческого государства его внешнеполитическим запросам. Греческие политики не всегда имели верное мнение об экономических, военных и дипломатических возможностях своего государства, ошибались в оценках потенциала противников и союзников. Так, в годы Первой мировой войны Венизелос и его сторонники допустили грубые просчеты в связи с Дарданелльской операцией, а Константин и его окружение ошиблись в оценках самого исхода войны. Одной из важнейших причин военной катастрофы в Малой Азии стала недооценка греческой стороной масштабов и потенциала кемалистского движения. Но даже в тех случаях, когда греческие политики справедливо полагали, что для достижения поставленных целей собственных сил им не хватит, они рассчитывали на помощь европейских держав. Иногда эти расчеты чудесным образом оправдывались, но чаще всего оставались тщетными. Необоснованная надежда на содействие Англии и Франции сыграла трагическую роль в исходе малоазиатской экспедиции и судьбе греческого населения Малой Азии.

Надежду на помощь извне грекам подавала сама же «Великая идея». Еще греческие просветители внушали не только своим соотечественникам, но и европейскому общественному мнению мысль о том, что своей цивилизацией Европа обязана грекам. Поэтому греки полагали, что европейцы будут помогать им в борьбе с «дикими» турками не только ради собственной выгоды, но и из чувства благодарности к основателям их собственной цивилизации.

Еще одной причиной крушения «Великой идеи» стал общий подъем национального строительства в Балканском регионе, приведший ее к конфликту с национальными идеями других народов. Национальные движения болгар, сербов и албанцев по-

ставили крест на такой интерпретации «Великой идеи», как построение православной империи, а движения младотурок и затем кемалистов окончательно похоронили идею эллинизации Османской империи изнутри. При том что все они использовали средства и методы борьбы, аналогичные греческим, мобилизации турок под знаменем Кемаля способствовала необходимость борьбы за выживание. Произведенные в 1920-е гг. обмены населением окончательно перевели межэтнические отношения на Балканах в плоскость отношений между национальными государствами.

Ослаблению позиций «Великой идеи» способствовал также раскол в греческом обществе, вызванный конфликтом между Венизелосом и королем Константином. За видимыми противоречиями, выражавшимися в разногласиях по вопросам внешней политики, лежал более глубокий конфликт между монархом и сильным премьер-министром. Само наличие этого конфликта свидетельствует о том, что развитие парламентаризма в Греции вступило в новую стадию своей истории. Несмотря на принятие в 1911 г. новой конституции, расширившей права парламента, фактическое наступление на позиции короны продолжалось. Конфликт между Венизелосом и Константином ускорил этот процесс и в конечном счете способствовал установлению республики в 1920-е гг.

Первая мировая война и последовавшие за ней трагические (и для греков, и для турок) события означали крушение не только многовековой империи, но и столь же долгих надежд греков на восстановление своей власти в Константиновом Граде. Ни мечта о завоевании Малой Азии, ни планы эллинизации империи изнутри больше не имели под собой реальных оснований. Греческим политикам и мыслителям предстояло заняться выработкой новой, более соответствующей изменившейся геополитической ситуации идеологии. И все же до сего дня находятся среди греков такие, кто не теряет надежды на то, что Стамбул вновь станет Константинополем.

Часть IV

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

ВРЕМЯ ДИКТАТОРОВ

В поисках нового пути

В течение года, последовавшего за переворотом Пластираса и Гонатаса, политическая жизнь Греции определялась больше соперничеством между умеренными и радикальными венизелистами, нежели между венизелистами и роялистами. Как это наблюдалось и в других странах, тяжело перенесших Первую мировую (Россия, Германия, Италия), в стране появились боевые отряды — «союзы национальной безопасности», созданные радикальными венизелистами и осуществлявшие террор в отношении неугодных. Сам Венизелос к осени 1923 г. вдруг заявил о своем решении вернуться в большую политику (но пока не на родину). В это время его единомышленники в Греции обсуждали вопрос о судьбе монархии в стране. Их лидер был против насильственного установления республики, поскольку считал, что население еще к этому не готово, а значит, подобные действия чреваты серьезными социальными потрясениями¹.

19 октября 1923 г. была объявлена дата новых парламентских выборов, на голосование также предполагалось вынести вопрос о политическом строе. Известие об этом спровоцировало попытку государственного переворота со стороны монархически настроенных офицеров (а таковых было в армии большинство). Среди них действовала полулегальная «Организация полковников», имевшая контакты с королевской семьей через И. Метаксаса. 22 октября член организации генерал П. Гаргалидис поднял мятеж в войсках на Пелопоннесе, полковник Г. Зирас должен был организовать восстание в Македонии. К ним присоединился также венизелист генерал Леонардопулос, недовольный тем, что Пангалос не допускал его до занятия высших постов в армии. Однако называвшее себя революционным правительство, само состоявшее из высших офицеров, приняло решительные меры и подавило мятеж. Поражение этого выступления имело печальные последствия для греческой монархии и армии. Новый король Георг II оказался скомпрометированным своими связями с мятежниками и после декабрьских выборов 1923 г. вынужден был покинуть страну, а регентом был опять назначен адмирал Кундуриотис. В начале 1924 г. в Грецию вернулся Венизелос. Поражение движения Леонардопулоса — Гаргалидиса ускорило обсуждение вопроса о политическом строе, которое привело к установлению в стране республики. Кроме того, венизелисты получили повод для проведения долгожданной чистки в армии. Свыше 1200 офицеров, в том числе и те, кто не принимал участия в мятеже, но не поспешил его осудить, были уволены².

В этой ситуации большинство роялистов решили бойкотировать выборы, и в результате в парламенте оказались почти одни венизелисты. Однако сам Венизелос 4 февраля подал в отставку, ссылаясь на проблемы со здоровьем, и уехал в Париж, где на досуге занялся переводом Фукидида. В марте 1924 г. премьер-министром стал убежденный республиканец Александр Папанастасиу³, организовавший референдум с целью упразд-

¹ См.: *Alastos D. Venizelos: Patriot, Statesman, Revolutionary*. L., 1942.

² Подробнее см.: Βερέμης Θ. Οι επεμβάσεις του στρατού στην Ελληνική πολιτική, 1916–1936. Αθήνα, 1977.

³ См.: Παπαναστασίου Α. Δημοκρατία και το εκλογικό σύστημα. Αθήνα, 1923; Παπαναστασίου Α. Μελεταί, λόγοι, άρθρα. Αθήνα, 1958.

нения монархии. Результаты референдума были сфабрикованы: 70 % греков якобы поддержали республику¹. Бывший регент Кундуриотис был приглашен Папанастасиу занять аналогичный президентскому пост, который назывался *ρυθμιστής του πολιτεύματος*. Новый политический строй был закреплен конституцией 1927 г.

Между тем со времени последних выборов (декабрь 1924 г.) в Греции воцарился хаос. Никто не знал ни точных результатов выборов, ни цели их проведения. Экономика, подорванная нагрузками времен Первой мировой, а затем малоазиатской экспедиции, никак не могла прийти в сбалансированное состояние, хотя большинство европейских государств в те годы переживали экономический подъем. Правительства сменялись одно за другим, пока в июне 1925 г. генерал Пангалос в результате нового военного переворота не установил свою личную диктатуру². К этому времени население, уставшее как от экономических проблем, так и от междоусобиц политических партий, вначале поддержало идею сильной власти. Однако Пангалос, преследуя политическую оппозицию, не смог в короткий срок добиться стабилизации экономики. Впрочем, это было невозможно без помощи извне³. Не прибавило Пангалосу авторитета происшедшее по его вине ухудшение отношений с Болгарией в результате конфликта на греко-болгарской границе⁴. Режим Пангалоса стал терять популярность и продержался чуть больше года. В августе 1926 г. генерал Кондилис сверг власть Пангалоса, занял пост премьер-министра и провел новые выборы. 7 ноября 1928 г. они принесли победу венизелистам, но сам их вождь пока находился на Крите. Новое правительство, которое возглавил А. Заимис, пыталось решить экономические проблемы страны путем привлечения английских и американских инвестиций. Вторую стоявшую перед ним проблему составлял вопрос о принятии новой конституции. Проблема заключалась в том, что даже те венизелисты, которые заседали в парламенте, в большинстве своем не придерживались республиканских убеждений. Чувствуя, что затягивание принятия конституции может пойти на пользу монархистам, готовившим реставрацию, президент Кундуриотис в ультимативной форме потребовал от парламента принять проект конституции, выработанный еще Пангалосом. Это подействовало, и 2 июня 1927 г. конституция была принята.

Новая конституция вводила в Греции пост президента и возвращала страну к системе двухпалатного парламента. Палата представителей состояла из 200–250 депутатов, избиравшихся на четыре года всеобщим прямым тайным голосованием. Сенат состоял из 120 членов со сроком полномочий в девять лет, но его состав обновлялся на 1/3 каждые три года. В случае разногласий между Сенатом и Палатой представителей по поводу принятия какого-либо закона решающее слово оставалось за последней. Важнейшим достижением конституции 1927 г. было закрепление принципа формирования правительств парламентским большинством.

Однако упразднение монархии не принесло и теперь чаемой политической стабильности. У власти находилось коалиционное правительство Заимиса, чье положение было очень неустойчивым. Баланс сил был нарушен возвращением в Афины Венизелоса, который 3 июля 1928 г. был назначен премьером, а 19 августа провел до-

¹ См.: Καρανικόλας Γ. Νόθεσ εκλογές στην Ελλάδα, 1844–1961. Αθήνα, 1963.

² См.: Χατζηαντωνίου Κ. Θεόδωρος Πάγκαλος. Αθήνα, 2004.

³ См.: Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας. Τ. Β. Αθήνα, 2005. Σ. 331–332.

⁴ См.: Barros J. The League of Nations and Great Powers. The Greek-Bulgarian Incident 1925. Oxford, 1970.

срочные выборы, закрепившие его положение. Венизелос сохранил кресло премьера на последующие четыре года. Президентом в 1929 г. был избран Александр Заимис.

В области внутренней политики кабинет Венизелоса продолжил мероприятия, направленные на ускорение модернизации страны¹. Проводились мелиорационные работы с целью увеличения обрабатываемых сельскохозяйственных площадей, расширялась сеть автомобильных и железных дорог, для стимулирования сельского хозяйства был создан Сельскохозяйственный банк, кредитовавший крестьянские хозяйства.

Важнейшей своей заслугой тех лет Венизелос считал решение проблемы беженцев. С его точки зрения, именно в те годы беженцы не просто обрели нормальные условия существования, но сумели полностью интегрироваться в греческие социально-экономические структуры. Но справедливости ради надо сказать, что размещение и обустройство беженцев были в основном проведены еще предыдущими правительствами. Беженцы размещались прежде всего в тех районах Македонии и Фракии, откуда уехали турки, поскольку там имелась готовая инфраструктура. Однако быстро выяснилось, что оставленных турецких поселений катастрофически не хватало. Правительства пытались разместить беженцев также в пограничных с Сербией и Болгарией районах, чтобы нейтрализовать проживавшее там славянское население.

В результате большинство беженцев действительно осели в Македонии и Фракии, но отдельные их группы оказались на Пелопоннесе, в Афинах, на островах. Беженцы из Малой Азии оказались трудолюбивым и социально активным населением. Они быстро приспосабливались к новым условиям, вносили большой вклад в развитие экономики страны. Однако компактное размещение беженцев имело и свои негативные стороны: социально-политическая и культурная их интеграция замедлялась². Когда Венизелос считал, что в начале 1930-х гг. она завершилась, то выдавал желаемое за действительное. События Второй мировой и последовавшей за ней Гражданской войн ярко показали, насколько он ошибался.

Это фактически последнее правительство Венизелоса уделяло большое внимание развитию системы образования и в некоторой степени здравоохранения³. Политика правительства заключалась не только в том, чтобы строить новые школьные здания, но и в создании новых типов технически и профессионально ориентированных школ, закладывавших основы подготовки квалифицированных специалистов для промышленности, а не только государственного аппарата. Реформа школьного образования включала также обязательный переход начального образования на димотику. Таким образом, на всю страну был распространен закон, принятый Салоникским правительством Венизелоса еще в 1917 г. В средней школе преподавание велось на кафаревусе, но димотика вводилась в качестве обязательного предмета. Интересно, что, проводя иногда довольно радикальные преобразования, Венизелос опасался конкуренции со стороны леворадикальных политиков. В 1929 г. был издан закон, фактически запрещавший распространение в стране коммунистических идей и распускавший коммунистические организации.

¹ Подробнее см.: Βενιζελισμός και αστικός εκσυγχρονισμός. Ηράκλειο, 1988.

² См.: Eddy Ch. Greece and the Greek Refugees. L., 1931; Βαλαωράς Β. Το δημογραφικόν πρόβλημα της Ελλάδος και η επίδρασις των προσφύγων. Αθήνα, 1939.

³ О политике этого правительства подробнее см.: Никитина Т. В. Элефтериос Венизелос — идеолог и практик греческого либерализма (1864–1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 2; Βερέμης Θ. Ελευθέριος Βενιζέλος: κοινωνία, οικονομία, πολιτική στην εποχή του. Αθήνα, 1989.

Все эти мероприятия (за исключением последнего) способствовали экономическому развитию страны и обретению социальной стабильности¹. Но на этот раз Венизелосу не повезло: в его планы вмешался мировой экономический кризис. В начале 1930-х гг. и без того неблагополучная экономика Греции была окончательно подорвана этим кризисом, с последствиями которого либеральное министерство Венизелоса было не в состоянии справиться. Между тем конституция 1927 г., следовавшая либеральной традиции конституций предыдущего столетия, не предусматривала вмешательства государства в экономическую сферу, вследствие чего конституционные нормы неоднократно нарушались.

Когда в сентябре 1931 г. Англия отказалась от золотого стандарта и перешла к выпуску инфляционных денег, зависевшие от успешности английской финансовой системы греческие финансы оказались под серьезной угрозой. Венизелос пытался укрепить национальную валюту и остановить бегство капиталов из страны, но ему это не удалось. Весной 1932 г. Греция также перешла к выпуску инфляционной бумажной массы, а летом того же года наложила ограничения на выплаты процентов по займам в валюте и ввела принудительные ставки конвертации валют. Эти меры вызвали не только резкую критику оппозиции внутри страны, но и протесты со стороны иностранных кредиторов. Популярность Венизелоса стала падать.

В этой ситуации он пытался принять жесткие политические меры, нанося удар по оппозиции и справа, и слева. В политике Венизелоса наметились диктаторские тенденции: он стремился к ограничению полномочий парламента и усилению исполнительной власти. Качественный характер этих изменений вполне осознавался самим Венизелосом. Он называл себя «диктатором на парламентской основе»². Желая укрепить свое положение на предстоящих выборах, Венизелос изменил избирательный закон, сменив мажоритарную систему распределения мандатов пропорциональной. Эта мера не способствовала росту его популярности, поскольку еще в 1928 г. он был сторонником мажоритарной системы, аргументируя свою позицию необходимостью опираться на крупные партии ради поддержания политической стабильности. Кроме того, пытаясь сохранить авторитет правительства в условиях все возраставшей критики со стороны оппозиции за непопулярные меры, Венизелос ввел цензуру печатных изданий. Эти действия только способствовали падению его авторитета.

В области внешней политики последняя администрация Венизелоса избрала тактику, нацеленную на недопущение зависимости страны от какой-либо одной державы. Греция стремилась установить дружеские отношения как с крупными державами, так и со своими балканскими соседями³. Желая сохранить благосклонность Англии, Венизелос не поощрял инициатив киприотов, нацеленных на включение острова в состав Греции. Уже в сентябре 1928 г. был подписан договор о дружбе и арбитраже с Италией. При этом Греция на ближайшие десять лет отказывалась от претензий на принадлежавшие Италии Додеканезы.

¹ См.: Τζόκας Σ. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και το εγχείρημα του αστικού εκσυγχρονισμού 1928–1932: η οικοδόμηση του αστικού κράτους. Αθήνα, 2002. Σ. 153.

² См.: Никитина Т. В. Греческие либералы и создание «Великой Греции» в первой трети XX в. // Греция: национальная идея, общество, государство. М., 2002. С. 206.

³ См.: Никитина Т. В. Внешняя политика Греции и советско-греческие отношения в 1928–1932 гг. по материалам Архива внешней политики Российской Федерации // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 102–103.

К весне 1929 г. были урегулированы отношения с Королевством СХС (Югославией), с которым до тех пор сохранялись противоречия, не разрешенные в годы Балканских войн. Венизелос пошел югославам на уступки, и в марте 1929 г. был подписан греко-югославский протокол. Отношения с Болгарией развивались не так гладко. Болгария, как мы помним, восприняла итог Балканских войн как национальную катастрофу, поэтому незначительные уступки, предложенные Грецией, в частности создание порто-франко в Салониках и Дедеагаче (Александруполе), ее не устраивали.

Важным шагом на пути укрепления положения Греции на Балканах стало сближение с Турцией. И здесь Венизелос согласился на определенные уступки, в частности, греческое правительство согласилось выплатить компенсацию туркам, покинувшим Грецию. Со своей стороны Турция признала гражданские права за константинопольскими греками. Когда большая часть спорных вопросов была урегулирована, стало возможным подписание 10 июня 1930 г. греко-турецкого договора о дружбе и нейтралитете. Венизелос и Исмет-паша Инёню обменялись визитами. Этот договор выражал согласие обеими сторонами исполнять пункты Лозаннского договора¹. Для турок это означало, что Греция отказывалась от покушений на территориальную целостность Турции, для греков — похороны «Великой идеи» и невозможность беженцам из Малой Азии вернуться домой.

Большое внимание в рамках политики упрочения отношений с балканскими странами уделялось проведению Балканских конференций, первая из которых прошла в 1930 г. В их работе принимали участие представители политических кругов, интеллигенции всех балканских государств. В те годы в Греции было начато издание специального журнала, ставшего основным каналом продвижения идеи балканской интеграции². Однако во что-то большее Балканские конференции не переросли: слишком велики были противоречия между некоторыми государствами региона.

Таким образом, мы видим, что внешняя политика Венизелоса того времени в отличие от эпохи Первой мировой войны была вполне реалистичной. Венизелос осознавал, насколько важно было для находившейся в крайне нестабильном положении страны сохранение имевшихся позиций. Именно этим объяснялись его уступки другим государствам. Но широкие массы населения восприняли внешнеполитический курс Венизелоса как крах надежд на создание Великой Греции, особенно негативно к нему отнеслись беженцы. Это был второй фактор, лишивший Венизелоса поддержки избирателей на выборах 1932 г., которые он и проиграл.

Разочарование итогами Первой мировой войны и нестабильность межвоенного времени существенно повлияли на творческие пути греческой интеллигенции этого времени. Многие ее представители отвергли христианство, ища иные основания культуры и жизненной философии. Один из крупнейших поэтов — А. Сикелианос прямо обратился к язычеству, пытаясь возродить античные ритуалы в Дельфах. Логическим завершением поэзии К. Кариотакиса, основанной на совершенном неприятии окружающего мира, стало самоубийство поэта. Пессимизм, отчаяние и безверие — характерные черты творчества таких поэтов, как Р. Филирас, К. Уранис,

¹ См.: Χατζηβασιλείου Ε., Μάνεσης Α. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος, η ελληνοτουρκική προσέγγιση και το πρόβλημα της ασφάλειας στα Βαλκάνια 1928–1931. Θεσσαλονίκη, 1999.

² См.: Аубоцкая А. С. Греция и идея Балканского экономического союза по материалам журнала “Les Balkans” // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 117–132.

Т. Аграс, Н. Лапафиотис, М. Папаниколау. Основоположники греческой социальной прозы К. Феотокис и К. Хадзопулос примкнули к социалистическому движению. Манифестом антихристианства стал роман крупнейшего прозаика той эпохи Н. Казандзакиса «Последнее искушение». Счастливым исключением была поэзия Т. Папацониса, утверждавшая ценность веры как основания всей человеческой жизни. Особое место в истории греческой прозы занимают произведения Ф. Кондоглу. Писатель и художник, крупнейший иконописец своего времени, приехавший в Грецию из Малой Азии, он противопоставил господствовавшему антихристианству православное мировоззрение и греческую народную традицию.

После выборов 1932 г. к власти в Греции пришла Народная партия, во главе которой стоял Панагис Цалдарис. Однако правительство Цалдариса не имело прочного большинства в парламенте¹, поэтому уже в январе 1933 г. премьерское кресло вернулось к Венизелосу. Парламент был распущен, а на 5 марта 1933 г. назначены новые выборы. Но на них противники Венизелоса победили с еще большей убедительностью.

Тогда венизеллисты решили захватить власть силой. На следующий день генерал Пластирас захватил здание Министерства обороны и попытался совершить государственный переворот². Формально Венизелос не имел к нему отношения, но, скорей всего, был о нем осведомлен. Действия Пластираса не нашли поддержки в армии, и ему пришлось бежать за границу. Провал попытки венизелистского переворота имел самые негативные последствия для венизелистов, поскольку дал их оппонентам повод для открытых преследований. В парламенте Метаксас поставил вопрос о судебном преследовании Венизелоса. Попытка последнего взять слово для оправдания была сорвана его противниками, и в зале заседаний началась настоящая драка. В начале июня 1933 г. на Венизелоса было совершено покушение, в ходе которого пострадала его жена³. Затем парламент принял закон об отставке некоторых офицеров-венизелистов.

В этой ситуации, когда соперничество между крайними монархистами во главе с Метаксасом и не желавшим идти ни на какие компромиссы Венизелосом грозило поставить страну на грань гражданской войны, премьер Цалдарис старался маневрировать между этими крайними группировками, в чем с ним был солидарен президент Заимис. Им удалось добиться амнистии участников переворота марта 1933 г. и снятия обвинений с Венизелоса.

Между тем в международной экономике заканчивался период депрессии, последовавший за кризисом 1929 г., и начинался новый экономический подъем, положительно сказавшийся и на экономике Греции. Создавались благоприятные условия и для политической стабилизации. Однако лидеры крайних группировок и в этих условиях стремились не к сохранению равновесия, а к укреплению своих позиций. Монархисты постепенно готовили почву для проведения реставрации. В то же время Венизелос ставил своей целью занятие президентского поста вместо престарелого Заимиса, для чего и использовал республиканскую риторику. Венизелоса поддерживала выращенная им часть офицерства, опасавшаяся потерять свои посты в случае возвращения короля. Им содействовали и отставники, уволенные со службы за участие в государственных переворотах в пользу Венизелоса. Среди последних действовали поощрявшиеся Венизелосом конс-

¹ См.: Βούρος Γ. Παναγής Τσαλδάρης. Αθήνα, 1955.

² Подробнее см.: Βερέμης Θ. Οι επεμβάσεις του στρατού στην Ελληνική πολιτική, 1916–1936. Αθήνα, 1977.

³ См.: Βενιζέλου Ε. Στη σκιά του Βενιζέλου. Αθήνα, 2002.

пиративные организации: «Греческий военный союз» в армии, куда входил, например, будущий герой Сопротивления полковник Сарафис, и «Республиканская оборона» среди отставников. Членами последней были известные нам Пластирас и Гонатас.

1 марта 1935 г. этими организациями был устроен новый военный переворот, который на этот раз открыто возглавил Венизелос. Мятежники решили повторить опыт 1916 г.: поднять восстание в гарнизонах Македонии и Фракии, затем создать свое правительство в Салониках. Ведущая роль в реализации этих действий отводилась флоту. Но вскоре выяснилось, что законное правительство настроено не менее решительно и готово энергично действовать против мятежников. Подавление мятежа было поручено военному министру Кондилису, в состав правительства был введен также Метаксас¹.

Плохая подготовка и внутренние раздоры в лагере венизелистов облегчили подавление мятежа. Никакой поддержки народа, уже уставшего от постоянного вмешательства военных в политику, мятежники не получили. Афинский гарнизон практически не вышел из-под контроля правительства. Войска повстанцев потерпели поражение в районе Кавалы, их лидеры бежали в Болгарию. Вскоре капитулировал флот, а Венизелос попросил политического убежища в Италии. Впоследствии два главных зачинщика мятежа — Венизелос и Пластирас были заочно приговорены к смертной казни, трое офицеров казнены за антиправительственное выступление, остальных разжаловали и отправили в отставку. Подавление и этого венизелистского мятежа значительно облегчило монархистам проведение реставрации, поскольку Венизелос в последних событиях сам себя дискредитировал, открыто показав, что стремится не к благу Греции, а к безраздельной власти.

После подавления мятежа 1 марта 1935 г. правительство Цалдариса, в котором вице-премьером стал Кондилис, провело чистку в армии и государственных органах, Сенат, где доминировали либералы, был упразднен, а парламент распущен, и на 9 июня 1935 г. назначены выборы в Учредительное собрание. На этих выборах, которые бойкотировались республиканцами, Народная партия Цалдариса получила абсолютное большинство депутатских мандатов. Учредительное собрание начало свою работу в июле 1935 г. и вскоре приняло решение о проведении нового плебисцита по вопросу о политическом строе. Он был назначен на 3 ноября. Но, не дожидаясь этого дня, 10 октября Кондилис при поддержке генерала Папагоса и адмирала Реппаса арестовал Цалдариса и потребовал от него передачи военным всей полноты власти. Кондилис сам себя назначил сначала премьер-министром, а затем, упразднив пост президента, — регентом. Таким образом он восстановил в стране институт монархии еще до референдума. Однако вопрос о возвращении в страну короля Георга II был отложен до волеизъявления народа.

Референдум о политическом строе, проведенный в ноябре 1935 г. в условиях военной диктатуры, дал желаемый результат: 97 % греков высказались за реставрацию монархии. В том же месяце Георг II вернулся в страну. В апреле 1936 г. правительство возглавил генерал в отставке Иоаннис Метаксас. В августе 1936 г. в условиях начавшихся выступлений коммунистов, грозивших перерасти в общенациональное восстание, парламент предоставил ему диктаторские полномочия². По мнению идейных

¹ Подробнее см.: Δαφνής Γ. Η Ελλάδα μεταξύ δύο πολέμων. 1923–1940. Τ. Β'. Η άνοδος του αντιβενιζελισμού. Αθήνα, 1955.

² Отношение к режиму Метаксаса коммунистов, охарактеризовавших его как монархофашистский, ярко выразил историк-марксист С. Линардатос: Λιναρδάτος Σ. Πως εφτάσαμε στην 4^η Αυγούστου. Αθήνα, 1967.

и политических противников Метаксаса, курс на установление диктатуры был взят раньше: не позднее июля того же года¹.

1920-е — первая половина 1930-х гг. были для Греции эпохой поиска нового пути. Как и другие европейские страны, она оказалась лицом к лицу перед необходимостью преодоления последствий Первой мировой войны. Для Греции ситуация осложнялась также малоазиатской катастрофой, вызвавшей большой поток беженцев, которых надо было интегрировать в социально-экономические структуры страны. Отсутствие мощных общественно-политических движений, способных установить сильное правительство и авторитарный строй, обусловило длительность переходного периода между окончанием войны и авторитарным правлением. Военные перевороты той эпохи носили по преимуществу заговорщический характер, их организаторы не имели ни продуманных политических программ, ни широкой социальной поддержки.

Поражение в Малой Азии вынудило греческую политическую элиту отказаться от «Великой идеи» как внешнеполитической доктрины. Во взаимоотношениях как с крупными державами, так и с соседними государствами был взят курс на установление мирного сотрудничества, и к началу 1930-х гг. был заключен ряд соответствующих соглашений. Греции пришлось официально отказаться от претензий не только на Восточную Фракию и Малую Азию, но также на Додеканезы, спорные территории в Македонии и Кипр. Однако нигде не говорилось о том, что этот отказ был окончательным. Национальная идеология осталась государственной идеологией Греции: она служила основанием для продолжения социально-экономической интеграции недавно приобретенных земель, а также беженцев из Малой Азии. Смена внешнеполитической доктрины была скорее вынужденным временным отступлением, похожим на «органическую работу» предшествующего столетия.

«Третья греческая цивилизация»

Период диктатуры Иоанниса Метаксаса в Греции (1936–1941) получил пока недостаточное освещение в литературе. Между тем изучение этого режима имеет большое значение не только для истории Греции, но и для понимания его места среди других диктаторских режимов эпохи. Важным шагом на пути к ответу на эти вопросы является изучение идеологии режима. Поскольку в качестве ключевого момента этой идеологии выступает понятие «третьей греческой цивилизации», то анализу именно его, а также его соотношения с хорошо знакомым грекам того времени понятием «Великой идеи» мы уделим больше всего внимания.

Понятие «третьей греческой цивилизации» появилось в лексиконе Метаксаса не сразу, а в результате длительной эволюции его политических взглядов, которые менялись с течением времени под влиянием различных обстоятельств: его собственного политического опыта, событий греческой истории, ситуации на международной арене и др.

Иоаннис Метаксас, отпрыск древнего аристократического рода, возводящего свою родословную к византийской эпохе², родился на о. Итака в 1871 году. Решив сделать военную карьеру, он закончил офицерскую Школу Эвельпидов в Афинах (1890) и Берлинскую военную академию (1903). Но образование Метаксаса не ограничивалось военными на-

¹ Στο ίδιο. Σ. 256–257.

² См.: Rangabé E. R. Livre d'or de la noblesse ionienne. V. II. Céphalonie. Athènes, 1926. P. 437.

уками: он знал несколько иностранных языков, читал много общественно-политической и художественной литературы. Боевым крещением для Метаксаса стала война с турками 1897 г., которую греки с позором проиграли. Следствием этого поражения стало недовольство и брожение по всей стране, и в начале нового столетия всеобщее желание перемен не обошло стороной и молодого офицера, который в то время, по словам греческого историка А. Вакалопулоса, «чувствует и выражается как революционер»¹.

За 27 лет своей военной службы Метаксас прошел путь от младшего лейтенанта до генерала и занимал такие посты в руководстве вооруженными силами страны, которые требовали от него принятия не только чисто военных, но и политических решений: он был адъютантом министра обороны Э. Венизелоса (1910–1912), начальником генерального штаба (1915). Во время Первой мировой войны Метаксас поддерживал политику короля Константина, стремившегося сохранить нейтралитет, и тем самым оказался в оппозиции своего бывшего соратника Венизелосу, стремившемуся всеми силами втянуть Грецию в войну на стороне Антанты. С этого времени Метаксас и Венизелос останутся непримиримыми врагами на всю жизнь. В 1917 г. Метаксас вышел в отставку. Летом того же года Венизелос, совершивший государственный переворот при помощи французских войск, в числе 30 оппозиционных политиков выслал Метаксаса на Корсику под надзор французских властей.

Метаксас вернулся в Грецию в 1920 г. после победы на выборах антивенизелистов, а весной 1921 г. ему было предложено возглавить греческий экспедиционный корпус, отправлявшийся в Малую Азию, чтобы защитить территории, отходящие к Греции по условиям Севрского договора (1920). Но, несмотря на подогреваемый газетами всеобщий энтузиазм по поводу греческой военной экспедиции в Малую Азию, Метаксас был одним из немногих противников этого предприятия, даже не обладая всей полнотой информации по данному вопросу. По его мнению, эта экспедиция была авантюрой, основанной на пустых мечтаниях, а не на политических реалиях. В разгар наступления греческой армии, когда еще ничто не предвещало катастрофы, он записал в своем дневнике: «Когда мы, греки, вместо национальных мечтаний обретем национальные цели, только тогда мы сможем создать жизнеспособное государство на Востоке»². Впоследствии, когда у Метаксаса появилась возможность ознакомиться с дипломатическими документами того периода, его неодобрительное отношение к малоазиатской экспедиции и спровоцировавшему ее Севрскому договору стало резко критическим.

Время вступления Метаксаса в политику — начало 1920-х гг. — стало для него периодом осмысления греческой истории и перспектив дальнейшего развития греческой нации и государства. В это время Метаксас сформулировал многие выводы, которые впоследствии займут важное место в политической идеологии диктаторского режима. В частности, уже в это время он пришел к мысли об ошибочности пути территориальной экспансии. Более продуктивным ему виделся путь строительства новой цивилизации³. Тогда же Метаксасом был сделан вывод о том, что величие нации достигается не за счет количества, а за счет качества ее членов, а также за счет солидарности между ними⁴. Эту мысль впоследствии Метаксас разовьет в широкую программу социального страхования.

¹ Βακαλόπουλος Α. Νέα ελληνική ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 341.

² Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Γ'. 1921–1932. Αθήνα, 1964. Σ. 108.

³ Αυτόθι. Σ. 108.

⁴ Αυτόθι. Σ. 125.

В 1920-е гг. Метаксас принимал активное участие в политической жизни страны, будучи руководителем созданной им в 1921 г. партии свободомыслящих. На выборах 1926 г. эта партия завоевала 51-е место в парламенте, а Метаксас получил портфель министра путей сообщения (1926–1928) и уже тогда приступил к решению жизненно важной для Греции проблемы отсутствия дорог. В 1928 г. партия Метаксаса потерпела поражение на выборах, и с этого времени ей не удавалось получить больше семи мест в парламенте. Возвращение Метаксаса в кабинет министров в 1936 г. произошло благодаря королю Георгу II, в условиях острого политического кризиса назначившему Метаксаса министром обороны без соблюдения формальной парламентской процедуры (была достигнута устная договоренность с некоторыми партийными лидерами). В апреле 1936 г. король предложил Метаксасу сформировать правительство.

Если ко времени вступления Метаксаса в политику его взгляды по вопросу о перспективах дальнейшего развития страны еще не приобрели законченного вида, то в момент прихода к власти Метаксас уже обладал четкой политической программой, которая базировалась на вполне определенной идеологии. В основе этой идеологии лежали представления о «Великой идее» и «третьей греческой цивилизации».

Свое понимание «Великой идеи» И. Метаксас в наиболее сжатом виде сформулировал в «Эпiloге 70 статей», который завершал его полемику с Э. Венизелосом на страницах газеты «Кафимерини» в октябре 1934 — январе 1935 г. Там говорилось, что суть «Великой идеи» до того момента сводилась к стремлению восстановить Византийскую империю, которая, однако, теперь должна была носить не многонациональный, а чисто греческий характер. Поскольку главной задачей этой «Великой идеи» было достижение территориально-государственного единства греческой нации, то Метаксас назвал ее территориальной¹. Позже исследователями было предложено другое название — географическая².

«Великая идея», по мнению Метаксаса, была национально-освободительной идеологией греческого народа, благодаря которой грекам удалось не только создать независимое государство в ходе революции 1821 г., но и существенно его расширить, присоединив Фессалию, Македонию, Крит, Ионические острова. Однако к началу XX в. под влиянием западных идеологий она стала сдавать свои позиции и разыгрывалась политиками как козырная карта. Уже тогда в греческом обществе не было единого взгляда на «Великую идею»: в то время как некоторые журналисты, заискивая перед Европой, называли ее «великой глупостью», интеллектуальная элита и патриотически настроенное офицерство основали «Национальное общество», стремившееся к ее реализации (1895). Кроме того, элемент саморазрушения был заложен в самой «Великой идее»: «ошибка состоит в том, что мы сочли, будто можем, по аналогии с другими нациями, вместить всю греческую нацию в границах одного государства». Эти обстоятельства во многом предопределили ее крах³.

Последний удар по географической «Великой идее» нанесла политика Э. Венизелоса, ориентированная на ценности западного либерализма. Победы Греции в Балканских войнах были достигнуты не благодаря, а вопреки его политике. Он всего лишь использовал «Великую идею» в борьбе за абсолютную власть и в конце концов привел к катаст-

¹ См.: Μεταξάς Ι. Επiloγος. Άρθρον 70 // Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού (και της μικρασιατικής καταστροφής). Αθήνα, 1935. Σ. 382.

² См.: Τσάκωνας Δ. Ελληνικότης. Αθήνα, 1962. Σ. 85.

³ См.: Μεταξάς Ι. Επiloγος. Σ. 380–382.

рофе не только греческое государство, но и всю греческую нацию. Метаксас утверждал, что Севрский договор (1920), подписанный Венизелосом, втягивал страну в крупнейшую авантюру, отвечать за последствия которой пришлось всему греческому народу¹. Мало того, Венизелосу было заранее известно, что грекам придется один на один воевать с турками за реализацию этого договора. Наконец, проведенная им демобилизация и последствия им же организованной англо-французской блокады страны лишали греков последних шансов добиться успеха в военной операции в Малой Азии².

Характерно, что Венизелос своими руками разрушал не только предпосылки практической реализации географической формы «Великой идеи», но и ее идеологическую составляющую. Одним из ключевых компонентов идеологии, стремившейся к расширению Греции до размеров Византийской империи, была фигура короля Константина. Уже его имя несло в себе глубокий символический смысл: согласно широко распространенным представлениям, раз основатель Византии и ее последний император носили имя Константин, то и возродить ее предстояло монарху с тем же именем. Поэтому и на трон в 1913 г. он взошел под именем Константина XII, наследуя таким образом не только греческим королям, среди которых такого имени еще не встречалось, но и византийским императорам. На Константина возлагались большие надежды, и они начали сбываться, когда он проявил себя одаренным полководцем в годы Балканских войн.

Но Константину недоставало дипломатического таланта, и этим обстоятельством воспользовался Венизелос, чтобы нанести ему сокрушающий удар. При поддержке Англии и Франции Венизелос в 1917 г. совершил государственный переворот и, невзирая на возмущение населения Афин, низложил короля Константина. Глубоко символична дата этого переворота — 29 мая ст. ст. — день взятия турками Константинополя (1453). Нет оснований полагать, что этот день был избран Венизелосом сознательно, но с точки зрения «Великой идеи» такое совпадение не было случайным и означало крах надежд на восстановление Византии.

Но и этого Венизелосу показалось мало: вскоре он вычеркнул имя Константина из числа полководцев Балканских войн и продолжал резко критиковать (принимая во внимание стиль Венизелоса, точнее было бы сказать «бранить») его даже после его смерти. Борьба против Константина, как полагал Метаксас, диктовалась стремлением Венизелоса к абсолютной власти³. Ради этого Венизелос был готов поставить на карту все — вплоть до многовековых чаяний греков вернуть Константинополь.

Так или иначе, но малоазиатская катастрофа и последовавший за ней обмен населением (1923) нанесли второй, на этот раз смертельный удар географической форме «Великой идеи» (первым ударом была неудачная война 1897 г.). С этого момента греческое государство было лишено надежд на территориальные приращения. Но еще хуже было то, что теперь границы греческой нации в значительной степени совпадали с границами греческого государства, что и было закреплено соответствующей официальной идеологией⁴. Таким образом Греция была насильственно превращена в национальное государство западноевропейского образца.

Метаксас видел несколько негативных последствий этой ситуации. Во-первых, за пределами Греции оказалась многочисленная диаспора, которая осталась без

¹ Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού. Σ. 15–19, 337, 348.

² Αυτόθι. Σ. 277–283, 338–340.

³ Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού. Σ. 212–213.

⁴ Μεταξάς Ι. Επίλογος. Σ. 380–381.

поддержки греческого государства. Во-вторых, греки лишились надежд на создание обширного и сильного государства. В-третьих, крах «Великой идеи» лишил греческое государство и нацию той идеологии, которая придавала смысл их существованию. Утрата национального идеала, в свою очередь, означала разрыв с национальной традицией и размывание греческой культурной идентичности за счет вторжения западноевропейской цивилизации¹.

Но сложившаяся ситуация не казалась Метаксасу совсем безнадежной. Он полагал, что в 1923 г. умерла не вся «Великая идея», но лишь ее географическая форма. Генерал предлагал новый — цивилизационный — вариант «Великой идеи», считая его способным занять место греческого национального идеала. Главным отличием выдвинутой Метаксасом цивилизационной «Великой идеи» от ее географической родственницы была смена стратегической цели: если географическая «Великая идея» даже в своих наиболее умеренных формах неизбежно стремилась к достижению государственно-политического единства греков, то теперь эта задача снималась и заменялась задачей построения новой цивилизации, для которой государственные границы имели бы второстепенное значение. В этой ситуации греческое государство выполняло бы роль своего рода ядра нации, ее важнейшего экономического, политического и культурного центра, из которого осуществлялась бы координация деятельности других греческих общин. Помимо краха географической формы «Великой идеи» другим толчком к созданию цивилизационного проекта послужили представления Метаксаса о начавшейся глобализации. Слова такого Метаксас еще не знал, но он верно уловил суть происходивших в мире экономических и культурных процессов, которые, по его мнению, влекли за собой нивелировку национальных традиций и их подавление складывавшейся единой цивилизацией (пока в рамках Европы). Противостоять этой тенденции классическое национальное государство было не в состоянии. С этим могла справиться только новая цивилизация².

В своих построениях Метаксас исходил из представления о своеобразии греческой нации, ее непохожести на другие нации Европы. Европейцы создали несколько идеологий, придающих смысл существованию их наций: либерализм, фашизм, коммунизм. Но в отличие от европейских наций, возникших в новое время, греки имели за плечами гораздо более древнюю историю, которая обогатила мировой исторический процесс созданием двух великих цивилизаций: античной и византийской. Фундаментом древнегреческой цивилизации, как подчеркивает Метаксас, было именно культурное, а не государственно-политическое единство. Что же касается Византии, то и здесь главную роль играло единство культуры, а объединение греков того времени в общем государстве было следствием специфических средневековых условий. Византийское государство было, в сущности, органом греческой нации³. Следуя этой традиции, Метаксас предлагал и новую, третью, греческую цивилизацию строить, опираясь на принцип культурного, а не государственно-политического единства. Таким образом, «Великая идея» в трактовке Метаксаса превращалась в идею «третьей греческой цивилизации».

Одним из важнейших предназначений идеологии «третьей греческой цивилизации» было преодоление раскола греческой нации, который приобрел наиболее ост-

¹ См.: Μεταξάς Ι. Επὶ λόγος. Σ. 381–382; Μεταξάς Ι. Το προσωπικόν του ημερολόγιου. Τ. Γ'. Σ. 108.

² Μεταξάς Ι. Το προσωπικόν του ημερολόγιου. Τ. Γ'. Σ. 608–609.

³ Μεταξάς Ι. Επὶ λόγος. Σ. 383.

рую форму в годы Первой мировой войны, когда Греция оказалась разделенной на два государства, но не был преодолен и к середине 1930-х гг. Вопрос о причинах и сущности этого раскола дискутировался Метаксасом и Венизелосом на страницах газеты «Кафимерини» в октябре 1934 — январе 1935 г. Позиция Венизелоса, который первым поставил вопрос о причинах раскола, сводилась к тому, чтобы объявить его виновником короля Константина и тем самым не только оправдать собственную политику, но и дискредитировать институт монархии как таковой. В свою очередь, Метаксас возлагал большую долю ответственности на Венизелоса, однако его политику считал не причиной раскола, а его главным проявлением.

Мероприятия Венизелоса не породили, но обострили поляризацию в греческом обществе. Главной причиной раскола нации, как сказал Метаксас в интервью газете «Элефтерос антропос» в начале 1934 г., стало значительное увеличение территории страны в период Балканских войн без принятия надлежащих мер по социально-политической гомогенизации населения. Сущностью раскола, таким образом, было противоречие между греками, уже проживавшими в греческом государстве, и теми, кто стал подданным греческой короны в 1912–1913 гг.¹ Это противоречие стало еще глубже с притоком в страну беженцев после малоазиатской катастрофы и обмена населением с Турцией (1922–1923).

Мнения Венизелоса и Метаксаса расходились и относительно путей преодоления раскола нации. Если Венизелос видел единственный путь в проведении репрессий в отношении непокорных и, придя к власти в 1917 году, провел широкомасштабную чистку армии и государственного аппарата, а также отправил в ссылку всех оппозиционных политиков, то Метаксасу казалось возможным достичь единства нации мирным путем. Основой национального консенсуса и должна была стать идеология «третьей греческой цивилизации». Ей предстояло заменить собой господствовавший в стране идейный хаос и возродить поверженный национальный идеал.

Другой важной задачей, которая возлагалась на идею «третьей греческой цивилизации», было идейное обоснование греческого национального возрождения. Именно со слов о необходимости национального возрождения Метаксас начал свое обращение к народу вскоре после государственного переворота 1936 г.² Сама по себе категория национального возрождения была известна грекам задолго до Метаксаса: об этом говорили еще греческие интеллектуалы эпохи Просвещения. Однако смысл этого понятия с течением времени сильно изменился. Первоначально под национальным возрождением понималась организация борьбы за освобождение от османского владычества и создание национального греческого государства. Соответственно когда такое государство было создано, то задача национального возрождения в этом смысле стала считаться в принципе решенной. Однако насаждавшиеся западными державами в течение XIX в. чуждые грекам общественно-политический порядок и культурная традиция, экономическая и политическая зависимость Греции от иностранных государств, пребывание под властью турок значительной части соплеменников — все эти обстоятельства постепенно привели греческую интеллигенцию к мысли о том, что подлинное возрождение греческой нации еще не наступило. Яркими выразителями этих идей стали греческие этноцентристы начала XX в. — П. Яннопулос, И. Драгумис и др.

¹ См.: Ελεύθερος άνθρωπος. 04.01.1934.

² См.: Μεταξάς Ι. Λόγος εκφωνηθείς από ραδιοφώνου την 10 Αυγούστου 1936 // Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημεριλόγιου. Τ. Δ'. 1933–1941. Αθήνα, 1960. Σ. 652–653.

Аналогичного понимания национального возрождения придерживался и И. Метаксас. Его многочисленные официальные выступления периода диктатуры, а также дневниковые записи позволяют составить представление о том, что именно он собирался возродить. Это были лучшие свойства греческой нации, нашедшие свое проявление в разные исторические эпохи. Теперь им предстояло в творчески переработанном виде укрепить ядро новой цивилизации. У древних афинян следовало взять чистоту духа, породившую великую цивилизацию. У спартанцев надо было позаимствовать принцип «дисциплинированной свободы», напоминающий идею «этического государства» Дж. Джентиле¹. Македонская эпоха могла дать новой цивилизации идею вождя — сам Метаксас вскоре получил титул Κυβερνήτης («правитель»), который до этого лишь однажды использовался в новогреческой истории и с тех пор прочно ассоциировался с именем И. Каподистрии (1827–1831). Наконец, Византия дала грекам образец прочного государства и массовый религиозный идеал². Всем этим достижениям предыдущих цивилизаций предстояло объединиться в новой греческой цивилизации. О том, каким путем Метаксас намеревался двигаться к достижению поставленной цели, будет сказано ниже, когда речь пойдет о его правительственной программе.

Сама идея создания новой греческой цивилизации не была новой: впервые она была высказана П. Яннопулосом еще в начале XX в. Однако Яннопулосу не удалось превратить ее в массовую идеологию, в первую очередь потому, что тогда для этого отсутствовали благоприятные условия в стране и в мире. Во времена Яннопулоса более близкая, понятная и казавшаяся легко реализуемой географическая ипостась «Великой идеи» еще не изжила себя. Неоднократные территориальные приращения, общенациональная мобилизация после поражения в войне 1897 г., окрыляющие успехи в борьбе за Македонию — все это подпитывало иллюзии возможности объединения всех населенных греками территорий в общее государство. Кроме того, после младотурецкой революции потерпела окончательный крах старая фанариотская идея постепенной эллинизации Османской империи, и это обстоятельство вынуждало османских греков переориентироваться на греческое государство.

К середине 1930-х гг. ситуация коренным образом изменилась. На политическую арену вышли доселе неведомые идеологии, обладавшие мощнейшим мобилизационным потенциалом. Чтобы выжить в таком окружении, им необходимо было что-то противопоставить. Мировой экономический кризис сделал весьма привлекательной идею автаркии. Наконец, общественно-политическая ситуация в самой Греции, начиная с Первой мировой войны, все еще не могла прийти в устойчивое равновесие. Идея демократии в ее либерально-демократической трактовке Нового времени еще не укоренилась в греческой среде. А поскольку представления, на которых основывалось традиционное общество, были в значительной степени разрушены, то в стране образовался своего рода идеологический вакуум. Эти обстоятельства сделали взгляды Метаксаса популярными в среде образованной элиты, а затем и более широких слоев общества. В результате новая трактовка «Великой идеи» помогла ему прийти к власти, а после 4 августа 1936 г. стала официальной идеологией греческого государства.

На основе концепции «третьей греческой цивилизации» Метаксас составил программу конкретных действий на ближайшие годы, которая была представлена парла-

¹ О концепции Джентиле см.: Белоусов А. С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 87–88.

² См.: Carabott Ph. The past in Metaxas Weltanschauung // www.webpersonal.net/metaxas/metaxas/index.html.

менту 25 апреля 1936 г. в качестве программы правительства, премьер-министром которого был только что назначен сам Метаксас. Эта программа была не просто отвлекающим маневром ради стяжания популярности на политической арене. В нем и не было необходимости: большинство парламентариев, перед которыми выступал Метаксас, были уверены, что его пребывание у власти не будет длительным и что партийно-политическая борьба продолжится в прежних формах. Поэтому 27 апреля после короткого обсуждения представленной программы подавляющее большинство парламентариев (241 голос против 16 при 4 воздержавшихся) согласились дать новому правительству вотум доверия. Между тем представленная тогда Метаксасом программа стала реальным планом действий правительства в последующие четыре года¹.

Первостепенной задачей внешней политики программа Метаксаса объявляла поддержание мирных отношений со всеми государствами, строгое соблюдение международных договоров и сохранение сотрудничества между балканскими государствами, которое виделось Метаксасу самым надежным гарантом мира на полуострове. Никаких экспансионистских планов Метаксас не выдвигал, а его заявления о мире объяснялись не желанием усыпить чью-либо бдительность, а беспокойством о том, что с тогдашним состоянием вооруженных сил и инфраструктуры Греция не была готова даже к оборонительной войне с соседними государствами. Что же до экономического сотрудничества с другими странами, то здесь Метаксас ориентировался на популярную после кризиса 1929 г. идею автаркии. Несмотря на развитие торгово-экономических связей прежде всего с Германией, а затем и с другими странами, Греция не попала ни в какую внешнеэкономическую зависимость².

Гораздо более детально в программе были разработаны вопросы внутренней политики. Здесь на первое место выдвигалась задача пересмотра конституции. Какие именно изменения предлагалось внести в основной закон, текст программы не пояснял, но все присутствующие понимали, что новая конституция должна будет обеспечить стране устойчивое дееспособное правительство и стабилизировать социально-политическую обстановку. Кроме того, действовавшая конституция (1927) была республиканской и не учитывала реставрации монархии в стране (1935). Создать стабильное дееспособное правительство в той тупиковой ситуации, которая сложилась в результате неспособности тогдашних партий решить острейшие стоявшие перед страной проблемы, было невозможно. Выходом из тупика могло стать создание единственной легальной партии и комплектование государственных органов, начиная с правительства, по партийному принципу, как это и было сделано в национал-социалистической Германии и фашистской Италии. Однако Метаксас пошел другим путем — он вообще отказался от партийного строительства (партия свободомыслящих была распущена) и взял курс на привлечение к сотрудничеству людей, не имевших связей с какой-либо партией, и последующее замещение государственных должностей по беспартийному принципу. Таким образом Метаксас демонстрировал не просто разрыв со старыми партиями, но и полный отказ от предшествующей партийно-политической традиции. Помимо создания дееспособных органов власти эта политика имела стратегической целью преодолеть раскол нации.

¹ Текст программного заявления И. Метаксаса см в: *Πρακτικά της Γ' Αναθεωρητικής Βουλής. Συνεδρίασις Ε' της 25.4.1936.*

² См.: *Freris A. The Greek Economy in the Twentieth Century.* N. Y., 1986. P. 99–100.

Следующей по важности задачей Метаксас считал судебную реформу, которая должна была кодифицировать уголовное и гражданское законодательство, упорядочить судебный процесс и модернизировать пенитенциарную систему. Эта задача была в правление Метаксаса в значительной степени решена. Подчеркивая значение этого факта, отметим, что в годы диктатуры Метаксаса Греция впервые за свое более чем столетнее существование обзавелась собственным кодифицированным законодательством. Однако платой за порядок стало дальнейшее ущемление независимости судей и других государственных служащих — процесс, начатый еще Венизелосом в 1915 г. и впоследствии продолженный и его политическими противниками.

С судебной реформой была тесно связана реформа административного управления. Общей целью запланированных преобразований было создание в Греции правового государства. Поскольку понятие правового государства широко используется различными политическими силами в самом широком толковании, поясним, что под ним понимал Метаксас. По его мнению, основными чертами правового государства являются эффективная и справедливая система управления, учитывающая интересы всех без исключения граждан, строгое соблюдение законов, а также обеспечение безопасности граждан и государства. Построение правового государства должно было вернуть Грецию к древнегреческим идеалам демократии, которые были разрушены плутократией западноевропейского образца. На практике проблема построения правового государства оказалась не такой простой. Задача обеспечения государственной и общественной безопасности потребовала создания сети спецслужб и репрессивного аппарата, которые должны были подавлять в зародыше всякие ростки политической оппозиции. Создание собственно тайной полиции было единственным новшеством метаксасовского режима по сравнению с предшествующим периодом, но и в этом (как и в расширении репрессивного аппарата) он опирался на быстрое развитие и расширение полицейских сил за предшествующие 20 лет, которое проводилось преимущественно по инициативе Венизелоса¹.

Как профессиональный военный, Метаксас не мог обойти стороной проблему обороноспособности страны. Метаксасовская Греция не собиралась ни на кого нападать, но уже в середине 1930-х гг. в Европе явно обозначилась необходимость защищаться. Между тем вооруженные силы Греции находились не в лучшем состоянии. Проведенная еще Венизелосом чистка армии от нелояльных офицеров нанесла большой урон ее кадровому составу. На вооружении греческой армии находилась устаревшая техника и боевое оружие, границы были недостаточно укреплены, отсутствие проезжих дорог в приграничных районах значительно снижало мобильность греческих вооруженных сил. На решение этих проблем была направлена задуманная Метаксасом военная реформа. За время своего пребывания у власти ему удалось провести техническое переоснащение армии, укрепить границу с Болгарией, провести сеть проезжих дорог в приграничных районах. Осуществлявшаяся на основе идеологии «третьей греческой цивилизации» широкомасштабная патриотическая пропаганда способствовала поднятию авторитета национальных вооруженных сил. Результаты всех этих мероприятий вскоре принесли свои плоды: в 1941–1941 гг. Греция оказалась единственным европейским государством, которое

---

¹ См.: *Close D. The Power-Base of the Metaxas Dictatorship / Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship: Aspects of Greece, 1936–1940. Athens, 1993.*

смогло не только противостоять нападшему на нее члену Оси (Италии), но и дважды нанести ему поражение.

Большое внимание в программе Метаксаса уделялось развитию национальной экономики и финансов, которым предстояло преодолеть последствия мирового экономического кризиса. Финансовые реформы Метаксаса были направлены на стабилизацию национальной валюты и включали в себя реставрацию системы государственного кредита, ограничение импорта, борьбу с контрабандой, а также налоговую реформу. Последняя имела огромное значение для восстановления сельского хозяйства и повышения уровня жизни крестьян, поскольку в рамках этой реформы были кассированы долги крестьян и отменено налогообложение производства оливкового масла.

Запланированный комплекс мероприятий в области экономики охватывал два направления: развитие материально-хозяйственной сферы и реформирование сферы трудовых отношений. Первое направление было довольно обширно и включало в себя множество преобразований — от лесопосадок и увеличения земельного фонда за счет мелиорации до государственной поддержки национального торгового капитала. Одним из первых Метаксас отметил государственную важность туризма как отрасли экономики: в его правление в Греции впервые появилось Министерство туризма.

Большое внимание программа Метаксаса уделяла развитию инфраструктуры и средств сообщения. Для Греции с ее горными массивами и островами проблема средств и путей сообщения всегда стояла остро: отсутствие дорог, мостов, водопроводов, нерегулярность морского сообщения существенно сдерживали экономическое развитие страны. План развития этой сферы, по преимуществу убыточной для частного предпринимательства, при мощной государственной поддержке был разработан Метаксасом уже в 1920-е гг., когда он занимал пост соответствующего министра, и начал проводиться в жизнь правительством Венизелоса (1928–1932). Но во время мирового экономического кризиса почти все мероприятия в этой области были свернуты. Новая программа Метаксаса, к реализации которой он немедленно приступил, получив соответствующие полномочия, включала в себя также повсеместное внедрение таких технических новшеств, как телеграф и телефон. Для распространения и координация радиовещания был создан Национальный фонд радиовещания.

В области трудовых отношений мероприятий было проведено меньше, но они носили поистине революционный характер. В своей программе Метаксас обещал уделить самое пристальное внимание рабочему вопросу, особо подчеркивая необходимость внедрения системы коллективных договоров в промышленности и введения института социального страхования. После своего прихода к власти диктатор не только выполнил эти обещания, но и сделал гораздо больше. В годы его правления в Греции впервые была реализована идея коллективных договоров, ограничивавших произвол промышленников и гарантировавших права рабочих. Кроме того, в те же годы был введен 8-часовой рабочий день и установлен минимальный размер оплаты труда. Все эти достижения были крупнейшим успехом рабочих в борьбе за свои права.

В сельском хозяйстве основные усилия были направлены на развитие кооперативного движения, которое могло бы противостоять крупным земельным собственникам, создать в деревне крепкий слой мелких производителей, обеспечить занятость сельского населения при приемлемом уровне жизни и максимально снизить зависимость страны от внешнего рынка продовольствия. В целом период диктатуры Метаксаса внес большой вклад в повышение уровня жизни рабочих и крестьян и развитие проф-

союзного движения, поскольку именно тогда была принята существенная часть законов и нормативных актов о рабочем движении, прямо или косвенно влияющая на его состояние и по сей день.

Наконец, Метаксас впервые создал в стране систему социального страхования. Уже в 1937 г. был основан Государственный фонд социального страхования — мощнейшая организация в этой области и по сей день. Только за первые два года своего существования фонд создал и технически оснастил 26 поликлиник в крупнейших городах и одну больницу. За счет фонда стали выплачиваться пенсии по старости, пособия по болезни и несчастным случаям, пособия по родам и др. Сам Метаксас считал институт социального страхования одним из важнейших шагов на пути построения «третьей греческой цивилизации»¹.

Особым пунктом в программе Метаксаса фигурировал вопрос о беженцах. Как уже говорилось выше, приток в страну беженцев после малоазиатской катастрофы Метаксас считал серьезным фактором, дестабилизирующим социально-политическую обстановку в стране, поэтому его программа предусматривала принятие комплекса мер, нацеленных на скорейшую адаптацию беженцев в новых условиях и максимальное сглаживание противоречий между вновь прибывшими и местным населением. Политика Метаксаса в этом вопросе принесла весомые плоды, так что в конце 1930-х гг. у Греции появилась возможность принять новую волну соплеменников-иммигрантов: в это время в страну прибыли новые группы греков из Константинополя и Советского Союза. Однако поставленная Метаксасом цель социокультурной и политической гомогенизации населения страны не могла быть реализована за короткий срок его пребывания у власти — сам он считал реальным достижение этой цели только через три-четыре поколения². Так что прежние противоречия вновь дали о себе знать в тяжелых условиях оккупации во время Второй мировой войны, приведя к политической поляризации населения, вылившейся в гражданскую войну.

Оценивая результаты социально-экономической политики И. Метаксаса, можно сказать, что основная поставленная цель — преодоление последствий мирового экономического кризиса была достигнута. 1930-е гг. были, по словам известных эллинистов Ф. Веремиса и М. Мазовера, «наиболее динамичным, хотя и беспокойным периодом в экономической истории Греции»³. Кроме того, был сделан большой шаг вперед по преодолению раскола нации, т. е. противоречий между греками-эллинистами и населением недавно присоединенных территорий, а также беженцами. Наконец, политика в области трудовых отношений способствовала сглаживанию противоречий между трудом и капиталом.

В программе Метаксаса важное место отводилось системе образования. Метаксас рассматривал школу в качестве одного из основных инструментов внедрения в массы своей идеологии, поскольку школа давала, во-первых, возможность воспитывать в патриотическом духе подрастающее поколение, а во-вторых, решить проблему культурной гомогенизации путем аккультурации населения территорий, присоединенных в начале XX в. Решение этой проблемы, как полагал Метаксас, должно было сыграть важ-

¹ Μεταξάς Ι. Λόγος κατά τα εγκαίνια της Πρώτης παθολογικής κλινικής του Ιδρύματος Κοινωνικών Ασφαλίσεων (4 Αυγούστου 1939) // Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Δ'. Σ. 761–763.

² См.: Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού. Σ. 375.

³ Mazower M., Veremis Th. The Greek Economy, 1922–1941 / Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship. P. 111.

ную роль в деле преодоления раскола нации. С этой целью при Метаксасе была реализована масштабная программа строительства средних школ¹, а также пересмотрены и унифицированы школьные программы, выпуск школьных учебников был возложен на созданное в 1937 г. и существующее по сей день государственное Издательство учебной литературы. Но это не означает, что школа не должна была давать знаний: задачи получения знаний и физического воспитания Метаксас считал не менее важными.

Особое внимание было уделено пересмотру программ и учебников по истории. На это были веские основания: со времен образования независимого государства в Греции, во-первых, не было единого учебника по истории, а во-вторых, преподавание велось главным образом по переводным книгам. Но если древним грекам западные авторы уделяли достаточно внимания, то дальнейшая история греческого народа рассматривалась ими как периферия европейской цивилизации. С таким положением мириться было нельзя. Поэтому появились новые учебники, в которых события современной греческой истории ставились в один ряд со славными деяниями предков, чем также обосновывались аутентичность и величие строящейся новой цивилизации. Одновременно из учебников изымались те элементы, которые шли вразрез с официальной идеологией режима².

При создании собственной версии «Великой идеи» невозможно было обойти стороной вопрос о языке, поскольку язык традиционно был одним из критериев национальной самоидентификации греков. Кроме того, именно по языковому принципу на Балканах шел процесс национально-государственного размежевания³. Развитие димотики шло рука об руку с развитием идеи национального государства, а языковой консерватизм перекликался с идеей возрождения греко-православной империи. Наконец, после появления на политической арене Э. Венизелоса димотикизм стал ассоциироваться с венизеллизмом, а сторонники кафаревусы объединились на почве антивенизеллизма⁴.

Что касается И. Метаксаса, то он никогда не ставил под сомнение этноидентифицирующую функцию языка, но по вопросу о направлении его дальнейшего развития не сразу занял твердую позицию. Политическая окраска языкового вопроса вынуждала каждого серьезного политика высказаться на этот счет, но в то же время порождала множество спекуляций на этой почве и нарушала естественное развитие языка. Последнее обстоятельство вело к тому, что некоторые представители политической элиты вообще перестали воспринимать всерьез как кафаревусу, так и димотику и стали считать оба эти движения в равной степени бесперспективными для развития национальной культуры.

В 1920-е гг. к их числу принадлежал и И. Метаксас: димотикистов он сравнивал тогда с «греческой студенткой европейских университетов, которая, насытившись за границей, вернулась домой, надела крестьянское платье и изображает пастушку», а сторонников кафаревусы — с «крестьянкой, которая приехала в столицу епархии, надела барскую одежду и вообразила себя образованной»⁵. Иными словами, и димо-

¹ См.: Γιακουμακάτος Α. Από τον συντηρητισμό στον λαϊκισμό, με ένα σταθμό στο μοντέρνο. Η αρχιτεκτονική του Μεσοπολέμου // www.arch.auth.gr/greece/cr_survey2.html.

² См.: Σακελλαρίου Χ. Η παιδεία στην Αντίσταση. Αθήνα, 1984. Σ. 105; Βορός Φ. Μεθοδεύσεις κακοπαιδείας στον τομέα της διδασκαλίας της ιστορίας // Η διδασκαλία της ιστορίας στην εκπαίδευση. Αθήνα, 1988. Σ. 21.

³ См.: Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 176.

⁴ См.: Κριαράς Ε. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η δημοτική γλώσσα. Αθήνα, 1982.

⁵ Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιο. Τ. Γ'. Σ. 399.

тику, и кафаревусу Метаксас считал искусственными образованиями. Политические спекуляции вокруг языкового вопроса приводили к тому, что принадлежность к тому или иному лагерю обуславливалась политической конъюнктурой, была, по словам Метаксаса, «предметом моды»¹.

Однако позиция Метаксаса не сводилась к разочарованию обоими языковыми движениями: он прекрасно понимал, что оба они имеют под собой объективную основу и проблема дальнейшего развития греческого языка действительно существует. Сам Метаксас, будучи человеком высокообразованным, свободно владел кафаревусой, но мог писать и на димотике. Трезвый анализ ситуации в стране приводил его к мысли о том, что наступление последней неизбежно. Такая тенденция не очень нравилась Метаксасу, и не из политических соображений, а потому, что димотика представлялась ему столь же искусственной и догматизированной, как и кафаревуса, а значит так же сдерживающей естественное развитие языка. Идеальным вариантом решения проблемы Метаксас считал снятие искусственных ограничений на развитие языка, подразумевавший отказ и от димотики, и от кафаревусы. Основная роль в совершенствовании языка, по его мысли, должна принадлежать литераторам, которые будут творчески развивать его, опираясь на традицию. В свою очередь, язык остальной образованной публики будет формироваться вначале на основе разговорного языка, а в учебных заведениях — через изучение родной литературы². Именно такой «естественный язык» должен был, по мнению Метаксаса, стать основой культурного возрождения греков.

Такова была идеальная модель, но ко времени своего прихода к власти Метаксас имел четкое представление о том, что осуществить ее быстро не удастся. Поэтому он стал проводить более реалистичную политику в языковом вопросе, поддержав димотику, однако постаравшись сделать переход к ней как можно более плавным. Об этом он заявил в интервью газете «Врадини» 15 сентября 1936 года³. С политической точки зрения димотика предоставляла Метаксасу очевидные преимущества. Во-первых, ставка на димотику делала его сторонником прогресса в глазах общественного мнения. Во-вторых, она позволяла лишить важного оружия коммунистов, связывавших димотику с революционными идеями. В-третьих, она давала диктатору возможность отмежеваться от дискредитировавшей себя имперской идеологии, ассоциировавшейся с кафаревусой.

Однако реализация этой политики в языковом вопросе встретила серьезное препятствие: дело в том, что наступление димотики не было таким масштабным и стремительным, как это виделось Метаксасу. Часть школьных учителей сопротивлялась введению разговорного языка в школьную программу и продолжала обучать детей кафаревусе. В своем циркулярном письме, посвященном этой теме (05.12.1938), Метаксас требовал от директоров школ принять самые жесткие меры в отношении таких учителей⁴. Кроме того, генерал поддерживал димотику не только с помощью кнута. По его просьбе один из виднейших филологов-димотикистов Манолис Триандафилидис составил школьную грамматику димотики, которая является базовым пособием по изучению греческого языка по сей день. Метаксас лично написал предисловие к ней, но поскольку книга была опубликована уже после его смерти, то оно было оттуда изъято. Подчеркивая важность этого проекта, Метаксас писал в предисловии: «В ус-

¹ Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Γ'. Σ. 602.

² Αυτόθι. Σ. 611–612.

³ См.: Βραδυνή. 15.09.1936.

⁴ См.: Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Δ'. Σ. 696.

ловиях языковой анархии с этой грамматикой начальная школа обретает свой язык и хлеб. Средняя школа обретает основу для литературного и языкового образования. Греческая система образования обретает необходимое условие для языкового возрождения, основанного на греческой жизни с ее традициями, историей и культурой»¹.

Итак, мы видим, что выдвинутая Метаксасом в 1936 г. и последовательно проводившаяся в жизнь в последующие годы программа была направлена на реформирование и ускоренное развитие практически всех сфер общественной жизни: государственно-административного управления, экономики, трудовых отношений, культуры и образования. В результате проводившихся мероприятий Греция должна была минимизировать свою зависимость от внешних рынков, получить более эффективную систему государственного управления, добиться социокультурной гомогенизации населения. Стратегически программа была нацелена на создание сильной и независимой Греции, которая могла бы на деле, а не только на словах стать ядром сначала греческой нации, а потом и новой цивилизации на Балканах. Первой проверке на прочность метаксасовская Греция подверглась осенью 1940 г. во время нападения фашистской Италии и смогла с честью ее выдержать. Однако, несмотря на очевидные успехи режима во многих областях, исследователи отмечают постепенное падение его популярности. Так, А. Китроеф говорит о снижении влияния всех крупнейших политических сил — либералов, популистов и метаксистов — на крестьянство, что позволило во время Второй мировой войны занять образовавшуюся лакуну коммунистам².

Реализация разработанной Метаксасом программы, которая по сути являлась одним из этапов строительства «третьей греческой цивилизации», требовала задействования больших человеческих и материальных ресурсов. Для мобилизации этих ресурсов и эффективного управления ими необходимо было создать сильную центральную власть — ею стал быстро сформировавшийся диктаторский режим³, опиравшийся на новую идеологию — концепцию «третьей греческой цивилизации». Таким образом, построение новой цивилизации рассматривалось как стратегическая цель, своего рода «светлое будущее», но одновременно идеология «третьей греческой цивилизации» выступала в качестве одного из инструментов достижения этой цели.

Не включенными непосредственно в метаксасовскую программу 1936 г., но впоследствии задействованными в концепции «третьей цивилизации» и в механизмах ее внедрения в массы оказались молодежное движение и Церковь. В своей мысли о необходимости создания масштабной молодежной организации для воспитания нового поколения в нужном духе (поскольку перевоспитать старое почти невозможно) Метаксас был солидарен с проводниками греческой национальной идеи начала века и, возможно, находился под их непосредственным влиянием. Реализована эта мысль была в виде Национальной молодежной организации (ЭОН), созданной 7 ноября 1937 г. Метаксас считал ее создание своей личной заслугой и живо переживал за ее судьбу и дочерние молодежные организации. Свидетельства этого постоянно встречаются на страницах его дневника.

¹ Τριανταφυλλίδης Μ. Δημοτικισμός και Αντίδρασις. Θεσσαλονίκη, 1957. Σ. 61–62.

² См.: Kitroeff A. The Greek Peasantry: From Dictatorship to Occupation // Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship. P. 63.

³ Мысль о необходимости установления диктатуры для осуществления своей программы пришла Метаксасу еще в 1920-е гг.: об этом свидетельствует, например, запись в его дневнике от 25 декабря 1927 г., но до 1936 г. он терпеливо ждал удобного момента.

К Церкви идеология «третьей цивилизации» отнеслась довольно осторожно. С одной стороны, Церковь была нужна государству в качестве средства воспитания подрастающего поколения, а также как хранительница национальной традиции, которой предстояло стать фундаментом грядущего национального возрождения¹. С другой стороны, любому современному государству, по мысли Метаксаса, нужна такая Церковь, которая находилась бы «в полном его распоряжении». Это с необходимостью проистекает из потребности государства в поддержании своей власти не только силой принуждения, но и средствами морального авторитета. Последний существует только благодаря вере граждан во всемогущество и справедливость государства. Эта вера не имеет каких-либо рациональных оснований и носит религиозный характер, а поэтому вступает в противоречие со всеми прочими религиозными верами². Таким образом, теоретическое обоснование настороженного отношения идеологии «третьей греческой цивилизации» к Церкви базируется на двух пунктах: осознании невозможности поставить Церковь под полный контроль государства и стремлении государственнической идеологии подчинить себе ту сферу общественного сознания, которая традиционно принадлежала Церкви. Что же касается личной позиции Метаксаса, то, как видно из его дневника, он был искренне верующим человеком³.

Проблема соотношения православного и национального породила вопрос о национальной принадлежности так называемых *Рум Ортодокс* — христианского населения арабских стран. Этот вопрос был поднят в 1920-е гг. историком П. Каролидисом в его трехтомном исследовании «Современная история греков и других народов Востока с 1821 по 1921 г.». В нем Каролидис приходил к выводу о том, что ближневосточные христиане — это потомки греческих племен, живших в этих местах задолго до прихода армии Александра Македонского: в их число входят и так называемые «народы моря» — предположительно минойцы и другие островитяне, мигрировавшие в Восточное Средиземноморье после природных катаклизмов, разрушивших критскую цивилизацию. В более позднее время греки продолжали прибывать в этот регион, пополняя его христианскую общину. Процесс этот продолжается и по сей день. Вывод Каролидиса был позже оспорен священником И. Романидисом⁴, утверждавшим, что ближневосточные христиане — этнические арабы и другие семитские народы. Тем не менее в силу того, что они приняли христианство в византийскую эпоху и были когда-то частью империи ромеев, они такая же часть ромейской общности, как и греки, и, следовательно, родственны последним по духу и культуре. Для геополитического следствия из самого факта наличия христиан в арабских странах противоречие между этими двумя точками зрения не имеет значения: греки могут использовать их в качестве опоры своей политики в регионе. Не важно, будет эта политика опираться на конфессиональную или национальную общность.

До сих пор мы сознательно обходили вопрос о том, к какому типу политического правления отнести режим Метаксаса. Проанализированные нами элементы его идеологии не дают оснований считать его фашистским или монархо-фашистским. Тем более что сам термин «фашизм» давно уже стал ругательным словом и понимается пре-

¹ См.: Μεταξάς Ι. Λόγος προς γονεῖς καὶ διδασκάλους (19 Οκτωβρίου 1939) // Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Δ'. Σ. 773–775.

² См.: Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Γ'. Σ. 703–704.

³ См.: Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Δ'. Σ. 356–357.

⁴ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωηοσύνη, Ρωμανία, Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 1975.

дельно широко — как любая антитеза современной либеральной демократии¹. Более убедительной представляется точка зрения, характеризующая режим Метаксаса как правоконсервативную патерналистскую диктатуру². Однако окончательный ответ на этот вопрос может быть дан только в результате масштабного и всестороннего изучения этого режима, которое еще ждет своего исследователя.

Создававшаяся Метаксасом и его единомышленниками идеология «третьей греческой цивилизации» была попыткой преодолеть кризис «Великой идеи», вызванный малоазиатской катастрофой. «Великая идея», потерпев фиаско в качестве внешнеполитической доктрины, продолжала свое существование как идеология. Причина этой живучести заключалась в отсутствии конкуренции: в стране не было других идеологий, равных по масштабам и способных заменить национальную идею. Однако возрождение «Великой идеи» в прежнем виде было уже невозможно, поэтому разработчикам государственной идеологии пришлось искать новые формы. Так впервые возникла цивилизационная ипостась «Великой идеи».

Дорогами войны

Во второй половине 1930-х гг., когда европейские страны в целом преодолели последствия мирового экономического кризиса, стала возможной милитаризация экономики и у новых политических режимов, сложившихся, в частности, в Германии и Италии, появилась реальная возможность осуществления планов территориальной экспансии. Европа опять стала делиться на блоки. Возродилась и идея создания союза балканских государств. Переговоры по этому поводу вел уже Венизелос в 1931–1932 гг., а в 1934 г. была создана Балканская Антанта, куда вошли Греция, Турция, Югославия и Румыния. Для Греции это означало окончательное урегулирование и восстановление отношений с соседями после Первой мировой. Кроме того, соглашение было направлено на предотвращение агрессии со стороны Болгарии, которой продолжали опасаться греки, а также Албании, за спиной которой стояла Италия (хотя совместных действий против Италии и не предусматривалось). Однако создание этого блока вовсе не способствовало снижению зависимости государств региона от крупных держав и выработки общих целей и общей программы. Скорее наоборот: заручившись нейтралитетом соседей, можно было беспрепятственно проводить перевооружение армии и наращивать военную мощь. Эта тенденция усилилась после подписания в 1938 г. пакта о ненападении между Балканской Антантой и Болгарией. Это соглашение отменило унизительные ограничения, наложенные на Болгарию Нейским договором (1919), которые Болгария давно уже фактически не соблюдала³.

Ситуация на самом Европейском континенте и в Средиземноморье становилась все более тревожной. В 1934 г. Германией была предпринята первая попытка присоединения Австрии при помощи государственного переворота. Тогда аншлюсу помешали итальянцы, но уже в 1935 г. Германия вернула себе Саарскую область

¹ См.: Яркий пример такого понимания см.: Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2000. С. 49–80.

² См.: Sarandis C. The Ideology and Character of the Metaxas Regime // Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship. P. 167.

³ См.: Papagos A. The battle of Greece, 1940–1941. Athens, 1949. P. 55.

и восстановила всеобщую воинскую повинность, а Италия захватила Эфиопию. В 1936 г. Германия оккупировала демилитаризованную Рейнскую зону и заключила договоры о сотрудничестве с Италией и Японией, которые на следующий год легли в основу образования оси Берлин — Рим — Токио. В 1938 г. Германия присоединила Австрию и, согласно Мюнхенскому соглашению, Судетскую область. Последнее событие имело особенное значение для балканских государств, наблюдавших за развитием событий в Европе, и утвердило их в мысли о том, что Англия и Франция — ненадежные союзники¹. В 1939 г. события стали развиваться еще быстрее: в феврале к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Венгрия, в марте Германия захватила Чехословакию, в апреле Италия оккупировала Албанию, в мае был подписан «Стальной пакт» между Германией и Италией, 1 сентября Германия напала на Польшу, 3 сентября в войну вступили Англия и Франция.

В этих условиях такая маленькая страна, как Греция, должна была серьезно задуматься о перспективах собственной независимости. Поэтому политика режима Метаксаса, официально заявившего о нейтралитете своей страны, сводилась к трем основным пунктам. Во-первых, к укреплению обороноспособности страны, несмотря на все заверения соседей в отсутствии агрессивных намерений. На болгарской границе была построена линия оборонительных укреплений (линия Метаксаса), разрабатывались планы военных операций в случае нападения на Грецию Италии или Болгарии.

Во-вторых, Греция стремилась максимально расширить и укрепить отношения с соседними государствами. В 1937 г. было подписано торговое соглашение с Болгарией. В апреле 1936 г. был продлен договор с Турцией (1930), а весной 1938 г. он был дополнен новым соглашением. В феврале 1940 г. срок действия Балканской Антанты был продлен на семь лет. Возобновились греко-болгарские переговоры: Греция была готова предоставить Болгарии выход к Эгейскому морю. Этого не случилось, потому что в переговорах участвовала также Румыния, которая отвергла болгарское требование вернуть Ю. Добруджу.

В-третьих, в условиях нового противостояния Германии, с одной стороны, и Англии и Франции, с другой, необходимо было проводить политику лавирования между ними. Балканы были стратегически важным регионом для обоих противников, но, как и накануне Первой мировой, у греков не было уверенности в предоставлении англичанами действенной помощи в случае нападения Германии и ее союзников. В апреле 1939 г., только что сдав Гитлеру Чехословакию, Англия и Франция заявили, что гарантируют независимость Греции. Англию очень беспокоило германо-греческое экономическое сотрудничество². Желая его ограничить, в начале 1940 г. англичане настояли на заключении с Грецией договора о военных поставках. Метаксас стремился не допустить преобладания в Греции какой-либо одной державы и потому согласился.

Между тем война подходила все ближе к Балканам. Весной 1940 г. капитулировали Дания, Норвегия, Бельгия и Голландия. В июне 1940 г., незадолго до капитуляции Франции, в войну вступила Италия. Уже летом 1940 г., после поражения Франции, фашистская Италия стала выказывать агрессивные намерения в отношении Греции. 15 августа итальянская подлодка торпедировала греческий крейсер

¹ Подробнее о реакции на эти события на Балканах см.: Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978.

² Подробнее об англо-британских отношениях см.: Koliopoulos J. Greece and the British Connection, 1935–1941. Oxford, 1977.

«Элли», прибывший на о. Тинос в связи с праздником Успения. Одновременно были обстреляны стоявшие на рейде гражданские корабли, но торпеды пролетели мимо. Эта провокация была пробным камнем, который должен был продемонстрировать реакцию как Греции, так и международного сообщества на агрессивные действия. Но греческое правительство на нее не поддалось и продолжало придерживаться нейтралитета. Летом — осенью 1940 г. Италия стала оказывать все более мощное давление на Грецию, требуя отказаться от военного сотрудничества с Англией и передать созданному итальянцами марионеточному государству «Великая Албания» Южный Эпир. Итальянцы намеренно создавали напряженную обстановку на греко-албанской границе, чтобы получить оправдание для своих захватнических действий¹.

В ночь на 28 октября 1940 г. Греции был предъявлен ультиматум, требовавший пустить в страну итальянские войска и предоставить в их распоряжение ключевые военные базы. Твердое 'Οχι! («Нет!») И. Метаксаса положило начало героической борьбе греческого народа против захватчиков. Даже идейные противники Метаксаса не могут отказаться от взгляда на этого политического деятеля как на символ национального сопротивления греков агрессору². В связи с этими событиями Элладская Церковь впоследствии перенесла на 28 октября праздник Покрова Пресвятой Богородицы, который празднуется в этот день и поныне. Греческим войскам удалось дважды (в ноябре 1940 г. и в марте 1941 г.) нанести поражение итальянской армии и отогнать итальянские части в глубь Албании³.

Стремясь сохранить силы и предвидя затяжной характер войны в Европе, Метаксас и командующий греческими вооруженными силами генерал А. Папагос отказались от идеи дальнейшего преследования итальянцев зимой 1940–1941 гг. Это очень не нравилось англичанам, стремившимся к вовлечению в войну как можно большего числа участников. Метаксас отказался также принять предложенную англичанами высадку десанта в помощь грекам, поскольку опасался, что на помощь Муссолини в этом случае придет Гитлер. В январе 1941 г. Метаксас умер при странных обстоятельствах⁴. После этого в феврале 1941 г. его преемник А. Коризис, начальник Генштаба генерал Папагос и король Георг II, традиционно придерживавшийся проанглийских взглядов, встретились с английским министром иностранных дел Иденом и дали согласие на высадку британского экспедиционного корпуса⁵.

¹ Подготовка Италии к нападению на Грецию описана в: Αίτια και αφορμαί του ελληνοϊταλικού πολέμου 1940–1941. Αθήνα, 1959; Ciano G. 1939–1943. The complete, unabridged Diaries of Count Galeazzo Ciano, Italian Minister for Foreign Affairs, 1936–1943. N. Y., 1946. Впоследствии Муссолини, уже понимая, что большая война проиграна, пытался задним числом оправдать агрессивные действия Италии в отношении Греции. См.: Муссолини Б. Мемуары, 1942–1943. М., 2004.

² Λυναρδάτος Σ. Ο Ιωάννης Μεταξάς και οι μεγάλες δυνάμεις. Αθήνα, 1993. Σ. 179.

³ О ходе военных действий см.: Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Η ιταλική εισβολή (28 Οκτωβρίου μέχρι 13 Νοεμβρίου 1940). Αθήνα, 1960; Η ελληνική αντεπίθεση (14 Νοεμβρίου 1940 — 6 Ιανουαρίου 1941). Αθήνα, 1966.

⁴ По официальной версии — от ангины, но имеются подозрения, что он был отравлен.

⁵ О греческой внешней политике на этапе подготовки и во время греко-итальянской войны см.: Παπαδάκης Β. Διπλωματική ιστορία του ελληνικού πολέμου, 1940–1945. Αθήνα, 1957; Квашнин Ю. Д. День «Охи» и вступление Греции во Вторую мировую войну // Россия и Греция: история и современность. М., 2008. С. 230–248.

Дальнейшее развитие событий можно было предположить. В марте 1941 г. Италия начала новое наступление на Грецию¹. 6 апреля 1941 г. премьер-министр А. Коризис получил немецкий ультиматум, однако, не дожидаясь ответа, германские войска начали наступление в Восточной Македонии, получившее у немецкого командования название «операция “Марица”»². Одновременно в войну вступила Болгария. Греция не могла противостоять мощи Германии, эксплуатировавшей всю Европу. Не могла она и воевать сразу на всех северных границах. Считая сопротивление бесполезным, командующий греческими силами в Македонии генерал Чолакоглу начал по собственной инициативе переговоры с немцами. 27 апреля немецкие войска вошли в Афины. Король и правительство эвакуировались вначале на Крит, а затем в Египет. Последним очагом сопротивления стал остров Крит (май 1941 г.)³.

Оккупация стала страшным моральным ударом для греков, реакцией на нее явилась серия самоубийств среди политиков и интеллигенции (А. Коризис, П. Дельта и др.) Страна была поделена на оккупационные зоны: стратегически важные пункты и области, прежде всего Афины и Салоники, находились под контролем Германии, западное побережье и острова достались Италии, Македония и Фракия — Болгарии. Оккупационные власти поначалу с уважением отнеслись к греческой культуре: она укладывалась в их идеологии и за греками было признано право на существование внутри арийской расы. На территории Греции было создано марионеточное государство Греческая полиция, правительство в котором возглавил все тот же Чолакоглу.

Особенностью политики оккупантов в Греции был тотальный вывоз продовольствия, вызвавший массовый голод, унесший жизни десятков тысяч жителей крупных городов⁴. С осени 1941 г. в стране развернулось широкое движение Сопротивления⁵, одно из самых массовых в Европе, которое возглавили коммунисты и левые социалисты. В нем приняли участие и многие представители духовенства, в особенности низшего⁶. Одной из важнейших опор Сопротивления, преимущественно в Северной Греции, стали беженцы из Малой Азии. С развитием партизанского движения ужесточалась и позиция оккупантов. Они стали проводить карательные акции в местах боевых действий партизан. Особенно тяжелым в этом отношении было положение в немецкой зоне оккупации. Трагическим символом жестокости оккупантов стала Калаврита, где было расстреляно все мужское население. В болгарской зоне основной мишенью оккупантов стало духовенство, отказывавшееся служить на болгарском языке⁷.

Несмотря на сотрудничество некоторых священников и митрополитов с оккупационными властями, общая позиция Церкви была выражена архиепископом

¹ См.: Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Χειμερινά επιχειρήσεις — ιταλική επίθεση Μαρτίου (7 Ιανουαρίου — 26 Μαρτίου 1941). Αθήνα, 1966.

² Интересные сведения о подготовке этой операции содержатся в: Гальдер Ф. Военный дневник, 1940–1941. М., 2003.

³ См.: Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Το τέλος μίας εποποιΐας. Απρίλιος 1941. Αθήνα, 1969; Λυνарδάτος Σ. Ο πόλεμος του 1940–1941 και η μάχη της Κρήτης. Αθήνα, 1977; Квашнин Ю. Д. Сражение за Крит в мае 1941 года // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 102–120.

⁴ См.: Κυριακίδης Γ. Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967. С. 107–108; Γατόπουλος Δ. Ιστορία της Κατοχής. Τ. 1. Αθήνα, 1946.

⁵ См.: Греческое движение Сопротивления подробно изучено в коллективной монографии «История национального Сопротивления в Греции, 1940–1945». М., 1977.

⁶ См.: Κάλας Δ. Ο κλήρος στην αντίσταση. Αθήνα, 1981. Σ. 20.

⁷ О политике оккупантов см.: Γατόπουλος Δ. Ιστορία της Κατοχής. Τ. 1–4. Αθήνα, 1946.

Афинским и всей Греции Хрисанфом (Филиппидисом), отказавшимся подписать акт о сдаче Афин со словами: «Глава Церкви не сдает столицу своей Родины иностранцам. Его первейшая обязанность — заботиться о ее освобождении»¹. Однако архиеп. Хрисанф и его преемник архиеп. Дамаскин поддерживали связь не с партизанами, а с эмигрантским правительством.

Уже в сентябре 1941 г. был сформирован Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ). Его создание греческие коммунисты считают исключительно своей заслугой². Поставив задачу национального освобождения, компартия эффективно сотрудничала с другими левыми партиями и профсоюзами. Уже в феврале 1942 г. под эгидой ЭАМ разрозненные партизанские отряды были объединены в Национальную народно-освободительную армию Греции (ЭЛАС), во главе которой встал генерал Стефанос Сарафис. ЭАМ осуществлял также координацию других организаций, действовавших в русле движения Сопротивления: Национальная Солидарность (ЭА) занималась обеспечением наиболее страдавших от оккупации слоев населения медикаментами и продовольствием, молодежное крыло ЭАМ находилось в ведении Объединенной всегреческой организации молодежи (ЭПОН). В греческом Сопротивлении существовали и другие, менее значимые организации, не контролировавшиеся коммунистами, например Национальная республиканская греческая лига (ЭДЭС), которая формально возглавлялась эмигрировавшим во Францию генералом Пластирасом, а фактически — полковником Зервасом. Вначале она носила радикально-революционный характер, но впоследствии перешла на роялистские позиции, стала сотрудничать с созданными оккупационным правительством карательными отрядами («батальонами безопасности») и вступила в открытый конфликт с ЭАМ в борьбе за власть.

К концу 1942 г. греческим партизанам уже удалось поставить под свой контроль значительные территории страны. В начале 1943 г. на некоторых территориях Свободной Греции был введен собственный свод законов — Кодекс местного самоуправления и народных судов, получивший название «Кодекс Посейдона»³. 1943 г., год коренного перелома во всей Второй мировой, способствовал активизации Сопротивления в балканских странах. В это время усилилось противостояние между ЭАМ и ЭДЭС⁴, принявшее характер подпольной гражданской войны.

В 1944 г. в связи с продвижением советских войск на Балканах, оккупационные войска, теснимые партизанами, стали покидать страну. Первыми ушли итальянцы, поскольку еще в сентябре 1943 г. Италия подписала акт о безоговорочной капитуляции. В сентябре 1944 г. при содействии советских войск в Болгарии произошла революция и болгарские войска начали отводиться с территории Греции. В начале октября 1944 г. Грецию стали покидать немецкие оккупационные войска. Уже в марте 1944 г. в Свободной Греции было создано временное правительство — Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА)⁵. В то же время британские союзники, которые начали с 1942 г. вести разведывательные операции в Греции, негативно отно-

¹ Цит. по: Βοβολίνης Κ. Α. Η Εκκλησία εις τον Αγώνα της ελευθερίας. 1453–1953. Αθήνα, 1953. Σ. 269.

² См.: История национального Сопротивления в Греции, 1940–1945. М., 1977. С. 91.

³ См.: Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967. С. 157–160.

⁴ См.: Там же. С. 239.

⁵ См.: Там же. С. 259.

сились к ЭАМ — ЭЛАС, видя в них агентов влияния коммунизма. Поэтому британцы поддерживали ЭДЭС и эмигрантское правительство на Ближнем Востоке.

Как и в других европейских странах с сильным Сопротивлением, в Греции сложился политический парадокс: та сила (ЭАМ), которая вынесла на себе большую часть тягот партизанской борьбы, располагала крупнейшими вооруженными силами и пользовалась авторитетом, а на определенном этапе и реальной властью в стране, не имела практически никакого веса за рубежом. Контакты с членами антигитлеровской коалиции находились в руках эмигрантских правительств, бежавших из страны, едва ли внесших какой-нибудь вклад в ее освобождение и представлявших только самих себя. Именно на греческое эмигрантское правительство, не запятнавшее себя сотрудничеством с коммунистами, сделали ставку англичане, а затем американцы.

Осознавая необходимость международного признания, лидеры греческого Сопротивления вынуждены были пойти на контакт с эмигрантским правительством и выдвинули проект формирования правительства национального единства. По этому поводу в мае 1944 г. в Ливане была созвана конференция, в которой приняли участие представители замовских организаций, других политических сил, эмигрантского правительства, западных союзников. Делегация ЭАМ получила инструкции бороться за правительство национального единства, в котором ЭАМ получил бы половину плюс одно место и его представители заняли бы ключевые министерства. Кроме того, гарантией соблюдения договоренностей должно было стать размещение части правительства на подконтрольных ЭЛАС территориях. Еще одно требование предполагало не допускать возвращения в страну короля до проведения референдума о судьбе монархии.

На конференции делегация ЭАМ не сумела достойно отстоять свои позиции и не выполнила данных ей инструкций. Эмигрантское правительство во главе с Г. Папандреу заняло жесткую позицию и обвинило ЭАМ в разжигании гражданской войны. Под давлением со стороны англичан представители ЭАМ согласились на подписание Ливанского протокола, в соответствии с которым ни одно из замовских требований не было выполнено. ЭАМ получал лишь три-четыре места в правительстве, отчасти терял контроль над своими вооруженными силами, поскольку предусматривалось их объединение под общим командованием и отстранение от политической жизни. Подписание Ливанского протокола вызвало неоднозначную реакцию в Греции: одни замовские политики считали его неплохим, поскольку видели главный результат в получении международного признания, другие считали его поражением. Впоследствии греческие историки-коммунисты безусловно приняли вторую точку зрения¹.

В последующие летние месяцы 1944 г., по мере того как советские войска продвигались по Европе, возрастало беспокойство англичан за судьбу Греции и соответственно активность их действий по отстранению ЭАМ от власти. Британцами разрабатывались и различные планы собственной оккупации Греции². В конце сентября 1944 г. прошло еще одно совещание представителей Сопротивления, эмигрантского правительства и англичан в г. Казерта (Италия). На нем было подписано соглашение, еще более ослаблявшее позиции ЭАМ. Все вооруженные формирования Греции подчинялись единому командованию, которое возглавил английский генерал Скоби, деятельность ЭЛАС ограничивалась определенными районами, из нее исключались столицы и другие стратегически важные пункты. Однако быстрое развитие событий

¹ См.: Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. С. 284–286.

² См.: Шеменков К. А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987. С. 108–109.

(продвижение советских войск, вывод оккупационных войск из Греции) способствовало активизации деятельности ЭАМ — ЭЛАС. В первой половине октября войска ЭЛАС освободили Афины, а 30 октября Салоники (в нарушение Казертского соглашения). Период оккупации завершился.

В начале октября началась и высадка британских войск в Греции под предлогом помощи в изгнании интервентов (которые уже уходили и без них). Истинная цель Англии заключалась в поддержке направлявшегося в Грецию эмигрантского правительства и установлении своего влияния в стране. Англичане опасались попадания Греции в сферу влияния СССР, поэтому вступление советских войск в Болгарию стало для них сигналом к началу интервенции в Грецию¹. 18 октября 1944 г. эмигрантское правительство во главе с Георгиосом Папандреу прибыло в Афины. Одной из первых его мер стало требование роспуска ЭЛАС до 10 декабря 1944 г. При этом другие вооруженные формирования (ЭДЭС и др.) сохранялись. Вполне разумным было сопротивление этому требованию со стороны лидеров компартии. В ноябре представители ЭАМ вышли из правительства, а на 3 декабря 1944 г. была намечена массовая демонстрация под лозунгами ЭАМ. Правительство Папандреу вначале разрешило ее, но потом, испугавшись, запретило.

Демонстрация все равно состоялась, и во время нее начались столкновения между силами ЭЛАС, с одной стороны, и правительственной полицией, войсками и британским контингентом, с другой. Вооруженное противостояние продолжалось около месяца. В ходе него британцы подвергли артиллерийской бомбардировке Афины, было много жертв среди мирного населения. Действия британцев были восприняты населением как новая оккупация. К концу декабря 1944 г. в Грецию прибыл сам Черчилль вместе с министром иностранных дел Иденом, что свидетельствует о важности для Англии обострившегося греческого вопроса. Под давлением англичан архиепископ Дамаскин был назначен регентом².

В начале января правительство Г. Папандреу ушло в отставку, а кресло премьера занял переживший оккупацию в Виши генерал Пластирас. В условиях расширения военного конфликта на другие районы страны руководство ЭАМ решило сменить тактику и перешло к мирным переговорам. В результате переговоров в Варкизе, которые велись форсированными темпами в связи с открытием Ялтинской конференции³, между правительством Пластираса и ЭАМ было заключено соглашение, в соответствии с которым ЭЛАС разоружалась и распускалась, в обмен на это правительство обещало объявить амнистию участникам конфликта, провести парламентские выборы и референдум о судьбе монархии, а также очистить армию и госаппарат от коллаборационистов. В Варкизе остро встал вопрос об отношении к участникам Сопротивления⁴. Этот вопрос на протяжении последующих 40 лет будет одним из самых болезненных для греческого общества. Раскол греческого общества, остро переживавшийся в межвоенный период, не был преодолен. Он лишь принял новую форму идеологического противостояния. Коммунистам, многие из которых происходили из числа малоазиатских греков, прибывших в страну в 1920-е гг. — среди них был и генсек Н. Захариадис⁵, предстояло на долгие годы стать изгоями.

¹ См.: Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. С. 313.

² См.: Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции 1946–1949 гг. М., 1961. С. 114.

³ См.: Шенников К. А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987. С. 119.

⁴ См.: Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции 1946–1949 гг. М., 1961. С. 35.

⁵ См.: Хименко А. Судьба человека на фоне эпохи: взлет и падение Никоса Захариадиса // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 2. С. 98.

Варкизским соглашением обычно заканчивают период Второй мировой войны в Греции. По окончании войны потерпевшая поражение Италия была вынуждена уступить Греции Додеканезы (1948). Таким образом, карта страны приобрела современный вид¹. Потери Греции за годы Второй мировой войны составили свыше 500 тыс. чел., причем почти половина из них погибла из-за голода и лишений.

При обсуждении планов послевоенного устройства Европы союзниками по антигитлеровской коалиции была достигнута договоренность о разделе Балканского полуострова на сферы влияния. Территории к северу от «демаркационной линии», прошедшей по Югославии, попали под преимущественное влияние СССР. Греция, находившаяся южнее, вошла в сферу влияния слабеющей Великобритании, на смену которой вскоре пришли США. Это обстоятельство сыграло огромную роль в послевоенном развитии страны и предопределило присоединение Греции к капиталистическому лагерю.

Закаленная в боях с оккупантами и пользовавшаяся большой популярностью среди населения компартия Греции, численность которой достигала 450 тыс. чел., стала после освобождения мощной силой в борьбе за власть, несмотря на свое поражение в политической борьбе, закрепленное Варкизским соглашением. Однако победа коммунистов не входила в планы англичан, а затем и американцев, оказавших поддержку эмигрантскому правительству. Таким образом, в стране наблюдалось противоречие между поддерживаемой извне и не имеющей социальной опоры властью и массовым левым (социалистическим и коммунистическим) движением, внесшим огромный вклад в борьбу с оккупантами. Политическая ситуация в Греции настолько дестабилизировалась, что повлекла за собой гражданскую войну (1946–1949), поэтому для Греции в отличие от других европейских стран начавшееся в 1940 г. военное время закончилось гораздо позже.

Затяжной характер войны был обусловлен несколькими причинами: наличием в стране значительных иррегулярных вооруженных формирований различной политической ориентации, слабостью регулярной армии, низким авторитетом вернувшегося в Афины эмигрантского правительства. В отличие от периода оккупации, когда Церковь в целом поддержала освободительное движение, во время гражданской войны на стороне повстанцев оказались только те представители духовенства, которые сражались с оружием в руках и против оккупантов. Еще в годы оккупации они попытались создать собственные церковно-общественные организации, которые выступили с требованиями отделения Церкви от государства и введения регулярной оплаты для священников². Но руководство Церкви и лояльное ему духовенство поддержало афинское правительство, и на сотрудничавших с коммунистическим сопротивлением священников начались гонения³. Главным оплотом сопротивления коммунистов, которым долгое время оказывали поддержку соседние Югославия и Албания, стали горные массивы Северной Греции, дававшие партизанам преимущество по сравнению с регулярной армией. Контакты с югославскими и албанскими партизанами у руководства ЭАМ — ЭЛАС были налажены уже в годы оккупации⁴.

Весь 1945 г. в стране происходила перегруппировка, а затем поляризация политических сил. При поддержке Англии менявшиеся правительства (Пластираса, Вулгариса, Софулиса) затягивали выполнение Варкизского соглашения и одновременно пытались

¹ См.: Διβάνη Λ. Η εδαφική ολοκλήρωση της Ελλάδας (1830–1947). Αθήνα, 2000.

² См.: Κάλας Δ. Ο κλήρος στην αντίσταση. Αθήνα, 1981. Σ. 122–130.

³ Αυτόθι. Σ. 131.

⁴ См.: Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967. С. 147.

расколоть замовский блок, отделив от него центристских политиков. Одновременно КПГ тоже взяла курс на конфронтацию, рассчитывая на помощь со стороны СССР. В декабре 1945 г. руководство КПГ встретилось с некоторыми членами правительства и потребовало выполнения Варкизского соглашения. Правительство в ответ предприняло кое-какие шаги навстречу компартии, но та требовала большего. На 31 марта 1946 г. были назначены выборы. Был принят новый, более мягкий закон об амнистии¹.

Но коммунистов это не устраивало: они требовали, чтобы референдум о судьбе монархии был проведен до выборов. В конце концов КПГ приняла решение отказаться от участия в выборах и заранее объявила их результаты сфабрикованными². Несмотря на то что все зарубежные союзники не рекомендовали генсеку КПГ Захариадису переходить к боевым действиям, начинавшаяся холодная война давала повод думать, что новая мировая война не за горами, а значит, греческие коммунисты могут рассчитывать на помощь извне. Уже в день выборов начались первые вооруженные столкновения. Постепенно их масштабы расширялись, и к осени 1946 г. можно было говорить о наличии в стране масштабного партизанского движения. Тогда же в соседних Албании и Югославии были созданы специальные центры подготовки партизан, им оказывалась всяческая помощь.

1 сентября 1946 г. правительство Константина Цалдариса, сформированное после мартовских выборов, провело долгожданный референдум о судьбе монархии. Даже если его результаты были подлинными, они продемонстрировали, что отношение населения к монархии за период Второй мировой стало меняться: за возвращение короля высказалось только 68 % голосовавших. В том же месяце король Георг II вернулся в страну. Проведение референдума с таким результатом дало коммунистам понять, что искать с ними компромисса правительство не собирается. Поэтому на сентябрь — октябрь 1946 г. приходится консолидация партизанского движения, которая завершилась созданием Демократической армии Греции (ДАГ) во главе с Марком Вафиадисом. На конец 1946 — первые месяцы 1947 г. приходится период активных партизанских действий ДАГ в Македонии и Эпире. Там находились наиболее крупные соединения партизан. Меньшие партизанские силы действовали в Центральной Греции, на Пелопоннесе, Крите. План КПГ и ДАГ включал в себя создание на территории Греции независимого от афинского правительства района в этих областях, граничивших со странами народной демократии. Тогда же афинское правительство стало принимать активные меры по изоляции, дискредитации коммунистов. Находившиеся в зоне досягаемости правительства их сторонники подверглись репрессиям.

Несмотря на то что греческие коммунисты получали помощь от своих соседей, где установился режим народной демократии, они продолжали надеяться на более внушительную помощь со стороны СССР. Однако советское руководство ограничилось дипломатической поддержкой греческих повстанцев в ООН. Большого Советский Союз тогда сделать не мог, чтобы не обострять отношений со своими бывшими союзниками и не провоцировать новую войну. Поэтому задача помощи грекам была возложена на Югославию и Албанию.

Между тем страны западного лагеря решили, что пора приступить к решительным действиям, иначе возникала угроза прихода к власти в Греции коммунистов, что

¹ Об изменениях политической обстановки в 1945 г. см.: *Кириякидис Г. Д. Гражданская война в Греции 1946–1949 гг* М., 1961. С. 40–150.

² *Хименко А. Судьба человека на фоне эпохи.* С. 105.

было крайне нежелательно в условиях перехода в сферу влияния СССР значительных территорий в Европе, а также революции в Китае. Поскольку ослабевшая Англия уже не могла выполнять полицейские функции в Средиземноморье, то в феврале 1947 г. она передала право оказания военной помощи Греции США. 12 марта 1947 г. президент США Трумэн выступил в конгрессе с речью о необходимости оказания помощи Греции и Турции, которых необходимо было «спасти от коммунистической угрозы». Сформулированные в этой речи положения легли в основу «доктрины Трумэна», цель которой заключалась в установлении американского контроля над упомянутыми странами. 5 июня 1947 г. госсекретарь США Дж. Маршалл озвучил план экономической помощи США европейским странам. Он предполагал отказ последних от коммунистической идеологии, закупки американских товаров по установленным США ценам и др. В этот план была включена и Греция.

Первые шаги по реализации «доктрины Трумэна», с одной стороны, и изменение обстановки в Афинах, с другой, положили начало новому этапу гражданской войны. 1 апреля 1947 г. скончался Георг II, бывший человеком мягким и легко попадавшим под чужое влияние. Ему наследовал младший брат Павел, более энергичный монарх, сразу приступивший к активным действиям по наведению порядка в стране. Летом 1947 г. новое правительство Д. Максимоса после заключения 20 июня соглашения о помощи со стороны США приступило, с одной стороны, к проведению масштабной операции по окружению партизан в районе хребта Граммос, а с другой — согласилось на проведение переговоров с целью возможного поиска компромисса.

Но руководство КПГ считало, что располагает достаточными силами для захвата власти, а потому переговоры оказались фактически сорванными по вине коммунистов. К этому времени стратегическая инициатива и тактические преимущества ДАГ, проистекавшие из слабости афинского правительства, были уже упущены¹. Несмотря на то что партизанам не удалось захватить ни одного крупного города, они объявили о создании революционной власти в контролируемых ими районах, а в декабре 1947 г. — о создании Временного демократического правительства. В нем были представлены только члены КПГ, что оттолкнуло от компартии ее союзников из числа левого движения. В ответ афинское правительство, которое возглавлял наследник Венизелоса Ф. Софулис, объявило КПГ и ЭАМ вне закона.

В начале 1948 г. генсек КПГ Захариадис задумал превратить ДАГ из партизанской в регулярную армию. По этому и некоторым другим поводам у него возник конфликт с командующим ДАГ, который был арестован и вывезен в СССР. Однако очень быстро выяснилась ошибочность новой тактики². Постепенно баланс сил изменился не в пользу коммунистов. После того как КПГ в конфликте между компартиями СССР и Югославии (1948) поддержала Москву, югославское правительство прекратило всякую помощь греческим повстанцам и перекрыло границу. Этот шаг был вызван не только идейными соображениями: пойдя на конфликт с Москвой, Тито лишился ее поддержки, а потому вынужден был вести себя более осторожно с соседями. Кроме того, греческие коммунисты решили использовать в своих интересах славянское население Македонии³. Играть на противоречиях в македонском вопросе коммунисты пы-

¹ Хименко А. Судьба человека на фоне эпохи... С. 105–106.

² Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции... С. 286–287.

³ Улунян А. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. КПГ в Национальном Сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах 1941–1956 гг. М., 1994. С. 232–246.

тались уже в годы оккупации¹. В марте 1949 г. они признали право славян на создание независимого государства в Эгейской Македонии. Привлечение славян имело больше негативных последствий, чем позитивных: многие сочувствовавшие коммунистам греки отвернулись от них, а после окончания гражданской войны македонские славяне стали подвергаться репрессиям по принципу «славянин — значит коммунист»². «Предательство в Македонии» на долгие годы стало одним из любимых поводов для критики КПГ со стороны политических оппонентов³. В то же время афинское правительство, опираясь на помощь США, снабдивших его деньгами, военной техникой и специалистами, сумело значительно увеличить численность и боеспособность армии. Интересно, что главной политической силой, противостоявшей греческим коммунистам, были не крайне правые, а центристы-либералы. Это объяснялось тем, что именно либералы стали агентами американского влияния в стране, правые же стремились этому влиянию противостоять, а потому были готовы пойти коммунистам на уступки⁴. Несмотря на то что до 1949 г. ни один военный план правительственных армий по разгрому партизан не увенчался успехом, силы последних таяли.

Уже к апрелю 1949 г. стало ясно, что уставшая, не получающая помощи и подкреплений ДАГ обречена на скорое поражение. В это время СССР пытался спасти греческих коммунистов от катастрофического разгрома и его последствий. КПГ получила из Москвы директиву как можно скорее и с наименьшими потерями завершить боевые действия. Одновременно СССР инициировал переговоры с США и Англией по линии ООН. Переговоры эти ни к чему не привели, поскольку англо-американцы не видели смысла в чем-то уступать почти разгромленным греческим партизанам. В то же время Захариадис и его окружение не собирались складывать оружие, поскольку неверно оценивали обстановку и еще верили в возможный успех.

Летом 1949 г. командование правительственных армий разработало план окружения и уничтожения партизан в районе хребта Вици. Но для отвлечения и распыления сил последних был предпринят отвлекающий маневр: ложное наступление в районе Граммоса. Командование ДАГ не разгадало смысла этого маневра⁵, что обернулось поражением и большими потерями. Не желавшие сдаваться стремились перейти границу с Албанией. К осени 1949 г. последние очаги сопротивления партизан были разгромлены. Пришедшие к власти в стране силы стали надежной опорой англо-американского влияния. Компартия Греции была запрещена, многие ее члены и сочувствующие были вынуждены эмигрировать. Оставшиеся в стране коммунисты стали жертвами политических репрессий.

Поражение в гражданской войне нанесло непоправимый урон всему левому движению в стране. Жесткая позиция коммунистов в годы гражданской войны, особенно на втором ее этапе, давала повод для ответных жестких мер со стороны правительства. Кроме того, неудачное использование коммунистами межэтнических противоречий в Македонии существенно подорвало их заработанный кровью в годы Второй мировой авторитет в глазах населения. Для многих далеких от политики и идейных

¹ Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. С. 143–144.

² Bojadjev S. 90 years Greek ethnic cleansing of Bulgarians in Aegean Macedonia. Skopje, 1996.

³ Kofos E. Nationalism and Communism in Macedonia. Thessaloniki, 1964. P. 197–198; Παπακωνσταντίνου Μ. Η Μακεδονία μετά τον Μακεδονικό Αγώνα. Αθήνα, 1985. Σ. 17 επ.

⁴ Улуян А. А. Политическая история современной Греции. М., 1998. С. 208–209.

⁵ Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции... С. 351.

споров греков именно «македонское предательство» коммунистов надолго стало основанием для негативного отношения к КПГ и коммунистическому движению в целом. В результате национальный раскол, приобретший в годы оккупации и гражданской войны новую форму, был законсервирован еще на несколько десятилетий. Только после падения военной диктатуры 1974 г. началась либерализация общественной жизни и прекратились гонения на коммунистов, которые смогли полностью интегрироваться в греческое общество лишь в 1980-е гг.

Поскольку после разгрома часть коммунистов эмигрировала, а другая, самая стойкая, осталась в Греции на нелегальном положении, то контакты между ними постепенно ухудшались и создавались благоприятные условия для идейного, а затем и организационного размежевания в рядах КПГ. С течением времени позиция членов партии, оставшихся на родине и полагавших, что задачи и формы партийной деятельности должны быть приспособлены к местным условиям, все более расходилась с позицией просоветского эмигрантского руководства¹. В 1968 г. между ними произошел окончательный разрыв с образованием двух независимых компартий — внешней и внутренней. КПГ (политические оппоненты называли ее внешней) и в дальнейшем осталась верна своей ориентации на СССР, в то же время КПГ (внутренняя) идейно все более эволюционировала в сторону еврокоммунизма².

Изменения в политическом курсе советского руководства, связанные с приходом к власти Хрущева и XX съездом КПСС, также способствовали отколу от КПГ группы радикально настроенных членов, что в конечном счете привело к образованию еще одной — третьей по счету — КПГ (м-л).

Оккупация странами Оси во время Второй мировой войны и последовавшая за ней гражданская война имели самые пагубные последствия для Греции: к началу 1950-х гг. страна стала нищей и обескровленной, а с реализацией доктрины Трумэна попала в зависимость от США. Установившаяся после Второй мировой войны ялтинская система международных отношений стабилизировала границы в Европе и, казалось бы, путь «органической работы» должен был в государственной идеологии Греции прочно доминировать над путем «вооруженной борьбы», но последний неожиданно проявился в виде кипрского вопроса. Начиная с 1950-х г. и по сей день Греция ведет борьбу за присоединение Кипра или по крайней мере создания на острове греческого государства. В зависимости от политической конъюнктуры эта борьба то затихает, то — при благоприятных обстоятельствах — обретает новую силу³.

Послевоенное восстановление экономики Греции фактически началось лишь в 1950-е гг. и шло медленно, несмотря на помощь США в рамках доктрины Трумэна и плана Маршалла. Греция оставалась одной из беднейших стран Европы: годовой

---

¹ А. А. Улуян отчетливо прослеживает эту тенденцию уже в 1950-е годы: Улуян А. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. С. 260–365.

² Подробнее см.: Улуян А. А. Коммунистическая партия Греции. История — идеология — политика 1956–1974 гг. М., 1995. С. 150–244.

³ См.: Ehrlich T. Cyprus: 1958–1971. Oxford, 1974; Stephens R. Cyprus: a Place of Arms. Power Politics and Ethnic Conflict in the Eastern Mediterranean. L., 1966; Crawshaw N. The Cyprus Revolt: An Account of the Struggle Union with Greece. Boston, 1978; Sherer J. Blocking the Sun: The Cyprus Conflict. Minneapolis, 1997; Jansen M. War and Cultural Heritage: Cyprus after 1974 Turkish Invasion. Minneapolis, 2005.

доход на душу населения не превышал 200\$. Окончание гражданской войны не принесло стране политической стабильности. Ни одна партия не могла получить устойчивого большинства в парламенте, что влекло за собой частую смену правительств.

В этих условиях маршал Александрос Папагос решил сыграть роль греческого Де Голля. Он основал собственную партию «Греческий сбор», с которой и победил на выборах 1951 г., а затем 1952 г. Папагос пользовался большой популярностью, поскольку командовал правительственной армией на завершающем этапе гражданской войны и под его руководством были разгромлены партизаны. Усиления его влияния боялся сам король и пытался ограничить его возможности действовать или даже установить диктатуру. Противоборство между маршалом и королем в конце концов привело к политическому кризису, чуть не обернувшемуся новым вооруженным конфликтом, поскольку Папагоса поддерживала очередная организация военных.

Эта организация — Священный союз греческих офицеров (ИДЭА) — была образована в 1944 г. с целью противостояния действиям очень сильной в то время компартии¹. В годы гражданской войны шел интенсивный численный рост этой организации, в члены которой стали вовлекаться высокопоставленные офицеры. В итоге к началу 1950-х гг. греческие военные, как и в межвоенный период, имели возможность оказывать очень большое влияние на политическую жизнь страны. В мае 1951 г. Папагос подал в отставку, не желая доводить дело до открытого конфликта. Но в его защиту тут же выступили члены ИДЭА и потребовали его восстановления на службе. Однако сам Папагос отказался от неконституционных методов политической борьбы. Он настоял на своей отставке, а вскоре создал свою политическую партию «Греческий сбор».

9 сентября 1951 г. в Греции прошли парламентские выборы. Они принесли победу партии Папагоса, однако существовавшая пропорциональная система распределения мандатов привела в парламент много партий и не позволила Папагосу создать однопартийного правительства. Тогда маршал обратился за поддержкой к королю, но тот не изменил своего отношения к Папагосу и отказал. Важной заслугой этого парламента стало принятие новой конституции 1952 г. Но новые выборы в 1952 г. все же состоялись. На их проведении настояли США, видевшие в Папагосе гаранта укрепления своего влияния в стране за счет установления стабильной сильной власти. Американский посол в Афинах открыто заявил, что если в Греции не будет восстановлена мажоритарная система, то США ограничат свою помощь этой стране, поскольку в условиях пропорциональной системы она расходуется нецелесообразно по причине политической нестабильности.

Выборы 16 ноября 1952 г. проводились по новому избирательному закону. Партия «Греческий сбор» получила 49 % голосов и возможность сформировать однопартийное правительство. Пребывание Папагоса у власти (1952–1955) — это время американских инвестиций в греческую экономику, налаживания отношений с соседними социалистическими странами и одновременно усиления американского влияния в стране². В 1952 г. Греция стала членом НАТО, вскоре на ее территории появились американские военные базы. Налаживание отношений с социалистическими соседями проявилось в заключении в 1954 г. трехстороннего югославно-греко-турецкого военно-политического договора. В том же году были восстановлены дипломатические отношения с Болгарией и подписан греко-болгарский договор.

¹ См.: Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции. 1946–1949 гг. М., 1961. С. 28.

² См.: Шенков К. А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987. С. 164–167.

После разгрома политической оппозиции в лице коммунистов и прихода к власти в стране правых сил политические страсти стали постепенно утихать, что в итоге сделало возможным принятие конституции 1 января 1952 г. Эта конституция не вносила существенных изменений в политический строй по сравнению с предыдущими конституциями. Важнейшая из внесенных поправок предполагала возможность предоставления избирательного права женщинам. Число депутатов парламента колебалось от 150 до 300 человек. Предусматривалась возможность законодательного закрепления участия граждан в выборах в качестве не только права, но и обязанности. Во взаимоотношениях короля и парламента существенных изменений не произошло, если не считать законодательного закрепления названия политического строя страны как королевской республики (дуалистической монархии). Прежними остались и полномочия парламента. Единственным изменением во взаимоотношениях исполнительной и законодательной власти стало право исполнительной власти издавать указы, имеющие силу законов, в период отсутствия парламента или перерыва в его работе.

Экономическую политику правительства Папагоса определяла группа «новых экономистов» во главе со Спиросом Маркезинисом. Их концепция основывалась на идеях классического либерализма и предполагала строительство в Греции свободной рыночной экономики, правда, с защитой иностранного капитала. Маркезинис провел деноминацию драхмы и привязал ее к курсу доллара, ослабил контроль за импортом и пытался поощрять греков вкладывать деньги в развитие производства¹. Однако недоверчивые греческие граждане опасались это делать, и основным инвестором греков оставались американцы. Отсутствие видимых позитивных результатов этой экономической политики привело к конфликту между Маркезинисом и Папагосом, в итоге которого Маркезинис вышел из партии Папагоса².

Важнейшее место в греческой истории последующих десятилетий занимал открывшийся в те годы кипрский вопрос. Поскольку Великобритания отказалась исполнить свое обещание и предоставить Кипру независимость, позволив ему воссоединиться с Грецией, греки-киприоты, составлявшие 80 % населения острова, начали вооруженную борьбу за независимость, в которой принимали участие и добровольцы из Греции³. Кипрский вопрос резко обострил отношения между Грецией и Турцией: в 1955 г. в Константинополе прошел крупнейший греческий погром.

После смерти Папагоса в 1955 г. ему наследовал молодой политик Константинос Караманлис, создавший свою партию Национал-радикальный союз. Караманлис занимал кресло премьера восемь лет без перерыва (1955–1963). Он умело направлял экономическую политику правительства: доходы казны выросли за счет развития туризма, принимались успешные меры по борьбе с инфляцией, стабилизировался курс национальной валюты, строились гидроэлектростанции и другие крупные объекты, в страну активно привлекались иностранные капиталы. Караманлис предпринял попытку ослабить зависимость греческой экономики от американского капитала за счет привлечения инвестиций из европейских стран. И это ему отчасти удалось. Для этого Греция одной из первых стран, пострадавших от немецкой оккупации, наладила от-

¹ См.: Маркеζίνης Σ. Πολιτική Ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. Τ. 4. Αθήνα, 1968.

² См.: Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. Αθήνα, 1961.

³ Подробности этого движения см.: Grivas G. Memoirs. L., 1964 ; Βασιλείαδης Ν. Εθνομάρτυρες του Κυπριακού Έπους. Αθήνα, 1977.

ношения с Западной Германией¹. Наблюдался быстрый рост экспорта, следствием которого стала дальнейшая индустриализация страны. Начались переговоры о вступлении Греции в Общий рынок². В 1961 г. Греция вступила в ЕЭС в качестве ассоциированного члена. В то же время экономическую политику Караманлиса нельзя назвать полностью успешной: Греция продолжала оставаться аграрной страной. Кроме того, экономические преобразования в стране не сопровождались выработкой социальной политики, потребность в которой остро ощущалась в связи с опорой правительства на крупный капитал. В результате крестьянство, мелкий и средний бизнес терпели убытки, что предопределило непопулярность политики правительства в обществе.

К. Караманлис предпринял попытку решения кипрского вопроса³. В 1950-е гг. среди греческого населения Кипра ширилось движение за освобождение от англичан и воссоединение с Грецией. Британцы в конце концов готовы были смириться с потерей острова, однако ни они, ни кто-либо из членов НАТО вовсе не желал дарить Кипр грекам и тем самым усиливать греческое присутствие в Средиземноморском регионе⁴. Единственным приемлемым для всех выходом было поддержание равновесия. С этой целью к решению кипрского вопроса была привлечена Турция. В результате состоявшихся в феврале 1959 г. переговоров между греческим премьером К. Караманлисом и его турецким коллегой А. Мендеросом были заключены так называемые Цюрихско-Лондонские соглашения, в соответствии с которыми Кипр объявлялся республикой в составе британского содружества, а турецкая община получала право представительства от 30 до 40 % в государственных органах и армии. Греческой общественностью такая квота была расценена как чрезмерно высокая. Сам факт создания независимого государства на Кипре, который большинство греков желали видеть в составе своей страны, послужил поводом для обвинения Караманлиса в предательстве национальных интересов и значительно снизил его популярность в обществе⁵. Более того, в Греции и по сей день распространено мнение, что именно Цюрихско-Лондонские соглашения послужили предпосылкой кровопролития на Кипре и разделения острова⁶.

В то же время невысокий уровень жизни в деревне, низкие зарплаты и недоразвитость промышленности в городах стимулировали массовую эмиграцию греков, уезжавших на заработки прежде всего в Западную Германию. Этим активно пользовалась оппозиция⁷, выражавшая также недовольство широких слоев развитием кипрского вопроса: в 1960 г. Кипр был провозглашен независимым государством, но без права воссоединения с Грецией. Положение правительства резко ухудшилось пос-

¹ Подробнее об этом см.: *Delivannis D. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und Griechenland seit 1945 // Griechenland und die Bundesrepublik Deutschland im Rahmen Nachkriegseuropas, drittes Symposium des Institute for Balkan Studies. Thessaloniki, 1991. S. 121–125; Apostolopoulos D. Greece and Germany in Postwar Europe: the Way towards Reconciliation // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 21.2. October 2003. P. 223–243.*

² См.: Έβερτ Μ. Καραμανλής, ο αναμορφωτής: 1955–1963 και 1974–1980. Αθήνα, 1983.

³ См.: *Рукомойникова М. В. Проблема Кипра и ее решение в период 1-й администрации К. Караманлиса (1955–1963) // Греция. Национальная идея — общество — государство. XVII–XX вв. М., 2002. С. 209–224.*

⁴ См.: *Hatzivassiliou E. Britain and the International Status of Cyprus, 1955–1959. Minneapolis, 1997.*

⁵ См.: *Averoff-Tosizza E. Lost Opportunities: the Cyprus Question in 1950–1963. N. Y., 1986.*

⁶ См.: *Ραφανίδης Β. Ιστορία... Σ. 354–355.*

⁷ См.: *Калинин Н. Государственный строй Греции. М., 1959.*

ле убийства в мае 1963 г. левого депутата парламента Г. Ламбракиса. Король Павел (1947–1964) также перестал поддерживать Караманлиса, и 18 мая 1963 г. тот был вынужден подать в отставку. Отставке Караманлиса способствовал и представленный им проект новой конституции, предусматривавший значительное расширение полномочий исполнительной власти. Такой проект не мог вызвать одобрения со стороны короля, а также насторожил влиятельную военную элиту. Некоторые исследователи даже считают его основной причиной отставки Караманлиса¹.

Политический кризис разрешился победой на выборах 1964 г. менее консервативного Союза Центра во главе с Г. Папандреу. Правительство Папандреу уделяло большое внимание развитию образования в стране: были упразднены плата за обучение и экзамены в школе, основаны два новых университета в Патрах и Янине, началась модернизация научного потенциала страны. Был принят ряд мер по поддержке средних слоев: увеличено жалование государственных служащих, принята программа субсидирования сельского хозяйства. Все эти меры требовали больших государственных расходов, что привело к росту инфляции. Это обстоятельство, а также слишком левые взгляды сына премьера Андреаса Папандреу вызвали недовольство даже среди ближайших соратников Г. Папандреу. Король Константин II (1964–1967) выразил свою озабоченность по этому поводу. Вмешательство короля вызвало резкую реакцию премьера, отношения между ними испортились, и в июле 1965 г. Г. Папандреу подал в отставку². Пришедшая ему на смену череда правительств-однодневок была симптомом глубокого кризиса парламентской системы. Политические партии были увлечены исключительно борьбой друг с другом, они не успевали решать проблемы страны³. Среди населения росло недовольство существующим строем, крепло желание сильного правительства и «твердой руки».

В начале 1963 г. была сделана попытка внести поправки в конституцию, и соответствующее предложение со стороны правительства поступило в парламент. Однако эта работа не была завершена в связи с отставкой правительства, внесшего данное предложение. Необходимость изменения конституции была вызвана обострением политической ситуации в стране, и поскольку предложение о поправках не было реализовано, то положение продолжало ухудшаться и к 1965 г. вылилось в очередной политический кризис, выявивший, как и прежде, противостояние монарха и парламентского большинства в лице партии Союза Центра. Этот политический кризис разрешился лишь государственным переворотом 21 апреля 1967 г. и установлением семилетней военной диктатуры.

Период Второй мировой войны и послевоенной стабилизации имел в Греции свои особенности. Меры по подготовке страны к обороне от возможного агрессора, принятые И. Метаксасом, принесли свои плоды: сопротивление греков итальянским захватчикам и нанесенные им поражения вызывали восхищение. Однако ни в военном, ни в экономическом отношении Греция не могла противостоять мощи Третьего рейха. Годы оккупации принесли грекам, как и другим поработанным народам, неисчислимые страдания. В то же время получившее широкую народную поддержку движение Соппротивления, ставшее одним из самых значительных в Европе, придало небывалую

¹ См.: *Рукомойникова М. В.* Проблема реконструкции Греции в политике правительства К. Караманлиса 1955–1963 гг. Автореф. канд. дисс. М., 2004. С. 18.

² См.: *Δαφνής Γ.* Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. Αθήνα, 1961.

³ См.: *Μπακογιάννης Π.* Ανατομία της ελληνικής πολιτικής. Γέννηση και παρακμή του ελληνικού πολυκομματισμού. Αθήνα, 1977.

прежде политическую силу и авторитет коммунистической партии. Возникла реальная перспектива переориентации страны на принципиально иной путь развития. Наличие в стране острого конфликта между поддерживаемой населением КПП и утверждавшей свою власть при помощи иностранного оружия старой политической элитой обусловило начало гражданской войны. Но в годы гражданской войны международная обстановка складывалась неблагоприятно для греческих коммунистов. В этот период руководством КПП был допущен и ряд крупных просчетов. В результате коммунисты не только потерпели военное поражение, но и потеряли симпатии значительной части населения.

И все же, несмотря на уход в подполье, авторитет коммунистов и других левых сил в стране оставался достаточно высоким. В стране помнили и об их героической борьбе за свободу в годы Второй мировой. Но послевоенные правительства не только развернули масштабную карательную кампанию против коммунистов и им сочувствующих, но даже отказались признать их боевые заслуги. Эта политика на несколько десятилетий законсервировала раскол внутри греческой нации, начавшийся в годы гражданской войны. Коммунистам не могли простить не только коммунистических идей, но и национального предательства в македонском вопросе.

Оказавшись в конце Второй мировой войны в стане победителей, Греция получила небольшие территориальные приращения. «Великая идея» в ее старой, географической, форме обрела повод поднять голову. Вставший на повестке дня кипрский вопрос дал мощный толчок ее возрождению. Борьба за освобождение от колониальной зависимости Кипра была фактически борьбой за присоединение острова к Греции. Большинство греков и в Греции, и на Кипре считали присоединение не только реальным, но единственно приемлемым. Невозможность осуществления этих планов, обусловленная в первую очередь позицией Великобритании, оказала значительное влияние и на внутривнутриполитическую ситуацию в Греции. Она способствовала углублению политического кризиса и росту популярности идеи сильного правительства.

«Государство философов»

1967–1974 гг., получившие впоследствии название «диктатуры черных полковников», представляют собой совершенно особую эпоху в истории греческого государства. Отношение к ней самих греков в значительной степени подобно отношению к диктатуре И. Метаксаса: в исторических обзорах и хронологиях с этим периодом, начало которому положил военный переворот 21 апреля 1967 г., не соотносятся никаких событий (кроме одного — подавления студенческого выступления 17 ноября 1973 г.), т. е. он просто выброшен из истории, многие очевидцы событий при слове «диктатура» умолкают и лишь в минуту особой откровенности от них можно услышать туманные намеки на то, что страна переживала тогда далеко не худшие времена.

21 апреля 1967 г. группа членов тайной офицерской организации во главе с полковниками Г. Пападопулосом, С. Паттакосом и Н. Макарезосом совершила государственный переворот и установила диктаторский режим, получивший название «диктатуры черных полковников». Новая власть, с революционными лозунгами пришедшая на смену дискредитировавшей себя парламентской системе, получила поддержку большинства населения. Попытка короля Константина организовать контрпереворот в конце 1967 г. закончилась провалом, после чего король был вынужден покинуть страну. Проведенный в 1973 г. референдум окончательно упразднил институт монархии.

Принятая в 1968 г. новая конституция предполагала постепенное восстановление в стране демократических свобод. Шагом на пути к ее реализации стало создание в 1970 г. Совещательного комитета («малого парламента»), однако восстановить законодательный представительный орган «полковники» так и не решились. На международной арене новый режим получил поддержку США, рассчитывавших на укрепление своего влияния в Греции, и Турции, надеявшейся разрешить в свою пользу кипрский вопрос. Однако руководство этих стран быстро убедилось в ошибочности своих представлений о новом режиме в Греции. США организовали международную кампанию против «полковников» и добились их международной изоляции, а впоследствии при помощи Великобритании спровоцировали политический кризис в Греции, приведший к падению диктаторского режима.

Экономическая политика режима совмещала в себе элементы государственного регулирования и либерализацию отдельных секторов экономики. Была сделана ставка на приоритетное развитие промышленности, укрупнение наделов в сельском хозяйстве, привлечение в страну капиталов диаспоры и иностранных фирм. Благодаря их инвестициям был построен ряд транспортных и энергетических объектов. Успехи экономической политики, реформы в области образования и здравоохранения привели к повышению уровня жизни большинства населения страны.

Однако международная изоляция способствовала нарастанию кризисных явлений, чем активно пользовалась в своей пропаганде находившаяся в эмиграции оппозиция. В ноябре 1973 г. оппозиционно настроенные студенты Афинского политехнического института подняли антиправительственное выступление. 17 ноября оно было подавлено правительственными войсками. Эти события ускорили внутренний кризис режима: 25 ноября руководитель тайной полиции Д. Иоаннидис отстранил от власти Г. Пападопулоса по обвинению в контрреволюции и узурпации власти. Последний удар режиму полковников был нанесен англо-американской дипломатией в ходе обострения кипрского вопроса в 1974 г. В результате очередного военного переворота 23 июля 1974 г. власть перешла к лидеру оппозиции К. Караманлису, которого доставил в страну личный самолет президента Франции.

Греция того времени — это статуя, закрытая черным покрывалом, сквозь которое смутно угадываются очертания фигуры. Нельзя сказать, чтобы «диктатура полковников» была совсем обойдена вниманием историков: о ней имеется целый ряд исследования и в греческой¹, и в англоязычной², и в отечественной³ историографии.

¹ См., напр.: Ζορμπαλάς Σ. Ο νεοφασισμός στην Ελλάδα. Αθήνα, 1978; Κρητικός Π. Αντίσταση κατά της δικτατορίας, 1967–1974. Αθήνα, 1996; Παπάζογλου Μ. Φοιτητικό κίνημα και δικτατορία. Αθήνα, 1975; Μελετόπουλος Μ. Η δικτατορία των συνταγματαρχών, Κοινωνία, ιδεολογία, οικονομία. Αθήνα, 1996; Μανούσακας Γ. Στα χρόνια της χούντας. Αθήνα, 1987.

² См., напр.: Andrews K. Greece in the dark: 1967–1974. L., 1980; Couloumbis Th. Foreign Intervention in Greek Politics: An Historical Perspective. N. Y., 1976; Danopoulos C. Warriors and Politicians in Modern Greece. Chapel Hill, 1984; Woodhouse C. The Rise and Fall of the Greek Colonels. L., 1985.

³ См., напр.: Круговая Е. Г. Экономическая политика военного режима в Греции (1967–1974) // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1997. № 1; Круговая Е. Г. Взаимоотношения государства и общества в условиях правления авторитарного режима «черных полковников» в Греции. 1967–1974 гг. // Греция. Национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002; Улунян А. А. Ошибка полковника Пападопулоса. Крах идеи «сильной руки» и крушение системы «управляемой демократии» в Греции. М., 2004.

Эти работы объединяет несколько общих черт. Во-первых, они основываются в значительной степени на источниках иностранных либо происходящих из враждебного политического лагеря, источники же самого режима используются в гораздо меньшем объеме и часто всего лишь в качестве иллюстративного материала. Во-вторых, даже если в названии заявлено иное, все эти работы посвящены исследованию одного (в лучшем случае нескольких) аспекта истории того периода, обобщающего же фундаментального труда, посвященного «полковникам», пока не существует. В-третьих, все исторические труды, опубликованные после падения «диктатуры полковников», отличается общая идеологическая направленность: они написаны с позиций идейных и политических врагов павшего режима, чем и обусловлена общность негативно-осуждающих оценок, даваемых «полковникам».

Несмотря на это, в указанных работах содержится богатый фактический материал, дающий обильную пищу для размышлений. Весьма подробно историками изучены обстоятельства прихода «полковников» к власти, их внешняя и внутренняя политика. В меньшей степени исследована идеология, которую они сделали на время своего правления официальной идеологией греческого государства. Можно назвать несколько исследований, в которых на базе инструментария современной политологии проводится анализ отдельных идейных установок режима «полковников», например обоснования исполнения военными функций гражданской власти или идеи «сильной руки»¹.

О других идейных установках, а именно тех, которые связаны со столь дорогой сердцам греков национальной идеей, у исследователей не очень ясные представления. Так, если Е. Круговая уверена, что «главной идейной доктриной» режима стала «попытка возрождения в греках духа Византийской империи»², то А. Улунян, соглашаясь с заключением К. Данопулоса о том, что в идеологии «полковников» традиционные ценности соединялись с идеями периода модернизации, говорит о планах создания «эллино-христианской цивилизации, базирующейся на революционном движении вооруженных сил, нашедшем свое воплощение в Революции 21 апреля»³. Упомянутые авторы согласны с тем, что в основу идеологической конструкции «полковников» было положено «греко-христианство», но совершенно по-разному трактуют его сущность. Так что же: эксгумация Византийской империи или новый мир «цивилизации 21 апреля»? А может быть, ни то и ни другое?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к первоисточнику — печатному наследию самого режима и проанализируем его понятийный аппарат, основные лозунги, попробуем найти его идейных предшественников, наконец, укажем на некоторые мероприятия правительства «полковников», важные для понимания их идеологии. Все это позволит нам получить более ясное представление о национальной составляющей идеологии режима⁴.

¹ Danopoulos C., Patel K. Military Professionals as Political Governors: A Case Study of Contemporary Greece // West European Politics. Vol. 3. 1980. № 2; Улунян А. А. Ошибка полковника Пападопулоса...

² Круговая Е. Г. Экономическое и политическое развитие Греции в период правления «черных полковников» 1967–1974 гг. Автореф. канд. дисс. М., 2002. С. 13.

³ Улунян А. А. Ошибка полковника Пападопулоса... С. 31.

⁴ Важнейшими источниками для изучения идеологии режима «полковников» являются:
1) многотомное собрание публичных выступлений лидера режима Г. Пападопулоса;
2) специальные пособия по идеологии Революции 21 апреля: Γεωργιάδης Γ. Η ιδεολογία της

Поскольку совершенный ими военный переворот и последовавшие за ним реформы лидеры военного режима называли революцией, то начать анализ понятийного аппарата идеологов «революции 21 апреля» нам представляется уместным с самого слова «революция». В греческом языке используемое для обозначения этого понятия слово *επανάστασις* имеет довольно широкий диапазон значений, восходящих к первоначальному «восстание». Но в данном случае мы имеем дело именно с революцией: в произведениях идеологов режима постоянно подчеркивается ее общенародный характер при руководящей роли вооруженных сил, а также главная цель — радикальное преобразование всего греческого общества.

В связи с этим правительство «полковников», ключевые посты в котором почти до конца 1973 г. занимал Г. Пападопулос, а Министерство пропаганды возглавлял Г. Георгалас, называло себя Национальным революционным правительством. В своих речах и выступлениях, рассуждая об отличительных чертах революции 21 апреля, Г. Пападопулос стремился подчеркнуть одновременно и ее уникальный характер, и связь с традицией. Впрочем, при детальном рассмотрении первое оказывается тесно связанным со вторым.

Так, в своих обращениях к вооруженным силам страны в качестве министра обороны Г. Пападопулос неоднократно указывает на то, что 21 апреля 1967 г. греческие военные выполнили привычную для них задачу: выступили в защиту интересов народа от внутренних беспорядков, которые по значимости он приравнивает к внешней агрессии. Революция 21 апреля рассматривается как продолжательница дела национально-освободительной революции 1821 г. А. Улунян на основании всего лишь одной цитаты делает вывод о том, будто «полковники» пренебрежительно относились к революции 1821 г. и «военный режим именовал ее не иначе, как Национальное восстание»¹.

С этим нельзя согласиться. В новогоднем обращении к народу накануне 1971 г. Г. Пападопулос назвал важнейшим событием наступающего года 150-летний юбилей революции 1821 г.² В устах лидера режима слова *εθνεγερσία* и *επανάστασις* применительно к революции 1821 г. выступают как синонимы. В частности, в праздничном обращении к вооруженным силам страны по поводу юбилея революции 1821 г. мы встречаем оба эти термина³. И это не случайно: события 1821 и 1967 гг. суть звенья одной цепи, их смысл состоит в постепенном раскрытии исторической судьбы греческой нации. Первая революция дала грекам свободу и независимость, вторая же стала началом их национального возрождения⁴.

Преемственность между революциями 1821 и 1967 гг. подчеркивалась не только на словах: в октябре 1971 г. на фоне шумной пропагандистской кампании состоялась церемония закладки храма Спасителя во исполнение обета, данного греческой нацией во время революции 1821 г. Это решение было принято IV Национальным Собранием летом 1829 г.⁵ Первоначально его исполнению препятствовало бедственное состояние финансов молодого государства, а потом о нем попросту забы-

---

Επανάστασεως. Αθήνα, 1971. Παπακωνσταντίνου Θ. Πολιτική αγωγή. Αθήνα, 1970. Χρονόπουλος Κ. Ελλάς Ελλήνων Χριστιανών. Αθήνα, 1971.

¹ Улунян А. А. Ошибка полковника Пападопулоса... С. 30.

² Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Ζ'. Αθήνα, 1972. Σ. 49.

³ Αυτόθι. Σ. 69.

⁴ Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Β'. Αθήνα, 1968. Σ. 70.

⁵ Декрет 8, ст. 1 от 31.07\ 12.08.1829.

ли. Укорененность революции 21 апреля в греческой традиции подчеркивалась также указанием на ее преемственность в отношении Национального Сопротивления 1941–1944 гг.¹ Правда, Сопротивление военный режим определял по-своему, отрицая участие в нем коммунистов.

Понимание смысла революции 21 апреля знакомит нас с двумя другими терминами из лексикона идеологов режима: «историческая судьба» и «национальное возрождение». Рассуждения об исторической судьбе греческой нации довольно часто встречаются в произведениях идеологов режима «полковников», особенно в первые годы его существования. Примечательно, что из нескольких существующих в греческом языке обозначений судьбы было выбрано *та пепρωμένα*. *То пепρωμένον* — это не случайная фортуна, а некая данность, которую мойры — дочери вращающей ось мира богини необходимости Ананки — предназначили греческому народу пронести через всю его историю. Она заключается, во-первых, в особом национальном духе греков, а во-вторых, в их исторической миссии.

Поскольку человек — существо разумное и социальное, то ему свойственно создавать различные общности, выходящие за рамки индивидуума. Наиболее естественной человеческой общностью является нация или раса. Нация — наиболее оптимальный способ самоидентификации индивида. Нация придает существованию человека историческую перспективу, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее. Благодаря нации человек ощущает свою связь с предками и потомками, получая наследие от первых и неся ответственность перед вторыми. Для иллюстрации этой мысли пропагандистская машина режима часто использовала образ факела, передаваемого по эстафете между поколениями. Понятие нации в идеологии режима синонимично понятию расы, иногда общества. Греческая нация (эллинизм) — это этнос, но и одновременно нечто большее, чем этнос: она включает в себя отдельные народы (*λαοί*), например кипрский народ. Это представление вряд ли можно считать изобретением полковников: оно встречается у греков уже в первой половине XIX в.²

Идеологами военного режима был усвоен примордиалистский подход к пониманию нации с элементами конструктивизма: с одной стороны, нация — это априорно существующий естественный организм, но, с другой стороны, человеческая воля способна влиять на его развитие: национальная элита может вести нацию к расцвету, а может обречь ее на прозябание и исчезновение. Так, объясняя школьным учителям их задачи в эпоху революции 21 апреля, Г. Пападопулос подчеркивает два компонента нации: биологический и транслируемый с помощью культурной традиции, в которой одну из ведущих ролей играет система образования³.

Следовательно, называться греком может лишь тот, кто удовлетворяет обоим этим условиям: имеет греческое происхождение и воспитан в греческой культурной традиции. Невыполнение одного из условий автоматически исключает человека из рядов греческой нации. То есть за людьми, которые родились греками, но отошли от греческой культурной традиции, например греческими коммунистами, «полковники» не признавали права называться греками. Аналогичным образом инородцы, даже воспитанные в греческой культурной традиции, никогда не могут стать греками. Таким об-

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Β'. Σ. 177.

² Например, жители острова Самос в 1834 г. определяли себя как «маленький народ» (ΑΒΠΡι. Φ. 180. Оп. 517/1. Д. 3534. Л. 3).

³ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Β'. Σ. 64.

разом, идеология военного режима вновь подняла впервые поставленный еще греческими просветителями вопрос о критериях национальной идентичности. Но если для греческого Просвещения, апеллировавшего в данном случае к классической древности, первостепенную роль играли культурные признаки, то позиция военного режима близка иной традиции, уходящей корнями в эпоху романтизма и нашедшей наиболее яркое выражение в теориях начала XX в.

Представление о национальном духе, восходящее к европейской философии эпохи романтизма, довольно прочно утвердилось в греческой общественно-политической мысли уже в начале XX в. Этому способствовали длительные поиски собственной исторической идентичности, обусловленные начавшимся в эпоху Просвещения формированием понятия нации у греков. То понятие нации, которое предлагала им европейская мысль нового времени и которое в конце концов и было ими усвоено, представляло собой часть европоцентристской модели истории, в которой грекам отводилась роль периферии, хотя и признавались их славное античное прошлое и вклад, внесенный ими в строительство европейской цивилизации.

Ободренные последним обстоятельством и недовольные первым, греки продолжали искать для себя удобную историческую нишу и уже в 1830-е гг. пришли к выводу о том, что греческая нация обладает особой исторической судьбой, дающей ей право занять особое место среди других народов, которые принадлежали к двум мирам или цивилизациям: Западу и Востоку. Греки не принадлежали ни к одному из них. После Второй мировой войны представление о двух мирах модифицировалось и мир Запада стал синонимом буржуазной демократии, тогда как Восток стал ассоциироваться с социалистическим лагерем. Эту трансформацию надо учитывать, оценивая неоднократные заявления «полковников», будто бы Греция принадлежит к миру Запада¹.

«Мир Запада» и у «полковников» выступает как антипод коммунизма, и, отождествляя себя с Западом в эпоху всеобщего страха перед коммунистической угрозой, военный режим в Греции стремился продемонстрировать свое отношение к коммунизму и его главному оплоту — Советскому Союзу. Идеологи режима неоднократно выражали свой антикоммунизм и в более резких формах. В частности, угрозу прихода к власти коммунистов они называли поводом к выступлению вооруженных сил 21 апреля², говорили о несоответствии коммунистических идей греческому национальному идеалу, а о греческих коммунистах — как о людях, добровольно исключивших себя из рядов нации.

Но если греки не являются частью коммунистического Востока, то они в равной мере (несмотря на уверения в противоположном) не принадлежат и миру Запада. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, как «полковники» представляли себе мир Запада и какими видели свои отношения с ним. Запад для «полковников» — это олицетворение силы и свободы. Однако и та и другая понимаются в данном контексте довольно узко. Запад свободен от коммунизма, но он не обладает свободой духа и социального развития. Сила его заключается в армии и деньгах и также не имеет под собой духовной основы, а потому непрочна. Надо отметить, что военный режим старался избегать прямой критики Запада. Эта критика направлялась в адрес того социально-политического строя, который существовал в Греции до 21 апреля 1967 г., но

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Α'. Αθήνα, 1968. Σ. 75.

² Αυτόθι. Σ. 104.

поскольку Греция тогда развивалась по западной модели, то все негативные моменты последней можно считать присущими Западу в целом.

Западная цивилизация — детище древнегреческой цивилизации, но она утратила часть ее духовных ценностей, а потому сбилась с правильного пути и приняла уродливые формы и в конце концов придет к саморазрушению. Демократия — одно из величайших достижений древних греков — на Западе больна. По сути это не демократия, а демагогствующая олигархия. Парламенты превратились в арену борьбы партий, защищающих интересы отдельных групп общества во вред всей нации. Поскольку значительная часть сил и ресурсов тратится на политическую борьбу, то система управления функционирует менее эффективно, чем могла бы. Кроме того, фактически никто не несет ответственности за принимаемые решения и их реализацию. Неправильное понимание демократии в западном мире дополняется атомизацией общества: частные интересы ставятся выше общественных. Наконец, западное общество одержимо страстью потребительства, его идеал — «сладкая жизнь», которой прельщают людей СМИ¹. Все эти пороки органически чужды греческому национальному духу, и их появление в Греции вызвано попыткой навязать грекам неподходящую для них западную модель развития.

Нетрудно заметить, что изложенная критика в адрес последней носит ярко выраженный антибуржуазный характер, хотя и касается только отдельных сторон жизни общества, не затрагивая, в частности, социально-экономическую сферу. Понятно, что критику буржуазной демократии режим «полковников» мог осуществлять лишь в завуалированной форме, так как остро нуждался в поддержке ведущих западных держав. Поэтому, косвенно критикуя и отмежевываясь от западного мира, режим не скупился на реверансы в адрес США и НАТО, непрестанно заверяя их в своей лояльности.

Таким образом, греки не принадлежат ни Западу, ни Востоку, обладая совершенно особой исторической судьбой. Лежащий в ее основании национальный дух, согласно идеологии режима, складывается из двух частей: национального характера или души, представляющей собой совокупность психических качеств, и национального идеала.

Греческий национальный характер определяется несколькими качествами. Прежде всего это стремление к свободе. Но свободу каждый понимает по-своему. Греки понимают ее как стремление к благополучию, ограниченное самоконтролем, самодисциплиной и аналогичным стремлением ближнего². Очевидно, что в этой трактовке преобладает не национальное, а социальное содержание. Это один из многих примеров, показывающих, что нация для «полковников» ценна не сама по себе, а как инструмент мобилизации общества для решения различных задач. Другое важнейшее качество греческого национального характера — привязанность к морю. Освоение морского дела и покорение морей наложило огромный отпечаток на греческую историю. Эти положительные качества были в значительной степени реализованы греками. Некоторые другие «национальные добродетели» остаются пока недостаточно раскрытыми: к их числу принадлежат бесстрашие, чувство меры и исторической перспективы. В этих качествах заключен резерв дальнейшего развития греческой нации.

Помимо «национальных добродетелей» у греков есть и «национальные недостатки». Это прежде всего эгоцентризм и недоверие к государственной власти. Последние качества, однако, не являются имманентно присущими греческому нацио-

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Α'. Σ. 152–153, Τ. Γ'. Αθήνα, 1969. Σ. 156–157.

² См.: Αυτόθι. Τ. ΣΤ'. Αθήνα, 1970. Σ. 121.

нальному характеру: они — следствие воздействия чуждой социально-политической традиции и от них при желании можно избавиться¹.

Надо сказать, что совокупность качеств, определяющих, согласно представлениям «полковников», греческий национальный характер, не представляет собой чего-то оригинального: подобный набор качеств могли бы приписать себе и представители многих других народов. Уникальность греческого национального духа определяется национальным идеалом, по отношению к которому национальный характер играет вспомогательную роль.

Национальный идеал греков складывается из двух компонентов: греческого происхождения и самосознания, а также христианской веры. Выступая перед студентами Салоникского университета через год после прихода к власти, Г. Пападопулос дал краткую характеристику греческого национального идеала и его составляющих², а их детальному анализу посвящена книга К. Хронопулоса, увидевшая свет тремя годами позже³.

Греческое самосознание отличает любовь к Родине, гордость за нацию и одновременно личная скромность, уважение к законам, гостеприимство, мужество и удаль молодецкая (λεβεντιά)⁴. Последнее качество греки считают присущим только им одним, исходя из оригинальности его названия. Кроме того, идеальный грек — это философ, стремящийся к красоте. Социальные ценности греческого идеала — это демократия, обеспечивающая гармоничные отношения между индивидами в обществе, так чтобы частные интересы не противоречили общественным. Эта составляющая греческого национального идеала сформировалась уже в античности и с тех пор транслируется от поколения к поколению.

Христианство добавило национальному идеалу греков новые ценности: воздержание, великодушие, любовь к ближнему, милосердие. Но вклад христианства в формирование греческого национального идеала не ограничивается механическим добавлением в него новых компонентов. Оно придало ему принципиально новое качество, что позволило говорить именно о греко-христианском идеале. В своем отношении к христианству «полковники» разделяли давно уже укоренившиеся в некоторой части греческого духовенства представления о православии как национальной религии греков⁵. «Бог — филэллин», — говорил Г. Пападопулос⁶. В целом греческий национальный идеал носит гуманистический характер и составляет главное, неотъемлемое и неисчерпаемое богатство греков.

Греко-христианский идеал очевидным образом ориентирован на традиционные ценности. Этого не скрывали и сами «полковники»: «Мы, греки, не испытываем необходимости создавать новые идеалы или новые ценности. Положения Греческой цивилизации и Христианства непреложны как законы бытия»⁷. Уникальность греческого национального идеала обусловлена не только органичным сочетанием гречес-

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Ζ'. Σ. 77.

² См.: Αυτόθι. Τ. Β'. Σ. 81–85.

³ См.: Χρονόπουλος Κ. Ελλάς Ελλήνων Χριστιανών. Αθήνα, 1971.

⁴ Слово, по всей видимости, происходит от итальянского названия восточно-средиземноморских пиратов.

⁵ Подробнее об этом см.: Лебедев А. П. История Греко-Восточной церкви под властью турок. Кн. 2. СПб., 2004. С. 312 и сл., а также параграф о национальном вопросе на Афоне.

⁶ Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Γ'. Αθήνα, 1969. Σ. 31.

⁷ Αυτόθι. Τ. Ε'. Αθήνα, 1970. Σ. 44.

ких и христианских ценностей, но также его устойчивостью на протяжении многих столетий, чем, как полагали «полковники», не могла похвастаться больше ни одна европейская нация.

Итак, мы видим, что греческий национальный идеал, объединивший в себе греческий образ мышления и христианские этические ценности, который идеологи военного режима чаще всего называли греко-христианским, носит вневременной характер. Он — источник «бессмертного греческого духа»¹. Такая формулировка греческого национального идеала была близка и греческой интеллектуальной элите. Не случайно в первой половине 1960-х гг. в Греции были изданы сочинения философа начала века П. Яннопулоса, обосновавшего многие из тех идей, которые «полковники» использовали при создании своей идеологии, а также объемные мемуары диктатора 1930-х гг. И. Метаксаса, годы правления которого связаны с появлением идеологии «третьей греческой цивилизации».

Важно отметить, что, провозглашая возвращение к традициям, военный режим говорил о традиционных ценностях вне связи с конкретными периодами или государственными образованиями в греческой истории. Иными словами, в пропагандистском наборе режима были идеальные персоны: Александр Македонский, Эль Греко, Венизелос, но не было идеальных эпох или государств. Греческий дух не только оставался в силе, но и развивался и обогащался на протяжении всей истории, до тех пор, пока греки не начали забывать свои традиции.

Исключительное сочетание свойств греческого национального духа, придающих ему деятельный характер, целеустремленность, открытость миру и человеку, а также гуманизм позволяют греческой нации исполнить уникальную историческую миссию. Она заключается в том, что греки «были, есть и должны быть колыбелью цивилизации»². Европейская цивилизация базируется на том фундаменте, который заложил в нее греческий дух, а точнее — греческий образ мышления и христианские нравственные ценности. Это признают и ее лучшие умы, например нобелевский лауреат В. Гейзенберг: «Во всех сферах современной жизни, если только — систематически, исторически или философски — мы входим в суть дела, мы натакиваемся на духовные структуры, восходящие к античности или христианству»³.

Но если в прошлом (в древности и в Средние века) греки в культурном развитии намного превосходили своих соседей, то в настоящее время они потеряли статус культурного гегемона человечества. Причина этого — в отходе от традиции, в насаждении в Греции чуждых ей порядков. Само укоренение этих порядков стало возможным в силу того, что греки отошли от своего национального идеала и прониклись тлетворным духом, грозящим гибелью всей нации. Греки потеряли уважение к закону и нравственному порядку, попрали общественные и национальные интересы ради сиюминутной индивидуальной выгоды. Иными словами, не бытие определяет сознание, а совсем наоборот.

Главная причина политического, социального и экономического кризиса, вызвавшего революцию 21 апреля, — духовный кризис греческой нации. В таком состоянии греки не только не способны исполнить свою историческую миссию, но могут вообще погибнуть как нация. Кто же виноват в сложившейся ситуации? Отвечая на этот

¹ Παπαδόπουλος Γ. Το πνεύμα μας. Τ. Β'. Σ. 83.

² Αυτόθι. Τ. Α'. Σ. 31.

³ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 35.

вопрос, идеологи режима не пытались спекулировать образом внешнего врага или искать козла отпущения внутри страны. «Главный наш враг — это мы сами!» — таков был один из популярных лозунгов первых лет существования режима. В бедственном положении своей нации виноваты все греки, поэтому его исправление требует приложения усилий всех греков в отношении самих себя.

Стало быть, необходимой предпосылкой исполнения греками их исторической миссии является их национальное возрождение, начало которому положила революция 21 апреля. Реализацию плана национального возрождения идеологи военного режима представляли как главную задачу революции, что нашло отражение в революционной символике. Символом революции стала восстающая из пламени птица феникс, олицетворяющая возрождающуюся Грецию, которую защищает солдат.

Интерпретация понятия «национальное возрождение» вновь возвращает нас к греческой философии начала XX в. До этого времени под национальным возрождением понималась революция 1821 г., новое его понимание предложил П. Яннопулос. По его мнению, революция 1821 г. освободила греков вернее часть из них лишь политически. Но для подлинного возрождения нации необходимо ее духовное пробуждение. Как полагал философ, в его время это духовное пробуждение еще не произошло, а следовательно, и национальное возрождение также не свершилось. Эта идея П. Яннопулоса, не получившая надлежащего отклика у его современников, стала популярной у последующих поколений греческой интеллигенции и наконец нашла свое выражение в государственной идеологии режима «полковников». Они попытались придать идее национального возрождения чуть ли не религиозный характер. Так, в своем выступлении на Пасху 1968 г. Г. Пападопулос предложил лозунг «Греция воскресла» по аналогии с пасхальным приветствием «Христос воскрес». Примечательно, что он назвал свое изобретение молитвой¹.

Таким образом, если духовный кризис, именуемый также болезнью, привел греческую нацию к упадку, то и национальное возрождение должно начаться с духовной стороны жизни нации. В своих обращениях ко всему греческому народу, отдельным социальным и профессиональным группам премьер-министр, а впоследствии и президент страны Г. Пападопулос постоянно говорил о том, что необходимость смены менталитета всего греческого общества является главным залогом успеха проводимых в стране преобразований. Базирующиеся на духовном обновлении общества политические, административные и прочие реформы должны привести Грецию к материальному процветанию, которое, в свою очередь, необходимо для построения Великой Греции.

Перед нами три этапа национального возрождения греков, и они совпадают с программой, предлагавшейся в свое время П. Яннопулосом. Разница заключается в том, что у него эти этапы мыслились последовательными, «полковники» же решили осуществлять их параллельно. Какими же средствами военный режим предполагал добиться национального возрождения греков? Инициатива духовных преобразований должна исходить от государства, инструментами которого мыслились СМИ, система образования, Церковь и семья. Все они, за исключением СМИ, в идеологической конструкции режима назывались основными ячейками общества.

Что касается СМИ, значение которых руководители режима оценивали в полной мере, то им отводилась важная роль сотрудника правительства в проведении всех пре-

---

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Β'. Σ. 119.

образований в стране. Из агентов влияния отдельных партий и групп интересов СМИ должны были превратиться в инструмент национальной консолидации. В техническом плане это не означало национализации газет, но установление строгого государственного контроля над новыми — телекоммуникационными — видами СМИ и жесткую цензуру для старых. В своих выступлениях перед журналистами Г. Пападопулос неоднократно говорил о лежащей на них ответственности: в зависимости от своей позиции СМИ могут играть как созидательную, так и деструктивную роль в обществе. Созидательная роль СМИ заключается не только в пропаганде правительственных мероприятий, но и в исполнении воспитательной функции. Последняя наиболее важна для духовного возрождения греков. СМИ должны формировать у читателей нравственный идеал в духе греческого национального идеала, а также развивать те ценности, которые закладываются системой образования.

Системе образования придавалось не меньшее значение в планах духовного преобразования греков. Перед системой образования военное правительство ставило три задачи: воспитание настоящего грека, повышение уровня знаний, придание образованию более массового характера. Для того чтобы система образования оказалась в состоянии справиться с этими задачами, одного морального стимулирования было, разумеется, недостаточно. Расходы на образование в годы правления военного режима составляли одну из наиболее внушительных статей расходной части государственного бюджета. Согласно заявлениям правительства, его инвестиции в образование стали самыми значительными за всю историю греческого государства¹.

Поскольку политика «полковников» в сфере образования мало исследовалась историками, назовем наиболее значительные мероприятия в этой области. В школьном образовании воспитательная задача решалась путем пересмотра школьных программ и написания новых учебников, в первую очередь по истории и литературе, с целью изъятия оттуда вредного для воспитания греческого духа материала. Новые учебники по истории были введены уже в 1970 г. Кроме того, был введен, вероятно, по американскому образцу², специальный идеологический предмет, рассказывающий школьникам об истории революции 21 апреля, ее основных задачах и победах.

Решению второй задачи служило учреждение правительственных стипендий для особо одаренных детей, предоставление им права преимущественного поступления в вузы, создание за государственный счет специальных школ-интернатов, где одаренные дети обучались по более интенсивной программе. Наконец, третья задача решалась путем строительства новых школ, особое внимание при этом уделялось приграничным районам, где часто проживало смешанное население, подвергавшееся влиянию негреческих культур. Остро актуальная в то время для Греции проблема нехватки учительских кадров решалась как путем материального стимулирования учителей, так и за счет создания дополнительных учебных мест в вузах соответствующего профиля.

Высшее и среднее техническое образование также находилось под пристальным вниманием правительства. Сам Г. Пападопулос неоднократно проводил встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом разных вузов, излагая на

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Δ'. Αθήνα, 1969. Σ. 88.

² В американских школах преподавался идеологический предмет «О коммунизме», целью которого была дискредитация СССР и коммунистической идеи. См.: Zelman A. Teaching "About Communism" in American Public Schools. N. Y., 1965.

них официальную точку зрения на проблему национального возрождения и роль интеллигенции в этом процессе. Для выполнения воспитательной задачи правительство не только применяло обычные репрессивно-полицейские меры, обычные в таких случаях, но и призывало профессоров не ограничивать свою деятельность только университетской кафедрой, т. е. чистой наукой, но «идти в народ», пропагандируя греко-христианские ценности и повышая одновременно культурный уровень населения.

В целях повышения качества образования профессорам создавались более комфортные условия труда с меньшей нагрузкой (и, разумеется, большей зарплатой). В частности, было принято решение о выделении кафедрам дополнительных ассистентских ставок. Эти меры сразу подняли престиж преподавательской работы. А ведь в середине 1960-х гг. социальный статус преподавателей вузов был не очень высоким: молодежь не хотела оставаться работать в сфере образования, предпочитая бизнес. Средний возраст профессорско-преподавательского состава был около 60 лет. Сумев добиться привлекательности преподавательской работы, правительство «полковников» сделало огромный шаг вперед в решении проблемы нехватки преподавательских кадров. Созданные профессорам условия были столь выгодными, что позволили решить кадровую проблему не только с помощью подготовки новых преподавателей, но и за счет привлечения на работу в Грецию профессоров из числа греков диаспоры.

Наконец, задача увеличения числа подготавливаемых специалистов для страны решалась путем строительства новых корпусов и создания дополнительных учебных мест в уже существующих учебных заведениях, а также путем учреждения новых вузов и средних специальных учебных заведений. В частности, в годы правления «полковников» был существенно расширен Салоникский университет, в 1969 г. начато строительство университетского городка в Афинах, в 1968–1971 гг. построен университет в Патрах, третьем по величине городе страны. Но все эти мероприятия служили только дополнением к самому главному нововведению, позволившему придать высшему образованию массовый характер: с 1968 г. студенты перестали оплачивать свое обучение. Более того, даже книги по профильным дисциплинам они стали получать бесплатно.

В целом надо отметить, что правительство «полковников» оказалось единственным послевоенным правительством, сумевшим эффективно и в достаточно короткий срок решить проблему подготовки квалифицированных кадров для страны. Многие заложенные тогда механизмы подготовки и распределения кадров остаются в силе до сих пор. Беда в том, что они были рассчитаны на наращивание мощностей в сфере образования и со временем неизбежно должны были привести к переизбытку образованных специалистов. Когда это произошло, у власти в Греции не оказалось правительства, способного провести новые эффективные реформы в этой области. В результате к середине 1990-х гг. очередь, например, на государственное распределение школьного учителя математики составляла 80 лет.

Еще менее изучена политика «полковников» в отношении Церкви¹, которой режим отводил роль союзницы в деле перевоспитания греков. Учителя и священники — вот кто формирует личность завтрашних греков², как полагали руководители режима. Поэтому Церковь, как и сфера образования, стала объектом крупных государственных инвестиций. Правительство выделяло деньги на строительство новых церквей,

¹ Отчасти это объясняется скудостью источниковой базы по данной теме.

² См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πνεύμα μας. Τ. Α'. Σ. 125–126.

как в крупных городах (1971 г. — начало строительства кафедрального собора во Флорине), так и в сельской местности, прежде всего в приграничных районах.

Кроме того, режим «полковников» провел реформу церковно-государственных отношений, носившую поистине революционный характер: с 1 июля 1968 г. греческое духовенство получило статус государственных служащих. Чтобы оценить значение этой меры, надо принять во внимание следующие обстоятельства. Греческие конституции со времен революции 1821 г. декларировали государственную поддержку православной веры и Церкви. Однако на практике эта поддержка не простиралась далее ограничения проникновения в страну других исповеданий. В материальном же отношении Церковь была сильно ущемлена еще реформой 1830-х гг. Эти изменения негативно сказались на престиже священнического служения. Так, за первые 15 лет существования Ризариевской семинарии в Афинах, открытой в 1844 г., только три (!) ее выпускника приняли священный сан. Причину этого русский церковный историк А. П. Лебедев видел как в материальной скудости духовенства, так и в неправославном — протестантском и атеистическом — духе преподавания, господствовавшем в греческих духовных школах¹.

Оба эти негативных фактора имели место и в середине 1960-х гг. Накануне реформы «полковников» греческое духовенство, особенно сельское, влачило жалкое существование: оно не получало никакой материальной поддержки со стороны государства, не имело никаких социальных гарантий и существовало лишь на пожертвования обнищавшего в годы Второй мировой и гражданской войн населения. Ситуация в духовных школах также не претерпела принципиальных изменений. По оценке И. Романидиса, приехавшего в те годы преподавать в Грецию, особым антиправославным духом отличался богословский факультет Афинского университета, в меньшей степени от этого зла страдал Салоникский университет².

Реформа «полковников» обеспечила духовенство привилегиями государственных служащих, важнейшие из которых — стабильное государственное жалованье и социальные гарантии. Действия правительства были по достоинству оценены руководством Элладской церкви: Г. Пападопулос стал первым премьер-министром, получившим высшую награду Св. Синода — золотой Крест основателя греческой Церкви Св. апостола Павла. Но в обмен на благодеяние со стороны государства Церковь вынуждена была согласиться на преобразования, ужесточившие внутрицерковную дисциплину и предоставлявшие государству более широкие возможности для вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви. В частности, это коснулось Афона, где все существовавшие на тот момент особножительные монастыри (идиоритмы) были принудительно преобразованы в общежительные (киновии), а также порядка назначения архиереев. Новое положение вещей было закреплено новым церковным Уставом, принятым в феврале 1969 г.

Итак, мы видим, что политика военного режима в отношении Церкви преследовала цель превратить ее в послушный инструмент в руках правительства. Для Церкви реформа «полковников», многие положения которой остаются в силе и поныне, имела двоякие последствия: с одной стороны, материальное положение духовенства существенно улучшилось, но с другой — усилилась зависимость Церкви от государства.

Ситуация в духовных школах была переломлена благодаря приглашению преподавателей из числа греков диаспоры, в том числе уже упоминавшегося И. Романидиса,

¹ См.: Лебедев А. П. История Греко-восточной Церкви под властью турок. Кн. 1–2. СПб., 2004. С. 102.

² См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη. Ρωμανία. Ρούμελι. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 102–103.

воспитанных в духе православной образовательной традиции, возрожденной Русским богословским институтом в Париже.

Благосклонное внимание, оказанное диктаторским режимом Церкви, имело своим идейным основанием все ту же национальную идею. Начиная с 1930-х гг. концепция греческой исключительности получила новый поворот в нарождающейся национальной социологии. Популярное в те годы учение о социализме основывалось некоторыми греческими социологами совсем на ином фундаменте, нежели это делали марксисты. Основой для построения социализма в Греции они считали общинный дух византийского православия. В межвоенный период об этом писал С. Стефанопулос¹, а после Второй мировой войны эта мысль легла в основу социального учения Д. Цаконаса, который стал одним из идеологов диктаторского режима.

Греческая исключительность или *эллиникоτητα* (греческость) в понимании Цаконаса — это «стремление к созданию новогреческой цивилизации, новогреческого духа, служение Родине и социальной справедливости»². При этом под социальной справедливостью он понимает «классовую справедливость, определяемую универсальностью социально-экономических условий», а под служением Родине — территориальную целостность³.

Согласно мысли Д. Цаконаса, православный духовный человек, составляющий сущность грека, рождается в Византии и он коренным образом отличается от западного человека. Православный византиец — мистик и аскет, исполненный духа, а западный католик исполнен плотской страстности. Поэтому и Ренессанс имел не метафизический, а исключительно земной, гражданский характер⁴. Из этого проистекает и различное отношение к традиции у греков и на Западе: для западного человека это всего лишь наследие, которое полезно изучать, но духовная связь с которым безвозвратно утрачена. Напротив, для православного грека традиция — это живая нить, связующая поколения и передающая в неизменности квинтэссенцию национального духа.

Наконец, еще одним инструментом духовного преобразования греков мыслилась семья. Руководители режима справедливо полагали, что семья является самым надежным хранителем традиционных ценностей, особенно если ей в этом не препятствовать. В связи с этим правительство «полковников» негативно относилось к любым формам эмансипации, видя в них угрозу разрушения семьи. Вместе с тем не отрицалось право активного участия женщин в общественной жизни, но на первый план выдвигалась их роль в семье⁵. В целях поддержки института семьи, а также стимулирования рождаемости правительство развернуло программу помощи многодетным семьям.

Параллельно с духовным оздоровлением греческой нации военный режим предполагал осуществить возрождение ее экономического и политического могущества. На это был нацелен целый комплекс реформ в политической, административной, хозяйственной, финансовой сферах, подробный анализ которых не входит в нашу задачу. Обратим внимание на их результат: даже критики режима вынуждены признать,

¹ См.: Στεφανόπουλος Σ. Κοινωνικά συστήματα και Φιλοσοφία. Αθήνα, 1940. Σ. 11–13.

² Τσάκωνας Δ. Ελληνικότης. Αθήνα, 1962. Σ. 103.

³ См.: Τσάκωνας Δ. Κοινωνία και Ορθοδοξία. Αθήνα, 1956. Σ. 97–136.

⁴ См.: Τσάκωνας Δ. Ελληνικότης. Σ. 29, 38–40.

⁵ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Β'. Σ. 134. Τ. Ε'. Σ. 151.

что реформы первых лет правления «полковников» «привели к улучшению уровня жизни большинства населения страны»¹.

Наконец, третий этап национального возрождения, призванного вновь сделать греков способными к осуществлению их исторической миссии, предполагал строительство Великой Греции. Дефиниция понятия «Великая Греция», как оно понималось в официальной идеологии «полковников», пожалуй, наиболее сложна. В лексиконе лидеров режима идеологема «Великая Греция» встречается часто, но нигде не имеет точного определения.

Возможно, это объяснялось тем, что данная идеологема находилась в стадии становления. Кроме того, «полковники» были уверены, что в разные исторические периоды это понятие имело разное смысловое наполнение. «Великая идея», конечно, предполагала наличие Великой Греции, но это величие проявлялось по-разному в разные исторические эпохи: в культурных достижениях, в создании науки, освоении новых земель, территориальной экспансии за счет соседей и др. В чем будет заключаться величие Греции в новую эпоху, сказать было сложно не только потому, что будущее не так прозрачно, как прошлое, но и потому, что официальной пропаганде необходимо было считаться с мнением сильных мира сего.

Так, из контекста публичных выступлений Г. Пападопулоса следует, что «Великая Греция» предполагает некоторое доминирование греков над другими народами ойкумены. Однако в 1960-е гг. не могло быть и речи об открытой пропаганде территориальной экспансии в Европе. Действительно, военное правительство, особенно по мере ослабления поддержки со стороны США, неустанно заверяло своих соседей в отсутствии агрессивных намерений, но в то же время называло кипрский и северокипрский вопросы проблемами национальной важности, открыто заявляло о греческих претензиях на Северный Эпир, а киприотов считало частью греческой нации. Революция открыла путь к реальному объединению греков всего мира². Можно сказать, что военное правительство возвращалось к старой идее территориального единства греческой нации, в чем и заключался один из смыслов идеологемы «Великая Греция», но признавало невозможность его скорого достижения военным путем.

Тем не менее «полковники» не устояли перед соблазном попытаться силовыми методами решить кипрский вопрос. Неудача повлекла за собой крах военного режима, поскольку события на Кипре подорвали веру в способность режима воплотить в жизнь лозунг Великой Греции, как его понимала значительная часть греческого общества. Кипра греки не могут простить военному режиму и по сей день: так, признанный специалист по истории режима Т. Кулумбис в одной из своих последних публикаций на эту тему в наибольшей степени упрекает лидеров режима именно за кипрские события³.

Вместо вооруженной «полковники» пропагандировали культурную и экономическую экспансию. В этом они шли в ногу со временем: оба эти пути утверждения своего влияния активно использовали в послевоенной Европе США. В качестве проводников такого влияния «полковники» предполагали использовать диаспору, интеллигенцию, флот и торговлю. Лично премьер-министр Г. Пападопулос неоднократно обращался

¹ Круговая Е. Г. Экономическое и политическое развитие... С. 15.

² См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Α'. Σ. 108.

³ См.: Couloumbis Th. A. From Dictatorship to Democracy in Greece: Alternative Exit Strategies, 1971–1974: A Personal Memoir // Modern Greek Studies Yearbook. V. 18/19. University of Minnesota. 2002/2003. P. 211–224.

к грекам диаспоры с посланиями, в которых призывал их взять на себя функцию трансляторов греко-христианского идеала в другие страны. Летом 1968 г. греческое правительство организовало съезд американских греков, с приветствием к которому выступил сам Г. Пападопулос. Частью греческой диаспоры «полковники» считали Восточные патриархаты: совершенно в таком духе обращался лидер режима к александрийскому патриарху Николаю в мае 1968 г., поздравляя его с избранием на кафедру¹.

Если не знающей границ греческой диаспоре предлагалось внедрять греческий идеал в стране проживания, то на интеллигенцию возлагалась цивилизаторская миссия в отношении развивающихся стран. В качестве распространителей греческого идеала по ойкумене рассматривались также греческие моряки. Но это была скорее второстепенная задача для флота: флот и его хозяева, составлявшие одну из наиболее могущественных групп греческого общества, должны были, по замыслу полковников, выполнять в первую очередь задачу экономической экспансии Греции в разные уголки планеты. Форпостом «Великой Греции» называлась также торговля. «Наша Родина стоит на двух ногах: первая — это греческий дух, вторая — греческая торговля» — говорил Г. Пападопулос, обращаясь к греческим коммерсантам². Получается, что «Великая Греция» есть необходимое условие для выполнения исторической миссии Греков и одновременно сама реализация этой миссии. Построив Великую Грецию, греческая нация достигнет кульминационной точки своего развития.

Такого рода распространение своего влияния по ойкумене предполагает наличие своей цивилизации. Но будет ли это принципиально новая цивилизация или возрожденная старая? Вышеизложенный материал однозначно свидетельствует в пользу второго варианта, и с этим можно было бы безоговорочно согласиться, если бы не встречающиеся в официальной пропаганде призывы к строительству Новой Великой Греции. Однако, как выясняется при ближайшем рассмотрении, речь идет о новизне формы, а не содержания. Новую Великую Грецию будут характеризовать такие признаки, как прямая демократия и экономическая независимость, но греко-христианский идеал останется неизменным. Кроме того, новизна Великой Греции означает и разрыв с «негреческим» периодом греческой истории, когда нация переживала эпоху кризиса.

Создание Новой Греции в последнем смысле — не дело неопределенного будущего, а уже наступившая реальность. Всего лишь через три года после своего утверждения у власти военный режим заявил о том, что «Греция нашей мечты» уже частично построена³. Таким образом, Новая Великая Греция — это обновленная «греческая цивилизация без границ». Все эти рассуждения очень напоминают концепцию «третьей греческой цивилизации», использовавшуюся в государственной идеологии диктаторского режима И. Метаксаса (1936–1941), хотя никаких ссылок на их идеологические предтечи в официальных текстах «полковников» мы не находим. Сходство двух идеологий проявляется и в понимании Великой Греции, и в способах ее создания. Возможно, это сходство объясняется общим идейным источником — греческой этноцентрической философией начала XX в.

Итак, мы видим, что идеологическая доктрина «черных полковников» лежит в русле представлений о греческой национальной исключительности. Великая Греция занимает в ней важное место. На ее формирование оказали большое влияние фило-

¹ См.: Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. Α'. Σ. 32,52–53. Τ. Β'. Σ. 140. Τ. Ε'. Σ. 37.

² См.: Αὐτόθι. Τ. Δ'. Σ. 155, 175–176. Τ. Ε'. Σ. 28–29, 82, 174.

³ См.: Αὐτόθι. Τ. ΣΤ'. Σ. 167, 169 κ. α.

софские искания греков начала XX в., в частности П. Яннопулоса. Тем не менее нельзя сказать, что идеология «полковников» полностью основывалась на концепции П. Яннопулоса. Между ними были и серьезные расхождения. Важнейшее из них — отношение к христианству. Если у «полковников», как и у И. Метаксаса, христианство было одной из двух составляющих национального идеала, то П. Яннопулос был известен своими антихристианскими взглядами.

Великая Греция, о которой мечтали «полковники», — это не искусственно реанимированная Византия, но и не абсолютно новый мир. Это скорее «третья греческая цивилизация», похожая на таковую в идеологии режима И. Метаксаса. Похожа и их судьба: как и в эпоху И. Метаксаса, мы успели увидеть эту идеологию в действии лишь на начальном этапе. В этом главная причина того, что идеологема «Великая Греция» оказалась разработанной в ней не до конца.

Любопытно, что лидеры военного правительства абсолютно искренне верили в пропагандируемые ими самими идеалы и остались верны им после падения режима и возвращения к власти «демагогствующей олигархии». Правда, большинство из тех, кто был привлечен к суду сменившейся властью, впоследствии раскаялись и подали прошение о помиловании. Но Г. Пападопулос и свергший его по обвинению в контрреволюции Д. Иоаннидис предпочли всю оставшуюся жизнь провести в тюрьме, чем предать свои идеалы.

Полвека, последовавшие за малоазиатской катастрофой, стали для греческого общества временем огромных перемен и серьезных испытаний. 1920-е гг. прошли в попытках адаптации к новым условиям, в которых оказалась страна. Вмешательство в политическую жизнь армейской верхушки в это время открыло эпоху военных диктатур. Проведенные в 1920-е — первой половине 1930-х гг. экономические и политические преобразования не привели Грецию к стабильности. Либерализм в экономике оказался дискредитированным в результате больно ударившего по Греции мирового экономического кризиса, а молодой греческий республиканизм остался идеологией небольшой группы интеллектуалов. Вывести страну из кризиса смог только установившийся в 1936 г. авторитарный режим. Его идеология основывалась на столь милой сердцам греков «Великой идее» и представляла собой ее новую, цивилизационную форму.

Диктаторский режим Метаксаса не исчерпал своих возможностей, его дальнейшему развитию помешала Вторая мировая война. В годы сопротивления иностранной оккупации в Греции окрепла новая влиятельная политическая сила — компартия. Противостояние между коммунистами и вернувшимся из эмиграции королевским правительством привело к гражданской войне, последствия которой ощущались в стране на протяжении нескольких последующих десятилетий. В годы гражданской войны руководство КПГ в расчете на тактическую выгоду совершило серьезную стратегическую ошибку, посягнув на целостность греческого государства в Эгейской Македонии. Это позволило правительству вести борьбу с коммунистами не только как с противниками существующего строя, но и как с врагами нации. Коммунистическая угроза была отождествлена со славянской угрозой.

Эпоха послевоенной стабилизации, фактически начавшаяся в Греции по окончании гражданской войны, характеризовалась определенным экономическим ростом благодаря американским инвестициям и последующей ориентации правительства К. Караманлиса на крупный капитал. Однако Греция продолжала оставаться аграрной страной, одной из беднейших в Европе. На этом фоне небольшие территориальные

приращения по итогам Второй мировой войны и открывшийся кипрский вопрос создавали благоприятные условия для возрождения «Великой идеи». Однако попытка практической реализации задачи присоединения Кипра окончилась неудачей и привела к углублению внутривосточного кризиса, разрешившегося с установлением еще одной военной диктатуры.

Диктатура «черных полковников» стала последним и наиболее продолжительным образцом созданного военными авторитарного режима в Греции. За семь лет своего существования режим провел значительные преобразования в самых разных сферах, во многом изменившие облик страны. Развитие транспортной инфраструктуры, укрепление национальной валюты, повышение уровня жизни населения, создание современной системы образования — таков далеко не полный перечень шагов, заложивших основы превращения Греции из нищей окраины Европы в уважаемое государство. Упразднив монархию, режим косвенно способствовал последующему утверждению парламентского строя. В распоряжении диктаторов оказалось достаточно времени и для создания собственной идеологии. Концепция Новой Великой Греции, во многом родственная идеологии диктаторского режима Метаксаса, была еще одним вариантом «Великой идеи» цивилизационного типа.

ДЕМОКРАТИЯ В ГРЕЦИИ

После диктатуры

Падение диктатуры в июле 1974 г. повлекло за собой важные изменения в политическом строе страны. К власти пришло правительство национального единства, прошедшее референдум о судьбе монархии, в результате которого 70 % населения высказалось за республику без монарха. Последовавшие за референдумом выборы принесли победу партии «Новая Демократия», только что основанной главой правительства Константином Караманлисом.

Важнейшей проблемой, требовавшей своего разрешения в новой конституции, оставались взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью: на этот раз между президентом республики и парламентским большинством. Камнем преткновения явился вопрос о предоставлении президенту полномочий по регулированию деятельности парламента. Именно этот вопрос был яблоком раздора между различными политическими силами Греции на протяжении всего XX в. и послужил причиной крупнейших политических кризисов. В конце концов различия во мнениях между парламентским большинством и оппозицией оказались столь велики, что часть политических сил страны отказалась голосовать за новую конституцию, принятую в 1975 г. Несмотря на это, в последующее десятилетие конституционный строй Греции функционировал бесперебойно.

Несмотря на недавнее монархическое прошлое и активную борьбу монархистов и республиканцев в предшествующий период, в Греции нет партий монархического направления. Это объясняется в первую очередь особенностями политического развития Греции в новое время: правившие страной после обретения ею независимости монархи были потомками иностранных династий, связанными брачными узами также с принцессами-иностранками. Поэтому институт монархии в Греции не ассоцииру-

ется с национальной историей и верностью традиции, так что даже греческие крайне правые в современных условиях не могут найти ему применение. Нет в стране также и особой аграрной партии, которая бы защищала интересы фермерства, хотя среди крестьян и развито кооперативное движение. В стране отсутствуют и сколько-нибудь заметные религиозные партии: интересы православных, которых в стране подавляющее большинство, защищает государство, от которого Православная церковь до сих пор не отделена. Кроме того, православие является частью греческого национального самосознания, поэтому принадлежность к другой конфессии расценивается как нечто негреческое. Тем не менее периодически делаются попытки создания мусульманских политических организаций (главным образом во Фракии), они даже принимают участие в парламентских выборах. Однако их скорее можно причислить к национальным (выражающим интересы турецкого меньшинства) партиям. Развал социалистической системы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. вызвал приток в Грецию иммигрантов из бывших соцстран, среди которых далеко не все могли похвастаться греческим происхождением. Наплыв иммигрантов, представлявших собой дешевую рабочую силу, имел определенные положительные следствия: так, удешевление рабочей силы в строительстве благодаря албанским рабочим повлекло за собой строительный бум в стране. Но в целом приток иммигрантов вызвал определенную дестабилизацию в Греции, что нашло свое отражение в появлении в этот период ряда националистических организаций.

Наибольшим влиянием в стране пользуются партии умеренной социально-политической ориентации, находящиеся в центре политического спектра: Всегреческое Социалистическое движение (ПАСОК) и «Новая Демократия». После смены политического режима в 1974 г. они являются главными соперниками в борьбе за власть, периодически уступая друг другу статус правящей партии. Однако с течением времени их политические программы становились все более похожими, хотя и сохраняли свою специфику в связи с ориентацией на разные слои электората: социальную базу «Новой Демократии» составляют преимущественно представители частного сектора в экономике, а ПАСОК — государственного. В стране фактически сложилась двухпартийная система. Отсутствие реальной политической альтернативы породило некий политический вакуум, который по очереди пытаются заполнить коммунисты, фактически вышедшие на третье место по степени влияния на общество, а также разные мелкие партии, время от времени отпочковывающиеся от двух партий-гигантов.

После 1974 г. начался новый этап и в истории греческого левого движения, поскольку коммунисты смогли наконец выйти из подполья. Несмотря на то что на первых после восстановления парламентского строя выборах в ноябре 1974 г. партии левосоциалистической и коммунистической ориентации выступили единым блоком «Объединенная левая», размежевание между ними стало свершившимся фактом. Кроме того, как вскоре выяснилось, левый лагерь оказался ослабленным в силу того, что умеренные социалисты, выступившие в качестве самостоятельной политической силы в лице Всегреческого социалистического движения (ПАСОК), очень быстро перешли на центристские позиции.

В новых политических условиях легального существования и парламентского строя наиболее выгодные из всех левых партий позиции оказались у КПГ, которая продолжает с успехом удерживать их и по сей день. Идеологическая ниша, занятая партией, вот уже 30 лет пользуется наибольшей поддержкой населения левой ориентации. Ситуация в этом плане не изменилась даже после крушения СССР, когда КПГ лиши-

лась материальной, дипломатической, а самое главное — идейной поддержки со стороны советского руководства. Уверенностью в прочности своих позиций отчасти объясняется и избирательная стратегия КПП: на протяжении длительного времени партия не вступала ни в какие коалиции и только в преддверии парламентских выборов 1989 г., проходивших на фоне падения популярности правящего ПАСОК, при активном участии КПП был создан блок левых сил, выступивший единым фронтом на выборах под названием «Союз левых и прогрессивных сил» и положивший начало СИН.

Перед левыми открывалась реальная возможность выступить в качестве «третьей силы». Действительно, результаты выборов июня 1989 г. выглядели довольно оптимистично: 13 % голосов и 28 депутатских мандатов. Однако затянувшийся политический кризис, когда грекам пришлось в течение года трижды избирать парламент, в конце концов привел к поражению левых. Основные политические силы пытались разрешить кризисную ситуацию компромиссным путем. В этих условиях никакой радикальной инициативы со стороны левых проявлено не было. Результатом стало разочарование избирателей: на выборах ноября 1989 г. СИН потерял 2 % голосов и семь мест в парламенте, так как часть его электората отдала предпочтение ПАСОК. Выборы апреля 1990 г. продемонстрировали дальнейшее падение популярности левых всего спектра: и для СИН, набравшего лишь 10 % голосов и получившего 19 мандатов, и для ПАСОК они ознаменовались потерями. У власти утвердился правоцентристская «Новая Демократия».

Политический кризис 1989–1990 гг. продемонстрировал устойчивость фактически сложившейся к этому времени в стране двухпартийной системы. Занять место влиятельной «третьей силы» левые не смогли. Ситуация внутри страны осложнилась и изменениями на международной арене, вызванными крушением СССР и мировой социалистической системы. Хотя внутренние и внешние перемены начала 1990-х гг. не повлекли за собой серьезной трансформации политической системы, как это было в 1974 г., все же левым теперь предстояло существовать в новых условиях.

Трудный выбор пути стоял перед КПП. Сменившееся в 1991 г. руководство партии во главе с молодой и энергичной Алекой Папаригой приняло решение сохранить верность прежней линии и не идти на уступки ревизионизму. Осмысление событий начала 1990-х гг. нашло отражение в новой партийной программе, принятой 15-м съездом КПП в мае 1996 г. В ней говорится о том, что последние «контрреволюционные свержения» не изменили общего характера эпохи и актуальности социалистической революции. Крушение мировой социалистической системы рассматривается как временное отступление международного революционного движения. Реставрация капитализма в странах Восточной Европы произошла в результате империалистической атаки на права трудящихся в масштабе планеты. Инструментами империализма КПП считает НАТО и Евросоюз, поэтому выступает категорически против углубления европейской интеграции.

Идеологи КПП продолжают утверждать, что капитализм исторически пройден, а его последние завоевания суть одновременно проявления его глубокого кризиса. В этих условиях первоочередными задачами являются реорганизация международного коммунистического движения и восстановление его единства при одновременной борьбе «против реформаторских и оппортунистических представлений и различных концепций, нацеленных на манипуляцию и на приспособление рабочего класса к капиталистической системе».

В качестве пути решения этих задач предлагается создание антиимпериалистического антимонополистического демократического фронта, в котором руководящую и направляющую роль играла бы КПГ. Несмотря на изменившиеся условия, важнейшая задача партийной программы-максимум — построение социалистического государства в виде диктатуры пролетариата в результате социалистической революции — осталась неизменной. Эти два вопроса — об отношении к Евросоюзу и о социалистической революции — составляют главный предмет разногласий между КПГ и левыми радикалами, с одной стороны, и левыми социалистами, с другой.

Такая позиция повлекла за собой выход КПГ из коалиции СИН в 1992 г. и возвращение к прежней избирательной стратегии: отныне партия стала выступать на парламентских выборах как самостоятельная политическая сила. Другая причина указанной избирательной стратегии заключалась в невозможности создания фронта, в котором КПГ играла бы руководящую роль. Можно сказать, что этот курс принес свои плоды: выборы последующего десятилетия демонстрируют довольно стабильные позиции партии на политической сцене, даже с некоторой тенденцией к их укреплению: с 4,5 % голосов на выборах 1993 г. КПГ поднялась до 5,9 % в 2004 г., неизменно занимая третье место после двух гигантов — ПАСОК и «Новой Демократии». При этом КПГ стабильно имеет от 9 до 12 депутатских мандатов, а в 1993 г. она вообще была единственной представительницей «новых левых», получившей место в парламенте. Таким образом, можно констатировать, что КПГ в последние полтора десятилетия удалось сохранить и даже несколько упрочить свои позиции, несмотря на то что от партии периодически откалывались то создававшие свои организации крайне левые, то уходившие к левым социалистам умеренные.

Однако эта стабильность уже перестала удовлетворять руководство партии: в анализах итогов выборов 2000 и 2004 гг. вновь говорится о необходимости формирования единого блока левых сил с целью создания единого антиимпериалистического фронта и мощной левой парламентской фракции. В международной проекции о том же шла речь на международном совещании коммунистических и рабочих партий, прошедшем в Афинах в октябре 2004 г.

Но если для КПГ 1990-е гг. не стали временем коренного пересмотра идейных установок и методов борьбы, то в левом движении в целом дело обстояло совсем не так. В этот период усилилась наметившаяся ранее тенденция дальнейшего дробления левого движения, причем как его радикального, так и умеренного крыла. Так, уже в 1980-е гг. образовались активно проявившие себя позднее крайне левые группа «А-синехья» и Новое левое течение (НАР), влившаяся в 1991 г. в СИН Революционная рабочая партия и др.

В 1984 г. ряд несогласных с политикой руководства КПГ ее членов, выйдя из партии, образовали собственную организацию «А-синехья», называющую своим главным идеологическим принципом революционный марксизм, как он сформулирован в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна. Первое десятилетие своего существования «А-синехья» посвятила «собираанию сил»: восстановлению чистоты марксизма, нарушенной «ревизионизмом» КПГ, мобилизации людских ресурсов, осмыслению опыта международного коммунистического движения. К 1993–1994 гг. период внутренней консолидации организации закончился и ее руководители перешли к превращению «А-синехья» в полноценную боеспособную коммунистическую организацию, которая была бы в состоянии бороться за чистоту коммунистических

идеалов, против «империалистического нового порядка» и разлагающего влияния КПГ. В 1996 г. был налажен выпуск собственной периодики, открыт партийный центр в Афинах, начато создание молодежной организации. В апреле того же года была проведена первая общенациональная конференция рабочей секции «А-синехья». Ячейки организации открылись в Фессалониках, Патрах и других крупных городах.

В 1989 г. образовалась еще более радикальная организация с троцкистским уклоном — Новое левое течение (НАР). Программа НАР основана на триаде: фронт рабочей политики (революционная борьба) — перманентная социальная революция — коммунистическое освобождение. НАР считает свою программу единственной полностью марксистской, хотя не отказывается от сотрудничества с другими левыми партиями. НАР регулярно участвует в выборах в коалиции с другими леворадикальными организациями: в 1993 г. их блок носил название «Боевая Левая» и собрал чуть более 8 тыс. голосов по всей стране, в 1996 г. — около 10,5 тыс., а на евро-выборах 1999 г. Фронт Радикальнойлевой получил 10,8 тыс. голосов.

Кроме НАР в 1990-е гг. активно заявляли о себе другие леворадикальные организации — КПГ (м-л), КПГ (м-л — левой). Они полагают, что эпоха подлинного социализма в СССР окончилась со смертью Сталина, а Хрущев и его окружение перешли на ревизионистские позиции, подготовившие постепенную реставрацию капитализма. Соответственно ревизионистской они считают и КПГ, называя ее не иначе, как «коммунистической» («К»ПГ). Несмотря на то что численность этих организаций очень невелика, все они пытаются воссоздать традиционную для коммунистического движения структуру партии «нового типа» с развитой иерархией, жесткой дисциплиной, партийными печатными органами и молодежными движениями. Политическая активность крайне левых сводится преимущественно к выяснению отношений между собой, никакой значимой поддержкой населения они не пользуются: никому из них в одиночку не удастся набрать на выборах больше 0,1 % голосов.

История левого движения в Греции в последнее время в значительной степени определяется его расколом в 1992 г.: если руководство КПГ не захотело менять своих идейных установок, то для многих его соратников по СИН крушение СССР послужило толчком для окончательного отказа от коммунистической идеологии. Выход КПГ из СИН принципиально изменил характер этого блока и во многом предопределил его дальнейшую эволюцию. С этого времени СИН становится не только избирательной коалицией, но и политической партией левосоциалистического толка. Это направление развития СИН привело к фактическому распаду КПГ (внутренней) в связи со вступлением многих ее членов в новую партию.

В июне 1992 г. состоялся учредительный съезд СИН в качестве партии, принявший ее устав, избравший руководящие органы и председателя. Но на выборах в октябре 1993 г. СИН, ослабленный выходом КПГ из коалиции, не смог преодолеть даже трехпроцентный заградительный пункт. В результате левые социалисты в парламент не вошли. Большие надежды были возложены на следующие парламентские выборы, которые прошли в сентябре 1996 г. Главной задачей СИН в это время было обретение статуса парламентской партии. Примечательно, что в этот раз СИН шел на выборы под лозунгом «Парламент — это только начало!». На этот раз партию ждал успех: СИН получил 5,1 % голосов и 10 депутатских мандатов, отстав от КПГ всего на 0,5 % и одно депутатское место.

Причинами столь успешного выступления были, во-первых, общее полевание настроений избирателей в этот период, а во-вторых, политика «собираания сил»,

активно проводившаяся руководством партии в предшествующие три года. К середине 1990-х гг. мы находим в рядах СИИ не только бывших членов КПГ (внутренней) и КПГ, недовольных политической линией своего руководства, но также профсоюзных лидеров, представительниц женского движения и «зеленых». Кроме того, в избирательных списках СИИ можно встретить и перебежчиков из других партий — даже «Новой Демократии». С того времени ядро СИИ составляют выходцы из двух компартий, феминистки и «зеленые». Об этом свидетельствует и символика СИИ: избирательную кампанию 2004 г. партия провела под красным, фиолетовым и зеленым флагами.

Соответствующим образом выглядит и партийная программа. В ней нет ни слова о коммунизме и социальной революции, зато ключевым является понятие модернизации. Пытаясь подчеркнуть свое отличие от других партий, говорящих о модернизации, прежде всего ПАСОК, идеологи СИИ выдвигают лозунг «модернизации с человеческим лицом». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что ничего принципиально нового «модернизация по-синовски» собой не представляет. Понятно, что особо важное место в программе СИИ занимают женский вопрос и экологические проблемы. Что же касается европейской интеграции, то СИИ относится к ней в принципе положительно, лишь бы она не шла в ущерб грекам.

Отказ от коммунистической идеологии позволил СИИ привлекать на выборах под свои знамена и другие левые силы: в 2000 г. в созданном партией блоке участвовали также Обновленная коммунистическая экологическая левая (АКОА), еще одна группа экологов и независимые кандидаты. В 2004 г. к ним добавились Рабочий интернационал (ДЕА), Движение за единство действий левой (КЕДА) и организация «Активные граждане». Однако такая стратегия принесла ощутимый результат лишь поначалу. После 1996 г. популярность СИИ неуклонно падает, несмотря на расширяющийся круг союзников: на евровыборах 2004 г. партия получила 4,1 % голосов, а на парламентских выборах 2000 и 2004 гг. СИИ удалось набрать лишь 3,2 %.

В аналогичной ситуации оказалось и другое левосоциалистическое движение — ДИККИ. Движение было основано в конце 1995 г. бывшим членом ПАСОК Д. Цоволасом. До этого Д. Цоволас неоднократно избирался депутатом парламента по спискам ПАСОК и даже входил в состав нескольких правительств. Основатель и бессменный лидер ДИККИ вышел из рядов ПАСОК, полагая, что, оказавшись у власти, оно утратило свой социалистический характер, постепенно скатившись на позиции неолиберализма.

Попыткой возродить истинно социалистическое движение и стало основание ДИККИ. Одной из главных своих целей идеологи движения видели возрождение народного суверенитета и других демократических ценностей, поколебленных кризисом представительной демократии, борьбу с наступлением капитализма в его неолиберальной форме и построение государства на принципах социализма «с человеческим лицом». Интересно отметить, что ДИККИ — единственная левая партия, открыто заявившая о необходимости государственной поддержки национальной православной Церкви (СИИ об этом молчит, а КПГ славится своим антиклерикализмом).

Первое серьезное испытание новому движению предстояло на выборах 1996 г., на которых ДИККИ в пику ПАСОК, выдвинувшему лозунг «Сила надежды!», выступило под лозунгом «Реальная надежда!». В результате выборов ДИККИ получило 4,35 % голосов и девять мест в парламенте, став самой маленькой парламентской фракцией. Но уже следующая избирательная кампания — евровыборы 1999 г. — ста-

ла последним успехом ДИККИ (6,9 %). На парламентских выборах 2000 г. партия не смогла собрать 3 %, а в 2004 г. даже и 2 % голосов избирателей.

Падение популярности левых социалистов, главным образом СИН и ДИККИ, на фоне сохраняющихся неизменными позиций КПП заставляет думать о том, что греческий избиратель не видит принципиальной разницы между левыми социалистами и ПАСОК, а социальная база левых социалистов размывается за счет обратного оттока электората к КПП и ПАСОК.

Характерной чертой политической жизни Греции является географическая локализация политических пристрастий электората, связанная с исторической судьбой страны. Традиционно наиболее консервативными считаются те регионы, которые первыми освободились от османского владычества и составили ядро новогреческого государства. В них (а это прежде всего, Пелопоннес и Кикладские острова) наибольшей поддержкой пользуются правые партии. Левые тоже имеют свой ареал. Они пользуются наибольшей поддержкой в крупных промышленных городах, таких как Патры, и рабочих районах мегаполисов — Афин и Салоник, а также в тех регионах, которые вошли в состав греческого государства позже других и традиционно славились своим повстанческим движением.

Безусловным лидером здесь является о. Крит: в трех его округах: Ханья, Ираклио и Ласифи — позиции левых очень прочны, а Ираклио стабильно лидирует по этому показателю в масштабах страны. Любопытная деталь: именно в горах Крита со времен гражданской войны вплоть до амнистии 1974 г. скрывались повстанцы-коммунисты. Значительным электоратом левые, особенно коммунисты, располагают также на Додеканезах, островах Лесбос и Самос. Как показывает практика, греческий электорат довольно консервативен, и за последние десятилетия описанная ситуация изменилась мало.

Подводя итоги, можно сказать, что в эволюции левого движения в Греции после раскола 1992 г. прослеживаются следующие тенденции: дальнейшая фрагментация левого фланга политического спектра, затронувшая как левых радикалов, так и левых социалистов; стабильность позиций посткоммунизма в лице КПП; постепенная утрата левыми социалистами реального политического пространства за счет оттока электората к умеренным социалистам и коммунистам.

За более чем тридцатилетнюю историю нынешнего политического строя в Греции можно назвать несколько значимых попыток консервативных сил образовать самостоятельную политическую партию. Наиболее весомые из них — Политическая весна и ЛАОС. Политическая весна появилась в результате раскола в рядах «Новой Демократии»: ряд партийцев во главе с А. Самарасом вышли из нее, не согласившись с конформистской, по их мнению, линией руководства партии в открывшемся в ходе распада Югославии македонском вопросе¹. Самарас и его единомышленники заявили о своей бескомпромиссной позиции в македонском и других «национальных» вопросах. В июне 1993 г. была образована партия «Политическая весна», что повлекло за собой парламентский кризис и досрочные выборы, поскольку правящая «Новая Демократия» потеряла большинство в парламенте. На выборах октября 1993 г. «Политическая весна» получила 4,88 % голосов и 10 депутатских мандатов. Однако по мере затухания македонского вопроса позиции партии стали слабеть, и в конце

¹ Об этом подробнее см. ниже.

концов она примкнула к «Новой Демократии», последний раз самостоятельно выступив на выборах в 2000 г. и не пройдя в парламент.

В том же 2000 г. на греческом политическом небосклоне появилась новая партия — ЛАОС (Народный православный сбор). Она также отпочковалась от «Новой Демократии». Ничего сугубо православного или народного в программе партии не наблюдается. Большинство ее лозунгов не отличаются от таковых Новой Демократии. Разница заметна лишь в том, что касается так называемых национальных вопросов: македонского, нелегальной иммиграции, отношения к ЕС и др. В них прослеживается охранительно-патриотический характер новой партии. Избирательная кампания 2004 г. продемонстрировала ее растущую популярность: 2,19 % голосов на парламентских выборах, 4,12 % на последовавших вскоре евровыборах. Лидер партии Г. Карадзаферис стал членом Европарламента. Следующие парламентские выборы (2007 г.) подтвердили наметившуюся тенденцию: 3,8 % голосов и 10 депутатских мандатов. В Греции имеются партии и организации, стоящие на более правых, национал-радикальных позициях (например, Греческий фронт), однако им не удается собрать значимое число голосов избирателей. Популярность на их фоне ЛАОС объясняется не столько его умеренностью, сколько популистской тактикой предвыборной борьбы.

В то же время попытка воссоздать существовавшую некогда Либеральную партию в 1999 г. пока не принесла ощутимых плодов. Либералы, как и две предыдущие партии, откололись от Новой Демократии, показав тем самым, что курс партийного руководства кажется им недостаточно либеральным. Дебютировав на евровыборах 1999 г., партия собрала 1,62 % голосов. Это было неплохое начало, но дальше дело не двинулось: современные либералы пополнили ряд малых партий Греции, для которых преодоление трехпроцентного заградительного пункта в парламент остается несбыточной мечтой. Ситуацию не могут изменить ни личный авторитет основателя партии С. Маноса, неоднократно избиравшегося в парламент по спискам Новой Демократии и занимавшего ряд ответственных министерских постов, ни попытки партии всячески доказать свою непохожесть на остальные партии. Выборы 2007 г. принесли либералам лишь 0,04 % голосов.

Согласно официальным данным, в Греции отсутствуют национальные меньшинства. Однако часть населения страны — турки и македонцы — не считает себя этническими греками. Турецкие партии местного значения действуют в провинциях Ксанфи и Родопи. Они регулярно принимают участие в парламентских выборах, однако только в 1989–1990 гг. им удалось провести своих представителей в парламент благодаря благоприятному для малых партий избирательному закону. В 1990-е гг. в стране значительно укрепилась албанская община: многие албанцы прибыли в Грецию, выдавая себя за греков-вориозпиротов (уроженцев Северного Эпира).

Иными словами, если греческий консерватизм стабильно имеет свою политическую нишу, то заявляя о себе, то уходя в тень, то либерализм за последние десятилетия не выступал в качестве самостоятельной политической силы. Причины непопулярности либерализма и, напротив, живучести консервативных ценностей следует искать как в особенностях исторического развития Греции, так и некоторых обстоятельствах современности.

Прежде всего напомним о том, что Греция вообще не знала классического либерализма: в то время когда он расцвел в Англии и Франции, Греция еще только освобождалась от турецкого владычества. Полунезависимая, разоренная войной и опутанная долгами еще до своего рождения страна была плохим полигоном для либеральных экспериментов. К тому же большая часть национального капитала (преимущественно

банковского и торгового) находилась в руках греков диаспоры. Недолговременное торжество либерализма в Греции было связано с именем Э. Венизелоса, впервые пришедшего к власти под лозунгом модернизации в результате военного переворота 1909 г. Радикально настроенное офицерство сознательно противопоставило не имевшего связей в политическом мире молодого критского политика консервативно настроенной греческой политической элите. Таким образом, греческий либерализм уже тогда сильно отличался от классического варианта. Постоянно теснимый военными диктатурами, он сдал свои позиции до начала Второй мировой войны. Сегодня с понятием «либерализм» в Греции ассоциируются противостоящий нации и религии индивидуализм, политика ЕС, глобализационные процессы.

Напротив, консервативные силы в стране были достаточно влиятельны с первых дней ее существования. Социальную поддержку им обеспечивали православие и национальная идея. Православная церковь, несмотря на неоднократно проводившиеся реформы, нацеленные на снижение ее авторитета, продолжает оставаться влиятельной силой в обществе. И по сей день она выступает в качестве носительницы и хранительницы национальной традиции. Этот образ, как мы видели, был обретен Церковью в эпоху иноземного и иноверного османского владычества. Именно тогда началось слияние национальной и религиозной самоидентификации греков. Но если тогда православному греку в качестве «чужого» противопоставлялся турок-мусульманин, то после образования греческого национального государства место последнего в этой антитезе занял «франк» (европеец-католик, протестант, атеист). Несмотря на колоссальное влияние СМИ, навязывающих иную информационную парадигму и систему ценностей, менталитет современных греков еще хранит в себе определенную дозу противоядия, заложенную Церковью: либеральному индивиду предпочитается личность, понимаемой как хаос свободе — порядок, массовой культуре — национальная традиция.

В самоидентификации грека преобладает национальная составляющая: принадлежность к греческой нации для него важнее, нежели партийная или социальная характеристика. В то время как другие европейские государства с трудом противостоят натиску регионализма, говорить о наличии центробежных сил в Греции не приходится. Греки все еще стремятся к единству, понимая его как единство не только государства, но и всей греческой ойкумены. Это одна из тех наций, для которых процесс национального объединения остался незавершенным: диаспора составляет около 30 % всех этнических греков. Кроме того, смешанный характер населения лимитрофных районов самой Греции и ее соседей постоянно внушает грекам опасения за целостность собственной территории.

Особые чувства греки испытывают к ЕС. С одной стороны, они ощущают зависимость от финансовых вливаний со стороны богатых соседей по Европе, с другой — боятся утратить свою культурную уникальность. Настороженное отношение греков к Европе возникло не сегодня. Вступление Греции в Европу в качестве независимого государства в XIX в. сопровождалось сменой не только политического дискурса, но и всей культурной парадигмы: османско-византийская традиция уступала место западноевропейской цивилизации. Разумеется, этот процесс шел не безболезненно и, можно сказать, не завершился по сей день. Греческой общественно-политической жизни и по сей день не чужды клановость, большая роль местных сообществ и культурных традиций, различные формы общенациональной и местной солидарности. Но в отличие от XIX в., когда сопротивление насаждению европейских форм обще-

ственной жизни, норм поведения и культуры вообще было скорее стихийным, в настоящее время в Греции действует огромное количество общественных организаций, обоснованно и последовательно отстаивающих национальные культурные ценности, требующих экономической независимости Греции от ЕС и поддерживающих идею сильной государственной власти. Указанные выше политические партии консервативной ориентации представляют собой лишь вершину айсберга.

В период 1975–1981 гг. у власти находилась правоцентристская партия Новая Демократия. Падение режима «черных полковников» произошло в условиях жесткого противостояния с Турцией из-за Кипра, поэтому одной из первоочередных задач новой власти стало смягчение греко-турецких противоречий, достигнутое при посредничестве США и Великобритании. Но, поскольку во время кипрского кризиса 1974 г. США фактически поддержали Турцию, глава правительства К. Караманлис делал особый упор на европейском направлении внешней политики. Одним из важнейших событий этого периода стало вхождение Греции в ЕЭС. Соответствующий договор был подписан в мае 1979 г., в 1981 г. Греция стала членом Сообщества. Однако в стране не было единого мнения по вопросу о целесообразности такого шага: лидеры оппозиции отказались присутствовать при подписании договора. Многие греки полагали, что вступление страны в европейские объединения идет вразрез с национальными интересами. Новый политический режим снял запрет на деятельность компартии. Коммунисты вышли из подполья и смогли принять активное участие в общественно-политической жизни. Были прекращены гонения на участников гражданской войны, многие политэмигранты смогли вернуться на родину. Новая власть извлекла хороший урок из событий предшествующего десятилетия: в государственном аппарате и армии была проведена «дехунтизация» — чистка от сторонников военного режима. Над лидерами режима в 1975 г. состоялся суд, вынесший несколько смертных приговоров, замененных пожизненным тюремным заключением. Начались преобразования в армии, имевшие целью ее деполитизацию: с этого времени военные утратили возможность выступать в качестве самостоятельной политической силы и участвовать в борьбе за власть. Экономическая политика правительства была нацелена на реструктуризацию экономики, в которой наблюдался чрезмерный рост непроизводственных отраслей (банковское дело, туризм). Поощрялось развитие промышленности, однако при этом государство сохраняло за собой важнейшие рычаги контроля над экономикой, что было естественно при угрозе засилья иностранных корпораций.

В 1981 г. впервые в греческой истории к власти пришла иная политическая сила, левоцентристское ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение). Пост премьера занял основатель и лидер партии Андреас Папандреу (1919–1996). Тем не менее смена власти не повлекла за собой радикального пересмотра основ политического строя. Однако в 1985–1986 гг. ПАСОК настояло на внесении некоторых изменений в конституцию. Эти изменения законодательно закрепили практику взаимоотношений между президентом и парламентом, фактически сложившуюся в предшествующее десятилетие. Важнейшим изменением было значительное ущемление полномочий президента республики по регулированию деятельности парламента. Таким образом, политический строй Греции с тех пор представляет собой нечто среднее между президентской и парламентской республикой. Конституция предусматривает серьезные гарантии стабильности этой системы.

Экономическая политика правительства ПАСОК была нацелена на усиление государственного контроля над важнейшими отраслями, поощрение кооперативного движения в сельском хозяйстве, развитие малого бизнеса. Были предприняты шаги

по реорганизации управления хозяйством на основе децентрализованного планирования. Одновременно проводилась децентрализация и в государственно-административной сфере с постепенным расширением полномочий местных органов власти. Социальная политика была обращена прежде всего на поддержку служащих государственного сектора: увеличивались минимальные зарплаты и пенсии, расширялась система социальных гарантий¹.

В 1980-е гг. А. Папандреу провел ряд преобразований, существенно повлиявших на формирование облика современной Греции. Важнейшие из них — языковая реформа и признание роли коммунистов в организации Сопротивления в годы Второй мировой войны. Языковая реформа включала в себя два момента: во-первых, упростилась орфография в димотике за счет упразднения рудиментарных надстрочных знаков, во-вторых, димотика была объявлена государственным языком. Отныне делопроизводство и преподавание на всех уровнях и ступенях системы образования должно было вестись только на димотике. Двуязычие в стране было ликвидировано. Признание руководящей роли коммунистических организаций в движении Сопротивления было частью политики «национального примирения», провозглашенной правительством. Она должна была преодолеть раскол нации, вызванный гражданской войной (1946–1949) и вернуть обществу коммунистов в качестве полноправных членов. С этой целью были также уничтожены архивы спецслужб, содержавшие сведения о преследованиях коммунистов в 1950–1960-е гг. Общее полевание общественной жизни в стране выразилось и в некотором наступлении на позиции Церкви. Социалисты постарались уменьшить влияние Церкви на государственные дела, разрешили разводы, ограничили имущественные права Церкви и провели секуляризацию части монастырских земель.

В этот период резко ухудшились отношения между Грецией и США, что было вызвано попыткой А. Папандреу проводить независимую греческую внешнюю политику. Он открыто заявил о своем намерении вывести страну из Общего рынка и НАТО, ликвидировать на греческой территории американские военные базы. Реализовать эти обещания не удалось, но экономическое и политическое давление, оказанное на Грецию США и их западноевропейскими союзниками, привело к нарастанию экономических и социально-политических трудностей и, как следствие, к падению популярности социалистов.

В 1989–1993 гг. бразды правления в стране вновь находились в руках Новой Демократии, которую возглавил К. Мицотакис. Партия пришла к власти на волне политического кризиса — в 1989–1990 г. трижды проводились парламентские выборы, и все же позиции Новой Демократии оставались довольно шаткими. Необходимо было в короткие сроки остановить инфляцию и решить другие экономические проблемы. Формируя свою политическую линию, правительство Мицотакиса ориентировалось на опыт других стран (например, Великобритании), которым удалось решить финансовые проблемы путем широкомасштабной приватизации, сокращения государственного аппарата и изменения принципов его функционирования. Начало аналогичных преобразований в Греции было встречено населением настороженно.

Серьезный удар по позициям правящей партии нанесло развитие событий на международной арене. Распад Югославии и обретение ее бывшей республикой Македонией независимости поставил на повестку дня так называемый македонский вопрос. Резкий протест

---

¹ В формировании правительственной политики определенную роль сыграли работы А. Папандреу по экономике: *Papandreou A. Political Element in Economic Development*. Stockholm, 1966; *Papandreou A. Paternalistic Capitalism*. L., 1972.

греков вызвало желание нового государства принять название «Македония»: в Греции опасались, что оно может повлечь за собой территориальные претензии. Отсутствие единой политической линии по этому вопросу в рядах Новой Демократии привело к расколу партии с выходом из нее радикально настроенного в отношении македонского вопроса крыла и предопределило поражение на досрочных парламентских выборах 1993 г.

В 1960–1980-е гг. греко-югославские противоречия по македонскому вопросу носили латентный характер, хотя в 1980-е гг. Министерство Северной Греции было переименовано в Министерство Македонии-Фракии, издан фундаментальный коллективный труд с говорящим названием «Македония: 4000 лет греческой истории и культуры»¹, а в начале 1990-х гг. в Салониках было создано Македонское агентство новостей. Все эти шаги были недвусмысленно направлены в сторону югославской Македонии. Уже тогда греков раздражало название «Македония», применяемое в отношении к одной из югославских республик. К тому же они не признавали существования ни македонской нации, ни македонского языка, считая их искусственными конструктами, созданными в межвоенный и послевоенный периоды². Не забывали греки и о своем давнем соперничестве за эти земли с болгарам³. Но в целом в те годы Греция, более других балканских государств заинтересованная в сохранении статус кво в Македонии, официально придерживалась позиции, что македонский вопрос закрыт. Например, изучение этнической карты Македонии было табуированной темой для исследователей⁴. Он был передан в ведение историков, которым было поручено поддерживать на должном уровне имидж славного героического прошлого. И они поддерживали: в 1984 г. в стране широко отмечался юбилей начала борьбы за Македонию. К этому событию была приурочена масштабная конференция историков, которую открывал лично президент страны, и другие мероприятия⁵. В 1990-е гг. скрытые дотеле противоречия всплыли на поверхность в связи с выделением югославской Македонии в обособленное государство. В Греции македонский вопрос в первой половине 1990-х г. получил широкий общественный резонанс. Различные политические силы пытались привлечь общественность на свою сторону для обеспечения социальной поддержки собственной точки зрения на македонский вопрос. А точек зрения было как минимум две.

Первоначально политическая элита раскололась на два лагеря: умеренных и непримиримых. Первый образовали круги, близкие к тогдашнему правительству Новой Демократии, и значительная часть высокопоставленных дипломатов. Они в принципе были готовы к компромиссному решению проблемы — признанию македонского

¹ Μακεδονία, 4000 χρόνια ελληνικής ιστορίας και πολιτισμού. Αθήνα, 1982.

² См.: Andriotis N. The Federative Republic of Skopje and its Language. Athens, 1966. P. 12–18; Kofos E. The Macedonian Question: the Politics of Mutation. Thessaloniki, 1987. P. 14. О том, какой вклад внесли в этот процесс сами греки см.: Michailidis I. Minority Rights and Educational Problems in Greek Interwar Macedonia: The Case of the Primer “Abecedar” // Journal of Modern Greek Studies 14. 2 (1996). P. 329–343.

³ См.: Laourdas B. La lotta per la Macedonia dal 1903 al 1908. Θεσσαλονίκη, 1962. P. 15.

⁴ И, как оказалось, не только в самой Греции: одно всемирно известное издательство отказалось от публикации книги на эту тему, опасаясь вызвать раздражение греков. Подробности см.: Mazower M. Introduction to the Study of Macedonia // Journal of Modern Greek Studies. 1996. Vol. 14.2. P. 229–235.

⁵ См.: Gounaris B. Reassessing Ninety Years of Greek Historiography on the “Struggle for Macedonia” (1904–1908) // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 14.2 (1996). P. 237–238.

государства с неким компромиссным названием, с тем чтобы в будущем установить над ним экономический и политический контроль. Их непримиримые оппоненты, ядро которых составили по преимуществу политики-северяне, к которым примкнули и некоторые оппозиционные афинские политики, выступили категорически против признания на северной границе Греции независимого македонского государства в какой бы то ни было форме.

В 1992–1993 гг. первоначальные ориентации большинства политиков обрели более конкретные очертания и кристаллизовались в выдвинутых ведущими партиями проектах решения македонского вопроса. Находившаяся до середины 1993 г. у власти «Новая Демократия» заняла наиболее умеренную позицию: новые демократы предложили признать компромиссный вариант названия нового государства, включающий в себя слово «Македония» при условии соблюдения интересов Греции в этой точке Балкан. Выработку нового названия предлагалось вести в рамках ООН. Близкую, но более гибкую позицию заняло ПАСОК. С одной стороны, социалисты выступили против включения слова «Македония» в название нового государства, что отвечало национальным чувствам большинства населения. С другой стороны, они не собирались отказываться от экономического сотрудничества с македонцами. Этот пункт их политической программы сыграл немаловажную роль в победе ПАСОК на досрочных парламентских выборах 1993 г.

Проведение парламентских выборов 1993 г. на год раньше запланированного срока было вызвано расколом в рядах правящей партии и выходом из ее рядов группы депутатов во главе с А. Самарасом. В результате правительство Новой Демократии потеряло большинство в парламенте и вынуждено было назначить досрочные выборы. Одним из ключевых пунктов, по которым А. Самарас разошелся во взглядах с руководством партии, был именно македонский вопрос. Из-за разногласий по проблеме взаимоотношений с бывшей югославской республикой Самарас уже в 1992 г. вышел из состава правительства, где занимал пост министра иностранных дел. Поэтому в программе вскоре созданной Самарасом партии «Политическая весна» решению македонского вопроса в частности и внешней политике в целом было отведено особое место.

Предлагалось активизировать внешнюю политику страны и не плыть по течению в отстаивании национальных интересов, а принять активные меры к разрешению наиболее острых проблем — кипрской и македонской. В македонском вопросе партия Самараса заняла наиболее радикальную позицию, объединив вокруг себя непримиримых: отвергая любые возможные компромиссы, Самарас настаивал на борьбе до победного конца. Аргументы в пользу такой позиции были им высказаны во время выступления в парламенте 24.01.1994 г.¹ Красной нитью через его речь проходила мысль о том, что любые уступки македонцам относительно названия их страны заключают в себе потенциальную угрозу для греков. Но угроза эта носит не злободневный характер: в настоящее время Греция намного сильнее своих бывших социалистических соседей. Однако нельзя исключать, что в будущем на Балканах могут быть образованы антигреческие коалиции, которые не преминут воспользоваться заимствованным у греков названием «Македония», чтобы предъявить последним территориальные претензии. Пафос этой речи А. Самараса был

---

¹ См.: Самарάς Α. Η Εθνική αλήθεια για τη Μακεδονία. Η ιστορική ομιλία του προέδρου της Πολιτικής Ανοίξης Αντώνη Σαμαρά στη Βουλή των Ελλήνων στις 24/1/1994. Ν. π., n. d.

порожден не только патриотическими, но и апологетическими соображениями: главе «Политической весны» пришлось объяснять коллегам-депутатам, как так случилось, что Греция вообще допустила распад Югославии в 1991 г. и что при этом были ущемлены ее национальные интересы. А ведь ведомство внешней политики в тот период возглавлялось именно Самарасом.

Успех новорожденной партии А. Самараса на выборах 1993 г. во многом объясняется популярностью ее программы решения македонского вопроса и свидетельствует о том, что проблема взаимоотношений с северным соседом и опасения изменения геополитической обстановки на Балканах не в пользу Греции были в этот период для греческого самосознания одной из наиболее болезненных тем. В свою очередь, сокрушительное поражение «Политической весны» на выборах 1996 г. отражает спад общественного интереса к этой проблематике в связи с некоторой стабилизацией отношений с Македонией: чувство угрозы с севера значительно ослабело.

В 1993 г. А. Папандреу вернул себе пост премьера и занимал его до самой смерти в 1996 г., на смену ему, победив во внутрипартийной борьбе, пришел К. Симитис. Появление новых фигур на постах лидеров двух ведущих партий было симптоматичным: только теперь они наконец перестали быть «партиями лидеров» и превратились в «партии интересов». Унаследовав от предыдущей администрации тяжелое положение государственных финансов, социалисты не стремились выполнять предвыборных обещаний и фактически продолжили политику своих предшественников. К. Симитису удалось добиться стабилизации экономики и национальной валюты, что позволило социалистам продержаться у власти более 10 лет. В этот период изменилось отношение ПАСОК к Евросоюзу: неприятие сменилось желанием использовать европейские структуры для укрепления позиций Греции. Эта перемена в значительной степени объяснялась изменением международного положения страны: после крушения социалистической системы Греция стала форпостом Евросоюза на Балканах и у нее появилась реальная возможность стать лидером в регионе. Поэтому правительство активно поддерживало реализацию Маастрихтского (1992) и Амстердамского (1997) договоров, с начала 2001 г. Греция вошла в экономический и валютный союз, заключенный 12 странами — членами Евросоюза, а с 1 января 2002 г. национальная валюта (драхма) была заменена на евро. При содействии Евросоюза перед Олимпийскими играми 2004 г., проводившимися в Афинах, в Греции были реализованы крупные проекты, позволившие модернизировать транспортную инфраструктуру страны. Были построены новый афинский аэропорт, афинское метро, реконструированы важнейшие автодороги Центральной Греции, построен мост через пролив, разделяющий Западную Грецию и Пелопоннес. В целом в 1980–1990-е гг. в Греции наблюдался экономический рост, который нашел свое выражение не только в реализации крупных проектов, но и в притоке в страну, еще недавно бывшую источником дешевой рабочей силы для более богатых стран, значительного числа иммигрантов из Юго-Восточной Азии, Африки, Восточной Европы. Греция также сумела значительно расширить свое внешнеэкономическое присутствие на Балканах. Достаточно сказать, что по объему инвестиций в Сербию, Албанию и Македонию Греция занимает первое место, а в Болгарии и Румынии — второе¹.

Одним из наиболее сложных моментов греческой внешней политики последней четверти XX в. были напряженные отношения с Турцией. Помимо кипрского воп-

¹ См.: *Mallias A. The Balkans: In the Era of Peace and Stability // Mediterranean Quarterly* 19:1. Winter 2008. P. 1–2.

роса, продолжавшего оставаться наиболее серьезным камнем преткновения в отношениях между двумя странами, большие споры вызывали принципы определения границ воздушного пространства и территориальных вод. Обострения отношений между двумя странами дважды, в 1976 и 1987 гг., были вызваны соперничеством за континентальный шельф. После событий 1974 г. наиболее острый кризис в греко-турецких отношениях разразился в январе 1996 г., когда кратковременная оккупация турками необитаемого островка из группы Имья поставила обе страны на грань войны. Турция предъявила претензии на принадлежащие Греции в соответствии с рядом международных соглашений два островка под общим названием Имья, находящиеся в Средиземном море между греческим островом Кастеллоризо и побережьем Турции. Дипломатическими шагами дело не ограничилось: в район островков были направлены как турецкие, так и греческие войсковые соединения. В конце концов в дело вмешались США, и при их посредничестве обе стороны отвели войска, определив режим островков на условиях *status quo ante*. Фактически острова стали как бы ничьими, хотя Греция продолжала считать их своими. Греческое правительство дважды обращалось к турецкому с нотами, отвергавшими территориальные претензии Турции. Эти события получили огромный резонанс среди греческих политиков и общественности. Лидер оппозиционной «Новой Демократии» М. Эверт определил политику кабинета К. Симитиса как предательство национальных интересов. В газетах появились статьи, критикующие недееспособность правительства ПАСОК, характеризующие минувшие события как удар по национальному самолюбию греков и предсказывающие близкую войну между Грецией и Турцией. Вскоре были изданы целые книги, посвященные эгейскому кризису. Эта тема не сходила со страниц газет вплоть до сентябрьских парламентских выборов 1996 г. Между тем, как и в предыдущих случаях, столь резкая критика в адрес правительства вряд ли была обоснованной. Реалистичная оценка ситуации показывает, что греческое правительство не имело ни политической, ни военной возможности разрешить конфликт в свою пользу с помощью силы. Единственный остававшийся путь — дипломатия. Выступившие в качестве посредника США на деле не собирались давать преимуществ ни одной из сторон, поэтому вопрос так и остался нерешенным. Перелом в двусторонних отношениях наступил в 1999 г. с началом переговоров по целому ряду вопросов. Снижению напряженности способствовала необычайная солидарность двух народов в преодолении последствий землетрясения, поразившего Грецию и Турцию в том же году. В феврале 2000 г. было подписано несколько двусторонних соглашений о сотрудничестве в различных областях. В декабре 1999 г. на европейском саммите в Хельсинки Греция дала согласие на вхождение Турции в Евросоюз. Исследователи справедливо указывают на двойственный характер внешней политики ПАСОК в этот период: лидер партии К. Симитис старался сочетать западническую ориентацию с национальными ценностями¹.

Членство Греции в Евросоюзе оказало влияние не только на внешнюю политику страны, но также на ее экономическое, социальное и культурное развитие. Некоторые отрасли, например образование, культура и телекоммуникации, получили материальную и институциональную поддержку со стороны Единой Европы, другие, такие как сельское хозяйство, напротив, стали испытывать дополнительные трудности. Традиционно значительная роль греческого торгового флота в экономике страны осталась неизменной.

¹ См.: Kazamias A. The Quest for Modernization in Greek Foreign Policy and Its Limitations // *Mediterranean Politics*. Vol. 2, No. 2. Autumn 1997. P. 71–94.

В 2004 г. на парламентских выборах одержала победу «Новая Демократия». Новое правительство возглавил племянник покойного основателя партии Константин Караманлис мл. (р. 1956).

В период после 1974 г., когда в Греции произошла радикальная смена политического режима (падение военной диктатуры повлекло за собой и исчезновение института монархии), политическая система этой страны не испытала кардинальных перемен. Тем не менее, анализ политических процессов позволяет выявить некоторые изменения, влекущие за собой перестройку системы государственного управления и важнейших социально-политических структур. Изучение поведения греческого электората за этот период дает возможность сделать вывод об эволюции партийной системы страны, являющейся одним из определяющих факторов политического процесса.

Мы рассмотрели некоторые тенденции эволюции политической системы страны по итогам парламентских выборов за 1974–2000 гг. Наиболее существенной из них является следующая: в стране постепенно сокращается число парламентских партий при одновременном укреплении позиций двух крупнейших партий. Этот процесс хорошо иллюстрирует приводимая ниже таблица.

Годы	ПАСОК	НД	Союз Центра	КПГ	СИН	ДИККИ	Полит. весна	ЭДИК	Прочие
1974	13,58 %	54,37 %	20,42 %	9,47 %*	0	0	0	0	0
	12	220	60	8	0	0	0	0	0
1977	25,34 %	41,84 %	0	9,36 %	0	0	0	11,95 %	10,72 %
	93	171	0	11	0	0	0	16	9
1981	48,07 %	35,88 %	0	10,94 %	0	0	0	0	0
	172	115	0	13	0	0	0	0	0
1985	45,82 %	40,84 %	0	9,89 %	0	0	0	0	1,34 %
	161	126	0	12	0	0	0	0	1
1989/1	39,13 %	44,28 %	0	13,13 %*	0	0	0	0	1,39 %
	125	145	0	28	0	0	0	0	2
1989/2	40,68 %	46,19 %	0	10,97 %		0	0	0	1,12 %
	128	148	0	21		0	0	0	3
1990	38,61 %	46,89 %	0	10,28 %*	0	0	0	0	3,16 %
	123	150	0	19	0	0	0	0	5
1993	46,88 %	39,30 %	0	4,54 %	0	0	4,88 %	0	0
	170	111	0	9	0	0	10	0	0
1996	41,49 %	38,12 %	0	5,61 %	5,12 %	4,43 %	0	0	0
	162	108	0	11	10	9	0	0	0
2000	43,80 %	42,74 %	0	5,52 %	3,20 %	0	0	0	0
	158	125	0	11	6	0	0	0	0

Цифры в каждой ячейке обозначают число голосов избирателей, собранное данной партией на выборах (%), и число завоеванных парламентских мандатов. Нули стоят в ячейках тех партий, которые не участвовали в выборах либо не собрали необходимого для получения депутатских мандатов минимального числа голосов.

* На выборах 1974, 1989/1 и 1990 гг. КПГ выступала единым блоком с некоторыми другими левыми партиями, а в выборах 1989/2 блокировалась с СИН.

Как видно из таблицы, начиная с 1981 г. решающим весом в парламенте обладают две крупнейшие партии: ПАСОК и «Новая Демократия», собирающие от 35 до 48 % голосов избирателей, причем от выборов к выборам число собранных каждой из этих партий голосов все более стремится к 40 %. Кроме того, в исследуемый период в греческом парламенте имело место представительство малых партий, но их состав постоянно менялся. Единственная малая партия, сохраняющая более или менее стабильные позиции, — КПГ. Указанные факты свидетельствуют об идущем в Греции процессе формирования двухпартийной системы, который с начала 1990-х гг. поощряется законодательно: согласно ныне действующему избирательному закону распределение депутатских мандатов производится по усиленной пропорциональной системе, дополненной трехпроцентным заградительным пунктом для малых партий. Динамика этого процесса иллюстрируется следующей диаграммой.

Доля двух крупнейших партий

Таким образом, использование разнообразного инструментария статистического анализа позволяет более точно оценить параметры эволюции политической системы Греции в сторону стабильной двухпартийности.

Свержение диктаторского режима повлекло за собой важные изменения в политической жизни страны. Был установлен республиканский демократический строй, незыблемость которого закреплена конституцией. Греческая монархия стала достоянием истории. Проведенные в армии реформы лишили военных возможности создавать свои политические организации и тем самым вмешиваться в политику. Демократизация политического строя позволила решить болезненную проблему, препятствовавшую единству греческого общества в предшествующие десятилетия, — легализовать компартию и другие левые движения. Снятие запретов на деятельность коммунистов позволило им занять свое место в греческой партийной системе. Они стали третьей силой, имеющей стабильные позиции, но не способной тягаться с двумя выросшими в это время гигантами. Легализация коммунистов позволила им выйти из подполья, дала возможность вернуться в страну многим политэмигрантам. С коммунистов был снят ярлык врагов нации, официальные оценки истории Второй мировой и гражданской войн пересмотрены. Политика А. Папандреу в этом вопросе

привела к формированию общественного консенсуса. Чаемое единство нации, нарушенное затянувшимся на десятилетия национальным расколом, было восстановлено.

Но греческое общество продолжали волновать как некоторые прежние, так и вновь появившиеся проблемы. Среди них приобретший особую болезненность в связи с турецким вторжением кипрский вопрос. Вступление в ЕЭС помимо беспокойства за национальные экономические и политические интересы поставило на повестку дня вопрос о соотношении европейской и национальной составляющей в греческой идентичности. Изменение геополитической обстановки на Балканах в связи с развалом социалистической системы вызвало в греческом обществе опасения за целостность территории государства. Греки болезненно воспринимали любые проявления национальных движений в соседних государствах. Реакцией на появление отколовшегося от Югославии государства с названием «Македония» стала острая политическая борьба, приведшая к правительственному кризису. Все эти события говорили о том, что национальная идеология, хотя и потесненная новой либерально-демократической государственной идеологией, медленно сдавала свои позиции в общественном сознании и продолжала оставаться одной из главных цементирующих сил греческого общества.

Политические программы 1990-х

1990-е гг. стали важным рубежом в политической жизни не только Греции, но и всего мира. Крушение мировой социалистической системы, отход бывших европейских соцстран от ориентации на своего «старшего брата» СССР радикально изменили геополитическую ситуацию на Балканах. Ялтинская система международных отношений, почти полвека гарантировавшая незыблемость границ и сфер влияния в Европе, рухнула. Теперь Греция оказалась в более выгодном положении, чем ее экс-социалистические соседи, которым приходилось приспосабливаться к новым условиям. «Великая идея» вновь получила питательную почву: для греков открылась перспектива занять место регионального лидера. Разумеется, эти обстоятельства не могли не найти отражения в программных документах политических партий.

Специфика ПАСОК как правящей партии обязывала ее не давать невыполнимых обещаний своим избирателям, с другой стороны, перед лидерами партии стояла и противоположная задача — избежать общих мест. Балансируя между этими двумя крайностями, ПАСОК выдвинуло лозунг сильной и современной Греции, реализация которого предполагала достижение четырех главных целей: 1) равноправного участия Греции в Евросоюзе, так чтобы с преимуществами членства в нем могла сочетаться независимость греческой внешней политики; 2) ведущего положения Греции в балканско-эгейском геополитическом регионе, достичь которого можно с помощью дипломатических инициатив в отношении соседних государств, а в отношении Турции — «сочетания решительности с осмотрительностью, а боевой готовности с дипломатической инициативой»; 3) ускорения модернизации и темпов развития экономики с помощью привлечения новых инвестиций, совершенствования инфраструктуры и технологий; 4) построения современного социального государства, заботящегося о социально незащищенных слоях общества.

Двигаясь в заданном направлении, правительству ПАСОК удалось добиться некоторых важных для страны результатов, однако значительная часть их достижений носила компромиссный и половинчатый характер.

В области внешней политики правительство ПАСОК сумело добиться начала переговоров о включении Кипра в Евросоюз на условиях создания в стране федеративного государства. Однако значительная часть греческого общества полагала такой путь гибельным, поскольку он увековечит пребывание на острове турок. Также критике подверглась доктрина ПАСОК о создании единого оборонного пространства Греции и Кипра. Неудача постигла правительство и в югославском вопросе: ПАСОК не сумело найти достаточных средств, чтобы отобрать у бывшей югославской республики название «Македония», которое греки считают своим национальным достоянием. Политические противники критиковали правительство ПАСОК и за нерешительность во взаимоотношениях с Турцией, полагая, что пассивная политика правительства воодушевляет турок на новые провокации и территориальные претензии. Тем не менее сами социалисты считали свою политику в целом успешной и перспективной и намерены были и дальше двигаться в том же направлении.

К концу десятилетия важное место во внешней политике правительства ПАСОК заняли европейское и балканское направления. Своими целями во взаимоотношениях с Евросоюзом оно считало пересмотр европейского бюджета в более выгодную для Греции сторону, поддержку территориального расширения единой Европы, вхождение Греции в финансовое и валютное объединение европейских стран. На Балканах политика ПАСОК была направлена на приобретение Грецией гегемонии в регионе. Решение этой задачи мыслилось состоящим из трех пунктов: 1) Греция должна была стать гарантом мира и стабильности в регионе; 2) заявлялось о необходимости всячески поддерживать развитие демократических институтов в балканских странах; 3) предусматривалось развитие экономического сотрудничества со странами региона¹.

Данная программа носила весьма умеренный характер, который объясняется двумя факторами: с одной стороны, правящая партия не могла уйти от постановки животрепещущих «национальных» вопросов, а с другой — не могла предложить их радикального решения, поскольку таковое встретило бы противодействие со стороны НАТО и США.

Близка к программе ПАСОК была программа отколовшегося от него Демократического социального движения (ДИККИ), но последняя отличалась большим радикализмом в ряде пунктов. Программа ДИККИ была нацелена на поднятие международного престижа Греции, для чего необходимо было пересмотреть статьи 3 и 102 Маастрихтского соглашения, нарушающие, как считало руководство партии, демократические принципы, добиться реального равноправия всех членов Евросоюза, а также отсрочить его расширение до тех пор, пока не будет достигнута достаточно глубокая интеграция между уже существующими членами. Большой вопрос взаимоотношений с Турцией следовало решать, опираясь исключительно на международное право и следуя национальным интересам, которым противоречит создание на Кипре федеративного государства. Выдвигаемая ДИККИ национальная стратегия предполагала консолидацию политических сил Греции и Кипра, отказ от признания югославянского государства с названием «Македония» или производным от него, поддержку греков диаспоры, укрепление вооруженных сил, создание системы гражданской обороны. Особого внимания заслуживает тезис о национальном единстве греков: программа ДИККИ утверждала, что успешная внешняя политика, создание сильной

¹ См.: Το Πρόγραμμα του ΠΑΣΟΚ για την πορεία προς τον 21ο αιώνα. Ν. р., n. d. Σ. 9–20.

экономики и решение социальных проблем страны возможно только при объединении усилий всех политических сил, а также греков диаспоры¹.

Еще более радикальную программу разработала партия «Политическая весна», выступившая за тактику решительных мер. Лидер партии А. Самарас считал, что Греция находится в зоне столкновения множественных геополитических интересов: это конфликт Европы и ислама, противоречия великих держав на Балканах, национальные движения, за которыми кроются военно-стратегические и экономические цели. В связи с этим партия настаивала на активной поддержке греческого населения во всех спорных областях, в первую очередь во Фракии и в Северном Эпире. Основным вопросом греко-турецких отношений — проблема Эгейского региона, решение которой «Политическая весна» видела в строгом соблюдении международных соглашений о 12-мильной границе территориальных вод. Ключом к решению кипрского вопроса мыслилось введение острова в Евросоюз и реализация соответствующих решений ООН. В кипрском вопросе партия не допускала никаких компромиссов, как, например, изменение формы государственного правления (имеется в виду чередование на посту президента представителей греческой и турецкой общин). Кипр принадлежит грекам и в конечном счете должен быть реэтнизирован. Не все еще потеряно, по мнению А. Самараса, и в македонском вопросе. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы не допустить присвоения славянами названия «Македония», поскольку за этим могут последовать территориальные претензии. Чтобы добиться своего, на македонцев необходимо оказать экономическое давление².

Однако самые экстремистские политические программы, целью которых ставилось осуществление «Великой идеи» в максимально широком варианте, были созданы появившимися в середине 1990-х гг. национал-радикальными партиями. Так, партия «Греческий Фронт» была основана в 1994 г. на открытом съезде, собравшем 350 националистов со всей Греции. Сами члены ГФ уверяли, что главными их ценностями являются нация и свобода, и утверждали свое родство с европейскими правыми партиями типа Front National во Франции и Vlaams block в Бельгии. Своей официальной идеологией ГФ называет греческий национализм.

Идейные установки ГФ гласят, что современное греческое государство, созданное левыми силами, разрушило настоящую Грецию, но лицемерно называет себя патриотическим греческим государством, а греческое общество развращено продажной партийной системой. В связи с этим целью ГФ является построение нового греческого общества, которое «было бы достойно истории, прав и способностей греков».

В списке задач, реализации которых добивается партия, преобладает эпитет «сильный»: сильное государство, сильное общество, сильная экономика, сильная система образования. Сильным греческим государством, по мнению ГФ, может называться только такое государство, которое освободит все завоеванные земли, исторически принадлежавшие грекам; возьмет под свою защиту греков диаспоры; будет эффективно и последовательно противостоять турецкой угрозе; создаст сильную национальную армию.

Понятие сильного общества включает в себя исполнение законов без исключения для кого бы то ни было и без вмешательства партий; усиление греческой полиции на-

¹ См.: Δημοκρατικό κοινωνικό κίνημα. Πολιτικές θέσεις. Πρόγραμμα κυβερνητικής πολιτικής. Αθήνα, 1996. Σ. 5–13.

² См.: Σαμαράς Α. Η Εθνική αλήθεια για τη Μακεδονία. Η ιστορική ομιλία του προέδρου της Πολιτικής Ανοίξης Αντώνη Σαμαρά στη Βουλή των Ελλήνων στις 24/1/1994. Ν. ρ., η. δ.

столько, чтобы граждане могли жить в безопасности и порядке, а их личность, свобода и имущество находились бы под защитой; восстановление смертной казни для наркоторговцев; немедленное выселение всех тайных иммигрантов. Вопрос об отношении к нелегальной иммиграции не случайно был выделен в самостоятельный пункт: отношение к иммигрантам в греческом обществе в 1990-е гг. было весьма негативным. Как продемонстрировали позднейшие исследования, оно продолжает оставаться таковым и по сей день. В этом отношении греки гораздо менее терпимы, чем их собратья по ЕС¹.

Сильная экономика предполагает создание прогрессивного экономического механизма, приспособленного к геополитическим потребностям Греции и позволяющего грекам вновь почувствовать себя господствующей нацией; освобождение частной инициативы от удушающего контроля государства; отмену Шенгенского и Маастрихтского соглашений; отмену экономических привилегий государственных служащих.

Задуманная националистами сильная система образования должна основываться в первую очередь на патриотических ценностях. С этой целью предполагалось очистить начальное и среднее образование от левого содержания, а также соответствующим образом переориентировать высшее образование.

Несмотря на столь радикальные взгляды, ГФ подчеркивал, что добиваться их реализации партия будет исключительно парламентскими методами².

Крайнюю форму своего выражения «Великая идея» обрела в программе профашистски ориентированной организации «Золотая Заря — Народный Союз» (33), основанной в 1993 г. «Национальные вопросы» составили суть программы этой партии. Они включают в себя два основных пункта: территориальный вопрос и проблему диаспоры. 33 потребовала немедленного предоставления автономии Северному Эпиру с последующим воссоединением его с Грецией; упразднения государственного объединения Македония, которое греки называют Скопье, и раздела его территории между греками и сербами; оказания особой поддержки 200 тыс. греков, которые якобы живут на территории государства Македония; всяческой поддержки борьбы кипрских греков за освобождение от турецкой оккупации. В связи с последними конфликтными ситуациями с Турцией особо была выделена проблема Эгейского региона: 33 настаивала на строгом соблюдении международного соглашения о 12-мильной береговой зоне и пресечении нарушения турками территориальных вод Греции. 33 выступила за неукоснительное выполнение Лозаннского соглашения в отношении Фракии с обеих сторон: Греции и Турции, т. е. количество мусульман, отождествляемых с турками, живущих во Фракии, не должно превышать количества греков, живущих в Константинополе и на островах Имброс и Тенедос. 33 предложила программу резлинизации греческих помаров, потребовала от правительства оказания существенной помощи греческим беженцам, предоставления им земли и жилья. Тех же, кто придерживается взглядов, отличных от вышеизложенных, 33 предполагала изгнать из страны. 33 настаивала на всяческой поддержке греческой диаспоры, оказании ей помощи в организации системы образования, материальной поддержке греческих общин за рубежом, а своей целью поставила собирание сил эллинизма по всему миру.

В области внешней политики 33 потребовала выхода Греции из международных соглашений (ГАТТ, Маастрихт) и международных организаций (ЕЭС, НАТО),

¹ См.: Karakatsanis N., Swarts J. Attitudes toward the Xeno: Greece in Comparative Perspective // *Mediterranean Quarterly* 18:1. Winter 2007. P. 113–134.

² См.: www.metopo.gr/targets.html

членство в которых противоречит национальным интересам. Заключение международных соглашений допускается только при одном условии: если они приносят пользу нации. Партия выступила против интеграции в многонациональную Европу. Внешнеполитический лозунг 33 — «Гордая и сильная Греция!» или, как поется в ее гимне, «новая Греция, которая покрывает всю землю».

33 потребовала немедленной отмены действующего законодательства о призыве в армию, которое оказывает снисхождение незаконнослушным гражданам, потворствует сектантам и другим, освобождая их от воинской службы. Партия настаивала на обязательной воинской обязанности для всех граждан, достигших 18 лет, в т. ч. и женщин. Греческая армия, по ее мнению, должна служить целям греческой нации, а не международных организаций.

Экономическая программа 33 включала в себя оздоровление банковской и биржевой системы; упразднение спекуляции, ростовщичества и института посредников; национализацию монополий, введение ограничения на владение капиталом и средствами производства для частных лиц и групп интересов; расторжение или пересмотр всех невыгодных для Греции соглашений с многонациональными компаниями. Иностранные инвестиции допускаются только в той степени, в какой они не затрагивают независимость греческой экономики, и с обязательными отчислениями на социальные нужды. Планировалось ввести право владения частной собственностью только для греков. Правовое греческое государство в категориях 33 — это государство грекоцентристское и народное (т. е. популистское).

Особое место в программе 33 заняла проблема безработицы и тайной иммиграции. 33 выступила за немедленную реализацию законов об изгнании тайных иммигрантов, являющихся причиной безработицы среди греков, роста преступности и банкротства страховых компаний. Изгнать из страны необходимо также всех преступников, которыми переполнены исправительные учреждения, содержащиеся за счет народа, а также работодателей, тайно принимающих на работу иностранцев. Все иностранцы также должны покинуть страну. Правительство обязано поддерживать безработных, а труд должен стать не только правом, но и обязанностью всех греков.

Решение проблем молодежи предполагало в качестве главной задачи патристическую ориентацию системы образования. Всем желающим должна быть предоставлена возможность свободного поступления в высшие и средние специальные учебные заведения, а окончившие их с отличием должны немедленно трудоустроиваться государством. 33 требовала также оздоровления спортивной индустрии, так чтобы массовые виды спорта перестали быть «опиумом для народа», особенно для молодежи, ратовала за пропаганду здоровых национальных и общественных ценностей и образцов с целью воспитания достойных греков, настаивала на введении смертной казни для наркоторговцев.

Ценности семьи и материнства должны обрести социальное и национальное содержание. 33 предложила ввести зарплату для многодетных матерей (начиная с третьего ребенка), стимулируя рождаемость и воспитание детей в кругу семьи. Предполагалось расширение сети детских садов и яслей. 33 настаивала на государственной поддержке матерей-одиночек с целью предотвращения абортов. Неотъемлемый пункт программы — запрет смешанных браков и установление контроля над абортами, ведущими нацию к вымиранию. «Больше детей — значит больше греков, больше возможностей для развития и прогресса, больше сил для отражения внешней опасности».

Особое место в программе партии отводилось проблемам сельского населения. Земля и сельскохозяйственное производство должны находиться исключительно в руках греков и служить нуждам греческой нации. Греческого крестьянина необходимо защитить от ростовщических займов. 33 наметила создание стимулов для переселения молодых греков в сельскую местность и сохранения ими семейного надела. Планировалось развитие соответствующих отраслей науки и университетского образования. Необходимо защитить греческих крестьян от антигреческой политики ЕЭС. Программа 33 не обошла стороной и экологические проблемы: говорилось о всенародной защите водных и лесных богатств страны от варварского отношения, ведущего к их гибели.

Программа в сфере культуры была основана на представлении о том, что «греческое образование и искусство — это выражение души и образ жизни». Оно предполагает внедрение национальных культурных образцов во все области жизни и параллельное освобождение от упаднической субкультуры. На всех уровнях системы образования необходимо ввести преподавание греческого языка.

В области юриспруденции программа 33 включала в себя такие пункты, как систематизация законодательства, так чтобы все греки знали свои права и обязанности, требование независимости суда от уровня доходов подсудимого, государственную поддержку судей с целью обеспечения независимости и эффективности судебного процесса, объективное назначение на судебские должности.

Программа развития СМИ гласила: «Печать — выразитель интересов нации и греческого общества». Чтобы этот лозунг воплотить в жизнь, необходимо упразднение издательских монополий, вводящих в заблуждение народ и меняющих правительства, а также введение этических норм в Уголовный кодекс.

Лозунги 33 нашли определенную поддержку в некоторых слоях общества, о чем свидетельствует массовость проводимых ею митингов. Так, в 1998 г., как отмечают сами члены партии, 33 удалось в течение четырех месяцев организовать три открытых массовых мероприятия при соблюдении строжайшей дисциплины и законности. В наиболее массовых акциях 33 принимало участие до 2000 человек, как, например, в митинге, прошедшем 31 января 1998 г. на площади Колокотрониса в Афинах и посвященном годовщине гибели трех греческих офицеров во время конфликта с турками на о. Имья¹.

В данной программе достигли наивысшей точки своего развития оба понимания «Великой идеи»: и как пути интенсивного внутреннего развития страны, и как экстенсивного пути ее территориального расширения. Однако предлагаемые средства продвижения по этим путям носили открыто антидемократический характер, что в условиях общества с господствующими представлениями о демократии как единственно возможной форме легитимации общественных институтов придавало программе «Золотой Зари» характер утопии.

Помимо политиков-профессионалов активное участие в обсуждении вопроса о национальных целях и путях их достижения в новых условиях приняли и некоторые представители общественности. Довольно трезвая и взвешенная программа была сформулирована патриотической интеллигенцией, сделавшей ставку не на утопические проекты территориального расширения, а на укрепление экономического положения и политического влияния Греции как среди европейских партнеров, так и среди балкан-

---

¹ Программа партии «Золотая Заря» была опубликована на ныне закрытом интернет-сайте этой организации.

ских соседей. Основным инструментом достижения этих целей была избрана греческая диаспора. Согласно данным МИД Греции на 1992 г.¹, греческая диаспора была рассеяна по более чем 90 странам мира и составляла свыше 4,5 млн чел., т. е. почти половину населения самой Греции. Крупнейшие греческие общины находились в США, СССР (до его распада), Албании, Канаде, Германии и ЮАР. Помимо 400-тысячной греческой общины в Албании и 3,5 тыс. малоазиатских греков (Турция) официальный источник упоминает также греков Болгарии в количестве 10 человек, а республики бывшей Югославии и вовсе отсутствуют в перечне. Между тем, по неофициальным источникам, в Болгарии в тот момент проживало не менее 15 тыс. этнических греков с развитым национальным самосознанием, а в Македонии — около 100 греческих семей².

В данной политической программе диаспора рассматривалась как ключевое звено греческого влияния на Балканах, от которого во многом зависит, сможет ли Греция выйти на позиции гегемона в регионе. Диаспора в балканских странах долгое время выполняла функцию резервного полка, поскольку в послевоенный период греческое правительство не могло не то что привлечь ее к решению общенациональных задач, но даже обеспечить ей сносное существование в качестве этнического меньшинства. Теперь настал момент введения в бой этого резерва. Однако, чтобы полноценно отстаивать греческие интересы в соседних государствах, диаспора сама нуждается в мощной государственной поддержке. Таким образом, этот вариант политического воплощения «Великой идеи» фактически является программой по поддержке диаспоры. В качестве еще одной особенности этой программы нужно отметить ее географическое пространство — она охватывает не только традиционное балканское поле, но и северно-причерноморский регион с почти полумиллионным греческим населением, который после распада СССР стал рассматриваться некоторыми государствами как «бесхозный».

На развитие диаспоры предлагалось направить целый комплекс мероприятий как стратегического, долговременного характера, так и тактических, краткосрочных. Но важность общей стратегической линии в данном случае подчеркивается особо, поскольку греки диаспоры могут исполнять уготованную им роль по защите и продвижению национальных интересов, только будучи твердо уверенными в твердой поддержке со стороны Родины. В отношении всех диаспор предусмотрена, в общем, стандартная схема, но в каждом конкретном случае она имела свои нюансы.

Общие для всей балканской диаспоры положения сводятся к следующему. Прежде всего, предлагалось разбюрократизировать систему государственных органов, ответственных за проведение политики в отношении диаспоры, а это различные подразделения Министерства иностранных дел, в том числе Генеральный секретариат по делам диаспоры, структуры Министерства образования, Министерства Македонии-Фракии и др. Располагаться такой орган должен был бы в Салониках, уже ставших своеобразным центром национальной политики. В компетенцию этого учреждения и должны были входить все предлагаемые далее меры.

- Перепись и надзор за греческими меньшинствами в балканских странах.
- Организация на территории Греции летних лагерей для детей этнических греков из соседних стран. В этих лагерях дети получили бы возможность ознакомиться

¹ См.: Ελευθεροτυπία. 22.06.1992.

² См.: Γαρούφας Δ. Όραμα και στρατηγική για τον ελληνισμό στα Βαλκάνια. Θεσσαλονίκη, 1996. Σ. 86, 116.

с древней греческой культурой, посещая памятники археологии, изучая народные танцы и историю Греции.

- Предоставление молодым грекам диаспоры государственных стипендий для обучения в вузах Греции. Стратегической целью данной меры должно было бы стать создание в соседних странах высокообразованной греческой элиты, которая могла бы не только руководить деятельностью конкретной греческой общины, но и войти в государственные и более широкие политические структуры конкретной страны и отстаивать в них интересы греческой нации в целом. Для этого выпускники греческих вузов должны были бы возвращаться в страну проживания.
- Издание двуязычных брошюр и книг информационно-политического и культурно-исторического характера. На эти издания возлагались две основные функции: способствовать изучению греческого языка теми греками, которые уже утратили его в качестве родного, а также приобщать диаспору к греческой культуре и информировать ее об официальной точке зрения Греции на события современной политической жизни.
- Организация конференций и семинаров с участием руководителей греческих общин за рубежом по животрепещущим социально-политическим проблемам. Подобные мероприятия, с одной стороны, способствовали бы упрочению связей между диаспорой и метрополией, а с другой — закладывали у лидеров диаспоры такую линию поведения, которая защищала бы внешнеполитические интересы Греции и вела к созданию в соседних странах благоприятного для последней климата.
- Покровительство греческой экономической и торговой экспансии в тех странах, где есть греческие меньшинства, организация для представителей диаспоры бывших соцстран семинаров по обучению принципам рыночной экономики¹.

Результатом всех этих мер должно было стать не просто сохранение греческой диаспоры в балканских странах и республиках бывшего СССР, но и перерастание ее в весомый экономический и политический фактор, способствующий превращению Греции в регионального гегемона. Идеальной для авторов программы с этой точки зрения представляется ситуация в Османской империи, когда греческий язык имел на Балканах статус международного, а образованность христианского населения ассоциировалась с принадлежностью к греческой нации. В случае же неудачи последствия для Греции могли бы быть сравнимыми с малоазиатской катастрофой². Надо сказать, что греческие правительства 1990-х гг. фактически реализовывали часть пунктов этой программы, вкладывая деньги в пропаганду и развитие греческой культуры за рубежом.

Эта общая в отношении всей диаспоры программа применительно к конкретным странам имела свои особенности. Например, относительно албанской диаспоры политика правительства и деятельность общественных организаций должны были быть направлены на то, чтобы остановить поток беженцев из Албании в Грецию, а уже прибывших иммигрантов стимулировать к возвращению на родину. Среди таких стимулов предлагалось предоставить албанским беженцам, причем не только греческой национальности, возможности краткосрочных сезонных заработков и получения профессионального образования в Греции. В связи с тяжелым экономическим положением Албании в первой половине 1990-х гг. в качестве одного из способов укреп-

¹ См.: Γαρούφας Δ. Ανέμπλοκη από την γραφειοκρατεία // Μεσημβρινή. 06.07.1992.

² См.: Γαρούφας Δ. Όραμα και στρατηγική... Σ. 18–19, 31–32.

ления влияния Греции в этой стране рассматривалась гуманитарная помощь, которая должна была распределяться не только среди греческого населения, с тем чтобы и этнические албанцы также чувствовали поддержку и доброжелательное отношение Греции. Еще одной особенностью политики в отношении греческой диаспоры в Албании предполагалось придание этномобилизационных функций Албанской православной церкви. Путем просветительской и миссионерской деятельности в филэлинском духе Православная церковь, находящаяся под контролем греков, могла бы стать проводником греческого влияния среди не только этнических греков, но также православных вlahов и новообращенных албанцев¹. Этот пункт программы патриотической интеллигенции наиболее ярко демонстрирует всю иллюзорность представлений о различной природе культурного и политического национализма: на практике требование культурной (в широком смысле) автономии является скрытым орудием политики и предвещает — в случае его реализации — скорое появление требования автономии политической.

В отличие от албанских греков диаспору в Болгарии — а в качестве таковой рассматривались каракачаны² — предлагалось частично переселить в Западную Фракию для восполнения убыли христианского населения. Остальная же часть должна была остаться в Болгарии и служить форпостом греческого влияния в этой стране.

Как уже отмечалось, данная политическая программа включила в сферу своего действия и понтийских греков, большинство из которых до начала 1990-х гг. проживали на территории Советского Союза. В благоприятных условиях советские греки могли бы стать основой греческого влияния в Причерноморье. В связи с этим наряду с культурно-просветительскими программами после начала процесса демократизации в Советском Союзе возникла идея создания в рамках СССР Понтийской республики на правах автономной или даже союзной³. Но, как и в случае с диаспорой в Албании, большинство понтийских греков пожелали вернуться на историческую родину, и приоритеты в понтийской политике Греции изменились: теперь речь шла уже о том, чтобы не допустить оседания многотысячного потока иммигрантов в крупных городах, а постараться поселить их в нуждающиеся в этнической поддержке фракийских провинциях.

Согласно вышеизложенной программе не только политика в отношении диаспоры, но и внешняя политика Греции целом должна носить не оборонительный, а активный наступательный характер. Особенно это касается взаимоотношений с Македонией (Скопье), греческая диаспора в которой в настоящее время практически отсутствует. Греция, в свою очередь, не должна признавать наличия на своей территории македонского этнического меньшинства и всячески препятствовать международному признанию македонского государства в качестве такового.

Данная программа была сформулирована еще в первой половине 1990-х гг., а через несколько лет некоторые ее положения нашли отражение в предвыборной программе «Новой Демократии» — второй по значению политической партии страны. Своей стратегической линией партия считает политическое кредо своего основателя К. Караманлиса,

¹ См.: Γαρούφας Δ. Προβλήματα και προοπτικές του ελληνισμού στην Αλβανία // Μακεδονία. 28.08.1994.

² Каракачаны — балканская этническая группа, об этническом происхождении которой ведутся споры: выдвигаются, например, версии о ее фракийском и греческом происхождении.

³ См.: Γαρούφας Δ. Ο ελληνισμός στην κρίση και τη του: μεγάλος κίνδυνος, μεγάλες ευκαιρίες // Ελληνικός Βορράς. 14.04.1991.

полагавшего, что исторической задачей современной Греции является решение двух насущных проблем: обеспечение внешней безопасности и внутреннее экономическое развитие. Фактически эти две проблемы стояли перед руководством страны с момента образования независимого государства, а поиск путей их решения отразился в создании и развитии идеологии Великой Греции. Однако в отличие от многих своих предшественников и современников К. Караманлис не отдавал предпочтения какому-либо одному аспекту «Великой идеи», полагая, что лишь успешная политика в обеих сферах может привести страну к процветанию. В связи с этим внешне- и внутривнутриполитические аспекты имеют в программе «Новой Демократии» равное значение. Но внешнеполитическая программа этой партии с точки зрения «Великой идеи» более прозрачна.

Среди внешнеполитических приоритетов особо выделяется балканское направление. Программа «Новой Демократии» поставила три важнейшие задачи политики на Балканах: налаживание отношений с Турцией, решение кипрского вопроса и установление гегемонии Греции в Юго-Восточной Европе. Что касается первой задачи, то предлагаемые «Новой Демократией» подходы делают ее практически невыполнимой. Требуя от Турции уступок, взамен ей обещали поддержку на пути интеграции в Единую Европу, однако предъявляемые к Турции претензии стоят намного больше. В самом деле, предпосылками нормализации греко-турецких отношений «Новая Демократия» считала решение кипрского вопроса в пользу греков, урегулирование спорных территориальных вопросов на основе международного права в греческом толковании, обязательство не применять силу для разрешения конфликтов. Такая постановка вопроса малопривлекательна для турок. Столь же нереалистичны и предложения по кипрскому вопросу, в котором «Новая Демократия» заняла жесткую позицию, считая его ключевым для судьбы всей греческой нации, в состав которой включаются и киприоты: «Если греческая нация отступит на Кипре, нам придется отступить везде. От Эгейского моря до Фракии»¹.

Наиболее интересным пунктом внешнеполитической программы «Новой Демократии» стала «Демократическая инициатива на Западных Балканах». Она представляет собой План стабилизации и реконструкции Юго-Восточной Европы, одобренный не только самой партией, но и некоторыми общеевропейскими организациями: Европейской народной партией (EPP) и Европейским демократическим союзом (EDU). Таким образом, к борьбе за греческие национальные интересы уже подключены правоцентристские силы Европейского Союза, в качестве исполнителей «Плана» предполагалось использовать также политические партии правоцентристского толка в самих странах Юго-Восточной Европы. Для координации их действий в феврале 2000 г. в Салониках был создан Секретариат «Демократической инициативы на Западных Балканах».

План стабилизации и реконструкции Юго-Восточной Европы включал в себя шесть основных положений:

1. Институциональные изменения в системе государственного управления самой Греции:
  - ✓ создание Национального Совета по внешней политике;
  - ✓ создание в Салониках службы по координации международного сотрудничества, под надзором которой должна находиться деятельность как греческих государственных, так и неправительственных организаций в Балканском регионе;

---

¹ www.nd.gr/cyprus.asp

- ✓ Перевод Генерального секретариата внешних экономических связей из Министерства национальной экономики в Министерство иностранных дел, с тем чтобы он имел больше возможностей поддерживать экономическую деятельность греков в балканских странах;
  - ✓ Министерству иностранных дел должна быть поручена задача использовать миграционную политику в качестве инструмента внешней политики государства.
2. Инициативы по обеспечению политической стабильности в регионе.
  3. Заключение двусторонних соглашений со всеми странами Юго-Восточной Европы в рамках программы Европейского партнерства. Эти соглашения должны охватывать три аспекта международных отношений:
    - ✓ политический аспект подразумевал проведение ежегодных двусторонних саммитов с целью подготовки балканских стран к вступлению в Единую Европу, защиту их интересов в Европе, подготовку греческих специалистов, на которых были бы возложены координационные функции на местах, покровительство греческому населению в балканских странах и т. п.;
    - ✓ экономический аспект предполагал создание благоприятных условий для деятельности греческих предпринимателей и одновременный контроль над ней государства, с тем чтобы гонящиеся за барышом фирмы-однодневки не подрывали престижа Греции;
    - ✓ культурный аспект включал в себя предоставление стипендий школьникам и студентам балканских стран для учебы в Греции, тесное сотрудничество между муниципальными, неправительственными и другими организациями Греции и ее соседей, содействие распространению греческой культуры в регионе, расширение вещания греческого телевидения на Балканы.
  4. Реорганизация органов регионального сотрудничества, чьи полномочия часто пересекаются.
  5. Повышение роли Салоник как центра развития Балканского региона.
  6. Греческая экономика должна стать стержнем экономического развития региона¹.

Основная задача программы «Новой Демократии» — сделать Грецию гегемоном на Балканах и значимым членом Единой Европы. Помимо дипломатических большой упор в ней был сделан на экономические способы укрепления международного положения страны. Программа этой партии, следуя заветам ее основателя, предлагала двигаться сразу в обоих направлениях: внешнем и внутреннем. При этом выражения «Великая идея» или «Великая Греция» в тексте программы не фигурируют, но, не смотря на это, «Великую идею» можно назвать ее идейным стержнем.

Как явствует из анализа программ греческих политических партий в 1990-е гг., их основу составляла хорошо нам знакомая «Великая идея». Она сумела прекрасно приспособиться к либерально-демократической идеологии, ставшей государственной после 1974 г., и нашла в ней свою нишу. Монархические ценности сменились республиканско-демократическими, но ценности национальные остались неизменными. И все же воплощение «Великой идеи» в политических программах приобрело некоторые новые черты. Партийные идеологи осмыслили опыт своих предшественников, в результате чего «Великая идея» в их подаче представляет собой некий сплав из разных ее интерпретаций. Хорошо просматриваются представления об «органической

¹ www.nd.gr/lead-balkans.asp

работе» и необходимости территориального роста, восходящие еще к XIX в. В то же время не остался неучтенным и опыт идеологического творчества диктаторских режимов: в планах установления экономической, культурной, а затем и политической гегемонии Греции на Балканах чувствуется влияние цивилизационного подхода.

В окружении «великих идей»

Обострение межнациональных противоречий на Балканах в конце 1980-х — начале 1990-х гг., вылившееся в серьезный региональный конфликт, породило хрестоматийный вопрос: кто виноват? И если журналисты отвечали на него сообразно своей политической ориентации, то представители академических кругов, попытавшиеся найти ответ *sine ira et studio*, пришли к малоутешительному выводу о равной ответственности всех народов полуострова за сложившуюся ситуацию¹. Между тем этот ответ так же мало продуктивен с точки зрения разрешения конфликта, как и возложение вины на какую-либо из сторон. Необходимым условием поиска решения является всесторонний анализ взаимоотношений (не только дипломатических и военных) между самими народами полуострова и участия в балканском конфликте иностранных (небалканских) государств.

По мнению некоторых исследователей, «националистический дискурс является сегодня доминирующим практически во всем мире»². Даже если эта оценка преувеличена, вопрос о том, какую роль играют национальные идеологии в развитии событий на Балканах, не теряет своей актуальности.

Зарождение национальных идей у балканских народов восходит к эпохе формирования первых национальных государств на Балканах, но до сих пор остается открытым вопрос, что же появилось раньше: национальная идея или национальное государство³. Вне зависимости от решения этого вопроса можно считать бесспорным тот факт, что с того времени и по сей день национальная идея оказалась наиболее живучей идеологией, во многом определившей пути развития балканских народов. Не случайно у греков синонимом национальной идеи стал термин «Великая идея».

Первыми балканскими народами, создавшими национальные государства, стали сербы и греки, имеющие и общий год рождения национальных идей: в 1844 году Иоаннис Колеттис заявил в парламенте о наличии у греков «Великой идеи», а Илья Гарашанин высказал идею создания Великой Сербии. Это не значит, что сербская и греческая национальные идеи родились внезапно — этому предшествовала длительная подготовительная работа. Но 1844 г. стал отправной точкой превращения исто-

¹ См.: Кенан Дж. Ф. Кризисе на Балканите (1913 и 1993) // Другите балкански войни. Изследоване на Фондация «Карнеги» от 1913 година в исторична преспектвa с нов увод и размисъл върху современния конфликт на Дж. Ф. Кенан. София, 1995. С. 8.

² Миллер А. И. Национализм как теоретическая проблема (ориентация в новой исследовательской парадигме) // Полис. 1995. № 6. С. 55–56.

³ Наиболее распространенной является точка зрения, что подъем национального самосознания балканских народов предшествовал формированию национальных государств, однако ряд публикаций обосновывает идею о том, что появление национальных идей было не причиной, а следствием создания первых национальных государств. См., напр.: Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οί Έλληνες στην Οθωμανική Αυτοκρατορία. Αθήνα, 1988; Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη, Ρωμαία, Ρούμελη. Αθήνα, 1975.

рико-философских концепций, обсуждавшихся лишь узким кругом интеллектуалов, в массовые идеологии, на базе которых стали формироваться политические программы. Ко второй половине XIX столетия относится зарождение албанской и болгарской, а к концу столетия — македонской национальных идей.

С тех пор взаимоотношения национальных идей и государственной власти на Балканах неоднократно менялись: периоды возведения национальных идей в ранг официальных идеологий сменялись периодами их ухода в тень. Но это не означало, что они полностью сдавали свои позиции. Вскоре после своего появления национальные идеологии на Балканах стали охватывать также и ментальный уровень общественного сознания, что способствовало их выживанию в те времена, когда официальное государство было вынуждено заявлять о своем отказе от дальнейшего национально-строительства. Наступление таких периодов было связано с провалом надежд на территориальные приобретения, мотивируемых необходимостью добиться территориально-государственного единства нации. Такие времена наступали, например, в Греции после Крымской войны (1853–1856) и малоазиатской катастрофы (1922), в Болгарии после поражения во Второй балканской войне (1913). Национальная идея была вынуждена покинуть место официальной идеологии и после Второй мировой войны, так как, во-первых, ялтинская система международных отношений сделала невозможным пересмотр границ в Европе, а во-вторых, все балканские государства подверглись идеологическому прессингу со стороны двух сверхдержав.

Однако и в эти времена национальная идея оставалась доминантой внутренней и внешней политики, являясь по сути управляющей идеологией и оказывая влияние на принятие политических решений. Указанные ниже направления внутренней и внешней политики не утрачивали своего значения и в периоды приобретения национальной идеей статуса государственных идеологий, но во времена отсутствия такового сфера ее влияния ими и ограничивалась. Тем не менее даже в таком виде направляемая национальной идеей политика, многочисленные примеры которой приводятся в дальнейшем изложении, часто приносила довольно весомые плоды.

В области внутренней политики национальной идеей продиктованы меры по этнокультурной гомогенизации населения и воспитанию у него чувства национального единства в географической и исторической плоскостях и т. д. Основными проводниками этой политики помимо СМИ стали учреждения образования и культуры, а также гуманитарные науки. В области внешней политики предпринимались усилия по формированию международного общественного мнения, благосклонного к притязаниям данной национальной идеи, по укреплению (и даже созданию) национального духа диаспоры, по ведению подрывной работы (вплоть до вооруженной партизанской борьбы) на территории противника и др. Реализация этой политической линии осуществлялась главным образом негосударственными организациями, получающими неафишируемую помощь от государства, а также через благотворительные и культурные программы.

В процессе развития национальных идей на Балканах выявилась их типологическая неоднородность. К настоящему времени можно выделить две группы национальных идей в регионе: географические¹ и цивилизационные. Первая группа доминирует и по числу относящихся к ней «великих идей», и по степени популярности.

---

¹ Термин заимствован у греческого социолога Д. Цаконаса: Τσάκωνας Δ. Ελληνικότης. Αθήνα, 1962. Σ. 85.

Географические «великие идеи» были сформулированы всеми без исключения народами полуострова. Для них характерны следующие общие признаки:

- этноцентризм — нация мыслится как основная форма человеческого сообщества и важнейший актор общественно-политического процесса;
- противоречивость представлений о нации — с одной стороны, признается типологическое родство своей и других балканских наций со сформировавшимися в новое время европейскими, а с другой — своя нация считается гораздо более древней;
- апелляция к историческому прошлому для обоснований своих действий и претензий в настоящем;
- использование национального языка в качестве этноидентифицирующего признака;
- представление о национальном государстве как о высшей форме социально-политической организации нации;
- выдвижение в качестве главной задачи достижение национально-государственного единства;
- подчинение Церкви задачам национального объединения и национально-государственного строительства.

С точки зрения путей решения главной задачи географические национальные идеи, в свою очередь, делятся на две группы. Первая группа рассматривает объединение всей нации в масштабах единого государства в качестве тактической задачи и настаивает на скорейшей мобилизации всех ресурсов нации для ее решения. Одним из важнейших инструментов этой мобилизации становится пропаганда необходимости внешней экспансии. Вторая группа рассматривает национально-государственное единство в качестве стратегической цели, обязательным условием достижения которой является предварительное внутреннее государственное строительство («органическая работа»), направленное на создание экономически сильного и политически независимого государства. Такое государство призвано стать «ядром нации» и послужить основой дальнейшего «собираения земель» (не обязательно вооруженным путем). Своеобразие эволюции географических «великих идей» заключается в том, что оба пути: внешней экспансии и «органической работы» — в зародышевом виде присутствуют во всех балканских национальных идеях¹, однако в зависимости от изменений международной и внутривосточной ситуации доминирующее место в конкретных политических программах занимал либо один, либо другой путь.

Ярким примером географической национальной идеи стала идеология Великой Албании. Впервые с призывом к объединению всех албанцев выступила организованная в 1878 г. Призренская лига, разработавшая карту и идеологию Великой Албании, в период Балканских войн было создано независимое албанское государство (1912)². В годы Второй мировой войны призрак Великой Албании обрел реальные очертания в виде образованного на оккупированных землях марионеточного государства. Возглавившие его албанские националисты представляли Великую Албанию в виде географически единого и «этнически чистого» албанского государства. Последнее требование оправдывало политику геноцида в отношении всех неалбанских народов.

¹ В случае отсутствия национального государства либо его бездействия «ядро нации» может строиться в виде подпольного парастата, как это было, например, в Косово в 1970–1980-е годы.

² Подробнее см.: Skendi S. *The Albanian National Awakening, 1878–1912*. Princeton, 1967.

Вряд ли есть основания говорить о какой-либо другой трактовке великоалбанской идеологии, кроме географической. Однако справедливости ради надо отметить, что упомянутая Призренская лига помимо задачи политико-административного объединения албанцев, проживавших в четырех вилайетах Османской империи: Косово, Шкодре, Монастире и Янине, ставила перед собой также и задачу их культурного объединения за счет общности языка и литературы. Так, в 1908 г. появился албанский алфавит. Но решению второй задачи уделялось намного меньше внимания, чем первой. Так что на сегодняшний день албанцы не являются единой нацией — это скорее отдельные этнические группы (геги, тоски, арваниты и др.), различающиеся как в культурном и языковом, так и в конфессиональном отношении. Ирония судьбы заключается в том, что албанская агрессивно-националистическая «Великая идея» в последние десятилетия получила поддержку со стороны западных держав, прежде всего США и Германии. Как справедливо замечают ведущие российские аналитики, последние преследуют при этом собственные геополитические интересы¹.

С Балканскими войнами и Второй мировой связаны попытки территориального расширения Болгарии. Что же касается Великой Сербии, то некоторые тенденции к ее созданию прослеживались в югославском государстве. Все вышеупомянутые народы после Второй мировой войны вошли в социалистический лагерь, где официальная идеология утверждала, что классовое единство выше национального. Кроме того, установившаяся в Европе система границ гарантировалась балансом сил крупнейших держав. В связи с этим сложившиеся к тому времени у большинства балканских народов великодержавные идеологии вынуждены были на время отступить.

В результате ситуация на Балканах стабилизировалась, но это была только видимость. Ялтинская система международных отношений могла, затянув вожжи, на некоторое время отсрочить конфликт, но стоило вожжам ослабнуть — и лошадь понесла. Межэтнический конфликт на Балканах все это время продолжал существовать на уровне конфликта «великих идей». Основы этого конфликта были заложены еще самыми первыми «великими идеями», затрагивавшими интересы соседних народов, а каждая новая только подливала масла в огонь. На первых порах это было еще не так заметно: балканские народы объединяла общая цель борьбы с османскими завоевателями, а вопрос о дележе османского наследства в Европе до поры до времени отодвигался на второй план. Поэтому в 1821 г. греки могли поднять антитурецкое восстание в Дунайских княжествах, а на территории самой Греции против турок сражались сербы и болгары.

Геополитическая ситуация на Балканах начала кардинально меняться в последней трети XIX в. в связи с ускорением процесса создания национальных государств на территории Европейской Турции. И тут между бывшими соратниками возникли первые трения, нашедшие наиболее яркое выражение в греко-болгарском церковном конфликте (1870). В результате распространения великодержавных идеологий в правящих элитах уже к началу Первой мировой войны значительные территории балканского региона попали в сферу перекрестных притязаний сразу двух, а то и более государств. Так, на Македонию претендовали Сербия, Болгария и Греция, на Восточную Фракию — Болгария и Греция и др. Соперничество на этих землях в условиях невозможности открытого военного конфликта приняло характер широкомасштабной пар-

---

¹ См., напр.: Волков В. Положение в Косово и будущее Балкан // Молодежь Эстонии. № 179. 07.08.2000.

тизанской войны на территории Османской империи, получившей название Борьбы за Македонию (1904–1908).

Интересно отметить, что конфликт «великих идей» проявился не только в споре за определенные территории, но и в оспаривании друг у друга различных элементов, на которых строится идеология. В их числе — исторические выкладки, топонимика, политическая символика, этническая принадлежность населения спорных районов.

Так, каждая «великая идея» стремится удревнить свою национальную историю. Если современные греки отождествляют себя с ахейцами и минойцами, то албанцы противопоставили этому тезис о том, что они являются потомками племен, называемых в античных источниках пеласгами, и, следовательно, древнейшим населением Балкан¹. Другими претендентами на роль пеласгов были названы болгары: один из болгарских последователей «метода» Фоменко И. Табов с помощью хитрых манипуляций с буквами вывел тождество «пеласги = болгары». Согласно его версии балканской истории получается, что болгары участвовали в Троянской войне, название горы Олимп имеет болгарское происхождение и т. п.²

Помимо исторически зафиксированных «национальных» топонимов (греч. — Фессалоники, тур. — Селаник, болг. — Солунь) создаются новые: Дедеагач в честь Александра Великого стал Александрополем, а на карте Великой Албании появилось название Çamëria, которое якобы древнее, чем греческое «Эпир». В 1992 г. Греция отказалась признать отделившуюся от Югославии республику Македония с таким названием: греки сразу почувствовали потенциальную угрозу лишиться одноименной области своей страны.

Яблоком раздора становятся и политические символы: заимствованного у греков двуглавого орла албанцы поместили на свой государственный флаг, а использование в государственно-политической символике македонцев так называемого македонского солнца (16-конечная звезда царя древней Македонии Филиппа II) вызвало бурю протеста среди греков, усмотревших в этом посягательство на национальную историю.

«Великие идеи» оспаривают друг у друга право на обладание определенными территориями не только в настоящее время, но и в исторической перспективе, подобно тому, как некогда семь греческих полисов оспаривали право называться родиной Гомера. Например, на область Сули в Эпире, ставшую легендарной частью греческой национальной истории, высказала претензии также албанская национальная история, а герой греческой национально-освободительной революции 1821 г. Маркос Боцарис был объявлен борцом за независимость Албании³. При этом обходится стороной маленькое противоречие: освободительное движение в Сули было подавлено Янинским пашой Али Тепеленой, который также считается албанским национальным героем. Албанская национальная история стремится отвоевать у греков и более древних персонажей. Она, например, настаивает на албанском происхождении Александра Великого. Внушив данный тезис международному общественному мнению, можно было бы не только оспорить право греков на обладание Македонией, но и поставить под сомнение греческие корни эллинистической культуры, сформировавшейся в результате завоеваний Александра. Впрочем, эта попытка «обратить» Александра

¹ www.albanian.com/main/history

² См.: Табов И. Падането на Стара България. София, 1997.

³ home.tiscalinet.be/xhardo/cameria_index/history_of_cameria.html

Македонского в собственную национальность не первая: еще западнославянская историческая традиция эпохи Возрождения считала его славянином¹.

Еще один пример такого рода — болгаро-македонский спор о Внутренней Македонской революционной организации (1893–1934). Болгарская сторона утверждает, что эта организация была создана болгарскими и боролась за укрепление болгарского национального самосознания в Македонии и последующее ее объединение с Болгарией². В свою очередь, македонская сторона настаивает на том, что вся история этой организации свидетельствует о ее македонском национально-освободительном характере, что ее основателями были этнические македонцы, стремившиеся к созданию независимого македонского государства³.

Недавно среди культурных «оснований» национальной идеи появилось еще одно новшество: это попытка воссоздания национальной религии на основе языческих верований. Примечательно, что мода на реанимированный политеизм, занесенная на Балканы из Западной Европы примерно два десятилетия назад, шире всего распространилась в Греции, которая единственная к тому времени была интегрирована в Европейское сообщество. Поскольку неоязычники считают себя единственными носителями подлинной греческой традиции и культуры, то можно рассматривать их движение как одну из форм реакции на процессы культурной гомогенизации в Единой Европе⁴.

В Болгарии возвращение к язычеству приняло формы поклонения древнеболгарским (тюркским) божествам во главе с Тангрой. Культ Тангры напрямую связывается с идеей возрождения Великой Болгарии и поддерживается некоторыми националистическими организациями. Среди них можно назвать движения «Воины Тангры», «Тангра и Великая Болгария», посланником Тангры называет себя общественный деятель и журналист Йоло Денев. Таким образом, возрождение языческих культов и в Греции, и в Болгарии можно расценивать как попытку переосмысления собственной национальной идентичности, важнейшей компонентой которой традиционно было православие.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. на Балканах произошли важные изменения, вызванные распадом мировой социалистической системы. Эти изменения затронули всех северных соседей Греции: Албанию, Болгарию и Югославию — и придали новый импульс традиционному греко-турецкому соперничеству. Самый факт падения социалистических режимов и связанный с ним экономический кризис в названных странах сделали возможным для более благополучных соседей проникновение на их рынки и широкую экономическую экспансию. Однако уже в первые годы после крушения социализма возникла угроза стабильности политических границ на Балканах: утрата Советским Союзом роли сверхдержавы автоматически повлекла за собой крушение ялтинской системы международных отношений, полвека обеспечивавшей стабильность политических границ в Европе.

Очень тяжелая экономическая обстановка сложилась в Албании после падения режима Э. Ходжи. Драматизм ситуации был обусловлен тем, что в результате добровольной изоляции Албания оказалась лишенной не только передовых западных технологий, но и информационной и экономической поддержки даже социалистических

¹ См.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 2000. С. 87–88.

² www.vmro.org/

³ См.: Христов А. Создавање на Македонската држава. 1893–1945. Скопје, 1971.

⁴ Подробнее см. след. главу.

стран. Поэтому отставание страны в различных областях хозяйства оказалось огромным. После падения железного занавеса неконкурентоспособные албанские предприятия стали массово закрываться, выбросив на улицу трудоспособное население. В условиях социальной нестабильности, вызванной экономическим кризисом, политический режим в стране начал медленно эволюционировать.

На политическую обстановку в стране оказывали влияние и другие факторы, среди которых особо отметим национальный и конфессиональный, причем второй оказался самым тесным образом связанным с первым. В приграничных районах, особенно на юге и юго-востоке страны, проживает смешанное население — албанское, греческое и славянское, причем в исторической области, называемой греками Северным Эпиром, греческое население в начале 1990-х гг. составляло большинство. Большие греческие общины имелись также и в других частях страны, прежде всего в Тиране и Дурресе. После падения железного занавеса контакты этнических греков со своей исторической родиной стали гораздо более тесными, последняя же стала различными средствами воздействовать на активизацию их национального самосознания. Активисты греческого национального движения всерьез стали рассматривать вопрос о казавшейся уже навсегда утраченной возможности присоединения к Греции Северного Эпира. Среди национальных меньшинств особое положение занимают вlahи: сами по себе они не являются «пятой колонной» ни одной из соседних стран, но сохранение православного вероисповедания сблизило их с греками, под контролем которых находится Албанская православная церковь.

Уникальная религиозная ситуация, сложившаяся в постсоциалистической Албании, повысила роль конфессионального фактора в политической жизни. После прекращения борьбы с религией в стране не только стали набирать силу традиционные религиозные общины, но и появились новые западные христианские и околохристианские течения. Важной новостью в религиозной жизни страны стало желание многих мусульман принять христианство, вызвавшее соперничество между различными направлениями христианства в борьбе за их души. Большие возможности здесь открылись и перед Албанской православной церковью, однако правительство к ее деятельности отнеслось весьма настороженно, видя в ней — и не без оснований! — агента влияния Греции. В таком качестве Албанская церковь воспринимается и в самой Греции¹. Напомним, что Православная церковь в Греции традиционно рассматривалась как носитель и распространитель греческого национального самосознания, а поскольку Албанская Церковь находится под контролем греков и возглавляется греком, то и от нее резонно ожидать того же. Действительно, деятельность Албанской церкви выходит далеко за пределы чисто конфессиональной: она организует изучение греческого языка, а при храмах функционируют школы, в которых детям преподаются словесность и история по греческим школьным учебникам. Таким образом Церковь приобщает к греческой культуре не только этнических греков, но и православных албанцев и вlahов.

Боллезненная реакция албанского правительства на просветительскую деятельность Церкви вполне объяснима в свете постоянно растущего влияния Греции на албанскую экономику и политику. Греция умело воспользовалась крушением албанской экономики, чтобы обосноваться на албанском рынке и привязать к себе обнищавшего соседа: драхма заняла в Албании примерно то же место, что рубль в странах бывшего СССР,

---

¹ См. предыдущий параграф.

а наплыв албанских гастарбайтеров в Грецию приобрел такие масштабы, что радикально изменил ситуацию на строительном рынке последней — в стране начался строительный бум из-за значительного удешевления рабочей силы в этой отрасли. Основным орудием вмешательства Греции в политическую жизнь Албании стало греческое население последней, которое предъявляло претензии на особую роль в политической жизни. Под предлогом защиты прав национального меньшинства Греция оказывала давление на Албанию через международные правозащитные организации.

В результате для Албании открылась далеко не блестящая перспектива превратиться в экономический придаток Греции да еще потерять при этом южные территории. Реакция на сложившуюся ситуацию была двоякой. С одной стороны, правительство стало принимать меры по снижению греческого влияния в Северном Эпире и ограничению греческой экономической и политической экспансии в других районах страны. Тактика, которую взяло на вооружение албанское правительство, не отличалась оригинальностью. В целях борьбы с греческим национальным движением в Северном Эпире правительство поощряло переселение мусульман в южные районы страны, одновременно всячески подталкивая к эмиграции этнических греков: если греки перестанут составлять большинство в Северном Эпире, вопрос о предоставлении этой территории автономии будет иметь гораздо меньше оснований. Стали создаваться также препятствия для греческих инвестиций в албанскую экономику, а на официальном уровне правительство старалось не заводить слишком тесную дружбу с Грецией, ограничиваясь прохладными отношениями.

С другой стороны, следствием общей социальной нестабильности, а также ответной реакцией на греческую экономическую и политическую экспансию стал всплеск албанского национализма, поддержанный США. Национальная идеология в форме возрожденной идеи Великой Албании находила все больше приверженцев как среди албанского (по преимуществу мусульманского) населения самой метрополии, так и у представителей албанских меньшинств в соседних странах. Прямым следствием возросшей политической силы албанской национальной идеологии стали вооруженные конфликты в Косово, а затем в Македонии, развязанные албанскими националистами. Заявленное последними требование об автономии недвусмысленно имело в виду постановку в будущем вопроса о присоединении этих территорий к Албании.

Перед греками, некоторое время с беспокойством наблюдавшими за развитием албанского вопроса¹, в свою очередь замаячила перспектива стать очередной пострадавшей стороной в попытках его решения Западом. К концу 1990-х гг. албанские иммигранты в Греции, по некоторым данным, составляющие примерно 65 % всех проживающих в стране иностранцев², начали вести себя все более агрессивно. Многие из тех, кто приехал под видом греков-вориоэпиротов, стали отказываться от греческих имен и открыто примыкать к албанской общине³. Одновременно в ответ на претензии греков

¹ В отечественной периодике на данный вопрос есть разные точки зрения, позиция их выразителей объясняется не поиском исторической истины, а политической ориентацией. Симпатизирующую албанцам точку зрения см.: *Задохин А. Истоки албанского национализма // www.nasledie.ru/oboz/N04_01/4_07. HTML*; Более аргументированная и объективная подача материала: *Павлов А. История Великой Албании // Монитор. Нижегородский бизнес-ежедельник. № 40. 15–21.10.2001.*

² См.: *Danopoulos A., Danopoulos C. Albanian Migration into Greece The Economic, Sociological, and Security Implications // Mediterranean Quarterly: Fall 2004. P. 103.*

³ См.: *Η Δράσις μας. Τεύχ. 394. Δεκέμβριος 2001. Σ. 400.*

на Северный Эпир, албанцы начали идеологическую подготовку требования автономии Южного Эпира, где осело большинство иммигрантов: ему было дано албанское название Çamëria, создается албанская версия его истории¹. Но притязания «великоалбанцев» не ограничиваются Эпиром: они ратуют за воссоединение всех албанцев, в том числе и арванитов, рассеянных почти по всей континентальной Греции. Несмотря на то что последние к настоящему времени практически полностью ассимилированы греками, делаются попытки представить их как албанскую этническую группу, обладающую, в частности, собственным языком — якобы одним из диалектов албанского².

В попытке своего практического воплощения великоалбанская идея натолкнулась не только на препятствие в виде легитимных политических границ, к которому в принципе была готова, но и на гораздо более серьезное препятствие в виде национальных идей своих соседей, каждый из которых мечтает о создании на Балканах Великой Греции, Болгарии, Сербии или Македонии. С помощью СМИ, школьного образования и других средств идеологического воздействия современные версии национальной идеи стали внедряться в умы населения. В результате к 1990-м гг. для представлений балканских народов друг о друге стали характерны конфронтационные и негативные взгляды на своих соседей³. Таким образом, в конце XX — начале XXI в. на Балканах мы можем наблюдать очередной конфликт «великих идей» (в их географическом понимании).

Первой жертвой этого конфликта стала Югославия. Надо сказать, что в самой Югославии предпосылки конфликта с соседними государствами на национальной почве вызревали уже давно, и лишь гарантированная двумя сверхдержавами система государственных границ в Европе не позволяла скрыто протекавшим процессам вылиться на поверхность. Помимо косовских (а впоследствии аналогичным образом и македонских) албанцев, уже ставших эпицентром открытого конфликта великосербской и великоалбанской идей, туго затянутого боснийского узла противоречий и спровоцированного великохорватской идеей геноцида сербов в Крайне, на территории бывшей союзной Югославии тлеет еще по крайней мере один вулкан.

Напомним, что в результате произведенного в ходе двух Балканских и Первой мировой войн раздела Македонии Королевство Сербов, Хорватов и словенцев приобрело вторую по величине ее часть — Вардарскую Македонию⁴, которая после Второй мировой войны получила статус отдельной республики в федеративном югославском государстве. Сам факт образования внутри Югославии республики с таким названием тогда не встретил сопротивления со стороны греческого государства, а международному сообществу была представлена новорожденная македонская нация, которую от других южнославянских народов отличало наличие собственного языка.

Но греки македонской нации не признали, а славянское население своей страны называли славяноязычными греками⁵ и уже в 1920-е гг. приняли ряд мер, способствующих

¹ См.: home.tiscalinet.be/xhardo/cameria_index/history_of_cameria.html

² См.: home.tiscalinet.be/xhardo/cameria_index/arvanites.html

³ См.: Улуян А. А. Балканские народы друг о друге: явные пристрастия и тайные чувства в конце XX века // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 79.

⁴ В настоящее время территория исторической Македонии распределена следующим образом: 51,5 % принадлежит Греции, 37,5 % — бывшей югославской республике Македонии, 9,5 % — Болгарии и 1,5 % — Албании.

⁵ Обоснование этой позиции см.: Χολέβας Ι. Οι Έλληνες σλαβόφωνοι της Μακεδονίας. Αθήνα, 1999. Σ. 171–257.

ших его культурной ассимиляции. В послевоенный период в разработке и активизации национальной идеологии в Греции Македония и ее столица Салоники стали играть особую роль. Причин тому несколько. Во-первых, еще долгое время после Балканских войн Македония воспринималась не как органически включенная в государственно-политический и даже социально-экономический процесс, а как недавно отвоеванная территория. Процесс адаптации к реалиям Греческого королевства, который и в самых благоприятных условиях потребовал бы некоторого количества времени, тормозился как смешанным этническим составом населения в регионе (а далеко не все славяне и мусульмане желали эллинизироваться), так и особыми настроениями среди его греческой части. Местные греки оказались чрезвычайно восприимчивы к влиянию национальной идеологии, в том числе в ее радикальных формах, так как многие из них хранили в памяти межэтнические конфликты времен Балканских войн и болгарской оккупации Второй мировой войны. Кроме того, значительную часть населения Македонии составили жертвы межнациональных конфликтов — беженцы, прибывшие в Грецию в результате обменов населением с Турцией и Болгарией, а также обосновавшиеся там уже в 1960-е гг. греческие беженцы из Югославии.

Во-вторых, географическое положение Македонии — расположение ее на северной границе — способствовало превращению ее в своего рода идеологическую крепость, призванную защищать греческую территорию от притязаний соседей, которые в послевоенный период выступили как носители не только иной этничности, но и коммунистической идеологии. Не случайно во время гражданской войны 1946–1949 гг. в Греции коммунисты часто ассоциировались со славянами, а обвинение в коммунизме во время преследования последних было весьма распространенным.

Наконец, особую шаткость положению Македонии в составе Греции придавало то обстоятельство, что во время раздела Македонии в период Балканских войн грекам удалось получить наибольшую ее часть, и Греция чувствовала себя как человек, набивший амбар зерном не только своим, но и своих соседей и теперь стерегущий его по ночам с ружьем, боясь, что те придут и все растащат. Иными словами, для сохранения Македонии в составе Греции ей нужна была усиленная идеологическая поддержка.

Таким образом, именно Македония стала важнейшим центром развития греческой национальной идеологии в послевоенный период и стражем греческих интересов на Балканах. Согласно официальным данным, в Македонии в разное время действовало около 450 общественных и культурно-просветительских организаций¹. Способствовал этому и статус Салоник как второй столицы страны. Именно в Салониках издается разного рода патриотическая литература, базируются понтийские организации: Всегреческая федерация понтийских организаций, Эвксинский клуб, Общество Сумельской Божьей Матери и др. С 1985 по 2001 г. в Салониках было проведено пять всемирных съездов понтийских греков. После падения железного занавеса Салоники активизировались как центр поддержки греческих меньшинств и укрепления политического влияния Греции в соседних странах. С этой целью по инициативе Союза редакторов ежедневных газет Македонии-Фракии была создана Балканская федерация журналистов с резиденцией в Салониках, по инициативе Солунской ассоциации адвокатов организовался Балканский союз юристов с резиденцией опять же в Салониках и т. п. Из Салоник также координируется деятельность греческих общин в Болгарии и Северном Причерноморье.

¹ См.: Μακεδονία. A Greek term in modern usage. Thessaloniki, 2005. P. 35–57.

По ту сторону границы югославские власти приступили к славянизации грекоязычного населения (каракачан и грекоманов), проживавшего по преимуществу в южной части республики Македония. В послевоенный период главной целью подобной политики было желание и Греции, и Югославии сохранить за собой приобретенную часть Македонии и уберечь ее от посягательств соседей. В ходе проведения этой политики национальные меньшинства по обе стороны границы подверглись репрессиям вплоть до заключения в тюрьмы и концлагеря, а часть каракачан уже в 1960-е гг. получила возможность переселиться в Грецию. В результате к тому моменту, когда республика Македония заявила о своем выходе из Югославии, грекоязычного населения в ней практически не осталось. Очень сильно сократилось и славянское население в Греции, но о его наличии косвенно свидетельствуют результаты выборов в Европарламент 1999 г., когда 5 тыс. чел. отдали свои голоса за партию македонского меньшинства «Радуга».

Вопрос о признании Грецией такого меньшинства был сразу же поставлен новым македонским государством, существование которого греческое правительство вынуждено было признать, но отказалось признавать его самоназвание, именуя его Скопье — по названию столицы. В самой Греции вынос на повестку дня македонского вопроса, порожденного распадом Югославии, вызвал, как мы видели, острейшую реакцию общества и повлек за собой политический кризис, сопровождавшийся падением консервативного правительства «Новой Демократии». Отношения между Грецией и республикой Македония несколько потеплели после заключения временного соглашения в Нью-Йорке (1995), которое, однако, оставило нерешенным вопрос о названии македонского государства. В июне 1998 г. Грецию посетил министр иностранных дел Македонии — это первый в истории официальный визит в Грецию министра иностранных дел соседнего государства. Данный факт, казалось бы, свидетельствует о нормализации двусторонних отношений, однако в то же самое время в одном из официальных выступлений президент Глигоров вновь высказал претензии на название «Македония» без всяких компромиссов и потребовал признания македонского меньшинства в Греции¹. Конфликт между Грецией и Македонией из-за названия последней остался неразрешенным и время от времени вновь обостряется².

Таким образом, греко-македонские противоречия в снова ставшем актуальным македонском вопросе могут привести к попытке нового передела исторической Македонии. Но участников дележа может быть больше — это также Албания и Болгария, а может быть, даже и Турция. Идейная подготовка такого передела была уже в первой половине 1990-х гг. начата в научных и околонучных публикациях по македонскому вопросу³, а потом продолжена националистическими организациями заинтересованных стран. В частности, уже в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. в Болгарии и югославской республике Македония возникли организации, включившие в свое название аббревиатуру ВМРО (Внутренняя Македонская революционная организация) и объявившие себя наследниками ВМРО, действовавшей на территории исторической Македонии (1893–1934). Но, несмотря на общность

¹ См.: *Kofos E.* Greece and FYROM: Recent Developments and Prospects for Bilateral Relations // www.ciaonet.org/frame/oljourfrm.html

² См.: *Mallias A.* The Balkans: In the Era of Peace and Stability // *Mediterranean Quarterly* 19:1. Winter 2008. P. 3–5.

³ См.: *Mazower M.* Introduction to the Study of Macedonia // *Journal of Modern Greek Studies*. 1996. Vol. 14. 2. P. 229–235 и упомянутые в этой статье публикации.

названия, цели их прямо противоположны: македонская ВМРО стремится к обретению и сохранению независимости, а в перспективе и к объединению всех территорий исторической Македонии в одном македонском государстве, тогда как ВМРО болгарского извода ставит целью развитие болгарского самосознания у населения исторической Македонии, а также Фракии, Добруджи и Поморавья.

Международное признание государства Македония было обусловлено не только его предшествующим существованием в качестве единицы югославского федеративного государства, но и большой работой по оформлению македонской нации и обеспечению ее международного признания, проделанной македонцами за предшествующие десятилетия. Уже в 1920-е гг. в Европе издавалось несколько македонских периодических изданий на английском, французском и немецком языках. В послевоенный период большую работу в этом направлении вел созданный в Скопье Институт национальной истории. Особенно актуальной задача национальной консолидации стала после выхода Македонии из состава единой Югославии в 1991 г., когда новорожденное государство, неоднородное в этническом отношении, стало к тому же испытывать политическое и идеологическое давление со стороны своих соседей, желающих приобрести новые или хотя бы сохранить старые территории исторической Македонии. Последнее обстоятельство вызвало обоснованное беспокойство македонцев. Македонская периодическая печать 1990-х гг. наглядно демонстрирует негативное и настороженное отношение практически ко всем соседям по полуострову¹, македонская нация ощущает себя живущей во враждебном окружении.

Однако сами македонцы вели себя далеко не безобидно по отношению к соседям. Со стороны македонских националистических организаций, например ВМРО — ДПМНЕ (Демократическая партия македонского единства), раздавались призывы к объединению всех македонских территорий в общее государство, а македонское правительство объявило, что считает утратившим силу Бухарестский мирный договор (1913) в связи с созданием независимого македонского государства². Поскольку Бухарестский договор закреплял раздел исторической Македонии между Грецией, Сербией и Болгарией, то отказ от него автоматически открывал дорогу пересмотру границ и территориальной экспансии.

Решению задачи национальной консолидации должны были способствовать новые школьные учебники по истории и географии. Проанализировав 12 новых македонских учебников, изданных в 1992–1993 гг., греческий историк Э. Кофос пришел к выводу, что урок истории в македонской школе не только выполняет образовательные и информационные функции, но также закладывает фундамент в продвижении доктрины «македонизма»³. Под «македонизмом» следует понимать всего лишь историко-географическое обоснование существования македонской нации, но греческого историка и это уже пугает. Утверждения македонских учебников о том, что территория исторической Македонии в 2,5 раза обширнее территории нового государства, а представители македонской нации проживают также и в соседних государс-

¹ См.: *Hristova L.* Balkan Prejudices in the Macedonian Press // *Balkan Neighbors. Newsletter.* 1994. № 1. P. 3–35.

² *Roudometof V.* Nationalism and Identity Politics in the Balkans: Greece and the Macedonian Question // *Journal of Modern Greek Studies.* 1996. Vol. 14. 2. P. 267–268.

³ См.: *Kofos E.* The Vision of “Grater Macedonia”. Thessaloniki, 1994. Цит. по: uranus.eng.auth.gr/new/eng/macedonia/kofos

твах, внушают Э. Кофосу опасения за судьбу Эгейской Македонии¹, составляющей ныне треть территории Греции. Эти опасения подтверждаются стремлением авторов учебников внушить подрастающему поколению представления о том, что с этнокультурной точки зрения греки не имеют к македонцам никакого отношения: например, македонские авторы ставят под сомнение версию о греческом происхождении самого названия «Македония»². Иными словами, по мнению Э. Кофоса, македонские авторы пытаются македонизировать греческое (а также сербское и болгарское) историческое наследие. Однако нетрудно заметить, что вся аргументация греческого историка строится в рамках той же национально-идеологической парадигмы и следует тем же правилам игры. В своих построениях он исходит из постулата об этнической, о географической и культурно-исторической «греческости» исторической Македонии, который столь же недоказуем, как и тезис о ее «македонскости». Что же касается греческих учебников, то они излагают историю, к примеру, древней Македонии в одном ряду с историей других греческих государств³, даже не упоминая тот факт, что уже в древности не было однозначного ответа на вопрос, считать ли македонцев греками.

Одной из первых македонское государство признала Болгария, и это не случайно: многие ведущие посты в Скопье заняли люди проболгарской ориентации, взявшие курс на установление крепкой дружбы с Болгарией. В самой же Болгарии в связи с этим все-речь стал рассматриваться вопрос о включении нового и более слабого соседа в сферу своего экономического и политического влияния. Но македонские лидеры вовсе не затем добивались независимости, и проявления болгарского высокомерия вызывали немедленную реакцию Скопье. Так, в 1992 г. македонское правительство направило болгарам ноту протеста в связи с тем, что во время переписи населения в Болгарии в перечне национальностей, содержащемся в опросном листе, отсутствовала македонская национальность и македонцам предлагалось записываться в графу «другие».

Столь острая реакция на, казалось бы, малозначительный пункт вынесла на поверхность как македонско-болгарские противоречия в вопросе о меньшинствах, так и латентные территориальные претензии: в свое время Болгария стала третьим участником раздела Македонии и получила наименьшую ее часть — Пиринскую Македонию. В самой Болгарии рост влияния национальной идеологии титульной нации в постсоветский период был обусловлен целым рядом факторов. Во-первых, это сложное экономическое положение, в котором оказалась страна на закате социализма, и вызванная им дестабилизация обстановки в обществе. Во-вторых, это смешанный религиозный и национальный состав населения. Последнее обстоятельство стало разыгрываться соседними государствами в качестве козырной карты. Турецкие политики поставили своей целью взять под контроль все мусульманское (турки, помаки, кызылбаши), а также довольно значительное цыганское население страны. Греция и Македония заговорили о гораздо менее многочисленных греческом и македонском меньшинствах.

В этих условиях Болгария была вынуждена балансировать между своими соседями, делая ставку в первую очередь на Грецию, а затем на Македонию, которую болгарское правительство замыслило сделать объектом своего влияния. Наличие зна-

¹ *Kofos E. The Vision of "Grater Macedonia". Thessaloniki, 1994.*

² *Ibidem.*

³ См., напр.: Μελάς Δ. (επ.) Στα αρχαία χρόνια. Ιστορία Δ' δημοτικού. Αθήνα, 1988. Σ. 182–207.

чительного мусульманского меньшинства диктовало необходимость поддержания хороших отношений и с Турцией. И все же в качестве стратегического партнера на Балканах была избрана Греция, с которой у болгар были достаточно ровные отношения и в предшествующие десятилетия. На этот выбор повлияла не только и не столько историческая и конфессиональная близость греческой и болгарской наций, сколько худо-бедно урегулированный территориальный вопрос и возможность использовать Грецию в качестве моста в Европейское сообщество, единственным членом которого на Балканах она на тот момент была. Действительно, вторая балканская война лишила Болгарию большей части ее завоеваний во Фракии и Македонии, а последовавший в 1920-е гг. греко-болгарский обмен населением в значительной мере стабилизировал ситуацию в приграничных районах. Попытка же болгар вернуть чаемые земли во время Второй мировой войны окончилась неудачей.

В современных условиях стремление тягаться с греками за эти территории выглядит чистой утопией, тем более что на повестке дня стоит реальная угроза турецкой экономической и политической экспансии, которая может обернуться межнациональными конфликтами и территориальными потерями. Таким образом, уже в начале 1990-х гг. и в Греции, и в Болгарии заговорили о создании оси Афины — София, болгары даже пошли на (полуофициальное) признание греческого национального меньшинства. Но довольно быстро эта дружба стала омрачаться и некоторым расхождением геополитических интересов: в Афинах были очень недовольны готовностью болгар признать македонское государство.

Кроме того, сдержанность правительства в Болгарии разделялась далеко не всеми. В течение последнего десятилетия XX — начала XXI в. в стране наблюдался бурный рост патриотических и националистических организаций. В это время появились студенческое национальное движение «Великая Болгария», движение «Воины Тангры», Союз болгарских общин и др. Часть из них образовали Совет патриотических организаций Болгарии. Что касается численности и политического влияния этих организаций, то по данным ВМРО — Болгарского национального движения, в его состав вошло около 30 тыс. чел. Кроме того, на муниципальных выборах 1999 г. движению удалось собрать почти 6 % голосов по всей стране, 123 его представителя были избраны муниципальными советниками, а в Благоевграде и Кюстендилье члены ВМРО возглавили муниципалитеты.

В новых геополитических условиях, когда северные соседи Греции перестали выступать единым блоком и Греция уже не рассматривалась как бастион западной демократии у южных границ коммунизма, наиболее опасным соперником для нее вновь стала Турция. Подогретое открывшимися возможностями, вековое соперничество двух стран вступило в новую фазу.

Турция в конце XX в. стала наиболее быстро развивающимся с экономической точки зрения государством в регионе. Экономический подъем, сопровождающийся быстрым ростом численности населения, позволил турецким политикам поставить вопрос о своей гегемонии на Балканах. При этом основной соперник турок — Греция — имел одно важное преимущество: членство в Европейском сообществе, дорога в которое стала весьма привлекательной для бывших соцстран. Кроме того, для реализации некоторых проектов греки имели возможность привлекать не только собственные средства, но и ресурсы своих более богатых европейских союзников. Однако это преимущество могло обернуться и недостатком: возможности экономической экспансии гре-

ков в регионе оказались ниже турецких в силу более высоких налогов, установленных Евросоюзом для экспорта в третьи страны. Между тем ставка налогообложения для турецких экспортеров оказалась гораздо ниже и в результате турецкие товары буквально наводнили рынок соседних стран — ситуация, хорошо знакомая также и российскому жителю. Решающего поражения грекам помогла избежать традиционная финансово-торговая активность греческого капитала. Например, в Болгарии уже в середине 1990-х гг. греческие инвестиции заняли второе место после немецких.

С другой стороны, турки нашли альтернативу и европейскому покровительству начинаниям греков, заручившись поддержкой США. Последние приняли на этот раз сторону Турции, желая, как это не раз бывало и прежде, сохранить установившийся на Балканах баланс сил и не допустить чрезмерного усиления одной державы. Помимо финансово-экономической и внешнеполитической поддержки турецких интересов американцы стали предпринимать попытки непосредственного вмешательства и во внутриполитический процесс. Так, например, за этим занятием они были пойманы с поличным в 1994 г. в Болгарии, когда два американских дипломата совершали инспекционную поездку по территориям с преимущественно мусульманским населением и вступали в контакты с активистами турецкого меньшинства. Болгарская пресса расценила эти действия как политику создания единого турецкого ядра на территории Южной Болгарии и Северной Греции, подконтрольного непосредственно Турции и, следовательно, дающего возможность использовать его как средство международного давления¹.

Отдавая должное турецким политикам, надо сказать, что они постарались максимально использовать открывшиеся им с падением социализма возможности. Играя на национальных противоречиях, Турция попыталась добиться присвоения мусульманским меньшинствам, имеющимся во всех балканских государствах, статуса турецких этнических меньшинств. И в ряде случаев ей это удалось. Если греческие официальные круги всячески этому сопротивляются, то, например, болгарское правительство не только признало турецкое меньшинство, но и пошло на создание для него особо благоприятных условий культурного развития. В Болгарии открылись турецкие школы, для этнических турок правительство Турции выделило ежегодные стипендии для обучения в своих вузах, болгарские турки получили возможность слушать радио и смотреть телевизор на своем языке. Для сравнения отметим, что греческая экономическая экспансия в Болгарии не сопровождалась столь мощной культурной экспансией с очевидным проигрышем в политическом влиянии в качестве результата.

Но этим дело не ограничилось. В целях укрепления своего влияния в Родопях и Западной Фракии, где проживает значительное мусульманское, но не всегда турецкое население, турецкое правительство стало использовать экономические рычаги для стимулирования переселения в эти места этнических турок с севера Болгарии (район Варны). Вторым направлением этой политики стала тюркизация местных мусульман. На территории Греции под бдительным оком греческого правительства тюркизация пошла преимущественно по информационно-идеологическому пути: рассылка информационных материалов, выделение стипендий для студентов, упрощение процедуры посещения Турции.

Однако с конца 1990-х гг. активисты турецко-мусульманской общины, поддерживаемые правительством Турции через посредничество консульства в Комотини,

---

¹ См.: Телеграмма Македонского Агентства Новостей из Софии от 16.02.1994 г.

значительно расширили свою политическую деятельность. В частности, они стали выдвигать требования отстранить греческое государство от назначения муфтиев и имамов (несмотря на то что в Турции последние назначаются государством), а также ввести в провинции Родопи турецкий язык в качестве государственного. Кроме того, в провинциях Ксанфи и Родопи они пытаются бойкотировать школьное обучение по книгам, выпускаемым греческой Организацией по изданию учебной литературы на турецком языке, и не допустить к преподаванию выпускников греческих университетов. Все эти действия, а также организация в этих провинциях торжественных мероприятий по поводу турецких государственных праздников вроде Дня турецкого учителя или годовщины смерти Ататюрка квалифицируются греками как «психологическая война Анкары за Западную Фракию»¹.

В Болгарии тюркизация приняла гораздо более агрессивные формы. Протурецкая политическая партия Ахмета Догана «Движение за права и свободы» организовала настоящий террор в южных районах страны, заставляя местных помаков учить чужой для них турецкий язык и декларировать во время переписи населения свою этническую принадлежность как турецкую. Однако пока эти действия из-за сопротивления помакского населения не принесли ожидаемых результатов, а обнародование информации о них вызвало ответное использование в политической практике болгарской национальной идеи.

Более удачной оказалась политика Турции в отношении болгарских цыган — второго по численности этнического меньшинства в Болгарии. Правовая поддержка цыганского меньшинства, а также материальная помощь, позволившая цыганам взять под контроль не только болгаро-турецкое, но и другие направления торговли, сделала их верным агентом турецкого влияния. В целом действия турок в Болгарии вызвали законные опасения и в Греции. Так, в 1992–1993 гг. специалист по проблемам греческой диаспоры на Балканах Д. Гаруфас опубликовал в газете «Месимврини» ряд статей, знакомящих греческую общественность с результатами тюркизации населения Южной Болгарии и раскрывающих возможные последствия этой политики для Греции. В статьях «Растет опасность для Фракии» (13.04.1992), «Реальный фракийский вопрос» (29.11.1993), «Фракия нуждается в защите» (28.04.1993) он писал о том, что для греков фракийский вопрос не должен ограничиваться пределами греческой Фракии, в которой наметились тревожные тенденции убыли христианского населения², но необходимо также принимать во внимание и изменения, происходящие в этническом составе населения Южной Болгарии, поскольку те и другие в равной степени используются турками для тюркизации региона с целью постановки в недалеком будущем вопроса о предоставлении ему политической автономии.

И все же новый конфликт «великих идей» на Балканах не привел к политической и культурной самоизоляции балканских народов. В большинстве случаев национальные идеи не ограничиваются созданием образа врага, но формируют также и представления о друзьях. При этом образы друзей и врагов не остаются неизменными: в зависимости от политической конъюнктуры вчерашние враги превращаются в друзей, и наоборот. Например, с началом войны в Боснии и Герцеговине отношение к сербам

¹ Το Τουρκικό Προξενείο Κομοτηνής και οι Παντουρκιστές της Δ. Θράκης: “Εργα και Ημέραι” // Η Δράσις μας. Τεύχ. 397. Μάρτιος 2002. Σ. 110–111.

² Только за 1991 г. христианское население Фракии сократилось на 3–4 % за счет массовых миграций в крупные города и за рубеж.

в Болгарии стало более лояльным: если в предшествующие годы враждебность к сербам объяснялась опасениями возможного конфликта, то теперь стала больше цениться этническая и конфессиональная близость болгар и сербов¹. Аналогичным образом греческое общественное мнение с началом гражданских войн в Югославии приняло сторону сербов как гонимого мусульманами и Западом православного народа.

Иногда приходится наблюдать еще одно любопытное явление — несовпадение мнений о друзьях и врагах у политической элиты и общественного мнения. Например, даже далекая от политики греческая печать болезненно отреагировала на заявление премьер-министра К. Симитиса о том, что Турция вполне достойна занять место в Евросоюзе². Иными словами, общественное мнение в своих представлениях оказывается более консервативным, чем политики, и благожелательное отношение к туркам у представителей власти, продиктованное соответствующей международной ситуацией, не в состоянии быстро изменить представление о турках как об исконных врагах греческой нации, свойственное почти всем поколениям нынешних греков. Кроме того, история греко-турецких отношений за последние полтора десятилетия прошла такое количество обострений и примирений, что общественное мнение обеих стран попросту не в состоянии реагировать на все эти изменения. Поэтому и греческие, и турецкие СМИ этого периода характеризует противоречивый взгляд на своего соседа: в моменты обострения межгосударственных отношений антигреческая и соответственно антитурецкая пропаганда усиливается.

Но, несмотря на то что представления о друзьях постоянно меняются (образ врага в целом более устойчив), сам факт поиска друзей свидетельствует о том, что народы Балкан ощущают угрозу, исходящую не только со стороны их соседей по полуострову, но и извне — со стороны «сильных мира сего». Именно этим объясняется их настойчивое желание объединиться, которое прослеживается со времен появления национальных государств на Балканах и нашло свое выражение в международных договорах, проектах формирования Балканской федерации³.

Стремление к объединению балканских народов стало одним из оснований второго типа «великих идей», которые мы условно назвали цивилизационными. Он не получил такого широкого развития, как географические национальные идеи, но тем не менее нашел выражение в философско-исторических концепциях, государственных идеологиях и политических программах. К этому типу можно отнести панславистские идеи, которые вошли в идеологический фундамент югославянского государства⁴, идеологию «третьей греческой цивилизации» диктаторского режима И. Метаксаса в Греции и некоторые другие. Цивилизационные «великие идеи» содержат ряд элементов, общих с географическими национальными идеями, но имеют и некоторые кардинальные отличия. Важнейшим отличием цивилизационных «великих идей» от географических являются их надэтнический (суперэтнический) характер и выдвижение в качестве главной задачи построения единого цивилизационного пространства,

¹ См.: Улуян А. А. Балканские народы друг о друге... С. 81.

² См.: Η Δράσις μας. Τεύχ. 409. Μαΐος. 2003. Σ. 199.

³ См.: Первый проект создания федерации балканских народов (при доминирующей роли греков) восходит еще к греческому просветителю Ригасу Велестинлису (1757–1798).

⁴ Некоторые исследователи видят в югославизме форму «полиэтнического национализма». См., напр.: Романенко С. А. Распад Югославии: «заговор» или историческая неизбежность? // Полития. 1998. № 2. С. 161.

при этом задачи национально-государственного строительства отодвигаются на второй план. Для цивилизационных идеологий также характерны:

- утверждение общности исторической судьбы и единства государственно-политической традиции балканских народов;
- выделение одной нации в качестве доминанты единой цивилизации;
- представление о единстве веры и культурной традиции как основе цивилизационного строительства;
- представление о языке как об объединяющем, а не этнодифференцирующем факторе;
- церковь выступает как самостоятельный общественно-политический организм, не подавляемый государством.

Цивилизационные «великие идеи» можно называть национальными с некоторыми оговорками, поскольку, оставаясь в целом в рамках националистического дискурса, они стремятся к его преодолению. Надэтнический характер сближает цивилизационные «великие идеи» с имперскими идеологиями, однако последние делают больший акцент на государственном начале.

Минувшее столетие породило несколько цивилизационных идеологий, большинство из них было создано греками. Стройная философско-историческая концепция на базе цивилизационного подхода к национальной идее была разработана в начале XX в. греческим философом Периклисом Яннопулосом¹.

Важно отметить, что в век широкой популярности расистских взглядов Яннопулос считал значимым не биологические, а культурные различия между народами и допускал возможности аккультурации негреков. Тем самым цивилизационная концепция Яннопулоса возрождала утраченное географической ипостасью греческой национальной идеи представление об экуменическом характере греческой цивилизации, основы которого были заложены знаменитым изречением античного ритор Исократа: Ἐλλήνες καλοῦνται οἱ τῆς παιδείας τῆς ἡμετέρας μετέχοντες². П. Яннопулос одним из первых греческих теоретиков осознал необходимость для успешной реализации своей концепции придания ей характера массовой идеологии, однако сделать этого не смог. Его концепция осталась на бумаге, и одной из причин этого стало складывание международной обстановки, благоприятной для начала осуществления планов территориальной экспансии, более близких и понятных широким массам (Балканские войны 1912–1913 гг.).

Любопытно, что П. Яннопулос одним из первых греческих философов нового времени противопоставил христианству язычество как один из элементов национального духа³. Эта часть его учения оказалась удивительно актуальной в конце XX — начале XXI в.

Духовные искания начала XX в. наложили заметный отпечаток на формирование взглядов будущего диктатора Иоанниса Метаксаса. Несмотря на обширные территориальные приобретения Греции в 1910-е гг. он уже тогда скептически относился к географической форме «Великой идеи». Например, в разгар греческой военной экспедиции в Малую Азию (1919–1922), когда ничто еще не предвещало катастрофы, он записал в своем дневнике, что считает первостепенной задачей не борьбу за

¹ См. главу «Мечты сбываются».

² Греками называют людей, воспитанных в нашей культурной традиции.

³ См.: Γιαννόπουλος Π. Ἐκκλησις πρὸς τὸ Πανελλήνιον Κοινόν // Γιαννόπουλος Π. Ἀπαντα. Τ. 1. Σ. 191–221.

территории, а создание новой цивилизации¹. Впоследствии образ этой цивилизации обрел более конкретные очертания, и, придя к власти в 1936 г., Метаксас выдвинул программу преобразований, идеологической основой которой стала идея «третьей греческой цивилизации», занявшая в годы диктатуры (1936–1941) место официальной государственной идеологии².

Самой поздней из всех цивилизационных идей появилась ромейская теория³. Ее основные положения были сформулированы греческим историком и богословом И. Романидисом (1938–2001) и впоследствии дополнены и развиты его коллегой Г. Металиносом (род. 1940). Ключевым понятием этой теории является понятие ромейскости (ρωμηοσύνη) как формы самоидентификации греков и культурно близких им народов. Ромейскость (от «ромей» — самоназвание граждан Восточной Римской империи — Византии) — это цивилизационная парадигма, сложившаяся в Восточной Римской империи (Романии)⁴ и объединившая вошедшие в нее народы (έθνη) в общий суперэтнос (Γένος), который не распался и после османского завоевания, а продолжал существовать вплоть до эпохи образования национальных государств.

Важнейшая цивилизационная компонента ромейскости, кардинальным образом отличающая ее от западноевропейской цивилизации, — это огромная роль православной веры и Церкви во всех сферах общественной жизни и прежде всего политической. Богословие было «идеологической квинтэссенцией и энтелехией Грекоправославной Романии»⁵. Речь в данном случае идет не о теократии, а о диархии — двуединстве духовной и светской властей, получившей в литературе название симфонии. Сама по себе концепция оцерковленного государства не нова⁶, однако никогда прежде политическая мысль не ставила своей задачей приспособление ее к современным условиям. По мнению создателей ромейской теории, процесс дробления ромейского суперэтнуса — «национальное пробуждение» и формирование национальных государств на Балканах — был следствием не объективных тенденций распада, якобы шедших внутри ромейской общности, а целенаправленной политики некоторых западных держав, стремившихся расколоть полуостров на ряд мелких враждебных друг другу государств, которые можно было легко подчинить своему влиянию.

Но даже процесс интенсивного национально-государственного строительства, далеко зашедший к концу XX в., не похоронил окончательно надежду на восстановление ромейского суперэтнуса. Главное условие успешной реализации этого проекта — возвращение к православной духовной и государственно-политической традиции. Что же касается греческой нации, то ей в этом объединении должны быть

¹ См.: Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. Γ'. 1921–1932. Αθήνα, 1964. Σ. 108.

² См. главу «Время диктаторов».

³ Философские и исторические основания ромейской теории подробно будут разбираться в следующей главе.

⁴ И. Романидис распространяет ее и на Западную Римскую империю. См. подр.: Ρωμανίδης Ι. Το проλατορικόν αμάρτημα. Αθήνα, 2001. Σ. ιη', κ', κβ'.

⁵ Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 18.

⁶ Большой вклад в ее разработку внесла русская дореволюционная византистика. См., напр.: Курганов Ф. А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (325–565). Казань, 1880; Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. СПб., 1903.

возвращены доминирующие позиции, т. к. греки традиционно выступали в качестве цементирующего элемента ромейской цивилизации благодаря прежде всего своему языку, бывшему языком Церкви, образованности и межнационального общения. Но для этого само греческое общество должно выступить как единое целое, освободившись от раскалывающих его и разрушающих национальную традицию влияний западноевропейской цивилизации.

Опираясь на некоторые положения предшествовавших цивилизационных идей, ромейская теория обосновала и свое оригинальное понимание «Великой идеи» как идеологии возрождения величия греческой нации, возникшей еще в эпоху крестовых походов.

Эволюция ромейской теории пока не окончена. Отдельные ее положения находят отклик и за пределами Греции¹. Однако шансы превращения в массовую идеологию у нее невелики: большая часть современных греков уже практически полностью интегрирована в ту самую западноевропейскую цивилизацию, которой ромейская теория пытается дать отпор. Кроме того, пока неясно, как ромейская теория сможет потеснить географические национальные идеи своих соседей, которым вряд ли понравится мысль о гегемонии греков в планируемой цивилизации.

Иные принципы были положены в основу болгарской цивилизационной концепции, выдвинутой Союзом болгарских общин в качестве национальной доктрины республики Болгария в XXI в.² Стратегической целью программы является превращение болгарского государства со столицей в Софии в мировой центр болгар по происхождению, гражданству и самосознанию, поскольку нынешняя Болгария по своему геополитическому положению — «истинный центр евразийской ойкумены». По мнению создателей программы, болгары — это не только нация, проживающая в республике Болгария, а целая антропологическая и языковая группа, болгарский мир (по аналогии с арабским миром), в которую входят отдельные болгарские этносы, народности и нации.

Болгарский мир характеризуется наличием единой общеполгарской цивилизации. Важнейшие черты болгарина — наличие комплекса болгарских этногенетических признаков и болгарского самосознания. Этим требованиям, с точки зрения создателей программы, удовлетворяет целый ряд древних и современных народов — от тюркских народностей РФ до предков древних ирландцев (но из этого перечня исключены турки). Однако поскольку значительный ареал расселения болгар ослабил культурные связи между ними, то эти связи должны быть восстановлены с помощью специальной культурно-просветительской политики, направленной на создание единого общеполгарского языка как средства межболгарского общения на основе одного из существующих (что не влечет за собой упразднения других языков), а также путем укрепления политических и экономических связей между болгарскими народами.

Авторы этой доктрины стремятся подчеркнуть, что их программа неагрессивна по своему характеру, уважает права человека и предлагает новую модель международных отношений, основанную не на силе, а на разуме и общечеловеческих ценностях. Но, несмотря на эти заявления, в данной концепции присутствует важное истораживающее отличие от цивилизационных идеологий, выдвинутых греками: речь идет о выдвиг-

¹ См., напр.: *Петрунин Ю. Ю.* Возрождение Византии: интернет-проект // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 116–117.

² members.tripod.com/~ziezi/d

жении на первый план хорошо знакомого своими кровавыми последствиями принципа родства по крови, в свете которого возникает вопрос о судьбе неболгарских народов, которые неизбежно попадают в ареал будущей единой болгарской цивилизации.

Подводя итоги нашего очерка современного состояния национальных идей на Балканах, можно сказать следующее. Национальная идея проявила себя как неотъемлемая часть идеологии национального государства на Балканах. Национальное государство нуждается в ней для поддержания своего единства в условиях наличия собственных национальных идей у соседей, посягающих на его территории. Сохраняющаяся этническая неоднородность населения полуострова и проведение межгосударственных границ без учета этой особенности создают проблему меньшинств, которые активно используются активистами национальных движений в качестве «пятой колонны».

К настоящему времени на Балканах существует два типа национальных идей: географические и цивилизационные. Географические национальные идеи рано или поздно принимают экспансионистскую форму, что автоматически ведет к конфликту с национальными идеями соседей, который, в свою очередь, служит катализатором вооруженного конфликта. В результате географические идеи зарекомендовали себя как тупиковый для государств и народов полуострова путь развития, ведущий к конфликтам, взаимному уничтожению и порабощению сильными мира сего, имеющими на Балканах свои интересы. Цивилизационные идеи в этом смысле более продуктивны, но в настоящее время нет хорошо разработанной идеологии, которая могла бы объединить балканские народы и противостоять политике «разделяй и властвуй», традиционно проводимой сильнейшими мировыми державами в этом регионе.

ГРЕЧЕСКАЯ МЕЧТА В КОНЦЕ XX в.

«Великая идея» в символах

Издавна политическая символика использовалась в качестве орудия политики. Пожалуй, трудно найти в истории государство или политическую организацию, которая бы не прибегала к помощи политической символики для достижения или укрепления своей власти, рекрутирования новых членов и т. п. В случае с национально-политической символикой в качестве одной из важнейших ее функций следует назвать этническую мобилизацию. Политическую символику можно рассматривать как своего рода квинтэссенцию политической идеологии: она является уникальной по краткости и выразительности формой изложения идеологической доктрины. Использование символов намного упрощает рациональные операции с политическими понятиями, одновременно оказывая мощное воздействие на эмоциональную сферу их интерпретатора. Последнее обстоятельство существенно расширяет круг возможных манипуляций с политическими символами, подчас придавая им спекулятивный характер. Поэтому изучение политической (в нашем случае — национально-политической) символики является важной составной частью исследования политической истории.

Очевидно, что под политической символикой следует понимать некую совокупность символов, имеющих политическую значимость для тех, кто их создает, пользуется ими либо воспринимает их как политически окрашенные. Существует довольно много определений символа, мы же будем пользоваться определением А. Ф. Лосева,

понимавшего под символом «идейную, образную или идейно-образную структуру, содержащую в себе указания на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком»¹. Такое определение позволит нам понимать национально-политическую символику как знаковую (семиотическую) систему. Семиотический подход к исследованию греческой национально-политической символики позволит нам решить сразу несколько задач. Рассмотрение данной знаковой системы с точек зрения синтактики и семантики может восполнить некоторые пробелы в описании комплекса идей, входящих в национальную идеологию, а изучение ее прагматической составляющей может дать важную информацию о том, насколько глубоко национальная идеология проникла на уровень массового сознания.

С целью облегчения изучения рассматриваемого явления исследователями разрабатывались различные классификации политических символов. Наиболее подробная из них имеет следующий вид:

- национально-государственные символы (герб, гимн, флаг);
- архитектурные комплексы и сооружения;
- скульптурные памятники и мемориалы;
- знаки отличия, форменная одежда и т. п.;
- денежные знаки;
- политическая топонимика;
- ритуально-процессуальная символика;
- наглядно-агитационная символика;
- политико-музыкальные символы;
- реальные и вымышленные политические персоналии;
- условно-графические символы (геральдика);
- политический язык;
- политическая мода и стиль;
- символы места и времени (названия эпох, границы и др.)².

Данная классификация нам кажется местами чрезмерно подробной — например, последний пункт можно было бы и не выделять в особую категорию, — но вполне пригодной для исследования нашего предмета, тем более что греческая политическая символика чрезвычайно богата и нуждается в подробном анализе. Кроме того, несмотря на всю сложность церковно-государственных отношений на современном этапе³, в качестве национально-политического символа греки рассматривают Православную церковь. К заимствуемой нами классификации можно добавить еще один пункт: это изделия и бренды (торговые марки), приобретающие политическое значение.

Например, в современном мире подобная смысловая нагрузка часто ложится на автомобиль, который становится показателем не только материального благополучия его владельца, но и его политических взглядов. Так, американское кино внушает своим зрителям, что достойный американец должен ездить на машинах американского производства, а на европейских машинах ездят только преступники и мафиози, нарушающие покой граждан и вредящие интересам государства. В кинематографе мы находим и пример превращения автомобиля в национально-политический символ. В фильме

¹ Лосев А. Ф. Символ // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1965. С. 10.

² См.: Мисюров Д. А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. 1999. № 1. С. 169.

³ См.: Δημητρόπουλος Π. Κράτος και Εκκλησία: μια δύσκολη θέση. Αθήνα, 2001.

«Такси» (реж. Ж. Пирес, сц. Л. Бессон) напряженность сюжета в значительной мере основывается на соперничестве двух «национальных» марок автомобилей: немецкой «Мерседес» и французской «Пежо» — на «Мерседесах» ездят немецкие бандиты, а французский таксист на «Пежо» хоть и нарушает правила дорожного движения, но хороший человек и патриот. Один из героев фильма выстраивает и более длинный ассоциативный ряд: «Мерседес» — немцы — немецкая оккупация Франции во время Второй мировой войны. Еще один пример из кинематографа: коньяк, который пьет Штирлиц, должен раскрыть зрителю не вкусы героя, а его политические взгляды (вернее, совпадение вкусов со взглядами). Среди напитков политическую окраску приобрела Соса-сола, ставшая символом американской демократии и образа жизни. Вспомним крылатую фразу: «Сень, ты кока-колу пил?» В связи с массовым вторжением этого напитка на российский рынок некоторые патриоты стали вспоминать об отечественной альтернативе ему — о квасе. Нынешнее положение этих напитков на российском рынке является своеобразным отражением соотношения политических позиций патриотов и демократов (в широком смысле). Обратившись к греческим реалиям, мы найдем еще более интересный пример политизации напитка. Речь идет о кофе: когда-то, во времена турецкого владычества, греки научились у турок особому способу варки кофе на раскаленном песке, известному у нас как кофе по-турецки. Напиток этот весьма полюбился грекам, между тем их национальное самолюбие не могло ужиться с его враждебным происхождением. Стереть память о турецком происхождении можно было с помощью патриотического названия: напиток был «национализирован» и обрел название греческого кофе.

Национально-государственная символика Греции восходит к временам борьбы греков за освобождение от турецкого владычества: первый греческий флаг с изображением белого креста на голубом фоне появился не позднее эпохи греческой национальной революции, начавшейся в 1821 г. Крест, как известно, один из древнейших символов, на протяжении истории человечества многократно менявший свое значение. Греческий крест, имеющий самую простую для креста форму, в древности служил обозначением различных языческих божеств, четырех стихий, из которых состоит мир, а в раннем христианстве символизировал Христа. Помещение креста на флаг греков — а первоначально это был боевой стяг — должно было служить двойной цели: во-первых, вполне прагматическому отличению своих-христиан от врагов-мусульман, а во-вторых, служить объединяющим и мобилизующим началом для греков-христиан, вдохновляя их на борьбу против турецко-мусульманского полумесяца. Кроме того, крест использовался в символике тайного общества «Филики Этерия», готовившего всеобщее антитурецкое восстание в греческих землях. Это общество испытало на себе большое влияние масонских лож и им подобных тайных организаций. Поэтому вполне логично предполагать, что крест в символике этеристов появился под воздействием масонства. После образования государства крест на флаге и гербе греков стал восприниматься в качестве указания на государственную (впоследствии господствующую) религию и как признание большого вклада Церкви в подготовку национального освобождения.

Помимо креста, расположенного со стороны древка, на греческом флаге изображаются девять полос: пять голубых и четыре белых. Нынешние греки склонны придавать этим цветам символическое значение: голубой цвет обычно трактуют как символ моря или неба или того и другого сразу, белый цвет воспринимается как символ чистоты, на раннем этапе — как цвет надежды на обретение независимости. По нашему мнению,

символическая трактовка цветов греческого флага появилась позже создания самого флага, о чем свидетельствуют и расхождения в толковании цветов. На самом деле белый и голубой (синий) цвета использовались греками в окраске жилищ и церквей задолго до освобождения от турок, и на островах голубой и белый были самыми яркими в гамме красок пейзажа. В континентальной Греции к ним добавлялся еще зеленый цвет, однако греки не могли его использовать в национальной символике, так как он (как и красный) уже был задействован в государственной символике Османской империи и поэтому воспринимался как враждебный. Так или иначе, использование именно этих цветов в национальном флаге закрепило в сознании греков их статус в качестве национальных.

Также не существует единой трактовки количества полос на национальном флаге. Среди современных греков есть мнение, что пять голубых полос соответствуют пяти мировым океанам — подобное толкование можно было бы воспринимать как претензию на мировое господство, если бы для этого у греков были хоть малейшие основания. В данном случае речь может идти не о военном и политическом, а о культурно-цивилизационном господстве: здесь мы видим отражение появившейся в эпоху Просвещения и сохраняющейся по сей день идеи Греции как цивилизационного ядра Европы, а в силу доминирующего положения в современном мире европейской цивилизации — то и всей ойкумены. Согласно другой трактовке девять полос на греческом флаге символизируют девять исторических областей Греции: Центральную Грецию, Фессалию, Македонию, Эпир, Фракию, Пелопоннес, Крит, Ионические острова, острова Эгейского моря. Подобная трактовка представляется нам новейшим изобретением творцов национальной идеологии. Дело в том, что греческий флаг в его нынешнем виде существует с 1862 г., когда ни Фессалия, Эпир и Крит, ни тем более Македония и Фракия не входили в состав Королевства Греческого. Более того, в то время греки еще не видели возможности присоединения Македонии: идейная подготовка этого процесса начнется лишь в конце XIX в. Что же касается «Великой идеи» в форме программы-максимум, то, отражаясь в символике флага, она должна была бы включить малоазиатские и др. населенные греками области. Наконец, иные встреченные нами истолкования количества полос предлагают соотносить их с числом букв в слове *ἐλευθερία* («свобода») либо с числом слогов в лозунге «*Ελευθερία ή θάνατος!*» («Свобода или смерть!»). Такие трактовки имеют свою историческую основу: действительно, во время греческой революции 1821 г. и в первые годы существования государства слово «свобода» имело почти что сакральное значение для греков, а лозунг «Свобода или смерть!» был девизом освободительной борьбы и фигурировал на знамени «Филики Этерии».

Множественность истолкований символического значения национального флага может иметь несколько объяснений. Во-первых, историческое: во время национально-освободительной революции 1821 г. и предшествующих ей вооруженных выступлений греков последние не имели единого знамени — у каждого военачальника был свой флаг. На их основе постепенно сложился единый общенациональный флаг, ставший впоследствии и государственным. То есть множественность источников происхождения может объяснить и множественность трактовок. Во-вторых, политико-идеологическое: на разных этапах истории новогреческого государства могла появляться (возрождаться) та или иная трактовка, наиболее подходящая к задачам конкретного политического момента или отражающая настроения определенной группы. По нашему мнению, в данном случае следует принимать во внимание и исторический, и политико-идеологический аспекты.

Слово «свобода» играет особую роль и в тексте национального гимна Греции, написанном в 1823 г. одним из основоположников новогреческой литературы Д. Соломосом, который за свои патриотические произведения был официально провозглашен национальным поэтом. Текст Соломоса представляет собой поэму в 158 строф (в качестве государственного гимна используются лишь первые две), которая называется «Гимн свободе» (“Ὕμνος στὴν Ελευθερία”). Как считают исследователи творчества соломоса, изображенная им Свобода является не чем иным, как олицетворением самой Греции¹. Несмотря на то что произведение Соломоса удостоилось внимания видных греческих политиков (например, Сп. Трикуписа) вскоре после его создания, официальным гимном Греции оно стало лишь 40 с лишним лет спустя — в 1865 г. «Допуск» «Гимна свободе» в круг национально-государственных символов и установление государственного флага, ассоциировавшегося с национальным освобождением, знаменовали собой вхождение революции 1821 г. в число официальных идеологем, что, в свою очередь, свидетельствовало о переходе «Великой идеи» в форме идеологии национально-государственного строительства в разряд официальных.

Особенность греческой национально-государственной символики состоит в том, что в момент своего рождения она отражала стремление вдохновителей борьбы за независимость к созданию нового греческого государства, а не возрождению Византийской империи (к чему будут стремиться разработчики национальной идеологии следующей эпохи). Об этом свидетельствует отсутствие претензий создателей государственной символики на византийские символы, к тому времени перешедшие в собственность Российской империи. Речь идет в первую очередь о двуглавом орле, легшем в основу государственного герба России. В османский период двуглавый орел не только исчез из числа политических символов² — основная масса греческого населения утратила всякое представление о нем. Например, русский путешественник, посетивший греческие земли в 1830-е гг., пишет, что, видя его паспорт с российской гербовой печатью, греки спрашивали, «родятся ли в ней (России. — О. П.) двуглавые орлы»³. В противоположность своим не столь далеким предкам многие современные греки выражают недоумение, узнавая о том, что двуглавый орел — российский герб, поскольку они твердо убеждены, что это чисто греческий символ, а точнее говоря, византийский. Причем Византия понимается в этом случае как греческое государство. Возрождение двуглавого орла в ряду греческих национальных символов нашло свое отражение и в языке: из выражения *δικέφαλος αἰτός* («двуглавый орел») выпало слово *αἰτός* («орел»), так что теперь, говоря о двуглавом, греки однозначно имеют в виду описываемый нами национально-политический символ. Если обратить внимание на детали, некоторые изображения двуглавых орлов довольно агрессивны: вместо привычных российскому гражданину скипетра и державы в лапах у птицы — меч и земной шар с картой Греции, а оперение ее больше напоминает панцирь с шипами⁴.

¹ См.: Αλεξίου Ε. Ανάλυση του «Ὕμνου στὴν Ελευθερία» // Σολωμός Δ. Ἀπαντα. Τ. Α. Σ. 71.

² Изображения орлов сохранились только в церковной символике: двуглавый орел присутствует на печати Кипрской архиепископии, флаге Константинопольского патриархата, кроме того, в богослужебной практике при архиерейском служении возглавляющий службу епископ становится на специальный коврик с изображением орлов («орлецы»). Это действие может рассматриваться как символ высшего положения церковной власти относительно светской.

³ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. СПб., 1839. С. 58.

⁴ Один из наиболее ярких примеров — мозаичные «орлецы» в недавно построенном храме Св. Нектария на о. Эгина.

Другая область символики, где вновь завоевал себе место двуглавый орел, — это геральдика. В качестве примера остановимся на футбольной геральдике — эмблемах греческих футбольных клубов. Два греческих футбольных клуба («АЕК» и «ΠΑΟΚ»), а также один кипрский («Докса») имеют в своей символике изображения двуглавых орлов. В кипрской футбольной символике более четко, чем в греческой, проявилась идея всегреческого единства: эмблема клуба «Этникос» (букв. «национальный») представляет собой карту Греции вместе с Кипром, а в Пафосе в 1961 г. был создан клуб, носящий имя борца за присоединение Кипра к Греции Эвагора Палликаридиса.

Национально-политическая символика греков чрезвычайно богата на символы другого типа — архитектурные и скульптурные памятники. Особенностью этого типа греческих национальных символов является их география: некоторые архитектурные памятники расположены за территорией греческого государства, но тем не менее греки считают их своими и мировое сообщество не оспаривает их греческого происхождения. Эти памятники можно разделить на несколько категорий:

- памятники греческой античности, Македонского царства и эллинистической цивилизации;
- византийские памятники;
- сооружения, подражающие античным и византийским образцам;
- постройки и мемориалы, связанные с жизнью и деятельностью национальных героев и деятелей культуры;
- постройки, раскрывающие национальный колорит своей местности.

Количественно наиболее обширными являются первая и вторая категории памятников, однако далеко не все из них действительно являются национальными символами. С одной стороны, число памятников Античности, которое средний грек с ходу мог бы назвать, ограничивается одним-двумя десятками, но, с другой стороны, для грека, посещающего греческие древности за рубежом, последние служат важным аргументом в пользу причисления данной территории к разряду αὐτῶτες πατρίδες (букв. — «неосвобожденные отечества»). Так, эллинистические памятники Малой Азии (например, Эфес или Пергам) понимаются как доказательство укорененности греческой нации в этом регионе с вытекающим отсюда выводом о несправедливости принадлежности этих земель туркам.

Первым по значимости среди памятников Античности является, безусловно, комплекс афинского Акрополя, в новейшее время не только очищенный от сооружений последующих эпох (была снесена, например, башня-тюрьма Медресе — символ турецкого владычества), но и частично реконструированный. Придание Акрополю статуса национального памятника № 1 преследует сразу несколько идеологических целей. Во-первых, его художественные достоинства означают и для самих греков, и для иностранцев высокий уровень развития древнегреческой цивилизации, наследниками которой считают себя современные греки. Акрополь — предмет национальной гордости греков и свидетельство их древнего происхождения. Во-вторых, придание Акрополю особого значения призвано обосновать правомерность расположения столицы государства именно в Афинах (в Средние века Афины были захудалым городишком с несколькими сотнями человек населения). В-третьих, Акрополь как центр древних и современных Афин должен символизировать афинскую демократию, представления о которой оказали большое влияние на построение либерально-демократических концепций нового и новейшего времени. Для греков в данном случае особенно важно

подчеркнуть основополагающую роль Афин в развитии европейской цивилизации. Роль национального символа играет не только Акрополь в целом, но и отдельные его составляющие: именно этим объясняются адресованные английскому правительству многочисленные требования греческой общественности о возвращении грекам подлинников кариатид с Эрехтейона на Акрополе. Еще во времена турецкого владычества эти статуи были вывезены в Англию ее дипломатическим представителем лордом Эльджином и ныне хранятся в Британском музее.

Аналогичные функции в системе национально-политических символов выполняют и памятники византийской эпохи. Они представлены по преимуществу церковными сооружениями, однако из этого правила есть важные исключения. Среди них — остатки целого средневекового города Мистры, столицы Морейского деспотата (XIV–XV вв.), напоминающие о былом величии византийских владык, а также средневековая Белая башня в Фессалониках, ставшая символом города. Церковный характер большинства византийских памятников является символом греко-православности — важной составляющей части национальной идеологии, а также ромейскости (ρωμιοσύνη, *romanity*) — идеологемы, связанной именно с византийской эпохой.

Как и античные памятники, постройки византийской эпохи служат указателями греческости данной территории: например, базилика Св. Димитрия Солунского в Фессалониках трактуется как материальное подтверждение лозунга «Македония является греческой!», а разрушение турками в 1920-х гг. Сумельского монастыря в Малой Азии, представляющего не только религиозную, но и художественно-культурную ценность, рассматривается как доказательство дикости турецких завоевателей и их стремления уничтожить все следы греческой цивилизации на захваченной земле.

Среди символов этой категории особенно важное значение придается константинопольскому храму Св. Софии. Например, вот как начинается одна современная детская песня:

Я хочу сказать всему свету:
У меня — знаменитая Родина.
Венец ее — Айя-София,
А гордость — Парфенон!¹

Св. София Константинопольская — не просто национальный символ, а мистический центр мира. Если для древних греков-язычников центр мира — «пуп земли» (ομφαλός της Γης) — находился в святилище Аполлона в Дельфах, то постройка Св. Софии означала освящение в качестве центра мира столицы христианской Восточной Римской империи. Этот храм, уникальный во многих отношениях², стал также последним оплотом осажденных константинопольцев при захвате города турецкими войсками. Особую напряженность греческому восприятию Св. Софии придает то обстоятельство, что после захвата города турки осквернили эту святыню, превратив ее в мечеть. Надо отметить, что для турок этот шаг тоже имел символическое

¹ Θέλω να το πω στον κόσμο όλο:
Έχω μια Πατρίδα ξακουστή
Που'χει την Αγία-Σοφία κορόνα
Και τον Παρθενώνα της τιμή!

² Уникальность Св. Софии заключается также и в том, что ее символическое значение вышло за греческие национальные рамки: стоит вспомнить, какое место она занимала в русской философии и общественно-политической мысли.

значение: османизация этого государственного символа Византии означала не просто победу над ней, но и преемственность Османского государства по отношению к тысячелетней империи, а ислама по отношению к христианству. В османский период среди греков возникли легенды о том, что наступит время, когда Св. София будет освобождена от неверных и в ней вновь будет совершаться христианское богослужение. Более того, освобождение Св. Софии со временем стало восприниматься как необходимый (а возможно, и заключительный) этап освобождения и объединения всего эллинизма.

Желание показать свое происхождение от славных предков и повысить значение античных памятников в качестве символов национального единства обусловило бурное развитие неоклассицизма в греческой столице в XIX — начале XX в. Строительство общественных зданий — академии, университета, национальной библиотеки и др., а также частных домов с использованием элементов неоклассицизма означало возрождение античного города, «которое в точности бы оправдывало название “Афины”»¹. Чуть позже в греческой архитектуре набрало вес еще одно направление — псевдовизантийский стиль. Если неоклассицизм стремился подчеркнуть «греческость» современных греков, то постройки, ориентирующиеся на византийские образцы, являются символами «ромейскости»: в этом стиле строятся в основном церкви и монастыри. Можно смело утверждать, что по крайней мере в континентальной Греции большинство храмовых и вообще церковных построек, возведенных после обретения независимости, выполнены именно в псевдовизантийском стиле.

Особый интерес представляет вопрос о том, кому и за что греки ставят памятники и возводят мемориалы и насколько они почитаемы в народе. Значительная часть скульптурных памятников и мемориалов, которые показывают школьникам и иностранцам, посвящена событиям и людям, чья жизнь и деятельность была направлена на служение нации и национальным интересам (в понимании тех, кто устанавливал памятники). Служение нации может пониматься как государственная деятельность (памятник Х. Трикупису возле старого здания парламента), освещение национальной темы в литературе (дом писателя А. Пападиамантиса на о. Скиафос, мемориальный комплекс поэта Д. Соломоса на о. Закинф). Большим почетом пользуются памятники и памятные места, связанные с героями борьбы за освобождение от турецкого ига: памятник флотоводцу А. Мьяулису на о. Идра, Врата Исхода и Героон в г. Месолонги, где находятся гробницы героев обороны города, мемориал на площади Св. Георгия в г. Патры, воздвигнутый в память о начале освободительной борьбы. Значительная часть памятников посвящена легендарной фигуре Ф. Колокотрониса: это конная статуя национального героя в Афинах, подземелье в крепости Паламиди, где «антинациональное» баварское правительство держало его в заключении, музейная коллекция его оружия и личных вещей и даже то священное место на о. Закинф, стоя на котором и показывая своему сыну «горы порабощенной Мореи» Ф. Колокотронис принял решение возглавить борьбу за освобождение.

Одна из составляющих патрского мемориала, воздвигнутого к одной из годовщин революции 1821 г., — колонна с выбитой на ней выдержкой из письма местных коздобасов (старейшин) одному из европейских дипломатов. Этот текст примечателен тем, что содержит изложение мотивов, которыми греки объясняли внешнему миру свое желание взяться за оружие (пунктуация наша. — О. П.):

¹ Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 84.

«Мы, греческая нация христиан, видя, как османский народ нас унижает и хочет погубить тем или иным способом, твердо решили, что мы все умрем или освободимся. Поэтому мы взяли за оружие и требуем осуществления наших прав, будучи уверенными, что все христианские монархии знают о нашей правоте и не только не станут нам препятствовать, но, напротив, будут помогать, помня о той пользе, которую наши славные предки принесли человечеству»¹.

Здесь мы приводим данный текст потому, что он, по нашему мнению, в концентрированном виде содержит политическое *credo* не только ее непосредственных авторов, но и творцов политической линии греческого государства последующих эпох. Отметим основные идеи и формулировки. Греческая нация христиан (Ελληνικόν Ἔθνος τῶν Χριστιανῶν) противопоставляется османскому народу (Οθωμανικόν Γένος) как развитое национальное образование аморфному объединению этносов, собранных в османское государство, что свидетельствует об определенном уровне зрелости национальной идеологии, когда по крайней мере греческая элита осознает себя как часть нации (а не просто этнической группы) и в связи с этим претендует на некие политические права. Набор национально-идентифицирующих признаков в данном случае содержит греческость и христианство, причем содержащаяся в тексте формулировка с грамматической точки зрения допускает тройственное толкование: греческая нация может рассматриваться как часть христианской общности либо речь идет о христианской части греческого народа², наконец, третий вариант предполагает, что греки и христиане — одно и то же. В контексте «письма в Европу» имеет место первая интерпретация, но, как показывает практика, две другие также использовались и продолжают использоваться вплоть до настоящего времени.

Требование реализации прав, о котором идет речь в тексте, есть по сути требование национального суверенитета. В эпоху греческой революции 1821 г. под этим требованием подразумевалась прежде всего возможность создания национального государства, хотя уже и тогда (например, в проекте Р. Велестинлиса) высказывались имперские притязания. В настоящее время разговор о национальных правах не потерял актуальности, о чем свидетельствуют сложности в положении национальных меньшинств в Греции и Турции, а также программы греческих националистических

¹ Полный текст имеет следующий вид:

ΗΜΕΙΣ ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ ΕΘΝΟΣ ΤΩΝ ΧΡΙΣΤΙΑΝΩΝ ΒΛΕΠΟΝΤΕΣ ΟΤΙ ΜΑΣ ΚΑΤΑΦΡΟΝΕΙ ΤΟ ΟΘΩΜΑΝΙΚΟΝ ΓΕΝΟΣ ΚΑΙ ΣΚΟΠΕΥΕΙ ΟΛΕΘΡΟΝ ΕΝΑΝΤΙΟΝ ΜΑΣ ΠΟΤΕ Μ' ΕΝΑΝΠΟΤΕΜ' ΑΛΛΟΝ ΤΡΟΠΟΝ ΑΠΕΦΑΣΙΣΑΜΕΝ ΣΤΑΘΕΡΩΣ ΗΝ' ΑΠΟΘΑΝΩΜΕΝ Η ΝΑ ΕΛΕΥΘΕΡΩΘΩΜΕΝ ΚΑΙ ΤΟΥΤΟΥ ΕΝΕΚΑ ΒΑΣΤΟΥΜΕΝ ΤΑ ΟΠΛΑ ΕΙΣ ΧΕΙΡΑΣ ΖΗΤΟΥΝΤΕΣ ΤΑ ΔΙΚΑΙΩΜΑΤΑ ΜΑΣ ΟΝΤΕΣ ΛΟΙΠΟΝ ΒΕΒΑΙΟΙ ΟΤΙ ΟΛΑ ΤΑ ΧΡΙΣΤΙΑΝΙΚΑ ΒΑΣΙΛΕΙΑ ΓΝΩΡΙΖΟΥΝ ΤΑ ΔΙΚΑΙΑ ΜΑΣ ΚΑΙ ΟΧΙ ΜΟΝΟΝ ΔΕΝ ΘΕΛΟΥΝ ΜΑΣ ΕΝΑΝΤΙΩΘΗ ΑΛΛΑ ΚΑΙ ΘΕΛΟΥΝ ΜΑΣ ΣΥΝΔΡΑΜΕΙ ΚΑΙ ΟΤΙ ΕΧΟΥΝ ΕΙΣ ΜΝΗΜΗΝ ΟΤΙ ΟΙ ΕΝΔΟΞΟΙ ΠΡΟΓΟΝΟΙ ΜΑΣ ΕΦΑΝΗΣΑΝ ΠΟΤΕ ΩΦΕΛΙΜΟΙ ΕΙΣ ΤΗΝ ΑΝΘΡΩΠΟΤΗΤΑ ΔΙΑ ΤΟΥΤΟ ΕΙΔΟΠΟΙΟΥΜΕΝ ΤΗΝ ΕΚΛΑΜΠΡΟΤΗΤΑ ΣΑΣ ΚΑΙ ΣΑΣ ΠΑΡΑΚΑΛΟΥΜΕΝ ΝΑ ΠΡΟΣΠΑΘΗΣΕΤΕ ΝΑ ΗΜΕΘΑ ΥΠΟ ΤΗΝ ΕΥΝΟΙΑΝ ΚΑΙ ΠΡΟΣΤΑΣΙΑΝ ΤΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥ ΚΡΑΤΟΥΣ ΤΟΥΤΟΥ Π. ΠΑΤΡΑΙ 22 ΜΑΡΤΙΟΥ 1821 + ΠΑΛΑΙΩΝ ΠΑΤΡΩΝ ΓΕΡΜΑΝΟΣ + ΚΕΡΝΙΚΗΣ ΠΡΟΚΟΠΙΟΣ ΑΝΔΡΕΑΣ ΖΑΪΜΗΣ ΑΝΔΡΕΑΣ ΛΟΝΤΟΣ ΒΕΝΙΖΕΛΟΣ ΡΟΥΦΟΣ ΣΩΤΗΡΗΣ ΘΕΟΧΑΡΟΠΟΥΛΟΣ ΙΩΑΝΝΗΣ ΠΑΠΑΔΙΑΜΑΝΤΟΠΟΥΛΟΣ

² На протяжении всей истории Османской империи в ней существовали и греки-мусульмане.

организаций. Наконец, примечателен второй аргумент (первый — общность христианской религии), используя который греческие лидеры просят о помощи европейские государства: это ссылка на славное прошлое, раскрывающее исторический ракурс «Великой идеи». В данном случае заметны также иждевенческие настроения, в некоторой степени свойственные грекам и сегодня: европейцы в долгу у греков, которым обязаны своей цивилизацией, и поэтому должны поддерживать нынешних греков, расплачиваясь за заимствованные достижения их предков.

В качестве борьбы за независимость, т. е. служения нации, рассматриваются военные кампании не только греческой революции, но и античной и средневековой эпох, а также новогреческого государства, начиная от сражений в Марафонской долине и Фермопильском ущелье, где возведены обширные мемориалы, и кончая памятниками времен Второй мировой войны. Важное место среди них занимают памятные места, связанные с героями борьбы за Македонию в начале XX в.: усыпальница ставшего национальным героем, чьи подвиги вошли и в школьные учебники истории, П. Меласа в притворе одной из церквей г. Касторья, памятная колонна на месте убийства идеолога этой борьбы И. Драгумиса и др. В 1990-е гг. значение этих памятников вновь возросло на фоне общего повышения интереса к Македонии в связи с распадом Югославии. Основная политическая цель идеологического окрашивания этих памятников (равно как и памятников македонской античности) — подчеркивание исконно греческого характера Македонии и, соответственно представление борьбы за Македонию как освободительной.

Появление новых памятников и новых национальных героев, как в зеркале, отражает изменение приоритетов национальной идеологии. В августе 2000 г. в эпирском городе Коница был установлен памятник митрополиту Севастиану Икономидису (1922–1994), «вдохновителю и руководителю национального движения» 1980 — нач. 1990-х гг., превратившему «маленькую приграничную Коницу в национальную столицу Греции»¹. Символическое значение имеет тот факт, что этот памятник был установлен в канун праздника Св. Космы Этолийского, одного из творцов греческого национального возрождения, и в церкви, посвященной этому святому. Преосв. Севастиан стал фигурой, символизирующей новый этап национального движения благодаря тому, что сумел предугадать скорое падение социалистического режима в Албании, дающее грекам возможность вновь высказать свои претензии на территорию Северного Эпира (Южной Албании), и возглавил это направление национального движения. Установка памятника этому в большей степени политическому, чем религиозному, деятелю свидетельствует об одобрении и поддержке государственной властью начатого им дела.

Смысл политического символа приобрели также некоторые элементы национального костюма. Уже европейские путешественники XIX в. отмечали, что греки уловили символическое значение национального костюма и с успехом его используют², а среди греческих политиков ношение европейской одежды воспринималось как указание на либеральные взгляды, национальная же одежда стала выражением патриотизма: например, греческий посланник в Париже в 1830-е гг. И. Колеттис на официальные приемы являлся в богато украшенном национальном костюме, несмотря на то что прекрасно владел европейскими манерами. В период турецкого владычества грекам было запрещено ношение европейской одежды, но после освобождения та-

¹ Η Δράσις μας. Τεύχ. 383. Νοέμβριος. 2000. Σ. 336.

² См. напр.: Готье Т. Путешествие на Восток. М., 2000. С. 102–103.

кая возможность появилась. Теперь у них возникла необходимость определить свое отношение к европейскому и национальному костюмам. Греческий исследователь А. Политис отмечает три тенденции в развитии греческого костюма или, как бы мы сказали, политической моды в первые полвека после освобождения:

- переход на европейскую одежду, при котором традиционная одежда воспринималась как “азиатская”;
- придание традиционной одежде национальной окраски;
- предложение сделать общепринятой именно традиционную одежду как подчеркивающую национальный колорит¹.

В итоге первая тенденция возобладала, но и вторая также оказалась живучей: даже в эпоху Х. Трикуписа некоторые депутаты являлись на заседания парламента в фустанеллах и фесках². В наше время греческий национальный костюм, а точнее, одна из его разновидностей, сохранился в качестве парадной формы солдат Президентской гвардии, несущих караул у памятника Неизвестному солдату в центре Афин. Таким образом, национальный костюм оказался вытесненным из сферы политической моды, где он пребывал в XIX столетии, в область фольклора, и исключения в виде гордо вышагивающих в фустанеллах гвардейцев только подкрепляют это правило.

Национальная идеология стремится включить в свой арсенал любые средства, национальный характер которых мог бы способствовать росту ее политической популярности. Среди этих средств важное место занимает народное творчество — песни, танцы и т. п., а также музыкальная культура в целом. Музыкальные произведения, обретшие черты политических символов, делятся на две категории: произведения, специально созданные в качестве политических символов, и произведения, получившие идеологическую окраску независимо от воли их создателей. К первой категории можно отнести, например, песни, созданные во время Второй мировой войны и ставшие символом национального Сопротивления (“Βάζει ο Ντούτσε τη στολή του”³), или песни, прославляющие революцию 1821 г. (“Μη μένει ο Τούρκος στο Μοριά”⁴). Ко второй категории относятся народные песни, созданные в период османского владычества. Национально-политическую окраску им придала бурно развивавшаяся в XIX в. греческая лаография в лице Сп. Замбелиоса и его последователей. В частности, Сп. Замбелиос помимо поэтического достоинства народных песен подчеркивал их революционно-освободительную направленность, а также рассматривал их как доказательство этнического родства древних и новых греков⁵.

Важная идеологическая функция возложена на денежные знаки. Издревле деньги служили практическим воплощением власти государства или правителя, их выпускавшего. Персоналии и объекты, изображаемые на греческих купюрах и монетах⁶, включают в себя символы государственности, нации и ее древней культуры. Их набор во многом совпадает с тем, что мы видели среди уже описанных категорий национально-

¹ Πολίτης Α. Οр. cit. Σ. 121–124.

² См., напр., картину Н. Орлова «Греческий парламент в конце XIX в.» (Афины, Национальный исторический музей).

³ «Дуче надевает форму».

⁴ «Пусть не останется в Морее турок».

⁵ Ζαμπέλιος Σ. Ἀσμάτα δημοτικά της Ελλάδος, εκδοθέντα μετὰ μελέτης περὶ μεσαιωνικοῦ ἐλληνικοῦ. Κέρκυρα, 1852.

⁶ С 2002 г. Греция начала переход к европейской валюте с отказом от национальной.

государственных символов: это деятели и памятники культуры, национальные герои, великие фигуры греческой античности. Особая функциональная значимость изображений на денежных знаках обусловлена их повсеместным распространением: греческие граждане видят их ежедневно начиная с детского возраста, когда бегают за мороженым и жвачками, а иностранцы — сразу же после вступления на греческую территорию. Действие их подобно рекламе, оперирующей не только сознанием, но и подсознанием своих адресатов, круг которых чрезвычайно широк. Изображения Гомера и Аристотеля призваны внушить грекам чувство гордости за свою древнюю культуру, а иностранцам — чувство благоговения перед ней и благодарности грекам, поделившимся с миром своими античными достижениями. В 1990-е гг. особенно яркую политическую окраску, значение которой вышло за пределы греческого мира, приобрела 100-драхмовая монета с изображением Александра Македонского и т. н. македонского солнца. Это самое солнце стало яблоком раздора между Грецией и славянской республикой Македония, поместившей его на свой флаг. Данный жест вызвал волну общественного протеста в Греции, не признавшей также и самого названия государства Македония: греки обвинили македонцев в узурпации национальных символов.

Одной из наиболее национально окрашенных категорий греческой политической символики является политическая топонимика. В государственной политике Греции в области географических названий можно выделить два направления: это наименование вновь появляющихся объектов и переименование прежде существовавших. К числу вновь появляющихся объектов относятся в первую очередь улицы и площади. Их наименование входит в компетенцию местных органов власти — муниципальных и общинных советов и формально не диктуется государством. Поэтому названия улиц являются результатом не столько государственной политики, сколько воздействия идеологии на общественное мнение. В этих названиях нашло отражение стремление греческих городов и поселков продемонстрировать свою уникальность и исключительность в сравнении с другими населенными пунктами и одновременно желание указать на свою не только местную, но и общенациональную идентичность. Улицы и площади, названные в честь национальных героев, монархов, государственных деятелей и пр., указывают на общегосударственный патриотизм, а названия, зафиксировавшие имена знаменитых греков на их родине, — на местный.

В некоторых случаях возникает необходимость подчеркнуть исконно греческий характер местности, и тогда используются разного рода обращения к истории. Яркий пример — топонимика Македонии и Фракии, в которой мы находим желание доказать греческий характер этой территории на протяжении последних 3 тыс. лет ее истории. С этой целью городские улицы и площади называются именами Платона и Александра Македонского, византийских полководцев и вождей революции 1821 г., героев борьбы за Македонию и национального сопротивления Второй мировой войны. Имена древнегреческих философов Аристотеля и Демокрита носят соответственно Фессалоникский и Фракийский университеты.

Для создания греческого образа территорий со смешанным населением, вошедших в состав греческого государства, турецкие и славянские названия географических объектов были полностью выведены из употребления и заменены греческими. Вот примеры некоторых параллельных славяно-греческих и турецко-греческих названий: Воден — Эдесса, Лерин — Флорина, Бер — Стара Загора — Верия, Солунь — Селаник — Фессалоники, Экши Су — Ксино Неро, Забрдени — Лофи,

Горно Котори — Ано Идруса, Градобор — Пендалофос. Некоторые переименования имели особое политическое значение. Так, фракийский городишко Дедеагач, приобретенный греками в результате Балканских войн, по инициативе премьер-министра Э. Венизелоса был переименован в Александруполи в честь Александра Македонского и превращен в крупный город — политический и хозяйственный центр региона.

Среди ритуальных символов Греции особое место занимает празднование Дня национальной независимости Греции, который в просторечии обычно называется Национальным праздником (Εθνική Γιορτή), а в посвященных ему песнях и стихах — Двойным праздником (Διπλή Γιορτή).

В 1838 г. прорусски ориентированное правительство Г. Гларакиса установило днем празднования национальной независимости Греции 25 марта. Дата была выбрана не случайно: в этот день Церковь празднует нисшествие к Божией Матери архангела, несущего ей благую весть о грядущем рождении Спасителя. Таким образом, церковный праздник был соединен с государственным: 25 марта 1821 г., официально принимаемое за день начала вооруженной борьбы греков против турок, получило смысл дня не только религиозного, но и национального благовещения — греки как бы получали благую весть о грядущем освобождении. Решение о таком «слиянии» праздников было принято правительством Г. Гларакиса по важным политическим мотивам: премьер и большинство членов кабинета были влиятельными фигурами русской партии, считавшейся проводником российского влияния в стране. Поэтому им важно было подчеркнуть свой национальный характер и показать себя хранителями национальных традиций и блюстителями национальных интересов. Установление наиболее значительного государственного праздника в день Благовещения дважды било в эту точку: во-первых, показывало приверженность национальной традиции, а во-вторых, подчеркивало лояльность Православной церкви. Напомним, что Церковь во время активной западной духовной экспансии (как светской, так и религиозной) первых лет существования греческого независимого государства продолжала рассматриваться населением как один из носителей национального начала.

Важно отметить, что Двойной праздник 25 марта с тех пор не утратил своего политического значения и продолжает сохранять его и в наши дни. В этот день школьники и студенты одеваются в бело-голубую или бело-синюю одежду, маленьких детей облачают в национальные костюмы. Официальное празднование сопровождается военизированным парадом, демонстрирующим военную мощь государства и его готовность отстаивать национальные интересы вооруженным путем. В параде принимает участие облаченная в национальные костюмы президентская гвардия. Школы и благотворительные организации приурочивают к этому дню совместные постные трапезы и концерты, где исполняются народные песни и танцы, читаются патриотические стихи классиков новогреческой литературы. В целом атмосфера праздника носит не только торжественный, но и жизне-радостный характер, несмотря на то что на это время приходится Великий пост.

Ритуально-процессуальную символику греков, как и другие типы национально-политических символов, отличает ее тесная связь с православием. Помимо описанного выше Дня независимости примером этой связи могут служить процедуры приведения к присяге депутатов парламента, президента Греческой республики и государственных служащих.

Важную роль национально-политическая символика играет в структуре оперативной политической рекламы. Наиболее благоприятное время для изучения последней —

месяц накануне парламентских выборов, отводимый, согласно избирательному закону, на предвыборную кампанию. Анализ выпускаемой в это время агитационно-пропагандистской печатной продукции, а также интернет-сайтов политических организаций позволяет делать выводы не только о политическом профиле конкретных партий и движений, но и о предпочтениях и вкусах избирателей. Национально-патриотическим ценностям наибольшее внимание уделяют правые и правоцентристские партии. Особенно очевидно это в символике националистических партий: Греческий фронт принял в качестве партийных цветов белый и синий — цвета национального флага, а «Золотая Заря» — традиционно фашистские красный и черный цвета, а в качестве партийной эмблемы — родственный свастике крест, заключенный в окружность¹.

Политическая реклама менее радикальных и пользующихся поддержкой почти половины избирателей партий правого центра — «Новой Демократии» и «Политической Весны»² живо откликается на потребности электората в поддержке национальных идеалов. На рекламных проспектах кандидаты в депутаты парламента от этих партий часто изображаются на фоне национального флага, карты Греции или характерного греческого пейзажа. Многие включают в листовку сведения о службе в армии, своем семейном положении и фотографии в кругу семьи — с супругой (супругом) и детьми. Ценятся также фотографии в обществе церковных иерархов: они свидетельствуют не только о консерватизме и лояльности Церкви, но и о верности национальным традициям. Тексты и фотографии листовок названных партий стремятся всячески подчеркнуть свое участие в защите национальных интересов, запечатлевая своих кандидатов на выставке о греческой культуре Македонии или с гвардейцами в национальном костюме. В преддверии выборов 1996 г. «Политическая весна» выпустила отдельной брошюрой выступление в парламенте своего лидера А. Самараса по македонскому вопросу 24 января 1994 г.

Некоторые депутаты языком и формой подачи сведений о себе привлекают дополнительное внимание к своим патриотическим позициям и укрепляют национальные чувства избирателей. Например, кандидат «Политической весны» А. Кацикас сообщает о себе, что он «румелиот по происхождению» и «женат на пелопоннеске». На первом месте его политического кредо стоит следующее положение: «Как ПАТРИОТ я бескомпромиссно борюсь за национальную независимость нашей Родины и поддержку греческой диаспоры». Другие депутаты, как бывший военный летчик И. Пападопулос, выражают свою готовность к радикальным действиям по решению кипрского вопроса. Некоторые предвыборные листовки представляют особый интерес с точки зрения национально-политической символики. К их числу относится проспект П. Камменоса (1996), ставшего депутатом парламента в 28 лет (1993). Герой листовки «последовательно предан Греческой идее», символами которой наполнена его реклама. Будучи депутатом парламента, П. Камменос зарекомендовал себя инициативами в поддержку греков диаспоры и Элладской церкви. За свою патриотическую деятельность он даже «был ранен во время нападения анархистов». Не удивительно поэтому, что именно в его листовке мы находим и национальный флаг, и двуглавого орла, и истекающий кровью Кипр с надписью «Не забуду», а также карту Греции, включающую Северный Эпир, Восточную Фракию, Имброс и Тенедос,

¹ Подробнее об этих партиях см.: *Петрунина О. Е.* Политическая система современной Греции. М., 1999. С. 76–82.

² Анализ проводился по материалам избирательных кампаний 1996 и 2000 гг.

Кипр, Константинополь и часть Малой Азии. «Освобождение» этих территорий занимает первое место в его политической программе, изложенной тут же.

Нужно сказать, что многие политические символы могут быть отнесены одновременно к нескольким категориям, согласно принятой нами классификации. Такая многогранность, а вернее, нерасчлененность символики лишний раз свидетельствует о том, что всякая классификация — условность, когнитивная модель, а реальные отношения различных категорий символов образуют сложные взаимосвязи и взаимовлияния, которые и позволяют рассматривать их как компоненты единого этноцентрического дискурса.

Так, проанализированная нами выше надпись на патрском мемориале одновременно представляет еще одну категорию национально-политических символов — политический язык. Используемые в упомянутом тексте термины и понятия характеризуют политический язык и соответственно политическое мышление идеологов революции 1821 г. В свою очередь, сделанный нами небольшой экскурс в наглядно-агитационную символику позволяет составить представление о национальной составляющей политического языка современных греков. Как видим, ныне, как и почти два столетия назад, национально-политический язык занимает свою нишу в языковом пространстве.

Наконец, завершает наш обзор национально-политической символики греков категория политических персоналий. Число вымышленных и реальных имен, ставших национально-политическими символами, чрезвычайно велико и продолжает расти. Оно включает в себя имена политических деятелей, полководцев, национальных героев, святых, поэтов, фольклорных и мифологических персонажей и др. с античности и до наших дней. Национально-политическая канонизация того или иного лица может произойти еще при его жизни (Косьма Этолийский, герой революции 1821 г.), но часты также и случаи, когда национальными героями становились те, чья политическая деятельность не всегда оценивалась современниками как национально-патриотическая: вспомним хотя бы убийство И. Драгумиса (1920) или политические баталии Х. Трикуписа. Введение в этот пантеон новых персоналий может диктоваться выгодами текущего момента либо запросами долгосрочной политической программы, но важно то, что ввести кого-либо в число этих избранных проще, чем вывести из него. Примером может служить фигура диктатора И. Метаксаса: несмотря на все старания демократической и социалистической пропаганды, в глазах некоторых слоев населения он продолжает оставаться национальным благодетелем.

Подводя итоги, можно сказать, что «Великая идея» греков нашла свое выражение в том числе и в их политической символике. В ряде случаев политические символы не просто имеют национально-патриотический смысл, но и несут информацию о степени зрелости национальной идеологии, уровне ее популярности и глубине проникновения в массовое сознание.

Школьная история

В связи с тем что в национальной идеологии большую роль играет история в том или ином виде, интересно посмотреть, как происходит формирование исторического сознания у подрастающего поколения греков, т. е. как происходит преподавание истории в школе. Особого внимания в связи с этим заслуживает начавшийся в последние годы XX в. процесс пересмотра школьных программ и изменения идеологических ценностей в историческом образовании.

В современной греческой школе, прежде всего начальной (1–6-й классы) и гимназии (7–9-й классы), преподавание истории, как и других предметов, ведется в строгом соответствии с единой для всей страны программой и по единому учебнику. Разработке и принятию детальнейшей программы для каждого уровня обучения в Греции придается чрезвычайно большое значение. Программа готовится специалистами Педагогического института — ведущего научного учреждения, на которое возложены функции по разработке программ и методик обучения. Разработанная институтом программа должна получить одобрение Министерства образования, после чего она публикуется в правительственной газете в виде закона или президентского указа.

Следствием этой сложной процедуры является чрезвычайно консервативный характер школьных программ: принятие новой программы или внесение изменений в уже существующую связано, как правило, с изменениями в политическом строе страны или по крайней мере с приходом к власти новых политических сил. Например, новая программа по истории для начальной школы была принята в 1977 г. и отражала изменения в политическом строе государства, происшедшие после падения режима «черных полковников» (1974). Таким образом, на подготовку этой программы ушло почти три года. Наиболее существенные изменения в нее были внесены в 1981 г. — после прихода к власти социалистов, после чего до второй половины 1990-х гг. в программу вносились лишь небольшие коррективы¹.

В строгом соответствии с программой должны быть написаны школьные учебники, процесс создания которых регулируется специальным законом². Он предусматривает возможность конкурсного представления учебников, но на практике авторы учебников, как правило, назначаются специальной комиссией все того же Педагогического института. Прежде чем авторы представляют институту текст учебника, они должны согласовать с комиссией не только его структуру и объем, но и список иллюстраций и подписей к ним, используемые отрывки из первоисточников, а также содержание справочного и дополнительного материала. После того как готовый учебник получает одобрение Педагогического института, он издается государственным издательством учебной литературы и бесплатно рассылается в школы. Аналогичным образом готовится прилагаемое к каждому учебнику методическое пособие для учителей. Что же касается меньшинств, говорящих на других языках (например, на турецком), то они получают тот же комплект учебников, переведенный на их родной язык.

Обратимся теперь к содержанию учебников по истории. До последнего времени все греческие учебники имели общую идеологическую основу, которая состояла из двух пластов: один был нацелен на утверждение ценностей либерально-демократического общества, а второй — на воспитание подрастающего поколения в национальной культурной традиции. Они выполняли, по сути, две совершенно разные задачи. Первый должен был интегрировать подрастающее поколение в западноевропейскую цивилизацию и способствовать социально-политической стабильности в стране. Решение этой задачи было особенно важно в связи с тем, что после гражданской войны (1946–1949) в стране оставалось много людей, сочувствующих коммунистам. Поэтому в данном идеологическом пласте греческая культура рассматривалась как часть общеевропей-

¹ См., напр.: Στα νεότερα χρόνια. Ιστορία στ' Δημοτικού. Βιβλίο για το δάσκαλο. Αθήνα, 1992. Σ. 215–216.

² Закон 1566/85 “Δομή και λειτουργία της Α/θμιας και Β/θμιας Εκπαίδευσης και άλλες διατάξεις”, αρ. 60.

ской, а политическое и социально-экономическое развитие страны и мира представлялось в либерально-демократической парадигме: сочувственно рассказывалось о Французской революции, стимулировавшей буржуазные преобразования в Европе, коммунистический и фашистский режимы подвергались критике, развитие капитализма показывалось как неизбежный и прогрессивный для человечества процесс и т. д.¹

Второй идеологический пласт, до недавнего времени гораздо более масштабный, должен был воспитывать у подрастающего поколения чувство патриотизма, укреплять национальное самосознание юных греков, способствовать интеграции меньшинств в состав греческой нации, предохранять национальную культурную идентичность от размывания чуждыми ей религиозными и культурными традициями. Решение всех этих задач в конечном счете работает на достижение одной стратегической цели — сохранение Греции как национального государства.

В связи с этим одной из ключевых идей школьных учебников стала идея о непрерывности развития греческой нации и культуры с доисторических времен до наших дней. В развитие этой мысли, с одной стороны, особо подчеркивается то обстоятельство, что достижения древних греков составили основу современной европейской — самой высокоразвитой — цивилизации, а с другой стороны, внимание учеников заостряется на том, что греческая нация в отличие от других европейских наций — не продукт развития капитализма, а гораздо более древняя сущность, доказавшая свою устойчивость к перипетиям истории и посягательствам иностранцев. Кроме того, греческая нация обладает особым национальным характером, который отличают свободолюбие, стремление к демократии, воинская доблесть и разные другие таланты. Все эти качества богато иллюстрируются описаниями подвигов и достижений отдельных греков и нации в целом².

Таким образом, на уроках истории (а также аналогичным образом родного языка и географии) у учеников формируется чувство причастности к греческой нации как к некоему коллективному субъекту, тесно связанному с греческой почвой, чувство гордости за предков и ответственности перед потомками. Такое восприятие нации восходит к романтической традиции, которая и по сей день сильна в греческой историографии. В сфере исторического образования романтическая концепция нации зарекомендовала себя как важный инструмент формирования у школьников целостной картины мира и воспитания гражданских чувств.

В результате медленно меняющаяся единая программа и единый учебник в значительной степени способствовали решению чрезвычайно важной для государства задачи этнокультурной и идеологической гомогенизации населения, выработки у него единой системы ценностей. Значение этого достижения трудно переоценить. Социально-политическая напряженность в обществе снизилась настолько, что две крупнейшие политические партии страны, чьи программы различаются лишь нюансами, получают на выборах почти равное число голосов. Осознание единства греческой и европейской культур способствовало интеграции Греции в Единую Европу. В свою очередь, этнокультурная гомогенизация населения помогла предотвратить раскол общества, а в конечном итоге и государства по национальному признаку. Представители

¹ См., например: Ιστορία Νεότερη και Σύγχρονη. Γ' Γυμνασίου. Αθήνα, 1994.

² См., например: Στα πολύ παλαιά χρόνια. Ιστορία Γ' Δημοτικού. Αθήνα, 1988; Στα αρχαία χρόνια. Ιστορία Δ' Δημοτικού. Αθήνα, 1988.

различных этических и религиозных групп стали осознавать себя полноценными членами греческой нации. Наконец, вступая в союз европейских государств, греки заявили о своем праве на культурную и религиозную самобытность. Иными словами, система исторического образования стала важным инструментом формирования той идеологии, на которой покоится само греческое государство.

Тем не менее со второй половины 1990-х гг. и в Греции заговорили о необходимости реформы исторического образования. Толчком послужила более тесная интеграция Греции в Европу, которой и объяснялась необходимость корректировки школьных учебников с целью создания более позитивного образа своих соседей по Европе. Но с самого начала настораживало то обстоятельство, что поборники реформы предлагали не просто внести поправки в текст учебников, но сломать всю существующую процедуру подготовки школьных учебников и программ. Противников сложившейся системы не устраивала именно ее консервативность и ограниченность доступа к формированию образовательной политики узким кругом лиц.

Все это, по мнению сторонников реформы, мешало внедрению новых методик, наличие слишком подробной программы лишало учителей творческой инициативы, а сами школьные учебники навязывали ученикам готовые стереотипы, препятствовали развитию логического мышления и не знакомили учеников с методами и инструментарием исторического исследования, лишая их таким образом возможности делать собственные выводы на основе исторических фактов¹. Последний аргумент выглядит особенно комично: если даже предположить, что ученик начальной школы (6–11 лет) овладеет методами и инструментарием исторического исследования (что, конечно, предполагает также знание фактов и наличие общего представления об историческом процессе), то зачем ему тогда учиться в университете? Да и какие вообще собственные выводы может сделать ребенок, для которого процесс инкультурации еще не завершен? Совершенно очевидно, что попытка заставить школьников делать собственные выводы без знания фактов приведет к снижению уровня образования, на что главным образом и нацелены некоторые «новые методы» обучения вроде case-метода. Что же касается развития логического мышления, то за это ответственны в первую очередь математические дисциплины². История же дисциплина прежде всего мировоззренческая. А кто утверждает обратное, либо обманывает сам себя, либо сознательно вводит в заблуждение других. Истинность последнего утверждения очень быстро подтвердилась начавшейся в Греции реформой исторического образования.

Вскоре сторонники реформы получили доступ к подготовке новых учебников. К началу 2002 г. ими был написан новый учебник для выпускного класса школы (3-й класс лицея). Он был одобрен Министерством образования, отпечатан Издательством учебной литературы, и по нему школьники должны были начать учиться в сентябре того же года. Однако, когда текст учебника стал достоянием гласности, он вызвал такой решительный протест со стороны учителей и родителей, что буквально накануне учебного года (29 августа 2002 г.) Министерство образования вынуждено было издать циркулярное письмо, запрещавшее раздачу школьникам этого учебника.

¹ См.: *Avdela E. The Teaching of History in Greece // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 18.2. October 2000. P. 239–253.*

² Об этом подробнее см.: *Образование, которое мы можем потерять. / Сб. ст. под ред. В. А. Садовниченко. М., 2002.*

Что же вызвало такую острую реакцию? Критики учебника обвинили авторов прежде всего в защите узкопартийных интересов правящей партии ПАСОК¹. Действительно, попытка облагородить лидеров правящей партии и очернить их политических противников прослеживается в тексте. По ней можно судить о том, во что превратятся учебники истории, если процедура их подготовки будет упрощена. Учебники станут инструментом партийной пропаганды и будут переписываться всякий раз, когда расстановка политических сил в стране чуть-чуть изменится. Поскольку подобные незначительные изменения происходят в среднем каждые четыре года в результате парламентских выборов, то можно ожидать, что с такой же частотой будут переписываться и учебники по истории.

Итак, кто же заинтересован в переписывании истории? Сегодня это политические партии, рассчитывающие с помощью школьных учебников привлечь на свою сторону новых избирателей, тем более что при двенадцатилетней системе школьного обучения ученики выпускных классов уже могут принимать участие в голосовании. Упрощение процедуры подготовки школьных программ и учебников, а также отказ от единого учебника для всей страны, если такая реформа все же будет проведена, будет иметь и другие, гораздо более серьезные последствия. Наиболее значительным из них станет разрушение культурной гомогенности населения по социальному, а как будет показано ниже, и национальному (и/или какому-либо другому) принципу. Отсутствие культурной гомогенности, в свою очередь, будет представлять собой серьезную угрозу самому существованию Греции как национального государства.

Но это только одна сторона медали. Обратим внимание и на другую. Так, например, в новом учебнике даже не упоминается имя митрополита Германа Патрского, одного из вождей национально-освободительной революции 1821 г., которое традиционно было символом борьбы греков за независимость. В новом учебнике отсутствует также имя константинопольского патриарха Григория V, повешенного турками в ответ на восстание греков, ни слова не сказано о вкладе Церкви в подготовку национального освобождения. Все эти факты дают основание говорить об антицерковной направленности нового учебника. Но Церковь в Греции давно стала элементом национальной традиции, поэтому удар по Церкви автоматически означает удар по национальному самосознанию. Действительно, даже беглое прочтение нового учебника говорит о том, что он носит не просто антицерковный, но и открыто антипатриотический и даже антинациональный характер.

Так, в учебнике ничего не говорится о взрыве Горгопотамского моста — крупнейшей партизанской операции греческого Сопротивления во время Второй мировой войны. При характеристике крупных государственных деятелей упор делается не на их заслуги перед страной, а скорее на их недостатки. Например, про Александра Папагоса говорится, что он ущемлял демократические свободы, и обходится молчанием тот факт, что именно он был главнокомандующим во время греко-итальянской войны 1940 г., когда Греция первой из европейских стран оказала успешное сопротивление члену Оси. Перечень этих фактов можно было бы продолжить, но даже уже сказанное позволяет сделать вывод о том, какое представление о своей родине получит из этого учебника

---

¹ См., напр.: Αλεξανδριανού Β. Η φλογισμένη ιστορία: πως εκτρέπουν, παραποιούν την Ιστορία και κάνουν έντεχνη κομματική προπαγάνδα // Η Δράσις μας. 2002. Τεύχ. 403. Σ. 348–349. Τεύχ. 404. Σ. 392–393.

греческий школьник. Греция предстает в нем малозначительной периферией европейской истории, лишенной талантов и крупных исторических фигур. В результате у нового поколения появится своего рода «комплекс национальной неполноценности».

Более того, учебник формирует также «комплекс вины» греков перед соседними народами. Наиболее ярко это видно на примере подачи материала по кипрскому вопросу. Традиционно греки-киприоты рассматривались как неотъемлемая часть греческой нации, а борьба за независимость Кипра и воссоединение его с Грецией — как часть общегреческого освободительного процесса. В связи с этим в прежних учебниках на первый план выдвигались фигуры героев-борцов за независимость Кипра, чья память свято чтится всеми греками и сегодня. Между тем новый учебник дает совершенно иные оценки кипрским событиям. Греческие повстанцы теперь приравниваются к террористам, а все движение греков-киприотов за освобождение от английского колониального ига обвиняется в «самом консервативном национализме». Помимо создания у нового поколения чувства вины перед турками — вековыми врагами греков — за «злодеяния» предков такая подача материала имеет и острую политическую актуальность: она готовит греческое общественное мнение к такому решению кипрского вопроса, которое навсегда закрепило бы на острове господство турок.

Иными словами, написанный в ходе начавшейся перестройки системы образования учебник истории разрушает национальное самосознание греков и национальную культурную традицию. Таким образом наносится удар по национальной идеологии и ее фундаменту — этноцентрическому дискурсу, на котором, как мы видели, основывалась политическая жизнь греческого государства за последние два столетия. Возникает вопрос: кому это выгодно? На самом деле заинтересованных сторон довольно много: это и соседние государства, имеющие к грекам территориальные претензии, и Европейский союз, настаивающий на религиозной и культурной унификации своих членов, и крупные транснациональные корпорации (базирующиеся главным образом в США), насаждающие потребительскую идеологию ради продвижения своих товаров и заинтересованные в снижении уровня образования с целью получения более дешевой рабочей силы.

Кому же начинающаяся реформа НЕ выгодна? Это прежде всего греческое государство. От того, сможет ли оно успешно сопротивляться навязываемой ему реформе в сфере образования, в определенной степени зависит само его существование, а также судьба всей греческой нации, для которой теперь решается вопрос: сможет ли она и впредь оставаться самобытным действующим лицом истории.

Хотя политика приобщения молодежи к национальным традициям в последнее время все более корректируется греческим государством, некоторые общественные организации считают своей задачей поддерживать ее в прежнем виде. Особая заслуга в этой области принадлежит христианским братствам и действующим под их патронажем организациям. Одним из наиболее авторитетных и активных является братство богословов «Спаситель», базирующееся в Афинах. Еженедельная одноименная газета, выпускаемая братством, немало места уделяет национальной тематике. Под духовным водительством братства «Спаситель» находится несколько сестричеств, объединяющих школьных учителей («Надежда», «Светильник» и др.), а также Православное миссионерское общество «Василий Великий» и Всегреческий союз родителей «Христианское воспитание». Одной из ключевых своих задач эти организации полагают воспитание в подрастающем поколении «верности греческому духу

и культуре». С этой целью членами указанных обществ было основано объединение «Греческое образование», включающее в себя сеть школ (семь школ и детский сад) в разных районах Афин. Обучение в этих учебных заведениях основывается «на принципах и установлениях национальной традиции, воспитания и образования».

Помимо учебных заведений под эгидой общества «Василий Великий» функционируют также и внешкольные организации для детей и юношества: «Ласточки» — для детей младшего школьного возраста, «Веселые борцы» — для средней и старшей школы, «Христианское студенческое действие» — для студентов. Отделения этих организаций существуют не только в Афинах, но и в Фессалониках, Патрах, Волосе, Агринио и других городах. Для своих членов эти организации проводят занятия в воскресных школах, устраивают летние лагеря и экскурсии к национальным и православным святыням. В дни национальных праздников — 25 марта и 28 октября проводятся торжественные вечера и концерты. Не только на торжественных мероприятиях, но и в повседневной жизни детских организаций большое внимание уделяется традиционной греческой музыке, разучиваются народные танцы, патриотические песни.

Для школьников общество «Василий Великий» издает журнал «Вперед к победе!» христианско-патриотического содержания. На страницах журнала публикуются стихи национальных поэтов, рассказывается о святынях греческого народа. Для студентов выпускается журнал «Наше действие». В журнале регулярно освещаются трагические и радостные события национальной истории: падение Константинополя, борьба за освобождение от турецкого владычества, малоазиатская катастрофа, героическое сопротивление греков во время Второй мировой войны. Кроме того, на страницах этих журналов обсуждаются проблемы христианской этики и сохранения национального наследия, особое место среди которого занимает греческий язык. В журнале «Наше действие» систематически проводится мысль о том, что греческий язык с древнейших времен и до наших дней представляет собой единое целое и является неотъемлемой частью национальной традиции. В связи с этим авторы журнала настаивают на более глубоком изучении родного языка в школе и осуждают реформу орфографии, отменившую большинство диакритических знаков, как нанесшую ущерб языку, а следовательно, и национальному самосознанию.

Теме воспитания молодежи в духе национальных традиций неоднократно посвящались ежегодные педагогические симпозиумы, организуемые научно-педагогическим отделом общества «Василий Великий»: в 1992 г. состоялся симпозиум по теме «Национальное самосознание», в 1997 г. — по теме «Греческий язык». На этих симпозиумах подчеркивалось, что национальное самосознание является залогом существования греческой нации, а также были предложены конкретные меры по укреплению национальной составляющей во всех ступенях образования.

Церковь и неоязычество

Согласно ст. 3 греческой конституции господствующей религией в Греции является православие. Его исповедует подавляющее большинство — 97 % населения. Число католиков в стране составляет ок. 200 тыс. чел. Помимо собственно греков в стране проживает значительное число католиков других национальностей, оставшихся в стране в результате смешанных браков или приехавших на заработки. Большинство из них составляют поляки (60–80 тыс. чел.) и филиппинцы (45 тыс. чел.). Самая значи-

тельная католическая община находится в Афинах — ок. 25 тыс. греческих граждан и столько же иностранцев, объединенных в 11 приходов. Крупные общины есть также на Кикладских островах, особенно на Сиросе (8 тыс. чел.) и Тиносе (3 тыс. чел.), кроме того, католики проживают почти во всех крупных городах Греции. Помимо римо-католиков в стране есть униатские общины — ок. 3 тыс. греко-католиков и несколько сотен католиков-армян. Католическое монашество в Греции представлено различными религиозными братствами и монашескими орденами, в т. ч. и женскими: это капучины, иезуиты, доминиканцы, кармелитки, урсулинки, сестры милосердия и др. В их функции входит не только богословская и литургическая деятельность, но и социальное служение: организация школ и просветительство, содержание домов престарелых, поддержка детей-инвалидов и др. Управление Католической церковью в Греции, как и в других странах, осуществляет епископская конференция, подчиняющаяся непосредственно Римскому папе. В Греции она состоит из шести иерархов.

Помимо католиков религиозными меньшинствами в Греции являются мусульмане, проживающие преимущественно во фракийских провинциях, иудеи (ок. 5 тыс. чел.), различные протестантские деноминации, последователи которых немногочисленны (ок. 20 тыс. чел.). Как и многие другие страны, в последние десятилетия Греция испытывает вторжение агрессивных сект. Однако их распространение сдерживается негативным отношением со стороны общественного мнения и государственных органов.

В отличие от национальных меньшинств религиозные меньшинства имеют официальный статус. В настоящее время в Греции господствующая Православная церковь гораздо более вовлечена в политические процессы, чем религиозные организации других европейских стран, и сохраняет гораздо более тесную связь с государством. Так, в Греции Церковь законодательно не отделена от государства и пользуется его материальной и идеологической поддержкой, хотя некоторые исследователи полагают, что после 1974 г. вмешательство государства в жизнь Церкви уменьшилось¹. Не отделена от Церкви и школа: в каждой государственной школе преподаются основы Закона Божьего. Конституцией запрещается миссионерская деятельность представителей всех религий (ст. 13), за исключением православной. Несмотря на существенное обмирщение греческой общественной жизни в последние десятилетия, Церковь продолжает пользоваться большим авторитетом среди населения. Это наглядно показала развернувшаяся в 2000–2001 гг. общенациональная дискуссия по вопросу о том, должно ли в удостоверении личности указываться вероисповедание гражданина.

Но недавно на конфессиональной карте Греции появилось греческое неоязычество — новое религиозное движение, настолько парадоксальное, что поначалу представители других конфессий не воспринимали его всерьез. Один из исследователей аналогичного феномена на отечественной почве охарактеризовал знакомство с неоязычеством как «странствия между комическим гротеском и страшной сказкой, которая упорно пытается воплотиться в реальность»². Примерно такой же была и первоначальная реакция греков. К тому же это движение, как казалось, не пришло извне, а возникло на собственно греческой почве. Однако численный рост его адептов

¹ См.: *Stavrakakis Y. Politics and Religion: On the "Politicization" of Greek Church Discourse // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 21.2. October 2003. P. 166–167.*

² *Мороз Е. А. Язычники в Санкт-Петербурге // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001. С. 54.*

и активное включение в общественно-политическую жизнь страны поставили на повестку дня вопрос о его серьезном исследовании.

Православная церковь одной из первых отреагировала на появление в стране новой религиозной силы, открыто заявляющей о своем антихристианском характере. В 1998 г. в Дrame прошла организованная местным епархиальным управлением конференция, на которой обсуждалась неоязыческая проблематика¹. В октябре 2001 г. состоялось расширенное совещание Священного Синода Элладской православной церкви на тему: «Неоязычество — возрождение древних религий — пастырское восприятие явления». К концу 1990-х гг. относятся и первые публикации о неоязычестве в греческой православной периодике.

Несмотря на то что неоязыческое движение в Греции появилось позднее, чем в ряде других европейских стран, благоприятная почва для его зарождения складывалась уже давно. Можно сказать, что греческое неоязычество уходит корнями в европейское Возрождение, давшее мощный толчок изучению античности и подражанию лучшим образцам ее культуры. В Греции идея подражания античным образцам нашла практическое выражение в XIX в., после создания независимого государства, когда заимствованное из Европы классицистическое направление в художественной культуре создавало иллюзию возрождения былого величия греков². За этим последовали попытки возродить и другие стороны древнегреческого духа, например Олимпийские игры. Уже в 1920-е гг. известный поэт А. Сикелианос попытался создать отдельную общину, культивирующую древнегреческие ценности и образ жизни. Центральным событием в жизни общины стали дельфийские празднества, проводившиеся в этом святилище на протяжении нескольких лет и носившие недвусмысленно языческий характер. Однако община Сикелианоса просуществовала недолго, а его идеи не нашли поддержки среди греков: членами общины были по преимуществу американцы.

С тех пор о возрождении язычества как религиозной традиции в Греции долго никто не помышлял, а новая попытка его реанимации, на этот раз более масштабная, приходится уже на конец XX столетия. Первоначально неоязыческие организации возникали в виде историко-культурных и краеведческих обществ, и, наверное, сами их создатели не смогли бы точно ответить на вопрос, когда уважение к традиции переросло у них в стремление создать на ее основе религиозный культ. Во всяком случае первые организации, сознательно преследующие такую цель, хотя еще и маскирующиеся под общества «в защиту древностей», мы находим в начале 1990-х гг. В 1991 г. в Афинах появляется общество «Диипетес»³, группирующееся вокруг одноименного журнала и ставящее своей целью «защиту древней души». Первые несколько лет своего существования журнал был только органом афинских неоязычников, но со второй половины 1990-х гг. он приобрел общенациональное значение.

В 1993 г. в Фессалониках было создано Национальное историческое общество (Всегреческий дельфийский союз) «Девкалион», деятельность которого первоначально ограничивалась Македонией и Фракией, а с 1996 г. также приобрела общенациональный характер. В программном заявлении общества сказано, что его основная цель — изучение и возрождение греческой национальной традиции, веры «и вообще

¹ См.: Η πρεσβυτέρα στη σύγχρονη ειδωλολατρεία. Δράμα, 1998.

² См.: Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993. Σ. 74–89.

³ Διπτετές — упавшее (т. е. произошедшее) от Зевса.

традиционного образа жизни»¹. Также в начале 1990-х гг. возникли неоязыческие группы «Талет»² (Спарта) и «Греческие язычники» (Фессалия). В течение последующего десятилетия сформировалось еще несколько языческих групп, не утративших своего первоначального двойственного характера и позиционирующих себя не как религиозные, а как культурно-просветительские организации. Помимо уже упомянутого «Девкалиона» к их числу относятся театральные студии («Олимпийская труппа») и музыкальные группы («Демоническая Нимфа»).

Новорожденное неоязыческое движение поставило своей задачей не только реанимацию древних культов, но и проведение активной миссионерской работы. Для этого ими было основано множество журналов (не менее 15), среди них — «Давлос», «Иера Эллас», «Аполлонио фос», «Эрмион», «Тетрактис», «Пирфорос» и др. Неоязыческую пропагандистскую литературу — брошюры, листовки, плакаты, книги — выпускает несколько издательских домов: «Мариос Вереттас», «Аполлонио фос», «Кибела», «Архетип» и др. Кроме того, с неоязычниками активно сотрудничают издательства и периодические издания различных оккультистских, теософских обществ и движения «Нью Эйдж». В описываемый период по всей стране быстро росло число языческих празднеств и ритуалов, выдаваемых их организаторами за культурно-исторические мероприятия, — это ежегодно проводимые Немейские (Коринфия), Дельфийские (Фокида), Ликейские (Аркадия), Додонские (Эпир), Прометейские (Пиерия) и другие аналогичные празднества.

Очень быстро у местных неоязыческих организаций появилась потребность в объединении и создании единой координирующей структуры. Переговоры в этом направлении начались уже в 1993 г., а осенью 1995 г. было сформировано Собрание греческих язычников. Этот орган просуществовал несколько месяцев, и в 1997 г. на его основе был создан Высший совет греческих язычников — ВСГЯ (Ύψατο Συμβούλιο των Ελλήνων Εθνικών). Таким образом, процесс создания единой централизованной структуры, своего рода национальной языческой церкви, в основном завершился. Сам факт единой руководящей структуры совершенно чужд древнегреческой языческой практике, и это понимают сами неоязычники. Поэтому они официально заявляют, что ВСГЯ является всего лишь «крышей» для местных языческих групп³, осуществляющей их техническую, юридическую и финансовую поддержку, но на самом деле полномочия и функции ВСГЯ гораздо шире.

ВСГЯ регулярно организует общенациональные ритуальные действия во время летнего солнцестояния, фольклорные праздники, а также в дни памяти павших при Фермопилах и Марафоне. Причем последние носят двойственную форму историко-патриотического и религиозного мероприятия: начинается оно лекцией по древнегреческой истории, а заканчивается гимнами богам и ритуальными возлияниями. Двойственный характер этих мероприятий позволяет привлекать к ним людей, вовсе не разделяющих языческого мировоззрения, а воспринимающих происходящее исключительно с историко-культурной точки зрения. Таким образом, эти люди незаметным для себя образом оказываются соучастниками языческих культовых действий, а ВСГЯ может с гордостью говорить о массовом характере неоязыческого движения. На самом деле количество неоязычников на сегодняшний день вряд ли превышает несколько десятков человек: на фотографиях языческих мероприятий, помещенных на

¹ www.geocities.com/etaireiadeukalion/index.html

² Талет — священная гора, связанная с культом Зевса.

³ www.ysee.gr

интернет-сайте ВСГЯ, мы видим одни и те же лица, а в подписях под статьями в их печатных органах — одни и те же имена.

Помимо организации общенациональных празднеств ВСГЯ от лица всех язычников издает обращения к властям и СМИ с протестами против пренебрежительного отношения к древнегреческому культурному наследию и требованиями возрождения античных храмов не просто как памятников культуры, но и как культовых сооружений.

Кроме того, ВСГЯ представляет все греческое неоязыческое движение во Всемирном конгрессе национальных религий (World Congress of Ethnic Religions — WCER) — органе, который был создан в июне 1998 г. в Вильнюсе при непосредственном участии греков. С тех пор греки принимают активное участие во всех его съездах. В мае 2004 г. уже седьмой по счету съезд прошел в Греции. Любопытно, что эти съезды, а также другие контакты с зарубежными национальными религиями — будь то аналогичные неоязыческие организации или религиозные общины коренных народов Австралии, Африки и др. — сопровождаются общими межконфессиональными культовыми ритуалами. Во время этих ритуалов греческие неоязычники участвуют в пении гимнов и совершении жертвоприношений не только олимпийцам, но и чужим богам. Создается впечатление, что им вообще все равно, какому богу молиться, лишь бы этих богов было много. Эту практику сами неоязычники объясняют своей веротерпимостью, при этом их не смущает, что ни понятие веротерпимости, ни культовая практика классического язычества не требуют поклонения чужим богам: согласно некоторым представлениям, поклоняющийся чужим богам может навлечь на себя немилость своих. Помимо ежегодных съездов у WCER есть также постоянно действующее бюро, координирующее связи между национальными движениями и группами. Упрочению неоязыческих связей между греками диаспоры способствует и появившийся на портале MSN компании «Майкрософт» форум «Hellenic pantheon»¹. Основная цель всех этих контактов — создание единого международного фронта за возвращение к дохристианской эпохе. Таким образом, в лице WCER мы имеем дело со своего рода неоязыческим Интернационалом.

Наконец, ВСГЯ пытается осуществить некоторую унификацию идеологии и обрядовой практики и соответствие своим позициям в этой области ставит условием вступления в неязыческое движение. В частности, одним из таких условий является идея политической демократии, приверженность которой считается неотъемлемым свойством подлинного язычества².

Вобрав в себя неоязыческие группы и общества, возникшие к середине 1990-х гг., после своего появления ВСГЯ начал создавать новые местные общества и филиалы, в том числе за рубежом. Так появились Союз самосских язычников, филиалы в Австралии и Италии, Философский афинея «Гекатебол»³. Последний представляет собой религиозно-философское общество, экстравагантное название которого призвано подчеркнуть его антихристианский характер, полемизируя с содержащейся в православных богослужебных текстах фразой о «растерзании афинеиских плетений»⁴ (т. е. о победе над древнегреческой философией; отсюда же русское слово «ахиня»).

¹ groups.msn.com/hellenicpantheon

² Об идее демократии в неоязыческом понимании см. ниже.

³ Αθήναιον — слово, встречающееся у Геродота в значении «храм Афины». В то же время Гекатебол («далеко бросающий») — один из эпитетов Аполлона.

⁴ Эта фраза чрезвычайно раздражает, например, В. Гусиоса, автора официальных текстов общества «Девкалион». См., напр.: www.geocities.com/etaireiadeukalion/5.html.

Говоря об этом религиозном движении, мы сразу охарактеризовали его как неоязыческое. Необходимо пояснить, что приставка «нео» имеет в данном случае не только хронологический смысл. Речь идет о некоторых существенных отличиях между учением и религиозной практикой древнегреческого политеизма, с одной стороны, и современного языческого движения, с другой. Выше мы уже обозначили некоторые из этих отличий, как то: создание единой руководящей структуры и поклонение чужим богам. Для того чтобы выявить другие, надо подробнее рассмотреть неоязыческое вероучение.

Само по себе слово «вероучение» в данном случае не совсем уместно, поскольку какая-либо развитая теология у неоязычников отсутствует — у них нет даже единого пантеона богов. Все неоязыческие организации в один голос заявляют, что суть их деятельности заключается в пропаганде и возвращении к традиционному образу жизни, частью которого является почитание древних богов. Другие составляющие традиционного образа жизни — это музыка, ритуалы, символы, праздники (среди которых особо подчеркиваются карнавалы). Интересно, что греческие поборники традиционного образа жизни весьма прохладно относятся к традиционной одежде: для многих из них она представляет чисто этнографический интерес. В отличие от, например, кришнаитов, чьи оранжевые балахоны являются своего рода презентацией их взглядов, греческие неоязычники носят самую обычную современную одежду. Но если члены одних неоязыческих обществ во время своих празднеств все же облачаются в хитоны, то в других обществах во время проведения ритуалов жрецов можно отличить от всех остальных по белому цвету одежды (антитеза христианскому черному), белым же головным повязкам, распущенным волосам. Причем даже в это время на жрецах (и жрицах!) надеты брюки — форма одежды, абсолютно чуждая грекам Античности и Средних веков и впервые усвоенная европеизированной греческой интеллигенцией в эпоху Просвещения.

Важной чертой традиционного образа жизни считается соблюдение «естественных законов», под которыми понимается жизнь в гармонии с природой, охрана окружающей среды и поклонение природным стихиям (духам вод, лесов и др.). Надо сказать, что наукообразное понятие «естественного закона» используют и другие религиозные движения, проявляющие большую общественно-политическую активность, например тщательно маскирующаяся под науку трансцендентальная медитация. Это движение создало даже свои политические партии в некоторых европейских странах, в том числе и в Греции в 1993 г.¹

Собственно религиозная сторона традиционного образа жизни проявляется, помимо уже описанных выше ритуалов, в совершении языческих бракосочетаний, похорон, обрядов наречения имени. Многие язычники отказались от своих христианских имен, заменив их на языческие, либо взяли двойные, а также дали языческие имена своим детям. Отметим, что греческие неоязычники пока не практикуют кровавых жертвоприношений, что было обычным делом в древности и широко распространено среди некоторых неоязыческих движений (чуваши, мордва и др.²).

Наконец, религиозное значение придано календарю. Отвергая христианство, греческие неоязычники отвергли и христианское летоисчисление, ведя счет годам от первой Олимпиады (776 г. до Р. Х.). Однако, поскольку новое летоисчисление существенно затрудняет их пропагандистскую деятельность (далеко не все способны

¹ Подробнее см.: Петрунина О. Е. Политическая система современной Греции. М., 1999. С. 84.

² См.: Шнирельман В. А. Назад к язычеству? Триумфальное шествие неоязычества по просторам Евразии // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001. С. 130–169.

быстро перевести неоязыческие даты в официально принятые), то старый календарь также оставлен в употреблении, но в весьма своеобразной форме. Обозначения годов язычники либо берут в кавычки, либо снабжают придуманной ими самими хронологической привязкой: если дата относится к периоду до Р. Х., то ее помечают π. χ.¹, расшифровывая эту аббревиатуру как πρὸ χυδαίότητος («до мерзости»), если же дата относится к христианской эре, то ее помечают μ. Α. Τ. («после Аполлония Тианского²). Неоязычники отказались и от официальных названий месяцев, считая их антинациональным римским заимствованием, и ввели в употребление древнегреческие названия. Но тут возникла небольшая проблема: если счет годов от первой Олимпиады так или иначе признавался во всем древнегреческом мире, то вот названия месяцев в каждой местности были свои. Какие же предпочесть? Решить этот вопрос удалось только с помощью ВСГЯ, установившего единый образец.

Что касается этического учения неоязычников, то все наши попытки отыскать таковое в их писаниях и выступлениях успехом не увенчались. Все их рассуждения по поводу морали ограничиваются ссылками на древнегреческую философию (которая, как известно, не создала единой этической системы) и критикой христианской этики как «рабской». Свое же учение они провозглашают оплотом свободы в самом широком ее понимании (социальном, национальном, политическом, культурном и др.).

Вообще, в официальных документах неоязыческих обществ наибольшее внимание уделяется не изложению пунктов вероучения, а презентации программы действий, политической по своему характеру. В этой программе сформулированы основные требования неоязычников и средства борьбы за их реализацию. Прежде всего, язычники требуют, чтобы их конфессия была взята под защиту закона и они получили бы такие же права, как и другие вероисповедания. Требование это обусловлено тем, что современное греческое государство в целом относится к язычникам настороженно и не оказывает им покровительства. Бывает, что некоторые общественные и политические деятели в своих выступлениях поддерживают тот или иной пункт программы язычников³, но эти выступления носят случайный характер и пока не имеют каких-либо значимых политических последствий.

Требуя от государства поддержать их образ жизни, неоязычники настаивают на изменении всей системы образования, из которой должны быть изъяты все элементы, связанные с христианством, а также введено углубленное изучение древнегреческого языка, литературы и философии. Предметом особой заботы неоязычников является родной язык: незнание древнегреческого языка и вытекающую отсюда неспособность читать древнегреческих авторов в оригинале они считают признаком умственной отсталости и упадка национального духа. Кроме того, в своих официальных документах они любят использовать редкие и давно вышедшие из употребления слова или сами изобретают псевдодревнегреческие термины (см. упоминавшийся выше «афинея»).

¹ В государственном календаре принята пометка π. Χ. = πρὸ Χριστοῦ (до Р. Х.).

² Аполлоний Тианский — философ-пифагореец I в. по Р. Х. Впоследствии стал литературным героем, благодаря чему приобрел легендарный ореол и даже был обожествлен римскими императорами. Его имя использовалось в полемике языческих и христианских авторов в первые века христианства. Современные язычники противопоставляют его Христу.

³ Примеры такого рода выступлений см.: Αρχ. Τζιόβας (Τζιαβάρας). Δοκίμια Αυτοσυνειδήσεως. Αθήνα, 1998. Σ. 116–118.

Среди элементов «подлинно греческого образа жизни», которые должны быть взяты под охрану закона, называются также эвтаназия и кремация усопших. Поскольку последняя практика не была повсеместно распространена у древних эллинов и уж тем более не является феноменом «исключительно греческим», как то утверждают авторы программы, то остается предполагать, что повышенное внимание к ней объясняется опять-таки желанием выступить в пику христианству.

Еще одной претензией, выдвигаемой язычниками в адрес государства, стал упрек в недостаточной заботе о памятниках античности. Однако эту «заботу» неоязычники толкуют по-своему. Они требуют не только расширить дотации музеям и провести археологические раскопки по всей стране, но и выделить средства из бюджета на финансирование исследований и сочинений современных авторов на тему национальной традиции (читай: их собственных писаний, пропагандирующих эту самую «традицию»). Кроме того, государство должно «воспроизвести в сотнях копий... шедевры наших подлинных греческих предков»¹ и установить их в общественных местах по всей стране. Примечателен список имен, чьи статуи должны быть установлены первыми: Дексипп, Юлиан Отступник, Георгий Гемист Плифон. Все они известны своей преданностью язычеству более, нежели заслугами в какой-либо другой области.

Следующее требование неоязычников состоит в возрождении (за государственный счет) древних храмов, причем все здания, построенные на их месте, должны быть снесены. Необходимо также вернуть из музеев (в том числе зарубежных) художественные произведения культового значения или их точные копии.

Добиваться реализации своих требований неоязычники намерены путем непрерывных обращений к СМИ, политическим партиям и государственным органам, сбора подписей, возбуждения судебных исков против своих оппонентов, усиленной пропаганды своих взглядов (предполагается создание собственных радио- и телестудии). Таким образом, мы видим, что неоязычники декларируют отказ от применения физической силы, оставив за собой право вести миссионерскую работу и опираться на силу закона. Однако на практике поведение неоязычников по отношению к своим оппонентам далеко не всегда оказывается таким мирным. Например, в мае 2003 г. группа неоязычников попыталась сорвать проведение православной научно-богословской конференции по проблемам неоязычества в Фессалоникском университете им. Аристотеля².

То обстоятельство, что в официальных документах неоязыческих организаций первое место занимают политические требования, позволяет видеть в неоязычестве не чисто религиозное, а религиозно-политическое движение. Политическая сторона их деятельности имеет для них такое большое значение, что иногда даже явления языческой культовой практики приобретают в их интерпретации политический смысл. В качестве характерного примера можно привести политическую интерпретацию элевсинских мистерий, сделанную Уранией Тутуджи в ее докладе на Первой конференции по фракийским мистериям (Александруполь, 2001). Реконструируя этимологию имен героев мифа о Деметре и Персефоне, она приходит к выводу о том, что в этом мифе заключена «метафизика» греческой демократии, из чего следует, что древнегреческие демократические институты имеют религиозное происхождение. Сама идея демократии мыслится как наиболее аутентичное выражение греческого нацио-

¹ www.ysee.gr

² Ρητσικάλης Ν. Φαινόμενα Νεοειδωλολατρείας // Η Δράσις μας. Τεύχ. 412. Οκτώβριος 2003. Σ. 314.

нального духа в политической плоскости, поскольку многовластие (синоним демократии) в общественной жизни соответствует многобожию в жизни религиозной¹. Эта и другие описанные нами стороны учения греческих неоязычников свидетельствуют о том, что их доктрина строится в рационалистической позитивистской парадигме, имеющей мало общего с менталитетом древнегреческого язычества, но уходящий корнями в западноевропейский рационализм нового времени.

Интересным представляется вопрос о социальном составе неоязыческого движения. Точными данными об этом мы не располагаем, однако, учитывая малочисленность самого движения на фоне обилия неоязыческих обществ и их печатных изданий, а также характер миссионерской деятельности — публичные лекции и фольклорные мероприятия, можно предполагать, что основным членом языческого движения является интеллигенция, которая эти мероприятия и организует. Кроме того, нет никаких сведений о том, что у греков где-то могла бы сохраниться подлинная языческая жреческая традиция. И это обстоятельство подтверждает наше предположение.

Отличия современного неоязычества от классического язычества наглядно показывают, что защищаемая ими «традиция» представляет собой вовсе не традицию, а искусственный конструкт. Перед нами наглядный пример изобретения традиции. Цель «изобретателей»-интеллигентов вполне прозрачна: необходимо создать такую идеологию, которая могла бы противостоять культурному нивелированию, экономическому и политическому порабощению, а также деградации окружающей среды, с необходимостью следующим за глобализационными процессами. И эта идеология не просто защищает некий образ жизни — ее нетерпимость к другим конфессиям (несмотря на декларируемую веротерпимость), а также выдвигаемые ею требования к государственной власти свидетельствуют о том, что она претендует на статус господствующей или даже государственной идеологии. Вполне логично, что в качестве опоры этой идеологии из всех возможных социальных идентичностей ее авторы избрали именно национальную — ведь в настоящее время национальный принцип является базовым принципом легитимации политической власти. То, что защищаемая ими «традиция» есть их собственное изобретение, понимают и сами неоязычники. Как утверждает один из их идеологов, «высушенный ум современного человека нуждается в мифах... и почитании божественных сил природы»². Так современное мифотворчество получает свое обоснование: несчастному современному человеку можно помочь, дав ему мифы, оправдывающие его существование. Иными словами, если богов нет, их надо выдумать.

С этой точки зрения греческое неоязычество не представляется чем-то уникальным: аналогичные религиозно-политические движения за последние несколько десятилетий широко распространились в Европе, а после 1991 г. — на территории бывшего СССР. Почти все они организованы интеллигенцией и ставят перед собой задачу национальной консолидации, важнейшим средством решения которой мыслится создание национальной религии. Причем отмечены попытки создания национальной Православной церкви (например, у чувашей), после провала которых национальная интеллигенция обратилась к язычеству³. Многие черты сходства этих движений: создание единой руководящей структуры, изобретение традиции, большое внимание к состоянию окру-

¹ www.diiipetes.gr/html/dx_19.html

² Βερέττας Μ. Γεννήθηκα Έλληνας. Αθήνα, 2000. Σ. 114.

³ См.: Шнирельман В. А. Назад к язычеству?... Неоязычество на просторе Евразии. М., 2001. С. 154–155.

жающей среды, отсутствие этического учения, агрессивное антихристианство и т. д. — объясняются сходством поставленных задач, утратой подлинной языческой традиции и, наконец, тесными контактами между ними, в ходе которых вырабатываются общие требования, аргументы, методы борьбы. Например, выдвигаемые в адрес христианства обвинения украинских язычников удивительно схожи с греческими¹, между тем в Греции хорошо знают Г. Лозко, главу одной из украинских неоязыческих общин².

Неоязычество претендует на место национальной религии современных греков, оспаривая этот статус у православия. Фактически именно в этноцентрическом дискурсе ведутся все нападки язычников на Православную церковь. Ярво выраженный антихристианский характер современного язычества — еще одна черта, отличающая его от классического язычества, известного своей веротерпимостью³.

Как и многие носители греческой национальной идеи XX в., неоязычники полагают, что современная Греция не является плодом подлинно греческой цивилизации, поскольку нынешние греки оторваны от своей культурной традиции. Но в отличие от большинства проводников греческой национальной идеи прошлого столетия, которые полагали, что в новогреческом государстве не произошло возрождения греческой государственно-политической традиции, нынешние адепты политеизма считают, что современное греческое государство продолжает византийскую традицию, и называют его неовизантийским. Таким образом, и те и другие утверждают, что подлинного греческого национального возрождения в новогреческом государстве не произошло, но понимают это возрождение по-разному.

Это расхождение во взглядах на национальное возрождение и сущность современного греческого государства объясняется различным пониманием сущности греческой национальной традиции. В истории греческой национальной идеи все прошлое столетие прошло под знаменем включения в национальную традицию всех этапов греческой истории — от минойского периода до эпохи османского владычества. Вклад этих эпох в формирование традиции оценивался по-разному: если И. Романидис считал, что принятие греками христианства творчески преобразило греческую нацию и придало ей новый импульс развития, то П. Яннопулос полагал, что христианство было придумано греками для подчинения варваров, а Византия выработала механизм и форму этого подчинения. Но так или иначе а византийский период в греческой истории не списывался со счетов, и в XX в. был окончательно, как казалось, преодолен навязанный Просвещением однобокий вестернизаторский подход к национальной традиции, отрицавший какой-либо положительный вклад Византии в исторический процесс и ее значимость для греческой национальной традиции.

Однако в лице современных язычников мы видим возвращение именно к этому давно дискредитировавшему себя пониманию национальной традиции, вычеркивающему из нее огромный — полторы тысячи лет — исторический отрезок. Неоязычники обвиняют современное греческое государство в византинизме. Под византинизмом обычно понимается гармоничное сочетание светской и духовной (православно-христианской) властей в государстве, дополненное проникновением православных идеалов во все

¹ См.: Шнирельман В. А. Назад к язычеству?.. Неоязычество на просторе Евразии. М., 2001. С. 136–141.

² www.diipetes.gr/html/dx_15.html

³ Помимо христианства объектами критики со стороны неоязычников выступают также и другие монотеистические религии: ислам и иудаизм, но в меньшей степени.

сферы общественной жизни¹. Иными словами, неоязычники упрекают современное государство в том, что оно слилось с Церковью и действует в защиту и в соответствии с православными идеалами. Это обвинение совершенно необоснованно, поскольку в современной Греции Церковь фактически подчинена государству, а в Европейском союзе, членом которого является Греция, христианство вообще было проигнорировано при составлении проекта общеевропейской конституции. Поскольку неоязычникам прекрасно известно об истинном характере взаимоотношений Православной церкви и государства, то, призывая очистить государство от византизма, они на самом деле выступают за полный отказ от византийско-христианской традиции.

Чем же Византия и христианство не устраивают поклонников Зевса? Справедливо рассматривая Византийскую (Восточную Римскую) империю как преемницу античного Рима, они утверждают, что римско-ромейская традиция закрепила подлинно греческий национальный дух и нарушила его чистоту. Начиная с римского завоевания (II в. до Р. Х.) греки жили под иностранным игом — такая точка зрения была общим местом в эпоху новогреческого Просвещения. «Оригинальность» неоязыческой интерпретации этого исторического периода состоит в том, что римское завоевание рассматривается как лишение греков только государственно-политической независимости, а начало духовного закрепощения отнесено на пять столетий позже — к эпохе Константина Великого. Именно духовное, а не политическое рабство и положило начало разрушению подлинно греческой традиции и основанного на ней национального духа. Антинациональный характер христианства, по мнению неоязычников, состоит в том, что оно заменило национальную языческую религию греков на монотеистическую веру евреев (каковой они считают христианство). Здесь надо также обратить внимание и на игру слов: *ἐθνικός* в греческом языке означает как «национальный», так и «языческий». «Мы — потомки Девкалиона, а не Авраама», — возглашают современные язычники.

Получается, что помимо указанного нами выше значения слова «византизм» язычники придают ему еще и национальную коннотацию. «Византийский» для них означает «негреческий, чужой, римско-ромейский». Такое понимание основывается на реально существовавшем наднациональном характере Византийской империи, который язычники толкуют как антинациональный. В этом пункте они затрагивают чрезвычайно болезненную для греческого самосознания тему соотношения греческости и ромейскости. Ромей для них чужой, так как он происходит из смешения греческой культуры с чужой римской, а значит, должен быть уничтожен как культурный тип, чтобы на его месте возродился чистый эллин. По мнению неоязычников, начало этому процессу уже положено, а потому дни христианства сочтены².

Большинство упреков неоязычников в адрес христианства группируется вокруг тезиса об антинациональном характере последнего и носит политико-идеологический характер, потому как сколько-нибудь развитой теологии и даже собственной философии у неоязычников нет. В идеологической борьбе с христианством неоязычники не брезгают никакими авторитетами: среди их идеалов — Французская революция, в числе авторитетов — Маркс. Все их учение — это своего рода национально-поли-

¹ См.: Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении // Соколов И. И. О византизме. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 11.

² Βερέττας Μ. *Op. cit.* Σ. 30–32.

тическая идеология, которая использует язычество в качестве инструмента борьбы за сохранение национальной самобытности.

Если неоязыческая критика христианства осуществляется исключительно в пределах рационалистической позитивистской парадигмы, то православные авторы ведут полемику с неоязычниками сразу в двух плоскостях. С одной стороны, они действуют в рамках той же парадигмы, с другой — критикуют неоязычество с позиций христианского мирозерцания.

Ведя рационалистическую критику позиций неоязычества, христианские авторы вынуждены играть на чужом поле, но и в этом случае им есть что сказать. Неоязыческое движение характеризуется ими как одна из многочисленных попыток заполнить идеологическую лакуну современности. Говоря о причинах резко возросшей популярности политеизма, православные авторы отмечают прежде всего «свободу нравов» современного общества и потребность в ее религиозном обосновании¹. Распространению политеизма способствует также господствующая либерально-демократическая идеология, позволяющая этому вредному движению разрушать общество. Христианские авторы подчеркивают, что неоязычество особенно притягательно для тех, кто хочет избавиться от любых моральных барьеров, ведь у неоязычников отсутствует этическое учение. В этом православные авторы видят важное отличие современного неоязычества от древнегреческого язычества, у которого были понятия о морали и добродетели². Таким образом, современные неоязычники пытаются реконструировать только удобную для них часть языческого культа.

Исследования взаимосвязей неоязычества с другими современными антихристианскими религиозными движениями позволяют рассматривать греческое неоязычество как часть всемирного синкретического оккультно-мистического движения. Оно было привнесено в Грецию из-за рубежа и имеет мало общего с древнегреческой традицией, а лишь использует местный колорит в целях укоренения на греческой почве³.

Кроме того, христианские авторы отмечают отсутствие единого пантеона, сложность взаимоотношений между различными языческими организациями, а также пестроту и взаимную противоречивость их взглядов, общим знаменателем которых являются обожествление природы и отрицание существования внеприродных сил⁴. Отметая неоязыческие претензии на «восстановление подлинно греческой цивилизации», христианские авторы доказывают, что возвращение к идолопоклонству означает служение низшим человеческим страстям, а следовательно, разрушение культуры и цивилизации⁵.

Критика неоязычества с точки зрения христианской традиции рассчитана прежде всего на православных верующих, разделяющих христианское мирозерцание. В свете его неоязычество воспринимается как очередное изобретение врага рода человеческого, который пытается, пользуясь благоприятной обстановкой, низвести к гибели как можно больше человеческих душ. Язычество, конечно, не новое явление: в истории уже был период, когда люди, отступив от Бога, стали поклоняться

¹ См.: Βασιλειάδης Ν. Νεοειδωλολατρεία. Το σύγχρονο “προσωπείο” του αντιχρίστου // Η Δράσις μας. Τεύχ. 405. Ιανουάριος, 2003. Σ. 11.

² Αυτόθι.

³ Ριτσικάλης Ν. Όр. cit. Σ. 313.

⁴ См.: Ευδιάς Β. Οι “Έλληνες” ξανάρχονται // Σύναξη. Τεύχ. 69. Ιανουάριος — Μάρτιος, 1999. Σ. 17.

⁵ См.: Βασιλειάδης Ν. Νεοειδωλολατρεία ... // Η Δράσις μας. Τεύχ. 408. Απρίλιος, 2003. Σ. 131.

идолам. С этой точки зрения для христианских авторов не имеет большого значения, основывается ли современное политеистическое движение на подлинной языческой традиции или изобретает свою¹.

Теперь, как и прежде, идолопоклонство — это отпадение от Бога, заблуждение (т. е. духовный блуд), за которым следует и телесный разврат. Распространению неоязычества способствует то обстоятельство, что многие христиане не принимают его всерьез, между тем они должны занять более активную позицию по защите своей веры. Главная задача неоязычников — это борьба с христианством, что доказывается также их сотрудничеством с другими антихристианскими течениями, одновременными занятиями йогой, астрологией, тибетской философией, связями с движением «Нью Эйдж». В этом смешении религиозных и философских учений неоязычники используют и христианское Священное Писание, искажая его и трактуя совершенно произвольно².

Последнее обстоятельство отнюдь не сближает язычество с христианством, это такой же элемент неоязыческой антихристианской позиции. В данной ситуации православные верующие должны быть предельно бдительными и не позволять обманывать себя ни искаженными библейскими цитатами, ни приглашениями на псевдофольклорные празднества и карнавалы.

Итак, даже беглый обзор греческого неоязыческого движения в контексте религиозной ситуации в стране позволяет сделать некоторые выводы о его происхождении, сущности и социальных проявлениях. Неоязыческое движение в Греции есть плод творчества части национальной интеллигенции, утратившей христианское мирозерцание и разочарованной основными тенденциями мирового развития. Созданное ею движение — попытка сопротивления глобализационным процессам, одним из проводников которых объявляется христианство. По своему характеру неоязыческое движение является религиозно-политическим и, несмотря на немногочисленность своих членов, принимает активное участие в общественно-политической жизни. Тем не менее неоязыщикам пока не удалось поколебать позиций Православной церкви, которая хотя и не сразу, но живо откликнулась на появление неоязыческого движения. Именно православными авторами был впервые проведен анализ этого движения и указана исходящая от него угроза нравственному здоровью общества и опасность культурной деградации.

Ромейство — Романия — Романидис

Процесс интеграции греков в культурное пространство европейской цивилизации, шедший особенно активно со времени образования независимого греческого государства (1830), не мог не вызвать ответной реакции в греческом обществе. Ее рупором стала патриотически настроенная интеллигенция, которая, начиная с 1830-х гг., когда на страницах периодики велись дебаты о том, к Западу или Востоку принадлежат современные греки, пыталась сформировать представление о национально-культурной идентичности греков. XX в. отнюдь не уменьшил потребности в таком представлении, она особенно возрастала в периоды национальной мобилизации (Борьба за Македонию 1904–1908 гг., Балканские войны 1912–1913 гг., экономический кризис

¹ См.: Βασιλείδης Ν. Νεοειδωλολατρεία... // Η Δράσις μας. Τεύχ. 405. Ιανουάριος, 2003. Σ. 10–11.

² См.: Βασιλείδης Ν. Η Παλαιά Διαθήκη στην Ορθόδοξον Εκκλησίαν· απάντησι στους κατηγορούς της. Αθήνα, 2002.

начала 1930-х гг. и др.). Мощный импульс поискам идентичности был задан подключением Греции к экономическим и политическим интеграционным процессам в Европе в 1960–1970-е гг. Именно к этому времени относится появление ромейской теории.

Основателем ромейской теории стал историк и богослов Иоаннис Романидис (1938–2001), прошедший многие годы и сформировавшийся как личность в среде греческой диаспоры в США. Там же он начал свое священническое служение, опубликовал первые богословские и историко-философские работы¹. Многие положения ромейской теории были в сводном виде опубликованы им в первом издании книги «Ромейство — Романия — Румелия»², в которую были включены и некоторые предыдущие работы, а также тексты публичных выступлений. Надо сказать, что сам И. Романидис не называл свои взгляды ромейской теорией. Он считал их особой историко-философской концепцией, но не снабдил собственным названием. И действительно, первоначально она только ею и была. Но с течением времени она была развита и дополнена самим И. Романидисом и его коллегой и единомышленником священником Георгиосом Металиносом (р. 1940), так что изменила саму свою суть. Поскольку ни в первоначальном виде, ни в своем развитии она пока не была предметом научного анализа, возникла потребность как-то ее обозначить. Для этого мы ввели термин «ромейская теория», который опирается на одно из ключевых в ней понятие «ромейскость»³. С научной точки зрения изучение ромейской теории представляет двоякий интерес. Во-первых, заслуживает внимания ее оригинальная историко-философская концепция, а также взгляды на организацию общественно-политической жизни, совершенно чуждые современной политологии. Во-вторых, многие положения ромейской теории доносились (и доносятся) ее адептами до публики не только в печатном виде (в том числе через Интернет), но и в виде многочисленных проповедей, лекций, докладов, которые воспринимаются слушателями весьма благосклонно, так как на бытовом уровне среди греков довольно широко распространены те настроения, под которые создатели ромейской теории постарались подвести теоретическую базу⁴.

Поскольку ромейская теория начала свое существование как историко-философская концепция, логично начать ее рассмотрение именно с этой составляющей. И. Романидис сделал краеугольным камнем всей своей историко-философской конструкции категорию цивилизации. Здесь нужно оговориться, что в греческом языке до сих пор понятия «цивилизация» и «культура» обозначаются одним словом πολιτι-

¹ Среди работ И. Романидиса, в которых высказывались положения, сложившиеся впоследствии в ромейскую теорию, отметим следующие: Original Sin According to St. Paul // St. Vladimir's Quarterly. T. IV. № 1–2. N. Y., 1955. Justin Martyr and the Fourth Gospel // Greek Orthodox Theological Review. IV, 2. (1958–1959). P. 115–134. Notes On The Palamite Controversy // Greek Orthodox Theological Review. VI, 2 (1960–1961). P. 186–205. The Orthodox: Arrival and Dialogue // What is Ahead For The Churches. N. Y., 1965. Islamic Universalism and the Constitution of Medina. Athens, 1968. Franks, Romans, Feudalism and Doctrine, an interplay between Theology and Society. Holy Cross Orthodox Press, 1981. Το προπατορικόν αμάρτημα. Αθήνα, 1957. Η Δογματική και Συμβολική Θεολογία της Ορθοδόξου Καθολικής Εκκλησίας. Θεσσαλονίκη, 1973.

Ο άγιος Γρηγόριος Παλαμάς. Εισαγωγή εις την Θεολογίαν και πνευματικότητα της Ρωμαιοσύνης έναντι της Φραγκοσύνης. Αθήνα, 1975.

² Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 1975.

³ Αυτόθι. Σ. 110–111.

⁴ Личные наблюдения автора.

σμός¹, из чего следует, что эти понятия не получили строгого разграничения. В третьем издании книги И. Романидиса «Ромейство — Романия — Румелия», которое представляет собой наиболее полное изложение его взглядов², в отдельных случаях из контекста трудно точно определить значение слова πολιτισμός, употребляющегося автором очень часто, но в большинстве случаев оно, очевидно, соответствует своему первоначальному значению. Собственно, в самом цивилизационном подходе к рассмотрению истории ничего нового нет. И. Романидис и не пытается представить его своим достижением: по его мнению, наиболее авторитетным источником по этому вопросу является многотомный труд А. Тойнби³. И. Романидис разделяет и тойнбианское понимание цивилизации как синонима шпенглеровского «культурного круга», т. е. пространственно-временной общности, объединенной общим культурным наследием.

Новое заключается в том, как И. Романидис использует данный подход, анализируя вначале греческую, а затем и всю европейскую историю. Прежде всего, отталкиваясь от постулата о непрерывности развития греческой нации с древнейших времен до наших дней, он утверждает, что все это время греки были носителями и единой цивилизации. И если представление о непрерывности развития эллинизма за последние полтора столетия уже стало общим местом в греческой историографии, то тезис о цивилизационном единстве можно расценивать как новацию И. Романидиса. Его оригинальность еще более подчеркивается тем обстоятельством, что, согласно И. Романидису, греки составляли ядро этой цивилизации, но почти никогда не были ее единственными носителями. И. Романидис не был первым, кто применил цивилизационный подход к анализу греческой истории и связал его с идеей непрерывности развития эллинизма. Такие попытки делались уже в начале XX в. (например, П. Яннопулосом), а диктаторский режим Метаксаса даже выстроил на их основе свою официальную идеологию «третьей греческой цивилизации». Но все эти концепции рано или поздно должны были задаться вопросом: а действительно ли существует историческое единство греческой нации, если ей несколько раз приходилось менять свой цивилизационный облик? И им приходилось доказывать непротиворечивость этого утверждения. Ромейская теория это противоречие снимает.

Зато перед ней встает обратная задача: доказать наличие самого цивилизационного единства. Все аргументы в его пользу можно условно разделить на несколько групп. К первой группе можно причислить аргументы, апеллирующие к эпохе поздней античности и ранневизантийскому периоду. Во вторую группу объединяются аргументы, рассматривающие эпоху иноземного (османского и венецианского) ига, в разработке которых большая роль принадлежит Г. Металиносу. Наконец, к третьей группе мы относим аргументы, касающиеся раннего этапа римской истории. Они были сформулированы И. Романидисом позднее двух первых.

Суть первой группы аргументов сводится к полемике с устоявшимся в современной историографии мнением о том, что эллинская (греко-римская) цивилизация к VII в. по Р. Х. прекратила свое существование, а на смену ей в Восточной Римской империи утвердилось новая, византийская (по терминологии А. Тойнби — православно-христианская), а на развалинах Западной Римской империи стала формироваться западноевро-

¹ Его ввел в употребление греческий просветитель А. Кораис в виде кальки с французского civilisation.

² См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г.

³ См.: Там же. Σ. 77.

пейская цивилизация¹. И. Романидис готов согласиться со второй частью этого утверждения, но категорически возражает против первой. Он полагает, что нет никаких оснований утверждать, будто в Восточной Римской империи произошла смена цивилизаций: прежняя греко-римская цивилизация продолжила там свое существование, сохранив свою государственно-политическую традицию, систему ценностей и культурный потенциал. И. Романидис и его единомышленники категорически возражают против самого употребления названия «византийский», так как «никогда в истории не существовало народа, называвшего себя византийцами, а свое государство византийским»².

Чтобы доказать свою правоту, И. Романидису необходимо было ниспровергнуть те основания, на которых покоится утверждение о смене цивилизаций. Наибольшей критике он подвергает представление о том, будто Восточная Римская империя из действительно римской со временем превратилась в греческую. Здесь он вполне резонно задается вопросом: по какому признаку следует квалифицировать греческость — по языку, религии, культуре или крови? И пытается подойти к рассмотрению проблемы с разных сторон. Заключение И. Романидиса в данном случае опираются преимущественно не на его собственные исследования, а на комплекс достижений византистики.

Что касается этнического состава империи, то И. Романидис обращает внимание на то, что греческое население имело в ней всегда и никогда, вплоть до эпохи упадка, не было единственным. Рассуждая о культурной идентификации империи, он настаивает на том, что ядро греко-римской цивилизации всегда составляла именно греческая культура, поэтому говорить о ее эллинизации в византийское время бессмысленно³. Кроме того, греки изначально органично вписались в римское государство, так как римская культура не отличалась оригинальностью, а была лишь развитием греческой. Поэтому нельзя утверждать, будто греки после 146 г. до Р. Х. находились под римским игом⁴.

Поскольку наиболее очевидным симптомом эллинизации Восточной Римской империи обычно считается возведение греческого языка в ранг государственного (а со временем — единственного государственного), то И. Романидису приходится формулировать свою позицию по этому вопросу. Во-первых, языковую принадлежность он считает второстепенным фактором по отношению к национальному самосознанию и не определяющим это самосознание: хотя население империи и говорило на разных языках, но оно не утратило единого самосознания, которое осталось римским (по-гречески «ромейским»)⁵. Во-вторых, уже в Древнем Риме греческий язык был языком образованной элиты, а впоследствии и Церкви⁶. Ослабление позиций греческого языка на Апеннинах было, по мнению И. Романидиса, следствием переноса столицы в Новый Рим и последовавшего за ним переселения части горожан⁷.

¹ См.: *Toynbee A. A Study of History. Summary by D. C. Somervell. L., 1962. P. 319–321.*

² Φιλίππιδης Α. Ρωμηοσύνη και βαρβαρότητα; Σ. 94 // [www.pelagia.org/htm/b19.e.romiosini i varvarotita00.html](http://www.pelagia.org/htm/b19.e.romiosini%20i%20varvarotita00.html)

³ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 85–87.

⁴ Точка зрения, распространенная в греческой общественной мысли со времен Просвещения.

⁵ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 71.

⁶ До IV в. литургия в Риме служилась по-гречески.

⁷ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 88.

Наконец, еще одно основание, на которое обычно опирается определение византийской цивилизации, — это ее конфессиональная принадлежность. Для И. Романидиса, богослова, воспитанного на принципах того направления в православном академическом богословии, которое в прошлом столетии постаралось очиститься от католических и протестантских напластований и вернуться к собственной православной традиции, этот вопрос чрезвычайно важен. Наследие И. Романидиса вообще представляет собой пример тесного переплетения богословской и исторической проблематики: он всегда стремился показать, что, с одной стороны, принятие и интерпретация богословских догматов оказывала огромное влияние не только на развитие духовной культуры, но и на весь ход истории, а с другой стороны, что конкретные исторические обстоятельства часто определяли характер богословских дискуссий. Проблема религиозной идентификации Византии поставила перед И. Романидисом две задачи: во-первых, оценить переход Римской империи от язычества к христианству, во-вторых, позиционировать восточное христианство относительно западного.

Что касается первой задачи, то интерпретация перехода Римской империи из язычества в христианство вообще мало занимает И. Романидиса. Если носители греческой национальной идеи начала прошлого века (П. Яннопулос, М. Херетис) затратили уйму сил на поиски взаимосвязей между эллинской языческой античностью и христианским средневековьем — а без констатации наличия этих взаимосвязей трудно было говорить о континуитете греческой истории, то для И. Романидиса эта проблема решается просто. Принимая христианство в качестве государственной религии, император Константин Великий, как утверждает И. Романидис, вовсе не вводил новую веру, а исправлял религиозные извращения¹. Здесь И. Романидис демонстрирует свою приверженность библейскому пониманию древней истории, согласно которому вся она представляла собой поиски некогда потерянного Единого Бога. В отличие от теоретиков начала XX в. И. Романидис и его единомышленники позитивно оценивают роль христианства в греческой истории, полагая, что «эллинизм в своем объединении с христианством не вырожден, но, напротив, достиг совершенства»². Но, поскольку все построения И. Романидиса спроецированы на цивилизационную систему координат, то ему приходится все же согласиться с тем, что христианство придало греко-римской цивилизации новое качество, однако, по его мнению, этого недостаточно, чтобы говорить о начале новой цивилизации: между тогдашними римскими гражданами и их современными православными потомками больше общего, нежели между германцами VII в. (к этому времени А. Тойнби относит зарождение западноевропейской цивилизации) и современными европейцами³.

Задача сравнения восточного и западного христианства логически вытекала из необходимости доказать тот факт, что подлинной наследницей греко-римской цивилизации стала Восточная Римская империя, а не варварские короли, узурпировавшие титул римских императоров. Кроме того, как метко заметил Г. Металинос, богословие было «идеологической квинтэссенцией и энтелехией Греко-православной Романии»⁴. Спор об истинности веры веками велся между католиками и православными еще до того, как в эту полемику включились протестанты. Подробно излагая суть проблемы,

¹ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 58.

² Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 23.

³ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 151–153.

⁴ Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 18.

И. Романидис прибегает к богословской и философской аргументации, а также опирается на новейшие достижения церковно-исторической науки, в том числе на собственные изыскания. Он наглядно демонстрирует искажения западным христианством духа и буквы христианского учения¹, но при этом подчеркивает, что главная причина раскола заключается не в различии культурных традиций Старейшего и Нового Рима — единство традиции сохранялось до начала XI в. — а в варварском завоевании Западной Римской империи. Завоевание значительной части Европы германскими племенами влекло за собой утрату греко-римской духовной культуры, а создать свою такого уровня варварам не позволял недостаток образования. Хотя германцы и приняли христианство, но понимали его по-своему, а когда наконец появились первые франкские богословы, они оказались не в состоянии воспринять высокоразвитое христианское богословие, основным транслятором которого была грекоязычная письменная культура. Кроме того, германские правители оказывали политическое и военное давление на папство, и последнее, не получая необходимой поддержки от византийских императоров, вынуждено было идти на уступки, постепенно превращая христианство из религии свободы в орудие власти завоевателей². Короче говоря, в то время, когда римско-ромейская цивилизация достигла наивысшего расцвета в Восточной Римской империи, в захваченной германцами Западной Римской империи она пришла в упадок.

В качестве еще одного доказательства своей правоты И. Романидис опирается на свои этнонимические изыскания, поскольку они, с его точки зрения, наиболее верно отражают состояние национального самосознания. В частности, он указывает на то, что граждане Восточной Римской империи и после раскола с Западом продолжали называть себя римлянами (ромеями), а греками их называли только их политические враги. Кроме того, в глазах восточных завоевателей (арабов, турок) византийцы продолжали сохранять образ носителей прежней традиции, что и отразилось в соответствующих этнонимах: Рум, Румелия³. Заканчивая это отступление о названиях, подчеркнем, что у Романидиса «римляне» и «ромей» — это по сути одно и то же. Разница между ними исключительно географическая: первые — это западные римляне, вторые — восточные.

Таким образом, сам И. Романидис считал свою точку зрения хорошо обоснованной и не замечал в ней очевидных противоречий. Обозначим некоторые из них. Внутреннее противоречие содержит в себе его утверждение о том, что принятия христианства недостаточно, чтобы говорить о смене цивилизаций: где граница между приобретением цивилизацией нового качества и сменой цивилизаций? Ответа на этот вопрос мы у И. Романидиса не находим. Кроме того, учитывая его повышенное внимание к этнонимам, следовало ожидать, что он раскроет смысл превращения в одном и том же (греческом) языке «римского» в «ромейское». Но И. Романидис не говорит даже о том, кому принадлежит это различие: самим ли римлянам-ромеям или науке нового времени. Кроме того, И. Романидис не мог не знать о том, что само христианство в империи Константина и Юстиниана претерпело ряд изменений, во многом обусловленных его превращением из общины избранных в общину, объявшаую в себе всю империю, вследствие чего граница между Церковью и миром начала стираться⁴. Вообще, И. Романидис

¹ Богословская сторона вопроса подробно разбирается в: Ρωμανίδης Ι. Η Δογματική και Συμβολική Θεολογία...

² См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη... Σ. 95–141, 189–197.

³ См.: Αυτόθι. Σ. 270–297.

⁴ См.: Мейендорф И. Византийское богословие. Минск, 2001. С. 285.

зачастую довольно произвольно обращается с фактами. Например, он обвиняет франкских правителей в том, что они понимали Римскую империю чисто географически: кто владеет Римом, тот и император¹, и совершенно упускает из виду, что турецкие завоеватели (которым он симпатизирует гораздо больше, нежели европейцам), тоже придерживались этой логики: захватив часть Ромейской империи в Малой Азии, сельджуки основали там Румский (т. е. Римский) султанат.

Для Г. Металиноса, важнейшего сподвижника И. Романидиса, в целом принимающего его концепцию, но не ограничивающего себя прокрустовым ложем цивилизационной парадигмы, вопрос об эллинизации Восточной Римской империи не имеет столь принципиального значения, а потому решается по-другому. Г. Металинос даже готов согласиться с тем, что эллинизация империи действительно имела место. Но она произошла не в эпоху Юстиниана, как принято считать, — тогда греческий элемент, изначально господствовавший в культурном плане, играл роль цементирующего ядра многонациональной империи. Настоящая эллинизация произошла в XIII–XIV вв. как результат натиска крестоносцев, вследствие которого негреческие земли империи были утрачены, а в греческих произошел подъем национального самосознания. Но эти изменения, по мнению Г. Металиноса, не повлекли за собой окончательного распада ромейской общности: она была практически в неизменном виде восстановлена с утверждением османского владычества².

Мы видим, что, отвечая на вопрос об эллинизации империи, по-видимому иначе, Г. Металинос продолжает оставаться на позиции, сформулированной основателем ромейской теории. Фокус в том, что он иначе трактует термин «эллинизация». Если И. Романидис вслед за западными авторами понимает под эллинизацией прежде всего культурное, а затем и государственно-политическое доминирование греков в многонациональной империи, то Г. Металинос говорит об эллинизации только тогда, когда греки остались единственной нацией в своем государстве и у них начали складываться элементы национального самосознания. Его точка зрения не лишена разумных оснований — неспроста ведь последний византийский император называл себя не Βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων, а Βασιλεὺς τῶν Ἑλλήνων.

Но для обоснования цивилизационного единства греков на протяжении всей их истории недостаточно доказать преемственность византийского средневековья по отношению к античности, необходимо также доказать, что греки нового времени являются носителями все той же цивилизации. На это нацелена вторая группа аргументов ромейской теории. Они призваны решить две задачи: убедиться в том, что бывшие византийцы сохранили свою идентичность под иностранным игом (а можно ли вообще говорить о развитии цивилизации под игом?), а также сумели устоять под натиском западноевропейской цивилизации.

Любопытно, что сам И. Романидис рассматривает эти проблемы под другим углом зрения. У него не вызывает сомнений, что греко-римская (ромейская) цивилизация не была разрушена и иноземным завоеванием и продолжила свое существование в новых условиях в виде этнархии — автономной общины, руководимой Церковью, которую восточные завоеватели в отличие от западных оставили свободной. Нам кажется, что именно в феномене этнархии кроется ключ к пониманию всей ромейской те-

¹ Ῥωμανίδης Ι. Ῥωμηροσύνη... Σ. 78.

² Μεταληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 36–37.

рии. Делегировав константинопольскому патриарху часть полномочий гражданской власти, османы сделали его также политическим главой всех народов, исповедующих православие. С государственно-политической точки зрения «патриарх Нового Рима есть как бы томящийся в неволе византийский император, лишенный свободы, но не власти»¹. Как полагают авторы ромейской теории, константинопольские патриархи, хотя все они, за единственным исключением, были греки, сумели сохранить «равновесие между своими национальными чувствами и вселенскостью»². Особенность положения православного духовенства в Османской империи заключалась в том, что оно не было особым сословием, а составляло часть того, что турки называли «райя». Этнархия сохранила цивилизационное единство разных народов, входивших прежде в Восточную Римскую империю, и поэтому вопрос, с точки зрения И. Романидиса, заключается не в том, как оно сохранилось, а как и когда начало распадаться.

Для того чтобы лучше понять ход его мысли, надо подробнее остановиться на том, что он понимает под ромейской общностью. Здесь ему важно подчеркнуть, что с 212 г. до Р. Х., когда италийцы получили римское гражданство, слово «римлянин» перестало обозначать этническую принадлежность и начало обозначать гражданство³. Но это только половина его смысла. Вторая половина вытекает из того, что народы, входившие в Римскую империю и получавшие ее гражданство, приобщались к ее культурной традиции и становились носителями последней. А поскольку эта культурная традиция была в своей основе греческой, то, следовательно, «римлянин» в культурном аспекте — это синоним «грека» («эллина»). Таким образом, «римлянин» («ромей») — это одновременно носитель и римской государственно-политической традиции, и греческой культуры. Процесс интеграции новых народов в свое политическое и культурное пространство после падения Западной Римской империи ее восточная часть продолжила и с помощью религии: «Принимая православие, народы безоговорочно принимали ромейскую цивилизацию, а в качестве своих руководителей — ромейских императоров и патриархов»⁴. Из всего этого следует, что римско-ромейская общность окончательно сложилась в византийское время и с падением Восточной Римской империи развиваться вширь перестала.

Высказанная И. Романидисом концепция ромейского единства близка и понятна современной византистике: достаточно вспомнить хотя бы созданную примерно в те же годы широко известную и получившую международное признание концепцию Византийского Содружества Наций Д. Оболенского⁵. Но между ними обнаруживаются и существенные различия. Первое состоит в том, что у Д. Оболенского «сообщество государств и народов»⁶ существует именно как наднациональное, не подминая под себя отдельные народы, тогда как в концепции И. Романидиса суперэтническая компонента явно превалирует над национальной, что дает ему основания говорить об образовании единого «ромейского народа» (наподобие доперестроечного «советского народа»). Второе

¹ Лебедев А. П. История Греко-Восточной церкви под властью турок. Кн. 1. СПб., 2004. С. 24.

² Μεταληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 71.

³ Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 55–56.

⁴ Αυτόθι. Σ. 252.

⁵ Первое издание его книги, где она подробно излагается, вышло в 1971 г.: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. L., 1971.

⁶ Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 218.

различие касается хронологии и непосредственно вытекает из первого. Если Оболенский находит основания говорить о Византийском Содружестве (сообществе) лишь в период с IX по XV в., то время существования ромейской общности по Романидису гораздо шире: она зародилась в античности и продолжает существовать по сей день.

Различие исторических судеб народов, населявших Западную и Восточную Римскую империю, по мнению И. Романидиса, вытекает из того, как обошлись завоеватели с покоренным населением. Если западные римляне, покоренные германскими племенами, были превращены ими в крепостных и тем самым лишены возможности дальнейшего развития, хотя и не утратили окончательно свою «римскость», то в захваченной мусульманами Восточной Римской империи этнархия не только позволила сохранить единство ромейского мира, но и создала условия для его развития и процветания, которое длилось в течение нескольких столетий османского ига. И И. Романидис, и Г. Металинос рисуют картины идиллического единства ромеев в османском государстве. Те факты, которые нарушают гармонию этой картины, они предпочитают не вспоминать (например, подчинение Константинопольским патриархатом национальных церквей) или объявляют их плодом антигреческой (западноевропейской и русской) пропаганды (например, противоречия между греческой правящей верхушкой и местным валашским населением в Дунайских княжествах в XVIII — начале XIX в., греко-болгарский церковный конфликт второй половины XIX в.¹).

Особенно подробно османский период греческой истории анализирует Г. Металинос, создавший собственную версию его истории. Его книга², популярная по своему характеру, представляет собой образец «ромейского подхода» к истории. У Г. Металиноса, как и у И. Романидиса, мы не находим характерную для греческой национальной историографии, начиная с эпохи Просвещения, однозначно негативную оценку османского ига. В контексте ромейской теории его и игом-то назвать нельзя. Многие поколения греческих историков представляли Османскую империю как абсолютно чуждое грекам в культурном отношении государственное образование, сделавшее жизнь греческого народа невыносимой. Г. Металинос отходит от этих стереотипов и утверждает, что Османская империя в культурном отношении была синтезом греко-православной и мусульманской традиции, а в государственно-политическом — выступала как преемница Византии. Из опасности полного уподобления Византии Мехмед I (1413–1421) пошел на отказ от греческого языка как административного и дипломатического языка своего государства³. Таким образом, Г. Металинос фактически принимает сложившееся уже во время османского завоевания и сохранившееся в Турции до наших дней представление о том, что Османская империя представляла собой обновленную в религиозном отношении Византию. Это представление было свойственно не только туркам: его развивали и фанариотские историки⁴.

Все это не означает, что османский период был для греков сущим раем — Г. Металинос признает, что в Османской империи греки подвергались политической

¹ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη... Σ. 339; Μεταληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 71.

² Μεταληνός Γ. Τουρκοκρατία. Αθήνα, 1998.

³ См.: Μεταληνός Γ. Τουρκοκρατία. Αθήνα, 1998. Σ. 39.

⁴ См.: Πατρινέλης Χ. Γ. Πρώιμη νεοελληνική ιστοριογραφία (1453–1821). Θεσσαλονίκη, 1993. Σ. 33–34.

и экономической дискриминации¹, но хочет показать, что османское владычество имело не только отрицательные, но и положительные следствия для покоренных народов. Важнейшее из них — это возрождение ромейской общности, разрушившейся в поздневизантийское время. Османская система миллетов, создававшая этнархии по религиозному принципу, как нельзя более этому способствовала. И если Османская империя стала наследницей Византии в государственно-политическом и территориальном плане, то в плане культурном и духовном в качестве таковой выступала православная этнархия во главе с константинопольским патриархом.

Иными словами, Г. Металинос не согласен с устоявшейся точкой зрения о том, что после 1453 г. ромеи переживали культурный и духовный упадок. Разумеется, уровень образованности ромеев в это время снизился, но, во-первых, он начал падать уже в поздневизантийский период, а во-вторых, полный «духовный мрак» у ромеев никогда не наступал. К тому же не надо забывать о том, что уровень грамотности населения в Западной Европе оставался крайне низким даже в эпоху Просвещения. То есть у европейцев вряд ли есть моральное право говорить о «невежестве греков»². Г. Металинос дает вполне правдоподобное объяснение происхождению точки зрения о «невежестве греков» по сравнению с «просвещенной Европой». Во-первых, ромеи и европейцы имели различные духовные идеалы. Если для европейцев уровень духовности определялся мудростью, т. е. образованностью, то у ромеев мудрость отступала на второй план перед святостью. Во-вторых, на Западе христианство постепенно выродилось в философскую систему, в связи с чем и уровень духовности измерялся познанием наук, а не Бога. Поскольку Запад оценивал духовность Востока по своим собственным критериям, то и получалось, будто на Востоке господствовал «духовный мрак». Но с точки зрения ромеев дело обстояло как раз наоборот: поскольку богопознание на Западе пришло в упадок, то именно Запад погрузился во мрак, полагая в то же время, будто движется к свету³. На Востоке же греческая традиция и святости, и образованности была сохранена благодаря этнархии, а Константинополь продолжал оставаться духовным центром ромейского мира.

Помимо заключения о возрождении ромейского единства, рассуждая об этнархии, Г. Металинос приходит к еще одному важному выводу. Если Константинополь сохранил свое значение культурного и духовного, а как столица Османской империи также и государственно-политического (т. е. в категориях И. Романидиса цивилизационного) центра ромейства, то вообще нет оснований говорить о «падении» Константинополя Нового Рима. Греко-православное царство продолжало существовать, хотя и под игом. Этот силлогизм нужен Г. Металиносу для того, чтобы вступить в полемику с теорией «Москва — Третий Рим»: если Второй Рим не пал, то она лишена оснований⁴. Это означает, что греки-ромеи не утратили позиций духовного лидера православного мира. Для Г. Металиноса очевидно, что его соплеменники сохраняют их и по сей день. В связи с этим вспоминается фраза русского церковного историка А. П. Лебедева, звучащая вполне современно: «Греки мечтают о восстановлении какого-то своего, греческого царства и с ужасом останавливаются перед мыслью о возможности замены турецкого владычества на Босфоре русским»⁵.

¹ Μεταληνός Γ. Τουρκοκρατία. Αθήνα, 1998. Σ. 46.

² Αυτόθι. Σ. 130.

³ Αυτόθι. Σ. 131–132.

⁴ Αυτόθι. Σ. 69–70.

⁵ Лебедев А. П. Ук. соч. С. 24.

Теперь мы вплотную подошли к проблеме распада ромейского мира. Приверженцы ромейской теории прямо связывают разрушение единой ромейской общности с процессом «национального возрождения» на Балканах. Следствием формирования национального самосознания балканских народов стало бурное национально-государственное строительство в регионе, в ходе которого выявились непреодолимые противоречия между балканскими народами, повлекшие за собой не только государственно-политическое и территориальное, но и культурное размежевание между ними.

Как это ни прискорбно для И. Романидиса, но он вынужден признать, что именно греки стали застрельщиками национального размежевания на Балканах. Греческая национально-освободительная революция 1821 г., в результате которой было создано независимое греческое государство, повлекла за собой первый раскол ромейского мира, причем сразу двойной: ромейская общность распалась на греков и негреков, а греки, в свою очередь, на эллинов (элладитов), т. е. проживающих в Греции, и греков, т. е. оставшихся в Османской империи¹. Иными словами, обретение греками независимости дало толчок национально-освободительным движениям других балканских народов. В принципе последний тезис уже давно и прочно утвердился в историографии, но если современная историография Балкан — это прежде всего историография отдельных балканских народов, то И. Романидис и его единомышленники полагают, что по крайней мере до начала XIX в. не существовало никаких самостоятельных балканских народов, кроме ромеев (и османов), следовательно, написание каких-либо национальных историй этого периода неправомерно — до начала своего распада ромейский мир имел единую историю.

Надо сказать, что И. Романидис не единственный, кому в эпоху господства этноцентрического дискурса пришла в голову идея создания единой общебалканской истории: несколько лет назад греческая пресса обсуждала возможность написания единого для балканских народов школьного учебника по истории². Однако упомянутая идея имела под собой совершенно иные основания и преследовала конкретную политическую цель — отказаться от национально-патриотического воспитания молодежи, дабы разрушить идеологическую основу этнических национализмов на Балканах.

Каковы же были причины распада ромейской общности? И как в таком случае могут существовать ромей сегодня? Ответ на первый из этих вопросов имеет для И. Романидиса не только историческое, но и политическое значение, позволяет делать обобщающие выводы о судьбах ромейства. Единство ромейского мира было разрушено растущим национальным самосознанием балканских народов, причину же его роста И. Романидис находит не в каких-либо внутренних закономерностях развития региона, а во внешнем вмешательстве. По его мнению, кризис ромейского сознания был вызван проникновением в ромейскую среду элементов нового западноевропейского мирозерцания, тесно связанного с движением Просвещения, также сознательной политикой европейских держав, стремившихся ослабить Османскую империю, а в перспективе вообще развалить ее и заменить не возрожденной Романией-Византией, а конгломератом небольших, часто враждебных друг другу государств, в которых сильные мира сего могли бы легко утвердить свое влияние³. То есть греко-православ-

¹ Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 69–70.

² См., напр.: Κοινό βιβλίο Ιστορίας για Έλληνες και Τούρκους // Το Βήμα. 16.11.2003.

³ См.: Ρωμανίδης Ι. Κωστής Παλαμάς και Ρωμηοσύνη. Διάλεξις γενόμενη την 21.3.1976 εις την Ιεράν πόλιν Μεσολογγίου // www.romanity.org/htm/rom.e.05.kostis_palamas_kai_romiosini.01.html

ная империя была похоронена не с установлением османского владычества, а с образованием на месте Османской империи национальных государств¹.

С этой целью Англия, Франция и Россия, крупнейшие державы того времени, произвели «балканизацию Романии»: через своих агентов влияния, таких как греческий просветитель А. Кораис², они помогли балканским народам усвоить просвещенческое пренебрежение собственной традицией, внушить грекам убеждение в том, что единственной наследницей классической античности является западноевропейская цивилизация³. В свою очередь, балканские славяне и ближневосточные арабы стали жертвами западноевропейской и русской пропаганды, которая под видом просветительской деятельности стремилась к ослаблению их культурных связей с греками и усилению этнической компоненты в их самоидентификации⁴. Особо негативную роль в процессе «балканизации Романии» сыграли европейские историки: И. Романидис прямо обвиняет их в преднамеренной фальсификации истории с политической целью⁵. В связи с этим ромейская теория дает новую интерпретацию восточного вопроса: важнейшей его составляющей называются усилия европейской дипломатии по недопущению возрождения ромейства⁶.

Описывая враждебные действия иностранной пропаганды, которая велась особенно активно со второй половины XVIII в. в связи с начавшимся ослаблением Османской империи, И. Романидис «открывает» широкомасштабный международный антиромейский заговор, оформившийся еще в эпоху раннего Средневековья. Среди его участников самые разные государственные образования: от средневековых итальянских государств до США, большинство из которых действительно отличала враждебность по отношению к грекам на том или ином этапе. Но в этот список вошли и государства, известные своей филэллинской политикой, в том числе Россия. И. Романидис объясняет это тем, что филэллизм всего лишь миф⁷, а все заверения о любви к грекам не более чем политический маневр, используемый европейскими правительствами, чтобы разжиться за счет греков. Что же касается России, то отношение к ней И. Романидиса, меняющееся в диапазоне от настороженного до явно негативного⁸, возможно, объясняется также его антикоммунизмом и неприязнью к столпам биполярного мира, в эпоху которого формировалось мировоззрение автора ромейской теории. Более сдержанные выражения в адрес США, по всей видимости, вызваны политической корректностью по отношению к приютившей его стране.

Из всего этого, однако, не вытекает негативное отношение И. Романидиса и его единомышленников к национально-освободительной борьбе греков — напротив, он ей сочувствует и полагает, что она не достигла своей первоначальной

¹ См.: Μεταλληνός Γ. Τορκοκρατία. Αθήνα, 1993. Σ. 173–174.

² См.: Ρωμανίδης Ι. Το προπаторικό αμάρτημα. Σ. ιε'–κδ'.

³ Это убеждение и по сей день широко распространено среди греков и проявляется как на программно-политическом уровне, так и на бытовом.

⁴ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 69, 76 κ. α.

⁵ См.: Ρωμανίδης Ι. Διεκδικήσεις των γειτόνων μας // www.romanity.org/htm/rom.e.17.diekdikiseis_ton_geitonon_mas.01.htm

⁶ См.: Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 174–175.

⁷ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Второе издание вышло в 1982 г. Σ. 79–80.

⁸ Так, в число пяти восточных патриархов вместо московского он включает бухарестского (Ρωμανίδης Ι. ΡΡωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 319).

цели. Вдохновители революции 1821 г., по его мнению, стремились к возрождению Восточной Римской империи (Романии), но стали жертвами обмана со стороны Англии, Франции и России, и в результате независимость получила только одна ее провинция¹. Этот обман заключался во внушении грекам такого представления о собственной нации, которое было выгодно европейцам. Помимо идеологического воздействия европейские державы в то время предпринимали и конкретные политические шаги, нацеленные на ослабление этнархии. В частности, с этой целью Англия добивалась церковной автокефалии для новогреческого государства².

В результате греки стали осознавать себя потомками древних эллинов, но никак не византийцев. А поскольку, с точки зрения европейцев, подлинной наследницей древних эллинов стала западноевропейская цивилизация, то, чтобы греки стали истинными греками, им необходимо к ней приобщиться. Тех, кто попался в западню этой логики и стал носителем греческого, а не ромейского национального самосознания, И. Романидис называет новыми греками. В его глазах это предатели своего народа, истории и культуры, растворившиеся в западной цивилизации. Иными словами, предпосылкой формирования у греков национального самосознания западноевропейского типа И. Романидис считает отказ от собственной исторической традиции. Г. Металинос, соглашаясь с И. Романидисом в этом выводе, расходится с ним в определении сроков и носителей национального возрождения на Балканах. По его мнению, первые проявления национального размежевания среди ромеев восходят еще к середине XVIII в. и связаны с усилением позиций Церкви, вызванных экономическим подъемом, а следовательно, и этнархии. Стремление ромейских народов к политической независимости, в свою очередь, угрожало политическим прерогативам этнархии, что делало неизбежным конфликт между зарождающимися национальными движениями и этнархией³.

Однако новогреческое национальное самосознание, несмотря на все усилия вестернизированной интеллигенции и пропагандистской машины новогреческого государства, и по сей день не привилось всем грекам. Часть из них, особенно те, кто позже вошел в состав новогреческого государства или по сей день проживает за его пределами, продолжают считать себя ромеями. Именно они составляют ядро ромейства в современном мире, хотя носителями ромейской цивилизации продолжают оставаться и другие балканские народы: новые греки, румыны, албанцы, невзирая на их политическое предательство по отношению к ней.

Несмотря на захватывающую панораму ромейской истории, нельзя не заметить в ней некоторые противоречия. Прежде всего, отход балканских народов от ромейской традиции имеет не только политическую составляющую: сам И. Романидис признает, что новые греки — это часть западноевропейской цивилизации. Что же в таком случае роднит их с ромеями? Остается только один показатель — кровь. И хотя ни Романидис, ни приверженцы его идей нигде прямо об этом не говорят, именно такой вывод напрашивается из их рассуждений. Кроме того, по мысли И. Романидиса, греко-римская цивилизация обладает поистине феноменальной живучестью: однажды усвоенная, она сохраняется навсегда. Это ее уникальное свойство позволяет причислить к современным ее наследникам, например, французов — их предки когда-то

¹ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη... Σ. 51; Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 167–174.

² См.: Μεταλληνός Γ. Φωτομαχικά... Σ. 43.

³ См.: Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 144–145.

населяли римскую Галлию. С другой стороны, она может быть и утрачена: иначе для чего обвинять новых греков в предательстве?

Наконец, мы переходим к третьей группе аргументов в пользу ромейского цивилизационного единства, касающихся древнейшего этапа истории Балкан и Апеннин. В принципе ее можно было бы и не разбирать, т. к. двух первых вполне достаточно для того, чтобы получить представление о сущности построений адептов ромейской теории. Но мы все же на ней остановимся, т. к. в ходе осмысления этого исторического отрезка И. Романидис пришел к выводам, позволяющим дать новую интерпретацию всей его концепции.

Исходной посылкой размышлений И. Романидиса на античную тему служит довольно спорное представление о том, будто в древности существовала единая греческая нация с достаточно развитым самосознанием. Второй краеугольный камень его рассуждений — построение собственной иерархии источников по степени их достоверности. И. Романидис полагает неправильным считать наиболее достоверной группой источников археологические. По его мнению, археология должна играть вспомогательную роль, уступив первое место нарративным источникам, языку и мифологии¹. Наконец, некоторые его утверждения, например отнесение к числу греков догреческого населения Балкан — пеласгов², не обосновываются ничем.

Рассматривая древнейший период формирования римского народа, И. Романидис приходит к выводу, что составившие его основу племена — греческого происхождения. В их число он включает не только аркадских и микенских колонистов на Апеннинских полуостровах, но также троянцев, сабинов и латинов. Греки жили в Альба Лонге (из чего вытекает, что албанцы — это жители Альба Лонги, т. е. греки, а не иллирийцы), греки Ромул и Рем основали Рим³. Жители Рима, т. е. греки, объединили все окрестные племена (большинство из которых первоначально также составляли греки) в общее государство. Таким образом выходит, что римлянам вовсе не было необходимости становиться греками по культуре, т. к. они и так ими были, потому что римляне — греки по крови. Это обстоятельство придает совершенно новую окраску всей концепции И. Романидиса, превращая ее из чисто культурологической в узконационалистическую. Теперь становится понятной и та особенная живучесть римскости-ромейскости, о которой мы уже говорили. Связи греческих племен с Римом действительно существовали с глубокой древности⁴, но Романидис преувеличивает роль греков в процессе формирования римского этноса и государства. В результате получается своего рода греческий вариант «норманнской теории».

Справедливости ради надо сказать, что эти поздние выводы И. Романидиса не повлекли за собой пересмотра основного корпуса его теории, что прослеживается как по последнему изданию его важнейшей работы на эту тему, так и по сочинениям его ближайшего единомышленника Г. Металиноса.

Кроме того, в основе языка римлян лежали греческие диалекты. Первоначально римляне говорили на «чистом греческом», но по мере включения в состав их государства соседних племен все большее распространение получала латынь — «искаженный греческий». Из смешения «чистого греческого» и латыни впоследствии появился и албан-

¹ Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελι. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 42–43.

² Αυτόθι. Σ. 25–29.

³ Αυτόθι.

⁴ Подробнее см., напр.: Неронова В. Д. Ранний Рим // История Древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1989. С. 414–419.

ский язык¹. Ко времени классической античности процессы формирования греческого и латинского языков уже завершились, поэтому народы, вошедшие в римское государство позднее, сохранили свои языки, которые лежали в основе их этнической дифференциации в римском государстве. Иными словами, они становились римлянами, не теряя своей главной — языковой — этнической характеристики. Следуя логике Романидаса о превращении в римлян таких народов, как саксы и кельты, а также опираясь на его методологию, ставящую на первое место нарративные источники и мифологию, надо признать правомерным заявление Ивана Грозного о том, что он «от Кесаря Августа род свой ведет», основанное на утверждении «Сказания о князьях Владимирских» о римском происхождении Рюрика. Значит, русские тоже римляне и вполне имеют право претендовать на возрождение Римской империи в собственном лице. Каковая претензия в свое время уже была сформулирована теорией «Москва — третий Рим».

Использование языкового критерия в качестве главного этнодифференцирующего признака — не нововведение И. Романидаса. В этом он следует за восточно-христианской традицией²: не случайно греческое слово *ἔθνος* переводилось на церковно-славянский как «язык», подразумевавший одновременно и язык, и народ. Но для этой традиции — и в этом И. Романидас от нее отходит — не существует (или не имеет значения) никакое национальное или наднациональное государственно-политическое объединение. Традиция знает единство народов только как «народ Божий», где нет «ни Элина, ни Иудея», ни ромея. Что же касается слова *ἔθνος*, то оно имеет также и значение «языческий народ».

Историко-философская концепция И. Романидаса строится прежде всего на основе греческой истории и предназначена для ее «правильного понимания». Тем не менее, он не обходит своим вниманием и соседние регионы, особенно Европу, история которой тесно связана с римской государственностью. В свете концепции И. Романидаса некоторые ключевые события европейской истории получают новую интерпретацию. Например, норманнское завоевание Англии расценивается им как продолжение германского завоевания Римской империи, а Робин Гуд — как вождь не социального, а национального движения против завоевателей³. Любопытное наблюдение И. Романидаса относительно Реформации — что верность папе сохранили преимущественно те европейские страны, которые когда-то входили в Римскую империю, — наводит его на мысль о том, будто вплоть до того времени (XVI в.) они помнили о своем римском прошлом и сохраняли верность римскому единству, которое после падения империи для них олицетворял папа⁴.

Наиболее масштабным событием европейской истории после германского завоевания в глазах И. Романидаса является Французская революция. Он согласен с тем, что она изменила судьбу народов Европы. Однако суть этих перемен характеризует по-своему. По его мнению, третье сословие, добившееся участия во власти во время революции, — это потомки угнетенных франками галло-римлян. На протяжении тысячи лет франкская аристократия (не только во Франции, но и в других европейских странах) относилась к покоренным ею народам как к людям второго сорта. В Европе сложился уникальный социально-экономический строй — феодализм, которого никогда

¹ Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ροῦμέλη. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 337–338.

² Для ее понимания хорошим источником являются богослужебные тексты.

³ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη... Σ. 47.

⁴ Αυτόθι. Σ. 199–200.

не было в Византии. Наконец в 1789 г. угнетенные потомки римлян восстали, свергая не социальное, а национальное угнетение. Полностью лишить франков власти им не удалось, поэтому той эпохой И. Романидис датирует начало ассимиляции двух национальных элементов сначала во Франции, а затем и в некоторых других европейских странах¹. К этому времени римское население Европы еще сохранило свою римскость, но перестало ее осознавать². Так что задача историка — написать новую, римско-ромейскую историю Европы, которая положит конец «фальсификациям» франкских историков³.

Здесь мы наконец подходим к главной цели, которую преследует вся историко-философская концепция И. Романидиса. Эта цель состоит в том, чтобы заложить идейную основу конструирования новой формы самосознания греков. Подобное отношение к истории как к инструменту формирования национального самосознания для разработчиков греческой «Великой идеи» не ново: 100 лет назад аналогичную точку зрения открыто высказывал и обосновывал П. Яннопулос, предлагавший современным грекам вновь стать эллинами, т. е. уподобиться древним грекам.

И. Романидис и Г. Металинос ратуют за другую форму самосознания греков, которую они представляют как реанимацию старого ромейского (а не эллинского) сознания, но это не совсем так. Прежде всего потому, что средневековые ромеи национальным самосознанием в современном смысле этого слова не обладали, а авторы ромейской теории им, безусловно, обладают и волей-неволей архаизируют свои представления о нации, приписывая их византийцам. Помимо национального самосознания основатели ромейской теории наделяют средневековую ромейскую общность еще рядом черт. Будучи нацией, она в то же время наднациональна. Для того чтобы как-то выйти из этого противоречия, Г. Металинос возвращается к допросвещенческому термину γένος. В отличие от более нейтрального λαός («народ») γένος изначально подчеркивал кровное родство (ср. лат. gens — «род»), однако византийско-христианская традиция стерла родоплеменную коннотацию этого слова и превратила γένος в «народ ромеев», «народ Божий» (для Византии это были синонимы). Если византийский γένος (с прописной буквы как уникальное по своему характеру образование) и объединялся кровью, то это была Кровь Причастия. В работах Г. Металиноса γένος не обретает смысла кровного родства — Г. Металинос вообще пока не проявляет своего принятия поздних выводов И. Романидиса, но становится синонимом слова έθνος, поскольку, говоря о γένος των Ρωμαίων, Г. Металинос подразумевает исключительно греков. Кроме того, γένος для него — это высшая ценность, даже вера перед ней отступает на второй план. Некоторое оправдание для слияния έθνος и γένος Г. Металинос находит в словах апостола Петра о «народе святом» — έθνος άγιον (1 Петр. 2:9)⁴.

Наконец, основу римско-ромейской цивилизации, носителем которой выступает ромейская общность, составляет особый «ромейский дух», понятие о котором авторы ромейской теории приписывают византийцам. Ядро этого духа — ромейская система ценностей, не меняющаяся во времени. Ромеи не признают классовой или кровной аристократии в отличие от германцев (правда, это плохо согласуется с написанным в другом месте, что Древний Рим ее признавал), ромеи признают только аристократию

¹ Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 57.

² Αυτόθι. Σ. 101.

³ Первый вариант такой истории греков уже написан Г. Металиносом: См. выше.

⁴ Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία... Σ. 30.

духа. Вообще духовные ценности по аксиологической шкале ромеев занимают первое место: им чужд гедонизм европейцев, они честны, благородны, неагрессивны — если кого-нибудь завоевывают, то лишь с целью донести до темных варваров свет цивилизации. К тому же ромеи — демократы, они уважают другие нации (но своя все равно лучше). Иными словами, перед нами классический тип «великой нации».

И она, конечно, достойна великой судьбы, которую ей предназначает И. Романидис — восстановить прежнюю Романию. Что касается самого названия, восходящего к IV в. и встречающегося уже у Афанасия Великого, то под ним, как свидетельствует современная византистика, в Средние века понимали «достаточно расплывчатые политико-географические реалии»¹. Но для И. Романидиса все ясно: Романия — это Восточная Римская империя в зените своего могущества плюс соседние территории, входившие в орбиту ее влияния. Великая Романия включает в себя не только Восточную (ромейскую), но и Западную Римскую империи.

Здесь надо отметить, что по вопросу о будущем ромеев между И. Романидисом и Г. Металиносом имеются некоторые расхождения. И для того и для другого ромейская общность, которая в настоящее время идентифицируется с греческой нацией (другие бывшие ромеи являются таковыми лишь потенциально), представляется высшей ценностью. Но если у И. Романидиса ее «Великая идея» (хотя он и не употребляет этого выражения) мыслится как восстановление политико-географического единства ромейского мира, поскольку подразумевается, что цивилизационное единство существует, хотя и в латентной форме, то для Г. Металиноса последнее утверждение вовсе не очевидно.

Он полагает, что «Великая идея» как идея возрождения не только территориального, но и вообще всякого былого величия ромеев угасла после 1922 г., побежденная греческим национализмом², что еще не означает невозможности ее возрождения, реальных перспектив которого пока нет. При этом более реалистичной ему видится задача преодоления раскола внутри самой греческой нации, уходящего корнями в эпоху Просвещения и даже поздневизантийское время. Изучению сути этого раскола и одного из его проявления посвящена блестящая работа Металиноса-историка о спорах вокруг Благодатного огня³. Суть этого раскола заключается в духовном противостоянии приверженцев ромейской традиции и новых греков, попавших в духовное рабство к Западу. Ответом ромейской традиции на вызов со стороны европейского Просвещения стало православное анти-Просвещение, которое Г. Металинос называет исихастским возрождением XVIII в.⁴ Надо сказать, что Г. Металинос вообще последовательнее И. Романидиса в понимании ромейства: он прямо говорит, что «Романия и ромей — это национальные названия средневекового эллинизма»⁵.

С точки зрения Г. Металиноса, главная черта ромейского духа, унаследованная им от древних греков, — это стремление к истине, его важнейший идеал — это обожение, воплощение которого демонстрируют христианские святые⁶. Так религиозный идеал православия, в не меньшей мере свойственный и русской, болгарской, сербской

¹ Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 5.

² Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 181.

³ Μεταλληνός Γ. Φωτομαχικά — Αντιφωτομαχικά. Το φως του Παναγίου Τάφου στον διάλογο Διαφωτισμού — Ορθοδοξίας. Αθήνα, 2001.

⁴ Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 162–163.

⁵ Αυτόθι. Σ. 30.

⁶ Αυτόθι. Σ. 31–32.

и другим Церквям, превращается в национальный идеал греко-ромеев. Теоретическое обоснование национализации православного идеала таким видным ученым и богословом, как Г. Металинос, как нельзя лучше отвечает давнему стремлению греческого духовенства превратить православие в греческую национальную веру. А для ромейской теории крен Г. Металиноса в сторону им же критикуемого греческого национализма представляет большую опасность, т. к. лишение вселенско-цивилизационного содержания грозит ей вырождением и превращением в разновидность давно себя дискредитировавшей географической «Великой идеи».

Как же будет выглядеть и каким путем будет воссоздана Романия по Романидису? Возрожденная Романия, в которую на первых порах наиболее реально включить помимо Греции (Южная Романия) также Албанию (Западная Романия), Румынию (Северная Романия) и Кипр (Восточная Романия), должна иметь федеративное устройство¹. Политика государства новых греков в XIX–XX вв. по объединению ромейских провинций была обречена на неудачу по двум причинам: во-первых, они пресмыкались перед западными государствами, преследовавшими прямо противоположные цели, а во-вторых, они пытались все объединяемые народы превратить в греков, а не в ромеев². В связи с этим территориальные претензии новых греков могли быть удовлетворены только вооруженным путем. Но возрожденная Романия возникнет как результат добровольного союза ромейских народов, которые благодаря усилиям И. Романидиса и его единомышленников вновь обретут свое ромейское сознание.

Дело более отдаленной перспективы — расширение Романии на территорию Западной Европы и восстановление Великой Романии. Первый важный шаг на этом пути сделала Французская революция, потеснившая германскую феодальную аристократию и освободившая западных римлян от ее власти. Но для того чтобы стало возможным воссоздание Великой Романии на территории Европы, надо провести полную дефеодализацию и дегерманизацию Европейской Романии. Последнее означает не изгнание германцев, а полное отстранение их от власти и отказ от германских культурных и политических установок. В частности, одной из таких установок И. Романидис считает принцип создания мелких династических государств, на много столетий ввергший Европу в непрерывные войны. После того, как европейские потолки римлян осознают себя таковыми, задача возрождения единой Романии станет вполне осуществимой. Таким образом будет создана подлинно единая Европа, нынешнее же объединение европейцев И. Романидис считает эфемерным: по его мнению, Европа никогда не сможет по-настоящему объединиться, пока в ней господствует националистический, эксплуататорский и гедонистический дух³. В перспективе новая Романия может быть расширена на всю Ойкумену, где проживают потомки римлян-ромеев, и тогда появится федеративная Вселенская Романия, в основе политической организации которой будут лежать ромейские принципы. В территориальном плане римско-ромейская Ойкумена по Романидису включает в себя помимо Европы также США и Австралию⁴.

Итак, процесс создания новой Романии по Романидису должен пройти три этапа: воссоздание Романии в границах Восточной Римской империи, распространение ее на Западную Европу и, наконец, создание Великой Романии, охватывающей римско-ромейскую Ойкумену. И. Романидис всячески подчеркивает добровольный характер этих

¹ См.: Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ροῦμέλη. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 224.

² См.: Αὐτόθι. Σ. 223.

³ См.: Αὐτόθι. Σ. 320–321.

⁴ См.: Αὐτόθι. Σ. 57.

объединений и федеративный принцип их устройства. Механизм функционирования этой федерации он не рассматривает, и вообще из его рассуждений складывается впечатление, что федеративный принцип — всего лишь уступка нынешней национальной раздробленности ромеев. Вне зависимости от формы государственно-административного устройства и формы правления, о которой тоже прямо ничего не говорится, возрожденная Романия будет представлять собой империю. Поскольку ее население составят ромеи, а ромейские принципы лягут в основу политической организации, можно попытаться построить приблизительную модель этого государственного образования.

В нем не будет наследственной монархии. Любая другая форма правления И. Романидиса устроила бы при условии, что доступ к вершинам власти останется открытым для всех социальных групп. Такой, по крайней мере теоретически, является республиканская форма правления, такой была монархия в Византии. Правда, за тысячу лет ее существования только треть императоров умерли своей смертью, но об этом И. Романидис предпочитает не вспоминать. Исходя из того что вклад Церкви в развитие ромейства создатели ромейской теории оценивают безусловно положительно (это один из краеугольных камней из концепции) можно предположить, что и в новой Романии Церковь будет очень весомым общественным институтом. Идеальный вариант статуса Церкви в обществе и государстве предлагает восходящая опять же к византийской практике теория симфонии, хорошо известная историкам, но вовсе игнорируемая политологами.

Симфония, т. е. «согласие», властей предполагает совершенно иной, абсолютно чуждый современной либеральной демократии принцип разделения властей: она осуществляется между светской и церковной властью, предполагает их независимость и одновременно взаимопроникновение, гарантирующее их сбалансированность. Естественно, в безрелигиозном или мультиконфессиональном обществе подобная модель неосуществима, поскольку предполагает подлинную, а не демагогическую ответственность обеих ветвей власти перед нелицеприятным судьей, исполнителями воли которого они себя осознают. Разумеется, этой модели, имеющей за собой солидный исторический опыт и корректировавшейся временем, чужд примитивный мессианизм многих поколений американских политических идеологов, уходящий корнями в протестантские и околохристианские вероучения.

Чтобы наглядно показать различия между ромейским идеалом социально-политической организации и построенной по западному образцу социально-политической организацией в новой Греции, Г. Металинос составил две схемы, которые мы здесь воспроизводим¹ (см. схемы 1, 2).

Не трудно заметить два значимых различия между этими моделями. Во-первых, во второй модели народ из церковного организма и *Γένος* превращается в национальный организм. Во-вторых, если в ромейской модели народ был средоточием и субъектом общественно-политической жизни в ее важнейших проявлениях, то в новогреческом случае, который, заметим, представляет собой типичный вариант современной западной демократии, народ оказывается пассивным объектом для манипуляций со стороны политической власти, которую Г. Металинос отождествляет с государством. Получается, что политическая власть в современной практике узурпировала права и прерогативы народа. В связи с этим напрашивается вопрос о демократичности самой современной модели демократии, особенно в ее сравнении с ромейской моделью.

¹ Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998. Σ. 118.

Схема 1. Ромейская традиция

Схема 2. Новогреческая действительность

Что касается положения в империи отдельных народов, то доминирующая роль в культурном (но не государственно-политическом) отношении будет, безусловно, принадлежать грекам как носителям культурного ядра ромейской традиции. Остальным народам гарантирована некоторая степень культурной автономии при одновременном включении их в ромейскую нацию, очень напоминающую гумилевский суперэтнос.

В связи с этим отметим, что географическая зона, которую охватывает ныне «Великая идея», включает в себя не только Балканы и Причерноморье, то также и восточно-христианский мир (Рум Ортодокс). Призывы к более активной политике на Ближнем Востоке с опорой на христианское население арабских стран продикто-

ваны не просто желанием включить этот регион в сферу влияния (для начала хотя бы культурного) Греции, но и опасением, что на этом пути греков опередят русские, претендующие на гегемонию в православной ойкумене¹.

Итак, мы видим, что ромейская теория, начав свое существование как отвлеченная историко-философская концепция, постепенно превратилась в разновидность национальной идеологии – «Великую идею» цивилизационного типа. Несмотря на то что условий для практической реализации выдвинутых И. Романидисом и его единомышленниками идей в настоящее время не существует, сам факт их существования демонстрирует настроения, господствующие в определенных слоях греческой интеллигенции.

Воскрешение «Великой идеи»

Трагические события начала 1920-х гг. произвели глубокое потрясение в греческом обществе. Мечта о восстановлении греческой государственности в Малой Азии и возвращении священного города Константинополя, которая, казалось, была близка к осуществлению, не смогла реализоваться. Вместо этого греческая армия была разбита, в Греции наступил политический кризис, множество греков Малой Азии погибли или были вынуждены бежать. «Великая идея», потерпевшая сокрушительное поражение в качестве внешнеполитической доктрины, находилась в состоянии глубокого упадка.

В связи с этим в середине — второй половине 1920-х гг. греческое общество и государство вынуждены были не только заниматься ликвидацией последствий Первой мировой войны, но и решать задачи, поставленные малоазиатской катастрофой. В области экономики и социальных отношений предстояло завершить модернизацию, начатую Э. Венизелосом еще до Первой мировой войны. Важной задачей являлась экономическая интеграция недавно присоединенных территорий и социальная адаптация их населения. Огромную проблему представляли собой беженцы. Необходимо было срочно обеспечить их жильем, продовольствием и работой. Кроме того, большинство беженцев считали свой статус и пребывание в Греции временными и надеялись на возвращение домой. Так в Греции, еще не справившейся с задачей интеграции территорий, приобретенных в годы Балканских войн, появилась большая социальная группа, считавшая греческое государство дружественным, но не родным. Политическое соперничество между сторонниками Венизелоса и короля Константина дополняло картину социальной разобщенности в стране. Мыслившие в категориях этноцентрического дискурса греки воспринимали эту разобщенность как раскол нации и переживали его очень болезненно.

Греческая государственность, существование которой в принципе не было поставлено под сомнение, испытала серьезные потрясения, вызванные поиском новых форм ее существования. Политический кризис начала 1920-х гг., пройдя через череду военных переворотов, разрешился установлением республики. Однако республиканская идеология не стала массовой и не смогла потеснить национальную идею. Несмотря на

---

¹ См.: Χολέβας Κ. Ελληνισμού Ενόρασις: η Εθνική Αυτογνωσία ως πλαίσιο εξωτερικής πολιτικής στον 21ο αιώνα. Αθήνα, 1998. Σ. 46–47.

свое поражение в качестве внешнеполитической доктрины, «Великая идея» продолжала оставаться самой популярной идеологией, охватывавшей разные слои общества. Как и в начале столетия, определенную роль в ее поддержании сыграла литература, особенно произведения писателей, переживших малоазиатскую катастрофу.

Вернувшийся в 1928 г. к власти Э. Венизелос попытался завершить нацеленные на модернизацию преобразования в стране, ориентируясь, как и прежде, на принципы либерализма. Однако в условиях мирового экономического кризиса, затронувшего также и Грецию, ряд его мероприятий оказался безрезультатным. Удар, нанесенный либерализму экономическим кризисом, неэффективность функционирования парламентской системы открывали простор для роста популярности пришедших из Европы идей авторитарного правления.

Установление диктаторского режима И. Метаксаса можно считать логическим итогом исканий межвоенного периода. Авторитарный режим в Греции, обладая рядом черт, свойственных этому типу политического правления, имел и свои особенности. У него не было ни своей партии или массовой организации, ни боевых отрядов. В риторике режима ни на каком этапе его существования не наблюдалось каких-либо левых лозунгов. Придя к власти, представитель греческой аристократии Метаксас принес с собой традиционные ценности, среди которых одно из первых мест занимала нация. Диктаторский режим поставил перед собой задачи преодоления последствий экономического кризиса, установления политической стабильности, укрепления обороноспособности страны, преодоления раскола нации.

Их решению способствовала создававшаяся Метаксасом и его единомышленниками идеология, представлявшая собой новую ипостась «Великой идеи». Поскольку территориальное расширение греческого государства и создание Великой Греции в прежнем понимании в обозримом будущем мыслилось невозможным, то была найдена новая модель развития — цивилизационная. Она предполагала новый путь реализации изначально заложенного в греческой национальной идее постулата о величии собственной нации. Магистральным признавался путь «органической работы» с последующей культурной и экономической, но не военной экспансией. В соответствии с этим строилась и внешняя политика режима, носившая скорее оборонительный характер. Вторая мировая война помешала эволюционному развитию режима И. Метаксаса, однако дала проявиться в действии его мобилизационным возможностям. Несомненным успехом режима стало отражение итальянской агрессии в 1940–1941 гг.

В оккупированной Греции политическое влияние рухнувшего режима перешло к левым политическим силам. Несмотря на то что они в своей борьбе за свободу использовали патриотические лозунги, основу взглядов большинства участников Сопротивления составляли социалистические и коммунистические идеи. Впервые в годы Второй мировой войны в стране большое влияние приобрела альтернативная «Великой идее» идеология. Впоследствии ее позиции были подорваны гражданской войной и последующими гонениями на коммунистов. Эти события послужили причиной нового раскола нации, преодолеть который удалось только во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг.

В послевоенной Греции наметилось новое оживление «Великой идеи», связанное с небольшими территориальными приобретениями по итогам Второй мировой войны и обострением кипрского вопроса. Как оказалось, вопрос о судьбе Кипра в Греции многими воспринимался в духе традиционных для национальной идеи представлений о необходимости собирания всех населенных греками территорий в одном государ-

стве. Однако события, прежде всего на международной арене, развивались вразрез с этими представлениями. Невозможность добиться решения кипрского вопроса в пользу греков повлекла за собой углубление внутривосточного кризиса в Греции, вызванного затянувшимся конфликтом между монархом и парламентом. Его разрешением стало установление последней в греческой истории военной диктатуры.

Диктатура «черных полковников», занимаясь вопросами экономического, социального и культурного развития, уделяла немалое внимание разработке собственной идеологии. Не просто сформулированная и озвученная, но также активно внедрявшаяся в массы, эта идеология по сути была близка концепции «третьей греческой цивилизации» Метаксаса и представляла собой «Великую идею» цивилизационного типа. Однако в отличие от режима Метаксаса «полковники» оказались не чужды революционной риторики, которую искусно сочетали с защитой традиционных ценностей.

В годы диктатуры началась разработка еще одного варианта «Великой идеи» — ромейской теории, которая приняла законченные формы в последующие десятилетия. В основу ромейской теории легла собственная историко-философская концепция, рассматривающая греческую и европейскую историю под необычным углом зрения. Опираясь на историко-философские выкладки, авторы ромейской теории разработали принципы формирования нового греческого самосознания и предложили свое видение политического устройства греческого государства. В результате появилась еще одна «Великая идея» цивилизационного типа. Она популярна в некоторых кругах духовенства и интеллигенции, но остается за пределами реальной политики. Тем не менее некоторые конструкции и наблюдения авторов ромейской теории, несомненно, представляют и практический интерес.

Произошедшее на волне нового обострения кипрского вопроса свержение диктатуры и последовавшая смена политического строя повлекли за собой появление новой, либерально-демократической государственной идеологии. Но это не означало полного отказа от национальной идеи, которая оказалась необычайно живучей. Она мастерски внедрила свои ценности в официальную идеологию и отчасти слилась с ней. Яркими иллюстрациями этого процесса служат греческая политическая символика, школьные учебники по истории.

Активизировавшись в 1990-е гг. на фоне благоприятной геополитической обстановки, «Великая идея» стала вновь обретать очертания конкретных политических программ. В этих программах нашли свое воплощение черты «Великой идеи» различных типов и эпох: «органической работы», внешней экспансии, цивилизационного подхода. Интересной новостью этого времени стало появление не только национал-радикальных политических партий, но и неоязыческого движения, которое по существу оказалось своеобразным движением интеллигенции за развитие национальной идеи. В то же время развал социалистической системы способствовал развитию национальных идеологий и в других балканских странах. Часто они актуализировали давно забытые претензии и обиды, создавая тем самым почву для конфликтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Натиск и Востока, и Запада положил конец существованию тысячелетней Византийской империи. Потеряв государственную независимость, греки были вынуждены приспосабливаться к новым условиям существования. Ни в Османской империи, ни во владениях западных государств не произошло исчезновения греческого этнического элемента. Греки сумели выжить, сохранить собственную веру и культуру.

Значительную роль в этом сыграла Православная церковь. Государственно-политическое устройство Османской империи благоприятствовало консервации Церкви как института и даже предоставило ей ряд привилегий. Поскольку рычаги церковного управления находились в руках греков, то именно они оказались в наиболее выгодном положении среди христианских народов империи. На протяжении нескольких столетий Церковь оставалась в греческом мире едва ли не единственным хранителем национальной традиции и письменности, источником знаний о мире и человеке. Греки, проживавшие во владениях других государств, прежде всего Венеции, могли обучаться и в европейских университетах. Со временем принципы западного рационалистического мировоззрения и основанные на них образовательные программы стали проникать и в среду греческого населения Османской империи.

Переход под контроль империи важнейших торговых путей в Средиземноморье, с одной стороны, и целых отраслей торговли в руки греков, с другой, способствовали укреплению слоя греческого купечества, повышению благосостояния целых поселений. Накопленные капиталы частично вкладывались в развитие образования, а впоследствии — в вооружение и подготовку к освободительному восстанию. Период наибольшего экономического подъема греков совпал со вступлением империи в фазу структурного кризиса.

Лишенные первоначально доступа к власти как покоренный народ, греки постепенно сумели интегрироваться в правящую элиту венецианских колоний и доказать свою полезность османам. Участие во власти помогало грекам получить важный опыт политической деятельности, впоследствии использованный в Республике Семи Соединенных Островов и в государственном строительстве 1820–1830-х гг.

Новое интеллектуальное движение, начавшееся среди греческих книжников в XVIII столетии под влиянием западноевропейского Просвещения, привело к формированию нового дискурса, поставившего под сомнение некоторые традиционные ценности. Новый, этноцентрический по своей сути дискурс постепенно упрочивал свои позиции, а после образования греческого независимого государства стал в нем господствующим политическим дискурсом и лег в основу национальной идеологии, получившей название «Великой идеи». Новый дискурс в значительной мере способствовал и утверждению в греческом обществе новой, европейской культурной парадигмы, пришедшей на смену старой, византийско-османской.

Этноцентрический дискурс сыграл важную роль в подготовке революции 1821 г., в ходе которой решался вопрос о том, быть ли и каким быть греческому независимому государству. На начальном этапе революции среди греков не было единого мнения о том, будет ли новое государство национальным по западноевропейскому образцу или станет ориентироваться на византийско-имперскую традицию. В ходе революции первая точка зрения, поддерживаемая также европейскими державами, постепенно

стала господствующей. Однако молодое государство объединило в своих границах лишь четвертую часть всех греков. Национальная идеология обосновывала их претензии на другие османские территории. Но многие из их оставшихся под властью султана соплеменников не принимали идею строительства национального государства. Разделению нации способствовала и политика европейских держав.

Уже в 1830–1840-е гг., т. е. даже еще до появления самого термина «Великая идея», она легла в основу программ образовавшихся к тому времени протопартий. В это время наметились два основных направления, по которым пошли разработчики партийных программ, — это путь интенсивного внутреннего развития страны («органической работы») и путь внешней экспансии («вооруженной борьбы»). Оба эти направления нашли свое отражение в программных установках всех трех протопартий: английской, французской и русской. Причем наиболее политически продуктивным оказалось сочетание обоих направлений в политическом кредо одной из ветвей «французской партии» — группировке И. Колеттиса. Ее тактика отвечала настроениям широких масс: колеттисты высказывались в поддержку обоих путей развития, делая в зависимости от обстоятельств акцент то на одном, то на другом. В силу этого за группировкой Колеттиса закрепилось в конце концов название «национальной партии», в этом же причина роста ее популярности, приведшая ее к победе на выборах 1844 г. и последующему пребыванию у власти. Уже в это время на базе «Великой идеи» была выработана внешнеполитическая доктрина Греции, остававшаяся в силе вплоть до малоазиатской катастрофы 1920-х гг.

В XIX в. наиболее яркое выражение оба направления получили в 1870–1890-е гг. в период господства на политической арене Греции двух партий: А. Кумундурса — Т. Делияниса, выражавшей интересы крупных землевладельцев, а также финансового и торгового капитала, и партии Х. Трикуписа, представлявшей промышленную буржуазию, интеллигенцию и зажиточных крестьян. В 1870-е — первой половине 1880-х гг. обе партии действовали в духе группировки Колеттиса: они выбирали один или другой путь в зависимости от конкретных политических условий, которые вынуждали обе партии придерживаться преимущественно линии «органической работы». Благоприятные условия для перехода к «вооруженной борьбе» складывались лишь в период международных кризисов 1877–1878 г. и 1885–1886 гг. Однако со второй половины 1880-х гг. обе партии остановили свой выбор лишь на одном из путей: с этого времени Х. Трикупис становится стойким приверженцем «органической работы», а Т. Делиянис — решительным сторонником «вооруженной борьбы». Реализация программ этих партий с точки зрения самой «Великой идеи» не принесла большого успеха. Экономические реформы Трикуписа подорвали государственные финансы и привели страну к банкротству, а спровоцированная правительством Делияниса греко-турецкая война 1897 г. была с позором проиграна.

Но поражение 1897 г. не только не ослабило позиций «Великой идеи» в умах греческих политиков и общественности, но, напротив, даже усилило их. Если идеологическая поддержка (а во многом и практическая организация) борьбы за Македонию в начале XX в. связана с именами И. Драгумиса и митрополита Касторийского Германа (Каравангелиса), то основным проводником «Великой идеи» последующей эпохи (до 1930-х гг.) в модернизированной — либеральной — форме стал Э. Венизелос, вначале придерживавшийся пути «органической работы» в качестве осознанной политической программы. Но движение по этому пути оказалось недолгим, и уже в 1912 г. Греция

оказалась активным участником вооруженного конфликта. Ситуация на международной арене в последующие пять лет заставила Венизелоса сосредоточить внимание преимущественно на внешней политике. Но уже в 1917 г. он вернулся к задуманным ранее реформам, не пропуская при этом возможности получить и территориальные приращения. Последним успехом Венизелоса на поприще реализации «Великой идеи» как программы территориального расширения стал Севрский договор (1920), отдававший Греции Константинополь и часть Малой Азии. Но на парламентских выборах 1920 г. либералы потерпели поражение, между тем для реализации этого договора правительство П. Протопадакиса организовало военную экспедицию (1920–1922), закончившуюся катастрофическим поражением. Грекам не только не удалось вооруженным путем закрепить свое присутствие в Малой Азии, но пришлось оставить надежду на приобретение этих территорий и в будущем: одним из условий мира с Турцией стало соглашение об обмене населением (1923). После этнотерриториального размежевания Греция не могла более использовать тезис о необходимости освобождения поработанных соотечественников как основу своей внешней политики. «Великая идея» потерпела поражение как внешнеполитическая доктрина, но осталась жить как идеология.

Э. Венизелос вновь оказался у власти в 1928–1932 гг. и вернулся к проводившейся им прежде политике создания «сильной Греции» путем внутреннего реформирования. Фактическим продолжателем этой политики стал авторитарный диктатор И. Метаксас (1936–1940), сформулировавший концепцию «третьей греческой цивилизации» — наследницы древнегреческой и византийской цивилизаций. Ставя своей целью создание «сильной Греции», которая могла бы противостоять как разлагающему влиянию парламентских демократий, так и растущим аппетитам тоталитарных держав, Метаксас осуществил техническое перевооружение армии современным вооружением, укрепил границы с Болгарией и провел к ним шоссейные дороги, добился подписания между предпринимателями и рабочими коллективных соглашений, защищающих права последних, освободил от долгов крестьян, укрепил драхму, привязав ее к английскому фунту стерлингов, принял ряд мер по борьбе с контрабандой.

Идеология «третьей греческой цивилизации» стала первым вариантом создания «Великой идеи» цивилизационного типа, который должен был исправить недостатки ее прежних интерпретаций. Идеологическое творчество в этом направлении было продолжено диктаторским режимом «черных полковников» (1967–1974), разработавших и внедривших в массы концепцию «Новой Великой Греции». Между идеологиями двух авторитарных режимов было много общего. Основное различие заключалось в том, что «полковники» использовали в своих построениях революционную символику и риторику, которой избегал режим Метаксаса. Еще одним вариантом «Великой идеи» этого типа стала ромейская теория, пока остающаяся за пределами большой политики.

Оккупация странами Оси во время Второй мировой войны и последовавшая за ней гражданская война имели самые пагубные последствия для Греции: к началу 1950-х гг. страна стала нищей и обескровленной, а с началом реализации доктрины Трумэна попала в зависимость от США. Установившаяся после Второй мировой войны ялтинская система международных отношений стабилизировала границы в Европе, и, казалось бы, путь «органической работы» должен был прочно доминировать над путем «вооруженной борьбы», но последний неожиданно проявился в виде кипрского вопроса. Начиная с 1950-х гг. и по сей день Греция ведет борьбу за Кипр, которая то затихает, то разгорается вновь.

Вторая половина 1970-х гг. стала для Греции временем кардинальных перемен. В это время страна окончательно рассталась с монархией и перешла к республиканскому строю. Партийно-политическая система также существенно изменилась. В ней сохранилась только одна партия, существовавшая до 1974 г., — КПП. Остальные партии, в том числе лидирующие ПАСОК и «Новая Демократия», образовались только после падения диктатуры «черных полковников». Национальная идея потеряла позиции государственной идеологии, но не утратила их полностью. Национальные ценности тесно переплелись с либерально-демократическими.

В начале 1990-х гг. в связи с изменившейся геополитической ситуацией на Балканах на базе «Великой идеи» были выработаны новые политические программы. События 1989–1991 гг. опровергли ставшее за полстолетия привычным представление о незыблемости границ в Европе и вселили новые надежды в сторонников внешней экспансии. Крушение международной социалистической системы поставило Грецию в очень выгодные условия по сравнению с ее бывшими социалистическими соседями: будучи членом НАТО и Европейского сообщества, Греция стала рассматриваться как оплот цивилизации в регионе.

Подводя итоги, следует дать общую оценку тому, какую роль сыграла идея нации, основанная на ней идеология и внешнеполитическая доктрина в греческой истории периода возникновения и развития новогреческой государственности. Вопрос о том, что возникло раньше — национальная идеология или национальное государство, не имеет однозначного ответа. Как мы видели, формирование этноцентрического дискурса у греков началось еще в условиях отсутствия собственной государственности. Однако в тот период на его основе не было создано определенной идеологии, этот процесс только начинался. Возрождение греческой государственности в форме национального государства происходило под воздействием не столько национальной идеологии, сколько международной политики.

Действительное становление национальной идеологии происходило уже в рамках этого государства в условиях взаимодействия и взаимовлияния. Государство поддерживало национальную идеологию, способствовало ее развитию и в конце концов превратило ее в свою государственную идеологию. В свою очередь, национальная идеология обосновывала само существование греческой государственности именно в такой форме, предоставляла в ее распоряжение свой управляющий и мобилизационный потенциал. Национальная идеология легла в основу политических программ большинства партий и политических деятелей, послужила фундаментом для создания внешнеполитической доктрины страны в XIX в.

Особую роль в греческом национально-государственном строительстве сыграла Церковь. О большом вкладе Церкви в сохранение греческой культурной идентичности в период османского владычества уже неоднократно говорилось исследователями. Однако особое положение Церкви в Османской империи имело и другие последствия. Наряду с сохранением в недрах Церкви византийско-православной традиции в эпоху возникновения этноцентрического дискурса наметилась тенденция к отождествлению религиозной и национальной идентичности, в результате чего православие стало восприниматься как национальная религия греков.

В очередной раз продемонстрировав свою удивительную приспособляемость к внешней среде, православие сумело найти свою нишу в национальном государстве. Правда, это произошло не сразу и не безболезненно. Церковная реформа, проведен-

ная баварским регентством, грозила лишить молодое государство такого мощного союзника, как Церковь. Но впоследствии церковно-государственные отношения приняли более спокойный характер. Это дало возможность государственной идеологии взять на вооружение мобилизационный потенциал православия, опираясь на тезис «православие — национальная вера». Особенно удачно это было сделано во время греко-болгарского церковного конфликта, при проведении пропагандистской работы в Македонии, в борьбе за присоединение Афона. Во всех этих случаях можно говорить лишь об использовании религии и о церковной принадлежности в качестве этнодифференцирующего признака, но никак не об опоре на какие-либо собственно религиозные ценности православия.

В межвоенный период мобилизационный потенциал Церкви начал снижаться, что было связано с открытием принципов создания массовых идеологий нового типа. После Второй мировой войны эта тенденция продолжилась. Диктаторский режим «черных полковников» предпринял попытку реанимировать общественно-политическую роль Церкви и вновь использовать православие в качестве значимого элемента государственной идеологии.

После 1974 г. новая официальная идеология стала ориентироваться на модель светского государства. Это обстоятельство, а также общее снижение религиозности в Европе, затронувшее и Грецию, повлекли за собой падение общественно-политического веса Церкви. Она утратила свое место в государственной идеологии. Тем не менее, в обществе влияние и авторитет Церкви еще сохраняются, хотя их степень постепенно уменьшается. Но даже для многих религиозно индифферентных греков православие и по сей день остается компонентом национальной идентичности.

Возвращение национальной идеологии в политические программы в конце XX в. показывает, что ее потенциал не исчерпан. Однако, учитывая опыт прошлого, признаем, что возникают опасения, будет ли он конструктивным в современных условиях. Эти опасения усиливаются при анализе ситуации в других балканских государствах, где на этот период также пришелся новый подъем национальных идеологий. Использование и греками, и их соседями старых форм «Великой идеи», нацеленных на территориальную экспансию, неизбежно создает конфликтную ситуацию, как это продемонстрировала, например, борьба вокруг македонского вопроса в середине 1990-х гг. Цивилизационные формы национальных идеологий менее агрессивны. Впрочем, и те и другие представляют собой ответ на вызовы времени. Углубление европейской интеграции и глобализационных процессов вызвало опасения за сохранность собственной культурной, а затем и национальной идентичности. Национальные идеологии стали тем спасательным кругом, за который ухватились интеллектуальные и политические элиты балканских стран, стараясь противостоять этой опасности. Крушение ялтинской системы актуализировало опасность пересмотра государственных границ и вызвало необходимость обращения к национальным идеологиям с целью защиты собственных рубежей.

Условия для актуализации этой опасности были заложены как смешанным характером населения Балкан, так и принципами проведения межгосударственных границ. Несмотря на все декларации о праве наций на самоопределение, на практике границы между балканскими государствами проводились, исходя прежде всего из интересов великих держав. Реальная этническая карта при этом мало принималась во внимание. Последующие обмены населением лишь частично решили про-

блему меньшинств. В результате национальное государство на Балканах осталось идеальной моделью, далекой от реальной жизни. Поэтому и к концу XX в. Балканы не перестали быть «пороховым погребом Европы».

Оглядываясь назад, некоторые греки считают, что идея нации сыграла с ними злую шутку, привела к нескольким катастрофам и большим человеческим жертвам. Другие, продолжая свято верить в национальные ценности, не мыслят вне их своего существования. Где же истина? В этой книге мы старались показать, что первая точка зрения не лишена веских оснований. Однако стоит взглянуть на вещи и с другой стороны. Самим своим существованием на протяжении почти двух столетий греческое государство во многом обязано именно идее нации. Эта идея помогла молодому государству выжить, вырасти территориально, а в определенной степени — экономически и культурно. Если в XIX — начале XX в. еще были основания для сомнений относительно того, является ли Греция магистральным путем развития греческой нации, то XX в. их полностью рассеял. На сегодняшний день Греция — одна из немногих стран Средиземноморского региона, где отсутствуют сепаратистские движения (хотя первые их признаки уже появились). В то время как многие соседи движутся к дезинтеграции с неизвестными последствиями, Греция продолжает оставаться унитарным государством и стремится сохранить свою историческую и культурную самобытность в условиях глобализации и расширяющейся европейской интеграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные хранилища

АВПРи — Архив внешней политики Российской империи (Россия)

ФО — Архив Foreign Office (Великобритания)

ГАК — Γενικά Αρχεία του Κράτους (Греция)

ΙΑΥΕ — Ιστορικόν Αρχείον του Υπουργείου Εξωτερικών (Греция)

Опубликованные документы, переписка

Адмирал Ушаков. Сб. документов. Т. 1–2. М., 1952.

Акты греческого Нежинского братства. Киев, 1884.

Внешняя политика России XIX — начала XX в. М., 1960– (продолжающееся издание).

Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 1–4. М., 1934.

Феотокис Никифор, архиеп. Благословенным христианам Греции и России. М., 2006.

Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. 2-я половина XV века. М., 1982. С. 217–267.

Constantine, King of Greece. A King's Private Letters. L., 1925.

Chapuisat E. La Restauration Hellénique d'après la correspondance de Jean-Gabriel Eynard. Paris — Genève, 1924.

[Eynard J.-G.] Επιστολαί Ι. Γ. Εϋνάρδου προς Γ. Σταύρον. 1841–1843. Εν Αθήναις, 1923.

Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // Balkan Studies. № 7. Thessaloniki, 1966.

Jelavich B. Russia and Greece during the Regency of King Othon. 1832–1835. Russian documents on the first years of Greek independence. Thessaloniki, 1962.

Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. Appendices. Munchen, 1966.

Poulos J. La Grèce d'Othon vue en 1841 par l'homme d'Etat et diplomate Français Piscatory. Textes et Documents // L'Hellénisme Contemporaine. 2ème série. V. IX. Athènes, 1955.

Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914.

Terrorism in Cyprus. The captured documents: translated extracts issued by authority of the Secretary of State for the Colonies. L., 1956.

The Foundation of Modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999.

The Greek White Book. Washington, 1942.

The movement for Greek independence. 1770–1821. A collection of documents. L., 1976.

The Treaties of Peace, 1919–1923. V. 2. N. Y., 1924.

Thouvenel L. La Grèce du Roi Otho. Correspondance de M. Thouvenel avec sa famille. P., 1890.

[Zographo C.] Lettre de M. Zographo a M. Duvergier de Hauranne, en réponse a son article inséré dans "La Revue des deux mondes" du 15 Oct. 1844. n. p., n. d.

1940–1941. Ελληνικά διπλωματικά έγγραφα. Αθήνα, 1980.

Αι αναγκαιότεραι Εγκύκλιοι, Επιστολαί, Διατάξεις και Οδηγίαι της Ιεράς Συνόδου της Εκκλησίας της Ελλάδος. 1834–1854. Αθήνα, 1854.

Αρχεῖον Ελληνικής Παλιγγενεσίας μέχρι της εγκαταστάσεως της Βασιλείας. Τ. 1–20. Αθήνα, 1971–2001.

Βενιζέλος Ε. Τα κείμενα. Αθήνα, 1978.

Δασκαλάκης Α. Κείμενα-Πηγαί της ιστορίας της Ελληνικής Επανάστασεως. Τ. 1–3. Αθήνα, 1966–1968.

Δέλτα Π., Ζάννας Π. Ελευθέριος Κ. Βενιζέλος: ημερολόγιο, αναμνήσεις, μαρτυρίες, αλληλογραφία. Αθήνα, 1978.

[Κολοκοτρώνης Γ.] Διάφορα έγγραφα και επιστολαί εκ της συλλογής του υποστρατηγού Γ. Κολοκοτρώνη. Αθήνα, 1855.

Επιστολαί του Όθωνος (1838–1858). Αθήνα, 1898.

[Καλλέργης Δ.] Διάφορα έγγραφα και προκηρύξεις του στρατιωτικού της Πρωτευούσης διοικητού Δημητρίου Καλλέργη. Εν Αθήναις, 1844.

Οικονόμος Κ. Αλληλογραφία. Αθήνα, 1989.

Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Τ. 1–4. Αθήνα, 1960–1969.

Παπαδόπουλος Γ. Το πιστεύω μας. Τ. 1–7. Αθήνα, 1968–1972.

Πούλος Ι. Η Επανάσταση της 3ης Σεπτεμβρίου 1843 επί τη βάσει των Γαλλικών Αρχείων // Δελτίον Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας της Ελλάδος. Τ. 11. Αθήνα, 1956.

Πρακτικά της εν Αθήναις της Τρίτης Σεπτεμβρίου εθνικής των Ελλήνων Συνελεύσεως. Αθήνα, 1993.

Σπανάκης Σ. Μνημεία της κρητικής ιστορίας. Τ. 1. Zuanne Mocenigo: Relazione (pres. 1589). Ηράκλειο, 1940.

Σπανάκης Σ. Μνημεία της κρητικής ιστορίας. Τ. 2. Francesco Morosini, provveditor general et ingegner nel regno: Relazione di Candia 1629. Ηράκλειο, 1950.

Χαντζερής Σ. Λόγοι Πατριωτικοί, απλοσύνθετοι, για τη σκλαβιά της γυναίκας και για το χαλασμό του γένους, στηλευτικοί της προίκας και του εμπορικού γάμου. Αθήνα, 1948.

Περιοδικα

Άγγελος

Αθηναί

Αιών

Ακρόπολις

Ανεξάρτητος

Βραδυνή

Ελεύθερος άνθρωπος

Ελεύθερος τύπος

Ελευθεροτυπία

Ελλάς

Ελληνικός ταχυδρόμος

Ελπίς

Ευαγγελική σάλπιγξ

Εφημερίς της Κυβερνήσεως
 Η Δράσις μας
 Καιροί
 Καθημερινή
 Νουμάς
 Παρατηρητής
 Σωτήρ
 Τρίτη Σεπτεμβρίου
 Φίλος του Λαού
 Χρόνος

Дневники, воспоминания

- Гальдер Ф. Военный дневник, 1940–1941. М., 2003.
 Муссолини Б. Мемуары, 1942–1943. М., 2004.
 Ciano G. 1939–1943. The complete, unabridged Diaries of Count Galeazzo Ciano, Italian Minister for Foreign Affairs, 1936–1943. N. Y., 1946.
 George, Prince of Greece. The Cretan Drama. The Life and Memoirs of Prince George of Greece. N. Y., 1959.
 Grivas G. Memoirs. L., 1964.
 Guizot M. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon Temps. T. 6. P. Leipzig, 1864.
 Papadopoulos Vretos A. Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce, le comte Jean de Capodistrias. 2 vols. P., 1837–1838.
 Papadopoulos Vretos A. Un Grec très-dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. P., 1873.
 Papagos A. The battle of Greece, 1940–1941. Athens, 1949.
 Αινιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d.
 Αλεξανδρής Α. Πολιτικάί αναμνήσεις. Πάτρα, 1940.
 Βενιζέλος Ε. Ιδιόγραφον Ημερολόγιον. Χανιά, 1979.
 Βενιζέλου Ε. Στη σκιά του Βενιζέλου. Αθήνα, 2002.
 Γερμανός Π. Π. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d.
 Γεωργαντάς Α. Ιστορικά απομνημονεύματα της βασιλείας Όθωνος // Παρνασσός. Τ. 5. Οκτώβριος, 1881. Αθήνα.
 Γονατάς Σ. Απομνημονεύματα. 1897–1957. Αθήνα, 1958.
 Δαγκλής Π. Αναμνήσεις. Τ. 1, 2. Αθήνα, 1965.
 Δραγούμης Ν. Ιστορικά Αναμνήσεις. Τ. 1–2. Αθήνα, 1973.
 Ζαβιτσιάνος Κ. Αι αναμνήσεις εκ της ιστορικής διαφωνίας βασιλέως Κωνσταντίνου και Ελευθερίου Βενιζέλου, όπως την έζησε (1914–1922). Τ. 1–2. Αθήνα, 1946–1947.
 Καλογερόπουλος Δ. Γεώργιος Β'. Αθήνα, 1949.
 Καποδίστριας Ι. Αυτοβιογραφία. Αθήνα, 1940.
 Καραβαγγέλης Γ. Ο Μακεδονικός αγών. Απομνημονεύματα. Θεσσαλονίκη, 1959.
 Κολοκοτρώνης Γ. Απομνημονεύματα (χειρόγραφον 2. 1821–1862). Αθήνα, 1961.
 Κολοκοτρώνης Θ. Διήγησις συμβάντων της ελληνικής φυλής (1770–1836). Αθήνα, 1846.
 [Λιδωρίκης Ν.] Σελίδες τινες της ιστορίας του βασιλέως Όθωνος. Αθήνα, 1898.
 Μαζαράκης-Αινιάν Κ. Ο Μακεδονικός Αγών. Αναμνήσεις. Θεσσαλονίκη, 1963.
 Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d.
 Μακρυγιάννης. Οράματα και θάματα. Αθήνα, 1983.

- Μελά Ν. Παύλος Μελάς. Αθήνα, 1999.
Μεταξάς Ι. Το προσωπικό του ημερολόγιου. Τ. 1–4. Αθήνα, 1964.
Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, n. d.
Παλάσκας Λ. Τα συμβάντα του Οκτωβρίου 1862 επί του Βασιλικού ατμοδρόμωνος “Αμαλίας”. Αθήνα, 1882.
Ρίζος Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 1–2. Εν Αθήναις, 1894–1895.
Σουλιώτης-Νικολαΐδης Α. Ημερολόγιον του Πρώτου Βαλκανικού Πολέμου. Θεσσαλονίκη, 1962.
Σουλιώτης-Νικολαΐδης Α. Οργάνωσις dΚωνσταντινουπόλεως. Αθήνα, 1984.
Φωτάκος. Απομνημονεύματα. Τ. 1–2. Αθήνα, 1960.
Χατζηκυριακού Γ. Σκέψεις και εντυπώσεις εκ περιοδείας από την Μακεδονίαν, 1905–1906. Θεσσαλονίκη, 1962.

Сочинения современников, публицистика, пророчества, описания путешественников

- Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819.
Бронников К. И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824.
Готье Т. Путешествие на Восток. М., 2000.
Григорович-Барский В. Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. Ч. 1. СПб., 1778.
Каподистрия И. Записка о нынешнем состоянии греков // Славяно-балканские исследования. М., 1972.
Коковцев М. Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. СПб., 1786.
Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. СПб., 1839.
Пападиамандис Α. Мечта в волне. Μ., 2000.
Пападиамандис Α. В тоске по родине. Μ., 2001.
Райк Α. Н. Записка об убиении Каподистрии, составленная Α. Н. Райком // Русский Архив. 1869.
Свиньин П. П. Описание Бесарабии // Stratum plus. № 6. 2001–2002.
Табов И. Падането на Стара България. София, 1997.
Хметевский С. Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии // Современник. Т. 49. № 1. СПб., 1855.
Чалъков Н. Една страница от гръцкия варваризъмъ въ XX векъ надъ българите въ Македония и Тракия. Пловдивъ, 1930.
About E. La Grèce contemporaine. P., 1854.
Aldenhoven F. Itinéraire descriptif de l'Attique et du Péloponnèse, avec cartes et plans topographiques. Athènes, 1841.
Baird H. M. Modern Greece: a narrative of a residence and travels in that country. N. Y., 1856.
Baudier M. Histoire générale du serrail et de la cour de Grand Seigneur. P., 1623.
Bickford-Smith P. A. H. Greece under King George. L., 1893.
Blaquiere E. The Greek Revolution. Its Origin and Progress. L., 1824.

- Booth J.* Trouble in the Balkans. L., 1905.
- Brandis C.* Mittheilungen über Griechenland. 3 Bände. Leipzig, 1842.
- Bremer F.* Greece and the Greeks. The narrative of a winter residence and summer travel in Greece and its islands. 2 vols. L., 1863.
- Buchon J. A.* La Grèce continentale de la Morée. Voyage, séjour et études historiques en 1840 et 1841. P., 1847.
- Buchon J. A.* La Grèce. Les Cyclades et les îles Ioniennes. P., 1843.
- Buchon J. A.* Voyage dans l'Eubée, les îles Ioniennes et les Cyclades en 1841. P., 1911.
- Bulwer H.* An Autumn in Greece. L., 1826.
- Cochrane A.-B.* The kingdom of Greece. L., 1862.
- Cochrane A.-B.* The Morea: with some remarks on the present state of Greece. L., 1840.
- Cumming W. F.* Notes of a wanderer in search of health, through Italy, Egypt, Greece, Turkey, up the Danube, and down the Rhine. 2 vols. L., 1840.
- Damer G. L. D.* Diary of a Tour in Greece, Turkey, Egypt and the Holy Land. 2 vols. L., 1842.
- Dernschwam H.* Tagebuch einer Reise nach Konstantinopel und Kleinasien (1553–1555). München, 1923.
- Depping G. B.* La Grèce ou description topographique de la Livadie, de la Morée et de l'Archipel. Paris, 1830.
- Duvergier de Hauranne P.* De la situation actuelle de la Grèce et de son avenir // La Revue des Deux Mondes. T. VIII. 15 Oct. 1844.
- Faudot A.* La vérité sur les affaires de la Grèce. P., 1844.
- Finlay G.* The Actual Condition of the Greek State // Blackwood's Edinburgh Magazine. V. 55. Jan. –Jun. 1844.
- Finlay G.* The Bankruptcy of the Greek Kingdom // Blackwood's Edinburgh Magazine. V. 54. Sept. 1843.
- Finlay G.* The Hellenic Kingdom and the Greek Nation. L., 1836.
- Finlay G.* History of the Greek Revolution and of the Reign of King Otho. Edinburgh -L., 1861. 2 vols.
- Forcade E.* Le roi Othon et la Grèce dans la Question d'Orient // La Revue des Deux Mondes. T. VII. 1854.
- Gordon T.* History of the Greek Revolution. V. 1–2. Edinburgh, 1832.
- [Greg W.] Sketches in Greece and Turkey. L., 1833.
- [Heinze A. C.] Der dritte September 1843 in Athen. Von einem Augenzeugen beschrieben und mit den betreffenden Actenstücken begleitet. Leipzig, 1843.
- Heinze A. C.* Der hellenische Nationalcongress zu Athen in den Jahren 1843 und 1844. Nach der Originalausgabe der Congressverhandlungen im Auszug bearbeitet und mit geschichtlichen Notizen, Actenstücken u. s. w. begleitet. Leipzig, 1845.
- Hobhouse J.* Journey through Albania and other Provinces of Turkey in Europe and Asia to Constantinople during the Years 1809 and 1810. L., 1813.
- The Late Revolution in Greece // The British and Foreign Review. № XXXV. L., 1844.
- Leake W. M.* A Historical Outline of the Greek Revolution. L., 1826.
- Lenormant F.* Le comte André Metaxa et le parti Napiste en Grèce. P., 1861.
- Martin P.* Greece of the Twentieth Century. L., 1913.

Maurer G. L. Das Griechische Volk in Öffentlicher, Kirchlicher und Privatrechtlicher Beziehung vor und nach dem Freiheitskampfe bis zum 31. Juli 1831. Heidelberg, 1835.

Mure W. Journal of a tour in Greece and the Ionian islands. 2 vols. Edinburgh L., 1842.

Nugent G. Lands, Classical and Sacred. (Review) // The Quarterly Review. № CLVI. October, 1846. L.

Papadopoulos Vretos A. Del'idée dominante des Grecs sur la conquête de Constantinople. Athènes, 1854.

Papadopoulos Vretos A. Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce, le comte Jean de Capodistrias. 2 vols. P., 1837–1838.

Papandreou A. Political Element in Economic Development. Stockholm, 1966.

Papandreou A. Paternalistic Capitalism. L., 1972.

Perdicaris G. A. The Greece of the Greeks. N. Y., 1845.

Pouqueville F.-C.-H.-L. Histoire de la Régénération de la Grèce. T. 1, 2. P., 1834.

Raoul-Rochette M. Athènes sous le roi Otho // Revue des Deux Mondes. 4ème série. XVI (1838).

Rey E. Voyage pittoresque en Grèce et dans le Levant fait en 1843–1844. 2 vols. Lyons, 1867.

Rundstedt R. Die griechische Armee und die Revolution. Athen, 1862.

Rycaut P. Present State of the Ottoman Empire. L., 1670.

Seligman V. The Victory of Venizelos: A Study of Greek Politics, 1910–1918. L., 1920.

Stephens J. Incidents of travel in the Russian and Turkish empires. 2 vols. L., 1839.

Steub L. Bilder aus Griechenland. 2 Bände. Leipzig, 1841.

Strong F. Greece as a Kingdom. L., 1842.

Texier E. La Grèce et ses insurrections. P., 1854.

Thiersch F. De l'Etat actuel de la Grèce et des moyens d'arriver à sa Restauration. Leipzig, 1833.

[Voutier]. Mémoires du colonel Voutier sur la guerre actuelle des Grecs. P., 1823.

Ο Αγαθάγγελος. Οι προφητείες του για το μέλλον των εθνών και της Ελλάδος. Θεσσαλονίκη, n. d.

Αθανασίου Γ. Σχέδιον θεσμού των Ελλήνων μεθ'υπερασπίσεως της μιας Βουλής χάριν των κκ. Πληρεξουσίων. Αθήνα, 1843.

Αναγνωστόπουλος Μ. Ο Παλαιός και ο Νέος Αγαθάγγελος. Αθήνα, 1860.

Αρχαί της Συνταγματικής μοναρχίας. Αθήνα, 1843.

[Βάμβας Ν.] Τα τέσσαρα Ευαγγέλια και αι Πράξεις Αποστόλων, μεταφρασθέντα μεν υπό Ν. Βάμβα... εκδοθέντα δε δαπάνη της Βρετανικής και ξενικής ιερογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1838.

Βασιλειάδης Ν. Νεοειδωλολατρεία. Το σύγχρονο "προσωπείο" του αντιχρίστου // Η Δράσις μας. Τεύχ. 405–460 (2003–2008).

Ο Βασιλεύς Όθων, ιστορικόν εράνισμα επί τη πεντηκονταετηρίδι του θανάτου αυτού. Αθήνα, 1917.

Βερέττας Μ. Γεννήθηκα Έλληνας. Αθήνα, 2000.

Βλαχογιάννης Ι. Αθηναϊκόν Αρχαίον. Αθήνα, 1901.

Βλαχογιάννης Ι. Οι κλέφτες του Μοριά. Αθήνα, 1935.

Βλαχογιάννης Ι. Σπιρομήλιου απομνημονεύματα της δευτέρας πολιορκίας του Μεσολογγίου 1825–1826. Αθήνα, 1926.

Γαρούφας Δ. Όραμα και στρατηγική για τον ελληνισμό στα Βαλκάνια. Θεσσαλονίκη, 1996.

Γεωργαλάς Γ. Η ιδεολογία της Επαναστάσεως. Αθήνα, 1971.

- Γιαννόπουλος Π. Ἄπαντα. Τ. 1. Αθήνα, 1963.
- Δέλτα Π. Για την Πατρίδα. Αθήνα, 1909.
- Δέλτα Π. Στον καιρό του Βουλγαροκτόνου. Τ. 1–2. Αθήνα, 1911.
- Δέλτα Π. Στα μυστικά του βάλτου. Αθήνα, 1937.
- Δημόκριτος της Αθήνας. Ευνομία, διατριβή αυτοσχέδιος. Αθήνα, 1843.
- Δραγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα. Θεσσαλονίκη, 1994.
- Δραγούμης Ι. Ο Ελληνισμός μου και οι Έλληνες // Δραγούμης Ι. Έργα. Σειρά Β'. Αθήνα, 1927.
- Δραγούμης Ι. Ελληνικός πολιτισμός // Δραγούμης Ι. Έργα. Σειρά Β'. Αθήνα, 1927.
- Δυβεργιέρος. Τα κατά την Ελλάδα επί των παρελθόντων τριών μηνών. n. p., [1844].
- Έβερτ Μ. Καραμανλής, ο αναμορφωτής: 1955–1963 και 1974–1980. Αθήνα, 1983.
- Ελλάς. Πολιτική κατάσταση αυτής. Αύγουστος, 1837. Εσωτερικά.
- Ευσεβούς τινος συντάκτου... Ζηλοπροφήτου, Σύνταγμα Πνευματικόν. Ερμούπολις, 1838.
- Ιννοκεντίου επισκόπου Καμτσάτκας. Οδηγός εις την Βασιλείαν των Ουρανών. Εν Οδησσώ, 1843.
- [Καλλιγιάς Π.] Η εξάντλησις των κομμάτων, ήτοι Τα ηθικά γεγονότα της κοινωνίας μας. Αθήνα, 1842.
- Κείος Ι. Γ. Π. Ο Αγωνιστής Έλλην (κατά την 3 Σεπτεμβρίου). n. p., n. d.
- Ο Κομήτης. Τα άπαντα του Συντάγματος. Εν Αθήναις, 1843.
- Κτητορικόν ή Προσκυνητήριον της ιεράς και βασιλικής μονής του Μεγάλου Σπηλαίου. Αθήνησιν, 1840 (приписывается К. Икономосу).
- Λεβίδης Κ. Η Ελληνική φυλή και η Δύσις. Αθήνα, 1856.
- Μελετοπούλος Χ. Δ. Η Ευρωπαϊκή διπλωματία εν Ελλάδι. Αθήνα, 1883.
- Μεταξάς Ι. Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού (και της μικρασιατικής καταστροφής). Αθήνα, 1935.
- Ευδιάς Β. Οι “Έλληνες” ξανάρχονται // Σύναξη. Τεύχ. 69. Ιανουάριος — Μάρτιος 1999.
- Οικονόμος Κ. Επίκρισις εις την περί νεοελληνικής εκκλησίας σύντομον απάντησιν του σοφολογιωτάτου διδασκάλου κυρίου Νεοφύτου Βάμβα. Αθήνα, 1839.
- Οικονόμος Κ. Τα σωζόμενα εκκλησιαστικά συγγράμματα. Τ. 2. Αθήνα, 1864.
- Ορφανίδης Θ. Τα κατά την εορτήν της 25 Μαρτίου και τα κατά την δίκην των εορτασάντων αυτήν. Αθήνα, 1841.
- Ορφανίδης Θ. Ωδή αυτοσχέδιος εις την Τρίτην Σεπτεμβρίου, ημέραν καθ'ην επαγιώθη η Ελευθερία εις την Ελλάδα. Αθήνα, 1843.
- Αρχιεπισκόπου Νικηφόρου του πρώην Αστραχανίου και Σταυρουπόλεως. Κυριακοδρόμιον. 2 τόμοι. Εν Μόσχα, 1837.
- [Πανάς Γ.] Η βάπτισις της κυρίας Αικατερίνης Χαντζερή καί τινες ιστορικάί σκέψεις περί του ελληνικού και δυτικού πνεύματος. Ερμούπολη, 1842.
- Παπαδόπουλος Βρετός Α. Πολιτικά σύμμικτα. φυλ. 1, 2. Αθήνα, 1840.
- Παπάζογλου Μ. Φοιτητικό κίνημα και δικτατορία. Αθήνα, 1975.
- Παπακωνσταντίνου Θ. Πολιτική αγωγή. Αθήνα, 1970.
- Παπαναστασίου Α. Δημοκρατία και το εκλογικό σύστημα. Αθήνα, 1923.
- Παπαναστασίου Α. Μελεταί, λόγοι, άρθρα. Αθήνα, 1958.
- Παπανδρέου Γ. Η απελευθέρωση της Ελλάδας. 1944–1945. Αθήνα, 1945.
- Παπαρρηγόπουλος Κ. Ιστορία του Ελληνικού έθνους από των αρχαιωτάτων χρόνων μέχρι των καθ'ημάς. Αθήνα, 2005. Τ. 1–15.

Παπαρρηγόπουλος Κ. Περί εποικίσεως σλαβικών τινων φυλών εις την Πελοπόννησον. Εν Αθήναις, 1843.

Ποιμενίδου Δ. Ι. Ο Ελευθερωτής ή το Τρόπαιον του 1821 και ο Θρίαμβος του 1843. Εν Αθήναις, 1843.

Πολίτης Ν. Γ. Έλληνες η Ρωμηοί. Αθήνα, 1901.

Πολιτικόν Σύνταγμα της Ελλάδος κατά την Εθνικήν Συνέλευσιν. Αθήνα, 1843.

Πολυμερής Γ. Επιστολή πολιτική προς φίλον τινα εν Λονδίνο, πραγματευόμενη περί της νέας των Ελλήνων πολιτικής μεταβολής της 3 Σεπτεμβρίου. [Σύρος], 1843.

Ραγκαβής Α. Ρ. Η Τρίτη Σεπτεμβρίου. Οτсут. тит. лист.

[Ρενιέρης. Μ.] Φιλοσοφία της Ιστορίας. Δοκίμιον. Εν Αθήναις, 1841.

Ριτσικάλης Ν. Φαινόμενα Νεοειδωλολατρίας // Η Δράσις μας. Τεύχ. 412. Οκτώβριος 2003.

Ρωμανίδης Ι. Ο άγιος Γρηγόριος Παλαμάς. Εισαγωγή εις την Θεολογίαν και πνευματικότητα της Ρωμαιοσύνης έναντι της Φραγκοσύνης. Αθήνα, 1975.

Ρωμανίδης Ι. Σ. Κωστής Παλαμάς και Ρωμηοσύνη. Διάλεξις γενόμενη την 21.3.1976 εις την Ιεράν πόλιν Μεσολογγίου // www.romanity.gr.

Ρωμανίδης Ι. Ρωμηοσύνη — Ρωμανία — Ρούμελη. Θεσσαλονίκη, 1975.

Ρωμανίδης Ι. Το προπατορικόν αμάρτημα. Αθήνα, 1957.

[Σαλωνιδίτης Π. Δ.] Η Φιλορθόδοξος Εταιρεία. Αθήνα, 1840.

Σαμαράς Α. Η Εθνική αλήθεια για τη Μακεδονία. Η ιστορική ομιλία του προέδρου της Πολιτικής Ανοξίης Αντώνη Σαμαρά στη Βουλή των Ελλήνων στις 24/1/1994. Ν. ρ., n. d.

Σούτσος Α. Η μεταβολή της Τρίτης Σεπτεμβρίου εις φυλλάδια πέντε. Εν Αθήναις, 1844.

Σούτσος Α. Πανόραμα της εν Αθήναις Εθνικής Συνελεύσεως. Αθήνα, 1844.

Σοφιανόπουλος Α., Σοφιανόπουλος Χ. Η πρόοδος της Εθνικής των Ελλήνων Συνελεύσεως του 1844. Αθήνα, 1844.

Σπανάκης Σ. Μνημεία της κρητικής ιστορίας. Τ. 1. Zuanne Mocenigo: Relazione (pres. 1589). Ηράκλειο, 1940.

Στεφανίτζης Π. Δ. Συλλογή διαφόρων προρρήσεων. Αθήνα, 1838.

Στεφανόπουλος Σ. Κοινωνικά συστήματα και Φιλοσοφία. Αθήνα, 1940.

Αρχιμ. Τιμόθεος (Τζιαβάρας). Δοκίμια Αυτοσυνειδησίας. Αθήνα, 1998.

Τα κατά Μουσούρον ή η Ελληνοτουρκική διαφορά. Αθήνα, 1848.

Τα συμβάντα της νεοελληνικής επαναστάσεως. Αθήνα, 1862.

Του Συντάκτου του Πνευματικού Συντάγματος... Απόδειξις προφητική... Ερμούπολις, 1840.

Τριανταφυλλίδης Μ. Δημοτικισμός και Αντίδρασις. Θεσσαλονίκη, 1957.

Τσάκωνας Δ. Ελληνικότης. Αθήνα, 1962.

Τσάκωνας Δ. Κοινωνία και Ορθοδοξία. Αθήνα, 1956.

Φαρμακίδης Θ. Απολογία. Αθήνα, 1840.

Φιλιππίδης Α. Ρωμηοσύνη και βαρβαρότητα. Σ. 94 // [www.pelagia.org/html/b19.e.romiosini i varvarotita00.html](http://www.pelagia.org/html/b19.e.romiosini%20i%20varvarotita00.html)

Φίνλαϋ Γ. Επιστολή προς τους Αθηναίους. Αθήνα, 1844.

Φωτάκος. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960.

Χαιρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905.

Χολέβας Κ. Ελληνισμού Ενόρασις: η Εθνική Αυτογνωσία ως πλαίσιο εξωτερικής πολιτικής στον 21ο αιώνα. Αθήνα, 1998.

Χολέβας Ι. Οι Έλληνες σλαβόφωνοι της Μακεδονίας. Αθήνα, 1999.

Χρησμοί του Αγαθαγγέλου. Αθήνα, 1837.

Χριστιανική κατ'έκτασιν Κατήχησις. Εν Οδησσώ, 1841.

Χριστόδουλος, αρχιεπίσκοπος. Εκκλησία και έθνος. Αθήνα, χ. χ.

Χρονόπουλος Κ. Ελλάς Ελλήνων Χριστιανών. Αθήνα, 1971.

ΛΙΤΕΡΑΤΟΥΡΑ

Справочная литература

Πравославная энциклопедия. Все алфавитные тома. М., 2000–(продолжающееся издание).

Новая философская энциклопедия. Т. 1–4. М., 2000–2001.

About Greece in the year of the Olympic Games. Athens, 2004.

Liddel H., Scott R. Μέγα λεξικόν της ελληνικής γλώσσης. Τ. 1–4. Αθήνα, 1907.

Mutinelli F. Lessico Veneto. Venezia, 1852.

Βυζάντιος Σ. Λέξικο της Ελληνικής Γλώσσης. Εν Αθήναις, 1852.

Γκίνης Δ. Σ., Μέξας Β. Γ. Ελληνική βιβλιογραφία. 1800–1863. 3 τόμοι. Αθήνα, 1939–1957.

Ηθική και Θρησκευτική Εγκυκλοπαίδεια.

Ηλιού Φ., Πολέμη Π. Ελληνική βιβλιογραφία. 1864–1900. 3 τόμοι. Αθήνα, 2006.

Ηλιού Φ. Νέες προσθήκες στην Ελληνική βιβλιογραφία 1800–1863 // Τετράδια εργασίας, № 10, 1988.

Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Τ. 9–16. Αθήνα, 1975–2000.

Ιστορία των Ελλήνων. Τ. 1–20. Αθήνα, [2006].

Ιωαννίδης Γ. Μικρή εγκυκλοπαιδεία εθνομαρτύρων κληρικών. Αθήνα, 1991.

Κλαίρης Χ., Μπαμπινιώτης Γ. Γραμματική της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2004.

Μακεδονία. A Greek term in modern usage. Thessaloniki, 2005.

Μεγάλη Ελληνική Εγκυκλοπαίδεια Π. Δρανδάκη. 24 τόμοι. Αθήνα, 1926–1934.

Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, 2006.

Νέα Μεγάλη Ελληνική Εγκυκλοπαίδεια Χάρη Πατσή.

Νεώτερον Εγκυκλοπαιδικόν Λεξικόν “Ηλίου”. 18 τόμοι.

Παπαγεωργίου Στ. Το ελληνικό κράτος (1821–1909). Οδηγός αρχειακών πηγών της νεοελληνικής ιστορίας. Αθήνα, 1988.

Φουσάρας Γ. Ι. Βιβλιογραφία των ελληνικών βιβλιογραφιών. 1791–1947. Αθήνα, 1961.

Ψυχάρης Γ. Μεγάλη Ρωμαϊκή Επιστημονική Γραμματική. Τ. 1–3. Αθήνα, 1929–1937.

Исследования

Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972.

Анфим, игумен. Церковь Королевства Новогреческого // Прибавления к «Смоленским епархиальным ведомостям». 1866. № 19.

Арш Г. А. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963.

Арш Г. А. Великая Французская революция и Греция (Политическая программа Ригаса Велестинлиса) // Европа в новое и новейшее время. М., 1966.

Арш Г. А. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976.

Арш Г. А. К вопросу о национальном самосознании греков в канун революции 1821–1829 // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 8–15.

Арш Г. А. Ригас Велестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига (его практическая революционная деятельность) // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев, 1966.

- Арш Г А. Этеристское движение в России. М., 1970.
- Бабиниотис Г Средневековый греческий язык (VI–XVIII в.) // Античность в контексте современности. М., 1990. С. 76–94.
- Белецкий А. А. Проблема греческого языка византийской эпохи // Античная культура и современная наука. М., 1985.
- Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.
- Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Васильев А. С. История Востока. Т. 1–2. М., 1993.
- Венедиктов В. Ю. Россия и Константинопольский патриархат: этноконфессиональный диалог второй половины XIX века // Вопросы культурологии. 2008. № 1. С. 20–23.
- Виноградов К. С. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. М., 1964.
- Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978.
- Высочков А. В. Николай I. М., 2006.
- Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960.
- Галчев И. Българското самосъзнание на населението в Македония през възрождението. София, 2000.
- Герд А. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
- Герд А. А. Россия и Православный восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. СПб., 2003.
- Гриневский С. А. Прокофий Возницын, или Мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии. М., 1992.
- Гуткина И. Г Греческий вопрос и дипломатия европейских держав в 1821–1822 гг. // Ученые записки ЛГУ Т. 130. Л., 1951.
- Данова Н. Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София, 1980.
- Даскалов Г Българите в Егейска Македония. София, 1996.
- Деллаграмматикас Я. Установление империалистами экономического контроля над Грецией // Вопросы истории. № 11, 1971. С. 98–110.
- Драгунский Д. В. Макрополитика (Заметки о детерминантах национального поведения) // Полис. 1995. № 5.
- Драгунский Д. В. Навязанная этничность // Полис. 1993. № 5.
- Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.
- Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической культуры). М., 1971.
- Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
- Жебокрицкий В. А. Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.
- Жукова Е. В. Греческий просветитель Никифор Феотоки и освобождение Греции // Новая и новейшая история. 2001. № 1.

- Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.
- За Балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- Зоитакис А. Образование и просвещение в греческих землях в 18 веке // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. № 3, 2007. С. 12–31.
- Зоитакис А. Г. Просветительская деятельность и педагогическая концепция Косьмы Этолийского (2-я пол. XVIII в.) // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 16–33.
- Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963.
- История Византии. М., 1967. Т. 3.
- История национального сопротивления в Греции, 1940–1945. М., 1977.
- Калинин Н. Государственный строй Греции. М., 1959.
- Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.
- Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.
- Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
- Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Квашнин Ю. Д. День «Охи» и вступление Греции во Вторую мировую войну // Россия и Греция: история и современность. М., 2008. С. 230–248.
- Квашнин Ю. Д. Сражение за Крит в мае 1941 года // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 102–120.
- Кенан Дж. Ф. Кризис на Балканах (1913 и 1993) // Другите балкански войни. Изследоване на Фондация «Карнеги» от 1913 година в исторична перспектива с нов увод и размисъл върху современния конфликт на Дж. Ф. Кенан. София, 1995.
- Кепрюлю М. Ф. Происхождение Османской империи. М., 1939.
- Кинросс А. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.
- Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967.
- Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции 1946–1949 гг. М., 1961.
- Коротеева В. В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблемы объяснения // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.
- Корсун Н. Балканский фронт мировой войны, 1914–1918. М., 1939.
- Корсун Н. Греко-турецкая война. М., 1940.
- Криницын Ф. С. Чесменская победа. М., 1958.
- Круговая Е. Г. «Черные полковники» в Греции 1967–1974 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3.
- Круговая Е. Г. Экономическая политика военного режима в Греции (1967–1974) // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 1997. № 1.
- Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3.
- Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М., 1991.
- Курганов Ф. Устройство управления в Церкви Королевства Греческого. Казань, 1871.
- Лебедев А. П. История Греко-восточной Церкви под властью турок. Кн. 1–2. СПб., 2004.
- Лубоцкая А. С. Греция и идея Балканского экономического союза по материалам журнала “Les Balkans” // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 117–132.

Лукасос С. «Памятник» русским филэлламам // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989.

Лурье С. В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.

Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя, 1912–1913. София, 1989.

Маркова О. В. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986. С. 5–46.

Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002.

Медведев И. П. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 8. 1976. С. 274–285.

Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986.

Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990.

Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Меликов В. Марна, Висла, Смирна. М., 1937.

Меньшиков В. П., Цехмистренко С. П. Борьба греческих правящих кругов за решение национального вопроса в 70–90-е годы XIX в. // Материалы школы молодых славистов и балканистов. М., 1990.

Меньшиков В. П. Российская дипломатия и греко-турецкая война 1897 г. // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 174–185.

Миллер А. И. Национализм как теоретическая проблема (ориентация в новой исследовательской парадигме) // Полис. 1995. № 6.

Миллер А. Ф. Младотурецкая революция // Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение. Ч. 2. М., 1956.

Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М. — Л., 1947.

Мисюров Д. А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. 1999. № 1.

Мороз Е. А. Язычники в Санкт-Петербурге // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001.

Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 2000.

Нарочницкая А. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871. К истории Восточного вопроса. М., 1989.

Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976.

Ненашева З. С. Историография проблемы определения понятия «национальная идеология» // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX века. М., 1991.

Никитина Т. В. Внешняя политика Греции и советско-греческие отношения в 1928–1932 гг. по материалам Архива внешней политики Российской Федерации // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 98–116.

Никитина Т. В. Греция накануне первой мировой войны: особенности внутривосточного политического развития. М., 1984.

Никитина Т. В. Критское восстание 1895–1897 гг. и внутривосточное положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Вып. 11. М., 1989. С. 155–173.

Никитина Т. В. Греческие либералы и создание «Великой Греции» в первой трети XX в. // Греция: национальная идея, общество, государство. М., 2002. С. 193–208.

Никитина Т. В. Элефтериос Венизелос — идеолог и практик греческого либерализма (1864–1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 2.

Никитина Т. В., Петрунина О. Е. Идея нации и национальное сознание в Греции // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. С. 459–495.

Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

Новичев А. Д. История Турции. Т. 1. Л., 1963.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Ордынский Б. И. Адамантий Корай, просветитель новых греков // Русская беседа. 1857. Кн. 3.

Палеолог Г. Н., Сивинис М. С. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав — России, Англии и Франции. Т. 1–2. СПб., 1867.

Пападопулос С. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856) // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989.

Папулидис К. Просветительская и культурная деятельность греков Одессы в XIX–XX вв. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989.

Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Османская империя. Реформы и реформаторы. М., 1993.

Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., 1971.

Петрунин Ю. Ю. Где стоит «дуб зеленый»? // Наука и религия. 1994. № 2.

Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

Попов В. Д. Современное экономическое развитие Греции. М., 1979.

Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. Отд. 2. Киев, 1877.

Пятигорский Г. М. Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII — первой трети XIX в. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.

Рассел Б. История Западной философии. Т. 2. М., 1993.

Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. СПб., 1994.

Романенко С. А. Распад Югославии: «заговор» или историческая неизбежность? // Полития. 1998. № 2.

Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Рукомойникова М. В. Проблема Кипра и ее решение в период 1-й администрации К. Караманлиса (1955–1963) // Греция. Национальная идея — общество — государство. XVII–XX вв. М., 2002. С. 209–224.

- Рукомойникова М. В. Проблема реконструкции Греции в политике правительства К. Караманлиса 1955–1963 гг. Автореф. канд. дисс. М., 2004.
- Садохин А. П. Этнология. М., 2000.
- Сволопулос К. Позиция России в отношении греческой революции в период Лайбахского конгресса // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989.
- Сенкевич И. Г. Россия и критское восстание 1866–1869. М., 1970.
- Сиялянов Х. Освободительные борби на Македония. Т. 1–2. София, 1933–1943.
- Синица В. И. Восстание в Морее 1770 г. и Россия // Вопросы новой и новейшей истории. М., 1974.
- Скабаланович Н. Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии // Христианское чтение. 1878. С. 423–464.
- Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.
- Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1–2. М., 1946.
- Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах в 1922–1935 гг. М., 1979.
- Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении // Соколов И. И. О византинизме. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьбы в Византии. СПб., 2003.
- Соколовская О. В. Греция в годы первой мировой войны. М., 1990.
- Соколовская О. В. Россия на Крите: из истории первой миротворческой операции XX в. М., 2006.
- Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.
- Станиславская А. М. Россия и Греция в к. XVIII — нач. XIX в. Политика России на Ионических островах. 1798–1807 гг. М., 1976.
- Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.
- Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959.
- Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959.
- Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774) // Тарле Е. В. Соч. Т. 10. М., 1959. С. 16–88.
- Теплов В. Н. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПб., 1893.
- Теплов В. Н. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889.
- Теплов В. Н. Русские представители в Царьграде, 1496–1891 гг. // Исторический вестник. 45 (1891). С. 21–49, 263–306.
- Тихомиров М. Н. Древняя Москва 12–15 вв. Средневековая Россия на международных путях. М., 1992.
- Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1.
- Тодоров Н. Балканский город XV–XIX вв. М., 1976.
- Улунян А. А. Балканские народы друг о друге: явные пристрастия и тайные чувства в конце XX века // Общественные науки и современность. 1999. № 4.

- Улунян А. А. Балканы: горячий мир холодной войны. 1945–1960. М., 2001.
- Улунян А. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. Т. 1–5. М., 1992–1996.
- Улунян А. А. Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ). История — идеология — политика. М., 1991.
- Улунян А. А. Ошибка полковника Пападопулоса. Крах идеи «сильной руки» и крушение системы «управляемой демократии» в Греции. М., 2004.
- Улунян А. А. Политическая история современной Греции. М., 1998.
- Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 26–48.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 3. М., 1948.
- Фадеев А. В. Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX в. Новая и новейшая история. 1964. № 3.
- Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов 19 века. М., 1958.
- Феодосий иером. История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря // К Свету. М., 2000.
- Феоктистов Е. Борьба Греции за независимость // Отечественные Записки. 1862. Кн. 8.
- Фонкич Б. А. Россия и христианский Восток в XVI — первой четверти XVIII в. (Некоторые результаты изучения. Источники. Перспективы исследования) // XVIII международный конгресс византистов. Пленарные доклады. М. 1991. С. 52–82.
- Фотиадис К. Понт: право на память. М., 2006.
- Хадзопулос К. Греческий корпус под командованием Н. Пангалоса в 1807 г. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. М., 1989.
- Хименко А. Судьба человека на фоне эпохи: взлет и падение Никоса Захариадиса // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 2.
- Хомский Н. Новый военный гуманизм. М., 2002.
- Христов А. Создавање на Македонската држава. 1893–1945. Скопје, 1971.
- Христов Х. Идеологические течения в Юго-Восточной Европе в XIX–XX вв. до первой мировой войны. М., 1970.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002.
- Чернов С. А. Россия на завершающем этапе восточного кризиса: 1875–1878. М., 1984.
- Чешко С. В. Национальное государство или демократическое общество // Вестник АН СССР. 1990. № 1.
- Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.
- Шамин С. М. Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения 6. М., 2008. С. 75–86.
- Шеменков К. А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987.
- Шмаров В. Н. Кипр в средиземноморской политике НАТО. М., 1982.
- Шнирельман В. А. Назад к язычеству? Триумфальное шествие неоязычества по просторам Евразии // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001.
- Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия. М., 1965.
- Щерев П. Пътят към военната диктатура: конспиративните офицерски организации в политически живот на Гърция след втората световна война. София, 1980.

Экономцев Иоанн, игумен. Национально-религиозный идеал и идея империи в петровскую эпоху. // Вестник Русского Христианского Движения. № 158. Париж, 1990.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 22. М., 1962.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007.

Янници Ф. Образ греков в воспоминаниях русских путешественников в конце 18–начале 19 в. // Греция. Национальная идея, общество, государство. 17–20 вв. М., 2002. С. 96–112.

Ahmad F. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908–1914. Oxford, 1969.

Alastos D. Cyprus in History. L., 1955.

Alastos D. Venizelos: Patriot, Statesman, Revolutionary. L., 1942.

Allen W. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. L., 1963.

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1982. (рус. пер.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001).

Anderson R. C. Naval Wars in the Levant, 1559–1853. Princeton, 1952.

Andrews K. Greece in the dark: 1967–1974. L., 1980.

Andriotis N. The Federative Republic of Skopje and its Language. Athens, 1966.

Angelov D. Certains aspects de la conquête des peuples balkaniques par les Turcs // Byzantinoslavica. Vol. 17 (1956). P. 220–275.

Apostolopoulos D. Greece and Germany in Postwar Europe: the Way towards Reconciliation // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 21. 2. October 2003. P. 223–243.

Argyriou A. Les exégèses grecques de l'Apocalypse à l'époque turque (1453–1821): esquisse d'une histoire des courants idéologiques au sein du peuple grec asservi. Thessaloniki, 1982.

Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.

Avdela E. The Teaching of History in Greece // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 18. 2. October 2000.

Averoff-Tosizza E. Lost Opportunities: the Cyprus Question in 1950–1963. N. Y., 1986.

Babinger F. Beiträge zur frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14–15. Jahrhundert). München, 1944.

Babinger F. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1953.

Barros J. The League of Nations and Great Powers. The Greek-Bulgarian Incident 1925. Oxford, 1970.

Batalden S. Catherine's II Greek Prelate Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806. N. Y., 1982.

Bell W., Freeman W. (eds.). Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International and Historical Perspectives. L., 1974.

Benvenuti G. Le Repubbliche Marinare. Amalfi, Pisa, Genova, Venezia. Roma, 1989.

Berengo M. La società veneta alla fine del Settecento. Firenze, 1956.

Berlin I. The Roots of Romanticism. L., 1999.

Blackie J. S. Modern Greece. L., 1897.

Blinkhorn M. Fascists and Conservatives: The Radical Right and the Establishment in Twentieth-Century Europe. Routledge, 1990.

- Blum W. Georgios Gemistos Plethon: Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich, 1355–1452. Stuttgart, 1988.
- Bojadjev S. 90 years Greek ethnic cleansing of Bulgarians in Aegean Macedonia. Skopje, 1996.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Oxford, 1991.
- Bower L., Bolitho G. Otho I, King of Greece. A Biography. L., 1939.
- Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. L., 1991.
- Braude B. Foundational Myths of the Millet System // Christians and Jews in the Ottoman Empire. Vol. 1. N. Y., 1982.
- Burks R. A Conception of Ideology for Historians // Journal of the History of Ideas. Vol. 10. 2. April 1949. P. 183–198.
- Camelli G. Demetrio Calcondila. Firenze, 1954.
- Cammelli G. Manuele Crisolora. Firenze, 1941.
- Campbell J., Sherrard Ph. Modern Greece. L., 1968.
- Candilis W. The Economy of Greece, 1944–1966. N. Y., 1968.
- Carabott Ph. The past in Metaxas Weltanschauung // www.webpersonal.net/metaxas/metaxas/index.html
- Christmas W. King George of Greece. L., 2001.
- Clogg R. Aspects for the Movement for Greek Independence // The Struggle for Greek Independence, 1770–1821. L., 1976.
- Clogg R. Eclipse and Rebirth: from the Ottoman period to modern Greece // The Greek world, classical, byzantine and modern. L., 1985.
- Clogg R. A. Parties and elections in Greece: the search for legitimacy. L., 1987.
- Clogg R. Συνοπτική ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1995.
- Close D. The Power-Base of the Metaxas Dictatorship // Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship: Aspects of Greece, 1936–1940. Athens, 1993.
- Colokotronis V. La Macédoine et l'Hellénisme. P. 1919.
- Costantini M. Il ruolo delle Isole Ionie nel sistema marittimo veneziano del medioevo // Venezia e le isole Ionie. Venezia, 2005. P. 141–163.
- Costantini M. La storia marittima di Venezia // Società, economia, istituzioni. Elementi per la conoscenza della Repubblica veneta. Verona, 2002. P. 113–120.
- Couclélis A. P. Les Régimes Gouvernementaux de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1921.
- Couloumbis Th. Foreign Intervention in Greek Politics: A Historical Perspective. N. Y., 1976.
- Couloumbis Th. A. From Dictatorship to Democracy in Greece: Alternative Exit Strategies, 1971–1974: A Personal Memoir // Modern Greek Studies Yearbook. V. 18/19. University of Minnesota. 2002/2003.
- Couloumbis Th. The United States, Greece and Turkey. N. Y., 1983.
- Crawshaw N. The Cyprus Revolt: An Account of the Struggle Union with Greece. Boston, 1978.
- Dakin D. The Greek struggle for independence. 1821–1833. Berkeley and L. Angeles, 1973.
- Dakin D. The Greek struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966.
- Danopoulos A., Danopoulos C. Albanian Migration into Greece The Economic, Sociological, and Security Implications // Mediterranean Quarterly: Fall 2004. P. 100–114.
- Danopoulos C. Warriors and Politicians in Modern Greece. Chapel Hill, 1984.

Danopoulos C., Patel K. Military Professionals as Political Governors: A Case Study of Contemporary Greece // West European Politics. Vol. 3. 1980. № 2.

Danos A. The Culmination of Aesthetic and Artistic Discourse in Nineteenth-century Greece: Periklis Yannopoulos and Nikolaos Gyzis // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 20. 2002. № 1.

Davison R. Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, 1963.

Delivanis D. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und Griechenland seit 1945 // Griechenland und die Bundesrepublik Deutschland im Rahmen Nachkriegseuropas, drittes Symposium des Institute for Balkan Studies. Thessaloniki, 1991. S. 121–125.

Deringil S. Η Καλά Προστατευόμενη Επικράτεια. Ιδεολογία και νομιμοποίηση της εξουσίας στην Οθωμανική Αυτοκρατορία (1876–1909). Αθήνα, 2003.

Dickopf K. König Ludwig I. und Staatsrat Georg Ludwig von Maurer. Ein Beitrag zur Geschichte des Vormärz in Bayern // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. 29 (1966). S. 157–198.

Dimaras K. Th. L'apport de l'Aufklärung au développement de la conscience nationale néo-hellénique // Les Lumières et la formation de la conscience nationale chez les peuples du sud-est européen. Bucharest, 1970.

Dontas D. The Last Phase of the War of Independence in Western Greece, 1827–1829. Thessaloniki, 1966.

Driaud E. La Question d'Orient depuis des origines à nos jours. P., 1912.

Driaud E., Lhéritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Vol. 1–4. P., 1925.

Dutkowski S. L'occupation de la Crète, 1897–1909. P., 1953.

Dye T. R. Understanding Public Policy. Prentice Hall, 1998.

Eddy Ch. Greece and the Greek Refugees. L., 1931.

Ehrlich T. Cyprus: 1958–1971. Oxford, 1974.

Fallmerayer J. Ph. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttgart, 1830–1836.

Fasoli G. La storia di Venezia. Bologna, 1958.

Felton C. Greece, ancient and modern. V. 2. Boston, 1867.

Finley G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, B. C. 146 to A. D. 1864. V. 5. Greece under Ottoman and Venetian Domination A. D. 1453–1821. Oxford, 1857.

Fisher G. Barbary Legend. War, Trade and Piracy in North Africa, 1415–1830. Oxford, 1957.

Fisher S. The Foreign Relations of Turkey 1461–1512 // Illinois Studies in the Social Sciences. 1948. Vol. 30/1.

Fischer-Galati S. A. Ottoman Imperialism and German Protestantism, 1521–1555. Cambridge Mass., 1959.

Forster E. A short history of Modern Greece. 1821–1956. L., 1958.

Frary L. Russian-Greek Relations during the Crimean War // Slovo. Vol. 21. No. 1, Spring 2009. P. 17–29.

Frazee Ch. A. The Greek Catholic Islanders and the Revolution of 1821 // East European Quarterly. 1979. № 3.

Frazee Ch. A. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969.

- Freris A.* The Greek Economy in the Twentieth Century. N. Y., 1986.
- Frost F.* Greek society. Lexington: D. C., 1992.
- Geanakoplos D.* The diaspora Greeks: the genesis of Modern Greek national consciousness // Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change. Thessaloniki, 1976.
- Geanakoplos D. J.* Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, 1962.
- Gervinus G. G.* Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen, V–VI: Aufstand und Wiedergeburt von Griechenland. Leipzig, 1861–1862.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- Gellner E.* Thought and Change. L., 1964.
- Gibbons H. A.* The Foundation of the Ottoman Empire. Oxford, 1916.
- Girvin B.* The Right in the Twentieth Century: Conservatism and Democracy (Themes in Right-Wing Ideology and Politics). Pinter Pub Ltd., 1994.
- Gounaris B.* Reassessing Ninety Years of Greek Historiography on the “Struggle for Macedonia» (1904–1908) // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 14.2 (1996). P. 237–251.
- Greece and EC Membership Evaluated. L., 1994.
- Greece, the New Europe and the Changing International Order. N. Y., 1993.
- Hammer J.* Das osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung. 2 Bände. Wien, 1815.
- Hatzivassiliou E.* Britain and the International Status of Cyprus, 1955–1959. Minneapolis, 1997.
- Henderson G. P.* The revival of Greek thought 1620–1830. Edinburgh, 1971.
- Hering G.* Das islamische Recht und die Investitur des Gennadios Scholarios (1454) // Balkan Studies. 1961. Vol. 2. P. 231–256.
- Hering G.* Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik, 1620–1638. Stuttgart, 1968.
- Herzfeld M.* Ours Once More: Folklore, Ideology, and the Making of Modern Greece. N. Y., 1986.
- Heyd W.* Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. B. 2. Stuttgart, 1879.
- Hill G.* A History of Cyprus. Vol. 1–4. Cambridge, 1940–1952.
- Hirschon R.* (ed.) Crossing the Aegean: An Appraisal of the 1923 Compulsory Exchange of Populations Between Greece and Turkey. N. Y. – Oxford, 2003.
- Hobsbawm E.* Primitve Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. N. Y., 1959.
- Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990.
- Hobsbaum E., Ranger T.* (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
- Horrocks G.* Greek: A History of the Language and Its Speakers. L., 1997.
- Hristova L.* Balkan Prejudices in the Macedonian Press // Balkan Neighbors. Newsletter. 1994. № 1.
- Hroch M.* From National Movement to the Fully-formed Nation // New Left Review. V. 198 (1993).
- Hasluck F. W.* Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 1–2. Oxford, 1929.
- Ignotus P.* Hungary. N. Y. – Washington, 1972.
- Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. L., 1973.

Inalcik H. Ottoman Policy and Administration in Cyprus after the Conquest. Ankara, 1969.

Inalcik H. The Police of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // *Dumbarton Oaks Papers*. No. 23 (1970). P. 213–249.

Iorga N. Byzance après Byzance. Continuation de l' "Histoire de la vie byzantine". Boucourest, 1935.

Iorga N. Formes byzantines et réalités balkaniques. P. 1922.

Iorga N. Histoire des états balkaniques jusqu'à 1924. P., 1925.

Iorga N. Le caractère commun des institutions du Sud-Est de l'Europe. P., 1929.

Jansen M. War and Cultural Heritage: Cyprus after 1974 Turkish Invasion. Minneapolis, 2005.

Jelavich B. The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question, 1870–1887. L., 1973.

Jelavich B. The Philorthodox Conspiracy of 1839 // *Balkan Studies*. № 7. Thessaloniki, 1966.

Jelavich B. Russia and Greece during the Regency of King Othon. 1832–1835. Russian documents on the first years of Greek independence. Thessaloniki, 1962.

Jelavich B. Russia and the Greek Revolution of 1843. Munchen, 1966.

Kaltchas N. Introduction to the Constitutional History of Modern Greece. N. Y., 1940.

Karakatsanis N., Swarts J. Attitudes toward the Xeno: Greece in Comparative Perspective // *Mediterranean Quarterly* 18:1. Winter 2007. P. 113–134.

Kazamias A. The Quest for Modernization in Greek Foreign Policy and Its Limitations // *Mediterranean Politics*. Vol. 2, No. 2. Autumn 1997. P. 71–94.

Kedourie E. Nationalism. Oxford, 1993.

Kitroeff A. The Greek Peasantry: From Dictatorship to Occupation // Higham R., Veremis Th., eds. *The Metaxas Dictatorship: Aspects of Greece, 1936–1940*. Athens, 1993.

Kitroeff, Alexander. Wrestling with the Ancients: Modern Greek Identity and the Olympics. Philadelphia, 2004.

Kitromilides P. Imagined Communities and the Origins of the National question in the Balkans // *Modern Greece nationalism and nationality*. Athens, 1990.

Kofos E. Greece and FYROM: Recent Developments and Prospects for Bilateral Relations // www.ciaonet.org/frame/oljourfrm.html.

Kofos E. Greece and the Eastern Crisis 1875–1878. Thessaloniki, 1975.

Kofos E. Nationalism and Communism in Macedonia. Thessaloniki, 1964.

Kofos E. The Vision of "Grater Macedonia". Thessaloniki, 1994.

Koliopoulos J. Brigandage and irredentism in 19th century Greece // *Modern Greece nationalism and nationality*. Athens, 1990. P. 67–102.

Koliopoulos J. Greece and the British Connection, 1935–1941. Oxford, 1977.

Köprülü M. F. Les Origines de l'Empire Ottoman. P., 1935.

Kyriakos A. Geschichte der orientalischen Kirchen von 1453 bis 1898. Leipzig, 1902.

Kyrris C. History of Cyprus. Nicosia, 1985.

Ladas S. The Exchange of Minorities, Bulgaria, Greece and Turkey. N. Y., 1932.

Laourdas B. La lotta per la Macedonia dal 1903 al 1908. Θεσσαλονίκη, 1962.

Layton E. Nikodemos Metaxas, the First Greek Printer in the Eastern World // *Harvard Library Bulletin*. 15 (1967). P. 140–168.

- Legg K.* Politics in Modern Greece. Stanford, 1969.
- Levandis J. A.* The Greek Foreign Debt and the Great Powers. N. Y., 1944.
- Logan O.* Venezia. Cultura e società (1470–1790). Roma, 1980.
- Lovejoy A.* The Meaning of Romanticism for the Historian of Ideas // Journal of the History of Ideas. Vol. 2. № 3. June 1941. P. 257–278.
- Lowry M.* Il mondo di Aldo Manuzio. Affari e cultura nella Venezia del Rinascimento. Roma, 1984.
- Lynn White Jr.* Christian Myth and Christian History // Journal of the History of Ideas. Vol. 3. 2. April 1942. P. 145–158.
- Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVII siècle. P., 1962.
- Martis N.* The Falsification of Macedonian History. Athens, 1984.
- McGrew W.* The land issue in the Greek war of independence // Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change. Thessaloniki, 1976.
- McNeil W.* The metamorphosis of Greece since World War II. Chicago, 1978.
- Mallias A.* The Balkans: In the Era of Peace and Stability // Mediterranean Quarterly 19:1. Winter 2008. P. 1–5.
- Mango C.* Βυζάντιο: η Αυτοκρατορία της Νέας Ρώμης. Αθήνα, 1990.
- Mavrogordatos G.* Stillborn Republic: social coalitions and party strategies in Greece 1922–1936. Berkeley, 1983.
- Mazower M.* Introduction to the Study of Macedonia // Journal of Modern Greek Studies. 1996. Vol. 14. 2. P. 229–235.
- Mazower M., Veremis Th.* The Greek Economy, 1922–1941 // Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship: Aspects of Greece, 1936–1940. Athens, 1993.
- Mendelssohn-Bartholdy K.* Geschichte Griechenlands von der Eroberung Konstantinopels durch die Türken...v. 1–2. Leipzig, 1870.
- Mendelssohn-Bartholdy K.* Graf J. Kapodistrias. Berlin, 1864.
- Merou A.* Les Sociétés Secrètes a caractère politique et irrédentiste de 1823 à 1862 en Grèce. Thèse de doctorat. Montréal, 1984.
- Meyer Ph.* Die theologische Literatur der griechischen Kirche im 16. Jahrhundert. Leipzig, 1899.
- Michailidis I.* Minority Rights and Educational Problems in Greek Interwar Macedonia: The Case of the Primer “Abecedar” // Journal of Modern Greek Studies 14. 2 (1996). P. 329–343.
- Miller W.* The Early Years of Modern Athens. Athens, 1925.
- Miller W.* A History of the Greek People. 1821–1921. N. Y., n. d.
- Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. 3 Bände. Paderborn, 1923–1942.
- Moschonas S.* Relativism in Language Ideology: On Greece’s Latest Language Issue // Journal of Modern Greek Studies. Vol. 22. 2. October 2004. P. 173–205.
- Mouzelis N.* Continuities and Discontinuities in Greek Politics: From Eleftherios Venizelos to Andreas Papandreou // Political Change in Greece before and after the Colonels. L., 1987.
- Mouzelis N.* Politics in the Semi-Periphery: Early Parliamentarism and Late Industrialization in the Balkans and Latin America. L., 1986.
- Naim Turfan M.* The Rise of the Young Turks: Politics, the Military and Ottoman Collapse. L., 2001.

- Nikolopoulos J.* From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek Nationalism // *Balkan Studies*. № 26/1. Thessaloniki, 1985.
- Oberhummer E.* Konstantinopel unter Süleiman dem Grossen. München, 1902.
- O'Neill K.* The Unfinished Ape: Mediation and Modern Greek Identity in Iakovos Pitsipios's *Ο Πίθηκος Ξουθ* // *Journal of Modern Greek Studies*. Vol. 21. 1. May 2003. P. 67–111.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1965.
- Ostrogorsky G.* La prise des Serrès par les Turcs // *Byzantion*. Vol. 35 (1965). P. 302–319.
- Papadopoulos Th.* Studies and Documents Relating to the History of the Greek Church and People under Turkish Domination. Brussels, 1952.
- Papoulidis C.* Un document caractéristique de Gabriel Catacazy tiré des Archives de la Politique Extérieure de Russie // *Balkan Studies*. № 23. Thessaloniki, 1982.
- Parsons T.* Politics and Social Structure. N. Y. L., 1969.
- Patton C. V., Savicki D. S.* Basic Methods of Policy Analysis and Planning. Prentice Hall, 1993.
- Pertusi A.* Leonzio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Venezia — Roma, 1964.
- Petropoulos J. A.* Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833–1843. Princeton, 1968.
- Piatigorskii G.* The Cretan Uprising of 1866–1869 and the Greeks of Odessa // *Modern Greek Studies Yearbook*. Vol. 14/15 (1998/1999). P. 129–148.
- Plomer W.* The Diamond of Jannina. Ali Pasha, 1741–1822. N. Y., 1970.
- Podskalsky G.* Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft 1453–1821. München, 1988.
- Pouli I., Sasmatzoglou K.* Greece's Role in the New Europe. Athens, 2000.
- Proctor R.* The Printing of Greek in the 15th Century. Oxford, 1966.
- Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des hellenischen Königreiches. 6 Bände. Wien, 1867.
- Prousis Th. C.* Russian Society and the Greek Revolution. Northern Illinois University Press. DeKalb, 1994.
- Psilos Ch.* Albanian Nationalism and Unionist Ottomanization, 1908 to 1912 // *Mediterranean Quarterly* 17:3, Summer 2006. P. 26–42.
- Psomiades H.* The Eastern Question: the Last Phase. Θεσσαλονίκη, 1968.
- Rangabé A.-R.* Histoire littéraire de la Grèce Moderne. V. 1. P., 1877.
- Rangabé A.-R.* Livre d'or de la noblesse ionienne. V. 1. Corfou. Athènes, 1925; v. 2. Céphalonie. Athènes, 1926; v. 3. Zante. Athènes, 1927.
- Rangabé A.-R.* Livre d'or de la noblesse phanariote et de familles princières de Valachie et de Moldavie. Athènes, 1904.
- Ranke L.* Die Osmanen und die spanische Monarchie. Leipzig, 1877.
- Ranum O.* (ed.). National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe. L., 1975.
- Roucek J. S.* A History of the Concept of Ideology // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 5. 4. October 1944. P. 479–488.
- Roudometof V.* From *Rum millet* to Great Nation: Enlightenment, Secularization and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // *Journal of Modern Greek Studies*. 1998. Vol. 16.

Roudometof V Nationalism and Identity Politics in the Balkans: Greece and the Macedonian Question // *Journal of Modern Greek Studies*. 1996. Vol. 14. 2.

Runciman S. The Fall of Constantinople. Cambridge, 1969 (рус. пер.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983, 2008).

Runciman S. The Great Church in Captivity. A Study of the Patriarchate of Constantinople from the Eve of the Turkish Conquest to the Greek War of Independence. Cambridge, 1968.

Sarandis C. The Ideology and Character of the Metaxas Regime // Higham R., Veremis Th., eds. The Metaxas Dictatorship: Aspects of Greece, 1936–1940. Athens, 1993.

Scendi S. Balkan Cultural Studies. Boulder, Colorado, 1980.

Skendi S. The Albanian National Awakening, 1878–1912. Princeton, 1967.

Scheel F. Die staatsrechtliche Stellung der ökumenischen Kirchenfürsten in den alten Türkei. Berlin, 1943.

Seidl W. Bayern in Griechenland. Die Geschichte eines Abenteuers. München, 1965.

Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1971.

Sherer J. Blocking the Sun: The Cyprus Conflict. Minneapolis, 1997.

Siotes M. Constantin Oikonomos of the House of Oikonomos and the operations of the British Bible Society in Greece (1780–1857) // *The Greek Orthodox Theological Review*. Vol. VI. 1960. № 1.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.

Smith A. D. Myths and Memories of the Nation. Oxford, 1999.

Smith A. D. National Identity. L., 1991.

Spourdalakis M. The rise of the Greek socialist party. L., 1988.

Stavrakakis Y. Politics and Religion: On the “Politicization” of Greek Church Discourse // *Journal of Modern Greek Studies*. Vol. 21. 2. October 2003. P. 153–181.

Stavrou Th. The Orthodox Church and Political Culture in Modern Greece // *Greece prepares for the Twenty first Century*. Baltimore, 1994.

Stearns M. Entangled Allies: US Policy toward Greece, Turkey and Cyprus. N. Y., 1992.

Stephens R. Cyprus: a Place of Arms. Power Politics and Ethnic Conflict in the Eastern Mediterranean. L., 1966.

Stoianovich T. The Balkan Worlds: The First and Last Europe. N. Y., 1994.

Stoianovich T. Ο κατακτητής ορθόδοξος βαλκάνιος έμπορος // Η οικονομική δομή των βαλκανικών χωρών στα χρόνια της οθωμανικής κυριαρχίας. Αθήνα, 1989.

Svoronos N. Histoire de la Grèce Moderne. P., 1964.

Svoronos N. Towards Nationhood: the survival of the Hellenic spirit // *The Greek world, classical, byzantine and modern*. L., 1985.

Temperley H. W. V. The Foreign Policy of Canning, 1822–1827. L., 1926.

Touchard J. Histoire des idées politiques. V. 2. P., 1988.

Tsourkas C. Les débuts de l'enseignement philosophique et de la libre pensée dans les Balkans. La vie et l'œuvre de Théophile Corydalée (1563–1646). Bucarest, 1948.

Vacalopoulos A. The Greek nation. 1453–1669: the cultural and economic background of modern Greek society. New Brunswick, 1976.

Van Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L., 1998.

Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

Vaughan D. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances, 1350–1700. Liverpool, 1954.

- Veremis Th. Greek Security: Issues and Politics. L., 1982.
- Vryonis S. The Greeks under the Turkish rule // Hellenism and the 1st Greek war of liberation (1821–1830): continuity and change. Thessaloniki, 1976.
- Webster C. K. The foreign policy of Palmerston. 1830–1841. 2 vols. L., 1951.
- Weimer D. L., Vining A. R., Vining A. Policy Analysis: Concepts and Practice. Prentice Hall, 1998.
- Weludis G. Jacob Philipp Fallmerayer und die Entstehung des neugriechischen Historismus // Südostforschungen 29, 1970. S. 43–90.
- Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938.
- Whorf B. L. Language, Thought and Reality: Selected Writings. Cambridge Mass., 1956.
- Woodhouse C. The Greek war of independence. Its historical setting. L., 1952.
- Woodhouse C. The rise and the fall of the Greek Colonels. L., 1985.
- Woodhouse C. The Story of Modern Greece. L., 1968.
- Woodhouse C. The struggle for Greece, 1941–1949. L., 1976.
- Woolf S. Ο Εθνικισμός στην Ευρώπη. Αθήνα, 1995.
- Zakythinos D. The Making of Modern Greece. Oxford, 1976.
- Zallony M. P. Essai sur les Fanariots. Marseille, 1824.
- Zelman A. Teaching “About Communism” in American Public Schools. N. Y., 1965.
- Zorzi A. La Repubblica del Leone. Storia di Venezia. Milano, 2001.
- Αγγελιδάκης Χ. Η κατάσταση της εκκλησίας της Κρήτης επί ενετοκρατίας (1204–1668) // Θεολογία. 3 (1925). Σ. 330–344.
- Αίτια και αφορμαί του ελληνοϊταλικού πολέμου 1940–1941. Αθήνα, 1959.
- Αλεξανδριανού Β. Η φλογισμένη ιστορία: πως εκτρέπουν, παραποιούν την Ιστορία και κάνουν έντεχνη κομματική προπαγάνδα // Η Δράσις μας. 2002. Τεύχ. 403–404.
- Αλεξίου Ε. Ανάλυση του “Ύμνου στην Ελευθερία” // Σολωμός Δ. Άπαντα. Τ. Α.
- Αλεξίου Ε. Στη ζωή και το έργο του στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α.
- Αλιβιζάτος Ν. “Εθνος” κατά του “λαού” μετά το 1940 // Ελληνισμός — Ελληνικότητα. Αθήνα, 1983.
- Άμαντος Κ. Σχέσεις Ελλήνων και Τούρκων, από του ενδέκατου αιώνας μέχρι του 1821. Τ. 1. Οι πόλεμοι των Τούρκων προς κατάληψιν των ελληνικών χωρών. 1071–1571.
- Ανδρεάδης Α. Μ. Ιστορία των ελληνικών δανείων. Αθήνα, 1904.
- Ανδρέου Α. Η εξωτερική πολιτική της Ελλάδος, 1833–1933. Αθήνα, 1933.
- Ανδριανόπουλος Α. Ελληνισμός και Ορθοδοξία. Αθήνα, 2001.
- Ανεστόπουλος Α. Κ. Μακεδονικός Αγών. 1903–1908. 2 τόμοι. Θεσσαλονίκη, 1965–1969.
- Αντονιάδη-Μπιπμίκου Ε. Μεθοδολογικά προβλήματα της ιστορικής έρευνας για τον Αγώνα της ελληνικής ανεξαρτησίας // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Αποστολόπουλος Δ. Για τους φαναριώτες. Δοκιμές ερμηνείας και μικρά αναλυτικά. Αθήνα, 2003.
- Αργυρόπουλος Π. Ο Αλέξανδρος Μαυροκορδάτος και η Συνταγματική προσπάθεια του 1841 // Ελληνικά, τ. VIII (1935), τ. IX (1936).
- Αρκάς Ε. Ν. Αθανάσιος ο Πάριος (Παραδόσεων φρουρός). Αθήνα, 1960.
- Αρμενάκης Α., Γκοτσόπουλος Θ., Δεμερτζής Ν., Παναγιωτοπούλου Ρ., Χαραλάμπης Δ. Ο εθνικοσμός στον ελληνικό Τύπο: Το Μακεδονικό ζήτημα κατά την περίοδο Δεκεμβρίου 1991 — Απριλίου 1993 // Επιθεώρηση Κοινωνικών Ερευνών. № 89–90. 1996. Σ. 188–231.

- Αρνάκης Γ. Οι πρώτοι Οθωμανοί. Αθήνα, 1947.
- Ασδραχάς Σ. Εισαγωγή // Μακρυγιαννης. Απομνημονεύματα. Αθήνα, 1957.
- Ασδραχάς Σ. Η ελληνική κοινωνία και οικονομία. 18 και 19 αιώνες. Αθήνα, 1982.
- Ασπρέας Γ. Κ. Πολιτική ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. 1821–1921. Τ. 1–3. Αθήνα, 1922–1930.
- Βακαλόπουλος Α. Τα ελληνικά στρατεύματα του 1821. Θεσσαλονίκη, 1948.
- Βακαλόπουλος Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Τ. 1–4. Θεσσαλονίκη, 1961–1974.
- Βακαλόπουλος Α. Νέα Ελληνική Ιστορία. 1204–1985. Θεσσαλονίκη, 1993.
- Βαλαωράς Β. Το δημογραφικόν πρόβλημα της Ελλάδος και η επίδρασις των προσφύγων. Αθήνα, 1939.
- Βασιλειάδης Ν. Εθνομάρτυρες του Κυπριακού Έπους. Αθήνα, 1977.
- Βασιλειάδης Ν. Π. Ο άγιος Μάρκος ο Ευγενικός και η Ένωσις των Εκκλησιών. Αθήνα, 1998.
- Βεζανής Δ. Το Μέγα Μήνυμα του Περικλή Γιαννοπούλου // Γιαννόπουλος Π. Άπαντα. Τ. 1. Αθήνα, 1963.
- Βεντήρης Γ. Η Ελλάς των 1910–1920. Τ. 1–2. Αθήνα, 1931.
- Βερέμης Θ. Ελευθέριος Βενιζέλος : κοινωνία, οικονομία, πολιτική στην εποχή του. Αθήνα, 1989.
- Βερέμης Θ. Η επέμβαση του στρατού στην Ελληνική πολιτική 1916–1936. Αθήνα, 1977.
- Βερέμης Θ. Κράτος και Έθνος στην Ελλάδα, 1821–1912 // Ελληνισμός — Ελληνικότητα. Αθήνα, 1983.
- Βεργόπουλος Κ. Κράτος και οικονομική πολιτική στον 19ο αιώνα. Αθήνα, 1978.
- Βερναρδάκης Δ. Καποδίστριας και Όθων. Αθήνα, 2001.
- Βλάχος Ν. Η γένεσις του αγγλικού, του γαλλικού και του ρωσικού κόμματος εν Ελλάδι // Αρχείον οικονομικών και κοινωνικών επιστημών. 1939. Τ. 19, τεύχ. 1.
- Βλάχος Ν. Ιστορία της Ελλάδος. 1833–1914. Αθήνα, 1951.
- Βοβολίνης Κ. Α. Η Εκκλησία εις τον Αγώνα της ελευθερίας. 1453–1953. Αθήνα, 1953.
- Βορός Φ. Μεθοδεύσεις κακοπαιδείας στον τομέα της διδασκαλίας της ιστορίας // Η διδασκαλία της ιστορίας στην εκπαίδευση. Αθήνα, 1988.
- Βούλγαρης Ν. Τ. Το Βασίλειον της Ελλάδος και η ελληνική ολομέλεια. 1833–1843. Κέρκυρα, 1862.
- Βουρνάς Τ. Αρματολοί και κλέφτες. Αθήνα, 1958.
- Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήνα, 1974.
- Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας. Τ. 1–2. Αθήνα, 2005.
- Βούρος Γ. Παναγής Τσαλδάρης. Αθήνα, 1955.
- Βρατσάνος Δ. Ιστορία των εν Ελλάδι επαναστάσεων 1821–1935. Αθήνα, 1936.
- Βυζάντιος Χ. Ιστορία των κατά την Ελληνικήν Επανάστασιν εκστρατειών και μαχών, ών συμμετέσχε ο τακτικός Στρατός. 1821–1833. Αθήνα, 1901.
- Γαζή Ε. Ο Δεύτερος Βίος των Τριών Ιεραρχών. Μια γενεαλογία του “ελληνοχριστιανικού πολιτισμού”, Αθήνα, 2004.
- Γαρδίκια-Αλεξανδροπούλου Κ. Η ελληνική κοινωνία την εποχή του Χ. Τρικούπη // Όψεις της ελληνικής κοινωνίας του 19ου αιώνα. Αθήνα, 1984. Σ. 177–191.
- Γαρδίκια Κ., Κεχριώτης Β., Λούκος Χ., Λυριντζής Χ., Μαρωνίτη Ν. Η συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Αθήνα, 2008.
- Γατόπουλος Δ. Ανδρέας Μιχαλακόπουλος. Αθήνα, 1951.

- Γατόπουλος Δ. Ιστορία της Κατοχής. Τ. 1–4. Αθήνα, 1946.
- Γεωργιάδου Β. Κοσμικό κράτος και ορθόδοξη εκκλησία: σχέσεις θρησκείας, κοινωνίας και πολιτικής στη μεταπολίτευση // Κοινωνία και πολιτική: Όψεις της τρίτης ελληνικής δημοκρατίας 1974–1994. Αθήνα, 1996.
- Γιακουμακάτος Α. Από τον συντηρητισμό στον λαϊκισμό, με ένα σταθμό στο μοντέρνο. Η αρχιτεκτονική του Μεσοπολέμου // www.arch.auth.gr/greece/cr_survey2.html.
- Γιανναράς Χ. Θρησκεία και Ελληνικότητα // Ελληνισμός — Ελληνικότητα. Αθήνα, 1983.
- Γιανναράς Χ. Ορθοδοξία και Δύση στη νεώτερη Ελλάδα. Αθήνα, 1992.
- Γιανναράς Χ. Η νεοελληνική ταυτότητα. Αθήνα, 2001.
- Γιαννόπουλος Π. Οι φαναριώται. Αθήνα, 1929.
- Γκιόλιας Μ. Ο Κοσμάς ο Αιτωλός και η εποχή του. Αθήνα, 1973.
- Γονζάγα Μ. Ο ελληνοτουρκικός πόλεμος του 1897 εν Θεσσαλία. Αθήνα, χ. χ.
- Γούδας Α. Ν. Βίοι παράλληλοι των επί της Αναγεννήσεως της Ελλάδος διαπρεψάντων ανδρών. 8 τόμοι. Αθήνα, 1869–1876.
- Γούναρης Β. Στις όχθες του Υδραγόρα: οικογένεια, οικονομία και αστική κοινωνία στο Μοναστήρι, 1897–1911. Αθήνα — Θεσσαλονίκη, 2000.
- Γριτσόπουλος Τ. Τα Ορλωφικά. Η εν Πελοποννήσω επανάσταση του 1770 και τα επακόλουθα αυτής. Αθήνα, 1967.
- Δαφνής Γ. Η Ελλάς μεταξύ δύο πολέμων. 1923–1940. Τ. 1–2. Αθήνα, 1955.
- Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. Αθήνα, 1961.
- Δεληγιάννης Θ. Π., Ζενόπουλος Γ. Κ. Ελληνική νομοθεσία από του 1833 μέχρι του 1875. 6 τόμοι. Αθήνα, 1875.
- Δεμερτζής Ν. Ο Λόγος του εθνικισμού. Αθήνα, 1996.
- Δεσποτόπουλος Α. Ο Κυβερνήτης Καποδίστριας και η απελευθέρωσις της Ελλάδος. Αθήνα, 1954.
- Δημάκης Ιω. Η πολιτειακή μεταβολή του 1843 και το ζήτημα των αυτοχθόνων και ετεροχθόνων. Αθήνα, 1991.
- Δημαράς Κ. Θ. Ανέκδοτα κείμενα Αθανασίου του Παρίου // Ερανιστής. Ε', 1967.
- Δημαράς Κ. Θ. Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 1968.
- Δημαράς Κ. Θ. Κωνσταντίνος Παπαρρηγόπουλος. Η εποχή του — Η ζωή του — Το έργο του. Αθήνα, 1986.
- Δημαράς Κ. Θ. Νεοελληνικός Διαφωτισμός. Αθήνα, 1977.
- Δημαράς Κ. Θ. Νεοελληνικός Ρομαντισμός. Αθήνα, 1982.
- Δημητρόπουλος Π. Εκκλησία και κράτος: μια δύσκολη σχέση. Αθήνα, 2001.
- Διάλλα Α. Ευαγγελικά και πανσλαβισμός: ο παράδοξος συσχετισμός // Ευαγγελικά (1901) — Ορεσטיακά (1903). Νεωτερικές πιέσεις και κοινωνικές αντιστάσεις. Αθήνα, 2005. Σ. 43–61.
- Διαμαντούρος Ν. Ελληνισμός και Ελληνικότητα // Ελληνισμός — Ελληνικότητα. Αθήνα, 1983.
- Διαμαντούρος Ν. Προσπάθεια δημιουργίας δυτικού τύπου κράτους στην Επανάσταση και κοινωνικοπολιτικές συγκρούσεις // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Διβάνη Λ. Η εδαφική ολοκλήρωση της Ελλάδας (1830–1947). Αθήνα, 2000.
- Δόϊκος Δ. Ο Αγαθάγγελος ως προφητικόν αποκαλυπτικόν έργον και το μήνυμά του // Μνήμη 1821. Θεσσαλονίκη, 1971.
- Δρεττάκης Μ. Η κυκλοφορία των εφημερίδων. 1975–1992. Αθήνα, 1994.

Δυοβουνιώτης Κ. Ι. Σχέσεις Εκκλησίας και Πολιτείας εν τη ελευθέρα Ελλάδι. Εν Αθήναις, 1916.

Ο Ελληνικός Στρατός κατά τους Βαλκανικούς Πολέμους του 1912–1913. Τ. 1–3. Αθήνα, 1932.

Εξερτζόγλου Χ. Εθνική Ταυτότητα στην Κωνσταντινούπολη τον 19^ο αιώνα. Ο Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος Κωνσταντινουπόλεως, 1861–1912. Αθήνα, 1996.

Ευαγγελίδης Τ. Ε. Η παιδεία επί Τουρκοκρατίας. Ελληνικά σχολεία από της αλώσεως μέχρι Καποδιστρίου. Τ. 1–2. Αθήνα, 1936.

Ευαγγελίδης Τ. Ε. Ιστορία του Όθωνος, Βασιλέως της Ελλάδος (1832–1862). Εν Αθήναις, 1893.

Ευελπίδης Χ. Οικονομική και κοινωνική ιστορία της Ελλάδος. Αθήνα, 1950.

Ευθύμιος, ιερομ. Βίος του Αγίου Νικοδήμου του Αγιορείτου. Αθήνα, 1996.

Ζακυθινός Δ. Η πολιτική ιστορία της νεωτέρας Ελλάδος. Αθήνα, 1965.

Ζακυθινός Δ. Η Τουρκοκρατία. Εισαγωγή εις την νεοτέραν ιστορίαν του Ελληνισμού. Αθήνα, 1957.

Ζαμπέλιος Σ. Άσματα δημοτικά της Ελλάδος, εκδοθέντα μετά μελέτης περί μεσαιωνικού ελληνισμού. Κέρκυρα, 1852.

Ζαννέτος Φ. Η Κύπρος κατά τον αιώνα της παλιγγενεσίας 1821–1930. Αθήνα, 1930.

Ζαχαρόπουλος Ν. Η παιδεία στην τουρκοκρατία. Θεσσαλονίκη, 1998.

Ζορμπαλάς Σ. Ο νεοφασισμός στην Ελλάδα. Αθήνα, 1978.

Ζωγράφος Δ. Ιστορία της ιδρύσεως της Εθνικής Τράπεζας. 1833–1845. 2 τόμοι. Αθήνα, 1925–1927.

Η πρεσβυτέρα στη σύγχρονη ειδωλολατρεία. Δράμα, 1998.

Ιδρωμένος Α. Ο υπέρ της εθνικής αποκαταστάσεως αγών των Επτανησίων 1815–1864. Πολιτική ιστορία της Επτανήσου επί της αγγλικής προστασίας. Κέρκυρα, 1889.

Κάιλας Δ. Ο κλήρος στην αντίσταση. Αθήνα, 1981.

Κακλαμάνης Γ. Η Ελλάς ως κράτος δικαίου. Αθήνα, 1992.

Καλλογιάννης, Γ. Χ. Ο Νουμάς και η εποχή του (1903–1931). Γλωσσικοί και ιδεολογικοί αγώνες. Αθήνα, 1984.

Κανδηλώρος Τ. Ο αρματολισμός της Πελοποννήσου (1500–1821). Αθήνα, 1924.

Καραγιάννης Γ. Εκκλησία και κράτος, 1833–1997. Αθήνα, 1997.

Καραμπέτσου Α. Αθανάσιος ο Πάριος. Αθήνα, 1974.

Καρανικόλας Γ. Νόθες εκλογές στην Ελλάδα, 1844–1961. Αθήνα, 1963.

Καρδαράς Χ. Ιωακείμ Γ΄ — Χαρ. Τρικούπης. Η Αντιπαράθεση. Από την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη (1878–1884). Αθήνα, 1998.

Καρδαράς Χ. Το Οικουμενικό Πατριαρχείο και ο αλύτρωτος Ελληνισμός της Μακεδονίας, Θράκης — Ηπείρου. Μετά το Συνέδριο του Βερολίνου (1878). Αθήνα, 1996.

Καρμίρης Ι. Ο Π. Ρουσάνος και τα ανέκδοτα δογματικά και άλλα έργα αυτού νυν το πρώτον εκδιδόμενα. Αθήνα, 1935.

Καρολίδης Π. Σύγχρονος ιστορία των Ελλήνων και των λοιπών λαών της Ανατολής. Από 1821 μέχρι 1921. Τ. 1–3. Εν Αθήναις, 1922–1923.

Καρολίδης Π. Συμπλήρωμα εις Ιστορίαν ελληνικού Έθνους Κ. Παπαρρηγόπουλου. Αθήνα, 1932.

Καρράς Ν. Με ιδεολογία Ελληνική — Νεοέλληνες πνευματικοί ήρωες. Αθήνα, 1998.

Κασσεσιάν Ι. Ο “Άτυχος” ελληνοτουρκικός πόλεμος του 1897. Αθήνα, 1997.

Κατηφόρη Δ. Η δίωξις της πειρατείας και το Θαλάσσιον Δικαστήριο κατά την πρώτην Καποδιστριακήν περίοδον, 1828–1829. Αθήνα, 1973.

- Κατσαρός Σ. Ιστορία της νήσου Κέρκυρας, Κέρκυρα 1981.
- Κατσιαρδή-Hering O. Η ελληνική παροικία της Τεργέστης (1750–1830). Τ. 1–2. Αθήνα, 1986.
- Κατσιμπρή-Πρεντάκη Ει. Το πρόβλημα των εθνικών γαιών // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Κιτρομηλίδης Π. Ρήγας Βελεστινλής. Θεωρία και πράξη. Αθήνα, 1998.
- Κόκκινος Δ. Η ελληνική επανάστασις. Τ. 1–6. Αθήνα, 1967–1968.
- Κομνηνός Υψηλάντης Α. Εκκλησιαστικών και πολιτικών των εις δώδεκα βιβλίον Η', Θ' και Ι', ήτοι τα μετά την άλωσιν (1453–1789). Κωνσταντινούπολη, 1870.
- Κονόρτας Π. Οθωμανικές θεωρήσεις για το Οιουμενικό Πατριαρχείο. 17^{ος} — αρχές 20^{ου} αιώνα. Αθήνα, 1998.
- Κορωνάκης Ι. Η Πολιτεία της 4^{ης} Αυγούστου. Αθήνα, 1950.
- Κοταρίδης Ν. Από τις φατρίες στα κόμματα. Πολιτικές συσσωματώσεις στη μετεπαναστατική Ελλάδα // Νεοελληνική κοινωνία. Ιστορικές και κριτικές προσεγγίσεις. Αθήνα, 1993. Σ. 25–56.
- Κούκκου Ε. Ιωάννης Καποδίστριας. Ο άνθρωπος και ο διπλωμάτης, 1800–1828. Αθήνα, 1978.
- Κούκκου Ε. Ο Καποδίστριας και η Παιδεία, 1827–1832. Τ. 1–2. Αθήνα, 1972.
- Κραβαρτογιάννης Δ. Περιηγήσεις στη Φωκίδα. Οι εντυπώσεις του Μπυσσόν. Άμφισσα, 1982.
- Κρέμος Γ. Νεώτατη Γενική Ιστορία. Αθήνα, 1890.
- Κρητικός Π. Αντίσταση κατά της δικτατορίας, 1967–1974. Αθήνα, 1996.
- Κορδάτος Γ. Η κοινωνική σημασία της ελληνικής επανάστασεως του 1821. Αθήνα, 1977.
- Κορδάτος Γ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Τ. 3. Όθων 1834–1862. Αθήνα, 1957.
- Κούβελας Ι. Δ. Η τελευταία Λειτουργία στην Αγια-Σοφιά // Σύνδεσμος. 1992. Τεύχ. 259.
- Κουρούσης Σ. Η εθνική συνείδησις εις την ροήν του χρόνου εξ απόψεως παιδευτικής. // Παιδαγωγικά ομιλίες. τ. 23. Αθήνα, 1993. σ. 71–95.
- Κρανιδιώτης Ν. Η Κύπρος εις τον αγώνα της ελευθερίας. Αθήνα, 1958.
- Κριαράς Ε. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η δημοτική γλώσσα. Αθήνα, 1982.
- Κυριακίδης Ε. Ιστορία του συγχρόνου ελληνισμού. Τ. 1. Αθήνα, 1892.
- Κωνσταντινίδης Ε. Ο Ιωάννης Καποδίστριας και η εκκλησιαστική του πολιτική. Αθήνα, 1977.
- Κωνσταντινίδης Ε. Τα Ευαγγελικά. Το πρόβλημα της μεταφράσεως της Αγίας Γραφής εις την νεοελληνικήν και τα αιματηρά γεγονότα του 1901. Αθήνα, 1976.
- Κωστής Κ. Κοινότητες, εκκλησία και μιλέτ στις “ελληνικές” περιοχές της Οθωμανικής αυτοκρατορίας κατά την περίοδο των μεταρρυθμίσεων // Μνήμων. № 13. 1991. Σ. 57–75.
- Κωστόπουλος Τ. Η απαγορευμένη γλώσσα: κρατική καταστολή των σλαβικών διαλέκτων στν ελληνική Μακεδονία. Αθήνα, 2000.
- Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ. Μανουήλ Θ. Χαιρέτης: ο άγνωστος προφήτης του Ελληνισμού. Αθήνα, 1998.
- Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ. Περικλής Γιαννόπουλος: ένας προφήτης του Ελληνισμού // Γιαννόπουλος Π. Άπαντα. Τ. Α'. Αθήνα, 1963.
- Λαούρδας Β. Μακεδονικός Αγών. Θεσσαλονίκη, 1962.
- Λάσκαρης Σ. Διπλωματική ιστορία της Ελλάδος, 1821–1914. Αθήνα, 1917.
- Λέκκας Π. Ε. Η εθνικιστική ιδεολογία. Πέντε υποθέσεις στην ιστορική κοινωνιολογία. Αθήνα, 1992.

- Λιακόπουλος Ε. Εθνικά χρέη. Αθήνα, 1893.
- Λιάκος Α. Η ιταλική ενοποίηση και η Μεγάλη Ιδέα. Αθήνα, 1985.
- Λούκος Χ. Η αντιπολίτευση κατά του Κυβερνήτη Ιω. Καποδίστρια. 1828–1831. Αθήνα, 1988.
- Λουλές Δ. Κατευθύνσεις και προοπτικές της οικονομικής πολιτικής του Ι. Καποδίστρια, 1828–1831 // Ο Ιωάννης Καποδίστριας και συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 127–139.
- Λυκούρη-Λαζάρου Ε. Τα αρχεία στο νεοελληνικό κράτος έως την ίδρυση των Γενικών Αρχείων (1821–1914). Αθήνα, 1991.
- Λυναρδάτος Σ. Ο Ιωάννης Μεταξάς και οι μεγάλες δυνάμεις. Αθήνα, 1993.
- Λυναρδάτος Σ. Ο πόλεμος του 1940–1941 και η μάχη της Κρήτης. Αθήνα, 1977.
- Λυναρδάτος Σ. Πως εφτάσαμε στην 4^η Αυγούστου. Αθήνα, 1967.
- Λυναρδάτος Σ. Σύγχρονη Ελληνική Ιστορία. Τ. 1–4. Αθήνα, 1978.
- Μάγερ Κ. Ιστορία του ελληνικού τύπου. Τ. 1. 1790–1900. Αθήνα, 1957.
- Μακεδονία, 4000 χρόνια ελληνικής ιστορίας και πολιτισμού. Αθήνα, 1982.
- Μαμαλάκης Ι. “Διήγησις περί Αγίου Όρους εν καιρώ της επανάστασεως του 1821” // Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Επιστημονική επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής. Τ. 7. Θεσσαλονίκη, 1956.
- Μαμαλάκης Ι. Ο αγώνας του 1866–1869 για την ένωση της Κρήτης. Τ. 1–2. Θεσσαλονίκη, 1942–1947.
- Μάνεσης Α. Η πολιτική ιδεολογία του Ρήγα // Τιμή στον Ρήγα Βελεστινλή. Αθήνα, 2002. Σ. 13–31.
- Μανθούλης Ρ. Το ημερολόγιο του Εμφύλιου Διχασμού 1900–1974. Ξένες επεμβάσεις, δικτατορίες, πόλεμοι και εμφύλιοι πόλεμοι. Αθήνα, 2006.
- Μανιτάκης Α. Οι σχέσεις της εκκλησίας με το κράτος-έθνος. Στη σκιά των ταυτοτήτων. Αθήνα, 2000.
- Μανούσακας Γ. Στα χρόνια της χούντας. Αθήνα, 1987.
- Μανούσακας Μ. Νέα στοιχεία για την πρώτη μετάφραση της Καινής Διαθήκης στη δημοτική γλώσσα από τον Μάξιμο Καλλιπολίτη // Μεσαιωνικά και Νέα Ελληνικά. 2 (1986). Σ. 5–79.
- Μάππα Σ. Ορθοδοξία και εξουσία στην ελληνική κοινωνία. Αθήνα, 1997.
- Μαρκεζίνης Σ. Πολιτική Ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. Τ. 1–4. Αθήνα, 1966–1968.
- Ματάλας Π. Έθνος και Ορθοδοξία. Οι περιπέτειες μιας σχέσης. Από το “ελλαδικό” στο βουλγαρικό σχίσμα. Ηράκλειο, 2003.
- Μελάς Γ. Ο Κωνσταντίνος. Αναμνήσεις του πρώην γραμματέως του. Αθήνα, 2000.
- Μελετόπουλος Μ. Η δικτατορία των συνταγματαρχών, Κοινωνία, ιδεολογία, οικονομία. Αθήνα, 1996.
- Μελετόπουλος Χ. Η ευρωπαϊκή διπλωματία εν Ελλάδι. Αθήνα, 1888.
- Μεταλληνός Γ. Εκκλησία και πολιτεία στην ορθόδοξη παράδοση. Αθήνα, 2000.
- Μεταλληνός Γ. Τουρκοκρατία: οι Έλληνες στην Οθωμανική αυτοκρατορία. Αθήνα, 1998.
- Μεταλληνός Γ. Φωτομαχικά — Αντιφωτομαχικά. Το φως του Παναγίου Τάφου στον διάλογο Διαφωτισμού — Ορθοδοξίας. Αθήνα, 2001.
- Μεταξάκης Μ. Το Άγιον Όρος και η ρωσική πολιτική στην Ανατολή. Αθήνα, 1913.
- Μεταξάς Ε. Κ. Ιστορία της οικογενείας Μεταξά από του 1801 μέχρι του 1864 έτους. Αθήνα, 1893.

- Μιχαλόπουλος Δ. Ο Εθνικός Διχασμός. Η άλλη διάσταση. Αθήνα, 1997.
- Μόδης Γ. Ο Μακεδονικός Αγών και η νεώτερη μακεδονική ιστορία. Θεσσαλονίκη, 1967.
- Μοσκόφ Κ. Η εθνική και κοινωνική συνείδηση στην Ελλάδα, 1830–1909: η ιδεολογία του μεταπρατικού χώρου. Θεσσαλονίκη, 1972.
- Μουζέλης Ν. Νεοελληνική κοινωνία: όψεις υπανάπτυξης. Αθήνα, 1978.
- Μουζέλης Ν. Ο εθνικισμός στην ύστερη ανάπτυξη. Αθήνα, 1994.
- Μπακογιάννης Π. Ανατομία της ελληνικής πολιτικής. Γέννηση και παρακμή του ελληνικού πολυκομματισμού. Αθήνα, 1977.
- Μπαμπινιώτης Γ. Ελληνική γλώσσα. Παρελθόν — Παρόν — Μέλλον. Μελετήματα, διαλέξεις και άρθρα 1977–1993. Αθήνα, 1994.
- Μπαμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1985.
- Νάκος Γ. Π. Το πολιτειακόν καθεστώς της Ελλάδος επί Όθωνος μέχρι του συντάγματος του 1844. Θεσσαλονίκη, 1974.
- Νάλτσας Χ. Η Συνθήκη του Αγίου Στεφάνου και ο Ελληνισμός. Θεσσαλονίκη, 1953.
- Νικολαΐδης Θ., Διαλέτης Δ., Αθανασιάδης Η. Φυσικές Επιστήμες και διαφωτισμός στον ελληνικό χώρο του 18ου αιώνα // Ιστορικά. 1988. №5.
- Ξανθοπούλου-Κυριακού Α. Η ελληνική κοινότητα της Βενετίας (1797–1866). Θεσσαλονίκη, 1978.
- Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η εποχή του. Αθήνα, 2005.
- Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Η ιταλική εισβολή (28 Οκτωβρίου μέχρι 13 Νοεμβρίου 1940). Αθήνα, 1960.
- Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Η ελληνική αντεπίθεση (14 Νοεμβρίου 1940 — 6 Ιανουαρίου 1941). Αθήνα, 1966.
- Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Χειμερινά επιχειρήσεις — ιταλική επίθεση Μαρτίου (7 Ιανουαρίου — 26 Μαρτίου 1941). Αθήνα, 1966.
- Ο ελληνοϊταλικός πόλεμος 1940–1941. Το τέλος μίας εποποιΐας. Απρίλιος 1941. Αθήνα, 1969.
- Παναγιωτάκης Γ. Ο Βενιζέλος στην επανάσταση και την πολιτική. Ηράκλειο, 1993.
- Παναγιωτόπουλος Β. Η βιομηχανική επανάσταση και η Ελλάδα 1832–1871 // Εκσυγχρονισμός και βιομηχανική επανάσταση στα Βαλκάνια τον 19ο αιώνα. Αθήνα, 1980. Σ. 216–235.
- Πανταζόπουλος Ν. Ελλήνων συσσωματώσεις κατά την Τουρκοκρατίαν. Αθήνα, 1958.
- Παπαγεωργίου Λ. Η Ρωσία και το ελληνικό 1821 // Η Επανάστασή του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Παπαγεωργίου Σ. Η Στρατιωτική πολιτική του Ι. Καποδίστρια // Ο Ιωάννης Καποδίστριας και συγκρότηση του ελληνικού κράτους. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 167–176.
- Παπαγιαννάκης Λ. Οι ελληνικοί σιδηρόδρομοι (1882–1910). Γεωπολιτικές, οικονομικές και κοινωνικές διαστάσεις. Αθήνα, 1982.
- Παπαγιάννης Α. Μαντινειακά μοναστήρια. Αθήνα, 1977.
- Παπαδάκης Β. Διπλωματική ιστορία του ελληνικού πολέμου, 1940–1945. Αθήνα, 1957.
- Παπαδία-Λάλα Α. Ευαγή και νοσοκομειακά ιδρύματα στη βενετοκρατούμενη Κρήτη. Βενετία, 1996.
- Παπαδία-Λάλα Α. Έκθεση του Camillo Gonzaga για τα πρώτα χρόνια (1645–1647) του Κρητικού Πολέμου. Θησαυρίσματα 13 (1976). Σ. 152–194.
- Παπαδία-Λάλα Α. Ο θεσμός των αστικών κοινοτήτων στον ελληνικό χώρο κατά την περίοδο της βενετοκρατίας (13ος–18ος αι.). Μια συνθετική προσέγγιση. Βενετία, 2004.

- Παπαδόπουλος Σ. Η Επανάσταση στη Δυτική Στερεά Ελλάδα 1826–1832. Θεσσαλονίκη, 1962.
- Παπαδόπουλος Σ. Άγιος Μακάριος Κορίνθου. Ο Γενάρχης του Φιλοκαλισμού. Αθήνα, 2000.
- Παπαδόπουλος Σ. Οι Νεομάρτυρες και το δούλον Γένος. Αθήνα, 1991.
- Παπαδόπουλος Χ. Εξωτερικά επιδράσεις επί της ορθοδόξου θεολογίας κατά τον ΙΣΤ΄ και ΙΖ΄ αιώνα. Αθήνα, 1937.
- Παπαδόπουλος Χ. Ιστορία της Εκκλησίας της Ελλάδος. Αθήνα, 1920.
- Παπαδόπουλος Χ. Ιωάννης Καρυοφύλλης. Αλεξάνδρεια, 1918.
- Παπαδόπουλος Χ. Η εκκλησία της Κύπρου επί Τουρκοκρατίας (1571–1878). Αθήνα, 1929.
- Παπαδόπουλος Χ. Η εξωτερική κατάσταση της εκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως από της αλώσεως μέχρι του ΙΗ΄ αιώνα. Αθήνα, 1950.
- Παπαθανασόπουλος Κ. Αλέξανδρος Κουμουνδούρος. Σχόλια για μια βιογραφία. Αθήνα, 1993.
- Παπακωνσταντίνου Θ. Φ. Η μάχη της Ελλάδος. 1940–1941. Αθήνα, 1966.
- Παπακωνσταντίνου Μ. Η Μακεδονία μετά τον Μακεδονικό Αγώνα. Αθήνα, 1985.
- Παπακώστας Α. Ν. Εισαγωγή. // Μακρυγιάννης. Οράματα και θάματα. Αθήνα, 1983.
- Παπανικολάου Λ. Τα προεπαναστατικά κινήματα // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Παπαρηγόπουλος Κ. Ιστορία του ελληνικού έθνους από των αρχαιωτάτων χρόνων μέχρι του 1930 μετά προσθηκών υπό Π. Καρολίδου. 8 τόμοι. Αθήνα, 1932.
- Παπουλίδης Κ. Ο ελληνικός κόσμος του Αντωνίνου Καρυστίν (1817–1894). Συμβολή στην πολιτική της Ρωσίας στη Χριστιανική Ανατολή το 19ο αιώνα. Θεσσαλονίκη, 1993.
- Παπουλίδης Κ. Ρωσικό ενδιαφέρον για την Εκκλησία της Ελλάδος την εποχή του Όθωνα. // Θεολογία. Τ. 57, 1980.
- Παπουλίδης Κ. Ρωσοελληνικά. Οκτώ μελέτες ρωσοελληνικών πολιτικών, πολιτιστικών και επιστημονικών σχέσεων. Θεσσαλονίκη, 2004.
- Παπουλίδης Κ. Το κίνημα των Κολλυβάδων. Αθήνα, 1971.
- Παρανίκας Μ. Σχεδιάσμα περί της εν τω ελληνικώ έθνει καταστάσεως των γραμμάτων από της αλώσεως της Κωνσταντινουπόλεως (1453) μέχρι των αρχών της ενεστώσης (ιθ΄) εκατονταετηρίδος. Κωνσταντινούπολη, 1867.
- Παρασκευόπουλος Γ. Π. Οι δήμαρχοι των Αθηνών (1835–1907). Αθήνα, 1907.
- Πατρινέλης Χ. Γ. Πρώιμη νεοελληνική ιστοριογραφία (1453–1821). Θεσσαλονίκη, 1993.
- Πετμεζάς Σ. Η Ελληνική Αγροτική Οικονομία κατά τον 19ο αιώνα. Ηράκλειο, 2003.
- Πετρακάκος Δ. Κοινοβουλευτική ιστορία της Ελλάδος. Αθήνα, 1946.
- Πετράκη Μ. Δικτατορία και προπαγάνδα στην Ελλάδα. Αθήνα, 2006.
- Πετρίδης Π. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος στη Θεσσαλονίκη: η προσωρινή κυβέρνηση, 1916–1917. Θεσσαλονίκη, 1994.
- Πετρίδης Π. Β. Νεοελληνική πολιτική ιστορία. Τ. 1. 1828–1843. Θεσσαλονίκη, 1981.
- Πετρόπουλος Ι. — Κουμαριανού Αικ. Η θεμελίωση του ελληνικού κράτους 1833–1843. Αθήνα, 1984.
- Πέτρος Κ. Οι αγροτικές σχέσεις στις παραμονές της Επανάστασης του 1821 // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Πιπινέλης Τ. Ν. Η μοναρχία εν Ελλάδι. 1833–1843. Αθήνα, 1932.

- Πιπινέλης Π. Πολιτική ιστορία της Ελληνικής Επανάστασεως. Παρίσι, 1927.
- Πολίτης Α. Η προσγραφομένη στον Ρήγα πρώτη έκδοση του Αγαθαγγέλου // Ερανιστής, τ. VII. Αθήνα, 1969.
- Πολίτης Α. Ρομαντικά χρόνια. Ιδεολογίες και Νοοτροπίες στην Ελλάδα του 1830–1880. Αθήνα, 1993.
- Πολίτης Ν. Γ. Αγαθάγγελος // Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεικτα. Τ. 1. Αθήνα, 1920.
- Πολίτης Ν. Γ. Δημώδεις δοξασίαι περί αποκαταστάσεως του Ελληνικού έθνους // Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεικτα. Τ. 1. Αθήνα, 1920.
- Πούλος Ι. Η Επανάσταση της 3ης Σεπτεμβρίου 1843 επί τη βάσει των Γαλλικών Αρχείων // Δελτίον Ιστορικής και Εθνολογικής Εταιρείας της Ελλάδος. Τ. 11. Αθήνα, 1956.
- Πουρνάρας Δ. Χαρίλαος Τρικούπης. Η ζωή και το έργο του. Τ. 1–2. Αθήνα, 1950.
- Πρεβελάκης Ε. Η εκστρατεία του Ιμπραήμ πασά εις την Αργολίδα. Αθήνα, 1949.
- Πρεβελάκης Ε. Η μεγάλη Κρητική Επανάσταση 1866–1869. Αθήνα, 1966.
- Πρότζας Β. Οικονομία και γαιοκτησία στη Θεσσαλία, 1881–1912. Αθήνα, 1992.
- Ράλλης Γ. Γεώργιος Θεοτόκης: ο πολιτικός του μέτρου. Αθήνα, 1986.
- Ραφαηλίδης Β. Ιστορία (κωμικοτραγική) του Νεοελληνικού κράτους (1830–1974). Αθήνα, 1993.
- Ρούσος Π. Βοήθημα νέας ιστορίας της Ελλάδας. Τουρκοκρατία, βενετοκρατία, εθνικοαπελευθερωτικοί αγώνες των Ελλήνων. Π. Α. Ε., 1958.
- Ρούσος Π. Λίγα για τη διαμόρφωση του σύγχρονου ελληνικού έθνους // Η Επανάσταση του 1821. Επιστημονικό συμπόσιο. Αθήνα, 1983.
- Σάθας Κ. Νεοελληνική φιλολογία. Βιογραφίαι των εν τοις γράμμασι διαλαμψάντων Ελλήνων από της καταλύσεως της βυζαντινής αυτοκρατορίας μέχρι της ελληνικής εθνεγερσίας (1453–1821). Αθήνα, 1868.
- Σάθας Κ. Νεοελληνικής φιλολογίας παράρτημα. Ιστορία του ζητήματος της νεοελληνικής γλώσσης. Αθήνα, 1870.
- Σάθας Κ. Τουρκοκρατούμενη Ελλάς 1453–1821. Αθήνα, 1962.
- Σακελλαρίου Χ. Η παιδεία στην Αντίσταση. Αθήνα, 1984.
- Σακελλαρίου Μ. Η Πελοπόννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν 1715–1821. Αθήνα, 1939.
- Σβολόπουλος Κ. Κωνσταντινούπολη 1856–1908. Η ακμή του Ελληνισμού. Αθήνα, 1995.
- Σβορώνος Ν. Γ. Επισκόπηση της νεοελληνικής ιστορίας. Αθήνα, 1994.
- Σιδέρης Α. Δ. Η γεωργική πολιτική της Ελλάδος. 1833–1933. Αθήνα, 1934.
- Σιμόπουλος Κ. Ξένοι ταξιδιώτες στην Ελλάδα 1800–1810. Αθήνα, 1985.
- Σκαντάμης Α. Σελίδες πολιτικής ιστορίας και κριτικής. Τ. 1. Η τριακονταετία της βασιλείας του Όθωνος. 1832–1862. Αθήνα, 1961.
- Σκοπετέα Ε. Το “πρότυπο βασίλειο” και η Μεγάλη Ιδέα. Όψεις του εθνικού προβλήματος στην Ελλάδα (1830–1880). Θεσσαλονίκη, 1984.
- Σκοπετέα Ε. Φαλλμεράϊερ. Τεχνάσματα του αντιπάλου δέους. Αθήνα, 1997.
- Σολομωνίδης Χ. Ο Σύμρνης Χρυσόστομος. Αθήνα, 1971.
- Σομετίτης Δ. Αι Βουλαί της Ελλάδος. Ν. ρ., ν. d.
- Στάθης Ε. Το Σύνταγμα και ο Θούριος του Ρήγα. Αθήνα, 1996.
- Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Προς μια ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19° αιώνα. Αθήνα, 2003.
- Σταματόπουλος Τ. Ο εσωτερικός αγώνας πριν και κατά την Επανάσταση του 1821. Τ. 1–4. Αθήνα, 1957–1973.

- Σταματόπουλος Τ. Ο Π. Π. Γερμανός χωρίς θρύλο. Αθήνα, 1974.
- Στρατηγός Ξ. Ο Ελληνοτουρκικός πόλεμος του 1912. Τ. 1–2. Αθήνα, 1932.
- Στρίγκος Λ. Η Επανάσταση του Εικοσιένα. Αθήνα, 1959.
- Στεφανίδης Β. Εκκλησιαστική ιστορία απ' αρχής μέχρι σήμερα. Αθήνα, 1948.
- Σφυρόερας Β. Β. Ιστορία της Νεωτέρας Ελλάδος. Η περίοδος της βασιλείας του Όθωνος. (1832–1862). Αθήνα, 1978.
- Ταχιάος Ν., Αιμίλιος Α. Ο Παΐσιος Βελιτσκόφσκι (1722–1794) και η ασκητικοφιλολογική σχολή του. Θεσσαλονίκη, 1964.
- Τζόκας Σ. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος και το εγχείρημα του αστικού εκσυγχρονισμού 1928–1932: η οικοδόμηση του αστικού κράτους. Αθήνα, 2002.
- Τριανταφυλλίδης Μ. Απολογία της Δημοτικής // Τριανταφυλλίδης Μ. Άπαντα. Τ. 4. Θεσσαλονίκη, 1963. Σ. 119–252.
- Τρικούπης Σ. Ιστορία της ελληνικής επανάστασης. Τ. 1–4. Λονδίνο, 1853–1857.
- Τσιβανόπουλος Σ. Ελλάς. Η κατάστασις της κατά την Βασιλείαν του Βασιλέως Όθωνος. Αθήνα, 1864.
- Τσίρος Ν. Κράτος, εξουσία, κοινοβουλευτικό σύστημα σε θεσμική και πολιτική κρίση: ο Ελευθέριος Βενιζέλος και η λειτουργία του πολιτεύματος στην περίοδο 1914–1920. Αθήνα, 2000.
- Τσιρπανλής Ζ. Οι μαθητές του Ελληνικού Κολλεγίου της Ρώμης (1576–1700) // Δωδώνη. 7 (1978). Σ. 23–42.
- Τσίχλης Β. Το κίνημα του Γουδή και ο Ελευθέριος Βενιζέλος. Αθήνα, 2007.
- Τσοκόπουλος Γ. Χαρίλαος Τρικούπης. Βιογραφία. Αθήνα, 1896.
- Φιλάρετος Γ. Ξενοκρατία και Βασιλεία εν Ελλάδι. 1821–1897. Αθήνα, 1897.
- Φιλήμων Ι. Δοκίμιον ιστορικών περί της ελληνικής επανάστασης. Τ. 1–4. Αθήνα, 1859–1861.
- Φραγκιάδης Α. Ελληνική οικονομία, 19ος–20ος αιώνας. Αθήνα, 2007.
- Φωτιάδης Δ. Όθωνας. Η μοναρχία στην Ελλάδα. Αθήνα, 1966.
- Φωτιάδης Δ. Όθωνας — Η έξωση. Αθήνα, 1988.
- Φωτιάδης Κ. Η Γενοκτονία των Ελλήνων του Πόντου. Τ. 1–14. Θεσσαλονίκη, 2005.
- Χάρης Γ. Δέκα μύθοι για την ελληνική γλώσσα. Αθήνα, 2001.
- Χατζηαντωνίου Κ. Θεόδωρος Πάγκαλος. Αθήνα, 2004.
- Χατζηβασιλείου Ε., Μάνεσης Α. Ο Ελευθέριος Βενιζέλος, η ελληνοτουρκική προσέγγιση και το πρόβλημα της ασφάλειας στα Βαλκάνια 1928–1931. Θεσσαλονίκη, 1999.
- Χατζιδάκης Γ. Ν. Σύντομος επιθεώρησις της ιστορίας της ελληνικής γλώσσης // Liddel H., Scott R. Μέγα λεξικόν της ελληνικής γλώσσης. Αθήνα, 1907. Σ. α'–η'.
- Χιώτης Π. Ιστορία της Επτανήσου και ιδίως της Ζακύνθου από Βενετοκρατίας μέχρι της ελεύσεως των Άγγλων. 1500–1816. Μετά παραρτήματος περί των συμπράξεων των Επτανησίων κατά τον ελληνικόν αγώνα του 1821. Κέρκυρα, 1863.
- Χολέβας Ι. Ο Μακεδονολάτρης Ίων Δραγούμης ως φιλόσοφος, δημοσιολόγος, οικονομολόγος και κοινωνιολόγος. Αθήνα, 2000.
- Χονδροκούκης Δ. Ο Γολγοθάς της ελληνικής δημοκρατίας. Αθήνα, 1974.
- Χουλιάρκης Μ. Γεωγραφική διοικητική και πληθυσμιακή εξέλιξη της Ελλάδος. 1821–1971. Αθήνα, 1973.
- Ψηρούκης Ν. Ιστορία της σύγχρονης Ελλάδος. 1940–1967. Τ. 1–4. Αθήνα, 1976–1983.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Первые историки революции 1821 года

Первыми историками революции были сами ее участники и современники, которые, отдавая дань моде, увлеклись популярным в молодом греческом государстве мемуарным жанром. Не только влиятельные политики и военачальники, но едва ли не всякий грамотный очевидец тех событий считал своим долгом взяться за перо.

Сочинение митрополита Германа Патрского, посвященное истории греческого национально-освободительного движения, сейчас более известно как мемуары, однако на самом деле его можно в равной степени отнести и к жанру историографическому, именно так оно и воспринималось современниками¹. То же самое можно сказать и о других произведениях мемуарного жанра той эпохи. Это подтверждается и самим названием книги, в котором автор кратко сформулировал поставленную им перед собой задачу: «Записки о восстании греков против Тирана и о некоторых политических событиях на Пелопоннесе в период первого правительства». Содержание этого произведения вполне точно соответствует замыслу: Герман описывает события политической и военной жизни, сопровождая их своими оценками и комментариями. «Записки» Германа Патрского считаются ценным источником по истории революции не только потому, что их автор — участник или очевидец описываемых событий, но и потому, что «Записки» составлены непосредственно во время революции, что также ставит под сомнение их принадлежность только к мемуарному жанру. Как утверждает наследник митрополита Германа и первый издатель его «Записок» Каллиник Касторхис, автор «начал писать их, как только вспыхнула война с врагом, и продолжал вплоть до третьего года войны, когда он был послан в Европу ради неотложных нужд Отечества»². Описать дальнейшую историю ему помешали гражданские войны, а потом — его кончина в мае 1826 г.

Отличительная черта «Записок» — их светский характер. Конечно, стиль изложения во многом определяется избранной темой, однако примечательно уже и то, что церковный деятель взялся за описание мирской жизни, совершенно оставляя в стороне жизнь церковную. При этом он изображает светскую жизнь в светских же категориях, и если бы на титульном листе не стояло имя автора, то сложно было бы догадаться, что автор — духовное лицо. Более того, митрополит Герман оценивает события с точки зрения передовых по тому времени западноевропейских идей.

«Записки» Германа Патрского были впервые изданы уже после его смерти, в 1837 г., К. Касторхисом и в том же году переизданы. В 1900 г. вышло дополненное издание Г. Папулиаса. В 1975 г. было выпущено факсимильное издание «Записок» 1837 г. с комментариями.

Как утверждает другой современник событий, Фотакос, митрополит Герман одним из первых примкнул к революционному движению и также одним из первых взялся за его описание³. Митрополит Герман в миру носил имя Георгий, родился он 25 марта 1771 г. (символическая дата: 25 марта 1821 года — день начала национального восстания на Пелопоннесе) в г. Димицана в самом сердце Пелопоннеса. Отец его Иоанн Гозис (Гозиопулос) был ювелиром и гордился тем, что его предки происходили из легендарной Лаконии. Таким образом, уже

¹ См.: Γερμανός Παλαιών Πατρών. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 14.

² Γερμανός. Op. cit. Σ. 14.

³ См.: Φωτάκος. Βίοι Πελοποννησίων ανδρών. Αθήνα, 1960. Σ. 150.

по рождению Георгию было обеспечено отнюдь не последнее место на социальной лестнице. Сестра матери, Канеллы Кукузопулу, была замужем за местным протоиереем, и дома обеих семей находились рядом с церковью. Возможно, это обстоятельство наложило отпечаток на решение Георгия сделать карьеру на духовном поприще. Свое образование Георгий начал в училище в Димицане, потом переехал в Аргос, где его незаурядные способности были замечены митрополитом Навплийским и Аргосским Иаковом, который принял Георгия на должность секретаря митрополии и всячески ему покровительствовал: Георгий вскоре был пострижен в монашество с именем Германа и рукоположен в сан диакона.

Из Аргоса иеродиакон Герман был переведен в штат Смирнской митрополии. В Смирне он значительно пополнил свое образование, пользуясь знаменитой библиотекой, собранной многими поколениями малоазийских греков. В 1798 г. митрополит Смирнский Григорий был избран патриархом Константинопольским под именем Григория V. В столицу за ним последовал и Герман, который вскоре был возведен в сан архидиакона. Надо отметить, что в отличие от Русской православной церкви, где архидиаконство является скорее почетным званием (архидиакон участвует в богослужении вместе с архиереем), в Константинопольской церкви возведение в этот сан означало вступление человека в круг высшего духовенства: архидиакон был «правой рукой» епископа и чаще всего становился его преемником по кафедре. Так что, находясь при патриархе, Герман мог получить большой опыт административного управления. После первого низложения патриарха Григория Герман был назначен архидиаконом к другому архиерею, при котором оставался до 1806 г., пока наконец не был рукоположен в епископский сан, чтобы занять вакантную кафедру г. Патры. С одной стороны, это напоминало почетную ссылку, поскольку с точки зрения Патриархии Пелопоннес представлял собой далекую провинцию, но с другой стороны, Патры были тогда довольно оживленным городом, крупным торговым центром.

В 1815 г. митрополит Герман был вызван на три года в Константинополь для присутствия в Синоде. Считается, что именно в этот период он узнал о существовании тайного общества «Филики Этерия», имевшего целью подготовку антитурецкого восстания и освобождение Греции, ознакомился с его планами и был принят в ее ряды. Однако Т. Стаматопулос полагает, что митрополит Герман стал членом «Филики Этерии» не в Константинополе, а позже, вернувшись в Патры¹, поскольку этеристы не доверяли представителям верхушки общества и приняли в свою организацию митрополита Германа лишь в силу стечения обстоятельств. Но ни одна из точек зрения документально не подтверждается, зато, как утверждает сам Герман и другие участники событий, «на всем почти Пелопоннесе никто из выдающихся иерархов, проэстов и прочих прокритов не оставался непосвященным» в члены «Филики Этерии»². Также Фотакос, перечисляя участников тайных собраний этеристов, называет среди них представителей наиболее знатных фамилий Пелопоннеса³. Эти свидетельства говорят о том, что этеристы не игнорировали высшие слои, понимая, что добиться освобождения Греции можно только в том случае, если движение примет общенациональный характер.

К началу революции 1821 г. митрополит Герман Патрский и в силу своего положения, и благодаря личным качествам был одним из наиболее влиятельных церковных иерархов не только Пелопоннеса, но и других районов Греции. В начале 1821 г. он принимает участие в историческом собрании в Востице (Эгио), где решался вопрос о подготовке восстания. С началом восстания он активно включается в политическую жизнь: входит в состав создаваемых временных

¹ См.: Σταματόπουλος Τ. Ο Π. Π. Γερμανός χωρίς θρόνο. Αθήνα, 1974. Σ. 7–8.

² Γερμανός. *Op. cit.* Σ. 76–77.

³ См.: Φωτάκος. Απομνημονεύματα... Σ. 55.

органов власти — Управления Ахайи и Пелопоннесской (Кельтченской) Герусии. В декабре 1821 — январе 1822 г. Герман участвовал в работе I Национального Собрания в Эпидавре, а в октябре 1822 г. вместе с Г. Мавромихалисом он отправился по поручению правительства в Италию, чтобы вести переговоры с папой о его заступничестве за мятежных греков перед европейскими государями. Однако все усилия греческих уполномоченных были напрасны: они не получили даже аудиенции у папы, хотя использовали старую приманку — обещание соединения Церквей под началом папства. Неудача эта объяснялась тем, что на Пия VII давил австрийский канцлер Меттерних¹. На родину Герман вернулся в августе 1824 г., как раз к окончанию первой гражданской войны, но к концу года в стране назрел новый междоусобный конфликт, который безуспешно пытался предотвратить митрополит Герман. Убедившись в том, что все его усилия напрасны, Герман удалился в монастырь Хрисоподаритиссы в деревне Незера, где был арестован солдатами одной из враждовавших сторон. Вскоре он был освобожден, однако здоровье немолодого уже архиерея было подорвано этими потрясениями, и, хотя в апреле 1826 г., когда его единомышленники пришли к власти и он снова получил пост главы одного из правительственных комитетов, митрополит Герман смог снова вернуться к активной политической деятельности, продолжалось это недолго: в мае того же года он скончался от тифа в Навплии.

Герман Патрский — единственный представитель духовенства среди тех участников революции, чьи мемуары использованы при написании этой книги. Остальные мемуаристы — светские люди, принадлежащие, однако, к разным слоям общества. Константин Метаксас, например, был выходцем из знатной и родовитой семьи, одной из наиболее влиятельных на Кефалоньи. Его сын Эпаминонд написал и издал даже «Историю семьи Метаксасов с 1081 по 1864 г.»².

Константин Метаксас родился в 1793 г. на острове Кефалонья и до 21 года учился там гуманитарным наукам, потом четыре года изучал право в Италии. Вернувшись на родину по завершении своего образования, К. Метаксас, по собственному признанию, «отрекся от Фемиды и с воодушевлением вступил на поприще Ареса»³. К. Метаксас стал членом «Филики Этерии», о которой местным нобилем мало что было известно, поскольку его брат Марин, единственный, кто, как утверждает К. Метаксас, знал о ее существовании, держал язык за зубами, опасаясь преследования со стороны английских властей⁴. Узнав о начале восстания на материке, К. Метаксас вместе со своим кузеном Андреасом набрал отряд добровольцев в 300 человек и отправился воевать на Пелопоннес. Получив сведения о высадке этого своеобразного десанта, английские власти Ионических островов лишили руководителей похода имущества и гражданских прав.

В первом греческом правительстве А. Метаксас занял пост министра полиции, а Константин — министра юстиции, но т. к. он не мог исполнять свои обязанности в условиях военного положения, то был назначен уполномоченным на острова Архипелага⁵. В январе 1823 г. К. Метаксас снова приступил к обязанностям министра юстиции, но был наготове не упустить любую возможность принять участие в военных действиях, т. к. полагал, что «принять участие в Борьбе на полях сражений — это самый существенный вклад, который может внести молодой человек в дело освобождения Родины во время этой неравной войны»⁶. После

¹ См.: *Frazee Ch. The Orthodox Church and Independent Greece. 1821–1852. Cambridge, 1969. P. 54–57.*

² Μεταξάς Ε. Κ. Ιστορία της οικογένειας Μεταξά από του 1801 μέχρι του 1864 έτους. Αθήνα, 1893.

³ Μεταξάς Κ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 11.

⁴ См.: Μεταξάς Κ. Op. cit. Σ. 17.

⁵ Μεταξάς Κ. Op. cit. Σ. 47–48.

⁶ Μεταξάς Κ. Op. cit. Σ. 66.

II Национального Собрания (апрель 1823 г.) Метаксасу удалось-таки вырваться на фронт, но ненадолго: в связи с готовящейся турками осадой г. Месолонги он был назначен наместником Западной Греции. Но уже в начале 1824 г. он вернулся на Пелопоннес, чтобы принять участие в боевых операциях. Соотечественники высоко ценили его боевые заслуги и опыт: в 1825 г. К. Метаксас был начальником гарнизона Паламиди (крепость Навплии), в 1826 г. — введен в состав комитета по борьбе с пиратством. В правление И. Каподистрии К. Метаксас вновь был назначен уполномоченным на Эгейских островах.

Баварское регентство не признало заслуг К. Метаксаса за время революции, и после амнистии на Ионических островах он вернулся на родину. К. Метаксас совершил еще один необычный для борца за независимость поступок: он женился на крещеной турчанке. После революции 1843 г. К. Метаксас приехал в Афины и вернулся к государственной службе: он был назначен государственным советником. В 1856 г. греческое правительство присвоило ему звание полковника, но Метаксас отказался, сочтя его слишком низким, ведь во время революции он дослужился до генеральского чина. В 1861 г. король Оттон сделал Метаксаса членом Сената, а после упразднения этого органа старый вояка отошел от дел и занялся своими мемуарами. Скончался он в 1870 г. у себя на родине, на Кефалоньи.

В отличие от митрополита Германа, писавшего «Записки» по горячим следам, К. Метаксас взялся за работу над «Воспоминаниями из истории греческой революции» через 40 лет после описываемых им событий. «Пролог» к «Воспоминаниям» написан в 1860 г. Правда, сам Метаксас утверждает, что его мемуары основаны на записях, сделанных во время революции, но теперь уже решительно невозможно отделить эти заметки от более поздней их обработки. С другой стороны, К. Метаксас однозначно определяет свой труд как показания очевидца, а не как работу историка. Он полагает, что подлинная история революции — это собрание беспристрастных свидетельств, поэтому также заявляет, что будет писать только о том, что делал или видел сам, предлагая другим ветеранам революции последовать его примеру¹. Однако для такого блестяще образованного человека, как К. Метаксас, совершенно невозможно обойтись без систематизации, обобщений, оценок фактов. Его прекрасный историко-географический обзор о. Кефалоньи делает честь перу историка и патриота. В систематическом анализе деятельности II Национального Собрания чувствуется почерк юриста, а в отчете о мерах, принятых им в бытность его правительственным уполномоченным на Эгейских островах, — рука толкового администратора.

Воспоминания К. Метаксаса были впервые изданы его сыном в 1878 г. и сразу вызвали к себе большой интерес. Уже через несколько лет они были переведены на итальянский (1882) и французский (1887) языки.

В одном ряду с «Воспоминаниями» К. Метаксаса стоят сочинения по истории революции другого греческого интеллектуала — Димитрия Эниана. Семья Энианов происходила из Фтиотиды, но юность Д. Эниана прошла в столице Османской империи. В поисках лучшей участи для себя и своих детей глава семьи священник и учитель Захария переселился в Константинополь, где содержал семью, занимаясь обоими ремеслами в наиболее значительных семьях Фанара. В числе его учеников были, например, дети из знатной семьи Мурузи (к началу греческой революции один из ее представителей, К. Мурузи, занимал пост великого драгомана империи). У Захарии было три сына: Георгий, Христодул и Димитрий, и все трое приняли участие в борьбе за освобождение Греции. Георгий был сотрудником Ф. Негриси в Амфиссе, членом Ареопага Восточной Греции, принимал участие в военных действиях и в работе

¹ Μεταξάς К. Op. cit. Σ. 11.

Национальных Собраний. Его подпись стоит под первой греческой конституцией. Христодул при Каподистрии был членом нового государственного органа, Панэллинιона.

Димитрий Эниан (1800–1881) получил образование в Константинополе, обучаясь главным образом у своего отца. В просвещенной семье Энианов царили свободолюбивые настроения: в их доме часто бывали этеристы Хр. Перревос, архимандрит Григорий Дикеос и др., да и вся семья вступила в «Филики Этерию». Когда с началом восстания греков на христианское население Константинополя обрушились репрессии, Д. Эниану удалось бежать в Одессу, а оттуда через Австрию и Италию в Грецию, где он воевал вначале как простой солдат, а позже стал государственным служащим. Вдохновившись подвигами знаменитого героя войны за независимость Георгия Караискакиса, Д. Эниан добровольцем вступил в его отряд и воевал в нем вплоть до смерти Караискакиса в 1827 г. После революции Д. Эниан занимал различные должности по ведомству внутренних дел, но потом впал в немилость, а после восстания 1848 г., вождем которого во Фтиотиде он считался, ему пришлось эмигрировать в Османскую империю. После амнистии Д. Эниан вернулся в Афины, а после назначения премьер-министром А. Маврокордатоса (1854 г.) он возглавил отдел в Министерстве внутренних дел, но ненадолго. По низложению короля Оттона Д. Эниан был депутатом Национального Собрания, по окончании работы которого решил отойти от дел.

Литературное наследие Д. Эниана включает в себя обширное «Жизнеописание Георгия Караискакиса», изданное в 1834 г., а также ряд сочинений о революции 1821 г., опубликованных в 1850-е гг. в журнале «Народная библиотека». Среди них следует отметить следующие: «Греческий солдат во время революции», «Арматолы и клефты», «Димитрий Ипсиланти», «Колокотронис», «Падение Триполи 23 сентября 1821 года», а также «Воспоминания о греческой революции», изданные Э. Протопсалтисом в 1950-е гг. в серии «Воспоминания борцов 1821 года». Все эти произведения представляют собой эссе или биографические очерки. В отличие от воспоминаний К. Метаксаса и митрополита Германа Патрского сочинения Д. Эниана относятся скорее к художественной литературе, чем к жанру историческому.

Особого внимания заслуживают воспоминания другого участника революции — Макрияниса, о которых греческий историк Д. Фотиадис сказал: «...Написано, будто высечено из мрамора»¹. Но сначала несколько слов об их авторе. Собственно говоря, «Макриянис» — это не фамилия, а прозвище за высокий рост («Длинный Янис»), закрепившееся за его носителем на всю жизнь. Родился Макриянис в 1794 г. в деревне Аворити в Дориде. Когда мальчику было четыре года, турки убили его отца Димитрия Триандафиллу, так что детство будущего генерала прошло в нужде и лишениях. В 1820 г. Макриянис вступил в «Филики Этерию» и активно участвовал в ее деятельности. С сентября 1821 г. он принимал участие в боевых действиях и вскоре получил первое ранение. В августе 1822 г. он отправился в Афины, где позже был назначен комендантом. Во время гражданской войны Макриянис поддерживал правительство, от которого получил чин генерала. Наивысший подъем его деятельности во время войны приходится на август 1826 г., когда он отличился на осаде Акрополя. В правление Каподистрии Макриянис был главой исполнительной власти на Пелопоннесе. По окончании войны за независимость он не оставил политическую деятельность: в 1843 г. генерал был в первых рядах революционеров 3 сентября, вынудивших короля Оттона принять конституционную форму правления. Однако Макриянис остался недоволен и новым положением вещей и в 1852 г. был арестован по подозрению в организации заговора. В марте 1853 г. он был приговорен к смертной казни, однако король его помиловал и после нескольких лет тюрьмы освободил. В 1862 г. после низложения Оттона Макриянис был избран депутатом Национального Собрания, ему

¹ Άπαντα Μακρυγιάννη. Χ. τ., χ. χ. Τ. Α. Σ. 15.

был также возвращен генеральский чин. В 1864 г., за несколько дней до кончины, Макриянис был даже произведен в генерал-лейтенанты.

В отличие от предыдущих мемуаристов Макриянис никогда не учился в школе и алфавит выучил, будучи уже взрослым человеком, да и то плохо. Так что его воспоминания написаны «странным фонетическим письмом», как замечает Д. Фотиадис¹. Тем не менее богатое природное дарование сделало Макрияниса одним из лучших прозаиков молодой новогреческой литературы. Писать «Воспоминания» Макриянис, по собственному утверждению, начал в 1829 г. в Аргосе, где была его резиденция как наместника Пелопоннеса. Должность не очень его обременяла, и он решил посвятить свободное время написанию автобиографии². «Я буду записывать беспристрастно чистую правду», — заверяет читателей Макриянис. Однако с самого начала он задумал придать своему труду полемический характер, намереваясь дать свою интерпретацию несчастьям, поразившим Грецию во время революции. И хотя он утверждает, что будет сообщать только голые факты, а «о причинах зла пусть говорят историки и ежедневные газеты»³, само упоминание о «зле» уже в предисловии дает повод усомниться в объективности дальнейшего изложения. Макриянис определенно поддерживает образовавшуюся уже на первом этапе революции политическую группировку военных и обрушивается с яростной критикой на своих противников.

С литературной точки зрения «Воспоминания» Макрияниса, бесспорно, выдающееся произведение. Непревзойденный стилист, Макриянис сумел мастерски изобразить не только эпоху, но и судьбу на ее фоне «маленького человека», который в сочинениях историков обычно оказывается задавленным грандиозностью событий. На «Воспоминания» Макрияниса наложил особый отпечаток импульсивный характер их автора: сдержанная хроника военных действий неожиданно переходит в бешеный ритм обличительных монологов лирических отступлений, сменяющихся, в свою очередь, лаконичной мудростью философских сентенций. Макриянис приложил много усилий, чтобы увековечить память о событиях революции: по его инициативе художник Панайотис Зографос в 125 картинах запечатлел сцены из истории войны за независимость.

Я. Влахоянису, расшифровавшему и опубликовавшему в 1907 г. мемуары Макрияниса, пришлось проделать огромную работу: помимо упоминавшейся выше особенности письма «Воспоминания» отличаются языковым своеобразием. Дело в том, что мемуары Макрияниса написаны не на кафаревусе, бывшей в ту пору официальным языком, но и не на димотике. Это был, по выражению греческой исследовательницы Э. Алексиу, «неподкрашенный язык народа»⁴.

Другим апологетом группировки военных эпохи революции стал Фотий Хрисанфопулос, или попросту Фотакос, написавший самые объемные (более 800 страниц) мемуары о революции.

Фотакос родился в 1798 г. в семье священника Папаянакиса в селе Магульяна епархии Гортинии. От имени отца взяли себе фамилию четыре брата Фотакоса — Папаянакопулосы, а сам он взял фамилию от имени деда. Возможно, тот факт, что Фотакос вырос в семье священника, обусловил его особо благоговейное отношение к Церкви. Это чувствуется и в его мемуарах, где объективные факты часто противоречат благочестивым словам о Церкви. Начальное образование Фотакос получил у себя на родине, а когда ему было 15 лет, отправился в Кишинев, где его устроили на службу в один из греческих торговых домов. Дело в том, что Фотакос был очень вспыльчивым и темпераментным человеком, и его отец боялся, как бы он не натворил чего-нибудь такого,

¹ Άπαντα Μακρυγιάννη. Χ. τ., χ. χ. Τ. Α. Σ. 15.

² Μακρυγιάννης. Απομνημονεύματα στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Σ. 143.

³ Μακρυγιάννης. Op. cit. Σ. 145.

⁴ Αλεξίου Ε. Στη ζωή και το έργο του στρατηγού Μακρυγιάννη // Άπαντα Μακρυγιάννη. Τ. Α. Σ. 33.

за что мог быть наказан турецкими властями, и отправил его от греха подальше. Узнав о создании на территории России греческого тайного общества «Филики Этерия», Фотакос бросил все дела и уехал в Одессу, где познакомился со многими радикально настроенными греками и был принят в члены общества. Осенью 1820 г. руководству общества было необходимо послать эмиссаров на Пелопоннес. Одним из них стал Фотакос, в октябре 1820 г. он прибыл на о. Идра. Переехав оттуда на материк, Фотакос активно включился в подготовку восстания. Чтобы не вызвать подозрений у турецких властей, Фотакосу пришлось надеть европейское платье и выдать себя за врача-иностранца. Однако власти получили о нем какие-то сведения, и он был вынужден скрываться. С начала восстания в марте 1821 г. и до осады Триполи (лето 1821 г.) Фотакос принимал участие в боевых действиях в составе отряда К. Делияниса, потом перешел к Колокотронису и вскоре был назначен его адъютантом, каковым оставался до конца войны за независимость. После революции Фотакос поселился в Триполи, женился на дочери одного из самых именитых граждан города. Получив достаточно большие земельные владения, Фотакос почти все раздал семьям, пострадавшим во время революции. Фотакос прожил долгую жизнь (ум. 1878), но в правление короля Оттона не занимал высоких постов, а был всего лишь лесничим.

Когда именно Фотакос начал писать мемуары, точно не ясно, но скорее всего, это произошло в 1850-е гг., поскольку вышедшее в 1858 г. первое их издание содержало описание событий только до лета 1822 г. (нашествие Драмалиса). Книга «Жизнеописания мужей Пелопоннеса» впервые была опубликована уже после смерти автора, в 1888 г., а «Воспоминания о греческой революции» полностью выпустил С. Андропулос только в 1899 г. В 1960 г. вышло новое, дополненное издание «Воспоминаний».

Фотакос говорит, что главная причина, заставившая его взяться за перо, — это неудовлетворенность уже написанными к тому времени сочинениями по истории революции, ибо все они, по мнению Фотакоса, содержали грубые ошибки, потому что их писали не очевидцы. Так что Фотакос считает себя историком. Его мемуары в самом деле основательный труд по истории революции. Однако, несмотря на наличие в нем обобщений и оценок, главным для Фотакоса остается все же изложение фактов: он уделяет много внимания детальному описанию сражений, местностей, взаимоотношений в греческом лагере. Фотакос хотел бы быть объективным, но тот факт, что главным героем революции для него является Колокотронис, не дает ему возможности остаться беспристрастным. «Воспоминания» Фотакоса написаны на кафаревусе, но язык его прост и ясен, в нем чувствуется большое влияние разговорной речи.

И еще один из числа мемуаристов — Федор Колокотронис. Потомственный клефт, Колокотронис родился в 1770 г., в год антитурецкого восстания на Пелопоннесе, в Мессении. Еще ребенком он потерял отца, а в 17 лет уже возглавил вооруженный отряд. Длительное время Колокотронис был то клефтом, то арматолом. Но поскольку Порта повела политику на полное уничтожение клефтов на Пелопоннесе, ему пришлось искать убежища на Ионических островах. Спасаясь от преследования властей, в 1805 г. он бежал на Закинф, чтобы вернуться потом на Пелопоннес в качестве мстителя. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Колокотронис сражался против турок, а когда Ионические острова попали под власть англичан, он поступил к ним на службу и дослужился до чина майора.

Узнав о существовании «Филики Этерии», Колокотронис вступил в это общество и активно участвовал в подготовке общенационального восстания. С первых же дней войны за независимость Колокотронис был в гуще военных и политических событий. Он сразу выдвинулся как один из наиболее опытных и искусных военачальников. Военные успехи укрепили его влияние и авторитет и проложили дорогу к власти. Фактически уже на первом этапе революции Колокотронис

возглавил одну из соперничавших в борьбе за власть группировок. Во время гражданской войны он был арестован своими политическими противниками и четыре месяца просидел в тюрьме на о. Идра, а его сын Панос был убит. Когда встал вопрос о выборе правителя молодого государства, Колокотронис активно поддержал И. Каподистрию, а после смерти последнего вошел в состав правительственного триумvirата. Сторонник сильной центральной власти, Колокотронис настаивал на скорейшем избрании монарха и поддержал кандидатуру баварского принца Оттона. Колокотронис был недоволен деятельностью регентства и вступил с ним в конфликт, после чего был арестован по обвинению в мятеже вместе с другими участниками революции. В 1834 г. состоялся суд, вынесший Колокотронису смертный приговор. Исполнение приговора было отложено, и, достигнув совершеннолетия, король помиловал Колокотрониса. Выйдя из заточения, прославленный герой революции поселился в Афинах, где провел остаток дней своих в окружении соратников и почитателей. Скончался знаменитый военачальник 3 февраля 1843 г.

Колокотронис стал героем многочисленных исторических сочинений и анекдотов. Его сравнивали с величайшими полководцами мира: Александром Великим, Цезарем, Наполеоном, а также с древнегреческими героями. При этом проводились довольно прозрачные исторические аналогии. Вспоминали о беотийце Пелопиде, освободившем Фивы от спартанских завоевателей, имея в виду при этом выдающиеся заслуги Колокотрониса во время революции, об афинских полководцах Фемистокле, Тимофее и Ификрате, много сделавших для родного полиса и несправедливо осужденных своими же согражданами. Намек на позорный процесс над Колокотронисом очевиден. Колокотронис был превращен в человека-легенду, и образ этого полководца, созданный в греческой литературе о революции, не лишен идеализации. Неким эталоном военачальника он представляется Д. Эниану: «Колокотронис был весьма предусмотрителен во всех перипетиях войны, он предвидел всякую опасность, так что никогда не рисковал своей жизнью. Речь его была очень простой, как у крестьян, он часто пользовался притчами и анекдотами, которые являют собой философию народа, и с их помощью ему удавалось легко убеждать народ. Он не был ни чрезмерно остроумным, ни злопамятным, ни мстительным, но был смиренномудрым и сохранял такой характер и тогда, когда добился уважения всего Пелопоннеса, поэтому его не только все почитали, но и восхищались им даже его собственные политические враги»¹.

Составлением мемуаров Колокотронис занялся во время пребывания в заключении. «Воспоминания» были продиктованы им Г. Терцетису, трудно сказать, насколько они подверглись правке последнего. «Воспоминания» Колокотрониса содержат много фактической информации по истории греческой революции и ее подготовки. Несомненно также желание автора оправдать свои действия в описываемый период. Политическая ориентация их автора очевидна.

Приложение 2

Выдержка из протокола 41-го заседания Учредительного Собрания 14 января 1844 г. с речью И. Колеттиса²

Сегодня, четырнадцатого января тысяча восемьсот сорок четвертого года, в пятницу, около часа пополудни, когда депутаты Национального Собрания собрались в здании Парламента, была проведена поименная переκληка. Присутствующих оказалось двести двадцать шесть, а отсутствующих — пятнадцать. После того, как председатель объявил о начале заседания, был зачитан

¹ Αινιάν Δ. Απομνημονεύματα. Αθήνα, χ. χ. Σ. 201.

² Πρακτικά της εν Αθήναις της Τρίτης Σεπτεμβρίου Εθνικής των Ελλήνων Συνελεύσεως. Αθήνα, 1844. Σ. 190–194.

протокол предыдущего заседания и, после одобрительного голосования, его подписали председатель, вице-председатели и секретари.

Затем один из депутатов¹, который первым получил слово по вопросу, обсуждавшемуся на предыдущих заседаниях, сказал следующее: «С трепетом вспоминаю я тот день, когда мы дали клятву освободить Отечество, клятву, которой мы обещали не щадить ничего, даже самой нашей жизни ради свободы Греции. Еще живы многие из давших эту клятву. Насколько же мы должны ощущать тяжесть этой клятвы в нынешних обстоятельствах, когда мы собрались, чтобы составить Конституцию, это Евангелие нашего политического бытия. Так что теперь у нас будет два Евангелия: одно — нашей веры, а второе — нашего политического бытия. По своему географическому положению Греция является центром Европы. Имея справа от себя Восток, а слева Запад, она была призвана своим падением просветить Запад, а возрождением — Восток. Первое исполнили наши предки, второе же возложено на нас. В духе этой клятвы и этой великой идеи я всегда полагал, что народные представители собрались решить уже не судьбу Греции, но судьбу всей греческой нации. Как бы мне хотелось, чтобы сегодня здесь присутствовали Германы, Заимисы, Колокотронисы, те, кто были прежде депутатами Национального Собрания и взялись за оружие во имя этой общей цели, чтобы они могли вместе со мной засвидетельствовать, насколько отдалились мы от той великой идеи Отечества, которую впервые выразил в своей песне Ригас. Тогда, сплоченные единым духом, все мы, называвшие себя греками, участвовали в достижении общей цели. А ныне мы, много лет со знаменем веры в одной руке и свободы в другой трудившиеся во благо освобождения всех единоверных христиан, заняты тщетным различием греков от греков, а христиан от христиан. Мы же сами недавно всенародно вновь дали подобную клятву. Движимый этими принципами, я выражу свое собственное мнение по данному вопросу, подобно тому, как недавно я выразил соответствующее мнение по вопросу веры, находящееся в архиве одного из министерств. Оба эти мнения со всей очевидностью свидетельствуют о моей непрестанной заботе сохранить верность клятве и изначально поставленной политической цели. И вы, бесспорно, охвачены тем же настроением и стремитесь к тому же, поскольку у каждого из вас есть идея славного греческого происхождения, все вы ощущаете, что это нашумевшее Собрание заседает в Афинах, славой, величием и неподражаемыми шедеврами которых восхищались и восхищаются на протяжении веков. Некогда Афины и вся Греция, действуя порознь и распавшись на отдельные государства, пала и своим падением просветила весь мир.

Какие же надежды ныне подает Греция, возрожденная и объединенная в едином государстве с единой целью и единой властью, с единой верой, наконец, с единой Конституцией, над которой мы сегодня работаем? Ныне в душе ни одного грека нет места низости, но умом он, конечно, понимает, что Европа, услышав в Греции звон оружия, возбудилась и поспешила ей на помощь, дабы спасти тот источник, из потоков которого была просвещена. Западные народы ощутили наши страдания и возжаждали нашей свободы, и это их желание правительства их восприняли как свое собственное, всячески способствуя достижению нашей цели. Воодушевление поддержавшей нас Европы неописуемо, его невозможно представить, если не видеть собственными глазами. В Палермо проживают около 16 000 греков, которые поселились там в незапамятные времена, спасаясь от рабства. В день Воскресения они поднимаются на гору и совершают там пасхальное богослужение, обратившись лицом к Греции. Душа их трепещет, желая объединения с нами, нам ли не считать их греками, потому что они не могли сражаться вместе с нами!

---

¹ В официальной публикации материалов Собрания не указываются фамилии ораторов.

Европейские державы протянули нам руку помощи в тот момент, когда мы были если и не близки к поражению, то в огромной и ужасной опасности: ведь доблестные пелопоннесцы уже безжалостно убивали врагов, прочесывая Пелопоннес, а военному коменданту Навплию предлагали миллионы за сдачу крепости.

Итак, мы дали клятву освободить православных христиан и всех греков, но различные обязательства замкнули нас в ограниченном пространстве. Протоколы трех держав дали нам независимость, а оставшимся за пределами Греции нашим братьям, также сражавшимся с нами в священной битве, — право переселиться в Грецию. Наши братья взялись за оружие и сражались, на много лет рассеявшись не только по провинциям Греции, но также Европейской Турции и Азии, потому что и там была услышана песнь Ригаса. В Дервени, где мириады врагов были уничтожены под руководством пелопоннесского военачальника, где Никитас получил прозвище Туркофага, там же мужественно сражался и Хаджихристос со своими болгарами и произвел огромные разрушения в стане врага.

Все эти достижения не остались незамеченными Европой, поэтому жителям оставшихся вне Греции провинций державы предоставили право переселиться. В такой ситуации можем ли мы проводить различие, кто является греком, а кто нет? Кто должен обладать политическими правами, а кто нет? Нам ли, клятвенно уверявшим в Национальных Собраниях, что греками являются все верующие во Христа и традиционно говорящие по-гречески, делать это из-за злоупотреблений при распределении должностей? Я тоже признаю наличие злоупотреблений, но нельзя ли впредь избежать их без обсуждения вопроса о правах? Являются ли греками, спрошу я вас, те, кто вступил в ряды «Филики Этерии», дал клятву бороться за свободу и положил голову на плаху перед тираном? Что заставило нас провозгласить единство Церквей? Во всех душах я читаю ответ: страстное желание быть соединенными в единое тело. Как же эта акция согласуется с нынешним исследованием политических прав, которое вы требуете произвести в связи со злоупотреблениями на государственной службе? У меня слезы стояли в глазах, когда я недавно видел супругу и сына Георгия Олимпиотиса, этой жертвы греческого возрождения, который пал в битве со всеми своими доблестными бойцами. И политические права его сына поставлены под сомнение? Это только один из бесчисленных примеров. Так как же мы поместим подобные статьи в Конституцию, в это вечное Евангелие нашего политического бытия? Что мы этим докажем державам-покровительницам, открывшим нам путь и сказавшим: «Вот ваши границы», что мы закроем этот путь своим соплеменникам? Примем ли мы только часть протоколов — ту, которая нам нравится, — а остальное отвергнем? Сегодняшняя дискуссия некоторым приятна, не буду говорить почему, ведь я обращаюсь к греческим депутатам, благородные чувства которых мне известны. Святая вера соединяет нас друг с другом, а свобода разъединит? Станет ли рожденная в Афинах свобода причиной разделения, чтобы мы сказали, что желаем ее только для самих себя? Вместо того чтобы, как и прежде, когда, с одной стороны, воины, а с другой, архиереи участвовали в войне за свободу, вместо того, чтобы поднять оба этих знамени — веры и свободы, мы в Конституции ныне ограничим свободу? Что скажут наши потомки, увидев такую конституцию? Бесспорно, что народ страдает от злоупотреблений, но его благородные чувства нам всем известны. Мы и прежде видели, как он терпел голод и лишения, но, услышав об опасности для свободы Отечества, неудержимо рвался в бой. Таков был и есть греческий народ, поэтому он и достиг столь великой славы.

Нынешние дискуссии зашли в тупик, и свидетельство тому — множество предложенных поправок. Мы знаем, сколько жителей имеет Греческое Королевство, а греческие консульства в Турции ежедневно прикладывают огромные усилия, чтобы защитить единоверных греков.

Но как же отныне они смогут оказывать покровительство тем, чьи политические права поставлены под сомнение, кто больше не считается греком? Но Греческое Собрание никогда не дойдет до такого. Так зачем же понапрасну тратить драгоценное время? Наши избиратели с нетерпением ждут Конституции. А проживающие вне Греции смотрят на нас, дабы узнать наши намерения относительно них, так что было бы весьма прискорбно пускаться в генеалогические изыскания. Злоупотребления необходимо пресечь и предотвратить их возможность в будущем, но в Конституции не должно быть места страстям и несогласиям. Злоупотребления продолжались десять лет, но они сами стали причиной своего прекращения в тот день, когда нация с торжественным маршем вступила на национальный путь.

Отныне правительство будет состоять только из вас — и министерства, и Палата представителей, и Сенат. Так что теперь нечего бояться подобных злоупотреблений, а если таковое ненароком случится, то парламент немедленно воспротивится и положит этому конец. Хотя было бы неплохо удовлетворить обиженных уже сегодня, разве только это будет сделано при помощи резолюции о проведении чистки государственного аппарата, но без освещения этого вопроса в Конституции, которая должна остаться чистой от этой скверны и содержать только положения о правах греческих граждан вообще. Таково, — сказал он, — его мнение, которое он считает соответствующим данной им клятве, своим чувствам, чаяниям единоверных христиан и греков, ожиданиям дружественных держав и будущему Греции».

Приложение 3

Конституционная резолюция о гетерохтонах 1844 года

«По опубликовании конституции правительство должно немедленно составить штат государственных служб из числа лиц, относящихся к следующим категориям:

- А) Автохтоны, т. е. коренные жители Греческого государства, а также прибывшие для проживания или участия в боевых действиях до 1827 года, а также те, кто имеет доказательства своего участия в боевых действиях и в последующий период, а именно в сражениях с врагами на суше и на море вплоть до 1829 года.
- В) Иммигрировавшие из Континентальной Греции и островов жители и ветераны, взявшие за оружие в борьбе за независимость, прибывшие в Грецию до 1837 года и обосновавшиеся с семьей в одном из населенных пунктов государства; а также дети лиц, относящихся к этим категориям.
- С) Лиц, не относящихся к двум указанным выше категориям, правительство не имеет права оставить или назначить на должности государственных служащих. Занять эти должности прибывшие в Грецию по окончании 1827 и до конца 1832 года могут лишь через два года с момента опубликования конституции, прибывшие по окончании 1832 и до конца 1837 года — через три года, а прибывшие по окончании 1837 и до конца 1843 года — через четыре года.

К этим категориям не относятся сухопутные и морские вооруженные силы в целом, лица, занимающие за пределами государства должности консулов и переводчиков, поскольку ветераны не в состоянии их занять, а также учителя и преподаватели учебных заведений и изящных искусств в силу их особого положения.

Настоящая резолюция имеет силу, равную Конституции, и ее нарушение со стороны кабинета министров приравнивается к нарушению Конституции».

Приложение 4

И. Э. Персиани: 50 лет на службе России

Иван Эммануилович Персиани — один из многочисленных иностранцев, принятых на русскую службу. Его карьерный рост на протяжении 50 лет службы (1816–1866) можно назвать типичным: он был обусловлен не личными связями или выдающимися подвигами, а обычным порядком продвижения по служебной лестнице, который определялся усердием, добросовестным отношением к своим обязанностям и выслугой лет.

И. Э. Персиани родился в семье грека-фанариота в 1791 г. Его отец, Эммануил Иванович Персиани, как он сам о себе свидетельствует, получил модное тогда среди греков медицинское образование и даже имел практику в Константинополе. Однако перспектива сделать карьеру на государственно-административном поприще показалась ему более привлекательной. Для образованных греков Османской империи такие возможности были связаны преимущественно с дипломатической службой. Эммануил Персиани, знавший несколько языков, по его собственным словам, принимал участие в первом постоянном посольстве Порты в Лондоне, занимая в нем пост советника. За отличную службу султан «пожаловал ему титулы и привилегии специальным бератом»¹. Впоследствии Э. Персиани занимал различные должности при дворе К. Ипсиланти² в Молдавии, а затем в Валахии. Там он вошел в ряды довольно многочисленной греческой общины, сложившейся к тому времени в Дунайских княжествах.

Однако с началом XIX в. для местных греков наступили нелегкие времена. В 1806 г. началась очередная русско-турецкая война. Греки, традиционно составлявшие в Молдавии и Валахии часть правящей элиты, оказались втянутыми в военно-политические события, разворачивавшиеся на территории княжеств. Те из них, кто пошел на сотрудничество с Россией, дорого за это заплатили: османские власти, под верховным суверенитетом которых находились в то время княжества, не простили им измены. Уже в 1806 г. бывший валахский господарь К. Ипсиланти со своей семьей, а также его приближенные, в числе которых был и Эммануил Персиани, вынуждены были эмигрировать, спасая свою жизнь и сетуя на «всегда непостоянную политику Порты»³. Спасти от конфискации свое имущество им не удалось. Опись конфискованного имущества была представлена Персиани в Российскую миссию в Константинополе, поскольку он надеялся вернуть утраченное при покровительстве России⁴. Однако с началом греческой революции 1821 г. всякая надежда восстановить свои позиции при султанском дворе исчезла окончательно. В связи с таким развитием событий Э. Персиани в 1822 г. сумел выхлопотать у российского императора ежегодный пенсион в 2 тыс. руб., который по его смерти в 1839 г. по

¹ АВПРи. Ф. 161. IV–1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 1.

² Константин Ипсиланти (1760–1816) — представитель знатной греческой семьи, великий драгоман Порты (1796–1799), господарь Молдавии (1799–1802) и Валахии (1802–1806). Русское правительство предполагало поставить его во главе обоих княжеств одновременно и тем самым объединить их под влиянием России. Однако К. Ипсиланти вел собственную политическую игру: в России стали известны его сношения с Францией и Османской империей. В результате объединительный план провалился и экс-господарь оказался в эмиграции, а его отец, Александр Ипсиланти–старший, оставшийся во власти турок, поплатился головой.

³ АВПРи. Ф. 161. IV–1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 1 об.

⁴ Эта опись упоминается в «Списке прошений, по которым докладывалось государю 28 декабря 1826 г.». См.: АВПРи. Ф. 161. III–1. Оп. 94. Д. 1–1826. Л. 6 об. — 7.

ходатайству новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова был продлен его вдове¹.

После начала русско-турецкой войны многие политэмигранты из Дунайских княжеств получили пристанище в России. Кроме того, при зачислении на государственную службу в России им жаловались классные чины² в соответствии с их социальным происхождением и чином, который они имели на родине. Вернуться на родину им уже было не суждено: по условиям Бухарестского мирного договора 1812 г. Порты сохранила верховный суверенитет над княжествами.

В России Персиани продолжали поддерживать отношения со своим покровителем князем К. Ипсиланти, обосновавшимся в Киеве. Там он провел последние годы жизни и в 1816 г. скончался. Незадолго до смерти он успел оказать важную услугу некоторым грекам, прибывшим вместе с ним в Россию, снабдив их рекомендательным письмом для поступления на российскую службу. В письме он дал рекомендации своим зятям Александру Негрису и Константину Катакази, Эммануилу Персиани и его сыну Ивану, а также брату своего зятя Гавриилу Катакази. Интересна судьба двух последних: оба они прибыли в Россию подростками вместе с К. Ипсиланти, одновременно подали прошения о принятии их на российскую службу, впоследствии много лет рука об руку трудились в Российской миссии в Афинах. По рекомендации К. Ипсиланти (документы служебной переписки постоянно ссылаются на его письмо) все протежируемые им лица были приняты в российское подданство и пожалованы просимыми чинами. 9 сентября 1815 г. они были приведены к присяге в Исаакиевском соборе³.

Указанное письмо К. Ипсиланти содержит интересные сведения о семьях Персиани и Катакази: из него мы узнаем об их социальном положении, о сотрудничестве с Россией во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Из него же известно, что последним постом, который занимал Эммануил Персиани, был пост гетмана Валашского княжества. В иерархии военных чинов княжества этот чин был вторым после воеводы (господаря). Во время русско-турецкой войны, как свидетельствует К. Ипсиланти, он «с большим рвением послужил снабжению армии, содержанию госпиталей, экипировке и вооружению войск, сформированных в Валахии по приказу Его Императорского Величества»⁴.

Нами пока обнаружено мало источников, раскрывающих подробности жизни семьи Персиани в России. Известно лишь, что она жила в Одессе и ее материальное положение оставляло желать лучшего. В связи с этим Э. Персиани, получивший по рекомендации К. Ипсиланти чин действительного статского советника, решил просить Александра I о зачислении на российскую службу. Он обратился к императору с письмом, из которого мы узнаем некоторые уже указанные подробности его биографии⁵. В качестве подтверждения истинности своих слов он ссылался на уже известное нам рекомендательное письмо К. Ипсиланти. Э. Персиани испрашивал для себя должность карантинного инспектора в Одессе, «надеясь соделаться в оном месте полезным Высочайшей службе, по давнему упражнению своему в медицине, по привычке к признакам заразительной болезни (речь идет о чуме. — О. П.), и к средствам предохранения от оной, и по знанию языков тех наций, которые наиболее посещают тот край», — так было изложено соответствующее место прошения в записке, представленной 24.05.1816 г. в

¹ АФПРи. Ф. 161. IV–8. Оп. 128. Д. 1–1839. Л. 1–2.

² Классными чинами назывались чины, соответствовавшие 14 классам Табели о рангах.

³ АВПРи. Ф. 161. IV–7. Оп. 126. Д. 2–1815. Л. 2–4, 10 — 10 об.

⁴ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV–1. Д. 44–1816. Л. 3.

⁵ АВПРи. Ф. 161. IV–1. Оп. 117. Д. 1–1816. Л. 1–2.

Комитет министров за подписью К. В. Нессельроде¹. Однако в тот момент вакантного места не нашлось и на заседании Комитета министров было решено «употребить действительного статского советника Персиани на службу, когда откроется приличная званию его вакансия»². Как явствует из другого документа, впоследствии Э. Персиани действительно служил «по карантинной части» в Одессе до самой своей смерти в 1838 г. и даже принял деятельное участие в ликвидации знаменитой одесской чумы 1837 г.³

Между тем рекомендательное письмо К. Ипсиланти, скорее всего, сыграло определяющую роль в решении императора зачислить двух молодых греков — И. Персиани и Г. Катакази — в штат Коллегии иностранных дел. В тексте указа от 11 февраля 1816 г., направленного Сенату, значилось: «Въехавших в Россию с бывшим Господарем княжества Валахского кн. Ипсилантием, тамошних чиновников Гавриила Катакази и Ивана Персиани, пожалованных в Коллежские Советники, повелеваем определить в нашу службу и причислить в ведомство Государственной Коллегии иностранных дел с жалованьем по чину из общих государственных доходов»⁴. Зачисление на службу с возведением сразу в столь высокий — шестой — ранг вместо начального четырнадцатого объяснялось тем, что в России политэмигранты из Османской империи и вассальных государств получали ранги, аналогичные тем, которые они имели на родине. К. Ипсиланти подтверждал, что в Валахии И. Персиани и Г. Катакази принадлежали к числу каминаров⁵ и потому просил «в соответствии с тем соотношением, которое соблюдалось прежде и в последнее время касательно большинства валахских и молдавских бояр, а также греческих иммигрантов»⁶ предоставить им ранг коллежского советника. Поступление на государственную службу требовало принесения соответствующей присяги. Архивное дело сохранило текст присяги, подписанный И. Персиани и Г. Катакази 30 марта 1816 г.⁷

Интересно отметить, что никаких документов нормативного характера, фиксирующих то самое «соотношение», о котором писал К. Ипсиланти, нами обнаружено не было. Их не смог обнаружить также и статс-секретарь Н. Н. Муравьев, которого в 1827 г. (т. е. через 12 лет после этих событий) заинтересовал вопрос: «Какими чинами принимались в российскую службу иностранцы из краев Молдавии, Валахии и Сербии?»⁸. Еще интереснее тот факт, что управлявший Министерством иностранных дел с 1816 г. канцлер К. В. Нессельроде, которому был адресован этот вопрос, не смог сразу на него ответить! Ему потребовалось время, чтобы собрать необходимую информацию о таких иностранцах, среди которых на первом месте оказались уже известные нам лица, принятые в российское подданство и получившие чины в 1815 г. по рекомендации К. Ипсиланти. Однако найти документ, обосновывающий присвоение им именно таких, а не иных чинов, не удалось и сотрудникам Нессельроде. В результате лишь в 1827 г. появилась на свет за подписью К. В. Нессельроде таблица соответствия валахских и молдавских боярских должностей российским классным чинам⁹. Таким образом, никакого нормативного акта либо официального соглашения о порядке присвоения чинов политэмигрантам не сущест-

¹ АВПРи. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1-1816. Л. 5.

² АВПРи. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 1-1816. Л. 6.

³ АВПРи. Ф. 161. IV-8. О. 128. Д. 1-1839. Л. 1 — 1 об.

⁴ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44-1816. Л. 4.

⁵ Вель-каминар (княжеский секретарь) — боярская должность в Дунайских княжествах.

⁶ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44-1816. Л. 2.

⁷ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 44-1816. Л. 7.

⁸ АВПРи. Ф. 161. III-1. Оп. 94. Д. 3-1827. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 8 — 10 об.

вовало. А в комментарии к указанной таблице говорилось: «... Вообще Молдаванам, Волохам и Сербам давались от нас чины не потому, что они имели в своем отечестве то или другое звание, но во уважение оказанных нам услуг и в соразмерности с степенью уважения, коим каждое лицо пользовалось в своем крае, и с влиянием онаго на дела своих соотчичей»¹. И все же указанное К. Ипсиланти «соотношение», скорее всего, существовало на неофициальном уровне. И оно отличалось от таблицы Нессельроде: все протежируемые К. Ипсиланти греки получили чины выше, чем следовало бы в соответствии с таблицей.

Заметим, что пожалование высокого ранга из политических соображений не означало автоматического назначения на высокую должность. Начинать служебную карьеру все равно надо было сначала. И потому причисленный к ведомству КИД (после 1830 г. — МИД), Персиани вскоре получил первое назначение в качестве канцелярского служащего Российской миссии при Германском союзе, располагавшейся во Франкфурте-на-Майне. Соответствующий указ был подписан 11 января 1817 г.² Получение следующего ранга не было напрямую связано с занятием более высокой должности: продвижение в классных чинах определялось выслугой лет, происхождением и уровнем образования. При отсутствии служебных взысканий чиновник мог рассчитывать на получение следующего ранга по истечении определенного срока. Для потомственных дворян сроки пребывания в каждом ранге были несколько сокращены. Сокращались эти сроки и для лиц с высшим образованием, а для чиновников, не имевших даже среднего, наоборот, повышались. Получение следующего ранга досрочно было возможно лишь в исключительных случаях, а «перескочить» через ранг было и вовсе невозможно. Начиная с четвертого ранга, никакого срока пребывания в чинах не устанавливалось: их пожалование определялось исключительно волей государя. Персиани получил ранг статского советника (V) в 1828 г., действительного статского советника (IV) в 1844 г., тайного советника (III) в 1857 г. и, наконец, действительного тайного советника (II) лишь в 1866 г. в связи с выходом в отставку.

В служебных назначениях И. Персиани, как и других дипломатических служащих, большую роль играло знание иностранных языков. Помимо общеобязательного французского и русского он владел немецким, греческим и, вероятно, также валашским. Переписку личного и политического характера И. Персиани вел, как тогда было принято, по-французски, знание немецкого было необходимо для дипломатической службы в германских государствах и весьма желательно в 1833–1843 гг. в Греции, где немецкий был тогда вторым государственным языком. О знании русского свидетельствует, например, представленное им «доношение» о явке на службу из отпуска 29 апреля 1830 г.³ Наконец, о владении греческим он сам говорит в своих «Рассуждениях о Греции», о которых речь пойдет ниже.

И. Персиани хорошо себя зарекомендовал на одной из низших в миссии должностей и потому вскоре был повышен: по представлению посланника барона И. О. Анстета в 1818 г. он получил освободившееся место секретаря миссии, на котором оставался до 1829 г. Указ об этом назначении был подписан Александром I 1 ноября 1818 г. в Ахене⁴, где император находился в связи с очередным конгрессом Священного союза. В 1825 г. И. Персиани женился. Женитьба чиновников рассматривалась тогда в России как дело особой важности, для совершения которого требовалось испросить согласие начальства. Благодаря этой процедуре мы знаем и имя первой жены

¹ АВПРи. Ф. 161. III-1. Оп. 94. Д. 3-1827. Л. 6 об. — 7.

² АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-4. Д. 19-1817. Л. 1.

³ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30-1825. Л. 9.

⁴ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-4. Д. 15-1818. Л. 1.

И. Персиани: ею стала Роксандра Мурузи¹, представительница знатной греческой фамилии, оказавшейся в России по тем же причинам, что и семейство Персиани. В приданое за нею Персиани получил 3 тыс. десятин земли в Бендерском цинуте (уезде) в Бессарабии. Роксандра рано умерла, и Персиани остался полноправным хозяином этого владения. Земля в Бендерском цинуте, как явствует из «Описания Бессарабской области», составленного коллегой Персиани по дипломатическому ведомству Павлом Свиныным в 1816 г., представляла собой степь с плодородными почвами, удобную для земледелия. Проблема заключалась в дефиците рабочих рук вследствие малонаселенности тех мест². И действительно, земля, доставшаяся Персиани, была ненаселенной, а потому стояла необработанной.

Формулярные списки чиновников, обновлявшиеся каждый раз при подаче документов на получение знаков отличия за беспорочную службу, сохранили сведения об отпусках Персиани. Понятие ежегодного отпуска тогда отсутствовало, и отпуски предоставлялись чиновникам по мере необходимости: для поправки здоровья, по семейным обстоятельствам и т. п. В зависимости от обстоятельств отпуск мог быть предоставлен на несколько месяцев и даже на год, причем с полным сохранением содержания. Первый раз прошение об отпуске Персиани подал в 1825 г., вероятно, в связи с женитьбой. Сохранился проект депеши от 22 июля 1825 г. о предоставлении ему четырехмесячного отпуска³. В сентябре того же года мы находим Персиани в Кишиневе. Следующий отпуск по семейным обстоятельствам Персиани потребовался в 1828 г., и в сентябре того же года он уехал на шесть месяцев сначала в Одессу к родителям, а затем в Молдавию улаживать свои имущественные дела⁴. Однако вовремя вернуться из отпуска он не смог. О причинах своей задержки Персиани докладывал своему начальнику посланнику во Франкфурте. В феврале 1829 г. он писал И. О. Анстету о том, что решение имущественных вопросов семьи ему не удалось завершить за время отпуска. Он просил своего шефа ходатайствовать о его переводе куда-нибудь поближе к месту проживания родных и о продлении отпуска еще на полгода. В случае невозможности перевода в более удобное место он просил уволить его с должности секретаря миссии во Франкфурте⁵. Отпуск был продлен, отставка принята, и Персиани причислен к делам КИД, в связи с чем ему надлежало отправиться в Петербург⁶. Но явиться вовремя к месту службы он опять не смог. На этот раз препятствием послужила эпидемия. Как явствует из его письма на имя К. В. Нессельроде и оправдательной записки, составленной им в связи с опозданием на службу, противоэпидемические карантинные меры не позволили ему покинуть охваченный эпидемией район. И небезосновательно: Персиани сам стал жертвой болезни⁷. Чтобы не платить штраф в размере годового жалованья за необоснованное отсутствие на службе, Персиани представил медицинские свидетельства докторов из Ясс и Одессы, где он проживал во время затянувшейся на несколько месяцев болезни⁸. После 1830 г. Персиани, как указывается в его формуляре, «вне службы и в отпусках не был»⁹.

¹ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-17. Д. 5-1825. Л. 1-2.

² Свинын П. П. Описание Бессарабии // *Stratum plus*. № 6. 2001-2002. С. 391.

³ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30-1825. Л. 1.

⁴ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-7. Д. 41-1828. Л. 2 — 2 об., 7; Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30-1825. Л. 4.

⁵ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-1. Д. 11-1829. Л. 5-7.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30-1825. Л. 5-6, 9, 12-15.

⁸ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV-14. Д. 30-1825. Л. 16, 17.

⁹ АВПРи. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2602. Л. 8 об.

В 1831 г. Персиани был назначен первым секретарем в недавно созданную миссию при Греческом королевском дворе¹ и прослужил в этой должности почти до конца 1843 г. С 1834 г. он служил под началом своего старого знакомого Г. Катакази, назначенного чрезвычайным посланником и полномочным министром в эту страну. Впечатления Персиани о первых годах работы в Греции были им изложены в аналитической записке «Рассуждения о Греции с момента прибытия короля до конца 1834 года», представленной в 1835 г. директору Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникину. В этом пространном сочинении объемом свыше 200 листов содержатся характеристики всех основных политических фигур молодого греческого государства, воспоминания очевидца о важнейших политических событиях 1833–1834 гг., ценные сведения о греческой экономике, финансах, армии, общественной жизни².

В 1836 г. Персиани был повышен в должности до старшего секретаря. Все это время он не покидал места службы. В этом и не было необходимости: семейные дела Персиани утряслись. Его вторая жена Смарагда в 1841 г. родила двоих сыновей — Виктора и Александра, вскоре крещенных в русской посольской церкви в Афинах³. В 1858–1862 гг. оба брата обучались в Императорском Александровском лицее и были выпущены с присвоением чина коллежского секретаря (X кл.). Оба они пошли по отцовским стопам и были назначены на службу в Азиатский департамент МИД, причем в 1866 г. Александр получил должность младшего секретаря миссии в Афинах, где много лет служил его отец⁴.

Новое назначение И. Персиани было связано с позицией России в связи с происшедшей в Греции 3 сентября 1843 г. революцией, вызвавшей смену политического режима: из абсолютной монархии страна превратилась в дуалистическую. Демонстрируя свое отношение к этим событиям, в Петербурге решили понизить ранг российского дипломатического представителя в Греции с посланника до поверенного в делах. На последнюю должность был назначен Персиани: трудно было найти человека, имевшего большой опыт дипломатической работы в этой стране. Бывший посланник Г. Катакази, чье поведение во время революционных событий вызвало недовольство начальства, был не только отозван, но и отправлен в отставку и восстановлен на службе лишь через год.

Крымская война стала важным рубежом в истории отечественной дипломатии. По окончании войны в МИД были проведены существенные кадровые перестановки, коснувшиеся и Персиани. В 1857 г. он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Ганноверском и Ольденбургском дворах и в этой должности находился до конца своей служебной карьеры. В 1866 г., будучи уже 75-летним человеком с пошатнувшимся здоровьем (о чем свидетельствует дрожащий почерк писем этого времени), он подал прошение об отставке. Возможно, на его решение покинуть службу повлияли и бурные события в германских государствах в том году. В результате австро-прусской войны великое герцогство Ольденбург вошло в состав Северо-Германского союза, а королевство Ганновер было непосредственно включено в состав Пруссии. 10 сентября 1866 г. Александр II подписал указ об увольнении И. Э. Персиани от службы с производством в действительные тайные советники и выплатой ежегодной пенсии в 6 тыс. руб.⁵

¹ АВПРи. Ф. 161. IV-2. Оп. 160. Д. 13–1831. Л. 1–2.

² АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66.

³ АВПРи. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 65–1862. Л. 3–4.

⁴ АВПРи. Ф. 161. IV-1. Оп. 117. Д. 65–1862. Л. 1, 19; Д. 66–1862. Л. 1, 15; Ф. 159. Оп. 464. Д. 2601. Л. 1–2; Д. 2603. Л. 1–2.

⁵ АВПРи. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 12. Л. 160.

Особое место в карьере российского чиновника занимали награды. Награждение проводилось орденами, памятными медалями и знаками. Награды могли выдаваться как за заслуги, так и за выслугу лет. В послужном списке И. Э. Персиани есть и те и другие. В 1821 г. он был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. «в воздаяние ревностной службы Вашей и особенных трудов, начальством засвидетельствованных», — как говорилось в монаршем указе¹. Орден этот, несмотря на низкую степень, ценился высоко, поскольку давался исключительно за заслуги: даже великие князья, получавшие при рождении орден Св. Андрея Первозванного и тем самым становившиеся кавалерами большинства других российских орденов, не получали Св. Владимира автоматически. Ценность этого ордена была столь велика, что, например, Николай II, имевший все высшие ордена по рождению, возложил на себя владимирский крестик 4-й ст. лишь через 25 лет выслуги в офицерских чинах².

В 1825 г. «в награду отличного усердия к службе»³ Персиани был награжден орденом Св. Анны 2-й ст., затем получил знаки того же ордена, украшенные императорской короной, что повышало его достоинство (1838). В 1841 г. он был «во внимании к постоянно-ревностной службе и трудам его, начальством засвидетельствованным, Всемилоостивейше пожалован Кавалером Святого равноапостольного Князя Владимира 3-ей степени»⁴. Потом Персиани был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. (1850), орденом Св. Анны 1-й ст. (1854) — эта степень ордена могла быть пожалована только генералам. В самом деле, Персиани в то время был действительным статским советником, что соответствовало армейскому генерал-майору. Затем последовало награждение орденом Св. Владимира 2-й ст. (1862). Наконец, в 1866 г. за 50 лет службы в МИД ему был пожалован орден Белого орла — одна из высших государственных наград. Этот польский орден в 1831 г. занял почетное место в иерархии российских орденов. Другие высшие ордена — Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й ст. и Св. Апостола Андрея Первозванного — И. Э. Персиани получить не успел. К тому же для двух последних существовал особый порядок награждения. Помимо орденов Персиани был награжден также медалью в память о Крымской войне.

В XIX в. в России сложилась своя иерархия орденов, в соответствии с которой и проводилось награждение⁵. Порядок, в котором получал свои ордена И. Э. Персиани, в общем соответствовал этой иерархии, хотя имелись и некоторые особенности. Легко объяснить, почему среди его наград отсутствует орден Св. Станислава 3-й и 2-й ст. Этот орден был введен в общероссийскую наградную систему только после польского восстания 1830–1831 гг., до этого им награждались исключительно поляки. Персиани же к тому времени уже был аннинским кавалером 2-й ст., т. е. имел более высокий орден по сравнению с указанными степенями Св. Станислава. Среди наград Персиани отсутствуют также две низшие степени ордена Св. Анны. Причина отсутствия 4-й степени понятна: фактически она существовала в форме наградного оружия, которым гражданский чиновник награжден быть, естественно, не мог. Что же касается 3-й степени, с которой начиналось награждение гражданских чиновников в те

¹ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV–9. Д. 21–1821. Л. 25.

² Дуров В. А. Ордена Российской империи. М., 2002. С. 130.

³ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV–9. Д. 8–1825. Л. 1.

⁴ АВПРи. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2602. Л. 8 об — 9.

⁵ В современной литературе имеются необъяснимые разночтения в одном пункте этой иерархии: В. А. Дуров помещает Владимира 4-й ст. между Анной 2-й ст. и Владимиром 3-й ст. (Дуров В. А. Ордена Российской империи. М., 2002. С. 158), а Н. Н. Гладков — на две ступеньки ниже, т. е. между Анной 3-й ст. и Станиславом 2-й ст. (Гладков Н. Н. История государства Российского в наградах и знаках. Т. 1. М. — СПб., 2004. С. 81). Послужной список Персиани подтверждает правоту второго исследователя.

годы, то ее отсутствие можно объяснить лишь тем, что «особенные труды» Персиани были оценены выше и «потянули» сразу на орден Св. Владимира 4-й ст.

В Российской империи награждение орденом было равносильно вступлению в своего рода почетное братство, члены которого получали определенные привилегии: например, они могли получать дополнительную пенсию, им сокращался срок выслуги следующего чина и др. Однако помимо привилегий у них существовали также обязанности. В частности, при получении ордена они должны были оплатить не только стоимость орденских знаков, но и внести в кассу Капитула Императорских Российских орденов определенную сумму в качестве пожертвования на богоугодные заведения, которые содержались за счет Капитула. Сумма эта менялась с течением времени и была тем выше, чем выше было достоинство ордена. Так, при получении ордена Св. Владимира 4-й ст. Персиани внес в Капитул 30 руб., за орден Св. Анны 2-й ст. — 100 руб. и т. д.

Помимо российских Персиани был удостоен также многих иностранных орденов, полученных в основном в тех государствах, где проходила его дипломатическая служба. За время службы в миссии при Германском союзе он получил от Великого герцога Баденского орден Льва Церингенского. Будучи поверенным в делах в Греции, он получил командорский крест ордена Спасителя — высшей государственной награды этой страны, а турецкий султан наградил его орденом Нишан-Ифтигар. В годы службы посланником при Ганноверском и Ольденбургском дворах он получил награды и этих государств: ганноверский орден Гвельфов и орден Ольденбургского дома 1-й ст.

Императором Николаем I в 1827 г. была введена еще одна награда за выслугу лет: знак отличия беспорочной службы. Он жаловался за 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 лет беспорочной службы военным — на георгиевской ленте, гражданским чиновникам — на владимирской, поскольку орден Св. Георгия в России выдавался исключительно за боевые подвиги, а орден Св. Владимира — и за гражданские заслуги тоже. При получении знака высшего достоинства предыдущий возвращался. Из формулярных списков И. Э. Персиани, которые обновлялись каждый раз при получении очередного знака, мы узнаем о получении им знаков отличия беспорочной службы, начиная с 15-летнего достоинства. Награжденные этим знаком должны были носить его постоянно, демонстрируя тем самым, что начальство — а знак жаловался по представлению министра — высоко ценит их трудолюбие, опыт и моральные качества.

Таким образом, ко времени выхода на пенсию бедный политэмигрант превратился в важного государственного сановника. Его служебная карьера — результат усердия и личных заслуг, которые не оставались без внимания начальства. Архивные документы не только достаточно подробно освещают различные этапы его карьеры, но и содержат много интересных материалов, важных для исследования истории государственной службы дореволюционной России. Они помогают лучше понять, как функционировала система взысканий и поощрений, какую важную роль служба играла в жизни семьи чиновника, как на практике происходил карьерный рост.

Приложение 5

Национальный символ веры М. Херетиса¹

Верую во единую Грецию, великую, единую и нераздельную, трижды славную и бессмертную, родину духа, света, мудрости, науки, всего совершенного, создательницу искусства, прекрасного, цивилизации и всякого прогресса.

И в Эллинизм, духовную силу нации, рожденную от Греческой природы и света.

---

¹ Χαϊρέτης Μ. Εθνολογισμοί η Μελέτη περί Εθνισμού. Πάτρα, 1905. Σ. 7–8.

И в животворящий Греческий дух, исходящий от Греческого света, и светом цивилизации наполнивший вселенную и озаривший человечество в древнейшие времена, происходящий из Греческой земли и принесший варварам цивилизацию.

В необоримую силу этого духа непобежденного, несмиренного, никогда не убывающего в выпавших на долю нации испытаниях на протяжении веков, но вечно живого, лучезарного, воссиявшего на клочке отчей земли, и неизменного, и неослабно цветущего.

В новый расцвет отчего духа с той же выдающейся плодovitостью в мудрости, науке и искусстве.

И в нашу национальную Святую Веру, вечно хранившую невредимым наш Национальный дух и язык во все тяжкие для нации времена, и неразрывно связанную с бытием и величием Нации.

Чаю неизбежного и ныне, как древле и прежде, одоления Эллинизмом всякого врага и всякого препятствия, и верной и окончательной его победы над всеми противниками.

Прежнего ослепительного величия отечества и возрожденной нации неодолимую доблесть, силу и славу во веки веков. Аминь!

Приложение 6

Моделирование политической карты Греции в 1990-е годы с помощью статистических методов

Предметом данного исследования стало электоральное поведение греков на парламентских выборах в 1990-е гг. Обработка аналитических результатов голосования по округам с помощью статистических методов позволяет проследить эволюцию политических симпатий населения.

Приводимая ниже таблица демонстрирует колебания «политического маятника» в отдельных округах: положительный индекс означает преобладающее влияние правых сил, а отрицательный — левых. При этом центристские партии — «Новая Демократия» и ПАСОК — также отнесены соответственно к правому и левому лагерям. Следует иметь в виду, что показатели для округов Ксанфи и Родопи нуждаются в дополнительном исследовании поскольку, помимо общегреческих политических партий там имеют большой вес региональные мусульманские партии «Судьба» и «Доверие».

Расчет средних значений по стране в целом дает следующие результаты: -1,19 (1990), -9,02 (1993), -13,62 (1996). Эти данные убедительно показывают рост влияния левых политических сил в целом по стране в рассматриваемый период. Тем не менее диапазон колебаний по отдельным округам достаточно высок: в 1990 г. он составил 53,74 пункта, в 1993 г. — 56,32, в 1996 г. — 53,4, что свидетельствует об относительной стабильности политических пристрастий избирателей в отдельных округах. Так, партии правой ориентации стабильно пользуются популярностью в Ксанфи (Восточная Македония), Касторье (Западная Македония), Фокиде (Центральная Греция), а лидирующее положение по этому показателю за все три года занимает Лакония. В целом наиболее консервативным регионом является Пелопоннес. Следует отметить, что Пелопоннес традиционно славится своим консерватизмом со времен обретения Грецией независимости.

Левые партии наиболее популярны на о. Лесбос, в Ахайе, втором округе Пирея. Безусловным лидером здесь является о. Крит: в трех его округах — Ханья, Ираклио и Ласифи — позиции левых очень прочны, а Ираклио стабильно лидирует по этому пока-

зателю. Любопытная деталь: именно в горах Крита со времен гражданской войны (1946–1949) вплоть до амнистии 1974 г. скрывались повстанцы-коммунисты. Что же касается коммунистов, то они располагают наибольшим электоратом на о. Самос (14,82 % в 1996 г.) и Лесбос (14,39 % в 1996 г.). «Красными» считаются также второй округ Пирея и второй округ Афин, значительную социальную базу коммунисты имеют на Ионических островах. К политическому центру в наибольшей степени тяготеют Эврос, Драма, Халкидика, Килкис и в целом Центральная Македония.

Округа	1990	1993	1996
Вост. Македония-Фракия	6,74	–0,33	–5,82
Эврос	8,09	1,93	–0,37
Родопи	5,52	–1,82	–26,25
Ксанфи	11,15	1,54	6,49
Драма	8,02	2,00	0,21
Кавала	0,93	–5,32	–9,16
Центр. Македония	2,77	–3,99	–7,24
Фессалоники 1	–1,14	–8,32	–17,83
Фессалоники 2	1,12	–4,73	–7,75
Серрес	10,45	3,75	3,14
Халкидика	7,10	0,40	–2,55
Килкис	5,50	1,53	–0,22
Пелла	0,26	–7,19	–8,07
Имафия	–4,51	–12,77	–16,48
Пиерия	3,38	–4,60	–8,14
Зап. Македония	6,41	1,19	–6,98
Флорина	7,15	3,87	–5,45
Козани	3,95	–4,34	–8,18
Касторья	24,10	18,91	8,04
Гревена	–9,56	–13,68	–22,31
Эпир	–1,43	–9,55	–14,29
Янина	–6,12	–13,81	–19,08
Арта	5,24	–5,57	–8,41
Феспротия	–3,38	–10,67	–18,48
Превеза	–1,47	–8,15	–11,19
Фессалия	–5,49	–11,32	–13,55
Лариса	–6,87	–11,85	–15,76
Магнисия	–5,98	–12,48	–13,85
Трикала	–7,25	–14,11	–15,69
Кардица	–1,87	–6,85	–8,90
Центр. Греция	1,88	–16,71	–11,08
Фтиотида	4,93	–3,88	–8,48

Эвритания	6,92	0,01	-5,37
Фокида	9,21	3,22	-2,63
Беотия	-5,25	-16,90	-19,77
Эвбея	-6,40	-16,52	-19,16
Ионические о-ва	-7,64	-19,02	-23,32
Керкира	-13,85	-22,01	-21,20
Левкада	-5,88	-15,54	-24,27
Кефалонья	-3,99	-18,91	-27,87
Закинф	-6,83	-19,62	-19,93
Зап. Греция	-5,98	-16,19	-18,32
Этолоакарнания	-1,34	-10,36	-14,80
Ахайя	-11,77	-22,81	-24,41
Элея	-4,83	-15,41	-15,75
Аттика	-3,75	-12,29	-20,62
Афины 1	7,87	-0,27	-13,59
Афины 2	-10,19	-17,77	-26,95
Пирей 1	2,91	-6,11	-14,30
Пирей 2	-21,27	-29,78	-33,66
О. Аттика	1,94	-7,52	-14,58
Пелопоннес	11,19	4,66	-0,03
Коринфия	5,23	-3,55	-8,94
Арголида	10,14	3,96	0,22
Аркадия	4,56	-3,32	-9,47
Мессения	11,54	6,99	3,50
Лакония	24,48	19,21	14,54
Сев. Эгейский бассейн	-10,86	-19,64	-22,68
Лесбос	-20,57	-25,49	-30,27
Хиос	-3,18	-12,66	-16,43
Самос	-8,84	-20,76	-21,35
Юж. Эгейский бассейн	-3,38	-13,15	-16,76
Киклады	5,39	-5,81	-11,06
Додеканезы	-12,16	-20,48	-22,45
Крит	-19,81	-27,63	-31,96
Ханья	-18,75	-23,96	-30,49
Ретимно	-9,59	-19,13	-23,72
Ираклио	-29,26	-37,11	-38,86
Ласифи	-21,63	-30,33	-34,76

SUMMARY

Blows from the West and from the East terminated the thousand-year existence of the Byzantine Empire. Without their own statehood the Greeks had to adapt to new conditions of their being. The Greek ethnic element had survived both in the Ottoman Empire and the West. The Greeks have successfully retained their faith and culture.

The Orthodox Church played an important part in this survival. The Ottoman political structure favored the Church, supported its conservation as a social institute and granted it some privileges. The Greeks kept all the branches of church administration under their thumb therefore they were in the most advantageous position among the other Christian peoples of the Ottoman Empire. For several centuries the Church remained the principal custodian of the national tradition and the written language, the main source of knowledge about the world and human life for Hellenism. In European countries, especially Venice, the Greeks could be admitted to universities. Little by little the principals of the western rationalistic Weltanschauung followed by relevant educational standards began to penetrate into the Greek society in the Ottoman Empire.

The Ottoman control over the chief trade routes in the Mediterranean as well as Greek domination in some sectors of commerce promoted the strengthening of the Greek merchant class and prosperity of the settlements with considerable Greek population. Accumulated capitals were partially invested in education and later — in armament and preparation for antitürkish revolt. The epoch of economic recovery of Hellenism concurred with the beginning of the structural crisis in the Ottoman Empire.

Being the conquered nation the Greeks were deprived of access to power, but later they managed to integrate into both Venetian and Ottoman political elites. The access to power structures gave the Greeks an important experience of political activities, which was later used in the Republic of Seven United Islands and the statecraft of the 1820–1830s.

Under the influence of the West European Enlightenment among the educated Greeks in the 18th century started a new intellectual movement resulted in creation of new discourse that contested some of traditional values. We call this discourse ethnocentric. Gaining strength gradually it became the main political discourse in the Greek independent state and was a basis for the national ideology called Megale Idea. New discourse promoted spreading of the new West European cultural paradigm that replaced the old Byzantine-Ottoman one in the Greek society.

The ethnocentric discourse played an important part in preparation for the revolution of 1821. The period of revolutionary drama was the time of actualizing the idea of the Greek independent state and discussing the forms of its being. At first there was no consensus among the Greeks on this issue: some of them imagined the future state as a West European nation-state, while the others followed the Byzantine-Ottoman tradition. The triumph of the first point of view was supported by the great powers. But the newborn state united only a quarter of the Greek population in its confines. The national ideology became the basis of its claims for the other Ottoman possessions. But the idea of Greek nation-state was not popular with the Ottoman Greeks. Hellenism began to divide into two parts. The great powers supported this process.

The sense of the Megale Idea had been already used in political programs in the 1830–1840s, before the inventing of the very term. By this time two main trends in political programming can be outlined: the way of “the organic work” (internal reforms) and of “the armed struggle” (outward expansion). Both trends can be traced in the guidelines of all of three “parties” — English, French and Russian. The combination of both trends in political credo of Colettis’ fatria that was one of the branches of the French “party” turned out the most productive. Colettis’ tactics gained much popularity because he managed to adapt his slogans to changing circumstances. Therefore Colettis’ fatria was called “the national party”, it won the 1844 elections and became the ruling party. By that time the Megale Idea had become the main base for the Greek foreign-policy doctrine valid until the Asia Minor catastrophe of the 1920s.

In the 19th century the most exciting period for both trends was the 1870–1890s, when two parties dominated in the Greek political life. The first one was of Coumoundouros — Deligianis. It represented the strata of rich landowners, financial and commercial business. The second one was the Fifth party of Tricoupis, which represented the industrial bourgeoisie, intellectuals and prosperous peasantry. In the 1870–early 1880s both parties acted mainly in Colettis’ manner: they adjusted their programs to rapidly changing circumstances. At that time the way of “the organic work” was preferable. Only the international crises of 1877–1878 and 1885–1886 provided the opportunities for realizing the way of “the armed struggle”. But from the late 1880s both parties passed on to well-defined guidelines: Tricoupis is identified with

the way of “the organic work” meanwhile Deligianis with the way of “the armed struggle”. The implementation of their programs was not effective. On the one hand Tricoupis’ economic reforms badly damaged the finances of the Kingdom of Greece and led it to bankruptcy. On the other hand the Greek–Turkish war of 1897 provoked by Deligianis and his government was shamefully lost.

But the defeat of 1897 did not inflict any damage of the Megale Idea. On the contrary its popularity increased. At the beginning of the 20th century it influenced the Struggle in Macedonia with such figures as Ion Dragoumis and Germanos Caravangelis. Later (until the 1930s) Venizelos became the main bearer of the Megale Idea. For a small period he was a partisan of “the organic work” way. Already in 1912 Greece became a participant of an armed conflict in the Balkans. For the next five years following the events on the international scene Venizelos had to concentrate on the foreign policy. In 1917 he resumed the reforms planned earlier, without missing an opportunity to get new territories. The Sevres Treaty (1920) granting Constantinople and a part of Asia Minor to the Greeks was the last success of Venizelos on the way of the actualization of the Megale Idea as a program of the outward expansion. But the liberals lost the 1920 parliamentary elections. The new government of Protopapadakis organized a military expedition (1920–1922) to protect Greek population of Asia Minor and satisfy the claims of Greece in accordance with the conditions of the Sevres Treaty. The defeat of this expedition called “the catastrophe of Asia Minor” tremendously affected all the future of Hellenism. The Greeks not only lost their presence in Asia Minor, but also had to give up the hope of further acquiring those territories. An exchange of populations’ agreement was an important term of the peace treaty with Turkey (1923). After this ethnoterritorial demarcation Greece could not more use the necessity of unyoking the co-ethnics principle as a fundamental of its foreign policy. The Megale Idea was defeated as a foreign-policy doctrine, but survived as an ideology.

Venizelos came to power again in the 1928–1932 and returned to his former policy of creation of “strong Greece” by internal reforms. In fact the authoritarian dictator Metaxas (1936–1941) continued this policy. He developed the conception of “the Third Greek Civilization” that succeeded the Ancient Greek and the Byzantine ones, aiming at creation of “strong Greece” that would be able to resist both harmful influence of western democracies and the growing claims of totalitarian regimes.

The ideology of “the Third Greek Civilization” was the first attempt of making a new type of the Megale Idea that had to correct the shortcomings of its previous versions. This trend was continued by the dictatorial regime of Colonels (1967–1974). It created and began the implementation of a conception of “Modern Great Greece”. The ideologies of two regimes had much in common. The main difference was that the Colonels used revolutionary symbols and rhetoric, which was not typical for Metaxas’ regime. One more version of this type of the Megale Idea can be found in the “Romanity theory” though it still remains out of politics.

The occupation of Greece by the Axis member-countries and the posterior civil war brought about fatal consequences: in the early 1950s the country was poverty-ridden and exhausted. The implementation of Truman Doctrine made Greece dependent on the USA. The Yalta system of international relations stabilized political boundaries in Europe. In these favourable for “the organic work” conception conditions “the armed struggle” one became active in form of the Cyprus Question. From the 1950s Greece has been fighting for Cyprus using different methods.

The second half of the 1970s was the epoch of radical changes in Greece. At that time the country finally got rid of monarchy and passed to republic. Also its political system has substantially changed. It retained only one party founded before 1974 — the Communist party. The other ones including the two giants, PASOK and New Democracy, appeared after the downfall of the Colonels’ dictatorship. The Megale Idea lost its status of the official ideology, but has not disappeared altogether. The national values became closely interwoven with the Liberal Democratic ones.

The early 1990s produced new political programs based on the Megale Idea under the influence of the changing geopolitical situation in the Balkans. The events of 1989–1991 denied the habitual for the last decades conception of stabile political boundaries in Europe and inspired the outward expansion partisans with new hopes. The fall of the international socialist system placed Greece in very advantageous position: it was regarded as a bulwark of civilization in the Balkans because of its membership in NATO and the European Community.

Now we can estimate the role of the idea of nation in the Greek history when the Modern Greek state was created and made its progress. This idea became a fundamental of the national ideology and the foreign-policy doctrine. There is no unambiguous answer to the question what had appeared earlier, the national ideology or the nation-state. As we have seen, the formation of ethnocentric discourse in Greek case had started when they had no their own statehood. But we can hardly find any ethnocentric based ideology at that period. The ideology-making process was at the beginning. The revival of the Greek statehood in the

form of a nation-state became possible because of the influence of international affairs rather than of the national ideology.

The real formation of the national ideology occurred in already existing nation-state due to interaction and reciprocal influence with it. The state supported the national ideology, promoted its development and finally made it its own ideology. The national ideology in its turn substantiated the existence of the Greek state just in the form of nation-state, letting it use its governing and mobilizing potential. In the 19th century the national ideology became a basis for most of the political programs and a fundamental of the country's foreign-policy doctrine.

The Orthodox Church played an unusual part in the Greek national statecraft. Many scholars wrote about the Church's contribution to safeguard the Greek national identity during the Ottoman period. But the special status of the Church in Ottoman Empire had not only this effect. At the time of the formation of the ethnocentric discourse there appeared a tendency toward identification of religious and national identities and later the perception of the Orthodoxy as a Greek national faith.

The Orthodoxy demonstrated once again its amazing adaptability to the external environment and succeeded in finding its place within a nation-state. It did not happen at once: the church reform of Bavarian Regency threatened to deprive the state of such a powerful ally as the Church. But later the relations between the Church and the state changed for the better. Therefore the state ideology could use the mobilizing potential of the Orthodoxy, exploiting its perception as the national faith. It was successfully done in the Greek-Bulgarian church conflict, by the Greek propaganda in Macedonia, in the struggle for Athos. In all these cases we can speak about the usage of religion and church as an ethno-differentiating criterion, but we can find no evidence of the orthodox values used as ideological fundamentals.

The mobilizing potential of the Church began to weaken during the interwar period because of inventing a new type mass ideology making technique. This trend became stronger after the World War II. The Colonels' regime tried to revive the sociopolitical status of the Church and to use again the Orthodoxy as a significant component of the state ideology.

After 1974 a secular model of state guided the new state ideology. This factor and general decrease of religiousness in Europe, particularly in Greece, resulted in the decline of the sociopolitical role of the Church. It lost its significance for the state ideology. Although sometimes the societal influence of the Church is still weighty. For many Greeks indifferent to religious questions the Orthodoxy has remained a component of the national identity.

The recurrence of the national ideology in political programs at the end of the 20th century demonstrates its still powerful potential. But the question is whether it may be constructive in the modern conditions. This fear is grounded on the analysis of the previous experience as well as the current situation in the other Balkan states, where we can find the simultaneous revival of national ideologies. Utilizing the old forms of the Megale Idea (outward expansion) by the Greeks and their neighbours inevitably causes conflicts, as it was demonstrated by the Macedonian question in the 1990s. The "civilization" forms of national ideologies are less aggressive. Although the revival of national ideology in all its forms in the 1990s is the answer to the requirements of the epoch. The growing European integration and globalization excited the fear for cultural and national identities. Trying to resist this danger intellectual and political elites of the Balkan countries appealed to national ideologies. The downfall of the Yalta system restored the danger to stability of political boundaries and provoked the application of the national ideology to defend frontiers of the Balkan states.

The Balkan mixed population as well as demarcation principles in the region conditioned the growth of this danger. In spite of all the declarations about national self-determination, the real frontiers were designated to meet political and economic interests of the great powers ignoring the real ethnic map of the region. The posterior exchanges of populations could resolve the problem of minorities only partially. As a result a nation-state in the Balkans remained an ideal model that was far from the reality. Therefore even at the end of the 20th century the Balkans still were "the powder barrel of Europe".

Now, after great catastrophes with millions of victims, it is doubtful whether the idea of nation was constructive in the Greek case. Despite all its negative effects we can say, yes, it was. The Greek state owes its very existence to the idea of nation. This idea supported the survival of the young state, its expansion, economic and cultural development. In the 19th century there were some doubts whether Greece was the main line for the Greek nation, but the 20th century dissipated them entirely. Now Greece is one of atypical countries of the Mediterranean region, where we can hardly find any separatist movement. While its neighbours are moving to disintegration with unforeseen consequences, Greece still remains a unitary state and aspires to retain its historical and cultural originality in defiance of globalization and intensification of European integration.

GREEK NATION AND STATE (18–20 c.)

STUDIES IN POLITICAL HISTORY

Contents

The Sons of Hellas (preface)	7
Introduction	11
Part I. From the Ottoman province to an independent state	19
Greeks under the Ottoman rule	20
The age of the conquest	20
Inside the new state	35
The withering of the Empire and the new flourishing of Greeks	50
Under the Venetian rule	65
Between the Lion and the Crescent	65
Inside the Republic of St.Mark	79
The Republic of Seven United Islands	95
Church, Education, Enlightenment	100
The Church after Byzantium: traditions and innovations	100
From the medieval scholarship to the Enlightenment	119
Revolution of 1821	147
On the way to revolt	147
Revolution or War of Independence?	155
Civil wars	180
The first president	193
Ex ungue leonem	203
Happy birthday!	217
Part II. The first decade of independence	223
Bavarian rule	224
The first steps: the Regency and the protoparties	224
“Russian party” and the national interests	256
The Church and politics	269
Prophecies about the future renaissance of Byzantium	294
Revolution of 1843	303
New temptations: the Eastern crisis of 1839 and party struggle	303
The “Megale idea” and the age of romanticism	323
Revolution or coup d’état?	334
The national question and constitutional reforms	350
The outcome of the first decade	367

Part III. The small Kingdom and the “Megale idea”	371
New acquisitions	372
Between the two revolutions	372
The new monarchy...	387
... And the new territories	404
At the turn of the century	423
The dreams are coming true	433
Struggles for Macedonia and Crete	433
The spirit of the age	450
The lucky star of Venizelos	469
The national question on the Mount Athos	480
At the gate of Constantinople	493
The catastrophe	505
Causes of the tragedy	516
Part IV. After the catastrophe	519
The age of dictators	520
Searching for new ways	520
“The Third Greek Civilization”	527
Following the routs of the War	542
“The Philosophers’ State”	558
Democracy in Greece	575
After the Dictatorship	575
Political programs of 1990-s	592
Among the “great ideas”	603
Greek Dream at the end of 20th century	623
The “Megale idea” in its symbols	623
Schools and History	637
The Church and the Neopaganism	643
Romanity — Romania — Romanides	655
The revival of the “Megale idea”	675
Conclusion	678
Bibliography	684
Appendices	692

Научное издание

Ольга Евгениевна Петрунина

**ГРЕЧЕСКАЯ НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО В XVIII–XX вв.
ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Монография

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректоры *Федотова А. А., Юрьева В. И.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Луценко Н. Ю.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подп. в печать 15.09.09.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arno Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 60,27. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «КДУ».
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс (495) 939-40-51.
www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80.
www.gipp.kirov.ru; e-mail: pto@gipp.kirov.ru